Мезолит СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б. А. РЫБАКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ

академик Б. А. РЫБАКОВ (главный редактор)

Р. М. МУНЧАЕВ (зам. главного редактора)

В. А. БАШИЛОВ (зам. главного редактора)

П. Г. ГАЙДУКОВ (ответственный секретарь)

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1989

А32

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Мезолит СССР

Ответственный редактор тома
Л. В. КОЛЬЦОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1989

ББК 63.4(2)
А 87

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

* ПАЛЕОЛИТ СССР
1984
МЕЗОЛИТ СССР
НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР
* ЭНЕОЛИТ СССР
1983
ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА
ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
* ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
1987
* ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ
1985
* АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
1984
* СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
1989
СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
* ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII вв.
1982
* ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО
1985
ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
* ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
1987
* СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
1981
КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой отмечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода тома.

А 87

Археология СССР. Мезолит СССР.—М.: Наука, 1989.—352 с.
ISBN 5—02—009952—X

В книге изложена история населения нашей страны с конца X по VI тысячелетие до н. э., как она представляется по археологическим материалам. В ней подводятся итоги многолетних исследований советских археологов в области изучения мезолита.

Том содержит описание основных мезолитических памятников на территории СССР: каменных орудий, жилищ, хозяйственных сооружений, предметов погребального обряда и древнего искусства.

Для археологов, историков, этнографов, палеогеографов, краеведов, преподавателей и студентов-историков.

ББК 63.4 (2)

Авторы тома:
Н. О. БАДЕР
Н. Н. ГУРИНА
П. М. ДОЛУХАНОВ
Л. В. КОЛЬЦОВ
Г. Ф. КОРОБКОВА
Г. Н. МАТЮШИН
Г. И. МЕДВЕДЕВ
А. Н. МЕЛЕНТЬЕВ
С. В. ОШИБКИНА
Ю. Б. СЕРИКОВ
А. Н. СОРОКИН
В. Ф. СТАРКОВ
Д. Я. ТЕЛЕГИН
В. И. ТИМОФЕЕВ
Л. Д. ЦЕРЕТЕЛИ

Рецензенты:
кандидат исторических наук
Н. О. БАДЕР,
кандидат исторических наук
С. В. СТУДЗИТСКАЯ

А $\frac{0507000000—003}{042\,(02)—89}$ **Подписное**

ISBN 5—02—009952—X

© Издательство «Наука», 1989

Введение

Мезолит — наименее изученная эпоха каменного века. Впервые этот термин для обозначения комплексов каменных орудий, занимающих промежуточное положение между палеолитом и неолитом, был употреблен Алленом Брауном (Clark, 1980) в 1893 г. В советскую археологическую литературу он был введен в современном значении М. Я. Рудинским (Рудинський, 1928). Однако закрепился он только в 50-х годах, после посмертной статьи М. В. Воеводского (Воеводский, 1950). Тем не менее до сих пор можно встретить эквиваленты этого термина — эпипалеолит, голоценовый палеолит и т. д. Больше того, в нашей литературе дебатировался вопрос о правомерности выделения мезолитической эпохи как таковой (см., например: Рогачев, 1966).

В настоящем томе мы поставили своей задачей не только дать исчерпывающие сведения о раннеголоценовых памятниках каменного века, но показать, какие специфические черты определяют самобытное лицо мезолитической эпохи, что делает необходимым выделение мезолита как самостоятельной эпохи каменного века. Для этого необходимо оценить мезолит с четырех позиций (как, впрочем, и всякую другую эпоху), проанализировав: 1) особенности материальной культуры мезолитических комплексов (включая характер жилищ и поселений); 2) основные экономические признаки; 3) вероятную социальную структуру коллективов, оставивших мезолитические инвентари; 4) хронологическое положение мезолита.

В области материальной культуры мезолит выделяется прежде всего высочайшим развитием техники отделения ножевидных пластин, включая получение микропластинок. В это же время получает наибольшее в каменном веке распространение изготовление орудий на ножевидных пластинах. Широко употребляется производство различных микролитов, в том числе орудий геометрических форм — сегментов, трапеций, треугольников, прямоугольников, параллелограммов. Развивается микрорезцовая техника, применявшаяся для изготовления микролитов. Широко распространяется изготовление рубящих орудий — топоров, тесел, долот, макролитических специализированных орудий — мотыг и кайл. В ряде мезолитических культур появляется техника шлифовки каменных орудий, а также техника сверления и пиления.

Более разнообразной по сравнению с палеолитом становится костяная индустрия. В стоянках мезолитического времени встречаются разнообразные костяные и роговые гарпуны, наконечники стрел и копий, кинжалы, ножи, топоры и тесла, муфты для них и т. д. Ряд форм этих орудий был изобретен только в мезолите.

Происходят изменения в характере искусства. Менее распространены наскальные росписи, столь характерные для позднего палеолита. Искусство приобретает схематизированный характер. Широко развиваются геометрические узоры. Основными элементами орнамента являются линии, точки, штрихи, елочки, зигзаги, сетки и т. д. Очень часто для нанесения орнамента используется техника прорезания и сверления. Распространена мелкая пластика, состоящая из зооморфных и антропоморфных изображений.

Меняются и жилища, и сами поселения по сравнению с позднепалеолитическими. Большинство мезолитических поселений временные, чаще всего это сезонные стоянки с тонким культурным слоем, бедным находками. Крупные поселения встречаются крайне редко. Остатки жилищ, найденные при раскопках, как правило, представлены временными шалашевидными постройками, жилища типа позднепалеолитических землянок или полуземлянок встречаются только в северных, холодных регионах.

Таковы особенности мезолитической материальной культуры. Она характеризуется как развитием и видоизменением некоторых палеолитических технических и технологических приемов, так и появлением новых, изобретенных в мезолите форм орудий и способов их изготовления.

Основой экономики, как и в позднепалеолитическое время, остается охота (в этом есть несомненная преемственность с предшествующим временем). Однако ее характер резко меняется, прежде всего потому, что меняется по сравнению с поздним палеолитом способ адаптации человека к изменившейся природной среде. Лук, изобретенный еще в позднем палеолите, утверждается в качестве основного охотничьего вооружения. Разнообразны формы вкладышевого охотничьего вооружения, почти неизвестные в позднем палеолите. Объекты охоты в мезолите зависят от экологической ниши, в которой размещалось население той или иной мезолитической культуры. Загонная охота, столь распространенная в палеолите, сохраняется, вероятно, только как ее эпизодическая форма. Возникают новые, специфические формы охоты, как, например, специальная охота на птицу в позднем мезолите. Такое развитие различных форм охотничьего хозяйства незнакомо палеолитическому человеку. Оно предполагает расцвет присваивающего хозяйства, что, в свою очередь, привело в конце концов к созданию предпосылок получения избыточного продукта, характерного для неолита, уже на этом уровне развития экономики.

Именно в мезолите целенаправленным, а не эпизодическим становится рыболовство, что подтверждается изобретением лодок, сетей, верш и т. д. Возможно, в мезолите получают начало некоторые формы

доместикации животных, во всяком случае распространены домашние собаки. Усложняется собирательство, получая при этом в зависимости от экологической ниши обитания той или иной культуры своеобразный характер.

Таким образом, и в экономическом аспекте мезолит отличается от позднего палеолита как способами и приемами охоты, так и появлением и началом развития новых отраслей хозяйства.

Изменяется, по-видимому, по сравнению с поздним палеолитом и социальная организация мезолитического населения. Прежде всего бросается в глаза увеличение количества мезолитических культур. Если, например, на территории современной лесной зоны Европы в конце палеолита можно выделить не более пяти культур, то в раннем мезолите их здесь уже 12, а в позднем число их становится еще больше, доходя по крайней мере до 25. Это явление объясняется не только экологическими причинами, т. е. расселением разных групп мезолитического населения в различных микроэкологических условиях, что вызывало бурное развитие одних элементов культуры и деградацию или затухание других. Объяснение увеличению количества культур в мезолите следует, наверное, искать и в области собственно социальных явлений. Одним из таких объяснений может служить внутреннее численное сокращение в раннем мезолите по сравнению с поздним палеолитом первичных социально-производственных ячеек (может быть, от родовой к семейной общине). Вместе с тем увеличивается число более крупных социальных объединений. Разумеется, и экологические, и социальные причины этого явления тесно переплетены и ни в коем случае нельзя их разрывать. Более полное освоение природных ресурсов в результате максимального развития присваивающего хозяйства в позднем мезолите приводит, вероятно, к демографическому скачку в это время, что, в свою очередь, вело к дальнейшему дроблению крупных социальных единиц и появлению большего количества археологических культур.

На современном уровне наших знаний о мезолите кажется более реальным оперировать термином «социально-производственная ячейка», чем употреблять широко известные определения, принятые для отражения социальных отношений в первобытном обществе,— семья, род, племя, группа племен и т. д. Археологические материалы не всегда могут дать действительное отображение социальных отношений в мезолите. Поэтому мы предпочитаем осторожные определения более точным. Тем не менее применительно к мезолиту можно говорить только о первобытнообщинном общественном устройстве.

Проблема хронологии отдельных мезолитических культур более подробно будет освещена в соответствующих разделах. Здесь мы только хотим подчеркнуть промежуточное между палеолитом и неолитом хронологическое положение мезолита, а также раннеголоценовое (преимущественно) развитие большинства мезолитических культур.

В советской археологической литературе намечаются два подхода к пониманию мезолита. Одни специалисты расценивают его как культурно-исторический промежуточный этап между палеолитом и неолитом. Другие рассматривают его только с хронологических позиций. Думается, что самым правильным было бы объединение этих двух точек зрения с учетом культурно-исторических изменений в эпоху мезолита по сравнению с палеолитом на фоне глобальных изменений климата, растительности, животного мира и других экологических проявлений. Начало мезолита должно, вероятно, совпадать с началом голоцена или быть несколько раньше его. Конец мезолита в разных районах СССР, видимо, будет попадать на разное время. Формы перехода к неолиту в разных природных зонах различны. Если в степной зоне это переход от присваивающего хозяйства (охота, рыболовство, собирательство) к производящему (земледелие, животноводство), то в лесной зоне это дальнейшее, на более высокой ступени развитие присваивающего хозяйства, но уже с уклоном в сторону рыболовства, а не охоты (в ряде мест и в лесной зоне намечается переход к скотоводству). И там и тут основным результатом хозяйственной деятельности в неолите становится создание избыточного продукта, т. е. части продукта, не поступающего непосредственно в сферу потребления. Это одно из главных, если не самое главное, отличий мезолита от неолита. Если в позднем мезолите только создаются предпосылки для этого, то в неолитическую эпоху этот существенный вклад в экономику первобытного общества осуществляется на деле.

Отличия между неолитом и мезолитом прослеживаются и в других позициях, характеризующих эти эпохи. В области материальной культуры это проявляется в сокращении роли производства ножевидных пластин и микролитов, в замене этих технологических операций техникой двусторонней обработки; этот процесс начинается местами уже в мезолите. Почти повсеместно начало неолита совпадает с появлением керамики. В области социальной структуры изменения сводятся к укрупнению социально-производственных коллективов в неолитическом обществе и увеличению оседлости. Несколько сложнее обстоит дело с хронологией. Это объясняется запаздыванием перехода от мезолита к неолиту в северных частях Евразии по сравнению с южными. Поэтому обнаруживается сосуществование северных мезолитических и южных неолитических культур.

Исходя из всего сказанного, мы предлагаем следующее определение мезолита: мезолит — это раннеголоценовая эпоха каменного века, характеризующаяся особыми чертами адаптации человека к природной среде, определяющимися всесторонним и дифференцированным развитием присваивающего хозяйства, которое выражается в наибольшем развитии микролитизации в каменном инвентаре, усовершенствовании экономики применительно к способам присваивающего хозяйства, создающем предпосылки для получения впоследствии избыточного продукта, дроблением социальных коллективов при подвижном образе жизни.

Общей периодизации мезолитической эпохи в настоящее время практически еще не выработано. Однако на первом симпозиуме по мезолиту Европы в Варшаве в 1973 г. было принято двучленное деле-

ние мезолита — на ранний и поздний. Хронологически в значительной мере это деление совпадает с датами климатических периодов: памятники пребореального и бореального периодов относятся к раннему мезолиту, памятники антлантического периода — к позднему. Такое деление, как нам кажется, оправданно и культурно-исторически. В раннем мезолите в каменных инвентарях стоянок еще велика доля палеолитических элементов, в позднем — местами появляются элементы неолитической техники обработки камня. Поэтому в настоящем выпуске в основном принимается тоже двучленное деление мезолита.

Как уже говорилось, в мезолите СССР выделено значительное количество археологических культур. Под термином «археологическая культура» здесь понимается группа археологических памятников, имеющая культурное, хронологическое и территориальное единство. Социальное значение такого единства требует еще своего объяснения. Родственные археологические культуры, имеющие близкое территориальное и хронологическое распространение, объединяются нами в культурные общности. О признаках и причинах выделения культур и культурных общностей подробно говорится в соответствующих разделах выпуска.

Необходимо кратко остановиться на истории изучения мезолита СССР. Первые мезолитические памятники на территории нашей страны были практически одновременно открыты в двух регионах в 70-х годах прошлого века — в Крыму К. С. Мережковским и в Волго-Окском бассейне известным русским почвоведом В. В. Докучаевым. Уже в первой сводке по каменному веку России, написанной А. С. Уваровым, приводились материалы некоторых из них (Уваров, 1881). В конце XIX — начале XX в. был открыт ряд памятников мезолитического времени в разных регионах нашей страны.

Накопление данных о мезолите Европейской части страны позволило П. П. Ефименко сделать первую попытку обобщения имевшегося материала (Ефименко, 1924). Правда, он называл тогда мезолит ранним неолитом. Это вполне объяснимо, поскольку в то время в нашей литературе не употреблялся термин «мезолит». Но уже в те годы П. П. Ефименко правильно понял разницу между описываемыми материалами, с одной стороны, и известными палеолитическими и неолитическими находками — с другой. Он верно оценил и различия между мезолитическими материалами разных районов Восточной Европы, разделив эту территорию на три основные зоны. К первой южной зоне им были отнесены памятники с геометрическими микролитами, ко второй — западных районов нашей страны, к третьей — известные к моменту написания статьи в Волго-Окском междуречье. Эта схема имела в то время очень большое значение. Она совершенно правильно показывала различия в характере материальной культуры мезолитических памятников разных областей.

Огромный размах социалистического строительства в годы первых пятилеток и развертывание в связи с этим новых полевых исследований привели к открытию и исследованию ряда мезолитических памятников Восточной Европы. Здесь в первую очередь следует отметить работы Г. А. Бонч-Осмоловского, О. Н. Бадера, С. Н. Бибикова, Д. А. Крайнова в Крыму, О. Н. Бадера, П. Н. Третьякова в центре Русской равнины, К. М. Поликарповича в западных областях РСФСР и Белоруссии, И. Ф. Левицкого, М. Я. Рудинского, Н. В. Сибилева на территории степной и лесостепной Украины. В числе исследованных в то время поселений такие важные стоянки, как Скнятино, Соболево, Коприно, Шан-Коба, Мурзак-Коба, Фатьма-Коба, Сюрень II, Кукрек.

Эти открытия позволили М. В. Воеводскому выступить с двумя статьями, в которых он обобщил все накопившиеся до того времени материалы по мезолиту (Воеводский, 1934, 1940). Была четко сформулирована мысль о выделении между палеолитом и неолитом определенного пласта памятников, отличающихся от памятников двух указанных эпох каменного века. М. В. Воеводский называл эти памятники эпипалеолитическими. В свете господствовавших в то время представлений он предложил назвать эту группу памятников свидерско-азильской стадией каменного века Восточной Европы. Ученый впервые дал краткий очерк способов ведения хозяйства мезолитического человека, подчеркнув, что создавшаяся в Восточной Европе после отступления ледника экологическая обстановка вынуждала людей вести подвижный образ жизни для удовлетворения своих насущных бытовых нужд. М. В. Воеводским были сформулированы положения о социальном устройстве первобытных людей в послеледниковое время. Он считал, что создавшиеся экологические условия и способ ведения хозяйства в мезолитическое время вызвали к жизни дробление социальных коллективов и формирование мелких социальных ячеек как основы социальных отношений.

В третьей статье М. В. Воеводского, незаконченной и опубликованной после его смерти, но писавшейся на материалах, полученных в основном между мировыми войнами, впервые сформулировано положение об археологических культурах эпохи мезолита (Воеводский, 1950). Даже на относительно небольших материалах, имевшихся в его распоряжении, М. В. Воеводский сумел блистательно показать существование ряда мезолитических культур на территории Восточной Европы, их различия между собой. Он пытался построить первую периодизацию мезолитических стоянок СССР. Однако крайне незначительный материал, положенный в основу этой периодизации, придает ей в наши дни чисто исторический интерес. Тем не менее эта работа важна, поскольку она ставит проблему культурного деления мезолитических памятников.

После Великой Отечественной войны размах работ по изучению мезолитических памятников Восточной Европы еще более возрос. На карте появилось сразу несколько новых мезолитических регионов: Предуралье, Среднее Поволжье, Северо-Восток Европейской части СССР. Увеличился объем работ по изучению мезолита и в ранее известных районах — Прибалтике, Волго-Окском междуречье, Белоруссии, на Украине. Среди полевых работ в это время следует отметить исследования Н. Н. Гуриной, Г. А. Панкрушева в Карелии, Р. К. Риман-

тене, Ф. А. Загорскиса, Л. Ю. Янитса, Н. Н. Гуриной, В. Ф. Исаенко, В. Ф. Копытина в Прибалтике и Белоруссии, Д. А. Крайнова, Л. В. Кольцова в Волго-Окском междуречье, С. В. Ошибкиной на Северо-Востоке Европейской части СССР, О. Н. Бадера, Г. Н. Матюшина в Предуралье, А. Х. Халикова, М. Г. Косменко в Среднем Поволжье, Д. Я. Телегина, А. П. Черныша, В. Н. Станко и др. на Украине. Были выявлены и раскопаны десятки мезолитических стоянок и несколько могильников этого времени. Среди них следует отметить такие памятники, как Пулли в Эстонии, Звейниеки в Латвии, Несиловичи, Крумплево, Яново в Белоруссии, Ивановское, Бутово, Иенево, Дмитровское, Тихоново в Волго-Окском бассейне, Огурдино, Романовка, Ильмурзино в Предуралье, Веретье на Севере, Игрень 8, Таценки, Гиржево, Мирное, Фрумушика на Украине, Русско-Луговская II, Деуково II в Среднем Поволжье и др.

В 50—60-х годах создалась возможность обобщения вновь добытых материалов. Ряд работ вопросам мезолита посвящает А. А. Формозов, итоги которых подведены в монографии, посвященной этнокультурным проблемам каменного века (Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959). В ней он сопоставляет мезолит с «высшей ступенью „эпохи" дикости» по периодизации Ф. Энгельса, определяя его границы от изобретения лука и стрел до появления керамики. В работе приводится характеристика хозяйства мезолитического времени и показывается его отличие от экономики эпохи палеолита. С изменениями в хозяйстве связываются изменения в социальной структуре общества. Подчеркивается мысль о сложении племенной организации в мезолитическую эпоху. Но основной упор в этой работе делается на попытке восстановления этнокультурной картины мезолитического времени на территории Восточной Европы.

Поддерживается идея П. П. Ефименко о существовании трех больших культурных областей в мезолитическое время. Новым является положение о делении этих крупных культурных общностей на ряд более мелких единиц, соответствующих понятию «археологическая культура», которые должны, по мысли автора, отражать племенную картину социальной организации. Эта работа положила начало новым направлениям в изучении мезолита — проблемам этноса применительно к этой эпохе и культурного деления мезолитического населения Восточной Европы.

В 60—70-х годах появились работы, обобщающие итоги изучения памятников ряда регионов Восточной Европы. Среди них следует отметить работы Л. В. Кольцова о мезолите Волго-Окского междуречья (Кольцов, 1965 а, б) и Н. О. Бадера о мезолите Крыма и Кавказа (Бадер, 1966а), А. А. Формозова о Кавказе (Формозов, 1963). А. Х. Халиков предложил обобщение мезолита Среднего Поволжья (Халиков, 1969). Вышла в свет книга Р. К. Римантене о мезолите Литвы (1971). Вторично материалы Среднего Поволжья обработал М. Г. Косменко (Косменко, 1972б).

В 1970 г. мезолитические материалы, добытые до тех пор, подверглись еще одному обобщению. Это была работа Н. О. Бадера «Мезолит» в книге «Каменный век на территории СССР». В ней содержались оценка двух подходов в советской литературе к мезолиту, характеристика хозяйства в это время и социальной организации населения. Автор стоял на позициях племенной организации мезолитических людей, дал краткий очерк их идеологических представлений. Основное место в работе было уделено характеристике мезолитических культур и памятников отдельных регионов Советского Союза. Недостатком ее являлась неравномерность характеристики материалов эпохи мезолита разных районов: основное внимание автором было обращено на описание мезолита Юга Европейской части, в то время как остальные регионы характеризовались скупо.

Последняя работа А. А. Формозова, посвященная общим вопросам каменного века Восточной Европы, в основном базировалась на тех общих положениях, которые были высказаны автором раньше (Формозов, 1977). В ней в значительной мере повторены положения о больших этнокультурных областях в мезолите на указанной территории (Формозов, 1977).

Во второй половине 70—80-х годов было издано несколько больших работ, посвященных мезолиту ряда районов Восточной Европы: Г. Н. Матюшина (1976) о мезолите Южного Урала, Л. В. Кольцова (1977) о Прибалтике и Белоруссии, А. П. Черныша (1975), Д. Я. Телегина (1982, 1985), В. Н. Станко (1982), Л. Л. Зализняка (1984) об Украине, С. В. Ошибкиной (1983) о мезолите Севера Восточной Европы, Г. А. Панкрушева (1978а) о Карелии. Появление этих исследований еще более расширило наши представления о мезолите Европейской части СССР.

История изучения мезолита Кавказа связана с именами Б. А. Куфтина, С. Н. Замятнина, А. А. Формозова, В. Г. Котовича, А. Н. Каландадзе, Л. Н. Соловьева, Д. А. Крайнова, Л. И. Маруашвили, Н. З. Бердзенишвили, В. П. Любина, Л. Д. Церетели, М. К. Габуния и др. Обобщающие работы по Кавказу писали А. А. Формозов и Н. О. Бадер. В них были показаны различия мезолитических памятников отдельных районов Кавказа и своеобразие культуры Кавказа на фоне смежных территорий. Дальнейшие исследования позволили выделить несколько мезолитических культур в этом регионе.

Мезолит Средней Азии и Казахстана начал изучаться только после Великой Октябрьской социалистической революции. Первые памятники были открыты геологами в 20-х годах. Поскольку мезолитические поселения в этом обширном регионе известны в отдельных районах, целесообразно отметить вклад исследователей в изучение этих районов. В исследовании мезолита Прикаспия велика роль А. П. Окладникова, который раскопал такие важные памятники, как пещера Джебел и Дам-Дам-Чешме 2. Серьезные работы в прикаспийских пещерах проведены Г. Е. Марковым. Ряд памятников Прибалхашья исследовала экспедиция Мандельштама, в которой принимали участие Л. Я. Крижевская

и Г. Ф. Коробкова. Несколько стоянок описал П. И. Борисковский. Усть-Урту посвятили свои работы А. В. Виноградов, Е. Б. Бижанов. Мезолитом Узбекистана и Таджикистана занимались А. П. Окладников, В. А. Ранов, Г. Ф. Коробкова, А. В. Виноградов, У. И. Исламов, Ю. А. Заднепровский, В. И. Тимофеев и др., они исследовали такие интереснейшие памятники, как, например, пещеры Обишир, Мачай, открытые стоянки в Гиссарской долине, стоянка Кушилиш, многочисленные памятники в Ферганской долине, поселения в Центральных Кызылкумах. При этом удалось выделить несколько самостоятельных мезолитических культур. Памятникам мезолита Памира посвятил свои работы В. А. Ранов, которому удалось исследовать ряд важных поселений в горных районах. Над изучением мезолита Казахстана работали Х. А. Алпысбаев и В. Ф. Зайберт, выявившие группу местонахождений.

Обобщающие работы по мезолиту Средней Азии принадлежат перу А. П. Окладникова и Г. Ф. Коробковой. В них ставятся вопросы о культурном членении мезолита региона, его происхождении, направлении культурных связей.

История изучения мезолита Сибири и Дальнего Востока тоже не очень длинна, хотя первые памятники были открыты еще в прошлом веке. До 60-х годов нашего столетия не было опубликовано ни одного серьезного труда о мезолите Сибири. Как трудно было осветить мезолитическое заселение Сибири в то время, видно по обобщающей работе А. П. Окладникова, где он мог только сказать, что мезолит Сибири уходит своими корнями в местный палеолит и не имеет ничего общего с европейским мезолитом (Окладников, 1966б).

В связи с обширностью территории Сибири целесообразно изложить краткую историю отдельных ее регионов. Первые мезолитические памятники были открыты во второй половине прошлого века в Приангарье. Это были Верхоленская Гора в окрестностях Иркутска и ряд поселений в районе сел Бадай и Каменка на Ангаре и ее притоке Белой. Открытия были сделаны М. П. Овчинниковым, А. Е. Еленевым и Н. И. Витковским. В 20-х годах нашего века Верхоленскую Гору и Улан-Хаду на Байкале исследовал Б. Э. Петри, который уже тогда понял особенность инвентаря этих памятников по сравнению с поздним палеолитом. В 30-х годах ряд поселений обследовал М. М. Герасимов. В 50-х годах небольшие раскопки на нескольких стоянках осуществил П. П. Хороших. Тогда же в этих местах работала экспедиция под руководством А. П. Окладникова, исследовавшая несколько памятников, в частности одну из важнейших стоянок мезолита Приангарья — Усть-Белую. Начиная с 60-х годов серьезные работы в Приангарье и Прибайкалье проводила группа иркутских археологов во главе с Г. И. Медведевым: М. П. Аксенов, В. В. Свинин, И. Л. Лежненко, Г. И. Михнюк, Н. А. Савельев, П. Е. Шмыгун, О. И. Горюнова и др. Результатом этих работ было первое обобщение памятников Г. И. Медведевым и целый ряд сборников, два из которых были целиком посвящены мезолиту, а в нескольких других содержались статьи, характеризующие отдельные памятники и общие проблемы прибайкальского мезолита. В итоге получили новое освещение такие важнейшие памятники, как Верхоленская Гора Усть-Белая, Сосновый Бор, Уляха и др.

Новый район мезолита был выявлен исследованиями Ю. А. Мочанова в Якутии, главным образом в бассейне Лены и Алдана. Были открыты стоянки Белькачи I, Сумнагин I, Усть-Тимптон и другие, которые позволили Ю. А. Мочанову выделить сумнагинскую культуру раннеголоценового времени. Правда, он называет ее «голоценовым палеолитом», но сути дела это не меняет (Мочанов, 1977).

Н. Н. Диков открыл несколько интересных памятников на Камчатке (Ушковские стоянки) и в бассейне Верхней Колымы (Диков, 1979). Они пока остаются отдельными точками на карте Северо-Востока СССР, но нужно учитывать, что археологические работы здесь фактически только начинаются.

Некоторые памятники в Забайкалье и в южной части Дальнего Востока исследовались А. П. Окладниковым. Это стоянки Ошурково, Устиновка, Олений I и др. Несколько стоянок в окрестностях Хабаровска изучал М. М. Герасимов. Однако серьезного освещения в литературе они в то время не получили. Правда, А. П. Деревянко вернулся к ним, и в его изложении эти стоянки введены в систему каменного века Дальнего Востока (Деревянко, 1983). Определенный вклад в изучение мезолита Забайкалья внес М. В. Константинов, раскопавший несколько интересных памятников. Краткий очерк мезолитических стоянок Сахалина дал Р. С. Васильевский (1971).

В Западной Сибири, особенно в Зауралье, работали Г. Н. Матюшин, выделивший янгельскую культуру Южного Зауралья (Матюшин, 1976), и Ю. Б. Сериков, изучавший мезолит Среднего Зауралья. В последнее время в Западной Сибири несколько мезолитических памятников исследовал Е. М. Беспрозванный. Эти работы открывают новые мезолитические районы на карте СССР. Несколько своеобразных памятников обнаружил на Таймыре Л. П. Хлобыстин.

Такова в общих чертах история исследования мезолита СССР. Надо еще упомянуть, что итоги исследований до начала 70-х годов были подведены на II мезолитическом совещании в Ленинграде в 1974 г., результатом которого был выпуск «Кратких сообщений Института археологии АН СССР», где публиковалась серия статей, посвященных в основном региональным проблемам.

Главная цель настоящего выпуска — сведение воедино всех известных к 1985 г. данных о мезолитических памятниках Советского Союза. Такая полная сводка в отечественной литературе предпринимается впервые. Поэтому мы стремились дать побольше сведений об отдельных мезолитических памятниках с тем, чтобы читатель смог при необходимости проверить выводы авторов тех или иных разделов книги. Вторая наша цель — дать представление об истории нашей страны в мезолитическую эпоху, об экономике и быте мезолитического человека с максимальным использованием тех довольно скудных фактов, которыми в настоящее время располагает археология.

Особенность мезолитических поселений и могильников в том, что подавляющее большинство их культурных остатков залегает в песчаных почвах, где не сохраняются изделия из органических материалов (из кости и дерева). Поэтому основным источником для восстановления истории первобытных коллективов являются изделия из различных пород камня. Трудности авторов тома заключались и в другой особенности мезолитических памятников: характер образа жизни и быта людей эпохи мезолита, выразившийся в постоянном передвижении и приводивший в конечном итоге к небольшой площади поселений и относительной бедности их культурных наслоений, вынуждает исследователя обрабатывать количественно незначительные комплексы находок, которые вместе с тем бывают иногда очень показательными в силу содержащихся в них отдельных изделий. По этой причине тоже мы старались давать достаточно полное, хотя и короткое описание материалов, найденных при исследовании того или иного памятника.

Основным методом обработки материалов, принятым в томе, является типологический. Статистический метод применяется не во всех случаях. Это связано с тем, что комплексы находок порой статистически несоизмеримы и их статистическая обработка и сравнение могли привести к серьезным ошибкам и искажениям как фактической стороны дела, так и исторической истины. Типология же каменных изделий, равно как и находок из других материалов, дается в сокращенном варианте, чтобы не затруднять читателю восприятие основных выводов авторов. Мы постарались, сколь это было возможно, привести типологические выкладки авторов в одной, повторяем, упрощенной системе, которую читатель легко усвоит при полном прочтении тома.

Глава первая
Природные условия эпохи мезолита на территории СССР

Как следует из современных палеогеографических исследований, на протяжении мезолитической эпохи происходили драматические перестройки всех основных элементов природной среды. Как известно, основные этапы верхнего палеолита совпали с максимальным развитием валдайского оледенения в умеренных широтах (23—13 тысяч лет назад). В это время на свободной ото льда территории Русской равнины удерживался холодный и засушливый климат. Приблизительно 13,5—13 тысяч лет назад началось глобальное позднеледниковое потепление. На фоне общего потепления происходили климатические колебания значительной амплитуды. Наиболее интенсивными потеплениями были фазы: бёллинг (13,2—12,3 тысяч лет назад) и аллерёд (11,9—10,3 тысяч лет назад). Современные палеоклиматические реконструкции, основанные на данных спорово-пыльцевого анализа, изотопно-кислородного анализа морских и пресноводных отложений, а также экологического анализа фауны насекомых, позволяют считать, что на протяжении бёллинга и аллерёда летние температуры в Европе приближались к современным, а зимние были близки к значениям, восстанавливаемым для максимума оледенения (Зубаков, Борзенкова, 1983. С. 169).

По территории Русской равнины на протяжении позднеледниковых потеплений распространялись березовые, сосновые и еловые леса; на юге Псковской обл. встречались теплолюбивые растения, например облепиха (Малаховский, Спиридонова и др., 1976. С. 46). В течение фаз похолодания (ранний, средний и поздний дриас) на территории Европы, включая Восточно-Европейскую равнину, восстанавливались климатические условия, близкие к тем, которые существовали в максимуме последнего оледенения, около 18 тысяч лет назад (июльские температуры не превышали 6—8 °С; Зубаков, Борзенкова, 1983. С. 167). Весьма любопытным обстоятельством является то, что значительные смены климатических условий происходили в позднеледниковое время почти мгновенно, по-видимому на протяжении первых десятилетий.

С конца позднего дриаса (10,3—10,2 тысячи лет назад), принимаемого большинством исследователей за нижнюю границу голоцена, начинается неуклонное потепление климата, приведшее около 8 тысяч лет назад к установлению климатического оптимума. Потепление было весьма значительным. По данным Мёрнера, полученным на основании кислородно-изотопного анализа пресноводных отложений на о-ве Готланд, за промежуток времени 9,7—9,0 тысяч лет назад температуры в этом районе повысились на 15 °С, достигнув современных значений (Mörner, 1980. P. 283—287).

Климатические изменения, происшедшие в начале голоцена, привели к перестройке растительного покрова, в первую очередь исчезновению холодных перигляциальных степей и широкому распространению лесных формаций. Изменения растительности непосредственно отразились на развитии животного мира. При переходе к голоцену вымерло не менее десяти представителей мамонтового фаунистического комплекса. Некоторые виды животных вымерли на юге, но размножились на севере, в зонах тайги и тундры. Широко распространенные в плейстоцене животные — лошадь, бизон, тур, благородный олень — значительно сократили свои ареалы; некоторые распались на лесные и степные формы. В то же время в бореальной зоне значительно увеличились популяции лося, утиных, тетеревиных, рыб и морского зверя (Верещагин, 1971).

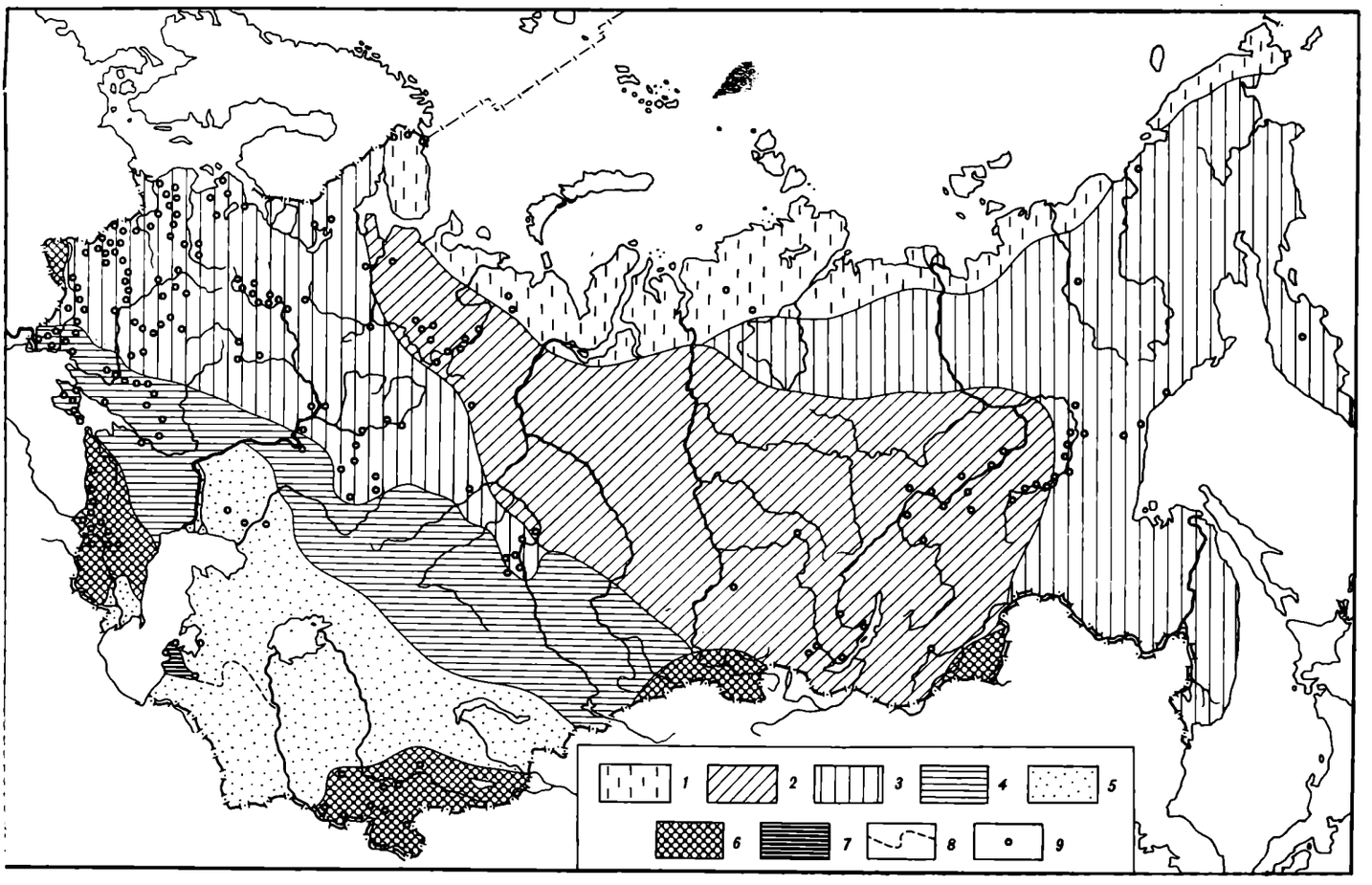
Детальное изучение голоценовых отложений позволило значительно уточнить динамику растительности и климата на протяжении мезолитической эпохи. В течение пребореального периода (10,3—9,7 тысяч лет назад) на северо-западе и в центре Русской равнины преобладали березовые леса. Около 10 тысяч лет назад произошло кратковременное восстановление растительности перигляциального типа («переславское похолодание»; Хотинский, 1977).

На протяжении бореального периода (9,7—8,2 тысяч лет назад) происходит массовое распространение лесных формаций, которые начиная с этого времени занимают господствующее положение в растительном покрове (Хотинский, 1977). В бореальное время преобладающее положение занимали сосновые и березовые леса.

Начиная с 8,2 тысяч лет назад повсеместно в умеренной зоне Северного полушария устанавливаются условия климатического оптимума, сохраняющиеся вплоть до 5—4,5 тысяч лет назад. В это время в высоких широтах средние летние температуры превышали современные на 1,5—2 °С (Mörner, 1980. P. 283—287), а в центральных районах Русской равнины — не менее чем на 2,0—2,5 °С (Авенариус и др., 1978).

Атлантический период в целом, согласно Н. А. Хотинскому (1977), знаменуется значительным сдвигом природных зон Северной Евразии в северном направлении, достигающим 200—400 км. Это время соответствует наибольшему распространению ареала широколиственных лесов на Русской равнине. Полоса широколиственных лесов на западе Русской равнины достигала 1200—1300 км в меридиональном направлении. Широколиственные формации в составе широколиственно-хвойноподтаежных лесов распространялись на 500—600 км к северу от их современного положения (карта 1).

Палинологические и геохронологические исследования, проведенные на территории Сибири и Дальнего Востока, свидетельствуют о том, что «термический максимум» на этой территории соответствует бореальному периоду (9—8 тысяч лет назад). В это время здесь происходит расцвет темнохвойной тай-

Карта 1. Природная обстановка на территории СССР в эпоху мезолита

1 — зона тундры; *2* — бореальная зона; *3* — подзона широколиственных лесов; *4* — степная и лесостепная зоны; *5* — пустынная и полупустынная зоны; *6* — горная растительность; *7* — исчезнувшие водоемы; *8* — исчезнувшие реки; *9* — мезолитические стоянки

ги. Еловые леса проникают далеко на север, в низовья Оби и Енисея, Лены и Яны, Индигирки, господствуют на Енисейском кряже и в Забайкалье. На Дальнем Востоке в это время происходит, по данным Н. А. Хотинского (1977. С. 159—162), максимальное распространение широколиственных пород *.

В начале атлантического периода во многих районах Сибири и Дальнего Востока ощущалось похолодание, сопровождавшееся сокращением темнохвойных лесов. Во вторую половину этого периода (7—4,8 тысяч лет назад) произошло потепление, сопровождавшееся экспансией леса. Темнохвойные леса, в частности, покрывали ранее почти безлесный район среднего течения р. Алдана (Хотинский, 1977. С. 123).

Палинологические данные, полученные для степной и лесостепной зон Украины (Артюшенко, 1970; Артюшенко и др., 1980), свидетельствуют о том, что на протяжении атлантического периода (приблизительно между 8,2 и 6 тысячами лет назад) происходило значительное продвижение широколиственных лесов в южном направлении. Настоящие степи ограничивались узкой полосой побережья Черного моря.

Палеогеографические исследования, проведенные на территории Средней Азии, свидетельствуют о том, что атлантическому периоду здесь отвечает период значительного увлажнения. Выделенный для этого региона лявляканский плювиал сопровождался значительным увеличением суммарного количества осадков, возникновением лесной растительности в долинах рек (тугаи) и в предгорьях, появлением многочисленных постоянных и полупостоянных озерных бассейнов в низменных районах Кызылкумов и Каракумов, а также на плато Усть-Урт (Виноградов, Мамедов, 1975). Продолжительность плювиального периода определяется в 8—4 тысячи лет назад (Долуханов, 1980, 1985).

Изменение природной обстановки на северо-западе Русской равнины в голоцене во многом обусловливалось развитием бассейна Балтийского моря. За счет сочетания двух факторов — эвстатического изменения уровня моря и тектонических движений — очертания, глубины и соленость Балтийского моря на протяжении голоцена неоднократно изменялись.

Наиболее ранним бассейном было Балтийское ледниковое озеро, ограниченное на севере ледником; уровень этого бассейна был выше уровня океана. После прорыва перемычки в средней Швеции около 10200 лет назад Балтика соединялась с океа-

* Следует указать, что, по данным Н. С. Болиховской и др. (1980. С. 254—258), максимальный расцвет широколиственных лесов в Приморье соответствует атлантическому периоду. Климатический оптимум в Японии определяется в период 7600—6500 лет назад (Y suda, 1978. С. 255—256).

ном: образовалось Иольдиевое море. Максимальный подъем уровня этого водоема произошел 9700—9500 лет назад (Кессел, Пуннинг, 1969а, б).

За счет гляциоизостатического подъема Скандинавии около 9200 лет назад Балтика вновь изолировалась от океана; возникло Анциловое озеро.

Около 7200 лет назад в Балтийском бассейне начинается трансгрессия Литоринового моря, вызванная эвстатическим подъемом уровня Мирового океана. Литориновая трансгрессия проявилась в виде ряда последовательных повышений уровня, отражавших общепланетарные колебания уровня Мирового океана.

На побережье Литовской ССР, характеризующемся низкими значениями послеледниковых поднятий, установлено (Gudelis, 1979) четыре литориновые трансгрессии. Максимальный подъем уровня (около 2 м) датирован временем около 5600 лет назад.

Значительное влияние на природную обстановку Северного Причерноморья оказывали колебания уровня Черного моря. На протяжении времени, соответствующего максимальному развитию последнего оледенения Северной Европы, уровень Черного моря понижался на 70—80 м ниже современного. В течение позднеледниковья, раннего и среднего голоцена происходило постепенное повышение уровня — новочерноморская трансгрессия. Максимальных значений (2—3 м над уровнем моря) эта трансгрессия достигала 4,5—4 тысячи лет назад (Федоров, 1978).

На побережье Северного Ледовитого океана сохранились береговые уровни с отметками 3—6 м над уровнем моря, соответствующие голоценовой трансгрессии. Наиболее ранние даты, полученные для этих уровней в районе Анадыря,— около 7 тысяч лет назад (Валпетер, 1982. С. 65).

Голоценовая трансгрессия Тихоокеанского бассейна имела пульсирующий характер. Максимальное поднятие уровня моря привело к образованию террасы с отметками плюс 3—5 м. Наиболее ранний уровень голоценовой трансгрессии датирован на Алеутских островах — около 8250 лет тому назад (Валпетер, 1982. С. 62; Хошберг и др., 1982. С. 924).

Большое значение для жизни первобытного поселения южных районов СССР имели колебания уровня Каспийского моря. После мощной верхнехвалынской трансгрессии (20—10 тысяч лет назад), в ходе которой были затоплены низменные районы Западной Туркмении, Куринская и Прикаспийская низменности, в начале голоцена наступила глубокая Мангышлакская регрессия. Следующее повышение уровня — Новокаспийская трансгрессия произошла около 9 тысяч лет назад. Новокаспийская трансгрессия проявилась в виде пяти последовательных повышений уровня, охвативших практически весь голоцен. Наибольшее повышение уровня (на 8—9 м выше современного, до отметки минус 19—20 м) произошло около 8 тысяч лет назад (Леонтьев, Рычагов, 1982. С. 151).

Существенным обстоятельством было то, что начиная с 9 тысяч лет назад по территории низменных Каракумов протекала мощная речная артерия — Узбой. Воды в эту речную систему поступали из Арало-Сарыкамышского бассейна, который, в свою очередь, питался Амударьей и Сырдарьей; водность этих рек в голоцене была значительно выше современных значений (Кесь и др., 1980; Квасов, 1980).

В течение голоцена происходили колебания уровня ряда озерных водоемов. При этом данные, полученные за последние годы, позволяют считать, что колебания уровней озер, удаленных на значительные расстояния, были синхронными. Более того, оказывается, что озерные трансгрессии на северо-западе Русской равнины происходили одновременно с трансгрессиями Литоринового моря в Балтике. Такие данные получены в настоящее время для трех озерных бассейнов, образовавшихся на месте обширных приледниковых водоемов: Лубанского на востоке Латвии, Усвятского и Жижицкого в Псковской обл.

Устанавливаются следующие колебания уровня: трансгрессия — 7200—6500 лет назад, регрессия — 6500—5000 лет назад, трансгрессия — 5000—4500, регрессия — около 4500, трансгрессия — 4500—4000, регрессия — 4000—3800, трансгрессия — 3800—3700, регрессия — 3700—2500, трансгрессия — 2500—1500 лет назад, регрессия — 1500 лет назад до настоящего времени.

Заселение человеком лесной зоны Европейской части СССР произошло в позднеледниковое время, вскоре после отхода льдов последнего оледенения. Как следует из наблюдений Р. К. Римантене, позднепалеолитические памятники, которые исследователь датирует временем аллерёда и верхнего дриаса, залегают в песчаных отложениях второй и третьей надпойменных террас рек бассейна Немана (Римантене, 1971). Эти террасы соответствуют береговым образованиям обширных водотоков, сбрасывающих воды приледниковых бассейнов в море.

Стоянки со свидерскими наконечниками обнаружены во многих пунктах на северо-западе Русской равнины. В пределах Усвятской котловины на юге Псковской обл. (Микляев, 1971) наконечники свидерского типа были обнаружены на дюнах, развитых на береговых образованиях позднеледникового бассейна, датируемого аллерёдом — верхним дриасом.

В течение пребореального, бореального и первой половины атлантического периода на территории лесной зоны существуют довольно многочисленные мезолитические стоянки. Памятники мезолита известны в бассейне Среднего Днепра, в частности в Киевском Поднепровье и в Полесье. В Поднепровье мезолитические стоянки располагаются обычно на дюнах, развитых на нижних террасах и на пойме (Телегін, 1982).

Мезолитические стоянки многочисленны в Западном Полесье (Исаенко, 1966). Они располагаются на тыльных участках первой надпойменной террасы бассейна Припяти; на дюнных всхолмлениях в пределах низких террас; в отдельных случаях — на второй надпойменной террасе или на склонах коренных берегов. Многие стоянки расположены на останцах коренных берегов, в пределах низких террас верхнего течения Припяти.

Мезолитические памятники на территории Литвы, открытые и исследованные Р. К. Римантене (1971), обычно располагаются на низких террасовых уровнях (на первой надпойменной террасе и на пойме)

Довольно многочисленные мезолитические памятники и в других районах северо-запада Русской равнины. Мезолитические памятники, в частности, были обнаружены в Лубанской котловине, на востоке Латвии. Мезолитические материалы найдены на стоянке Оса, археологически изучены Ф. А. Загорскисом (1967). Стоянка эта находится в отложениях минерального берега обширного торфяного массива, в слоях, фиксирующих начальную стадию трансгрессии озера, происшедшей в начале атлантического периода. Согласно палинологическим данным (Долуханов, Левковская, 1971), в то время на берегах озера были распространены преимущественно сосновые леса, заросли ольхи покрывали более увлажненные участки.

Состав фауны мезолитического слоя Оса достаточно характерен для позднего мезолита Северной Прибалтики. Мезолитические обитатели Лубанской низины охотились преимущественно на лося и на кабана.

Крупные мезолитические стоянки существовали в приморской зоне области последнего оледенения. Ранний мезолитический памятник Пулли был обнаружен в юго-западной Эстонии, на правом берегу р. Пярну, близ г. Синди (Jaanits, 1965; Jaanits, 1975). Находки были сделаны в слое черноватого гумуса и вышележащего древесного торфа. В нижней части органогенных отложений преобладает пыльца березы; в верхней части — пыльца сосны. Образование вышележащих слоистых отложений, видимо, происходило в лагуне Иольдиевого моря. Образцы из контакта слоя гумуса и органогенной толщи были датированы: 9600±120 и 9575±115 лет назад. Образцы из верхней части органогенной толщи датированы 9300±75 и 9285±120 лет назад. В гумусированном слое обнаружена фауна (северный олень, медведь, бобр) и орудия из рога, кости и кремня.

Известная стоянка Кунда (Indreko, 1948) приурочена к обширному торфяному массиву на севере Эстонии. Южная часть массива ограничивается береговыми образованиями позднеледникового бассейна. К северу от г. Кунды, в районе Балтийского Глинта наблюдаются песчаные береговые валы более поздних стадий развития Балтийского моря.

Находки мезолитического возраста были сделаны в опесчаненном торфе, на холме Ламмасмяги, а также непосредственно в озере — в слое озерного мергеля. Находки эти датируются началом бореального времени. Радиоуглеродное датирование образцов обугленной древесины из второго культурного слоя позволило получить даты 8340±280 (ТА-14) и 6015±210 (ТА-16).

Обитатели мезолитической Кунды охотились преимущественно на лося (Паавер, 1965). Большое значение имела охота на тюленя. Огромное количество костей рыб свидетельствует об очень большой роли рыбной ловли в хозяйстве мезолитических обитателей северной Прибалтики.

Крупный мезолитический памятник, относящийся к более позднему времени, обнаружен в пределах г. Нарвы, на высоком коренном берегу р. Нарвы. Детальные раскопки позволили установить на стоянке наличие трех мезолитических культурных слоев, разделенных стерильными прослойками. В составе фауны преобладает лось (55—37%), представлены также благородный олень, косуля, кабан, бурый медведь, тюлень (Паавер, 1965). Для памятника получена серия радиоуглеродных дат (Лийва, Ильвес, Пуннинг, 1974). Наиболее глубокая дата — 7640±180 лет назад (ТА-53); наиболее молодая — 5300±250 лет назад (ТА-7).

Интенсивно был заселен в мезолитическое время бассейн Верхней Волги (Кольцов, 1965б, 1974). Стоянки располагаются на аллювиальных террасах Верхней Волги и Оки. На ранней стадии развития местного мезолита основной охотничьей добычей здесь был северный олень. Поздние стадии мезолита развивались в условиях господства лесной растительности, основными промысловыми животными были лесные животные.

Значительное число памятников мезолита известно в бассейнах Средней Волги и Камы, где эти памятники приурочены преимущественно к первой надпойменной террасе и к песчаным всхолмлениям в пределах поймы (Косменко, 1977).

Известны мезолитические памятники в долинах рек лесного Зауралья (Старков, 1980). Памятники с инвентарем мезолитического типа залегают обычно на поверхности первой надпойменной террасы. Спорово-пыльцевой анализ, выполненный для стоянки Исток II, показал господство сосново-березовых лесов при участии некоторых широколиственных пород. Растительность такого типа характерна для первой половины атлантического периода, что соответствует в этом регионе V тысячелетию до н. э. (Старков, 1980. С. 192).

На территории степной зоны Русской равнины значительное число мезолитических памятников известно в пределах Северного Причерноморья (Станко, 1982). Стоянки приурочены к долинно-балочной сети. Выделяются поселения, расположенные на мысах и высоких площадках на бортах долин (Гиржево), и стоянки, лежащие на низких отметках на пойменных уровнях (Белолесье, Мирное).

Крупное мезолитическое поселение Мирное (Станко, 1982) расположено на высокой пойме р. Дракули, недалеко от впадения ее в лиман Карячка. Как следует из данных спорово-пыльцевого анализа (Пашкевич, 1982. С. 134), во время существования поселения в долине преобладали разнотравнозлаковые степи, образованные злаками, осоками и обильным разнотравьем.

Судя по данным изучения териофауны (Бибикова, 1982. С. 139—164), основными объектами охоты на поселениях Мирное и Гиржево были тур, сайгак и тарпан; охотились также на гидрунтинового осла, благородного оленя и кабана. В то же время в фауне другого мезолитического поселения того же региона — Белолесье преобладал тарпан. Здесь, помимо этого, присутствуют остатки тура и сайгака. Разница в составе фауны мезолитических стоянок Северо-Западного Причерноморья может быть связана с различиями в структуре ландшафтов, в хронологии или в сезонах обитания.

В пределах степного Крыма расположена стоянка Кукрек, культурные слои которой переслаиваются с аллювиальными отложениями р. Зуи. В составе фауны обнаружены только дикие животные: волк, благородный олень, кабан. В большом количестве

представлены раковины Helix. Для нижних слоев стоянки получены радиоуглеродные даты: около 9600 и 7200—7300 лет назад (Телегін, 1982. С. 46, 102—104).

Ряд мезолитических поселений открытого типа обнаружен на Керченском полуострове, в восточном Крыму (Мацкевой, 1977). Палинологическими анализами (Мацкевой, Пашкевич, 1973) установлено, что в мезолитическое время здесь была распространена степная растительность ксеротического типа. В составе фауны преобладали дикая лошадь, дикий осел. Установлено наличие газели, тура, зубра, благородного оленя, дельфина.

Многочисленные пещерные стоянки эпохи мезолита известны в горном Крыму. В составе фауны этих стоянок преобладают сайгак, пещерный лев, гигантский олень (Векилова, 1974).

Своеобразный тип хозяйства мезолитической эпохи, основанный на собирательстве «даров моря», представлен на стоянке Ласпи 7, расположенной на Черноморском побережье в Крыму. Культурный слой этого памятника представлен почти исключительно раковинами Helix. Для стоянки получена большая серия радиоуглеродных дат в пределах 9400—7000 лет назад (Телегін, 1982. С. 46, 90—92). Напомним, что стоянки типа «раковинных куч» в это время были широко распространены на берегах Средиземного моря, Атлантического океана, Северного и Балтийского морей.

Эволюция культуры и хозяйства мезолитического поселения на западе лесостепной зоны прослежена на материалах многослойных стоянок в районе г. Сороки (Маркевич, 1974). Стоянки эти расположены на правом берегу Днестра, в среднем течении реки, где долина имеет каньонообразный характер, и приурочены к отложениям высокой поймы, на высоте около 6 м над уровнем воды.

Памятники сорокской группы археологически подразделяются на две группы: без керамики и с керамикой. К первой группе относятся слои 3 и 2 стоянки Сороки 2 и слой 2 стоянки Сороки 1.

В составе фауны слоя 3 стоянки Сороки 2 дикие особи составляют 81% от общего числа костей, исключая кости домашней собаки. Преобладают кости благородного оленя (55%), кости косули составляют 10%, кабана — 8%, домашней свиньи — 17%. В слое 2 той же стоянки кости диких животных образуют 90% (благородный олень — 48%, косуля — 40%); домашних животных всего 10% (свинья — 5%, корова — 5%). В культурном слое собраны 81 фрагмент рыбьих костей и множество раковин беззубки. Таким образом, основу хозяйства поселений образовывали присваивающие отрасли. Наличие немногочисленных домашних животных объяснялось, по всей вероятности, существованием экономических контактов с земледельческо-скотоводческим населением других районов. Сказанное дает основание рассматривать бескерамические памятники сорокской группы как мезолитические. Слои 3 и 2 стоянки Сороки 2 датированы по C_{14}— 7515±120 и 7420±80 лет назад.

Группа мезолитических стоянок расположена в бассейне среднего Днепра. Многослойная стоянка Осокоревка (Телегін, 1982. С. 75—78) расположена на первой надпойменной террасе балки Осокоревки близ ее впадения в Днепр. В составе фауны определены зубр, тур, дикая лошадь, а также многочисленные кости сома.

Другое многослойное поселение — Игрень 8 расположено на уровне первой надпойменной террасы Днепра в районе Днепропетровска (Добровольский, 1949. С. 243). В составе фауны мезолитического слоя определены тур, бобр, кости рыб. Для поселения получено несколько радиоуглеродных датировок, лежащих в пределах 9290—7000 лет назад (Телегін, 1982. С. 46, 109—112).

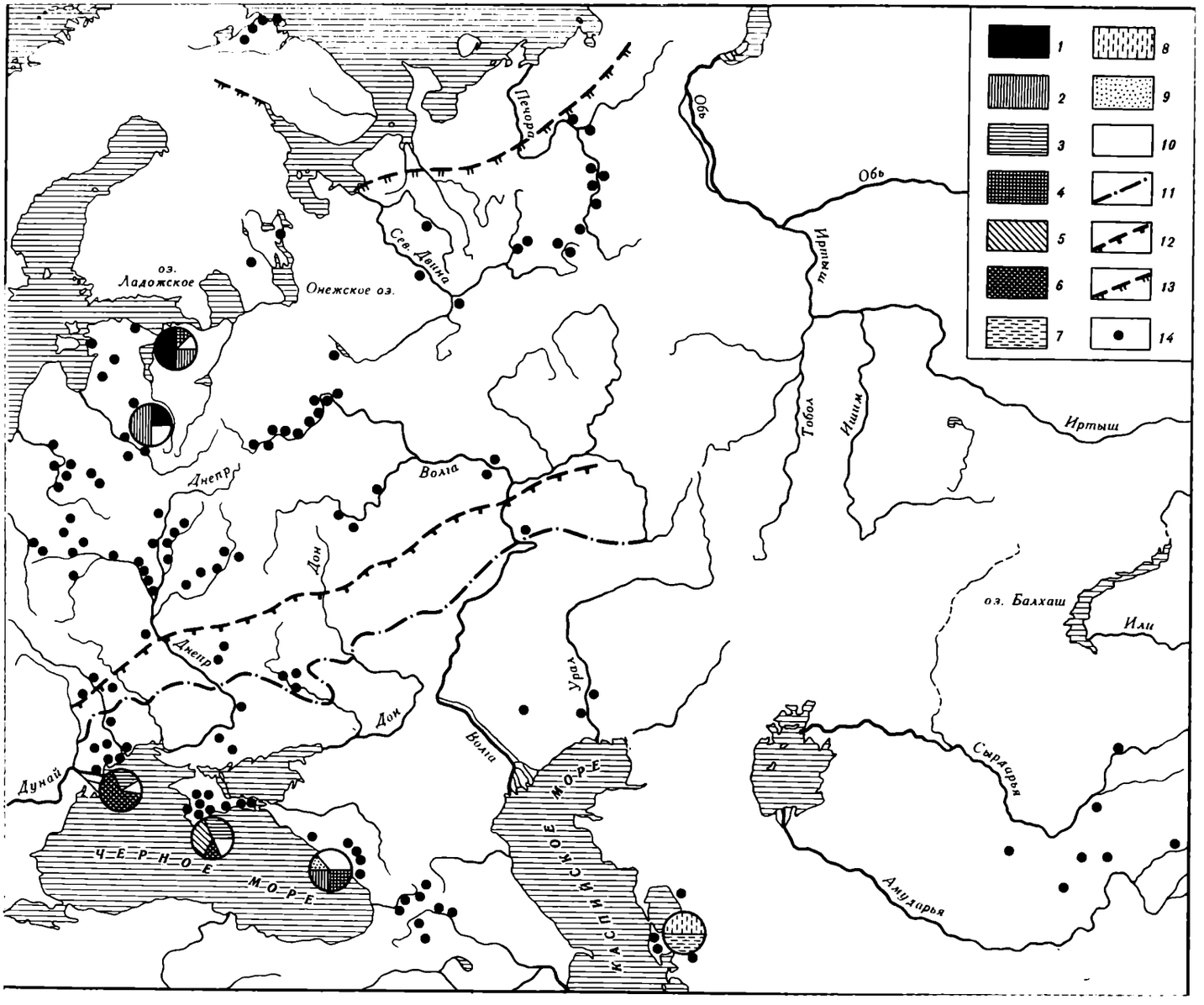
На территории Средней Азии известно в настоящее время не менее 20 стратифицированных мезолитических памятников. Основные их зоны: долины горных рек в межгорных депрессиях высокогорий и среднегорий на востоке Средней Азии; побережье Каспийского моря и склоны хребта Большой Бархан на западе региона. Положение пещерных памятников Мачай, Обишир 1 и 5 достаточно типично для восточной области (Исламов, 1975а, 1980). Пещера Мачай расположена в долине р. Мачайдарья, пересекающей склоны горного хребта в южном Узбекистане. Для культурного слоя памятника получена радиоуглеродная дата: 7550±110 лет назад. Обиширские пещеры расположены на юге Ферганской долины, на берегах ручья, прорезающего плато, прислоненное к горному хребту. Основным промысловым животным мезолитических охотников горных районов на востоке Средней Азии был сибирский козел. Второстепенное значение имели благородный олень, джейран, медведь, волк. В культурных слоях мезолитических памятников этого района определены кости домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота (Исламов, 1975а. С. 111). В литературе высказано представляющееся обоснованным предположение (Виноградов, 1981. С. 138) о том, что эти кости могли попасть в мезолитические слои из более поздних горизонтов.

На территории Таджикистана ряд мезолитических памятников (навесов и открытых местонахождений) расположен на горных реках, пересекающих высокогорные районы Памира (Коробкова, 1977. С. 113). Характерно в этом отношении положение стоянки Ош-Хона, расположенной в долине р. Уйсу на Северном Памире. Палинологическое изучение отложений (Пахомов и др., 1977. С. 61—64) показало, что во время существования стоянки здесь господствовала пустынная растительность с участием Chenopodiaceae, Granineae, Artemisia, Ephedra.

Для культурного слоя получена радиоуглеродная дата: 9530±130 лет назад.

К мезолитической эпохе отнесены нижние слои многослойных пещерных памятников — Джебела, Дам-Дам-Чешме I, II (Окладников, 1966а. С. 59—65). Хозяйство было основано на охоте (джейран, козел), собирательстве и рыбной ловле. Последнее во многом определялось тем, что памятники находились в непосредственной близости от Узбоя. В слоях пещеры Дам-Дам-Чешме определены остатки домашних овец и коз. По мнению А. В. Виноградова (1981. С. 137), отнесение этих находок к мезолитическим слоям является проблематичным.

К мезолиту отнесен нижний слой пещеры Кайлю, расположенной на северном берегу Красноводского залива Каспийского моря (Окладников, 1966а.

Карта 2. Основные виды промысловых животных и среда их обитания в эпоху мезолита

1 — лось; *2* — кабан; *3* — тур; *4* — благородный олень; *5* — косуля; *6* — лошадь; *7* — джейран; *8* — козел; *9* — зубр; *10* — прочие промысловые животные; *11* — южная граница лесостепной зоны; *12* — южная граница лесной зоны; *13* — северная граница тайги; *14* — мезолитические стоянки

С. 59—60). Пещера эта является волноприбойной нишей, образованной в ходе верхнехвалынской трансгрессии. Положение пещеры очень благоприятно как для использования морских ресурсов (рыболовство, собирательство, охота на водоплавающую дичь), так и для охоты на животных — обитателей окраины Красноводского плато.

Многочисленные мезолитические стоянки известны на территории Сибири. Наиболее полная стратиграфическая колонка культур позднего плейстоцена и голоцена была получена в результате комплексного исследования стратифицированных памятников в бассейне р. Алдана. Мезолитической эпохе здесь соответствуют стоянки сумнагинской культуры, отнесенной Ю. А. Мочановым (1969) к «голоценовому палеолиту» *. Радиоуглеродные датировки сумнагинских памятников лежат в пределах 10500/9500—6200±100 лет назад.

Время существования мезолита в бассейне Алдана соответствовало значительным изменениям в растительном покрове. Н. А. Хотинский, основываясь на данных А. И. Поповой (Попова, 1969. С. 199—202), выделяет для мезолитической эпохи следующие растительные фазы: II—IV соответствуют безлесным ландшафтам, на фоне которых происходит постепенное увеличение роли древесных группировок (преимущественно ели), что свидетельствует о потеплении климата; V — максимальному распространению формаций из ели, древовидной березы и лиственницы с одновременным возрастанием значения травянистых группировок (преимущественно полыней) (Хотинский, 1977. С. 115, 116).

* Термин неудачный, ибо мезолитическая эпоха в целом может рассматриваться как хозяйственная макроструктура присваивающего типа, адаптированная к условиям раннего и среднего голоцена.

Основу хозяйства составляла охота на лося. Объектами охоты были также северный олень, бурый медведь и другие тундровые и таежные животные. Рыбная ловля, а также охота на морских животных большого значения не имели.

Палеогеография мезолита Южной Сибири лучше всего прослеживается на материалах долины Ангары (Ермолова, 1978. С. 38—40). Мезолитические слои многослойных памятников здесь приурочены к аллювию первой надпойменной террасы. Анализ фаунистических остатков показывает, что мезолитические обитатели района охотились преимущественно на косулю; распространение этого вида связывается с появлением лиственных лесов. Присутствие в составе охотничьей добычи зубра и лошади свидетельствует о сохранении значительных участков степной растительности.

В мезолитическую эпоху была заселена территория Дальнего Востока. Мезолитические поселения известны в долине Нижнего Амура в районе Хабаровска (Окладников, 1977. С. 117, 118). Особое место занимают мезолитические (докерамические) памятники Приморья (Окладников, 1977; Васильевский, 1982), наиболее ранние из которых датируются временем 8—9 тысяч лет назад. Хозяйство этих поселений было в высокой степени адаптировано к приморским ландшафтам; оно основывалось на рыбной ловле, морском промысле, охоте на водоплавающую дичь в сочетании с собирательством.

К мезолиту отнесены слои стоянок Ушки I, II, IV и V, датированные 8790 лет назад на Камчатке (Диков, 1977а, б; Диков, Титов, 1982). Стоянки расположены на южном берегу Ушковского озера, представляющем собой окраину пьедестала Ключевского вулканического конуса.

В мезолитическую эпоху происходит широкое освоение человеком Заполярья. Мезолитические стоянки располагаются на 10—15-метровой террасе рек бассейна Северной Двины (Верещагина, 1977), а также в старичных торфяниках бассейна Вычегды (Буров, 1967а). Для одного из таких торфяников — Висского была получена серия радиоуглеродных дат в пределах 8000—7000 лет назад (Буров и др., 1972).

Освоение человеком Арктического побережья Кольского полуострова произошло вскоре после отхода последнего ледника, 12—11 тысяч лет назад. Поселение морских охотников, рыболовов и собирателей, относимых к «арктическому палеолиту» или «культуре комса», приурочено к береговым уровням, датируемым 8200—700 лет назад (Гурина и др., 1974). Приблизительно тем же временем датируются мезолитические поселения в Западно-Сибирском Заполярье, на Таймыре, в бассейнах рек Уэле, Анабара, Лены, Индигирки, Колымы, на Чукотке (Хлобыстин, 1982). Бóльшая часть мезолитических поселений в заполярной области соответствует начальным этапам голоценовой трансгрессии океана и сложению биоценозов лесотундрового типа.

Подводя итоги краткому обзору, можно сформулировать следующие выводы:

1. Мезолитическая эпоха в целом соответствует значительному потеплению климата Земли: переходу от условий оледенения к условиям климатического оптимума.

2. На протяжении мезолитической эпохи произошла консолидация современных природно-растительных зон, что сопровождалось значительным перераспределением природных ресурсов.

3. Человек освоил все без исключения природные зоны, хозяйство мезолитической эпохи характеризовалось безраздельным господством присваивающего уклада, причем в различных зонах прослеживаются различия в хозяйственных структурах. Наиболее устойчивые типы хозяйства сложились в пределах бореальной зоны; они основывались преимущественно на эксплуатации природных ресурсов речных долин и озерных котловин. Особый хозяйственный тип образовался в приморской зоне. Эффективность присваивающего хозяйства увеличилась в условиях климатического оптимума, сопровождавшегося экспансией бореальной зоны и повышением биомассы.

4. Менее устойчивыми были типы присваивающего хозяйства, сложившиеся в степной зоне и в предгорьях. Это обстоятельство способствовало раннему распространению присваивающего хозяйства в этих зонах (карта 2).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мезолит Европейской части СССР

Глава вторая
Мезолит Кольского полуострова

Глава третья
Мезолит Карелии

Глава четвертая
Мезолит
центральных и северо-восточных районов
Севера Европейской части СССР

Глава пятая
Мезолит Латвии и Эстонии

Глава шестая
Мезолит Литвы и Белоруссии

Глава седьмая
Мезолит верховьев р. Волги

Глава восьмая
Мезолит Волго-Окского междуречья

Глава девятая
Мезолит Среднего Поволжья

Глава десятая
Мезолит Кавказа

Глава одиннадцатая
Мезолит Юго-Запада СССР

Глава двенадцатая
Мезолит Среднего Приуралья

Глава тринадцатая
Мезолит Южного Приуралья

Глава вторая
Мезолит Кольского полуострова

Из всех областей Советского Союза, пожалуй, наиболее оригинален мезолит Кольского полуострова и Карелии. Вместе с тем он очень близок мезолиту Финляндии и Норвегии, хотя каждый из этих регионов в отдельности обладает своими особенностями.

Причина, вызвавшая общие черты мезолитической культуры на огромной по площади территории, кроется в сходстве экологии этого региона Фенноскандии, гористой, сложенной гранитами и гнейсами, пережившей интенсивное оледенение и значительно дольше, чем другие районы, оставшейся под ледяным панцирем. Наиболее близкими по характеру природной среды в эпоху мезолита являлись северная Норвегия и Кольский п-ов. Достаточно близкими были им северная Карелия и северная Финляндия. Суровые природные условия, сильно каменистые, покрытые валунами пространства, слабый почвенный покров, большие скальные участки, вовсе лишенные почвы и растительности,— таков общий характер природной среды этих областей. Хотя в климатических условиях периода мезолита, совпадающего здесь с концом пребореального—началом атлантического времени, и произошли общие улучшения по сравнению с послеледниковым временем, однако северное побережье Скандинавии и Кольского п-ова, как и теперь, было занято тундрой. Только в некотором удалении от берега могли произрастать березовые и сосновые леса.

Огромное значение имели здесь море и ледниковые озера, уже в эпоху мезолита являвшиеся важным источником существования людей. Этот фактор оказал решающее влияние на расположение стоянок, занимавших наиболее близкие к морю террасы. Данное обстоятельство оказывает известную помощь исследователям в разработке метода определения возраста древних поселений.

Второй важной особенностью, наложившей общий отпечаток на мезолитическую культуру указанной территории, явилось отсутствие доступных запасов кремневого сырья для изготовления орудий и распространение кварцев, кварцитов, горного хрусталя. Кварц и кварцит вызывали известное единообразие техники расщепления и в очень сильной степени ограничивали ассортимент и типы орудий. Кварцевые и кварцитовые орудия в силу ограниченности приемов изготовления и функциональности имеют много общих черт, что порождает известное единообразие в облике всей мезолитической индустрии.

Указанные специфические черты названных регионов создают ряд трудностей для исследователей. Так, слабый процесс почвообразования обусловил залегание культурных остатков, в ряде случаев едва прикрытых почвенным слоем или непосредственно на дневной поверхности. При этом, естественно, исчезает всякая возможность стратиграфии и наблюдений над бытовыми комплексами (остатками жилищ, хозяйственных сооружений), а также сохранности органических остатков, что в большой мере сокращает и без того скудные сведения о характере материальной культуры древнего населения и лишает возможности абсолютной датировки. При такой ситуации исследователю мезолитических памятников, в особенности северо-западного побережья Кольского п-ова, где в наибольшем количестве сосредоточены мезолитические памятники, практически приходится иметь дело лишь с каменными орудиями, находящимися или непосредственно на поверхности береговых валов, или в их галечниках, не опускающихся ниже 0,10—0,15 м. Несколько более глубокое залегание (до 0,40—0,45 м) прослеживается на стоянках, обнаруженных в глубине материка на побережье рек Патсойоки и Шуонийоки и в южной части полуострова. В первом случае наблюдения ограничиваются лишь фиксацией находок на площади стоянки, что помогает выявить распределение культурных остатков в ее пределах вплоть до контуров жилых сооружений. При раскопках же памятников, расположенных в глубине полуострова, появляется возможность более подробной информации.

Впервые применяемый здесь метод хронологии по высотным отметкам был разработан скандинавскими учеными А. Нуммедалем и Т. Таннером, исследовавшими археологические памятники в области распространения поздне-послеледниковых морских террас восточного Финнмаркена и Печенгского р-на. Детализация его и конкретное применение для более широкой территории были сделаны Б. Ф. Земляковым (1936а, б, 1937а, б, 1940), позже — Б. И. Кошечкиным и С. А. Стрелковым (Гурина, 1971, 1973а; Гурина, Кошечкин, Стрелков, 1974).

Поселения древнего человека возникали на морских террасах по мере освобождения их из-под воды, вблизи устьев рек и ручьев — источников пресной воды. В связи с этим более древние памятники оказываются расположенными на более древних и соответственно более высоких террасах. Таким образом, возраст стоянок устанавливается исходя из расположения их на высоте, которой по эпейрогеническому спектру соответствует положение определенно датированной береговой линии этой части побережья. Учитывая это, приходится сделать общий вывод, что возраст археологических памятников всегда моложе береговой линии, к которой они приурочены, при этом, как считают геологи, можно предполагать, что хронологический разрыв между формированием береговых линий и возникновением стоянок должен увеличиваться в глубь геологического времени.

Наибольшее число поздне-послеледниковых бе-

реговых линий насчитывается на побережье Норвегии и западной части Кольского п-ова, где высотное положение их является наивысшим. Так, верхняя морская граница позднеледникового бассейна располагается в этих районах на отметках 125—130 м, к востоку же (за исключением небольших участков) она снижается до 75—80 м (соответственно снижается и уровень более молодых береговых линий).

Основываясь на результатах работы исследований на северном и южном побережьях Кольского п-ова, а также соседней территории — Норвегии, можно прийти к выводу, что мезолитические памятники оказываются приуроченными к береговым линиям, сформировавшимся в период от конца пребореального времени до начала атлантики, располагаясь на террасах высотой от 90 до 25 м. Таким образом, хронологический диапазон их определяется в пределах 7000—6500 лет — до конца V тысячелетия до н. э.

Значительное количество мезолитических памятников, известных в настоящее время на Кольском п-ове, сосредоточено в его северо-западной части — на Рыбачьем п-ове и на границе с Норвегией по рекам Патсойоки, Шуонийоки, Колосйоки, а также в более восточной части северного побережья — в устьях рек Печенги, Западной Лицы, в районе пос. Дальние Зеленцы, по рекам Рында, Золотая, Харловка, в бухтах Черной, Лумбовской и на южном побережье Кольского п-ова — по рекам Нива, Варзуга, близ Пялицы. В общей сложности насчитывается свыше 70 памятников (карта 3).

Впервые к исследованию мезолита Рыбачьего п-ова в пределах границ Советского Союза обратился геолог Б. Ф. Земляков в 1935 и 1937 гг. Позже работы были продолжены Н. Н. Гуриной совместно с геологом Б. И. Кошечкиным. В последующие годы исследованиями была охвачена значительная часть побережья полуострова, что привело к открытию серии мезолитических стоянок в указанных пунктах. В результате всех исследований в настоящее время появилась возможность не только составить общее представление об освоении Кольского п-ова в столь ранний хронологический период, но и проследить развитие каменной индустрии мезолитического населения на различных этапах, а также выявить некоторые локальные особенности ее в пределах отдельных регионов.

В целом мезолитическую индустрию Кольского п-ова, за редким исключением, характеризует небольшой размер орудий, а в поздний период, в особенности в восточных районах (в южной и северной частях побережья),— ярко выраженная микролитоидность. Второй характерной особенностью является широкое использование техники резцового скола, в ряде случаев заменяющего ретушь. В некоторых памятниках на раннем этапе мезолита она является господствующей. С помощью коротких и узких или узких и длинных, а в отдельных памятниках широких и длинных сколов не только оформляется режущая кромка резца, но и сужаются иногда черешковая часть насада, острие наконечников стрел или тыльная часть скребков. По всей вероятности, эта черта лишь отчасти может объясняться свойством кварца, который легче поддается сколам, нежели ретушированию, поскольку в период неолита и в более позднее время, с увеличением опыта в изготовлении орудий из кварца, при их обработке начинает широко применяться ретуширование.

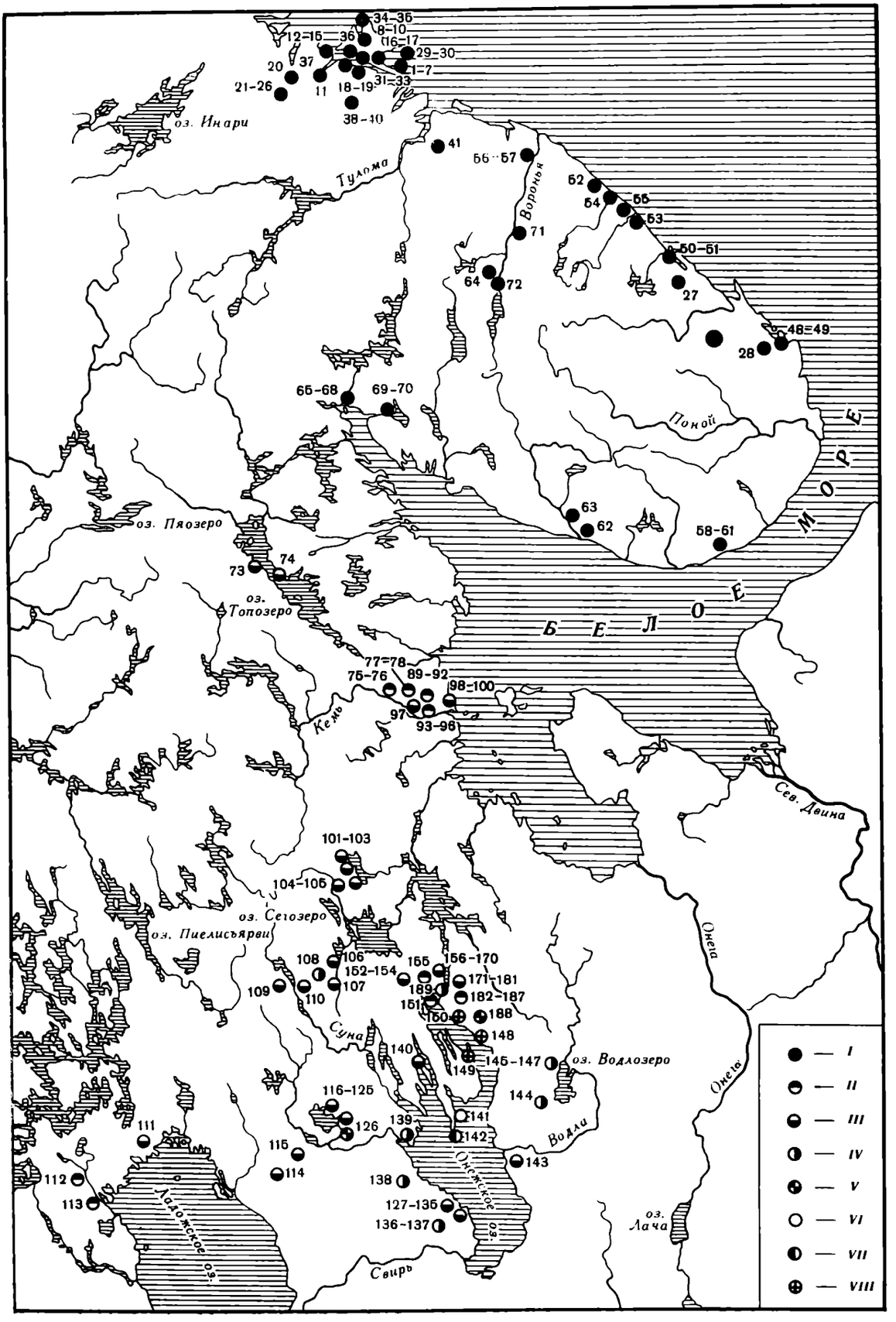
Нуклеусы встречены призматические одно- и двуплощадочные с прямыми площадками, с круговым скалыванием пластин или отщепов, подконические, одноплощадочные с прямыми площадками, с круговым скалыванием пластин и отщепов, аморфные от отщепов.

Среди оригинальных черт мезолита Кольского п-ва и сопредельных (западной и южной) областей наблюдается достаточно широкое распространение особой категории кварцевых орудий, к которым (в соответствии с функциональным назначением) наиболее правильно применить термин «долотовидные скобели». Они бывают разного размера, в ряде случаев не превышают 1,5 см. Общей чертой этой категории орудий является характер обработки, которая делает их сходными с палеолитическими долотовидными орудиями, известными под названием pièces écaillées, только кольские орудия значительно разнообразнее. Все они изготовлены из разновидностей кварца, реже кварцита, известны лишь в полной мере единичные случаи, когда для этих орудий использован кремень и несколько чаще горный хрусталь (табл. 1).

Количественный анализ материала показывает, что в целом в мезолитическую эпоху на Кольском п-ове преобладающей категорией являлись скребковидные орудия (табл. 1) (скребки, долотовидные скобели, скребла) различной величины и формы и резцы (табл. 2), однако на различных этапах в их соотношении наблюдались заметные различия. В раннем мезолите резцы преобладали над скребками, тогда как в позднем заметно господство скребущих орудий. Прослеживается и постепенное увеличение числа крупных рубящих орудий, хотя в целом они по-прежнему бесспорно уступают первенство скребкам и резцам.

В развитом и позднем мезолите начинает применяться, хотя и в очень ограниченном количестве, за исключением западного района, сланец, чаще встречается горный хрусталь, кремень, использованный в виде мелких галек (на что указывает большой процент отщепов с сохранившейся коркой), очевидно собранных древними людьми в устьях ближайших ручьев и речек. Вследствие этого количество кремневых орудий в различных районах неодинаково — их больше в восточных районах, однако и здесь весьма ограниченно.

Абсолютное преобладание кварца наложило определенный отпечаток на характер наконечников стрел (табл. 2). Для них характерна малая величина, преимущественно короткие пропорции, разнообразие очертаний: в основном неправильная форма — подовальная, подтреугольная, подромбическая и вовсе аморфная. Определяющей чертой их является обработка пера, чаще всего по одному продольному краю довольно крутой ретушью, и весьма частое применение резцовых сколов, оформляющих черешок или острие, изредка перо. Индивидуальность проявляется и в обработке черешка и пера, при этом даже в пределах одного памятника, где наконечники встречены в большем количестве (Чер-

34–35
8–10
12–16
36
16–17
29–30
20
37
1–7
31–33
21–26
11
18–19
38–40
оз. Инари
41
56–57
Тулома
Воронья
52
54
55
53
71
50–51
64
72
27
48–49
28
65–68
69–70
Поной
Б Е Л О Е М О Р Е
оз. Пяозеро
63
62
58–61
74
73
оз. Топозеро
77–78
75–76
89–92
98–100
97
93–96
Кемь
Сев. Двина
101–103
104–105
оз. Сегозеро
оз. Пиелисъярви
Онега
108
106
152–154
155
156–170
171–181
109
107
110
189
182–187
151
150
188
148
Суна
140
145–147
оз. Водлозеро
149
144
116–125
126
139
141
142
Водла
Онежское оз.
111
115
114
143
112
138
113
127–135
136–137
Ладожское оз.
Свирь
оз. Лача
I — I
II — II
III — III
IV — IV
V — V
VI — VI
VII — VII
VIII — VIII

ная Речка I). Они изготовлены здесь, помимо кварца и горного хрусталя, также из кремня.

В обобщенном виде среди наконечников стрел можно выделить следующие типы: I — асимметрично-черешковые, имеющие по форме пера и степени обработки множество вариантов; II — симметрично-черешковые; III — поперечно-лезвийные, на широком пластинчатом отщепе с усеченным лезвием, ретушированным со спинки и по широкому черешку; среди них встречаются трапециевидные; IV — ромбовидные; V — иволистные; VI — случайной формы. Возможно, наконечниками стрел были острия со сходящимися ретушированными краями.

Скребки имеют в основном небольшую величину и часто случайные форму и степень обработки. Только на позднем этапе мезолита они приобретают более правильные округлые, подтреугольные или подчетырехугольные очертания. Ретушь становится регулярной и занимает более широкие участки края. Скребки (табл. 1) изготавливались на отщепах, осколках и пластинах. По типам они делятся на концевые, подокруглые, округлые, боковые. Концевые скребки, в свою очередь, подразделяются на несколько разновидностей: обычные концевые, скошенные с выступом, с ретушированными боковыми краями, двойные. Встречается комбинация скребка с другими категориями орудий: с резцом, ножом или скобелем.

Многочисленной категорией орудий являются резцы от очень мелких (1 см) до крупных (7 см), массивных, встречающихся очень редко (табл. 2). Выделяются следующие типы: срединные, срединные со смещением лезвия от центральной оси заготовки, угловые, поперечные.

Крупные рубящие орудия (преимущественно тесла) очень немногочисленны. В более ранний период мезолита они изготовлялись из кварцевых и кварцитовых галек с минимальной подправкой грубыми сколами с более тонкого конца, предназначенного служить в качестве лезвия. Иногда обработка размещалась по всей поверхности, в результате чего орудию придавалась миндалевидная форма, вследствие чего оно приобретало сходство с архаическими нижнепалеолитическими рубилами. Лишь в более поздний этап мезолита, с включением в качестве поделочного материала сланца, в том числе кремнистого, рубящие орудия стали изготовляться из крупных отщепов, обработанных лишь частично, в основном по лезвию. Но и в это время они представлены в ничтожном количестве (табл. 4).

Среди прочих орудий можно выделить, в известной мере условно, категорию ножей, проколок и сверл (табл. 3), поскольку в силу указанных свойств кварца порой трудно отличить ножи от скребков и почти невозможно — проколки от сверл. Их число в процентном отношении очень невелико.

Следует отметить единичные находки трапеций и более частые вкладышей (табл. 3), обнаруженных на южном (Пялица, Варзуга) и северном (бухта Ивановская) побережье Кольского п-ова.

При изучении мезолита Кольского п-ова одним из сложных вопросов является расчленение его на различные хронологические этапы. Имеющиеся в настоящее время материалы нельзя считать вполне достаточными. В этом плане могут быть использованы лишь следующие источники: высотные данные стоянок над уровнем моря, степень близости к раннеолитическим комплексам этого региона и степень совершенства обработки орудий, при этом сопоставляемых в пределах одного и того же материала (кварца, сланца, кремня и горного хрусталя), поскольку их свойства весьма различны. Сравнение этих показателей взятых в комплексе, позволяет достаточно надежно выделить два периода — ранний и поздний, точное же отграничение среднего периода пока менее достоверно, поскольку, как мы увидим далее, это связано с необходимостью уяснения наличия локальных вариантов.

На стадии современного исследования можно констатировать определенную концентрацию памятников в пределах микрорайонов, которые объединяются в более крупные территориальные группы: 1 — северо-западная приморская, приуроченная к морскому побережью — на о-ве Рыбачьем в районе Большая Мотка, Цып-Наволок, Эйно-Губа и приле-

Карта 3. Мезолитические памятники Кольского п-ова и Карелии

1—7 — Цып-Наволок IV, VI, Ха, XII—XV; *8—10* — Большая Мотка II, VII, XXIIа; *11* — Растиниеми; *12—15* — Долгая Щель I, Ia, II, IIa; *16, 17* — Большая Мотка XIX, XXII; *18, 19* — Амбарная I, II; *20* — Колосйоки III; *21—26* — Шуйонийоки I—VI; *27* — Черная I; *28* — Лумбовка III; *29, 30* — Цып-Наволок VII, X; *31—33* — Большая Мотка I, VI, XVII; *34, 35* — Вайда I, II; *36* — Малая Волоковая; *37* — Печенга II; *38—40* — Западная Липа II, III, V; *41* — Каменное озеро II; *42* — Колосйоки I; *43* — Патсойоки; *44* — Нялявр; *45—47* — Куэтсявр I—III; *48—49* — Лумбовка I—II; *50—51* — Морская I, II; *52* — Красная I; *53* — Харловка IX; *54* — Рында XII; *55* — Золотая VI; *56—57* — Серебрянская I, III; *58—61* — Пялица I, VIII, XIII, XIV; *62* — Кузомень XXII; *63* — Голые Горы III; *64* — Нивка; *65—68* — Нива XIII, XIV, XVIII, XIX; *69, 70* — Колвица I, II; *71* — Уйма; *72* — Нивка; *73* — Софьянга II; *74* — Софпорог; *75, 76* — Кривопорожская I, II; *77—88* — Авнепорог I—XII; *89—92* — Подужемская I, Ia, IIa, III; *93—96* — Вочаж I—IV; *97* — Подужемская II; *98—100* — Путкинская V, Va, VI; *101—103* — Коргуба V, VI, Ондозеро; *104, 105* — Елмозеро; *106, 107* — Селецкое IV, VI; *108* — Селецкое V; *109* — Кудомгуба VII; *110* — Чудозеро XII; *111* — Мейери; *112* — Бурная; *113* — Килпола; *114* — Салостров III; *115* — Камень-Наволок I; *116—125* — Малая Суна V, XVI, Сулгу IV, IX, Кудома I, Кудомозеро VII—XI; *126* — Сямозерский могильник; *127—135* — Шелтозеро III, VI, X, XIV—XVI, XXII, XXIV; *136, 137* — Шелтозеро XXV, XXVI; *138* — Уя II; *139* — Ялгуба V; *140* — Пегрема VIII; *141* — Олений остров в Онежском озере; *142* — Олений остров на южном Оленьем острове, у северного конца Большого Климецкого острова; *143* — Бесов Нос VI; *144* — Усть-Охтома; *145—147* — Нижняя Колонжа II, Илекса III, IV; *148* — Черная губа; *149* — Ажеп-Наволок; *150* — Оров-Наволок I; *151* — Костище; *152—154* — Медвежьегорская I—III; *155* — Медвежья гора X; *156—170* — Медвежья гора V, VIII, Пиндуши IV—IX, XI, XIVa, XV, XVII, XVIII, XXIII, Сандермоха III, XVI—XVII, Вой-Наволок XVI—XIX; Повенецкая I—III; *171—181* — Черная губа II, XI, XIII, XV, XVIII, XIX, XX, Оров-Наволок IX, XI, XII, XIV; *182—187* — Мянь-гора I, II, Повенецкая IV, V, Повенчанка I, II; *188* — Черная губа (могильник); *189* — Пиндуши XIV; *I* — стоянки культуры комса; *II* — раннемезолитическая стоянка с кварцевым инвентарем; *III* — позднемезолитическая стоянка с кварцево-сланцевым инвентарем; *IV* — мезолитическая стоянка с кремневым инвентарем; *V* — мезолитический могильник с кварцево-сланцевым инвентарем; *VI* — мезолитическая стоянка со смешанным кварцево-кремнево-сланцевым инвентарем; *VII* — мезолитический могильник с кремневым инвентарем; *VIII* — одиночное погребение эпохи мезолита с кварцево-сланцевым инвентарем

гающим к нему заливам: бухта Малая Волоковая, Долгая Щель, Амбарная, Растиниеми, а также близ устьев рек Печенга, Западная Липа; 2 — западная группа стоянок, приуроченная к побережью рек Шуонийоки, Колосйоки, Патсойоки и прилегающих озер Куэтсявр, Нялявр и др.; 3 — северо-восточная, в которую в настоящее время мы включаем группу стоянок, удаленных на значительное расстояние друг от друга, в бухтах при впадении крупных рек и более мелких речек вблизи Дальних Зеленцов, рек Рында, Золотая, Харловка, Черная (в бухте Ивановская) и Лумбовка; 4 — южная группа, куда входят стоянки по рекам Варзуга, Кица, Нива и на Колвицком озере. К этой группе можно отнести и пока еще малочисленные стоянки центральной части полуострова — на р. Нивке.

Ранние памятники занимают, как правило, более высокие морские террасы и дальше остальных отстоят от современного берега моря. Такими являются стоянки в районе Большая Мотка, Цып-Наволок, Растиниеми, Долгая Щель, Амбарная, высота которых размещается в интервале от 91 до 38 м над уровнем моря. Здесь заметны преобладание резцов над скребками, небольшое количество наконечников стрел, их явная примитивность — случайность очертаний тела, широкие пропорции, порой широкие лезвия, сочетание ретушной техники с резцовой, использование в качестве сырья почти исключительно кварца и кварцита, лишь изредка горного хрусталя, аморфное очертание скребков, нерегулярность ретуши, нередко замена ее резцовыми сколами. Наиболее архаичными являются миндалевидные рубящие орудия, напоминающие ручные рубила.

Расположенные на высоких террасах, удаленных от моря на значительное расстояние, вблизи небольших рек или ручьев — источников пресной воды, эти стоянки в большинстве случаев невелики по размеру. Чаще всего находки располагаются непосредственно на береговом валу, среди галечника, порой на очень небольшой глубине. Они размещаются гнездами, свидетельствуя о прерывистости культурного слоя. Чаще всего присутствие стоянок выдают россыпи расщепленного кварца и отщепы и сколы разновидностей кварцита преимущественно буровато-красной или малиновой разности. Гальки крупных и более мелких размеров этой породы, встречающиеся среди ледниковых моренных отложений (поделочный материал для орудий), собирались человеком на поверхности береговых валов или пляжей. В случае подходящего размера он использовал гальки без предварительной подготовки в качестве нуклеусов. В силу крупнозернистости малиновых разностей кварцитов к ним был применен лишь один прием — грубое скалывание отщепов, используемых исключительно для крупных орудий. На стоянках, содержащих такие орудия, обычно многочисленны и крупные отщепы классической формы, вытянутые в поперечном направлении. На одной из возвышенностей Рыбачьего п-ова — Аникиевой горе была обнаружена мастерская по изготовлению миндалевидных орудий. Значительный участок здесь был усеян мельчайшими отщепами (которые сохранились в расщелинах скалы), образовавшимися при обработке гальки. Часть орудий была уложена в углубление скалы и прикрыта плитами.

Мелкие орудия наиболее часто изготовлены из молочно-белых, сероватых или дымчатых разностей кварца, реже — горного хрусталя. Сланец начал применяться преимущественно в позднем мезолите и в этих районах в очень малом количестве. Среди изделий имеются единичные наконечники с минимальными участками, обработанными мелкой ретушью или резцовыми сколами, и пластины.

На позднем этапе мезолита кварцевые наконечники стрел приобретают более стабильную форму, чаще встречаются асимметрично-черешковые с ретушированным пером, реже используется для них резцовый скол, тело наконечника приобретает более удлиненные пропорции, для их изготовления начинает использоваться сланец, скребки становятся более стандартной формы, ретушь — регулярной, крупные миндалевидные орудия выходят из употребления.

На некоторых стоянках Рыбачьего п-ова прослежена отчетливая концентрация находок на небольших площадках (до 3—4 м в диаметре), расположенных часто по кругу, за пределами которых находки отсутствуют, что позволяет предполагать наличие наземных жилищ. Вероятно, по конструкции они были близки чумам. Каркасом для них служили жерди, связанные вверху и покрытые шкурами. Очевидно, где позволяли почвенные условия, жилища строили слегка углубленными в землю. На одной из стоянок, в бухте Большая Мотка, на берегу ручья Корабельного, были обнаружены следы жилища в виде темного пятна подчетырехугольных очертаний, примыкавшего одной из сторон к огромному плоскому камню, очевидно служившему стенкой и являвшемуся прочной опорой конструкции. В пределах этого пятна были сосредоточены все находки — отщепы кварца и кварцевые орудия.

Следы второго жилища в виде темного пятна, слегка углубленного в землю (гравий с песком), были прослежены и на противоположной стороне Мотовской губы, в ее кутовой части (стоянка 22а). Форма потемнения была расплывчатой, но четко фиксировалась благодаря сосредоточенности находок в его контурах. Помимо многочисленных кварцевых отщепов, здесь были обнаружены кварцевые резцы и скребки.

Незначительная площадь культурного слоя (там, где он сохранился) и в особенности его прерывистость, а также единичность остатков жилищ в пределах одного памятника заставляют считать, что коллективы, оставившие эти стоянки, были малочисленными.

Несколько иной характер имеют мезолитические памятники внутренней части полуострова, вблизи норвежской границы — на реках Шуонийоки, Колосйоки и Патсойоки. Все они располагаются также на высоких террасах от 80 до 40 м над уровнем моря, на значительной высоте над уровнем реки. Культурный слой выражен достаточно отчетливо, имеет мощность до 0,35 м. Как правило, это желтый песок с красноватым оттенком благодаря присутствию в нем охры.

Инвентарь стоянок отличается своеобразием. В качестве основного поделочного материала, помимо

кварца, здесь использован серый кремнистый сланец местного происхождения, чаще встречается кремень. Размеры сланцевых орудий более крупные, много крупных сланцевых отщепов и нуклеусов. Сходство кремнистого сланца по структуре с кремнем предопределило сходство в орудиях труда. На стоянках Шуонийоки присутствуют пластины относительно правильного огранения, ножи, крупные рубящие орудия. Нуклеусы имеют более четкие призматические очертания, встречаются кремневые скребки на подокруглых отщепах с четкой регулярной ретушью. Эти черты сближают индустрию Шуонийоки с мезолитической индустрией более южных районов. Вместе с тем здесь присутствуют и характерные местные формы: кварцевые скребки, долотовидные скобели, кварцевые резцы, преимущественно угловые, комбинированные орудия — скребок-резец. Обращает внимание очень ограниченное количество наконечников стрел.

Особого интереса заслуживает одна из стоянок левобережья р. Шуонийоки (Шуонийоки II), расположенная на высоте 80 м над уровнем моря, на которой найден отчетливо выраженный постсвидерский наконечник стрелы и классической формы конический нуклеус с негативами от очень узких, правильного огранения ножевидных пластин, изготовленных из серого кремнистого сланца.

Важна стоянка-мастерская по первичному расщеплению кремнистого сланца, исследованная нами на правом берегу р. Шуонийоки (Шуонийоки VI), в непосредственной близости от целой группы стоянок с орудиями из такого же сырья. Мастерская (раскоп свыше 100 кв. м) содержала идентичные не только по материалу, но и по форме крупные отщепы, нуклеусы, пластины и короткие сечения, довольно хорошо выраженные скребки, а также кварцевые орудия: резцы, скобели-струги и малосовершенные наконечники стрел.

Основные черты индустрии стоянок правобережья р. Шуонийоки проявляются и на стоянках побережья р. Колосйоки — частое использование кремнистого сланца, крупные нуклеусы, классические отщепы. Применяется, очевидно, местный кремень — серый, низкого качества, в то же время присутствуют наконечник стрелы ранней формы с обработкой одного края пера ретушью, а черешка резцовым сколом, резцы, проколки, изготовленные из разновидностей кварца.

Индустрия побережья близлежащих озер (Куэтсявр и др.), а также пока наиболее южная из известных стоянок (на р. Патсойоки), отдаленные от выходов кремнистого сланца, содержат в основном кварцевые орудия с явно выраженной микролитоидностью.

Северо-восточная группа стоянок, расположенная на морском побережье большой протяженности (свыше 300 км), содержит известные различия. Возможно, что впоследствии, с открытием новых пунктов, внутри ее выявятся четкие локальные особенности. В целом же можно констатировать, что здесь нет ранних стоянок, типичных для северо-западной группы. В общих чертах характер индустрии принципиально не отличается от двух ранее рассмотренных групп, поскольку в качестве поделочного материала используются кварц и горный хрусталь, предопределяющие основные приемы расщепления, категории и типы орудий. Однако здесь чаще используется кремень, а сами орудия приобретают более правильные очертания, завершенную форму, наблюдается большая стандартизация типов, ретушь становится регулярной, при изготовлении скребков все реже используется прием резцового скола, в некоторых стоянках появляется ярко выраженная микролитоидность инвентаря. Вместе с тем индустрия в целом резко отличается от неолитической. Особенно это заметно на наконечниках стрел, которые подвергаются двусторонней обработке.

Наконечники стрел северо-восточной группы продолжают изготовляться из кварцевых пластин и плоских отщепов, подвергавшихся лишь частичной обработке. При общей тенденции выделить выемку и выправить очертания пера к ним применено множество способов оформления деталей, отчего они становятся не похожими друг на друга даже в пределах одного памятника (Черная Речка I). Заметно увеличиваются площадь стоянок и насыщенность культурного слоя, указывающие на увеличение численности человеческих коллективов и большую стабильность поселений (Черная Речка I, Золотая VI и др.).

Группа южных стоянок, очевидно, близка по времени к северо-восточным и также представляет поздний этап мезолита. В них проявляются те же черты, которые только что были отмечены для северо-восточной группы,— более частое использование кремня, усовершенствование техники обработки по сравнению с прошлым этапом мезолита, яркое проявление микролитоидности, увеличение площади поселений и насыщенности их материалом, а также отличие орудийного комплекса от неолитического.

Таким образом, анализ всего мезолитического материала приводит к выводу, что наиболее отчетливо признаки раннего этапа мезолита выражены в северо-западной группе стоянок — Рыбачьем п-ове и прилегающих участках побережья, наиболее рано поднявшихся из воды и потому прежде других освоенных человеком. Развитой мезолит представлен частью стоянок того же Рыбачьего п-ова, расположенных на более низких высотных отметках над уровнем моря, и основной частью стоянок западной группы. Более позднее мезолитическое время весьма отчетливо отражено в северо-восточной и южной группе стоянок. Наконец, выделяется относительно небольшое число стоянок, известных в северо-западной и в северо-восточной группах, которые относятся к финальному мезолиту, возможно, к самому началу неолита. Они имеют значительное количество сланцевых орудий, пришлифованные и часто обработанные двусторонней ретушью наконечники стрел, крупные скребки, но без признаков керамики.

Вопрос о выделении локальных вариантов пока не решается однозначно. Отмеченные нами территориальные группы стоянок, обладающие известной долей отличий, объясняются, как мы могли видеть, хронологическими различиями, отражающими процесс последовательного освоения людьми Кольского п-ова в наиболее ранний период его древней ис-

тории. Однако наиболее яркой индивидуальностью обладает индустрия западных районов, хотя в части кварцевых орудий она идентична остальным районам полуострова.

Пытаясь представить себе экономику мезолитического населения рассматриваемого региона, мы должны прежде всего обратиться к топографии памятников. Неоспоримая приуроченность мезолитических стоянок к морскому побережью с полной очевидностью свидетельствует о неразрывной связи человека с морем. Для этого периода нет еще доказательств о наличии морского промысла как определенной отрасли хозяйственной деятельности, люди приходят к нему лишь в конце неолита — раннем металле. В данном случае, по-видимому, можно говорить лишь об использовании «даров моря» — собирании во время отлива рыбы, крабов и нередко морского зверя, которого, как известно, нередко выбрасывал шторм на береговую кромку, где он и «обсыхал», становясь добычей людей. Немалое значение имел и сбор моллюсков, что заметно по стоянкам этого района вплоть до эпохи раннего металла. Несомненно, велась охота и на сухопутного зверя, на что указывают наконечники стрел (вероятно, в большой мере дополняемые костяными), а также скребки для обработки шкур.

Сопоставление мезолитического материала Кольского п-ова с материалом соседних территорий показывает, что наибольшая близость стоянок северо-западной группы прослеживается с северной Норвегией, для которой характерна культура комса. Сделанные наблюдения имеют существенное значение для решения вопроса о первичном заселении Кольского п-ова людьми. Так же как и для норвежских ученых, в настоящее время он не решается однозначно. Исходя из указанной культурной близости с Норвегией и сосредоточенности раннемезолитических памятников на северо-западном побережье, логично предположить единый путь продвижения населения в Норвегию и на северо-запад Кольского п-ова.

Что же касается западной и южной групп памятников, имеющих общие элементы с культурой фосна и отчасти с Финляндией и Карелией, то нельзя полностью исключить ее южные контакты.

На всей территории Кольского п-ова прослеживается непрерывное внутреннее развитие мезолитической индустрии и постепенный переход ее в неолитическую, о чем свидетельствуют памятники финального мезолита и раннего неолита. Этим решается вопрос о местных корнях неолитической эпохи.

Хронологически мезолит Кольского п-ова, очевидно, соответствует концу VII — концу V тысячелетия до н. э.

Глава третья
Мезолит Карелии

Первые находки стоянок с каменными орудиями, предшествовавшими неолитической эпохе, в Карелии были сделаны в 1935 г. Б. Ф. Земляковым в процессе исследования территории Беломорско-Балтийского канала (Земляков, 1935, 1936 а, б). Впервые же мезолит как определенный исторический период древней истории Карелии был выделен Н. Н. Гуриной (Гурина, 1961) в связи с обнаружением новых памятников на северо-восточном побережье Онежского озера и изучением немногочисленных, известных ранее материалов. Тогда же были определены и культурная атрибуция памятников, их связь с финской мезолитической культурой суомусярви. В последнее время раскопками и интерпретацией мезолитических памятников занималась и продолжает заниматься группа карельских исследователей, открывших памятники раннего этапа мезолита и выявивших группу стоянок иного культурного облика — с кремневым инвентарем (Панкрушев, 1978а; Анпилогов, 1972; Филатова, 1972). В наше время в Карелии известно более 200 памятников без керамики, содержащих своеобразный кварцевый и кремневый инвентарь.

В силу того что Карелия включается в территорию Фенноскандии, где наблюдается интенсивное поднятие земной коры (замедляющееся в направлении с северо-запада на юго-восток), для определения возраста археологических памятников здесь используется приближенный метод датирования по высотным данным. Возраст стоянок устанавливается на основании их соответствия высотам по эпейрогеническому спектру датировки береговой линии поздне-послеледниковых бассейнов. Наиболее разработан вопрос для побережья Онежского озера, где отчетливо прослежен перекос его бассейна — повышение северо-западной части и опускание юго-восточной (Земляков, 1936б; Панкрушев, 1978б). Именно применение этого метода к стоянкам северо-восточного побережья Онежского озера и позволило впервые определить мезолитические памятники Карелии, исходя из их расположения на наиболее высоких террасах, удаленных от современного берега Онежского озера на расстояние 2—3 км.

Лишь около 9200—9000 лет до н. э. ледник отступил от северного побережья Онежского озера. Долгое время котловина Белого моря была покрыта льдом, соединение его с Мировым океаном произошло 8000—8200 лет до н. э. В приледниковой зоне наблюдалось сильное обводнение. Климат был холодным, растительность скудная. Неблагоприятные условия для жизни в Карелии продолжались в течение всего пребореального периода. В бореальное время (7200—6000 лет до н. э.) несколько повышается среднегодовая температура, пространство покрывается березовыми и сосново-березовыми лесами, разнотравьем, появляются широколиственные породы деревьев, на юг продвигается ель, озера начинают населяться холодолюбивыми породами рыб.

По-видимому, первое население продвинулось в Карелию в VIII тысячелетии до н. э.— в конце пребореального и в бореальное время. Теория о заселении Карелии в X тысячелетии до н. э., выдвинутая Г. А. Панкрушевым, не подтверждается геологическими и археологическими данными. О путях проникновения первого населения в Карелию не существует однозначного ответа. По мнению некоторых исследователей (Панкрушев, 1978б), первичное заселение Карелии происходило за счет продвижения немногочисленного населения из Северного Приуралья, а позже из Карелии была заселена Финляндия. Однако этому противоречат факты. Во-первых, необходимо было относительное перенаселение на исконной территории, т. е. в Северном Приуралье. Между тем здесь совсем не известны мезолитические памятники столь раннего времени. Во-вторых, даже и на более позднем этапе мезолита кварцево-сланцевая индустрия Карелии, которую указанный автор считает наиболее ранней, не имеет ничего общего с мезолитическими культурами восточного региона. И наконец, остается неясным, почему пришельцы прошли именно в северную Карелию (поскольку наиболее ранние памятники фиксируются на р. Кеми), где жизненные условия были экстремальными.

К сожалению, пока еще мало свидетельств и о продвижении населения с запада. Раннемезолитические памятники существуют в восточной Прибалтике, в частности в Эстонии и Латвии, однако их индустрия, в основном кремневая, не близка карельской. Встречаются лишь некоторые типы орудий — кварцевые скобели в развитом мезолите Эстонии, в стоянке Кунда. И все же западное происхождение мезолитической культуры Карелии кажется более вероятным. В этом случае остается предположить относительно одновременное заселение Карелии и Финляндии, мезолитическое население которых имело одинаковую культуру — суомусярви. Решение вопроса о путях заселения Карелии не выйдет из сферы гипотез до тех пор, пока для мезолитических памятников Карелии и памятников соседних территорий не будет получена серия абсолютных датировок или не появится какой-либо новый метод датирования археологических источников.

Исходя из характера инвентаря и высотных данных, исследователи делят мезолитические памятники Карелии на две хронологические группы: раннюю и позднюю. Наибольшее количество их относится к позднему периоду.

Очень немногочисленные раннемезолитические стоянки (карта 3) обнаружены на северном побережье Онежского озера (на высоте 35—41 м над его уров-

нем), а также в нижнем течении р. Кеми (на террасах на высоте 29—70 м над уровнем моря) (Анпилогов, 1972).

Среди ранних памятников следует назвать стоянки Мянь-Гора I (Панкрушев, 1978а), Повенчанка I, II, XI, XV (Панкрушев, 1982) в районе пос. Повенец, Авнепорог IV, X, XI (Панкрушев, 1978а) на р. Кеми, Медвежьегорская 8, 11 (Земляков, 1935, 1936а, б), I и II (Гурина, 1961) у г. Медвежьегорска и др. Поселения бедны бытовыми конструкциями. На стоянке Мянь-Гора I обнаружен подокруглый очаг диаметром около 1 м и мощностью 0,1—0,12 м, на стоянке Повенчанка II — остатки двух кострищ, на стоянке Авнепорог IV — пять кострищ, Авнепорог XI — четыре кострища, Авнепорог X дал остатки трех очагов, выложенных из камней.

Площадь этих стоянок невелика, культурный слой мощностью 0,05—0,15 м (красноватый песок) прерывист, насыщенность находками незначительна. На стоянках долины р. Кеми орудия изготовлены исключительно из местной породы — кварца, на северном побережье Онежского озера они также в основном кварцевые, но встречаются в очень небольшом количестве — из сланца и роговика (местных пород) и кремня (привозной). Состав орудий весьма беден, обработка их грубая, часто лишь с помощью сколов и грубой оббивки (табл. 5, 6).

Среди встреченных нуклеусов — одноплощадочные подпризматические и подконические, чаще с односторонним скалыванием, с неподработанными прямыми или скошенными площадками (табл. 5). Скребки, изготовленные большей частью на отщепах посредством крупно- или среднефасеточной ретуши или техникой скола, округлые, подокруглые, концевые (в том числе скошенные), боковые (табл. 5). Встречены скребла на отщепах или кусках с выпуклым крутым рабочим лезвием. В качестве заготовок для резцов употреблялись большей частью осколки и отщепы. Резцовые сколы различных размеров, по формам резцы делятся на срединные (преобладают), угловые, поперечные, боковые. Есть вкладыши из сечений пластин с ретушью по одному краю. Ножи изготавливались в основном на отщепах, обычно они имеют один приостренный ретушью край. Скобели, как правило, на отщепах одновыемчатые. Сверла и проколки симметричные, часто с выделенным ретушью «жальцем». Найдены топоры и тесла, оббитые с двух сторон, подтрапециевидной формы; иногда лезвие у них оформлялось боковым сколом. Широко представлены долота, в том числе найдено несколько экземпляров с намечающимся желобком. Они тоже обработаны двусторонней оббивкой. Есть рыболовные грузила, песты, шлифовальные плиты, отбойники из галек. Среди комбинированных орудий нужно отметить скребки-резцы, резцы-скобели (табл. 5, 6).

Судя по ограниченной площади стоянок, малой мощности культурного слоя, его прерывистости и слабой насыщенности находками, можно заключить, что памятники раннего мезолита являются следами кратковременных стойбищ людей, ведущих подвижный образ жизни.

Памятники позднего мезолита гораздо более многочисленны и занимают различные участки Карелии, группируясь в основном в пяти районах: на западном побережье Онежского озера, на побережье оз. Сямозеро, на северном побережье Онежского озера, на побережье оз. Водлозеро и на берегах р. Кеми. В климатическом отношении этот период совпадает с более теплым бореальным и атлантическим временем.

К позднему мезолиту кварцево-сланцевой традиции относятся стоянки Повенчанка III, IX (Панкрушев, 1982), Повенецкая II и III (Панкрушев, 1978б), Пиндуши IV и VII (Панкрушев, 1978а), Вой-Наволок XVI у пос. Повенец, Малая Суна V, Кудома I (Панкрушев, 1978а), Сулгу IV, IX (Панкрушев, 1978а; Филатова, 1978) у пос. Кудома, Шелтозеро III, XV, XXV, XXVI (Панкрушев, 1978а; Филатова, 1982) у с. Шелтозера, стоянка на Оленьем острове (Панкрушев, 1978а), Суна XIII в Кондопожском р-не (Песонен, 1982), Пегрема VIII в Медвежьегорском р-не (Журавлев, 1983), Подужемская II на р. Кеми (Панкрушев, 1978а), Нива XIII, XIV, XVIII, XIX, Колвица I и II в Кандалакшском р-не (Песонен, 1978), Костомукша I—IX, Койвас I—V, Кенто I—III в районе г. Костомукша (Косменко, 1978 а, в) и др.

На стоянках Повенецая II и III и Пегрема VIII открыты остатки жилищ (табл. 8). На стоянке Повенецкая II обнаружено подпрямоугольное полуземляночное жилище размерами 5×3 м, глубиной 0,3—0,4 м от древней поверхности, с выходом в северо-восточном углу шириной 1,2 м и длиной (в раскопанной части) около 1,7 м. На дне котлована жилища прослежена выкладка из валунов размерами 4×2 м, которая была засыпана слоем гравия. По-видимому, в центре жилища был очаг. Второй очаг находился в выходе. Его диаметр 0,4 м, мощность 0,05 м. Возможно, жилище было срубным (табл. 8).

На стоянке Повенецкая III выявлено полуземляночное жилище подчетырехугольной формы размером 10×4—3,2 м, глубиной 0,3—0,45 м от древней поверхности. У северо-восточной стенки найден очаг в виде подковы из валунов диаметром 1,2 м. Мощность его 0,2 м. Рядом обнаружена ямка диаметром 0,4 м, глубиной 0,26 м, заполненная песком с угольками. В северо-западном углу жилища прослеживался выход шириной 1,7 м (полностью не исследован). В северо-восточном углу жилища обнаружена хозяйственная яма овальной формы размером 1,3×1 м, глубиной от пола жилища 0,5 м (табл. 8).

На стоянке Пегрема VIII были обнаружены остатки двух конструкций. Одна из них имела подпрямоугольную форму и размеры около 6,5×2,5 м. По-видимому, она являлась остатками жилища. Оно было углублено в материк на 0,2 м. В центральной части находился открытый очаг овальной формы размером 0,38×0,25 м, мощностью 0,2 м. В центре и в южной части жилища обнаружены остатки 43 ямок разного размера, вероятно оставшихся от конструкции перекрытия. Жилище имело выход на запад, в сторону второй конструкции. Эта последняя тоже имела подпрямоугольную форму размерами около 4×3 м и была углублена в материк на 0,45 м. Выход вел в сторону жилища. По углам, противоположным выходу, и на боковых сторонах постройки обнаружено по ямке, вероятно, от столбов, поддерживавших кровлю. По мнению автора раскопок,

эта постройка была мастерской для обработки каменных орудий.

Кроме того, на ряде стоянок обнаружены и другие бытовые конструкции. Очаги из камней найдены на стоянках Шелтозеро XV, Суна XIII, Колвица II, Костомукша II. Открытые кострища выявлены на стоянках Шелтозеро XV и XXVI, Кудома I, Сулгу IV, Шелтозеро III, Олений остров, Суна XIII, Подужемская II, Костомукша II и IX. Хозяйственные ямы были на стоянках Сулгу IX, Суна XIII, Костомукша I, II и IX. На стоянке Шелтозеро III обнаружены своеобразное сооружение из нескольких скоплений валунов и могильная яма с засыпкой из охры, в которой, хотя и не сохранились остатки костяка, встречен погребальный инвентарь — два скребка и отщепы. На Оленьем острове обнаружена яма овальной формы размером 3,9×2,6 м и глубиной в центре 0,8 м. По мнению М. Г. Косменко, на стоянке Костомукша II обнаружены остатки наземного жилища типа чума.

Помимо увеличения численности населения с кварцево-сланцевым инвентарем (генетически связанного с населением предшествующего периода), о чем свидетельствует большая площадь стоянок, мощность и насыщенность их культурного слоя и остатки жилищ, материалы фиксируют и приток нового населения, индустрия которого отличается наличием значительного количества кремневых орудий. Таким образом, с этого времени в Карелии отмечается существование двух различных групп стоянок. В одной из них удерживаются традиции предшествующего времени — изготовление основной части орудий из кварца. Однако широкое применение получает также сланец и роговик. При этом в различных группах стоянок процентное соотношение пород камня колеблется в зависимости от местных условий — близости или отдаленности сырья. Наиболее широкое применение сланец находит в стоянках западного и северного побережья Онежского озера. Замечается и более частое по сравнению с предшествующим периодом использование импортного материала — кремня.

В это же время на побережье р. Кеми люди продолжали по-прежнему при изготовлении орудий использовать только кварц, орудия из кремня здесь представляют ничтожный процент, и все же больший, нежели в стоянках предшествующего периода. Чаще используются песчаник, шифер. Прогресс отчетливее улавливается в технике обработки и форме орудий. Очень заметно изменение в технике изготовления орудий: при оформлении скребков беспорядочная ретушь заменяется правильной регулярной ретушью, появляется микролитизация орудий (скребки не превышают 1,5 см).

Как уже указывалось, стоянки южной части Карелии с кварцево-сланцевым инвентарем имеют значительное количество сланцевых орудий, при этом весьма совершенной обработки — с помощью пиления, шлифования (иногда частичного). В индустрии западного побережья Онежского озера сланец являлся преобладающим поделочным материалом, кварц же занимал третье место (после песчаника).

Несколько меняется состав и характер каменного инвентаря. Шире распространяется употребление сланца для изготовления орудий, чаще встречается кремень, входит в употребление песчаник. Характер раскалывания камня в основном остается тем же, среди нуклеусов только одна новая форма — многоплощадочные ядрища. Исчезают боковые скребки, зато появляются скребки неправильной формы, ретушь для обработки этих орудий становится более правильной, почти исчезает при этом употребление резцового скола. Исчезают поперечные резцы. Встреченные на данных памятниках резцы имеют более выраженную форму. Найдена новая форма микролитов — пластины с затупленным ретушью концом. Появляются асимметричные формы сверл и проколок, без выделенного «жальца». К трапециевидным топорам и теслам добавляются подпрямоугольные, причем у части из них подшлифовываются лезвия. Гораздо разнообразнее группа долот: среди них появляются трапециевидные, а также формы, напоминающие палеолитические pièces écaillées. Появляются стамески, которые иногда шлифуются, а также кирки и мотыги. Среди абразивных инструментов, помимо шлифовальных плит, есть точильные бруски. Появляется новый технический прием — сверление, о чем говорят находки предметов с просверленными отверстиями. Шире распространены пилы. Впервые обнаружено охотничье вооружение. Это наконечники копий (ромбовидные или с намечающимся черешком) с двусторонней обработкой, наконечники стрел с черешком, иволистные, с ретушью по всей поверхности, подтреугольные. Найден полностью шлифованный наконечник (табл. 5, 6). Встречены обломки костяных орудий.

В стоянках этого времени найдены остатки фауны, говорящей о занятиях людей охотой и рыболовством: в Пегреме VIII — северный олень и домашняя собака, на Оленьем острове — бобр, в Костомукше II — северный олень, лось, мелкие млекопитающие, птицы, рыбы.

Стоянка Пегрема VIII имеет радиокарбоновые даты: 7140±80 (ТА-677) и 7050±150 (ТА-721) лет назад, т. е. она датируется второй половиной VI тысячелетия до н. э.

В настоящее время в Карелии найдены стоянки, инвентарь которых отличается от инвентаря памятников, рассмотренных выше (табл. 7). Все памятники сосредоточены в Южной Карелии, в основном на западном побережье Онежского озера, на северо-западном побережье водораздела. Они относятся к позднему мезолиту. Характерной особенностью их является широкое использование в качестве поделочного материала кремня (до 60%) и соответственно этому некоторое отличие в типах орудий.

К этому культурному варианту относятся стоянки Повенчанка V у пос. Повенец (Панкрушев, 1982), Уя II на западном берегу Онежского озера, Ялбуга V у пос. Соломенный, Нижняя Колонжа II у оз. Водлозеро, Илекса III и IV на оз. Карельском, Пиндуши XIV на Онежском озере (Панкрушев, 1978а), Муромское VII (Косменко, Витенкова, 1980).

В стоянке Илекса IV обнаружены три кострища. На стоянке Муромское VII найдены остатки трех жилищ, на дне которых лежали только мезолитические изделия. Жилище 1 имело характер полуземлянки подквадратной формы размерами 7,2×7,2 м и было углублено в материковый песок до 0,5 м. Оно имело выходы на север и на юг. Обнаружены

остатки столбовых ямок, входивших, по-видимому, в конструкцию жилища. Очагов не удалось проследить (табл. 8). Жилище 2 было в 8 м к северо-западу от предыдущего. Оно исследовано не полностью. Имело подовальную форму размерами 7× ×3,2 м, глубиной 0,5 м (было, вероятно, тоже полуземлянкой). Жилище 3 в прибрежной части памятника было подокруглой формы размерами 5,8× ×5,2 м, углублено на 0,2 м от поверхности материка, имело два выхода в восточную и южную стороны (не в сторону озера). В центре находился очаг неправильной формы размерами 1×1 м. Кроме того, в раскопах было встречено около 30 ям разной конфигурации и размеров. Среди них выделяются остатки трех очагов, назначение остальных ям неясно.

В составе каменного инвентаря найдены одно- и двуплощадочные призматические нуклеусы от пластин с прямыми или слегка скошенными неподработанными площадками, с круговым или односторонним скалыванием. Есть подконические ядрища от пластин с такими же площадками и многоплощадочные нуклеусы от отщепов. Скребки изготавливались на пластинах и отщепах, по типам они делятся на концевые (в том числе с выступом или с ретушированными боковыми краями), подокруглые и округлые. Резцы тоже на пластинах и отщепах, угловые и срединные, часто с короткими и узкими резцовыми сколами. Вкладыши на сечениях пластин, с одним или двумя мелко ретушированными краями. Довольно часты находки наконечников стрел постсвидерского характера обработки, черешковых и иволистных, а также ромбовидных. Ножи на пластинах, с одним ретушированным краем. Встречен полностью шлифованный сланцевый нож с желобком. Скобели обычных типов, на пластинах и отщепах. Топоры и тесла подпрямоугольной формы. Найдены долота, в том числе желобчатые и типа pièce écaillée. Все рубящие орудия обрабатывались техникой двусторонней оббивки. Проколки разных типов, с выделенным мелкой краевой ретушью «жальцем». Представлены пилы из абразивных материалов, а также шлифовальные плиты и точильные бруски. Есть стамески с зауженным обушком, клевец с отверстием, кирки, пестики, рыболовные грузила, отбойники, ретушеры. Следует отметить комбинированные орудия — скребки-резцы, скребки-скобели, резцы-скобели. На одной из стоянок найден обломок костяного орудия (табл. 7).

Известны могильники, относящиеся к эпохе мезолита,— Сямозерский II и Черная губа I. Могильник Сямозерский II расположен на побережье оз. Сямозеро, у подножья возвышенности озового характера, на высоте 3,7 м над современным уровнем воды, на древней береговой линии. В могильнике выявлено 13 погребений, локализующихся двумя группами (11 и 2 погребения). Костяки не сохранились, могильные ямы подчетырехугольных очертаний с округлыми углами, размером 1,1×1,8× ×0,45—0,60 м. Глубина от дневной поверхности 0,27—0,53 м. Ориентировка их различна, но преобладает северо-западная. Внутри ямы прослеживались линзы песка, смешанного с красной охрой (толщиной 0,12—0,35 см). В большинстве могильных ям на дне фиксировались небольшие ямки, возможно предназначенные для помещения туда пищи, сопровождавшей покойника. Одно из погребений имело наверху каменную кладку и кострище, примыкающее к могильной яме (диаметром 0,7 м), с мощной углистой прослойкой, а также жертвенную яму в стенке могильной ямы. Между двумя погребениями располагалось большое кострище с кальцинированными костями животных. Погребальный инвентарь очень беден. Он включает в себя скребок и резец, фрагменты шлифовальных плит и заготовок рубящих орудий, а также осколки кварца, сланца, кремня и кальцинированные кости животных. Могильник датируется серединой VI тысячелетия до н. э.

Второй могильник — Черная губа — расположен на северо-восточном берегу Онежского озера, неподалеку от пос. Повенец, на террасе высотой 17 м над уровнем озера. Площадь могильника полностью не выявлена, раскопано 88 кв. м, вскрыто восемь погребений, образующих две группы (6 и 2). К четырем могильным ямам первой группы, частично перекрывая их, примыкали четыре небольших кострища со слабо выраженной зольной прослойкой. На одном из погребений второй группы могила отмечалась камнями. Погребения залегали в слое желтого песка, на глубине 0,12—0,2 м от древней поверхности. Костяки не сохранились, могилы определялись лишь ямами подчетырехугольно-удлиненных очертаний, размерами 1,44—1,92×1,06 м, отмеченными песком с ярко-красной охрой. Ориентировка могильных ям различна. Все погребения сопровождались инвентарем, состоящим в основном из обломков орудий и предметов, связанных с их изготовлением,— фрагментов шлифовальных плит, точильных брусков, пил. Из целых экземпляров орудий найдены долото, кирка (сланцевые), кремневый скребок, два кварцевых скребка и резец. Могильник датируется IV тысячелетием до н. э.

По мнению исследователя, как следует из датировки, могильник Сямозерский II является наиболее ранним и оставлен коренным мезолитическим населением Карелии, более же поздний могильник — Черная губа — принадлежал также аборигенам, но уже имевшим тесную связь с пришлым населением.

Оленеостровский могильник, расположенный на южном Оленьем острове Онежского озера, исследован в 1936—1938 гг. под руководством В. И. Равдоникаса. Выявлено 174 погребения. Часть могильника до начала раскопок уничтожена карьером (Гурина, 1956). Погребения совершены в морене, подстилаемой доломитовым известняком. Удалось установить две компактные группы захоронений — в южной и северной частях могильника, с меньшей достоверностью — в центральной части, в месте, разрушенном карьером. Погребения совершены в неглубоких (в среднем 0,6 м) ямах, в трех случаях покрытых каменной кладкой. Камнями обложены и пятеро погребенных в вертикальном положении (под 45°). Основная ориентация захоронений — головой на восток, с большим или меньшим отклонением к северу, значительно реже — к югу. Большинство погребений (118) на спине, меньше (11) — на боку, есть скорченные (5) и вертикальные (5). В 36 разрушенных погребениях ориентировка не-

ясна. Встречались одиночные (133), парные (16) и тройные (3) захоронения. В парных лежали женщина с мужчиной (три случая), женщина с женщиной (2), двое мужчин (1), женщина с ребенком (3), мужчина с ребенком (3); в тройных захоронениях — трое мужчин (1), мужчина с двумя женщинами (1) и дети (1). Зафиксированы впускные захоронения.

Большинство погребений сопровождалось инвентарем, часто очень богатым (табл. 9—10). Лишь 36 захороненных, в основном на периферии, не имели вещей. Прослежена прямая связь количества вещей со степенью засыпки охрой. В целом в могильнике обнаружено 7132 предмета, включая 4372 подвески из резцов лося и 1155 пластинок из резцов бобра. Эти предметы нашивались на головной убор, составляли широкие пояса и нагрудные украшения, крепились на одежде и обуви.

Богато представлены костяные орудия: наконечники стрел, гарпуны (иногда в колчанах), кинжалы с кремневыми вкладышами и нарезным узором, с рукоятью, украшенной головкой лося, рукояти для скребка и резца. Особый интерес вызывают многочисленные наконечники стрел и ножи на ножевидных пластинах матового серого кремня, не встречающегося на ближайших территориях. Наконечники нескольких типов отличаются тщательной обработкой по черешку и острию или по всем боковым сторонам. Встречаются экземпляры, сплошь ретушированные со спинки. Есть кварцевые наконечники. Найдены оригинальные сланцевые топоры и орудия типа пешни. Кроме подвесок из резцов лося и пластинок из резцов бобра, широко использовались клыки медведя с нарезками или отверстиями в корневой части и фрагменты трубчатых костей также с нарезками. Керамика отсутствует. Выразительны предметы искусства из кости и рога: головы лосей, фигурки людей и змей, плитка сланца с нарезным орнаментом (табл. 9—10). Находки наконечников оленеостровского типа позволяют отнести Оленеостровский могильник к концу мезолита — концу VI — началу V тысячелетия до н. э.*

Таким образом, в позднем мезолите Карелии прослеживаются две группы памятников, отражающих соответственно две различные этнокультурные общности. Одна из них является местной, развивающейся с раннего мезолита, с кварцево-сланцевым инвентарем, вторая — пришлая, с кремневым. Памятники с кремневым инвентарем локализуются в южной части Карелии и принадлежат, очевидно, пришлым племенам, продвинувшимся из более южных районов, возможно из Волго-Окского бассейна.

Значительно более многочисленные мезолитические памятники второй группы — с кварцево-сланцевым инвентарем, на раннем этапе развития имеют общие черты с инвентарем стоянок типа аскола, а на втором этапе с памятниками суомусярви Финляндии. Таким образом, мезолит Карелии вместе с мезолитом Финляндии составляют единую мезолитическую культуру.

---

* В последнее время в лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института АН СССР по костному материалу из погребений Оленеостровского могильника получены новые даты по C_{14}, которые подтверждают указанную дату.

Глава четвертая
Мезолит центральных и северо-восточных районов Севера Европейской части СССР

Окончание ледникового периода и постепенное отступание материковых льдов привело к освобождению огромных территорий Севера, где сначала шли процессы рельефообразования, затем распространились тундры, потом их сменили лесные ландшафты. Уже в пребореальное время, в конце IX—VIII тысячелетий до н. э., почти повсюду должны были сложиться условия, пригодные для существования человека. Однако памятники, которые можно было бы уверенно датировать пребореалом, здесь пока не известны. Только в бореальное время человек начал освоение самых отдаленных северных территорий, о чем говорит открытие отдельных стоянок этого периода. Мезолит Севера исследован крайне неравномерно (карта 4). Наиболее полно известны памятники в Восточном Прионежье.

Восточное Прионежье. К востоку от Онежского озера находится несколько больших озер ледникового происхождения — Лача, Воже, Кубенское, Белое, а также ряд более мелких, таких, как Андозеро и др. Хотя памятников раньше неолитических тогда известно не было, А. Я. Брюсов в 40-х годах высказал предположение, что некоторые регионы были впервые освоены человеком в эпоху мезолита, что, вероятнее всего, население это пришло с юга и главным образом с востока, с территории Урала и Приуралья (Брюсов, 1947. С. 94, 95; 1952, С. 38). В основу этой гипотезы легли следующие фактические данные.

Во время земляных работ 1906—1907 гг. в Череповце у впадения р. Ягорбы в р. Шексну были найдены кости животных и каменные орудия. Позднее, уже в 1931—1933 гг., сделаны новые находки, в это же время сняты план и геологические разрезы, на которых указаны привязки находок к определенному литологическому слою. Выяснилось, что здесь два разновременных культурных слоя. По сообщению А. Я. Брюсова, нижний слой залегал на глубине 5,8—6,8 м в иловатой синей глине, в нем обнаружены наконечник стрелы, сделанный из ножевидной пластины, гарпун, крупное острие из расколотой трубчатой кости животного, костяное лощило и несколько ножевидных пластин. Вместе с этими вещами найдены кости мускусного быка, дикой лошади, большерогого оленя, лося, бобра, рыбы. В отдалении, но в том же слое оказались кости мамонта (Брюсов, 1952. С. 29). Стоянка в нижнем слое получила название Ягорбской. А. Я. Брюсов считал ее древнейшей на Европейском Севере и относил к концу бореального периода или началу атлантического (Брюсов, 1947. С. 93).

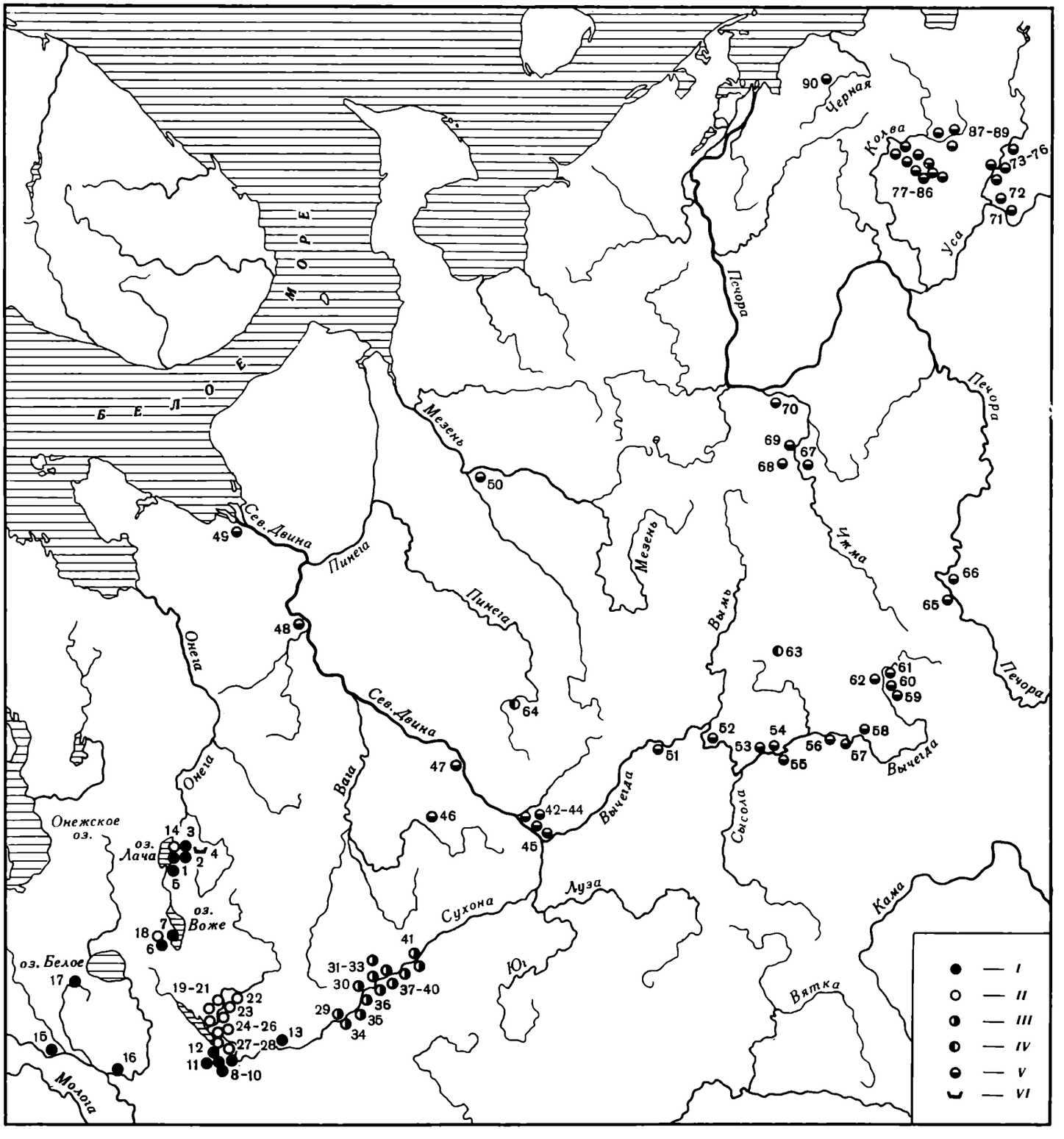
Следует отметить неточности в стратиграфии Ягорбской стоянки, что в свое время породило сомнения исследователей в ее раннем возрасте. В опубликованном профиле все находки показаны в слое ила на глубине 3—4 м. Состав костей животных представляет фауну различных природно-климатических зон и разных хронологических периодов. На этот факт обращала внимание М. Е. Фосс (Фосс, 1952. С. 40), а глубину залегания слоя стоянки в 3—4 м от современной поверхности подтвердил в свое время директор Череповецкого музея К. К. Морозов, принимавший участие в съемках профиля и плана. Есть основания считать, что Ягорбская стоянка является теперь не самым древним памятником эпохи мезолита на Европейском Севере.

В 1929 г. в бассейне оз. Лача М. Е. Фосс была открыта стоянка в местности Веретье, при раскопках которой под слоями поселения неолитического времени обнаружен культурный слой без керамики. Несмотря на оригинальность вещественного материала, найденного в этом слое, стоянка, получившая название Нижнего Веретья, была определена как неолитическая. Уже в 1938—1939 гг. в бассейне оз. Воже была открыта и частично раскопана стоянка Погостище I. Вначале А. Я. Брюсов датировал ее концом III тысячелетия до н. э. (Брюсов, 1941. С. 15), затем пришел к выводу о более раннем возрасте памятника и отнес его к периоду мезолита, определив возраст примерно концом IV тысячелетия до н. э. (Брюсов, 1961. С. 157). Исследователь отмечал сходство Погостища I с Нижним Веретьем и считал их одновременными. М. Е. Фосс всегда отрицала предположение о мезолитическом возрасте этих памятников, хотя допускала их культурную близость и вероятную одновременность. В итоге обе стоянки были датированы ею III тысячелетием до н. э., а Нижнее Веретье — его второй половиной и отнесены к периоду сложения каргопольской культуры эпохи неолита (Фосс, 1952. С. 43—54).

Таким образом, в центральном районе Европейского Севера, включающем Восточное Прионежье и бассейн Сухоны, до начала 70-х годов эпоха мезолита оставалась слабо изученной, хотя предположение о заселенности этих территорий в конце бореала уже было высказано. В бассейне Сухоны в 30-е годы открыты несколько стоянок каменного века, на которых были найдены ножевидные пластины. Их тоже считали неолитическими (Черницын, 1951; Фосс, 1952. С. 258, 259). Все это определило задачи исследований, начатых в 70-х годах. В результате

Карта 4. Мезолитические памятники Севера Европейской части СССР

I — торфяниковые стоянки или стоянки типа Веретья; *II* — позднемезолитические стоянки Восточного Прионежья; *III* — стоянки сухонской культуры; *IV* — стоянки типа Вис *I*; *V* — стоянки с кремневым инвентарем на Вычегде, Северной Двине и Печоре; *VI* — могильники; *1* — Нижнее Веретье I; *2* — Нижнее Веретье; *3* — Попово; *4* — Попово (могильник); *5* — Сухое; *6* — Погостище; *7* — Мыс Вязовый; *8* — Шуйское, р. Вологда; *9* — Канифольный; *10* — Лиминская; *11* — Вологда. Дворец пионеров; *12* — Прилуки; *13* — Шуй-

ское; *14* — Малый Колокол; *15* — Чагодоща; *16* — Ягорба; *17* — Андозеро М; *18* — Погостище; *19* — Устье; *20* — Данилиха; *21* — Площадка; *22* — Бор I; *23* — Бор; *24* — Чернышево; *25* — Лысая Гора; *26* — Пахотино; *27* — Шлюз; *28* — Шачино; *29* — Яснополянская; *30* — Песьеденга; *31* — Еденга I; *32* — Еденга; *33* — Карьер; *34* — Красное; *35* — Любавчихская; *36* — против устья р. Царевы; *37* — Неклюдовская; *38* — Колупаевская 2; *39* — Колупаевская; *40* — Тихоновская; *41* — Коченьга; *42* — Филичаевская II; *43* — Филичаевская III; *44* — Филичаевская IV; *45* — Вондонга I; *46* — Кадыевская; *47* — Приозерная 4; *48* — Усть-Обокша; *49* — Риквасиха; *50* — Лешуконское; *51* — Межог; *52* — Полевица II; *53* — Курьядор; *54* — Пезмог I; *55* — Нидз I; *56* — Аныб I; *57* — Аныб II; *58* — Ульяновская; *59* — Пожег; *60* — Ягкодж III; *61* — Кузьвомын; *62* — Воль I; *63* — Вис I; *64* — Явронька I; *65* — Заречная; *66* — Петрушинская; *67* — Турун-Нюр I; *68* — Кельчиюр I; *69* — Лек-Леса I; *70* — Лек-Леса II; *71* — Пдакская; *72* — Адзвинская; *73* — Адзьва 13; *74* — Адзьва 19; *76* — Адзьва 42; *77* — Сандибейю I; *78—86* — Сандибейю; *87* — Колва-Вис 13; *88* — Колва-Вис 14; *89* — Колва-Вис 16; *90* — Черная I

проведенных работ удалось изучить две группы памятников эпохи мезолита (карта 4).

Памятники типа Веретья или торфяниковые стоянки сосредоточены в бассейнах крупных озер Восточного Прионежья. В настоящее время насчитывается четыре стоянки и могильник, изученные раскопками, а вместе с местонахождениями всего известно 14 памятников этого типа. Для стоянок типа Веретья характерно залегание культурного слоя под торфяными отложениями, что прослежено в Нижнем Веретье, Погостище I, Нижнем Веретье I. Выясняется, что стоянки этого типа возникли до начала торфообразования. Люди селились на берегах озер у впадения рек или на берегах небольших рек. Впоследствии эти места были затоплены или заторфованы.

Нижнее Веретье I является в настоящее время самой большой и лучше других изученной торфяниковой стоянкой Восточного Прионежья. В 1979 г. при обследовании местности на левом берегу р. Кинемы в 1 км от современного берега оз. Лача О. В. Ошибкиной был обнаружен культурный слой мезолитической стоянки. Нижнее Веретье I, исследованное уже на площади около 1200 кв. м, не перекрыто культурными отложениями последующих периодов. В древности стоянка занимала мыс у впадения реки. Строения и хозяйственные сооружения стояли вдоль берега, не поднимаясь на первую надпойменную террасу. После затопления они были перекрыты двумя слоями торфа, отложившимися в конце бореала — начале атлантики и в суббореальном периоде. Культурный слой залегает в нижней части коричневого торфа и подстилающем песке с гравием. На этом же контакте отмечено присутствие сапропеля, что свидетельствует о существовании древней стоянки на берегу озера.

Стоянка Нижнее Веретье I занимала площадь около 1500 кв. м. Она состояла из нескольких жилищ, построенных из жердей и покрытых мягкими материалами, вероятнее всего шкурами. Для укрепления конструкции нижние концы жердей затачивали, а, кроме того, иногда укрепляли крупными камнями. Судя по сохранившимся основаниям, жилища имели квадратную или прямоугольную форму и площадь 40—50 кв. м. Внутри располагались один или два очага, около которых сосредоточены кости животных, орудия труда, обожженная древесина. В одном жилище на уровне пола отмечена подсыпка из свежего песка, под которой сохранились мелкие обломки костей, осколки кремня и прочий мелкий мусор. Видимо, жители возвращались в жилище несколько раз и могли его подновлять, а также посыпать основание чистым песком.

В развалах сооружений, на полу и особенно у стен, сосредоточено большое число всевозможных орудий труда и охоты, рыболовные принадлежности, деревянные поделки, украшения и многое другое. Общее число находок достигает сейчас более 7500 предметов, не считая осколков и отщепов камня, нуклевидных кусков, обработанных кусков кости и рога, неопределимых обломков вещей из кости и дерева. Совершенно отсутствуют следы какой-либо посуды из глины или других материалов, хотя поделки из дерева и бересты сохраняются достаточно хорошо. Возраст стоянки, установленный с помощью естественных методов,— бореальный период.

Характерной особенностью каменного инвентаря Нижнего Веретья I является преимущественное использование орудий на крупных отщепах. Ножевидные пластины тоже имели широкое применение. Жители стоянки Нижнее Веретье I использовали одновременно технику отщепа и ножевидной пластины, умели делать крупные орудия, в том числе рубящие, знали шлифовку и сверление камня и кости, применяли различные составные орудия. Для шлифования использовали плитки известняка и другие абразивы, а также большие шлифовальные плиты с несколькими углублениями для работы на обеих сторонах плиты. Таких плит размером до 50 см найдено 4.

Обработка каменных орудий производилась у самого берега реки и на окраине стоянки, у леса, где обнаружена мастерская по обработке камня. Здесь стоял высокий камень, овальный в плане, который служил наковальней. Вокруг него оказалось множество отщепов и осколков кремня, а также поделки из камня и кости, в том числе восемь костяных наконечников стрел. Рядом с наковальней стоял туес, или коробка, сделанная из одного куска бересты, концы которого были свернуты треугольником и прикреплены к торцам туеса. Внутри лежали желваки и отщепы высококачественного серо-голубого кремня, ретушеры, пластины и один готовый концевой скребок — всего 29 предметов. Еще одна подобная берестяная коробка найдена ближе к берегу. Она была укреплена между четырьмя мелкими колышками, внутри лежали кремневые отщепы и желваки.

Рубящие орудия Нижнего Веретья I представлены большой серией (табл. 4). Преобладают топоры, среди которых примерно половина сделана из сланца, остальные из кремня. Многие орудия пришлифованы у лезвия, некоторые по всей поверхности. По форме они делятся на четыре типа, что связано, вероятно, со способом укрепления в рукояти. В сущности, топоры являются лишь лезвиями или вставками орудий. Особенно распространен топор-вставка с острым обухом и овальным сечением, который чаще всего делали из кремня и обрабатывали по всей поверхности сколами. Если такое орудие делали из сланца, то его шлифовали у лезвия. Тесла, плоские долота и мелкие стамески встречаются гораздо реже. Их делали только из сланца. Устойчивую форму имеют кремневые клинья. У них прямо срезанный обух и круглое сечение. Клинья могли использовать для раскалывания крупных костей и расщепления древесины.

Среди рубящих орудий выделяются так называемые мотыги. Все они сделаны из хорошего кремня, имеют рукоять, тщательно обработанную сколами, обушковая плоскость оформлена одним сколом. Широкий рабочий край обычно закруглен и подправлен заостряющей ретушью.

Орудия охоты жители стоянки делали преимущественно из кости и дерева, при этом их оснащали кремневыми вставками из ножевидных пластин и изредка наконечниками. Среди многочисленной коллекции находок в Нижнем Веретье I только шесть каменных наконечников стрел. Представляет ин-

терес экземпляр на широкой пластине, обработанной ретушью на спинке по краям и на брюшке по острию и черешку. Изделие отличается оригинальной формой и не имеет аналогий (табл. 12). Второй наконечник имеет длинный черешок, обработанный противолежащей ретушью, острие изделия утеряно (табл. 12). Третий экземпляр сделан из грубой пластины среднего размера, имеет иволистную форму и закругленный черешок, обработан ретушью по всему периметру на спинке (табл. 12). Представляет интерес массивный наконечник на пластине, у которого выделен короткий черешок, ретушью обработаны черешок и острие. По форме он похож на один из наконечников мезолитической стоянки Пулли в Эстонии, датируемой VIII тысячелетием до н. э. (Jaanits L., Laanits K., 1975. Abb. 2, 4).

Примерно третью часть всех готовых изделий составляют ножевидные пластины, среди которых только 5% имеют ретушь. Некоторые из них могли служить ножами, но для вкладышей такие пластины слишком широки и массивны (табл. 12). В то же время найдено много составных орудий, в том числе костяных наконечников стрел, в пазах которых сохранились кремневые лезвия, что позволяет составить представление о выборе и использовании ножевидных пластин жителями стоянки. Для оснащения орудий брали очень тонкие и длинные пластины без всякой ретуши или с легкой подправкой для получения нужной формы.

Наиболее многочисленную группу каменных орудий составляют скребки, скребла, ножи, проколки, сверла, резцы (табл. 11). Для их изготовления использовали отщепы, обработка была минимальной, только по рабочему краю. Скребки имеют стандартную округлую форму, высокую спинку, часто сохраняют валунную корку или необработанные участки на спинке. Часть скребков на отщепах имеет удлиненную форму, высокую крутую спинку и ретушь по длинному краю. Концевые скребки на пластинчатых отщепах или массивных пластинах составляют до 8% от всех скребков. Как показал трасологический анализ, часть скребков использовалась для обработки мягких материалов, но многие из них служили для обработки древесины, т. е., по существу, ими работали как мелкими теслами.

Выделяется серия скребков очень большого размера или скребел. По форме они похожи на скребки, но более плоские, обработаны по периметру крупными фасетками, сохраняют валунную корку на спинке, некоторые достигают в длину 14—15 см. Назначение изделий неясно.

Кремневые проколки и сверла немногочисленны, вероятно, их успешно заменяли костяные аналоги. Проколки сделаны на ребристых сколах или отщепах, обработан только рабочий конец. Особую группу составляют конусовидные предметы из сланца или гранитовидных пород, зашлифованные по всей поверхности. Этими сверлами могли делать или оформлять отверстия на каменных изделиях.

Резцы на отщепах, обломках нуклеусов, нуклевидных кусках и на отдельных ножевидных пластинах составляют до 18% всех находок. Они представлены несколькими типами — угловые, двойные, срединные. Срединные составляют до 25% резцов. Резцы на пластинах встречаются исключительно редко. Иногда их делали на углах массивных пластин или пластинчатых отщепов, при этом работали естественным острым углом, не делая дополнительного углового скола. Для удобства рукоять орудия обматывали лыком или берестой. Найдены три орудия с сохранившейся обмоткой рукояти, все они не имеют угловых сколов (табл. 12). В двух случаях резцы на мелких пластинах оформлены ретушью на одном и двух углах (табл. 12).

Каменные ножи представлены тремя целыми экземплярами. Один из них, скорее всего, является кинжалом. Он сделан из целой кремневой пластины. Острый боевой конец обработан приостряющей ретушью с обеих сторон. Узкий тыльный конец служил рукоятью, он обмотан тонкой полоской бересты, хорошо сохранившейся (табл. 12). Два других ножа хозяйственные, с лезвием полукруглой формы, предназначенным для разрезания. Один нож сделан из пластины, рабочий край обработан плоской ретушью (Ошибкина, 1983. Табл. 29, *3*). Второй, точно такой же по форме нож сделан из черного сланца, имеет шлифованное закругленное лезвие.

Камни с отверстиями и углублениями встречаются в большом количестве и составляют до 1,6% всех изделий из камня. Их назначение не совсем ясно. Некоторые исследователи предполагают, что круглые сверленые камни использовались в качестве грузил для сетей. Но в Нижнем Веретье I обнаружены грузила совершенно иного вида. Для их изготовления брали простой кусок камня, оббитый кремневый желвак или круглую гальку, обматывали ее травянистым растением или берестой, иногда для прочности под обвязку подкладывали палочку (табл. 15). Правильные шаровидные или слегка уплощенные камни с круглыми двусторонними сверлинами имели, очевидно, совершенно иное назначение, пока не совсем ясное.

Орудия из кости и рога, найденные на стоянке Нижнего Веретья I, многочисленные и разнообразные, составляют примерно третью часть всех находок (табл. 13, 14).

В раскопах 1978—1980 гг. найдено 68 наконечников стрел из кости, которые делятся на 10 типов. Изделия с биконической головкой (тип I) составляют 38,2% всех наконечников. Они разного размера, у многих по расширению головки прорезана канавка или выделен рельеф. Основание наконечников затачивалось несколькими гранями, на боевом конце бывает легкое утолщение (табл. 13).

Игловидные наконечники с узким блоком-расширением или кольцом у основания (тип II) и с удлиненным массивным блоком (тип III) близки по общей форме и назначению. Вероятно, ими оснащали боевые стрелы, предназначенные для охоты на крупную дичь. У ряда экземпляров типа III длинный блок у основания украшен косыми насечками, что могло не столько иметь декоративное значение, сколько служить личной пометкой на стреле. Типы II и III составляют 14,7 и 7,3% всех наконечников из кости.

Игловидные простые наконечники (тип IV) имеют вид толстых стержней с круглым сечением, заострены у боевого конца, черешок граненый. Они составляют 8,8% всех наконечников.

Игловидные вкладышевые наконечники стрел

(тип V) отличаются большими размерами, вытянутой формой стержня, имеют один паз для кремневых лезвий. Они составляют 5,2% всех наконечников. К ним близки по форме и деталям симметричные вкладышевые наконечники (тип VI), у которых один шип костяной, а другой из вставных ножевидных пластин. Эти изделия составляют 10,7%. Были найдены и наконечники с двумя пазами, которые близки типу VI по форме, но имеют два паза и овальное сечение.

Двойные биконические наконечники стрел (тип VII) обычно небольшого размера, имеют два расширения на стержне. Вероятно, вытянутый конец был боевым, а биконические расширения имели конструктивное назначение, они утяжеляли насад и были удобны при укреплении наконечника в древке. Эти изделия составили 2,9%.

Весловидные наконечники представлены всего одним экземпляром (тип. VIII). Особенностью их является форма боевого конца, который имеет вид плоской лопасти с насечками по краю. У изделия длинный и толстый стержень, заточенный у черешка гранями.

Наконечники стрел типа IX составляют 2,9%. У них короткий и острый боевой конец, массивные головки и стержень с граненым черешком. Асимметричные наконечники (тип X) имеют неправильную форму, они короткие и утолщенные к боевому концу, составляют 4,5%. Встречаются отдельные оригинальные изделия, например с удлиненной боевой частью и толстым стержнем, что напоминает деревянные стрелы.

Гарпуны представлены изделиями пяти типов — с клювовидными зубцами (тип I), с прямыми, редко поставленными зубцами (тип II), с мелкими нарезными зубцами или насечками (тип III), с двумя-тремя крупными зубцами и упором (тип IV), с вкладышевыми лезвиями (тип V), а также отдельными оригинальными, например на остром конце метательного. Способ их крепления удалось выяснить по экземплярам, у которых на основании сохранились остатки бересты, посаженной на смолистое вещество. Найдены и деревянные древки со специальными углублениями по бокам, в которых могли укреплять острия.

Ножи и кинжалы из кости имели широкое применение во время охоты и в быту, поэтому жители стоянки особенно тщательно отделывали их и украшали рисунками, насечками, делали личные пометки. Эти орудия отличаются особым совершенством. Кинжалы имеют одно или два вкладываемых лезвия по бокам, хотя есть орудия без боковых лезвий. Ножи тоже делали с вкладышевыми лезвиями, но без заостренных концов. У орудий этих типов рукоять обматывали травянистым растением, берестой или, возможно, кожей (табл. 12).

Большую группу ножей составляют орудия, сделанные из лопаток лося. Широкую часть лопатки обрезали и затачивали, а рукоятью служил конец гребня. Орудия могли использовать для разделки мяса или очистки шкур. Оригинальны орудия из лопаток лося, которые тоже отнесены к категории ножей, поскольку имеют лезвие, заточенное по одному краю. Эти изделия прямоугольной формы, по центру сохраняются остатки гребня лопатки. В верхней части пробиты от двух до четырех отверстий, которые проходят насквозь или под гребень (Ошибкина, 1983. Табл. 44). На широких плоскостях орудий нередко бывают царапины или рисунки, а по краям — насечки.

Струги делали из длинных костей лося. Их раскалывали вдоль, но сохраняли эпифизы, которые помогали держать орудие в руках. Один острый край длинной кости затачивали и превращали в лезвие, а второй выравнивали короткими срезами. Орудие могли использовать для очистки шкур или, возможно, для ошкуривания дерева.

Игольники из птичьих и собачьих костей представлены несколькими экземплярами. Внутри одного из них найдены две костяные иглы, одна заготовка и три короткие ножевидные пластины со скошенным концом, которые могли служить для подрезания нити или жилки при шитье. Для подвешивания у игольников сделана кольцевая нарезка по верхнему концу, другой конец сохраняет эпифиз. Поверхность всех игольников полирована, сохраняет следы долгого употребления, некоторые орнаментированы (табл. 14).

Роговые части топоров представлены муфтами, лезвиями-вставками и мотыгами. Муфты и мотыги имеют круглое отверстие для деревянной рукояти и различаются тем, что у мотыги рабочим был острый конец, а муфта имеет отверстие, куда вставлялось роговое лезвие. Подобные лезвия найдены в большом количестве, среди них есть плоские треугольные, массивные с круглым сечением и односторонней или двусторонней заточкой, короткие и длинные. Многие вставлялись не в роговую муфту, а в своеобразную деревянную рукоять, на широком конце которой сделана муфта.

Деревянные изделия составляют значительную часть коллекции Нижнего Веретья I. Особый интерес представляют орудия — луки, копья, стрелы. Луки представлены в обломках (5 экз.). Есть и один экземпляр, сохранившийся почти целиком, сломаны только концы. Как выяснилось, жители стоянки делали свои луки из сосны. Они имели длину около 120—150 см, круглое сечение, поверхность их обработана, по концам выделены круговые канавки для привязывания тетивы, самый конец имеет расширение в виде конуса. В центре помещалось простое углубление для руки.

О стрелах, сделанных из веток сосны, дают представление сохранившиеся экземпляры, имеющие длину 65,5 и 58 см (табл. 15). Боевой конец стрелы имел биконическую или удлиненную форму, по-видимому, были более массивные стрелы, предназначенные для охоты на птицу и пушную дичь. Части таких стрел найдены в большом числе. Древко стрелы к основанию становилось более узким и завершалось раздвоенным концом, приспособленным для упора на тетиву. Вероятно, такую же форму имели древки стрел, в которые укрепляли костяные и деревянные наконечники. Последние довольно многочисленны, всегда имеют биконическую головку, по форме относятся к типу I костяных наконечников, но выполненному в дереве. Основание деревянных наконечников заточено гранями и нередко сохраняет остатки смолы, на которой они укреплялись в древке. Некоторые обломки древков

сохранили следы сухожилий и смолы, при помощи которых на древке стрелы укреплялось оперение.

Копья из ели или лиственницы имеют простую форму, расширенный боевой конец, узкое древко, круглое или овальное в сечении, прямо срезанное основание. Их общая длина до 1,5 м. Всего их найдено 7. Обычно боевой конец ничем не оснащали, но в одном случае вдоль боевого конца копья, начиная от острия, вырезан паз длиной 60 см и сохранились остатки смолистого вещества. Это говорит о том, что некоторые копья снабжали кремневыми лезвиями.

Для жителей стоянки одним из наиболее важных орудий являлся топор, который использовали в различных хозяйственных целях. Топор делали из рукояти с муфтой, в которую вставлялся каменный топор-лезвие. Рукояти представлены серией из 7 экземпляров (табл. 15). Они сделаны из соснового корня, у которого сохраняли естественное расширение на конце. Из расширения делали муфту, в которой вырезали круглое углубление с плоским дном для укрепления лезвия. Общая длина рукоятей до 50 см. Для широких каменных лезвий применяли прямую рукоять с длинным пазом. Встречены небольшие орудия из дерева с укрепленными в них роговыми вставками-лезвиями (табл. 15). Их назначение не совсем ясно.

Дерево и кора служили для изготовления поплавков, применявшихся для рыболовных сетей или другой снасти. Многие орудия, связанные с охотой и рыболовством, делали не только из кости, но также из дерева, например ножи с лезвиями из ножевидных пластин, гарпуны с клювовидными зубцами обычной формы и размера, наконечники стрел. Найдены палки-копалки с заостренным и обожженным концом, предназначенные для выкапывания растений, колотушки разных форм, одноручные или двуручные скребки с вкладышевыми лезвиями из ножевидных пластин, дощечки продолговатой и круглой формы, на которых могли разделывать рыбу или мясо, всевозможные крюки, рогульки, колышки. Среди деревянных поделок встречаются орнаментированные.

Наибольший интерес представляют скульптурные изображения. В одном случае это голова птицы, скорее всего лебедя, высоко поднятая и завершенная характерным расширением на конце клюва. В другом — антропоморфная фигура, в которой, несмотря на обобщенный характер подачи, можно видеть изображение с поднятыми руками. Кроме того, найдена небольшая фигурка из кости — изображение головы птицы. В целом для жителей стоянок типа Веретья более характерным видом искусства были рисунки на кости. На плоских поверхностях ножей и кинжалов очень часто встречаются орнаментальные композиции, рисунки из перекрещивающихся царапин или насечек. Процарапанный и правильный резной узоры повторяются и на других вещах. Пометки встречаются обычно на ножах и наконечниках стрел (табл. 13—14).

Хронология стоянки Нижнее Веретье I установлена по радиокарбоновым датам, палинологическим данным с привлечением археологических параллелей. Она датируется первой половиной — серединой VII тысячелетия до н. э. Радиокарбоновые даты: 8750±70 (ЛЕ-1472), 8560±120 (ГИН-2452-У), 8520±±130 (ГИН-2452-Д) лет до наших дней.

Аналогичный инвентарь встречен на стоянках Нижнее Веретье (Фосс, 1941, 1952), Погостище I (Брюсов, 1951) на левом берегу р. Модлоны, Сухое на правом берегу р. Ковки в бассейне оз. Лача. Отдельные находки этого типа сделаны в окрестностях г. Вологды, в бассейне р. Чагодощи, на р. Вологде, на восточном берегу оз. Воже (Ошибкина, 1981).

Могильник Попово находится недалеко от стоянок, в местности Веретье, на правом берегу р. Кинемы, в 4 км от оз. Лача. На озе в два ряда располагались погребения мезолитического времени. На площади раскопа более 400 кв. м вскрыто семь погребений, из которых два оказались сильно разрушенными. В остальных хорошо сохранились скелеты, что позволило определить пол и возраст погребенных, а также проследить особенности погребального обряда и получить вещественные доказательства принадлежности могильника культуре стоянок типа Веретья (Ошибкина, 1982. С. 122). Погребения были неглубокими, до 0,50 м от древней поверхности, каждое сопровождалось несколькими ритуальными ямами, в которые помещали остатки тризны по умершему, совершавшейся на стороне. Погребенные лежали на спине, в вытянутом положении, они были засыпаны красным красителем типа охры и мелкими углями. В двух случаях около кисти умершего обнаружены скелеты небольших рыб, сохранившиеся в анатомическом порядке. Во всех погребениях были вещи, хотя в одном случае найдено только костяное острие, лежавшее среди костей правого предплечья. Этим острием могла быть убита лежавшая здесь женщина (погребение IV). Сопровождающие вещи состоят из примитивных костяных ножей и острий, сланцевых топоров, подвесок из зубов лося, собаки, бобра, куньих (определение Е. Г. Андреевой).

В ямах, сопровождавших погребения, кроме костей лося, бобра, собаки, рыб, находились скребки, отдельные наконечники стрел из ножевидных пластин, скребки из отщепов и пластин, сломанные костяные орудия, в том числе гарпуны, наконечники стрел, рыболовный крючок. Особенно характерным является погребение ребенка 7—9 лет (погребение VII), в котором найдены небольшой сланцевый топорик-лезвие, примитивный костяной нож и отщеп со следами работы. Топорик и отщеп вместе лежали около правого локтя, около кисти той же правой руки находился нож, сделанный из расколотой трубчатой кости животного, заточенный у острия и стертый у рукояти от длительного использования. Скелет засыпан красной краской и мелкой меловой галькой, сверху высыпаны мелкие угли и кости рыб.

Около погребения VII (табл. 16) обнаружены две ритуальные ямы. В одной из них, расположенной слева у ног, обнаружены расколотые длинные кости лося и одно ребро, а под ними костяное орудие с граненым концом и зубцами, что делает его похожим на гарпун. У основания орудия сохранено естественное углубление длинной кости, служившее для укрепления на деревянной рукояти. Вторая яма располагалась в 0,8 м от левой руки погребенного. Она имела диаметр 2 м и глубину 0,5 м от древней

поверхности. В ней найдены четыре кремневых скребка, расколотый нуклеус, резец, две подвески — из зуба лося и костяная с нарезками для подвешивания, метаподий с фигурным концом, украшенным нарезками, массивный рыболовный крючок и обломок острия с зубцами, выделенными насечками. Сверху, перекрывая яму, лежали скелеты двух собак, взрослой и молодой особей. На самом дне ямы оказалось скопление костей животных, в том числе лося и бобра, а также рыб. Много обгорелых костей и мелких углей, но следов огня в самой яме не было, что и позволяет считать ее ритуальной. Все изделия, найденные в погребении VII и в ямах около него, имеют аналогии среди материалов стоянки Нижнее Веретье I, что подтверждает культурную принадлежность могильника в местности Попово.

По определению антропологов И. И. Гохмана и А. А. Зубова, краниологический материал могильника свидетельствует о принадлежности оставившего его населения к древней европеоидной группе. Хронология памятника определяется по аналогии с другими стоянками типа Веретья. Он датирован VII тысячелетием до н. э. (Ошибкина, 1982; 1983. С. 178—204). Общие наблюдения и вещественный материал этого памятника (табл. 17) дают интересные сведения о духовной жизни населения, о вполне установившемся и достаточно сложном погребальном обряде.

В западной части Восточного Прионежья, на северном берегу оз. Андозеро открыта и исследована раскопками на площади около 200 кв. м стоянка, получившая название Андозеро-М. Ее следует отнести к позднему варианту культуры памятников типа Веретья. Культурный слой стоянки перекрыт слоем неолитического времени, но отделен от него стерильной глинистой прослойкой толщиной 0,12—0,15 м. Культурный слой залегает в песке, окрашен в темный цвет, содержит мелкие кальцинированные кости животных и птиц, преимущественно неопределимые. Из костяных изделий в хорошей сохранности оказалась только обрезанная со всех сторон пластина лосиного рога.

В каменном инвентаре Андозера-М отмечено характерное сочетание крупных сланцевых орудий и мелких кремневых. Среди первых топоры удлиненной формы с подшлифованным лезвием, скошенным обухом и поверхностью, обработанной сколами. Характерная деталь топоров этого типа — оформление обуха косым сколом — имеет аналогии в каменной индустрии стоянки Нижнее Веретье I и могильника Попово. Кроме длинных топоров, в Андозере-М найдены короткие и широкие топоры с овальным сечением и плоский топор с широким обухом, а также продолговатое изделие со сверлиной в центре остроовальной формы и квадратная плитка с отверстием в середине. Среди кремневых изделий девять наконечников стрел из ножевидных пластин или пластинчатых отщепов. Они иволистной формы, с усеченным основанием и с выделенным черешком (1 экз.). Особенно многочисленны и характерны мелкие кремневые скребки с высокой спинкой и крутым рабочим краем. Концевые скребки представлены только 5 экземплярами. Есть небольшие тесловидные орудия из кремня (Ошибкина, 1979. Рис. 1—2).

Андозеро-М датируется по палинологическим данным и аналогиям в памятниках других мезолитических культур концом VII—VI тысячелетием до н. э., второй половиной бореала — начало атлантика. В материалах этого памятника прослеживается определенное сходство с памятниками типа Веретья, хотя есть известные различия. Наибольшее сходство Андозеро-М обнаруживает с исследованной недавно стоянкой Муромское VII, расположенной на р. Муромке, восточнее Онежского озера (Косменко, 1982. С. 70, 71). Памятники этого типа могли быть оставлены населением, связанным по происхождению с группами людей, которые в бореальном периоде освоили Восточное Прионежье. Новое природное окружение, иная сырьевая база и вероятные контакты с населением других мезолитических культур могли способствовать постепенной трансформации материальной культуры этого населения, продолжавшего существовать в бассейне Онежского озера до конца мезолита. Мезолитический слой Муромского VII с остатками жилищ имеет радиокарбоновую датировку и относится к первой половине VI тысячелетия до н. э. (Косменко, 1982. С. 71).

Население, оставившее стоянки типа Веретья, расселялось в зоне сосново-березовых лесов преимущественно по берегам больших озер или в бассейнах этих озер, что было связано с направлением хозяйственной деятельности. О главных занятиях населения и бытовой стороне жизни можно судить по материалам Нижнего Веретья I, где, кроме орудий труда, охоты и прочих, найдено огромное количество костных остатков. Установлено, что основным занятием населения была охота на крупных мясных животных — лося и северного оленя, а также на бобра и птицу, в основном лебедя. О развитии рыболовства говорят находки костей рыб, большое число поплавков, грузиков и костяных крючков. Вероятно, рыбу били при помощи гарпунов. Встречены в основном кости щук. Кости млекопитающих встречаются исключительно редко. Многочисленны кости собак, которые играли важную роль в хозяйстве. Среди фаунистических остатков Нижнего Веретья они представлены 5 экземплярами, в Нижнем Веретье I их насчитывается более, в Попово — две целые особи и остатки еще нескольких. Возможно, собаки участвовали в охоте и охраняли стоянки, но их также использовали для получения мясной пищи, о чем говорят расколотые и обожженные черепа, найденные в культурном слое Нижнего Веретья I. Кроме того, из костей собак сделали различные поделки, а зубы носили в виде подвесок или ожерелий, которым придавали значение охранительных амулетов. Ожерелье из зубов найдено в одном из погребений могильника Попово. Здесь же прослежено, что собаке отводили определенную и важную роль в погребальном обряде. Неясно, применяли собак для передвижения в упряжке или в мезолите этот способ передвижения еще не был известен. Вероятно, население стоянок типа Веретья не использовало саней и собачьей упряжки. Таким образом, хозяйственная деятельность рассматриваемой группы населения имела ярко выраженное охотничье направление, рыболовство и собирательство были сезонными занятиями и имели второстепенное значение.

В Восточном Прионежье известно несколько памятников, которые предварительно датируются поздним мезолитом. Они располагаются на низких надпойменных террасах, культурный слой обычно связан с песчаными слоями и залегает неглубоко, сразу под дерном. Для этих стоянок характерен набор мелких ножевидных пластин, изредка встречаются концевые скребки на коротких и широких ножевидных пластинах. Встречаются нуклеусы карандашевидной формы с прямыми площадками без подправки, очень редки наконечники стрел на ножевидных пластинах с ретушью по концам на спинке и мелкие рубящие орудия из кремня. К этой группе относятся стоянки, расположенные в горловине р. Кубены, перед ее впадением в Кубенское озеро,— Бор, Бор I, Чернышево, Лысая Гора, Данилиха, Устье, Площадка. В верхнем течении р. Сухоны к позднемезолитической группе относятся Шачино, Шлюз и Пахотино. Одна стоянка существовала на Колманском озере около г. Череповца, теперь она разрушена. На восточном берегу оз. Лача в местности Малый Колокол недавно обнаружен культурный слой мезолитического времени, в котором найдены вещи, характерные для позднего мезолита.

Особенно интересны стоянки этой группы, расположенные на левом берегу р. Модлоны у д. Погостище, в 25 км к западу от оз. Воже. Погостище V, вероятно, наиболее поздний памятник этой группы. Культурный слой мезолитического времени перекрыт слоем XVIII в. и строительным мусором, а также нарушен финским могильником X—XI вв. (Ошибкина, Макаров, 1979). Насыщенность слоя культурными остатками небольшая, вся мощность слоя не более 0,20 м. Среди находок ножевидные пластины с ретушью, два нуклеуса, один «карандашевидный», другой двухплощадочный, скребки из пластин и отщепов, рубящее орудие с двусторонней ретушью, сохраняющее участок с валунной коркой (Ошибкина, 1983. С. 205. Табл. 76). По технике обработки и общей форме изделие аналогично кремневым рубящим орудиям со стоянок бассейна Сухоны, у них часто сохранялись естественные валунные участки на спинке. Отдельные орудия с двусторонней обработкой, как и весь характер каменного инвентаря Погостища V, позволяют отнести стоянку к самому концу мезолита, к атлантическому периоду.

По расположению Погостища V можно установить отношение этой стоянки к тем мезолитическим памятникам, культурный слой которых залегает в торфяниках. В 90—100 м от террасы, занятой Погостищем V, располагается стоянка Погостище I, культурный слой которой залегает под торфяными отложениями мощностью 1 м, у подножия той же террасы. По геологическому положению культурный слой Погостища I относится к бореальному времени, что подтверждает и археологический материал. Погостище V существовало позднее, после отложения торфа, скрывшего культурный слой Погостища I.

Две группы стоянок эпохи мезолита существовали в Восточном Прионежье в разное время. Памятники типа Веретья оставлены в бореальном периоде, в VII тысячелетии до н. э. Другая группа стоянок появилась в конце мезолита, видимо в начале атлантического периода. Есть предположение, что в позднем мезолите в Восточное Прионежье продвинулось население из бассейна Сухоны. Это могло быть небольшое передвижение, вызванное улучшением природных условий после завершения торфообразования в бассейнах озер Восточного Прионежья. Когда завершилось активное заболачивание и последующее заторфовывание, а остатки древнейших стоянок были погребены в торфяниках, население заняло низкие террасы по берегам озер и рек. Это могли быть остатки прежнего населения и новые группы людей, продвинувшиеся сюда с востока, из Присухонской низины.

Бассейн р. Сухоны. В начале 70-х годов в среднем течении Сухоны открыто несколько мезолитических стоянок, из них ряд памятников исследован раскопками, на других только собран подъемный материал (Ошибкина, 1975). В результате здесь удалось выделить самостоятельную группу памятников, которые образуют сухонскую археологическую культуру. Представление о ней могут дать стоянки на берегах р. Старая Тотьма. Здесь на краю боровых террас высотой 10—14 м известно несколько мезолитических стоянок — Колупаевская, Колупаевская 2, Тихоновская и разрушенная Неклюдовская. Раскопками исследованы две первые.

На Колупаевской стоянке обнаружены два культурных слоя мезолитического времени (вскрыто 280 кв. м). Нижний слой, оставленный в более раннее время, сохранился в виде пятен. С ним связаны два жилища, из которых удалось полностью зафиксировать только одно (№ 3). Оно прослежено на глубине 0,40 м от современной поверхности в виде серого пятна в светлом песке. Основание жилища было углублено от древней поверхности не более чем на 0,30 м, что позволяет считать его наземным. Размеры сооружения 7,5×4 м. В южной торцовой стене был сделан выход, который имел вид небольшого тамбура шириной 1,5 м, примыкающего к длинной стене. Он вел к берегу реки. Обращенная к берегу длинная стена сохраняла у основания глиняную обмазку, которая представляла собой полосу длиной 4 м и шириной 0,20 м (Ошибкина, 1983. Рис. 4). Вероятно, жилище имело жесткую конструкцию, например, стены могли состоять из вертикальных жердей или тонких бревен, укрепленных у основания. При небольшой ширине сооружения его перекрытие не составляло труда. На полу находились три ямы хозяйственного назначения. Одна из них служила, вероятно, углубленным в песчаную почву очагом, так как здесь сохранился слой сильно прокаленного песка в основании и мощное пепелистое пятно. Найденные в очаге ножевидные пластины, ретушер и скребок оказались обожженными, а большой нуклеус правильной «карандашевидной» формы раскололся от огня. Две другие ямы имели значительную глубину ниже пола жилища (№ 2—0,70 м, № 3—1 м). Их заполнение было тесным от примеси органических остатков. В яме 2 найдено скопление крупных ножевидных пластин, угловых резцов и скребка на пластинах. В яме 3 были мелкие угли и несколько ножевидных пластин красного кремня.

Около жилища 3 находок было мало, но обнаружены еще три ямы с темным заполнением и вещами. Одна яма, судя по заполнению, состоящему

из пепла и мелких углей, могла быть открытым очагом.

Второе жилище, связанное с нижним культурным слоем, оказалось разрушенным. Оно располагалось на юго-восточном краю террасы, недалеко от ее края, отмечено в виде большого скопления находок вокруг ям и на небольшой площади вокруг, а также видно в профиле. Еще одно жилище (№ 1) оставлено в период существования более поздней мезолитической стоянки. Значительная часть этого сооружения попала в осыпь и здесь собран большой подъемный материал. Часть жилища вскрыта раскопом. Очертания сохранившегося угла прослежены на глубине 0,50 м от современной поверхности, его основание было углублено на 0,20 м, так что жилище было, вероятно, наземным. Внутри размещались хозяйственные ямы и очаг. Общую форму основания восстановить не удалось, но, бесспорно, оно было прямоугольным.

Для нижнего культурного слоя характерны использование красного кремня хорошего качества и применение крупных ножевидных пластин. Вещественный материал представлен наконечниками стрел (3 экз.), скребками (12 экз.), резцами (28 экз.), пластинами с ретушью (28 экз.), ножами на крупных пластинах (1 экз.), скобелем (1 экз.), рубящими орудиями (2 экз.) — всего 75 предметов. Ножевидных пластин в целом немного больше, чем отщепов, соответственно 47,9 и 39,7%.

Для верхнего культурного слоя характерны изделия из светлого и серого кремня, преобладают ножевидные пластины среднего и мелкого размера. Орудия состоят из наконечников стрел (13 экз.), скребков (20 экз.), резцов на пластинах (73 экз.), пластин с ретушью (65 экз.), ножей на пластинах и отщепах (6 экз.), рубящих орудий (5 экз.), грубых нуклевидных орудий (2 экз.) — всего 185 предметов. Ножевидных пластин почти вдвое больше, чем отщепов, их соотношение составляет 56, 24 и 30%. Характерной чертой кремневого инвентаря верхнего слоя Колупаевской стоянки можно считать применение микропластин и пластин средней величины, которые использовали для работы, не укрепляя в составные орудия. Микропластины, скорее всего, являлись лезвиями вкладышевых орудий. Почти все наконечники стрел сделаны из ножевидных пластин и ретушированы по острию и у основания на брюшке. Изредка применялась дополнительная ретушь на спинке. Наконечники стрел представлены иволистными и черешковыми формами. Найдено много резцов, которые делали из пластин, отщепов и кусков кремня. Представлены двойные (19 экз.), угловые (44 экз.), срединные (1 экз.), случайной формы (9 экз.) — всего 73 экземпляра резцов. Рубящие орудия сделаны из кремневых отщепов, у них овальная в плане форма, но слегка вытянут обух, брюшко отщепа не подработано, на спинке сохраняется валунная корка, тщательно обработаны только рабочий край и боковые стороны (табл. 16). Представляют интерес обломки ножей на крупных ножевидных пластинах, обработанные крутой ретушью по краям. Они найдены в верхнем слое Колупаевской стоянки (2 экз.) и в нижнем слое (1 экз.), а также в Колупаевской 2 и на стоянке Усть-Еденга (Ошибкина, 1983. Табл. 21, *15*).

По составу каменного инвентаря и формам орудий верхний и нижний слои стоянки Колупаевская оказались близкими, что заставляет предполагать сходство материальной культуры оставившего их населения. Остальные стоянки сухонской мезолитической культуры — Колупаевская 2, Яснополянская, Усть-Еденга, Карьер — обнаруживают близость с верхним слоем Колупаевской стоянки (табл. 18).

Согласно палинологическим данным, полученным для Колупаевской и Яснополянской стоянок, хронология сухонской культуры определяется предварительно концом бореального периода — началом атлантического, иными словами, концом VII—VI тысячелетием до н. э. При этом возраст отдельных памятников может быть более ранним.

В общей характеристике сухонской культуры следует отметить, что стоянки были небольшими, так как сохранившийся культурный слой не имеет большой мощности и редко занимает значительную площадь. Вещественный материал стоянок состоит из одних каменных изделий, так как органические материалы в условиях песчаных почв не сохраняются. Каменная индустрия представлена изделиями из кремня и кварца (в меньшей мере). Характерно использование мелких и микропластин, резцов на углах мелких пластин и на отщепах, мелких концевых скребков на пластинах, наконечников стрел с черешком и иволистных, сделанных из ножевидных пластин небольших топориков с острым обухом, выполненных из кремневых отщепов и подправленных сколами около ударного бугорка, с ретушью у рабочего края и по боковым сторонам. Населению сухонской культуры еще не были известны такие способы обработки камня, как пиление, сверление, шлифовка.

О хозяйственных занятиях населения существуют лишь косвенные сведения. Как показали палинологические исследования, стоянки располагались в сосновых лесах с примесью широколиственных. В таких условиях следует предполагать решительное преобладание охоты на крупных лесных животных, что подтверждается и составом кремневого инвентаря. Вероятно, существовало собирательство, а также рыболовство, хотя прямых сведений об этом нет. Устройство постоянных наземных жилищ с деревянной основой предполагает развитую обработку древесины. Очевидно, жители стоянок умели обрабатывать кость, рог и другие органические материалы, которые применяли для изготовления составных орудий. Об использовании таких орудий говорит тот факт, что значительную часть кремневого инвентаря составляют микропластины, а они могут быть эффективно использованы для работы только укрепленными в какой-то основе.

Среди стоянок бассейна Сухоны исключение составляет стоянка Еденга I, каменные орудия которой отличаются большим своеобразием. Она находится на левом берегу р. Еденги, притока Сухоны, примерно в 0,5 км от устья. Здесь на размытом участке собраны шесть орудий из крупных желваков серого кремня. Среди них три скребка на высоких нуклеусах, с негативами снятия широких пластин и ретушью по рабочему краю, кроме того, два скребла на низких нуклеусах, рубящее орудие

и несколько средних ножевидных пластин красного кремня, одна с резцовым сколом (Ошибкина, 1983. Табл. 22). Вероятно, в дальнейшем подобные памятники еще будут открыты, а их изучение только предстоит.

Сухонская мезолитическая культура достаточно своеобразна, она заметно отличается от культуры памятников типа Веретья в Восточном Прионежье. В то же время есть сходство между мезолитом бассейна Сухоны и бутовской культурой Волго-Окского междуречья.

Бассейн Северной Двины и Вычегды. В начале 50-х годов здесь начались активные археологические работы, которые проводил Коми ФАН. В результате в бассейне Вычегды, в районе Синдорского озера, а позднее на р. Пинеге были открыты и исследованы раскопами несколько мезолитических стоянок (Буров, 1965, 1967б).

Наиболее интересным памятником является торфяниковая стоянка Вис I, открытая в 1960 г. Г. М. Буровым. Она находится на правом берегу р. Симвы у ее впадения в р. Вис. Древний торфяник прилегает к вогнутому основанию песчаного останца Кытчесмыльк. Мезолитические находки залегают ниже отложений сапропеля, между ними и песчаным основанием в погребенном торфянике. Он состоит из двух слоев общей мощностью 1,2 м. Верхний слой представляет собой гипново-осоковый торф, нижний — коричневатый сапропель. Древний погребенный торфяник Вис I имеет площадь 150×10—20 м, расположен у юго-восточного края останца. Во всех его слоях и на всех глубинах были найдены обработанная и необработанная древесина, изделия из дерева, керамика, изделия из кремня и сланца (Буров, 1965. С. 155—156).

Раскопками был вскрыт большой участок торфяника, площадь раскопа — 600 кв. м. Был сделан радиокарбоновый анализ пяти деревянных предметов из торфяника (использованы лук-самострел, палка, доска, два бревна). Вещи из западной части раскопа показали ранний возраст — последнюю четверть VII тысячелетия до н. э., а находки из его восточной части — последнюю четверть VI тысячелетия до н. э. Общий возраст памятника определен в пределах конца VII — конца VI тысячелетия до н. э., что позволило отнести его к эпохе мезолита (Буров, Романова, Семенцов, 1972. С. 76).

Особенностью торфяника Вис I является хорошая сохранность древесины и изделий из нее и полное отсутствие костяных предметов. Хотя в культурном слое найдено несколько обломков костей млекопитающих, в целом условия для сохранения кости здесь оказались неблагоприятными. Вероятно, этим объясняется полное отсутствие костяных и роговых орудий, хотя деревянные изделия сохранились в хорошем состоянии. Однако не исключено, что кость имела ограниченное применение на этой стоянке. Во всяком случае особенность материальной культуры торфяника Вис I затрудняет сопоставление памятника с археологическими культурами и отдельными стоянками мезолитического времени на соседних территориях. Торфяник Вис I стоит пока особняком среди других памятников эпохи мезолита на Европейском Севере.

Каменные орудия торфяника Вис I сделаны из отщепов и ножевидных пластин, их соотношение соответственно 64 и 36%. Мелкие орудия из кремня представлены скребками из отщепов и пластин (43 экз.), скобелями (9 экз.), мелкими орудиями с крутой ретушью на конце (8 экз.), резцами на пластинах и отщепах (7 экз.) — всего 67 предметов. Кроме того, есть ряд неопределимых предметов с ретушью (30 экз.). В культурном слое поселения Вис I, в смешанном слое, где найдены вещи разных хронологических периодов, встречены некоторые кремневые изделия, которые могут относиться к мезолитической стоянке. Среди них постсвидерский наконечник стрелы на ножевидной пластине длиной 4,6 см, с ретушью по концам, на брюшке (Burow, 1973. S. 130, 131. Abb. 2, *2*).

Коллекция каменных топоров из торфяника Вис I насчитывает 10 экземпляров. Они сделаны из шифера и других пород камня, частично или полностью шлифованы, отличаются небольшими размерами. Из топоров 6 экземпляров имеют форму прямоугольника с параллельными сторонами и квадратное сечение. Есть топоры (4 экз.) большего размера, по форме в плане они приближаются к трапеции с расширенным рабочим краем, сечением овальным или прямоугольным. Эти орудия довольно плоские, заточены у лезвия (Буров, 1967б. Табл. II, *2—4*, *5*; Burow, 1973. Abb. 3, *2*, *3*). Из окрестностей Синдорского озера происходит еще один топор типа кайла, который Г. М. Буров относит к мезолиту. Он узкий, длиной 43 см, с плоско-овальным сечением, сужен в направлении рабочего края, который оказался сломанным. На выпуклой стороне нанесен орнамент в виде двух линий зигзагов по краям орудия (Буров, 1967б. Табл. II, 1). Подобный орнамент встречен на деревянных изделиях из торфяника Вис I, что позволяет связывать топор-кайло со стоянкой или синхронизировать их.

Деревянных изделий, а также предметов из коры и плетеных из травянистых растений в культурном слое торфяника Вис I найдено общим числом около 200. Из дерева сделаны охотничьи и сторожевые луки, древки стрел, тупая стрела, метательная дубинка, полозья саней, лыжи, дугообразные орнаментированные изделия, рукояти дугообразной формы с желобками, ободы, диск с отверстием, палки с уступом на конце, вероятно, рукояти копий и другие орудия (Буров, 1966. С. 157).

Луки (табл. 19) представлены серией из 31 экземпляра, целых и фрагментированных. Кроме них, есть еще обломок так называемого симметричного лука с утолщением в середине, образующим своеобразное ребро. Длина сохранившейся части 1,2 м, ширина 4,0 см, толщина 1,3 см. Аналогии этому изделию известны среди находок на западноевропейских стоянках каменного века и эпохи бронзы. Основная часть луков из Вис I (29 экз.) отнесена к асимметричным или висского типа. Их характерной отличительной чертой является различное оформление концов. По этому признаку висские луки разделены на два варианта.

К первому варианту принадлежат 19 изделий. Они сделаны из ели, реже из сосны и других хвойных пород, отличающихся особой эластичностью. Установлено, что их изготовляли из стволов молодых деревьев диаметром не более 15 см. Внешняя сторона

луков не обрабатывалась, сохраняет натуральную поверхность, а внутренняя обработана частично или полностью. Поэтому в сечении луки имеют в центре овал или близкую форму. Для укрепления тетивы на нижнем конце луков есть зарубка, при этом ее делали только с внутренней стороны. Верхний конец завершен согнутым внутрь навершием или козырьком треугольной формы. В трех случаях изделия сохранились целиком, что позволило установить их длину — 134, 138, 155 см. У нескольких других она определена после реставрации и соответствующего расчета. Длина луков первого варианта установлена в пределах 139—156 см (Burow, 1981. S. 373—374). Изделия подразделяются еще на три группы — с отверстием на широком конце (6 экз.), без отверстия (3 экз.), со сломанным концом, где установить, было ли отверстие, нельзя (8 экз.).

Висские луки второго варианта отличаются прежде всего своими размерами. Отдельные сохранившиеся полностью экземпляры достигают длины 348, 267, 255, 177 см. Насчитывается 10 экземпляров этого варианта. Они сделаны из стволов молодых деревьев, в том числе ели, сосны, иногда лиственных пород, имеют круглое сечение, верхний конец бывает плоским с отверстием для тетивы или с зарубкой, нижний конец — с зарубкой с одной стороны. По оформлению концов выделяются три группы изделий — с отверстием на плоском конце (3 экз.), с кольцевым углублением перед заостренной головкой на конце (6 экз.), с выделенной на ровном конце головкой (1 экз.). Гигантские луки относятся к разряду луков-самострелов, известных по этнографическим материалам у народов Сибири, где их до недавнего времени использовали для охоты на крупных лесных животных (Burow, 1981. S. 385. Tabl. 17). Следует отметить, что некоторые из луков первого варианта украшены примитивным орнаментом из насечек или зарубок по краям.

Представляют интерес полозья саней из торфяника Вис I, найденные в виде двух больших фрагментов. Они очень широкие, с низким бортиком вдоль одного края и заостренным приподнятым концом. Опубликованный санный полоз имеет длину примерно 66,5 см, ширину 14 см. У концов полозьев, ближе к краю, сделано по одному отверстию. Судя по расположению этих отверстий, полозья могли скрепляться вместе при помощи ремней, проходящих через отверстия (Буров, 1966. С. 160; 1981). Обломок лыжи оказался небольшим и не дает представления о форме.

О развитии рыболовства у жителей стоянки Вис I можно судить по остаткам сетей и поплавков. Последние представлены одним экземпляром, сделанным из коры, который имеет асимметричную форму и маленькое отверстие в верхнем конце. Другой конец сломан, и размер изделия неясен (Буров, 1966. Рис. 5, *5*). Сеть сплетена из веревки толщиной 1,5—2,0 мм, сделанной из крученых корешков, осоки и других растений (определение С. Н. Тюремнова). Размер ячеек сети 4,5—5,5 см, она относится к крупноячеистым. В целом орудия, связанные с рыболовством, немногочисленны.

Хотя в торфянике Вис I найдено много луков, которые составили почти шестую часть изделий из растительных материалов, здесь отсутствуют стрелы из дерева и других органических материалов, а также наконечники из камня.

В целом о хозяйственной деятельности жителей стоянки Вис I сведения ограничены, не сохранились остатки жилищ или других сооружений или объектов деятельности, нет данных об организации стоянки. Тем не менее памятник представляет исключительный интерес для изучения эпохи мезолита на Европейском Северо-Востоке.

Стоянка Явроньга I открыта в 1968 г. Г. М. Буровым. Она находится в бассейне р. Пинеги, на левом берегу ее притока — р. Явроньги и занимает останец на низкой пойменной террасе. Памятник имеет смешанный культурный слой, вещи мезолитического времени выделены типологическим путем. В коллекции насчитывается 5794 кремневых куска и обломка, 38 нуклеусов «карандашевидной» формы и 798 ножевидных пластин. Основная часть орудий сделана из ножевидных пластин. Среди них 116 пластин с краевой ретушью, 22 экземпляра с углами, обработанными ретушью, семь — с ретушью по концам, два — со скошенными противолежащими концами. Кроме того, найдено 26 угловых резцов на сломанных пластинах, 15 концевых скребков, 3 наконечника постсвидерского типа. Пластины составляют 28% от общего числа пластин и отщепов, что позволяет выделить основную массу находок мезолитического времени, а кроме того, характеризует инвентарь стоянки как микролитический (Буров, 1969. С. 6—7; Burow, 1973. S. 135).

Из очажной ямы, где не было керамики, но найдено много обломков ножевидных пластин, был взят уголь для радиокарбонового анализа. Для стоянки Явроньга I получена дата 6580±60 до н. э., т. е. середина VII тысячелетия до н. э. (Burow, 1973. S. 135). По наконечникам постсвидерского типа и общему характеру кремневого инвентаря Г. М. Буров сближает Явроньгу с торфяником Вис I и относит к одной культуре, распространенной главным образом в бассейне р. Вычегды. К ней принадлежат отдельные находки на памятниках со смешанным культурным слоем, таких, как Вис II и III, а также стоянки других весьма отдаленных территорий (Burow, 1973. S. 136). Выделение этой культуры даже для стоянок типа Явроньга представляется необоснованным, так как к сравнению привлечены вещи, характерные для другой культуры. Кроме того, на стоянках типа Явроньги полностью отсутствуют изделия из дерева, а каменные изделия представлены значительно большим числом и имеют иной состав, чем в торфянике Вис I. Еще в большей мере это относится к памятникам эпохи мезолита в Восточном Прионежье и Карелии. Таким образом, о культуре памятников типа Вис I говорить пока преждевременно.

В бассейне р. Вычегды известна группа мезолитических стоянок с микролитическим инвентарем. Все они находятся на первой и второй надпойменных террасах высотой от 7 до 22 м в песчаных отложениях. Памятники открыты в 60-х годах Г. М. Буровым, из них многие оказались разрушенными, некоторые исследованы раскопками (Ульяново, Кузьвомын). Установлено, что культурный слой ряда стоянок был незначительным, а следовательно, они были кратковременными. Другие стоянки были

большими, имеют значительный слой. К ним принадлежат Курьядор, Пезмог I, Ульяново, Кузьвомын. Замечено, что стоянки обычно приурочены к краю террасы в виде пятен с особенно сильно насыщенным культурными остатками слоем. Полагают, что здесь могли стоять легкие наземные жилища типа шалашей (Буров, 1965. С. 43—56).

Для изготовления орудий жители вычегодских стоянок применяли обычно пестрый валунный кремень и в редких случаях кварцит. Решительно преобладает техника ножевидных пластин, что свидетельствует о развитии вкладышевой техники и широком использовании орудий составного типа. Из общего числа пластин и изделий на них 70,3—78,4% не имеют дополнительной обработки (Буров, 1965. Табл. 3), а это означает использование в качестве вкладышей пластин без дополнительной ретуши. Встречены также ножевидные пластины с краевой ретушью, которые считаются вкладышами. Они составляют на разных стоянках от 10,7 до 22,4% общего числа пластин и изделий из них.

Остальные изделия на всех стоянках немногочисленны. Только нуклеусы встречаются довольно часто, их насчитывается 38 экземпляров, они мелкие, правильной огранки, конусовидной или реже «карандашевидной» формы. На стоянке Кузьвомын найдены проколка на изогнутой пластине, два отжимника или ретушера. Широкую известность получил микролит, найденный на стоянке Пезмог I. Это изделие имеет форму трапеции, сделано из сечения широкой пластины (2,2 см), длина основания трапеции 1,5 см, ретушь по краям (Буров, 1965. С. 50. Табл. 18, *5*). Ближайший памятник с подобными трапециями — Огурдинская стоянка на Каме (Бадер О. Н., 1966). Особенностью инвентаря вычегодских мезолитических стоянок является распространение рубящих орудий из кварцита, найденных на Ульяновской стоянке и Курьядоре. На Ульяновской стоянке найдены три кварцитовых топора, асимметричных в плане и симметричных в профиле, их поверхность обработана сколами, сечение линзовидное. Особенностью изделий является перехват перед обухом, выделенный для привязывания (Буров, 1965. Табл. 19, *11*). Здесь же найдены заготовка и обломок топора.

Хронология вычегодских стоянок с микролитическим инвентарем в свое время определялась по аналогии с мезолитом Камы, который сам по себе не имел твердых дат. Поэтому в настоящее время этот вопрос вычегодского мезолита остается открытым, хотя в целом ясен его поздний возраст (Буров, 1965. С. 58).

В бассейне Северной Двины исследование мезолитических памятников началось сравнительно недавно. Лучше всего исследовано верхнее течение, где в 1972 г. В. И. Канивцом и И. В. Верещагиной открыто четыре мезолитические стоянки. Одна из них на левобережье Северной Двины, в устье р. Вондонги, по имени которой названа Вондонгой I. Культурный слой стоянки имеет мощность 0,15—0,20 м, в нем найдены крупные ножевидные пластины, резцы, «резчики» с выемками и краевой ретушью, обломки пластин (Канивец, Верещагина, 1973. С. 16). Другие стоянки сосредоточены на правом берегу Северной Двины, в 5—6 км от современного русла, у впадения р. Котовки. Здесь открыты Филичаевские II, III, IV. Еще одна совершенно разрушенная стоянка обнаружена на берегу старичного озера, у пос. Приозерный (Верещагина, 1974. С. 8).

Филичаевские стоянки расположены на террасах высотой 10—15 м. Культурный слой находится обычно на краю террасы, основные находки сосредоточены пятнами. Не исключено, что эти скопления, как и на Вычегде, являются остатками наземных домов типа шалашей. Однако определенные следы жилищ или других сооружений не выявлены, только на Филичаевской II зафиксировано открытое кострище, заполненное мелкими углями, золой и перегорелыми костями. Мощность культурного слоя на всех стоянках не более 0,15—0,20 м, она залегает под дерном и тонким подзолом. На Филичаевских II, III, IV заложены небольшие раскопы соответственно 25, 23 и 8 кв. м. Выяснилось, что жители стоянок использовали кремень красного и красно-коричневого цвета, значительно реже встречаются изделия из серого или светлого валунного кремня. В инвентаре преобладают мелкие ножевидные пластины, которые составляют на Филичаевской II 74% общего числа находок, на Филичаевской III—87, на Филичаевской IV — 80%. Встречены нуклеусы правильной конусовидной и призматической формы, в том числе очень мелкие.

Законченные орудия на всех стоянках немногочисленны. Так, на Филичаевской III, где сделано больше всего находок, найдено 22 скребка (0,8%), 82 резца на углу пластины (3%), пять наконечников стрел (0,2%). Готовые орудия составили на Филичаевской II 3% от всех находок, на Филичаевской III — 4, на Филичаевской IV — 2% (Верещагина, 1974). Даже если добавить к ним обломки мелких пластин с ретушью, все равно орудий будет только 8, 11, 11,5%. Здесь нет рубящих орудий, а также других изделий, обычных для мезолитических стоянок соседних территорий. Таким образом, инвентарь стоянок исключительно беден готовыми изделиями, что объясняется не только небольшими площадями раскопов, но, возможно, особенностью материальной культуры. Найденные в Филичаевской III наконечники стрел имеют удлиненную форму, они сделаны из тонких пластин с ретушью у острия и у основания на брюшке. Подобная форма встречается на стоянках сухонской культуры. Это относится также к коротким и массивным скребкам позднемезолитического облика, известным на сухонских стоянках Карьер, Яснополянская и др. Подобное орудие происходит из Филичаевской IV (Верещагина, 1974. Рис. 2, *29*). Отмечено сходство Филичаевских стоянок на Северной Двине с материалами вычегодских мезолитических стоянок, а также исключительное распространение здесь микролитических ножевидных пластин. На этом основании высказано мнение о более раннем возрасте стоянок с микролитическим инвентарем из бассейнов Северной Двины и Вычегды по сравнению с торфяником Вис I и Явронька I, где ножевидные пластины большого размера и применялись изделия из отщепов (Верещагина, 1974. С. 93). Сходство северодвинских стоянок с мезолитом Сухоны позволяет отнести их к позднему мезолиту. Этот воз-

раст подтверждают аналогии с вычегодским мезолитом, датированным тем же периодом. Бесспорно также более раннее время существования стоянок типа Вис I и Явропьга I. Следует отметить, что многие стоянки с микролитическим инвентарем оказываются более поздними, чем памятники, где комбинируется техника отщепа и пластины. Последние относятся к раннему мезолиту, первые — к его финалу.

В последние годы во время разведок в бассейне Северной Двины было открыто несколько местонахождений, где собраны ножевидные пластины и орудия из них. А. Я. Мартыновым обнаружены стоянки Кадыевская на правом берегу р. Устье у одноименной деревни, Усть-Обокша, расположенная на левом берегу Северной Двины, в устье р. Обокши. Представляет интерес отдельная находка, сделанная у г. Архангельска, в местности Рикасиха. Здесь найден небольшой кинжал из целой ножевидной пластины с ретушью у острия и притупляющей ретушью на основании (хранится в Архангельском музее, № 19280).

В бассейне Мезени недавно открыто местонахождение у пос. Лешуконское, на правом берегу р. Вашки. Культурный слой не обнаружен, собраны кремневые ножевидные пластины, характерные для стоянки эпохи мезолита. Древность этих находок подтверждает высокое расположение на местности (Гаврилова, 1975. С. 11).

Бассейн Печоры. На крайнем Северо-Востоке Европейской части СССР стоянки с кремневым инвентарем, состоящим из ножевидных пластин и орудий из них, известны на Средней Печоре, на ее левом притоке Ижме, на правых притоках Усе, Адзьве, Колве (карта 4). В целом в Печорском бассейне насчитывается достаточное число стоянок, но все они мало изучены и оставляют сомнения в их мезолитическом возрасте. Все они, кроме стоянки Туруннюр I на р. Ижме, представлены сборами с поверхности (Канивец, Лузгин, 1963; Лузгин, 1972. С. 22).

К настоящему времени в долине р. Ижмы известно четыре стоянки — Туруннюр I, Кельчиюр I, Лек-Леса I, Лек-Леса II. На трех последних собран подъемный материал, состоящий из немногих характерных вещей, а культурный слой оказался совершенно разрушенным. Раскопки проведены только в Туруннюр I. Эта стоянка находится на правом берегу Ижмы, в 10 км к северо-востоку от д. Картаель и в 2,5 км от болота Туруннюр. Она занимает край боровой террасы высотой 18 м и частично разрушена осыпью. Раскопом и зачистками на стоянке вскрыто 64 кв. м. Культурный слой залегает под дерном и гумусированной прослойкой общей мощностью 7—9 см. Он представляет собой белесый песок с остатками кремневых изделий и осколками кремня, глубина его залегания 0,15—0,30 м. Культурный слой распространялся на ограниченном участке, что вместе с небольшой мощностью и слабой насыщенностью говорит о временном характере стоянки, где могла существовать лишь небольшая группа людей (Лузгин, 1972. С. 24). Удалось обнаружить открытый очаг, который представляет собой овальное в плане скопление крупной обожженной гальки размером 0,80×0,64 м. Он располагался на материке, и почва под ним оказалась прокаленной до глубины 0,06 м. На другом участке стоянки отмечено пятно охры размером 0,44×0,39 м, его назначение не выяснено.

Для изготовления находок использован совершенно одинаковый светлый и белый кремень хорошего качества. Ножевидные пластины составляют 75% от всех пластин и отщепов, что говорит об их преимущественном использовании. Набор орудий ограничен. Представлены одно острие на пластине, два наконечника стрел из пластин с выделенным черешком и сломанным пером, скребки (25 экз.), на пластинах — концевые. Особого внимания заслуживает тесло из кремня, обработанное двусторонней оббивкой и ретушью по рабочему краю с одной стороны (Лузгин, 1972. Рис. 2, *33*).

Стоянка Туруннюр I датирована поздним мезолитом по аналогии с памятниками этого периода на Вычегде и Каме на основании сходного состава кремневого инвентаря и его общей микролитоидности (Лузгин, 1973. С. 96). Определение относительного возраста памятника представляется правильным и не вызывает возражений. Общая микролитоидность инвентаря, большой процент ножевидных пластин по отношению к отщепам, форма наконечников стрел и скребков, наконец, появление кремневых рубящих орудий позволяют сопоставлять Туруннюр I не только с вычегодскими стоянками, но также с сухонской культурой, с ее поздними памятниками. Это подтверждает позднемезолитический возраст этой стоянки.

На Средней Печоре в 40—50-х годах во время разведок Г. А. Чернова открыто несколько разновременных памятников, и в их числе некоторые с кремневым инвентарем, состоящим из ножевидных пластин и отщепов. Большинство из них разрушалось или было разрушено уже к моменту открытия. Например, на Петрушинской стоянке, расположенной на правом берегу Печоры у одноименной деревни, материал был собран на выдувах и на крышах современных хозяйственных сооружений. Здесь найдено 140 ножевидных пластин и отщепов (Чернов, 1951. С. 81—83; 1959. С. 229). Примерно такая же картина на местонахождении Зареченская, на левом берегу Печоры, выше устья р. Мылвы. На береговом валу, выше второй террасы, в выдувах собраны семь ножевидных пластин и три отщепа. Ни на одной из стоянок раскопок не проводилось.

В бассейне р. Усы, главным образом на ее северных притоках Адзьве и Колве, Г. А. Черновым обнаружен еще ряд стоянок с микролитическим кремневым инвентарем. Два пункта находятся на правом берегу самой Усы, выше впадения р. Адзьвы — Адакская и Адзьвинская стоянки. У д. Адак, в двух местах, в выдувах песчаных террас собрано около 200 мелких кремневых отщепов, 20 кварцитовых отщепов, 45 мелких ножевидных пластин, из них один резец на углу пластины, один скобель, некоторые пластины с ретушью. Они сделаны из пестрого валунного кремня. Адзьвинская стоянка находится в 3 км от устья р. Адзьвы, у старицы, на второй боровой террасе высотой 8—10 м. В выдувах найдены 150 отщепов, 75 ножевидных пластин, один нуклеус, две пластины с ретушью (Чернов, 1951).

На р. Адзьве известны еще четыре пункта (13, 14, 19, 42), где были собраны только изделия из кремня, преимущественно ножевидные пластины и мелкие отщепы (Чернов, 1954). Среди местонахождений, известных на правом притоке Усы р. Колве, также есть пункты с подобным составом находок, например Колва I (карта 4). В бассейне Колвы, по ее притокам Колве-Вис и Сандибей-Ю, сосредоточено большое число разрушенных стоянок, в том числе мезолитических. На Сандибей-Ю открыто 10 стоянок, из которых наибольший интерес представляет Сандибей-Ю I. Здесь собрано более 700 ножевидных пластин и 300 орудий из них, в том числе наконечники стрел, резцы, «резчики», пластины с боковой выемкой, пластины с краевой ретушью, скребки, нуклеусы. Первые стоянки были открыты на р. Сандибей-Ю в 1939 г., а затем разведки продолжены в 1975 г. (Чернов, 1978. С. 48). На Колве-Вис известны три стоянки с кремневым инвентарем (13, 14, 16). А самой северной стоянкой подобного типа является пункт на р. Черной (Чернов, 1941, 1951; Верещагина, 1973).

В оценке мезолита Печорского бассейна установилось мнение о последовательном развитии кремневой индустрии от ранней микролитической к более поздней, основанной на применении крупных пластин и отщепов. На этом основании выделена группа стоянок с преобладанием в инвентаре микропластин, которая датирована VII—VI тысячелетием до н. э. (Канивец, 1973; Burow, 1973). Подобные стоянки в Большеземельской тундре считаются более поздними, они отнесены ко второй половине VI—V тысячелетию до н. э. (Верещагина, 1973). Вторую группу стоянок, таких, как Топыд-Нюр V, Черепанька-Ди на Печоре, в инвентаре которых увеличивается роль отщепов, а микропластины составляют до 5,5% инвентаря, исследователи считают поздними и датируют V тысячелетием до н. э. (Стоколос, 1975). В соседних регионах подобная закономерность не подтвердилась во время исследований последних лет, для Печорского бассейна и всего Северо-Востока она требует проверки и аргументации.

О заселении Северо-Востока Европейской части СССР существует ряд гипотез, в том числе о приходе населения в эпоху мезолита с юго-запада, из волго-окской и балтийско-днепровской областей. Полагают, что волна этого заселения достигала Средней Печоры. С другой стороны, мезолитические стоянки Вычегды связывают происхождением с Прикамьем и Южным Уралом (Бадер О. Н., 1966; Гурина, 1977а. С. 29).

Глава пятая
Мезолит Латвии и Эстонии

На территории Восточной Прибалтики — Эстонии, Латвии и Литвы — в настоящее время известно значительное количество памятников эпохи мезолита (карта 5). Они относятся к трем различным мезолитическим культурам — кундской, неманской и янисла́вицкой. В границы кундской культуры включаются: Эстония, Латвия и Северо-Западная Литва; в неманскую культуру — Юго-Восточная Литва. Янисла́вицкая культура в пределах СССР встречается в Южной Литве и Северо-Западной Белоруссии.

Кундская культура. Определение границ кундской культуры, а следовательно, и ее сущности в настоящее время до некоторой степени дискуссионно. По мнению одних исследователей, кундская культура распространяется очень далеко на восток, вплоть до Урала. В последнее время эстонские специалисты ограничивают область распространения кундской культуры Эстонией, Латвией и Северной Литвой, за исключением ее юго-восточной части.

Эстония дольше, чем другие более южные территории, оставалась покрытой ледником, что исключало возможность раннего заселения. Она полностью освободилась от материкового льда лишь 11 000 лет тому назад. В то время тающий лед наводнил ее пониженные участки, создав большое количество озер и полноводных рек. Значительная часть побережья Эстонии была затоплена водами Балтийского моря. В последующее время береговая линия менялась в связи с его регрессиями и трансгрессиями. Наиболее крупными трансгрессиями явились анциловая и литориновая.

Мезолит Латвии представлен пока еще относительно небольшим числом памятников, открытых и исследованных за последние годы Ф. А. Загорскисом, И. А. Лозе, И. А. Загорской и Л. В. Ванкиной. До указанных работ, вплоть до 60-х годов нашего столетия, мезолитические находки на территории Латвии известны преимущественно с озер Лубана, Большой Лудзас, р. Двиета и других мест, где они, однако, не отчленились от неолитических находок. Впервые такая попытка была предпринята Э. Штурмсом, а затем И. А. Лозе, выделивших на основе типологического анализа явно выраженный мезолитический комплекс костяных и роговых орудий, преимущественно гарпунов и наконечников стрел (Sturms, 1939; Лозе, 1966).

С 60-х годов началось целенаправленное изучение мезолита, в результате которого обнаружены первоклассные, четко стратифицированные стоянки и могильник. Важное значение для понимания мезолитической эпохи имеет также обнаружение на территории Латвии стоянки финального палеолита Саласпилс Лаукскола.

Предшествующие мезолиту памятники на территории кундской культуры представлены пока единственной стоянкой Саласпилс Лаукскола, расположенной на правом берегу р. Даугава, в 18 км от г. Риги, на 10-метровой террасе, сформировавшейся во второй половине верхнего дриаса (Загорска, Загорскис, 1977). Как устанавливают геологи, все время существования стоянки месторасположение ее представляло приустьевой участок долины р. Даугавы, примерно в 3 км от места впадения ее в Балтийское озеро.

Культурные остатки залегали гнездами, в 8—10 м друг от друга и в 20—50 м от берега Даугавы. Всего найдено 1005 кремней с обработкой и 852 отщена. Все находки, концентрировавшиеся в песчаном поддерновом слое, представлены сильно патинизированными орудиями, изготовленными из светло-серого кремня высокого качества. Заготовками для большинства из них послужили ножевидные пластинки, из которых изготовлены наконечники стрел свидерского типа, иволистные или с отчетливо выраженным узким черешком, оформленным плоской ретушью на брюшке, срединные и боковые резцы, концевые скребки; встречаются комбинированные орудия, ножевидные пластинки нередко со вторичной обработкой или со следами использования. Нуклеусы преимущественно двухплощадочные, подпризматические.

В истории изучения мезолита Эстонии можно выделить два этапа. Еще в конце прошлого столетия в северо-восточной ее части при добыче мергеля был обнаружен интереснейший памятник Кунда, привлекший внимание исследователей, и в частности К. Гревингка (Grewingk, 1882). Значительно позже, в 1933—1937 гг., он стал предметом полевых исследований Р. Индреко (Indreko, 1948). В процессе раскопок были получены весьма богатые материалы эпохи мезолита и неолита.

В начале XX в. представления о мезолите базировались и на значительной коллекции костяных и роговых орудий, найденных в нижнем течении р. Пярну, близ устья ее притока Рейу (Indreko, 1948). Предметы были обнаружены на дне реки в переотложенном состоянии, но неоднократные попытки найти непотревоженную часть стоянки не дали положительных результатов.

К этому же периоду относятся многочисленные случайные находки, преимущественно каменных орудий, сделанные в Юго-Восточной Эстонии, на северном побережье Выртсярви. Наконец, следует упомянуть местонахождения Сийвертси и Тырвала на левом и правом берегу р. Нарвы (в последнем случае в современной Ленинградской обл.) откуда происходят костяные орудия, скульптура и остатки сетей (Indreko, 1948; Гурина, 1961).

Второй период изучения мезолита начался в Советской Эстонии в 50-х годах, после учреждения Академии наук Эстонской ССР. За эти годы благодаря целенаправленным полевым изысканиям, в резуль-

тате чего были открыты новые мезолитические памятники, создается надежная источниковедческая база для углубления понятия об этой эпохе и появляется реальная возможность расчленения ее на последовательные хронологические этапы, а также выявления генезиса неолитических культур.

В настоящее время в результате плодотворной работы Л. Ю. Янитса и К. Л. Янитса, открывших ряд новых стоянок, в мезолите Эстонии выделяются два основных хронологических периода — ранний и поздний. Наиболее ранним в хронологическом отношении памятником кундской культуры является стоянка Пулли. Она расположена в юго-западной части Эстонии, на правом берегу р. Пярну, на расстоянии около 15 км от ее устья, на стрелке, образованной правым берегом р. Пярну, и впадающем в нее ручьем Пулли. Памятник был открыт в 1967 г. случайно, в процессе добычи песка, в 1968—1973 и 1975—1976 гг. на нем проводились раскопки Л. Ю. Янитсом, в результате чего исследованная площадь составила 1159 кв. м.

Особая ценность данного памятника, помимо выразительности и целостности комплекса находок, заключается в его стратиграфии. Археологические материалы встречаются в тонком гумусном горизонте и в нижележащем древесном торфе, под береговыми песками Анцилового озера. Насыщенность культурного слоя относительно невелика и находки планиграфически и поглубинно распределяются неравномерно, наибольшее количество их встречается там, где больше толща гумуса; в северной части раскопа, где мощность его очень мала, количество находок не превышает одного предмета на 1 кв. м, в силу чего можно сделать вывод, что это окраина поселения (возможно, причина заключается в том, что сюда близко подходил заболоченный берег ручья Пулли). В южной части поселения (со стороны реки), где толща гумуса значительна, находок встречается больше, вместе с ними встречаются кости животных и угли.

В южной части стоянки в пределах гумусированного слоя обнаружен очаг диаметром 0,7—0,8 м, обложенный камнями; возможно, что такой же очаг был и в северо-западной части, однако первоначальное положение камней здесь было нарушено. Кроме того, в нескольких местах прослежены очаги без камней и деревянные заостренные колья диаметром от 6 до 9 см, в отдельных случаях сосновые. Нижний конец одного из них опускался ниже гумуса, другие находились в толще гумусированного слоя, иногда в горизонтальном положении. Некоторые обожженные деревянные изделия залегали также частично в контурах этого слоя, частично в перекрывающей его глине. В непосредственной близости от них встречались обгоревшие кости. Один из очагов без камней, найденный на самой южной оконечности раскопа, содержащий большое количество углей, опускался на 0,20 м ниже культурного слоя.

В процессе раскопок найдено большое количество каменных и костяных орудий (табл. 20). В числе отчетливо выраженных форм — более 20 тесел и долот разных пропорций из трубчатых костей крупных животных. Рабочий конец их, расширенный или равный тыльной части, приострен с помощью шлифования. Помимо относительно крупных (до 10,5 см в длину), встречаются и мелкие (едва превышающие или равные 5 см), ширина их рабочего лезвия, прямого или слегка скошенного, равняется 2 см. Некоторые из таких орудий имеют на лезвии глубокие продольные нарезки, от чего края их становятся зубчатыми. Такие весьма оригинальные орудия известны и в других памятниках кундской культуры (Звейниеки II). Из трубчатых же костей изготовлены и удлиненные острия с тонким залощенным рабочим лезвием. Часть таких орудий резко удлиненных пропорций (соотношение длины и ширины 120 : 4, 110 : 3), они округлые или подчетырехугольные в поперечном сечении, сильно заостренные, тщательно зашлифованные и залощенные, близки к игловидным наконечникам стрел и, возможно, являлись таковыми. Одно из острий имеет мелкие насечки по краю (видимо, орнамент), другие экземпляры снабжены нарезками в тыльной части, служившими, очевидно, для закрепления нити. Среди наконечников следует отметить биконический с очень резко удлиненным черешком. Встречены обломки гарпунов с относительно крупными зубцами, орудия из грифельных костей и шилья или иглы для плетения сетей, а также орудия значительного размера, резко удлиненного очертания с тщательно зашлифованным заостренным концом, изготовленные из крупных трубчатых костей.

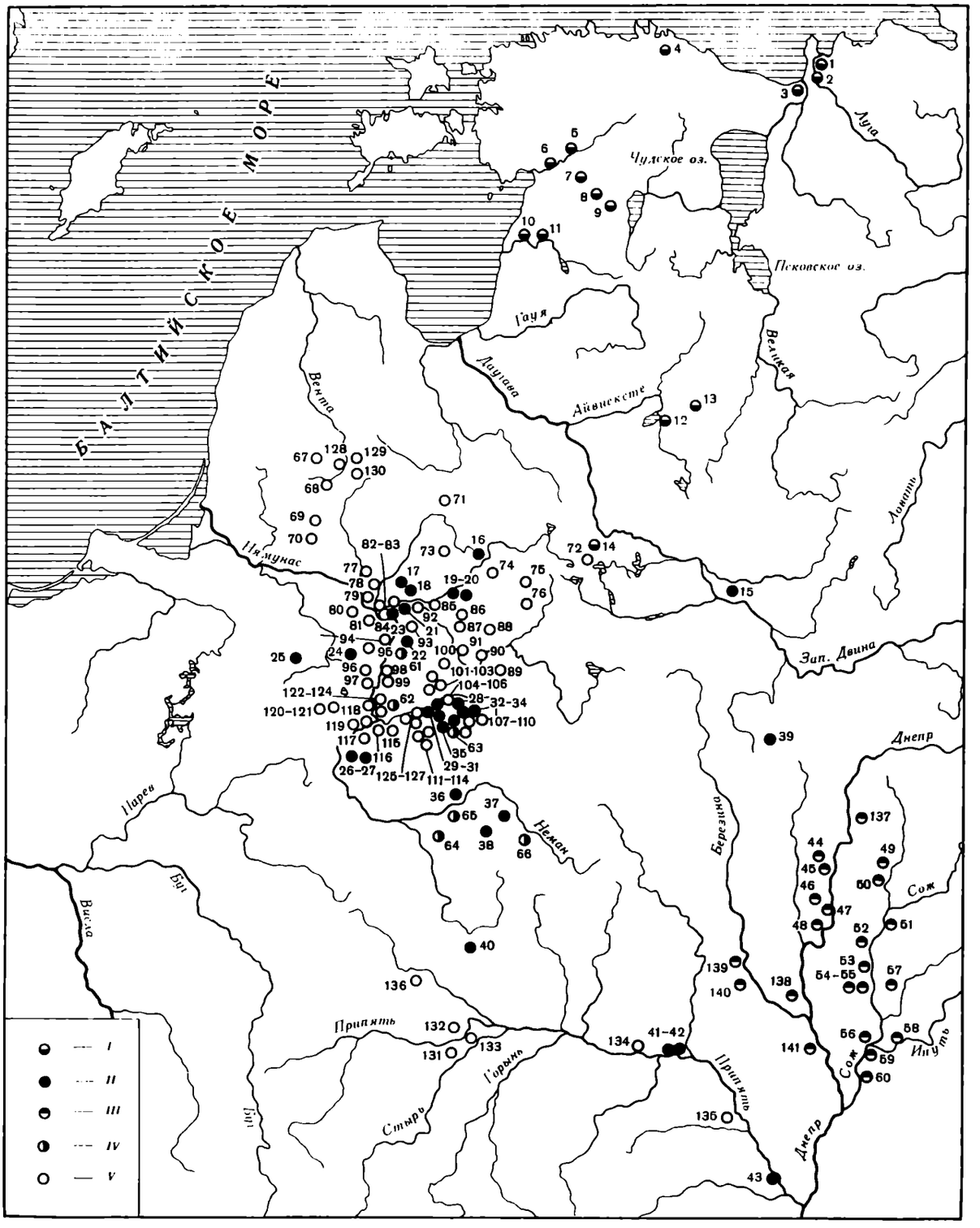
В числе костяных орудий следует упомянуть также стерженек с нарезкой в верхнем конце (возможно, являвшийся стержнем составного рыболовного крючка) и резко удлиненный, слегка фрагментированный рыболовный крючок, а также не совсем понятный трехгранный предмет с зубчиками по краю, фалангу с пробитым отверстием, «мотыги».

Роговые орудия представлены типичными для Восточной Прибалтики мотыгами, широко известными по стоянке Кунда и ранненеолитическим памятникам Нарва, Кяпа и др. (Indreko, 1948; Jaanits, 1965; Гурина, 1967). Один из таких предметов, имеющий более удлиненные пропорции, в верхней части снабжен отверстием.

Наконец, следует указать на несколько десятков подвесок из зубов животных (часто лося) с одной или несколькими нарезками в концевой части.

Основная масса кремневых изделий и отходов производства в Пулли (табл. 20) изготовлена из черно-коричневого кремня, не характерного для позднемезолитических и ранненеолитических памятников этой территории, и лишь очень небольшой процент орудий сделан из местного кремня. Черно-коричневый кремень не встречается в пределах Эстонии, он известен в Северо-Западной Белоруссии, на Валдайской возвышенности и в верховьях Днепра (Гурина, 1973б).

Обнаружено 17 наконечников стрел (вместе с фрагментами) на пластинах, постсвидерского типа, с черешком, тщательно обработанных крутой ретушью по краям на черешке, на спинке и полукрутой — на брюшке; один из наконечников асимметричный (табл. 20). Обращают на себя внимание необычайностью обработки крупные наконечники на пластинах с зубчатыми краями, перо которых на брюшке, начиная от острия, покрыто на $^2/_3$ плоской ретушью; черешок отчетливо выделен, но обломан. Оригинален и обломок слабо выраженного черешка

Карта 5. Памятники мезолита Прибалтики и Белоруссии

1 — Тырвала; *2* — Нарва; *3* — Сийвертси; *4* — Кунда; *5* — р. Пярну; *6* — Пулли; *7* — Лепакозе; *8* — Ялеверe; *9* — Мокси; *10, 11* — могильник Звейниеки и стоянка Звейниеки II; *12* — Лубана; *13* — Оса; *14* — Двиете; *15* — Крумплево; *16* — Самантонис; *17* — Жемяй-Канюкай; *18* — Драсейкяй; *19—20* — Саляпинкай 1, 2а; *21* — Эйгуляй 1С; *22* — Якштонис А; *23* — Лампеджяй; *24* — Кампишкес; *25* — Няндринай; *26, 27* — Мяльничеле а, с; *28* — Акмус; *29—31* — Глинас 1, 3 и Межозерная; *32* — Митришкес *5с*; *33* — Мяргяжяриc 2; *34* — Мяркине 3А; *35* — Памяркине; *36* — Бор; *37* — Черешля VII; *38* — Свитязь; *39* — Жарки; *40* — Бобровичи; *41, 42* — Хильчицы I, II; *43* — Рожава; *44* — Дальнее Лядо; *45* — Барколабово; *46* — Лудчица; *47* — Яново; *48* — Коромка; *49* — Горки; *50* — Журавель; *51* — Кремянка; *52* — Костюковка; *53* — Лиственичи; *54* — Верхи; *55* — Новые Лядцы (уроч. Гренск); *56* — Присно; *57* — Печенеж; *58* — Столбун; *59* — Рудня Споницкая (уроч. Латки); *60* — Скиток; *61* — Дубичяй 2; *62* — Максимонис IV; *63* — Дубичяй; *64* — Чарленка; *65* — Несиловичи I; *66* — Черешля VI; *67* — Янаполе; *68* — Шукишкяй; *69* — Палукнис; *70* — Купс; *71* — Прусяляй; *72* — Зависишке; *73* — Микалишкис; *74* — Аникшчяй; *75* — Галяляй; *76* — Мяльдиняй; *77* — Яйчякяй; *78* — Бруже; *79* — Вирбалюнай; *80* — Риоглишкяй; *81* — Качяргине; *82* — Канюкай; *83* — Ляпшишкяй; *84* — Лянтайняй; *85* — Саляникай; *86* — Книзлаукис; *87* — Гавенонис; *88* — Матяляй; *89* — Антавилис; *90* — Вильнюс; *91* — Шиленай; *92* — Бартоняй; *93* — Довайнионис; *94* —

одного из наконечников необычайной формы — массивного, трехгранного в сечении, обработанного нерегулярной ретушью.

Скребки изготовлены из пластин или пластинчатых отщепов, иногда с участками, покрытыми коркой. Большинство их концевые, у многих боковые края носят следы работы (табл. 20). В качестве скобелей использовались отщепы случайных форм, единичные из них имеют вогнутый рабочий край, дополнительно слегка ретушированный.

Весьма выразительны, хотя и не столь многочисленны угловые и боковые резцы на крупных пластинах правильного огранения, резцовый скол их, чаще длинный, нанесен на один из углов, противоположный край частично или сплошь ретуширован или сильно сработан; есть резцы на отщепах, в том числе срединные (табл. 20). Много ножевидных пластин также правильных очертаний, крупных и средней величины, длинные стороны которых ретушированы чаще по одному краю и, как правило, с интенсивным использованием другого края. К микролитам относятся единичные острия, ретушированные по одному, слегка выпуклому краю, и довольно многочисленные микропластинки с ретушированным, чаще на спинке, краем и косо срезанным концом, также обработанным притупляющей ретушью, напоминающие янославицкие треугольники (табл. 20). Многочисленны короткие сечения иногда отчетливо выраженной трапециевидной формы, в том числе и очень мелкие. У одних экземпляров рабочий край ретуширован, у других сильно сработан, не менее чем на пяти сечениях имеются резцовые сколы.

Из числа единичных предметов следует назвать ретушеры и крупный предмет из кристаллической породы, возможно являвшийся теслом. Относительно много обломков шлифовальных плит и галек.

Несмотря на обилие длинных и широких, правильного огранения пластин из черно-коричневого кремня, нуклеусы из этого материала отсутствуют. Имеющиеся немногочисленные экземпляры нуклеусов невелики по размеру (до 3 см), чаще аморфные, реже одноплощадочные, приближающиеся к коническим, изготовлены из местного серого кремня. Л. Ю. Янитс высказывает предположение о возможной связи с кремневыми изделиями крупных нуклеусов для снятия пластин из черно-коричневого кремня, найденных в карьере рядом со стоянкой Пулли. В целом скребки и ножевидные пластины имеют следы очень длительного употребления, что, несомненно, связано с трудностью добычи хорошего кремневого сырья с относительно далекой территории.

Четкая стратиграфия и датировка радиокарбонным методом (дерева, угля и торфа): 9600±120 и 9675±115 лет от наших дней — граница гумуса и органогенных отложений, 9300±75 и 9285±120 лет от наших дней — в верхней части органогенных отложений позволяют датировать стоянку Пулли временем пребореаля — VIII тысячелетием до н. э.

Следующий этап кундской культуры представляет стоянка Кунда. Она расположена в северной части Эстонии, в 4 км южнее г. Кунда, на моренном холме Ламмасмяги (размерами 100×70 м), являвшемся в древности островом. Помимо того, небольшое количество находок встречено у подножия древнего холма, на дне бывшего озера. Как устанавливают геологи, глубина озера вокруг холма Ламмасмяги была не более 1,5—2 м. На дне этого озера со временем отложился мел, перекрытый впоследствии болотной почвой.

В процессе раскопок Р. Индреко была вскрыта площадь в общей сложности около 1000 кв. м, было получено большое количество костяных, роговых и каменных орудий. В 1961 г. с целью уточнения хронологии памятника, в частности выявления различных комплексов орудий и их взаимоотношений, доследование Кунды предпринял Л. Ю. Янитс, вскрывший 126 кв. м (Jaanits, 1965). Палинологическое изучение проводила Г. Н. Лисицына (Лисицына, 1958, 1961).

В результате полевых наблюдений и абсолютных датировок, полученных с помощью радиокарбонового метода, Л. Ю. Янитс пришел к выводу, что н холме Ламмасмяги продолжительное время существовало поселение, часть которого сохранилась на склоне холма. Наличие глинистой прослойки внутри культурного слоя указывает, вероятно, на короткий перерыв в его существовании. Допускается возможность обитания стоянки до момента высыхания озера, которое могло произойти в переходное время от бореального климатического периода к атлантическому.

В процессе раскопок 1961 г. Л. Ю. Янитс наблюдал следующую очередность напластований в наиболее высокой части холма: под землей с известняковым щебнем залегала твердая нетронутая морена — материк; несколько ниже по склону морена спускалась небольшим уступом, под ней, ниже по склону, залегала темная углистая земля, расчлененная глинистой прослойкой на два горизонта. В темном слое обнаружено очень много находок. В нижнем горизонте встречено скопление костей, сложенных компактно, видимо запасы для изготовления орудий. В глинистой прослойке находки почти не встречались. Подстилала все эти слои грунтовая морена (табл. 21).

Л. Ю. Янитс склоняется к тому, что все изделия из кости и рога (табл. 21), найденные в Кунда — Ламмасмяги, можно отнести к мезолиту, поскольку такие орудия найдены в нижних, несомненно, мезолитических слоях и отложениях бывшего озера, хотя они встречаются и выше, вместе с неолитическими находками. В пользу сказанного, по мнению ис-

Поцюнай; *95* — Алькснякемис; *96* — Сипонис; *97* — Норкунай; *98* — Няманюнай; *99* — Ванагай; *100* — Пурвинай; *101* — Маскаука; *102* — Бартяляй; *103* — Бабришкес; *104* — Бяржупис; *105* — р. Дярежничя; *106* — Варена; *107* — Манчягире; *108* — Пауосупе; *109* — Зервинос; *110* — Рудня; *111* — Маргяй; *112* — Кашетос; *113* — оз. Лавилас; *114* — Марцинконис; *115* — Чясукай; *116* — Няравай; *117* — Швяндубре; *118* — Гайлюнай; *119* — Балташишке; *120* — Павейсninкай; *121* — р. Запсе; *122* — Нямунайтис; *123* — Мяльдиняй; *124* — Нятесай; *125* — Кайбучяй; *126* — Жюрай; *127* — Гиряжярис; *128* — Дряняй; *129* — Биржулё сасмаука; *130* — Спигинас (стоянка и могильник); *131* — Любязь II; *132* — Омыт I; *133* — Сеньчицы I; *134* — Дорошевичи I; *135* — Белосорока I; *136* — Ополь I; *137* — Хвойная; *138* — Береговая Слободка; *139* — Красновка; *140* — Михайловка; *141* — Рекорд; *I* — памятники кундской культуры (*1—14*); *II* — памятники со свидерской традицией (*15—43*); *III* — памятники днепровско-сожской культуры (*44—60*; *137—141*); *IV* — памятники янославицкой культуры (*61—66*); *V* — памятники с невыясненной культурной традицией (*67—136*)

следователя, свидетельствуют аналогичные костяные и роговые орудия, обнаруженные в других мезолитических памятниках.

Материал, полученный в результате всех лет раскопок, чрезвычайно многочислен и разнообразен. Преобладают костяные и роговые изделия, каменные представлены кремневыми и кварцевыми орудиями, а также предметами из кристаллических пород. Значительно количество костяных и роговых наконечников стрел и гарпунов (табл. 21). Хорошо датирующимися среди них являются односторонние, очень редко двусторонние наконечники дротиков с многочисленными мелкими зубцами, называемые часто гарпунами «кундского типа». Особо выделяются массивные, чаще треугольные в поперечном сечении наконечники с крошечными зубчиками-нарезками по двум или всем трем граням, также заостренным насадом,— «лубанский тип», по терминологии И. А. Загорской.

Гарпуны имеют средний и крупный размер (до 21 см), иногда они очень широкие, массивные, снабженные в тыльной части выступом или зубцом, направленным в противоположную острию сторону, часто зубцы имеют клювовидную форму. Иногда гарпуны в тыльной части снабжены нарезками для более прочного закрепления шнура, и только, видимо, в очень редких случаях они имеют отверстия в тыльной части. Наряду с серией гарпунов очень удлиненных пропорций нередко короткие и широкие экземпляры. Среди костяных наконечников стрел встречаются массивные, с очень удлиненным пером, симметричные и асимметричные, игловидные и биконические с резко вытянутым или, наоборот, очень коротким черешком, у отдельных наконечников он превышает 16 см, у других равен всего лишь 9 см, у третьих почти отсутствует. Хотя и редко, но встречаются гарпуны и наконечники стрел с сохранившимися вкладышами.

Очень выразительны костяные тесла и долота, изготовленные самым примитивным способом. Обычно это крупная трубчатая кость, расколотая в продольном направлении, один конец которой, ровный, заточенный шлифовкой, превращен в лезвие, в большей или меньшей степени вогнутое (в соответствии с изогнутостью кости). Для острий типа пешни и орудий «под углом 45°» использованы преимущественно расколотые вдоль метаподии парнокопытных — оленя или лося; во всех случаях они очень сильно зашлифованы и залощены от употребления.

Кунда содержит значительное число орудий из продольно расколотых костей крупных животных, концы которых, округлые в сечении, заострены и тщательно зашлифованы. Многообразны роговые мотыги, иногда двухлезвийные, с округлым или уплощенным рабочим концом. Единичны острия из грифельных костей и крупные роговые муфты для каменных топоров, некоторые из них с просверленным отверстием (табл. 22).

Наконец, в числе костяных и роговых предметов стоянки Кунда следует упомянуть подвески из зубов животных, преимущественно лося, просверленные или с нарезками в корневой части, и фаланги с пробитыми отверстиями, весьма типичные для мезолитических и ранненеолитических стоянок Эстонии и Латвии.

Каменный инвентарь менее выразителен, что, видимо, обусловлено в известной мере отсутствием хорошего местного сырья (табл. 22). Единственный наконечник стрелы, изготовленный из кремневой пластины, постсвидерского типа, частично круто ретуширован по острию и черешку на спинке и на брюшке. Следует упомянуть мелкие концевые скребки на ножевидных пластинках, несколько ножевидных пластинок и микропластинок-вкладышей, ретушированных по одному или двум краям на спинке или на брюшке противолежащей ретушью.

Известный интерес вызывают кварцевые орудия, преимущественно скребки. Они представлены двумя типами: на небольших подокруглых или подчетырехугольных отщепах, ретушированных на спинке обычной притупливающей ретушью и на более массивных сколах, обработанных по одному или двум концам со стороны спинки и брюшка подтеской. Такой прием обработки кварцевых скребков, сближающих их в какой-то мере с pièces écaillées, очень характерен для мезолитических памятников более северных районов — Финляндии, Карелии, Кольского п-ова. Помимо скребков, встречаются и крупные орудия: сверла, ножи, скобель и т. д.

Многочисленны рубящие орудия из сланца и различных кристаллических пород камня — плоские, крупные отщепы обычно удлиненных очертаний, от 7 до 17 см длины, с оббитыми краями и пришлифовкой по рабочему концу. В одном случае орудие очень велико (23×8 см), для него использована плоская галька, слегка заглаженная в процессе работы, один конец которой уплощен с помощью шлифования, а округлая тыльная часть сохраняет следы ударов. Наконец, следует указать на присутствие в коллекции крупных кусков шлифовальных плит.

Таков основной состав материала, найденного в Кунде. Ее абсолютная датировка методом C_{14} по углям из нижнего горизонта культурного слоя: 9780±620, 8340±285 и 6015±210 лет от наших дней (последняя дата — по кости), т. е. вторая половина VII тысячелетия до н. э.

Известным этапом в развитии знаний о мезолите Эстонии следует считать исследование Л. Ю. Янитсом в 1954—1964 гг. стоянки в черте г. Нарва, на левом берегу р. Нарва, особая значимость этой работы заключается в информации о связи позднего мезолита с ранним неолитом. Площадь раскопа 448 кв. м. Стоянка содержала три мезолитических слоя, залегавших в темно-сером песке и разделенных стерильными прослойками (средний и нижний слои разделялись этими прослойками не на всей площади раскопа). Нижний слой датируется по C_{14} так: 7640±180 (ТА-53), 7580±300 (ТА-25), 7090±230 (ТА-41) лет до наших дней, т. е. серединой — второй половиной VI тысячелетия до н. э. Средний слой имеет радиокарбоновые даты 7375±190 (ТА-52), 6020±±120 (ТА-17), 5820±200 (ТА-33) лет до наших дней, иначе говоря, его датировка несколько растянута — от второй половины VI до начала IV тысячелетия до н. э. Верхний мезолитический слой имеет дату 5300±250 (ТА-7) до наших дней, т. е. вторая половина IV тысячелетия до н. э.

В составе каменного инвентаря нижнего слоя стоянки вкладыши на пластинах с ретушью по краю,

долотовидные орудия с вогнутым или прямым лезвием, подшлифованное долото трапециевидной формы с расширяющимся лезвием (табл. 25). Найдены костяные и роговые обломки однорядных гарпунов с широко поставленными зубцами, цельный рыболовный крючок, шило, долота или тесла, среди которых одно орнаментированное заштрихованными ромбами и елочным орнаментом (табл. 25).

В среднем слое обнаружены округлые и подокруглые скребки на отщепах, угловые резцы на пластинах и отщепах, вкладыши с ретушью по краю, ножи на отщепах, в том числе полностью шлифованные, асимметричные проколки на отщепах и пластинах без выделенного «жальца», топоры, подтрапециевидные и подпрямоугольные долота, полностью шлифованные, обломок просверленного орудия (табл. 25). Из кости изготовлялись односторонние гарпуны с редко посаженными зубцами, гарпуны с одним или двумя зубцами (односторонняя или двусторонняя разновидности), рыболовные крючки, составные или цельные пешни; из рога делались долота с узким прямым лезвием (табл. 25).

Верхний мезолитический слой дал костяные однорядные гарпуны (один из них украшен елочным и ромбическим орнаментом), наконечники стрел или дротиков с трехгранным сечением или с одним зубцом, узколезвийное долото (табл. 25). Из камня (кварца, кремня, сланца, уралит-порфирита) изготавливались боковые резцы на отщепах, асимметричные проколки, иногда с выделенным «жальцем», на отщепах, долота на отщепах, нож и пила с пришлифованными лезвиями, топоры и тесла с пришлифованными лезвиями и краями подтрапециевидной формы, долота с широкими и узкими лезвиями (табл. 25, 26).

Стоянка Ялеверe, исследованная К. Л. Янитсом в 1969—1970 гг., находящаяся в 8 км к северо-западу от г. Сезуре-Яани, на левом берегу р. Навеста, притока Пярну, и располагавшаяся на небольшом возвышении, содержала большое количество находок. Насыщенность культурного слоя относительно интенсивная: только отщепов найдено более десяти тысяч. В основном это светлый, почти молочного цвета кремень. Обилие его на стоянке — явление необычное для мезолита Эстонии, объясняется его местным происхождением (он залегает в песчанике под плитняком).

В целом орудия и нуклеусы небольшого размера, что, видимо, объясняется характером кремневого сырья — галек небольшой величины. Количественно преобладают скребки (около 80%), изготовленные во всех случаях, кроме одного, из отщепов, чаще подокруглых очертаний. Очевидно, в качестве скребков использовались и случайные отщепы аморфных очертаний, частично ретушированные или без вторичной обработки, в этих случаях они имеют следы сильной сработанности.

Весьма многочисленны пластинки, ретушированные обычно на спинке целиком или частично по одному краю, реже — частично по двум краям, исключительно редко — на брюшке. Подобно скребкам они очень сильно сработаны. Очевидно, пластинки употреблялись в качестве ножей, а короткие сечения — вкладышей. Типичные вкладыши — микропластинки с притупленной спинкой — почти отсутствуют. Нуклеусы также мелкие, узкие, правильных очертаний или широкие, аморфные, только один конический. Резцов очень немного, они на отщепах и пластинах, угловые, боковые и срединные. Основываясь на характере инвентаря, стоянку Ялеверe К. Л. Янитс датирует VI—V тысячелетиями до н. э.

В стоянке Умбузи, находившейся в 17 км к северо-северо-востоку от оз. Вартосьяре, исследованной К. Л. Янитсом в 1974—1975 гг., отчетливо представлена микролитоидная индустрия. Найденный при раскопках материал составляют каменные и костяные орудия и отходы производства (табл. 24). Для изготовления кремневых орудий использован местный, невысокого качества светлый кремень, встречающийся в небольших гальках, что сказалось и на характере орудий.

Самая многочисленная группа — скребки, преимущественно на отщепах и пластинчатых отщепах (380 экз.), концевые и боковые. Среди скребков на пластинах или на концах сломанных пластин почти половину (16 экз.) составляют микроскребки, рабочий край которых не превышает 1,3 см (табл. 24). Присутствуют мелкие, иногда правильного огранения пластинки и микропластинки, использовавшиеся, очевидно, как вкладыши, часть их ретуширована по длинным сторонам. Несколько пластин и отщепов имеют резцовые сколы. Нуклеусы редко правильной конической формы, в основном они с бессистемным скалыванием (табл. 24).

Особого внимания заслуживает маленький пластинчатый фрагментированный кремневый наконечник стрелы, ретушированный по длинным сторонам с брюшка, и маленькое долото из кремня. Много (33 000) мелких кремневых отщепов, некоторые из них ретушированы. Встречены шлифованные изделия из сланца (возможно, более поздние), в том числе долота, грубо оббитые и частично пришлифованные по лезвию.

В слое черноватого гумуса обнаружено много костей, среди орудий 16 фрагментов гарпунов «кундского типа», нож или кинжал с пазами для вкладышей и три зуба животных — подвески. Следует согласиться с К. Л. Янитсом, датирующим эту стоянку бореальным периодом.

Чрезвычайно большое значение для изучения мезолитической эпохи на территории Латвии имеет могильник Звейниеки, исследованный под руководством Ф. А. Загорскиса при ближайшем участии И. А. Загорской и Р. Я. Денисовой. Памятник расположен в северной части Латвии, на северном берегу оз. Бурниеки, вблизи устья р. Руя. Раскопками, проведенными в течение пяти полевых сезонов (1965, 1966, 1968, 1970, 1971 гг.) вскрыта площадь 4500 кв. м, в результате чего обнаружено 304 погребения. Место, занятое могильником, представляет собой холм, сложенный гравием, вытянутый северо-запад — юго-восток, возвышающийся на 4—7 м над современным уровнем озера. Захоронения обнаружены на участке протяженностью 250×25—40 м. Прослежена концентрация погребений в северо-западной и юго-восточной частях могильника, между ними встречаются лишь редкие единичные захоронения. Ф. А. Загорскис (1974) выделяет четыре группы погребений, относящихся к различным хронологическим перио-

дам: 1) мезолиту, 2) раннему неолиту, 3) эпохе развитого и позднего неолита и 4) концу неолита.

Особая ценность этого памятника заключается в огромной численности разновременных погребений, позволяющей проследить последовательное изменение погребального обряда в пределах узколокальной области. Не менее важным представляется возможность установления связи могильника со стоянками эпохи мезолита и неолита (табл. 28).

Мезолитическая — Звейниеки II и неолитическая — Звейниеки I стоянки находятся рядом с могильником. Таким образом, эта часть памятника несет в себе исключительно важную информацию, позволяя связать воедино данные о материальной и духовной культуре населения этого района. Наконец, трудно переоценить значение могильника Звейниеки для решения этногенетической проблемы — происхождения местного населения.

Наиболее ранним мезолитическим памятником является нижний слой стоянки Звейниеки II, относящейся к концу пребореального или началу бореального периода. Мезолитический культурный слой прослеживался на значительной площади, но только на северо-восточном склоне бугра он сохранился in situ. Здесь два слоя частично перекрывали друг друга — верхний слой более темный, с примесью гравия и нижний — сероватого цвета, с примесью озерной извести в нижнем горизонте. Количество находок в нижнем горизонте было значительно меньше, нежели в верхнем.

Нижняя граница культурного слоя намечалась на глубине 1—1,2 м в виде прослойки мелкозернистого гравия 0,01—0,1 м, с большой примесью костей рыб и мелких остатков угольков. Отдельные находки встречались и на 0,10—0,20 м глубже указанной прослойки — в слое извести или гравия с примесью извести. В нижнем горизонте культурного слоя обнаружены два скопления находок диаметром 2 м, очевидно, связанных с производством кремневых орудий. В одном из них найдены небольшие ножевидные пластинки без вторичной обработки, отщепы, два небольших подконических нуклеуса и свыше 70 мелких отщепов, во втором — 40 отщепов и ножевидных пластинок.

Костяные и роговые орудия этого горизонта (табл. 23) наряду со сходством с орудиями вышележащего мезолитического слоя обладают и рядом специфических особенностей. Гарпуны с редкими зубцами так же, как и игловидные наконечники стрел, имеют крупный размер. Представлены прямые широкие наконечники и наконечники с кремневыми вкладышами (частично сохранившимися в пазах). Один из гарпунов (?) с отверстием в тыльной части украшен четким нарезным орнаментом. Многочисленны острия с одним или двумя зубцами. Значительный интерес представляют долота из трубчатых костей, отличительной особенностью которых является обработка боковых сторон, в ряде случаев не простым продольным сколом, а оббивкой, как бы крупной ретушью. Они имеют сильно изогнутую форму и пришлифовку узкой полосой лишь по самому лезвию. Своеобразны также крупные куски рога подокруглой формы, с пришлифовкой по самому рабочему краю, которые, очевидно, вставлялись в роговые муфты. Имеются мотыги относительно небольшой величины, сверленые роговые муфты, крупные (свыше 30 см) кинжаловидные орудия из локтевых костей лося и др. Помимо того, встречено несколько экземпляров эпифизов метаподий лося и один эпифиз лошади, отчлененные с помощью предварительных надрезов, подвески из зубов животных и др.

Отличаются от орудий вышележащего культурного слоя и изделия из высококачественного серого кремня. Они крупного размера, на ножевидных пластинах, часто с сильно сработанными краями. Привлекают к себе внимание фрагментированный наконечник стрелы с обломанным черешком из крупной плоской ножевидной пластины и концевой скребок очень правильных подчетырехугольных очертаний. Характер сырья сближает кремневую индустрию нижнего слоя с инвентарем стоянки Саласпилс Лаукскола.

К бореальному периоду относится очень представительная по численности и выразительная по характеру материала коллекция из верхнего культурного слоя стоянки Звейниеки II (табл. 23). Обращает на себя внимание большое количество преимущественно фрагментированных крупных и более миниатюрных гарпунов с мелкими частыми зубцами, различные наконечники копий, среди которых встречаются «кундского типа» и крупные, с трехгранным сечением. Из вкладышевых орудий имеются наконечники стрел с односторонними и двусторонними пазами, биконические наконечники стрел с удлиненным черешком, массивные наконечники копий с округлым или уплощенным сечением и симметричными шипами, крупные кинжаловидные орудия, прекрасно зашлифованные, в особенности по самому лезвию. Представлены тесла и долота из расколотых вдоль трубчатых костей лося, нередко очень крупного размера (до 16 см длины), иногда коротких (до 6 см). В ряде случаев продольные края их так правильно отчленены с помощью резца, что создается полное представление о том, что они отпилены, в других же случаях они неровно расколоты или обработаны так же, как и в нижнем культурном слое, крупной оббивкой, при этом пришлифовка, подобно более ранним, размещается лишь по самому лезвию орудия. Среди этой категории тесел имеются три экземпляра с мелкими нарезками по краю, отчего они становятся как бы зубчатыми. Такие оригинальные предметы известны в единичных экземплярах в других мезолитических и ранненеолитических стоянках Восточной Прибалтики (Кунда, Кяапа). По мнению исследователей, они могли употребляться для снятия чешуи с рыбы. Крупные роговые мотыгообразные орудия имеют различную форму, иногда с симметричным лезвием, порой очень массивны. Как и в других стоянках этого времени, встречаются проколки из грифельных костей, пробитые фаланги лося, отчлененные эпифизы метаподий, подвески из зубов животных (лося, бобра, собаки или волка).

Заслуживает особо быть отмеченным кремневый инвентарь памятника, необычно многочисленный для мезолитических стоянок Латвии. Кремень, использованный для орудий, очевидно, местного происхождения, серого цвета, различного качества, в целом не очень высокого. Орудия, изготовленные из него, в подавляющем большинстве мелкого размера. В основном это ножевидные пластинки, нередко с ретю-

шированными или сильно сработанными краями, некоторые из них небольшого размера, неправильных очертаний, тем не менее, очевидно, служили вкладышами, о чем свидетельствует один, сохранившийся в пазу костяного орудия. Скребки также мелкие, подокруглой формы, на неправильных случайных отщепах (за исключением двух, изготовленных на пластинах), один из которых имеет подтеску со спинки и с брюшка. Помимо кремневых скребков, изредка встречаются и кварцевые — мелкие, обработанные техникой подтески, а не ретушью. Встречен один наконечник на ножевидной пластинке неправильных очертаний, с двухсторонней ретушью на пере и черешке. Нуклеусы очень мелкие, неправильных очертаний, лишь в некоторой степени приближающиеся к призматическим и конусовидным.

Памятники бореального периода представлены в Латвии также весьма ярким и выразительным комплексом из нижнего горизонта стоянки Звидзиенаскрогс, расположенной на северном побережье Лубанского озера. Она была открыта и исследована И. А. Лозе (1975, 1976) в 1973—1975 гг. Прослежена стратиграфия, различная соответственно положению частей стоянки по отношению к уровню озера.

Мезолитический горизонт сохранился лишь на склоне памятника, непосредственно примыкающего к берегу озера. Он был отделен от ранненеолитического слоя прослойкой серого песка толщиной не более 0,1 м. Мощность мезолитической толщи не превышала 0,6—0,7 м, при этом нижняя часть ее налегала на алеврит.

Довольно многочисленны изделия из кости и рога. Это всевозможные массивные острия из трубчатых костей лося, прекрасно зашлифованные (около 20 см длиной), и тесла с пришлифовкой по самому лезвию, «жезл» из рога оленя, просверленные рога (длиной до 30 см), длинный, трехгранный в сечении наконечник дротика с мелкими зубчатыми краями, фрагменты крупных роговых орудий с просверленным отверстием и обработанными краями, шилья, проколки, роговые мотыгообразные орудия, пешни для пробивания льда. Особо должна быть отмечена треугольная костяная пластинка с человеческим изображением, а также остатки корзины из бересты.

Из кремневых орудий наиболее выразительны концевой скребок на правильной ножевидной пластине и пластинчатый наконечник стрелы с широким черешком, обработанным на спинке ретушью по всему краю.

Среди радиоуглеродных датировок, полученных для мезолитического слоя Звидзиенаскрогс, часть размещается в пределах 7020±60 (ТА-856)—6535±±60 (ТА-862) от наших дней, что свидетельствует о его позднемезолитическом возрасте.

К числу хорошо стратифицированных, хотя пока еще и не полностью исследованных мезолитических памятников Латвии относится нижний слой стоянки Оса, изученной Ф. А. Загорскисом (1967, 1973). Она расположена в северо-западной части Лубанской низменности, на берегу р. Пиестиня, содержит несколько разновременных комплексов, приуроченных к различным горизонтам. На отдельных участках они разделены стерильными прослойками (раскоп В). В раскопе В слой плотного торфа с примесью песка, подстилаемого материком, на глубине 1,20—2,25 м содержал костяные и роговые орудия периода позднего мезолита. Сверху, на глубине 1,90—1,60 м, он был перекрыт слоем, содержавшим орудия и керамику раннего неолита.

Незначительная вскрытая площадь памятника в раскопе В, очевидно, обусловила малое количество находок, однако весьма выразительных (табл. 27). Среди них прежде всего весьма типичный для позднего мезолита Латвии крупный (24 см) наконечник копья с коротким симметричным пером, снабженным двумя зубцами, с утоньшенной с помощью двустороннего среза тыльной частью, орнаментированный по всей длине поперечными нарезками, относительно крупный фрагментированный гарпун с двумя подклювовидными зубцами, фрагментированный, видимо, асимметричный наконечник дротика, ряд очень тонких костяных ножей, крупное (20 см длины) кинжаловидное орудие, массивный роговой предмет, расширенный ближе к тыльной части, покрытый сплошь орнаментом, роговая, резко удлиненная мотыга, прекрасно зашлифованная и залощенная от употребления, в особенности в рабочей части, очень крупное (28 см) кинжаловидное острие. Изделия из камня редки и нехарактерны. В верхней части мезолитического слоя найден деревянный полоз саней длиной 2,10 м.

Мезолитический комплекс Оса, очевидно, относится к началу атлантического периода, имеет абсолютную датировку 6960±80 и 6760±80 от наших дней или 5010 и 4810 лет до н. э.

Мезолитические погребения Латвии известны по могильнику Звейниеки. Ф. А. Загорскис относит к этому периоду группу захоронений, расположенных на наиболее возвышенной северо-западной части холма и на ее северо-западном склоне (Zagorskis, 1973). Число мезолитических захоронений около 100.

Погребенные положены в могильные ямы глубиной 0,40—0,60 м, в вытянутом положении, руки прижаты к туловищу, ноги сведены вместе, ориентировка костяков различна, чаще головой на юго-запад или северо-восток, редко на восток или запад. Встречаются единичные, двойные и групповые захоронения. Как правило, погребения засыпаны охрой.

Сопровождающий инвентарь (табл. 28) состоит преимущественно из зубов животных, резцов, расчлененных коренных зубов (лося, кабана, тура, благородного оленя, дикой лошади), на которых в корневой части нанесены нарезки для прикрепления. В одних случаях они составляли ожерелье, в других — нашивались на одежду. В ряде погребений встречаются костяные наконечники копий с длинным или коротким симметричным пером, асимметричные наконечники с одним шипом, длинные кинжалы, в одном случае со слабо обработанной головой лося на рукояти, шилья, топоры правильной формы с пришлифованным лезвием. Привлекает внимание богато орнаментированный костяной наконечник копья.

Кремневый инвентарь представлен мелкими скребками на случайных отщепах, скребками с нерегулярной ретушью, отщепами с частичной обработкой, ножевидными пластинками, ретушированными на отдельных участках, и некоторым количеством невыразительных резцов на углу сломанной пластины. Во всех случаях они изготовлены из местного серого низкокачественного кремня.

Эти погребения Ф. А. Загорскис считает наиболее ранними, датируя их рубежом VI и V тысячелетий до н. э.

Исследователь особо выделяет погребения, расположенные на северном склоне холма, ориентированные головой на юг, реже на север. Их сопровождают в основном подвески из резцов животных с просверленными отверстиями в корневой части. В качестве украшений использованы также косточки бобра, фаланги парнокопытных и в двух случаях, очевидно, просверленные человеческие зубы. Эти погребения датируются концом V — началом IV тысячелетия до н. э. Все мезолитические погребения следует связывать с поздней стадией культуры кунда.

Помимо стоянок и могильника, мезолит Латвии представлен большим количеством случайных находок, преимущественно с берегов озер Лубанас, Лиелайс-Лудзас, а также Двиетас. Благодаря успешным типологическим разработкам И. А. Лозе (1966), И. А. Загорской (Zagorska, 1972) удается найти им определенное место в хронологической шкале.

Особенность экологических условий — отсутствие местного высококачественного кремня в Эстонии и Латвии, а также в Северо-Западной Литве — в значительной мере предопределила характер их мезолитической индустрии: мелкие изделия из кремня, использование кристаллических пород для крупных рубящих орудий вплоть до естественных галек с минимальной обработкой (пришлифовкой лезвия). В Эстонии наиболее высокое качество и совершенную форму имеют кремневые орудия ранней фазы мезолита. Очевидно, тогда человеческие коллективы продвинулись на новые северные территории, еще не утратили прочной связи с племенами территории первоначального своего заселения (очевидно, с Белоруссией), но с течением времени связи ослабевали, возникала бóльшая обособленность, формировались собственные культурные традиции.

Ограниченность высококачественных кремневых пород для изготовления орудий, вероятно, послужила одной из причин широкого внедрения в практику разнообразной костяной и роговой индустрии с многообразной дифференциацией орудий. Рациональные типы и категории ее (наконечники стрел, гарпуны, остроги, топоры и долота, рыболовные крючки, пешни и др.) перешли затем в неолит и дожили до более поздней эпохи, мало изменившись в своей сущности.

Население кундской культуры довольно рано познакомилось с новой формой хозяйства — рыболовством, а возможно, и морским промыслом. Об этом свидетельствуют кости рыб и морского зверя, а также зубчатые наконечники стрел, гарпуны, рыболовные крючки, найденные на стоянках Эстонии и Латвии. Так, на стоянке Пулли встречены кости леща и судака вместе с рыболовными крючками (цельным и составным), в Кунде обнаружены кости щуки, линя, окуня, а также тюленя, в Умбузи — щуки и леща, при этом достаточно крупного размера. Не исключено также, что к мезолиту относится серия рыболовных крючков весьма своеобразной формы (массивные, без жала, с малой величиной поддева, орнаментированные ямками), найденных в р. Пярну.

Уже в бореальное время люди были знакомы с весьма совершенным способом рыболовства — сетями. Остатки их обнаружены в Сийвертси (окраина г. Нарвы) на глубине 3,27—3,40 м в диатомовых отложениях. Сети сплетены из лубяных волокон, поплавок вырезан из сосновой коры, грузило из песчаника. Оно имеет желобок, в котором сохранились еще остатки шнура.

В мезолите люди уже достаточно познакомились с морским промыслом, поскольку в эпоху раннего неолита он играл немалую роль в экономике людей.

Одной из особенностей культуры является широкое распространение искусства и его совершенные формы. В основном это был нарезной узор, нанесенный на многие костяные орудия охоты — наконечники стрел и рыболовства — гарпуны, костяные кинжалы. Как правило, орнамент геометрический — от простой зигзагообразной линии до весьма сложного рисунка. Во всех случаях он ритмичен и располагается таким образом, что подчеркивает форму предмета. Очевидно, присутствие его на орудиях охоты и рыболовства было не просто выражением эстетических потребностей людей, оно имело определенный, более глубокий смысл.

Помимо графического рисунка, в мезолите известна и скульптура, например в Звидзиенаскрогс. Это — изображение движущегося человека, о чем говорит его приподнятая правая нога с отчетливо выделенной ступней. Руки фигуры разведены в стороны, голова показана в виде короткой вертикальной линии. Весь рисунок выполнен мелкими высверлинами. В мезолитических памятниках Латвии известны также кинжалы с головой лося (Оса) и оленя (Звейниеки). Великолепно изображение змеи из стоянки Тырвала. Она имеет сильно изогнутое тело, покрытое тонким, изящным, как бы арочным орнаментом, имитирующим рисунок змеиной кожи. Отверстие, проделанное в теле змеи, указывает на то, что эта крупная скульптура надевалась на стержень или ремень.

Широкое исследование памятников раннего неолита Восточной Прибалтики позволяет в настоящее время решить с достаточным основанием вопрос о финале мезолита и генезисе неолитических культур. На основной ее территории (исключая Юго-Восточную Литву), возникает ранненеолитическая нарвская культура. Прослеживается несомненная преемственность типов костяных и роговых орудий и приемов их изготовления, удерживаются многие мезолитические категории орудий без существенных изменений. Общими для мезолитической и ранненеолитической культуры Латвии, например, являются биконические и игловидные наконечники стрел с уплощенным сечением и вытянутым насадом, орудия с рабочим краем, срезанным под углом 45°, пешни для пробивания льда и разнообразной формы долотовидные орудия. Усовершенствуются нередко лишь приемы их изготовления (например, разрезание кости заменяется пилением).

Генетическая преемственность неолита от предшествующих мезолитических культур не только решается типологическим методом, но и подкрепляется стратиграфическими данными. Об этом свидетельствуют Нарвская стоянка в Эстонии, Звидзиенаскрогс и Оса в Латвии.

Глава шестая
Мезолит Литвы и Белоруссии

Мезолиту на территории Литвы и Белоруссии предшествовали финально-палеолитические культуры — свидерская и аренсбургская. Р. К. Римантене (Римантене, 1971. С. 32—33) считает, что тут возможно и существование памятников культуры бромме-лингби. Однако пока количество фактов, относящихся к ней, здесь столь ничтожно, что вопрос следует считать открытым. Не нужно забывать, что наконечники типа Лингби существуют очень долго, о чем свидетельствуют их находки в ряде свидерских памятников и даже в мезолитических, как, например, нижний слой стоянки Пиннберг (Rust, 1958). Тем не менее безусловна заслуга Р. К. Римантене в выделении памятников, отличных от свидерских, на территории СССР.

Неманская (или микролито-макролитическая) культура была непосредственным наследником свидерских культурных традиций. Ареал — Литва и Белоруссия (бассейны Немана и Западной Двины). Выделена Р. К. Римантене, которая и исследовала ее памятники на территории Литвы. Часть поселений исследовалась белорусскими и польскими археологами (памятники неманской культуры известны и в Северо-Восточной Польше).

Одним из памятников этой культуры являлась стоянка Якштонис А, ныне находящаяся под водой Каунасского водохранилища. Она располагалась на мысу между Неманом и р. Рудмяной, на склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Немана (Римантене, 1971. С. 104—107). Кремневые изделия залегали в песке на глубине 1 м от поверхности.

В составе коллекции призматические двуплощадочные нуклеусы от пластин, со скошенными, иногда подправленными площадками, с односторонним скалыванием, концевые скребки на отщепах и пластинах, иногда с краевой ретушью на брюшке, резцы боковые косоретушные на отщепах и угловые на пластинах. Микролиты представлены вкладышами с ретушью по краю на пластинах и пластиной с заостренным основанием. Встречен наконечник стрелы свидерского типа.

Стоянка Лампеджяй, расположенная на западной окраине г. Каунаса, открыта К. Яблонскисом, а в 1960 г. раскопки ее осуществила Р. К. Римантене (Римантене, 1971. С. 126, 146—149). Раскопано 177 кв. м. Мезолитические находки залегали в ожелезненном красноватом песке мощностью до 0,35 м. Отдельные вещи были встречены выше, в погребенной почве. При раскопках найдено несколько зольных пятен (очаги? ямы от столбов?) и ям. Обнаружена древесина сосны, скорлупа водяного ореха чилима, скорлупа ореха, похожего на южный, косточки дикой сливы. Эти находки, вероятнее всего, относятся к атлантическому периоду, т. е. говорят о позднемезолитическом возрасте стоянки.

В составе коллекции свыше 10 000 кремневых находок, среди которых 1819 предметов со вторичной обработкой (табл. 31). Нуклеусы по преимуществу одноплощадочные, конические и призматические, от пластин или отщепов, с круговым или односторонним скалыванием, со скошенными, чаще неподработанными площадками. Скребки изготавливались на пластинах и отщепах, по типам делятся на концевые (в том числе скошенные или комбинированные с ножами) и неправильной формы. Резцы угловые и боковые, косо- и поперечно-ретушные, на осколках, отщепах и пластинах. В составе микролитической группы вкладыши из сечений пластин, с ретушью по одному краю на спинке или на брюшке, которая иногда дополняется ретушью, затупливающей конец. Есть микролиты на пластинах с одним или двумя затупленными концами. Встречены высокие трапеции на отщепах, иногда с противолежащей ретушью краев. Представлены острия со скошенным концом на пластинках. Наконечники стрел на пластинах черешковые, постсвидерского характера обработки, иногда асимметричные. Ножи представлены в большинстве случаев пластинами с частичной ретушью. Рубящие орудия найдены в относительно большом числе — топоры и тесла небольшого размера, с обработкой ретушью по боковым краям или на лезвии. В пропорциях они часто короткие, массивные, предназначенные, вероятно, для закрепления в роговую или костяную муфту.

К неманской культуре в Литве относятся еще стоянки Драсейкяй, Памяркине, Жемяй-Канюкай I, Кампишкес I, Мяркине 3а, Салянинкай I, Глинас I и др. (Римантене, 1971).

Ряд памятников неманской культуры известен и в Белоруссии — в ее северо-западной части и в Полесье. Открытие и изучение этих памятников производили Н. Н. Гурина и М. М. Чернявский.

По характеру индустрии ряд стоянок близок к памятникам Западного Полесья, только в одних случаях отчетливее выражена микролитичность, в других — свидероидность (табл. 30). Видимо, причиной различий является не только степень культурной близости или отдаленности, но и хронологический фактор.

Так, среди названных памятников выделяется Белица I с крупными, архаической формы орудиями. Резцы изготовлены здесь на массивных отщепах и сколах с нуклеусов. Среди них срединные и боковые с удлиненным резцовым сколом, в единичных случаях — комбинированные, на пластинах, один конец которых имеет слабовогнутую, ретушированную выемку, длинная же грань иногда покрыта сплошной ретушью, в других случаях не обработана. Крупные резцы имеют два резцовых скола на противоположных концах, более мелкие (резцы на пластинчатых отщепах) иногда имеют на одной из длинных

граней выемку для скобления. Скребки разнообразны, преимущественно концевые, на пластинах, пластинчатых отщепах, иногда встречаются мелкие подчетырехугольные и округлые. Единичны небольшие удлиненные скребочки. Есть пластинки с боковыми выемками, с притупленной спинкой, трапеции, янисла́вицкие острия и крупные кремневые пилки, довольно типичные для мезолита. Имеют место и мелкие, сегментовидной формы тонкие отщепы с ретушью по округлому краю и более крупные, на массивных, но узких пластинах, ретушированных на конце на одной из длинных граней. Иногда удлиненные пластины обработаны по трем краям. В качестве ножей, видимо, использованы пластины, ретушированные по длинным граням.

В числе достаточно выразительных мезолитических памятников Понеманья следует назвать Збляны II, Свитязь, Крумплево, Семенов Хутор, Несиловичи VI и др. (Гурина, 1960, 1965, 1966).

К более позднему периоду мезолита следует отнести Семенов Хутор на левом берегу Западной Двины с постсвидерскими наконечниками стрел, очень специфичными для мезолита кремневыми пилками, мелкими скребками, трапецией и кремневым топориком. Залегание культурных остатков в суглинке на большой глубине, перекрытом более поздним славянским селищем, обеспечило чистоту комплекса.

В целом названные стоянки, несомненно, близки в культурном отношении к свидерским памятникам и памятникам со свидерскими традициями, хотя и подвержены, видимо, некоторому южному влиянию (табл. 30—32).

В Калининградской обл. мезолит изучен гораздо слабее, чем на прилегающей территории Литвы. До последнего времени мезолитические материалы здесь были представлены находками костяных и роговых орудий, обнаруженных в ряде пунктов, преимущественно при мелиоративных работах конца XIX — 30-х годов XXв. Отсутствие выразительных материалов кремневой индустрии послужило поводом для немецких исследователей выдвинуть гипотезу о существовании в мезолите на территории современной Калининградской обл. и прилегающих районов костяной культуры (В. Гэрте, К. Энгель).

В 1961 г. местонахождения с кремневой индустрией были отмечены разведкой Н. Н. Гуриной, в последние годы несколько памятников обследовано В. И. Тимофеевым. Небольшие раскопки проведены лишь на стоянках Никольское IV и Тальники (работы В. И. Тимофеева 1974 г.).

Среди известных памятников выделяются комплексы с индустрией финальнопалеолитического облика и более поздние, относящиеся к неманской мезолитической культуре (табл. 33).

В ранней группе памятников (Никольское I—IV, Рыбиновка, расположенные в северо-восточной части области, в нижнем течении р. Шешупе) наиболее выразителен комплекс Никольское IV. Стоянка расположена на правом берегу р. Шешупе, на высоте 8,5—9,5 м над урезом воды (несколько ниже уровня второй надпойменной террасы). Хорошо выраженный культурный слой (лишь в верхней части потревоженный пахотой) залегает над горизонтами ортштейнов. Среди кремневых орудий преобладают скребки — 25 концевых, четыре двойных концевых, два подокруглых, шесть на отщепах случайной формы. Наиболее характерны короткие концевые скребки на фрагментах широких пластин и отщепах. Среди резцов — четыре срединных, три угловых, многофасеточных, четыре — на углу сломанной пластинки. Есть скребок-резец. Двумя фрагментами представлены наконечники стрел на довольно толстых пластинках, с черешком, оформленным на спинке крутой, притупляющей ретушью. Нуклеусы стоянки призматические, среди них одноплощадочные, односторонние и двухплощадочные, со скошенными ударными площадками. Комплекс орудий стоянки находит аналогии в материалах финальнопалеолитических и раннемезолитических стоянок Литвы (Римантене, 1971. Рис. 96, 97, 99), а топография и стратиграфические условия залегания культурного слоя свидетельствуют скорее о его раннеголоценовом возрасте.

Некоторые местонахождения с территории Калининградской обл. дают материалы, близкие неманской мезолитической культуре Литвы. Количество комплексов пока невелико. В бассейне р. Шешупе это местонахождения: Тушино III, IV, пункт 39, Ливенское I, III—IIIа, IV, стоянка Тальники, на р. Анграппе — разрушенная карьером стоянка у с. Синявино, на р. Прегель — местонахождение у г. Знаменска. В кремневой индустрии представлены косые острия, черешковые наконечники, на пластинах, скребки концевые, призматической формы нуклеусы. Обычны тонкие, правильного огранения пластинки, указывающие на распространенность вкладышевой техники. В Тушино III и Синявино найдены кремневые рубящие орудия.

Находки мезолитических орудий из кости и рога известны в ряде пунктов. Среди них удлиненные, подокруглые или треугольные в поперечном сечении, с выделенным коротким черешком наконечники (Зеленоградск, Заостровье, близ г. Гусева и др.), гарпуны с односторонне расположенными мелкими, часто поставленными или крупными редкими зубцами (Гаврилово, Северское, Подгорное, Псковское, Великолукское, близ г. Гусева), вкладышевые наконечники как с односторонне (Северское, Корнево), так и с двусторонне (Сеченово, Заостровье) расположенными пазами для вкладышей, массивные острия из крупных трубчатых костей — «пешни» (Лужки, Псковское, близ г. Добровольска), кинжалы из трубчатых костей (Кутузово, близ г. Гусева), костяные наконечники стрел с конической головкой (Корнево, Сеченово, Романово и др.). Перечисленные изделия находят аналогии в материалах кундской культуры северо-восточных районов Прибалтики. Вместе с тем в Юго-Восточной Прибалтике достоверные стоянки кундской культуры неизвестны. Не исключено, что на этой территории костяные орудия кундского облика бытовали на стоянках носителей кремневой индустрии неманской культуры.

Каменный инвентарь неманской культуры достаточно разнообразен. Нуклеусы служили в основном для скалывания ножевидных пластин. Это конические и призматические одно- и двухплощадочные ядрища, с односторонним или круговым скалыванием, с прямыми или слегка скошенными площадками. Для изготовления орудий использовалась разнохарактерная ретушь, а также микрорезцовая техника. Скребки изготавливались на пластинах и

отщепах, имеют обычно довольно крутой рабочий край, по формам делятся на концевые (в том числе скошенные, двойные или с ретушированными боковыми краями), подокруглые, округлые и неправильной формы. Резцы тоже на пластинах и отщепах, имеют резцовые сколы разных размеров, по типам делятся на срединные, угловые и боковые. Среди микролитов следует отметить трапеции разных пропорций, пластины с затупленным концом, пластины с затупленным концом и ретушированным краем; широко распространены вкладыши разных типов — с одним или двумя ретушированными краями. Острия на пластинах представлены формами со скошенным ретушью концом или со сходящимися ретушированными краями. Надо отметить, что в ряде памятников встречены острия и треугольники янисла-вицкого типа. Практически в каждом памятнике встречены наконечники стрел на пластинах. Среди них есть свидерские и аренсбургские формы, а также наконечники с постсвидерским характером обработки. Найдены в некоторых стоянках и наконечники с поперечным лезвием. Ножи, как правило, на пластинах с ретушью по краю (иногда частичной). Разнообразны скобели, изготовлявшиеся как на пластинах, так и на отщепах. Сверла и проколки по большей части симметричные, без выделенной рабочей части. Рубящие орудия представлены топорами и теслами небольших размеров, в большинстве подпрямоугольными, с полной или краевой двусторонней оббивкой или обработкой крупнофасеточной ретушью. Есть и комбинированные орудия: скребки-резцы, скребки-проколки и т. д.

Хронология неманской культуры не вполне ясна. Установление возраста памятников по их расположению на той или иной речной террасе не может считаться оправданным с точки зрения фактора сезонного существования поселений. Ни одна из стоянок неманской культуры не имеет дат, полученных по методам естественных наук. Только косвенно, по находкам остатков некоторых видов растений, можно говорить о позднемезолитическом возрасте стоянки Лампеджяй, например. Об ее позднемезолитическом возрасте свидетельствует и каменный инвентарь. Вместе с тем, если считать, что неманская культура произошла от свидерской, а такие основания, судя по каменному инвентарю, есть, можно считать, что начало неманской культуры связано, вероятно, со второй половиной пребореального периода. Конец ее может связываться с началом неолита, возможно, второй половиной V тысячелетия до н. э. Затруднения с абсолютной хронологией вызывают и трудности с относительной — с периодизацией памятников. Как кажется, сейчас вопрос о периодизации окончательно не может быть решен, его следует оставить для будущих исследований.

Первые сведения о мезолитических памятниках Припятского Полесья были получены еще в конце прошлого столетия. Систематическое же исследование мезолита Припятского Полесья было произведено в течение последних 15 лет В. Ф. Исаенко. Благодаря этим работам вместе с ранее известными памятниками (представленными в основном случайными находками) к настоящему времени здесь обнаружено свыше 80 стоянок эпохи мезолита.

Как было установлено В. Ф. Исаенко, памятники этого времени размещаются в основном на более древних элементах рельефа по сравнению с неолитическими — на второй террасе, на моренных буграх, склонах коренных берегов, на песчаных дюнообразных грядах, возвышающихся на первой террасе или среди поймы.

11 мезолитических стоянок подверглись раскопкам, в результате которых выяснилось, что культурный слой их, покрытый гумусированной современной почвой, образовавшейся в течение 5—6 последних тысячелетий, залегал либо в подпочве, либо над самым материком, в слое, перекрытом ортштейнами, в отдельных случаях мезолитические находки приурочены к нижнему горизонту гумуса мощностью 0,20 м, расчлененного песчаной прослойкой толщиной до 1 м. На поверхности первой террасы встречаются лишь редкие, единичные стоянки, хотя эта терраса и образовалась уже в конце нововалдайской стадии.

Детальное изучение материала позволило В. Ф. Исаенко расчленить мезолит Припятского Полесья на две территориальные группы — западную и восточную. Это деление, вероятно, было вызвано условиями экологического характера. Западное Полесье отделено от Восточного болотистой полосой междуречья Цны, Смерди, Ствиги и Горыни. Каждая из областей наряду с общими обладает своими особенными чертами. Вместе с тем тесная генетическая связь мезолитических индустрий ряда районов с предшествовавшими по времени типами индустрий (финальной поры позднего палеолита) не всегда позволяет производить однозначную датировку памятников. Это в большой мере относится к индустрии западной части Припятского Полесья, где имеются стоянки со смешанными комплексами, а индустрия стоянок позднего палеолита типологически очень близка к раннемезолитическим. В меньшей мере это относится к восточной части Полесья.

При сходстве ряда черт в составе и типах орудий (пластинчатые наконечники стрел, резцы, некоторые типы скребков) различия заметны в качестве сырья и, возможно, в какой-то мере связанном с этим характере индустрии — значительно большей микролитичности мезолита Восточного Полесья.

В верховье Припяти (Западное Полесье), на пространстве всего лишь 110 км, между деревнями Самары Раткинского р-на УССР и Невель Пинского р-на обнаружено восемь поселений, среди которых особенно обширные близ деревень Орехово, Любязь, Нобель, Сенчицы. Раннемезолитическая индустрия Западного Полесья полностью унаследовала основные черты индустрии палеолита, отчетливо выраженные в таких стоянках конца палеолита, как Бобровичи I, Нобель I, II, Ополье II, Пульмо I, Любиковичи, Марьяновка.

В раннемезолитических памятниках Западного Полесья индустрия сохраняет еще многие черты, характерные для конца палеолита. Большое число орудий изготовлено из пластин, имеющих относительно правильное ограненне и значительную длину. Сырьем для изготовления орудий служил местный кремень, серый, с крупными более темными пятнами, или полосчатый, порой прозрачный, встречающийся в виде конкреций в толще мелових отторженцев и на поверхности моренных бугров. О тех-

нике расщепления свидетельствуют относительно крупные (до 10 см) нуклеусы с двумя скошенными под острым углом к центральной оси площадками. Одна из них часто сбита одним ударом, вторая слегка фасетирована или уплощена с помощью длинных, снятых с нее сколов. Единичны нуклеусы с перпендикулярно расположенными площадками. Чаще всего пластины снимались с одной площадки и значительно реже с двух встречными сколами, как правило, лишь с одной стороны, в то время как другая сторона, часто уплощенная, сохраняла корку или следы подготовки нуклеуса крупными сколами. Основные категории орудий изготовлены из таких пластин: наконечники стрел, резцы, некоторая часть скребков и сверл.

Для этого периода типичны иволистные наконечники стрел, основание которых на брюшке обработано плоской ретушью, на спинке мелкая, относительно крутая ретушь располагается на острие и одном из краев. Степень вторичной обработки их сильно варьирует.

Многочисленны резцы на довольно крупных отщепах и сколах с нуклеусов, пластинчатых отщепах и пластинах. В их числе: срединные, преимущественно на массивных сколах с нуклеусов, о чем отчетливо свидетельствуют негативы от снятых ранее пластин. Рабочее лезвие их образовано двумя резцовыми сколами, расположенными под острым углом, нередко в одних случаях длинными, в других — длинным и коротким (встречаются ступенчатые резцовые сколы). Есть резцы многофасеточные. Очень разнообразны угловые и боковые резцы, часто на массивных пластинах или пластинчатых отщепах. В одних случаях резцовые сколы их длинные, расположенные по обеим граням, в других — короткие или многоступенчатые. Иногда резцовый скол нанесен на массивной пластине или пластинчатом отщепе, сколе с нуклеуса, конец которого перпендикулярно резцовому сколу вогнут и обработан крутой ретушью. В качестве ножей использованы пластины со скошенным концом и с ретушью по длинной стороне, нередко с мелкими или более крупными выемками для скобления.

Скребки этого периода еще очень близки к позднепалеолитическим — в абсолютном большинстве они концевые, на удлиненных, часто массивных пластинах подчетырехугольных очертаний или также на удлиненных пластинчатых отщепах, зауженных к тыльной части. Сюда следует причислить и двойные скребки удлиненных или укороченных пропорций, подчетырехугольные, с округлыми или слегка скошенными краями, с лезвием, расположенным на противоположных концах. На спинке большинства таких орудий сохранились негативы от отжатых ранее пластин. Такая форма скребка, появившаяся в конце палеолита, остается и в период раннего мезолита, а в редких случаях доживает до позднего мезолита. Присутствуют комбинированные орудия — концевые скребки-резцы.

В большой мере принципиально новым, фиксирующим переход к мезолиту служит появление рубящих орудий — топоров, для которых использованы нуклеусы и характерные для мезолитических памятников этого круга топоры с перехватом. Заметно увеличивается количество изделий из коротких пластин и отщепов. Иволистные наконечники на пластинах дополняются черешковыми, также пластинчатыми наконечниками стрел, имеющими различные вариации в технике и характере обработки. Степень выделения черешка также различна: от едва намечающейся зауженной тыльной части до отчетливо выделенного. Особенность этого типа наконечников заключается в слабой обработке черешка на брюшке, едва тронутого тремя-четырьмя, а то и всего лишь двумя фасетками. Перо таких наконечников нередко подтреугольное. Продолжают употребляться массивные резцы, преимущественно боковые и срединные, скребки и скобели на коротких массивных отщепах, топоры.

В позднем мезолите наблюдается изменение наконечников стрел. Чаще они с отчетливо или слабо выделенным черешком, с подтреугольным или овальным пером, отдельные приобретают ромбическую форму. Различна и степень вторичной обработки; есть ретушированные по одному краю пера и черешку, который с одного края скошен, с другого имеет выемку. В типологическом отношении они ближе всего стоят к наконечникам аренсбургского типа.

Скребки продолжают изготовляться из крупных отщепов с ретушью только на конце или на одной из сторон. Немногочисленны яниславицкие острия, ретушированные по основанию и частично по одной из сторон, конец их оформлен микрорезцовым сколом. Появляются единичные наконечники типа Лингби, известен, например, наконечник, приближающийся по форме к гамбургским.

Отчетливым показателем совершенствования индустрии на позднем этапе мезолита являются топоры типа «пик» и «транше».

Физико-географической особенностью Юго-Восточной Белоруссии (Белорусского Поднепровья) является наличие очень разветвленной речной системы, связывающей ее с Прибалтикой, Волго-Окским междуречьем, Полесьем и Северной Украиной, что не могло не сказаться на взаимоотношениях живших здесь племен с соседними племенами и через это — на характере их культуры.

Как оказалось, в северной части основная масса мезолитических памятников приурочена к выходам кремня, заключенного в меловой толще в виде конкреций некрупной величины, светло-серого или темно-серого, с мелкими вкраплениями мела (известного под названием «сожского»).

В. Ф. Копытину удалось расчленить памятники в этнокультурном и хронологическом отношении. Раннемезолитические стоянки (среди которых наиболее известны Боровка, Дальнее Лядо, Барколабово, Лудчицы, Яново) расположены на второй надпойменной террасе Днепра. Культурные остатки встречаются в основном в аллювиальном слое, неглубоко от поверхности (0,30—0,50 м).

Основное количество орудий изготовлено из отщепов, при этом характер сырья отразился известным образом на величине орудий и отчасти их форме: значительное число отщепов и отчасти пластин сохраняет корку (табл. 35—36).

Численно большая коллекция нуклеусов позволяет проследить процесс первичного расщепления

кремня. Преобладают одноплощадочные нуклеусы, хотя и двухплощадочных имеется значительный процент (например, 34,2% в стоянке Боровка, 45,6% в стоянке Дальнее Лядо), часто площадки скошены, сбиты одним ударом или слабо фасетированы. Снятие заготовок одностороннее. Достаточно велико количество ножевидных пластин, часто ретушированных или сохранивших следы использования, среди них часть с выемками. Относительно велико и количество резцов — почти столько же, сколько и скребков,— среди них преобладают боковые, хотя встречаются изредка и срединные на массивных отщепах или сколах с нуклеусов. Среди скребков господствующее место занимают концевые, однако достаточно велико и количество округлых, ретушированных по всему периметру, выпуклых, как бы сегментовидных, нередко с сохранившейся коркой, поскольку при изготовлении этой категории орудий часто использованы сколотые поперечные концы конкреций. Имеются боковые скребки и некоторое количество двойных. Неединичны рубящие орудия, в том числе топорики с перехватом.

Наконечники стрел преимущественно асимметрично-черешковые, проколки срединные и угловые (табл. 35—36).

Исходя из более древних типов орудий и их устойчивого сочетания, В. Ф. Копытин видит генезис раннемезолитических культур Юго-Восточной Белоруссии в позднем палеолите. Наиболее близкими материалами, с его точки зрения, являются Мезинская стоянка, состав орудий которой и их сочетание повторяются, в особенности в стоянке Борки, в то время как индустрия стоянки Коромка свидетельствует о наибольшем сходстве с индустрией таких позднепалеолитических памятников, как Добраничевка и Межеричи. Однако для решения этого вопроса пока еще нет исчерпывающих данных, поскольку между указанными мезолитическими и позднепалеолитическими памятниками существует огромный хронологический разрыв. Отнесение стоянок Боровка и Коромка к раннему мезолиту диктуется наличием ряда новых по сравнению с палеолитическими форм (скребел, наконечников стрел) и количественным преобладанием их в определенных ансамблях (большее число скребков по сравнению с резцами, явное преобладание двойных боковых резцов над прочими типами, многоплощадочных нуклеусов, пластин и отщепов с нерегулярной ретушью, а также отсутствие типичных для мадлена пластинок с притупленным краем).

Другие раннемезолитические памятники (Яново) являются свидетельством более сложного этнокультурного процесса, как об этом можно было бы судить только по указанным памятникам (Боровка, Коромка, Лудчица). В инвентаре стоянки Яново отчетливо выступают свидерские традиции, выражением которых являются характерные иволистные наконечники стрел с выделенным черешком, плоскоретушированные с брюшка, характерный тип боковых, срединных резцов, только концевые скребки, нуклеусы с двумя косыми площадками. Наибольшая типологическая близость инвентаря стоянки Яново прослеживается с позднепалеолитическими стоянками Литвы.

Позднемезолитические памятники (Горки, Журавель, Гренск, Печенеж) располагаются на первой надпойменной террасе р. Сож *. В типах орудий и их процентном соотношении фиксируются известные изменения.

Основными заготовками для орудий являются отщепы (примерно 59—64%). Пластины составляют всего лишь 9—12% от общего количества находок, что в 2—3 раза меньше по сравнению с ранним мезолитом. Огранение их неправильное, на спинке многих (30—46%) сохраняется корка. Наряду с одно- и двухплощадочными нуклеусами, с односторонним скалыванием пластин (составляющими примерно 50% от общего числа нуклеусов) встречаются многоплощадочные нуклеусы с бессистемным скалыванием.

Среди наконечников стрел, изготовленных также на пластинах, появляются формы с острым черешком, обработанным с брюшка плоской, а со спинки крутой ретушью, с черешком, обработанным противолежащей ретушью (типа Добраничевки), асимметричные постсвидерские типа Хинтерзее и Хвалибоговица. Среди относительно многочисленных резцов (9—12% всех изделий со вторичной обработкой), изготовленных в основном из отщепов, сохраняются некоторые позднепалеолитические типы — срединные, боковые и угловые (22—23%), преобладают боковые (45—68%), в единичных случаях встречается комбинация резца и скребка (Гренск, Печенеж), скребка-проколки (Печенеж).

Скребки (20—28% всех орудий) преимущественно на отщепах, редко на пластинах. Абсолютное большинство их (более 80%) концевые, в меньшем количестве подокруглые и округлые, а также скребловидные орудия. Изредка среди концевых скребков встречаются двойные укороченных пропорций (4—10% от общего числа орудий).

Рубящие орудия — топоры, тесла, обработанные двусторонней оббивкой,— в ряде случаев имеют острый обушок, лезвие их оформлено поперечными сколами, а края подправлены мелкой ретушью, единичные экземпляры приближаются к топорам с перехватом (Гренск), имеются овальные топорики (Печенеж).

Помимо перечисленных орудий, в виде исключения встречаются и иные формы: проколки, пластинки со скошенным ретушированным концом, с выемками, а также пластинки и отщепы с частичной обработкой. Количество этого вида изделий значительно больше, нежели в раннем мезолите. Для этого периода достаточно характерны острия (5—6% всех орудий). Геометрические формы — треугольники, трапеции — почти отсутствуют. Одна из них, найденная в Гренске,— на сечении пластины с краями, обработанными противолежащей ретушью, вторая — в Горках. Вместе с тем встречаются короткие сечения со следами сработанности и в ряде случаев с резцовым сколом на углу.

В 1977 г. при исследовании стоянки Криничная, расположенной в 2 км от д. Горки Череповского р-на, впервые для Посожья обнаружены пластинки с при-

* За исключением стоянки Печенеж, лежащей на берегу древнего озера (современного торфяника) и водосборе р. Бесель, левого притока Сожа.

тупленным краем и микрорезцы на таких пластинках.

Рассмотрение всего раннемезолитического комплекса Юго-Восточной Белоруссии заставляет нас вслед за В. Ф. Копытиным считать, что памятники этой территории связаны с различными культурными традициями эпохи палеолита и лишь завершают этот процесс.

В самые последние годы в Юго-Восточной Белоруссии была также исследована группа стоянок, расположенных на правобережье Днепра и на р. Березине, на первой или второй надпойменной террасе (Береговая Слобода, Красная Горка IV, Тайманово, Стасовка и др.). Выделяются ранний и поздний этапы. Памятники раннего этапа (Береговая Слобода, Михайловка, Шитов) располагаются на второй надпойменной террасе. В. П. Ксензов усматривает в индустрии этого периода проявление свидерской (Береговая Слобода) и верхнепалеолитических — среднеднепровской и деснинской традиций (Шитов).

Для изготовления орудий население использовало низкокачественный кремень, следствием чего явилось большое количество отходов производства — отщепы. Ножевидные пластинки немногочисленны. Соответственно невелико и количество нуклеусов для их снятия, они имеют призматическую и уплощенно-призматическую форму. Наконечников немного. Они черешковые, постсвидерского и постаренсбургского типов. Встречаются небольшие косые острия, срединные, боковые и вогнуторетушные резцы. Скребки на тонких ножевидных пластинах и их сечениях или на отщепах — концевые, с полукруглым или скошенным рабочим краем. Многочисленны скобели (пластинки с выемками по краю). Вкладыши из некрупных ножевидных пластин, единичны пластинки с притупленной спинкой и трапеции. Изредка встречаются топоровидные орудия на нуклеусах и топорики с перехватом.

Очевидно, мезолитическая культура Юго-Восточной Белоруссии явилась основой для формирования особой верхнеднепровской неолитической культуры, на раннем этапе которой встречаются типичные мезолитические формы.

Янославицкая культура. Выделена в 1965 г. польским археологом С. К. Козловским (Kozlowski, 1965). Основная часть ее памятников находится на территории Польши. В Советском Союзе несколько янославицких стоянок встречено на территории Литвы и Белоруссии (Кольцов, 1975).

Стоянка Максимонис IV (табл. 29) исследовалась Р. К. Римантене (Римантене, 1971. С. 118—122). Она располагалась на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Немана, на высоте 6 м над уровнем реки. Мезолитические остатки залегали в слое ортштейнированного песка мощностью 0,15 м. При раскопках обнаружено зольно-углистое пятно диаметром 0,25 м и мощностью 0,12 м. В профиле оно котлообразное. По-видимому, это остатки очага. Рядом с очагом обнаружены кремневые изделия, побывавшие в огне. Удалось определить, что жгли в нем сучья сосны. В очаге были найдены кусочки скорлупы водяных и лесных орехов, корней папоротника, обгоревшие косточки крупной водоплавающей птицы и позвонки крупной рыбы. Судя по находкам остатков водяного ореха, стоянка существовала в атлантическом периоде.

В составе коллекции нуклеусы одноплощадочные, конические, от пластин и отщепов с круговым скалыванием. Среди скребков, изготовлявшихся на пластинах и отщепах, концевые, в том числе скошенные, а также неправильной формы. Резцы изготавливались на пластинах и отщепах. Преобладают формы с ретушированной (косо или поперек) площадкой скола, встречен комбинированный резец: на одном конце пластины скол нанесен поперек, а на другом сформовано лезвие срединного резца со смещением относительно центральной оси заготовки. Широко представлены микрорезцы, в том числе с краевой ретушью.

Микролитическая группа достаточно разнообразна. Прежде всего следует упомянуть острия янославицкого типа со сломанным, неретушированным или ретушированным основанием (поперек или наискось по отношению к длинной оси заготовки, причем у одного изделия почти параллельно скошенному концу; такая обработка порой придает этим остриям форму асимметричных низких трапеций или параллелограммов). Кроме того, обнаружены треугольник янославицкого типа (вытянутый, тупоугольный, неравносторонний) и острие со скошенным ретушью концом. Своеобразно острие со скошенным концом, у которого противоположный конец имеет боковую выемку, образованную крутой ретушью. Широко были распространены пластины-вкладыши с ретушью по краю, пластинки с затупленным или вогнутым ретушью концом.

Обнаружены ножи и скобели в разных вариантах. Довольно большую серию составляли рубящие орудия. Это топоры и тесла разных формы и характера обработки. Они изготавливались на отщепах и кусках кремня. Преобладающий характер обработки — подправка крутой ретушью по боковым краям и лезвию. Один экземпляр оббит крупными сколами по всей поверхности, другой, кроме аналогичной обработки, имеет лезвие, сформованное одним большим боковым сколом, что напоминает известные топоры типа «транше».

Этот кремневый комплекс (табл. 29) имеет очень много общего со стоянками янославицкой культуры на территории Польши. Основные отличия от них — наличие большой серии рубящих орудий и отсутствие трапеций. Эти отличия могут быть и локальными, и хронологическими. Р. К. Римантене относит стоянку Максимонис IV к культуре маглемозе. Памятник, действительно, имеет много общего с поздними поселениями культуры маглемозе. Однако в ней нет одного существенного признака каменного инвентаря маглемозе — наконечников стрел типа маглемозе, отсутствуют и острия типа В (Коморница), столь распространенные в маглемозе. Вместе с тем, вероятно, можно говорить о генетическом родстве памятников культуры маглемозе с янославицкими.

Стоянка Несиловичи I располагалась у стрелки левого берега р. Немана и левого берега р. Молчадь. Исследовалась она Н. Н. Гуриной (Гурина, 1965). Основное большинство находок составляет подъем-

ный материал. Однако часть их залегала в погребенной почве и подпочве.

Коллекция состоит только из каменных орудий из кремня высокого качества (табл. 34). Нуклеусы конические, одноплощадочные, от пластин с круговым скалыванием. Скребки представлены разными вариантами концевых форм (в том числе скошенными и с краевой ретушью), а также орудиями неправильной формы. Большинство их изготовлено на отщепах. Резцов же, наоборот, больше на пластинах, преобладает тип на сломанном углу заготовки, однако встречены боковые косоретушные и срединные. Микролитическая группа весьма разнообразна. В составе коллекции янославицкие острия со сломанными или ретушированными основаниями. Найдено ланцетовидное острие на пластине. Есть янославицкие треугольники. Значительно число вкладышей на пластинах и их сечениях с ретушированным краем. В коллекции широко представлены трапеции разных типов: симметричные, средних пропорций, с прямыми или вогнутыми ретушированными краями, высокие, симметричные и асимметричные, с вогнутыми краями (у одной из них ретушировано и короткое основание). Кроме того, встречены ромбовидное острие и пластинка с затупленным краем. В коллекции присутствуют скобели на пластинах, проколки с выделенными «жальцами», на пластинах и отщепах, топоровидное орудие с грубыми сколами на поверхности, отщепы с ретушью (табл. 34).

К янославицкой культуре, видимо, надо отнести стоянки, где ее элементы хотя и преобладают количественно, но найдены в смеси с элементами других культур. На территории СССР это поселения Чарленка, Черешля VI (Гурина, 1965. С. 156—162), Дубичяй 2 и Паштува (Римантене, 1971. С. 103, 106, 126, 128—131). Остальные памятники янославицкой культуры находятся в Польше.

Характеризуя каменную индустрию янославицкой культуры, следует прежде всего отметить характерные острия, получившие название острий янославицкого типа. Это острия на пластинах, с концом, скошенным полукрутой ретушью и на самом кончике — микрорезцовым сколом. Вышеуказанным техническим приемом скашивался, как правило, конец, прилегающий к ударному бугорку. Основание обрабатывалось по-разному. Оно может быть ретушировано поперек (в таком случае острие может получить треугольную форму) или слегка наискось (тогда острие становится похожим на асимметричную трапецию или параллелограмм), может быть сломано (иногда преднамеренно) или оставлено без обработки, в виде естественного окончания заготовки.

Другой характерной формой являются треугольники янославицкого типа — почти прямоугольные или прямоугольные, изготовленные всегда на пластинах крутой ретушью по основанию и по одному из боковых краев. Широко распространены трапеции — высокие, низкие или средних пропорций. Они могут быть как симметричными, так и асимметричными. Характер обработки и форма ретушированных краев тоже могут быть весьма разнообразными. Среди микролитов следует упомянуть и вкладыши — пластины или их сечения с ретушью по краю. В отдельных памятниках на польской территории найдены и иные формы микролитов, чаще всего в одном или двух экземплярах. В числе других орудий наиболее часты скребки: концевые, разных вариантов и неправильной формы. Они чаще всего изготавливались на отщепах (хотя есть скребки и на пластинах) крутой ретушью. Резцов значительно меньше; в их числе угловые и боковые, реже срединные. Они изготавливались тоже на пластинах и отщепах, резцовые сколы и ретушь у боковых резцов носят различный характер. Рубящие орудия распространены не очень широко. Они представлены топорами и теслами разных форм и характера обработки. Обращает на себя внимание использование в ряде случаев бокового скола типа «транше». Изготовлялись они на отщепах, осколках и кусках кремня. Другие категории орудий распространены значительно реже.

Происхождение янославицкой культуры — достаточно сложный вопрос. Еще в 1966 г. Р. К. Римантене (Jablonskyté-Rimantiene, 1966) обратила внимание на сходство материалов стоянки Максимонис IV с памятниками маглемозской культуры. В 1972 г. С. К. Козловский (Kozlowski, 1972) поддержал эту точку зрения. Однако в дальнейшем он стал склоняться к предположению о сложении янославицкой культуры на территории СССР (на основе памятников типа Гренск). Как сейчас выяснилось, эти памятники по меньшей мере синхронны янославицким. Поэтому говорить о происхождении янославицкой культуры от них нельзя. Х. Венцковска тоже считала, что янославицкая культура — восточного происхождения (Więckowska, 1973). Б. Гинтер полагает, что основные формы этой культуры надо искать в культуре маглемозе (Ginter, 1973). Л. В. Кольцов поддержал гипотезу Р. К. Римантене о маглемозском генезисе янославицкой культуры и высказал предположение, что эта культура явилась результатом переселения и развития части маглемозского населения из Ютландии в результате сокращения охотничьих территорий там из-за неотектонических явлений, результатом чего были Литориновая трансгрессия и сокращение суши (Кольцов, 1977).

С вопросом о происхождении тесно связана и проблема хронологии культуры. Практически почти полностью отсутствуют данные по методам естественных наук. Однако, если принять гипотезу о происхождении янославицкой культуры от маглемозе и учитывать хронологию последней, можно считать датой возникновения янославицкой культуры конец VII тысячелетия до н. э. Основное число ее памятников, судя по находкам симметричных высоких и средних пропорций трапеций, относится уже к VI тысячелетию до н. э. Есть основания считать, что часть памятников (судя по датировке янославицких погребений из Гижицко-Перкуново на территории Польши фосфорно-апатитовым методом) могла существовать еще и в V тысячелетии до н. э.

Периодизация памятников янославицкой культуры связана с наличием или отсутствием в них трапеций. На территории СССР только в стоянке Максимонис IV их нет. Следует подчеркнуть и еще один факт: в этой стоянке гораздо больше рубящих орудий, чем в любом другом янославицком памятнике. Поэтому это поселение представляется более ранним, чем другие янославицкие памятники СССР.

Хозяйство населения янославицкой культуры базировалось в значительной мере на охоте. Об этом говорят находки орудий из костей тура, благородного оленя, кабана, кости дикой кошки, зубы бобра в Янославицком погребении (Chmielewska, 1951). В Гижицко-Перкуново найдены украшения из зубов лося, тура и благородного оленя. Все эти животные принадлежат к лесным видам. Судя по находкам раковин в Янославицком погребении и скорлупы водяных и лесных орехов на стоянке Максимонис IV, охота дополнялась собирательством. Возможно, существовало и рыболовство, если принимать во внимание находку позвонка рыбы в стоянке Максимонис IV.

Антропологический тип населения янославицкой культуры остается пока неясным. Сделанное В. Стеньслицкой-Мыдлярской по затылочной кости из Янославицкого погребения определение погребенного как лапоноида вызывает сомнение. Более точных данных нет.

Еще одна проблема, связанная с янославицкой культурой,— ее взаимоотношения с неолитическими культурами. Если она существовала до IV тысячелетия до н. э., ее носители неизбежно должны были вступить в контакт с неолитическим населением. Видимо, такие контакты существовали. В ряде случаев элементы янославицкой культуры входят в состав ранненеолитических культур на территории СССР (Кольцов, 1977. С. 192).

Глава седьмая
Мезолит верховьев р. Волги

В пределах рассматриваемой территории наиболее ранние памятники, известные в настоящее время, относятся к концу раннего и позднему мезолиту — бореальному и атлантическому периодам. Пыльцевые данные указывают на господство сосново-березовых лесов с примесью ели и некоторого количества широколиственных пород — дуба, орешника, липы и вяза.

Вопрос о происхождении древнейшего населения Валдайского Приозерья в настоящее время не решается однозначно. Поскольку до сих пор на этой территории не обнаружено памятников, предшествующих мезолиту, само собой снимается предположение о возможности местного происхождения. Очевидно, мезолитическое население мигрировало из других областей. По этой же причине исключается возможность передвижения населения с севера и северо-востока. В мезолитических памятниках Валдайского Приозерья отчетливо выступают оригинальные местные черты, позволяющие выделить особую культуру. Вместе с тем ряд типов каменной индустрии имеет общие черты с индустрией соседних регионов. Наиболее близкое сходство материала прослеживается с материалом Литвы, Западной Белоруссии, относящейся к неманской мезолитической культуре, а также с соседней бутовской культурой. Общие черты наблюдаются в наборе инвентаря, его типах, и прежде всего наконечниках стрел, двойных скребках, имеющих явно выраженные свидерские палеолитические традиции Польши. В то же время мезолит нашего региона не является простой копией мезолита этих районов, а, как было указано, обладает яркой индивидуальностью.

Исследование мезолитических памятников верховья Волги и связанных с ним озер особенно интенсивно ведется в последнее десятилетие Ленинградским отделением Института археологии АН СССР *, в результате чего здесь обнаружено 46 мезолитических стоянок. Часть их имеет чистые комплексы, часть — с примесью ранненеолитических материалов, а некоторое количество памятников содержит явно механическую примесь поздних, в этом случае вычленяемых без большого труда. Несколько крупных поселений с чистыми комплексами исследовано полностью сплошной площадью около 1000 кв. м, на других проведены рекогносцировочные раскопки, исследование третьих еще продолжается. Наконец, получен очень большой подъемный материал с разрушающихся памятников.

Среди наиболее подробно исследованных памятников следует назвать группы стоянок: на берегах Полновского плеса — Заболотье II (раскоп V) и Черная Речка; на побережье Селижаровского плеса — Залесье I, Нижние Котицы, Нижние Котицы V, Зехново, Зехново I, III; на оз. Волго — Волго I, II, Ланино (табл. 37—39), Ланино II, Ланино V, Ланино (раскоп IV), Девичье, Ясенский Бор и др., а также несколько стоянок у д. Гринино. Таким образом, совершенно отчетливо выявляется размещение стоянок группами, иногда достаточно многочисленными.

В топографии мезолитических памятников наблюдается определенная закономерность. Все стоянки приурочены к коренным берегам, песчаным боровым террасам или песчаным грядам озового характера, иногда далеко отодвинутым от современного зеркала озера. Культурный слой во всех случаях состоит из гумусированного песка, иногда с примесью супеси.

Наиболее чистыми и полно исследованными в настоящее время памятниками являются: Торг, Залесье I, Нижние Котицы, Нижние Котицы V, Зехново I—III, Черная Речка, Заболотье II (раскоп V) и Ланино.

За исключением Заболотья II, где мезолитический комплекс выявлен лишь на основе локализации находок (в наиболее повышенной части поздненеолитического поселения) и типологически, остальные стоянки являются чисто мезолитическими.

Переходя к обобщенному описанию мезолитической каменной индустрии (табл. 37—39), следует заметить, что в каждом памятнике встречаются специфические черты, являющиеся, возможно, отражением некоторого хронологического различия, однако в рамках конца раннего и позднего мезолита. Территориальные же отличия выступают несколько слабее.

Кремневая индустрия Валдайского Приозерья изобилует крупными рубящими орудиями и очень крупными, изготовленными из специальных, сколотых для этих целей отщепов скребками, придающими неповторимый облик всей валдайской мезолитической общности. Все топоры и тесла мезолитических стоянок Валдайской возвышенности делались из массивных кусков кремня — нуклеусов или отщепов.

Преобладающей категорией орудий являются скребки различных типов и размеров. Резцы, как и в других мезолитических памятниках, уступают первенство скребкам, хотя и встречаются достаточно часто. Менее численно представлены наконечники стрел, рубящие орудия. Весьма велико количество ножевидных пластин и нуклеусов. При этом следует отметить отсутствие или очень незначительное количество ряда типов орудий, характерных для мезолита других регионов,— трапеций и иных геометрических форм, пластинок с вогнутым концом, пластинок с выемками, почти полное отсутствие топориков с перехватом, сравнительно редки правильные конические нуклеусы, единичны «карандашевидные»

* Экспедиции с 1955 г. возглавляются Н. Н. Гуриной.

не встречаются топоры типа «транше» и классические формы топоров «пик».

Наиболее устойчивой датирующей категорией орудий являются наконечники стрел, представленные постсвидерскими формами: черешковыми и иволистными. Характер обработки их различен, встречаются: а) черешковые наконечники с плоской ретушью на брюшке, на черешке и острие пера; б) с черешком, обработанным крутой ретушью на спинке и брюшке (иногда по одному краю), и острием, ретушированным на брюшке; в) с асимметричным черешком, ретушированным на брюшке по одному или двум краям, и острием с мелкой ретушью на спинке по двум или одному краю, а иногда и на брюшке по двум краям; г) с противолежащей ретушью на черешке; д) с мелкой ретушью по периметру на спинке или на брюшке. Иволистные наконечники имеют крутую ретушь на черешке на брюшке или на обоих концах. Кроме того, встречены наконечники типа Лингби, асимметричные наконечники на отщепах, напоминающие асимметричные формы иеневской культуры, наконечники постаренсбургского типа на пластинах, а также наконечники с поперечным лезвием на отщепах с выделенным черешком или без него.

Скребки изготовлялись на пластинах и отщепах. По типам они делятся на концевые (в том числе скошенные, двойные или стрельчатые), подокруглые, угловые и комбинированные (концевые — боковые).

Резцы, на пластинах и отщепах, угловые (иногда двойные), срединные (в том числе со смещением режущей кромки на угол заготовки), поперечные, боковые (поперечно-, вогнуто- и выпуклоретушные). Встречены комбинации резцов со скребками и рубящими орудиями.

Среди топоров есть подтреугольные в плане, с зауженным обухом, с обработкой спинки сколами полностью, а на обушке — по краям. Второй тип топоров — овальные в плане, с полностью оббитыми поверхностями. Встречены топоры с перехватом. Есть отдельные находки топоров типа «пик». Тесла тоже представлены разными формами. Есть оббитые по всей поверхности подтреугольные (иногда с намечающимся желобком). Встречены подтрапециевидные (тоже иногда с намечающимся желобком или с пришлифовкой по лезвию).

Обилие различных категорий орудий, и в особенности крупных, сопровождается большим количеством нуклеусов, встречающихся на некоторых стоянках по нескольку сотен (Нижние Котицы — 428; Нижние Котицы V — 470; Заболотье II, раскоп V — 132 и т. д.). Так же, как и орудия, они разнообразных типов. Различаются две группы нуклеусов — для пластин и для отщепов.

Такое обилие нуклеусов также обусловлено избытком поделочного материала. Возможность замены нуклеуса не вынуждала древних обитателей Валдайского Приозерья использовать их до предела. Они легко заменялись новыми. В силу этого не встречается сильно сработанных нуклеусов и следов их подживления, хотя сколы с нуклеусов и имеют место, но только продольные, поперечные сколы (подживления площадки) отсутствуют. Очевидно, этим же следует объяснять и отсутствие «карандашевидных» нуклеусов, хотя пластинки, в том числе и мелкие, очень правильного огранения, имеются, однако и их количество незначительно.

Среди нуклеусов, подготовленных для снятия пластин, можно выделить несколько типов; в общей сложности выделяется не менее десяти типов и вариантов в соответствии с наличием одной или нескольких площадок и с их положением по отношению к центральной оси нуклеуса (одноплощадочные, с противолежащими или со смежными площадками), с характером скалывания (встречным, односторонним, с круговым скалыванием). Из числа нуклеусов, предназначенных для получения отщепов, выделяются: призматические, подконические, дисковидные и аморфные. Среди нуклеусов для снятия пластин встречаются: призматические, конические (наиболее многочисленные), торцовые, клиновидные, немало аморфных нуклеусов. Внутри этих типов прослеживается ряд вариаций в зависимости от расположения площадок и характера скалывания пластин.

Оригинальными чертами мезолитических, впрочем как и ранненеолитических, нуклеусов является крупный размер и в отдельных случаях специфический характер подготовки нуклеусов. Так, встречаются клиновидные нуклеусы, нижняя часть которых двусторонне ретуширована столь тщательно, что эта заготовка нуклеуса легко может быть принята за рубящее орудие.

Большому количеству нуклеусов, естественно, соответствует и большое количество ножевидных пластин, часто очень правильного огранения. Многие из пластин не имеют вторичной обработки, но использовались в работе, особенно часто в качестве ножей, о чем свидетельствуют следы сработанности, спорадически встречаются пластинки со скошенным краем, с притупленной спинкой и пилки. Имеет место особая, хотя и малочисленная категория орудий — пластинки с выделенной головкой.

Одной из особенностей мезолитических памятников Валдайского Приозерья можно считать почти полное отсутствие геометрических форм. На всех памятниках, известных к настоящему времени, обнаружено всего лишь три трапеции, при этом довольно аморфные. Вместе с тем очень велико количество коротких сечений (длина их равна ширине, едва превышает или меньше ширины). Все они имеют строго выработанную форму. Существует три вида коротких сечений: прямоугольные (иногда квадратные), треугольные и трапециевидные, последних два типа бывают и низкие и высокие, порой очень высокие. Некоторые из сечений имеют нерегулярную ретушь на боковых краях. Преднамеренность получения коротких сечений не вызывает сомнений.

Относительно многочисленны ножи, изготовленные на пластинах с небольшой подработкой лезвия (одного или двух продольных краев) или из отщепов с оформлением лезвия приостряющей ретушью. Иногда ножи имеют овальную форму.

Встречаются скобели на пластинках или отщепах с одной или несколькими выемками, сверла и проколки. Последние две категории орудий изготовлены на пластинах или отщепах, острие их в большей или меньшей степени выделено с помощью ретуши или выемки. Присутствуют на стоянках, хотя и в очень малом числе, шлифовальные плитки.

Обобщая данные по всей каменной индустрии, господствующей в эпоху мезолита в Валдайском Приозерье, можно заключить, что она обладает рядом характерных черт, придающих особую окраску всей мезолитической культуре этого региона, отличающих ее от культур соседних и более отдаленных территорий.

Как мы уже говорили, мезолитические поселения занимают наиболее возвышенные по сравнению с неолитом берега рек и озер, и в этом случае там, где они располагаются непосредственно на берегу водоема, в значительной степени оказываются размытыми. В числе таких поселений: Торг (на оз. Вселуг), Зехново I—III (на р. Селижаровке). Наиболее же часто они лежат на коренных, но более пологих берегах, отодвинутых теперь далеко от современных бассейнов,— Черная Речка, Залесье I, Нижние Котицы и Нижние Котицы V.

Среди памятников второй группы особого интереса заслуживают Залесье I и Нижние Котицы V. Мезолитическое поселение Залесье I расположено на северном берегу узкого Селижаровского плеса (в самом его начале), на песчаном мысу коренного берега, полого спускающего к воде. Здесь отчетливо прослеживаются две террасы и пойма оз. Селигер. Мезолитическое поселение лежит на второй надпойменной террасе, занятой лесом. Люди поселились на кромке песчаного берега, круто обрывающегося к воде оз. Селигер (ныне Селижаровского плеса). Высота берега в то время немногим превышала 1 м.

Не менее интересная ситуация, подтверждающая древность мезолитических поселков, прослеживается на памятниках Нижние Котицы V и Нижние Котицы. Оба поселения расположены на одной песчаной гряде озового характера, разделены расстоянием 180 м.

Поселение Нижние Котицы лежит на той же гряде, но на южной, пониженной ее оконечности. В настоящее время и его (вместо озера) окружает слегка заболоченное пространство, поросшее лесом.

Весьма показательно и расположение группы поселений в северной части Селигера, из которых наиболее полно исследована Черная Речка. На берегу реки отчетливо выражены террасы, в настоящее время заболоченные и поросшие лесом. Поселение расположено на самом краю второй надпоймы, вблизи древнего устья реки. Теперь оно отделено от Черной Речки и Селигера значительным расстоянием (около 1 км).

Выявление демографии мезолитических поселков достаточно трудно. Прежде всего в рассматриваемом регионе в силу стратиграфических особенностей культурного слоя — песчаного, залегающего близко от дневной поверхности — не сохраняются органические остатки, что чрезвычайно обедняет наши представления о памятнике, и в частности о характере жилищ и других бытовых объектах. Исчезновение деревянных остатков лишает возможности судить о конструкции построек. Единственным источником информации в этом случае служит окраска слоя — темная, сильно гумусированная, часто прокаленная земля, соответствующая полу жилища. В некоторых случаях это устанавливается точно лишь с уровня древней поверхности — материка. Усиливают достоверность и наличие очагов или открытых кострищ в пределах темных гумусированных пятен, и особенно сильная концентрация находок, тогда как пространство вокруг углубления в материке вовсе лишено их.

Вторым препятствием является разрушение части поселения рекой или позднейшими действиями людей, в результате чего до нас сохранились лишь фрагменты памятников, не дающие правильного представления об их подлинном размере. Таким образом, мы можем пользоваться в этом случае лишь памятниками наиболее хорошо сохранившимися и полно исследованными.

Особенно благоприятными в этом отношении следует считать поселения Торг, Нижние Котицы V, Нижние Котицы и Залесье I, где сохранились следы жилищ. На территории же других древних поселков прослежены лишь остатки кострищ и хозяйственных ям.

Поселение Торг, как указывалось выше, находясь на самом берегу оз. Вселуг, оказалось в большой мере разрушенным, на что указывают вымытые водой находки кремневых отщепов и орудий. В обрезе высокого берега обнажились культурный слой и разрез полуразрушенного жилища — углубления, заполненного суглинистым, сильно гумусированным культурным слоем. Форма его чашеобразная. Раскопом была вскрыта оставшаяся часть поселения. По сохранившемуся темному пятну удалось выяснить, что жилище имело округлую форму диаметром не менее 6 м, с коридорообразным входом. Нижняя часть его врезалась в материк более чем на 0,80 м, в целом же глубина нижней (вкопанной) части, очевидно, превышала 1 м. По-видимому, это была полуземлянка, верхняя часть которой (судя по ее округлой форме) имела шалашеобразное перекрытие. В заполнении ямы, в особенности в ее нижней части, было сосредоточено большое количество отщепов и орудий, значительно превосходящее находки, встреченные на окружающем жилище пространстве.

Для восстановления планировки мезолитических поселков значительный интерес представляют Нижние Котицы V. В результате широких раскопок можно считать, что оно исследовано полностью. Среди других исследованных нами мезолитических поселений Нижние Котицы V выделяются чрезвычайным обилием находок, представленных к тому же большими сериями и очень устойчивыми типами. Достаточно сказать, что вся кремневая индустрия вместе с отходами производства (отщепами, чешуйками) исчисляется 95 612 экземплярами. Из них только орудий 1199.

Поскольку раскоп захватил всю площадь древнего поселения, с большим основанием, чем в других случаях, можно установить приблизительно жизнь поселка. Селение было невелико. Оно размещалось на довольно узком мысу, ограниченном с трех сторон озером с песчаным, ровным здесь дном, очень неглубоким, только восточный берег был обрывистым. С четвертой (южной) стороны продолжался несколько более широкий мыс.

Как указывает цветность слоя и планиграфия находок, на площади поселения горело много костров, очевидно по нескольку одновременно, и именно около них была сосредоточена основная жизнь людей. Хорошо заметно, что наиболее интенсивна она была

в средней части мыса — к его краям находок встречалось значительно меньше, так же как и следов костров. Потемнение культурного слоя, соответствующее различным углублениям, было очень выразительно. Удалось выявить западание культурного слоя со второго горизонта до верхней части материка и ниже, однако по мере углубления они меняли свои очертания — в верхней части были более обширные и аморфные, ниже — более интенсивно окрашенные. В непосредственной близости от одного из гумусированных пятен располагался очаг овальной формы, выложенный кусками известняка (в который обычно заключена кремневая порода), и около него большое количество орудий. Поскольку пятна (а затем углубления) не имели четких контуров, нет достаточных оснований точно реконструировать форму и количество жилищ, но по сильной концентрации находок, прослеженных на всех горизонтах, и в частности в углублениях, врезанных в чистый материковый слой, и остаткам кострищ можно предполагать, что жилищ было не менее двух.

На поселении Нижние Котицы не сохранилось достоверных следов жилищ, хотя и прослеживались сильная гумусированность культурного слоя и четкая локализация находок в пределах интенсивнотемных пятен, однако контуры их были расплывчатыми, что не позволило уловить очертания жилищ. Вместе с тем исключительная насыщенность находками и интенсивная окрашенность слоя не оставляли сомнения в наличии жилищ и длительности обитания поселения. Всего здесь обнаружено 1346 орудий, а вместе с отщепами и пластинами без вторичной обработки — 98 717. Очень отчетливо выявились кострища и очаги, обложенные камнями, слегка опущенные нижней частью в материк, а также различные ямы, выкопанные в материке, некоторые из них имели более 1 м глубины. Заполнение их представляло культурный слой, насыщенный отщепами, среди которых изредка встречались орудия. В отдельных случаях количество отщепов и чешуек в пределах одной ямы было чрезвычайно велико (одна из ям содержала 9000 экз.). Очевидно, отходы производства орудий специально сбрасывали в ямы, так как в противном случае босому человеку трудно было ходить.

Как указывалось, поселение располагалось на мысу озового характера, там же, где и Котицы V, только ниже, с трех сторон оно было в древности окружено озером, отодвинувшимся в настоящее время более чем на 1 км. Раскоп площадью 515 кв. м исчерпал основную часть памятника, на крайних квадратах находки встречались очень редко. Судя по большому сходству индустрии обоих памятников, можно заключить о принадлежности их к одной этнокультурной группе населения и хронологической близости. Наиболее вероятно предполагать, что поселение Нижние Котицы явились продолжением существования поселения Нижние Котицы V. По-видимому, понижение уровня озера заставило древних обитателей песчаного мыса переместиться на более низкую площадку, поближе к воде.

Следы двух сходных в плане жилых сооружений были обнаружены на поселении Залесье I. В обоих случаях они имели подчетырехугольные очертания, углубленные нижней частью в материковый слой от 0,15 до 0,40 м. Максимальный размер более крупного — 9,20×4,8 м, т. е. более 40 кв. м. Вторая полуземлянка была несколько меньших размеров. Первое жилище состояло из двух камер, соединенных узким (1,20 м) коридором. Размер южного помещения 24 кв. м, северного — 16 кв. м. Книзу вследствие деформации (поскольку жилище было впущено в мягкий песчаный грунт) площадь его несколько уменьшилась. В действительности жилье в верхней части имело больший размер за счет нар, о чем свидетельствовали уступы в западной стенке. В северном помещении располагался очаг диаметром 2 м, углубленный в материковый слой на 0,80 м, на дне его лежали сильно обгорелые камни. В южном жилище очаг не имел камней, там был только сильно обожженный песок с угольками. Жилые углубления содержали очень большое количество находок. Межжилищное пространство ниже уровня древней поверхности было полностью их лишено.

Благодаря обширному раскопу стало очевидно, что в эпоху мезолита в непосредственной близости от озера, на высоком обрывистом берегу стояло не менее трех жилищ. Остатки двух из них вскрыты полностью, от третьего уцелела лишь небольшая часть углубления, прослеженная в разрезе одной из поздних ям. Поселение Залесье I, очевидно, относится к концу мезолита.

Отсутствие органических остатков сильно обедняет наши представления о существовавшей тогда форме хозяйства. Ее можно реконструировать, лишь исходя из наличия различных категорий каменных орудий. Однако, судя по соседним территориям, в частности Восточной Прибалтики, можно предполагать наличие богатой костяной индустрии. Но даже и те, что сохранились, подчеркивают роль охоты. К сожалению, до нас не дошли орудия рыболовства, в силу тех же стратиграфических условий, поскольку они в основном изготовлялись из кости, дерева и растительных материалов. Однако тесная связь поселений с водными бассейнами, главным образом с их мелководным побережьем, обилие рыбы в озерах указывают на несомненную роль рыболовства. О наличии весьма совершенных орудий лова — сетей — свидетельствуют каменные грузила. По всей вероятности, в мелких прибрежных водах широко применялся и способ битья рыбы с помощью гарпуна и остроги, а также лов при помощи ловушек простейшего устройства. Судя по большому количеству крупных рубящих орудий (в частности, желобчатых), вполне вероятно предполагать наличие примитивных лодок.

Сопоставление орудий труда мезолитических поселений верховьев Волги приводит к выводу об их идентичности, свидетельствующей о принадлежности единой этнокультурной группе населения, присутствуют одинаковые типы орудий, но в различных количественных комбинациях.

Расположение памятников затрудняет получение серии радиокарбоновых датировок. Существуют лишь датировки для стоянок Залесья I — 6530±50 (ЛЕ-1144), т. е. 4580 лет до н. э., и Нижние Котицы — 6860±100 (ЛЕ-1333), т. е. 4910 лет до н. э. Они указывают, что названные памятники относятся к финальному мезолиту. Однако по типам орудий

можно предполагать, что существует более ранняя группа памятников, таких, как Сосна, Торг, в индустрии которых сильнее ощущаются палеолитические традиции (преобладание резцов над скребками), есть ранние типы срединных массивных резцов, близкие к свидерским наконечники стрел, классические концевые скребки, в том числе двойные, и т. д. Вместе с тем они не выходят за рамки развитого мезолита и, по всей вероятности, не могут быть древнее 6500—6000 лет до н. э.

Что касается выделения локальных вариантов, то делать это с достаточной обоснованностью еще трудно. Необходимо накопление большего материала. В настоящее время можно констатировать лишь известные различия между двумя группами памятников: южной — расположенной в районе Селижаровского плеса (Залесье I, Нижние Котицы, Нижние Котицы V, Зехново I—III, Ланино, Ясенский Бор и др.) и северной — стоянки побережья Полновского плеса (Черная Речка, Заболотье II, раскоп V, стоянка близ д. Гринино). Южную группу отличают наличие более крупных орудий, обилие рубящих орудий, в том числе тесел «валдайского типа». Орудия северной группы значительно более мелкие, что, вероятно, было обусловлено различием в расстоянии от источника сырья (выходов кремня) — удаленности северного и близости южного, в связи с чем у населения обоих районов сложились свои особые традиции, однако в рамках единой культуры.

Остается коснуться финала мезолитической культуры Валдайского Приозерья. Несомненно сходство ряда категорий и типов орудий мезолитических и ранненеолитических. Есть все основания утверждать наличие значительного сходства культуры в целом, т. е. генетической преемственности индустрии обоих хронологических периодов.

Таким образом, сумма фактов свидетельствует о том, что неолит Валдайского Приозерья является автохтонным, генетически связанным с местным мезолитом, возникшим в результате внутреннего развития общества, имевшего многовековые традиции. Проявлением же инновации в раннем неолите, привнесенной извне, можно считать лишь керамику. Приведенные выше факты дают основание отнести мезолитические памятники Валдайского Приозерья к выделенной нами ранее валдайской культуре (Гурина, 1958, 1973б, 1977б), рассматривая их как основу для возникновения раннего этапа неолита.

Глава восьмая
Мезолит Волго-Окского междуречья

В полевых исследованиях мезолита Волго-Окского междуречья до Великой Октябрьской социалистической революции принимали участие В. В. Докучаев, П. П. Кудрявцев, В. А. Городцов, А. И. Черепнин, Н. И. Булычев, Н. М. Бекаревич (Уваров, 1881; Паничкина, 1941; Городцов, 1905; Черепнин, 1894; Булычев, 1899; Бекаревич, 1906). Ими были обнаружены стоянки Елин Бор, Борки, Гремячее и ряд памятников в окрестностях Костромы. В период между двумя мировыми войнами полевые работы в регионе проводили О. Н. Бадер, П. Н. Третьяков, М. В. Воеводский, П. И. Борисковский (Бадер О. Н., Воеводский, 1935; Третьяков, 1950; Борисковский, 1937; Воеводский, Борисковский, 1937; Воеводский, 1941). После Великой Отечественной войны полевые исследования в регионе возобновили Д. А. Крайнов, О. Н. Бадер, Л. В. Кольцов. В исследовании ряда памятников участвовали Ю. А. Краснов, М. П. Зимина, Е. М. Молодцова, М. Г. Жилин, В. В. Сидоров, А. Н. Сорокин, А. С. Фролов, В. М. Воробьев, Е. В. Бодунов, К. И. Комаров, Ю. Н. Урбан, И. В. Гаврилова, А. В. Трусов, А. В. Мирецкий (Крайнов, 1964, 1972; Бадер О. Н., Кольцов, 1974; Краснов, 1962; Кольцов, 1963, 1966; Крайнов, Кольцов, 1983; Сидоров, Жилин, 1975; Урбан, 1975; Гаврилова, 1973, 1979; Фролов, Трусов, Сорокин, 1976; Фролов, Сорокин, Жилин, 1977; Сорокин, 1981а, б; Фролов, Жилин, 1978; Жилин, Фролов, 1981).

Впервые культурные особенности волго-окского мезолита отметил М. В. Воеводский (Воеводский, 1950), обозначив его как волго-окскую мезолитическую культуру. Однако новые исследования позволили Д. А. Крайнову поставить вопрос о неоднородности мезолита в Волго-Окском бассейне (Крайнов, 1964). В 1965 г. попытку обобщить имевшиеся к тому времени материалы делает Л. В. Кольцов (Кольцов, 1965а, б), а позднее он же окончательно разделил мезолит Волго-Окского междуречья на бутовскую и иеневскую культуры и памятники типа нижнего слоя Елина Бора. В последние годы в связи с новыми исследованиями культурная картина в регионе в эпоху мезолита еще более усложнилась. Однако законченная картина истории района в мезолите еще ждет своего завершения.

Палеогеографические данные. Судя по этим данным, в раннеголоценовое время, в течение которого существовали мезолитические культуры, природная обстановка в регионе неоднократно существенно менялась. На переходе от плейстоцена к голоцену в регионе формируются лесные сообщества, состоящие главным образом из сосны и березы с примесью ивы при сохранении в значительной мере и тундростепных участков (Хотинский, 1977). Однако во второй половине пребореального периода происходит относительно кратковременное похолодание, которое вызывает сокращение площади лесов и увеличение площадей, занятых тундрово-степной растительностью. И только в бореальном периоде наступает окончательное господство лесных ландшафтов, хотя местами остаются еще и незалесенные участки. Лес в это время, по-видимому, тоже состоял из березы и сосны, хотя в конце периода начинается постепенное проникновение широколиственных пород. В атлантическом периоде происходит полное облесение района, причем в лесах господствуют широколиственные породы.

Очевидно, изменение растительного покрова приводило к изменению в составе фауны, населявшей регион. Вероятно, в пребореальном периоде, особенно в его второй половине, когда прослеживается похолодание, в фауне еще значительную роль играли северные олени и сопутствующие им животные. С появлением лесов, и особенно со сплошным облесением, северный олень постепенно уступает свое место лесным животным, а затем и совсем исчезает. Во второй половине мезолита человека окружает только лесная фауна.

До начала мезолита в Волго-Окском междуречье существовало, видимо, очень редкое население. К сожалению, в настоящее время мы очень мало о нем знаем. Верхневолжской экспедицией обследовано только шесть памятников, которые могут относиться к этому времени. Это стоянки Золоторучье I (нижний слой), Алтыново (нижний слой) (табл. 40, *1—11*), Нестерово в районе Углича, Поповка, Скнятино (нижний слой) в районе Калязина, Федюково I (нижний слой) недалеко от Мышкина.

Нижний слой стоянки Елин Бор. Одной из самых ранних, по-видимому, мезолитических стоянок на территории региона является нижний культурный слой поселения Елин Бор, находящегося на левом берегу Оки, в 25 км выше Мурома. Оно располагается на высоком останце первой надпойменной террасы. Нижний культурный слой на поселении был обнаружен раскопками Л. В. Кольцова 1959 и 1961 гг. на площади около 400 кв. м (Кольцов, 1966). Этот слой, залегавший под культурным слоем поздних этапов бутовской культуры и датирующийся, по всей видимости, ранним мезолитом, был очень беден находками (табл. 40, *12—21*), которые залегали отдельными скоплениями. Не было найдено ни одного нуклеуса. Основной заготовкой для орудий был отщеп. Ряд орудий изготовлен на осколках. Гораздо реже применялись ножевидные пластины. В составе комплекса скребки концевые (в том числе скошенные) и подокруглые. Рабочие лезвия сформованы крутой среднефасеточной ретушью. Резцы срединные (среди них один с ножевой ретушью по краю), с ретушированной площадкой скола (в том числе двойные) и на углу сломанной пластины. Резцовые сколы длинные и довольно широкие. Единственный на-

конечник стрелы, найденный в этом слое, неправильно асимметричной формы, имеет не очень характерную обработку: на спинке он подправлен по перу на одном краю и на черешке по другому крутой притупливающей ретушью, а на брюшке на $^3/_4$ периметра — полукрутой ретушью. Этот комплекс (табл. 40, *12—21*) не имеет прямых аналогий ни в одной из ранних мезолитических стоянок региона и стоит поэтому особняком. Мы не можем сказать ничего определенного ни об его происхождении, ни о хронологии.

Бутовская культура. Одним из крупных культурных проявлений в мезолите Волго-Окского междуречья была бутовская культура (карта № 6). В числе наиболее интересных ее памятников — стоянка Тихоново (Кимрский р-н Калининской обл.). Она открыта в 1975 г. Л. В. Кольцовым и М. Г. Жилиным и раскапывалась в 1980—1982 гг. под руководством Л. В. Кольцова. Памятник располагается на останце обтекания первой надпойменной террасы левого берега Волги.

На стоянке раскопано около 680 кв. м. Встречено два культурных комплекса: бутовский и иеневский (см. ниже). Однако эти комплексы наложились друг на друга только краями, так что бутовский практически не потревожен вышележащим иеневским. В бутовском слое обнаружено жилище овальной формы размерами 7,18×3,5 м, ориентированное точно по линии север — юг (табл. 52, *1*). В северной части конструкции наблюдалось углубление, примыкавшее к западной стенке. Его размеры 3,7×2,6 м. Жилище было слабо углублено в землю. В нем находился очаг неправильной в плане формы размерами 1,14× ×0,92 м, мощностью 0,28 м. С запада, юго-запада, северо-востока и востока от жилища было около десятка ям разного размера и, по-видимому, разного назначения. К югу от жилища наблюдалось скопление находок.

Коллекция изделий, встреченных на стоянке, состоит только из каменных орудий (табл. 41) и отходов их обработки. Сырьем служил местный валунный и меловой старицкий кремень. Характер раскалывания кремня хорошо прослеживается по формам нуклеусов. Основной заготовкой для орудий (336 экз.) служила ножевидная пластина. Поэтому подавляющее большинство нуклеусов служило для скалывания ножевидных пластин. Нуклеусы в большинстве одноплощадочные. По форме и характеру плоскости скалывания они различны: есть подконические и подпризматические, с одной плоскостью скалывания. Площадки в большинстве прямые, неподработанные. Среди скребков (10,1%) встречены концевые и боковые. Очень характерны микроформы. В группе резцов (8,9%) преобладают орудия на углу сломанной заготовки. Встречены, однако, и резцы с ретушированной площадкой скола. Микролиты представлены различными вкладышами. У них, изготовленных чаще всего из сечений пластин, круто ретуширован один край. Вкладыши составляют 15,1% орудий. Представлены в коллекции скобели на пластинах и отщепах (0,9%), чаще одновыемчатые. Сверла и проколки (соответственно 0,3 и 1,2%) по преимуществу симметричные, с выделенным «жальцем», на пластинах и отщепах. Разнообразна серия ножей с краевой плоской или полукрутой ретушью. Особого рассмотрения заслуживают наконечники стрел (2,7%). Необходимо отметить архаичность их обработки и формы. По характеру обработки это настоящие свидерские и аренсбургские формы с выделенным черешком. У свидерских наконечников перо оставлено без обработки, а черешок обработан плоской ретушью на брюшке и крутой на спинке по краям. У наконечников аренсбургского типа крутая ретушь располагается только по краям на черешке на спинке. Других типов наконечников нет. Острия (2,7%) в двух формах — со скошенным ретушью концом и таким же, но с затупленным краем. Следует отметить еще микролиты с вогнутым концом (0,6%). Комбинированные орудия (1,2%) немногочисленны и небогаты формами: скребки-резцы, скребок-нож, нож-резец.

К тому же этапу бутовской культуры относятся бедная стоянка Соболево VII в том же районе, раскопанная Л. В. Кольцовым в 1972 г., и стоянка Гремячее в верховьях Оки (Перемышльский р-н Калужской обл.), открытая Н. И. Булычевым (Булычев, 1890) и исследовавшаяся в 1936 г. М. В. Воеводским (Воеводский, 1941).

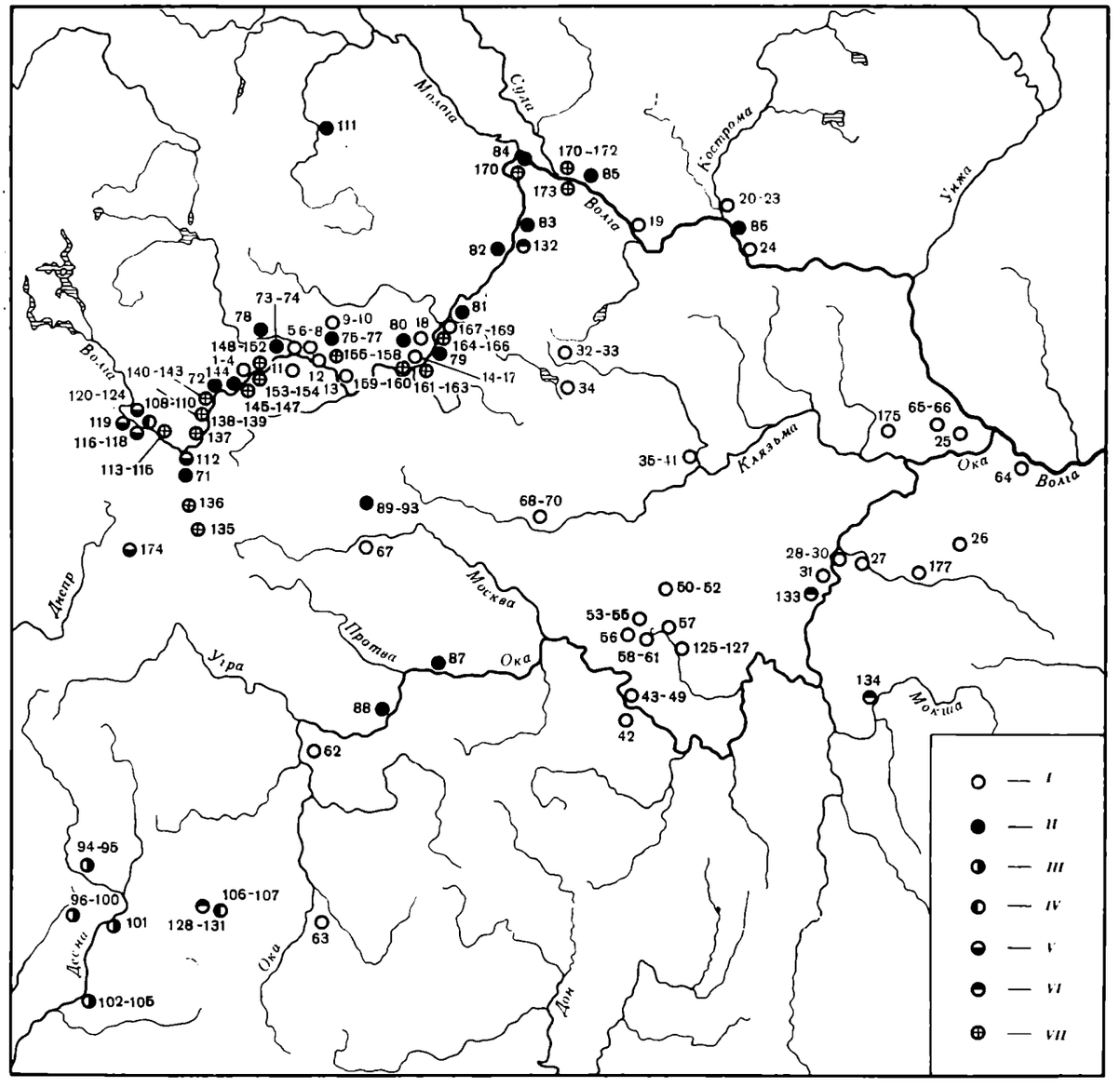
Один из наиболее ярких памятников — стоянка Бутово I (Старицкий р-н Калининской обл.), находящаяся на левом берегу Волги. Подъемный материал здесь был собран Л. В. Кольцовым на трех параллельных дюнах, на первой надпойме в 1956 г. Затем, в 1966—1967 гг., Л. В. Кольцов произвел раскопки стоянки. Общая величина вскрытой площади около 700 кв. м. Изделия из кремня залегали практически под дерном, в дюнном песке. На стоянке были проведены геологические и палинологические изыскания под руководством А. Г. Гаэля. В результате этих работ удалось установить бореальный возраст памятника.

Каменный инвентарь стоянки (табл. 42) изготавливался в основном из мелового кремня высокого качества из старицких месторождений. Кроме того, употреблялся и местный валунный кремень. Нуклеусы найдены четырех типов: подконические, «карандашевидные» одноплощадочные с круговым скалыванием, призматические и уплощенно-призматические, двухплощадочные с односторонним скалыванием. Почти все они — от пластин или микропластин. Основная заготовка — пластина, хотя часть орудий изготовлена из отщепов, осколков и сработанных нуклеусов.

В раскопах стоянки обнаружено 301 орудие. Скребки составляют 12,3% всех найденных орудий. Среди них резко преобладают разные варианты концевых форм (в том числе скошенные, с выступом и т. д.). Встречены и разные варианты подокруглых форм.

Самой многочисленной группой орудий являются резцы (27,5%). Среди них преобладают резцы на углу сломанной пластины, хотя в значительном числе найдены боковые (косо-, поперечно-, вогнуторетушированные). Срединные резцы очень редки. Часты неодинарные формы.

Микролиты представлены вкладышами с ретушью (13,6%) по одному (или на брюшке или на спинке) или по двум краям, в этом случае ретушь противолежащая и разнохарактерная: по одному краю крутая, по другому — приостряющая. Наконечников стрел относительно немного (3%). Среди них — постсви-

Карта 6. Мезолитические памятники Волго-Окского междуречья

I — памятники бутовской культуры: *1—4* — Бутово I, Кошево II, Жихарево, Култино I; *5* — Дмитровское II; *6—8* — Калинин I—III; *9—10* — Пищалкино, Лукино I; *11* — Красново; *12* — Староконстантиновская III; *13* — Заборовье II; *14—17* — Соболево I, III, V, VII; *18* — Тихоново; *19* — Устье (Ярославская обл.); *20—23* — Некрасово, Оганино, Кострома, Саметь; *24* — Гомониха; *25* — Горшиха; *26* — Пустынь; *27* — Новошино; *28—30* — Велетьминская IX, Угольново I, III; *31* — Елин Бор (средний слой); *32—33* — Ивановское III, VII; *34* — Берендеево III; *35—41* — Мордовское I—VI, Алексеевское; *42* — Борки; *43—49* — Шумашь II, Коростово I—V; *50—52* — Петрушино I, II, Микулино; *53—55* — Островки I, Беляково III, Дунино I; *56* — Русаново I; *57—61* — Совка III, Задне Пилево I, II, IV, VIII; *62* — Гремячее I; *63* — Жабынь; *64* — Безводнинские стоянки; *65—66* — Утрехские стоянки; *125—127* — Исток I, Борисово I, Заводь; *167—169* — Скнятино I—III; *67* — Устье (Московская обл.); *68—70* — Сауровские стоянки;

II — памятники иеневской культуры: *71* — Высокино VI; *72* — Журавец; *73—74* — Черная грязь I, Дмитровское I; *75—77* — Иенево II, Староконстантиновская IV, VI; *78* — Новенькая II; *79* — Титово I; *80* — Тихоново; *81* — Авсерьгово II; *82* — Алтыново; *83* — Богоявление; *84* — Коприно; *85* — Пеньково; *86* — Сельцо III; *87* — Брагино; *88* — Ладыжино; *89—93* — Дальний Остров, Никольская I, Тростенские стоянки; *111—112* — Усть-Кеза I, II; *144* — Тихменево II;

III — памятники типа Песочного Рва: *94—95* — Черистово I, II; *96—100* — Комягино 2А, 2Б, 2В, 3, 4; *101* — устье р. Ревны IV; *102—105* — Желено I—III, Желенская протока;

IV — памятники рессетинской культуры: *106—107* — Рессета 2, 3; *108—110* — Суконцево 3, 8, 9;

V — памятники верхневолжского мезолита: *112* — Высокино II; *113—115* — Хрипилево I, II, Суконцево VII; *116—118* — Усть-Тудовка I, IV, IX; *119* — Дорки III; *120—124* — Филатово V, VI, Петрищево VII, IX, XI; *174* — Настасьино;

VI — памятники с неясной культурной принадлежностью: *128—131* — Красная I, III, VIII, X; *132* — Золоторучье III; *133* — Елин Бор (нижний слой); *134* — Пургасово III, V, VII;

VII — памятники с невыясненной культурной принадлежностью: *135* — Коньшино; *136* — Останово; *137* — Подол II; *138—139* — Чупруново I, II; *140—143* — Гольшино I, II, IV, V; *145—147* — Валуйка II, Иваниши III, Лопатино III; *148—152* — Бутово II, IV, Нестерово I, II, Кошево I; *153—154* — Якшино I, II; *155—158* — Староконстантиновская I, II, V, Судимирка II; *159—160* — Пекуново I, II; *161—163* — Прислон III—V; *164—166* — Сухово, Савелово I, Новосельская I; *167—169* — Фураево, Городище I, II; *170* — Заладье; *171—172* — Фал леево I, II; *173* — Фоминское

дерские иволистные (со скошенным ретушью острием пера) и постсвидерские с черешком, с полукрутой ретушью на брюшке на черешке и крутой — по краям черешка на спинке. У ряда экземпляров конец тоже скошен ретушью. В единственном экземпляре найден наконечник аренсбургского типа, у которого крутой ретушью затуплены края слегка асимметричного черешка.

Острия составляют 4% орудий. В подавляющем большинстве это пластины со скошенным ретушью концом. Найдено только одно острие, симметричное, со сходящимися ретушированными краями.

Относительно небольшую группу составляют ножи (4,3% орудий). У большинства один край обработан крутой ретушью, а другой несет четкие следы работы в качестве ножа. У одного орудия крутая ретушь на одном краю и уплощенная — на другом.

Найдено одно сверло (0,3%). Оно имеет два рабочих конца и сделано техникой, присущей обработке наконечников этой же стоянки: оба конца несут плоскую ретушь на брюшке и крутую по краям, на спинке. Сверло симметричное, с выделенными рабочими частями. Проколки (2,3%) тоже в основном симметричные, с выделенным «жальцем», сформированным мелкой ретушью. Довольно большую группу составляют комбинированные орудия. Чаще всего это комбинация резца с каким-либо другим орудием: скобелем, ножом, вкладышем, скребком. Есть комбинации острия и скобеля, скребка и скобеля.

Кроме перечисленных орудий, в коллекции отбойник, пластины и отщепы с незначительной ретушью.

На стоянке Бутово I было обнаружено несколько бытовых объектов. В северной части памятника раскопан очаг неправильно овальной формы размерами 1,95×1,2 м, мощностью 0,1 м. Под ним обнаружилась яма глубиной 0,4 м от дна очага. На ее дне были концевой скребок и 22 отщепа. Недалеко от очага были две хозяйственные ямы. В обеих ямах были находки кремневых изделий. Второй очаг находился в центральной части стоянки. Он был такой же формы, размерами 0,85×0,55 м, мощностью 0,13 м. Недалеко от него тоже была яма с находками. Были найдены еще две хозяйственные ямы с находками. В одной из них лежали угловой резец, два вкладыша, 32 ножевидные пластинки без ретуши. Характер находок заставляет предполагать в этой яме клад.

Полную аналогию Бутову представляют стоянки Кошево II в 12 км вниз по Волге от Бутова, где при раскопках Л. В. Кольцова был обнаружен очаг со скоплением находок вокруг него, и Лукино I в окрестностях Калинина, где О. Н. Бадером было обнаружено слегка углубленное в землю жилище подпрямоугольной формы, размерами 4×2 м, глубиной 0,3 м, с котлообразным дном.

Все эти стоянки объединяются рядом общих черт. Это прежде всего техника раскалывания кремня с использованием подконических и подпризматических нуклеусов для получения основной заготовки — ножевидной пластины. Главные приемы вторичной обработки — разные роды ретуши, от крутой до плоской. Разнообразен набор инвентаря. Это скребки (главным образом концевые), рабочие лезвия которых образованы крутой средне- и крупнофасеточной ретушью; резцы различных форм (угловые, боковые, срединные), с довольно длинными и относительно широкими сколами; микролиты, представленные вкладышами с разнообразной обработкой края и пластинами с вогнутым ретушью концом; острия двух основных типов — со скошенным мелкой крутой ретушью концом и симметричные, со сходящимися ретушированными краями (с использованием мелкой крутой ретуши); ножи очень своеобразных и самых различных форм, для оформления которых употреблялись разные виды вторичной обработки; скобели одновыемчатые, с выемками разного размера и характера обработки; наконечники стрел свидерского, аренсбургского и постсвидерского типов, изготовленные на пластинах при помощи плоской или полукрутой ретуши на брюшке и крутой — на спинке, иволистной или черешковой форм; симметричные проколки и сверла, чаще с выделенной среднефасеточной крутой ретушью рабочей частью. Очень характерны и довольно разнообразны комбинированные орудия. Обращает на себя внимание отсутствие рубящих орудий.

Хронология этих памятников может быть определена по весьма ограниченному числу фактов. Как уже упоминалось, стоянка Бутово I имеет геологическую и палинологическую дату, помещающую ее в бореальный период. Кроме того, отсутствие во всех перечисленных памятниках коротких симметричных трапеций, появляющихся в стоянках мезолита Северной Европы (особенно ее лесной зоны) в конце бореального периода, позволяет ограничить ее хронологические рамки временем, предшествующим распространению этих трапеций.

Обращает на себя внимание локализация описанных памятников бутовской культуры в западной части Волго-Окского междуречья. Видимо, это связано с фактом ее происхождения на базе свидерской. Финальные памятники свидерской культуры датируются началом VIII тысячелетия до н. э. Население, оставившее ее, в это время мигрирует в северном и северо-восточном направлениях и входит в качестве составного компонента в складывавшуюся бутовскую культуру. Помимо этого, в ее сложении участвовали элементы аренсбургской культуры, того ее локального варианта, памятники которого известны в Литве (Римантене, 1971). Возможно, какую-то роль при сложении бутовской культуры сыграли и элементы других культур.

Исходя из сказанного, абсолютная хронология ранних этапов бутовской культуры определяется рамками по крайней мере от середины VIII тысячелетия до н. э. (может быть, несколько раньше) до второй половины VII тысячелетия до н. э.

Стоянки начала бутовской культуры можно, кажется, разделить на два хронологических этапа. Первый этап характеризуют типологические и технологические черты, переходные от свидерской культуры к мезолитическим. Преобладающей заготовкой на этом этапе, как и в свидерской культуре, служит ножевидная пластина. Поэтому и характер раскалывания кремня подчинен задаче получения нужных заготовок. Нуклеусы этого этапа в основном от ножевидных пластин. Характерно, что ряд нуклеусов имеет переходную от свидерских форму, с подработкой тыльной по отношению к плоскости скалывания

части. По форме ядрища главным образом конические и призматические (последние могут быть одно- и двухплощадочными).

Основными формами скребков являются разные варианты концевых. Среди резцов преобладают орудия на сломанном конце заготовки, однако достаточно широко представлены орудия с ретушированной площадкой скола. Единичны срединные. Полностью отсутствуют геометрические формы. Среди микролитов следует назвать вкладыши. Очень редки другие их формы. Острия только со скошенным ретушью концом.

Охотничье вооружение представлено разными типами наконечников стрел. Встречаются наконечники свидерского и аренсбургского типов. В меньшей мере распространены наконечники постсвидерского характера обработки. По форме они различны: иволистные и черешковые (со слабо или хорошо выделенным черешком).

Разнообразны и мало морфологически выдержаны ножи. Скобели преобладают одновыемчатые, хотя встречаются и многовыемчатые. Есть в небольшом числе сверла и проколки, чаще всего симметричные. Полностью отсутствуют рубящие орудия.

К этому этапу относятся стоянки Тихоново, Гремячее, Соболево VII. Ко второму этапу можно причислить поселение Бутово I, Лукино I, Кошево II.

Здесь материальная культура бутовского населения претерпевает незначительные изменения. Во-первых, исчезают нуклеусы с подправкой свидерского характера. Основной формой ядрища становится подконическая. Во-вторых, исчезают наконечники стрел свидерского типа. В-третьих, появляется новая форма острий — со сходящимися ретушированными краями. В-четвертых, появляются вкладыши с двумя ретушированными краями, иногда с противолежащей разнохарактерной ретушью. В-пятых, разнообразнее группа комбинированных орудий.

Локальные варианты этого времени определить сейчас почти невозможно из-за небольшого числа известных пока памятников.

Экономический базис населения, оставившего ранние памятники бутовской культуры, основан, видимо, как и у его предка — населения свидерской культуры — на охоте на северного оленя и сопровождавших его животных. Климатические условия конца пребореального и начала бореального периода способствовали частичному сохранению в Волго-Окском бассейне фауны северного оленя. Об охоте на крупных животных свидетельствует характер охотничьего вооружения бутовской культуры —наконечники стрел, предназначавшиеся для охоты на крупных животных, и характер поселений — относительно небольшие стоянки с тонким культурным слоем и кратковременными жилищами наземного типа или совсем без жилищ (стоянка Бутово, вероятно, посещалась неоднократно). Необходимо отметить, что, хотя стоянки разнятся по топографическим условиям, тем не менее их инвентарь практически не различается, что лишний раз подчеркивает стабилизацию и традиционность ведения хозяйства. Вероятно, в бореальном периоде начинается постепенная адаптация населения бутовской культуры к изменяющимся природным условиям — прогрессирующему облесению региона. Однако на характере материальной культуры в бореальное время это сказывается незначительно, так как, вероятно, в серьезной мере сохраняется еще возможность для сезонных миграций северного оленя в этот регион. Кроме того, самый процесс адаптации — явление очень медленное, которое тоже не всегда реально отражается в археологическом материале. Разумеется, охота дополнялась собирательством и, возможно, периодически рыболовством на отмелях, однако еще без применения специальных рыболовческих орудий.

Социальный состав, как и просто количественный, общин населения ранних этапов бутовской культуры фиксируется с большим трудом. В самом деле, только две стоянки дали остатки жилищ. Площадь жилища в Лукино 8 кв. м. Следовательно, в нем могли жить два-три человека. Эта стоянка имеет незначительную площадь и была, по-видимому, небольшим временным поселением группы охотников. Другое положение в Тихоново. Это поселение, кроме остатков жилища, дало целый комплекс хозяйственных ям, сооруженных, возможно, с целью сохранения или складирования охотничьей добычи. Площадь жилища гораздо больше, чем в Лукино,— 24,5 кв. м. Учитывая сильную скученность в жилищах каменного века, можно предположить, что в нем размещалось от 8 до 12 человек. Видимо, таким был количественный состав социально-производственной единицы, обитавшей на стоянке Тихоново. Трудно с достаточной определенностью сказать, что он представлял собой в социальном смысле в рамках первобытно-общинного строя. Напрашивается предположение, что мы здесь сталкиваемся с остатками родового, а не семейного поселения.

Поздние этапы бутовской культуры. Во второй половине VII тысячелетия до н. э. в Волго-Окское междуречье вторгается другая группа мезолитического населения, которая располагается в этом регионе, в его западной части, оставив археологическую культуру, которую мы называем иеневской. С появлением пришельцев население бутовской культуры вначале отходит на восток и юг региона.

Стоянка Микулино находится в 1 км к северу от д. Тюрвиши Гусевского р-на Владимирской обл. Расположена на первой надпойме р. Бужи, на берегу древнего залива оз. Святого в Мещере. Открыта А. И. Сорокиным в 1975 г., исследовалась им же в 1977 г. (Сорокин, 1981а). Раскопано 137 кв. м. Находки мезолитического времени залегают в песчаных отложениях. При раскопках обнаружен очаг овальной формы размерами 1,8×0,8 м.

Находки (табл. 43) изготовлены из мелового и валунного кремня, кварцита. Основной заготовкой для орудий служила пластина. Часть нуклеусов от пластин подконических, со слегка подработанными площадками при круговом скалывании. Встречены подпризматические одноплощадочные ядрища от пластин со скошенными подправленными площадками, с односторонним скалыванием. Есть призматический двухплощадочный нуклеус от пластин и отщепов, одна из площадок скошена и подправлена, скалывание одностороннее. Найден и аморфный нуклеус от пластин и отщепов.

Скребки (5,3% орудий) изготавливались на пластинах и отщепах. Принадлежат к разным вариантам

концевого типа — обычные, скошенные, с выступом. Резцы (19,4%) на пластинах и отщепах. Подавляющее большинство — на углу сломанного или естественного конца заготовки. Только один — с косоретушированной площадкой скола.

Микролитическая группа очень разнообразна (табл. 43). Найдена трапеция — на пластинке средних пропорций, симметричная. Есть три прямоугольника на пластинах, имеющие разный характер обработки. У одного из них крутая ретушь на брюшке и на концах и по краю, у другого — на спинке по краю и одному концу, а на брюшке по другому, третий круто ретуширован на концах и по краю и несет еще плоскую ретушь на спинке по краю. Среди восьми пластин с одним ретушированным краем и затупленным основанием часть имеет обработку на спинке, часть на брюшке. Широко представлены микролиты с затупленным концом (1,4%). Часты находки вкладышей с ретушированным краем (4,5%). Найдены «резчики» — микролиты с ретушированным углом (1,3%). Есть два микролита с затупленными ретушью краями.

Острия представлены типом со скошенным ретушью концом (3,8%). Они на пластинках и отщепах. Наконечники стрел изготовлены на пластинах (0,6%). Один из них, с хорошо выделенным черешком, обработан полукрутой ретушью по краям пера и черешка на брюшке и плоской — по черешку на спинке. Остальные представлены фрагментами, вероятно, иволистных и черешковых постсвидерских форм.

Орудия, служившие ножами (11,3%), изготовлялись на пластинах. В большинстве случаев их края оформлены приостряющей ретушью. Скобели (1,4%) на пластинах, в большинстве одновыемчатые, с мелкими и широкими выемками. Сверла (1%) на пластинах, симметричные, найдены формы с выделенной рабочей частью и без нее. Проколка одна, на пластине, асимметричная, с невыделенным «жальцем». Макролитическая группа представлена двумя заготовками рубящих орудий. Встречен ретушер на расколотом нуклеусе. Есть и комбинированные орудия (1%): скребки-резцы, скребки-ножи, скобель-сверло.

Очень своеобразно поселение Берендеево III. Оно было открыто в 60-х годах краеведом А. С. Бакаевым. В то же время обследовалось А. Л. Никитиным, А. М. Микляевым и Н. А. Хотинским (Нейштадт, Завельский, Микляев, Хотинский, 1969). В 1979 г. оно раскапывалось под руководством Л. В. Кольцова. Стоянка находится в пределах Берендеевского торфяника в Переяславском р-не Ярославской обл., в 4 км к западу от пос. Берендеево. В настоящее время невозможно установить геоморфологическое положение памятника, так как первоначальная картина полностью нарушена в результате торфодобычи на этом месте. Верхний покровный слой торфа уничтожен во время торфоразработок. Однако культурный слой, состоящий из оторфованного песка, оказался нетронутым. Не нарушена и часть перекрывающего этот слой торфа.

В 1979 г. на стоянке вскрыто 29 кв. м. В раскопе был обнаружен помост сложной конструкции, состоящий из нескольких слоев бересты и деревянных плах, чередующихся друг с другом. По-видимому, верхняя часть помоста, хуже сохранившаяся, была еще застлана тростником. В восточной части раскопа, на помосте была сделана подсыпка из песка. На ней сохранились следы от костра. Вероятно, люди, населявшие стоянку, четко представляли, что помост может загореться от огня, оборудовали его, предохранив помост от возгорания.

Стоянка имеет радиокарбоновое определение возраста: 5790 лет до н. э. (образец был взят из помоста). Эта дата хорошо согласуется с типологической датой, сделанной по составу инвентаря. Сохранился только каменный инвентарь. Он сделан из местных сортов кремня. В его процентном составе, как ни в каком другом памятнике, большое место занимают орудия (табл. 45). Среди орудий первое количественное место принадлежит вкладышам. Второе место занимают скребки. Характерно, что среди них преобладают округлые и подокруглые формы. Встречены резцы на углу сломанной заготовки. Есть и ножи на пластинах и отщепах.

Одной из наиболее представительных стоянок времени поздней бутовской культуры можно назвать Соболево V. Она была открыта Л. В. Кольцовым в 1969 г. и раскапывалась в 1970—1972 гг. под его руководством. Памятник располагается на дюне, на левом берегу р. Волги, между нею и ее старицей, в 400 м к востоку от д. Соболево Кимрского р-на Калининской обл. Раскопанная площадь достигает 870 кв. м. В раскопе обнаружены три жилища (табл. 52) подовальной формы. Одно из них располагалось в западной части раскопа, имело ориентировку почти точно с запада на восток. Размеры его 5,6 × × 2,8 м. Из северо-западной части шел выход в направлении старицы Волги (размеры 1,3×1,1 м). В выходе располагался очаг неправильной овальной формы размерами 1,28×0,7 м, мощностью 0,26 м. Второй очаг, почти округлой формы, был в восточной части жилища. Его диаметр 1,95 м, мощность 0,3 м. Жилище выявилось в виде темно-коричневого, довольно сильно гумусированного пятна на фоне желтого песка. Мощность пятна в центральной части 0,14 м. По-видимому, жилище было шалашевидным, не заглубленным в землю. Удалось проследить следы от столбиков, которые входили в каркас постройки. Кроме того, ряд таких столбиков, расположение которых свидетельствует о делении жилища на две камеры, прослеживался в заполнении пятна. Перекрытие осталось неясным (табл. 52).

Второе жилище располагалось в южной части раскопа. Оно было ориентировано с северо-востока на юго-запад. Его размеры 4,66×3,15 м. Вход (?) вел на юго-запад. Мощность пятна 0,22 м. Это позволяет считать жилище тоже наземным, вероятно шалашевидным. В жилище тоже были обнаружены очаг и следы от столбиков. Конструкция его была, вероятно, аналогичной конструкции первого.

Третье жилище прослеживалось хуже, чем два предыдущих. Оно располагалось между ними, но вдоль дюны, на которой лежит стоянка. Размеры его 4,2×2,3 м. Внутри него был очаг, выложенный из камней. Жилище тоже было наземным.

Очень интересна еще одна бытовая деталь: рядом с жилищем 2, в небольшой ямке был обнаружен клад из восьми нуклеусов в зачаточной стадии скалывания из лучшего на памятнике мелового кремня.

Каменный инвентарь (табл. 44), полученный при раскопках поселения, включает более 21 000 находок. Нуклеусы представлены 31 экземпляром, среди них 26 от пластин. Резко преобладают конические формы (25 экз.), с круговым скалыванием, с прямыми или слегка скошенными, иногда подправленными площадками. Кроме того, есть подпризматический нуклеус от пластин и отщепов, одноплощадочный, с круговым скалыванием и поддисковидный от отщепов. Остальные ядрища нечеткой формы.

Орудий найдено 516, из них 51,7% — на пластинах, 43,6% — на отщепах, остальные — на прочих заготовках.

Скребки составляют 18% орудий. $^2/_3$ их — различные формы концевых: обычные на пластинах и отщепах, скошенные, с выступом, с краевой ретушью. Кроме того, обнаружены скребки подокруглые, боковые, аморфные, угловые и двойные, в том числе комбинированные (например, концевые — боковые).

В группе резцов (9,1%) преобладает тип на сломанном конце пластины или отщепа. Встречены резцы с ретушированной площадкой скола, срединные и комбинированные (например, угловой — срединный, боковой — срединный и т. д.). $^2/_3$ резцов — на пластинках.

Найдено значительное число вкладышей (20,5%). У большинства один, чаще всего частично ретушированный, край. Любопытна находка «треугольника» — вкладыша с затупленным краем и концом. Возможно, это сломанный прямоугольник, аналогии которому встречаются в других стоянках этой культуры.

Среди острий (3,1%) резко доминируют острия со скошенным концом на пластинах и отщепах. Только три острия — с затупленным краем.

Все наконечники стрел (3,3%) изготовлены на пластинах. Преобладают черешковые, но встречены и иволистные. У всех постсвидерский характер обработки.

В коллекции много ножей (9,1%). Большинство на пластинах, только три — на отщепах. Среди этих орудий больше половины составляют пластинки с нерегулярной ретушью. Скобели же (2,1%) изготавливались по преимуществу на отщепах, хотя встречены и пластинчатые. Преобладают среди них орудия с мелкими и узкими выемками, хотя найдены и другие варианты. В основном скобели одновыемчатые.

Большинство сверл (1,2%) — на пластинках. Поровну встречены симметричные, с невыделенным рабочим концом, и асимметричные, с выделенным. Наоборот, проколки (1,4%) по преимуществу на отщепах. Все они симметричные, только у одной выделено ретушью «жальце».

В группе рубящих орудий (1,9%) топор подпрямоугольной формы, на отщепе, двусторонне оббитое тесло типа «пик», заготовка тесла и неясные обломки макролитов. Особо следует отметить обломок обушка подтреугольной формы, двусторонне оббитого рубящего орудия с пришлифовкой и скол со шлифованного орудия.

Есть и комбинированные орудия (2,3%). Наиболее частая комбинация — скребок-нож. Встречены комбинации резца с ножом и скребка с резцом или скобелем. В коллекции два отбойника и отщепы с ретушью (23,5%).

Стоянка Заборовье II находится в Калининском р-не Калининской обл. и располагается на мысу первой надпоймы левого берега Волги и правого берега р. Поддубки. Открыта в 1956 г. П. М. Кожиным. В 1968 г. раскапывалась под руководством Л. В. Кольцова. Вскрыто около 130 кв. м. Находки в песке под современной почвой. В составе инвентаря скребки концевые, подокруглые и округлые на отщепах (преобладают) и пластинах, резцы угловые на пластинах и отщепах, трапеции высокой формы, асимметричные, на пластине и отщепе, вкладыши из сечений пластин, «резчики», наконечники стрел с выделенным черешком постсвидерского характера, разнообразные ножи на пластинах и отщепах, однократные скобели на пластинах и отщепах, симметричные сверла и проколки на пластинах и отщепах, большая серия рубящих орудий — топоров, тесел, долот (у одного из тесел пришлифовано лезвие), много комбинированных орудий — скребки-ножи, скребки-скобели, ножи-скобели, ножи-сверла.

Интересны стоянки Ивановского торфяника в Переславском р-не Ярославской обл. Стоянка Ивановское III была указана Н. А. Хотинскому сотрудником торфопредприятия Г. И. Цыганковым в 1968 г. Располагается в 500 м от левого берега р. Нерли Клязьминской, на южной окраине суходола, который возвышается над поверхностью болота на 2 м. За время исследований Д. А. Крайновым на стоянке вскрыто около 250 кв. м (Крайнов, Хотинский, 1984). Мезолитические культурные остатки залегали в песке с растительными остатками и в торфе с примесью песка, на глубине 1,55—1,80 м. По остаткам пыльцы слои датированы бореальным периодом. Радиокарбоновое определение: 8850±70 (ГИН-242) лет назад, т. е. VII тысячелетие до н. э.,— подтверждает эту дату. В слое обнаружена фауна: лось, бобр, олень, медведь, заяц, волк, птицы, рыбы. В составе коллекции изделий из кремня — концевые скребки (в том числе микроформы) на отщепах, ножи, наконечники стрел постсвидерского типа на пластинах, вкладыши. Среди костяных орудий следует отметить наконечники стрел игловидные, с биконической головкой, с одним зубцом, редкозубчатые гарпуны; характерны роговые лезвия топориков. Встречены украшения — подвески из зубов и костей животных.

Стоянка Ивановское VII расположена в 1700 м к северо-западу от предыдущей, на западной части суходола. Открыта Д. А. Крайновым и Н. А. Хотинским в 1973 г. В раскопе в торфянике, рядом с суходолом, в слое песка, на глубине 0,7—0,75 м и в нижней части лежащего под ним торфа, на глубине 1,05—1,15 м обнаружены два мезолитических слоя. Оба они по пыльце датируются бореальным временем. В нижнем слое найден нуклеус от пластин, подпризматический. Фауна представлена костями диких животных, по преимуществу остатками лося. В верхнем слое встречены кремневые вкладыши, костяные двузубые гарпуны, наконечники стрел и др.

Кроме описанных, к поздним этапам бутовской культуры относится еще значительное число памятников. В бассейне Оки это стоянки Угольново I (табл. 45, *21—46*) и III, Велетьминская IX, Старая Пустынь, Новошино (табл. 45, *47—67*) в Навашин-

ском р-не Горьковской обл., средний слой поселения Елин Бор (Кольцов, 1966), горизонт залегания находок которой приурочен к погребенной почве, датирующейся атлантическим временем (Ассев, 1959), в Муромском р-не Владимирской обл., Петрушино в Мещере, в Гусевском р-не Владимирской обл. (Сорокин, 1981а), Островки I, Беляково III, Дунино I, Русаново I, Совка III (Сорокин, 1984), Задне-Пилево I в Спас-Клепиковском р-не Рязанской обл., Борки в г. Рязани, Шумашь II в Рязанском р-не и др., Мордовское I в Южском р-не Ивановской обл., Саурово IV и VIII в Павлово-Посадском р-не Московской обл., Озерна II в Истринском р-не Московской обл., Устье в Звенигородском р-не Московской обл. Ряд памятников исследовался и на Верхней Волге: стоянки Гомониха (Абрамова, 1957), Покровское в Красненском р-не Костромской обл., Некрасово, Саметь, Оганино в Костромском р-не, Ипатьевский монастырь в г. Костроме, Устье в Ярославском р-не Ярославской обл. (Третьяков, 1963), Скнятино I—III в Калязинском р-не Калининской обл., Красново I в Калининском р-не (Бодунов, Воробьев, Жилин, 1983), Култино I в Старицком р-не Калининской обл.

Необходимо отметить, что на ряде этих памятников встречены интересные бытовые конструкции. Так, в Угольново I обнаружены две хозяйственные ямы, в Петрушино — наземное жилище размерами 6,7×3,6 м, кострища, хозяйственные ямы, большая яма размерами 3,5×2,5 м, глубиной 1,4 м неизвестного назначения, в Совке III исследована часть ямы, заглубленной в материк на 0,45 м, в Саурово VIII — остатки очага и две хозяйственные ямы.

Перед анализом инвентаря поздних памятников бутовской культуры хотелось бы остановиться на некоторых общих вопросах. Внутренние связи отдельных производственных (и, вероятно, социальных) групп населения, оставившего эту культуру, еще на ранних этапах ее развития не были достаточно прочными для того, чтобы население могло консолидироваться в прочную социальную организацию крупного размера. По-видимому, люди жили отдельными небольшими социально-производственными коллективами, связи между которыми были непрочными, периодическими.

Под давлением иеневской культуры бутовское население распалось, вероятно, на несколько изолированных групп. Часть их, видимо, даже покинула Волго-Окский бассейн, свидетельством чему являются факты появления типичных бутовских элементов в других, соседних регионах. Таковы памятники с бутовскими элементами в бассейне Сухоны (Ошибкина, 1983) или Боровичская стоянка в Новгородской обл. (Зимина, 1975), таковы памятники с постсвидерскими наконечниками стрел в Среднем Поволжье.

В самом Волго-Окском междуречье образуется несколько изолированных групп населения. Нельзя сказать, что все эти группы существовали одновременно. По-видимому, после прихода иеневского населения реально можно выделить четыре группы бутовской культуры: мещерскую, представленную стоянками Микулино, Петрушино и некоторыми другими, переславскую, в которую входили памятники Ивановского и Берендеевского торфяников, группу в окрестностях Костромы со стоянками Некрасово, Саметь и др., нижнеокскую, наиболее ранним памятником которой была стоянка Новошино.

Перечисленные группы отличаются друг от друга не только географическим расположением. Разумеется, у них существуют и общие черты. Эта общность выражается в характере раскалывания кремня, в сходстве форм нуклеусов, в использовании ножевидной пластины в качестве основной заготовки. Главные формы нуклеусов — коническая и призматическая — уже существовали в раннебутовских стоянках. Однако новым на поздних этапах бутовской культуры является стабилизация техники скалывания правильных ножевидных пластин и как следствие этого получение значительного числа высококачественных заготовок, включая микропластины. Общим для всех позднебутовских стоянок является и использование основных типов вторичной обработки — крутой и пологой, а иногда и плоской ретуши. Отличие некоторых групп проявляется здесь в освоении отдельными коллективами техники шлифовки крупных рубящих орудий, тогда как другие группы не сумели освоить этот прием.

Общность всех стоянок проявляется и в распространении повсеместно некоторых категорий орудий, таких, как концевые и подокруглые скребки, угловые резцы, вкладыши, ножи, скобели, симметричные проколки и сверла. Все эти формы обрабатываются в основном техническими приемами, характерными уже для ранней бутовской культуры. Сохраняются и основные формы наконечников стрел — иволистная и черешковая — с сохранением постсвидерской технологии их изготовления. Полностью исчезают свидерские и аренсбургские типы наконечников.

Существуют, однако, и инновации, которые порой имеют специфический для каждой группы характер. Среди таких инноваций прежде всего нужно отметить геометрические формы орудий. Но эти последние не получают повсеместного распространения. Так, в мещерской группе представлены прямоугольники — вкладыши с затупленными концами и краем. Они изготавливались на правильных ножевидных пластинах путем использования очень мелкой крутой ретуши.

В этой же группе часто встречаются вкладыши с затупленным краем и одним затупленным концом. Не вполне ясно порой, была ли это самостоятельная форма (в этом случае их можно считать прямоугольными треугольниками), или это обломки уже указанных прямоугольников. В отдельных памятниках этой группы есть мелкие симметричные трапеции, полученные той же техникой.

Однако в соседней нижнеокской группе прямоугольники настолько редки, что их можно считать заимствованием из мещерской, а трапеций нет совсем. В то же время в нижнеокской группе рано появляется техника шлифовки. В других же группах геометрических орудий, как, впрочем, и шлифовки, нет совсем, что отделяет эти памятники от стоянок бассейна Оки. Но и между ними есть различия: в волжской группе есть рубящие орудия, тогда как в переславской группе их нет. Почти нет рубящих орудий и в мещерской группе.

На следующем хронологическом этапе сохраня-

ется бутовское население в районе Мещеры. Оно представлено теперь памятниками типа стоянки Совка III. Их отличие от предыдущего этапа в отсутствии прямоугольников и распространении техники шлифовки. Продолжается и развитие нижнеокской группы, которая представлена теперь памятниками типа Угольново I, Велетьминская IX и др. Эта группа отличается распространением типично бутовской формы — острий со сходящимися ретушированными краями, а также дальнейшим развитием техники шлифовки. Костромская группа представлена на позднем этапе памятниками типа Гомониха, характерной чертой которых является развитие рубящих орудий треугольной формы. Ничего пока нельзя сказать о судьбе переславской группы, так как в ней пока известно незначительное число памятников.

Вместе с тем на мезолитической карте заметно расселение бутовской культуры в западном направлении. Так, в бассейне Средней Оки появляется новая группа, представленная стоянками Борки и Шумашь II. Целая серия позднебутовских стоянок размещается и на Верхней Волге, в пределах Калининского Поволжья: это стоянки Соболево V и III, Заборовье II, Култино I и др.

Характерной чертой этих памятников является дальнейшее развитие основных бутовских компонентов при сохранении основных элементов уже известной технологии. Но наряду с этим в составе их инвентарей появляются новые черты, свидетельствующие о более тесном контакте с иеневским населением. Так, в ряде стоянок появляются типично иеневские формы асимметричных трапеций, иногда изготовленных на отщепах (Борки, Шумашь II, Заборовье II). В отдельных стоянках (Култино I) появляются иеневские формы рубящих орудий с перехватом. В остальном каменная индустрия бутовских стоянок мало изменяется.

Хронология поздних этапов бутовской культуры определяется радиокарбоновыми датами стоянок на Ивановском и Берендеевском торфяниках, а также пыльцевыми датами ряда поселений. Эти датировки помещают памятники во вторую половину VII—VI тысячелетие до н. э. Такие даты подтверждаются радиокарбоновыми датировками верхневолжской ранненеолитической культуры, начинающей свое развитие с V тысячелетия до н. э.

Именно верхневолжской культуре дает начало позднебутовская культура. Во всяком случае каменный инвентарь верхневолжской культуры включает значительное число позднебутовских элементов: скребки, резцы, вкладыши, наконечники стрел, ножи и т. д.

Экономический уклад позднебутовских племен базируется на охоте. Население в это время, по данным палеогеографов, жило в густых широколиственных лесах. Основным объектом охоты была, вероятно, лесная фауна — лось, зубр, благородный олень, кабан и др. Стабилизированные формы наконечников стрел говорят о мало дифференцированной охоте в это время, иначе говоря, одни и те же формы наконечников применялись для охоты на всех животных. Широкое распространение, судя по данным трасологического анализа (Жилин, 1986), получило вкладышевое охотничье вооружение. Наличие стоянок небольшой площади (Красново, Пищалкино, Угольново I) говорит об охотничьих экспедициях на относительном удалении от мест основных поселений. Не исключено, что эти мелкие поселения были связаны с временной (сезонной) охотой на один какой-то вид животных, т. е. специализированной охотой. Только на позднем этапе существования бутовской культуры появляются отдельные наконечники с поперечным лезвием, свидетельствующие о появлении особых видов охоты.

Рыболовство у позднебутовского населения мало документировано. Практически нет данных о собирательстве, за исключением находок запеченных раковин в очаге жилища 2 на стоянке Соболево V. Однако жизнь в лесной среде предполагает безусловный сбор орехов, ягод, грибов.

Социальная структура позднебутовского населения тоже определяется с трудом. Стоянка Соболево V, раскопанная на достаточно большой площади, дала три жилища, общая площадь которых составляет около 45 кв. м. Если они существовали одновременно (а есть основания думать именно так) и если считать на одного человека при той скученности, которая наблюдалась в жилищах первобытных коллективов нашего времени, по данным этнографии, по 2—3 кв. м площади на человека, то количественный состав группы — 15—22 человека. Такой состав предполагает существование на поселении родовой группы. Площадь жилища на стоянке Петрушино около 18 кв. м, иначе говоря, в нем могло жить одновременно от 6 до 9 человек. Вряд ли такое количество людей могло относиться к иной социально-производственной единице, чем большая семья. И та и другая упомянутые стоянки имеют значительную площадь, превышающую площади других позднебутовских памятников, за исключением, может быть, Микулино и Елина Бора. Таким образом, мы можем сказать, что население поздних этапов бутовской культуры объединялось для решения своих производственных задач в единицы, не превышающие размеры родового коллектива. Внутриплеменные связи пока что мало отражены в археологическом материале.

В конце третьего хронологического этапа своего существования позднебутовское население снова начинает «реконкисту» — повторный захват своей исконной территории. На Верхнюю Оку продвигаются, по-видимому, люди из мещерской группы, а Калининское Поволжье постепенно захватывает часть населения нижнеокской группы, о чем свидетельствуют находки обломков шлифованных орудий, ранее всего распространившихся именно на Нижней Оке. Это обратное движение «бутовцев» на Верхнюю Волгу позволило им ассимилировать остатки «иеневцев», которые к этому времени начали приходить в упадок. Именно такой характер процесса определяется почти полным отсутствием иеневских элементов в ранненеолитической верхневолжской культуре, сменившей мезолит в Волго-Окском междуречье.

Иеневская культура. Это культурное объединение (карта 6) появляется на карте региона во второй половине VII тысячелетия до н. э. Мы начнем рассмотрение ее материалов с наиболее ранних памятников.

Стоянка Высокино VI открыта Л. В. Кольцовым и

М. Г. Жилиным в 1971 г. и тогда же исследована. Она находилась в Зубцовском р-не Калининской обл. (ныне под водой Вазузского водохранилища). Располагалась на мысу высокого уровня первой надпоймы правого берега р. Вазузы, в 100 м к западу от д. Высокино. Раскопано 80 кв. м. Кроме того, значительный материал получен из славянских курганов, насыпанных здесь же из культурного слоя стоянки.

Сырьем для изготовления орудий служил в основном высококачественный меловой кремень из месторождения, расположенного рядом со стоянкой. Характер раскалывания кремня виден по формам найденных нуклеусов: подконических, подпризматических, торцовых и аморфных одноплощадочных, подпризматических двухплощадочных, многоплощадочных. С последних скалывались только отщепы, с остальных — как пластины, так и отщепы. Площадки у большинства прямые, неподработанные. Скалывание в большинстве случаев одностороннее, хотя есть и круговое. На отщепах изготовлено 79,1% орудий, на пластинах — 19,2%, остальные на кусках и осколках.

17,4% орудий составляют скребки. Почти $^2/_3$ их — обычные концевые. Широко были распространены и скошенные. Реже встречаются концевые формы с частичной ретушью боковых краев и полуокруглые. Единичные скребки неправильной формы изготовлялись на отщепах и пластинах. Резцы (9,5%) — на отщепах и пластинах. Больше половины — на сломанном конце заготовки, в том числе двойные. Есть отдельные экземпляры бокового косоретушного, срединного со смещением режущей кромки от центральной оси орудия, поперечного на ретушированном крае, поперечного без ретуши.

Найдены микролиты (2,8%) с затупленным ретушью концом и со скошенным ретушью краем. Острия (1,6%) — со скошенным ретушью концом. Все эти орудия — на пластинах и отщепах. Больше половины наконечников стрел (2%) — асимметричной формы, с длинной боковой выемкой на отщепах. Кроме того, найдены постсвидерские наконечники со слабо выделенным черешком на пластинах.

Режущие орудия составляют 10,3%. Более $^1/_3$ их — орудия с частичной приостряющей ретушью. Широко были распространены ножи с прямым или выпуклым ретушированным краем и комбинированные (с двумя ретушированными краями). Реже встречаются ножи со скошенным ретушированным краем. В одном экземпляре найден нож с вогнутым ретушированным краем. Большинство ножей на отщепах, остальные на пластинах, пилки (1,6%) на отщепах и пластинах с зазубренным краем. 10,3% орудий — скобели; $^1/_3$ их — с узкими и мелкими выемками, $^1/_4$ — с широкими и мелкими выемками. Много многократных скобелей. Есть и другие их варианты. Почти все скобели на отщепах. Сверла (0,4%) — асимметричные, без выделенной рабочей части, на отщепах. Проколки (1,2%) — тоже асимметричные, без выделенного ретушью «жальца», на отщепах и пластинах.

Топоры (0,8%) — овальные и подтрапециевидные, оббитые с двух сторон, на кусках кремня. Тесла (1,2%) — овальные, оббитые сколами с двух сторон, на кусках, и такие же, но на массивных отщепах. Найденые кайла (0,8%) — специфические макролитические орудия пиковидных форм, предназначенные для добычи каменного сырья, из массивных кусков кремня. 4% орудий составляют комбинированные. Половина их — комбинация скребка с ножом. Широко распространены резцы-скребки. В одном экземпляре встречен скребок-скобель.

Стоянка Ладыжино III (Тарусский р-н Калужской обл.) открыта А. С. Фроловым в 1971 г. В 1976—1977 гг. исследовалась им же. Располагалась на мысу первой надпоймы левого берега Оки. Находки в светло-бурой, слабо гумусированной супеси мощностью 0,1—0,15 м. Обнаружена яма, которую А. С. Флоров считает остатками кремнеобрабатывающей мастерской.

Использовался кремень высокого качества из меловых отложений. Среди нуклеусов резко преобладают аморфные многоплощадочные, от отщепов. Хорошо представлены торцовые одноплощадочные, от отщепов, с прямым неподработанными площадками. Гораздо реже встречались другие формы: двухплощадочные подпризматические, одноплощадочные конические, с круговым скалыванием, дисковидные. Площадки у большинства скошенные, примерно поровну подправленных и неподправленных (табл. 47, *1—20*).

65% орудий на отщепах. Резко преобладают концевые скребки (в том числе скошенные). Только в микроформах представлены угловые. Большинство на отщепах, есть и на пластинах. Резцы количественно преобладают над другими категориями орудий. Среди них доминируют формы на углу сломанного или естественного конца заготовки (отщепа или пластины). Достаточно широко представлены орудия с ретушированной площадкой скола: косо- и вогнуторетушные. Встречены комбинированные резцы (боковые — угловые) и поперечные.

Геометрические орудия ограничиваются одним тупоугольным неравносторонним треугольником на отщепе. Другие типы микролитов представлены пластинами с затупленным ретушью концом, вкладышами с затупленным краем. Довольно разнообразна группа острий: среди них преобладают острия со скошенным концом или скошенным основанием (на пластинах и отщепах). Встречены острие с выпуклым затупленным краем (ланцетовидное) и обломки подобных острий на отщепах. Наконечники стрел представлены только асимметричными типами на отщепах. Как правило, они обработаны крутой, иногда встречной ретушью, по одному краю полностью и по выемке на другом краю. Иногда есть наконечники, у которых этим техническим приемом обрабатывался только черешок и скашивалось острие пера.

Ножи — на пластинах и отщепах. Преобладают пластины с нерегулярной ретушью. Есть и другие формы. Скобели одно- и многократные на пластинах и отщепах. Выемки разнообразные, но преобладают узкие и мелкие. Все сверла асимметричные, на пластинах, с невыделенной рабочей частью, обработанной крутой ретушью. Проколка на отщепе, с невыделенным «жальцем», симметричная.

Рубящие орудия представлены топором с перехватом, оббитым с двух сторон грубыми сколами, и обломком двусторонне оббитого кайла с естественным отверстием. Комбинированные орудия включают скребки-резцы, скребки-скобели, ножи-резцы, рез-

цы-скобели и т. д. Встречены отбойники и кварцитовая «наковальня».

Стоянка имеет пыльцевую дату: бореальный период.

Стоянка Дальний Остров на Тростенском озере в Московской обл. была открыта В. В. Сидоровым и М. Г. Жилиным (Сидоров, Жилин, 1975) в 1972 г. и раскапывалась ими же. Она располагалась на небольшом островке (около 100×50 м), расположенном посреди торфяника на заболоченном прибрежье озера. Раскопано 32 кв. м. Находки залегали в буроватой и светлой супеси.

Орудия (табл. 47, *21—36*) изготавливались из моренного кремня. Основной формой нуклеуса был торцовый для пластины или отщепов, одноплощадочный, с неподправленными площадками. Кроме того, встречены многоплощадочные аморфные и один очень правильный двухплощадочный подпризматический нуклеус от микропластин с односторонним скалыванием.

Орудия изготовлялись на пластинах и отщепах. Среди скребков абсолютно преобладают концевые (в том числе скошенные). Среди резцов — тип на углу сломанной заготовки, но широко представлены и формы с ретушированной площадкой скола, как правило вогнуторетушной.

Среди микролитов следует отметить пластинки с вогнутым или затупленным ретушью концом, а также вкладыши с ретушью по краю. Микролитов на этой стоянке очень мало. Наконечники стрел в большинстве асимметричной формы, на отщепах и пластинах. Все они с хорошо выделенным черешком. Интересно упомянуть один наконечник, напоминающий по характеру обработки аренсбургские.

Преобладающим типом ножей являются пластины и отщепы с нерегулярной ретушью. Кроме того, следует отметить нож обушкового типа, у которого крутой ретушью затуплен обушок, а лезвие, оставленное без обработки, несет четкие следы работы. Скобели делались на отщепах, выемки широкие и мелкие. Сверло асимметричное, с выделенным рабочим концом (ретушь идет по периметру). Проколки тоже асимметричны, «жальце» выделено только у одной.

Найден топор с перехватом на отщепе и подпрямоугольное тесло на сработанном нуклеусе. Много комбинированных орудий: скребки-резцы, резцы-скобели, скребки-ножи, резцы-ножи и т. д.

Стоянка Иенево II находится в 3 км вниз от Калинина по течению Волги, на левом ее берегу. Располагается на небольшом останце первой надпоймы. Памятник был открыт в 1974 г. Е. В. Бодуновым и раскапывался в 1975—1976 гг. под руководством Л. В. Кольцова. Площадь раскопа свыше 460 кв. м. При раскопках обнаружены следы двух наземных жилищ (табл. 52) подпрямоугольной формы, которые имели сложную каркасную конструкцию. Каркас был, очевидно, из жердей диаметром 0,08—0,1 м, которые в основании стенок были поставлены наклонно по направлению к центру жилища. Сбоку у одного жилища и на углу у другого были выходы длиной больше 1 м и шириной около 1 м, которые вели по направлению к Волге. Размеры обоих жилищ примерно одинаковы — 10×6 м. Мощность культурного слоя в них неодинакова: в центре (где дно сильно утаптывалось) — около 0,2 м по краям, у стен — 0,05—0,07 м. В каждом из жилищ было по два очага. Они овальные в плане, размеры и мощность их различны. Одно из жилищ было разделено в центре рядом вертикально стоящих столбиков как бы на две незамкнутые камеры.

Кроме этого, вне жилищ на стоянке было обнаружено еще несколько очагов и хозяйственных ям. К югу и северу от жилищ были замечены следы нескольких десятков столбиков. В их расположении не наблюдалось какой-либо закономерности.

Сырьем для изготовления орудий (табл. 48) служил местный моренный кремень, хотя встречаются отдельные изделия из мелового старицкого кремня. Нуклеусы найдены и от пластин, и от отщепов, по форме они конические, «карандашевидные», подконические (преобладают), торцовые, дисковидные, аморфные. Плоскость скалывания различна — от круговой до односторонней. Степень подработки площадок весьма разнообразна — от естественной до тщательно подправленной сколами. В качестве заготовок чаще использовались отщепы (65% орудий на отщепах), реже пластины. Представлена микрорезцовая техника.

Всего найдено 754 орудия. Среди скребков (25,8%) доминируют разные варианты концевых (обычные, скошенные, с выступом, с краевой ретушью). Кроме того, есть скребки подокруглые и неправильной формы. Есть одно массивное скребло. Резцы (8,7%) разные: преобладают типа на углу сломанной заготовки на пластинах и отщепах. Достаточно большую группу представляют резцы с ретушированной площадкой скола. Есть срединные, поперечные и комбинированные.

Среди острий (4,9%) на первом месте формы со скошенным концом или основанием, но встречены и с затупленным выпуклым краем (ланцетовидные) или с двумя ретушированными краями. Широко распространены орудия с краевой ретушью (6,7%). Среди них ножи разных типов — с одним или двумя прямыми, выпуклыми, скошенными по отношению к центральной оси, плоско или полого ретушированными краями, а также пилки с выемчатым, часто попеременно ретушированным краем. Все скобели одновыемчатые, с преобладанием узких выемок, как глубоких, так и мелких. Среди сверл (1,1%) доминируют асимметричные. Встречено одно макросверло. Проколки (2,6%) тоже асимметричные. «Жальца» иногда выделены крутой ретушью.

Наконечников стрел (0,5%) немного. Один из них постсвидерского типа, с крутой ретушью на спинке на острие пера и на черешке и с полукрутой на брюшке на тех же частях. От второго остался лишь обломок острия пера. Найдены три наконечника с поперечным лезвием, с выделенным черешком (у двух симметричным, у одного асимметричным). Они обработаны по краям крутой ретушью. Встречено довольно много трапеций (3,6% орудий). Они очень разнообразны по форме. Есть симметричные, как с прямыми, так и с вогнутыми ретушированными краями, средних пропорций, есть и высокие с такими же краями. Найдены и треугольники (1%). Преобладают узкие равнобедренные, однако встречены еще неравносторонние тупоугольные и одно треугольное острие типа Тарденуа. В единственном

экземпляре обнаружен ромб. Изготавливались геометрические микролиты на пластинах и отщепах.

Широко представлены в комплексе стоянки и другие микролиты. Это прежде всего орудия с затупленным или вогнутым ретушью концом (1,5%) или с таким же основанием (1,6%). Очень характерны вкладыши с одним или двумя круто ретушированными краями (1,8%). Большую группу составляют «резчики» — микролиты с мелко ретушированным углом (2,6%).

Макролитическая группа дала два специфических топора с перехватом посредине, у которых лезвие оставлено без обработки, а на боковых краях крутая ретушь и сколы образуют перехват для прикрепления орудий к топорищу. Есть один топор, у которого крутой крупнофасеточной ретушью затуплен один край, а все остальные части оставлены без обработки. Найдена крупная мотыга с перехватом. Комбинированные орудия (2,7%) представлены резцами-ножами, скребками-резцами, скребками-ножами, ножами-скобелями и т. д.

Стоянка Дмитровское I открыта Ф. И. Ивановым в начале 50-х годов. В 1955 г. обследовалась О. Н. Бадером, в 1956 и 1965 гг.— Л. В. Кольцовым. В 1968 и 1970 гг. раскапывалась под руководством Л. В. Кольцова. Величина раскопанной площади 260 кв. м. Памятник находится в 250 м к западу от с. Дмитровское Калининского р-на. Располагается на краю первой надпоймы левого берега Волги. В раскопе открыто жилище (табл. 52) подпрямоугольной формы размерами около 5,6×2,6 м, оно было углублено в землю на 0,3 м. Выход шел в юго-западную сторону. В жилище были два очага овальной формы, расположенные в торцовой части и у выхода. По сторонам снаружи встречались крупные камни, которые, повидимому, придавливали края кровли жилища. Кроме того, на стоянке была обнаружена еще одна конструкция: это, вероятно, крытая неутепленная постройка для обработки кремня. Она заполнена нуклеусами, отщепами, осколками, испорченными орудиями. Рядом найдена яма с отходами обработки кремня.

Характер раскалывания кремня и техника обработки орудий совершенно аналогичны всем приемам стоянок Иенево II и Староконстантиновская IV. Поэтому мы не будем подробно на них останавливаться.

На стоянке найдено 268 орудий (табл. 46). Среди скребков (4,7%) главное место занимают концевые (в том числе скошенные, с выступом с частичной краевой ретушью). Довольно часты находки скребков неправильной формы. В одном экземпляре найден подокруглый скребок. Больше в коллекции резцов (28,1%). Ведущее место занимают резцы на углу сломанного конца заготовки (в том числе двойные). Часты находки срединных (в том числе со смещением лезвия от центральной оси) и боковых косо- и вогнуторетушных. Реже находки поперечных.

Геометрические орудия в комплексе представлены слабо. Это две трапеции (0,8%). Обе симметричные, одна средних пропорций, другая высокая. Прочих микролитов тоже немного (3%). Найдены микролиты с затупленным или вогнутым концом. Несколько меньше вкладышей с частичной ретушью. Еще меньше острий (2,3%). Около половины всех острий — со скошенным концом на пластинах и отщепах. По одному экземпляру найдены острие со скошенным основанием, острие со скошенным краем и острие со сходящимися ретушированными краями.

Среди режущих орудий (5,5%) больше $^1/_3$ составляют формы с режущим краем, параллельным центральной оси орудия. Реже встречаются ножи с выпуклым или скошенным ретушированным краем, а также с частично ретушированным. Есть по одному экземпляру ножей с вогнутым ретушированным краем и комбинированных. Скобели (2,7%) преобладают с узкими и мелкими выемками. Среди них много многовыемчатых. Другие варианты встречаются реже. Найдено одно макросверло. Все проколки (2,6%) асимметричные, с невыделенным «жальцем» на отщепах.

В группе топоров (2,6%) в равном числе (по 3 экз.) представлены орудия с перехватом и полуперехватом.

Стоянка Пеньково находится в 500 м к югу от д. Пеньково Андроповского р-на Ярославской обл. Открыта Л. В. Кольцовым и К. И. Комаровым в 1974 г. В 1976—1977 гг. исследовалась Д. А. Крайновым и Л. В. Кольцовым. Площадь раскопа около 350 кв. м. Мезолитические находки — в слое бурой супеси. В процессе раскопок в мезолитическом слое обнаружено наземное жилище или ветровой заслон каркасной конструкции подпрямоугольной формы размерами 6×2,5 м. В центре его находился очаг подокруглых очертаний. Кроме того, в пределах раскопа было еще несколько очагов и скоплений кремня — остатков мастерских по изготовлению орудий.

Характер раскалывания кремня полностью аналогичен стоянке Иенево II. То же можно сказать о технике обработки орудий (табл. 50). Скребки (17% орудий) на отщепах и пластинах, резко преобладают (почти $^3/_4$) концевые, в том числе скошенные, двойные и с ретушью, заходящей на боковые края. Кроме того, встречены подокруглые, округлый, боковые, угловые и скребки неправильной формы. Есть в коллекции и скребла на отщепах. Резцы (16%) на отщепах и пластинах. Орудия на сломанном конце заготовки (в том числе двойные) составляют больше $^2/_3$ резцов. Встречены боковые и срединные резцы. В одном экземпляре найден поперечный.

Большой и разнообразной серией представлены трапеции (2,7%). Есть высокие асимметричные с вогнутыми ретушированными краями, низкие, асимметричные средних пропорций с вогнутыми краями, такие же и высокие с тремя ретушированными краями. Реже встречаются симметричные средних пропорций с прямыми ретушированными краями, высокие симметричные с прямыми или вогнутыми ретушированными краями. Единичны находки симметричных трапеций средних пропорций с вогнутыми ретушированными краями, асимметричной средних пропорций с прямыми ретушированными краями и низкой с тремя ретушированными краями. Найден один длинный равнобедренный треугольник. Эти микролиты изготовлялись на отщепах и пластинах. Встречаются и другие микролиты (6,3%). Среди них орудия с ретушированным концом или основанием, с частичной или полной ретушью по краю. Большинство их — на пластинках. Среди острий (4%)

почти $^2/_3$ составляют формы со скошенным концом. Широко распространены ланцетовидные острия и острия со скошенным основанием. Найдено острие со сходящимися ретушированными краями. Почти половина наконечников стрел (всего наконечников 1,1% орудий) — асимметричные с поперечным лезвием. Широко распространены асимметричные наконечники с боковой выемкой на отщепах. Есть один симметричный наконечник с поперечным лезвием.

Ножи составляют 7,8% орудий, $^2/_3$ их — с частичной ретушью по краю. Были распространены ножи с полностью ретушированным краем — прямым, выпуклым или вогнутым, реже комбинированные или двойные. Пилки (0,3%) — на пластинах, с чередующейся ретушью по краям. Почти $^2/_3$ скобелей (2,3%) — с узкими выемками. Остальные варианты встречаются реже. Сверла (0,9%) асимметричные и симметричные с невыделенной рабочей частью. Проколки (2,9%) в основном асимметричные, с невыделенным «жальцем». Большинство перфораторов — на отщепах.

Среди топоров (0,3%) преобладают миндалевидные формы, оббитые с двух сторон, хотя встречаются и трапециевидные с такой же обработкой. Наоборот, среди тесел (1,1%) доминируют трапециевидные, хотя есть и миндалевидные. Большинство долот (0,3%) — аморфные, но есть и орудия типа палеолитических pièces écaillées. Найдены две мотыги. Одна из них с полуперехватом, другая овальная, оббитая по краю. Были очень распространены комбинированные орудия (7,8%): скребки-ножи, резцы-ножи, скребки-резцы. Другие комбинации реже. В слое найдено значительное число отбойников, а также абразивы и «наковальня».

Стоянка Сельцо III находится в 7 км вниз от Костромы по течению Волги и располагается на мысу между правым берегом Волги и правым берегом р. Кубани, вероятно, на древнем береговом валу. Памятник открыт К. И. Комаровым и М. Г. Жилиным в 1979 г. В 1980 г. его исследование начал М. Г. Жилин, в 1981—1982 гг. оно продолжалось под руководством Л. В. Кольцова. Общая величина раскопанной площади — свыше 200 кв. м.

Характер раскалывания кремня идентичен способам, принятым на других иеневских стоянках. В составе орудий (табл. 51, *1—19*) скребки концевые, боковые и подокруглые на отщепах и пластинах, резцы угловые и боковые на отщепах и пластинах, трапеции асимметричные высокие и средних пропорций на отщепах и пластинах, вкладыши с ретушью по краю на пластинках, острия со скошенным концом на пластинах, наконечники стрел асимметричные на отщепах, часто с боковой выемкой, разнообразные ножи, в большинстве случаев с частичной ретушью, скобели, редкие проколки и сверла. Рубящие орудия представлены оббитыми топорами и теслами подовальных и подпрямоугольных очертаний. Следует отметить находку лезвия шлифованного тесла из сланца. Широко были распространены комбинированные орудия.

Иеневские памятники были обнаружены и в других районах Волго-Окского междуречья. Таковы стоянки Брагино в Перемышльском р-не Калужской обл., открытая И. К. Фроловым и исследовавшаяся А. Н. Сорокиным, Журавец I, открытая В. П. Степановым в 1969 г. и исследовавшаяся им же в 1970 г. и Д. А. Крайновым в 1973 г., Тихменево (обе последних в Старицком р-не Калининской обл.), открытая Л. В. Кольцовым в 1975 г., Усть-Кеза I и III на р. Мологе (Урбан, 1975) и др.

Кроме указанных памятников, исследовано еще несколько иеневских стоянок: Журавец I в Старицком р-не Калининской обл., Староконстантиновская IV (табл. 49) в Калининском р-не (Крайнов, Кольцов, 1983), Черная Грязь I (Крайнов, 1972) там же, Титово I и Тихоново (иеневский комплекс) в Кимрском р-не Калининской обл., Авсерьгово II в Калязинском р-не Калининской обл., Алтыново (верхний слой) и Богоявление в Угличском р-не Ярославской обл., Федюково I (верхний слой) в Мышкинском р-не Ярославской обл., Коприно (табл. 51, *20—40)* в Андроповском р-не Ярославской обл. и др.

Таким образом, можно определить основные черты инвентаря иеневской культуры. Техника расщепления кремня весьма разнообразна. Мы встречаем здесь много форм нуклеусов: одноплощадочные конические, подконические, призматические, подпризматические, «карандашевидные», торцовые, аморфные; двухплощадочные подпризматические, торцовые, аморфные; многоплощадочные (в основном аморфные); дисковидные. Из этого перечня видно, что при раскалывании кремня применялись различные технические приемы, не было единой выработанной системы. Скалывались с нуклеусов и пластины и отщепы, хотя преимущественной заготовкой для орудий служил все же отщеп. Основной технический прием вторичной обработки — крутая ретушь; с ее помощью получались основные типы орудий. Использовались техника резцового скола, микрорезцовая и макролитическая техника.

Рассмотрим основные категории орудий. В группе скребков преобладают разные варианты концевых: обычные, скошенные, с выступом, со скребковой ретушью, заходящей на боковые края заготовки. Существуют микроформы этих орудий. Довольно часты скребки боковые и неправильной формы («скробачи» по польской терминологии). Среди микроформ встречаются угловые скребки. На многих стоянках, хотя и не в большом числе, найдены скребла, рабочий край которых формируется иногда контрударной ретушью. Резцы, как правило, в памятниках этой культуры грубые, с широкими резцовыми сколами. Преобладают формы на углу сломанного или естественного конца заготовки, но широко представлены и разные варианты боковых. При этом форма ретушированного конца заготовки может быть различной: скошенной (как прямой, так и вогнутой), поперечной, вогнутой, реже выпуклой или с частичной ретушью. Довольно характерны поперечные резцы, часто комбинированные (двойные резцы с разным характером площадки скола — с ретушью на одном конце и сломом на другом). Характерны резцы со сколами на двух, трех и четырех углах заготовки. Другие типы резцов встречаются реже.

Очень своеобразна в иеневской культуре группа геометрических микролитов. Наиболее распространенной категорией их являются трапеции. Они найдены разных форм и пропорций. Преобладают высокие трапеции, симметричные или нет, с прямыми или вогнутыми ретушированными краями. Харак-

Рис. 1. Рубящие орудия из кости и рога. Стоянка Ивановская III

Рис. 2. Три кремневых скребка, резец и ножевидная пластина. Стоянка Бутово I

Рис. 3. Кремневые пластины с ретушью. Стоянка Старокостантиновская IV

Рис. 4. Кремневые резцы и вкладыши. Стоянка Бутово I

терны трапеции средних пропорций, аналогичные выше описанным по характеру оформления боковых краев. В ряде памятников встречены низкие трапеции. Из других геометрических форм достаточно широко представлены треугольники, неравносторонние и равнобедренные. Изредка находятся сегменты и ромбы.

Из других микролитов следует отметить формы с затупленным или вогнутым концом или основанием. Кроме того, широко распространены микролиты с ретушью на углу в разной форме («резчики»). Характерны пластины-вкладыши с ретушью по краю. Наиболее распространенной формой острий является тип со скошенным ретушью концом или основанием (в том числе острия типа Коморница). Широко распространены ланцетовидные острия. Изредка встречаются острия со сходящимися ретушированными краями и острия со скошенным краем.

Резко доминирующим типом наконечников стрел были асимметричные наконечники на отщепах. Они представлены самыми разнообразными формами: без выраженного черешка, с выраженным коротким черешком и с выраженным длинным черешком. В последнем случае образуется боковая выемка у основания. Всегда эти орудия обработаны крутой ретушью, порой встречной, на выемке у черешка и по противоположному ей краю — полностью. Кроме этих типов, крайне редко встречаются постсвидерские наконечники на пластинах. Характерны наконечники с поперечным лезвием. Они могут быть как симметричными, так и асимметричными. У некоторых выделяется черешок.

Разнообразны ножи, находимые на этих стоянках. Чаще всего это ножевидные пластины с нерегулярной ретушью. Однако встречаются и ножи с обработанным, прямым, скошенным, вогнутым или выпуклым краем. Характерны ножи с покрытой крутой ретушью спинкой, у которых рабочим был плоский необработанный край. Часты находки пилок — пластин с зазубренным ретушью краем. Скобели весьма разнохарактерны. Их выемки могут быть узкими или широкими, мелкими или глубокими. Интересно, что на стоянках, где большинство наконечников имеет небольшой размер, скобели тоже имеют неглубокие и узкие выемки; на стоянках же, где встречаются разные наконечники, скобели тоже различные. Перфораторы (сверла и проколки) в основном асимметричные, часто с невыделенным ретушью рабочим концом.

Очень интересна группа рубящих орудий. К ней относятся топоры, тесла, долота. Самой характерной формой для топоров и тесел являются орудия с перехватом, оформленным или крупно фасеточной ретушью, или просто крупными сколами. Лезвие и обух у таких орудий часто вообще не выработаны, иногда только слегка подправлены, иногда лезвие получено сколом типа «транше». Характерны орудия с полуперехватом, когда выемка делается только на одном краю. Этот перехват или полуперехват позволяет реконструировать способ крепления орудий к деревянной или костяной рукоятке для успешной работы им. Встречаются рубящие орудия подтрапециевидной или миндалевидной формы, оббитые сплошь по двум сторонам или только по краям. Единичны топоры с одним затупленным краем без обработки остальной поверхности. В ряде памятников найдены кайла. Они имеют вытянутую форму и заостренные концы, оббиты сплошь по всей поверхности. В нескольких стоянках обнаружены мотыги с перехватом, служившие для рыхления земли при выкапывании котлованов для жилищ или ям для хозяйственных нужд.

Очень часты комбинированные орудия в разных вариантах. Кроме того, почти во всех комплексах встречены орудия для обработки камня.

Происхождение населения иеневской культуры еще не вполне ясно. Очевидно, что оно не имело корней в Волго-Окском междуречье. Взаимное расположение иеневских и синхронных им позднебутовских памятников исключает генетическое родство между этими культурами. Следовательно, предков населения, оставившего иеневскую культуру, надо искать за пределами Волго-Окского бассейна.

Если мы обратимся к материалам Верхнего Поднепровья и Подесенья, то увидим, что там давно открыты памятники, имеющие родственные иеневским черты (Воеводский, Формозов, 1950; Копытин, 1977). По-видимому, где-то во второй половине бореального периода часть населения Верхнего Поднепровья двинулась на северо-восток и заселила западную часть Волго-Окского междуречья, потеснив бутовские племена.

Хронология иеневской культуры определяется пыльцевыми датами стоянок Дальний Остров, Ладыжино III, Дмитровское I, Коприно, помещающими их в конец бореального и в первую половину атлантического периода, а также широким распространением мелких трапеций, в том числе высоких, которые появляются в Северной Европе не раньше второй половины бореального периода, ближе к его концу. Таким образом, нижний рубеж иеневской культуры следует поместить во вторую половину VII тысячелетия до н. э. ближе к его концу. Верхний рубеж отмечается обратным продвижением бутовского населения на запад во второй половине VI тысячелетия до н. э.

Внутреннее развитие иеневской культуры определяется характером ее инвентаря. Первый этап, относящийся еще к концу бореального времени, представлен стоянками Ладыжино III, Дальний Остров, Высокино VI. Он характеризуется следующими чертами каменного инвентаря. В группе скребков это преобладание концевых форм, в том числе скошенных и с частичной ретушью боковых краев, довольно высокое содержание в некоторых памятниках скребков неправильной формы, микроформ угловых скребков, относительно редкая встречаемость подокруглых, а также комбинированных скребков. Остальные типы скребущих орудий отсутствуют. В группе резцов преобладающим типом являются орудия на естественной или подготовленной сломом площадке скола. Кроме того, представлены боковые резцы, однако не во всех вариантах ретушированной площадки скола (есть только косоретушные прямые и вогнутые, вогнуторетушные). Распространены поперечные резцы с ретушированным краем и комбинированные формы (двойные или тройные резцы, имеющие разные площадки скола). Изредка встречаются срединные с асимметрично расположенным резцовым лезвием.

Крайне редки геометрические орудия: только в

Ладыжино III найден неравносторонний треугольник. Не очень многочисленны и разнообразны другие типы микролитов. Наиболее широко распространены вкладыши с ретушированным краем и микролиты с ретушированными концами. В группе острий наиболее часты орудия со скошенным ретушью концом, как прямым, так и вогнутым. Кроме того, встречаются ланцетовидные острия. Среди наконечников стрел самыми обычными формами являются асимметричные с боковой выемкой и четко выделенным черешком. Есть такие же с едва намеченным черешком, симметричные постсвидерские наконечники со слабо выделенным черешком и асимметричные наконечники с поперечным лезвием.

Среди ножей преобладают орудия с нерегулярной приостряющей ретушью. Есть ножи с приостряющей ретушью, захватывающей весь край. Встречаются ножи с обушком и комбинированные формы, а также пилки. Скобели разнообразны, но во всех памятниках этого этапа встречены только орудия с широкими и глубокими, с узкими и мелкими выемками. Единичны двойные и тройные. В группе перфораторов повсеместно распространены асимметричные проколки с невыделенным «жальцем». Реже встречаются такие же проколки с выделенным «жальцем», а также асимметричные и симметричные сверла с разными рабочими частями.

Наиболее часто встречаемой формой топоров являются топоры с перехватом. Кроме них, есть оббитые подовальные и подпрямоугольные. Тесла встречены только в Высокино VI (подовальные) и в Дальнем Острове (подпрямоугольные). Из других категорий макролитов следует отметить находки в Высокино VI двусторонне оббитых кайл типа «пик». Среди комбинированных орудий во всех памятниках встречены комбинации скребков с резцами и ножами. Менее приняты комбинации скребков со скобелями и резцов с ножами и скобелями. Только в Ладыжино III есть другие формы комбинированных орудий.

Второй этап представлен стоянками в Калининском Поволжье: Иенево II, Дмитровское I, Староконстантиновская IV и VI, Черная Грязь I, Журавец I. Возможно, к этому же этапу относится стоянка Тростенская III Северная на Тростенском озере в Московской обл. В отличие от первого этапа здесь следует отметить более высокое развитие микрорезцовой техники, причем если на первом этапе микрорезцы встречены только в одном памятнике (Ладыжино III — микрорезцы с ретушированными выемками), то теперь они есть на всех стоянках и преобладают микрорезцы без ретуши.

В группе скребков появляются новые формы. Это концевые скребки с выступом на лезвии, скребки неправильной формы со сходящимися рабочими краями, боковые. Появляются и скребла. Гораздо большее распространение получают угловые скребки и комбинации разных типов на одной заготовке. В остальном бытуют те же формы, что и на первом этапе. Появляются новые формы и в группе резцов: это боковые резцы с поперечно ретушированной или с частично ретушированной (не на всех памятниках) площадкой скола, есть поперечные резцы без краевой ретуши. Боковые резцы со скошенно ретушированной площадкой скола встречаются реже.

Получает развитие группа геометрических орудий. Представлены разные типы трапеций: наряду с высокими асимметричными формами есть такие же симметричные, а также трапеции средних пропорций, как симметричные, так и асимметричные. Разнообразятся и треугольники, наряду с тупоугольными неравносторонними появляются и равнобедренные остроугольные. Гораздо богаче формами и другие типы микролитов. Появляются вкладыши с зазубренным ретушью краем и с мельчайшей ретушью, появляются комбинации разных типов микролитов на одной заготовке. В группе острий тоже изменения: появились острия с прямым или скошенным ретушированным краем, а также со сходящимися ретушированными краями (симметричные). Новые формы в группе наконечников — иволистные постсвидерские и симметричные с поперечным лезвием, встречающиеся не во всех памятниках.

В группе режущих орудий более широкое распространение получают пилки и комбинации разных типов на одной заготовке, появляются ножи с прямой затупленной спинкой, зато исчезают ножи с выпуклой затупленной спинкой. Группа скобелей практически не меняется. В группе перфораторов следует отметить появление макросверл.

Разнообразнее стали рубящие орудия. Топор с перехватом остается главной формой. Появляются топоры с полуперехватом и с одним затупленным краем, тесла с перехватом и полуперехватом. Исчезают подпрямоугольные тесла. В отдельных памятниках есть долотовидные орудия. Исчезают кайла, но зато появляются мотыги. Несколько изменяется группа комбинированных орудий, появляется комбинация скребка с перфоратором.

К третьему этапу относятся стоянки Ярославского Поволжья: Алтыново (верхний слой), Богоявление, Коприно, Пеньково. В группе скребков падает роль концевых скребков с выступом. Среди резцов уменьшается количество боковых. В группе геометрических орудий падает роль треугольников: встречен только один равнобедренный треугольник на стоянке Пеньково. Появляются низкие трапеции, ранее неизвестные. У ряда трапеций ретушируется одно из оснований. Среди других микролитов изменения выражаются в исчезновении комбинаций разных типов на одной заготовке, падает роль вкладышей с затупленным краем: они найдены только в Пеньково. Исчезают острия с прямым и скошенным ретушированным краем, зато большую роль играют ланцетовидные. Полностью исчезают постсвидерские наконечники на пластинах. Взамен этого более широкое распространение получают асимметричные наконечники с поперечным лезвием. Исчезают ножи с «обушком» (с затупленной спинкой), симметричные проколки с невыделенным «жальцем». Уже нет топоров и тесел с перехватом, вместо них появляются миндалевидные. Повсеместное распространение получают подпрямоугольные тесла. Обедняется группа комбинированных орудий.

На последнем, четвертом, этапе, представленном стоянками Сельцо III (Костромская обл.), Титово I, Тихоново, Авсерьгово II (Калининская обл.), наблюдается технологическая и морфологическая деградация каменного инвентаря. Если техника раскалывания кремня остается в основном прежней, то техника вторичной обработки становится небреж-

ной и грубой. Полностью исчезает прием микрорезца.

Морфологические изменения заметны прежде всего в группе трапеций. Теперь есть только высокие трапеции, все остальные типы пропадают. Нет и треугольников. Из других микролитов есть только вкладыши с ретушью по краю. Найдены только подовальные и подпрямоугольные оббитые топоры и тесла, остальные типы рубящих орудий исчезли. Еще больше редуцируется группа комбинированных форм. Иначе говоря, почти вдвое сокращается список типов орудий, известных в момент расцвета культуры на ее втором этапе.

Единственной новацией на этом этапе является появление техники шлифования.

Налицо несомненный упадок культуры. Он был вызван, по-видимому, несколькими причинами. Как нам представляется, одной из них была относительная немногочисленность населения, оставившего ее. Когда оно появилось в Волго-Окском междуречье, его давление на редкое в то время и не имевшее прочных внутренних связей бутовское население способствовало успешному расселению и быстрому продвижению иеневской культуры в Верхнем Поволжье. Однако немногочисленность и — вторая причина — замкнутость иеневского населения, отсутствие мирных контактов с окружающими его культурами привели в конечном счете к упадку культуры и обратному его вытеснению окрепшими к концу существования «иеневцев» «бутовцами».

Экономический базис иеневской культуры определяется характером поселений, каменного инвентаря и в какой-то мере топографией стоянок. Ее население занималось прежде всего охотой. Однако охота здесь, видимо, отличалась от охоты раннебутовских племен. Стоит вспомнить, что иеневская культура относится в основном к атлантическому времени, когда население жило в зоне сплошного леса. Поэтому загонная охота в значительной мере теряет свое значение, уступая место охоте небольшими коллективами. Охотничье вооружение у «неневцев» сильно дифференцировано. Мы встречаем у них различные формы заостренных наконечников, причем самых разных размеров, что определяло разный вес и размер стрелы, а может быть, и лука. В комплексах иеневской культуры широко представлены наконечники стрел с поперечным лезвием, которые, безусловно, имели специфическое назначение: такой наконечник в первую очередь предназначен для нанесения жертве болевого шока с целью добить ее потом другими средствами. Различные наборы охотничьего вооружения в отдельных поселениях свидетельствуют о своеобразной специализации охоты в течение отдельных сезонов.

Попробуем восстановить годовой охотничий цикл населения иеневской культуры. Зимняя стоянка Дмитровское I дала разнообразный характер охотничьего инвентаря. Здесь и заостренные наконечники, и наконечники с поперечным лезвием. Была найдена и лопатка молодого бобра (по определению В. И. Цалкина). По-видимому, в зимнее время охота проводилась на всех животных и птиц, зимовавших в окружавших стоянку лесах. Это могли быть и самые крупные животные (лось, благородный олень, кабан, зубр и др.), пушные и мелкие животные (волк, лисица, заяц, белка, бобр и др.), крупные и мелкие птицы (глухарь, тетерев, рябчик). Вероятно, тот же состав охотничьей добычи сохранялся и ранней весной. Во второй половине весны, возможно, охота становилась специализированной, а именно в это время объектом охоты становились в основном крупные животные с только что родившимся молодняком, как об этом косвенно говорят материалы стоянки Староконстантиновская IV. Летняя охота проводилась опять-таки на всех животных, что видно по охотничьему инвентарю явно летних стоянок Титово I, Сельцо III (а возможно, и Пеньково), где представлены все виды наконечников. Осенью, до наступления зимних холодов, охота иногда могла приобретать тоже специализированный характер с уклоном в сторону перелетных водоплавающих птиц (гусей, уток), о чем говорят материалы стоянки Иенево II. Вероятно, в начале зимы и в конце осени получала особое значение и охота на пушных животных, если судить по той же стоянке. Таким нам представляется годовой охотничий цикл иеневской культуры.

Разумеется, охота не была единственным видом хозяйственной деятельности. Весной, летом и ранней осенью она дополнялась рыболовством. Об этом свидетельствуют находки тесел почти на всех стоянках поздней весны, лета и ранней осени (Староконстантиновская IV, Титово I, Алтыново и др.). Объектами рыбной ловли могли служить практически все виды рыб, водившиеся в Волге и реках ее бассейна. К сожалению, какими орудиями осуществлялась эта ловля, мы сейчас сказать пока ничего не можем. Наличие тесел может говорить только об использовании лодок.

Думается, что охота и рыболовство дополнялись собирательством. И об этом у нас пока нет прямых данных. Однако роль орешника в растительном покрове предполагает наличие лесных орехов в пищевом балансе населения. Использовались в пищу, вероятно, грибы и ягоды.

Добыча пищевых ресурсов была не единственным занятием иеневского населения, хотя, конечно, все остальные виды хозяйственной деятельности должны были в первую очередь обеспечивать успех именно этой отрасли хозяйства. На высоком уровне стояла обработка камня. Она, естественно, велась в течение круглого года (специфические места по обработке каменных орудий есть на поселениях всех сезонов). Технология обработки сводилась к достаточно простым средствам, так как для «иеневцев» не имел значения характер заготовки: они изготовляли свои орудия и на пластинах, и на отщепах.

Разнообразным было домостроительство в иеневской культуре. В зависимости от времени года «иеневцы» строили разные жилища, как наземные, так и углубленные, с разной степенью утепленности. Широкое распространение получили дома каркасной конструкции, о чем свидетельствуют материалы стоянок Иенево II и Пеньково. В этих домах и на площади стоянок население не только готовило пищу, но и обрабатывало кость, дерево и шкуры, на что указывает состав каменного инвентаря.

Социальная организация иеневского населения поддается расшифровке с большим трудом. По-видимому, она в значительной степени зависела от характера данной производственной задачи. В самом деле, площадь, занимаемая поселениями, была раз-

личная. Встречены совсем маленькие стоянки типа Алтыново, площадь их не превышает 300—400 кв. м, и огромные поселения, примером которых могут служить Пеньково и Титово I, площадь их больше гектара. Вероятно, состав социально-производственных единиц не был постоянным, он изменялся в зависимости от задачи, стоявшей в данный момент перед общиной.

О количественном составе социально-производственных коллективов, выполнявших специфические производственные задачи, можно судить по стоянке Иенево II, в значительной мере раскопанной. Здесь были обнаружены остатки двух жилищ, общая площадь которых не превышала 120 кв. м. Стоянка оставлена коллективом, охотившимся на водоплавающую птицу и мелких животных, и существовала, вероятно, с октября до середины декабря. В это время года размещение населения на ночь за пределами жилищ было вряд ли возможным. Все жившие на стоянке люди ночевали в жилищах. Поэтому если считать, что на одного человека приходилось 2—3 кв. м, то мы можем сказать, что количественно социально-производственная единица, обитавшая на на стоянке Иенево II, не превышала 40—60 человек. Такой состав предполагает наличие нескольких семейных общин, а может быть, и не одного, а двух родов. В таком случае можно предполагать, что стоянка Иенево II оставлена племенем или частью племени, перед которой в данный момент стояла совершенно конкретная производственная задача.

Труднее вычислить количественный состав социально-производственной единицы, оставившей соседнюю стоянку Староконстантиновская IV. Очевидно, такую стоянку должна была населять значительная группа. Хозяйственная направленность поселения (охота на крупных млекопитающих, разделка которых и первичная обработка добычи, судя по остаткам кострищ и характеру находок, проводились на месте памятника) предполагает участие в производственном процессе большой группы людей. Можно даже предположить объединение на время проведения охоты нескольких социально-производственных единиц малого размера. Иначе трудно было бы успешно решить стоявшую перед населением стоянки производственную задачу. О характере этого объединения сейчас сказать больше невозможно.

Судя по размеру жилища на стоянке Дмитровское I, в нем могло жить не более восьми человек. Стоянка раскопана не полностью. Однако, если на ней все же было только одно жилище, это неудивительно. Зимой гораздо легче прокормиться небольшой группой, чем большим объединением людей. Такой количественный состав населения может соответствовать только семейной общине.

Рессетинская культура. Стоянка Рессета 3 расположена в Хвастовичском р-не Калужской обл., в пределах Окско-Деснинского водораздела в Брянско-Жиздринском полесье, территориально она относится к бассейну Верхней Оки (карта 6). Открыта И. К. Фроловым в 1973 г., дополнительно обследована А. С. Смирновым в 1982 г. и раскопана А. Н. Сорокиным на площади 392 кв. м в 1983 г. Коллекция включает 5841 каменный предмет и содержит около 1000 орудий.

Среди других важнейших памятников раскопаны стоянки Рессета 2 (открыта И. К. Фроловым в 1973 г., обследована А. С. Смирновым в 1982 г., в 1983 г. А. Н. Сорокиным вскрыто 112 кв. м. Коллекция включает около 10 000 изделий, орудия составляют 10%), Альба I и Альба III в Дмитровском р-не Московской обл. (раскопана А. В Трусовым в 1978—1980 гг.), Суконцево 8 в Ржевском р-не Калининской обл. (открыта и исследована А. Н. Сорокиным в 1985 г., вскрыто 143 кв. м, коллекция включает 12 636 предметов, орудия составляют около 11%); Суконцево 9 (там же; открыта и исследована А. Н. Сорокиным в 1985 г., раскопано 38 кв. м, получено свыше 7,5 тыс. кремневых изделий, орудия составляют 9% комплекса), Суконцево 3 (открыта Л. В. Кольцовым и В. М. Воробьевым в 1976 г., раскопана А. Н. Сорокиным в 1984 г., на площади 32 кв. м собрано 2693 кремня, из них 410 орудий), Золотилово I (открыта А. С. Фроловым в 1983 г. в Торопецком р-не Калининской обл., дополнительно обследована им же в 1984—1985 гг., материал представлен сборами). К этой же культуре относится стоянка Таруса I в Калужской обл. (открыта А. С. Фроловым в 1968 г., обследована В. В. Сидоровым в 1971 г. и А. С. Фроловым в 1976 г., вскрыто 9 кв. м).

Территориально зафиксированные памятники этой культуры распространены в Калужской, Московской и Калининской областях и входят в бассейн Верхней Волги, Оки и Западной Двины.

Топография памятников сходная, все они занимают краевые участки речных террас, часто в местах озеровидных пойменных расширений, и приурочены к зандровым равнинам платформенных поднятий (Средне-Русской возвышенности, Клинско-Дмитровской гряды, Валдайской возвышенности).

Стратиграфически культурные слои рессетинских памятников залегают в рыхлых террасовых отложениях конца плейстоцена — начала голоцена.

Техника первичной обработки рессетинской культуры базируется на утилизации одноплощадочных ядрищ конической или призматической формы. Значительно реже встречаются двухплощадочные подпризматические нуклеусы и в порядке исключения — одно- или двухплощадочные торцевые (табл. 53). Группа нуклевидных составляет 6—8% объема коллекций памятников, при этом число собственно нуклеусов колеблется от 0,2 до 0,3%. В рессетинской культуре одинаково распространены микропластинчатая, пластинчатая, отщеповая и макролитическая техника первичной обработки.

В качестве заготовок используются пластины, микропластины, отщепы, желваки, изредка технологические сколы. Среди морфологически выраженных (четких) форм процент орудий на пластинах составляет 47—58%, повышаясь от ранних к поздним памятникам; процент орудий на отщепах колеблется около 36 и до 40%, прочие заготовки составляют 6—13%. Особо подчеркнем устойчивую тенденцию использования в качестве заготовок для резцов с ретушированной площадкой скола бифасов.

При вторичной обработке используется техника затупливающей ретуши (микролиты, косые острия, орудия с поперечно срезанным ретушью концом, острия со сходящимися ретушированными краями), микрорезцовая техника (острия и микрорезцы),

техника двусторонней оббивки и ретуши (рубящие орудия, бифасы). На окских стоянках эпизодически присутствует техника уплощающей ретуши (наконечники) и «транше» (рубящие орудия).

Специфической чертой во вторичной обработке, резко выделяющей рессетинские комплексы среди других волго-окских, является микрорезцовая техника, возникшая здесь самостоятельно (?).

Орудия в комплексе составляют 9—11% (табл. 53). Среди морфологически четких форм ведущим типом являются резцы, их число превышает количество скребков в два раза. Доминируют резцы с неподработанной площадкой скола. На ранних памятниках представительны резцы с ретушированной площадкой скола и срединные, но доля их резко уменьшается к поздней фазе. Помимо этого, тенденция развития резцов проявляется в постепенном уменьшении как размеров заготовки в целом, так и ширины рабочей кромки (табл. 53).

В скребках преобладают концевые формы, их дополняют боковые и двойные. В виде исключения присутствуют раклеты. На окских стоянках хорошо представлены округлые скребки. Многообразие типов и вариантов скребков сохраняется на всем протяжении культуры; представляется, что по мере развития понижается массивность заготовки и усиливается укороченность пропорций.

Известное своеобразие рессетинским коллекциям придают скребла (одинарные и двойные, концевые и боковые), встречающиеся как в ранних, так и в поздних памятниках. Намечается тенденция уменьшения их размеров и изживания формы. Во всяком случае для Рессеты 3 и 2 уже нельзя провести границы по метрическим показателям между скреблами и скребками.

Скобели, как правило, многочисленны, выемки мелкие, дугообразные, могут быть широкими или узкими, однако они не проявляют черт какого-либо своеобразия по отношению к памятникам других волго-окских культур.

Рубящие представлены топорами и теслами подовальных и подтреугольных очертаний, выполненными как на отщепах, так и из желваков техникой двусторонней оббивки и ретуширования. Особенности в способах крепления заключаются в подчеркивании в отдельных случаях обушковой части оформлением выемок с обеих сторон заготовки.

Комбинированные орудия встречаются в порядке исключения. Их редкость не позволяет судить о какой-либо избирательности в сочетании функций.

Косые острия и изделия с поперечно срезанным ретушью концом присутствуют на всех памятниках и не отличаются от таких же орудий других волго-окских мезолитических памятников.

Пластины с регулярной ретушью, сверла с невыделенными рабочими участками и ланцетовидные острия устойчивых серий не образуют.

Напротив, микролиты с затупленным ретушью краем образуют устойчивые серии. Материал позволяет проследить развитие этой формы по способу обработки по мере омоложения возраста памятников. Они ретушировались первоначально лишь на спинке или, реже, контрударным способом. Впоследствии появляются микропластины, обработанные по брюшку, которые на поздних рессетинских памятниках начинают доминировать над микропластинками, затупленными на спинке, а микролиты, выполненные в контрударной технике, практически исчезают (табл. 51).

Острия со сходящимися ретушированными краями выполнены из пластин или микропластин, в этом случае они по краю обработаны подобно микролитам с затупленным краем, конец скошен более мелкой ретушью (табл. 51).

Рессетинские памятники обладают своеобразной формой наконечников стрел на пластинах, представленных двумя основными разновидностями: первая — это миниатюрные наконечники с боковой выемкой, у которых ретушировано лишь часть одного из краев около основания в виде выемки, а остальная поверхность без обработки; вторая — это так называемые рессетинские острия, т. е. изделия из микропластин с затупленным крутой ретушью на спинке краем и скошенным пером, шиповидным выступом и микрорезцовым сколом. Вариантами являются ретушь на острие или невыраженность шипа, когда он представлен лишь в виде небольшого выступа или неровности (перегиба) на ретушированном краю.

Для рессетинских острий характерно нанесение микрорезцового скола со стороны бугорковой части, когда в виде отхода (собственно микрорезца) удаляется участок пластины с ударным бугорком. По этому элементу они не отличаются от маглемозских и янисла вицких острий. Особенностью рессетинских наконечников является шиповидный выступ, что сближает их с так называемыми остриями с «горбатой спинкой» или плечиковыми остриями, встречающимися на некоторых позднепалеолитических памятниках.

Микролиты с затупленным краем, острия на микропластинах со сходящимися ретушированными краями, наконечники с боковой выемкой и рессетинские острия во всех рассматриваемых коллекциях образуют единый типологический ряд («сопряженную группу» по терминологии М. Д. Гвоздовер и Г. П. Григорьева).

Помимо наконечников с боковой выемкой на окских стоянках встречены постаренсбургские и постсвидерские наконечники (последние с плоской ретушью на брюшке). Их появление в рессетинских материалах может быть объяснено влиянием культур свидерского и аренсбургского круга, конкретно — взаимодействием с памятниками типа Смячки XIV и Красной X.

Суммируя вышеизложенное, можно отметить, что для рессетинской культуры характерны: 1) сочетание пластинчатой и отщеповой, микролитической и макролитической индустрий; 2) широкое применение микрорезцовой техники, использование затупливающей ретуши и двусторонней обработки; 3) присутствие специфических форм охотничьего вооружения; 4) слабое развитие вкладышевых форм, отсутствие геометрических типов изделий; 5) наличие резцовых сколов на обушковой части микролитических орудий. Эти черты отличают рессетинскую культуру от других культур.

Хронологически рессетинская культура относится к раннему мезолиту. Стоянки Рессета 2, 3 и другие памятники, имеющие в своем наборе постсвидер-

ские наконечники, должны быть моложе стоянки Суконцево 8, так как в их комплексах заметны существенные изменения (повышение пластинчатости, уменьшение размеров орудий, изживание скребловидных форм, резцов с ретушированными площадками скола, бифасов, увеличение роли округлых скребков, появление постсвидерских наконечников и т. д.). Верхняя граница рессетинской культуры пока не может быть установлена с достаточной точностью, но, вероятно, не выходит за пределы раннего мезолита, о чем свидетельствует в первую очередь отсутствие геометрических изделий.

Сходство материалов рессетинской культуры с верхнепалеолитическими памятниками типа Гагарино-Хотылево 2 позволяет высказать предположение о возможном генезисе рессетинской культуры на основе этих памятников.

Таким образом, рессетинская культура может являть собой факт приспособления групп древнего населения Восточно-Европейской равнины, пережившего валдайское оледенение, к условиям послеледникового времени и их существования в раннем голоцене.

Другие культурные проявления. В регионе исследованы памятники, которые не относятся к двум рассмотренным выше культурам (карта 6).

Существует еще несколько стоянок, культурная принадлежность которых пока неясна. Это поселения Высокино II в Зубцовском р-не Калининской обл., Настасьино в Сычевском р-не Смоленской обл., Красная I в Калужской обл., Золоторучье III в Угличском р-не Ярославской обл. и др.

Конкретная история Волго-Окского междуречья представляется в эпоху мезолита в следующем виде. В конце пребореала — начале бореала (VIII—VII тысячелетия до н. э.) в этот регион пришла небольшая группа населения, являвшаяся потомком людей, оставивших свидерскую культуру. Эта группа оставила нам бутовскую культуру. Возможно, что в это же время складываются и культура верховьев Волги, и рессетинская культура в верховьях Оки. Население было достаточно редким. Внутриплеменные связи не были достаточно прочными. Каждая первичная группа имела большую охотничью территорию. Во второй половине VII тысячелетия до н. э. в регион вторгается группа населения из верховьев Днепра, оставившая нам в Волго-Окском бассейне иеневскую культуру. Она вытеснила население бутовской культуры на восток региона, захватив ее территорию и продвинувшись на восток до Костромы. Население верховьев Волги, по-видимому, не испытало давления «иеневцев». История рессетинской культуры в этих условиях остается неясной. Однако иеневская культура, находившаяся во враждебных отношениях с бутовской и потерявшая связь с «материнской» территорией, по-видимому, постепенно выродилась, что привело в дальнейшем к облегчению движения «бутовцев» обратно на запад и ассимиляции ими остатков «иеневцев». Во всяком случае в ранненеолитической верхневолжской культуре, сформировавшейся в регионе в V тысячелетии до н. э., мы уже практически не находим элементов иеневской культуры. Бутовские же элементы резко доминируют в каменном инвентаре раннего неолита.

Глава девятая
Мезолит Среднего Поволжья

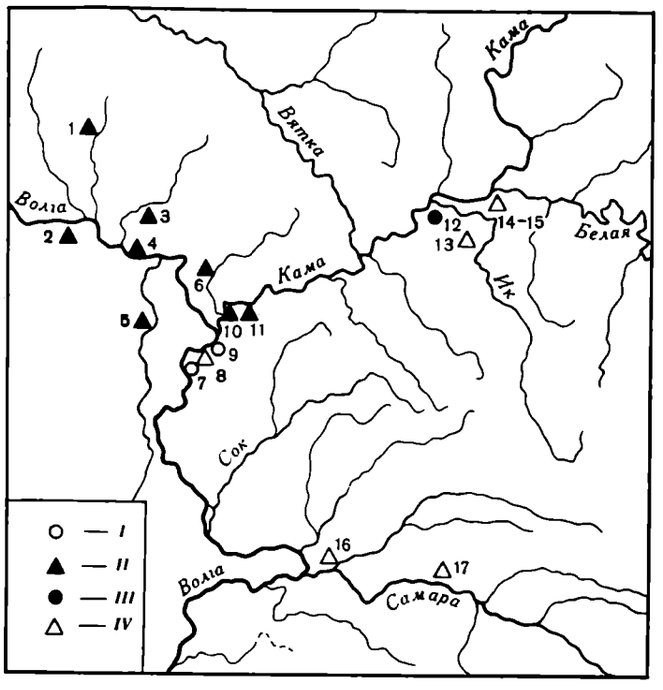
Среднее Поволжье, как теперь выясняется в результате работ, проведенных за последние 30 лет, представляет собой контактную зону, где существовало несколько мезолитических культур. Будет правильно, если мы разберем материалы этих культур последовательно, а потом покажем их взаимоотношения (карта 7).

Одна из них названа М. Г. Косменко, исследователем, впервые ее выделившим, усть-камской. Основные ее памятники были открыты в 1966—1969 гг. П. Н. Старостиным и М. Г. Косменко.

Стоянка Тетюшская III располагалась на краю останца первой надпоймы левого берега Волги в 3 км к востоку от г. Тетюши. Исследовавшему ее М. Г. Косменко, несмотря на сильное повреждение памятника водами Куйбышевского водохранилища, удалось установить ее стратиграфию (Косменко, 1972б). Мезолитические материалы залегали в песке под почвой. Характер раскалывания кремня определяется формой нуклеусов: они были уплощенными, подпризматическими с одной ударной скошенной площадкой и с одной плоскостью скалывания, от пластин и отщепов, а также многоплощадочными от пластин и отщепов. По данным М. Г. Косменко, всего найдено 478 орудий (66% которых — на пластинах) (табл. 54, *1—11*, *15*). Скребки встречены концевые в разных вариантах, в основном на пластинах, а также подокруглые и неправильной формы на отщепах. Рабочие лезвия крутые, сформованные крупно- и среднефасеточной ретушью. Количественно скребки уступают резцам, которых примерно в четыре раза больше. Среди этих последних свыше $^1/_3$ составляют орудия с ретушированной площадкой скола (косо-, поперечно- и вогнуторетушные; обработка концов всегда очень крутая). Резцовые сколы длинные и широкие. Среди них нередки двойные и даже тройные экземпляры. Кроме того, встречены резцы на сломанном конце заготовки, срединные, поперечные с теми же характеристиками резцовых сколов. Морфологически интересны микролиты с изогнутым затупленным краем — ланцетовидные острия, обработанные иногда встречной ретушью (возможно, что часть из них использовалась в качестве ножей). Очень своеобразны микролиты с вогнутым или затупленным крутой ретушью концом; у некоторых из них затуплівался ретушью и боковой край, что придавало этим орудиям облик прямоугольных и тупоугольных треугольников. Характерны находки высоких и средних по пропорциям симметричных трапеций с вогнутыми ретушированными краями — достаточно поздней формы в мезолитических комплексах лесной зоны Европы. Острия представлены, кроме ланцетов, и пластинами со скошенным крутой ретушью концом. Найдены вкладыши — пластинки или их сечения с одним или двумя затупленными ретушью краями. Ножи изготовлялись на пластинах и отщепах, они имеют один или два ретушированных края. Есть ножи с затупленной спинкой. Скобели в основном на отщепах, одно- или многовыемчатые. Обнаружены массивное скребло на отщепе, тесловидное орудие с перехватом, оббитым крупными сколами; такие же сколы идут почти по всему периметру орудия. Есть и комбинированные орудия: резцы-ножи, скребки-ножи, скребки-скобели, скребки-резцы (табл. 54, *1—11*, *15*).

К усть-камской культуре относятся еще следующие памятники: стоянки Косяковская у устья Камы, Атабаевская VIII в Рождественском р-не Татарской АССР, Семеновская IV и V, Кимовская III, Любавская, Нижне-Марьянская VII, местонахождения Щербетьское островное, Малиновское, Малиновское Северное (Косменко, 1972б).

Вопрос о происхождении этой культуры представляется довольно сложным. При анализе мезолита Среднего Поволжья А. Х. Халиков отнес стоянку Тетюшская III к развитому мезолиту, однако указал, что по ряду признаков она тяготеет к раннему (Халиков, 1969. С. 23). М. Г. Косменко все памятники усть-камской культуры относит к раннему мезолиту (Косменко, 1972б). В своей более поздней работе он смыкает мезолитические поселения типа стоянки Тетюшская III с финальнопалеолитическими памятниками типа Сюкеевский взвоз и считает эти последние первым этапом усть-камской культуры (Косменко, 1977. С. 94). Иначе говоря, происхождение усть-камской культуры он связывает с местными финальнопалеолитическими памятниками. Сходство между поселениями типа Сюкеевский взвоз и стоянкой Тетюшская III, которая, по его мнению, является самым ранним мезолитическим памятником усть-камской культуры, он видит прежде всего в наличии в стоянке Тетюшская III резцов с ретушированной площадкой скола и срединных, пластинок с изогнутым затупленным краем — ланцетовидных острий, пластинок со скошенным, затупленным или вогнутым концом. Безусловно, все эти формы появляются в палеолите. Но они широко распространены и в мезолите на всем его протяжении. И это совсем не значит, что мезолитические комплексы усть-камской культуры можно непосредственно генетически выводить из финальнопалеолитических, тем более что в мезолитических памятниках этой культуры встречены такие поздние даже для мезолита формы, как симметричные трапеции с вогнутыми ретушированными краями. Во всей лесной полосе Европы от севера Франции и до Волго-Окского междуречья, там, где эти формы имеют датировку по данным естественных методов, они всегда ложатся в самых ранних своих проявлениях в VI тысячелетие до н. э. Именно наличие этих форм, а в усть-камской культуре они распространены достаточно широко, не позволяет связывать даже самые ранние усть-

Карта 7. Основные мезолитические памятники Среднего Поволжья

1 — Курманаевская; *2* — Яндашевская; *3* — Старо-Мазиковская; *4* — Русско-Луговская; *5* — Кабы-Копрынская; *6* — Атабаевская VIII; *7* — Тетюшская III; *8* — Комаровская I; *9* — Косяковская; *10* — Березогривское II; *11* — Кузькинская XVIII; *12* — Юртовская IV; *13* — Деуковская II; *14—15* — Татаро-Азибейская III, IV; *16* — Монастырский хутор; *17* — Захар-Калма I; *I* — стоянки усть-камской культуры; *II* — стоянки с наконечниками; *III* — стоянки романовско-ильмурзинской культуры; *IV* — стоянки камской культуры

камские мезолитические поселения непосредственно с палеолитом и, следовательно, относить их к раннему мезолиту.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на памятники соседнего со Средним Поволжьем региона — Волго-Окского междуречья, а именно иеневской культуры. Характер раскалывания кремня в обеих культурах похож: встречены одинаковые формы нуклеусов — подпризматические, подконические, «карандашевидные», торцевые, многоплощадочные. Различие состоит в том, что доля ножевидных пластин как заготовок для орудий в усть-камской культуре несколько, но не намного выше, чем в иеневской. Это явление может объясняться большими контактами населения усть-камской культуры с населением мезолитических культур, где ножевидная пластина была основной заготовкой — камской и романовско-ильмурзинской. Скребки усть-камской и иеневской культур очень похожи; это в основном концевые формы с небольшой примесью подокруглых и скребков неправильной формы. В обеих культурах в группе резцов значительную долю составляют резцы с ретушированной площадкой скола: косо-, поперечно- и вогнуторетушной. Но широко представлены и другие формы: на углу сломанной заготовки, срединные, поперечные. Распространены вкладыши из сечений пластин с ретушированными краями. Похожи скобели, проколки и сверла. И там и тут встречаются отдельные экземпляры скребел.

Разительное сходство наблюдается в формах, которые могут считаться культурно определяющими: геометрических микролитах, наконечниках стрел, рубящих орудиях. Среди геометрических микролитов в усть-камской культуре основной формой является высокая или средних пропорций трапеция с вогнутыми ретушированными краями. Такие трапеции очень распространены в иеневской культуре. Они встречены на всех стоянках второй половины ее существования (Пеньково, Коприно, Сельцо III, Авсерьгово II и др.). Во многих иеневских стоянках, как и в усть-камских, найдены ланцетовидные острия — пластинки с выпуклым затупленным краем. Почти всегда, как и в усть-камской культуре, этот край обработан очень крутой, чаще всего встречной, ретушью. В обеих культурах найдены острия со скошенным концом. Иногда в усть-камской культуре у них затуплен и один боковой край, что придает им вид треугольников. В иеневской же культуре найдены треугольники. И в усть-камской, и в иеневской культурах встречена характерная форма рубящих орудий — топоры и тесла с перехватом, которые, правда, в усть-камской культуре менее распространены, чем в иеневской. И там и тут есть характерные ножи с изогнутой затупленной спинкой. И наконец, опубликованные М. Г. Косменко орудия с боковой выемкой у основания (Косменко, 1977. С. 96. Рис. 2, *8—10*), которые, по-видимому, были наконечниками стрел, аналогичны иеневским асимметричным наконечникам стрел с боковой выемкой у основания. Единственным серьезным отличием усть-камской культуры мы считаем отсутствие узких равнобедренных треугольников, найденных в иеневских памятниках, правда только на ранних этапах существования этой культуры. На поздних иеневских стоянках их уже нет.

Таким образом, мы попытались показать, какое глубокое родство наблюдается между усть-камскими и иеневскими памятниками. Между ними гораздо больше сходства, чем различий. Ближайшие к Среднему Поволжью иеневские стоянки расположены в Костромской обл. Это, вероятно, не значит, что их не было и ниже по Волге: воды Горьковского водохранилища могли затопить их, да и, к сожалению, не было проведено серьезных планомерных разведок в Ивановской и Горьковской областях по берегам Волги. Поэтому не исключено, что ареалы усть-камской и иеневской культур где-то могли и смыкаться. Но мы не настаиваем на этом предположении.

Несмотря на такое сходство указанных культур, вопрос о происхождении усть-камской культуры, по нашему мнению, следует пока оставить открытым. Тут возможны, как нам кажется, два варианта решения, во всяком случае на современном уровне сведений. Во-первых, памятники усть-камской культуры могли быть оставлены группой иеневского населения, продвинувшегося на поздних этапах существования иеневской культуры в устье Камы (повторяем, что наибольшее сходство усть-камских памятников прослеживается именно с поздними иеневскими стоянками). Во-вторых, возможен и такой вариант: группа населения, родственная оставившему иеневскую культуру, двинулась на восток из бассейна Верхнего Днепра, откуда, по-видимому, происходит и иеневская культура, и обосновалась в устье Камы.

Какой из этих вариантов окажется более верным, покажет время. Во всяком случае, по нашему мнению, мысль о непосредственном генетическом контакте между стоянками финального палеолита и мезолитическими усть-камскими нужно отбросить.

Видимо, периодизация памятников усть-камской культуры, предложенная М. Г. Косменко, не нуждается в пересмотре (Косменко, 1972б, 1977). Действительно, стоянка Тетюшская III кажется более древней, чем Косяковская и Атабаевская VIII. Поскольку периодизация изложена в нескольких работах М. Г. Косменко, мы не будем на ней подробно останавливаться.

Следовало бы несколько слов сказать о хронологии мезолитических стоянок усть-камской культуры. Поскольку, как указано выше, ближайшие аналогии ей мы встречаем в иеневской культуре, а собственных дат по данным естественных методов для усть-камских памятников как будто нет, можно использовать хронологию именно иеневских стоянок. Ряд этих последних получил датировку с помощью пыльцевого анализа. Наибольшие аналогии у усть-камских памятников — с поздними иеневскими стоянками. Поэтому мы предложили бы датировать усть-камские материалы началом атлантического периода, т. е. в абсолютных цифрах VI тысячелетием до н. э. Возможно, открытие новых стоянок усть-камской культуры, которые могли бы дать данные для естественных наук, и изменят эту датировку. Но пока мы не видим убедительных аргументов для ее изменения.

Второй культурой, памятники которой встречены в Среднем Поволжье, является камская. Первым открытием ее памятников была стоянка Захар-Калма I, обнаруженная В. В. Гольмстен еще в 1921 г. (Гольмстен, 1928). Однако тогда, разумеется, не было оснований выделять особую культурную группу. И только работами О. Н. Бадера в Прикамье было выявлено несколько очень важных памятников с микролитическим инвентарем, которые дали ему возможность говорить о существовании особой мезолитической культуры в Прикамье (Бадер О.Н., 1966).

В Среднем Поволжье имеется ряд памятников, относящихся к камской культуре. Это в первую очередь стоянка Татаро-Азибейская IV — наиболее полно раскопанное поселение этой культуры в регионе. Она находится в 800 м к югу от поселка Татарский Азибей. Располагается на песчаном останце высотой 1,5 м над поймой, недалеко от старицы р. Белой — оз. Азибей. В 1958 г. в этом районе проводил разведки В. Ф. Генинг, который обнаружил следы разрушенной стоянки. В 1964 г. окрестности Татарского Азибея обследовал П. Н. Старостин, а в 1969 г. М. Г. Косменко открыл здесь две стоянки — Татаро-Азибейская III и IV. На последней в 1969—1971 гг. им были проведены раскопки (Косменко, 1978б). Общая величина раскопанной площади 960 кв. м. Поверхность памятника подвергалась распашке, потревожившей горизонт залегания находок, что объясняет наличие некоторой части кремневых изделий в пахотном слое. Об этом же говорят находки на современной поверхности. Однако часть культурного горизонта оказалась непотревоженной и залегала в светлом песке под пахотным слоем. Находки в слое распределялись неравномерно, образуя скопления.

В раскопе прослежены остатки нескольких бытовых конструкций. В их числе шесть очагов и шесть хозяйственных ям разного размера, почти все они содержали находки.

Коллекция находок, собранная на стоянке (табл. 56), состоит только из каменных орудий и отходов их производства. Сырьем служил белый, фиолетовый, серый кремень. Среди нуклеусов преобладают конические и карандашевидные одноплощадочные с круговым скалыванием. На втором месте стоят подпризматические нуклеусы, одно- и двухплощадочные, тоже с круговым скалыванием. И у тех и у других площадки иногда подправлялись. Иногда у призматических двухплощадочных ядрищ площадки стоят под углом друг к другу. Кроме того, встречены торцовые одноплощадочные нуклеусы. Со всех перечисленных форм ядрищ скалывались ножевидные пластины. Есть и многоплощадочные нуклеусы от пластин и отщепов. Основной заготовкой для орудий служила ножевидная пластина. Все найденные скребки относятся к типу концевых, в том числе скошенных, с подретушированными боковыми краями. Рабочие лезвия, как правило, крутые, ретушь, формирующая их, разная. Количественно среди орудий преобладают резцы, которые в подавляющем большинстве принадлежат к типу на углу сломанной пластинки. Среди них часты двойные экземпляры. Резцовые сколы в основном узкие и короткие. Гораздо меньше резцов с косоретушированной площадкой скола, которые изготавливались на отщепах. Значительной серией представлены вкладыши из сечений пластин или целых небольших пластинок. Ретушь, затупливающая края, наносилась со спинки или с брюшка по одному или двум краям. Встречаются вкладыши и с противолежащей ретушью. Острия представлены незначительным числом пластинок со скошенным крутой ретушью концом.

М. Г. Косменко посчитал некоторые острия со сходящимися ретушированными краями в качестве наконечников стрел. Возможно, это и так. Однако без трасологического исследования невозможно решить вопрос о функции этих орудий. Они могли быть или наконечниками, или сверлами, или проколками. Поэтому мы называем в данном очерке их по морфологическим характеристикам: остриями со сходящимися ретушированными краями. Значительная часть ретушированных пластин была ножами. Встречены разные скобели на пластинках и отщепах, как одновыемчатые, так и многовыемчатые. Выемки большей частью широкие и мелкие. Есть немного симметричных сверл и проколок на пластинках, как с выделенной, так и с невыделенной рабочей частью. Кроме перечисленного, найдены, по-видимому, заготовки рубящих орудий на гальках из кварцита. Широко представлены комбинированные орудия: скребки-ножи, скребки-резцы, резцы-вкладыши, резцы-ножи и т. д.

Кроме того, в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье к камской культуре относятся стоянки Татаро-Азибейская III, Захар-Калма I в Борском р-не Куйбышевской обл., Монастырский хутор у г. Куйбышева, Юртовская IV в Мензелинском р-не Татарской АССР и др.

Проблема происхождения этой культуры рассматривается в главе «Мезолит Среднего Приуралья».

М. Г. Косменко считал памятники камской культуры в Среднем Поволжье более поздними, чем стоянки усть-камской культуры (Косменко, 1971). Возможно, по отношению к Среднему Поволжью это так и есть. Но нет основания и отрицать вероятное сосуществование этих двух культур. В этой связи хотелось бы высказать наше несогласие с М. Г. Косменко по поводу ареала усть-камской культуры. Картографирование ее памятников показывает, что дальше устья Камы на восток она вряд ли распространялась. Появление ряда трапеций в камской культуре, сходных с аналогичными орудиями усть-камской, нам представляется стадиальным явлением. Ареал же камской культуры простирается к востоку от устья Камы по Каме, Вятке и рекам их бассейна. На западе усть-камская культура, вероятно, захватывала и Чувашское Поволжье.

Третьей культурной группой на территории Среднего Поволжья являются стоянки с наконечниками стрел на пластинах постсвидерского типа и без них, но с типологически сходным инвентарем. Яндашевская стоянка была открыта в 1926 г. В. Ф. Смолиным, а в следующем, 1927 г. на ней были проведены раскопки П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым (Ефименко, Третьяков, 1968). Общая величина раскопанной площади свыше 65 кв. м. Памятник находится в 2 км к востоку от с. Яндашева в Чувашии и располагается на мысу первой надпоймы левого берега р. Цивиль, правого притока Волги. Высота террасы над уровнем реки 10—11 м. Находки залегали в песчаном слое под почвой. Отдельные изделия были встречены в почве и в подстилающем песок суглинке.

Каменный инвентарь памятника (табл. 55) достаточно разнообразен. Нуклеусов и их обломков найдено свыше 40. Большинство их — от пластин. Нуклеусы двух основных типов: призматические, одно- и двухплощадочные. Большинство имеет круговое скалывание. Площадки подработанные, скошенные и прямые. В коллекции около 50 скребков, десять из них — разные формы концевых на пластинах, остальные скребки на отщепах, концевые и подокруглые. Резцы — на пластинах и отщепах; большинство — на сломанном или естественном конце заготовки, угловые. Однако встречены и резцы с ретушированной площадкой скола (скошенной, вогнутой или поперечной), поперечные и резцы срединного типа с асимметрично расположенным режущим лезвием.

Микролитическая группа представлена вкладышами на сечениях пластин с ретушированными краями — одним (на спинке) или двумя. В последнем случае ретушь может располагаться по-разному: а) оба края обработаны на спинке; б) оба края ретушированы на брюшке; в) противолежащая ретушь. Острия на пластинах и отщепах. Преобладают формы со скошенным концом, но есть и острия со сходящимися ретушированными краями. Наконечники стрел тоже изготавливались на пластинах и отщепах. Подавляющее большинство — постсвидерского типа с выделенным черешком. Он всегда обрабатывался крутой или полукрутой ретушью, но оформлялся по-разному, на двух краях на спинке, на двух краях на брюшке, противолежащей ретушью. Кроме того, найдены наконечники ромбические и асимметричные с боковой выемкой у основания.

Ножи на стоянке редки, изготавливались из пластинчатых отщепов, имели два ретушированных на спинке края. Характерны многовыемчатые скобели на пластинах (выемки носят различный характер, но обрабатывались на спинке). Сверла и проколки — на отщепах. Они в большинстве симметричные, с четко выделенным «жальцем», оформленным ретушью по двум краям. Однако встречены и асимметричные проколки с обработкой по одному краю.

Группа рубящих орудий состоит из долотовидных орудий на отщепах и малопонятных фрагментов. Комбинации различных типов сводятся к резцам-ножам.

Стоянка Русско-Луговская II располагалась на останце на первой надпойме левого берега Волги, в Марийской АССР. Исследовалась в 1956 г. А. Х. Халиковым (Халиков, 1960). Площадь раскопа 148 кв. м. Нижний, мезолитический, культурный слой залегал в песке. В раскопе обнаружены следы жилого сооружения полуземляночного типа. Оно имело подпрямоугольную форму размерами 7×4 м в верхней части и 5,3×3 м по дну. В стенках углубления жилища прослежены углистые полосы, которые можно принять за остатки какого-то укрепления стенок конструкции. О том же свидетельствуют гумусные прослойки на стенках постройки. По внешнему краю углубления прослежены следы от столбиков. Такие же ямки от столбиков обнаружены и внутри конструкции. Пол жилища был гумусированным и насыщенным находками. В постройке обнаружены два очага. Один из них, округлый, диаметром 1,6 м, располагался в южной половине жилища, второй, овальный, размерами 0,9×0,8 м — в северной половине. Кроме того, в дне жилища прослежено несколько ям. Таким образом, постройка выглядит зимней, утепленной. Стены были укреплены бревнами или плахами, которые подпирались столбами. Крыша была каркасной, обтянутой шкурами или корой. Возможно, сверху ее присыпали песком.

Каменный инвентарь мезолитического слоя включал около 1000 кремневых изделий, в том числе 130 орудий. Нуклеусы подпризматические, от пластин с прямыми площадками и одной плоскостью скалывания. Только один напоминает «карандашевидные». Скребки составляют 20,7% орудий. Преобладают концевые (в том числе скошенные). 17,3% орудий — резцы. Все они — на углу сломанной заготовки. Вкладыши (13%) — из пластин с ретушью по одному краю. Скобели (6,7%)— на пластинах и отщепах. Чаще они одновыемчатые. В коллекции есть тесловидное орудие овальной формы, оббитое с двух сторон. Обнаружено несколько отбойников и ретушеров. В коллекции есть и комбинированные орудия — резец-скребок и резец-долото.

Кроме того, к этому культурному варианту относятся стоянки Кабы-Копрынская на левом берегу р. Свияги в Татарии, где А. Х. Халиковым было открыто полуземляночное жилище подчетырехугольной формы размерами 13,6×12,8 м, со следами столбиков по краям котлована и с такими же следами в центре жилища, где располагалось еще несколько очажных ям, а также Курманаевская, Савиновская, Березовогривская IV, Старо-Мазиковская, XVIII Кузькинская стоянки.

Эти памятники уже своим ареалом (расположе-

нием в устье Камы и в его районе по Волге) могут свидетельствовать о своей связи с Верхним Поволжьем. В самом деле, ряд аналогий тесно их связывает с бутовской культурой, где широко распространены наконечники стрел на пластинах, идентичные найденным на Яндашевской и Кузькинской XVIII стоянках, и острия со сходящимися ретушированными краями. Ближайшие к Среднему Поволжью памятники бутовской культуры расположены в бассейне Нижней Оки, они относятся к поздним этапам развития бутовской культуры и датируются в большинстве VI тысячелетием до н. э. Возможно, что и средневолжские поселения с аналогичными элементами датируются этим временем. Их появление в Среднем Поволжье, видимо, объясняется продвижением группы бутовского населения вниз по Волге. М. Г. Косменко тоже относил эти памятники к финальному мезолиту (Косменко, 1977).

Несколько особняком стоит в рассматриваемом регионе стоянка Деуково II. Она находится в 3,5 км к северу от с. Деукова Мензелинского р-на Татарской АССР. Располагается на низком возвышении среди поймы р. Ик. Раскопки площадью 280 кв. м проведены М. Г. Косменко (Косменко, 1971) в 1968 г. Основной культурный горизонт стоянки залегал в плотной коричневой супеси и суглинке под нею. Однако в западной части раскопа М. Г. Косменко, вероятно, вышел на шлейф поселения, который размещался, очевидно, в аллювии поймы. Мощность основного культурного слоя около 0,4 м. Но часть находок залегала ниже его уровня в нескольких западинах. Глубина этих западин 0,35—0,50 м. М. Г. Косменко посчитал их остатками жилищ и кострищ.

Западин было около 10. Самая северная имела подпрямоугольную форму и размеры около 2,5×2,5 м. Мощность культурного слоя в западине до 0,15 м. К югу от нее находилась вторая западина, которую М. Г. Косменко считает жилищной. Она имела неправильно подпрямоугольную форму размерами 3×2,8 м. Пол был слегка наклонен к западу. В северной и центральной частях находились очаги. Еще южнее находилось третье пятно, аналогичное двум предыдущим. Его размеры несколько меньше. Кроме того, между пятнами, которые М. Г. Косменко считает остатками жилищ, было обнаружено несколько очагов.

Определение фауны стоянки, произведенное А. Г. Петренко, выявило наличие костей млекопитающих (домашняя собака, заяц, бобр, медведь, кабан, лось, дикий баран (?), птицы (чирковые), рыбы (карповые, сом)).

На стоянке найдено 810 каменных изделий (табл. 57).

Нуклеусы делятся на три типа: многоплощадочные от пластин и отщепов, призматические двухплощадочные от пластин, конические (в том числе «карандашевидный») от пластин. Скребков найдено 15, они на отщепах и пластинах. По типам подразделяются на концевые (в том числе скошенные), подокруглые. Резцов немного — девять. Они на пластинах и отщепах. Преобладают формы на сломанном конце заготовки. Есть боковые поперечноретушные и срединные.

Микролитическая группа представлена вкладышами на пластинах с одним или двумя мелко ретушированными на спинке краями. М. Г. Косменко определяет три нестандартных орудия как наконечники стрел. Одно из них, изготовленное на массивном отщепе, имеет форму равнобедренного треугольника. Спинка его покрыта сколами. Два продольных края круто ретушированы. Основание имеет несколько фасеток ретуши на спинке. До трасологического анализа трудно соглашаться с М. Г. Косменко. Два других наконечника на пластинках — с боковой выемкой у основания. У одного из них острие скошено мелкой ретушью, у другого один край на спинке полностью ретуширован, другой (с выемкой) сформован чередующейся ретушью.

Ножи — на пластинах и отщепах, ретушированы по одному или двум краям плоской или полукрутой ретушью. Найден только один скобель на пластине с широкой и глубокой выемкой. Сверло на пластине имеет выделенную рабочую часть. Она обработана на спинке по краям крутой ретушью, на брюшке — плоской. Обнаружена одна проколка. Топор — подтрапециевидной формы, обработанный крупными сколами по обеим поверхностям. Среди комбинированных орудий — скребки-резцы, скребки-ножи.

Интересен костяной инвентарь стоянки (табл. 57). Найден, по-видимому, наконечник дротика, выпукло-вогнутый в сечении, изготовленный из трубчатой кости. Он имеет иволистную форму с заостренным концом и усеченным основанием. Второй наконечник, тоже из трубчатой кости, с таким же сечением, подтреугольной формы, основанием его служит вогнутая поверхность эпифиза. Есть еще, вероятно, две заготовки наконечников, аналогичных первому. Кроме того, обнаружено желобчатое долото из трубчатой кости и небольшая овальная бляшка, в сечении линзовидная (вероятно, пуговица).

Трудно по составу этого инвентаря определить культурную принадлежность памятника. Наконечники с выемкой у основания как будто бы должны говорить о принадлежности памятника к усть-камской культуре. Однако эти наконечники имеют сходство и с наконечниками поздних этапов романовско-ильмурзинской культуры. Других ярких признаков, сближающих стоянку Деуково II с усть-камской культурой, в инвентаре нет. Возможно, прав Г. Н. Матюшин, считающий эту стоянку принадлежащей к поздним этапам романовско-ильмурзинской культуры, распространенной в бассейне р. Белой (см. главу «Мезолит Южного Приуралья»).

Таким образом, как уже мог увидеть читатель, особенно интересен мезолит Среднего Поволжья тем, что здесь на достаточно ограниченной территории сложилась культурная мозаика, переплетались различные культурные традиции, моделировались взаимоотношения различных культурных единиц, что обогащало и усложняло историю этого региона в мезолите. Мы выделили мезолит Среднего Поволжья в особый очерк еще и потому, что этот регион представляет собой классический пример мезолитической контактной зоны — полосы взаимодействия культур различных традиций и генезиса.

Нам пока остается почти неизвестной история региона в пребореальном периоде и большей части бореального. Не исключено, что памятники этого времени могли быть затоплены водами больших

водохранилищ. Во всяком случае трудно предполагать вакуум в регионе в это время.

Во второй половине бореального периода здесь появляется население, оставившее камскую культуру. Пути его проникновения в бассейн Камы не вполне ясны, возможно, сложение этой культуры двумя путями — или из-за Урала, или из Прикаспия. Самая южная стоянка этой культуры — Захар-Калма I — несколько отличается от всех остальных. Не исключено, что она представляет собой и особую культурную группу. Однако решать окончательно этот вопрос сейчас невозможно. Во всяком случае, ареал остальных памятников камской культуры и их общность с мезолитическим населением Среднего Зауралья говорят о возможности и восточного происхождения этих памятников. Вероятно, в это же время в Среднем Поволжье с запада и с северо-запада появляются еще две культурные единицы — население усть-камской культуры и население, оставившее стоянки с наконечниками постсвидерского типа.

В атлантическом периоде проявляется и взаимовлияние этих культур, что объясняется несомненными контактами между ними. Оно видно в появлении наконечников стрел на пластинах в камской культуре, заимствованных из памятников типа Яндашевской стоянки, симметричных трапеций в камской культуре, заимствованных из усть-камской. По-видимому, в этом регионе взаимоотношения культур не были враждебными, что может объясняться относительно редким населением и наличием достаточных охотничьих территорий.

Экономика населения всех перечисленных культур базировалась на охоте, рыболовстве и собирательстве, о чем говорят немногочисленные фаунистические находки, сделанные во время раскопок. Судя по небольшому размеру поселений, люди вели подвижный образ жизни. Тем не менее в зимних условиях они предпочитали жить в утепленных полуземлянках, следы которых найдены на нескольких стоянках. Трудно сейчас сказать что-либо определенное о социальном составе общин рассмотренных культур, поскольку практически ни одно поселение не было раскопано полностью. Можно только предположить их небольшой численный состав.

Глава десятая
Мезолит Кавказа

В начале современной геологической эпохи культура Кавказа претерпевает существенные изменения. Основной тенденцией в ее развитии становится микролитизация орудий, ведущей формой — вкладыши составных орудий. Геометрические вкладыши появляются на Кавказе еще в позднем палеолите, в мезолите они широко распространяются. Культура позднего палеолита — мезолита Кавказа развивается преемственно, она генетически связана, критерии ее расчленения нечетки, нижняя граница мезолита условна.

Хронологические рамки мезолита Кавказа сейчас могут быть определены очень приблизительно. Позднепалеолитический слой Апианчи датирован радиоуглеродным методом временем 17300±500 лет (ГИН-2565) (Церетели, Клопотовская, Куренкова, 1982. С. 203). Слой с единичными находками орудий самого конца позднего палеолита из Малой Воронцовской пещеры датирован временем 14100±140 лет назад (ЛЕ-700) (Любин, Соловьев, 1971. С. 39). Абсолютных датировок мазолитических памятников Кавказа пока нет. Некоторое представление об их возрасте дают абсолютные даты близких памятников Ближнего Востока. Возраст мезолитических слоев Палигавры и Шанидара в Загросе определяется XIII—IX тысячелетием до н. э. (Mellart, 1975. С. 283). Энеолитические телли Восточного Закавказья датируются серединой V тысячелетия до н. э. (Кигурадзе, 1976. С. 168), а по заключению Г. Л. Кавтарадзе, который пользуется калиброванными радиоуглеродными датами,— серединой VI тысячелетия до н. э. Более архаичные ранненеолитические пещерные стоянки кавказского Причерноморья, несомненно, древнее. По данным Л. Д. Небиеридзе, они относятся к IX тысячелетию до н. э. В. В. Бжания считает их не позднее VI тысячелетия до н. э. С точки зрения Н. О. Бадера и Л. Д. Церетели, датировка начала неолита в Закавказье IX тысячелетием до н. э. представляется заниженной. На Северном Кавказе мезолитические слои Чоха датируются по пыльце VIII—VII тысячелетиями до н. э., а неолитический слой относится к началу VI тысячелетия до н. э. Точно определить хронологические рамки мезолита Кавказа будет возможно на основании абсолютных датировок и комплексного исследования памятников.

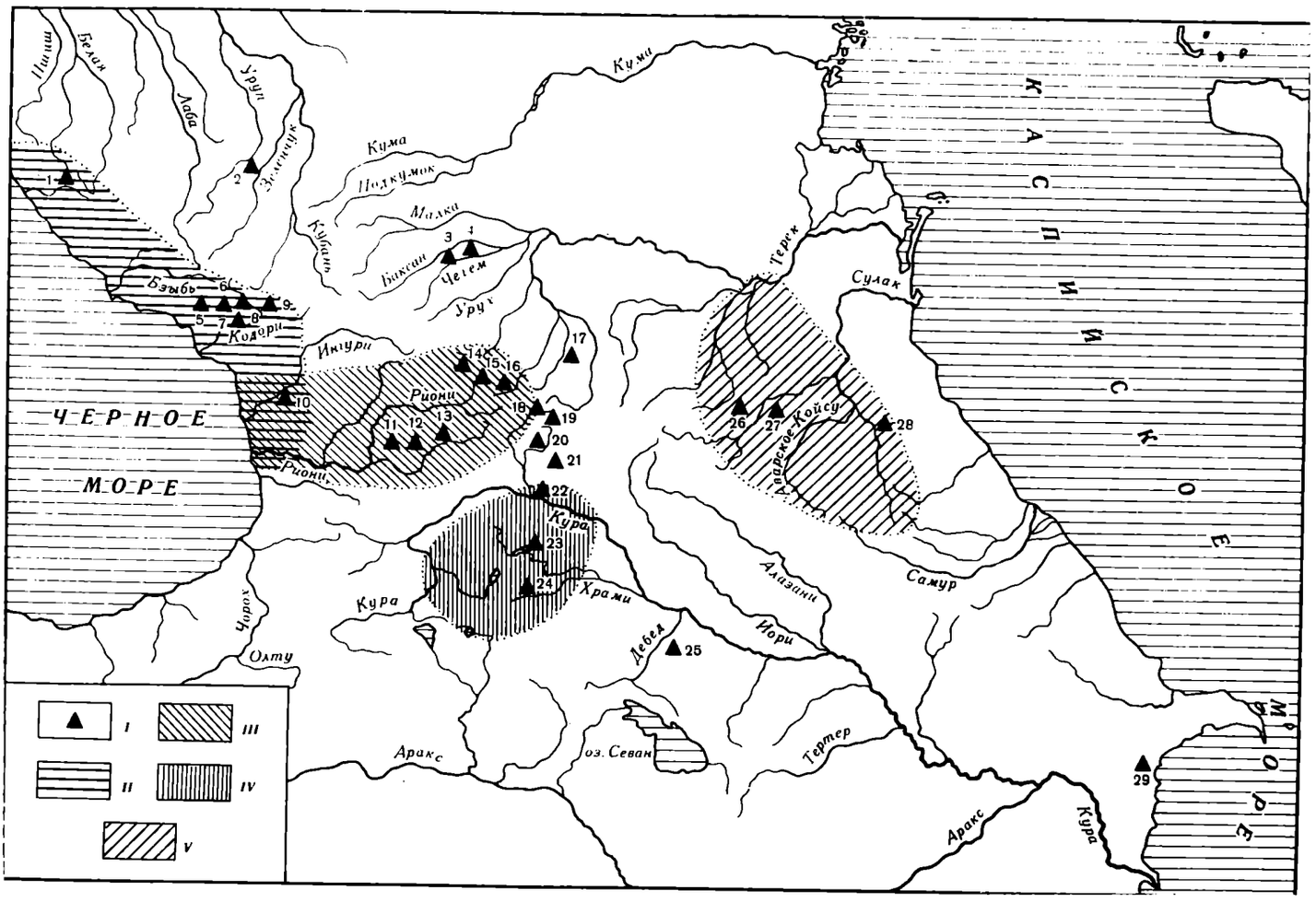
С древнейших времен Кавказ служил мостом между ближневосточным миром и степями Восточной Европы. Обособленный географически, Кавказ удивительно разнообразен в физико-географическом и природном отношении. Все это накладывало отпечаток на развитие культуры в мезолите.

Без преувеличения можно сказать, что исследование мезолита Кавказа только начинается. Сейчас здесь изучено более двух десятков намятников, однако расположены они очень неравномерно (карта 8). Две трети из них находятся в причерноморском Закавказье. На северных склонах Кавказа и на Малом Кавказе известны единичные стоянки.

В полевых работах по изучению мезолита на Кавказе приняли участие Б. А. Куфтин, С. Н. Замятнин, Л. Н. Соловьев, Д. А. Крайнов, Л. Н. Маруашвили, Н. З. Бердзенишвили, А. Н. Каландадзе, Л. Д. Церетели, И. Н. Сагинадзе, Г. К. Григолия, Л. Д. Небиеридзе, Л. М. Челидзе, М. К. Габуния, М. М. Гусейнов, П. У. Акритас, А. А. Формозов, П. У. Аутлев, В. П. Любин, В. Г. Котович, Х. А. Амирханов. Были изучены очень важные памятники: Эдзани (Куфтин, 1941; Габуния, 1976), Дарквети (Небиеридзе, 1978), Холодный Грот (Береговая, 1960. С. 157; Соловьев, Орелкин, 1961; Бердзенишвили и др., 1976), Апианча (Соловьев, 1956; Церетели и др., 1978), Ацинская пещера (Крайнов, 1947), Зуртакети (Маруашвили, 1946), Сагварджиле (Киладзе, 1953), Джермух, Село (Каландадзе, 1953), Кударо I (Любин, 1959), Кнеди, Цона (Каландадзе, Церетели, 1976), Чахати (Сагинадзе, 1958; Бердзенишвили, 1964), Энцери (Григолия, Церетели, 1967), Гудалети (Челидзе, 1976), Квачара, Яштхва, Джампала (Бердзенишвили, 1960а, б, 1971, 1973; Церетели, 1973а), Баврские пещера и навесы, наскальная живопись в Кобыстане (Джафарзаде, 1958; Формозов, 1969; Рустамов, Мурадов, 1975), стоянки Джамдели (Замятнин, 1958; Гусейнов , 1959), Сосруко, Алебастровый Навес (Замятнин, Акритас, 1957а, б), Сатанай (Формозов, 1964; Любин и др., 1976, 1977), Явора (Любин, 1961), Пичиджин, Джиджойти (Любин, 1966), Чох, Козьма-Нохо, Мекеги (Котович, 1964; Амирханов, 1975).

В результате этих работ намечены крупные варианты мезолитической культуры Кавказа (карта 8). Начато исследование отдельных регионов. Н. О. Бадер показал своеобразие культуры Кавказа на фоне смежных территорий (Бадер Н. О., 1961, 1964) и выделил имеретинскую, губскую и чохскую культуры позднепалеолитического-мезолитического времени, показал большое культурное своеобразие материала из Бармаксыза (Эдзани), а Холодный Грот сблизил с северокавказскими памятниками (Бадер Н. О., 1965а, б). Л. Д. Церетели на новых материалах Западной Грузии выделила причерноморскую и имеретинскую мезолитическую культуры (Церетели, 1973а, б), а М. К. Габуния объединила своеобразные материалы Эдзани и Зуртакети в триалетскую мезолитическую культуру. Эти работы были суммированы затем в сводке М. Г. Габуния и Л. Д. Церетели (1977). Л. Д. Церетели предложила также первую периодизацию мезолита Причерноморья и на основе типологического анализа выделила раннюю, среднюю и позднюю группы памятников (Церетели, 1973а. С. 134, 135).

Культуру и историю Кавказа нельзя рассматривать вне природной среды. Эта горная страна на

Карта 8. Основные мезолитические памятники Кавказа (I)

1 — Ацинская пещера; *2* — Явора; *3* — Алебастровый навес; *4* — Сосруко; *5* — Яштхва; *6* — Квачара; *7* — Апианча; *8* — Холодный Грот; *9* — Джампала; *10* — Энцери; *11* — Сагварджиле; *12* — Чахати; *13* — Дарквети; *14* — Кведи; *15* — Кударо; *16* — Цона; *17* — Черный Грот; *18* — Пичиджин; *19* — Нагутни; *20* — Джермух; *21* — Село; *22* — Гудалети; *23* — Эдзани; *24* — Зуртакети; *25* — Джамдели; *26* — Козьма-Нохо; *27* — Чох; *28* — Мекеги; *29* — Кобустан;
штриховкой показано ориентировочное распространение культур: *II* — причерноморской; *III* — имеретинской; *IV* — триалетской; *V* — чохской

границе Европы и Азии крайне разнообразна в физико-географическом и природном отношении. Главный Кавказский хребет резко делит весь регион на две части — Северный Кавказ и Закавказье. Северный Кавказ открыт северным ветрам и лежит в умеренной климатической зоне. Климат Западного Предкавказья умеренно континентальный, степной, в Восточном Предкавказье он более сухой и континентальный, местами полупустынный. Западное Закавказье защищено горами с севера и подвержено теплым влажным ветрам со Средиземного моря. В Колхидской низменности влажный субтропический климат с мягкой зимой. Внутренний Кавказ и Восточное Закавказье, ограниченные горами с запада и открытые Каспийскому морю, испытывают воздействие континентального климата Средней Азии. В плодородной Куринской впадине господствует сухой субтропический климат. Высокие нагорные плато Малого Кавказа с умеренно континентальным холодным климатом занимают пустынные степи. В каждой из намеченных областей прослеживается и четкая вертикальная климатическая зональность.

Переход к голоцену в разных районах протекал неодинаково. На северных склонах Кавказа, в горах и на плато он сопровождается заметным потеплением, смещением вверх климатических поясов, распространением лесов и сменой охотничьей фауны. В низинах Закавказья климат и животный мир меняются незначительно. Каждый из исследуемых районов обособлен географически, своеобразен по природе и животному миру (Джанелидзе, 1980).

Причерноморье всегда было наиболее благоприятно для обитания. В раннем голоцене Колхидская низменность, Черноморское побережье и окружающие их склоны гор были покрыты смешанными широколиственными и сосновыми лесами, в которых обитали бурый медведь, благородный олень, кавказский тур, муфлон, косуля (Нейштадт, 1955, 1957). Продолжает еще существовать пещерный медведь (Церетели, 1971). Человек селился вдоль рек в невысоких горах, окружающих равнину.

Так, поселение Энцери находится на высоте 150 м, Сагварджиле — 222, Джампала — 230, Апианча — 450, Яштхва — 300, Квачара — 750 м над уровнем моря. Вдоль по ущельям мезолитические охотники начинают проникать высоко в горы. Об этом говорят временные стойбища Джермух на высоте 1100 м, Кударо I — 1600, Цона — 2150 м над уровнем моря.

Интересны палеоботанические данные из пещеры Апианча (табл. 59). В мезолитическом и неолитическом слоях преобладает малолетучая пыльца бука, граба, липы, каштана, орешника, ольхи. Летучая пыльца сосны, ели и пихты крайне редка. Поселение окружали широколиственные смешанные леса, аналогичные современным (Церетели, Клопотовская, 1982; Церетели, Клопотовская, Куренкова, 1982; Церетели и др., 1978). Судя по увеличению удельного веса древесной пыльцы, в раннем голоцене облесение района усиливается. Интересно, что мезолитический и неолитический слои дают максимальное в разрезе содержание злаковых (Церетели, Клопотовская, Куренкова, 1982. С. 207—211; Церетели и др., 1978. С. 50). По определению Н. И. Бурчака-Абрамовича, мезолитические и неолитические слои содержали большое количество костей благородного кавказского оленя, зубра, кавказского тура, хомяка (Церетели, 1982; Бурчак-Абрамович, Бурчак, 1982. С. 157; Церетели и др., 1978. С. 49).

В совершенно иных физико-географических условиях жили мезолитические охотники на Триалетском нагорье. Основные памятники этого района — Эдзани и Зуртакети — расположены на высоте 1600 и 1320 м над уровнем моря. О природе раннего голоцена можно составить представление по охотничьей фауне со стоянок. В Эдзани найдены остатки кулана, первобытного быка, газели, благородного оленя и дикого кабана (определения А. К. Векуа), в Зуртакети — дикой лошади, лошади Пржевальского, кулана, бизона, кавказского тура, благородного оленя, муфлона, зайца, полевки, песчанки, ушастого ежа, чибиса, утки-шилохвоста, куропатки (Бурчак-Абрамович, 1951, 1955; Бурчак-Абрамович, Бендукидзе, 1969). Все эти животные четко делятся на степных и лесных. Кулан, дикая лошадь, бизон, широко распространенные в четвертичном периоде, продолжали заселять полупустынное, засушливое и холодное нагорье. Газель, благородный олень, кабан обитали в лесах, в поймах рек, берущих начало на плато. Пыльцевые анализы из культурных отложений (по данным И. И. Шатиловой) подтверждают эту картину (Габуния, 1976. С. 85).

Палеогеография мезолитических памятников Северного Кавказа почти не исследована. Исключение составляет поселение Чох. Памятник расположен на высоте 1725 м над уровнем моря на Кегерском или Турчигадском плато, которое входит сегодня в субальпийскую зону, а северные его склоны покрыты сосновыми лесами с березовыми редколесьями (Котович, 1964. С. 101, 102). Переход к голоцену в этом районе характеризуется значительным потеплением. Позднеплейстоценовые стерильные соли F, G, которые подстилают мезолитические, характеризуются пустынной морозо- и засухоустойчивой травянистой растительностью. Мезолитические соли D, E определяются степной травянистой растительностью с небольшой долей кустарников и деревьев, связанных с потеплением и увлажнением климата. В неолитическом слое С широко распространяется пыльца древесных пород: сосны, березы, ильма; встречается пыльца тиса, дуба, лоха, падуба, акации, единичные зерна пыльцы ели. Среди травянистых растений много злаков, осок, разнотравья. Продолжается смягчение климата. Облесенность приближается к современной. Во всех слоях найдены остатки животных, распространенных в альпийской и степной зонах. Это мелкий муфлонообразный баран, благородный олень, зубр, безоаровый козел или кавказский тур, лошадь, кабан, заяц-русак, дагестанский хомяк, рысь. По мнению Н. К. Верещагина, лошадь и баран могут быть доместифицированными (Верещагин, 1959. С. 195; Котович, 1964. С. 32, 33).

В Причерноморье известно семь памятников с мезолитическими слоями (карта 8): Квачара, Яштхва (Церетели, 1966. Табл. 61), Ацинская пещера, Энцери (табл. 60, 61; Церетели, 1965, 1977а; Григолия, Церетели, 1967), Джампала, Холодный Грот (Соловьев, 1956, 1961; Соловьев, Орелкин, 1961; Формозов, 1963; Бердзенишвили и др., 1976) (табл. 60—63), Апианча. Пещера Квачара находится в 7 км к северо-востоку от Цебельды, в окрестностях с. Кода; расположена в 250—300 м над сухим руслом Квачара (Тикилдаш), на высоте около 750 м над уровнем моря, достигает 40 м глубины, широкий вход обращен на восток (Церетели, 1973а. С. 126). Памятник открыт Причерноморской экспедицией АН Грузинской ССР под руководством Н. З. Бердзенишвили и исследован Л. Д. Церетели в 1958—1963 гг. Раскоп в привходной части пещеры достиг 150 кв. м. Пещера исследована целиком. Вскрыто шесть литологических слоев общей мощностью 2 м: 1 — черный гумус с известняковым щебнем мощностью 0,05—0,10 м; 2 — рыхлый желтый суглинок с мелким известняковым щебнем с примесью гумуса, 0,15—0,20 м; 3 — темно-серая известковистая глина со щебнем, 0,60—0,70 м; 4 — коричневая карбонатная глина со щебнем и крупными известняковыми глыбами мощностью 0,30—0,45 м; 5 — темно-коричневая сцементированная супесь со щебнем, около 0,40 м; 6 — аналогичен слою 5, 0,10—0,15 м, стерилен, лежит на известковистом скальном основании. Слой 1 содержит остатки позднефеодального, слои 2, 3, 4 — мезолитического времени, слой 5 — начала позднего палеолита. В нижней части слоя 3 выявлены остатки овального очага длиной до 2 м (Церетели, 1973а. С. 127).

По определению Н. И. Бурчака-Абрамовича, кости животных из мезолитических слоев (1375 обломков) принадлежат пещерному медведю, бурому медведю, леопарду, лисе, волку, тигру, благородному оленю, кавказскому туру, дикой козе, косуле, муфлону, хомяку (Бурчак-Абрамович, 1965; Церетели, 1973а. С. 128; Бурчак-Абрамович, Бурчак, 1984. С. 158). Пещерный медведь был распространен на Кавказе на протяжении всего четвертичного периода и сохранялся в начале голоцена (Бурчак-Абрамович, 1965; Бурчак-Абрамович, Церетели, 1977; Церетели, 1971).

В мезолитическом культурном слое Квачара найдены также две челюсти Homo sapiens (Церетели, 1973а. С. 128). Первое определение антропологического материала сделал Л. К. Габуния. Подробнее материал обработан А. А. Зубовым. Судя по степени стертости зубов, возраст людей определяется в 30—35 и 40—45 лет. Моляры обеих челюстей имеют выраженные черты современного южного грацильного типа южной ветви европеоидной расы. Черты архаизма отсутствуют. Особенности восточного компонента не наблюдаются. Морфологический комплекс свидетель-

ствует об очень раннем формировании южного грацильного одонтологического типа.

Слои 2, 3, 4 не разделены стерильными прослойками, содержат типологически близкий археологический материал, который не дает убедительных оснований для выявления динамики развития культуры и поэтому может рассматриваться как единый комплекс (Церетели, 1973а. С. 129—132). Археологическая коллекция (табл. 60, 61) из слоев 2, 3, 4 насчитывает 1443 предмета, в том числе 546 орудий. Техника расщепления кремня характеризуется односторонними призматическими, уплощенными косоплощадочными и коническими прямоплощадочными нуклеусами небольших размеров. Количество нуклеусов в коллекции (всего 14 экз.) позволяет предположить, что первоначальная обработка кремня проводилась на стороне. Для обработки орудий использовалась по преимуществу мелкая крутая ретушь. Концы пластин с притупленным краем, острий и наконечников часто подправлены плоской ретушью со стороны брюшка. Этот прием появляется еще в позднепалеолитических комплексах Мгвимеви и Гварджилас-Клде и сохраняется в раннемезолитических памятниках.

Скребки — наиболее малочисленная группа орудий (65 экз.). Характерны концевые скребки на обломках ножевидных пластин и мелкие подокруглые скребки на отщепах. Есть несколько долотовидных орудий. Среди резцов (26 экз.) преобладают угловые на ножевидных пластинах. В небольшом числе встречаются многофасеточные, срединные, боковые орудия. Много проколок и сверл (96 экз.). Встречаются пластинки с выемками на конце (12 экз.) и зубчатые пластины (10 экз.).

Вкладышевая техника — наиболее яркая черта комплекса. Среди вкладышей преобладают пластинки с притупленным краем (183 экз). Длина целых пластинок колеблется от 2 до 4 см. Концы орудий обычно неретушированы, реже один или два конца подправлены крутой поперечной ретушью, косо срезаны или закруглены. Рабочий край также может быть подправлен мелкой ретушью. Вкладышей геометрических форм мало. Преобладают низкие неравнобедренные треугольники (13 экз.). Все орудия тщательно обработаны мелкой крутой ретушью. Сегментов всего три. Это орудия вытянутых пропорций с отношением высоты к длине около $^1/_2$; по дуге обработаны мелкой крутой ретушью. Много прямоугольников с ретушированными концами и вершиной (16 экз.).

Острия — вторая по численности группа орудий после пластин с притупленным краем. Много мелких игловидных острий (61 экз.). Серия пластин с притупленным краем и скошенным концом (11 экз.). Характерны орудия, близкие остриям Гварджилас-Клде, с закругленным крутой притупляющей ретушью основанием и плоской приостряющей ретушью с брюшка по острию, реже по основанию (24 экз.). Наконечники с боковой выемкой близки наконечникам зарзийского типа (5 экз.). Специфичны так называемые «крылообразные острия» (2 экз.). Два орудия нехарактерных форм, одно комбинированное, много пластин с несистематической ретушью (31 экз.).

В большой коллекции костяных орудий (24 экз.) — веретенообразные или овальные в сечении костяные основы составных наконечников копий с продольными пазами для вкладышей, однако есть наконечники и без паза (11 экз.). Один небольшой (около 10 см) плоский наконечник имеет листовидную форму. Здесь же найдены 10 костяных шильев случайной формы из обломков трубчатых костей и два плоских костяных лощила. Наконец, одно орудие из рога, судя по следам работы, могло использоваться как наконечник палки-копалки или мотыги.

От финальнопалеолитических комплексов Квачара отличают микролитоидность, развитая вкладышевая техника, большое количество округлых скребков и угловых резцов. На их генетическую преемственность указывают распространенные тут и там близкие формы вкладышевых пластин, сегментов и треугольников, острий с округлым основанием и наконечников с боковой выемкой, костяные наконечники. Все эти аргументы позволяют относить культуру поселения Квачара к раннему мезолиту и выводить ее из позднего палеолита Имеретии.

Навес Джампала находится на левом берегу р. Джампала, притока Кодора. Памятник открыт в 1966 г. Г. К. Григолия (Бердзенишвили, Григолия, 1967) и в 1967 г. целиком раскопан Л. Д. Церетели (Церетели, 1974). Мезолитический комплекс происходит из серого суглинка со щебнем, лежащего под тонким слоем гумуса. Общая мощность отложений не превышает 0,3 м. Находки были сконцентрированы в центральной части навеса, вокруг очага диаметром 0,8 м и толщиной 0,05—0,1 м. Кости из слоя (66 обломков), по определению Н. И. Бурчака-Абрамовича, принадлежат благородному оленю, кабану, бурому медведю (?), лисе.

Коллекция (табл. 60, 63) насчитывает 324 предмета (159 отщепов, 105 неретушированных пластин, три прямоплощадочных конических нуклеуса, 56 каменных и одно костяное орудие). Основным сырьем служил кремень, единичны находки обсидиана и туфа. Среди орудий абсолютно преобладают мелкие подокруглые скребки на отщепах и концевые на сечениях пластин (35 экз.). Резцов всего пять, они преимущественно угловые на пластинах. Иногда резцовым сколом подправлены концы геометрических вкладышей. Шесть сверл на отщепах и обломках кремня, четыре обломка пластинок с притупленным краем. Единственное целое острие имеет почти прямую спинку и подправленный плоской ретушью с брюшка рабочий конец. В Джампала появляются трапеции (3 экз.), продолжают использоваться и сегменты (1 экз.), асимметричных треугольников не найдено. Трапеции имеют вытянутые пропорции и широкое неретушированное основание. Это древнейший тип трапеций в Причерноморье. Один подпрямоугольный вкладыш ретуширован с боков и по вершине. Памятник ориентировочно может быть отнесен к середине мезолита (Церетели, 1973а. С. 133; 1974).

Пещера Апианча (табл. 59) находится в 5 км к югу от с. Цебельда Гульрипшского р-на Абхазской АССР; расположена на правом берегу р. Кодора, у подножия горы Апианча, на высоте 450 м над уровнем моря; пещера неглубокая, обращена на юго-восток, хорошо прогревается солнцем. Площадь пещеры 276 кв. м. К настоящему времени раскопки проведены на площади 68 кв. м до глубины 5,5 м. Выявлено девять литологических и в них пять культурных слоев: 1 — слабо сцементированный щебень с

ис. 5. Костяные гарпуны. Стоянка Веретье I

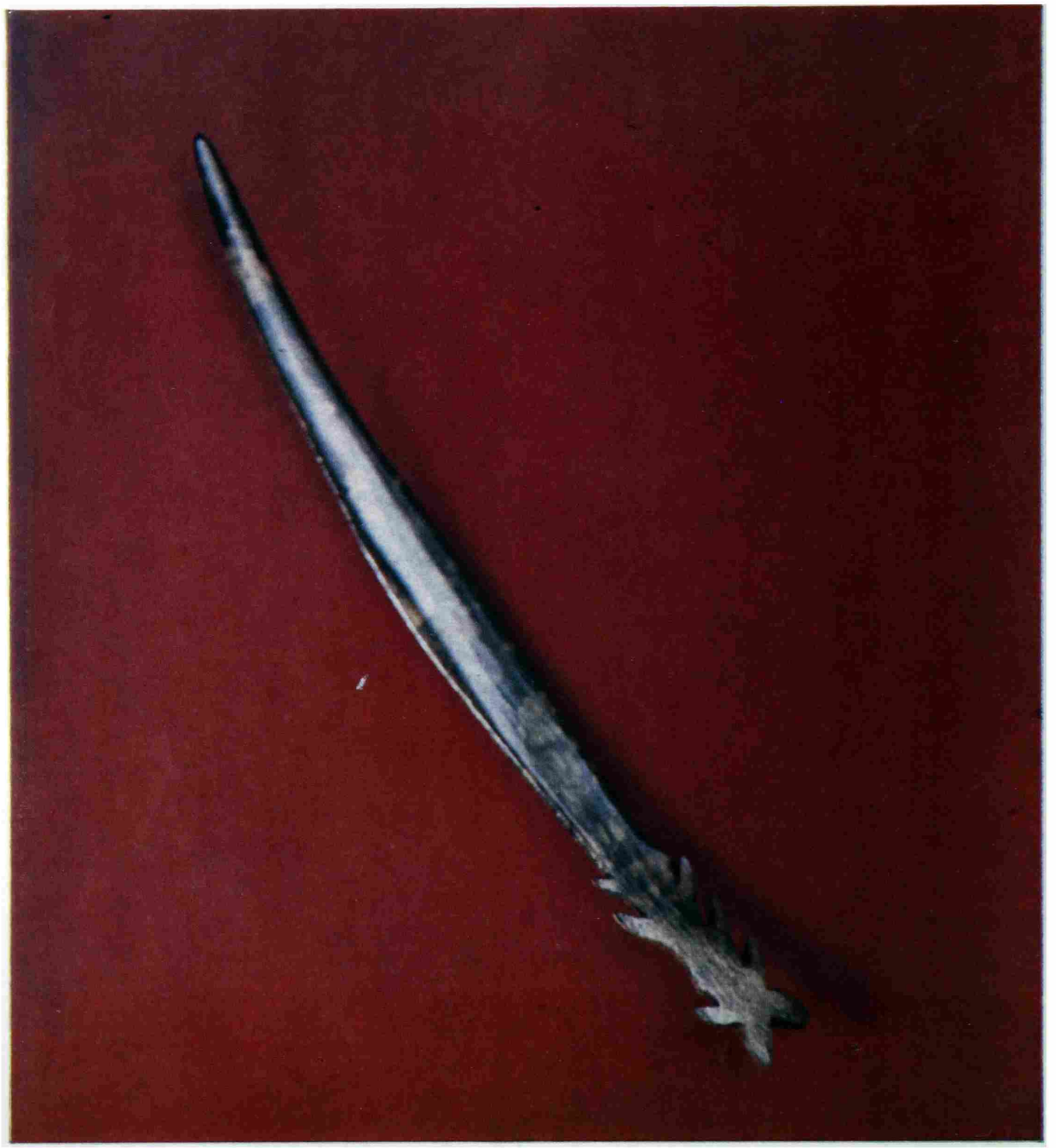

Рис. 6. Костяной кинжал. Стоянка Веретье I

Рис. 7. Кремневый нож и костяные стрелы. Стоянка Веретье I

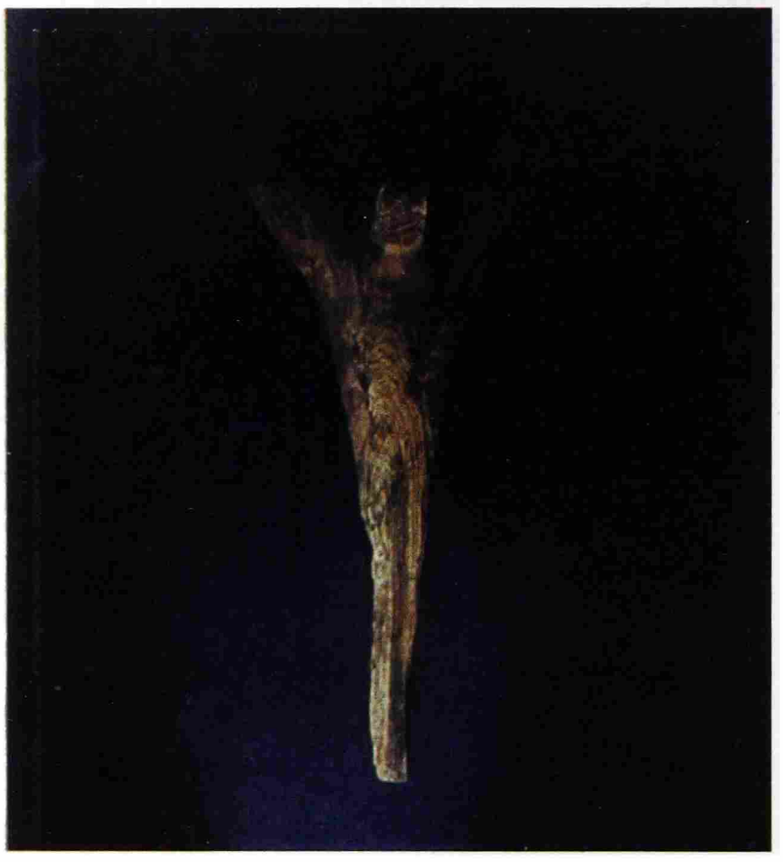

Рис. 8. Кремневые ножи. Стоянка Веретье I

Рис. 9. Деревянное изделие. Стоянка Веретье I

примесью коричневатого хрящеватого суглинка мощностью 0,35—0,40 м; 2 — слабо сцементированный светло-коричневый суглинок со щебнем и редкими глыбами известняка, 0,30—0,34 м; 3 — светло-коричневый плотный увлажненный суглинок с небольшим количеством щебня, 0,35—0,40 м. Слой 1 содержал неолитические остатки, слои 2 и 3 — позднемезолитические. Ниже, в слоях 4 и 5, лежал культурный слой финальной стадии позднего палеолита (Церетели, Клопотовская, Куренкова, 1982. С. 198, 199).

Мезолитический материал (табл. 62, 63) из слоев 2 и 3 однороден типологически и рассматривается исследователем как один комплекс. Коллекция представлена большой серией кремневых и костяных орудий. Работы на памятнике продолжаются, поэтому количественная характеристика материала еще не проведена. Характерны очень мелкие конические и призматические нуклеусы. Много мелких концевых и подокруглых скребков на пластинах и отщепах. Резцы в целом встречаются реже. Преобладают угловые резцы, боковых форм мало. Есть проколки на пластинах и отщепах. Особенно характерны вкладышевые орудия геометрических форм. Сегменты продолжают преобладать над трапециями, однако трапеций становится относительно больше. Асимметричные треугольные вкладыши становятся очень редки. Это время их исчезновения. Сегменты и трапеции имеют удлиненную форму. В небольшом числе встречаются острия с притупленным краем. Острий с подправленным основанием или приостренных с брюшка плоской ретушью нет. Среди костяных лощил и шильев из трубчатых костей найдена черешковая часть плоского костяного гарпуна с отверстием для крепления. Здесь же найдено грузило из гальки с перехватом для крепления.

Коллекция из Апианчи (табл. 62, 63) отличается от комплексов Квачары и Джампалы совершенными формами прямоплощадочных конических нуклеусов с круговым скалыванием, большим количеством вкладышей, почти полным исчезновением асимметричных треугольников и распространением трапеций. Это дает основание относить памятник к завершающей стадии мезолита (Церетели, Клопотовская, Куренкова, 1982. С. 201, 202).

Описанные памятники подразделены типологическим методом на три последовательные хронологические группы: раннюю, среднюю и позднюю (Церетели, 1973а. С. 134, 135). На раннем этапе (Квачара, Яштхва, Энцери) мезолит Причерноморья сохраняет ряд позднепалеолитических черт в технике расщепления кремня и наборе орудий, однако отличается высоким уровнем микролитизации. Широко распространены острия с притупленной спинкой, в том числе острия Гварджилас-Клде, наконечники зарзийского типа, костяные веретенообразные наконечники с пазами. В качестве вкладышей использовались пластинки с притупленной спинкой, низкие, асимметричные треугольники, сегменты, прямоугольники. По-видимому, мезолит Причерноморья происходит от местного позднего палеолита. Ряд признаков генетически связывают Квачара и Гварджилас-Клде. Исследования позднепалеолитических слоев Апианчи помогут уточнить истоки этой культуры (Церетели, Клопотовская, Куренкова, 1982. С. 203).

Средний этап мезолита Причерноморья представлен только одним памятником (Джампала), однако он дает хорошее представление о преемственном развитии культуры на переходе от раннего к позднему мезолиту. В Джампала (табл. 60, 63) распространены прямоплощадочные конические нуклеусы, круглые микроскребки, угловые резцы. Острий становится мало, исчезают острия типа Гварджилас-Клде и наконечники зарзийского типа. Среди вкладышей преобладают сегменты, появляются трапеции, мало становится низких асимметричных треугольников. В позднем мезолите (Апианча, слой 2; Холодный Грот, слой Б-2; Ацинская пещера, слой 3) совершенствуются те же традиции. Сокращается количество пластин с притупленным краем, сегменты продолжают преобладать над трапециями, но удельный вес трапеций заметно увеличивается.

Своеобразная группа памятников выявлена на Имеретинском плато и в прилегающих районах — Сагварджиле, Чахати, Цона, Кведи (Церетели, 1970), Кударо I, Дарквети.

Пещера Сагварджиле находится в Верхней Имеретии, у с. Дзеври Зестафонского р-на; расположена в ущелье Дзеврулы, левого притока Квирилы, на высоте 222 м над уровнем моря. Отложения пещеры мощностью 13 м насчитывают 12 археологических слоев, в том числе четыре позднепалеолитических, мезолитический и неолитический. Мезолитический и неолитический слои не разделены стерильными прослойками (Киладзе, 1953; Гзелишвили, 1953). Большая коллекция фауны из мезолитических слоев, по определению Н. И. Бурчака-Абрамовича, представлена остатками бурого медведя, косули, благородного оленя, кавказского тура, дикой лошади и птиц (клушица, сизый голубь и др.).

Археологическая коллекция из мезолитического слоя (табл. 62, 64, 65) насчитывает 18 320 кремневых изделий и отходов производства. Характерны призматические косоплощадочные и подконические прямоплощадочные нуклеусы, большое количество узких и длинных ножевидных пластин. Скребки (322 экз.) преобладают над резцами (135 экз.). Много острий с притупленным краем (103 экз.). Среди вкладышей преобладают пластинки с притупленным краем (50 экз.). Геометрические орудия представлены сегментами (17 экз.) и низкими треугольниками (13 экз.). Шесть наконечников с боковой выемкой.

Среди скребков много концевых орудий на пластинах, появляются небольшие округлые скребки на обломках пластин и отщепах. Преобладают угловые резцы на пластинах; боковые и срединные резцы встречаются редко. Характерны узкие прямые острия, близкие остриям граветт. Подправка концов острий плоской ретушью со стороны брюшка не встречается. Пластинки с притупленным краем обычно представлены обломками. Характерны сегменты и треугольники: длинные, вытянутые, иногда слегка асимметричные. Прямоугольники и трапеции отсутствуют.

Чахатская погребенная пещера находится на правом берегу р. Цхалцителы, в 300 м над рекой. Трехметровая толща отложений делится на пять литологических слоев: слои 1—3 мощностью 1,75 м содержали остатки мезолитического времени; слои 4—5 датируются поздним палеолитом. Толща может быть частично перемешана водными процессами. Выраженных стерильных прослоек между культурными слоя-

ми нет. Н. З. Бердзенишвили все слои относит к позднему палеолиту (Бердзенишвили, 1964. С. 65). Среди 950 обломков костей из всей толщи культурных отложений Н. И. Бурчак-Абрамович определил остатки первобытного быка, кавказского тура, пещерного медведя, дикого кабана, лисицы, волка (Бердзенишвили, 1964. С. 70).

Все три мезолитических слоя дали близкий набор орудий (Бердзенишвили, 1964. С. 66, 67). Весь комплекс (табл. 64, 65) насчитывает 773 кремневых и восемь обсидиановых предметов, среди них 22 нуклеуса, преимущественно призматических, со скошенными площадками, 439 отщепов и обломков кремня, 272 ножевидные пластины без ретуши, из которых около трети составляют микропластинки. Из 48 орудий 15 концевых и округлых скребков, 14 резцов, преимущественно угловых, восемь сверл, два тонких острия с притупленным краем, четыре невыразительные пластинки с притупленным краем, два небольших, тщательно ретушированных сегмента, один наконечник с боковой выемкой на ножевидной пластине и два обломка костяных шильев. Наконечник с боковой выемкой подправлен на концах плоской ретушью со стороны брюшка. Трапециевидных вкладышей в коллекции нет.

Близкий материал в аналогичных физико-географических условиях собран на р. Джоджоре, левом притоке Риони, в пещерах Кведи (Каландадзе, Ниорадзе, Церетели, 1975. С. 456; Каландадзе, Церетели, 1976) и Кударо I (Любин, 1959).

Даркветский навес находится на правом берегу р. Квирилы, около железнодорожной станции Дарквети, в Чиатурском р-не; расположен на высоте 5 м над уровнем воды. Мезолитический слой мощностью около 0,3 м находится в основании отложений и перекрыт почти метровой стерильной толщей. Еще выше лежат ранненеолитический и энеолитический слои. По определению О. Г. Бендукидзе, мезолитический слой содержал остатки благородного оленя, косули, кабана, бурого (?) медведя, диких кабана и козы (Небиеридзе, 1978. С. 96).

В мезолитическом слое найдено 287 предметов из камня (табл. 62, 64, 65), в том числе 68 орудий и 219 кремневых обломков и отщепов. Нуклеусы подконической и конической формы с прямой площадкой и круговыми сколами. Много правильных мелких ножевидных пластинок. Резцы преобладают над скребками, из них чаще встречаются орудия на углу ножевидной пластины, реже боковые. Несколько пластинок с поперечной ретушью и скошенным концом. Среди скребков характерны концевые формы с овальным лезвием на небольших пластинах. Встречаются пластинки с выемками и проколки на пластинах. Среди вкладышевых орудий преобладают низкие неравнобедренные прямоугольники (8 экз.). Реже встречаются пластинки с притупленным краем (4 экз.). Найдены две грубые высокие подпрямоугольные трапеции, два роговых мотыгообразных орудия и одно шило на обломке трубчатой кости, а также грузило из гальки с выемками для крепления. Комплекс датируется исследователем поздним мезолитом (Небиеридзе, 1978).

Комплексы Сагварджиле, Чахати, Цона, Кведи, Кударо I схожи в приемах обработки камня и формах орудий с финальным палеолитом Гварджилас-Клде, но имеют несколько более развитый характер. Единая точка зрения на их датировку еще не выработана. Приходится учитывать, что они могли охватывать значительный период времени. Некоторые исследователи часть из этих памятников относят к самому концу позднего палеолита (Тушабрамишвили, 1981. С. 55; Тушабрамишвили, Векуа, 1982. С. 184). Очевидно, они характеризуют древнейший этап мезолита Имеретии, тесно генетически связанного с местным поздним палеолитом (Габуния, Церетели, 1977). Даркветн дает представление о завершающем этапе мезолита в этом районе.

В особую группу, отличную от имеретинских и причерноморских, могут быть объединены памятники Джермух и Село в Южной Осетии (Каландадзе, Церетели, 1976), Гудалети на р. Куре (Челидзе, 1976), Пичиджин, Нагутни и некоторые другие местонахождения (Любин, 1966. С. 163). Это временные высокогорные открытые стойбища охотников, которые характеризуются орудиями на мелких отщепах и микролитических пластинах при отсутствии керамики и шлифованных орудий. Скорее всего, они могут быть датированы самым концом мезолита — началом неолита. Специфичная техника обработки камня и набор орудий на этих стоянках во многом могли быть обусловлены какими-то особенностями хозяйства.

Своеобразна мезолитическая культура Восточной Грузии. Сейчас она представлена двумя памятниками — Эдзани и Зуртакети на южных склонах Триалетского хребта.

Пещерная стоянка Зуртакети находится на правом берегу р. Карабулах — правом притоке Кциис-Храми в селении Земокарбулахи. Находки залегали в слое плотного, слегка глинистого песка мощностью 0,48—0,8 м и были надежно перекрыты стерильными отложениями (Габуния, 1976. С. 83, 85). Коллекция (табл. 64, 66) состоит из 386 предметов, включая отходы производства. Нуклеусы (15 экз.) представлены косоплощадочными призматическими (6 экз.), уплощенными (5 экз.) и прямоплощадочными конусовидными (4 экз.) формами. Много правильных тонких ножевидных пластин (162 экз.), в том числе 20 пластинок с ретушированным краем.

Среди орудий преобладают скребки (12 экз.), из них девять орудий на мелких коротких отщепах: одно скребловидное орудие, два резца и два сверла на отщепах, четыре долота (табл. 62). Среди геометрических вкладышей две трапеции и один сегмент. Трапеции имеют подпрямоугольную форму и ретушированное верхнее основание. Края одной слегка вогнуты (табл. 64). В большом количестве остатков охотничьей фауны найден обломок трубчатой кости со сверлиной. Слабая насыщенность слоя позволяет предположить сезонный характер стоянки (Габуния, 1976. С. 86, 87).

Поселение Эдзани находится у северной окраины пос. Цалка, на левом берегу р. Кциис-Храми, на высоте 1600 м над уровнем моря. Стоянка расположена под сильно разрушенным навесом, по высотным отметкам связывается с 23—25-метровой террасой (Габуния, 1976. С. 84). Культурные остатки залегают под тонким, около 0,03 м слоем гумуса в темно-коричневом суглинке с базальтовым щебнем мощностью 0,1—0,4 м и подстилаются стерильным слоем желто-красного суглинка мощностью около 0,2 м, который лежит на скальном основании.

Коллекция из Эдзани (табл. 64, 66) насчитывает более 20 000 предметов (Габуния, 1976. С. 60, 61, 87). Судя по большому количеству отходов производства, орудия изготовлялись на месте. Многочисленны и разнообразны нуклеусы, много ретушированных (2258) и неретушированных (1480) пластин. На пластинах изготовлено и большинство орудий. Интересен ретушер из рога оленя.

Скребки (369 экз.) преобладают над резцами (276 экз.), однако наиболее многочисленны в коллекции геометрические вкладыши (410 экз.). Большая серия пластин с притупленным краем также, скорее всего, использовалась как вкладыши составных орудий. Развитая вкладышевая техника определяет облик всего комплекса.

Среди скребков абсолютно преобладают концевые орудия на пластинах с подокруглым лезвием (194 экз.). Среди резцов доминируют угловые орудия на пластинах. Много проколок и сверл (57 экз.), долот (55 экз.). Подавляющее большинство геометрических вкладышей составляют низкие асимметричные треугольники (353 экз.). Среди трапеций (35 экз.) характерны низкие разносторонние трапеции с длинной неретушированной вершиной. Реже встречаются низкие подпрямоугольные трапеции. Обе формы известны только в Эдзани. Сегменты низкие, обработаны крутой или встречной ретушью (1 экз.). Вместе с геометрическими вкладышами найдены наконечники стрел на пластинах.

Ретушированные пластины обрабатывались приостряющей ретушью по одному или двум краям (133 экз.), реже противолежащей приостряющей (77 экз.)или зубчатой ретушью (30 экз.), имеют выемки по краю (54 экз.). Большая серия пластинок обработана притупляющей ретушью по краю (180 экз.). Много пластинок со скошенным концом (146 экз.). По-видимому, значительную часть этой группы составляют обломки геометрических вкладышей. Острия представлены узкими прямыми орудиями граветтийского облика и не образуют больших серий.

Абсолютных датировок Эдзани и Зуртакети нет, а их культурное своеобразие затрудняет типологическое сопоставление с памятниками Имеретии и Причерноморья. Комплекс Зуртакети беднее вкладышевыми орудиями и поэтому кажется несколько архаичнее, чем Эдзани. Поселение Зуртакети может быть хронологически сопоставлено с Джампала в Причерноморье и отнесено к среднему мезолиту, Эдзани — к концу мезолита (Габуния, Церетели, 1977. С. 41). М. К. Габуния выводит мезолитическую культуру Триалетского нагорья из позднего палеолита Имеретии (Габуния, 1976. С. 90, 91). Сейчас эта точка зрения недостаточно обеспечена материалом. Для решения этого вопроса важны новые работы М. К. Габуния в Баврской пещере и Баврских навесах, которые предварительно датируются исследователем концом позднего палеолита и ранним мезолитом.

Точная синхронизация памятников Причерноморья, Имеретии и Триалетского нагорья затруднена. Судя по типологическому облику комплексов, ранняя группа памятников Имеретии несколько древнее раннего этапа мезолита Причерноморья. Средний этап мезолита Причерноморья изучен плохо и в Имеретии не известен вообще. Лучше представлены материалом ранний и поздний мезолит Закавказья. В ранюю группу памятников могут быть включены поселения Квачара, Энцери, Яштхва, Сагварджиле, Цона, Кведи, Ацинская пещера (слой 4), Кударо I; в позднюю — Апианча, Холодный Грот, Джарквети, Эдзани, Ацинская пещера (?). Памятники переходного типа (Джампала, Зуртакети) известны меньше. Более дробное расчленение материала и обоснованная синхронизация памятников невозможны без их абсолютных датировок, сопоставления литологических и палинологических колонок, создания региональных типологий материальной культуры с учетом ее локального своеобразия. Таковы первоочередные задачи исследований.

В Западном и Центральном Закавказье удается наметить три варианта мезолитической культуры: причерноморский, имеретинский и триалетский (Церетели, 1973а; Габуния, 1976; Габуния, Церетели, 1977). Различия между ними неодинаковы. Культура Причерноморья и Имеретии в раннем мезолите проявляет большое сходство в позднепалеолитических традициях обработки кремня и типах орудий. По-видимому, ее объединяют единство или близость происхождения. Во всех раннемезолитических комплексах этого региона много узких острий с притупленной спинкой, встречаются острия Гварджилас-Клде и наконечники с боковой выемкой зарзийского типа, в качестве вкладышей использовались пластинки с притупленной спинкой, сегменты, низкие треугольники. В развитом и позднем мезолите Причерноморья для составных орудий широко используются высокие сегменты и трапеции, в Имеретии наряду с ними продолжают существовать низкие неравнобедренные треугольники (Дарквети), в то время как в Восточной Грузии распространены низкие неравнобедренные треугольники и низкие разносторонние трапеции, а высокие сегменты и трапеции почти не известны. Сейчас определенно можно говорить о своеобразии причерноморской и триалетской мезолитических культур. Значительное сходство или единство происхождения объединяет раннемезолитические культуры Причерноморья и Имеретии. Возможно, здесь существовало два родственных локальных варианта одной культуры.

Маленький микролитический комплекс собран под навесом Дамджели в Северо-Восточном Азербайджане. По определению С. Н. Замятнина, он сопоставляется с Гварджилас-Клде (Замятнин, 1958). М. М. Гусейнов, продолживший работы на памятнике, отмечает, что перемешанные в древности отложения содержат материал от мустье до неолита (Гусейнов, 1959. С. 1075, 1076). Низкие вкладышевые орудия из Дамджели могут найти некоторые аналогии и в мезолитических памятниках Грузии.

В 60 км к югу от Баку, в уроч. Кобустан, найдены уникальные для Кавказа наскальные рисунки. И. М. Джафарзаде и Д. Н. Рустамов зафиксировали более 750 изображений от мезолита до средневековья (Джафарзаде, 1958). Среди мезолитических преобладают гравированные контурные и силуэтные реалистические рисунки людей и быков. Стилистически они делятся на две группы. Ранняя содержит ряд позднепалеолитических черт и может быть отнесена к началу и середине мезолита; поздняя — к концу мезолита и началу неолита (Формозов, 1969. С. 46). На древнейших рисунках изображены преимущественно риту-

альные танцы, на более поздних наряду с ними переданы сцены охоты с луком и собакой на быка.

Датировку рисунков уточняют раскопки И. М. Джафарзаде и Д. Н. Рустамова под рисунками. Работами установлено, что поздняя группа мезолитических рисунков перекрыта культурным слоем с микролитическими орудиями без керамики. Собранный в нем материал характеризуют «карандашевидные» нуклеусы, концевые скребки, резцы, орудия на микропластинках: острия с притупленным краем и скошенными концами, пластинки с выемками по краю, треугольные вкладыши, небольшое количество сегментов и трапеций (Рустамов, Мурадов, 1975. С. 6—10; Rustamow, 1976; Формозов, 1969. С. 42—44).

Северный Кавказ отличается от Закавказья в природном и культурном отношении. К сожалению, мезолит Северного Кавказа исследован недостаточно. Опираясь на небольшие известные материалы в этом регионе, сейчас можно выделить два культурно своеобразных района в западной и восточной частях Северного Кавказа.

О мезолите северо-западной части Кавказа дает представление материал из грота Сосруко и Алебастрового навеса в Кабардино-Балкарии. Открытая стоянка Явора и Черный Грот в Северной Осетии позволяет оценить культуру горной части Кавказа и взаимоотношения Северного Кавказа и Закавказья в мезолите. Для решения вопроса об истоках мезолита Северного Кавказа интересен материал из навеса Сатанай (Губский навес VII). Он расположен в Борисовском ущелье, в 40—45 км к юго-востоку от Майкопа. Культурный слой мощностью до 2 м залегает прямо под гумусом. А. А. Формозов установил в раскопе, что культурный слой был разделен горизонтом крупных камней, однако однороден археологически. Слой залегает на склоне и в древности мог быть частично перемещен водой (Формозов, 1963. С. 5, 6). Повторные стратиграфические работы в гроте установили литологическую монолитность культурного слоя (Любин и др., 1977. С. 108; Амирханов, 1977. С. 11—15). Все исследователи датируют памятник самым концом позднего палеолита. Материал из навеса послужил основанием для выделения своеобразной губской культуры конца позднего палеолита — начала мезолита (Бадер Н. О., 1965а). Геометрические вкладыши могли появиться на Северном Кавказе, как и в Закавказье, еще в конце позднего палеолита, однако широкое распространение сегментов и трапеций уже, несомненно, мезолитическая черта, а некоторые мелкие высокие сегменты и трапеции (табл. 67), в том числе полулунный сегмент, обработанный по дуге встречной ретушью (Формозов, 1964. Рис. 3), по типологическим признакам могут быть отнесены к раннему неолиту.

Грот Сосруко находится в Кабардино-Балкарии, на правом берегу р. Баксан, между селениями Былым и Лашкута, расположен в 60—64 м над рекой у основания отвесной известняковой скалы. Отложения грота связаны со второй надпойменной террасой. Его длина приблизительно 30 м, современная глубина не превышает 6 м. Грот открыт С. Н. Замятниным и П. Г. Акритасом в 1954 г. и раскапывался ими в 1955—1957 гг. (Замятнин, Акритас, 1957).

Исследователи описали три литологические пачки слоев: слой А — щебень с гумусом, мощностью 1,8 м, содержал остатки раннесредневекового времени; слой В — светло-бурая глина с незначительным количеством щебня и крупными глыбами известняка, содержит культурные слои М1—М5 мезолитического времени, по мере углубления слой опесчанивается, мощность толщи достигает 4 м; слой С — зеленовато-желтая супесь с мелкими валунчиками и галькой, в верхней части толщи содержит мезолитические слои М6 и М7. На глубине 10,6 м в этих же отложениях обнаружен богатый позднепалеолитический культурный слой. На глубине 12 м начался стерильный слой гальки, который пройден до отметки 14,2 м. Скальное дно не достигнуто.

Верхний мезолитический слой (слой М1) вскрыт на площади 30 кв. м; 2—5 слои — на площади 20 кв. м; 6, 7 слои — в небольшом шурфе. Все слои разделены стерильными прослойками, некоторые из них превышают по мощности 1 м. Датировке мезолитических слоев голоценом помогает современный состав фауны. По определению Н. К. Верещагина, археологические слои 1—3 содержали остатки благородного оленя, кавказского козла, дикого кабана, зайца, серой куропатки и большое количество раковин Helix. Несколько отличен состав фауны из слоев М4 и М5, где преобладают остатки серны и косули, встречаются кости кабана, лисицы, суслика малого и серой куропатки. Фауна бедных нижележащих слоев не определена.

Верхний мезолитический слой (М1) содержит золу и скопления раковин Helix. Многие из них побывали в огне. Инвентарь сконцентрирован вокруг двух небольших кострищ. Одно было округлым, диаметром около 1 м; второе имело овальную (1×1,5 м) форму. Орудия изготовлялись из обсидиана, реже из мелового кремня. Основная часть коллекции — мелкие (2—5 см длины) ножевидные пластины без следов обработки и небольшие призматические нуклеусы. Судя по количеству отщепов и чешуек в слое, обработка камня проводилась на стоянке. Найдены также два округлых скребка и несколько костяных составных орудий с пазами для вкладышей. Одно из них сохранилось целиком: плоское, длиной около 15,5 см биконическое орудие из метакарпальной кости благородного оленя, в пазе для вкладышей — несколько обломков пластинок. Орудие покрыто насечкой из коротких поперечных линий. Два других фрагмента — обломки дротиков с пазом по одной из сторон. Здесь же найдены костяной стержень без паза, обломок кости со следами работы в качестве отжимника и подтреугольная плоская подвеска из сланца. Небольшой материал из слоя 2 был сосредоточен вокруг очажного пятна, типологически он очень близок описанному выше.

Слой М3 залегал на глубине 4 м и имел сплошное распространение на вскрытой площади; по характеру производственного инвентаря и хозяйственным остаткам он существенно отличается от вышележащих. В слое совершенно отсутствовали раковины Helix. Изменились приемы расщепления камня: пластины скалывались с уплощенных односторонних косоплощадочных нуклеусов. Обработка камня проводилась на месте. Много пластин без обработки, короткие округлые скребки, угловые резцы; характерны пластины с боковыми выемками, оформленными крутой ретушью. Около двух десятков крупных (около

3—4 см) высоких сегментов из обсидиана, реже из кремня. По дуге орудия обработаны крутой ретушью со стороны спинки. Выделенный С. Н. Замятниным сегментовидный наконечник типологически близок сегментам. Три острия со скошенным краем на ножевидных пластинах (табл. 67).

В слое М4, тонком (1—2 см), со скоплениями золы и розовыми обожженными пятнами, найдены костяное шило и крупный сегмент, близкий орудиям из вышележащего слоя М3.

Слой М5 лежит на глубине 5—5,2 м, в основании толщи В и представляет пачку перекрывающих друг друга тонких линз, разделенных стерильными прослойками. Небольшая коллекция отличается от вышележащих. Кремня становится значительно больше. Технику раскалывания камня характеризуют призматические нуклеусы. Много крупных правильных ножевидных пластин. Обработка камня проводилась на месте. Один из нуклеусов превращен в нуклевидный скребок. Другой скребок представляет короткое двойное орудие на ножевидной пластине с плоскими заломами со стороны брюшка, образовавшимися от работы им как долотом. Короткий концевой скребок выполнен на отщепе. Резцов в слое М5 не найдено. Характерны две пластины, круто ретушированные по одной и двум боковым краям. Один нуклевидный обломок использовался как отжимник.

Слои М6 и М7 залегают соответственно на глубине 6,6 и 6,8 м, приурочены к верхней части толщи С, очень бедны материалом. В слое М6 найдены осколки кремня, обломки костей, две ножевидные пластины, одна из них со скребковой ретушью на конце. В слое М7 прослежена часть большого кострища, содержащего осколки кремня, обломки костей и один нуклеус.

Таким образом, в Сосруко выделяются два выразительных мезолитических комплекса (табл. 67). Для верхнего характерны мелкие неретушированные ножевидные пластины-вкладыши и костяные основы составных орудий (слои М1—М2); для нижнего — ножевидные пластины с выемками и высокие сегменты (слои М3—М4). Невыразительные материалы из слоев М5—М7 С. Н. Замятнин также предварительно относит к мезолиту (Замятнин, Акритас, 1957. С. 451). Слой М5 лежит в основании толщи В и несколько отличен по составу фауны, а слои М6 и М7 происходят из верхней части толщи С, по-видимому уже плейстоценового времени, давшей позднепалеолитический материал в своем основании.

Верхний комплекс (слои М1 и М2), скорее всего, относится к концу мезолита и пока не имеет аналогий. Судя по скоплениям раковин, верхний мезолитический слой характерен развитым собирательством. Найденное здесь составное костяное орудие могло использоваться как жатвенный нож, т. е. говорит о систематическом собирательстве злаков или даже зачатках земледелия. По-видимому, комплекс несет уже ряд неолитических черт. Нижний мезолитический комплекс (слои М3, М4), по мнению С. Н. Замятнина, «довольно ранний» (Замятнин, Акритас, 1957. С. 447). Сегменты Сосруко не находят точных аналогий среди геометрических микролитов навеса Сатанай, при этом комплекс Сатанай типологически архаичнее материала из слоев М3, М4 Сосруко. По-видимому, верхний (слои М1 и М2) и средний (слои М3 и М4) горизонты Сосруко дают нам представление о двух разновременных пластах мезолитической культуры Северо-Западного Кавказа. Материал из Алебастрового навеса, расположенного поблизости, очень близок комплексам М1—М4 Сосруко.

Открытая стоянка Явора расположена в предгорьях Передового хребта, на водоразделе рек Большой Зеленчук и Хуса, в 10—12 км к юго-западу от селения Маруха (Любин, 1961. С. 45—48). Шурф площадью 3 кв. м выявил культурный слой мощностью около 0,8 м, залегавший в суглинке под слоем дерна. Подавляющая часть находок происходит с глубины 0,4—0,7 м, из верхней части суглинка. Коллекция из слоя насчитывает около 300 предметов, в том числе 140 мелких необработанных ножевидных пластинок и около 25 орудий: четыре боковых и два угловых резца, один концевой скребок и около полутора десятков прямоугольных пластин с притупленным краем и усеченными ретушью концами. Характер расщепления кремня и измельчание орудий говорит в пользу мезолитической датировки памятника, однако в комплексе совсем еще нет геометрических микролитов. Трудно найти точные аналогии прямоугольным вкладышам из стоянки Явора. По размерам и технике обработки эти орудия проявляют определенное сходство с пластинами с притупленным краем из навеса Сатанай (Любин, 1961. Рис. 13; Формозов, 1965. Рис. 3). Ретушированные по краю и концам прямоугольники из Гварджилас-Клде и Квачара имеют стойкую своеобразную форму, значительно крупнее и в целом отличаются от прямоугольников стоянки Явора (Церетели, 1973а. Табл. IV, V). По оценке В. П. Любина, стоянка может быть предварительно датирована концом позднего палеолита — началом мезолита.

Черный Грот находится в Северной Осетии, в верховьях р. Фиагдон, у подножия скалистого хребта, на высоте 1300 м над уровнем моря. В 1959 и 1961 г. В. П. Любин вскрыл в приустьевой части грота площадь в 9,5 кв. м. Находки залегают в толще известковистой супеси тремя линзами, нижняя из которых лежит на глубине чуть более 1 м. Внутренняя часть грота не была заселена. По-видимому, он посещался группой бродячих охотников.

Основным сырьем для орудий служил низкокачественный черный кремень. Коллекция из всех трех слоев насчитывает 483 предмета, в том числе свыше 150 обломков и чешуек кремня, 125 мелких ножевидных пластинок и серию орудий. Из 24 нуклеусов преобладают уплощенные ядрища на плитках. Шесть небольших подокруглых скребочков на отщепах, пять боковых и два угловых резца, пять долот на отщепах, пластины и отщепы с выемками (5 экз.). Острия мелкие, с прямой притупленной спинкой и ретушированным основанием, прямым или закругленным. Основание некоторых острий обработано крутой ретушью на спинке, другие подправлены плоской ретушью на брюшке. Два обломка листовидных наконечников на пластинах, оформленных сходящейся притупляющей ретушью по краям. Геометрических микролитов не найдено. Коллекция из Черного Грота не имеет прямых аналогий среди известных памятников. Острия с ретушированным основанием и подправленные плоской ретушью с брюшка близки остриям из Гварджилас-Клде. Измельчание и типология орудий позволяют говорить о мезолити-

ческом возрасте. В. П. Любин предварительно отнес памятник к раннему мезолиту (Любин, 1966. С. 155—163).

В восточной части Северного Кавказа достаточно полно исследован один памятник — поселение Чох. Оно находится близ с. Чох Гунибского р-на Дагестанской АССР, в одном из ущелий, впадающих в долину р. Андийское Койсу и прорезающих Кегерское плато, на высоте 1725 м над уровнем моря. Поселение расположено на берегу р. Багдакули, под высоким, обращенным к югу скальным обрывом, образующим здесь неглубокий навес. Площадь стоянки достигает 800—1000 кв. м. В. Г. Котович заложил в центральной части поселения раскоп площадью 90 кв. м, однако среднюю и нижнюю часть отложений успел исследовать лишь в шурфе на дне раскопа (Котович, 1964. С. 100—162; 1982. С. 125). В 1974 г. Х. А. Амирханов расширил этот шурф до площади 8 кв. м и зачистил стенки стратиграфической траншеи В. Г. Котовича (Амирханов, 1975), а в 1980 г. заложил стратиграфический шурф на площадке к юго-востоку от раскопа.

В. Г. Котович выделил в раскопе девять литологических слоев, которые сгруппированы им в три пачки: современная почва (слой 1), рыхлый темноцветный суглинок со щебнем (слой 2), светло-желтый суглинок с различными примесями щебня и известковых глыб (слои 3—9). Слой 2 содержит первый и второй культурные слои, слой 3 — третий, четвертый и пятый культурные слои, слой 8 — шестой культурный слой (Котович, 1964. С. 109, 110). Археологические слои выделены В. Г. Котовичем по золистым прослойкам и маркирующим линзам дресвы. В 1974 г. Х. А. Амирханов расчленил материал из раскопа по литологическим свитам: в первый комплекс объединил 1-й и 2-й археологические слои, во второй — 3—5-й археологические слои В. Г. Котовича, а в 1980 г. к юго-востоку от раскопа им заложен шурф, который в 1981 г. расширен в раскоп. Отложения в нем группируются в три свиты: гумус со щебнем (слой А, стерильный), супесь и легкий суглинок с разным содержанием щебня, дресвы, обломков известняка (слои B, C, D, E). Слой B стерилен. Слой C содержит микролитический комплекс с керамикой и остатки округлого жилища с каменным основанием. Второе такое жилище выявлено Х. А. Амирхановым в раскопе 1956—1957 гг. по письменным источникам В. Г. Котовича, однако синхронизировано им с мезолитическим слоем 3 (Амирханов, 1977. С. 20). В слоях D и E найдены микролитические орудия без керамики (мезолит). Слои F и G стерильны. Скальное дно навеса достигнуто на глубине около 1 м. Старый и новый раскопы пока не соединены. По структуре слой C сопоставляется с литологическим слоем 2, слой D — со слоем 3, слой E — со слоем 8. Стерильные слои 4—7 В. Г. Котовича Х. А. Амирхановым не установлены. Следует отметить, что материал из основания отложений тут и там очень мал.

По оценке Х. А. Амирханова и работавших с ним геологов, поселение находилось на 12-метровой террасе. Легкие суглинки со щебнем, в которых залегают культурные слои (B, C, D, E), интерпретируются как склоновые отложения и связаны с накоплением террасовых отложений в условиях относительно теплого и влажного климата. Подстилающие слои F, G имеют аллювиальный характер, образовались в условиях менее влажных и более прохладных, несут признаки мерзлотного выветривания и ориентировочно могут быть датированы концом плейстоцена. На этом основании все культурные слои должны быть отнесены к голоцену. Такая интерпретация отложений хорошо увязывается с реконструкцией климата по пыльце, которая приведена выше. Данные палинологии могут быть сопоставлены и с палеоклиматической шкалой Западного Прикаспия. Слои F, G сопоставляются с концом позднехвалынской трансгрессии и могут на этом основании быть датированы 14—15 тысячами лет до наших дней. Слои D, E синхронизируются с мангышлакской регрессией Каспийского моря X—IX тысячелетий до наших дней, т. е. относятся уже к началу голоцена. Слой C увязывается с новокаспийской трансгрессией, которая датируется временем около 8 тысяч лет до наших дней (Амирханов и др., 1983).

До последнего времени в датировке памятника не было единодушия. В. Г. Котович относил 1-й и 2-й археологические слои к позднему мезолиту, слои 3—5 — к концу палеолита, слой 6 — к его началу (Котович, 1964. С. 119). А. А. Формозов датировал слой 6 концом позднего палеолита, а слои 5—1 относил к разным этапам мезолита (Формозов, 1963). Находка керамики в слое C и палеогеографическая характеристика отложений позволили обоснованно уточнить датировку памятника. Слой C (археологические слои 1, 2) с остатками керамики отнесен Х. А. Амирхановым к неолиту и датирован временем около VI тысячелетия до н. э. Слои D, E (3—5-й археологические слои) отнесены к мезолиту и датируются временем около VIII—VII тысячелетий до н. э.

Выделяется небольшой комплекс из нижней части отложений (слой 6 раскопа 1957 г. и слой E из шурфа 1980 г.). По материалам 1956—1957 и 1974 гг., инвентарь из слоя 6 насчитывает 92 предмета, в том числе девять орудий, среди которых два острия с притупленным краем, боковой резец на пластинке, пластинки с выемками и краевой ретушью. Одно из острий выполнено на короткой ножевидной пластине, подработано по черешку плоской ретушью с брюшка и может быть сближено с остриями чохского типа из вышележащих слоев (Амирханов, 1977. С. 16, 17). В шурфе 1980 г. в основании отложений (слой E) найдено 17 кремневых предметов, из них две ножевидных пластинки, семь отщепов, четыре осколка, четыре мелких обломка кремня и одна высокая равнобедренная трапеция (Амирханов, 1980. С. 24, 25). Острие чохского типа и высокая трапеция показывают, что материал этого слоя вряд ли сильно отличается, культурно и по времени, от вышележащего мезолитического комплекса.

Мезолитические слои Чоха характеризуются по материалам из раскопа В. Г. Котовича (слои 3—5). Они находились в одной толще и могут быть расчленены лишь частично. Техника раскалывания камня характеризуется сочетанием нуклеусов для снятия ножевидных пластин с архаическими нуклеусами для отщепов. Призматические косоплощадочные нуклеусы встречаются во всех слоях, прямоплощадочные подконические нуклеусы — в слоях 4—3, «карандашевидные» формы — в слое 3. Нуклеусы для отщепов разнообразны по формам и распространены

во всех слоях. Помимо притупляющей ретуши, для подправки орудий применялась уплощающая ретушь на брюшке и на спинке (табл. 67, 68).

Скребки — самая многочисленная группа орудий во всех трех слоях. Среди них наиболее многочисленны концевые скребки на ножевидных пластинах. Скребки округлые, двойные, с выемкой на рабочем крае, с ретушированными боковыми краями встречаются редко. Округлые скребки отсутствуют в слое 5 и характерны для верхних, в том числе неолитических, слоев. Невелика, но выразительна серия мелких пластинок с поперечной ретушью. Число их увеличивается от слоя к слою. По-видимому, они особенно характерны для неолитических слоев 1 и 2. Резцы встречаются редко. Чаще других встречаются угловые и срединные формы резцов на обломках кремня и ножевидных пластинах. В коллекции много острий. Обращают на себя внимание несколько очень крупных острий с притупленным краем и прямым ретушированным основанием из слоя 5. Основание одного из них уплощено несколькими широкими сколами на брюшке. Небольшими сериями представлены острия на пластинах с ретушированным краем и пластины со скошенным концом. Характерно, что количество их постепенно сокращается от слоя 5 к слою 3. Несколько острий имеет закругленное ретушью основание. Совершенно своеобразна большая серия так называемых наконечников чохского типа (Бадер Н. О., 1965а. С. 13, 14). Это подтреугольное кремневое острие на пластине, один из краев которого притуплен крутой ретушью на спинке, а широкое, прямое или закругленное основание обработано длинными продольными сколами на брюшке, несколько реже на брюшке и на спинке.

Вкладышевые орудия — треугольники, сегменты, трапеции, прямоугольники разнообразных форм — характерны для всех слоев Чоха. Вытянутые асимметричные треугольники встречаются во всей толще отложений, однако особенно характерны для слоев 5 и 4, где составляют наиболее показательную серию геометрических орудий. Это довольно крупные изделия, с крутой ретушью на спинке, иногда встречной. Длина отдельных вкладышей из слоев 5, 4 превышает 5 см. Сегменты длинные, оформлены крутой ретушью на спинке. По данным В. Г. Котовича, они появляются в слое 4, характерны для слоя 3 и продолжают бытовать в неолитических слоях 2 и 1. Трапеции из Чоха высокие, полупрямоугольной формы, типологически смыкаются с большой серией высоких прямоугольников. Среди них встречаются асимметричные орудия, в которых один из углов основания прямой или тупой. Часто ретушированные стороны орудий слегка вогнуты. Вершина трапеций также может быть оформлена в виде выемки. Некоторые прямоугольники ретушированы по одному краю, другой оставался необработанным. Значительное количество разносторонних высоких треугольников и трапеций по одному из краев ретушировано плоско на брюшке. По форме и способу обработки они сближаются с остриями чохского типа. По-видимому, все эти орудия использовались в качестве наконечников стрел.

Хорошо прослеживается преемственное развитие вкладышевой техники. Низкие асимметричные треугольники — древнейшая форма. Постепенно она замещается сегментами и трапециями. Трапеции и прямоугольники широко распространены и в неолитических слоях. Материальная культура мезолитических и неолитических слоев Чоха развивается преемственно, без какого-либо заметного перерыва. Особенно хорошо это видно на примере вкладышевой техники.

Коллекция из Чоха, безусловно, имеет ряд своеобразных черт, выделяющих ее из других мезолитических памятников Кавказа. Неповторимы острия чохского типа и выполненные в той же технике асимметричные трапеции (табл. 68). Это позволяет выделить в Чохе следы самобытной мезолитической культуры, к сожалению пока слабо изученной (Бадер Н. О., 1965а, б. С. 15).

В районе Чохской стоянки найдено много наскальных рисунков разных эпох (Котович, 1976). В гроте Чинна-Хитта и на скале Чувал-Хвараб-Нохо выделяется группа древних изображений, которые могут быть одновременны с культурными напластованиями Чоха. Это сделанные охрой реалистические силуэтные и контурные рисунки животных, среди которых наиболее характерен безоаровый козел. Интересно, что видовой состав животных, изображенных на рисунках и представленных остеологическими остатками в Чохе, совпадает (Котович, 1976. С. 91). Все рисунки отличаются небольшими размерами, что наряду с их стилистическим своеобразием может быть одной из характерных черт древнего искусства этого района. В. М. Котович считает, что рисунки и поселение Чох одновременны. А. А. Формозов датирует их временем не старше бронзового века (Формозов, 1978). Вопрос о точной датировке рисунков остается открытым.

Мезолитические культуры Кавказа складывались в различных физико-географических условиях. Умеренно теплый климат, леса и реки, богатый и разнообразный животный мир, обилие кремня для орудий всегда привлекали человека в Причерноморье. Более суров климат Триалетского хребта. Здесь, на почти безлесных склонах гор, паслись стада кулана, дикой лошади, бизона, а для орудий использовался местный обсидиан. Культуры Северного Кавказа не только существовали в более суровых природных условиях, но и были отделены от закавказских труднопроходимым горным хребтом. Различный состав охотничьей фауны, а значит, и приемы охоты обусловили своеобразие охотничьего оружия. И все же мелкие особенности культуры, прежде всего форма повсеместно распространенных вкладышей составных орудий, прямо не связаны с производством, но представляют этнографические особенности оставившего ее населения, а значит, опосредованно отражают его историю.

Сейчас на Кавказе можно выделить причерноморскую, имеретинскую, триалетскую, чохскую культуры. Их исторические судьбы различны. Причерноморская и имеретинская культуры сложились на одной основе и развились в условиях постоянных контактов. Более самобытна культура Триалетского нагорья. Традиционные связи населения Северного Кавказа и Причерноморья осуществлялись вдоль морского побережья, а с наступлением голоцена стали возможны и через перевалы. На это указывают мезолитические стоянки высоко в горах и находки

северокавказского обсидиана на закавказских памятниках. Очень своеобразна чохская культура на Северо-Восточном Кавказе.

По-видимому, на Северо-Западном Кавказе в мезолите продолжала развиваться губская культура, известная нам пока только по материалам навеса Сатанай (Губский навес VII). Мезолитические памятники этого района остаются практически не исследованными. Некоторые памятники Кавказа не укладываются в рамки выделенных культур. Это позднемезолитические горные поселения типа Джермух и Гудалети, раннемезолитические стойбища Явора и Черный Грот на северных склонах Кавказа, поселения Сосруко.

Мезолитические культуры Кавказа определенно отличаются от более северных культур, однако и сами они неоднородны. По направлению преимущественных культурных связей они делятся сейчас на три крупные культурные области: Закавказье, Северо-Восточный и Северо-Западный Кавказ.

Мезолит Иранских гор, прилегающих к Кавказу с юга, почти не исследован. Скорее всего, этот регион также был занят несколькими близкими локальными культурами. Некоторые аналогии раннемезолитических памятников Имеретии — Причерноморья, имеющиеся в Зарзи и в горах Загроса, могут отражать определенные культурные связи Закавказья с югом (Бадер, Н. О., 1964, 1966а, б, 1975. С. 49). В Южном Прикаспии с ближневосточными граничат памятники Гари-Камарбанд, Джебел, Дам-Дам-Чешме Прикаспия (Окладников, 1956а; Марков, 1966а, б. С. 102—125; Бадер Н. О., 1964. С. 16; 1965б. С. 78).

Большое многообразие памятников Северо-Западного Кавказа отражает культурные контакты и передвижения первобытных коллективов в пограничной зоне Кавказа и прилегающих степей. Традиционные связи, обмен сырьем, заимствование навыков производства орудий осуществлялись вдоль Черноморского побережья Кавказа. Их может фиксировать, в частности, распространение высоких геометрических вкладышей в Причерноморье.

На Кавказе переход к голоцену не был отмечен резким изменением климата и сменой охотничьей фауны. Основой хозяйства в раннем мезолите Кавказа остается охота. В Причерноморье мезолитический человек продолжает охотиться на пещерного медведя, а на Триалетском нагорье — на дикую лошадь и кулана. В Причерноморье лесные животные преобладали уже в позднем палеолите и охота на многих из них могла быть индивидуальной или небольшими группами. Наоборот, на дикую лошадь и кулана, скорее всего, охотились загоном.

Много фактов говорит в пользу раннего и широкого распространения рыболовства в Закавказье (Церетели, 1982). Особенно благоприятно для него было Причерноморье. Для охоты на крупную рыбу, по-видимому, служили гарпуны. 10 гарпунов найдено в Холодном Гроте, известны они в мезолитических слоях Сагварджиле. В мезолитических слоях Холодного Грота и Апианчи найдено много костей рыб: лосося, форели, усача и др. В позднемезолитических слоях Даркветн и Апианчи распространяются грузила из речных галек. В качестве рыболовных крючков могли использоваться и низкие асимметричные треугольники (Габуния, 1976. С. 89).

Одновременно неуклонно возрастает роль собирательства. В навесе Сатанай, мезолитических слоях Сосруко и Холодного Грота найдены скопления раковин съедобных моллюсков Helix, а в Квачара — роговой наконечник мотыги.

Рассмотренные материалы не дают прямых указаний об общественных отношениях оставивших их людей. Судя по характеру культурных отложений, в пещерах и под навесами поселялись небольшие социально-производственные коллективы. Большие размеры и длительность существования выделенных культур не позволяют прямо связывать их с какими-то конкретными общественными образованиями. Однако культурно-историческое единство соседних памятников и четкие этнографические различия между культурами могли возникнуть лишь в условиях сложившейся, по-видимому, родовой общественной организации.

Мезолит Северного Прикаспия. Экспедиции, проведенные здесь в 1967—1970, 1972 гг. А. Н. Мелентьевым, дали много памятников каменного века и позволили сделать ряд чрезвычайно интересных наблюдений об определенной закономерности в их расположении, обусловленной колебаниями уровня Каспийского моря. Было открыто более 400 стоянок и местохождений с каменным инвентарем, среди которых значительное число можно отнести к мезолиту.

Наиболее отчетливо выраженными мезолитическими памятниками являются: Истай I—IV, Джамбул II, Джамбул-Сор I, Кадыр-Гали I, Кок-Мурун, Кошелак I, Тюкей I—III, Лаубай, Бес-Оба I, Караузек I, Асанбай I и Тайсуган-Сор I. Они расположены в Прикаспийской впадине, в прибрежной полосе туркменской (сарматской) стадии Верхнехвалынской трансгрессии Каспийского моря. Во всех случаях это стоянки открытого типа, материал которых сохранился in situ или переотложен и смешан с более поздним. Сходство между памятниками проявляется в использовании одинакового сырья (кремневые гальки, только в одном случае обсидиан (?)) и в технических приемах изготовления орудий (очень совершенная пластинчатая техника и чрезвычайно высокий процент вкладышевых форм, в том числе геометрических). Резко выражена и микролитизация орудий (табл. 58).

Нуклеусы преимущественно конические, часто с круговым снятием, на многих из них ширина негативов от снятых пластин не более 2 мм, вместе с тем встречаются двух- и трехплощадочные, а также «плоские» нуклеусы, ширина отжатых с них пластин иногда 1—1,5 см. Вторичная обработка применялась к пластинкам различная — те, что имели ширину 0,5—0,8 см, чаще ретушировались по продольным краям, из пластин шириной 0,8—1,2 см изготовлялись геометрические формы, а верхние и нижние концы использовались для концевых скребков; пластинки же шириной до 0,5 см чаще всего использовали в качестве вкладышей без вторичной обработки. Часть пластин с выемками применялась в качестве скобелей, из других делали острия, резцы. Отщепы как заготовки для орудий встречаются значительно реже, нередки случаи использования отщепов без подготовки.

Скребки изготовлены из пластин и отщепов. В первом случае они преимущественно мелкие, концевые, удлиненных или укороченных пропорций, со слегка

округлым рабочим лезвием (есть размером в 1 см), во втором — более крупные (но не превышающие 3 см), на отщепах несколько удлиненных пропорций. Неединичны микроскребки размером 1 см и менее. Ретушь располагается на конце их или заходит и на продольный край. Обнаружен нуклевидный микроскребок. Помимо пластин с выемками, оформленными регулярной ретушью, в качестве скобелей использовались и отщепы, но они более грубо обработаны. Резцы в основном угловые на пластинах, иногда боковые на отщепах, в отдельных случаях — комбинированные со скобелями. Встречаются долотовидные орудия, для более крупных использованы сколы с нуклеусов, для более мелких — отщепы (размер их также около 3 см), один конец их подправлен небрежной подтеской.

Особо следует отметить наконечники стрел размером 2 см и менее, асимметричные, с боковой выемкой, оформленной мелкой ретушью, неправильных очертаний, близкие наконечникам зарзийского типа и из пещеры Квачара.

Очень многочисленны вкладыши в виде микропластинок и геометрических форм. Вкладыши на пластинках очень тонкие, узкие, правильного огранения с разнообразно оформленными концами (прямым поперечным, наклонным, вогнутым, выпуклым), обработанные на брюшке крупной неровной уплощающей ретушью, нанесенной наклонно к продольной оси, вследствие чего образующей слегка волнистый край. А. Н. Мелентьев рассматривает это как особый прием, очень характерный для мезолитического этапа сероглазовской культуры.

Многочисленны геометрические микролиты: преимущественно сегменты, реже трапеции и совсем единичны треугольники и ромбы. Трапеции средних пропорций и низкие, асимметричные и симметричные. Наиболее типичны трапеции с прямыми или слегка выпуклыми пологими сторонами, оформленными крутой ретушью, у которых ретушировано и короткое основание. Трапеции со слегка вогнутыми боковыми сторонами очень редки. Сегменты в основном низкие, обработанные по дуге крутой односторонней ретушью; на отдельных экземплярах встречается крутая двусторонняя ретушь. Такой прием характерен для сегментов последующего этапа сероглазовской культуры, что является одним из оснований для А. Н. Мелентьева оценивать мезолитические памятники как начальный этап последующей неолитической сероглазовской культуры. Очень типичной является стоянка Тюкай I (табл. 58).

Индустрия мезолита Северного Прикаспия (табл. 58) весьма оригинальна по техническим приемам (удивительная правильность очертаний вкладышей и обработка пластинок не на спинке, а на брюшке) и по соотношению различных типов орудий, в силу чего не находит себе прямых аналогий в степных областях Причерноморья и Крыма. Мало общего и с культурой Южного Зауралья.

Среди памятников Кавказа, таких, как Чох, Сосруко, имеются некоторые сходные орудия, однако различий больше, чем общности. Существуют различия и с материалами ближайших среднеазиатских памятников Дам-Дам-Чешме I и II. Высокая степень микролитизации, массовое использование вкладышей, сегменты низких пропорций и одинаковые, при этом весьма оригинальные, способы обработки вкладышей на брюшке до некоторой степени сближают мезолитическую индустрию сероглазовской культуры с индустрией стоянок Ближнего Востока — Зарзи и Шанидар B_2. Вместе с тем, как отмечает А. Н. Мелентьев, существует несовпадение в развитии культур, не позволяющее установить их прямую связь. В сероглазовской культуре, в более поздний период, выходят из употребления трапеции и треугольники и остаются лишь в массовом применении сегменты, тогда как для мезолита Средней Азии, Кавказа и Ближнего Востока характерна обратная закономерность. В Северном Прикаспии не наблюдается и перерыва в использовании геометрических микролитов, что отмечается для Кавказа, Средней Азии и Ближнего Востока. Исходя из того, что крупные вековые колебания Каспийского моря исключали заселение его побережья с послемустьерского, а возможно, и мустьерского времени, видимо, следует исключить возможность автохтонного происхождения мезолита. Проникновение сюда населения не могло произойти раньше конца плейстоцена. При этом, учитывая высокий уровень индустрии и четко выраженные специфические особенности технических приемов, следует предполагать, что носители сероглазовской культуры до прихода в Северный Прикаспий составляли уже сложившуюся общность. Оценивая все факты, А. Н. Мелентьев приходит к выводу о наибольшей близости мезолита Северного Прикаспия мезолиту натуфийского типа среди локальных ветвей зарзийской индустрии Ближнего Востока (Мелентьев, 1977). Топография памятников (расположение только в зоне позднеплейстоценовой поверхности выравнивания) заставляет пока датировать их не ранее финальной поры плейстоцена.

В Северном Прикаспии, помимо мезолитической сероглазовской культуры, на основании господства иных типов орудий и иных технических приемов обработки (короткие высокие, плавно изогнутые сегменты, ретушированные на спинке и на брюшке, отсутствие приема ретуширования пластинок-вкладышей только на брюшке) А. Н. Мелентьевым в предварительном плане выделяется особая группа памятников. Они сосредоточены в северо-западной части Прикаспийской низменности: от середины Волго-Уральского междуречья до Кумо-Манычской впадины. Имеющиеся в настоящее время материалы указывают как будто на более тесную связь их с Кавказом. Но ограниченность их числа не позволяет еще высказать это положение в категорической форме.

Глава одиннадцатая
Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия)

Первые упоминания о мезолитических памятниках Украины и Молдавии относятся ко второй половине XIX в. Они были открыты в Крыму, в Поднепровье, на Волыни и других местах (Кибальчич, 1880; Мережковский, 1880; Беляшевский, 1897). Значительные работы по изучению мезолита исследуемой территории развернулись между двумя мировыми войнами, когда были проведены раскопки пещерных стоянок в Крыму — Шан-Коба, Мурзак-Коба, Кукрек, Сюрень, Таш-Аир, Замиль-Коба 1, 2 (Бонч-Осмоловский, 1934; Бибиков, 1940; Крайнов, 1938, 1960). В 1935 г. Г. А. Бонч-Осмоловским было проведено хронологическое членение мезолитических памятников Крыма, которое не потеряло своего значения и в наше время.

Культурное членение мезолита Украины проделал М. Я. Рудинский (Рудинський, 1928). Им впервые введен в нашу литературу и термин *мезолит*. Более детальную картину членения мезолитических памятников Восточной Европы затем предложил М. В. Воеводский, который выделил на Украине ряд мезолитических культур — свидерскую, деснинскую, крымскую или горнокрымскую; в развитии последней он наметил два этапа: более ранний — шанкобинский и поздний — мурзак-кобинский (Воеводский, 1950). Эта схема культурно-территориального членения затем была дополнена и развита в работах А. А. Формозова (Формозов, 1959), Д. Я. Телегина (Телегин, 1966, 1973), В. Н. Станко (Станко, 1972) и др.

В полевых работах на территории Юго-Запада СССР принимали участие М. Я. Рудинский, И. Ф. Левицкий, Н. В. Сибилев, С. Н. Бибиков, Е. А. Векилова, О. Н. Бадер, Д. Я. Телегин, А. Д. Столяр, Ю. Г. Колосов, Л. Г. Мацкевой, А. П. Черныш, П. И. Борисковский, В. Н. Станко, В. И. Маркевич, Н. А. Кетрару, Г. В. Григорьева, И. А. Борзияк, В. Н. Даниленко, А. В. Бодянский, Л. Л. Зализняк, А. Ф. Горелик, А. А. Кротова и другие исследователи. Результатом этих работ явилась серия публикаций материалов мезолитических памятников (Бибиков, 1959, 1966; Борзияк, 1974; Борисковский, 1964, 1967; Векилова, 1951, 1957, 1961; Воеводский, Формозов, 1950; Гладилин, Станко, 1968; Горелик, 1975; Грибович, 1977; Григорьева, 1964; Даниленко, 1955; Зализняк, 1976, 1977, 1978, 1984; Кетрару, 1973; Клапчук, 1980; Колосов, 1957, 1960; Красковский, 1965, 1967, 1978; Левицкий, 1931; Левицький, Телегін, 1956; Маркевич, 1974; Мацкевой, 1976, 1977; Рудинський, 1931; Савчук, 1975; Сібільов, 1926—1930; Станко, 1965, 1966, 1967, 1972, 1976; Столяр, 1959, 1961; Телегин, 1973, 1982; Формозов, 1959; Цвейбель, 1962; Черныш, 1970; Черниш, 1975; Kozlowski, 1972).

Всего в пределах Украины и Молдавии обнаружено уже более 300 мезолитических памятников, среди которых выделяется более 20 отдельных их типов и культур (карта 9).

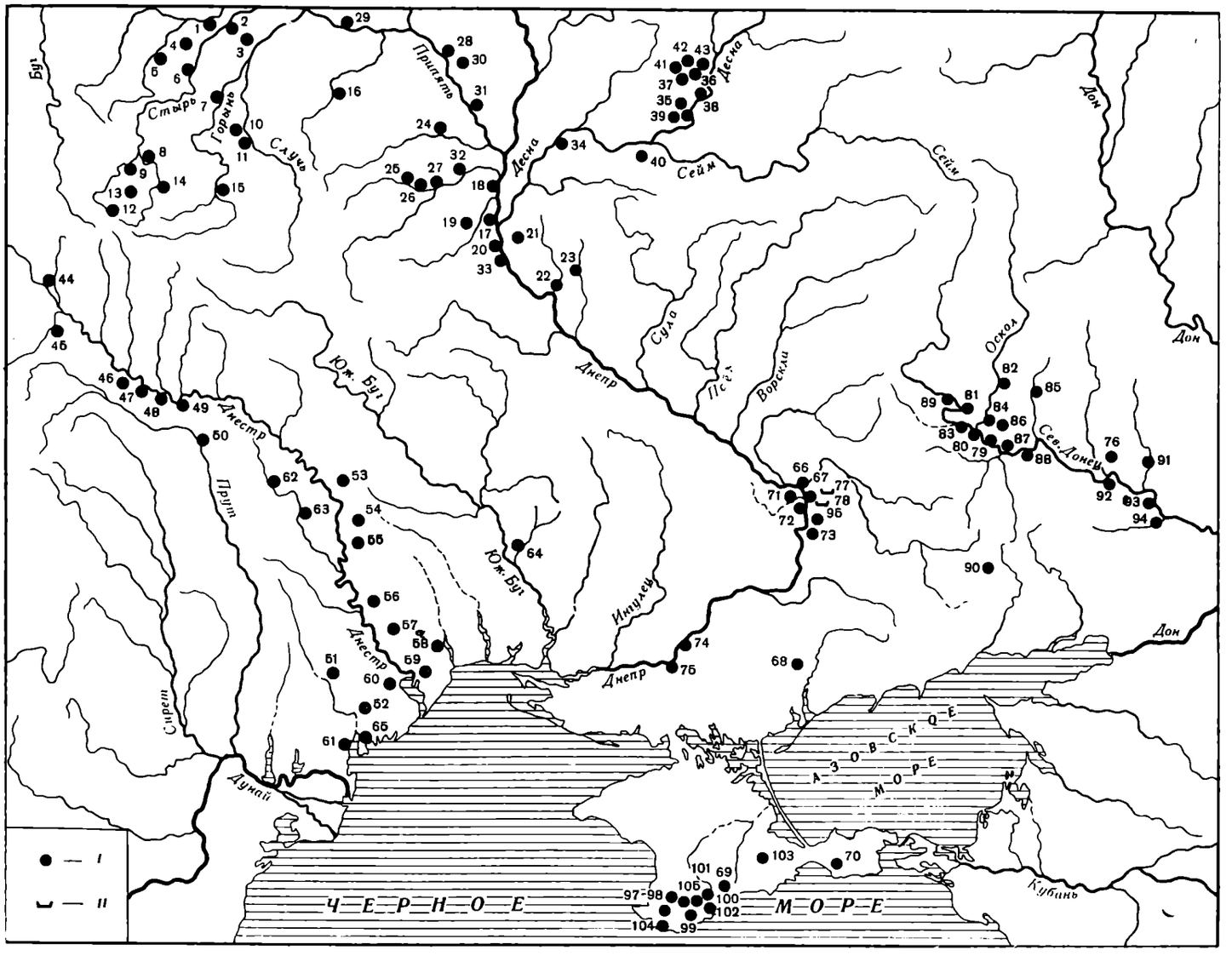
Вопросы хронологии и периодизации. Культурно-территориальные области. Разработка вопросов хронологии и периодизации мезолитических памятников Украины и Молдавии опиралась до недавнего времени главным образом на типологическое сравнение кремневых изделий, а также на отдельные стратиграфические наблюдения. Исходя из этих данных был предложен ряд региональных и общих схем периодизации мезолитических местонахождений Крыма (Бонч-Осмоловский, 1934; Формозов, 1954, 1959) и Северного Причерноморья (Станко, 1967). Среди попыток общей периодизации мезолита Украины можно назвать схему, предложенную П. И. Борисковским, который в развитии мезолитической культуры Украины выделил три основные ступени, включая в первую, наиболее раннюю из них, и такие финальнопалеолитические стоянки, как Журавка, Кайстровая Балка (Борисковский, 1953).

В настоящее время для решения вопросов хронологии и периодизации памятников мезолита Украины и Молдавии получены новые данные, в том числе радиокарбоновые и палинологические (Долуханов, Пашкевич, 1978), а также некоторые новые геологические наблюдения (Веклич, 1968), и др. Имеется, в частности, около 30 радиокарбоновых дат для стоянок Крыма, Поднепровья и Причерноморья. На основании этих определений можно говорить, что мезолитическая эпоха на Юго-Западе СССР продолжалась с конца IX по VI тысячелетие до н. э. В северных районах Украины, возможно, мезолитическая культура сохранялась еще в начале V тысячелетия до н. э.

В целом мезолитические памятники Украины делятся на два основных периода: ранний (конец IX—VIII тысячелетия до н. э.) и поздний (VII — начало V тысячелетия до н. э.) (Телегин, 1982).

По особенности кремневых изделий мезолитические культуры и типы памятников в пределах Украины и Молдавии в целом образуют две основные культурно-территориальные области: азово-черноморскую, или южную «степную» микролитическую, и полесско-лесостепную северную микро-макролитическую область. В отдельную — прикарпатскую, видимо, следует выделять и мезолитические памятники Среднего Поднестровья и Подолии.

Говорить о каких-то точных и постоянных границах между отдельными культурно-территориальными областями, конечно, трудно. Приблизительная линия размежевания между южными микролитическими и северными микро-макролитическими культурами проходила где-то по линии между степной и лесостепной зонами Украины, хотя и не была постоянной. В позднем мезолите, например, степной микролитический

Карта 9. Мезолитические памятники Украины

I — стоянки, *II* — могильники

1 — Нобель; *2* — Переволока; *3* — Сенчицы; *4* — Дедовка; *5* — Марьяновка; *6* — Котера; *7* — Корост; *8* — Шепетин; *9* — Сапанов; *10* — Княжевка; *11* — Березино; *12* — Хильчицы; *13* — Гаи Левятинские; *14* — Птичье; *15* — Каменное; *16* — Корма; *17* — Вышгород-ДВС; *18* — Борки; *19* — Ирпень; *20* — Украинка; *21* — Александровка; *22* — Козинцы-Загай; *23* — Коржи; *24* — Народичи; *25* — Мелени; *26* — Чоповичи; *27* — Тетерев 3; *28* — Акулинка; *29* — Кожан-городок; *30* — Юревичи; *31* — Белосороки; *32* — Кухари; *33* — Таценки; *34* — Онисов; *35* — Кудлаевка; *36* — Гремяч; *37* — Смячка 14; *38* — Мезинский остров; *39* — Мамекино; *40* — Федоровский край; *41* — Грязьки; *42* — Крейда; *43* — Песочный Ров; *44* — Галич; *45* — Делятин; *46* — Оселивка; *47* — Атаки; *48* — Молодова V; *49* — Кормань; *50* — Костешты; *51* — Кантемир; *52* — Белолесье; *53* — Шепитьков Яр; *54* — Довжанка; *55* — Орловка; *56* — Гиржево; *57* — Гребеньки; *58* — Карпово; *59* — Доброжаны; *60* — Царичанка; *61* — Мирное; *62* — Фрумушика; *63* — Варваровка; *64* — Абузовая Балка; *65* — Траповка; *66* — Игрень 8; *67* — Кизлевой; *68* — Каменная Могила; *69* — Кукрек; *70* — Фронтовое; *71* — Ямбург; *72* — Сурский; *73* — Осокоровка; *74* — Каиры; *75* — Каховка; *76* — Рогалик I, II; *77* — Волошское; *78* — Васильевка I, III; *79* — Миньевский Яр; *80* — Викнино; *81* — Снежковка; *82* — Пришиб; *83* — Грушеваха; *84* — Рубцы; *85* — Петрово; *86* — Дробышево; *87* — Дроновка; *88* — Райгородок; *89* — Петровское; *90* — Моспино; *91* — Теплое; *92* — Меловое; *93* — Зимовники; *94* — Мурзина Балка; *95* — Ненасытец; *96* — Ласпи 7; *97* — Шан-Коба; *98* — Фатьма-Коба; *99* — Замильклин поднимается по Днепру далеко на север, до Белоруссии включительно (Исаенко, 1966).

Коба; *100* — Алимовский навес; *101* — Грот Водопадный; *102* — Таш-Аир; *103* — Буран-Кая; *104* — Мурзак-Коба; *105* — Сюрень 1, 2; *1—11* — нобельский тип; *12—23* — днепро-припятская культура; *24—27* — тип Народич; *28—35* — кудлаевский тип; *36—40* — тип Смячки; *41—43* — песочноровский тип; *44—49* — оселивский тип; *50—52* — тип Белолесья; *53—61* — гребениковская культура; *62—70* — культура Кукрек; *71—76* — осокоровско-рогаликский тип; *77—78* — могильники волошско-васильевского типа; *79—81* — стоянки типа Миньевского Яра; *82—89* — донецкая культура; *90—95* — тип Ненасытеца—Моспино; *96—105* — горнокрымская культура

Азово-черноморская область мезолитических памятников Украины охватывает, как указывалось, южные степные районы — Крым, Северное Причерноморье, степное Поднепровье и Приазовье. Основными признаками, по которым памятники этой области отличаются от памятников более северных и северо-западных территорий, являются значительно большая роль здесь геометрических микролитов и почти полное отсутствие макролитических орудий. Геометрических микролитов в комплексах азово-черноморской области в целом в два раза больше, чем в полес-

ско-лесостепной, и почти в пять раз больше, чем в Прикарпатье.

Состав материальной культуры местонахождений мезолитической эпохи лесостепной зоны и Полесья Украины в значительной степени отличается от степных памятников и по другим показателям.

Азово-черноморская область. Горнокрымская мезолитическая культура. *Шан-кобинский этап.* Памятники горнокрымской мезолитической культуры сосредоточены в районе Крымских гор, где в юго-западной части полуострова они составляют особенно компактную группу. Представлены они в основном стоянками, главным образом пещерными, в большинстве многослойными. На стоянках Шан-Коба и Фатьма-Коба раскопано по шесть культурных слоев, которые иногда делятся на горизонты. Обычно говорят о нижних и верхних свитах этих слоев. Стратиграфия напластований Шан-Кобы и Фатьма-Кобы имеет решающее значение для периодизации мезолита горного Крыма.

Отличия между памятниками шан-кобинского и мурзак-кобинского типов прослеживаются главным образом в различном процентном соотношении отдельных видов кремневых изделий, составе фауны и т. д. Эти отличия заметны и при рассмотрении пластин с ретушью, в частности пластин с выемками, которых в мурзак-кобинских комплексах, как правило, немного больше, чем в шан-кобинских. В первых обыкновенно также много сечений пластин. В ранних шан-кобинских комплексах отмечается большое количество резцов (их всегда больше, чем скребков). Неодинаков также и типологический состав резцов ранних и поздних стоянок культуры. Различия между шан-кобинскими и мурзак-кобинскими памятниками особенно наглядно прослеживаются в составе геометрических микролитов, что отмечалось уже другими исследователями Крыма. В ранних культурных комплексах процент сегментов и сегментовидных треугольников обычно намного выше, чем трапеций; в поздних, наоборот, пропорция этих изделий бывает обратной. Более ранний возраст шан-кобинских памятников по отношению к мурзак-кобинским убедительно доказывается стратиграфией стоянок Шан-Коба, Фатьма-Коба и др.

К числу памятников шан-кобинского этапа горнокрымской культуры мы относим следующие: Шан-Коба (нижние слои — 6—4, ранний комплекс слоя 3), Буран-Кая, Фатьма-Коба (нижние слои — 6—5), Замиль-Коба I (нижний слой), Алимовский навес (нижний слой), Грот Водопадный (нижний слой), Сюрень 2 (верхний горизонт).

Кремневые изделия со стоянок шан-кобинского типа (табл. 70) изготавливались из местного серого или беловатого кремня. Нуклеусы в основном конические, прямо- или косоплощадочные. Преобладают последние, преимущественно с односторонним скалыванием. Процент пластинчатых изделий весьма высокий: Шан-Коба — 76,5%, Фатьма-Коба — 76,4%.

Резцов относительно много. На стоянках Шан-Коба и Фатьма-Коба их больше, чем скребков, однако в комплексах Буран-Кая и Замиль-Коба, наоборот, количество скребков больше, чем резцов. Основным типом резца на шан-кобинском этапе горнокрымской культуры был боковой косоретушированный на толстой массивной пластине. Среди геометрических микролитов количественно преобладают сегменты (25, 6%). Во всех рассмотренных комплексах они в два-три, а то и больше раз превышают количество трапеций. Преобладают сегменты удлиненных пропорций с толстой спинкой с крупной краевой ретушью, нередко встречной. Очень часто такие сегменты имеют вид треугольника, «дуга» которых образуется не кривой, а двумя почти прямыми линиями, которые сходятся на ее вершине под тупым углом. Немногочисленные трапеции, обыкновенно низкие или средних пропорций, часто крупные. Среди кремневых изделий Шан-Кобы, Фатьма-Кобы и Буран-Кан имеется по два-три удлиненных острия типа Шательперрон, которые изготавливались с помощью крутой краевой ретуши из хорошо ограненных пластин. В целом негеометрических микролитов в памятниках шан-кобинского типа очень мало.

Кроме кремневых орудий труда, в комплексах стоянок шан-кобинского этапа встречаются изделия из кости: веретенообразные наконечники стрел, проколки и т. п. Больше всего их обнаружено в нижних слоях Шан-Кобы.

Среди памятников шан-кобинского этапа горнокрымской культуры весьма полно изучен навес Шан-Коба. Он расположен в 2,5 км от с. Передового (бывшее Уркуста), на правом берегу склона балки Кубалар-Дере, впадающей в Байдарскую долину. Длина навеса 25 м, глубина 6 м, высота около 3 м. Открывается он входом на юго-восток. Высота местонахождения над ручьем, протекающим по дну балки, несколько метров. Стоянка открыта С. А. Трусовой, раскопки проводились под руководством Г. А. Бонч-Осмоловского в 1928 г. и С. Н. Бибикова в 1935—1937 гг. Толщина напластований грота свыше 2 м. С. Н. Бибиковым выделяются здесь шесть геологических и культурных горизонтов, разделенных на три основных комплекса.

Остановимся на рассмотрении только материалов раннего мезолита, найденных в слоях 4—6. В время раскопок в навесе зафиксированы остатки кострищ, насыщенных углем. Пятна кострищ округлой формы, одно из них в поперечнике до 0,6 м. Вблизи этого кострища найдено несколько пережженных костей животных. Кроме кремневых, костяных изделий и костей животных, в слоях раннего комплекса обнаружены раковины. Правда, их здесь значительно меньше, чем в верхних слоях. Фауна нижних слоев, по данным Г. А. Бонч-Осмоловского, включает кости лошади, благородного оленя, сайги, свиньи, волка, а также домашней собаки. Интересно отметить, что со стороны входа в навес найдены камни, которые, по мнению С. Н. Бибикова, были принесены сюда человеком с целью сооружения ветрового заслона (Бибиков, 1946).

В слоях 4 и 5 выделено относительно немного находок в отличие от слоя 6, где их найдено больше всего. По подсчетам Д. Я. Телегина и данным Н. О. Бадера, только в верхнем горизонте слоя 6 кремневых изделий насчитывается больше, чем в двух вышележащих. Нуклеусы обычные для культуры.

Орудий 12,6%, среди них $^2/_3$ изготовлены из пластин, остальные на отщепах. Подавляющее большинство орудий составляют пластины с ретушью,

более или менее регулярной, по всему краю или частичной. Пластин с выемками мало. Среди скребков преобладают концевые формы на пластинах. Резцы преимущественно боковые на пластинах. Есть несколько микрорезцов. Сегменты и трапеции составляют больше 34% орудий. Первых в четыре раза больше, чем вторых. Если к тому же добавить, что среди трапеций имеется много сегментовидных, то процент изделий с дуговидной верхней основой еще возрастет. Сегменты главным образом вытянутые, круторетушированные. Ретушь часто встречная. Треугольники по преимуществу низкие, вытянутые, симметричные. Встречаются острия с затупленным краем, костяных изделий в нижних слоях Шан-Кобы обнаружено более 30. Обращает на себя внимание наличие здесь наконечников стрел, по форме напоминающих наконечники на удлиненных пластинах. Найдены также шилья-проколки, наконечники дротиков с пазами для вкладышей, подвески из зубов животных или кости и др.

Мурзак-кобинский этап. Количество памятников в Крыму в сравнении с более ранними заметно вырастает. Всего здесь насчитывается около 20 местонахождений этого времени, открыто три погребения (Мурзак-Коба, Фатьма-Коба). Большинство стоянок расположено в пещерах и навесах. Наиболее полные и важные комплексы материальной культуры известны со стоянок Мурзак-Коба, Фатьма-Коба, слои 2—4; Шан-Коба, слои 2—3; Кара-Коба, Ласпи 7, Замиль-Коба I — верхний слой и др. (табл. 71).

Нуклеусы обычно одноплощадочные, конические. Двухплощадочных (призматических) нуклеусов единицы. Почти все нуклеусы слегка уплощены с односторонним скалыванием. Почти во всех комплексах есть микролитические нуклеусы, в том числе найдено несколько «карандашевидных». Количество ножевидных пластин в комплексах одинаково — от 6,2 до 66% всех заготовок. По размерам пластины средние (преобладают) и малые, лишь в Ласпи 7 и Шан-Кобе отмечается большой процент микропластин. Больше половины орудий, а иногда и около 75% (Ласпи 7) изготовлено из пластин, остальные из отщепов.

Важную роль в хозяйстве носителей горнокрымской культуры играли режущие инструменты в виде небольших пластин с ретушью. Несколько меньше, чем пластин с ретушью, в рассматриваемых комплексах пластин с выемками, однако они составляют одну из наиболее характерных особенностей мурзак-кобинских памятников вообще. В некоторых комплексах таких пластин более трети от всех орудий.

Скребков на стоянках типа Мурзак-Коба больше, чем резцов, но количественно преобладание первых очень незначительное. Для типологического состава скребков характерно преобладание концевых форм на укороченных пластинах, а также подокруглых скребков на отщепах. Резцы изготовлялись главным образом из пластин, это преимущественно боковые их формы, но много резцов и на углу сломанной пластины.

Определяющим типом геометрических микролитов в мурзак-кобинских комплексах является небольшая, большей частью вытянутых или средних пропорций трапеция. В отдельных случаях на верхнем основании таких трапеций бывают сформованные ретушью выемки-зубчики. Особую группу среди трапециевидных микролитов этого времени составляют трапеции фатьма-кобинского типа. В мурзак-кобинских комплексах присутствуют также и сегменты. Количество их здесь тем не менее невелико (от 0,2 до 1%). Относительно немного треугольников. Все же их здесь больше, чем в гребениковской культуре. Негеометрических микролитов — косых острий, разных, с затупленным краем — обнаружено мало.

Орудий труда из кости и рога на исследованных стоянках найдено немного. Наиболее интересными и важными среди находок являются небольшие двусторонние редкозубчатые гарпуны, обнаруженные на стоянках Мурзак-Коба, Кара-Коба и Ласпи 7,— всего 6 экземпляров. Найдены также веретеновидные наконечники дротиков (Шан-Коба). Значительную серию костяных изделий стоянок мурзак-кобинского типа составляют шилья.

Для стоянки Ласпи 7 мурзак-кобинского типа получено 12 радиокарбонных дат: слой АБВ, № 130, Ки-863—5550±360 лет до н. э.; слой А, № 153, Ки-952—6920±120 лет до н. э.; слой Б, № 154, Ки-953 — 6970±100 лет до н. э.; слой В, № 127, Ки-951 — 7150±130 лет до н. э.; слой $Д_1$, № 203, Ки-876 — 6730±250 лет до н. э.; слой $Д_1$, № 203, Bln-1795 (1)—6620±75 лет до н. э.; слой $Д_1$, № 203, Bln-1795 (2) — 6810±70 лет до н. э.; слой $Д_{1,2}$, № 128, Ки-638 — 5670±230 лет до н. э.; слой Д, № 129, Ки-704 — 6080±190 лет до н. э.; слой Д, № 129, Bln-1921 — 7135±100 лет до н. э.; слой Д, № 128, Ки-637 — 6130±210 лет до н. э.; слой Д, № 125, Ки-957 — 6390±250 лет до н. э. (№ 130, 153—155 — уголь; № 126, 127, 203 — раковины).

Своеобразным эталоном памятников рассматриваемого типа является стоянка Мурзак-Коба, расположенная в гроте около с. Чернореченского, в долине р. Черной. Высота местонахождения над уровнем реки 36 м. Раскопан памятник С. Н. Бибиковым в 1936 и 1938 г. (Бибиков, 1940). Культурный слой мезолитического времени залегал на значительной глубине, в прослойке глины серой с примесью щебня. Комплекс находок включает главным образом кремневые изделия (свыше 4000 экз.) , отдельные костяные орудия и гальки со следами использования. Фауна представлена костями дикого барана ($^{12}/_{1}$) *, благородного оленя ($^{22}/_{3}$), кабана ($^{9}/_{3}$), лесного кота ($^{1}/_{2}$) и бурого медведя ($^{1}/_{1}$). По определению В. И. Громовой, из домашних животных здесь представлена только собака. В культурном слое стоянки обнаружено парное погребение — мужское и женское, в вытянутом положении.

Нуклеусы обычные для этого этапа. Всего орудий в комплексе 293. Процент пластин с ретушью невысокий, а пластин с выемками много. Есть несколько пластин с подтеской по брюшку, напоминающих вкладыши кукрекского типа. Скобели тех же форм, что и в других стоянках, есть два высокой формы. Резцы боковые на пластинах или отщепах. Есть два невыразительных наконечника (?) на пластинах с подправкой черешка плоской ретушью.

Микролиты представлены главным образом указанными выше типами трапеций. Сегменты удлиненных пропорций, но они значительно выше, чем эти же

* Здесь и далее в числителе количество костей, в знаменателе — число особей.

изделия шан-кобинского периода. К этим изделиям примыкают один низкий симметричный треугольник и два сегментовидных изделия.

Есть пластины со скошенным концом разных типов. Среди костяных орудий Мурзак-Кобы довольно интересными являются двусторонние редкозубые гарпуны (один целый и несколько обломков), костяные шилья-проколки, веретенообразные наконечники метательных орудий и т. д. Только лишь в раскопе 1936 г. найдено их больше 10.

Стоянка Сюрень 2 в Крыму. Сюрень 2 в раннем мезолите Крыма, как и юга Украины, представляет особое, своеобразное явление, отдельный тип памятников. Среди раннемезолитических памятников Крыма эта стоянка выделяется прежде всего наличием большого количества иволистных наконечников на пластинах, во многих отношениях близких позднесвидерским Польши или нобельским Волыни.

Стоянка Сюрень 2 расположена в долине р. Бальбек, в пределах второй гряды Крымских гор, вблизи с. Танковое Куйбышевского р-на. Размещена она в неглубоком, но довольно широком гроте. Исследовалась еще в конце прошлого столетия К. С. Мережковским, позднее (1924 и 1925 гг.) раскапывалась Г. А. Бонч-Осмоловским, а в 1954 и 1955 гг.— Е. А. Векиловой. Всего раскопками вскрыта площадь свыше 200 кв. м.

Работами Е. А. Векиловой установлена двухслойность памятника. Интересно отметить, что поселения верхнего и нижнего слоев не совпадают планиграфически. Нижний культурный слой, вскрытый в основном К. С. Мережковским и Г. А. Бонч-Осмоловским, локализовался в западном углу пещеры, а верхний (раскопанный Е. А. Векиловой) — в центральной ее части.

Верхнему слою Сюрени 2 присуще наличие большого количества (около 50 экз.) геометрических микролитов: сегментов, реже удлиненных сегментовидных треугольников. Этот слой датируется Е. А. Векиловой финальным этапом раннего мезолита Крыма (Векилова, 1966). Он относится к горнокрымской культуре.

В нижнем слое Сюрени 2 найдены около 180 орудий, нуклеусов и пластин, а также отщепы и обломки кремня. Орудия и нуклеусы комплекса уже неоднократно публиковались (Бонч-Осмоловский, 1934; Векилова, 1957, 1961, 1966; Schild, 1966). Нуклеусы в комплексе нижнего слоя двух основных типов: конические прямоплощадочные, довольно правильно ограненные, и двухплощадочные подпризматические. В нижнем слое насчитывается 96 орудий, изготовлены они из крупных пластин, скребков 15, большинство из них (11 экз.) концевые на пластинах или пластинчатых отщепах с закругленным или слегка скошенным рабочим лезвием. Обращает на себя внимание преобладание среди концевых скребков экземпляров, изготовленных из длинных широких пластин (8 экз.). Резцы составляют самую многочисленную категорию орудий (38 экз.). Все они за небольшим исключением изготовлены из крупных массивных пластин. Наибольшее количество (17 экз.) резцов относится к типу боковых косо- и вогнуторетушированных. Много также срединных и срединно-угловых резцов (10 экз.). Пять резцов сдвоенных, комбинированных, несколько — на углу сломанной пластины

Второе место по количеству занимают наконечники на пластинах (21 экз.). Изготовлены они из больших и средних пластин с помощью плоской ретуши, которой формовались чаще всего острие и черешок наконечника. Реже черешок стрел оформлялся крутой краевой ретушью. В ряде случаев на острие наконечника заметен резцовый скол. Польский исследователь Р. Шильд, который провел детальный сравнительный анализ наконечников из Сюрени 2 и свидерских комплексов Польши, находит их во многих отношениях тождественными.

Геометрические микролиты в комплексе Сюрени представлены лишь двумя сегментами, двумя сегментовидными треугольниками и одной трапецией. Интересная особенность слоя — четыре острия с затупленным краем.

Заметную группу составляют пластины со скошенным концом (6 экз.). Все они тупо скошены. О назначении этих изделий трудно сказать что-то определенное. Е. А. Векилова публикует также две пластины-вкладыши с затупленным краем.

Кроме описанных орудий, в комплексе Сюрени 2 есть еще несколько сверл и обломков орудий, тип которых определить трудно.

Наличие в Крыму стоянки типа Сюрень 2 расценивается как распространение культурных влияний со стороны свидерской культуры более северных районов Восточной Европы. Не исключена возможность и прямого проникновения в Крым какой-нибудь группы свидерского населения.

Стоянка Сюрень 2 особенно сближается с Нобелем по наличию геометрических микролитов, пластин со скошенным концом, острий с затупленным краем и т. п. Если при этом еще учесть, что размещение нобельских памятников значительно ближе к Крыму, чем к свидерским в Польше, то становится очевидной возможность проникновения в Крым свидерской культуры в ее нобельском варианте.

Раннемезолитические стоянки типа Белолесье в Причерноморье. Количество этих памятников в пределах СССР невелико (Белолесье I, IV, Кантемир, Кагильник). В культурном плане они находят продолжение в раннемезолитических памятниках Румынии (Куина-Туркулуй, Геркуланум и др.) (Paunescu, 1970).

Наиболее полное представление о материальной культуре белолесского типа памятников дает эпонимная стоянка. Открыта она А. М. Кремером в 1957 г., впервые опубликована В. И. Красковским и А. М. Кремером. В 1965—1966 гг., а затем в 1977 г. здесь проведены стационарные раскопки под руководством В. Н. Станко. Расположена она на невысоком правом берегу р. Сарати, у сел Белолесье и Михайловка Татарбунарского р-на Одесской обл. Высота над летним уровнем реки незначительная.

Раскопками вскрыта площадь около 180 кв. м, где вдоль берега Сарати выявлены скопления находок кремня и костей животных, раковин. В одном из таких скоплений отмечены следы открытого кострища в поперечнике до 1,2 м. По определению В. И. Бибиковой, остатки фауны принадлежат диким видам (лошадь, бык, овца). Всего на площади стоянки обнаружено около 1200 кремневых изделий (табл. 73), среди которых, по данным В. Н. Станко, 50 нуклеусов, 270 ножевидных пластин, отщепы и 174 орудия.

Среди последних количественно преобладают скребки. На втором месте стоят микролитические изделия (сегменты, острия с затупленным краем, пластины со скошенным ретушью концом). Значительно меньше резцов (8,6%).

Нуклеусы двух- и одноплощадочные, прямо- или косоплощадочные. Все они с односторонним скалыванием, часто с остатками корки желвака с другой стороны. Выделяются также плоские нуклеусы. Пластины в большинстве неправильных очертаний, толстые, с неровными краями; тонкие призматические, с параллельными гранями встречаются единично.

Орудий на стоянке 14,8%; изготовлены они из пластин (6%) и отщепов (8,8%). Скребков 158, из них свыше 110 концевых на пластинах или отщепах. Есть также три двойных скребка, встречаются округлые и подокруглые.

Серия резцов из Белолесья невелика (8,6%); представлена она несколькими типами, среди которых три срединных, шесть угловых и три боковых. Два резца комбинированные со скребками. В сравнении с другими раннемезолитическими памятниками Украины и смежных территорий процент резцов в Белолесье следует считать очень низким. Аналогичное явление мы наблюдаем еще также лишь в комплексах романелло-азильского типа в Румынии (Куина-Туркулуй — около 2,5%, Бейле-Геркуланус — 7,94%) (Paunescu, 1970. P. 28) и ранних комплексах Крыма (Шан-Коба, слой 6—9,7%, Буран-Кая — 12,2%, Замиль-Коба I, нижний слой — 5,1%).

Важной чертой комплекса Белолесья является наличие здесь 19 удлиненных сегментов. Изготовлены они преимущественно из толстых пластин крутой краевой ретушью. Лишь два сегмента имеют более тонко ретушированную спинку. Сформированы они из тонких призматических пластинок. В комплексе есть также две низкие симметричные трапеции, треугольник и сегментовидное острие неправильных очертаний и одна пластина-вкладыш с затупленным краем.

Гребениковская культура позднего мезолита в Причерноморье. Стоянки гребениковской культуры были распространены в Северном Причерноморье. Больше всего их обнаружено на территории Одесской обл.; есть они также на юге Молдавии, частично заходят в Николаевскую обл. Всего уже известно несколько десятков стоянок гребениковской культуры. Северная граница распространения этих памятников проходит по долине Кодымы, левого притока Южного Буга. Подавляющее большинство стоянок гребениковского типа обследовано лишь в процессе разведок, во время которых собран материал и проведены шурфовки. На стоянках Гиржево и Мирное В. Н. Станко проведены стационарные раскопки (Станко, 1982). Особенно значительный объем раскопочных работ проведен на стоянке Мирное, где исследовано много наземных открытых кострищ и хозяйственных ям. Памятники гребениковской культуры по характеру кремневых изделий (табл. 73), составляющих основную массу находок, обнаруживают значительную близость между собой.

Нуклеусы обычно небольших размеров; длина их редко превышает 6 см. Большинство составляют нуклеусы конической формы. Обычно они с одной плоскостью скалывания, слегка уплощены с одной стороны или плоские, чаще прямоплощадочные. Почти в каждом комплексе имеется один или несколько «карандашевидных». Пластины хорошо огранены, средних (преобладают) и малых размеров.

Процент орудий низкий, преобладают изделия из отщепов (59,7%). В комплексах много пластин и отщепов с ретушью. Скребки в жизни населения гребениковских стоянок играли исключительно важную роль; их в комплексах орудий всегда около 50%, а бывает и больше половины. Почти все они изготовлены из небольших отщепов. Скребков на пластинах обнаружено очень мало. Среди скребков на отщепах больше всего подокруглых с ретушью на $^3/_4$ периметра, боковых и концевых-боковых, имеются округлые. Среди последних большинство с режущим краем, мелких. Наличие последних является одной из характерных черт гребениковских стоянок. Важной особенностью комплексов кремневых изделий гребениковского типа является почти полное отсутствие здесь резцов (0,6%); их всего два типа: срединный, угловой.

Микролитических изделий в комплексах рассмотренной культуры много, однако количество их типов относительно невелико. Геометрические микролиты представлены почти исключительно трапециями. Их тип стабильный, в большинстве они средних пропорций или слегка вытянутые, высоких совсем мало. Преимущественно они симметричной правильной формы, асимметричных меньшинство, и асимметричность их слабая. Встречаются пластины со скошенным концом, острия с затупленным краем и пластины-вкладыши (Телегін, 1982. Рис. 10, *31—34*).

Одним из типичных гребениковских памятников является стоянка Гиржево. Она находится на правом берегу р. Кучурган (левый приток Днестра), немного южнее г. Гиржево Великомихайловского р-на Одесской обл. Как и преобладающее большинство памятников этого времени в Нижнем Поднестровье, стоянка размещена на высоком склоне (41 м) около реки (Станко, 1965). Раскопками вскрыто 220 кв. м. Культурный слой залегал на глубине 0,3—0,8 м от современной поверхности, в слое зеленоватого суглинка. В комплексе Гиржево около 11 500 кремневых изделий, в том числе 170 нуклеусов, больше 1000 орудий и около 4500 ножевидных пластин и их сечений (табл. 73).

Нуклеусы в Гиржево — от пластин, плоские, с односторонним скалыванием (55,1%). Есть также три конических и три «карандашевидных» нуклеуса с круговым скалыванием. Значительную серию (190 экз.) составляют ретушированные пластины. Есть также 20 пластин с выемками.

Почти половина всех орудий — скребки на отщепах (40,6%). В большинстве они полуокруглые и округлые. Только около 30 скребков концевые, изготовленные из очень укороченных пластин. Резцов обнаружено всего четыре. Трапеций 210, они обычно средних пропорций, слегка асимметричные, удлиненные встречаются редко. Ретушь на этих изделиях крутая, краевая, однако есть также довольно плоская, заходящая на спинку орудия. В слое выявлено около 900 сечений пластин трапециевидных и прямоугольных очертаний. Другие типы микролитов представлены слабо: острий со скошенным концом — 19, пластин-вкладышей — 11.

В культурном слое Гиржево сохранились фаунистические остатки, среди которых В. И. Бибиковой определены кости крупного быка, дикого или домашнего, лошади, осла или кулана. На центральном участке раскопа, в нижней части культурного слоя (разрушенный известняк) расчищено тройное детское погребение. Погребенные находились в прямоугольной яме в скорченном положении на правом боку. Очень возможно, что это погребение имеет отношение к мезолитической стоянке.

Раннемезолитические стоянки осокоровско-рогаликского типа. Раннемезолитические памятники Поднепровья и Донбасса (Осокоровка, Ямбург, Рогалик 1, 2, о-в Сурской, Каиры, Леонтьевка и др.) характеризуются рядом признаков, выделяющих их среди синхронных культурных общностей. В технике расщепления кремня и изготовления ножевидных пластин этих стоянок еще чувствуются позднепалеолитические традиции Поднепровья и Подонья. Кремневые изделия отличаются относительно большими для мезолита размерами. Микролитические пластины и микролитические нуклеусы почти совсем отсутствуют. Пластин в комплексах в среднем 31,4%, т. е. их заметно больше, чем в памятниках оселивского, шанкобинского и белолесского типов. Соответственно много орудий, изготовленных из пластин (табл. 74).

Скребков и резцов около 60%. Количественно преобладают скребки. Основной тип скребка — концевой на пластине или на отщепе, относительно много двойных скребков. Наиболее распространенным типом резца следует считать боковой.

Важную особенность осокоровско-рогаликских комплексов представляют микролитические изделия, прежде всего трапеции. Встречаются также граветтовидные острия. Трапециевидные микролиты Осокоровки и Рогалика 2 довольно крупные, вытянутые, изготовлены из крупных или средних пластин. Их 4,6%. Негеометрических микролитов — пластин со скошенным концом и различных типов пластин с затупленным краем — также мало.

Наиболее полное представление о материальной культуре памятников осокоровско-рогаликского типа может дать рассмотрение эпонимной стоянки Осокоровка в Надпорожье.

Стоянка Осокоровка открыта на левом берегу Днепра, в балке Осокоровской, севернее с. Петро-Свистунова Вольнянского р-на Запорожской обл. Она расположена на первой надпойменной террасе левого склона балки, в 200 м от ее устья. Высота местонахождения над прежним уровнем Днепра 13,5 м. Обнаружена стоянка в 1931 г. Т. Т. Теслей. Раскапывалась И. Ф. Левицким в 1931 и 1946 гг. Вскрыта площадь более 900 кв. м. Автором раскопок в толще напластований выделяется шесть основных археологических слоев, большинство которых делится на ряд горизонтов. И. Ф. Левицкий все слои стоянки, кроме самого нижнего (6), датирует послемадленским временем (Левицкий, 1947, 1959).

Ниже мы остановимся на разборе материалов только третьего мезолитического слоя, как наиболее насыщенного находками. Он залегает в нижней части лёссовидного суглинка делювиального происхождения, с заметной слоистостью, которая увеличивается книзу. Глубина залегания от современной поверхности 2,5—2,75 м. И. Ф. Левицкий выделяет в нем пять горизонтов — а, б, в, г, д. Наиболее полно исследован слой 3в. Остальные горизонты этого слоя представлены небольшим количеством материала.

В слое 3в зафиксированы остатки пяти наземных жилищ подокруглой формы, расположенных по кругу, диаметром 20—22 м, на расстоянии 5—7 м друг от друга. Площади жилищ от 12—14 до 30 кв. м. Они имели столбовую конструкцию. Их стены, очевидно, были сплетены из лозы и обмазаны глиной. В центре этих сооружений расчищены остатки открытых очагов. Следы таких же очагов отмечены и за пределами жилищ. Всего в слое 3в собрано около 8000 кремневых изделий. По их размещению И. Ф. Левицкому удалось проследить место обработки кремня, где в одном случае найдена гранитогнейсовая наковальня.

По подсчетам И. Ф. Левицкого, в горизонте 3в обнаружено 158 орудий труда, а также нуклеусы, пластины, отщепы, заготовки, обломки конкреций и т. д. (Колосов, 1964) (табл. 74). Нуклеусы подконической формы, обычно прямоплощадочные, с односторонним скалыванием. Пластины относительно крупные, шириной чаще всего более 1,5 см. Техника скалывания их имеет палеолитические традиции — края неровные, спинка многофасеточная.

Обнаружено 67 скребков. Среди них преобладают концевые на пластинах, обычно укороченных, пластинчатых или аморфных отщепах, есть двойные скребки. Других типов этих изделий — округлых, подокруглых — выявлено всего по нескольку экземпляров. Резцов 23. Среди них, по определению И. Ф. Левицкого, есть нуклевидные (6 экз.), угловые и срединные.

Особенного внимания заслуживают обнаруженные в горизонте 3в четыре трапециевидных микролита. Изготовлены они из пластин больших и средних размеров, часто с остатками корки желвака. Ретушь крутая, краевая. В трех случаях следы такой ретуши имеются и на узком основании трапеции. Ближайшую аналогию этим изделиям Осокоровки представляют трапеции из Рогалика 2, ранних слоев Шан-Кобы в Крыму, верхних слоев Молодовы и других раннемезолитических стоянок Украины. Все это позволяет относить стоянки типа Осокоровки—Рогалика к раннемезолитическому времени. Существует, однако, и другое мнение (В. Н. Станко) о том, что эти стоянки следует датировать еще позднепалеолитическим временем.

Найдено несколько десятков различных острий. К сожалению, в оригиналах этих вещей сохранилось мало. Поэтому судить об их типологических особенностях бывает трудно. Часть этих изделий изготовлялась из отщепов, а большинство — из пластин. Среди них имеются скошенные сегментовидные острия и др.

Фауна слоя 3в Осокоровки представлена костями бизона, дикого быка, коня, байбака, бобра, зайца и сома. В первом слое стоянки отмечена собака.

Позднемезолитические стоянки типа Ненасытец в Надпорожье и Моспино в Донбассе. В позднем мезолите памятники Надпорожья и Донбасса представляют, как и в раннемезолитическое время, когда здесь были распространены стоянки осокоровско-рогаликского типа, более или менее единую культурную группу. Последние изучены, к сожалению, несколько

хуже, чем стоянки осокоровско-рогаликского типа.

Общей чертой для позднемезолитических памятников Надпорожья и Донбасса является распространение здесь мелкого микролитического кремня (табл. 74) — микролитических нуклеусов, в том числе «карандашевидных», наличие большого числа ретушированных пластин, среди которых отдельные пластины с выемками. Основной формой геометрических микролитов является трапеция, обычно средних пропорций. Встречаются острия со скошенным концом. Скребки составляют четвертую-пятую часть всех орудий. Они изготавливались, как правило, из отщепов. Среди них много концевых, округлых, подокруглых, боковых. Резцов в комплексе заметно меньше, чем скребков, но и их насчитывается нередко более 10%. Преобладают типы резцов на углу сломанной пластины, встречаются со сколами на двух концах. Макролитические формы в коллекциях совсем отсутствуют, за исключением стоянки Кремневая Гора в Донбассе, где отмечены следы макролитической техники.

Несмотря на значительную близость материалов позднемезолитических стоянок Надпорожья и Донбасса, им присущи определенные особенности, что позволяет говорить об отдельных локальных вариантах — ненасытецком в Надпорожье и моспинском в Донбассе.

Ненасытецкая стоянка находится на левом берегу Днепра, в устье балки Билаевой, между селами Васильевка и Марьевка Синельниковского р-на Днепропетровской обл. Выявлена А. В. Бодянским в 1941 г., в 1953 г. обследована Д. Я. Телегиным. Находки собраны на поверхности третьей террасы Днепра.

Ненасытецкая коллекция насчитывает всего около 300 кремневых изделий, не считая отщепов. Все находки изготовлены из высококачественного кремня светло-серого и темного цвета. Нуклеусов и их обломков 13, они небольших размеров, конической формы, обычно со скалыванием пластин по всей окружности. Пластин микролитических и средних размеров 130, в том числе около 60 экземпляров с ретушью. Есть две пластины с плоским стесыванием по брюшку, напоминающие вкладыши кукрекского типа (табл. 74).

Скребков 120, преимущественно на отщепах, небольших и очень малых размеров. Только 12 скребков изготовлены на конце ножевидных пластин. Резцов 20, в том числе девять на пластинах, остальные на отщепах; большей частью это угловые резцы, у некоторых подправленный ретушью конец. Микролитов 23 : 17 трапеций (низких и высоких), три сегментовидных изделия и три треугольника. Все они изготовлены из призматических пластин средних размеров с помощью крутой краевой ретуши. В коллекции, кроме того, есть два отжимника.

Кроме Ненасытецкой стоянки, подобные материалы в Надпорожье обнаружены еще в устье Гадючей Балки.

К числу позднемезолитических памятников типа Моспино в Донбассе и Северном Приазовье относятся стоянки Моспино, Кремневая Гора, Теплое, Меловая, Зимовники, Петропавловка и др. Некоторые из них по составу кремня несколько различаются, но в целом, видимо, представляют собой один культурный моспинский тип, наилучшее представление о котором дает характеристика материалов эпонимной стоянки. По процентному составу находок эти памятники обнаруживают большое сходство.

Стоянка Моспино находится вблизи одноименного села, входящего теперь в пределы г. Донецка. Обнаружена Ф. А. Файнвейц в 1970 г., обследована Д. Я. Телегиным в 1975 г. и затем А. Ф. Гореликом. Стоянка занимает склон Гнилой Балки, по которой протекает ручей, впадающий в верховья р. Кальмиус слева. Материалы собраны на распаханной поверхности поля площадью 250×350 м. В зондажах на месте стоянки культурный слой обнаружить не удалось. Высота местонахождения над уровнем ручья 10—12 м.

Кремневые изделия стоянки (табл. 74), которых здесь собрано более 5000, отличаются мелкими размерами. Пластины тонкие в сечении, преимущественно с трехгранной спинкой. Все находки покрыты молочно-белой патиной. Кремневое сырье высокого качества. Нуклеусы мелкие, конические (в том числе «карандашевидные») и призматические, все прямоплощадочные, с круговым или почти круговым скалыванием.

Больше половины всех орудий составляют пластины с ретушью, 10% из них — пластины с выемками. Скребки по количеству занимают второе место после ретушированных пластин. Большинство их концевые, есть округлые. Резцов меньше, почти все они принадлежат к типу на углу сломанной пластины.

Трапеций около 9%. Изготовлены они из пластин с помощью крупной краевой, односторонней ретуши. По пропорциям трапеции средние и низкие. Есть две асимметричные и одна высокая с боковыми выемками (табл. 72). Среди негеометрических микролитов — косые острия, ретушированные и янославицкого типа. Кроме того, имеется обломок пластины с притупленной спинкой.

Кукрекская культура. В мезолите Украины и Восточной Европы в целом она представляет своеобразное явление, которому неизвестны даже приближенные аналогии. Характерным для этой культуры является высокое развитие техники скалывания микролитических пластин и одновременно частое использование отщепов при изготовлении орудий (табл. 75). Здесь отмечается большое количество микролитических, в том числе «карандашевидных», нуклеусов, скребков, преимущественно округлой, высокой формы, на отщепах и специфических «кукрекских» резцов на обломках кремня. Микролиты геометрических форм (трапеции) представлены в кукрекских комплексах единицами или же отсутствуют вовсе. В числе негеометрических микролитов отмечаются острия со скошенным концом, в том числе абузовского типа. Изготавливались они обычно из небольших микролитических пластин.

Наиболее характерной чертой культуры является значительное распространение вкладышей кукрекского типа, совсем неизвестных в других культурах Европы. Изготавливались они из пластин средних размеров, у которых предварительно отламывались концы и получался прямоугольник длиной 2—4 см. Следует различать «классические образцы» вкладышей кукрекского типа (А) и «псевдовкладыши» (В).

Первые, безусловно, изготовлялись специально, плоская ретушь на них наносилась целенаправленно. При их изготовлении часто использовался способ поперечного слома пластин на месте сделанных боковых выемок. Среди «классических образцов» вкладышей кукрекского типа выделяются два основных подтипа: прямоугольные, вытянутые, с равными боковыми гранями и ретушью на брюшке и короткие с выступом или зубцами.

В комплексах с удовлетворительной сохранностью изделий из кости (Каменная Могила, Игрень 8) обнаружены костяные наконечники дротиков с пазами для вкладышей, наконечники стрел и т. д. С этими же комплексами связаны находки так называемых «челноков» или «утюжков».

Кукрекская культура занимает довольно обширную территорию, к которой относятся Крым, прежде всего степная и предгорная его части, северо-западное Приазовье, степное Поднепровье и северное степное Причерноморье. В пределах УССР теперь известно более 20 местонахождений такого типа (карта 9). Отнесение преобладающего большинства этих памятников к кукрекской культуре сейчас не вызывает сомнений. Наряду с указанными признаками этим комплексам присущи некоторые локальные особенности, что, очевидно, может объясняться различными культурными влияниями. «Собственно кукрекские» стоянки (Кукрек, Каменная Могила), например, по составу кремневых изделий заметно отличаются от памятников Поднепровья (Кизлевый, Игрень 8, Верхняя Андрусовка), а последние, в свою очередь,— от стоянок Конецполь, Абузова Балка и других Северного Причерноморья.

Все это, думается, дает основание говорить о выделении среди памятников кукрекской культуры на Украине и в Молдавии трех ее основных вариантов: крымско-приазовского, днепровского и северопричерноморского.

В пределах Полтавщины, кроме того, выделяются две стоянки — Ахтырка и Хухра-Зайцы, которые условно также могут быть причислены к памятникам кукрекского типа.

О возрасте стоянки Кукрек, как и культуры в целом, единого мнения нет. Большинство исследователей (Г. А. Бонч-Осмоловский, Е. А. Векилова, Д. Я. Телегин, В. Н. Станко и др.) относят эту культуру к позднемезолитическому времени, хотя некоторые из авторов, например В. Н. Даниленко, Ю. Г. Колосов, считают возможным датировать кукрекскую культуру неолитическим временем. Новыми раскопками в Кукреке, проведенными Д. Я. Телегиным в 1975—1976 гг., установлено, однако, что кукрекский слой здесь залегает под слоем с материалами горнокрымской мезолитической культуры. Для отнесения памятников кукрекской культуры к неолиту нет оснований: в составе находок совершенно отсутствует керамика и нет признаков наличия производящих форм хозяйства. На донеолитический возраст культуры указывают и полученные радиокарбоновые даты для стоянок Кукрек и Игрень 8.

Наиболее характерными памятниками кукрекской культуры являются эпонимная стоянка в Крыму и поселение Игрень 8 в Надпорожье.

Стоянка Кукрек находится в предгорной части Крыма, в 25 км западнее г. Симферополя, около с. Лесное Белгородского р-на, на правом берегу р. Зуя. Открыта в 1926 г. В 1926—1927 гг. здесь проводил раскопки Г. А. Бонч-Осмоловский, позже Ю. Г. Колосов и Д. Я. Телегин в 1975—1976 гг. Материалы раскопок Г. А. Бонч-Осмоловского обработаны и изданы Е. А. Векиловой, которая установила двухслойность памятника, что потом было подтверждено и раскопками 1975—1976 гг.

Культурный слой собственно кукрекского типа залегает в глинисто-песчаной прослойке, на глубине 1,4—1,6 м, верхний, мурзак-кобинский горизонт лежит выше, в слое гальки, на глубине 0,8—0,9 м. Между двумя культурными горизонтами — стерильная прослойка толщиной 0,5— 0,6 м. В раскопе Г. А. Бонч-Осмоловского исследованы остатки трех открытых кострищ, в плане округлых, в поперечнике около 1 м. Толщина линзы кострищ до 0,35 м, их заполнение пепельное, темно-серое, с древесными угольками. В одном случае углубление кострища было выложено камнем. Вокруг кострищ обнаружено огромное количество кремневых находок, на отдельных квадратах раскопа их было по нескольку сот экземпляров (табл. 75). По определению В. И. Бибиковой, в слое стоянки обнаружены кости только диких животных, в том числе волка, оленя и кабана. Встречаются также раковины Helix.

Для стоянки Кукрек получены по раковинам три радиокарбоновые даты: Ки-954 — 7650±150 лет до н. э.; Bln-1999(1) — 5370±65 лет до н. э.; Bln-1799(2) — 5335±70 лет до н. э.

Поселение Игрень 8 — многослойный памятник, где обнаружены горизонты мезолита, неолита, бронзы и средневековья (Добровольский, 1949). Позже в процессе многолетних раскопок (1964—1968) Д. Я. Телегиным раскрыты остатки мезолитического поселения, включающего семь жилищ, расположенных вдоль левого берега Самары, места впадения этой реки в Днепр (табл. 69). Жилища имели округлую форму диаметром до 7—8 м, углублены на 0,7—1 м в материковый песок. Перекрывались камышовой конической крышей, опирающейся, очевидно, на деревянный каркас. Некоторые жилища погибли в огне. К сожалению, шесть из семи жилищ с одной стороны были размыты рекой, лишь жилище 5 сохранилось полностью. В жилищах и вокруг них собран большой материал, главным образом кремневые орудия, а также изделия из кости. В жилище 5, например, собрано около 1000 обработанных кремней, в том числе нуклеусы, пластины с ретушью и выемками, вкладыши кукрекского типа (3,3%), разные типы скребков (21,3%), а также резцы на пластинах и отщепах. Из кости на поселениях изготавливались шилья, проколки, наконечники стрел, в том числе с пазами для вкладышей, лощила и др. Для обработки и подсчетов взяты только находки из заполнения землянок. Кремневые и костяные изделия со дна жилищ и их заполнений по количественному и качественному составу были в целом одинаковыми. Более того, идентичными оказались материалы из всех жилищ, что дает нам основание рассматривать их как один культурно-хронологический комплекс.

Значение мезолитической стоянки Игрень 8 для понимания культуры этого времени в Поднепровье довольно велико. Здесь по сути впервые удалось зафиксировать целое поселение мезолитических ры-

баков и охотников, образованное из нескольких полуземляночных жилищ. Комплекс рабочего инвентаря — кремневого, каменного и костяного — из этих жилищ добыт в надежных стратиграфических условиях и отличается в силу этого определенной культурно-хронологической чистотой. Для этого поселения получена серия радиокарбоновых дат: землянка 1, № 125, Ки-950 — 6700±100 лет до н. э.; землянка 1, № 123, Ки-368 — 6910±470 лет до н. э.; землянка 2, № 124, Ки-805 — 6130±210 лет до н. э.; землянка 3, № 150, Ки-806 — 4980±130 лет до н. э.; землянка 4, № 151, Ки-850 — 5350±130 лет до н. э.; культурный слой $Д_2$, № 204, Ки-956 — 7340±110 лет до н. э.; культурный слой $Д_2$, № 204, Bln-1707(1) — 6625±±70 лет до н. э.; № 125, 205 — уголь; № 124, 150, 151, 204 — раковина.

Фаунистические остатки из игреньских мезолитических землянок не обработаны. По данным раскопок А. В. Добровольского (1949), в мезолитическом слое были найдены только кости диких животных (тур, бобр, заяц и рыбы).

Культуры и типы памятников полесско-лесостепной области. Среднее Поднестровье. *Волынь. Киево-Житомирское Полесье. Стоянки нобельского варианта свидерской культуры.* Основной район распространения памятников нобельского типа охватывает бассейн Верхней Припяти и Волыни. В верховьях Припяти они известны как в границах УССР (Нобель, Котыра, Переволока, Сенчицы), так и на территории Белоруссии — Ополь на Ясельде, Бобровичи на Шаре и др. Значительное количество их выявлено в долинах рек Западной Волыни — Стоход и Стырь, Горынь и Случь. Отдельные пункты с типичными нобельскими материалами известны также в долине р. Тетерев (хут. Тетеревский) в Житомирско-Киевском Полесье, а также в Киевском Поднепровье (Канев).

Стойкой особенностью нобелевских комплексов является преобладание нуклеусов косоплощадочных от пластин односторонних (табл. 76). Прямоплощадочные типы тут представлены уже значительно меньше. Техника изготовления ножевидных пластин совершенна, пластины часто хорошо ограпены, но микропластины почти отсутствуют совсем. Нет за небольшим исключением и микролитических нуклеусов.

Для изготовления орудий в Нобеле использовались главным образом пластинчатые заготовки. Средний процент орудий на пластинах — около 70. Значительное количество пластин использовалось как ножи. Процент скребков и резцов относительно большой, количественно превосходит первые. Основным типом скребков являются концевые, па пластинах и отщепах; встречаются также подокруглые скребки и скребки с нерегулярной ретушью. Резцы изготовлялись, как правило, из пластин. Из них основными следует считать срединные, угловые на пластинах и боковые.

Наконечники стрел на пластинах двух основных типов: иволистные с плоской ретушью и черешковые, обычно оформленные крутой краевой ретушью. В границах района расположения нобельских стоянок известны находки и других типов наконечников на пластинах, в том числе с косоретушированным концом, коротких треугольных, близких к типу Лингби (Рудинський, 1952. Рис. 31), и ретушированных по всему периметру народицкого типа.

Другие типы кремневых изделий на пластинах в нобельских комплексах составляют значительное меньшинство. Из Короста и Нобеля известны трапеции и пластина-вкладыш. Наличие здесь трапециевидных микролитов, отсутствующих в свидере Польши, казалось бы, противоречит попытке синхронизации Нобеля со свидерскими памятниками. Учитывая, однако, большое сходство иных категорий инвентаря свидера и Нобеля, как и Сюрени 2 в Крыму, где тоже присутствуют трапеции, следует предполагать, что на территории Украины, расположенной ближе к южным очагам микролитических культур, геометрические микролиты появились несколько раньше, чем в Польше*.

Важной чертой культуры нобельских памятников является значительное распространение микролитических орудий, которые представлены значительным количеством видов изделий: топорами, долотами и др. (табл. 76).

Топоры трех основных типов, отличающиеся как по технике изготовления, так и по форме. Первая форма — топор с перехватом, иногда с боковым скосом на лезвии, более совершенными следует считать овальные топорики и клиновидные топоры. Топоры с перехватом по очертанию часто повторяют форму заготовки, из которой они изготовлены. Эти топоры не имеют совсем или почти не имеют формовочных сколов на широких плоскостях; у них обычно только старательно подправлены боковые грани. Под рабочее лезвие, как правило, использовалась одна из острых граней заготовки, которая может совсем не иметь никакой добавочной подправки, реже на лезвие наносились крупные подостряющие боковые сколы.

Овальные топорики почти всегда покрыты на обеих сторонах формующими сколами. Форма их более «овальная», сечение линзовидное. Лезвие формовалось большим боковым сколом, одним или несколькими. Оно обычно округлое в плане, острое.

Клиновидные топоры отличаются от овальных в основном только способом формирования лезвия с помощью небольших удлиненных сколов в направлении его длинной оси. Лезвие этих топоров имеет клиновидное сечение, оно часто не округлое, а довольно прямое.

Иногда у овальных и клиновидных топоров с помощью боковой ретуши тоже формировался перехват, в результате чего возникали характерные для круга свидерских культур топоры с перехватом. Узкие орудия с двусторонней обработкой были долотами.

Наиболее богатые и выразительные материалы рассматриваемого типа обнаружены на стоянках Нобель I, Корост, Ополь и др.

На побережье оз. Нобель, поблизости от села того же названия Зареченского р-на Ровенской обл., находится несколько мезолитических стоянок (1—4) с одинаковым составом кремневых находок. В пункте Нобель I, открытом еще в 30-х годах, проводились стационарные раскопки. Первый раскоп здесь был заложен в 1938 г. С. Круковским, но материалы этих исследований почти полностью утрачены или депаспортизованы. В 1963 г. стоянки в окрестностях оз. Нобель исследовал В. Ф. Исаенко (Исаенко, 1966),

* Не исключено, однако, и механическое смешение разновременных материалов в Нобеле (*Ред.*).

а с 1972 по 1975 г. здесь проводил раскопки Р. Т. Грибович. За последнее время на стоянке Нобель вскрыта площадь около 500 кв. м. В 1974 г. стоянка Нобель I прошурфована Д. Я. Телегиным совместно с Р. Т. Грибовичем. Она находится на уровне надпойменной террасы оз. Нобель, являющегося большой лагуной в пойме р. Припяти, через которую протекает один из рукавов этой реки. Высота местонахождения над летним уровнем озера 4—5 м. Культурный слой стоянки залегает в нижней части погребенной почвы и подпочвы, перекрывающихся толстым слоем надувного песка. В раскопе Р. Т. Грибовича на уровне нижнего мезолитического горизонта определено наличие нескольких кострищ открытого типа в виде скопления древесного угля. В плане эти скопления имеют округлую форму в поперечнике до 1,4 м, в разрезе они линзовидные толщиной в центре до 0,08—0,1 м. В одном случае кострище было обставлено вертикально стоящими камнями. Находки кремневых изделий мезолитического времени сосредоточивались главным образом вокруг кострища. Лишь за два года раскопок (1972—1973) в мезолитическом горизонте выявлено свыше 6,5 тыс. кремневых находок.

Нуклеусы преобладают косоплощадочные с односторонним скалыванием. Пластины преимущественно средних размеров. Количество орудий по отношению к заготовкам и отходам производства сравнительно невелико (7,5%). Большинство орудий изготовлено из пластины (64,1%). В качестве ножей здесь широко использовались пластины и отщепы с ретушью. Скребки составляют треть орудий (34,9%). Среди них больше всего концевых форм на пластинах или отщепах. Есть несколько двойных и подокруглых скребков. Резцы изготовлялись также по преимуществу из пластин. Их относительно много (19,6%). Среди них больше всего срединных, в том числе со смещением лезвия, и на углу сломанной пластины. Выразительную серию изделий составляют наконечники на пластинах, иволистные и черешковые. Важной группой являются топоры с перехватом.

Стоянки типа Народич представлены на территории Киево-Житомирского Полесья сравнительно небольшим количеством местонахождений — Моства (нижний горизонт), Рудня в бассейне р. Здвиж, Тетерев на р. Тетерев, Сапанов, Чоповичи и др. Появляются они, видимо, в конце раннего мезолита и существуют в позднем.

Наиболее полное представление о характере народических памятников может дать описание материалов Народической стоянки, которая находится в уроч. Песчаном на р. Уж. Высота местонахождения над поймой 2—2,5 м. Раскопана в 1927 г. И. Ф. Левицким (Левицкий, 1931). На дюне заложено шесть раскопов общей площадью 842 кв. м. Наиболее богатый материал получен из первого раскопа, где зафиксирована стратиграфия напластований и скоплений находок в них. Выделена 21 обособленная группа находок мезолитического времени, сосредоточенных вокруг кострищ. Остатки этих кострищ представляли собой скопление угля и золы. Они имеют округлую или вытянутую форму, диаметр от 0,6 до 1,4 м, мощность скоплений до 0,5 м. В одном случае (кострище III) при сооружении были использованы обломки гранита. Отдельные линзы кострищ залегали в напластованиях подпочвы на разной глубине — от 0,25 до 0,86 м. Здесь собрано более 10 000 кремневых изделий, в том числе около 600 орудий, нуклеусов и ножевидных пластин.

В целом кремневые изделия (табл. 77) довольно больших размеров. Кремневое сырье разного качества. Нуклеусы в большинстве одноплощадочные, прямоплощадочные с круговым скалыванием. Качество снятых пластин невысокое. Они крупных размеров, шириной больше 1 см, с неровными краями и плохо ограненной спинкой. Пластин с ровными гранями единицы, микролитических — тоже. При изготовлении орудий использовалась почти исключительно крутая ретушь, значительно реже плоская, покрывающая поверхность пластин. Плоская сплошная обтеска всей поверхности орудия крупными длинными сколами отмечена при изготовлении топоров. Небольшое количество пластин использовалось, судя по наличию боковой ретуши, в качестве ножей.

Скребков около 140. Они разных типов, преобладают концевые на массивных пластинах и пластинчатых отщепах, меньше полукруглых; есть несколько двойных. Некоторая часть больших отщепов имеет частичную краевую ретушь. Резцов 59. Это преимущественно срединный тип на пластинах либо удлиненных отщепах; есть боковые, а также на углу сломанной пластины. Обращает на себя внимание значительное преобладание резцов, изготовленных на длинных узких пластинах.

Наконечников стрел на пластинах найдено около 30 экземпляров; большинство относительно больших размеров — до 6—7 см длиной. Есть, впрочем, экземпляры длиной только 3—3,5 см. Края подправлены ретушью вдоль одного или обоих краев изделий. Ретушь большей частью крутая, реже она более плоская; такой снимался обычно ударный бугорок пластины. Форма и размеры этих изделий диктовались в основном типом пластинчатой заготовки, хотя в большинстве случаев окончательные черты наконечника создавались в процессе обработки пластины. По особенностям формы и технике изготовления в Народичах можно выделить несколько типов наконечников на пластинах, а именно: а) с боковой выемкой, без ретуши на других участках граней изделия (2 экз.); б) иволистные и черешковые свидерского и постсвидерского типов; в) народические с ретушью по двум или одному краю, иногда с односторонней выемкой в области черешка (5 экз.). Последние обычно имеют субромбическую и овальную форму, изготовлены на неправильной пластине путем нанесения ретуши со стороны спинки и короткой плоской — со стороны брюшка вдоль всего периметра изделия.

В комплексе стоянки представлены также микролитические изделия, в том числе пластины и острия с затупленным краем, косые острия, удлиненные асимметричные треугольники и трапеции. Треугольников три, в том числе два неравносторонних. Все они изготовлены из обломков небольших пластин. Трапеции — 12 экземпляров, они изготовлены из сечений очень широких пластин или отщепов, имеют высокую форму. Есть, кроме того, один трапециевидный микролит удлиненных пропорций.

Макролитические формы представлены в основном траншевидными топорами (4 экз.), клиновидными топорами (3 экз.) и топорами с перехватом (3 экз.).

Днепро-припятская позднемезолитическая культура. Памятники этой культуры распространяются в Киево-Житомирском Полесье, Киевском Приднепровье и частично в Западной Волыни (карта 9). По некоторым особенностям в составе кремневых изделий памятники днепро-припятской культуры делятся на два варианта — рудоостровский и загайский. Первый выделен Л. Л. Зализняком (Залізняк, 1978). Он занимает в общем северо-западные территории Волыни — Рудой остров на Здвиже, Стахановка на Ирше, Корма на севере Житомирской обл., Вышгород-ДВС севернее Киева, Нетишин на Горыни и др. А местонахождения загайского типа распространялись в основном в Киево-Каневском Поднепровье, включая Правобережье (уроч. Загай Переяслав-Хмельницкого р-на, Коржи-Бирки, Волошиновка в долине р. Трубеж и др.).

Материальная культура представлена кремневыми изделиями (табл. 77), изготовленными в большинстве из низкосортного разноцветного кремня, очевидно, валунного происхождения. Лишь на крайнем юго-востоке, в районе распространения загайских стоянок, качество кремня значительно лучше. Тут полнее представлены в комплексах правильно ограненные нуклеусы, которые на рудоостровских стоянках в большинстве имеют аморфный вид. Вообще нуклеусы в комплексах культуры составляют очень незначительный процент. Там, где их форма достоверно определяется, они почти всегда прямоплощадочные, чем резко отличаются от преимущественно кососрезанных нуклеусов нобельского типа. Процент пластин в комплексах несколько выше, чем, скажем, на стоянках типа Кудлаевка, но их значительно меньше, чем в позднемезолитических культурах более южных территорий Украины — например, гребениковской, кукрекской и др.

В целом орудий, изготовленных из пластин, меньше, чем этих же изделий из отщепов, хотя в отдельных комплексах (Вышгород-ДВС) первых больше. Количественное соотношение резцов и скребков в инвентарях в пользу вторых, причем превышение их бывает значительным. Иногда резцы представлены всего лишь несколькими процентами. Скребки, наоборот, составляют часто до 40% всех орудий, что, кстати, характерно и для многих других культур позднего мезолита соседних территорий — янославицкой, гребениковской и др. Скребки преимущественно концевые, главным образом на отщепах, и значительно меньше таких скребков на укороченных пластинах (табл. 75). Встречаются также подокруглые скребки на отщепах. В некоторых комплексах отмечены единичные экземпляры двойных скребков. В целом типологический состав скребков очень близок к комплексам этих изделий янославицкой культуры Польши. Обращает на себя внимание, однако, наличие значительного количества округлых скребков на стоянках загайского типа, которое находит уже параллели в комплексах более южных территорий Поднепровья (Кизлевый, Игрень 8, Ненасытец).

Микролиты геометрических форм в комплексах днепро-припятской культуры играют заметную роль, составляя иногда более 10% орудий. Это приблизительно столько же, сколько в таких «микролитических» памятниках, как Гребеники, Мурзак-Коба и др. Особенно значителен процент трапеций на загайских стоянках. Тип трапеций устойчивый; они обычно высокие и средних пропорций, чем отличаются от находок южных мезолитических культур и приближаются к материалам культур Северной Украины, Белоруссии и Польши. Треугольников в рассматриваемых комплексах мало (1%), что характерно и для памятников более западных территорий, в частности — Польши и др. На этот факт, кстати, уже обращали внимание и другие исследователи (С. К. Козловский, В. Ф. Исаенко, Л. Л. Зализняк).

Косые острия составляют значительный процент находок. Вместе с относительно большим количеством микрорезцов они являются одной из характерных черт культуры. Именно по наличию этих острий, изготовленных в микрорезцовой технике, ряд стоянок днепро-припятского типа в Западной Волыни и по Припяти был включен С. К. Козловским в янославицкую культуру (тип Камяне I). Но в отличие от янославицких комплексов Польши на днепро-припятских стоянках косые острия с подретушированным основанием встречаются очень редко (Корма, Нетишин). В наших косых остриях основание обычно выравнено сломом.

Изредка в комплексах днепро-припятской культуры встречаются отдельные пластины-вкладыши. Несколько больше их найдено только на стоянке Корма Iб. Небольшой процент острий с затупленным краем — основной признак, по которому рудоостровские комплексы отличаются от стоянок типа Кудлаевка. Обращает на себя внимание наличие на стоянках загайского типа сегментовидных острий.

Макролитические орудия здесь очень немногочисленны. Встречены только примитивные топоры, например, в комплексах Вышгород-ДВС, Загай, Коржи-Бирки и др. Из-за низкого процента макролитов эта культура значительно отличается от донецкой, Народической, Песочного Рва и др., где макролитические изделия представлены хорошо.

Стоянка Вышгород-ДВС исследована Д. Я. Телегиным в 1954 г. на территории Днепровской водонапорной станции на северной окраине Киева. Она расположена на краю песчаной террасы, в 25 м над поймой правого берега Днепра. Здесь, в выдувах, на площади около 100 кв. м собран значительный кремневый материал. Культурный слой стоянки залегал в средней и верхней части желто-бурого песка (подпочвы), на глубине около 1 м от современной поверхности. В культурном слое, кроме кремневых изделий, отмечено некоторое количество кальцинированных косточек и кусков пережженного гранита. Создается впечатление, что в раскопе исследован только лишь край стоянки, значительная часть которой уже была развеяна (Телегин, 1956).

Всего на стоянке собрано около 1300 кремневых изделий, в том числе несколько десятков орудий. Здесь найдены четыре нуклевидных обломка и около 100 ножевидных пластин средних и малых размеров. Самыми многочисленными являются скребки. Треть их изготовлена из пластин, остальные из отщепов. Последние — округлые в плане, а иногда подокруглые. Резцов выделено только два; изготовлены они из отщепов путем нанесения сколов на одном из углов. Микролитических форм 11; среди них семь трапеций и четыре янославицких острия. Трапеции удлиненных и высоких пропорций, одна из них изго-

товлена из отщепа. Микрорезцов найдено 10. Все они небольших размеров и имеют на конце со стороны спинки пластины ретушированную выемку. В одном случае удалось подобрать микрорезец к слому косого острия. Некоторой особенностью комплекса находок из ДВС является присутствие здесь двух примитивных накопечников стрел подтреугольной формы. Изготовлены они из отщепов крутой, краевой ретушью.

В выдуве на площади стоянки найден тальковый «челнок» или «утюжок» удлиненной ладьевидной формы с обрезанными концами и глубоким поперечным желобком. Его поверхность покрыта резным узором.

Среди крупных кремневых изделий есть один примитивный топор с перехватом. Он изготовлен из большого, треугольного в плане обломка кремня. В качестве лезвия использован край обломка, по выступу спинки орудий в его средней части нанесены сколы с целью утончить изделие.

Стоянка Загай I находится вблизи с. Козинцы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. Обнаружена А. П. Савчуком (Савчук, 1974, 1975). Стоянка расположена на краю песчаного возвышения, в пойме Днепра и левого берега р. Трубеж, впадающей здесь в Днепр. Высота местонахождения над уровнем поймы 4—6 м. Материалы собраны в выдуве, где они залегали в виде скопления округлой формы поперечником в несколько метров. Последнее стало заметным после того, как началось выветривание подпочвы. Наличие ортштейнов свидетельствует о том, что прежде этот участок дюны не перевеивался. А. П. Савчук считает, что в районе скопления было небольшое жилище, немного впущенное в материк. Во всяком случае, при зачистке скопление представляло собой округлую в плане линзу глубиной 0,5 м от основания почвенного слоя.

Всего здесь собрано около 700 обработанных кремней, среди которых около 100 орудий. Кремневое сырье однообразно, довольно хорошего качества, очевидно, моренного происхождения, разных оттенков, от черно-серого до белого и желтоватого (табл. 77).

Нуклеусов 41, среди них правильно ограненных мало. Есть, например, два конических, косоплощадочных; шесть конических прямоплощадочных, один из них микролитический. Скалывание пластин одностороннее. Пластины по преимуществу средних размеров. Часть их с ретушью. Одна пластина с выемками. Более крупные экземпляры пластин превращены в ножи. Два таких инструмента имеют толстую круторетушированную спинку. Скребков 40. Изготовлены они преимущественно из отщепов. Концевых на укороченных пластинах всего лишь семь. Больше всего подокруглых скребков на отщепах (30 экз.), есть округлые (8 экз.), в том числе высокой формы. Резцов 12, среди них срединные на отщепах и изготовленные на углу сломанной пластины.

Трапеций много — 30 экземпляров, четыре из них высокие, остальные средних пропорций. Часть изготовлена из отщепов, иногда с остатками корки желвака. Своеобразную группу микролитических орудий составляют сегментовидные острия, которых найдено пять. Характерной чертой острий является наличие дуговидного края, сформированного с помощью крутой, краевой ретуши. У одного экземпляра ретушью затуплено и основание. По технике изготовления к сегментовидным остриям близко стоит оригинальная группа (4 экз.) острий в виде «отщепов с выровненным краем». Они имеют, как правило, небольшие размеры. Край притуплен крутой краевой ретушью. Как сегментовидные острия, так и отщепы с выровненным краем заметно отличаются от других острий с затупленным краем, в частности типа Ставинога — Кудлаевка.

Макролитические изделия представлены несколькими топоровидными орудиями небольших размеров и неустоявшихся форм.

Раннемезолитические стоянки смячкинского типа. Выделены на Десне еще предвоенными работами М. Я. Рудинского, к числу которых он относил ряд местонахождений в долине р. Смячки, между селами Смяч, Мамекино и Лископош, в том числе пункты 11, 13, 13-В и 16. Характерной чертой памятников этого типа является господство при изготовлении орудий пластинчатой техники и значительное распространение здесь наконечников на пластинах, близких к свидерским. По этим признакам к типу смячкинских относится ряд стоянок на Средней Десне, обнаруженных после Великой Отечественной войны,— Гремяч и Бирино Новгород-Северского р-на, стоянка-мастерская Смячка 17а и др. Находки свидерских наконечников известны из окрестностей сел Мезина, Бровки, Малое Устье и др. (табл. 76).

Наиболее полным комплексом находок смячкинского типа являются материалы стоянки Смячка 14, которая расположена на пологом склоне высокого берега Десны поблизости от устья р. Смячки. Высота местонахождения над поймой 10—12 м. Терраса, на которой размещены эта и большинство других местонахождений района, состоит из валунных отложений, возможно, моренного происхождения. Местами валунные отложения перекрываются песками, на поверхности которых возникли стоянки мезолитической эпохи. Во время разведки М. Я. Рудинского в 1925 г. местонахождение Смячка 14, очевидно, лишь начало развеиваться. Находки (около 1000 экз.) были собраны на ограниченной площади (50×70 м) и представляют собой в типологическом плане весьма выдержанный комплекс. В 1949 г. при повторном обследовании стоянки М. Я. Рудинским количество находок было очень невелико. Всего в комплексе Смячка 14 насчитывается 76 орудий, 11 нуклеусов, несколько сот пластин. Сбор отщепов на стоянке был проведен М. Я. Рудинским неполностью. Вещи (табл. 76) частично патинизированы. Кремневое сырье трех родов: кремень, типичный для Средней Десны, темно-серого цвета, в крапинку, кремень полосатый светло-серого цвета и кремень черного цвета.

Нуклеусы преимущественно одноплощадочные и конические, прямо- и косоплощадочные. Преобладают вторые. Пластины скалывались обычно по всей окружности нуклеуса, в целом они крупные, меньше — средних размеров, мелких всего несколько экземпляров. Они обычно правильно огранены, длинные. Длина пластин от 6 до 9 см. Основная масса орудий комплекса изготовлена из пластин. Пластин с ретушью, однако, относительно мало. Ретушь краевая, довольно крутая.

Скребков много. Большинство их — концевые на

удлиненных или укороченных пластинах. Часть этих орудий изготовлена из отщепов. Они тоже преимущественно концевые. Некоторые скребки на пластинах, очевидно, использовались как ножи, на что указывает наличие боковой ретуши. Резцов меньше, чем скребков, но типологически они довольно разнообразны. Преобладает тип бокового резца на длинной, узкой пластине. Есть также срединные, угловые и двойные резцы. Об изготовлении резцов на месте свидетельствует находка нескольких резцовых сколов.

Характерной чертой комплекса являются наконечники стрел, изготовленные из крупных ножевидных пластин. Всего найдено три таких наконечника: один целый и два в обломках. Они относятся к типу черешковых, черешок сформован крутой краевой ретушью на спинке. Типологически наконечники из Смячки сближаются с соответствующими изделиями Нобеля, стоянок Гомельского Поднепровья и т. д.

Крупные макролитические изделия на стоянке представлены одним примитивным топором. В комплексе Смячка 14 микролиты геометрических форм не обнаружены. Одна трапеция, однако, имеется в коллекции стоянки 13в, которая относится по составу находок к типу Смячки.

Памятники кудлаевского типа распространены на обширной территории от Средней Десны до Киевского Поднепровья и Киево-Житомирского Полесья (карта 9). Основными чертами памятников этого типа следует считать прежде всего значительную роль отщепов при изготовлении орудий (табл. 78).

Нуклеусы на стоянках типа Кудлаевка представлены слабо, в среднем их 0,9%. Они в большинстве имеют аморфный вид. Хорошо ограненные встречаются в единичных экземплярах. Пластин тоже очень мало (8,6%), они преимущественно средние и мелкие, техника их изготовления невысокая. Типичных микролитических с параллельными ровными гранями практически нет. Только в комплексах Десны (Кудлаевка), где кремневое сырье более высокого качества, пластины лучше.

Орудий обычно немного (5,7%). Из них только треть изготовлена из пластин, остальные из отщепов. Такой высокий процент орудий, изготовленных из отщепов, отмечается, как увидим ниже, в позднемезолитических памятниках только в комплексах Песочного Рва. Преимущество орудий из отщеповых заготовок в рассматриваемых комплексах в значительной мере возникает прежде всего потому, что количество пластин с ретушью здесь, как правило, невелико, а ретушированных отщепов, наоборот, много.

Процент скребков средний (22,7 %). Резцов очень мало. Почти все скребки рассматриваемых стоянок изготовлены из отщепов. Это обычно круглые и подокруглые типы, меньше концевых форм. Резцы угловые на отщепах или на углу сломанной пластины, отмечены и срединные. Наконечники стрел на пластинах в комплексах Кудлаевки встречаются не в равных количествах. Их заметно больше на Десне и Нижней Припяти, но они отсутствуют совсем в Киевском Поднепровье. Среди микровкладышевых изделий кудлаевских стоянок по количеству первое место занимают острия типа Ставинога — Кудлаевка и близкие к ним формы. Костяных острий янославицкого типа в рассматриваемых комплексах очень мало, чем эта культура значительно отличается от днепроприпятской и янославицкой. То же следует сказать и о треугольниках, которые здесь встречаются в единичных экземплярах, а в коморницкой культуре составляют 15—20 % от остальных микролитов. Трапеций средних пропорций и высоких в кудлаевских комплексах несколько больше, чем треугольников, но в целом тоже мало (4 %).

Наиболее богатые и важные комплексы кудлаевского типа обнаружены на стоянках Кудлаевка, Таценки, Кухари, Селище, Белосороки и др., в процентном составе их находок отмечается значительное сходство.

Основную массу кремневых изделий Кудлаевки составляли миниатюрные острия с обрубленным краем, названные «кудлаевскими», а после открытия аналогичных изделий на стоянках коморницкой культуры (Коморница, Ставинога) в Польше — «ставинога-кудлаевских». Таких находок в Кудлаевке 26. Здесь имеются также пять высоких трапеций и шесть наконечников на пластинах постсвидерского облика. Среди высоких трапеций Кудлаевки две так называемые «малые транше», т. е. высокие трапеции, изготовленные из отщепов. Наконечники на пластинах здесь относительно небольших размеров (длина до 3 см). У всех четырех черешок подправлен крутой ретушью, а два из них, кроме того, имеют подправку по перу.

Скребков найдено восемь, изготовленных (за одним исключением) из отщепов. Резцов всего четыре — три угловых на отщепах и один на углу сломанной пластины.

Стоянки типа Песочного Рва на Десне и в Киевском Поднепровье характеризуются рядом стойких признаков, по которым они отличаются от всех известных на Украине позднемезолитических памятников. Такими чертами следует считать: а) очень слабое развитие техники изготовления микропластин, отсутствие микролитических нуклеусов и значительный перевес при изготовлении орудий отщепов в качестве заготовок; б) сосуществование микролитических и макролитических изделий, причем последние обнаружены здесь в своих не самых ранних проявлениях; в) особенный, свойственный только этому комплексу набор микролитов, в состав которых входят характерные песочноровские или деснинские треугольники, высокие трапеции, острия с затупленным краем своеобразной формы и пр.; г) наличие нуклевидных скобелей — «рабо» и др. (табл. 78).

Песочноровский тип выделяется главным образом по материалам раскопанной стоянки Песочный Ров на Средней Десне, других памятников этого типа, к сожалению, выявлено еще очень мало. В большинстве это небольшие коллекции кремневых изделий, собранные на поверхности развеянных дюн Десны, в Киевском Поднепровье и на Соже. В связи с этим следует вспомнить находки в урочищах Крейда и Грязьки вблизи с. Мамекино Новгород-Северского р-на, где разведками краеведа И. Ф. Иванченко выявлены широкие треугольники типа песочноровских, высокие трапециевидные и ромбовидные острия, которые по технике изготовления составляют близкую аналогию песочноровским микролитам. Изделия подобных типов известны на побережье озера-болота

Замглай, вблизи с. Репки Черниговского р-на. Треугольник и трапеция известны также у с. Николаевка того же района и с. Красная Гута в Черниговском Поднепровье. Песочноровское острие нашел В. Е. Куриленко и в уроч. Дубина у с. Мезин. В. П. Левенок приводит материалы из уроч. Красный Бор на Соже, в состав которых входят песочноровское треугольное острие, скошенная пластина, наконечники на пластине, которые типологически очень напоминают изделия из Песочного Рва (Левенок, 1966. Рис. 2, *1—3*, *17—20*, *56*). В Киевском Поднепровье на р. Трубеж, возле с. Коржи, в уроч. Рябцы А. П. Савчуком (Савчук, 1974) собрана коллекция кремневых изделий (560 экз.), которая включает значительное количество орудий, характерных и для Песочного Рва. Коллекция крупного кремня с песочноровским треугольным наконечником собрана Л. Г. Самойленко вблизи с. Леонтьевка на Ирпени.

Общую характеристику материальной культуры стоянок песочноровского типа целесообразно привести главным образом на примере комплекса находок со стоянки Песочный Ров, которая находится вблизи с. Пушкари Новгород-Северского р-на Черниговской обл. Стоянка расположена на правом высоком берегу Десны, в 12—14 м над уровнем поймы. Раскопано около 200 кв. м. Культурный слой залегает в подзолистой супеси на глубине 0,3—0,4 м. Находки кремня встречаются скоплениями диаметром 1—2 м, за пределами которых их почти нет. Всего в культурном слое выявлено больше 5000 изделий, среди которых, по подсчетам М. В. Воеводского и А. А. Формозова, 123 орудия (Воеводский, Формозов, 1950). В коллекции, хранящейся в Музее антропологии МГУ, можно выделить около 40 нуклеусов и нуклевидных обломков, а также свыше 100 пластин. Нуклеусы преимущественно конические широкие, прямо- и одноплощадочные, обычно больших размеров. Скалывание пластин чаще одностороннее. Пластины крупные — ширина больше 1,5—1,8 см. Среди них лишь несколько более или менее правильно ограненных, остальные представляют собой скорее пластинчатые отщепы.

Скребков 72. Они по преимуществу крупных размеров. Большинство изготовлено из отщепов, имеет подокруглую форму. Кроме того, около 30 экземпляров можно отнести к типу концевых скребков. Определенную особенность комплексу придают массивные нуклевидные скребла, не встречающиеся в других мезолитических комплексах. Достаточно широко на рассматриваемой стоянке представлены скобели на отщепах, которых обнаружено 15 экз.

Резцов 13. Десять из них изготовлены из отщепов и обломков кремня, остальные на неправильных грубоватых пластинах. Большинство резцов относится к типу угловых, и лишь четыре из них можно назвать боковыми. Широко в комплексе представлены изделия, сформованные с помощью крупной краевой ретуши. Среди них треугольники и типологически близкие к ним трапеции, всего этих изделий 11. Найдено также 12 косых острий и пластин с затупленным краем.

Песочноровские треугольники изготовлялись главным образом из отщепов или сечений пластин. Форма этих изделий очень неустойчива и полностью зависела от очертаний заготовки. Общим их признаком является наличие крутой краевой ретуши на двух краях изделия, сходящихся под острым углом. В тех случаях, когда отщепу или обломку пластины можно было придать треугольную форму при ретуши одного края, ретушь на другой край могла и не наноситься. Трапеции изготовлялись из тех же заготовок; по технике формовки они не отличаются от треугольников. В целом они высокие, реже средних пропорций. Формальным отличием многих из этих трапеций от треугольников является то, что ретушированные грани сходятся не в одной точке, а между ними есть промежуток (верхнее основание трапеции), где ретуши нет.

Косые острия изготовлялись из пластинчатых отщепов с помощью крутой краевой ретуши. Форма этих изделий, как и других микролитов, очень разнообразна. Для изготовления острий с затупленным краем брались те же отщеповые заготовки. Эти изделия слегка напоминают острия типа Ставинога — Кудлаевка, но они более массивные и широкие. Своеобразную группу изделий Песочного Рва составляют наконечники с ретушью по периметру. Изготовлялись они из пластинчатых отщепов и напоминают наконечники народицкого типа, хотя несколько более массивные.

Все описанные выше микролитические изделия — треугольники, трапеции, острия косые и с затупленным краем — использовались, очевидно, в роли наконечников стрел, возможно, вкладышей в деревянной или костяной оправе. В комплексе, кроме того, обнаружены два небольших наконечника стрел на пластинах постсвидерского характера обработки.

Другой важной особенностью комплекса Песочного Рва является присутствие здесь изделий с двусторонней обработкой, причем довольно развитых форм, в том числе двух клиновидных топоров.

Стоянка Миньевский Яр. Она представляет собой отдельное, самобытное явление мезолитической эпохи на Украине. Характерным признаком кремневых изделий этого памятника является значительная роль при изготовлении орудий отщеповых заготовок, наличие топоров и полное отсутствие как геометрических микролитов, так и наконечников на пластинах.

Среди памятников долины Северского Донца и смежных территорий аналогии комплексу кремневых изделий из Миньевского Яра, к сожалению, довольно ограничены. В связи с этим следует вспомнить лишь собранную М. В. Сибилевым коллекцию макролитов вблизи Викнино Изюмского р-на, где выделяется грубый топор, аналогичный миньевскому. Находки макролитических изделий известны также с окраин с. Снежковка того же района.

Стоянка в уроч. Миньевский Яр находится вблизи с. Богородичного Славянского р-на Донецкой обл. Она размещена на левом мысу Миньевского Яра, у самого русла Северского Донца. Высота местонахождения над летним уровнем реки 12 м. Горизонты с культурными остатками залегают здесь в напластованиях первой лёссовой террасы. Следы стоянки в этом месте были обнаружены П. П. Ефименко в 1924 г. Позднее, в 1938 и 1940 гг., здесь проводил раскопки М. В. Сибилев, которым вскрыта площадь более 100 кв. м. В 1950 г. на стоянке проводились

раскопки И. Ф. Левицким и Д. Я. Телегиным (Левицкий, Телегин, 1956). Вскрыта площадь 70 кв. м. В 1976 г. А. Ф. Гореликом и А. А. Кротовой раскопана площадь 32 кв. м (Горелик, Кротова, 1977).

При характеристике инвентаря стоянки в основу положены материалы, добытые в 1950 г., кроме того, использованы находки, сохранившиеся в фондах Института археологии АН УССР, из раскопок 1940 г.

Мезолитический горизонт залегал в самых верхних слоях суглинка, на глубине 1,8—1,9 м от современной поверхности или 10—12 см от начала суглинка. Культурный слой толщиной около 0,1 м состоял главным образом из кремневых изделий; выявлено немного костей благородного оленя и раковин. Прослойка суглинка, которая содержала эти находки, по цвету не отличалась от окружавшей породы. Остатков кострища выявить не удалось, хотя наличие отдельных угольков и пережженных кремней свидетельствует о том, что жителями стоянки какие-то костры раскладывались. На месте стоянки обрабатывалось кремневое сырье. Удалось выделить места, где обтесывались кремневые желваки. Некоторые из них, расщепленные первобытным мастером, реставрированы почти полностью. Все выявленные в раскопках кремневые вещи покрыты с одной стороны голубоватой патиной. Они всегда лежат патинированной стороной вверх, что, как и отсутствие каких-либо следов окатанности на вещах, свидетельствует о первичном залегании культурных остатков.

Материалом для изготовления (табл. 76) был местный темный меловой кремень. Нуклеусы (5 экз.) двух типов: один конический одноплощадочный с правильными фасетками от снятых пластин по всей окружности, остальные крупные, тоже одноплощадочные, сравнительно грубо оббитые.

Топоры (6 экз.) с перехватом. Они представляют характерную группу инвентаря. Очертания и размеры этих примитивных орудий почти целиком определяются формой и величиной отщепа или обломка, из которого изготовлен каждый топор. Общим для орудий этой группы является то, что все они имеют необработанное лезвие или подправленное лишь с одной стороны поперечным сколом. В средней части корпуса топора имеются, однако, следы систематической обработки, в результате чего здесь возникал перехват, очевидно, для привязывания к рукояти. В слое найдено также шесть концевых скребков на пластинах или пластинчатых отщепах и столько же резцов на отщепах, в том числе угловые и срединно-угловой. В инвентаре стоянки есть несколько пластин, конец которых тупо скошен ретушью.

К донецкой позднемезолитической культуре может быть отнесено сравнительно немного стоянок — Дробышево, Пришиб, Петрово-Орловская, некоторые местонахождения петровской группы, а также Райгородок и Рубцы (карта 9). Район распространения этих памятников охватывает среднее течение реки. На юге они непосредственно граничат с микролитическими стоянками Донбасса (тип Моспино), о которых говорилось выше. Восточная, южная и западная границы распространения памятников донецкой культуры прослеживаются слабо. Непосредственных территориальных контактов, например, со стоянками днепро-припятской культуры на Днепре или Песочным Рвом на Десне проследить не удается. Материальная культура донецкой позднемезолитической культуры может быть охарактеризована в целом как микро-макролитическая (табл. 79), что позволяет отнести ее к области культур лесостепи и полесья Украины. Нуклеусы конической формы, хорошо ограненные. Пластины мелкие микролитические. Для донецкой культуры, которую М. Я. Рудинский в свое время называл «индустрией поломанной пластины и геометрических форм» (Рудинський, 1931. С. 156), свойственно количественное преобладание орудий, изготовленных из пластин. В этом отношении она стоит выше даже таких «пластинчатых» культур, как Мурзак-Коба или позднемезолитические стоянки Донбасса. В комплексах много ретушированных пластин, встречаются пластины с выемками.

Процент скребков и резцов в донецкой культуре в целом небольшой. Скребки в донецких стоянках чаще мелкие подокруглые на отщепах, реже концевые. В Райгородке они изготовлялись из крупных пластинчатых отщепов. Резцы на углу сломанной пластины или нуклевидные с подретушированным концом (табл. 79). Последние, почти неизвестные в других культурах, составляют одну из специфических черт донецких стоянок. Они хорошо представлены во всех комплексах.

В роли наконечников стрел использовались в основном, очевидно, косые острия янисла вицкого типа. Скошенный конец очень острый, сформированный обычно на более толстом конце пластины. Возможно, они изготавливались, как и в днепро-припятской культуре, с помощью микрорезцовой техники, но микрорезцы на Донце не выявлены. Процент этих острий в донецких комплексах очень большой, даже выше, чем в других культурах этого времени, в том числе и в Днепро-припятской.

В Дробышево, в Пришибе очень много трапеций (17,8 %). Такого количества этих микролитов нет ни в одной из позднемезолитических культур Украины, даже в таких наиболее «микролитических» культурах, как Гребеники и стоянки Донбасса. Типы этих изделий постоянны, преимущественно удлиненных и средних пропорций. Обращает на себя внимание наличие на Северском Донце значительного количества трапеций с вогнутыми боковыми гранями. На Днепре, в Крыму и на Правобережье этот тип трапеций представлен значительно меньше или отсутствует совсем.

Другие типы микролитов на стоянках Северского Донца составляют меньшинство. Интересно отметить присутствие здесь небольшого количества сегментов и вкладышей.

Макролитических изделий на стоянках региона встречается много. Это топоры овальной формы с лезвием, сформованным поперечным боковым сколом.

Важной находкой является костяное острие с вкладышами из Райгородка. В долине Северского Донца известны еще две находки аналогичных острий с пазами для вкладышей — вблизи г. Изюма и на Дроновской стоянке.

В коллекции стоянки Рубцы есть один наконечник на пластине — изделие довольно редкое для долины. Изготовлен он из пластины средних размеров, черешок подправлен крутой краевой ретушью. Кроме рубцовского наконечника в среднем течении Север-

ского Донца, изделия этого типа были в разное время найдены еще на нескольких стоянках: Петровское 4 и 28, Кицевка и Грушеваха I. Некоторые из них по форме и технике изготовления представляют близкую аналогию находке из Рубцов.

Следует отметить различия в составе кремневых изделий донецкой культуры. Обращает на себя внимание прежде всего отсутствие в некоторых мезолитических комплексах трапециевидных микролитов. Их нет, например, в Райгородке, как и в коллекции находок из Рубцов. Эти два комплекса отличаются от коллекции из других местонахождений Северского Донца (Дробышево, Пришиб, Петровские стоянки) в некоторой мере и по технике обработки камня. Кремневые изделия из Райгородка и Рубцова более массивные и крупные. Отметим еще, что в Дробышево, Пришибе и других более поздних стоянках выявлено значительно больше, чем в Райгородке и Рубцах, янисла́вицких острий. Все это позволяет сделать предположение о разновременности этих групп мезолитических памятников, из которых Райгородок и Рубцы следует считать более ранними, а комплексы с дюнных стоянок типа Дробышево, Петровские стоянки, Пришиб и др.— более поздними.

К материалам стоянки Дробышево типологически очень близки коллекции из стоянок Пришиб, Петрово-Орловская, Петровская 4 и 28 и т. д.

Средний Днестр. Изучение памятников Днестра проводилось за последние десятилетия главным образом А. П. Черны́шом (Черны́ш, 1950, 1970, 1971, 1973, 1975). Они представлены преимущественно верхними культурными горизонтами многослойных стоянок — Оселивка, Молодова, Атаки, Кормань и др. Материальная культура этих памятников по многим показателям отличается от иных синхронных культурных типов, что позволяет выделить их в отдельную культурную группу. А. П. Черны́ш эти местонахождения вместе со стоянками типа Фрумушика относит к отдельной культурно-этнической провинции, в которой различает четыре отдельные культуры — молодовскую, оселивскую, атакскую и фрумушикскую (Черны́ш, 1975. С. 151). С такой постановкой вопроса трудно согласиться, поскольку, с одной стороны, позднемезолитические стоянки типа Фрумушика, по мнению многих исследователей (Д. Я. Телегин, В. Н. Станко, С. Л. Дворянинов), относятся к иному, кукрекскому кругу памятников и, с другой стороны, различия в материальной культуре Молодовы, Оселивки и Атак относительно невелики (табл. 80), что не дает оснований видеть в них отдельные типы памятников, и тем более самостоятельные культуры. Судя по составу находок, все названные памятники, видимо, следует относить к одному типу, который мы условно будем называть далее «оселивским».

Стоянки оселивского типа (Оселивка, Молодова V, слои 1, 1а, Атаки VI, Кормань IV и др.) на Днестре, Майдан Горишний в Прикарпатье и др. характеризуются количественным преобладанием резцов над скребками. Среди первых часто встречаются срединные, в том числе со смещением лезвия, и боковые типы. Скребки в большинстве концевые на пластинах и отщепах. Нуклеусы одно- и двухплощадочные, подпризматические, преимущественно со скошенными площадками, с односторонним скалыванием. Найдены разные острия с затупленным краем, которые здесь среди микролитов играют наиболее важную роль, во всяком случае значительно большую, чем мы можем отмечать это для других раннемезолитических типов Украины. Почти в каждом из оселивских комплексов Поднестровья, однако, выделяются одна или несколько крупных удлиненных трапеций «осокоровского» типа и отмечается наличие единичных сегментов, треугольников, пластин со скошенными концами и др. Заметное своеобразие кремневым комплексам оселивского типа придает наличие здесь свидероидных наконечников на пластинах. В комплексе Кормани отмечено наличие топоров, изготовленных из обломков кремня, которые находят аналогии в материалах Волыни и Полесья Украины, а на более южных территориях неизвестны совсем.

Наиболее выраженные материалы оселивского типа обнаружены при раскопках на стоянке Молодова V, где исследовано два раннемезолитических горизонта 1 и 1а, которые залегали на глубине 0,5—0,8 м и 0,9—1,1 м. В верхнем слое 1, раскрытом на площади около 1000 кв. м, зафиксированы следы жилищных комплексов и кострища, где собрано несколько сот кремневых орудий, кости животных, преимущественно северного оленя (74 %), и другие находки (Черны́ш, 1975. С. 44—52). Аналогичен характер находок, свойственный и нижнему мезолитическому слою (1а) этой стоянки, где, кроме того, обнаружены костяные изделия (многозубый гарпун, роговой топор), каменные растиральники и др. Среди фаунистических остатков слоя 1а преобладают кости северного оленя.

Слои Молодова V датированы методом C_{14}: слой 1 — 8940±150 лет до н. э. (Ги́н-54); слой 1а — 8590±230 лет до н. э. (Ги́н-7). По мнению А. П. Черны́ша, раннемезолитические памятники Среднего Поднестровья являются продолжением развития местных позднепалеолитических культур типа Молодова.

Позднемезолитические памятники на Среднем Днестре изучены слабо. Здесь известно только несколько докерамических стоянок с позднемезолитическим кремнем, исследованных В. И. Маркевичем у с. Сороки (Маркевич, 1974). Автор раскопок генетически увязывает их с раннемезолитическим горизонтом стоянки Атаки и относит к докерамическому неолиту.

Памятники типа Сороки (Сороки 1, слой 2; Сороки 2, слой 2, 3) характеризуются наличием удлиненных и средневысоких трапеций, высоких асимметричных треугольников, но здесь уже нет наконечников на пластинах и макролитических форм. Встречается значительное количество хорошо ограненных ножевидных пластин с ретушью — ножей, часто со скребковидным концом. Скребки чаще изготовлялись на пластинах, они обычно концевого типа. Реже использовали скребки на отщепах — тоже концевые или подокруглые. Резцов очень мало (табл. 80). Встречаются скобели, сверла и др. На поселениях, где отмечены следы наземных жилищ подпрямоугольной формы, хорошо представлены костяные и роговые изделия, среди которых выделяются тесловидные орудия, мотыги (?) с продольно поставленным лезвием, подвески и др.

В комплексах находок докерамических слоев Сорок, кроме костей диких животных, отмечаются кости домашних — свиньи, крупного рогатого скота и собаки.

Для датировки мезолитических слоев из Сороки 2 получены две даты: Bln-585—5565±120 лет до н. э.; Bln-587—5470±80 лет до н. э.

Могильники волошско-васильевского типа. Важным вкладом в дело изучения мезолита УССР, как и Восточной Европы в целом, следует считать исследования могильников волошско-васильевского типа в Надпорожье, раскопанных в 1952—1955 гг. Несколько ранее отдельные мезолитические погребения были изучены А. В. Добровольским в Чаплинском могильнике (Добровольский, 1954). В период раскопок в Волошском и Васильевке были сделаны важные наблюдения в обряде погребений мезолитического населения на Украине и собран большой антропологический материал (Кондукторова, 1957).

Все мезолитические могильники — Волошский, Васильевские I, III и Чаплинский — сосредоточены в Поднепровье на сравнительно небольшом отрезке долины реки в северной половине Днепровского Надпорожья. Вторым районом, где обнаружены погребения этого типа на Украине, является юго-западный Крым, в частности Байдарская долина и каньон р. Черной, связанной с этой долиной (Фатьма-Коба, Мурзак-Коба). На остальной территории Украины погребения мезолитического времени неизвестны.

Основным обрядом погребения этого населения следует считать скорченное трупоположение на правом или левом боку, хотя здесь известны и вытянутые погребения (см. таблицу).

Состав погребений в мезолитических могильниках Украины

Могильники	Всего погребений	Обряд погребения						Количество могил	
		Скорченные на боку			Скорченные на спине	Вытянутые	Другие неопределенные	парных	тройных
		Всего	В том числе: на правом	В том числе: на левом					
Волошский	19	14	13	1	2	2	1	1	—
Васильевский I	24	24	16	8	—	—	—	3	—
Васильевский III	45	33	24	9	1	7	4	3	3
Чаплинский	5	5	—	5	—	—	—	—	—
Фатьма-Коба	1	1	1	—	—	—	—	—	—
Мурзак-Коба	2	—	—	—	—	2	—	1	—
Всего . . .	96	77	54	23	3	11	5	8	3

Ориентация погребенных относительно сторон света не постоянная, хотя решительно преобладает трупоположение головой на восток и юго-восток, реже на юг. К северу и западу были ориентированы лишь некоторые из умерших. Во всех некрополях преобладают одиночные захоронения, обнаружено лишь восемь парных и три тройных погребения. Среди последних две могилы с вытянутыми на спине погребенными из Васильевки III.

Какую-нибудь закономерность в расположении могил на площади некрополя проследить не удается. В Волошском и Васильевке I, III, где обнаружено больше всего погребений, они занимают компактный небольшой участок. Отмечены неоднократные случаи частичного перекрывания одного скелета другим. Бóльшая скорченность погребенных в центре некрополя, чем на периферии, что отмечал А. Д. Столяр, для Васильевки I, как и размещение здесь могил в две линии, на примере других могильников не прослеживается. На площади Волошского могильника выделяются, однако, две отдельные его части, которые обособлены не только территориально, но и по обряду погребения.

При скелетах Васильевки I и шести из Васильевки III обнаружены следы красной охры. Замечено, что чаще и особенно густо порошком охры засыпались детские погребения. Наличие краски при погребениях в Волошском, Чаплинском могильниках, как и в могилах из Фатьма-Кобы и Мурзак-Кобы, не отмечается.

Если не считать находок раковины перловицы и отдельных маловыразительных обломков кремневых и костяных изделий, то во всех могильниках отмечается всего 10 инвентарных погребений, в том числе в Волошском три скелета и в Васильевских I и III соответственно два и пять погребений. Больше всего здесь найдено кремневых острий на пластинах с ровно притупленным краем, а также два геометрических микролита (трапеции, треугольник) и костяной наконечник копья с пластинами-вкладышами в пазах (табл. 81).

Погребения мезолитических могильников Украины по ряду признаков, прежде всего по обряду погребения, могут быть разделены на два основных типа: скорченные на боку, вытянутые на спине. Количественно преобладают могилы первого типа, присутствующие во всех некрополях Надпорожья, а также в гроте Фатьма-Коба в Крыму. У погребенных этого типа ноги обычно сильно подогнуты, руки согнуты в локтях, кисти — перед лицом.

Среди некрополей Надпорожья наиболее ранними следует считать Волошский в его западной части, за которым следуют оба Васильевских. Из них Васильевский III, где заметно перерастание погребений первой группы во вторую, очевидно, более поздний, чем Васильевский I. Эта мысль, высказанная Д. Я. Телегиным при публикации материалов Васильевского III, нашла поддержку в выводах А. Хойслера (Häusler, 1962) и Ю. Г. Колосова (Колосов, 1971). Возраст погребений восточной части Волошского некрополя, где появляются вытянутые погребения, возможно, близок Васильевскому III.

Среди могильников волошско-васильевского типа в Поднепровье наиболее крупным является Васильевский III некрополь. Расположен он на первой лёссовой террасе левого берега Днепра в Надпорожье. Открыт А. В. Бодянским. Исследован Д. Я. Телегиным (Телегин, 1957, 1962). Всего обнаружено 45 костяков; кроме того, несколько погребений здесь были расчищены А. Д. Столяром в 1951 г. Центральная часть могильника, к сожалению, была разруше-

на глубоким оврагом. Если допустить, что частота погребений и в этой части была такая же, как и на исследованных участках, то всего в могильнике было не менее 60—70 могил. Таким образом, это самый большой мезолитический могильник в Надпорожье. Могилы размещены компактной группой на площади около 100 кв. м (табл. 81).

По обряду погребений и до некоторой степени размещению могил все они делятся на две неравные группы: к первой относятся 34 скорченных погребения (2—14, 16—28, 30, 37—39, 41, 43), ко второй — семь вытянутых (1, 31—36). Ко второй группе, очевидно, следует отнести и погребение 15, от которого сохранился лишь череп. Положение трех разрушенных погребений (3а, 29, 40) определить не удалось.

Погребения первой группы — скорченные на правом (24) или, реже, левом (9) боку. Преобладающее большинство их ориентировано в южном и восточном направлениях. Руки погребенных во всех случаях, когда удалось проследить, согнуты в локтях, кисти напротив лица, они как будто прикрывают его или, сложенные ладонями вместе, находятся вблизи него.

В первой группе по обряду погребения несколько особняком стоит только погребение 8, в котором погребенный был положен в сильно скорченном положении на спине. В погребениях 18, 25, 42, кроме того, черепа лицевой частью были повернуты почти вниз.

Ко второй группе вытянутых погребений некрополя относятся две тройные могилы (31—33 и 34—36) и одна одиночная (1). Тройные захоронения ориентированы на юго-запад. Погребенный 1 положен головой на юг. В пяти погребениях этой группы (из семи) костяки лежат в вытянутом положении на спине, лицом вправо или влево. Ноги прямые, лишь в погребении 34 они ниже колен откинуты вправо. Руки чаще слегка согнуты в локтях, кисть на тазе или поблизости от него. В двух случаях (31, 34) левая рука погребенных согнута в локте под острым углом, кисть в области груди.

Находок при скелетах рассмотренного некрополя обнаружено несколько больше, чем в Волошском и Васильевском I. При скелетах первой группы 5, 12, 37 найдены обломки наконечников стрел в виде острий с прямым затупленным краем. Два из них застряли в костях погребенных: один в ребре скелета 12, второй — в позвоночнике скелета 37. Оба от удара о кость сломались или же растрескались на мелкие кусочки. Аналогичные острия обнаружены при скелетах и иных мезолитических могильников Надпорожья.

При вытянутых скелетах второй группы найдены обломок костяного копья с кремневыми вкладышами, который также застрял в плечевой кости погребенного 34, вытянутый треугольник и асимметричная трапеция, по форме очень близкая к треугольнику (табл. 81).

Глава двенадцатая
Мезолит Среднего Приуралья

Изучение мезолита урало-сибирского региона началось относительно недавно. Первый мезолитический памятник на территории Западной Сибири — Черноозерье VIa — был открыт лишь в 1967 г. Немногим ранее следы этой эпохи были обнаружены на Среднем Урале. Еще в 1947 г. О. Н. Бадер говорил, что период мезолита на Урале «до сих пор не освещен и ни один его памятник здесь еще не выявлен» (Бадер О. Н., 1948. С. 13). Однако в том же 1947 г. при раскопках многослойного памятника у д. Нижнее Адищево им был типологически выделен комплекс изделий, изготовленных на микропластинках, которые он отнес к эпохе мезолита. Вслед за Нижнеадищевской стоянкой орудия на микропластинках были обнаружены еще на ряде памятников: Огурдино, Кама-Жулановская, Ольхово-Первомайская, Левшинская, Бойцовская I (Бадер О. Н., 1966. С. 196). В большинстве случаев указанные комплексы микропластинок были выделены типологическим путем, и их принадлежность к мезолиту до сих пор вызывает споры. Однако открытие в последние годы мезолитических стоянок на территории Прикамья и Камско-Вятского междуречья подтвердило обоснованность выводов О. Н. Бадера.

Первые мезолитические памятники в бассейне р. Вятки были обнаружены в 1962 г. И. И. Стефановой: Черняницкая стоянка, Чирковская кремнеобрабатывающая мастерская (Стефанова, 1967). Особенно активная деятельность по изучению эпохи мезолита в междуречье Камы и Вятки началась в 70-е годы. Продолжается изучение мезолитических памятников и на территории Прикамья, где экспедицией Пермского университета открыто в последние годы несколько новых местонахождений.

В результате этих работ в настоящее время на территории Среднего Приуралья известно более 40 мезолитических памятников, многие из которых изучены раскопками (карта 10).

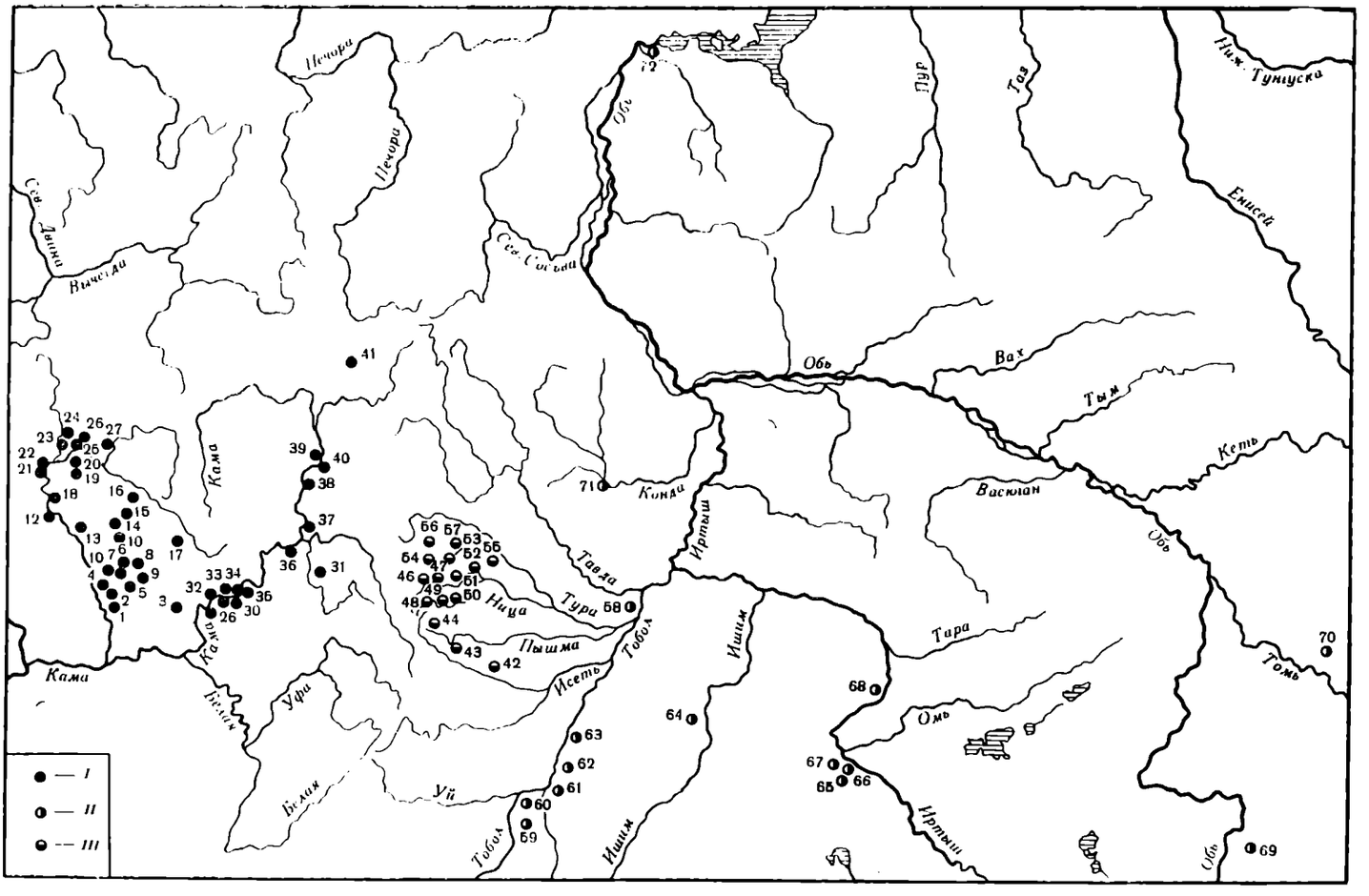
Основные памятники этого района расположены по берегам рек Камы, Вятки, Вишеры и их притоков. Топографически они приурочены к первым надпойменным террасам, однако — их высотное расположение неоднородно. Среди них выделяется группа стоянок, расположенных на наиболее возвышенных участках берегов (особенно это относится к камским памятникам): Новожиловская (высота террасы 25 м), Монинская (20 м), Нижнеадищевская (13 м) и др. При этом интересно отметить, что Новожиловская стоянка отнесена в глубь террасы почти на 500 м, далеко от края террасы залегала и Нижнеадищевская мезолитическая стоянка (Бадер О. Н., 1951. С. 7). По мнению О. Н. Бадера, это позволяет связывать их с наиболее древними участками берегов.

В других участках региона топографические различия в размещении памятников не столь заметны, но и там хорошо выделяется группа стоянок с ярко выраженным микролитическим инвентарем. Среди них особый интерес представляет стоянка Баринка II, где соотношение орудий на пластинках и отщепах составляет 99,6 и 0,4% (Гусенцова, 1981. С. 135). Аналогичный материал содержат стоянки Монинская в Прикамье (Мельничук, 1979), Кичаны (раскоп 1) (Гусенцова, 1976) и Муки-Какси I и II в бассейне Вятки. Вероятно, все эти стоянки вместе с Новожиловской и Нижнеадищевской составляют наиболее раннюю группу мезолитических памятников Приуралья, что подтверждается датой стоянки Баринка II: 8265±130 лет от наших дней (ЛЕ-1288).

Стоянка Баринка II располагалась на песчаной гряде первой надпойменной террасы р. Валы высотой 5 м (Гусенцова, 1981. С. 130). Здесь в раскопе площадью 192 кв. м были вскрыты две полуземлянки прямоугольной формы. Их размеры: 6×5 и 7×4 м, глубина в материке 0,35 и 0,38 м. С жилищами связаны остатки нескольких столбовых ям, внутри них сохранились очажные ямы. Жилище 2 имеет небольшой выступ в одной из стен, указывающий место входа.

Кремневый инвентарь поселения (табл. 82) представлен преимущественно мелкими орудиями, в основе которых лежали сечения ножевидных пластинок. Преобладают пластинки шириной до 1 см. Среди орудий выделяются неретушированные пластинки со следами сработанности (24,5%) и угловые резцы (6,5%). Нуклеусы, встреченные на стоянке, подразделяются на три типа: конические, призматические и торцовые (1 экз.). Ближайшие аналогии последнему имеются в Среднем Зауралье (стоянка Сухрино I) (Стоянов, Крижевская, Старков, 1977), где они, вероятно, ведут свое происхождение от местного палеолита.

Мезолитический материал Нижнеадищевской стоянки был выделен О. Н. Бадером преимущественно по типологическим признакам, хотя при раскопках 1947—1948 гг. ему удалось проследить, что комплекс кремневых микролитов залегал непосредственно на материке, ниже более поздних отложений ананьинского времени (Бадер О. Н., 1951. С. 9). Стоянка располагалась на высоком 13-метровом останце боровой террасы р. Чусовой. Изделия мезолитического времени изготовлены из коричневато-желтого кремня и представлены комплексом мелких ножевидных пластинок и небольшим количеством орудий на отщепах. Ножевидные пластинки (262 экз.) характеризуются следующими размерами: преобладают изделия длиной 4 см и шириной 0,6—0,7 см (табл. 82). Из них изготовлены вкладыши с краевой односторонней

Карта 10. Памятники Среднего Урала и Западной Сибири

I — камская культура, *II* — памятники неясной культурной принадлежности, *III* — кокшаровско-юрьинская культура *1* — Большая Сатнурская III; *2* — Большая Сатнурская I; *3* — Кыйлуд IV; *4* — Тархан I, II; *5* — Моторки II; *6* — Баринка II; *7* — Баринка I; *8* — Муки-Какси I; *9* — Муки-Какси II; *10* — Кичаны I; *11* — Хорошевка; *12* — Мари-Кугалки; *13* — Шуран; *14* — Степницы II; *15* — Архангельская; *16* — Городищенская; *17* — Тылыс; *18* — Нижнекороповская; *19* — Студенцы I; *20* — Студенцы II; *21* — Шестаково III; *22* — Шестаково I; *23* — Черняницкая; *24* — Слуда; *25* — Кипеневщинская; *26* — Большежда новская; *27* — Чирковская I—II; *28* — Драчевская; *29* — Бойцовская I; *30* — Кама-Жулановская; *31* — Бродовская; *32* — Верхнераздорная; *33* — Барская Пристань; *34* — Ольхово-Первомайская; *35* — Заозерская; *36* — Левшино; *37* — Нижне-Адищевская; *38* — Новожиловская; *39* — Огурдино; *40* — Монино; *41* — Березовская; *42* — Сухрино I; *43* — Шигирский торфяник; *44* — Крутики I—VI; *45* — Ашка II; *46* — Амбарка; *47* — Полуденка I; *48* — Береговая I—IV; *49* — Серый Камень; *50* — Голый Камень; *51* — Евстюниха III; *52* — Баранча II; *53* — Кокшарово I, III, VII; *54* — Юрьино VI—VIII; *55* — Кокшаровско-Юрьинское; *56* — Выйка II; *57* — Исток II, III; *58* — Байрык I; *59* — Убаган VII, VIII; *60* — Убаган III; *61* — Звериноголовская; *62* — Верхняя Алабуга; *63* — Камышное I; *64* — Полковниково; *65* — Максимовка II; *66* — Малый Ащи-Куль I; *67* — Ащи-Куль II; *68* — Черноозерье VIa; *69* — Ляпустин Мыс I; *70* — Большой Берчикуль I; *71* — Корчаки I

ретушью и без нее и один концевой скребок. Три отщепа или пластинки неправильной формы имеют резцовые сколы, из отщепов же изготовлены два небольших скребка с закругленным рабочим краем. Кроме того, в коллекции имеются четыре нуклеуса призматической и конической формы.

Интересными памятниками этой группы являются Новожиловская и Драчевская стоянки, исследованные экспедицией Пермского университета в 1977—1979 гг. (Мельничук, 1978; Денисов, Мельничук, 1979; Мельничук, 1979). Среди находок обращают на себя внимание клиновидные нуклеусы (Новожиловская стоянка), угловые резцы, вкладыши, концевые скребки, пластинки с боковыми выемками, резчики (Драчевская стоянка) и пластинки с обработанным ретушью концом. Две последние категории («резчики» и пластинки с ретушированным концом) не характерны для раннего этапа приуральского мезолита (гораздо больше их на памятниках позднего этапа), чем они сближаются с мезолитическими стоянками Нижнего Прикамья, где единичные пластинки со скошенным концом известны на стоянках Татарско-Азибейская IV и Юртовская IV. Гораздо шире распространены эти изделия в мезолите Среднего Зауралья.

Заканчивая описание этой группы приуральских памятников эпохи мезолита, отметим основные черты каменного инвентаря: 1) значительное преобладание орудий на ножевидных пластинках над орудиями

на отщепах; 2) общий микролитический характер индустрии; 3) определенный, весьма ограниченный набор орудий. Среди них преобладают вкладыши и угловые резцы. Вкладыши изготовлены на сечениях пластин, причем использовались средние части пластинок, ретушь в большинстве случаев не употреблялась. В виде единичных экземпляров встречены пластинки с мелкой краевой ретушью, нанесенной на спинке (чаще) или брюшке, пластинки с ретушью на конце, «резчики», клиновидные и торцевые нуклеусы (табл. 82).

Вторая группа памятников более многочисленна. К ней относятся стоянки Огурдино, Бойцовская I, Баринка I, Бродовская, Степницы II, Кыйлуд IV, Нынек, Архангельская III, Городищенская, Черняницкая и др.

Каменный инвентарь (табл. 83—84) этих памятников характеризуется рядом особенностей, которые отличают их от описанных выше.

1. Укрупнение размеров пластин. Если для памятников первой группы характерны пластинки шириной менее 1 см, то теперь их размеры значительно увеличиваются.

2. Увеличение количества орудий на отщепах. Об этом, в частности, говорят следующие данные: на Черняницкой стоянке соотношение орудий на пластинках и отщепах составляет 239 и 68 (на отщепах изготовлено 28,4 % орудий), на стоянке Степницы II орудия на отщепах составляют 13 %, на Городищенской стоянке 33 %, а на стоянке Баринка I — 60,1 %. Из отщепов изготовлены преимущественно скребки, на стоянках Городище и Баринка I из отщепов изготовлено несколько скобелей.

3. Получает развитие такая форма орудий, как пластинки с обработанным ретушью концом. На многих стоянках (Баринка I, Нынекская, Тархан I, Мари-Кугалки II, Городище, Степницы II) имеются пластинки со скошенным концом, на стоянках Тархан II, Мари-Кугалки II и Степницы II встречены пластинки с выемкой на торце, а на стоянке Степницы II — пластинка с притупленным концом.

4. Появление крупных шлифованных рубящих орудий (стоянки Баринка I и Тархан II).

5. На стоянках Огурдино и Тархан II встречены довольно крупные трапеции симметричной формы с вогнутыми краями, а на стоянке Городище — изделие, напоминающее сегмент.

6. В западных районах региона на стоянках Степницы II, Чирковская, Моторки VIII, Мари-Кугалки I встречены единичные черешковые наконечники стрел постсвидерского типа. Эти изделия не характерны для местной мезолитической культуры и появились здесь, вероятно, с запада.

Вероятнее всего, эти изменения в кремневой индустрии мезолита Приуралья носят хронологический характер и соответствуют позднему этапу этой эпохи. Об этом говорит и абсолютная дата стоянки Баринка I — 7435±170 лет от наших дней (ЛЕ-1264).

Стоянка Баринка I находится в 180 м от стоянки Баринка II (Гусенцова, 1981. С. 136). Она расположена на первой надпойменной террасе высотой 7 м. Территория распространения находок составляет примерно 400 кв. м. Здесь был заложен раскоп площадью 304 кв. м, в котором вскрыты два жилища в виде прямоугольных полуземлянок, опущенных в материк на глубину 0,70 м (жилище 1) и 0,62 м (жилище 2). Размеры жилищ соответственно 5×5 и 8×7 м. Входы в жилища в виде небольших выступов, были обращены в сторону реки. Внутри полуземлянок помещались по два простых открытых очага округлой формы. Судя по стратиграфии и составу находок, оба жилища существовали одновременно.

На стоянке было обнаружено 2274 кремневых изделий. Большинство ножевидных пластинок принадлежит средним и крупным формам, микропластинки представлены всего 50 экземплярами. Наибольшую группу изделий составляют вкладыши удлиненных пропорций, длина которых в 1,5—2 раза превышает ширину. Большинство вкладышей ретушированы по одному или двум краям. Угловые резцы представлены серией из 17 экземпляров. В количественном отношении они уступают аналогичным орудиям стоянки Баринка II, но увеличилась доля скребков на отщепах (31 экз.). Помимо того, в коллекции имеется 31 ножевидная пластинка с краевой ретушью, 134 пластинки без ретуши, но со следами сработанности, одна пластинка с притупленным концом, четыре пластинки со скошенным концом, острие.

Особую группу составляют фрагменты рубящих орудий (топоров?), среди которых два несут на себе следы шлифовки.

Большая серия кремневых изделий была получена при раскопках Черняницкой стоянки, открытой в 1962 г. И. И. Стефановой (Стефанова, 1966, 1967). Она расположена на краю надпойменной террасы р. Черняницы, входящей в систему правобережных притоков р. Вятки. Здесь было обнаружено более 1000 кремневых предметов. Ножевидные пластинки характеризуются следующими размерами: длина от 1 до 6,7 см, ширина от 0,3 до 1,7 см. Пластинки обработаны сплошной или частичной краевой ретушью на спинке, две из них имеют боковые выемки. 19 сечений пластин обработаны краевой ретушью. В коллекции имеются 18 резцов и «резчиков». Среди орудий на отщепах преобладают скребки (29 экз.).

Немногочисленные находки периода мезолита были сделаны при раскопках курганного могильника у д. Броды (исследования Р. Д. Голдиной). Стоянка располагалась на мысу боровой 14-метровой террасы (Голдина, 1978. С. 163). Весь комплекс орудий изготовлен на пластинках. Среди них имеются два вкладыша с мелкой краевой ретушью, микропластинка со скошенным концом, пять угловых резцов и один «резчик».

Одним из наиболее интересных памятников Приуралья является Городищенская стоянка, исследованная в 1975—1976 гг. Л. А. Наговицыным (Наговицын, 1979). Это однослойный памятник, расположенный на краю 9-метровой террасы р. Кось, входящей в систему правобережных притоков р. Вятки. На вскрытом участке стоянки были обнаружены остатки двух открытых очагов в ямах.

Среди каменного инвентаря (2334 экз.) имеются фрагменты подконических и призматических нуклеусов, отщепы, ножевидные пластинки и их сечения. Среди ножевидных пластинок преобладают экземпляры мелких и средних размеров, ширина которых менее 1,5 см, но довольно много и крупных пластин.

Готовые орудия составляют относительно небольшую группу находок (120 экз., 5,14 % от всего каменного инвентаря). Преобладают орудия на пластинках (около 70 %), среди которых имеются 24 ретушированных вкладыша, изготовленных на коротких сечениях, 12 угловых резцов, один поперечный резец, два резчика, пять концевых скребков, три пластинки со скошенными концами, четыре пластинки с боковыми выемками и одно изделие сегментовидной формы. На отщепах изготовлены семь скребков, два резца, два скобеля и три проколки.

Большую известность в археологической литературе имеет Огурдинская стоянка, где было найдено большое количество кремневого инвентаря, изготовленного главным образом на ножевидных пластинках и отнесенного О. Н. Бадером к эпохе мезолита (Бадер О. Н., 1953. С. 82). Судя по общему облику этих находок, мезолитическая стоянка может быть связана с поздним этапом эпохи: здесь довольно высок процент орудий на отщепах (36,2 %) (Бадер О. Н., 1966. С. 197), а ножевидные пластинки довольно крупные по размерам. Вместе с тем мезолитический возраст стоянки не вызывает сомнений. Об этом говорят большое количество найденных здесь угловых резцов, в том числе на уплощенном нуклеусе, и два геометрических микролита в виде трапеций. Одна из них относительно массивна, имеет симметричную форму с вогнутыми боковыми краями. Вторая трапеция менее массивная, высокая, со слабовогнутыми боковыми краями. Ближайшие аналогии эти находки имеют в материале мезолитических памятников южной и восточной части Среднего Поволжья (Косменко, 1972б. С. 9). Однако если в Среднем Поволжье подобные трапеции не являются редкостью на позднем этапе мезолита, то в отношении Прикамья их можно расценивать как явление исключительное. Кроме Огурдинской стоянки, трапеция с вогнутыми краями была найдена только на стоянке Тархан II (Гусенцова, 1980. С. 143). Вероятно, был прав О. Н. Бадер, который считал, что их появление здесь связано с каким-то южным влиянием. Трудно пока говорить о конкретных источниках этого явления, но ясно, что для Прикамья в отличие от Среднего Поволжья оно носило более слабый, опосредованный характер. Не исключено, что именно средневолжские памятники типа Тетюшской и Косяковской стоянок сыграли основную корреспондирующую роль в отношении камско-вятских трапеций.

Одним из наиболее интересных памятников Камско-Вятского междуречья является стоянка Степницы II, раскопанная в 1974 г. экспедицией Удмуртского университета (Гусенцова, Голдина, 1977). Стоянка расположена на шестиметровом мысу левого берега р. Лобань, входящей в систему притоков р. Вятки. Здесь, в раскопе площадью 658 кв. м, были обнаружены остатки двухслойного поселения, культурные напластования которого хорошо различаются стратиграфически. Основной мезолитический слой — темно-коричневый суглинок мощностью 0,10—0,35 м. Отдельные мезолитические изделия встречались и выше, в слое эпохи железа. В центре раскопа были обнаружены остатки слабо углубленного в землю жилища прямоугольной формы размерами 21×9 м. У северо-восточного угла жилища помешался довольно широкий выступ, служивший, вероятно, входом. На полу дома прослежены остатки трех очажных ям.

Находки в жилище и на других участках раскопа однородны, что свидетельствует об их одновременности. Отсюда происходит 2661 предмет, среди них имеются нуклеусы, ножевидные пластинки и изделия из них (39 %), отщепы и изделия из них (56,5 %). Соотношение между орудиями на пластинках и отщепах составляет 83 и 17 %. Нуклеусы представлены «карандашевидными» и призматическими формами от пластин с прямой или слегка скошенной ударной площадкой, с круговым скалыванием.

Среди орудий на ножевидных пластинках ведущую группу составляют вкладыши (217 экз.) и угловые резцы (90 экз.). Вкладыши изготовлены на коротких сечениях или микропластинках, около половины их обработаны однокраевой или двукраевой ретушью, преимущественно на спинке. Среди них обращают на себя внимание два сечения, по виду напоминающие небольшие трапеции восточноуральского типа. 25 пластинок имеют обработанный ретушью конец: притупленный, скошенный или оформленный в виде выемки. На пластинках изготовлены также скобели (пластинки с боковой выемкой), острия, концевые скребки.

Особый интерес представляет находка наконечника стрелы с коротким черешком. Ретушью обработаны два участка изделия: острие и черешок, причем черешок, помимо крутой ретуши на спинке, подработан подтеской на брюшке, уплощающая ретушь применена и при обработке кончика пера. Из отщепов изготовлены скребки с закругленным лезвием, скобели, острия и ножи.

Особое место среди мезолитических памятников Приуралья занимают стоянки Заозерская и Барская Пристань, выделяющиеся своим топографическим положением и характером инвентаря. Они расположены на низких участках берегов и приурочены не к боровым террасам, а к повышенным участкам поймы р. Камы (Бадер О. Н., 1957. С. 61). Материал этих стоянок характеризуется преобладанием орудий на отщепах над ножевидными пластинками. Среди последних имеется несколько угловых резцов и вкладышей. Есть основание полагать, что эти памятники являются наиболее поздними в общей схеме развития мезолита Среднего Приуралья.

Разумеется, эта схема носит в значительной степени предварительный, условный характер. Она не столько намечает периодизацию приуральского мезолита, сколько отражает общую тенденцию его развития. Эта тенденция заключается в усилении макролитизации орудий, возрастании удельного веса изделий на отщепах, расширении ассортимента орудий и появлении их новых форм (геометрические микролиты, шлифованные орудия и др.).

Вместе с тем указанные три группы памятников имеют достаточно своеобразный облик, что позволяет отнести их к различным периодам мезолита. Об этом же говорят приведенные выше данные абсолютного датирования. Т. М. Гусенцова считает, что первые две группы укладываются в пределы позднего мезолита (Гусенцова, 1981. С. 135), с чем можно согласиться. Что касается третьей группы памятников, то, учитывая общую тенденцию развития ма-

териальной культуры и особенности их топографического положения, можно допустить, что они либо относятся к переходному периоду от мезолита к неолиту, либо соответствуют раннему периоду неолита, который в Прикамье до сих пор не выявлен.

На основании раскопок таких поселений, как Баринка I, Баринка II, Степницы II и др., можно говорить о том, что обитатели мезолитических стоянок Среднего Приуралья использовали в качестве зимних жилищ полуземлянки, опущенные в материк на глубину до 0,7 м. Преобладающая площадь жилищ 5—5,7×4 м. Все полуземлянки имели прямоугольную форму с хорошо выраженным и коридорообразным выходом, расположенным в углу жилища или в одной из его коротких стен. Внутри помещения находились открытые очаги (от одного до трех), слегка углубленные в пол. Судя по остаткам столбовых ям, жилища имели столбовую конструкцию.

Несмотря на малочисленность фактов, можно предполагать, что ведущей формой хозяйства населения этой территории была охота. Об этом свидетельствуют остатки костей животных, обнаруженные на стоянке Баринка I и ряде других памятников, среди которых кости лося, северного оленя, кабана, бобра и косули.

В заключение отметим, что приуральский мезолит обнаруживает близкое сходство с памятниками Нижней Камы и Среднего Поволжья, для которых характерна такая же тенденция развития материальной культуры (Косменко, 1972а. С. 16), а также с памятниками бассейна р. Вычегды (Бадер О. Н., 1961. С. 16; Буров, 1965. С. 58).

Глава тринадцатая
Мезолит Южного Приуралья

В географическом отношении ареал мезолитических культур Южного Урала распадается на три самостоятельные зоны: 1) Приуралье (главным образом бассейн р. Белой); 2) Южное Зауралье (восточный склон Южного Урала и Урало-Тобольское междуречье); 3) горные районы (собственно Урал). В археологическом отношении здесь выделяются два региона — Приуралье и Зауралье, разделенные горными хребтами и, видимо, ими же и обособленные (карта 11).

Задолго до открытия памятников мезолита на Южном Урале высказывались предположения о характере и месте его в древнейшей истории Евразии. Так, А. Я. Брюсов считал, что мезолит Урала послужил источником для заселения всего севера Европы вплоть до Прибалтики (Брюсов, 1952).

Первые памятники мезолита в Приуралье были выявлены в 1958—1959 гг., а в начале 60-х годов обнаружены стоянки и в Южном Зауралье. Основные раскопки этих памятников были проведены в 60-х и 70-х годах (Матюшин, 1976).

Романовско-ильмурзинская культура. Происхождение этой культуры в силу малочисленности и бедности памятников палеолита Урала пока с достоверностью определить трудно. Можно лишь предполагать, что в значительной мере она сложилась на базе местного палеолита. Памятники ее довольно однообразны как по расположению, так и по характеру инвентаря. Все они находятся на берегах р. Белой и ее притоков, на высоких вторых надпойменных или низких пойменных террасах. Культурные слои во всех случаях приурочены к светлому (желтому) суглинку, перекрытому иногда четырьмя горизонтами погребенной и современной почвы и почти на всех стоянках слоем буроватого, в различной степени измененного почвообразованием делювиального суглинка или аллювиальными отложениями раннего голоцена.

Для этой культуры характерна главным образом пластинчатая техника раскалывания кремня. Преобладающая форма нуклеусов — подпризматическая, хотя встречаются и аморфные нуклеусы от отщепов. Среди орудий — различные скребки, резцы, пластинки со скошенным концом и скошенным краем, скобели, наконечники стрел на пластинах (в поздних памятниках). Широко представлена микрорезцовая техника. В ряде стоянок найдены и костяные изделия — кинжалы с пазами для вкладышей, гарпуны двусторонние и односторонние, наконечники стрел, шилья, роговые муфты и т. п. На стоянке Ильмурзино встречена галька с гравировкой. Инвентарь изготовлен большей частью из однородного светло-серого и желтоватого кремня относительно невысокого качества, добывавшегося, вероятно, из обнажений пермских пород или из плиоценовых галечников.

Из всех исследовавшихся раскопками памятников мезолита Предуралья только два многослойных (с наличием неолитических горизонтов) — Давлеканово и Муллино. На обоих мезолитический слой выделяется стратиграфически. Кроме того, на стоянке Ильмурзино под двумя мезолитическими слоями (Ильмурзино II и III) прослежен и палеолитический слой (Ильмурзино I).

Важнейшими памятниками романовско-ильмурзинской культуры являются эпонимные стоянки — Романовка II и Ильмурзино. Романовка II расположена вблизи г. Уфы, на западном берегу старицы левого берега р. Белой, на мысу 17-метровой надпойменной террасы. Она открыта Г. Н. Матюшиным в 1969 г. и исследовалась им же в 1960—1969 гг. Раскопано 258 кв. м. Культурный слой с микролитическим инвентарем залегал в суглинке буровато-коричневого цвета. Пыльцевой анализ, выполненный В. К. Немковой, показал, что время существования стоянки с мезолитическим материалом совпадает с холодной степью с растительностью перигляциального типа. Учитывая экстрагляциальность области, В. Л. Яхимович считает, что это могло быть только в конце последнего оледенения, т. е. не позже X—IX тысячелетий до н. э.

В составе инвентаря (табл. 86) стоянки нуклеусы одноплощадочные и двухплощадочные подпризматические с круговым скалыванием, одноплощадочные подконические с круговым скалыванием, торцовые одноплощадочные от пластин со скошенными и прямыми площадками, подпризматические и подконические от отщепов с двусторонним скалыванием. Основной заготовкой для орудий служила ножевидная пластина (табл. 86). Скребки изготавливались на пластинах и отщепах, по типам они подразделяются на концевые (в том числе скошенные и с подретушированными боковыми краями), подокруглые и боковые, рабочие лезвия оформлены крутой ретушью. Есть двойные экземпляры. Среди резцов преобладают формы на сломанном конце заготовки (в основном на пластинах). В достаточно большом числе встречены резцы бокового и срединного типов. Изготавливались эти орудия на пластинах, отщепах и осколках. Резцовые сколы у большинства короткие. Встречены двойные, тройные и четверные резцы.

Широко представлены вкладыши из сечений пластин. Как правило, мелкой затупливающей ретушью у них обрабатывался один край пластинки на спинке или на брюшке, но иногда ретушированы и оба края (на спинке или противолежащим образом). Среди острий найдены две пластинки — со скошенным ретушью концом и с двумя сходящимися ретушированными краями. Режущие орудия главным образом представлены ножами на пластинках с частичной ретушью, хотя встречены и ножи с полностью ретушированными краями. Были распространены скобели на пластинках с широкими и неглубокими выем-

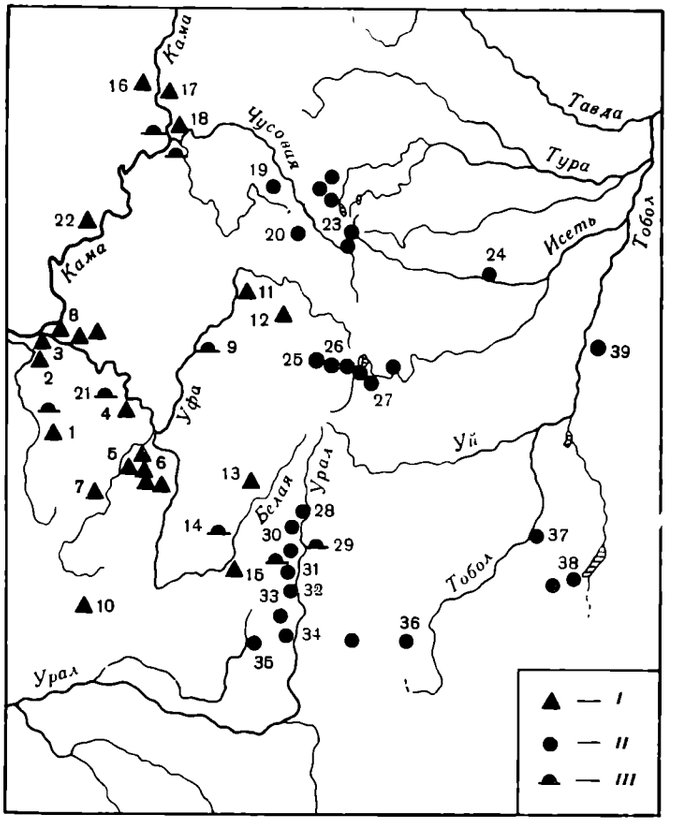
ками. Встречены симметричные проколки на пластинах с невыделенным «жальцем». Есть комбинированные орудия: резцы-ножи, резцы-вкладыши, скребки-ножи, скребки-скобели и т. д.

Стоянка Ильмурзино находится на юго-восточной окраине одноименного села Кушнаренковского р-на БАССР. Она также располагалась на второй надпойменной террасе р. Белой. Эта терраса здесь четко выражена и возвышается на 6—8 м над первой надпоймой. Стоянка открыта в 1961 г. и исследовалась Г. Н. Матюшиным в 1961—1969 гг. Раскопано 200 кв. м. Под голоценовой почвой в красно-буром делювиальном суглинке располагались три культурных слоя (горизонты 1—7) с микролитическими находками. Особенно четко выделялись из них два нижних горизонта (6—7). Цвет суглинка, в котором они были заключены, несколько отличался от верхних, более темных слоев. По составу находок горизонты 6—7 также были несколько более архаичными, нежели горизонты 3—5. Общая мощность культурных горизонтов около 2 м. На основании анализа пыльцы из культурного слоя было установлено, что нижние горизонты относились еще к плейстоцену, а верхние — к рубежу плейстоцена и голоцена.

В нижнем мезолитическом (5) горизонте стоянки встречены грубые подконические одноплощадочные нуклеусы от пластин и отщепов, с прямыми неподработанными площадками, с круговым и торцовым скалыванием, а также аморфные нуклеусы от отщепов. Основной заготовкой для орудий служила ножевидная пластина. Скребки концевые, на отщепах, в том числе двойные. Резцы на углу сломанной заготовки, боковые (со смещением лезвия от центральной оси заготовки), поперечные, на пластинах и отщепах. Вкладыши только с частичной подретушевкой края. Острия на отщепах со скошенным ретушью концом. Ножи на отщепах и пластинах. Скобели на отщепах и пластинах с широкими выемками. Хорошо представлены комбинированные орудия: скобели-резцы, ножи-скобели, резцы-ножи, резцы-скребки (табл. 85).

В горизонте 4 нуклеусы призматические от пластин и отщепов с круговым скалыванием и аморфные от отщепов. Скребки концевые, в том числе скошенные, на отщепах и пластинах. Резцы угловые и поперечные на пластинах и отщепах. Характерны острия со сходящимися ретушированными краями на отщепах и пластинах. Встречены скобели на пластинах с узкими и мелкими выемками. Очень разнообразны комбинированные формы: резцы-ножи, резцы-скобели, ножи-скобели. Следует отметить одну уникальную находку: плоскую гальку с нарезным орнаментом в виде параллельных линий. Материалы горизонтов 5 и 4 объединены в один комплекс — Ильмурзино II.

Позднемезолитические горизонты стоянки Ильмурзино III тоже дали инвентарь, в основном изготовленный из ножевидных пластин. Скребки на пластинах и отщепах концевые и концевые скошенные, с относительно крутыми рабочими лезвиями, сформованными крупнофасеточной ретушью. Резцы типа на углу сломанной пластинки, с короткими и узкими резцовыми сколами. Срединные формы резцов встречаются реже. Вкладыши представлены уже несколькими вариантами: с частичной подретушовкой края, с противолежащей разной ретушью краев (на спинке — крутой, ε на брюшке — пологой) и интересным

Карта 11. Памятники мезолита на Урале

I — стоянки романовско-ильмурзинской культуры; *II* — памятники янгельской культуры; *III* — палеолитические стоянки и местонахождения; *1* — Муллино I; *2* — Сюнь II; *3* — Холодный Ключ; *4* — Ильмурзино; *5* — Романовка II, III; *6* — Миловка I, III; *7* — Давлеканово; *8* — Старо-Мушта, Старокаинлыково и Саузовские стоянки; *9* — Айдос; *10* — Старотокская; *11* — Устьюрюзанская; *12* — Черкасово, Казырбаково; *13* — Азопкино; *14* — Каповая пещера; *15* — Акбута; *16* — Огурдино; *17* — Новожиловская; *18* — Нижнее Адищево; *19* — Пеньки; *20* — Шумковская; *21* — Горново; *22* — Среднекамские стоянки; *23* — Полуденка II, Пеньки, Крутяки, Выйка и другие среднеуральские стоянки; *24* — Боборыкино II; *25* — Долгий Ельник II; *26* — Мыс Безымянный и другие стоянки на оз. Зюраткуль; *27* — Чебаркуль I, стоянки на Миасских озерах; *28* — стоянки на оз. Миндяк; *29* — Смеловские пещеры; *30* — Мурат I и другие узункульские стоянки; *31* — Мысовая, ташбулатовские и Сабактинские стоянки; *32* — Якты-Куль I, Кусимовская; *33* — Янгельская; *34* — Талкасские стоянки; *35* — Сакмарские местонахождения и стоянки; *36* — Синташтинские стоянки; *37* — Евгеньевка; *38* — Амангельды и другие стоянки Притоболья; *39* — Шикаевка II

вариантом с полукрутой ретушью краев и одного из концов пластины. Новой чертой является появление наконечников стрел на пластинах. Все они, по-видимому, иволистные, но с разным характером обработки. У одного, например, полукрутой ретушью оформлены края черешка на брюшке, тогда как перо только затронуто несколькими фасетками по одному краю. У второго острие подправлено крутой ретушью на спинке по обоим краям и плоской — на брюшке, в то время как на всей остальной поверхности только несколько бессистемных фасеток по одному краю пера на спинке. Третий и четвертый имеют только заострение пера крутой или полукрутой ретушью; обработка черешков неясна, так как они, вероятно, отломаны. Ножи изготавливались на пластинах, имели

прямой или выпуклый ретушированный край. Встречены и сверла, и проколки, симметричные, с выделенной или невыделенной ретушью рабочей частью. Комбинированные орудия представлены резцами-ножами.

Инвентарь, аналогичный находкам из Романовки II, был найден и на стоянках Романовка III, Миловка, Сюнь I и II в Бакалинском р-не Башкирии (первая из них датирована по пыльце дриасом III, по С-14 — VIII тысячелетием до н. э.), Давлеканово у г. Давлеканово, Старая Мушта и Старо-Каинлыково в Краснокамском р-не, Михайловка в Уфимском р-не, Азопкино в Белорецком р-не, Акбута в Юмагузинском р-не, Козырбаковская пещера на р. Юрюзани, пещера Сабакай III, Токская стоянка в Оренбургской обл. (Моргунова, 1980), Муллино I на окраине г. Октябрьский, датирующаяся по радиокарбону серединой — второй половиной VII тысячелетия до н. э. Состав инвентаря аналогичен горизонту 3 Ильмурзино. Найдена одна трапеция янгельского типа.

Культурное своеобразие описанных материалов несомненно. О. Н. Бадер относил мезолит Южного Приуралья к камской мезолитической культуре (Бадер О. Н., 1966). Однако от камских памятников стоянки романовско-ильмурзинской культуры отличаются высоким развитием микрорезцовой техники, некоторыми формами вкладышей.

От соседа с востока — янгельской культуры — романовско-ильмурзинская культура отличается отсутствием геометрических форм орудий (за исключением одной трапеции в Муллино I). По ряду признаков она обособляется и от культур, лежащих к северо-западу,— усть-камской, бутовской и иеневской.

Хронология романовско-ильмурзинской культуры определяется с помощью данных естественных дисциплин. Расположение ее памятников на различных террасах и залегание культурных слоев в глинах и суглинках позволяют их синхронизировать как со временем формирования этих террас, так и с колебаниями уровня бассейна в голоцене.

На основе анализа спорово-пыльцевых спектров, дат по С-14, палеокарпологических и геологических данных отложения, с которых залегали культурные слои стоянок Ильмурзино и Романовка II, В. Л. Яхимович датировала их в пределах от XI до VIII тысячелетия до н. э. (Яхимович, 1958). Абсолютные даты по Муллино I падают на середину VII тысячелетия до н. э.

Для Холодного Ключа (Сюнь I) получены даты 9620±50 (БашГИ-76) и 9630±50 (БашГИ-77) лет от наших дней.

Для датировки конца мезолита имеют значение и даты по вязкой намагниченности голоценовой почвы на стоянке Романовка II. Эта почва, перекрывающая суглинки с мезолитическим слоем, датируется по С-14 IV тысячелетием до н. э. Идентичные почвы перекрывают суглинки с мезолитическими слоями на всех памятниках Южного Урала, а так как их формирование закончилось к IV—III тысячелетиям до н. э., то, следовательно, конец мезолита на Южном Урале и по вязкой намагниченности может быть датирован не позднее, чем VI тысячелетием до н. э.

Кроме того, в последние годы получено 30 дат по С-14 для колебаний уровня бассейна, к которому приурочены все стоянки мезолита Южного Урала (Варущенко и др., 1980). Все эти новейшие данные заставляют внести коррективы в предложенную ранее систему датировки и периодизации мезолита Южного Урала.

Вряд ли есть основания пересматривать датировку первого, наиболее раннего Ильмурзинского этапа (Ильмурзино I), выделенного главным образом на основе нижнего слоя (горизонты 6—7) Ильмурзино и относящегося, видимо, к палеолиту. Однако в периодизацию мезолита Предуралья следует внести некоторые коррективы.

По схеме Г. Н. Матюшина (Матюшин, 1976), в мезолите Приуралья выделялись три этапа. Основанием для их обособления служила стратиграфия Ильмурзино. Для первого этапа мезолита стратотипичными были материалы горизонта 5 Ильмурзино и сходные с ними материалы стоянки Сюнь II, для второго — стратотипичными были материалы горизонта 4 Ильмурзино и сходных с ними памятников типа Романовка II, III, Миловки I, IV и др. Последний этап основывался на материалах Ильмурзино III, Старой Мушты II, Старого Каинлыково и аналогичных им памятников. Учитывая геоморфологию и новые данные, теперь в мезолите Южного Предуралья, видимо, можно выделить два основных периода.

I. Ранний мезолит — в инвентаре памятников преобладают угловые резцы, усеченные пластины, скобели на пластинках, концевые скребки, но еще отсутствуют наконечники стрел.

II. Поздний мезолит — характер инвентаря в общем изменяется мало, но появляются наконечники стрел на ножевидных пластинках.

Учитывая эволюцию инвентаря, особенности геоморфологии и стратиграфии стоянок, каждый из периодов можно подразделить на ряд этапов. Так, в периоде раннего мезолита можно выделить два этапа. На первом этапе раннего мезолита Приуралья стоянки типа Ильмурзино II, Романовка II, Сюнь II занимали еще высокие террасы. В инвентаре их прослеживается большое сходство с материалами позднепалеолитических стоянок типа Ильмурзино I. По времени они соответствуют позднехвалынской трансгрессии.

Ко второму этапу следует отнести памятники типа Япрык, Михайловская. В инвентаре их заметно обеднение как ассортимента, так и числа орудий. В это время стоянки перемещаются на низкие поймы, соответственно относящиеся, очевидно, к Бегдашской регрессии. Не исключено, что в конце этого этапа появляются первые наконечники стрел.

Период позднего мезолита, видимо, тоже можно разделить на два этапа. На первом этапе стоянки перемещаются на высокие террасы и в инвентаре их появляются уже четко оформленные наконечники стрел на ножевидных пластинках. К началу этого этапа, видимо, следует отнести стоянку Холодный Ключ, в инвентаре которой еще нет типичных наконечников на пластинках с подработкой черешка и кончика пера, но появляются специфические острия, которые, видимо, использовались в качестве наконечников. Геоморфология памятников и даты по С-14 получены из слоя, перекрывающего непосредственно культурный слой на стоянке Сюнь I (Холод-

ный Ключ), и позволяют датировать начало этого периода временем начала Сартасской трансгрессии.

Наиболее типичные памятники этого этапа — стоянка Старая Мушта II, Ильмурзино III, Старое Каинлыково. К концу этого этапа, вероятно, относится стоянка Давлеканово I. В целом число памятников возрастает. Увеличиваются и ассортимент, и количество орудий в их инвентаре.

Второй этап второго периода — это время финального мезолита, когда стоянки в связи с падением уровня вод бассейна (начало Мангышлакской регрессии) перемещаются на низкие, ныне пойменные террасы. Число их резко сокращается. Наиболее типичный памятник этого этапа — Муллино I. К этому же этапу, видимо, относится и стоянка Деуково II, также расположенная в пойме р. Ик, как и стоянка Муллино I. Для стоянок этого этапа типично обеднение инвентаря как по количеству, так и по ассортименту. Наконечники стрел сохраняются в Муллино I, а в Акбуте и в Деуково II появляются новые двусторонне обработанные орудия. В Акбуте они изготовлены еще на нуклеусах, в Деуково II также прослеживаются двусторонне обработанные орудия в сочетании с изделиями из очень мелких пластинок с крупными «неолитоидными» пластинками (Косменко, 1971. Рис. 32).

Конец мезолита четко маркируется датами, полученными по С-14 в Муллино I, геоморфологией и стратиграфическим расположением финальномезолитических памятников типа Муллино I, под ранненеолитическими слоями непосредственно. Причем время перехода от мезолита к неолиту в Приуралье, судя по датам Муллино II и Муллино I, было сравнительно небольшим — в пределах всего 100—300 лет. Видимо, столь относительно быстрый переход был в какой-то мере обусловлен резким ухудшением природных условий в период Мангышлакской регрессии, на время которой и падает этот переход от мезолита к неолиту. Такова общая схема периодизации и хронологии мезолита Южного Приуралья.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мезолит Азиатской части СССР

Глава четырнадцатая
Мезолит Среднего Зауралья
и Западной Сибири

Глава пятнадцатая
Мезолит Южного Зауралья

Глава шестнадцатая
Мезолит Средней Азии и Казахстана

Глава семнадцатая
Мезолит Юга Сибири и Дальнего Востока

Глава восемнадцатая
Мезолит Севера Сибири и Дальнего Востока

Глава четырнадцатая
Мезолит Среднего Зауралья и Западной Сибири

Мезолит Среднего Зауралья. В зауральской части региона (включая Западную Сибирь) развитие мезолита шло близкими к Приуралью путями. Для него также характерна мелкопластинчатая индустрия, выработанная в соответствии с потребностями вкладышевой техники. При этом совпадает и способ изготовления вкладышей, которому не присущи геометрические формы, среди них преобладают неретушированные сечения ножевидных пластинок. Достаточно много и других сходств: большое количество угловых резцов, отсутствие четко оформленных наконечников стрел и др. Наряду с этим мезолитические культуры Среднего Приуралья, Среднего Зауралья и Западной Сибири имеют и особенности.

Несмотря на то что изучение мезолита Среднего Зауралья началось сравнительно недавно (основной материал был получен в 70—80-х годах), в настоящее время на этой территории известно более 40 памятников мезолитической эпохи (карта 10). Правда, еще раньше с мезолитом связывали находки макролитов на склоне горы Голый Камень и на берегу Гальянского торфяника на окраине г. Нижний Тагил. В связи с этим было высказано предположение о макролитическом характере зауральского мезолита, что О. Н. Бадер связывал с традициями, идущими от сибирского палеолита (Бадер О. Н., 1966. С. 27). К эпохе мезолита относила макролиты Голого Камня и В. М. Раушенбах, которая считала, что здесь находилась древняя камнеобрабатывающая мастерская (Раушенбах, 1961). Исследования последних лет в какой-то мере подтвердили это предположение. Петрографический анализ материала большого количества зауральских стоянок показал, что на ряде позднемезолитических стоянок Среднего Зауралья имеются орудия, изготовленные из материала Голого Камня (алевриты порфиритов). Это относится к таким стоянкам, как Крутики I—IV, VI, Полуденка I—III, V, VI, Ашка, Серый Камень. Причем на последней стоянке процент изделий из сырья Голого Камня особенно высок: 24,7% (27,7% нуклеусов и 20,5% ножевидных пластинок). Интересно отметить, что в конце мезолита мастерская у Голого Камня, очевидно, прекратила свое существование: орудия, изготовленные из этого сырья, на стоянках раннего неолита не обнаружены, хотя обработка камня оставалась еще близкой мезолитической (Россадович, Сериков, Старков, 1976. С. 188).

Одновременно с этим многие авторы относили к мезолиту часть костяных поделок, найденных в дореволюционные годы в Шигирском торфянике (севернее г. Свердловска). При этом особое внимание уделялось наконечникам стрел — игловидным и с биконической головкой (шигирского типа). В. М. Раушенбах сделала попытку выделить мезолитический материал из общей массы шигирских находок, обратив внимание на различный цвет вещей, принявших, по ее мнению, окраску озерного сапропеля различных глубин залегания. Выделенный ею комплекс включал в себя наиболее массивные игловидные наконечники стрел, наконечники с биконическими головками, а также большую серию вкладышевых орудий (кинжалы, наконечники стрел и дротиков) (Раушенбах, 1956. С. 105). С некоторыми поправками эта точка зрения была принята В. Н. Чернецовым (Чернецов, 1968. С. 47).

При всей спорности выбранного В. М. Раушенбах метода следует отметить, что биконические и игловидные наконечники стрел, а также костяные вкладышевые орудия в действительности были распространены в Среднем Зауралье в эпоху мезолита. Эти орудия были найдены в последние годы при раскопках мезолитической Кокшаровско-Юрьинской стоянки. Вполне соответствуют характеру местного мезолита и костяные вкладышевые орудия: кремневые вкладыши в большом количестве встречены при раскопках мезолитических памятников Среднего Зауралья и Западной Сибири. На Кокшаровско-Юрьинской стоянке найдены и фрагменты основ вкладышевых орудий.

Периодизация мезолита Среднего Зауралья пока не разработана в силу целого ряда трудностей: отсутствуют данные по абсолютному датированию, не выявлены многослойные стратифицированные памятники и не установлена топография стоянок.

Все они, за исключением Выйки II, залегают на краях первых надпойменных террас или их останцах. Стоянка Выйка II расположена на уровне второй террасы, но вряд ли она относится ко времени более раннему, чем остальные позднемезолитические памятники, поскольку на ней был найден ряд предметов, имеющих позднее происхождение, в том числе шлифованные орудия. Вероятно, особое положение памятника было обусловлено какими-то иными факторами хозяйственного или естественногеографического порядка.

Наибольшее количество памятников было обнаружено в центральной части района, вокруг г. Нижний Тагил (карта 10). Здесь исследованы такие стоянки, как Крутики I—IV, VI, Выйка II, Исток II—III, Полуденка I—VII, Серый Камень, Юрьино VI и VIII, Кокшаровско-Юрьинская, Береговая I—IV, Кокшарово I, III, VII, Баранча II, Амбарка, Ашка II, Евстюниха III. Южнее, в районе Свердловска, расположена стоянка Сухрино I, Шигирский торфяник, несколько местонахождений на озере Таватуй и другие памятники.

Стоянки этого времени размещались на берегах рек и озер. Как показали исследования, практически все проточные озера, многие из которых в настоящее время заболочены, были заселены в эпоху мезолита. Причем именно на озерах выявлены наиболее значительные поселения, площадь которых достигает

1000 кв. м, а количество находок в них составляет около 10 000. К ним относятся такие стоянки, как Серый Камень на Горбуновском торфянике, Полуденка II на Полуденском болоте, Крутики I на Черноисточинском пруду, включившем в себя целую систему проточных озер, Юрьинская VII на Юрьинском озере. Вероятно, это были основные поселения, которым сопутствовал ряд мелких сезонных (?) стоянок на берегах озер и рек.

Речные памятники имеют более скромные показатели, хотя и среди них имеются стоянки с богатым инвентарем. Так, на стоянке Сухрино I было найдено 2440 предметов, а на Выйке II — 3286.

Слои мезолитического времени залегают, как правило, в горизонте серого или светло-коричневого суглинка толщиной 0,2—0,3 м и подстилаются коренными материковыми породами или бурым суглинком с примесью камней. В большинстве случаев мезолитические слои сопровождаются находками других, более поздних эпох, но последние, как правило, легко отделяются от мезолитических и не смешиваются с ними. Так, на стоянках Серый Камень, Сухрино I более поздние материалы представлены лишь небольшими скоплениями, которые залегали локально и не смешивались с основными комплексами эпохи мезолита. На ряде стоянок — Кокшаровско-Юрьинская, Исток II и др.—мезолитические слои четко выделяются наЕоснове стратиграфии, а на стоянках Полуденка II, тсвстюниха III мезолитические комплексы выделяюмя планиграфически. Стоянки Крутики I (южный мыс) и Выйка II являются однослойными памятниками.

Стоянка Выйка II находится в Красноугольском р-не Свердловской обл. Она расположена на устьевом мысу при впадении р. Выйки в р. Салду. На расстоянии 210 м от уреза берега на поверхности второй террасы высотой около 16 м располагалась стоянка Выйка II. Памятник открыт в 1974 г. Ю. Б. Сериковым и исследовался раскопками им же в 1975—1976 гг. За этот период было вскрыто 540 кв. м площади стоянки. Находки залегали в слое светло-серого суглинка мощностью 0,20—0,35 м. Раскопками выявлены остатки шести очагов, два из которых были обложены камнями, а один помещался на выходе каменной гряды. Можно предположить, что эти очаги входили в состав наземных жилищ, остатки которых прослеживаются с большим трудом по распределению находок. Так, вокруг одного из этих очагов помещалось скопление находок размером 5×6 м, которое было окружено ямками диаметром 0,15—0,30 м и глубиной до 0,13 м. Остальные очаги также сопровождались скоплениями находок, которые окружали их полностью или частично. В межочажном пространстве находок практически нет.

Важным фактором, позволяющим говорить о Выйке II как памятнике однослойном, существовавшем в течение непродолжительного времени, является вывод об одновременности всего полученного материала. Это удалось установить, применив так называемый «метод связей», который показал, что все очаги и сопутствующие им находки существовали одновременно.

Основным видом сырья, из которого были изготовлены орудия стоянки Выйка II, служили окремнелые сланцы. Помимо этого, использовались халцедон, яшма, аметист, горный хрусталь, туфопорфириты и кварцит. Интересно отметить, что среди находок имеются кристаллы горного хрусталя, заготовленного, вероятно, в качестве сырья.

Анализ изделий позволяет говорить, что в основе изготовления орудия лежала техника расщепления камня на мелкие ножевидные пластинки (табл. 87—88). Из отщепов изготовлено только 20 предметов. Пластинки имеют правильную огранку и треугольное или трапециевидное сечение. Подавляющее число пластинок (82,6%) не имеет ретуши. Ретушированные пластинки обработаны преимущественно мелкой, крутой, частично однокраевой и односторонней ретушью на спинке (чаще) или брюшке. Двукраевая противолежащая ретушь зафиксирована только в двух случаях, четыре пластинки обработаны двукраевой ретушью на спинке.

Довольно большая группа орудий обработана на конце, среди них: 30 пластинок с притупленным концом, 15 — со скошенным концом, три — с выемкой на конце.

Размерам пластинок соответствуют нуклеусы, представленные тремя основными формами: конические, призматические и торцевые, причем количественно преобладают последние. Большинство нуклеусов одноплощадочные, только семь имеют две ударные площадки.

Значительной серией представлены на памятнике резцы и «резчики». Среди резцов преобладают угловые, но имеются и три боковых поперечноретушных. Четыре резца скомбинированы с «резчиками». В соответствии с оформлением рабочего края «резчики» делятся на три типа: с клювовидным рабочим краем (24 экз.), прямым (16 экз.) и скошенным (4 экз.). Среди 44 «резчиков» шесть двойных и один тройной.

В коллекции имеются три острия. Одно из них имеет листовидную форму и обработано противолежащей ретушью, а два — с намеченными плечиками. 19 скребков изготовлены на отщепах, семь — на ножевидных пластинках и два — на расколотых нуклеусах. Два скребка на отщепах имеют по два рабочих края, обработанных крутой ретушью. Некоторые скребки имеют клювовидный рабочий край. Концевые скребки изготовлены на относительно массивных ножевидных пластинках.

Наиболее интересными находками на стоянке являются шлифованные орудия и микропластинки с двумя ретушированными концами типа трапеций. Среди шлифованных орудий имеются топор, тесло и семь фрагментов каких-то изделий. Топор сохранился фрагментарно. Орудие было отшлифовано полностью. Тесло двулезвийное (форма, которая затем повторится в неолите), отшлифовано тоже полностью, оба лезвия его сильно забиты. Длина тесла 13,8 см, ширина 5,2 см, толщина 2,2 см.

Четыре трапеции, встреченные на стоянке, довольно своеобразны. Они изготовлены на узких микропластинках шириной 0,4, 0,5, 0,6 и 0,7 см, длиной соответственно 0,9, 1,5, 1,3 и 1,7 см. Две из них имеют симметричную форму, две слегка асимметричны, причем одна из них несколько напоминает параллелограмм. Трапеции очень низкие и по форме маловыразительные, они резко отличаются от геометрических микролитов соседнего Южного Зауралья. Трапеции найдены, кроме Выйки II, еще

на ряде памятников — Полуденка VI, Береговая III, Кокшарово VII, Кокшаровско-Юрьинская, Серый Камень, Крутики I.

Другим важным памятником среднеуральского мезолита является стоянка Крутики I. Она находится на северном берегу Черноисточинского пруда в окрестностях г. Нижний Тагил. Стоянка была открыта в 1954 г. нижнетагильским краеведом П. Э. Рикертом, когда после прорыва плотины пруда обнажились древние берега запруженных водоемов. В настоящее время от стоянки сохранились лишь два небольших периферийных участка — на северном и южном мысах, основная ее часть, помещавшаяся между ними, почти полностью размыта. О мощности бывшего здесь памятника говорит хотя бы тот факт, что на размытом берегу в период низкого стояния воды было собрано более 10 000 находок.

Раскопки на обоих мысах были произведены в 1975—1978 гг. Ю. Б. Сериковым. Было вскрыто 74 кв. м площади, что полностью исчерпало памятник. Особенно интересными оказались раскопки на южном мысу, где мезолитический слой не был потревожен. Культурный слой сохранился здесь на площади около 30 кв. м. Стратиграфия памятника довольно проста: 0—0,10 м — гумус, далее идет коричневый суглинок толщиной 0,20 м, содержащий находки, материк — супесь с большим содержанием камней. В пределах раскопа был выявлен открытый очаг, посредине которого помещался довольно большой камень. Очаг сопровождался скоплением находок, рассеянных в окружности 3 м

На южном мысу был найден 381 предмет, среди которых преобладают мелкие ножевидные пластинки (155 экз.). Большинство пластинок (82,6%) не имеет ретуши. Среди обработанных пластинок у трех мелкая краевая односторонняя ретушь, две пластинки с притупленным концом и две — с боковыми выемками.

Относительно много угловых резцов (9 экз.), причем два из них скомбинированы с «резчиками». Помимо этого, в коллекции имеется еще 11 «резчиков» с прямым или клювовидным рабочим краем. Целых нуклеусов при раскопках найдено не было, но имеются их фрагменты и сколы оживления. На расколотых нуклеусах изготовлено три скребка. Среди орудий на отщепах имеются два скребка и два скобеля, 11 отщепов несут на себе краевую ретушь.

Раскопки на северном мысу Крутиков не дали чистого мезолитического комплекса: в верхней части поселения встречены находки раннего железного века. На непотревоженных участках видно, что керамика железного века помещалась в нижней части гумуса на глубине 0,08—0,13 м, а мезолитические находки — в супеси на глубине 0,10—0,18 м.

Находки мезолитического времени представлены 221 экземпляром изделий и совершенно аналогичны материалу южного мыса. Среди находок имеются четыре нуклеуса: два призматических, один конический и один торцевой с тремя ударными площадками. Интересен конический нуклеус, изготовленный из сургучной яшмы. С ним могут быть сопоставлены 16 ножевидных пластинок, изготовленных из этого же материала.

Ножевидные пластинки (102 экз.) имеют небольшие размеры. Большинство пластинок не имеет ретуши. В коллекции содержатся также шесть угловых резцов и шесть «резчиков».

Наиболее значительная часть материала получена в результате сборов (более 10 000 предметов). Типологически он не отличается от находок на мысах, что подтверждает их принадлежность к одному памятнику. Несмотря на то что этот материал происходит не из раскопок, он в силу своей массовости требует специального описания. В этой коллекции содержится 116 целых нуклеусов и 100 расколотых. Они представлены тремя типами: призматические, конические и торцевые. Преобладают призматические одноплощадочные нуклеусы правильной огранки. Преобладают пластинки, не имеющие ретуши,— 4018 экземпляров, в то время как пластинки с краевой ретушью составляют всего 89 экземпляров. Они обработаны, как правило, однокраевой ретушью на спинке (54 экз.) или брюшке (28 экз.). Семь пластинок имеют противолежащую ретушь. Более половины ретушированных пластинок являются сечениями. Среди них 40 пластинок с боковыми выемками и 39 со скошенным или притупленным концом.

В коллекции содержатся 364 резца. Среди них два боковые, а остальные изготовлены на углу сломанной ножевидной пластинки. 46 резцов скомбинированы с «резчиками». Серия «резчиков» представлена 209 предметами, среди которых преобладают орудия с клювовидным рабочим краем.

Основная масса острий представлена двумя типами: листовидной формы (18 экз.) и с намеченными плечиками (3 экз.), еще три острия не имеют строго выдержанной формы. Одно из них отличается симметрично выраженным острием и прямым основанием. Острие обработано приостряющей ретушью со стороны спинки, основание слегка подтесано со стороны брюшка. Второе острие имеет форму наконечника стрелы с вытянутым черешком. Оно обработано круговой притупляющей ретушью, а кончик острия подработан уплощающей ретушью со стороны брюшка. Изделие выполнено на довольно толстой пластинке окремнелого сланца. Третье острие имеет асимметричную форму за счет снятия одного из его углов. Не исключено, что эти три изделия являлись наконечниками стрел. Возможно, наконечниками служили еще два острия, отличающиеся очень небольшими размерами.

Небольшую серию составляют восемь геометрических микролитов, изготовленных на мелких ножевидных пластинках из местных пород камня, за исключением одной, сделанной из светло-серой яшмы. Три изделия отличаются средними пропорциями. Одна из этих трапеций имеет асимметричную форму, две — слегка асимметричны, а еще три имеют вытянутую асимметричную форму. Седьмая трапеция резко отличается от остальных. Она представляет собой тип высокой симметричной трапеции с боковой выемкой. Восьмая трапеция аналогична предыдущей, но имеет более вытянутые пропорции.

Одним из опорных памятников Среднего Зауралья является стоянка Серый Камень. Она расположена на восточном берегу широко известного Горбуновского торфяника и является древнейшим поселением на его берегах. Стоянка занимает 8-метровый останец береговой террасы, выдвинутый вперед в виде полуострова. Памятник изучается с 1976 г. Ю. Б. Се-

риковым. За это время вскрыто 112 кв. м и получено 6000 находок, среди которых подавляющее большинство относится к мезолиту. Находки более позднего времени присутствуют в виде примесей и легко отделяются от основного мезолитического материала. Основу последнего составляют изделия из мелких ножевидных пластинок, которых в коллекции содержится около 5000.

Среди ретушированных орудий преобладают пластинки с краевой односторонней ретушью (табл. 87). Восемь пластинок обработаны противолежащей ретушью, 65 имеют боковые выемки. Встречено 118 пластинок с обработанным концом. Среди них имеются пластинки (как правило, изогнутые) с притупленным концом, со скошенным концом и с закругленным концом (4 экз.). Наиболее многочисленную серию орудий в коллекции составляют резцы (116 экз.). Почти все они угловые (иногда двойные и даже тройные), но имеются четыре боковых и два срединных резца. 10 резцов скомбинированы с «резчиками». «Резчики» представлены 96 экземплярами. Они имеют клювовидный, прямой или слегка скошенный рабочий край. Несколько «резчиков» имеют два, три и даже четыре рабочих края. 19 острий обработаны ретушью со стороны спинки. Они отличаются усложненной формой за счет приостренных или слегка закругленных жальцев и слабо выраженных плечиков и служили сверлами или проколками.

Трапеции представлены в коллекции двумя экземплярами. Обе они низкие, асимметричные, вытянутые. Вторая сохранилась не полностью. Обе трапеции обработаны ретушью на спинке и частично на брюшке. Помимо этого, в коллекции имеется трапеция неправильной формы, больше напоминающая острие, и вытянутая асимметричная трапеция.

Размерам ножевидных пластинок соответствуют и нуклеусы, которых на стоянке 182. Количественно выделяются нуклеусы призматической формы, чаще всего одноплощадочные. Кроме них, встречены конические и торцевые нуклеусы — односторонние и двусторонние, многочисленные поперечные и продольные сколы с нуклеусов, ребристые сколы и ребристые пластинки. Имеются на памятнике орудия, связанные с обработкой камня: отбойники и ретушеры. Один ретушер особенно интересен: он представлен целым кристаллом горного хрусталя.

Почти все скребки (103 экз.) изготовлены на отщепах и имеют округлую форму. Также на отщепах изготовлены скобели. Из других находок отметим обломок шлифованного топора, который, вероятно, следует отнести к мезолиту. Об этом, в частности, говорит характер его вторичного использования, он был превращен в нуклеус торцевого типа, и с него скалывались ножевидные пластинки.

Одним из южных памятников рассматриваемой мезолитической культуры Среднего Зауралья является стоянка Сухрино I, исследованная В. Е. Стояновым (Стоянов, Крижевская, Старков, 1977). Памятник расположен на левом берегу р. Исети на территории Шадринского р-на Курганской обл. Он залегал на невысокой (5—7 м) боровой террасе, поверхность которой в некоторых местах повреждена ямами и песчаными карьерами. На стоянке, помимо основного мезолитического комплекса, обнаружено небольшое количество керамики более поздних периодов, залегавшей в верхних слоях. Мезолитический материал залегал по всей толще культурных напластований, однако большая его часть была найдена в нижнем супесчаном слое.

В раскопе площадью 108 кв. м было получено 2440 изделий из камня, среди которых выделяются пять основных категорий: отщепы (910 экз.), ножевидные пластинки и сечения без ретуши (1099 экз.), ножевидные изделия и сечения, имеющие вторичную обработку (516 экз.), изделия из отщепов (26 экз.), нуклеусы (13 экз.) (табл. 87).

Как видно из приведенных данных, ножевидные пластинки и изделия из них решительно преобладают над орудиями на отщепах. При этом важно подчеркнуть, что все отщепы представлены только отходами производства (чешуйки, отщепы с корками и т. д.). С другой стороны, часть ножевидных пластинок и их сечений без ретуши являлась не заготовками, а готовыми изделиями (вкладышами). Об этом, в частности, говорят и данные трасологического анализа сухринского материала (Сериков, 1977. С. 85).

Нуклеусов на стоянке найдено немного — 13 экземпляров. По размерам они соответствуют основной массе ножевидных пластинок, а типологически подразделяются на призматические, конические и торцевые на гальках. Последний тип представлен единственным экземпляром. Он чрезвычайно напоминает подобные нуклеусы из ряда верхнепалеолитических стоянок Западной Сибири и, как уже упоминалось, находит аналогии в мезолите Приуралья (стоянка Баринка II).

Среди орудий преобладают пластинки с краевой ретушью. Они обработаны как на спинке, так и на брюшке. При этом преобладает однокраевая ретушь (142 экз.), 57 пластинок обработаны двукраевой ретушью — противолежащей (12 экз.) и двусторонней (9 экз.). При обработке пластинок чаще всего употреблялась мелкая регулярная ретушь, как правило крутая, хотя использовались и другие виды ретуши, в том числе плоская. Судя по данным трасологического анализа, большинство ретушированных сечений являлись вкладышами составных орудий, хотя среди них имеются и боковые скребки. Краевая частичная ретушь (в отдельных случаях уплощенная) применялась при изготовлении скобелей (пластинки с боковыми выемками). Как правило, ретушью оформлялся один рабочий участок, хотя имеются экземпляры с двумя и даже с тремя выемками.

Особую группу составляют пластинки с ретушированным концом, обычные для зауральских мезолитических памятников. На Сухрино I они представлены единичными экземплярами пластинок с притупленным концом, скошенным концом и с выемкой на конце.

Проколки изготовлены на тонких пластинках, их рабочий конец обработан ретушью со стороны спинки. Для изготовления сверл употреблялись более толстые пластинки, их рабочий конец оформлен крутой круговой ретушью. В ряде случаев хорошо заметны сглаженность граней и закругленность рабочего конца.

Одиннадцать концевых скребков изготовлены на коротких, довольно массивных пластинках и сечениях. Их рабочий край прямой или слабо выпуклый и оформлен крутой ретушью. Противоположный ко-

нец обработан подтеской только у трех экземпляров. Один из концевых скребков имеет скошенное лезвие, что находит аналогии в приуральском материале, где подобные скребки обнаружены на стоянках Кама-Жулановская, Драчевская, Бойцово I.

Одну из наиболее многочисленных групп орудий составляют резцы — 61 экземпляр,— представленные двумя типами: угловыми (табл. 86) и боковыми. Боковых резцов всего два. Они изготовлены на коротких, довольно массивных сечениях и оформлены сочетанием ретуши и резцового скола (табл. 86). Помимо резцов, в коллекции имеются 12 «резчиков». Их рабочие участки обработаны ретушью (длина обработанной части 0,4—0,9 см) и со стороны спинки или брюшка имеют клювовидную форму (табл. 86).

Орудия, изготовленные на отщепах, включают в себя один резец, 21 скребок округлого типа и четыре скребка на пластинчатых отщепах произвольных форм. Все скребки небольшие по размерам и обработаны крутой частичной ретушью, за исключением одного, имеющего круговую ретушь. Отщеп, из которого изготовлен резец, уплощен ретушью с обеих сторон, резцовый скол идет по всему краю, придавая ему вогнутое очертание.

Макролитические орудия представлены обломком топорика с выпуклым лезвием, симметричным в продольном сечении. Орудие обработано с одной стороны плоскими сколами, а с другой — слабой подтеской.

Подводя итоги описания мезолитического материала Среднего Зауралья, отметим, что для него характерен целый ряд устойчивых признаков, уже отмеченных в более ранних работах (Старков, 1980). Исследования последних лет позволили значительно уточнить и дополнить их. Среди общих признаков, характерных для мезолитической культуры Среднего Зауралья, отметим следующие (табл. 87—88).

1. Значительное преобладание орудий, изготовленных на ножевидных пластинках, над изделиями на отщепах.

2. Высокая микролитоидность кремневых орудий: свыше 80% ножевидных пластинок имеют ширину менее 0,8 см.

3. Широкое применение неретушированных микропластинок (от 73 до 85% пластинок не имеют ретуши). Наряду с тем, что многие из них служили заготовками орудий, они повсеместно использовались в качестве вкладышей.

4. Большое количество угловых резцов.

5. Наличие специфических форм трапеций.

6. Повсеместное использование пластинок с обработанным ретушью концом: притупленным, скошенным и выемчатым.

7. Наличие относительно большого числа таких специфических нуклеусов, как клиновидные торцевые (табл. 86).

8. Качественным признаком восточноуральского мезолита является отсутствие выраженных форм наконечников стрел. Как уже отмечалось, в качестве таковых могли употребляться острия, иногда с подработанным основанием.

Наряду с общими признаками необходимо отметить ряд моментов, специфических для данной культуры.

1. Присутствие одноплощадочных нуклеусов на гальках (Сухрино I и Выйка II), широко распространенных в Западной Сибири и в Зауралье еще в период позднего палеолита.

2. На ряде стоянок (Выйка II, Исток I, Сухрино I и др.) встречены единичные срединные и боковые резцы.

3. К единичным находкам, имеющим, вероятно, хронологический признак, нужно отнести рубящие орудия, обнаруженные на стоянках Выйка II, Серый Камень, Сухрино I. Некоторые из них имеют шлифовку.

4. На некоторых стоянках (Полуденка II, Ашка II, Серый Камень) встречены вытянутые асимметричные трапеции, изготовленные из южноуральской яшмы. Они резко отличаются от остального материала и являются, по всей вероятности, продуктами южного импорта. Трапеция, найденная на стоянке Ашка II, изготовлена из красно-серой яшмы. Она высокая, асимметричная, с двумя боковыми выемками. Трапеция Полуденки II изготовлена из серой яшмы. Она имеет вытянутую асимметричную форму с одной боковой выемкой.

Нужно сказать, что это не единственные следы проникновения сюда, в лесную среду, предметов степной янгельской культуры: на ряде памятников найдены ножевидные пластинки, изготовленные из цветной южноуральской яшмы. По всей вероятности, тесные контакты двух соседних культурных зон, особенно развившиеся в период позднего неолита и энеолита, впервые проявились еще в мезолитическое время.

На двух стоянках Среднего Зауралья — Шигирском торфянике и Кокшаровско-Юрьинской — благодаря особенностям их залегания в толще озерно-болотных отложений сохранились изделия из кости. Особый интерес представляет комплекс костяных изделий Кокшаровско-Юрьинской стоянки (табл. 89), извлеченный непосредственно из слоя. Среди этих орудий выделяются игловидные наконечники стрел, отдельные экземпляры которых снабжены пазами под вкладыши, наконечники стрел с биконической головкой шигирского типа, фрагмент массивного асимметричного наконечника стрелы (?), часть гарпуна (или остроги), проколка. На некоторых изделиях сохранились следы гравировки.

Уровень наших знаний не позволяет пока решить многие вопросы общественной, духовной и хозяйственной жизни мезолитического населения Среднего Зауралья. Почти совершенно отсутствуют такие важные источники, как погребения, жилища, произведения искусства, далеко не все памятники исследованы по всей площади. Вместе с тем можно предположить, что в основе хозяйственной жизни местного населения эпохи мезолита лежала охота, были распространены рыболовство и собирательство. Об этом свидетельствуют находки костей на ряде памятников. Так, на Кокшаровско-Юрьинской стоянке были найдены кости лося, северного оленя, бурого медведя, волка, бобра, куницы, барсука, а также домашней собаки, которая, по всей видимости, принимала участие в охоте. Здесь же было обнаружено довольно большое количество рыбьей чешуи. О преобладающей роли охоты говорит и большое количество мелких сезонных стоянок, указывающих на подвижный образ жизни охотничьих коллективов.

Мезолит Западной Сибири. Раскопки последних лет показали, что мезолитические стоянки, близкие восточноуральским, были распространены и на соседних с востока районах Западной Сибири. Неравномерное изучение этого огромного региона не позволяет связать все эти памятники территориально, но сходство материальной культуры сближает их между собой. В настоящее время западносибирские памятники эпохи мезолита известны на п-ове Ямал, в Ишимо-Тобольском р-не, в Барабинской лесостепи, на Среднем Иртыше, в Кузнецкой котловине и на Алтае.

На п-ове Ямал имеется в настоящее время всего одна стоянка — Корчаки I, исследованная Л. П. Хлобыстиным в 1977 г. Стоянка находится на правом берегу р. Оби, ниже г. Салехарда. Здесь, на выдуве террасы высотой 15—20 м, было собрано несколько каменных предметов, изготовленных из яшмовидной породы. Среди них четыре нуклеуса, скребло на массивном отщепе, два концевых скребка на коротких пластинах и один скребок на отщепе. Этот немногочисленный и не слишком выразительный комплекс не находит себе аналогий в целом, но отдельные группы находок, такие, как нуклеусы, концевые скребки, могут быть сопоставлены с восточноуральским мезолитом. О мезолитическом возрасте памятника говорит и абсолютная дата, полученная из углистой прослойки, которая перекрывала лёссовидные суглинки, включавшие в себя находки. Эта дата: 7260±80 лет назад (ЛЕ-1376).

В лесной и лесостепной зонах Западной Сибири мезолитические памятники пока также единичны. В Прииртышье к ним относится известный по публикации памятник Черноозерье VIa (Генинг, Петрин, Косинская, 1973). Стоянка расположена на краю надпойменной террасы Иртыша высотой 4—5 м. Раскопками здесь вскрыт многослойный памятник, в основании которого, на материке, на глубине 0,50—0,70 м были обнаружены скопления микролитического инвентаря. Здесь было получено 779 каменных изделий, большинство которых изготовлено из североказахстанской яшмы. Основная их часть выполнена на ножевидных пластинках — около 87%. Среди них выделяются вкладыши с краевой ретушью (39 экз.), концевые скребки (24 экз.), острия (7 экз.), пластинки с боковыми выемками (5 экз.), пластинки с выемками на концах (2 экз.), пластинки со скошенным концом, угловые резцы (4 экз.), «резчики». Как видно из приведенных данных, вкладыши составляют самую большую группу орудий. У ретушированных вкладышей преобладает ретушь на брюшке. Концевые скребки изготовлены на относительно массивных ножевидных пластинках. Лезвия имеют изогнутую форму. 16 скребков отличаются асимметричным, скошенным лезвием, что сближает их с аналогичными орудиями зауральских и прикамских стоянок.

Особенностью комплекса является наличие в нем 35 довольно массивных ножевидных пластинок, обработанных краевой ретушью (преимущественно на спинке). Ретушь в основном мелкая, плоская, приостряющая. По мнению авторов публикации, эти орудия выполняли функции ножей. Помимо того, в коллекции имеются два нуклеуса. Орудия на отщепах представлены тремя скребками, тремя скобелями и отщепами с краевой ретушью, назначение которых не совсем ясно.

Стоянка Черноозерье VIa не единственная на территории Среднего Прииртышья. Здесь, в Щербакульском р-не Омской обл., А. И. Петров обнаружил несколько плохо сохранившихся памятников, содержавших микролитический инвентарь. Среди них особенно интересны местонахождения: Малый Гащи-Куль I, Большой Ащи-Куль II и Максимовка II. Правда, культурный слой сохранился только на одной стоянке — Большой Ащи-Куль II, а на других материал был получен в результате сборов с поверхности размытых озерных террас.

Стоянка Большой Ащи-Куль II располагалась на террасе высотой 2—2,5 м. Культурный слой мощностью 0,2—0,3 м содержал довольно однородный комплекс кремневого микролитического инвентаря, хотя в его составе находилось и несколько очень мелких фрагментов поздней неорнаментированной керамики (Петров, 1974. С. 216).

Каменный инвентарь содержит отщепы, ножевидные пластинки, нуклевидные сколы и орудия на отщепах. Среди ножевидных пластинок преобладают микропластинки. Из них изготовлены угловые резцы, «резчики», пластинки со скошенным концом, пластинки с боковыми выемками, концевой скребок и пластинки с краевой односторонней ретушью, служащие, вероятно, вкладышами. Из отщепов изготовлены скребки, резцы.

На территории Кузнецкой котловины В. В. Бобровым был исследован чрезвычайно интересный памятник — Большой Берчикуль I. Здесь, среди разновременного материала (преимущественно эпохи бронзы), хорошо выделяется комплекс каменных орудий, изготовленных из черного кремня. Остальные орудия, сопоставимые с керамикой эпохи бронзы, изготовлены из кремня серого цвета. Этот комплекс отличается однородностью, ярко выраженной микролитоидностью и полным отсутствием орудий на отщепах. Свои ближайшие аналогии он находит среди материала стоянок Среднего Зауралья. Особенно близки клиновидные торцовые нуклеусы, столь характерные для зауральского мезолита. Среди орудий имеются угловые резцы, «резчики», боковой резец, пластинки с боковыми выемками, пластинка со скошенным концом. Интересны два орудия на продольных сколах нуклеусов типа палеолитических pièces écaillées, их нижние концы обработаны двусторонней подтеской.

Близкий по характеру памятник Ляпустин Мыс I был раскопан на Алтае, на оз. Иткуль Б. Х. Кадиковым. Стоянка Ляпустин Мыс I — многослойный памятник, содержащий, помимо мезолитического материала, керамику периода позднего неолита и бронзы. Находки мезолитического времени выделяются типологически. К ним отнесены орудия микролитического облика и шесть нуклеусов подконической и призматической формы. Среди орудий, изготовленных на мелких ножевидных пластинках, имеются два угловых резца (один из них двойной), «резчик», две пластинки с боковыми выемками, два острия, пластинка с притупленным концом, пластинки с краевой ретушью (всего 138 предметов).

Определенное сходство с общим кругом зауральских и западносибирских мезолитических памятни-

ков имеют стоянки лесостепной и степной зоны Тобола-Ишимского междуречья. Среди них особенно выделяется стоянка Камышное I в Среднем Притоболье (раскопки Т. М. Потемкиной) (Зайберт, Потемкина, 1981).

Каменный инвентарь стоянки, состоящий из 120 единиц, содержит 70 микропластинок, четыре нуклеуса и 46 мелких отщепов — отходов производства. Среди орудий имеется 20 угловых резцов, 13 пластинок с краевой односторонней ретушью и три концевых скребка. Все орудия изготовлены из кремня.

Камышное I, как и другие стоянки Притоболья (Звериноголовская, Верхняя Алабуга, Убаган III, VII и VIII), по ряду признаков сближаются с мезолитическими стоянками Петропавловского Приишимья, Среднего Зауралья и янгельской культурой Южного Зауралья, т. е. выступают в качестве контактной группы между двумя крупными мезолитическими культурными общностями.

Вопрос о хронологии мезолита Западной Сибири, как и Среднего Зауралья, особенно сложен. Существует мнение, что все известные в настоящее время памятники относятся к позднему периоду мезолита, однако отсутствие стратиграфических данных и абсолютных дат не позволяет пока делать на этот счет сколько-нибудь определенные выводы.

В настоящее время для всего круга памятников указанного региона имеется только одна дата (Корчаки I): 7620±200 лет от наших дней (ЛЕ-1376), причем она датирует не сам памятник, а углистую прослойку, перекрывавшую его. Помимо того, еще одна дата получена для североказахстанской стоянки Тельмана XIVa, которая, как уже отмечалось, имеет много общих черт с зауральским материалом: 10540±200 лет назад (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 126). Как считают авторы публикации, эта дата соответствует началу позднего этапа мезолита. С другой стороны, стоянка Корчаки I относится, по всей вероятности, к концу мезолитической эпохи, хотя, как мы уже писали, стоянки типа Исток II могут доживать в Зауралье до V тысячелетия до н. э. (Старков, 1980. С. 192).

Таким образом, на огромной территории Среднего Урала, Западной Сибири и, возможно, Северного Казахстана в эпоху позднего мезолита существовали культуры, имеющие целый ряд аналогий. Для них характерна высокая степень микролитизации орудий, среди которых количественно выделяются вкладыши (ретушированные и без вторичной обработки) и угловые резцы. На ряде стоянок Среднего Зауралья (Выйка II, Исток I, Сухрино I, Крутики I, Серый Камень), Среднего Приуралья (Городище), Западной Сибири (Большой Берчикуль I), лесостепного Притоболья (Убаган III) и Северного Казахстана (Тельмана IXa, Тельмана VIIIa) встречены боковые и срединные резцы. Типичной формой орудий являются пластинки с торцевой ретушью, повсеместно распространены клиновидные нуклеусы. На всей этой территории отсутствуют какие-либо выдержанные типы наконечников стрел, нет и вытянутых асимметричных трапеций. Что касается общей тенденции развития материальной культуры, то как для Зауралья, так и для Приуралья характерен постепенный переход к макролитизации орудий.

Наряду с этим рассмотрение материала по отдельным регионам показывает, что каждому из них присущи определенные особенности. Так, памятники, расположенные в Среднем Зауралье, содержат в себе такие изделия, как трапеции (в 1974 г. в стоянке Степницы II в Приуралье были найдены два частично ретушированных сечения, близко напоминающие восточноуральские трапеции). Североказахстанские памятники отличаются более разнообразным набором изделий, среди которых имеются такие орудия, как срединные резцы на отщепах и параллелограммы. Целый ряд особенностей, таких, как присутствие единичных наконечников стрел постсвидерского типа, распространение жилищ-полуземлянок с коридорообразными выходами, характеризует мезолит приуральской области. Вместе с тем эти особенности отражают частное, локальное явление, не заслоняя тех элементов сходства, которые присущи мезолитическим культурам этих территорий.

Чем объяснить это сходство, пока сказать трудно, но можно предположить, что оно было обусловлено наличием единой (или близкой) палеолитической подосновы.

Имеющиеся в настоящее время материалы позволяют говорить о том, что на территории Среднего Зауралья и Западной Сибири в эпоху верхнего палеолита была распространена культура, которая содержала в себе все основные элементы будущего местного мезолита. Количество палеолитических памятников, правда, еще не велико. Среди них — стоянки Черноозерье II, Гаринская, Томская, Ачинская, Волчья Грива, ряд местонахождений в уральских пещерах и другие памятники. Они характеризуются инвентарем, основанным на использовании мелких ножевидных пластинок. Ведущие формы орудий — вкладыши (в том числе неретушированные), угловые резцы, а также одноплощадочные торцевые нуклеусы на гальках и клиновидные нуклеусы. Наибольшие аналогии с местным мезолитом содержит стоянка Черноозерье II, которая датируется рубежом плейстоцена и голоцена и является переходным памятником от палеолита к мезолиту.

Можно предположить, что эта культура была распространена и на западных склонах Урала, следы ее прослеживаются в материалах стоянки Талицкого. Насколько можно судить по отдельным небольшим публикациям, среди материала стоянки присутствуют нуклеусы на гальках, резцы, в том числе срединные, костяные вкладышевые орудия, острия, 17% от общего кремневого инвентаря составляют ножевидные пластинки (Формозов, 1977. С. 107). При всей сложности и спорности вопроса о культурной принадлежности стоянки Талицкого нам кажется, что правы те авторы, которые не считают возможным сопоставлять ее с палеолитическими памятниками восточносибирского типа (Формозов, 1977), однако с западносибирским палеолитом, открытым в последние годы, этот приуральский памятник имеет достаточно много сходных черт. Вполне вероятно, что именно на этой основе возникает и местный приуральский мезолит, о чем писал еще О. Н. Бадер в отношении Нижнеадищевской стоянки (Бадер О. Н., 1949. С. 14).

Дальнейшее развитие мезолитических культур Среднего Урала и Западной Сибири связано с неоли-

тической эпохой. Переход к неолиту сопровождался распадом обширной мезолитической общности, на базе которой возникает ряд обособленных культур.

В Среднем Зауралье в эпоху неолита формируется так называемая восточноуральская культура, ранние памятники которой — Евстюниха (Россадович, Сериков, Старков, 1976), нижний слой Кокшаровского холма, нижний слой стоянки Ип-Куль XIII (Старков, 1980) — характеризуются волнистой прочерченной керамикой и кремневым инвентарем, близким мезолитическому. В нем сохраняются такие архаичные формы, как клиновидные торцевые нуклеусы, угловые резцы, «резчики», пластинки с боковыми выемками, вкладыши и острия на пластинках. Наряду с этим значительное место занимают крупные орудия с двусторонней обработкой (ножи, скребла) и шлифованные орудия. В период развитого неолита эта культура была распространена до среднего течения Иртыша.

В более восточных районах Западной Сибири — в Томско-Нарымском Приобье, лесостепном Прииртышье, Кулундинской степи и на Алтае — периоду раннего неолита соответствовала культура пережиточного мезолита, представленная такими памятниками, как Большой Ащи-Куль I и II, Щербакульское, Кшекульское, Екатеринославское местонахождения (Петров, 1974), Мелкое I (Косарев, Куйбышев, 1974), Чернокурья, Басандайка II, Шайтанка II и IV (Косарев, 1973), Баратал, Куяхтанар. Это бескерамические памятники, для которых характерно сохранение таких мезолитоидных орудий, как вкладыши на сечениях пластинок, обработанных краевой ретушью, угловые резцы, «резчики», острия, пластинки с боковой выемкой, концевые скребки. Наряду с этими орудиями входят в широкое употребление шлифованные изделия, ножи на отщепах и массивных ножевидных пластинках, наконечники стрел и другие предметы, не имевшие широкого употребления в предшествующую эпоху. В южных районах Западной Сибири — в междуречье Ишима и Иртыша и в Барабинской лесостепи — была распространена среднеиртышская культура с характерной для нее гребенчато-ямочной керамикой. Наиболее ранний памятник этой культуры — стоянка Кокуй I (нижний слой) характеризуется такими орудиями, как угловые резцы, «резчики», пластинки со скошенным концом, концевые скребки (Генинг, Голдина, 1969). Это свидетельствует о том, что среднеиртышская культура восходит своими корнями к общему уралозападносибирскому мезолитическому пласту, формируясь (судя по керамике) на территории Северного Казахстана (Старков, 1979. С. 13).

Глава пятнадцатая
Мезолит Южного Зауралья

Янгельская культура. Ее памятники распространены вдоль восточного склона Южного Урала и в горных районах. На севере их территория доходит до Среднего Урала, где на ряде стоянок (Крутики I, Выйка II) встречаются типичные для янгельской культуры микролиты, изготовленные из южноуральской яшмы. На юге территория распространения янгельской культуры смыкается с областью распространения родственных культур Прикаспия, на востоке граница проходит по Тоболу, на западе — по основным хребтам Южного Урала (карта 11). Единичные изделия янгельского типа встречаются вплоть до Самарской луки на Волге, однако там они не образуют сколько-нибудь устойчивых комплексов и, видимо, проникли так далеко на северо-запад в результате каких-то контактов разных групп населения.

Одним из первых и наиболее полно исследованных мезолитических памятников Южного Зауралья является стоянка Янгелька. Расположена она на северном берегу оз. Сываркуль (Чебаркуль, Чеваркуль) в Абзелиловском р-не БАССР. Стоянка занимает высокий, 20-метровый обрывистый мыс (древний коренной берег р. Янгелька) (Матюшин, 1969, 1976). Можно предполагать, что высокое расположение стоянки свидетельствует об ее большой древности. Об этом же говорит и стратиграфия памятника. Слой с мезолитическими остатками лежит в суглинке, перекрытом гумусом с единичными находками энеолитического времени.

Стоянка занимает всю площадь мыса. Раскопано Г. Н. Матюшиным 284 кв. м. Однако находки располагаются неравномерно по площади раскопа. Большая их часть лежит в его юго-восточной части, ближе к обрыву, залегая скоплениями от 160 до 1300 и более изделий из камня на 0,5—1 кв. м (находки здесь практически заполняли всю площадь раскопа). Контуры сплошного распространения орудий и отходов их изготовления совпадали с центральной частью углублений слоя. Со стороны озера эти углубления ограничивались выступами скалы. В центре углубления прослежены мощная зольная прослойка и крупный очаг. Следы небольшого очага обнаружены в южной части углубления. Судя по концентрации находок, наличию очагов, столбовых ям и т. п., углубление в юго-западной части раскопа является остатками крупного жилища мезолитического времени. К сожалению, его границы очерчиваются довольно расплывчато, образуя, видимо, овальное жилище с двумя выходами довольно крупных размеров площадью около 120—130 кв. м. Интересно отметить, что геометрические микролиты, довольно равномерно распределяясь по площади жилища, почти не встречаются за его пределами.

Характер раскалывания кремня (табл. 90—91) на стоянке определяется необходимостью получения основной заготовки — ножевидной пластины. Поэтому подавляющее большинство нуклеусов — от пластин. Преобладают три основные формы: конические одноплощадочные с круговым скалыванием, подпризматические одно- и двухплощадочные с круговым или односторонним скалыванием и торцевые одно- или двухплощадочные. Площадки прямые или скошенные, иногда подработанные. Скребки встречены нескольких типов. В большинстве своем это разные варианты концевых форм (обычные, скошенные, двойные, с выступом). Изготавливались на пластинах и отщепах. Ретушь, как правило, крутая с фасетками разной величины — от крупно- до мелкофасеточной. Резцы изготавливались по преимуществу на пластинах. Подавляющее их большинство относилось к типу на углу сломанной пластинки. Среди них есть и двойные экземпляры. Кроме того, встречены срединные формы, в том числе с лезвием, смещенным от центральной оси заготовки. Редки резцы с частичной подретушевкой площадки скола. Резцовые сколы в большинстве случаев короткие и узкие. Характерна серия микрорезцов, как с ретушью, так и без нее.

Очень широко в комплексе представлены геометрические микролиты. Это, во-первых, низкие асимметричные трапеции на пластинках. Длинный ретушированный край обрабатывался главным образом на спинке, противоположный, короткий — на брюшке. Гораздо реже оба края ретушированы на одном фасе — на спинке или на брюшке. Ретушь разнообразная, по преимуществу среднефасеточная. Обработанные края в большинстве случаев прямые, иногда встречается и один вогнутый край (как правило, более короткий). Кроме трапеций, встречены единичные короткие высокие сегменты с мелкой крутой ретушью на брюшке. Найдены и другие микролиты, в частности сечения пластин с ретушированными краями. Крутая ретушь наносилась на спинке или брюшке, по одному или двум краям. Значительной серией представлены острия на пластинах, среди которых преобладает форма со скошенным крутой ретушью концом. Представлена и другая разновидность — острия со сходящимися ретушированными краями, которые могут быть обработаны по-разному: ретушь располагалась или на спинке, или на брюшке, или была противолежащей. Достаточно широко представлены ножи на пластинках. Они часто имеют по два ретушированных края (на брюшке, на спинке, противолежащим или чередующимся способом). Есть комбинированные ножи — с одним выпуклым, другим вогнутым ретушированным краем на спинке. Скобели большей частью одновыемчатые, реже многовыемчатые. Выемки носят различный характер. Достаточно были распространены сверла и проколки, как симметричные, так и асимметричные. Характер обработки части из них схож с обработкой острий со-

сходящимися ретушированными краями, у части же ретушью выделяется только рабочая часть. Комбинированные орудия представлены скребками-остриями, резцами-вкладышами, сверлами-ножами, ножами-скобелями, резцами-ножами, скребками-резцами.

К иному времени относится, судя по геоморфологии, стоянка Кусимовская. Она находится, как и Якты-Куль, на северо-западном берегу оз. Банное, в седловине той же возвышенности, в 250 м восточнее на мысу, на высоте 7,5—12 м от уровня озера. Памятник открыт Г. Н. Матюшиным в 1961 г. и раскапывался им же в 1972 г. Величина раскопанной площади 92 кв. м. Стратиграфия памятника в целом идентична стратиграфии стоянки Якты-Куль. На поверхности было замечено несколько небольших углублений, напоминающих жилища Янгельки и Якты-Куля, в центре одного из которых и был заложен раскоп. При этом обнаружено, что в центре углубления культурный слой несколько утолщается, а по краям выклинивается. По концентрации находок можно предполагать, что в данном месте располагалось одно округлое, аналогичное янгельскому жилище. Находки залегают как в гумусе, так и в нижележащей буроватой супеси и суглинке со щебнем.

Нуклеусы стоянки полностью по формам соответствуют ядрищам предыдущего памятника. Они конические с круговым скалыванием, призматические с трехсторонним скалыванием, такие же уплощенные. С них скалывались ножевидные пластины. Скребки в основном изготовлены на пластинах, концевые (в том числе скошенные и с ретушированными боковыми краями). Резцы на углу сломанной пластины и срединные (тоже на пластинах). Геометрические микролиты представлены низкими асимметричными трапециями с вогнутым коротким ретушированным краем. Среди микролитов следует упомянуть вкладыши с ретушью по краю на брюшке или на спинке и очень специфическую форму с ретушью по краю и с затупленным концом (на брюшке). Острия главным образом со скошенным концом и со сходящимися, обработанными противолежащей ретушью краями. Найден наконечник стрелы на пластине со слегка намеченным черешком. Острие пера и черешок с двух сторон обработаны плоской ретушью. Ножи на пластинах иногда имеют чередующуюся ретушь; у некоторых — выпуклый ретушированный край. Найдены симметричные проколки с выделенным противолежащей ретушью «жальцем». Скобели на пластинах одновыемчатые. Комбинированные орудия представлены скребками-резцами, резцами-ножами, ножами-скобелями, резцами-ножами и т. д.

Несколько отличаются от предыдущих мезолитических стоянок два памятника — Ташбулатово II и Карабалыкты II. Оба они находятся на берегах оз. Карабалыкты, где есть стоянки с геометрическими микролитами. Однако на данных памятниках последние отсутствуют, хотя по стратиграфии они мало отличаются от стоянок янгельского типа.

Стоянка Ташбулатово II (Карабалыкты Ха) находится на южном берегу оз. Карабалыкты, в 1 км к северо-западу от д. Ташбулатово, в небольшой седловинке на возвышенности, высота которой 20—22 м над уровнем озера. В 1962 г. Г. Н. Матюшиным на памятнике были проведены небольшие раскопки. Кремневые изделия залегали в верхних горизонтах песка, который геологами (Н. Н. Яхимович и др.) относится к рисским отложениям.

В составе инвентаря призматические нуклеусы, скребки концевые и подокруглые на пластинах и отщепах, угловые резцы, микрорезцы, ножи на пластинах, иногда с противолежащей или чередующейся ретушью, скребки-ножи.

Несмотря на то что в составе коллекции практически нет сколько-нибудь выразительных датирующих форм кремневых изделий, инвентарь памятника и в особенности его топография и стратиграфия дают возможность высказать некоторые предположения о хронологической принадлежности стоянки. Напомним, что стоянка Ташбулатово II расположена на берегу оз. Карабалыкты, чрезвычайно насыщенного памятниками с каменным инвентарем (обнаружено 22 пункта), что уже дает возможность предполагать их разновременность. Здесь, на очень ограниченной площади, есть и раннемезолитические поселения с чисто микролитической индустрией, и позднемезолитические, и ранненеолитические памятники с микро- и макроформами инвентаря (Линевое V, Урта-Тюбе и др.), и группа неолитических стоянок (Карабалыкты I, VII, X и др.), одна из которых — Ташбулатово I расположена всего в 200 м от Ташбулатово II. От позднемезолитических и неолитических памятников эта стоянка отличается отсутствием двусторонне обработанных орудий и изделий из сланца и других пород камня, от чисто микролитических — только меньшим процентом ножевидных пластин и изделий из них и отсутствием геометрических микролитов. По общему облику инвентарь стоянки сходен с инвентарем позднепалеолитических памятников этого региона.

Это сходство, а также несколько необычное по высоте расположение памятника (на 10—12 м выше стоянок типа Кусимовская) и относительно глубокое в суглинке залегание находок заставляют отнести стоянку Ташбулатово II к позднеплейстоценовым памятникам.

Одним из наиболее богатых многослойных памятников каменного века является поселение Мысовое, расположенное на западном берегу оз. Карабалыкты, на краю четко выраженного мыса. Открыто в 1961 г. (Матюшин, 1961). В 1962—1968 гг. здесь было раскопано 342 кв. м (Матюшин, 1976). Мезолитические материалы залегали в тонкой прослойке желтой супеси и светлого суглинка, под культурными слоями раннего и позднего неолита. Мезолитический слой прослеживался отдельными скоплениями.

Характер раскалывания кремня здесь аналогичен техническим приемам на однослойных памятниках с микролитическим инвентарем. Скребки стоянки в основном на ножевидных пластинах. Они концевые (в том числе двойные, скошенные, с ретушированными боковыми краями). Резцы преобладают на углу сломанной пластины, однако встречены срединные и поперечные, с частично ретушированным боковым краем. Среди геометрических микролитов в первую очередь надо упомянуть низкие асимметричные трапеции, у которых меньший ретушированный край часто подправлялся на брюшке. Кроме того, необходимо отметить тупоугольные неравносторонние треугольники на правильных пластинах, у кото-

рых мелкой затупливающей ретушью покрыты на спинке край и один из концов. Характерна своеобразная форма острий, напоминающих острия типа Тарденуа: с одним краем или концом, скошенным крутой ретушью, и плоской ретушью на брюшке на основании. Встречена большая серия вкладышей на пластинах и их сечениях с ретушью по одному или двум краям (иногда по одному краю ретушь притупляющая, по другому — приостряющая, частичная). Среди них хотелось бы отметить экземпляры с затупленными краями и одним концом.

Острия представлены типом со скошенным концом, со скошенным краем, с двумя сходящимися ретушированными краями. Иногда эти последние носят асимметричный характер, иногда имеют противолежащую ретушь краев. Встречены фрагментированные черешковые наконечники стрел. Они несут крутую ретушь на черешке, на спинке и иногда на острие пера, брюшко обработано по-разному: порой это полукрутая ретушь на черешке, порой черешок и края пера обработаны и на брюшке крутой мелкой ретушью.

Очень разнообразны ножи. Они изготавливались в основном на пластинах. Иногда это просто пластины с частичной ретушью. Но у большинства ножей один или два края полностью обработаны. Эти края могут быть прямыми или вогнутыми. Обработка различная: один из краев ретуширован круто, другой — плоско. Скобели делались на пластинках. Они по преимуществу многовыемчатые. Сверла и проколки — симметричные, как с выделенными, так и не выделенными рабочими частями. Комбинированные орудия представлены скребками-ножами, резцами-скобелями, сверлами-ножами и т. д.

Из горных стоянок янгельской культуры наиболее интересны Долгий Ельник II и Мыс Безымянный, расположенные на оз. Зюраткуль. Уровень озера неоднократно поднимался, и поэтому значительная часть памятника затоплялась и разрушалась. Культурные слои сохранились лишь местами на останцах надпойменной террасы. Эти останцы на стоянке Мыс Безымянный содержат преимущественно раннее среднеголоценовые отложения. Слой их относительно тонок и не превышает 0,30—0,40 м.

В 1969 г. Г. Н. Матюшиным на наиболее сохранившихся участках стоянки Мыс Безымянный раскопано 168 кв. м. Видимо, памятник имел относительно небольшую площадь и был полностью исчерпан этими раскопками. В составе инвентаря памятника нуклеусы подконические и «карандашевидные» одноплощадочные от пластин с круговым скалыванием. Скребки концевые на пластинах, иногда с частично подретушированными боковыми краями. Резцы типа на углу сломанной пластинки. Основной категорией геометрических орудий являются трапеции. В подавляющем большинстве это низкие асимметричные формы, характер обработки которых достаточно разнообразен. Встречаются формы с ретушью двух краев на спинке, с противолежащей ретушью, с прямыми или вогнутыми ретушированными краями. Иногда у них ретушированы одно или оба основания. Ряд таких трапеций имеет обратный уклон одного из ретушированных краев, что придает этим изделиям вид ромба. Кроме того, встречены трапеции средних пропорций с вогнутыми ретушированными краями, иногда противолежащим способом. Часть этих форм теряет асимметричность. Среди других микролитов следует указать вкладыши на сечениях пластин с двумя ретушированными на спинке краями. Острия — со скошенным ретушью концом, причем иногда эта ретушь заходит и на боковой край. Скобели многовыемчатые на пластинах. Проколки и сверла на пластинах, симметричные и асимметричные с выделенной ретушью рабочей частью.

Аналогичные материалы встречены на стоянке Якты-Куль (Банное V) на том же оз. Банном, которая во многом является аналогом Янгельке, на стоянках у прииска «Большевик» на восточном берегу оз. Миггило (Миндяк), Карабалакты II на восточном берегу одноименного озера, похожей на стоянку Ташбулатово, Мурат на оз. Узун-Куль (Матюшин, 1965, 1966, 1976), Суртанды VI, Линевое (Карабалакты V), Урта-Тюбе (Карабалакты VIIIа), Долгий Ельник II на оз. Зюраткуль (табл. 90) (Матюшин, 1969).

Таким образом, каменную индустрию янгельской культуры характеризует прежде всего высокоразвитая пластинчатая техника раскалывания кремня, поскольку и форма нуклеусов, и преобладание ножевидных пластин в качестве заготовок орудий четко свидетельствуют об этом. При изготовлении орудий использовались затупливающая и уплощивающая ретушь, техника микрорезца, техника двусторонней оббивки. Среди скребков преобладают разные варианты концевых, реже встречаются другие формы. Основным типом резца является тип на углу сломанной заготовки, хотя найдены и срединные, и резцы с ретушированной площадкой скола. Среди геометрических орудий преобладающей формой являются трапеции, а в их числе низкие асимметричные формы. Распространены вкладыши с ретушью по краю. Другие типы микролитов встречаются редко. Острия разных форм: со скошенным концом, со скошенным краем, со сходящимися ретушированными краями. Наконечники стрел хотя и не часты, но разнообразны: иволистные, с закругленным основанием, похожие на кельтеминарские. Разнообразны ножи. Скобели одно- и многовыемчатые. Сверла и проколки в основном симметричные. Обращают на себя внимание перфораторы с длинной, сильно выделенной рабочей частью. Изредка встречаются рубящие орудия, для изготовления которых порой использовались сработанные нуклеусы. Широко распространены комбинированные орудия.

Для определения начальной даты существования янгельской культуры важное значение имеют материалы стоянки Шикаевка II в Курганской обл. (Петрин, Смирнов, 1975), где найден инвентарь янгельского типа, в том числе с асимметричными трапециями с боковой выемкой, асимметричными треугольниками с выемкой в основании, пластинами со слабо скошенным концом, скобелями на пластинах, угловыми резцами и т. д. Все эти вещи изготовлены из южноуральской (ташбулатовской) сургучно-зеленой яшмы, выходы которой имеются на южном берегу оз. Карабалакты. Из этой яшмы большей частью изготовлен и инвентарь памятников янгельской культуры. Сходство инвентаря Шикаевки II и памятников янгельского типа позволяет предполагать, что

часть их может быть датирована также рубежом плейстоцена и голоцена, как и Шикаевка II (ее культурный слой залегал на глубине 3 м в глине и суглинке, в нем найдена плейстоценовая фауна: мамонт, волк, косуля), или самым началом голоцена. Очевидно, к раннему этапу янгельской культуры нужно отнести памятники, инвентарь которых наиболее близок материалу Шикаевки II. Выразительнее всего подобный комплекс представлен на стоянке Мыс Безымянный.

О раннем возрасте первых памятников янгельской культуры говорят и другие аналогии, особенно сходство геометрических микролитов янгельского типа с южноприкаспийскими (пещеры Белт-Хоту) — вытянутыми трапециями с выемками, которые придают микролитическому комплексу этого региона своеобразный облик. Отдельные трапеции имеют симметричную форму, но и у них по бокам есть выемки. Асимметричные трапеции с выемкой — наиболее характерная черта и для инвентаря мезолитических памятников Южного Урала (Янгелька, Мурат, Чебаркуль I, Мысовая, Мыс Безымянный, Кусимовская, Сайма III и т. п.). Совпадают и размеры трапеций. Близко и соотношение других типов орудий.

Наибольшее сходство мезолитические памятники Южного Урала имеют с шестой стадией позднего палеолита Ближнего и Среднего Востока, по К. Хауэлу. Она характеризуется четкой, а иногда предельной микролитизацией, расцветом геометрических форм, в частности асимметричных трапеций, и датируется временем 12000±400 лет до н. э. Кроме отмеченных выше типов инвентаря, для этого комплекса типичны угловые резцы, режущие лезвия которых образованы резцовыми сколами, что присуще и южноуральским резцам. Сходство дополняют мелкие нуклеусы, концевые скребки и скобели на пластинах, симметрично расположенные выемки которых образуют как бы перехват. Интересно, что в зарзийском палеолите стадии 6 встречаются подвески вытянутой округлой формы, которые типичны и для Южного Урала. В зарзийском комплексе имеются и наконечники стрел с боковой выемкой, которые позднее становятся весьма типичными для огромной территории от Ирака до Урала.

Очевидно, происхождение янгельской культуры в значительной мере связано с культурами Южного Прикаспия.

Мощность антропогенных отложений, как правило, на восточном склоне Урала и в Зауралье менее значительна, чем в Приуралье. В большинстве случаев она составляет всего 1,5—2 м. Естественно, что проследить чередование культурных слоев различного времени здесь труднее, чем в Приуралье. Именно поэтому в процессе исследования основное внимание уделялось однослойным памятникам. При первом взгляде на их инвентарь микролитические изделия кажутся однородными: всюду преобладают вытянутые асимметричные формы (трапеции и треугольники), очень редко встречаются сегменты. Однако более детальное изучение показывает и некоторые различия между комплексами геометрических микролитов отдельных памятников.

Существенно, что асимметричные трапеции с боковой выемкой характерны для ранних мезолитических слоев пещеры Белт и почти отсутствуют в верхнем мезолитическом слое и в неолите. На территории Ирака крупные трапеции, в том числе и с выемками, типичны для позднепалеолитических памятников типа Палегавра, Шанидар В и др. (Howell, 1959). В памятниках более позднего времени (типа Джармо) трапеции меньше размером и более правильных очертаний, тут исчезают прямоугольники, появляется больше вытянутых треугольников и сегментов (Braidwood, Howe, 1960). Такая же тенденция наблюдается в Средней Азии и на Южном Урале. Например, трапеции, встреченные в Средней Азии в памятниках типа Джейтун, более мелкие, правильных симметричных очертаний. Трапеции с боковыми выемками здесь отсутствуют (Массон, 1964). Мелкие и симметричные трапеции встречаются и в Западном Казахстане, но они относятся специалистами уже к неолиту (Формозов, 1949). Симметричные трапеции есть и на Урале (Долгий Ельник II, Якты-Куль).

Аналогичные закономерности прослеживаются и на более широкой территории (Матюшин, 1976). Поэтому за основу периодизации мезолита восточного склона Южного Урала по типологии была принята эволюция геометрических форм. Вытянутые геометрические формы памятников янгельской культуры имеют ряд особенностей, позволяющих считать их в одних случаях вкладышами, в других — наконечниками стрел. Соотношение тех и других в разных памятниках различно, что послужило поводом для первой попытки периодизации памятников янгельской культуры.

Самым ранним памятником в Зауралье, содержащим инвентарь янгельского типа, является стоянка Шикаевка II. Идентичной по инвентарю стоянкой является Мыс Безымянный, именем которого и назван этот первый этап мезолита Зауралья. Аналогичный памятник выявил Ю. Ф. Рыжов на оз. Бугодак. Наиболее типичны на этом этапе низкие вытянутые трапеции с выемчатым коротким ретушированным краем, микролиты, близкие к низким вытянутым треугольникам с выемкой в основании, и пластины со слабо скошенным или затупленным ретушью концом, которые типичны и для прикаспийского палеолита. Однако в отличие от палеолита здесь появляются низкие асимметричные трапеции с прямыми ретушированными краями, трапеции, напоминающие высокие, с одним выемчатым ретушированным краем.

На следующем этапе (янгельском) возрастает число низких асимметричных трапеций с прямыми ретушированными краями и появляются треугольники низкие, почти прямоугольные. По-прежнему невелико число высоких асимметричных трапеций с одним вогнутым краем с ретушью, иногда эти трапеции почти симметричны. Следует отметить, что число таких трапеций невелико и на следующем, якты-кульском этапе. На янгельском этапе появляются трапеции с верхним закругленным основанием, напоминающие сегменты, как низкие, так и высокие. Особенно расцветают здесь микрорезцы, которые в янгельской культуре имеют более четко выраженное сходство с палегаврским типом. Увеличивается число пластин со слабо скошенным или затупленным концом, но появляются пластины и с сильно скошенным концом. Есть острия со сходящимися ретушированными краями, которые здесь имеют почти игловидный об-

лик; обильны подконические нуклеусы, концевые скребки, резцы срединного типа, в том числе со смещением режущего лезвия от центральной оси заготовки.

Если к первым этапам культуры вполне закономерно были отнесены памятники с типичными низкими геометрическими формами с выемкой на коротком ретушированном краю, то комплексы, в которых встречаются симметричные высокие формы, должны быть, очевидно, отнесены к более позднему этапу. Высокие симметричные трапеции с вогнутыми ретушированными краями найдены на Долгом Ельнике II и на стоянке Якты-Куль. Вместе с ними здесь встречаются и асимметричные низкие трапеции с вогнутым коротким ретушированным краем. Однако они здесь уже трансформируются в удлиненные острия — наконечники стрел. Время бытования этих наконечников, видимо, невелико. Уже в инвентаре Долгого Ельника II (табл. 92) представлены и другие типы наконечников стрел на ножевидных пластинках, которые в дальнейшем и вытесняют наконечники в форме вытянутых трапеций и треугольников. В памятниках этого типа доля геометрических форм резко падает. Так, на стоянке Линевое (Карабалыкты V) на 12 781 изделие из камня найдена всего только одна трапеция, атипичная, сильно вытянутая, на стоянке Урта-Тюбе (Карабалыкты VIIIа) их три и т. п. Характер обработки геометрических микролитов здесь также несколько меняется. В памятниках более позднего типа выемки на них становятся менее четкими. По форме трапеции иногда больше напоминают вытянутые треугольники или вытянутые острия, увеличивается число трапеций высоких форм и симметричных трапеций без выемок. Заметно уменьшаются и размеры трапеций, но вместе с тем появляются и анормально крупные. Однако в целом геометрические формы более поздних памятников мезолита Южного Урала сохраняют известную близость с геометрическими микролитами более ранних поселений региона, что свидетельствует о генетической связи между ними. Состав остального инвентаря подтверждает это.

Уже на якты-кульском этапе микролитические орудия постепенно начинают дополняться изделиями микролитического характера, появляются первые орудия с двусторонней обработкой. Их характер говорит об еще не развитой макролитической технике. Здесь распространяются долотовидные и скребковидные орудия из сработанных нуклеусов, появляются очень крупные орудия — типа гигантолитов. Наибольшая часть изделий с двусторонней обработкой — орудия для обработки дерева. Микролитические изделия сохраняются, претерпевая некоторые изменения. Появляются скобели на пластинах с широкими, асимметрично расположенными выемками, относительно уменьшается роль резцов, увеличивается количество их заменителей — «резчиков», сами пластины становятся крупнее, массивнее, вырождается техника микрорезцов, исчезают скошенные острия и т. п.

Таков характер внутреннего развития янгельской культуры. Для ее периодизации и хронологии большое значение имеют различия в геоморфологии памятников. Наиболее ранние памятники мезолита Зауралья лежат либо в современной пойме, либо на очень низких террасах. Это памятники типа Мыс Безымянный. Такое расположение свидетельствует с несомненностью о более низком, чем ныне, стоянии уровня вод в бассейне. Памятники типа Янгелька поднимаются внезапно на 15—20 м выше уровня стоянок безымянномысского этапа, что позволяет предполагать, что в это время уровень вод в бассейне значительно поднялся. Однако следующие за ними стоянки типа Кусимовская, Долгий Ельник II и др. вновь спускаются на более низкие террасы, и в то же время памятники типа Якты-Куль располагаются на очень высоких террасах, а памятники типа Линевое (Карабалыкты V) вновь располагаются на низких террасах. Такая закономерность прослеживается как в одном узком микрорегионе какого-то озера, так и в целом во всем Зауралье.

Озера, на которых расположены памятники, в большинстве своем связаны с бассейном р. Урал. Озера Банное, Сываркуль, на берегах которых расположены стоянки Янгелька, Якты-Куль, Кусимовская, Банное V и др., соединены между собой р. Янгельской, впадающей в р. Урал. Последнее обстоятельство позволяет синхронизировать колебания уровня бассейна Урала с колебаниями уровня Каспия для датировки памятников мезолита Зауралья наравне с памятниками Приуралья, например относить безымянномысский этап ко времени Бегдашской регрессии, янгельский — к Сартасской трансгрессии, а памятники типа Линевая (Карабалакты V) — к Мангышлакской регрессии.

Из изложенного ясно, что на Южном Урале по обе стороны Уральского хребта развивались две группы населения, по-видимому, разного происхождения, разных культурных традиций. Они прошли длительную историю, прожив в этих районах несколько тысячелетий. Такой выглядит мезолитическая история Южного Урала.

Глава шестнадцатая
Мезолит Средней Азии и Казахстана

В недалеком прошлом эпоха мезолита на территории Средней Азии и Казахстана считалась слабо изученной, хотя первые сведения о ней появились еще в дореволюционное время. Это были разрозненные находки каменных изделий микролитического облика, обнаруженные В. Н. Андрусовым в Джебеле, у колодца Кош-Аба и на северном берегу оз. Чалкар-Тениз; в 1923—1926 гг. в результате работ геологической экспедиции под руководством Д. Н. Щербакова осуществлены сборы подъемного материала в районе серного завода (Центральные Каракумы), датированного А. П. Окладниковым поздним мезолитом. Аналогичные изделия были найдены и в других местах: Сузангли, Такыр-Оглы (Окладников, Кляшторный, 1961), в районе Айртама (Массон, 1936; Окладников, 1949; Парфенов, 1961), Казанджике. В 1939 г. открыты знаменитые фрески Зараут-Сая, часть которых датирована исследователями эпохой мезолита (Формозов, 1966, 1968, 1969). Значителен вклад геологов В. В. Шумова и Н. П. Луппова, обнаруживших ряд местонахождений в районе Красноводского п-ова, в том числе пещеры Дам-Дам-Чешме 1 (Борисковский, 1947а, б). Однако первые систематические исследования мезолита в Среднеазиатском регионе осуществлены А. П. Окладниковым. На Красноводском п-ове, Большом и Малом Балхане были раскопаны многослойные пещерные комплексы Дам-Дам-Чешме 1 и 2, Джебел и Кайлю (Окладников, 1949, 1951, 1956а, б, 1958). В горных районах Таджикистана собран большой подъемный материал у источника Чиль-Чор-Чашма, в Куй-Бульоне, открыты многослойные поселения открытого типа Туткаул и Сай-Сайед, содержащие ранние слои (Окладников, 1958, 1959). В последние годы мезолитическая карта Средней Азии и Казахстана пополнилась новыми названиями. Появились местонахождения в ранее неизвестных районах: на Устюрте, в Центральной Фергане, Кызылкумах, на Памире, в степях Казахстана и др. Благодаря изысканиям А. М. Мандельштама, Г. Е. Маркова, Х. Ю. Юсупова в Восточном Прикаспии, Б. З. Гамбурга, Н. Г. Горбуновой, Ю. А. Заднепровского, У. И. Исламова, В. И. Тимофеева в Центральной Фергане, Е. Б. Бижанова и А. В. Виноградова на Устюртском плато, В. А. Ранова, А. Х. Юсупова, В. А. Жукова в Таджикистане, М. Ю. Юнусалиева в Киргизии, А. В. Виноградова в Кызылкумах, В. Ф. Зайберта в Северном Казахстане и других археологов открыты и исследованы памятники мезолитического времени на территории уже всех среднеазиатских республик и доследованы ранее известные комплексы. Накопленный за последние годы материал позволил говорить о культурно-хронологическом разнообразии мезолита Средней Азии и Казахстана.

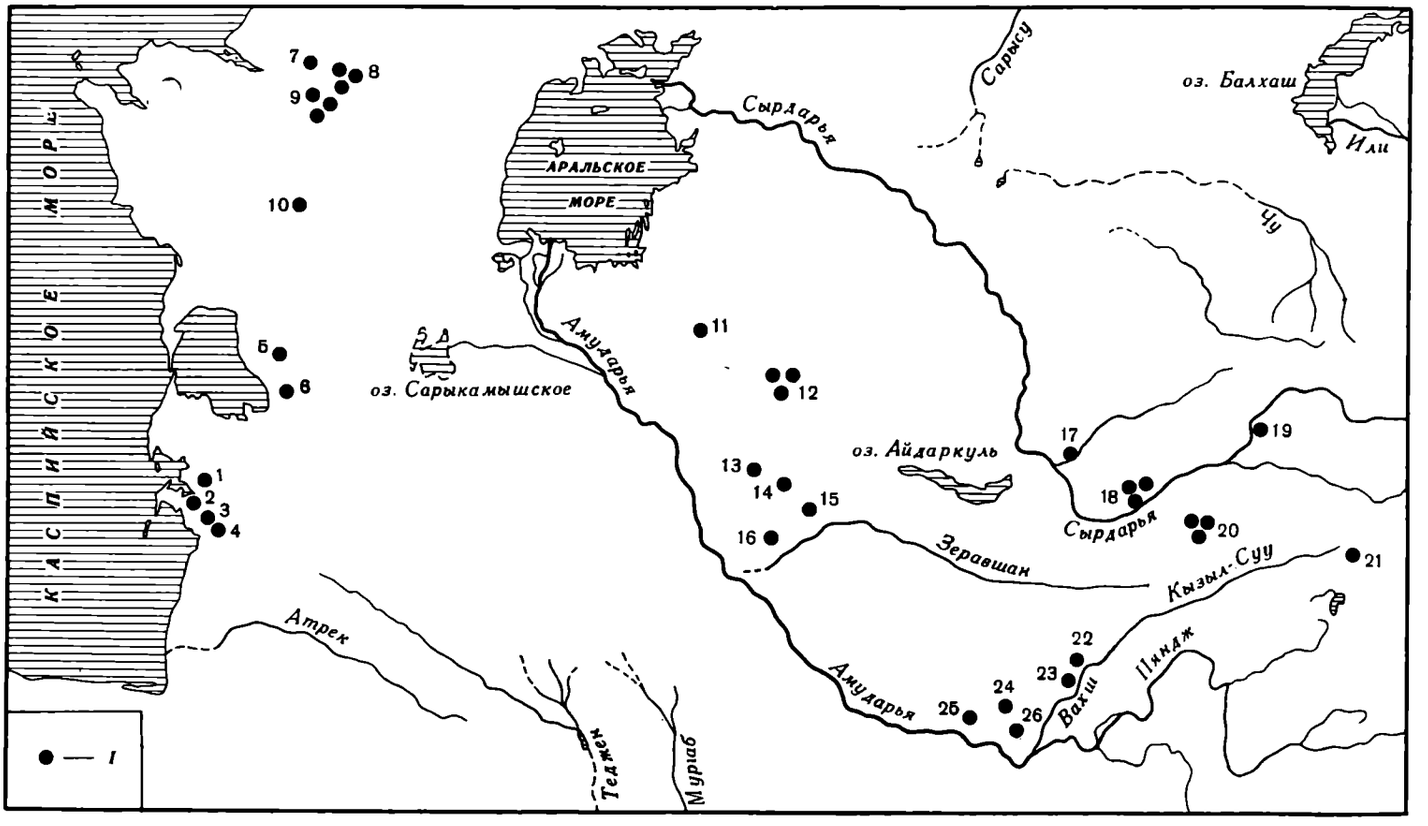
В настоящее время здесь известно около 30 хорошо стратифицированных памятников и более 200 местонахождений с подъемным инвентарем. К числу первых относятся пещеры Джебел, Дам-Дам-Чешме 1 и 2, Обишир 1 и 5, Ташкумыр, Истыкская, навесы Ак-Танга, Даран-Шур, стоянки открытого типа Ошхона, Туткаул, Сай-Сайед, Кушилиш, Явленка II, Виноградовка XII, Тельмана VIIIа, среди вторых — Дефе-Чаганак, Актамские стоянки, Айдабол 25, Янги-Кадам 21, Тайпак I, Оби-Каик, Чиль-Чор-Чашма, Лявлякан 24, Евгеньевка и многие другие. Особое место занимают наскальные изображения Зараут-Сая и грота Шахты, дающие яркое представление о среднеазиатском искусстве поры мезолита (карта 12).

Среди мезолитических памятников удалось выделить ранние комплексы — горизонт 3 Туткаула (Ранов, Коробкова, 1971; Коробкова, 1975, 1977), слои 7—5 Дам-Дам-Чешме 2 (Марков, 1966а, б; Коробкова, 1968), Истыкская пещера (Жуков, 1982), Виноградовка XII (Зайберт, 1979б. С. 8) и поздние — слои 8—7 пещеры Джебел, центральноферганские местонахождения (Коробкова, 1970. С. 24, 25; 1977. С. 109, 112; Тимофеев, 1972. С. 63), Тельмана XIVа (Зайберт, 1979б. С. 12). Встречаются промежуточные памятники: Ташкумыр (Юнусалиев, 1970б. С. 12, 24), горизонт 2а Туткаула (Ранов, Коробкова, 1971. С. 142—144), Обишир 1 и 5 (Исламов, 1972а. С. 44, 45; 1972б, в; 1977; 1980).

Относительная хронология мезолита Средней Азии и Казахстана базируется на стратиграфии пещерных комплексов (Дам-Дам-Чешме 1 и 2, Кайлю, Джебел, Обишир 1 и 5, Таш-Кумыр, Истыкская), навесов (Ак-Танга, Даран Шур), открытых стоянок (Ошхона, Туткаул, Сай-Сайед, Кушилиш) и др. Многочисленные однослойные стоянки объединяются в хронологические группы на основе технико-морфологического анализа их инвентаря и статистических соотношений наборов изделий.

Абсолютная хронология определяется радиоуглеродными датировками среднеазиатских памятников (Ошхона, поздний слой Шугноу, неолитические горизонты Туткаула, поселения джейтунской культуры Чагиллы-депе и Тоголок-депе, Учащи 131, пещера Мачай), памятников Казахстана (Тельмана XIVа) и типологическими сопоставлениями с синхронными комплексами Ближнего Востока, где система абсолютной хронологии также основана на том же способе датирования. В целом возраст мезолита Средней Азии и Казахстана укладывается в рамки XI—VII тысячелетий до н. э. (Романова, Семенцов, Тимофеев, 1972. С. 58; Марков, Образцов, 1981. С. 74—77; Ranov, 1976).

В настоящее время предприняты попытки к выделению мезолитических культур и вариантов. Так, в Восточном Прикаспии Г. Ф. Коробковой выделены две группы памятников с разными типами индустрий, соответствующие, по-видимому, двум культурным комплексам, условно названным прибалханским

Карта 12. Мезолитические памятники Средней Азии и Казахстана

1 — Кайлю; *2* — Джебел; *3* — Дам-Дам-Чешме 2; *4* — Дам-Дам-Чешме 1; *5* — Дефе-Чаганак; *6* — Ходжа-Су I; *7* — Каракудук; *8* — Айдабольская группа памятников; *9* — Чурукская группа памятников; *10* — Актайлак; *11* — Кокпатассай I; *12* — лявляканская группа памятников; *13* — Учащи; *14* — Аякагитма; *15* — Эчкиликсай; *16* — Чарбакты I; *17* — Кушилиш; *18* — стоянки Центральной Ферганы; *19* — Таш-Кумыр; *20* — Обишир 1, 3, 5; *21* — Ошхона; *22* — Туткаул; *23* — Сай-Сайед; *24* — Зараут-Сай; *25* — Мачай; *26* — Чиль-Чор-Чашма

и прикаспийским с зарзийскими элементами (Коробкова, 1968. С. 15, 16; 1970. С. 21—24; 1975. С. 20—23; 1977. С. 109—112). Поставлен вопрос о выделении намечающейся культуры в Ферганской долине (Коробкова, 1968. С. 16; 1970. С. 24). Позднее, с накоплением материала, Г. Ф. Коробкова подразделяет мезолит Центральной Ферганы на два варианта или культурных комплекса — равнинный и пещерный. Первый назван ферганским, второй — обиширским (Коробкова, 1975. С. 24; 1977. С. 112). Проблема их культурных связей оставалась невыясненной. Анализ материалов Обишира 1 и 5 позволил У. И. Исламову выделить своеобразную обиширскую культуру (Исламов, 1977. С. 27), которая почему-то оказалась в составе ферганского комплекса (Исламов, 1977. С. 25). На территории Узбекистана, помимо последнего комплекса, исследователь фиксирует еще два других — Ташкентский и Сурхандарьинский (Исламов, 1972а, 1974а, 1975а, б, 1977. С. 24), хотя каждый из них объединяет материалы одного памятника: Ташкентский — Кушилиш, Сурхандарьинский — Мачай. Определенным своеобразием отличается маркансуйская культура, выделенная В. А. Рановым в высокогорных районах Памира (Ранов, 1964). В последних работах этого исследователя и его соавторов был поставлен вопрос о существовании вахшской мезолитической культуры (Ранов, Юсупов, Филимонова, 1982. С. 19).

Пока трудно судить, насколько правы авторы, выделившие в мезолите Средней Азии указанные выше культуры, варианты и комплексы. Однако уже сейчас можно сказать, что некоторые из них спорны и слабо доказаны. Расходятся мнения исследователей в вопросах хронологии и периодизации мезолитических памятников, в частности и мезолита Средней Азии и Казахстана в целом. Все эти проблемы должны занять определенное место в соответствующих разделах настоящей работы. К сожалению, эпоха мезолита в рассматриваемом регионе изучена неравномерно. Огромная территория остается большим белым пятном на мезолитической карте Средней Азии и Казахстана. Имеются районы, где отсутствуют стратифицированные памятники. Существенным недостатком является отсутствие единой типологии материала, не говоря уже об его статистической обработке. Нет полной публикации ряда комплексов, ощущается недостаток в радиоуглеродных датировках. Некоторые памятники не имеют аналогий, лишь отдельные стоянки и местонахождения образуют группы, внутри которых зачастую отсутствуют связующие звенья. Все это усложняет воссоздание целостной картины среднеазиатского мезолита и затрудняет решение таких вопросов, как культурная принадлежность конкретных объектов, их генезис, хронология и периодизация, пути развития.

Средняя Азия и Казахстан характеризуются значительным разнообразием природно-климатических зон. Пустыня и полупустыня сменяются степями и

лесостепями, горы и предгорья — плато, межгорными и речными долинами. Комплексные палеогеографические и археологические работы, проведенные на территории староречий Узбоя, Амударьи, Зеравшана, Вахша, во Внутренних Кызылкумах, Центральных Каракумах, на равнинах Восточного Прикаспия и Среднеазиатского междуречья, в высокогорье Памира и других областях, показали сравнительно плотную заселенность их в конце плейстоцена и особенно в начале голоцена. Следы обитания мезолитических племен обнаружены на территории Большого Балхана, Красноводского плато и Устюрта, Каракумской и Кызылкумской пустынь (Окладников, 1949, 1956а, б; Бахта, Марков, 1959; Марков, 1961, 1966а, б; 1971; Виноградов, Мамедов, 1974, 1975; Бижанов, 1978, 1982), на Восточном Памире (Ранов, 1959а, б, 1961а, 1962, 1964, 1975; Жуков, 1980, 1982), в межгорных долинах (Юнусалиев, 1970а, б; Исламов, 1972б, 1977, 1982; Амосова, Филимонова, Юсупов, 1983). Многие памятники приурочены к террасам крупных рек или их притоков — Узбоя, Амударьи, Зеравшана, Сырдарьи, Вахша, Кафирнигана, Тобола, Иртыша, Ишима и других водотоков, к конусам выноса (Туткаул, Сай-Сайед), берегам озер (Лявляканские, Центральноферганские и Устюртские местонахождения). Расположение стоянок в разных климатических зонах свидетельствует о сравнительно благоприятных природных условиях, в которых обитали мезолитические племена, и адаптации последних к конкретной экологической обстановке. О климате того времени свидетельствуют две точки зрения. Приверженцы первой полагают, что в пору финального палеолита после отступления Хвалынской трансгрессии в Средней Азии наступила относительная стабилизация природных условий, характеризующихся определенной аридизацией (Лисицына, Массон, 1980. С. 121). Сторонники второй, а таких большинство, считают, что климат в начале голоцена хотя и отличался резкой континентальностью, однако для него были типичны заметные колебания, повлекшие за собой смену аридных условий повышенной влажностью. Такая климатическая обстановка наблюдалась в Арало-Каспийском регионе (Виноградов, Итина, Кесь, Мамедов, 1974; Хотинский, 1980. С. 11; Федоров, 1980. С. 19—22), Кызылкумах (Виноградов, Мамедов, 1974), межгорных долинах современного Узбекистана и Таджикистана (Виноградов, 1981. С. 5—6; Амосова, Филимонова, Юсупов, 1983. С. 5). На климатические изменения в голоцене указывают и результаты палеоботанических исследований, фиксирующие смену и передвижки растительного покрова, отличающиеся некоторой ритмичностью (Абрамова, 1980. С. 71). Анализ пыльцы из мезолитических слоев Туткаула и Даран Шура показал наличие древесной растительности. В это время в Бешкентской долине, по данным изучения почв, распространяется травянисто-кустарниковая флора, свидетельствующая, по мнению исследователей, о более холодном и влажном климате (Амосова, Филимонова, Юсупов, 1983. С. 5).

Постоянной изменчивостью русел и стоков отличались основные водные артерии Средней Азии — Амударья и Сырдарья. В результате увеличения их стока около 9000 лет назад возник Арало-Сарыкамышский бассейн, являвшийся сточным озером, из которого вытекал Узбой. Хорезмская котловина была уже заполнена к этому времени наносами Амударьи (Квасов, 1980. С. 188).

По результатам исследования палеолитической многослойной стоянки Шугноу зафиксирована фаза похолодания, которую 10—9 тысяч лет назад сменяет жаркий сухой климат, отразившийся на вытеснении лесной растительности травянисто-кустарниковой (Никонов, Пахомов, Ранов, Ренгартен, 1974. С. 190—197). Близкие экологические условия зафиксированы в Казахстане, где в конце плейстоцена—начале голоцена наступает заметная аридизация климата, обусловившая перемещение населения в районы функционирования родников (Медоев, 1979. С. 7, 8; Виноградов, 1981. С. 21).

Таким образом, по мнению многих исследователей, природно-климатические условия мезолитической Средней Азии и Казахстана не оставались неизменными, что явно сказалось на расселении племен и концентрации их стоянок в труднодоступных и необитаемых в настоящее время районах Устюрта, Каракумов, Кызылкумов и высокогорий Памира. Пестрота ландшафтно-климатических условий отразилась также на материальной культуре населения, оставившего значительное разнообразие культурных комплексов, датированных разными периодами мезолита.

Перейдем к характеристике мезолитических групп памятников и культур, рассматривая их по географическому принципу.

Мезолит Восточного Прикаспия. В мезолит региона условно объединены памятники Красноводского п-ова (пещера Джебел, Каскыр-Булак), Прикарабугазья (Ходжа-Су 1, Дефе-Чаганак), Прибалханья (гроты Кайлю, Дам-Дам-Чешме 1 и 2, стоянка Караилем), нижнего Узбоя (Келькорские и Актамские местонахождения, Сенграаджи 1 и др.) (карта 12). В настоящее время здесь известно около 30 местонахождений с подъемным инвентарем и четырьмя многослойными пещерами — Джебел, Кайлю, Дам-Дам-Чешме 1 и 2, материалы которых остаются ключевыми не только для рассматриваемого района, но и для сопредельных территорий Средней Азии и Ближнего Востока.

Первое исследование пещеры Дам-Дам-Чешме 2 началось в 1947 г., когда А. П. Окладников провел рекогносцировочные раскопки (Окладников, 1953а). В 1963—1964 гг. исследование продолжил Г. Е. Марков (Марков, 1966а, б). Была вскрыта значительная площадь грота (250 кв. м) на всю глубину, т. е. до скального дна. В результате выявлено девять культурных слоев, из них слои 8—5 отнесены к эпохе мезолита. По мнению Г. Ф. Коробковой, мезолитом можно датировать и слой 4 с двумя прослойками или горизонтами, обозначенными слой 4 «верх» и слой 4 «низ» (Коробкова, 1970, 1975). Последний вместе с нижележащими слоями 8—5 был объединен в одну пачку слоев в силу идентичности залегания в толще красноватого суглинка и полного сходства материала. Слой 4 «верх» отнесен к мезолиту на основании стратиграфии, типологии индустрии и сравнительной характеристики с синхронными памятниками сопредельных территорий.

В 1978 г. пещера была доследована Г. Е. Марковым и С. Хамракулыевым (Хамракулыев, 1979, 1981).

Полученные при этом материалы дополнили наши представления о рассматриваемом памятнике.

В 1949—1950 гг. А. Н. Окладниковым осуществлены раскопки пещеры Джебел, выявившие 10 культурных слоев, из коих два слоя 8—7 справедливо датированы поздним мезолитом (Окладников, 1956а). Несколько лет спустя проведено исследование грота Дам-Дам-Чешме 1 (Окладников, 1951с, 1953а). В 1970—1971 гг. пещера была полностью раскопана Г. Е. Марковым (Марков, 1975, 1981). По заключению А. П. Окладникова, в гроте залегало шесть культурных слоев, Г. Е. Маркову удалось выявить только пять, да и то в центре пещеры. У периферии сохранились четыре, а по краям раскопа — два слоя. К мезолиту отнесены пятый, нижние и средние горизонты слоя 4 (Марков, Дурдыев, 1977; Марков, 1981. С. 51). По мнению Г. Ф. Коробковой, нет основания подразделять четвертый слой на горизонты — его материал обнаруживает на всей глубине культурной толщи полное тождество.

Таким образом, мезолит Восточного Прикаспия характеризуют индустрии слоев 8—7 пещеры Джебел, слоев 8—4 Дам-Дам-Чешме 2, слой 4 Дам-Дам-Чешме 1, низ Кайлю и многочисленных местонахождений открытого типа. Раскопки пещерных комплексов и накопленные материалы позволяют воссоздать культурно-хронологическую картину мезолита Прикаспийского региона и дают опорную стратиграфию для решения проблем хронологии и периодизации мезолитических комплексов Средней Азии и Ближнего Востока. Анализ этих материалов и их сравнительная характеристика с мезолитическими памятниками Ближнего Востока позволяют выделить в Восточном Прикаспии две группы памятников (Коробкова, 1968. С. 15, 16; 1977. С. 109, 112). Одна группа, условно названная прибалханской, объединяет инвентарь слоев 8—4 «низ» Дам-Дам-Чешме 2, слои 8—7 Джебела, Каскыр-Булак (Борисковский, 1947а, б) и др. Ее характеризует пластинчатая техника расщепления с микролитоидными элементами. Основные заготовки — крупные и средние пластины шириной 1,2—3,7 см, неправильных очертаний, реже массивные отщепы. Для техники вторичной обработки типична приостряющая частичная занозистая ретушь, нанесенная лишь на рабочие участки заготовок. Для набора типов изделий (табл. 93) показательны высокие крупные симметричные или слегка асимметричные трапеции со скошенными или слабовогнутыми боковыми краями и неравнобедренные небольшие треугольники. Типичны концевые скребки на макропластинах с крутым высоким лезвием, в том числе двойные, нуклевидные изделия, реже округлые и концевые скребки на отщепах. Основное место в индустрии занимают скобели — крупные пластины с глубокими выемками, показательны проколки со специально выделенным «жальцем», нередко расположенным на углу заготовки. Нуклеусы массивные, дисковидной, усеченно-конусовидной и призматической формы с односторонней плоскостью скалывания, часто с подправленными площадками.

Материал рассматриваемой группы имеет аналогии в инвентаре нижних (слои 28—22) слоев пещеры Гари-Камарбанд (Coon, 1951. P. 68—76) и Хоту (Coon, 1952. P. 254—256), расположенных в Южном Прикаспии на территории современного Ирана. Сходство проявляется в идентичности стратиграфического залегания, пропорциях, размерах и соотношении геометрических микролитов, ограниченном использовании вторичной обработки, наличии концевых скребков, изготовленных на обломках макропластин, массивных скребков на отщепах с высоким крутым рабочим краем, единичных микропластин. Но в целом индустрия Восточного Прикаспия, обладая целым рядом особенностей, представляет собой самобытное явление. Форма и отделка прибалханских трапеций не находит прямых аналогий в памятниках Ближнего Востока. И, наоборот, в Восточном Прикаспии нет пластин с симметричными выемками у основания, как в Гари-Камарбанде. Отличается техника ретуширования орудий, заготовки основных инструментов, состав изделий. Таким образом, своеобразие рассматриваемой группы памятников, индустрия которых характеризуется устойчивым набором повторяющихся типов изделий, вторичной обработки и заготовок, и концентрация стоянок на определенной территории позволили Г. Ф. Коробковой выделить ее в особый культурный комплекс, соответствующий, по-видимому, культуре с одноименным названием прибалханской (Коробкова, 1975. С. 23). Последняя генетически восходит к местному верхнепалеолитическому пласту, представленному материалами слоя 9 Дам-Дам-Чешме 2, с которым она образует непрерывную линию развития.

Вторая группа памятников, расположенных на территории Восточного Прикаспия, условно названная прикаспийской зарзийского типа, включает материалы нижних горизонтов Кайлю, слоя 4 Дам-Дам-Чешме 1, стоянку Ходжа-Су 1 (Коробкова, Крижевская, Мандельштам, 1968. С. 53—56) и другие местонахождения Прибалханья.

Индустрия этой группы, так же, как и первой, характеризуется пластинчатой техникой (табл. 94). Однако в отличие от вышеописанного комплекса она обладает значительными микролитоидными чертами, иным характером заготовок и набором основных изделий. Ведущими типами заготовок служили крупные пластины удлиненных пропорций правильной призматической формы, микропластинки и отщепы. В технике вторичной обработки широко используется крупная притупливающая ретушь, оформляющая весь периметр изделия или боковые края. В наборе типов орудий показательны низкие вытянутые сегменты и асимметричные удлиненные треугольники, отделанные крутой, затупливающей ретушью. Трапеции единичны и отличаются либо сильновогнутыми боковыми сторонами, либо низкими удлиненными пропорциями. Этот комплекс характеризуют острия типа лезвия перочинного ножа и с ретушированными краями, микропластинки с притупленным краем и скошенным концом, скребки округлых, концевых и нуклевидных форм. Концевые скребки в основном изготовлены из целых пластин, как правило подправленных на участке ударной площадки. Скобели многовыемчатые. Многочисленные нуклеусы представлены «карандашевидными», призматическими и конусовидными формами. Любопытны двусторонне обработанные наконечники дротиков или копий.

Многие исследователи отмечали большое сходство прикаспийских мезолитических комплексов с памятниками зарзийского типа (Борисковский, 1947а, б.

С. 8; Марков, 1966а. С. 118; Массон, 1966. С. 168). Однако, как нам представляется, эти близкие аналогии с зарзийскими комплексами обнаруживает лишь вторая группа памятников Прикаспия. Об этом свидетельствует сходство индустрии со слоем в Зарзи, Хазар Мердом, слоем B_2 Шанидара, Па-Сангаром (Carrod, 1930. P. 24—37; Braidwood, Howe, 1960. P. 27—29; Garrod, Clark, 1965. P. 20—22). Близки техника расщепления и обработки камня, ряд типов и пропорции орудий. Для обеих индустрий характерны низкие вытянутые треугольники и сегменты, единичные трапеции с вогнутыми ретушированными краями, микропластинки с притупленным краем, скошенным концом, многовыемчатые скобели, острия в виде лезвия перочинного ножа, концевые, округлые и нуклевидные скребки, микроскребки, пластины правильной призматической формы.

В то же время инвентарь второй группы отличается от зарзийской известным своеобразием. Так, в ней нет ни резцов, ни наконечников с боковой выемкой. На Ближнем Востоке наиболее часто применялась крутая встречная ретушь, в Прикаспии — односторонняя. Отмеченные черты сходства ранее трактовались как влияние зарзийского импульса на техническую традицию рассматриваемой группы памятников (Коробкова, 1977. С. 112). В настоящее время в связи с раскопками пещеры Дам-Дам-Чешме 1 и сборами подъемных материалов на стоянках Баш-Кериз, Таш-Арват, Кара-лемата-Сай, датированных переходной порой от мезолита к неолиту (Коробкова, 1969. С. 92—96), можно говорить о значительном своеобразии этого культурного комплекса и его большей независимости от влияния зарзийской техники. Поэтому появилась необходимость в уточнении его названия в связи с конкретной локализацией памятников с соответствующей индустрией. Условно рассматриваемый комплекс можно назвать восточноприкаспийским. Долгое время его генезис оставался неясным. После масштабных работ в пещере Дам-Дам-Чешме 1 и публикации материалов (Марков, 1981) появилась возможность проследить генетические корни данной группы памятников. В качестве сравнения приведем материалы слоев 4 и 5 этого грота. Хотя коллекция последнего нижнего слоя незначительна, всего 115 единиц, тем не менее она дает яркое представление об этом выразительном комплексе. Данные сопоставления комплексов слоев 4 и 5 свидетельствуют об их поразительном сходстве. И там и тут в технике расщепления преобладают заготовки из отщепов — 78,9 и 81,6% соответственно (с учетом всех заготовок) по сравнению с пластинчатым элементом, насчитывающим 21,1 и 18,4%. В составе пластин имеются единичные микропластинки. Идентична техника вторичной обработки, среди которой основополагающее место занимает притупливающая ретушь, нанесенная по двум краям пластины. В наборе типов изделий показательны скребки, пластины с выемками, пластины и отщепы с ретушью, представленные в обоих комплексах примерно близким процентом (15,2—15,8% — скребки, 18,6—10,5% — пластины с выемками, 39—26,3% — пластины с ретушью, 19,5—36,8% — отщепы с ретушью).

Некоторая разница в процентном соотношении ряда типов и отсутствии единичных видов изделий в том или ином комплексе обусловлена, по-видимому, хронологическим расхождением слоев 4 и 5, из которых нижний 5 является более ранним. Г. Ф. Коробкова считает, что последний при сохранении идентичных с слоем 4 типов заготовок, ретуши и изделий не содержит геометрических микролитов, появление которых зафиксировано только в вышележащем комплексе, грубо обработанного массивного наконечника дротика или копья, единичных микропластин со скошенным концом. Последних три составных элемента индустрии слоя 4 появились в результате местной технической традиции, представленной материалами нижнего пласта пещеры. В этом плане слой 6 Дам-Дам-Чешме 1 стадиально сопоставляется со слоем 9 пещеры Дам-Дам-Чешме 2, позднепалеолитический возраст которого ни у кого не вызывает сомнения. Судя по архаичности первого комплекса и условиям его залегания на стерильном основании с завалами плитняка, лежащем на скальном дне (слой 9 Дам-Дам-Чешме 2 тоже покоится в близких условиях на стерильном основании, пронизанном щебенкой и плитняком, на скальном дне), слой 5, как и слой 9 Дам-Дам-Чешме 2, можно ориентировочно датировать финалом позднего палеолита. Сопоставление его со слоем 5 Дам-Дам-Чешме 2 (Марков, 1981. С. 51) материал которого залегает в иной геологической ситуации и резко отличается от слоя 5 Дам-Дам-Чешме 1, нам представляется малообоснованным.

Обратимся к индустрии слоя 4 Дам-Дам-Чешме 1. При сохранении генетической преемственности нижележащего комплекса в инвентаре рассматриваемого пласта заметны некоторые эволюционные изменения, явившиеся следствием развития последнего. Появляются первые геометрические орудия — крупный, высокий, симметричный треугольник и два низких вытянутых сегмента с пологой дугой, грубые наконечники, увеличивается число пластин, в том числе выемчатых и с ретушью. Стадиально он хорошо соотносится со слоем 7 Дам-Дам-Чешме 2, в котором встречена одна трапеция, тоже крупных размеров и высоких пропорций. Это время начальной геометризации орудий, совпадающее в Восточном Прикаспии с началом мезолита.

Таким образом, генезис восточноприкаспийского комплекса, как нам представляется, следует искать в местной культуре типа слоя 5 Дам-Дам-Чешме 1.

При рассмотрении материалов двух групп памятников Восточного Прикаспия возникает вопрос: являются ли они этапами одной мезолитической культуры или разнокультурными комплексами, появление и развитие которых шло независимыми путями? Ответ на этот вопрос не однозначен. В археологической литературе имеются на сей счет три точки зрения. Первая, высказанная Г. Ф. Коробковой, предполагает наличие двух разнокультурных комплексов — прибалханского и прикаспийского зарзийского типа (после уточнения названия — восточноприкаспийского) (Коробкова, 1970. С. 23, 24; 1975. С. 23). В качестве аргументов приводятся данные стратиграфии, типологические и сравнительные характеристики индустрии обоих комплексов и результаты сопоставлений их с близкими материалами окружающей территории. Расхождения между ними очевидны, о чем свидетельствуют вышеописанные характеристики и предложенные таблицы иллюстраций. Это

обстоятельство позволяет говорить об их разнокультурности. Согласно второй точке зрения, появившейся в последние годы, которой придерживается У. И. Исламов, в Восточном Прикаспии существовала единая мезолитическая культура, названная тоже прибалханской (Исламов, 1977. С. 27). Никаких доказательств в пользу этой гипотезы автор не приводит. Характеристика культуры дана суммарно, система признаков отсутствует. Набор изделий, на которые ссылается У. И. Исламов, носит скорее общий, собирательный характер и не всегда соответствует индустрии конкретных памятников, объединенных им в одну культуру. Третья точка зрения, разделяемая Г. Е. Марковым и его учеником С. Хамракулыевым, свидетельствует о наличии в Восточном Прикаспии прибалханских культур эпохи мезолита (Марков, 1981. С. 53; Хамракулыев, 1981. С. 8—9).

Но какие конкретные культуры, какие памятники и материалы стоят за ними, чем они характеризуются, остается недостаточно ясным. Интересна гипотеза Г. Е. Маркова относительно существования в эпоху камня этнокультурной «Каспийской археологической провинции», объединяющей Восточный и Южный Прикаспий, области Центрального Ирана и Северный Ирак и населенной, возможно, родственными племенами (Марков, 1975. С. 67; 1979. С. 153, 154; 1981. С. 53, 54). Сопоставления мезолитических комплексов Восточного Прикаспия с синхронными памятниками Ближнего Востока, приведенные выше, показывают определенное сходство между ними, которое можно объяснить, с одной стороны, наличием культурных контактов, с другой — общими генетическими истоками. В этом отношении показательны параллели между комплексом типа слоя 4—5 Дам-Дам-Чешме 1 и памятниками типа Зарзи, Палегавра и Шанидар слоя B_2. Они могут указывать на культурные контакты, имевшие место между племенами Восточного Прикаспия и Ближнего Востока в эпоху мезолита. На северные связи Зарзи с Прикаспием указывали еще Р. Брейдвуд, Б. Хоув и Ф. Смит raidwood, Howe, 1960. P. 157; Smith, 1971. P. 691).

В целом, как показывает анализ изделий синхронных памятников обоих регионов, какого-либо культурного единства между ними не прослеживается и сравниваемые мезолитические комплексы обладают большой самобытностью, обусловленной разнообразием путей их формирования и развития. Поэтому говорить о существовании особой «Каспийской археологической провинции» пока преждевременно.

Итак, подведем некоторые итоги. Проблема культурной принадлежности прикаспийского мезолита, как видно из приведенных выше мнений, не решена. Высказанные гипотезы, несмотря на их некоторую спорность, имеют право на существование. Следовательно, до проведения единой типологии всего мезолитического материала и накопления новых фактов проблема культур и локальных вариантов мезолита Восточного Прикаспия остается открытой.

Обратимся к вопросам датировки. По мнению Г. Е. Маркова, относительный возраст слоев 7—5 Дам-Дам-Чешме 2 по аналогии с Палегаврой, слоем B_2 Шанидара, нижними горизонтами Хоту и Гари-Камарбанда определяется ранним мезолитом, что в абсолютных цифрах соответствует X—VIII тысячелетиям до н. э. (Марков, 1966а. С. 122). По мнению У. И. Исламова, который тоже опирается на сходство с материалами Ближнего Востока, к раннему мезолиту (XI—X тысячелетия до н. э.) относятся нижний слой Дам-Дам-Чешме 1 и слои 8—7 Дам-Дам-Чешме 2 (Исламов, 1977. С. 20). Г. Ф. Коробкова, основываясь на данных стратиграфии, типологии материала, сравнительной характеристики с ближневосточными комплексами, абсолютных датировок слоя B_2 Шанидара и слоев 22—28 Гари-Камарбанда, предположительно определяет ранним мезолитом слой 4 Дам-Дам-Чешме 1 и слои 7—5 Дам-Дам-Чешме 2, датируя их X—IX тысячелетиями до н. э. Еще больший разнобой наблюдается в хронологии памятников развитого мезолита. Г. Е. Марков относит к этому времени слой 5 Дам-Дам-Чешме 1 (Марков, 1981. С. 51), У. И. Исламов — слои 6—5 Дам-Дам-Чешме 2 (Исламов, 1977. С. 20, 21), Г. Ф. Коробкова — слой 4 «низ» и «верх» Дам-Дам-Чешме 2. Столь же спорна датировка комплексов позднего мезолита. По мнению Г. Е. Маркова и У. И. Исламова, это время (VII—VI тысячелетия до н. э.) отражают материалы слоя 4 «низ» Дам-Дам-Чешме 2, слои 8—7 Джебела, нижний слой Кайлю, Ходжа-Су, Каскыр-Булак (Марков, 1966а. С. 122; Исламов, 1977. С. 20, 21); по мнению Г. Ф. Коробковой,— слои 8—7 Джебела, возраст которых исчисляется не позднее VII тысячелетия до н. э.

Таким образом, и в вопросах датировки мезолита Восточного Прикаспия нет однозначного решения. Исходя из вышесказанных по этому поводу соображений, в целом мезолит данного региона укладывается в рамки X—VII тысячелетий до н. э. Более того, материалы прибалханского и восточноприкаспийского комплексов позволяют наметить их периодизацию.

Так, прибалханский комплекс можно подразделить на три последовательно сменяющихся периода — ранний, средний и поздний. К раннему следует отнести материалы слоев 7—5 Дам-Дам-Чешме 2, содержащие крупные высокие симметричные и асимметричные трапеции, в том числе с ретушированным верхним краем, треугольники, нередко равнобедренные, пластины с выемчатыми краями, призматические нуклеусы. В средний период объединены материалы слоя 4 «низ» Дам-Дам-Чешме 2, в котором дальнейшее развитие находят трапеции высоких пропорций и многочисленные асимметричные вытянутые треугольники (более 40). Резко увеличивается число скребков на отщепах округлых очертаний и концевых скребков на пластинах. Сокращается количество нуклевидных скребков. Появляются микроскребки, микропластинки с притупленным краем, подконические нуклеусы. Поздний период представляют материалы слоев 8—7 Джебела. Полностью исчезают геометрические микролиты. Большой интерес привлекает изделие из слоя 8, напоминающее трапецию с вогнутым верхним краем, ретушированную по всему периметру. Если это так, то здесь мы видим трансформацию крупных геометрических орудий в более мелкие, широко распространяющиеся уже в позднюю, неолитическую эпоху и распространенные в вышележащих слоях 6, 5—6, 5а, 5 Джебела. Значительное место в индустрии занимают микропластинки, пластины с выемками, микроострия, скребки на крупных и мелких отщепах округ-

лой и концевой формы, концевые на пластинах. Единичны резцы, дисковидные ядрища, многочисленны усеченно подконические нуклеусы.

Состояние материала восточноприкаспийского комплекса позволяет тоже расчленить его на два периода — ранний и поздний. Первый характеризует индустрия слоя 4 Дам-Дам-Чешме 1. Для него показательны единичные крупные, высоких пропорций треугольники с крутой ретушью по бокам и удлиненные сегменты с пологой дугой, двусторонне обработанные грубые наконечники дротиков или копий, микропластинки, острия типа лезвия перочинного ножа. Многочисленны концевые скребки на крупных массивных пластинах и микроскребки, реже округлые на отщепах, выемчатые пластины. Для второго, позднего периода, представленного материалами из местонахождений с подъемным инвентарем — Баш-Кериз, Та-Арват, Каралемата-сай (левый берег), типичны скребки на отщепах или пластинах концевой и округлой формы, микропластинки с притупленным краем, выемчатые изделия, единичные отщепы с подтеской концов, острия, двусторонне обработанные наконечники дротиков или копий. Геометрические микролиты отсутствуют.

Естественно, предложенная периодизация прибалханского и восточноприкаспийского комплексов предварительна. С накоплением материала она будет дополняться и уточняться.

Вопросы хозяйства мезолитических племен Восточного Прикаспия нашли отражение в ряде работ (Окладников, 1956а, 1966а, б; Марков, 1966а, б, в; Коробкова, 1969; Хамракулыев, 1981). Решение их осуществлялось на основе палеозоологических исследований костных остатков из мезолитических слоев Дам-Дам-Чешме 1 и 2, Кайлю и Джебела, палеогеографических данных и трасологического изучения орудий труда из прибалханских (Баш-Кериз, Таш-Арват, Каралемата-сай) и прикарабугазских (Ходжа Су I) местонахождений. По единому мнению, хозяйство обитателей рассматриваемого региона носило присваивающий характер и базировалось на охоте, рыболовстве и собирательстве. Об этом свидетельствуют костные остатки, обнаруженные в нижних слоях Джебела (Окладников, 1956а. С. 203), Кайлю (Окладников, 1966. С. 62), слоях 4—6 Дам-Дам-Чешме 2 (Марков, 1966б, в. С. 123). Среди них большое место занимают ихтиофауна, в составе которой определены кости карповых и осетровых рыб. Особенно много стерляди обнаружено в нижних горизонтах Кайлю и Джебела. Большой интерес представляет палеозоологическое исследование фаунистических остатков, проведенное В. И. Цалкиным (Цалкин, 1956. С. 220, 221). По его определению, объектами охоты служили такие дикие животные, как баран, безоаровый козел, кулан, кости которых обнаружены в слоях 5—6 Дам-Дам-Чешме 2 (Марков, 1966а, б, в. С. 123), бык, джейран, кошка, остатки коих найдены в нижних слоях Джебела. Охотничьим оружием служили крупные дротики и копья и составные наконечники, оснащенные микропластинками. Каких-либо орудий рыболовства не обнаружено. Есть предположение, что ловля рыбы осуществлялась наборными гарпунами, составленными из микропластин и геометрических микролитов.

Определенную роль играло собирательство, ориентированное на сбор морских моллюсков и, по-видимому, диких растений. Среди домашних производств первостепенное значение имели обработка шкур, кости, дерева, изготовление орудий труда, украшений из раковин, кости, камня (Окладников, 1956а. С. 206), шитье одежды из выделанных шкур и кож. Орудия последнего промысла — костяные иглы с просверленным ушком и шилья — обнаружены в нижнем слое Кайлю (Окладников, 1956а. С. 207) и слое 4 Дам-Дам-Чешме 2 (Марков, 1966а, б, в. С. 116). В наборе орудий около 70—80% принадлежит изделиям, связанным прямо с охотой либо с переработкой ее продуктов.

В позднем мезолите в хозяйстве Восточного Прикаспия произошли заметные перемены. Среди фаунистических остатков слоя 4 Дам-Дам-Чешме 2 В. И. Цалкиным зафиксированы кости домашних козы и овцы (Марков, 1966а, б. С. 129; Цалкин, 1970; Хамракулыев, 1981. С. 16), причем коза обнаружена в слое 4 «низ», овца — в слое 4 «верх». Таким образом, уже в это время в рассматриваемом регионе осуществлялся переход к скотоводству, направленному на разведение мелкого рогатого скота. В комплексном присваивающем хозяйстве, в котором основную роль играли охота, рыболовство и собирательство, появились элементы перехода к экономике нового типа.

Данных для рассмотрения проблемы общественного строя и идеологии мезолитических племен пока нет.

Культура населения Восточного Прикаспия поры мезолита не исчезает бесследно. Она служила одним из важных компонентов в формировании неолитических культур Средней Азии. Так, культурные традиции прибалханского комплекса четко прослеживаются в слоях неолита Джебела, Дам-Дам-Чешме 2 и частично в джейтунской культуре (Коробкова, 1969); восточноприкаспийского — в неолитических материалах Дам-Дам-Чешме 1, памятников Прикарабугазья, Узбоя и частично кельтеминарской культуры (Коробкова, 1969. С. 192—197; 1970. С. 25).

Мезолит Устюрта. Сравнительно позднее исследование мезолита Устюрта, проведенное в последнее десятилетие отделом археологии Каракалпакского филиала АН УзССР под руководством Е. Б. Бижанова и специальным отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, возглавляемым А. В. Виноградовым, отразилось на сравнительно слабой изученности памятников этого времени. Результатом полевых изысканий явилось открытие около 20 стоянок и местонахождений, которые можно датировать разными периодами мезолита. По своему характеру это памятники открытого типа с развеянным культурным слоем, обнаруженные как на территории внутренних районов Устюртского плато, так и на его окраинах (Виноградов, 1981. С. 28). По наблюдениям исследователей (Мамедов, Батулин, 1977. С. 222—230; Бижанов, 1978. С. 18; 1982. С. 33; Виноградов, 1981. С. 29), стоянки тяготеют к берегам котловин, солончаков, песчаных массивов, бывших «заливов», руслообразных понижений, родникам. Такую топографию дают памятники Айдабола, Чурука, Картпайкума, Аланского массива и др. Среди них по количеству инвентаря выделяются долговременные стоянки и

кратковременные местонахождения (Бижанов, 1978. С. 73, 74; 1982. С. 34). В числе первых можно назвать Айдабол 25 с более 2000 находок, Айдабол 20 — свыше 1000, Актайлак 1 (скопление 1) — более 14 000, Кыйсыкшинграу 2 (скопление 1) — свыше 1200 изделий. К числу вторых относятся Айдабол 15 с 83 предметами, Чурук 3 (скопление 2) — с 84, Сумбетимер 1 — с 263 находками. Кроме того, имеются стоянки с несколькими сотнями изделий: Айдабол 10 — почти 400 единиц, Айдабол 16 — около 5000, Актобе 2 — более 500. По мнению А. В. Виноградова, последние, объединенные в группу памятников с находками от 200 до 1000 единиц, рассматриваются как временные пункты, отражающие разовое или сезонное обитание (Виноградов, 1981. С. 28). На основе приведенных данных нам представляется, что среди мезолитических стоянок можно выделить три группы, которым соответствуют, по мнению К. Фланнери и Ф. Хоула (Hole, Flannery, 1967. P. 162, 163), три типа памятников: сезонные основные лагеря, стойбища для разделки охотничьей добычи и промежуточные стоянки кратковременного значения. Первые дают многочисленные орудия труда, характеризующиеся разнообразным производственным назначением. Вторые представлены ограниченным, по сути, специализированным набором инструментов, связанным с обработкой продуктов охоты. Третьи по составу орудий похожи на первые, но представлены значительно меньшей выборкой изделий.

Мезолит на Устюрте впервые открыл и выделил Е. Б. Бижанов (Бижанов, 1978. С. 24, 75; 1982. С. 14—39). Этому исследователю принадлежит и первая культурно-хронологическая интерпретация памятников. Вместе с тем отсутствие стратифицированных памятников и типлистов, составленных для индустрий мезонеолитического времени в целом, затрудняет решение многих принципиально важных вопросов: культурной принадлежности, относительной и абсолютной датировки, периодизации, генезиса, путей развития, культурных и генетических связей. Поэтому в изучении устюртского мезолита пока еще много неясного, спорного, недосказанного. Взять хотя бы памятники, рассматриваемые исследователями как мезолитические. Здесь мы не найдем одинаковых решений. По мнению Е. Б. Бижанова, к ним можно отнести только Айдабол 16, 25 и под вопросом — Айдабол 6, 9, 11, 21, 22, Джарынкудук 1 (Бижанов, 1982. С. 30, 31), Актайлак 1 (скопление 1), Актобе 2, Чурук 2 (скопления 1—2), Чурук 7, Сулама, Чурук 3 (скопление 2) (Бижанов, 1978. С. 74, 75), которые датированы им поздним мезолитом или ранним неолитом. С большой осторожностью А. В. Виноградов признает мезолитическими материалы Актайлака и Айдабола (Виноградов, 1981. С. 29). Однако, о каких памятниках конкретно идет речь, остается неясным. По нашему мнению, помимо стоянок, указанных Е. Б. Бижановым, как переходные от мезолита к неолиту, за исключением Актобе 2, Чурук 2 (скопление 1—2), Чурук 7, к мезолитическому времени можно отнести Сумбетимер 1, Косхатын 2, Кыйсыкшинграу 2 (скопление 1), Айдабол 7, 10, 12, 14, 15, 20, 23.

Обратимся к характеристике материала (табл. 95). Для мезолита Устюрта показательна пластинчатая техника расщепления с большой долей микролитоидных элементов. Основными заготовками служили средние пластины и микропластинки прямого профиля и их сечения, в редких случаях использовались крупные широкие пластины и отщепы. В технике вторичной обработки применялась притупливающая ретушь, нанесенная по одному или двум краям изделия, в том числе по верхнему скошенному или прямому концу. Часто употребление противолежащей ретуши. Единично представлена заостряющая ретушь, оформляющая орудие с двух сторон, и техника резцового скола. Набор типов изделий включает крупные симметричные и асимметричные трапеции высоких и удлиненных пропорций с одним вогнутым, другим выпуклым боковыми краями. Есть экземпляры с притупливающей ретушью по трем краям и образцы с выемкой по верхнему концу («рогатые» трапеции). Типичны пластинки с притупленной спинкой, скошенным или прямым ретушированным верхним краем, концевые скребки на коротких сечениях крупных пластин, в том числе двойные. Единичны скребки, изготовленные на целых пластинах с ретушью на продольных краях. Незначительную часть образуют скребки на отщепах концевой, реже округлой формы. Показательны резцы срединные и на углу сломанной пластины, острия со специально выделенным концом и микроострия, «карандашевидные» подконические нуклеусы с круговым скалыванием. Единичны двусторонне обработанные наконечники стрел миндалевидной и листовидной формы со сплошной и краевой ретушью, украшения из раковин.

Культурная принадлежность устюртского мезолита пока не ясна. По предположению Е. Б. Бижанова, на Устюрте бытовала своеобразная, смешанного характера культура местного происхождения, сформировавшаяся под воздействием мезолитических культур Прикаспия и Южного Урала (Бижанов, 1982. С. 33). В качестве доказательства он приводит аналогии с трапециями из раннемезолитической или позднепалеолитической стоянки Шикаевка (Петрин, Смирнов, 1975), с раннемезолитическими комплексами Южного Урала — Мысом Безымянным, Большим Бугодком IV, Янгельской, Суртанды VI, Мысовой, Долгим Ельником II (Матюшин, 1969, 1973, 1976), со стоянкой Восточного Прикаспия — Дефе-Чаганак (Коробкова, Крижевская, Мандельштам, 1968), Северного Казахстана — Евгеньевкой (Логвин, 1977). В то же время Е. Б. Бижанов подчеркивает отличие индустрии Устюрта от сравниваемых комплексов и заостряет внимание на своеобразии устюртских памятников, позволяющем объединять их в особую культуру, которая могла возникнуть на основе местного палеолита типа Есен 2 и Чурук 12 (Бижанов, 1979а, 1980). Действительно, самобытность мезолита рассматриваемого региона достаточно хорошо проявляется в распространении особого типа трапеций, сочетающихся со значительным набором пластин и микропластин с притупленным краем и скошенным концом, концевых скребков на сечениях крупных пластин и единичными двусторонне обработанными сплошной или краевой ретушью наконечниками стрел. Последние не являются здесь поздней примесью. Судя по тому, что двусторонне обработанные формы появляются в Восточном Прикаспии в пору раннего мезолита (слой 4 Дам-Дам-Чешме 1),

а в Европе — даже в слоях позднего палеолита (Григорьева, 1983а), их присутствие в мезолитических комплексах Устюрта вполне закономерно. Сравнение материалов устюртских стоянок с индустрией Дефе-Чаганак позволяет говорить об их абсолютном тождестве. Сходство проявляется в формах трапеций, «карандашевидных» нуклеусах, микропластинках с притупленным краем, скошенным концом, концевых скребках на сечениях крупных пластин, единичных резцах (Коробкова, 1969. С. 82—86). Это обстоятельство дает возможность говорить об однокультурности комплексов Дефе-Чаганак и синхронных памятников Устюрта.

Однако выделение на Устюрте мезолитической культуры пока преждевременно. Нужны стратифицированные памятники, жесткая типология всех имеющихся мезолитических и неолитических материалов, данные процентных соотношений типов изделий в индустрии, абсолютные датировки комплексов с подобным инвентарем.

Гипотетичен также вопрос о хронологии устюртского мезолита. По мнению Е. Б. Бижанова, возраст самых ранних стоянок Устюрта по аналогии с верхнепалеолитическим комплексом Шикаевки II и раннемезолитическими материалами Южного Урала — Мыса Безымянного и Большого Бугодка IV (Матюшин, 1976) — может быть определен развитым мезолитом (Бижанов, 1982. С. 31). В абсолютных цифрах это VIII—VII тысячелетия до н. э. Более молодые комплексы датируются Е. Б. Бижановым поздним мезолитом или ранним неолитом, что соответствует VII—VI тысячелетиям до н. э. (Бижанов, 1982. С. 31). Из-за отсутствия стратиграфии, радиоуглеродных датировок устюртского мезолита и сравниваемых комплексов установленная исследователем хронология весьма проблематична. Отмеченное сходство с материалами Шикаевки II довольно условно. Геометрические микролиты Устюрта не похожи на шикаевские ни по форме, ни по размерам, ни по составу. Так, трапеции первых имеют вогнуто-выпуклые или вогнуто-скошенные боковые края, вторых — прямоскошенные. Размер последних значительно крупнее. В шикаевском комплексе встречены и трапеции, и треугольники (Петрин, Смирнов, 1975. С. 82. Рис. 3), в устюртских — только трапеции. Наибольшее сходство материалы Устюрта обнаруживают с индустрией Южного Урала: Большого Бугодка IV, Суртанды VI, Мурата, Мыса Безымянного (Матюшин, 1976. Табл. 19). Оно проявляется в близости трапеций, соотношений пластин и микропластин с притупленным краем, концевых скребков. Мезолитический возраст южноуральских памятников не вызывает сомнения. Надежность последних в какой-то степени позволяет ориентировочно синхронизировать их с устюртскими. Что касается абсолютных датировок мезолита Устюрта, то здесь много спорного и неясного. Характер материала свидетельствует о его заметной разновременности. На наш взгляд, здесь имеются памятники раннего мезолита (с крупными асимметричными и симметричными трапециями, прямоугольниками с ретушью по трем краям) типа Айдабола 12, 14, 15, 16 и 25. Вероятно, одними из датирующих признаков могут служить характер набора трапеций и их количественная оценка. Например, Актайлак 1 (скопление 1) дал 52 трапеции, среди которых встречаются крупные и средние экземпляры с вогнутым и выпуклым боковыми краями, «рогатые», симметричные и асимметричные. Они сочетаются с наконечниками стрел, пластинами и микропластинками с притупленным краем, скошенным концом, остриями с ретушированными краями и специально выделенным «жальцем», резцами, «карандашевидными» нуклеусами. Другими примерами могут служить материалы Сумбетимера 1, Кыйсыкшинграу 2 (скопление 1), Суламы. Характер их индустрии, как и Актайлака 1 (скопление 1), позволяет ставить вопрос об их мезолитическом возрасте.

Несмотря на малочисленность мезолитических памятников Устюрта, Е. Б. Бижановым сделана попытка к расчленению их на хронологические группы. Всего им выделено четыре такие группы, но из них только две датированы эпохой мезолита (Бижанов, 1982. С. 30). Ранняя группа, представленная материалами Айдабола 16 и 25, характеризуется асимметричными трапециями с «острым и тупым» углами и большим количеством пластин со скошенным притупленным концом и спинкой, концевыми скребками, двусторонне обработанными наконечниками стрел. Ее датировка — развитой мезолит, VIII—VII тысячелетия до н. э. Вторая, поздняя, объединяющая индустрии Айдабола 6, 9, 11, 21, 22, Джарынкудука 1, выделяется наличием симметричных и асимметричных трапеций с «острыми углами», меньшим числом пластин со скошенным концом и притупленной спинкой, концевых скребков, отсутствием ранних (шикаевских) форм трапеций. Возраст ее определяется поздним мезолитом или ранним неолитом — VII—VI тысячелетиями до н. э. Г. Ф. Коробкова считает, что при детальном скрупулезном анализе исследуемых индустрий выделятся более ранние памятники и уточнятся уже выделенные. Возможно, что материалы второй группы стоянок расчленятся на комплексы развитого и позднего мезолита. К ним, по-видимому, будут отнесены и синхронные памятники Прикарабугазья, например Дефе-Чаганак, который до недавнего времени предположительно датировался ранним неолитом — VI тысячелетием до н. э. (Коробкова, 1969. С. 92). В связи с открытием мезолитических стоянок на Устюрте и данными сравнительных характеристик возраст Дефе-Чаганака может быть удревнен. Не исключено, что хронологическому пересмотру подвергнутся и другие памятники Карабугазского комплекса, например Чагыл 1 и 2.

Хозяйство мезолитического населения Устюрта, судя по результатам трасологического анализа орудий труда (так как других сведений о нем нет), носило присваивающий характер. Основой его были охота и собирательство, в сфере домашних производств ведущее значение имели кожевенное, костерезное и деревообрабатывающее.

Гнездовое расположение однотипных устюртских памятников по аналогии с верхнепалеолитическими стоянками Европы (Рогачев, 1969. С. 190) позволяет предполагать, что мезолитическое общество Устюрта состояло из охотничьих групп или общин с примитивной внутренней структурой, во многом определяемой, по мнению исследователей (Массон, 1976. С. 133), социальным и экономическим факторами. Население поддерживало тесные контакты с мезоли-

тическими племенами Восточного Прикаспия и Южного Урала. На эти связи неоднократно указывали и Г. Н. Матюшин (Матюшин, 1976. С. 153), и Е. Б. Бижанов (Бижанов, 1982. С. 33), ссылаясь на сходство инвентаря сравниваемых районов. Мезолит Устюрта сыграл значительную роль в формировании местных неолитических культур, в материалах которых заметно влияние традиции предшествующей эпохи.

Мезолит восточных областей Средней Азии. Археологические исследования мезолитических памятников данного региона, осуществленные в основном в последние два десятилетия, выдвинули его в число наиболее изученных областей Средней Азии. В настоящее время здесь открыто и исследовано свыше 200 стоянок и местонахождений с разрушенным культурным слоем, пять стоянок открытого типа, в том числе многослойных, восемь пещерных памятников и два местонахождения с наскальными рисунками. Ряд местонахождений с подъемным материалом сконцентрирован группами, включающими однотипные памятники. Среди них есть большие группы, например стоянки Центральной Ферганы, и менее значительные. К последним следует отнести местонахождения в районе Лявляканских озер, Дарьясая и Эчкиликсая, Аякагитмы, Центральных Кызылкумов. Особое место в мезолите восточных областей Средней Азии занимают пещера Мачай и стоянка Кушилиш, не имеющие пока прямых аналогий. Степень информации, полученной в ходе изучения мезолитических памятников, позволила выделить в рассматриваемом регионе две культуры — обиширскую (Исламов, 1977, 1980) и маркансуйскую (Ранов, 1964) — и поставить вопрос о существовании особой вахшской культуры (Ранов, Юсупов, Филимонова, 1982). В археологической литературе имеются свидетельства о культурном своеобразии двух комплексов Ферганы, условно названных: равнинный — ферганским, пещерный — обиширским (Коробкова, 1968, 1970, 1975, 1977). Для ряда памятников получены радиоуглеродные датировки (Ошхона, Туткаул, горизонт 2, пещера Мачай, Учаши 131). По данным этих датировок и аналогий с синхронными стратифицированными памятниками Средней Азии и Ближнего Востока, весь мезолит рассматриваемого региона укладывается в рамки XI—VII тысячелетий до н. э. Однако в исследовании как любого района, так и восточных областей имеется много спорного, неясного, недостаточно доказанного. Речь идет о датировке ряда комплексов и культур в целом, определении культурной принадлежности некоторых памятников, периодизации, генезиса. В этом плане особенно разноречивы мнения о возрасте и культурно-исторической интерпретации пещеры Мачай и стоянки Кушилиш. На наш взгляд, оба памятника заслуживают специального внимания, так же как и небольшие группы местонахождений, обнаруженные в районе Лявлякана, Дарьясая, Эчкиликсая, Аякагитмы и Центральных Кызылкумов. В противном случае характеристика мезолита Средней Азии была бы неполной.

Пещера Мачай, расположенная в Сурхандарьинской долине, на правом берегу р. Мачайдарьи, между кишлаками Урта и Юкары-Мачай, была открыта и исследована в 1938—1942 гг. Г. В. Парфеновым. В 1937 г. грот посетили М. Э. Воронец и А. П. Окладников (Окладников, 1945), выделившие в нем два культурных слоя, относящиеся к мустье и мезолиту. В 1970—1971 гг. пещера раскапывалась У. И. Исламовым, который пересмотрел возраст этих слоев, признав их одновременными, и датировал эпохой мезолита (Исламов, 1975а. С. 30). В культурных напластованиях Мачая обнаружены фаунистические остатки, принадлежащие диким и домашним животным, многочисленные каменные и костяные изделия. Для верхнего слоя получена радиоуглеродная дата 7550±110 лет от наших дней, что соответствует, по мнению У. И. Исламова, позднему мезолиту (Исламов, 1974а. С. 30; 1975а. С. 106). По мнению Г. Ф. Коробковой, комплекс пещеры Мачай несколько удревнен и нуждается в уточнении.

Мачайская индустрия (табл. 96) характеризуется использованием специфического сырья — доломита, реже кремня, микролитической техники расщепления, сочетающейся с галечной. Основными заготовками были средние пластины и микропластинки. В технике вторичной обработки преобладают притупливающая ретушь, оформляющая периметр или оба края изделия со стороны спинки или брюшка, и оббивка. В наборе типов изделий характерны призматические одно- или двухплощадочные от пластин или отщепов, с односторонним или круговым скалыванием, с прямыми или слегка скошенными площадками, клиновидные, и особенно торцевые нуклеусы от пластин и отщепов, аморфные от пластин, микроскребки округлой формы и концевые на пластинах с ретушью на продольных краях, скребла на отщепах овальных очертаний, многократные скобели на пластинах и отщепах, угловые и боковые резцы, микроострия со скошенным концом и массивные острия подтреугольной формы, отщепы с подтеской концов, скребки-скобели. Значительную коллекцию (27 экз.) дают галечные орудия — чопперы, чоппинги, гальки со следами сколов, отщепы и естественные осколки доломита с признаками обработки (Исламов, Матюхин, 1974, 1975). Из костяных изделий (11 экз.) известны шилья, лощило, оправа, нож и костяная подвеска. По мнению У. И. Исламова, материалы Мачая тяготеют к обиширскому комплексу (Исламов, 1975. С. 36). Нам представляется, что по наличию большого количества микропластин и средних пластин как основных заготовок и отсутствию геометрических микролитов его можно сопоставить с центральноферганскими ранненеолитическими комплексами (Коробкова, 1969. С. 127—142; Исламов, Тимофеев, 1977. С. 10—12). Однако присутствие галечного элемента и своеобразной коллекции костяных изделий различает сравниваемые комплексы и сближает с галечными культурами эпохи неолита. На неолитический возраст стоянки указывает состав фаунистических остатков, среди которых обнаружены кости домашней коровы, и радиоуглеродная дата 5600 лет до н. э., что соответствует времени развитого Джейтуна (Массон, 1971), дарьясайских комплексов (Виноградов, 1981. С. 64—78) и гиссарской культуры (Ранов, Коробкова, 1971).

Вместе с тем в районе Сурхандарьинской равнины зафиксированы отдельные пункты, датированные исследователями мезолитическим периодом. Это сборы с Айртама, расположенного на одноименном горо-

дище античного времени (Окладников, 1945; Парфенов, 1961; Исламов, 1975а), изделия с территории Старого Термеза (Окладников, 1945), из пещеры Каттакурган. Собранные коллекции характеризуются клиновидными с торцовым скалыванием, призматическими односторонними подконическими нуклеусами, предназначенными для отделения пластин и микропластин, грубыми неправильных очертаний крупными пластинами и ножевидными микропластинками правильной призматической формы, напоминающими мачайские, концевыми скребками, изготовленными на обломках макропластин, округлыми скребками на отщепах, единичными скреблами овальных очертаний, массивными остриями с крупной ретушью по периметру, резцами, отщепами с ретушью. А. П. Окладников и У. И. Исламов отмечают их генетическое сходство с Самаркандской верхнепалеолитической стоянкой и материалами пещер Обишир 1 и 5 (Исламов, 1972б), что дает им право датировать подъемные материалы Сурхандарьинской области эпохой мезолита (Окладников, 1945; Исламов, 1975а. С. 11).

Из общей массы мезолитических памятников особой спецификой выделяется стоянка Кушилиш, расположенная в Бозсуйской долине Приташкентского оазиса, на левом берегу древнего канала Бозсу. Памятник открыт в 1966 г. геологами, в 1967 г. подвергся раскопкам под руководством У. И. Исламова. Полевыми работами установлено наличие частично сохранившегося культурного слоя, залегавшего в лессовидном суглинке (Исламов, 1970, 1982). К сожалению, слой беден находками. Здесь обнаружено около 200 кремневых изделий и несколько фрагментов костей животных, в том числе, по определению Р. К. Камбаритдинова, кости молодого домашнего быка (?). Коллекция кремневых изделий (табл. 96) содержит единичные равнобедренные треугольники на пластинах, острие типа лезвия перочинного ножа на отщепе, значительное число скребков на отщепах концевых и округлых, подконические нуклеусы от пластин или отщепов с круговым скалыванием, пластинки с затупленным краем, скобели на пластинках и отщепах, ножи на пластинах, сверла и проколки на пластинах и отщепах, скребки-ножи с прямыми площадками. По мнению У. И. Исламова, возраст стоянки определяется ранним мезолитом и датируется на основе геологических данных и аналогий с Шанидаром, Палегаврой, Гари-Камарбандом и другими памятниками X—IX тысячелетий до н. э. (Исламов, 1982. С. 87). Если принять во внимание результаты технико-морфологической характеристики материала Кушилиша и данные ее сопоставления с известными мезолитическими комплексами Средней Азии и Ближнего Востока, особенно соседних территорий, то датировка, предложенная У. И. Исламовым, явно занижена. Во-первых, трехметровая толща лессовидного суглинка, лежащая на культурном слое, не обязательно должна указывать на древний возраст стоянки, если учесть характер и степень скорости его накопления в этом районе, о чем говорит и сам автор раскопок (Исламов, 1982. С. 77). Во-вторых, индустрия Кушилиша обладает явно поздними мезолитическими чертами: миниатюрные треугольники, концевые скребки без ретуши на продольных краях, много округлых скребков на отщепах, отсутствие выемчатых изделий, резцов, орудий с подтеской концов, плоских и «карандашевидных» нуклеусов. В-третьих, стадиально ее можно сопоставить с позднемезолитическими памятниками Центральной Ферганы, содержащими единичные миниатюрные геометрические микролиты и острия типа лезвия перочинного ножа, массу скребков округлых форм на отщепах (Коробкова, 1970. С. 24; 1977. С. 112). Аналогии же с Шанидаром, Палегаврой, Гари-Камарбандом не имеют под собой основы. В-четвертых, отметим находку в слое кости домашнего быка, остатки которого встречаются в Средней Азии в более поздние эпохи. Изложенные здесь факты позволяют датировать стоянку Кушилиш поздним мезолитом.

Спорен вопрос о генезисе рассматриваемого памятника. Несмотря на определенную сложность, У. И. Исламов все же попытался увидеть его корни в местных леваллуа-мустьерских и верхнепалеолитических культурах (Исламов, 1982. С. 90) и отнести к особому ташкентскому варианту (Исламов, 1974а. С. 30; 1975б. С. 29; 1977. С. 25). В настоящее время из-за бедности находок и уникальности материалов увязать стоянку Кушилиш с известными комплексами Средней Азии не представляется возможным. Ставить вопрос о ее генезисе и отнесении к какому-либо варианту преждевременно.

В последние годы группа мезолитических местонахождений с развеянным культурным слоем выявлена отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, руководимым А. В. Виноградовым, в районе Лявляканских озер (Виноградов, Мамедов, 1975. С. 210—217), на берегах Дарьясая и Эчкиликсая, в дельте Аякагитмы, на протоках Чарбактинской долины Празеравшана (Виноградов, Мамедов, 1979), в Центральных Кызылкумах (Виноградов, 1981. С. 59).

Индустрия Лявляканских памятников (Лявлякан 13, 24, 41, 54, 87, 107, 212/II, 222/I, 348, 418, частично Лявлякан 120 и 121) характеризуется пластинчатой техникой расщепления с основными заготовками в виде крупных пластин и их сечений и многочисленных микропластин правильной призматической формы. В технике вторичной обработки превалирует мелкая притупливающая ретушь, оформляющая один край изделий и скошенный или прямой конец. Типична приостряющая ретушь, нанесенная со стороны брюшка. Для набора типов изделий показательны плоские призматические односторонние и конусовидные нуклеусы, микропластинки с притупленным краем и скошенным концом, макропластинки с выемками, концевые скребки на целых и обломанных крупных пластинах, микроострия со скошенным концом. Единичны резцы, острия листовидной формы с ретушью по периметру, со специально выделенным «жальцем», острия типа лезвия перочинного ножа, низкие трапеции и параллелограммы, сегменты удлиненных пропорций, асимметричные треугольники, листовидные наконечники стрел с краевой ретушью.

Мезолитические памятники Дарьясая и Эчкиликсая (Учащи 84, 85, 159 и др.) отличаются иным обликом индустрии, для которой показателен большой процент скребков, сделанных на пластинах и отщепах, составляющих почти половину всех изделий с

вторичной обработкой, пластины с притупленным краем, похожие на острия типа шателльперрон, выемчатые пластины, резцы, асимметричные треугольники, параллелограммы и трапеции янгельского типа (Виноградов, 1981. С. 67—69).

Данные типологической обработки стоянок Аякагитмы, полученные С. А. Оленич, позволили выделить среди них и мезолитические комплексы (Аякагитма 5, 86, 367 и др.), характеризующиеся наличием единичных трапеций вытянутых пропорций, включая «рогатые», прямоугольников, асимметричных низких крупных треугольников удлиненной пропорции (Виноградов, 1981. С. 59).

Иной облик индустрии показывают материалы Чарбактинской долины — Каракыр I и Чарбакты I (Виноградов, 1981. С. 59). Для нее типичны микропластинки с притупленным краем, острия с ретушированными краями, крупные пластины с выемками, скребки на отщепах и сечениях пластин, в том числе двойные, миниатюрные низкие трапеции симметричной и асимметричной формы с ретушированными тремя краями, асимметричные низкие и высокие треугольники.

Из района Центральных Кызылкумов пока известна только одна стоянка мезолитического времени — Кокпатассай 1 (скопление с «коричневым» кремнем). Она характеризуется пластинчатой техникой с микролитоидными элементами. Показательны небольшие конусовидные нуклеусы с односторонней и круговой плоскостью скалывания, ножевидные пластины без ретуши, скребки на отщепах округлой и концевой формы, крупные пластины с выемками, с краевой ретушью, резцы, микропластинки с притупленным краем, со скошенным концом. Геометрические микролиты отсутствуют. А. В. Виноградов не исключает донеолитический возраст и второго скопления Кокпатассай 1 (с «белым» кремнем), отличающегося от первого меньшим количеством пластин и микропластин и бóльшим числом отщепов, скребков из отщеповых заготовок, наличием концевых скребков на пластинах, отсутствием пластин с притупленным краем и скошенным концом (Виноградов, 1981. С. 59—62). Разнообразие охарактеризованных мезолитических комплексов Лявлякана, Дарьясая, Эчкиликсая, Аякагитмы, Чарбакты и Центральных Кызылкумов (несмотря и на их некоторое сходство) А. В. Виноградов объясняет, с одной стороны, их разновременностью, с другой — возможной культурной вариабельностью (Виноградов, 1981. С. 62). Мезолитический возраст этих стоянок не вызывает сомнения. Вместе с тем какое-либо конкретное определение его и культурной принадлежности памятников пока не представляется возможным из-за недостаточной изученности мезолита этого района и мезолита Средней Азии в целом.

Обиширская культура. В территориальном и культурно-историческом плане выделяется большая группа мезолитических памятников в районе Ферганы. После 25-летних обследований этого региона, осуществленных в разные годы Б. С. Гамбургом и Н. Г. Горбуновой в 1958 г., Ю. А. Заднепровским в 1963 и 1964 гг. (Заднепровский, 1966; Коробкова, 1966, 1969), У. И. Исламовым в 1965 и 1966 гг. (Исламов, 1972б), В. И. Тимофеевым в 1967, 1969 и 1970 гг. (Тимофеев, 1972), здесь было открыто свыше 40 разновременных комплексов эпохи мезолита. Бóльшая часть их представлена стоянками и местонахождениями открытого типа с развеянным культурным слоем. Как правило, они располагались группами вдоль берегов Сырдарьи, древних озер Дамкуль, Ащи-Куль, Иттак-Кала, Шоркуль, Узункуль, Тайпаккуль, песчаных котловин, родников, на поверхности песчаных гряд Кзыл-Тюбинского массива песков. По количеству находок выделяются Сарык-Су (более 1000 изделий), пункт III (358), Иттак-Кала 1 (около 500 находок) и др. Имеются местонахождения с минимальным числом найденных предметов: пункт II (77 экз.), пункт XVI (94 изд.), Ащи-Куль (138 экз.), Мадьяр XI (около 170 находок), Замбар 2 (96 изд.), Тайпак 3 (47 экз.).

Меньшая часть памятников представляет собой однослойные и многослойные пещеры: Обишир 1, 2, 3, 4, 5 и Таш-Кумыр. Из них Обишир 1 и 5 подверглись систематическим широким раскопкам, проведенным Ферганским палеолитическим (Касымов, 1972) и неолитическим отрядом Института истории и археологии АН УзССР (Исламов, 1972а, в, г), Таш-Кумыр — шурфовке (Юнусалиев, 1967, 1970а, б). Пещеры расположены в долине р. Сох, на южном склоне г. Катрантау, на правом берегу сая Обишир. Из пяти исследованных здесь гротов только два — Обишир 1 и 5 — дали многочисленные находки (табл. 97, 98), культурный слой остальных трех был беден, и они оказались малоперспективными для дальнейшего изучения. Самая крупная по площади — пещера Обишир 5: ширина 30, высота 20, глубина 9 м, значительно меньше площадь пещеры Обишир 1 — 12×14×12 м (Исламов, 1980. С. 7). Культурные горизонты в обеих пещерах залегают в супеси. Однако в стратиграфической колонке Обишира 5 преобладают суглинки. Пещера Обишир 1 дала один культурный слой, Обишир 5 — три (Исламов, 1980. С. 9). Каких-либо остатков очагов или зольных прослоек не обнаружено. Культурные горизонты насыщены каменными и костяными изделиями, украшениями из раковин, кости и камня, фаунистическими остатками. Весь материал пещерных комплексов обработан типологическим методом с применением статистических подсчетов соотношений групп и типов изделий (Исламов, 1977, 1980).

Грот Таш-Кумыр находится на левом берегу р. Карасу, в известняках хребта Узун-Ахмата. Длина его 14,5 м, ширина 6,5, высота 6 м. Культурный горизонт залегает в рыхлом песке вместе с галькой и обломками костей. Шурфовка пещеры дала более 50 кремневых предметов, среди которых имеются выразительные изделия, близкие обиширским.

Технико-морфологическое исследование материалов местонахождений с подъемным инвентарем, предпринятое Г. Ф. Коробковой, позволило выделить особый ферганский мезолитический комплекс (Коробкова, 1968. С. 16; 1970. С. 24, 25). Позднее, с открытием и исследованием пещер Обишир 1,5 и Таш-Кумыр, был поставлен вопрос о выделении в Фергане второго пещерного комплекса (Коробкова, 1975. С. 23, 24; 1977. С. 112), условно названного обиширским, и о намечающейся там мезолитической культуре (Коробкова, 1970. С. 24). Однако из-за отсутствия полной публикации материалов не было ясно, являются ли обиширская и ферганская группы

памятников разнокультурными комплексами, вариантами или этапами одной культуры. Тогда же была высказана гипотеза о более позднем возрасте ферганского комплекса, который может оказаться в одной линии развития с обиширским, заняв в ней верхнее положение (Коробкова, 1977. С. 112).

Анализ всех ферганских и обиширских материалов позволил У. И. Исламову решить этот вопрос положительно. Им была выделена обиширская мезолитическая культура, объединяющая равнинные и пещерные памятники. Причем первые он рассматривает как поздний этап обиширской культуры (Исламов, 1977. С. 27; 1980. С. 134).

Насколько правомочны высказанные тем или иным исследователем гипотезы, покажут тщательное детальное исследование имеющихся материалов, соотношение определенных типов различных памятников, выявление общего и особенного для каждой группы стоянок, образующей ферганский и обиширский комплексы, результаты сравнительных сопоставлений с близкими объектами. В этих целях необходимо охарактеризовать инвентарь обеих групп и рассмотреть, как они соотносятся в пределах обиширской культуры.

Индустрия пещерных памятников Ферганы выделяется сочетанием пластинчатой техники микролитоидного типа и незначительными элементами галечной (составляющими чуть более 2% от числа всех изделий с обработкой) (табл. 97, 98). Основными заготовками служили средние пластины (48,5%) * и микропластинки (42,5%), реже отщепы (чуть более 6%) и единично гальки и их осколки. Для вторичной обработки показательны притупливающая односторонняя, порой встречная ретушь и оббивка. В наборе типов изделий широко представлены пластины с противолежащей ретушью и ретушью по одному боковому краю, нанесенной со стороны спинки или брюшка, многочисленные скребки на отщепах (почти 35%), среди которых преобладают плоские и высокие концевые изделия с ретушью по периметру, в меньшей степени округлые, плоские призматические и конусовидные нуклеусы. Незначительный процент в индустрии дают концевые скребки, сделанные из целых пластин (более 2%) и их обломков (более 3%), нуклевидные скребки (около 0,5%), микроскребки, резцы (около 2%), острия стержневидной формы на пластинах (около 3,5%), низкие с пологой дугой удлиненные сегменты (меньше 0,5%), асимметричные наконечники стрел подтреугольной формы (меньше 1%), чопперы (около 2%), чоппинги (меньше 0,5%), каменные шлифованные поделки, костяные шилья, игла, лощило, подвеска из зуба собаки (табл. 97).

Индустрия Таш-Кумыра полностью соответствует обиширской. Здесь обнаружены почти все основные типы орудий, встречающиеся в Обишире 1 и 5. Наряду с пластинчатой техникой используется галечная. В оформлении орудий применяется притупливающая высокая и низкая ретушь, нанесенная по одному краю, реже по периметру. В наборе изделий представлены скребки на отщепах высоких форм, единично — концевые на пластинах, крупные удлиненных пропорций сегменты с массивной ретушированной дугой, острия типа лезвия перочинного ножа, пластины с ретушью, включая выемчатые формы, галечные изделия (табл. 97).

Таким образом, отнесение этого памятника к обиширскому пещерному комплексу не вызывает сомнения. Однако в отличие об обиширской индустрии инвентарь Таш-Кумыра представлен более грубой техникой расщепления. Наряду с пластинами призматической формы используются образцы неправильных очертаний. Полностью отсутствуют микропластинки. Сегмент очень крупный, почти в два раза превосходящий размерами обиширские микролиты. Ретушь, оформляющая его, грубая, суперкрупная, встречная, скребки только высокие. По технико-морфологическим признакам индустрия Таш-Кумыра близка слою 2а Туткаула (табл. 97) и стадиально аналогичным памятникам, фиксирующим начальный процесс геометризации (слой 7 Дам-Дам-Чешме 2, слой 4 Дам-Дам-Чешме 1). Приведенные параллели дают право считать его более ранним, чем Обишир 1 и 5.

Обратимся к характеристике ферганского равнинного комплекса. Индустрия этой группы отличается микролитической техникой с небольшим процентом среди заготовок крупных пластин и отщепов. Ведущий тип — микропластинки, образующие до 60% всех заготовок. Для техники вторичной обработки показательна мелкая приостряющая ретушь, нанесенная по одному или двум краям со стороны спинки либо чаще всего с брюшка. В составе орудий преобладают разнообразные скребки, изготовленные как на крупных пластинах, так и на отщепах: концевые, округлые, нуклевидные, микроскребки. Единичны отщепы с подтеской концов, острия типа шателль-перрон и граветт, трапеции и сегменты миниатюрных размеров приземистых очертаний, крупные пластины с ретушью, нуклеусы подклиновидной, «карандашевидной» и плоской призматической форм, овальные каменные подвески из мраморовидного известняка. Галечный элемент отсутствует. Такой характер индустрии показывают местонахождения III, V, XVI, Сарык-Су, Бахрабад. Несколько отличаются от них материалы пункта II (Мадьяр), Ащи-Куль, Янги-Кадам 21, Замбар 2, Тейпак 3, 5, 7, Иттак-Кала 1 и др. (Исламов, Тимофеев, 1977. С. 6, 7). Среди заготовок преобладают средние пластины и отщепы, резко падает процент микропластин. В наборе типов изделий первое место занимают скребки на отщепах концевой и округлой форм (до 40—45%). Имеются концевые скребки на целых крупных пластинах с ретушью на продольных краях, массивные скребла на крупных отщепах, отщепы и нуклеусы с подтеской концов, крупные удлиненные сегменты, реже такого же типа асимметричные трапеции, крупные неправильных очертаний пластины, оформленные грубой затупливающей ретушью, массивные острия со специально выделенным «жальцем» и типа шателль-перрон с крутым и дугообразным боковым краем, плоские призматические нуклеусы, двусторонне обработанные наконечники стрел миндалевидной формы с выпуклым и прямым основанием, крупные галечные отщепы. Как видно, эта группа памятников характеризуется более архаическим обликом индустрии и ближе всего стоит к обиширским пещер-

* Проценты орудий даны по У. И. Исламову (Исламов, 1980. Табл. 2).

ным комплексам, о чем говорят У. И. Исламов и В. И. Тимофеев (Исламов, Тимофеев, 1977. С. 7).

Итак, сравнительные данные охарактеризованных выше равнинных и пещерных комплексов свидетельствуют об их исключительном сходстве, которое проявляется во всех компонентах индустрии и в совокупности устойчиво повторяющихся типов. Это говорит о культурном единстве исследуемых памятников. Таким образом, вопрос об их разнокультурности снимается. Вместе с тем, как показывают незначительные расхождения между ними, прослеживаемые в использовании разного сырья, соотношении основных заготовок, ряда типов изделий, размерах геометрических микролитов, наличии или отсутствии тех или иных типов орудий (например, концевых скребков на крупных целых пластинах, скребел, острий типа шателльперрон и т. д.), они служат наглядным свидетельством имеющихся хронологических различий. Рассмотренные комплексы Таш-Кумыра, Обишира 1 и 5, открытых местонахождений Центральной Ферганы при общей культурной близости разновременны. Скорее всего, они отражают этапы последовательного развития единой обиширской культуры. В этой связи появилась возможность рассмотреть ее периодизацию. По мнению У. И. Исламова, пещерные стоянки представляют ранний этап обиширской культуры, равнинные центральноферганские — поздний (Исламов, 1980. С. 134). Нам представляется, что имеющиеся материалы отражают три последовательные стадии ее развития. Об этом свидетельствуют различия, выявленные в индустрии Таш-Кумыра, Обишира 1 и 5, центральноферганских местонахождений. Комплекс Таш-Кумыра, отличающийся наибольшей архаикой, может быть отнесен к самому раннему этапу. Средний этап характеризуют материалы Обишира 1 и 5 и группы памятников Центральной Ферганы с ранними чертами инвентаря: пункт II (Мадьяр), Ащи-Куль, Янги-Кадам 21, Замбар 2 и др. К третьему этапу можно отнести материалы собственно ферганского комплекса: пункты III, V, XVI, Сарык-Су, Бахрабад и др.

Первый этап (ранний) характеризуется пластинчатой, без микролитоидных элементов техникой расщепления, использованием крупной грубой затупливающей ретуши, оформляющей один или два края изделия, иногда встречной, наличием крупных единичных сегментов с массивной пологой дугой, удлиненных пропорций, острий типа шателльперрон, концевых скребков на макропластинах и отщепах, крупных пластин неправильных очертаний с ретушью, галечных изделий, отсутствием микропластин. Второй этап (средний) отличается сочетанием пластинчатой и галечной техники. Примерно 35—40% всех заготовок принадлежит уже микропластинам. В наборе изделий сокращается число концевых скребков на целых макропластинах, увеличивается количество скребков на отщепах, в том числе микроскребков (до 35%). Сегменты и трапеции асимметричной формы, низкие, вытянутые с тонкой дугой значительно меньших размеров. Появляются наконечники стрел с двусторонней обработкой, стержневидные острия, резцы, отщепы и нуклеусы с подтеской концов, чопперы, чоппинги, скребла. Типичны подклиновидные с торцевым скалыванием нуклеусы и плоские призматические ядрища. Для третьего (позднего) этапа показательна микролитическая пластинчатая техника расщепления, где микропластинам принадлежит уже более 60% всех заготовок. В технике вторичной обработки все чаще используется мелкая приостряющая ретушь, нанесенная со стороны спинки и брюшка. Практически исчезают геометрические микролиты и галечные орудия. Среди первых иногда встречаются единичные миниатюрные сегменты и трапеции низких очертаний. Резко возрастает количество скребков, состав их разнообразится. Много микроскребков. Единичны крупные пластины неправильных очертаний с ретушью, острия типа шателльперрон и граветт. Помимо подклиновидных и плоских призматических ядрищ, распространяются «карандашевидные» и цилиндрические. Появляются подвески овальной формы, сделанные из мраморовидного известняка.

Предложенное здесь трехэтапное членение обиширской культуры позволяет ответить на принципиально важный вопрос о том, что выделенные ранее ферганский и обиширский комплексы являются этапами одной культуры.

По мнению Г. Ф. Коробковой, материалы ферганского (позднего этапа обиширской культуры) сопоставляются с комплексом пещеры Дарра-Калон (Афганистан), тоже характеризующейся микролитической техникой расщепления и близким набором инвентаря (Коробкова, 1970. С. 25). Радиоуглеродная дата его 7525±100 лет до наших дней. По аналогии с этим памятником материалы позднего этапа обиширской культуры, отличающиеся более развитым характером, можно датировать поздним мезолитом и относить к VII тысячелетию до н. э.

Согласно данным исследования У. И. Исламова (Исламов, 1980. С. 123, 124), пещерные комплексы Обишир 1 и 5 следует датировать средним мезолитом, что в абсолютных цифрах соответствует IX—VIII тысячелетиям до н. э. В своих изысканиях он опирается на аналогии с мезолитической стоянкой Ошхона, имеющей дату 7580±130 лет до н. э., и мезолитическим горизонтом 2а Туткаула (Ранов, Коробкова, 1971). Нам представляется, что предложенная нижняя граница Обишира 1 и 5 слишком занижена. Материалы горизонта 2а Туткаула обладают более архаическим обликом: множество крупных удлиненных сегментов, острий типа шателльперрон, нуклевидных скребков, отщепов с подтеской концов, галечных орудий. По отношению к Обиширам он старше. Стадиально второй этап обиширской культуры можно сравнить с Ошхоной, что будет соответствовать развитому мезолиту (VIII тысячелетие до н. э.).

Наиболее трудный вопрос определения датировки первого раннего этапа. Материалы его хорошо сопоставляются с комплексом горизонта 2а Туткаула и другими синхронными памятниками горного Таджикистана. К сожалению, их абсолютных датировок нет. Ориентиром может служить дата, полученная для верхней кровли 2 горизонта Туткаула,— 6070—6310 лет до н. э. с учетом калибровочной поправки (Марков, Образцов, 1981. С. 75). Поскольку слой 2а образует непрерывную последовательную линию развития с вышележащим горизонтом, первый ориентировочно датирован IX—VIII тысячелетиями до н. э. Материал Таш-Кумыра по сравнению с инвентарем

горизонта 2а Туткаула значительно грубее и архаичнее: единичные суперкрупные сегменты с широкой крутой встречной ретушью по дуге и такого же типа острия шателльперрон. Это дает возможность предполагать, что индустрия Таш-Кумыра, а стало быть, и первый этап обиширской культуры можно отнести к раннему мезолиту и датировать IX тысячелетием до н. э. Таким образом, весь путь развития этой культуры охватывает рамки IX—VII тысячелетий до н. э.

Генезис обиширской культуры пока трудноуловим. В настоящее время можно лишь отметить, что индустрия обиширской культуры, особенно ее ранних комплексов, имеет параллели в материалах Самаркандской верхнепалеолитической стоянки и Ходжа Гор (Коробкова, 1970. С. 24, 25; Исламов, 1980. С. 137, 138, 140).

Судя по остаткам фауны в пещерах Обишир 1 и 5, данным палеогеографии и функциональных определений орудий труда, носители обиширской культуры были охотниками и собирателями. Объектами охоты являлись сибирский козел, архар, джейран, кабан, косуля, волк (Исламов, 1980. Табл. 1). Основным охотничьим оружием были лук и стрелы, единичные наконечники которых обнаружены в Обишире и стоянках Центральной Ферганы. На первостепенную роль охоты указывает набор орудий труда, прямо или косвенно связанный с охотничьей деятельностью. В числе домашних производств ведущее значение имела обработка шкур и выделка кож. О наличии собирательства можно судить по находкам пестов и единичных серпов, обнаруженных в пункте II (Мадьяр) и использованных для жатвы травы и диких злаков (Коробкова, 1969, 1977). Как будто имеются свидетельства о приручении домашних животных, кости которых найдены в верхнем слое пещеры Обишир 5 (Исламов, 1977. С. 31). Однако уверенности в этом нет, так как последние могли проникнуть сюда из верхних поздних напластований. В целом обиширские племена были бродячими охотниками предгорий и пустынь.

Количественный показатель орудий труда и всей индустрии в целом позволяет выделить среди местонахождений с подъемным материалом и пещер долговременные стоянки или базовые лагеря (Обишир 5, Сарык-Су и др.), кратковременные стойбища сезонного типа (пункт III, Иттак-Кала 1 и др.) и пункты для разделки охотничьей добычи (Ащи-Куль, Мадьяр XI, пункт II, XVI, Тайпак 3), оставленные, по-видимому, локальными охотничьими группами или общинами.

Обиширская культура оказала существенное влияние на сложение и развитие местных неолитических комплексов Центральной Ферганы, продолжающих культурные традиции их мезолитических предков (Коробкова, 1969. С. 127—142; Исламов, Тимофеев, 1977. С. 12; Исламов, 1977. С. 32).

Мезолит Вахшской, Кафирниганской и Пенджской долин. Полевые работы, проведенные А. П. Окладниковым и В. А. Рановым на территории современного Таджикистана в 1948—1965 гг., выявили около 10 местонахождений и пунктов с отдельными находками, относящихся к эпохе мезолита (Окладников, 1958, 1959, 1966а, б; Окладников, Ранов, 1963; Ранов, 1959б). Бо́льшая часть их была расположена в Вахшской и Кафирниганской долинах. Наиболее примечательными среди них являются стоянки Чиль-Чор-Чашма с пятью скоплениями находок (Окладников, 1958. С. 48—58; 1966а. С. 66, 67) и Оби-Киик с частично сохранившимся культурным слоем (Окладников, 1958. С. 44; Ранов, 1980. С. 82—90). В последние два десятилетия мезолитическая карта Таджикистана пополнилась опорными, хорошо стратифицированными памятниками. К ним относятся три многослойные стоянки — Туткаул, Сай-Сайед, Шугноу, расположенные в среднем течении р. Вахш, в зоне Нурекского водохранилища, и навесы Ак-Танга и Даран Шур. Поселение Туткаул содержит четыре слоя, из которых два нижних — 2 и 2а — датируются мезолитическим временем (Ранов, Коробкова, 1971). В Сай-Сайеде к мезолиту отнесен третий нижний горизонт (Юсупов, 1975, 1976), Шугноу — горизонт 0 (Ранов, 1973), Ак-Танге — слой 6 (Литвинский, Ранов, 1964), Даран Шуре — нижний горизонт (Юсупов, Филимонова, 1982). Культурные напластования содержат скопления кремневых изделий (горизонт 3 Туткаула, Сай-Сайеда, Даран Шур), остатки очагов, фауны, расщепленных камней (горизонт 0 Шугноу), скопления костей животных и обработанного камня (горизонт 2а Туткаула).

В настоящее время на территории Вахшской, Кафирниганской и Пенджской долин открыто и исследовано около 20 памятников эпохи мезолита. На пяти из них велись систематические раскопки (Туткаул, Сай-Сайед, Ак-Танга, Шугноу, Даран Шур), на одном — разведочные шурфы и траншеи (Оби-Киик). Бо́льшая часть памятников представляет собой местонахождения с разрушенным культурным слоем. Среди них по насыщенности подъемного материала выделяется Чиль-Чор-Чашма, стоянки Бешкентская (Амосова, Соловьев, 1976) и Макони-Мор (Ранов, Юркевич, 1973).

Анализ мезолитических комплексов, проведенный еще А. П. Окладниковым и позднее В. А. Рановым, позволил высказать гипотезу об отсутствии культурного единства между сравниваемыми памятниками и существовании двух путей развития мезолита в горных и равнинных районах (Окладников, 1966а. С. 73, 74; Ранов, 1968. С. 27). Как показывает характер исследуемого материала, здесь действительно прослеживается большое разнообразие индустрий, свидетельствующее о культурно-хронологической неоднородности рассматриваемых памятников (Коробкова, 1975. С. 24). В настоящее время после открытия и раскопок новых стоянок эпохи мезолита на территории Южного Таджикистана выделяется по крайней мере четыре разнокультурных и разновременных комплекса (Коробкова, 1982. С. 14—16). Первый комплекс представлен материалами третьего горизонта Туткаула (табл. 99), шестого слоя Ак-Танги и Чиль-Чор-Чашмы (табл. 99), второй — индустрией слоя 2а Туткаула, Даран Шура и др. (табл. 97). Третий характеризуют материалы стоянок Оби-Киик (табл. 99), Куй-Бульон и др. Четвертый комплекс отражает инвентарь горизонта 0 Шугноу. Относительный и абсолютный возраст рассматриваемых комплексов определяется в основном по данным стратиграфии мезолитических слоев Туткаула, Сай-Сайеда, Ак-Танги, Шугноу, радиоугле-

родных датировок (Марков, Образцов, 1981. С. 75, 76), полученных для основания горизонта 2 Туткаула, с учетом калибровочных поправок (6070—6310), слоя 6 Ак-Танги (6830—7100), нижних горизонтов Сай-Сайеда (6350—6600, 6250—6500, 5090—5280, 8900—9170) и археологических аналогий с синхронными памятниками Ближнего Востока. В целом весь мезолит Вахшской, Кафирниганской и Пенджской долин можно заключить в рамки XI—VII тысячелетий до н. э. Для того чтобы понять его археолого-культурный аспект, необходимо охарактеризовать каждый из четырех имеющихся комплексов.

Для первого комплекса (типа Туткаул 3) типично использование только кремневого сырья и применение микролитоидной пластинчатой техники расщепления. Основными заготовками являлись микропластины и средние пластины призматической формы неправильных очертаний и мелкие ощепы. Частично используются обломки крупных пластин. Для техники оформления орудий характерна мелкая затупливающая ретушь (реже крупная), нанесенная по двум или трем краям изделия со стороны спинки. Ведущие типы изделий — низкие трапеции и прямоугольники, ретушированные по боковым и верхнему краям (составляющие около 40% от числа орудий), высокие микроскребки на отщепах и концевые на обломках или сечениях микропластин. Единичны крупные пластины неправильных очертаний с затупливающей ретушью, острия с противолежащей крупнофасеточной ретушью на продольных сторонах, нуклевидные скребки типа Самаркандской стоянки (Коробкова, 1972б), укороченно-конусовидные ядрища со смежными площадками. Незначительные отличия наблюдаются в индустрии Чиль-Чор-Чашмы, где трапеции — прямоугольники с ретушью по трем краям единичны, наряду с ними встречаются трапеции и треугольники высоких пропорций, каковых в горизонте 3 Туткаула и слое 6 Ак-Танги не обнаружено. На наш взгляд, это микрохронологические различия, существовавшие в рамках однокультурной группы памятников. Самобытность комплекса типа Туткаул 3 отмечалась давно (Ранов, Коробкова, 1971). Тогда же был поставлен вопрос о выделении целой группы памятников, близких горизонту 3 Туткаула (Коробкова, 1970. С. 25), и дана их характеристика (Коробкова, 1975. С. 24, 25; 1977. С. 113). В последние годы аналогичного типа стоянки обнаружены А. В. Виноградовым на соседней территории Северного Афганистана (Виноградов, 1979). Это Задиан 2, 3, 6, пункты 424а и 424б. На основании сопоставлений найденных местонахождений с Туткаулом 3 исследователь признал их культурное и хронологическое соответствие по ряду признаков. Позднее выводы А. В. Виноградова нашли подтверждение в работах Г. Ф. Коробковой (Коробкова, 1982. С. 14, 15). В пользу культурно-хронологического сходства сравниваемых материалов указывает наличие идентичных приземистых удлиненных трапеций и прямоугольников с тремя ретушированными краями, их количественное соотношение (30—50% от числа всех орудий), значительного числа высоких скребков на отщепах и обломках крупных пластин, единичных микропластин неправильных очертаний с вогнутыми ретушированными лезвиями, острий с противолежащей крупнофасеточной ретушью и других типов и полное отсутствие иных геометрических форм, резцов и галечных изделий. В данную группу памятников, но (из-за значительной площади произведенных сборов) с некоторой осторожностью можно включить стоянку Ташкурган 40, имеющую черты сходства с материалами Чиль-Чор-Чашмы. Аналогии проявляются в сочетании приземистых прямоугольников с тремя обработанными краями и укороченных треугольников и сегментов.

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что комплекс типа Туткаул 3 обладает устойчивым набором повторяющихся признаков, позволяющих выделить его в самостоятельную культуру, которую условно можно назвать туткаульской (по основополагающему горизонту 3 Туткаула). Культурное единство памятников, входящих в данную группу, подчеркивается и их территориальным расположением в одном общем регионе с одинаковыми экологическими условиями (Никонов, Ранов, 1973. С. 46). Раннемезолитический возраст туткаульской культуры не вызывает сомнения. Однако, как нам представляется, она объединяет разновременные памятники, о чем свидетельствуют, например, расхождения в индустрии Чиль-Чор-Чашмы и Туткаула 3, являющегося по отношению к первой более древним. Не исключено, что нижняя граница туткаульской культуры опустится в конец верхнего палеолита — начало мезолита, верхняя поднимется в развитый мезолит. В пользу ранней датировки Туткаула 3 указывает не только археологический инвентарь, но и геологические данные (стоянка залегает в древнем пойменном аллювии Вахша). По мнению С. А. Несмеянова и В. А. Ранова, пойменный аллювий туткаульской террасы начал формироваться не позднее 12—13 тысяч лет назад (Несмеянов, Ранов, 1975. С. 174). За раннюю датировку свидетельствуют близкие параллели Туткаула 3 с комплексами геометрического Кебариена А типа слоя 7 Террасы-Нахал-Орены, Эйн-Гуева 2 и 3 (Bar-Yosef, 1975а, 1975б), Кебары С (Turville-Petre, 1932; Stekelis, 1958; Ronen, 1968), характеризующимися значительным количеством низких трапеций и прямоугольников с тремя ретушированными краями, составляющих до 50% всех орудий, высоких концевых скребков на макропластинках при полном отсутствии геометрических микролитов иных форм и резцов. В то же время в отличие от горизонта 3 Туткаула в индустрии Кебариена А имеются пластины с притупленным краем и скошенным концом, острия типа шателльперрон и с округлым обушком, не типичные для первого памятника. Это свидетельствует о заметном своеобразии сравниваемых комплексов.

Таким образом, данные сопоставления туткаульской индустрии с Кебариеном А позволяют ориентировочно датировать ранние памятники туткаульской культуры концом верхнего палеолита — началом мезолита, т. е. XI—X тысячелетиями до н. э. Вместе с тем материал Чиль-Чор-Чашмы перекликается с Ташкурганом 40 и пунктом 418 Северного Афганистана (Виноградов, 1979. С. 39). С позднемезолитической датировкой первого памятника трудно согласиться. Против этого говорят удлиненные прямоугольники, доживающие, как правило, до развитого мезолита. Естественно, указанные стоянки значи-

тельно моложе, чем Туткаул 3, и, возможно, синхронны Туткаулу 2а. Ориентировочно время существования комплексов типа Чиль-Чор-Чашма падает на IX—VIII тысячелетия до н. э. Таким образом, туткаульская культура охватывает рамки XI—VIII тысячелетий до н. э. Наличие разновременных памятников позволяет уже сейчас разделить ее на два периода — ранний и поздний. К первому периоду следует отнести материалы Туткаула 3 и близких ему стоянок, ко второму — местонахождения типа Чиль-Чор-Чашма. Возможно, что со временем выявятся промежуточные комплексы.

Генезис туткаульской культуры пока неизвестен. По сходству с кебарийскими памятниками было высказано предположение, что исходным пластом ее могли быть комплексы типа ранней Кебары (Коробкова, 1982. С. 15).

Вторая группа стоянок, представленная материалами Даран Шура (Юсупов, Филимонова, 1982; Ранов, Юсупов, Филимонова, 1982) и слоя 2а Туткаула (Ранов, Коробкова, 1971), характеризуется использованием смешанной техники расщепления — пластинчатой с микролитоидными элементами и галечной. Причем первой принадлежит более 60% всех изделий. Типичными ядрищами являются подпризматические и конусовидные нуклеусы миниатюрных размеров со смежными взаимоперпендикулярными площадками, торцевым или двусторонним скалыванием. Ведущими заготовками служили средние пластины изогнутого профиля, с боковым вертикальным сколом и отщепы. Показательна односторонняя краевая затупливающая ретушь, нанесенная со стороны спинки, реже встречная (гелуанская) и заостряющая. В наборе типов изделий характерны острия типа шателльперрон и граветт (около 15%), крупные удлиненные низкие сегменты и высокие укороченные образцы с массивной и тонкой дугой, насчитывающие в индустрии 12—15%. Единично представлены массивные асимметричные треугольники, отделанные крупной встречной ретушью. Показательны выемчатые пластины (около 20%), высокие концевые скребки на макропластинах и крупных и средних отщепах, реже микроскребки. Специфичны отщепы с подтеской концов. Незначительным числом представлены чопперы, чоппинги, гальки со ступенчатыми сколами, скребла, обломки шлифованных орудий.

Бросается в глаза сходство описываемого комплекса с материалами обиширской культуры, выразившееся в сочетании галечной и пластинчатой техники, наличии приземистых сегментов и треугольников, острий типа шателльперрон и других типов. Было высказано даже предположение о принадлежности памятников типа Туткаул 2а к местному туткаульскому варианту обиширской культуры (Коробкова, 1975. С. 24; 1977. С. 113). В настоящее время, после полной публикации материалов Обишира 1 и 5, их сравнительной характеристики, открытия Даран Шура, высказанная гипотеза недостаточно убедительна. Комплекс Туткаула 2а и Даран Шура принципиально отличается от известных мезолитических памятников Средней Азии своей особой технической традицией, генетическими истоками и путем развития. Можно лишь согласиться с исследователями, выдвинувшими идею о существовании в зоне среднего течения р. Вахш мезолита локального типа или вахшской мезолитической культуры (Ранов, Юсупов, Филимонова, 1982. С. 19). По данным типологии индустрии и радиоуглеродной датировки основания гиссарского слоя, сравнительного анализа с синхронными комплексами, Туткаул 2а был датирован VIII—VII тысячелетиями до н. э. (Ранов, Коробкова, 1971). В настоящее время в связи с новой хронологической информацией появилась возможность уточнить предположительный возраст вахшской культуры. Основание 2 горизонта Туткаула датировалось по C_{14}—6090±170 (ЛЕ-772) лет до н. э., с учетом калибровочной поправки — 6090—6310 лет до н. э. Даты третьего слоя Сай-Сайеда показывали от 6250 до 9170 лет до н. э. (Марков, Образцов, 1981). Синхронные комплексы Ближнего Востока датировались тоже в этих пределах. Так, Зави Чеми Шанидар дал дату 8920±300 лет до н. э., ранненатуфийские слои Иерихона с многочисленными сегментами — 7823±240 лет до н. э. (Kenyon, 1959; Kirkbride, 1960) и 8350±200 лет до н. э. (Mellaurt, 1975. P. 45), бескерамический неолит Ак-Купрука II и III — 8260±235 лет до н. э. (Dupree, Howe, 1963; Dupree, 1967; Davis, 1972, 1978), слой 1 Кара Камара с микролитическими нуклеусами и нуклевидными скребками — 8630±720 лет до н. э. (Coon, Ralph, 1955; Davis, 1978). Исходя из этих датировок возраст вахшской культуры определяется рамками развитого мезолита, что ориентировочно соответствует рубежу IX—VIII тысячелетий до н. э. Вопрос о ее генезисе не имеет однозначного решения. В. А. Ранов полагает, что вахшская культура могла возникнуть автохтонно из местного позднего палеолита (Несмеянов, Ранов, 1975. С. 173), например из палеолитического горизонта Шугноу (Ранов, 1973. С. 241). По мнению А. Х. Юсупова (Ранов, Юсупов, Филимонова, 1982. С. 19), мезолит Даран Шура возникает в процессе развития из неизвестного пока для данного региона верхнего палеолита. В последние годы появилась гипотеза о миграционном аспекте или культурной диффузии, оказавшим влияние на сложение вахшской культуры через промежуточные пункты Ближнего Востока типа Али Таппех (Mc. Burney, 1968) и североафганских стоянок (Ранов, Юсупов, Филимонова, 1982. С. 19). Г. Ф. Коробковой было высказано предположение о генетических контактах с носителями третьего культурного слоя Сай-Сайеда и Самаркандской стоянки (Коробкова, 1982. С. 16). Однако для полного решения вопроса генезиса вахшской культуры доказательств недостаточно. Нужны новые памятники верхнего палеолита или скорее раннего мезолита, которые можно было бы рассматривать в качестве исходного пласта, на базе которого происходило формирование комплексов типа Туткаул 2а и Даран Шур. Техническая традиция вахшской культуры нашла прямое продолжение в индустрии неолитических племен горного Таджикистана. Она явилась тем субстратом, на базе которого сложилась гиссарская культура.

Третий культурный комплекс (обикиикский) образуют материалы Куй Бульона (Окладников, 1966а. С. 66), Оби-Киика (Ранов, 1980) и других стоянок с аналогичным инвентарем. Он характеризуется (табл. 99) пластинчатой и микролитической техникой расщепления и использованием только кремневого сырья. Ведущими заготовками являлись сред-

ние пластины и микропластинки. В технике оформления применялась разнохарактерная ретушь, среди которой преобладала мелкая, затупливающая, реже крупная. Определяющими орудиями были выемчатые пластины классического типа, низкие удлиненные и высокие укороченные сегменты с грубо обработанной массивной дугой, асимметричные вытянутые треугольники, острия типа шателльперрон, пластинки с притупленным краем и скошенным концом. Единичны концевые скребки и изделия с резцовыми сколами. Близкие аналогии с этим материалом обнаруживают синхронные памятники Северного Афганистана — Задиан 7, Ничка 5, Тагана 5, пункт 67а, 407 и другие местонахождения (Виноградов, 1979), индустрия которых тоже выполнена из кремня, а в наборе ее показательны удлиненные сегменты и асимметричные треугольники, острия типа шателльперрон, крупные пластины с выемками, пластинки с притупленным краем и скошенным концом при единичном присутствии концевых скребков и резцов. Сходство с таджикскими памятниками настолько велико, что невольно встает вопрос об их культурно-хронологическом единстве.

Обикиикский комплекс обладает своей, только ему присущей спецификой, которая выделяет его среди синхронных стоянок Средней Азии в целом и стадиально сближает с памятниками типа слоя 4 «верх» Дам-Дам-Че.шме 2 (Марков, 1966а, б) и Али Таппеха (Mc. Burney, 1968).

На основании сравнительных характеристик относительная датировка обикиикского комплекса предположительно уходит в финал развитого — начало позднего мезолита, абсолютная соответствует VIII—VII тысячелетиям до н. э. Генезис его следует искать в памятниках с заразийской технической традицией.

Специфический облик индустрии мезолитического горизонта 0 стоянки Шугноу заставил выделить его в самостоятельный комплекс. Памятник расположен на высоте 2000 м над уровнем моря, на третьей террасе р. Яхсу. Раскопки его проводились Нурекским отрядом под руководством В. А. Ранова в 1963—1970 гг. (Ранов, 1973). На площади 500 кв. м вскрыто пять культурных слоев, из которых четыре — позднепалеолитического времени, один — мезолитического. Последний залегал на глубине 3 м в плотном палевом суглинке.

Мезолитическая индустрия (Ранов, 1973. С. 51—53) содержит материалы, изготовленные из серовато-зеленых или синих фельзит-порфиров. Техника расщепления отщеповая и пластинчатая. Основными заготовками являлись крупные отщепы неправильных очертаний, реже аналогичного типа пластины и микропластинки. Типичны многоплощадочные нуклеусы кубовидной формы, округлые скребки на отщепах, выемчатые изделия, микропластинки без ретуши. Галечные орудия, резцы и геометрические микролиты полностью отсутствуют. Рассматриваемый комплекс не имеет прямых аналогий в среднеазиатском мезолите. В какой-то степени он перекликается с эпипалеолитическими материалами Ак-Купрука II и IIIA, Кок-Джара, Каракамара 1, Дарай Калона, содержащими крупные пластинчато-отщеповые формы и микропластинки при абсолютном отсутствии геометрических орудий, пластин с притупленным краем и скошенным концом (Dupree, 1967, 1972; Alessio, Bachechi, Cortesi, 1967; Davis, 1978) и стадиально сопоставляющимися с ранней Кебарой (Bar-Yosef, 1970. P. 54; Davis, 1978. P. 61). Можно отметить, что шугноуский мезолит, сохраняющий традиции верхнепалеолитической техники, представленной материалами нижележащих слоев памятника, не имеющей в своем арсенале галечных орудий и геометрических форм, развивался своим особым путем. По мнению В. А. Ранова (Ранов, 1973. С. 52, 53), мезолитический комплекс Шугноу обнаруживает близкие параллели с Ошхоной в форме и технике обработки пластин и отщепов, нуклеусов, концевых скребков, сочетании крупных и мелких форм. Это позволило датировать стоянку VIII тысячелетием до н. э. Нам представляется, что мезолит Шугноу древнее Ошхоны. В пользу раннего возраста свидетельствуют данные стадиального сопоставления шугноуских материалов с эпипалеолитом Ак-Купрука II и IIIA. Последние хотя и датированы 14615±215 лет до н. э. (Dupree, 1967, 1972; Dupree, Davis, 1972), однако эта дата, по мнению Р. Дэвиса, не соответствует типологическому обоснованию комплекса и ее нужно ограничить временем существования вышележащего слоя бескерамического неолита, датированного 8260±234 лет до н. э. (Davis, 1978. P. 58), и временем материалов Ташкургана 40 с развитой геометризацией и микролитизацией орудий, ориентировочно определяемых VII тысячелетием до н. э. (Gouin, 1973. P. 85, 86). Исходя из приведенных фактов, шугноуский комплекс можно условно датировать по крайней мере X, если не XI тысячелетием до н. э. Нельзя сбрасывать со счетов стратиграфическое залегание памятника, в котором мезолитический слой подпирают верхнепалеолитические напластования, с которыми он образует последовательную, без разрывов линию развития, о чем свидетельствует эволюция индустрии, прослеживаемая через всю толщу культурных слоев. Генезис мезолитического комплекса прямо связан с местной шугноуской верхнепалеолитической культурой. К сожалению, следы его в поздних памятниках и культурах пока невозможно проследить. Хотя, по мнению В. А. Ранова, шугноуская техническая традиция встречается, с одной стороны, в стоянках типа Ошхона, с другой — в комплексах типа Туткаул 2а (Ранов, 1973. С. 241), думается, что для этих гипотез доказательств недостаточно. Во-первых, нельзя сопоставлять материалы только по одному какому-либо элементу, например наличию острий типа шателльперрон, и не обращать внимания на другие основные компоненты индустрии, которые содержатся в Ошхоне и Туткауле 2а и совсем отсутствуют в Шугноу. Речь идет о галечных орудиях, чоппингах, чопперах, скреблах, оббитых гальках и геометрических микролитах. Во-вторых, сравниваемые памятники характеризуются абсолютно разными техническими традициями.

Итак, на основании вышеизложенного в мезолите рассматриваемого региона выделяются две культуры — туткаульская и вахшская и два самостоятельных комплекса — обикиикский и шугноуский, различающиеся истоками, путями развития, судьбами, временем существования и технической преемственностью. Хозяйство носителей этих культур и комплексов было сходным и носило присваивающий характер. Эволгическая ситуация благоприятствовала

развитию здесь охоты, рыболовства и собирательства. Воды Кафирнигана, Вахша, Пенджа и их притоков изобиловали рыбой. Склоны Каратегинских гор и речных террас богаты дикорастущими плодовыми деревьями и кустарниками. В древности здесь произрастали дикие тутовник, гранат, яблоня, вишня, слива, фисташки, миндаль, являвшиеся продуктами интенсивного собирательства. Однако, как бы ни был богат пищевыми ресурсами рассматриваемый регион, они не могли обеспечить мезолитические племена надежным и достаточным балансом питания. Основной продукт для существования давала охота на джейрана, кабана, тура, благородного оленя и других животных. Орудиями охоты и рыбной ловли служили вкладышевые дротики, копье, лук и стрелы. Каких-либо свидетельств о появлении в этом регионе элементов производящей экономики нет. Вместе с тем в слоях бескерамического неолита Ак-Купрук I и II, среди фаунистических остатков обнаружены кости домашней козы и овцы (Perkins, 1972). Одомашненные овцы зафиксированы в нижнем слое Зави Чеми Шанидар (Мелларт, 1982. С. 23), в бескерамическом неолите Туткаула и Сай-Сайеда (Ранов, Коробкова, 1971. С. 146; Шарапов, 1972). Эти находки дают возможность предположить, что в недрах местного мезолита уже происходили первые шаги на пути к переходу к экономике нового типа. Однако прямые доказательства отсутствуют. Также нет никаких признаков зарождения земледелия.

Жилища неизвестны. Жители использовали открытые террасы и естественные навесы на берегу водостоков как временные стойбища охотников и рыболовов, поддерживающих культурные и генетические связи с населением Ближнего Востока, о чем свидетельствуют отмеченные выше черты сходства местного мезолита с синхронными памятниками Северного Афганистана, Палестины, Сирии и других районов Передней Азии.

Мезолит Восточного Памира. Маркансуйская культура. Полевые исследования высокогорных регионов Восточного Памира, проведенные в 1958, 1960 гг. В. А. Рановым (Ранов, 1959а, 1961а, 1962, 1964, 1975) и в 1975—1976 гг. В. А. Жуковым (Жуков, 1980, 1982), позволили датировать мезолитическим временем группу местонахождений в Алигурской долине и два стратифицированных памятника. Один — стоянка Ошхона — открытого типа, второй — пещера Истыкская. Оба пункта многослойные, расположены на высоте 4100—4200 м. Первый содержал после доследования В. А. Жукова три одновременных культурных слоя, второй — четыре (Жуков, 1980. С. 40—43). Ошхона расположена в 12 км ниже окончания современного ледника Уй-су, в долине р. Маркансу. Она занимает территорию двух террас, общая площадь которой около 250 кв. м. Культурные слои включали серию очагов диаметром 0,4—0,5 м, кострища, скопления обработанных изделий, кости животных и птиц (Ранов, 1964. С. 44).

Материалы Ошхоны (табл. 100) демонстрируют особый тип индустрии, характеризующийся сосуществованием грубых крупных форм изделий с изящными микроорудиями (Окладников, Ранов, 1963. С. 76, 77). Для этого комплекса нетипичны геометрические микролиты, столь широко распространенные в мезолитических индустриях Средней Азии. Своеобразный облик комплекса Ошхоны позволил В. А. Ранову выделить его в самостоятельную маркансуйскую культуру (Ранов, 1975). Показательны многоплощадочные микронуклеусы, гальки со следами нуклевидных сколов, подпризматические ядрища с двусторонней огранкой, дисковидные нуклеусы. Основными заготовками являлись отщепы овальной и неправильной формы, средние грубые пластины, редкие микропластинки. Самыми распространенными орудиями были высокие концевые скребки, изготовленные главным образом из отщепов и пластин подтреугольной формы, округлые микроскребки, скребла, пластины с выемками, с притупленным краем. Привлекают внимание наконечники стрел листовидной формы с краевой двусторонней ретушью по периметру, микроострия со специально выделенным «жальцем», со скошенным концом, пластины с симметрично расположенными выемками (выделенной головкой). Пластинчатый элемент представлен 8—10% от всего инвентаря. Сырьем служили феллиты и кремень.

Для второго горизонта Ошхоны получена радиоуглеродная дата 7580±130 (РУЛ-280) лет до н. э. (Ранов, 1962. С. 24; 1975. С. 146), для третьего — 5430±150 (ЛЕ-1265) или 5560—5790 лет до н. э. с учетом калибровочной поправки (Марков, Образцов, 1981. С. 75, 76) и 5145±120 (ЛЕ-1266) или 5870—6080 лет до н. э. Характеру материала наиболее соответствуют последние датировки, о чем свидетельствует отсутствие ранних форм изделий, острий типа шателльперрон, нуклевидных скребков, плоских нуклеусов, резцов, геометрических микролитов и других типов. Скорее всего, маркансуйскую культуру следует отнести к позднему мезолиту и датировать VII тысячелетием до н. э. В. А. Ранов (Ранов, 1975. С. 146) предлагает подразделить ее на два разновременных этапа, из которых один представляют стоянки Алигурской долины, второй — Ошхона. Материалы Алигурской долины разрозненны, порой неясны их культурная принадлежность и хронология. Поэтому говорить о периодизации маркансуйской культуры пока еще рано.

По мнению В. А. Ранова, последняя сформировалась вне Памира, но экологические условия высокогорья наложили отпечаток на характер индустрии (Ранов, 1975. С. 148). Однако, откуда пришли носители горного мезолита, исследователь затрудняется сказать. Думается, что генетические истоки этой культуры пока не известны.

Любопытна гипотеза В. А. Ранова относительно места маркансуйской культуры среди мезолитических комплексов Таджикистана. Он полагает, что по времени культура может соответствовать слою 2а Туткаула, хотя никаких доказательств автор не приводит (Ранов, 1975. С. 149). Г. Ф. Коробкова считает, что вахшская культура значительно старше маркансуйской. Первая датируется развитым мезолитом, IX—VIII тысячелетиями до н. э., вторая — поздним мезолитом, VII тысячелетием до н. э. Трудно согласиться с предположением об участии высокогорного мезолита в формировании гиссарской неолитической культуры (Ранов, 1975. С. 149), которая обнаруживает прямые генетические связи с мезолитическим пластом типа Туткаул 2а.

Хозяйство носителей маркансуйской культуры

было присваивающим. Основой его являлись охота и собирательство. Объектами охоты, судя по составу фауны, были безоаровый козел, дикий баран, птицы (Ранов, 1975. С. 138). Стоянки носят сезонный характер и используются как кратковременные стойбища в период поиска охотничьей добычи. По наблюдениям В. А. Жукова, в Ошхоне фиксируются жилые площадки вокруг двух очагов, специально сложенных из плоских плит (Жуков, 1980. С. 45). Вероятно, это остатки шалашеобразных жилищ легкой конструкции, которые соответствовали подвижному образу жизни маркансуйского населения.

В 1976 г. на Памире была выделена вторая мезолитическая культура — истыкская, названная по одноименному памятнику (Жуков, 1982. С. 40). Пещера Истыкская расположена на левом берегу р. Сул-Истык, недалеко от пос. Чаш-Дюбе. Раскопами вскрыта небольшая площадь — 16 кв. м (Жуков, 1982. С. 32). Мощность культурных напластований, сложенных из рыхлых отложений, около 1,5 м. В первом горизонте обнаружены остатки очага с кольцеобразной выкладкой из мелких и средних камней, диаметром около 0,40 м.

Индустрия Истыкской пещеры характеризуется (табл. 98) микролитической техникой расщепления с незначительной долей галечного элемента. Ведущими заготовками являлись микропластины и микроотщепы. В наборе изделий первостепенное значение имеют острия типа шателльперрон, пластины с притупленным краем и скошенным концом, чопперы. Типичны двухплощадочные прямоугольные, уплощенные нуклеусы, изготовленные из отщепов (Жуков, 1982).

Данные сопоставления рассматриваемого памятника с известными мезолитическими стоянками Средней Азии в целом позволяют согласиться с В. А. Жуковым относительно самобытности и неповторяемости материалов Истыкской пещеры. Вместе с тем произведенные раскопки незначительны, малочислен добытый инвентарь. Поэтому говорить о существовании истыкской культуры пока еще рано. Для ее доказательства необходимы новые материалы и дополнительные памятники. Думается, что справедливее назвать инвентарь пещеры истыкским комплексом. По аналогии с материалами Туткаула 2а время его существования исследователь определяет VII тысячелетием до н. э. (Жуков, 1982. С. 40), но допускает и более раннюю датировку. Архаический облик индустрии Истыкской пещеры, содержащей плоские нуклеусы, многочисленные острия типа шателльперрон, пластины с притупленным краем, скошенным концом, при отсутствии геометрических форм свидетельствует в пользу более раннего возраста этого памятника, возможно синхронного мезолиту Шугноу и Туткаула 3. Однако это только предположение, которое требует более обоснованных доказательств. О хозяйстве, генезисе или культурных связях истыкского комплекса говорить еще рано.

Такова картина современного состояния изученности мезолита Средней Азии. Уже сейчас видно, как самобытны и разнообразны мезолитические культуры и комплексы рассматриваемого региона, как многолинейны пути их развития, как различны их дальнейшие судьбы, как многогранны их связи и как порой мало мы о них знаем. В формировании и сложении среднеазиатского мезолита принимали участие не только местные культуры эпохи позднего палеолита. Заметное влияние на них оказывали ближневосточные контакты с населением Зарзи, Кебары, натуфийской культуры и других крупных культурных центров каменного века. Средняя Азия в эпоху мезолита представляла собой пеструю картину сосуществования целого ряда различных племенных групп с характерными для них особенностями в индустрии, хозяйстве и культуре.

Искусство мезолита Средней Азии. Одним из важнейших и ярких открытий мезолитической эпохи явились красочные монохромные росписи, обнаруженные в высокогорных районах Средней Азии в навесе Зараут-Камар и гроте Шахты. Из них первый расположен на юге Узбекистана в ущелье Зараут-Сай, на правом берегу Амударьи, в 100 км к северу от г. Термеза, второй — в долине р. Куртеке-сай на Восточном Памире, в 40 км к юго-западу от райцентра Мургаб.

Исследования грота Зараут-Камар, проведенные в 1940, 1943—1945 гг. Г. В. Парфеновым, выявили основную группу рисунков (табл. 102), позднее опубликованных художницей А. Ю. Рогинской (Рогинская, 1950). В 1964 г. наскальные изображения были осмотрены А. А. Формозовым, который уточнил число и характер рисунков, оставленных первобытными охотниками, и их датировку (Формозов, 1969. С. 60—81; 1980. С. 44, 47, 48, 50, 57, 58, 62). Изображения сконцентрированы в скальном навесе длиной 5,2 м, шириной 1,4—2,5 м, высотой 3,97 м, не содержащем культурные остатки. По справедливому замечанию А. А. Формозова (Формозов, 1969. С. 64), рисунки не являлись украшением стен жилищ. Об этом свидетельствует их особое расположение на отвесной скале, на высоте 8,2 м. Росписи выполнены красной краской и нанесены по известковому натеку, покрытому пустынным загаром желтовато-бежевого цвета. По мнению исследователей, среди ранних наскальных изображений Зараут-Камара выделяются три композиции, связанные с охотничьими сценами, из которых две размещены на северной стене, одна — на западной (Окладников, 1966а. С. 69—71; Формозов, 1969. С. 66). Первая роспись воссоздает картину охоты на диких быков целого коллектива. В ней участвуют 19 охотников, окруживших кольцом свою жертву, двое других быков спасаются бегством. Во второй сцене рядом с охотниками бегут джейраны, один из них поражен стрелой или дротиком (табл. 102). На третьей композиции изображена охота на винторогих козлов (табл. 104). Поражает яркая реалистическая манера изображения животных, отображающая динамический стиль первобытных анималистов, характерный для эпохи позднего палеолита. Фигурки же людей стилизованы, условны и статичны. Охотники изображены в виде колоколовидных фигур, некоторые с птичьими головами, животные воспроизведены в профиль как бы с двумя, реже с тремя ногами. Краской закрашена вся поверхность изображений. Помимо композиций, встречаются и отдельные рисунки, выполненные в аналогичном стиле. Это фигура человека колоколовидной формы, ниже которого помещены круг с отходящей от него прямой линией и два рисунка собак с повернутыми назад головами (Формозов, 1969. С. 66—70).

Отсутствие культурного слоя и размещение изображений в труднодоступных местах позволили предположить, что в композициях воссозданы сцены облавной охоты, действующими лицами которой являлись замаскированные охотники, бегущие и пораженные стрелами животные, отражающие промысловые охотничьи культы в целях способствования удаче охоты (Формозов, 1969. С. 64). Эти дошедшие до нас древние фрески являются отражением «религиозных церемоний, без которых первобытный человек не мыслил благополучия своей общины» (Формозов, 1980. С. 57).

По данным стилистического анализа рисунков, комплекса сопоставлений с ранними и поздними наскальными изображениями Европы, Сибири и Средней Азии, росписи Зараут-Камара датированы эпохой мезолита (Окладников, 1966а. С. 72) или мезолита—неолита (Формозов, 1951. С. 213—216; 1969. С. 75; 1980. С. 50).

В аналогичном стиле выполнены рисунки грота Шахты, открытые В. А. Рановым в 1958 г. (Ранов, 1961а). Пещера расположена на высоте 4200 м над уровнем моря. Ширина ее у входа 7,5 м, глубина 6 м, высота не менее 25—30 м. Наскальные изображения размещены на южной, наклонной к плоскости пола на 50° стене и занимают площадь 20—25 кв. м. Из семи прослеживаемых рисунков сохранились только четыре, воспроизводящие фигуры человека, кабанов и медведей. Фрески расположены на высоте 1,6—2 м от уровня пола и выполнены красной краской с использованием контурной техники и в одном случае — техники сплошной заливки. Залежи минеральной охры обнаружены здесь же, в трещинах стены грота. Применялась светлая, кирпичного цвета и более насыщенная бордовая краска. Последняя использовалась в основном для прорисовки деталей и в одном случае перекрывала изображения, нанесенные кирпичной охрой. На первобытной фреске (табл. 98) изображена стилизованная фигура человека в виде птицы типа зараут-камарской с полностью раскрашенной поверхностью, ниже и выше ее — два плохо сохранившихся рисунка. Рядом воспроизведены пораженные стрелами дикий кабан с тремя расположенными ниже замаскированными охотниками (?), залитыми, как и первая фигура человека, сплошной краской, и медведь. Великолепно изображение крупного медведя или «яка» с вонзившимися в него двумя стрелами и третьей, летящей навстречу. Фигуры животных, как и зараут-камарские, переданы в реалистическом стиле, подчеркивающем экспрессию и динамизм попавших в облаву зверей. Но в отличие от Зараут-Камара они выполнены контурной техникой (Ранов, 1961б; 1962; С. 16; 1964. С. 46; Окладников, Ранов, 1963. С. 78—80).

Анализ древних фресок грота Шахты показывает, что они служат отображением культовых охотничьих сцен, воссоздающих церемонию облавной охоты в целях ее успешного завершения. Данные сравнительных характеристик и кремневый инвентарь, добытый из сохранившегося культурного слоя грота, позволяют датировать наскальные изображения Шахты мезолитическим или мезолито-неолитическим временем (Ранов, 1959а. С. 185—190; 1961б. С. 81; Окладников, Ранов, 1963. С. 79; Окладников, 1966а. С. 73; Формозов, 1969. С. 72; 1980. С. 50).

Охарактеризованные выше росписи Зараут-Камара и грота Шахты служат ярким отображением идеологии мезолитических охотников гор, переданной с помощью художественных средств. В обоих памятниках древнего искусства Средней Азии воспроизведены ритуальные действия, картины культовых обрядов, связанных с охотничьей магией.

Мезолит Казахстана. Эпоха мезолита является одним из наиболее слабоизученных периодов в первобытной истории Казахстана. Первые мезолитические памятники были открыты в 1960—1970 гг. благодаря планомерным и систематическим исследованиям Южноказахстанской и Североказахстанской археологических экспедиций. В результате этих работ, осуществленных Х. А. Алпысбаевым в Южном, А. Г. Медоевым в Западном, Г. Б. Здановичем, В. Ф. Зайбертом, В. Н. Логвиным в Северном Казахстане, обнаружено и изучено около 30 памятников эпохи мезолита (карта 12). Однако по своему характеру и содержащейся в них информации найденные комплексы неравноценны (табл. 101). Здесь имеются хорошо стратифицированные стоянки открытого типа и отдельные местонахождения с разрушенным культурным слоем и малым количеством находок. К числу первых относятся однослойные и многослойные памятники Северного Казахстана: Виноградовка II, VII, XII, Куропаткино I, Тельмана VII, VIIIа, IXа, XIVа (Зданович Г. Б., Зданович С. Я., Зайберт, 1972; Зайберт, 1977, 1979а; Зайберт, Татаринцева, Заитов, 1979; Зайберт, Потемкина, 1981), к числу вторых — группы стоянок и местонахождений с подъемным материалом. Это стоянка у оз. Сары-Айдан в Западном Казахстане (История Казахской ССР, 1977. С. 86), местонахождения в районе хребта Каратау (Алпысбаев, 1977б. С. 89), Жанагилик 1, 2, 3, Маятас в Южном (Алпысбаев, 1975, 1977а), Явленка II, Мичуринская I, Евгеньевка в Северном (Логвин, 1977; Зайберт, 1979а, б) Казахстане. Характеристика мезолита Казахстана была бы неполной, если не привлечь выразительные близкие комплексы этого времени с пограничной территории Притоболья (Потемкина, 1978, 1979; Зайберт, Потемкина, 1981). В ряде микрорайонов отмечается заметная концентрация стоянок. Так, четко выделяется явленская группа памятников в Петропавловском Приишимье, Виноградовская в долине р. Чаглинки, Тельманская в Атбасарском Приишимье (Зайберт, 1979а. С. 7), Убаганская в Притоболье (Потемкина, 1978, 1979; Зайберт, Потемкина, 1981). Вместе с тем бóльшая часть рассматриваемой территории остается практически неисследованной. Особенно это относится к Западному, Восточному, Центральному и Южному Казахстану, где известны отдельные разрозненные памятники мезолитического времени, да и те без сохранившегося культурного слоя. Это три местонахождения в районе хребта Каратау, расположенные на береговых террасах р. Беркутты, к северу от уроч. Котас и у родника Утбулак, содержавшие незначительное количество находок (Алпысбаев, 1962, 1977а, б). Более крупные комплексы получены с четырех стоянок Южного Казахстана: Жаначилик 1, 2, 3 и Маятас (Алпысбаев, 1975, 1977а), обнаруженных на второй надпойменной террасе правого берега р. Чаян. О каратауских местонахождениях в археологической ли-

тературе имеется небольшая информация, в которой отмечается характер местного сырья и дается краткий перечень собранных находок. Среди нуклеусов упоминаются призматические, подконические и «карандашевидные» ядрища, среди других изделий — ножевидные пластины, их обломки, микропластинки, единичные трапеции с ретушью по боковым и верхнему краям, скребки, острия. Однако рисунки перечисленных предметов так же, как и их подробная характеристика, отсутствуют, что, естественно, затрудняет интерпретацию техники расщепления, вторичной обработки, набора типов изделий, собранных с каратауских памятников. Материал последних недостаточно ясен, и отнесение его к мезолитическому возрасту условно.

Четыре памятника, расположенные в Отрарском оазисе, содержат более выразительные находки, которые тоже представлены халцедоновой индустрией. Вместе с тем планиграфия найденных изделий вызывает определенное сомнение. Сборы материала произведены на значительной площади от 1 до 3 км, искусственно разделенной на три зоны скопления (соответствующие трем местонахождениям Жаначилик 1, 2 и 3) современными совхозными постройками. Поэтому трудно сказать, имеет ли здесь место одна или несколько стоянок, являются ли они одновременными или разновременными. Зачистка окраин крупных скоплений как будто бы показала частичную сохранность культурного слоя, содержащего нуклеусы, пластины с затупленным краем, сегменты и трапеции, пластины с ретушью со стороны брюшка, угольки, кости животных, гальки (Алпысбаев, 1977а. С. 93). Однако уверенности в этом нет. Облик материала выразительный и характеризуется целым рядом архаических черт, позволяющих датировать его мезолитическим временем.

Сырьем для изготовления орудий служил халцедон молочного цвета. Для индустрии характерна микролитическая пластинчатая техника расщепления. Основными заготовками являлись микропластинки, в редких случаях средние и крупные пластины. Показательны подконические и подпризматические нуклеусы с круговым скалыванием. В технике вторичной обработки доминирует притупливающая ретушь, нанесенная со стороны спинки по одному краю, реже по скошенному верхнему концу. Набор изделий включает концевые скребки, изготовленные на обломках крупных пластин, резцы срединного типа и на углу сломанной пластины, микропластины с притупленным краем, скошенным концом, крупные асимметричные треугольники, низкие симметричные и асимметричные трапеции с ретушью по трем краям, асимметричные микроострия, выемчатые пластины, отщепы с подтеской концов (табл. 101). Наличие ранних геометрических форм, концевых высоких скребков, резцов, микропластин с притупленным краем позволяет сопоставить стадиально этот комплекс с мезолитическими стоянками равнинной части Центральной Ферганы или позднего этапа обиширской культуры. Абсолютная датировка отрарских памятников так же, как и их культурная принадлежность, в силу отсутствия чистых стратифицированных комплексов неясна и проблематична.

К мезолитическому времени следует отнести местонахождение на юго-западном берегу оз. Сар-Айдин в Западном Казахстане (История Казахской ССР, 1977. С. 86. Рис. 8, 9, 13, 14, 16, 21, 26), характеризующееся крупными удлиненными сегментами с пологой дугой, оформленной крутой затупливающей ретушью, высокими концевыми скребками с ретушью по периметру, изготовленными на крупных пластинах, пластинами со скошенным концом, остриями со специально выделенным «жальцем», сделанными из отщепов. Стадиально материал этой стоянки можно сопоставить с индустрией раннего периода обиширской культуры и датировать этим же временем. Культурная принадлежность из-за незначительной выборки находок и отсутствия других аналогичных комплексов в рассматриваемом районе неясна.

Наиболее хорошо изучен мезолит Северного Казахстана, где известны три крупные группы стоянок. Последние расположены в среднем и нижнем течении р. Чаглинки и ее старицах, на первой надпойменной террасе левого берега Ишима в его верховьях и среднем течении. Систематическим раскопкам подверглись Виноградовка II (Зайберт, Татаринцева, Заитов, 1979), XII (Зданович Г. Б., Зданович С. Я., Зайберт, 1972), Куропаткино I (Зайберт, 1979а), Тельмана VII, VIIIа, IXа, XIVа (Зайберт, 1977; Зайберт, Потемкина, 1981). Из них стоянки Тельмана VIIIа и IXа исследованы полностью.

Культурные остатки мезолитического времени залегали в гумусированном суглинке мощностью от 0,05 до 0,25 м. Насыщенность находками разная. Имеются крупные скопления кремня (Тельмана VII, VIIIа, IXа, Куропаткино I и др.), содержащие от 2084 до 5023 находок, и менее значительные, насчитывающие около 1000 изделий (Виноградовка XII). Встречаются комплексы, представленные несколькими десятками изделий (Тельмана XIVа и Виноградовка II). В ряде памятников (Тельмана VII, IXа, XIVа) обнаружены остатки наземных построек каркасно-столбовой конструкции, хозяйственных ям, кострищ.

В Петропавловском Приишимье В. Ф. Зайбертом выделены четыре хронологические группы памятников, из которых к мезолиту отнесена явленская группа, включающая стоянки Явленка II, ранний комплекс Мичуринской I, Бишкуль II и Боголюбово I (Зайберт, 1979а. С. 109). Орудия труда изготовлены из яшмовидной породы светло-коричневого цвета (88%), реже кремня (8%) и кварцита (3%) (Зайберт, 1979а. С. 91. Табл. 1). Техника расщепления пластинчатая с яркими микролитоидными элементами. Основными заготовками являлись сечения средних пластин и микропластин. Целые пластины единичны. Отщепы использовались главным образом при изготовлении скребков. Характерны подконические и подпризматические одноплощадочные нуклеусы, нацеленные на получение пластинчатых заготовок. Для техники вторичной обработки показательна притупливающая ретушь, оформляющая один край со стороны спинки, реже конец, и заостряющая, нанесенная с брюшка. Широко применялась резцовая техника. В наборе типов изделий превалируют пластины и их сечения с ретушью, в том числе с притупленным краем, выпуклым концом, концевые и округлые скребки на отщепах, резцы на углу сломанных пластин и срединного типа. Единичны острия со скошенным концом, пластины с выемками, наконечники стрел с дву-

сторонне обработанным пером, трапеции, концевые скребки на обломках крупных пластин. На основании типологического изучения инвентаря и его статистических подсчетов В. Ф. Зайберт справедливо датирует явленскую группу памятников поздним мезолитом.

В Виноградовском микрорайоне, расположенном на территории Кокчетавской обл, тоже выделены четыре хронологические группы стоянок, из которых мезолитическим временем определяются две (Зайберт, 1979а. С. 8). Из них первая, наиболее ранняя, объединяет материалы Куропаткино I и нижнего слоя Виноградовки II (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 124). Вторая, поздняя,— инвентарь Виноградовки XII и, возможно, верхнего слоя Виноградовки II.

Стоянки ранней группы приурочены к подошве гумусированного суглинка или тяжелосуглинистой почвы с карбонатными включениями, датированными почвоведом И. В. Ивановым финальным палеолитом — ранним мезолитом (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 124, 125). Этот комплекс характеризуется применением кремнистого сырья светло-коричневого цвета, сочетанием пластинчато-отщеповой техники расщепления. Показательны конусовидные, клиновидные и призматические нуклеусы. В технике вторичной обработки типичны притупливающая ретушь, нанесенная по одному краю со стороны спинки и резцовая. Характерными изделиями являются резцы срединного и углового типа, в том числе многофасеточные, изготовленные из крупных отщепов, высокие концевые скребки на отщепах, нуклевидные скребки, пластины с притупленным краем, отщепы с выемками (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 115, 116).

Материал поздней группы памятников залегал в супесчаном и глинистом аллювии, датированном концом мезолита — началом неолита (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 125). Индустрия характеризуется сохранением раннемезолитических традиций в изготовлении орудий труда. Преобладает пластинчатая техника расщепления с основными заготовками в виде сечений средних пластин и микропластин. Наибольшее распространение получают клиновидные нуклеусы с подправленными площадками и торцевым скалыванием. В технике ретуширования продолжает использоваться притупливающая ретушь, оформляющая продольный край или прямой, выпуклый или слегка вогнутый конец изделия со стороны спинки. В редких случаях зафиксирована резцовая техника. В наборе типов изделий доминируют пластины с ретушью, притупленным концом, резцы на углу сломанной пластины, концевые и округлые скребки на отщепах. Единичны пластинки с притупленным краем, нуклевидные скребки, пластины с выемкой на конце и скошенным концом, асимметричные острия, микроострия со специально выделенным «жальцем» (Зайберт, 1979а. С. 8; Зайберт, Потемкина, 1981. С. 114). По мнению В. Ф. Зайберта (Зайберт, 1979б. С. 109), этот комплекс аналогичен позднемезолитической явленской группе памятников и может быть датирован тем же временем.

В Тельманском микрорайоне, расположенном на территории Целиноградской обл., В. Ф. Зайбертом выделено пять разновременных групп стоянок, из которых только одна относится к эпохе мезолита (Зайберт, 1979а. С. 8, 9). Последняя объединяет материалы Тельмана VII, VIIIа, IXа и XIVа. Данная группа памятников, по мнению исследователей (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 124), идентична как по характеру сырья, техники расщепления, вторичной обработки орудий, так и по стратиграфическому залеганию находок, связанных с подошвой легкого суглинка. Сырьем для изготовления орудий служили яшма, кремень и кварцит серых и желтовато-коричневых тонов. Для техники расщепления характерны пластинчато-отщеповые заготовки с преобладанием сечений средних и крупных пластин и реже микропластин, сколотых с одноплощадочных нуклеусов призматической, подконической и «карандашевидной» форм. Показательна притупливающая и приостряющая ретушь, мелкая и крупная, нанесенная по одному продольному краю со стороны спинки, прямому или скошенному концу, в редких случаях с обеих сторон или с брюшка по двум краям. Характерна также резцовая техника. Среди типов изделий (табл. 101) преобладают пластины с ретушью, в том числе с притупленным краем, прямым или выпуклым концом, концевые скребки на обломках крупных пластин с ретушированными боковыми лезвиями, округлые скребки на отщепах, в том числе микроскребки, резцы на углу сломанной пластины и боковые, выемчатые пластины, отщепы с ретушью. Единичны микроострия, низкие трапеции симметричной формы, пластины со скошенным концом, параллелограммы вытянутых пропорций. По данным стратиграфии и типологическим признакам тельманские стоянки близки мезолитической группе памятников Притоболья (табл. 101), Виноградовке XII и Явленке II (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 124).

Обращает на себя внимание еще один памятник, расположенный в Кустанайской обл. Северного Казахстана. Это стоянка Евгеньевка, обнаруженная В. Н. Логвиным в 1975 г. (Логвин, 1977). Она расположена на развеянной песчаной дюне правого берега р. Тобола. Находки залегали в котловине на площади 725 кв. м, в западной части они перемешаны с алакульской керамикой. Культурный слой полностью разрушен. Сырьем для орудий служили кремневый алеврит, яшмокварцит и халцедон. Ведущими типами заготовок являлись микропластинки (54,8%). В технике вторичной обработки типична приостряющая, реже притупливающая ретушь, нанесенная по одному краю на спинке или брюшке, и резцовая техника. В наборе изделий показательны пластины и микропластины с ретушью, резцы на углу сломанной пластины, концевые скребки на отщепах и обломках крупных пластин, пластинки с притупленным краем, прямым или скошенным концом, единичны асимметричные трапеции, в том числе с боковой выемкой, и острия с ретушированным краем.

По аналогии с материалом Южного Урала и Восточного Прикаспия В. Н. Логвин датирует Евгеньевку временем существования 5а, 5—6,6 слоев пещеры Джебел (Логвин, 1977. С. 274, 275). По мнению Г. Ф. Коробковой, материал этой стоянки действительно сопоставляется с памятниками Восточного Прикаспия типа Дефе-Чаганак (Коробкова, 1969), частично с мезолитическими комплексами Устюрта (Бижанов, 1982), с синхронными стоянками Юж-

ного Урала — Мысовой, Янгельской, Суртанды, Безымянным Мысом (Матюшин, 1969, 1976), но не Джебелом, где представлены иной состав индустрии, иное соотношение геометрических микролитов, иной характер самих трапеций. Сходство с указанными выше мезолитическими памятниками позволяет синхронизировать сравниваемые комплексы и датировать Евгеньевку эпохой мезолита, возможно поздчего. В культурном отношении материал этой стоянки тяготеет к мезолиту Притоболья и близок группе убаганских памятников.

Обратимся к вопросу культурной принадлежности рассматриваемых комплексов Северного Казахстана. Данные стратиграфии, типологического анализа и индустрий, сравнительной характеристики материалов явленской, виноградовской, тельманской и убаганской групп памятников свидетельствуют об их большом сходстве и устойчивости набора признаков. Последние повторяются в технике расщепления, вторичной обработки, составе типов изделий. В то же время рассматриваемые комплексы обладают специфическими особенностями, которые придают им культурное своеобразие и отличают от мезолитических культур смежных территорий. Вопрос о существовании здесь особой культуры ставился еще В. Ф. Зайбертом (Зайберт, 1979а. С. 13). Ему удалось выделить атбасарскую мезолито-неолитическую культуру, время существования которой определялось рамками позднего мезолита — среднего неолита. Однако речь шла о неолитической культуре, которая, как и многие синхронные культуры Средней Азии, восходила генетически к финальному мезолиту. Рассмотренные же комплексы являются чисто мезолитическими и никакого отношения к атбасарской культуре (за исключением генетической связи) не имеют. Таким образом, перед нами особое культурное явление, требующее своей интерпретации. На своеобразие этого культурного явления обращали внимание В. Ф. Зайберт и Т. М. Потемкина, которые справедливо поставили вопрос о выделении в районе Ишимо-Чаглинского междуречья локального варианта или культуры эпохи мезолита (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 127). К сожалению, исследователи не дают ни ее характеристики, ни названия, ограничиваясь только постановкой вопроса.

Индустрия рассматриваемых комплексов отличается заметной устойчивостью и повторяемостью облика вторичной обработки типов заготовок и изделий. Для нее характерна пластинчатая микролитоидная техника расщепления. Основными заготовками являются сечения средних пластин и преимущественно микропластин (за исключением самых ранних памятников). В технике вторичной обработки показательна притупливающая, реже приостряющая ретушь, нанесенная на продольный край или конец изделия со стороны спинки, и резцовая техника. В наборе типов орудий повторяются сечения пластин с ретушью, микропластинки с притупленным краем, обработанным концом, резцы на углу сломанной пластины и срединные, концевые и округлые скребки на отщепах, единичны асимметричные острия, микроострия со специально выделенным «жальцем», низкие симметричные трапеции, удлиненные параллелограммы, пластины с выемками, концевые скребки на обломках крупных пластин, пластины со скошенным концом. Памятники, демонстрирующие такой тип индустрии, обладают и территориальной близостью. Эти обстоятельства позволяют выделить их в особую культуру, которую можно условно назвать (по расположению стоянок в Ишимо-Чаглинском междуречье) чаглинской. Генезис ее пока неизвестен. Судя по ранним памятникам (Куропаткино I и нижний слой Виноградовки II), нижнюю границу чаглинской культуры следует определить концом позднего палеолита — началом раннего мезолита, верхнюю — поздним мезолитом. На эту датировку указывает не только типология материала, сравнительные характеристики, но и данные стратиграфии. Древние памятники связаны с первой фазой формирования аллювия, поздние (Тельмана VII, XIVa, IXa, верхний слой Виноградовки II, Убаган III, Камышное I) относятся к заключительной фазе формирования I — началу II фазы аллювия (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 125, 126). Ориентиром для абсолютной хронологии может служить радиоуглеродная датировка Тельмана XIVa, определяемая 10540±200 лет от наших дней (Зайберт, 1979а. С. 12), т. е. IX тысячелетием до н. э. Существование двух разновременных комплексов позволило В. Ф. Зайберту наметить двухэтапную периодизацию мезолита Ишимо-Чаглинского междуречья. Первый этап соответствует финальному палеолиту — раннему мезолиту и сопоставляется с ильмурзинским этапом Предуралья, второй — позднему мезолиту и синхронизируется с сюньским и романовским этапами Приуралья и янгельским этапом Зауральского мезолита (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 126). Ранний этап В. Ф. Зайберт датирует временем не позднее X тысячелетия до н. э., поздний — до VII тысячелетия до н. э.

Данные типологического изучения мезолитических материалов Тоболо-Ишимского междуречья позволяют выделить три периода в развитии чаглинской культуры. Из них первые два совпадают с периодизацией В. Ф. Зайберта. Однако второй этап, по мнению В. Ф. Зайберта, должен уйти в IX тысячелетие до н. э. и соответствовать развитому мезолиту.

Итак, ранний период чаглинской культуры образуют материалы Куропаткино I и нижнего слоя Виноградовки II. Он характеризуется пластинчато-отщеповой индустрией, в которой первостепенное значение приобретают разнообразные резцы на отщепах, в том числе многофасеточные, высокие концевые скребки на отщепах и нуклевидной формы пластины с притупленным краем, отщепы с ретушью.

Средний период представлен материалами Тельмана VII, VIIIa, IXa, XIVa, Виноградовки XII и др. В индустрии продолжаются традиции раннего этапа; в качестве заготовок используются сечения крупных и средних пластин и отщепы, в наборе изделий доминируют разнообразные резцы, концевые и округлые скребки на отщепах с высоким рабочим лезвием, пластины с притупленным краем и обработанным концом. Вместе с тем в технике расщепления повышается роль микролитических пластин, в составе орудий отсутствуют резцы, изготовленные на отщепах, и нуклевидные скребки. Наибольшее распространение получают резцы на пластинах, пластины с притупленным краем, обработанным

концом. Появляются микроострия, микроскребки, единичны геометрические микролиты, пластины со скошенным концом и другие типы.

Поздний период демонстрируют материалы Явленки II, верхнего слоя Виноградовки II, убаганской группы памятников Притоболья и, возможно, Евгеньевки. Индустрия носит микролитоидный характер. Ведущими заготовками становятся микропластины и их сечения. Вместе с тем продолжают использоваться обломки крупных и средних пластин. В технике вторичной обработки наряду с притупливающей ретушью широкое применение находит приостряющая ретушь, нанесенная на брюшке. В наборе типов изделий преобладают пластины и микропластины с ретушью, округлые скребки на отщепах и концевые на обломках крупных пластин, единичны геометрические микролиты, почти полностью отсутствуют резцы. Стадиально этот комплекс сопоставляется с поздним мезолитом Центральной Ферганы. Сходство проявляется не только в типах заготовок, но и во вторичной обработке, предполагающей использование мелкой приостряющей ретуши на брюшке, в наличии единичных геометрических микролитов, многочисленных скребков на отщепах и отсутствии резцов. Это позволяет говорить о синхронности сравниваемых материалов и отнесении убаганской группы памятников к позднему мезолиту.

Хозяйство мезолитических племен Тоболо-Ишимского междуречья не выходило за рамки присваивающего типа. Оно носило комплексный сложный характер и базировалось на определенных отраслях, поставляющих населению основные продукты питания. Этому во многом способствовала экологическая ситуация расположения мезолитических памятников в двух ландшафтных зонах — степи и лесостепи и континентальный климат, сменяющийся периодами увлажненности (Нейштадт, 1957; Медоев, 1964; Хотинский, 1977, 1981). Результаты изучения фаунистических остатков из Убагана III и орудий труда из других синхронных стоянок данного региона позволяют говорить о первостепенном значении охоты в хозяйстве мезолитического населения. Объектами охоты являлись лось и бык типа зубра или тура (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 110), охотничьим метательным оружием служили многочисленные вкладышевые изделия типа копий, дротиков, стрел, оснащенные микропластинками с притупленным краем.

Территория Северного Казахстана изрезана полноводными реками (Ишим, Нура, Селеты, Чаглинка, Бурлуки) и многочисленными озерами, ихтиофауна которых давала дополнительный источник питания. Хотя орудия рыбной ловли неизвестны, однако в качестве гарпунов и острогов могли использоваться те же вкладышевые орудия составного типа.

Практиковалось, вероятно, и собирательство, о чем свидетельствуют благоприятные экологические условия окружающей ниши, богатой лесами и полынно-злаковыми степями, о которых дают представление данные спорово-пыльцевого анализа образцов из Виноградовки II (Хотинский, 1981. С. 127, 128).

Исследование костных остатков из неолитических памятников Северного Казахстана позволило В. Ф. Зайберту поставить вопрос о появлении элементов производящего хозяйства уже в начале неолита. Если эти данные подтвердятся, то начальный процесс доместикации животных должен быть отнесен к мезолиту.

Остатки фундаментальных жилищ и насыщенность культурных слоев находками позволяют говорить о некоторой оседлости населения, оставившего памятники чаглинской культуры. Дома имели каркасно-столбовую конструкцию, снабжены очагами-кострищами и хозяйственными ямами. По материалам Убагана III и Тельмана XIVa восстанавливаются форма и размеры жилых построек. Последние были прямоугольных очертаний и площадью 70 кв. м (Тельмана XIVa) и 80 кв. м (Убаган III). Специфической особенностью жилищ является наличие в них крупных кострищ, функционировавших в течение длительного времени. Они были овальной формы, размерами 1,1×0,8 м (Убаган III), 4×2,5×1,4 м и 1,2×0,75×0,8 м (Тельмана VIIIa), 1,8—1,5× ×1,05 м (Тельмана XIVa), заполненные слоем угля мощностью от 0,04 до 0,07 м и прокаленного грунта с незначительным включением кальцинированных обломков костей. На основании изучения жилищ можно говорить о принадлежности их к большесемейной общине охотников, собирателей и рыболовов. По мнению В. М. Массона, данный тип строения был рассчитан на коллектив, состоящий из нескольких малых семей, живущих под общей крышей и ведущих общее хозяйство (Массон, 1966. С. 120). Наличие же одного, постоянно действующего кострища подчеркивало хозяйственное и, возможно, культовое единство обитавшего в Тельманских стоянках и Убагане III населения. Площадь жилища в данном случае совпадала с площадью самой стоянки. Любопытно, что традиция возведения наземных каркасных построек небольшой площади сохраняется в эпоху неолита у носителей кельтеминарской культуры (Виноградов, 1981. С. 148—155; Коробкова, 1981. С. 35—38) и неолитических обитателей Казахстана. Сходство проявляется в конструкции, планировке и размерах жилищ. Стоянки Пеньки I, Лявлякан 26/I, Дарбазакыр I характеризуются прямоугольными домами и близкой площадью: 81 кв. м (Дарбазакыр I), 85 кв. м (Пеньки I) и 85—115 кв. м (Лявлякан 26/I). Это явление свидетельствует о генетических связях домостроительных традиций эпохи мезолита — неолита и значительной роли экологического фактора, обусловившего выбор строительной техники.

Расположение стоянок группами, мощность и степень насыщенности их культурного слоя позволяют выделить в чаглинской культуре три типа поселений: долговременные базовые лагеря с остатками жилищ и разнообразными наборами орудий (Куропаткино I, Тельмана VII, VIIIa, IXa, XIVa), кратковременные сезонные стоянки (Явленка II, Виноградовка II, XII) и стойбища одноразового посещения (Бишкуль II, Мичуринская I и др.). Мезолитическое население поддерживало тесные контакты с северными соседями. Такие связи имели место прежде всего с населением лесостепного и степного Зауралья (Зайберт, Потемкина, 1981. С. 126, 127). Другого типа контакты генетического характера прослеживаются в материалах атбасарской неолитической культуры, корни которой уходят в местный мезолитический пласт, представленный памятниками Тоболо-Ишимского междуречья (Зайберт, 1979а. С. 13).

Глава семнадцатая
Мезолит Юга Сибири и Дальнего Востока

Мезолит Приангарья и Прибайкалья. История исследования этого региона начинается с открытия первых памятников в конце прошлого века. В 1883 г. М. П. Овчинников нашел стоянку Верхоленская Гора под Иркутском, а в 1881 г. А. С. Еленев обнаружил поселение Усть-Бирюса. В 1913 г. Б. Э. Петри исследовал стоянку Улан-Хада на Байкале, где им были выделены ранние слои. В 1920-х годах он продолжил исследование Верхоленской Горы с целью выяснения генезиса раннего неолита. На основе этих работ им была создана классификационная схема каменного века Южной Сибири, которая впоследствии подверглась критике со стороны Г. Ф. Дебеца. Первым отнес Верхоленскую Гору ко времени, переходному от палеолита к неолиту, В. И. Подгорбунский, что положило начало понятию о мезолите в Прибайкалье.

В 20-х годах полевые работы были незначительными. Следует упомянуть только раскопки Б. Э. Петри на стоянке Царь-Девица, М. М. Герасимова в Бадае, Я. Н. Ходукина в Ушкане. Полученные материалы в связи с открытием стоянки Мальта М. М. Герасимов относил к азильскому времени. Г. П. Сосновский разделил индустрию Верхоленской Горы на палеолитическую и более позднюю. В 1932 г. на стоянке Мальта был обнаружен верхний комплекс находок, относимый теперь к мезолиту.

В 30-х годах были проведены небольшие полевые работы на стоянках на р. Белой, возглавлявшиеся М. М. Герасимовым. Возобновление работ М. М. Герасимова в этом районе относится уже к 50-м годам, когда были проведены раскопки Усть-Белой и Верхоленской Горы. В 1957 г. небольшие раскопки на стоянке Бадай I провел П. П. Хороших. И только в 1966 г. ее исследование было возобновлено под руководством Г. И. Медведева, тогда же исследовались стоянки Перешеек, Черемушник I.

В настоящее время мезолит региона (карта 13) подразделяется исследователями на несколько «культурных комплексов».

Относящиеся к бадайскому комплексу памятники располагаются главным образом на Ангаре и ее притоках (карта 13).

Стоянка Сосновый Бор находится в Усольском р-не Иркутской обл. и располагается на правом берегу р. Белой (притока Ангары) на дюнных всхолмлениях высотой 22—24 м над урезом воды. Открыта в 1966 г. Г. И. Медведевым и раскапывалась в 1967—1971 гг. под его руководством (Медведев, Георгиевский, Михнюк, Савельев, 1971; Лежненко, Медведев, Михнюк, 1982). Общая величина раскопанной площади 1280 кв. м. Поселение многослойное. Мезолитические горизонты II и III залегают в голоценовых песках и супесях.

II культурный горизонт дал 46 500 находок, в основном изделий из кремня. Насыщенность слоя находками достаточно равномерная. В составе коллекции нуклеусы подконические и подпризматические от пластин, одно- и двухплощадочные, с прямыми и скошенными подработанными площадками, с круговым или двусторонним скалыванием, клиновидные, одноплощадочные нуклеусы от пластин с торцевым скалыванием, с прямыми подработанными площадками, крупные подпризматические одноплощадочные ядрища от отщепов. Скребки на пластинах и отщепах, концевые (в том числе с «ушками» и двойные) и боковые, с крутыми рабочими лезвиями. Резцы срединные, боковые и поперечные на пластинах, с относительно короткими и широкими сколами. Вкладыши из сечений пластин с затупленным на спинке краем. Острия со сходящимися, ретушированными круто краями. Тесла на гальках с перехватом и подработанным выпуклым или прямым лезвием. Комбинированные орудия представлены резцами-ножами. В составе фауны слоя — косуля и рыба.

III культурный горизонт, включающий подгоризонты А—Г, в сумме дал почти 51,5 тыс. кремневых находок. Располагались они скоплениями. Состав фауны весьма разнообразен: лошадь, благородный олень, косуля, северный олень, тур или бизон, кулан, волк, грызуны, рыбы, птицы. Этот комплекс животных характерен для лесостепного ландшафта. В этом же слое найдены фрагменты бивня мамонта, происхождение которых, несомненно, более раннее. Обитателями стоянки они были, вероятно, найдены где-то в другом месте и принесены на поселение. Среди нуклеусов, найденных в этом горизонте, выделяются клиновидные от пластин, двухплощадочные призматические от пластин (двусторонние), многоплощадочные от отщепов, подконические с одной плоскостью скалывания от пластин, поддисковидные от отщепов; площадки, как правило, слегка скошенные, не подработанные. Скребки на отщепах и пластинах, боковые, концевые (в том числе с «ушками» и двойные), округлые, комбинированные (боковые — концевые), неправильной формы. Резцы на пластинах угловые, поперечные, боковые. Скребла на отщепах, с выпуклым крутым лезвием или с конвергентными лезвиями. Вкладыши на сечениях пластин, как и в предыдущем горизонте. Ножи на пластинах и отщепах, с ретушью по одному краю. Тесла из галек. Найдены долотовидные орудия типа pièce écaillée на пластинах и отщепах (наиболее количественно распространенный тип орудий; надо отметить, что все орудия этого типа встречены на пространстве около 2 кв. м). Есть чопперы. Комбинированные орудия представлены скребками-резцами, скребками-ножами, резцами-ножами.

IV культурный горизонт памятника, по-видимому, датируется плейстоценовым временем, хотя его индустрия мало отличается от двух предыдущих.

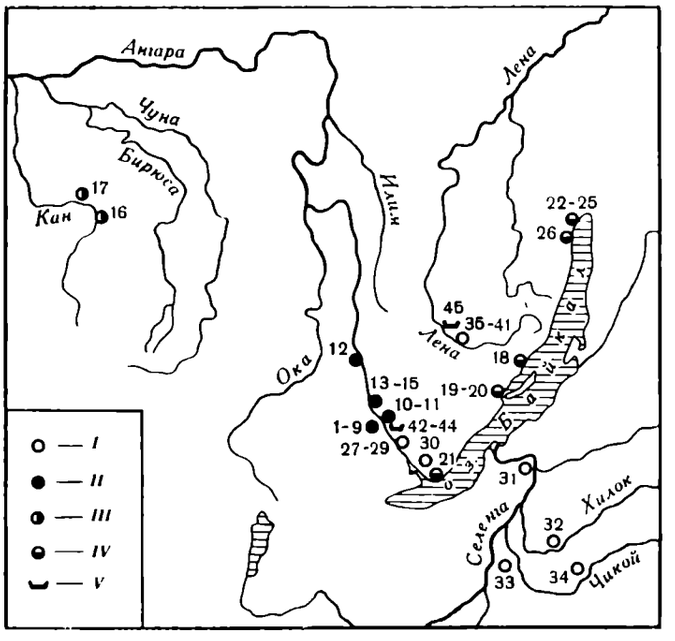
Стоянка Усть-Белая открыта в 1920 г. М. М. Герасимовым, который и начал ее исследование в 1934 г. В 1957 г. раскопки на стоянке проводились Н. Н. Гуриной, Л. Я. Крижевской и М. М. Герасимовым. Он же копал этот памятник в 1960 г. В 1961—1964 гг. раскопки стоянки проводились под руководством Г. И. Медведева (Медведев и др., 1971). В результате исследования выяснилось наличие на площади памятника 16 культурных горизонтов, которые Г. И. Медведеву удалось расчленить на три больших хронологических этапа (табл. 103—105).

К раннему этапу он относит XVI—XIV культурные горизонты. Они вскрыты на площади около 250 кв. м. В них обнаружено 15 кострищ: три — в XVI, 10 — в XV, два размытых — в XIV. В сумме во всех трех горизонтах 7803 находки из камня, кости и рога. Все они были сосредоточены у кострищ. Эти последние обнаруживались в виде зольно-углистых пятен разной величины и формы с хорошо выраженным зольным пятном в центре и разбросом древесных угольков на периферии. В сечении кострища, как правило, линзовидные. Только в одном случае на кострище лежали камни в виде неправильного полукруга. Возможно, это следы обкладки.

Характер раскалывания кремня чрезвычайно разнообразен. Встречены уплощенные многоплощадочные, напоминающие дисковидные, нуклеусы с двусторонним скалыванием, причем часто одна плоскость скалывания служила площадкой для другой. С них скалывались неправильные пластины и пластинчатые отщепы. Второй тип нуклеуса — грубопризматический одноплощадочный с односторонним скалыванием. В большинстве случаев эти ядрища имеют скошенные и слабо подправленные площадки. С них снимались как пластины, так и отщепы. Подавляющее большинство этих двух видов нуклеусов найдено в XIV культурном горизонте. Кроме указанных типов ядрищ, встречены клиновидные и торцевые нуклеусы, одноплощадочные от пластин, с неподправленной скошенной площадкой. Тыльная часть их имеет обработку, напоминающую ретушь на скреблах. Встречены и подконические нуклеусы от пластин, с неподработанными прямыми площадками. Есть и мелкие клиновидные одноплощадочные ядрища от пластин.

Скребки в большинстве изготовлены из отщепов. Интересно, что часть их из XVI горизонта — из аргиллита, как и в Верхоленской Горе. По формам эти орудия делятся на концевые (в том числе скошенные, двойные и с «ушками») и подокруглые. Ретушь преобладает крутая, среднефасеточная, иногда встречается мелкофасеточная. Скребла изготовлялись на отщепах, имеют выпуклые лезвия. Резцы по преимуществу на пластинах, поперечные. Резцовые сколы довольно длинные и широкие. Характерны ножи на отщепах, иногда с двусторонней обработкой лезвия.

В одном из кострищ XVI горизонта обнаружен листовидный наконечник стрелы или дротика с двусторонней обработкой с усеченным основанием. В том же горизонте найдены три бифаса. Один из кремня, обработан продолговатыми сколами по всей поверхности. Другой из кварцита, напоминает ножи типа «улу» с приостренным обушком. Несет такую же обработку, только на части спинки сохранилась желвачная корка. Третий имеет подтреугольную

Карта 13. Мезолитические памятники Прибайкалья и Забайкалья

1—9 — Сосновый Бор, Усть-Белая, Бадай I, Перешеек, Черемушник I, Мальта, Мальтинка, Камень, Каменоломня; *10, 11* — Уляха, Ленковка; *12* — Мельхитуй; *13—15* — Каменка I—III; *16* — Стрижовая Гора; *17* — Казачка; *18* — Берлога; *19, 20* — Улан-Хада, Сарма; *21* — Рогатка; *22—25* — Курла I—IV; *26* — Лударь; *27—29* — Верхоленская Гора I, II, Лисиха; *30* — Царь-Девица; *31* — Ошурково; *32* — Куналей; *33* — Усть-Кяхта; *34* — Студеное; *35—41* — Шишкино II, Макарово I и II, Кистенево I—V; *42, 43* — Частые, Усть-Грязная; *44* — Хиньская; *45* — Рытвинка; *I* — памятники верхоленского типа; *II* — памятники бадайского типа; *III* — канские памятники; *IV* — памятники байкальского мезолита; *V* — погребения мезолитического времени

форму. Спинка его обработана тщательно, а обработка брюшка только намечена несколькими сколами. Там же обнаружен очень массивный остроконечник на пластине, бывший, может быть, комбинированным орудием — сверлом-ножом. Кроме указанных орудий, в коллекции есть еще чопперы, отбойники, ретушеры. Следует отметить комбинированные орудия — резцы-ножи.

Среди костяных орудий нужно в первую очередь упомянуть зуб остроги из трубчатой кости. Он найден в XV горизонте, в кострище. Изделие имеет овальное (у острия округлое) сечение, плавно изогнуто. Насад с одной стороны вертикально срезан, а с другой имеет выступ для привязывания к древку. Второе обращающее на себя внимание изделие — «колотушка» из рога благородного оленя. Она напоминает топоры типа Лингби. Кроме того, найдены два шила, две сломанные иглы и пест из рога благородного оленя. В составе фауны — остатки косули и рыб.

К среднему мезолитическому этапу относятся XIII—XII культурные горизонты. Они вскрыты на площади 900 кв. м. Очень своеобразно расположение культурных остатков. В прибрежной полосе они скапливаются в основном около кострищ. Всего в указанных горизонтах обнаружено в прибрежной полосе 46 кострищ различных размеров и форм. В глубине террасы культурные горизонты сливаются

и образуют единый «объединенный» горизонт. Находки распространены здесь более равномерно, хотя и тут они привязывались к участкам около ложбин — остатков пойменных озер (?). Здесь обнаружено всего четыре кострища. Одно из них имело обкладку из плит известняка. Остальные маленькие, размытые. Встречено пять хозяйственных ям. Они округлые в плане, с диаметром около 2 м. В заполнении — кремневые изделия вместе с костями животных, капролитами собаки. Часты находки в ямах черепов косули с большим круглым отверстием сбоку. Кроме указанных общих черт, есть и индивидуальные находки в ямах: в яме 1 — кусок обрубленного рога благородного оленя, два нуклеуса, квадратный обрезанный кусочек перламутра, отщепы, пластины, в яме 2 — тесло, скребок, резец, обломок костяного вкладышевого орудия, отщепы, пластины, скелет щенка, лежащий в анатомическом порядке, но со свернутыми шейными позвонками, в яме 4 — два кремневых ножа.

Очень интересны ямы 3 и 5. В центре первой из них хаотически разбросаны отщепы, пластины, кости косули, рыб, капролиты собаки, мелкие древесные угли, мелкая галька, кусочки охры и графита. Однако у стенок характер находок меняется. В южной части обнаружены семь отщепов, плитки известняка и сильно разложившаяся кость, в восточной части — трп кости крупной птицы, мелкие отщепы, пластинка, немного разбитых костей, в западной части — череп косули с отверстием сбоку, два фрагмента челюсти косули, три позвонка рыбы, кусок известняка, несколько отщепов, осколок нефрита, обломки костей. Скопление находок у северной стенки заслуживает названия специального «клада». В самой нижней части скопления лежали шесть костей крупной птицы с насечками. На них были роговое лощило и заготовка. Ближе к стене найдено тесло из нефрита. К западу от него находилась расколотая надвое песчаниковая плита, на ней — скребло из кремневого отщепа, четыре отщепа, нож на пластине, несколько выше и ближе к стенке — отщепы нефрита и костяное острие, под ними — отщепы и осколок нефрита со следами пиления, шлифованная пластинка сланца, нож на пластине, расколотые метаподии косули, массивная костяная игла, ретушер, костяное острие. Под шлифованной пластинкой сланца лежали три правые нижние челюсти бобра, три кости крупной птицы, на них — вкладышевый костяной нож с пазом и рукояткой в виде лопатки. В этом скоплении были найдены также призматический нуклеус, кремневое острие на пластине и когти хищной птицы. Все эти вещи залегали на площади 0,5 кв. м.

В восточной части ямы 5, размеры которой близки предыдущей, был обнаружен скелет взрослой собаки. Она была положена на животе, вытянуто, при ориентировке северо-восток — юго-запад. Голова слегка повернута направо и положена на лапы. На шее животного были обнаружены восемь подвесок из зубов благородного оленя, расположенных по четыре слева и справа, которые были, видимо, нашиты на ошейник собаки. С запада она была обложена обломками крупных костей быка и рогами быка и косули. Это явное погребение, возможно, оставалось почти незасыпанным, поскольку указанные кости, вероятно, долгое время оставались на поверхности и только впоследствии их «засыпали» обычным мусором из отходов производства и испорченных орудий.

В составе коллекции около 300 нуклеусов. По типам они подразделяются на клиновидные одноплощадочные с торцевым скалыванием пластин, с прямыми неподработанными площадками и призматические одноплощадочные от пластин, с односторонним или круговым скалыванием, с прямыми неподработанными площадками. Скребки этого этапа, изготовленные на пластинах и отщепах, делятся на концевые (в том числе двойные, скошенные и с «ушками») и подокруглые. В комплексах этапа преобладают поперечные резцы, однако встречены и орудия, лезвия которых формуются на углу заготовки поперечным и угловым продольным сколами, а также угловые резцы. Надо отметить, что резцовые сколы становятся довольно узкими.

Микролитическая группа представлена тремя разновидностями вкладышей. Это простые формы с ретушью по одному краю (чаще на брюшке), вкладыши с ретушированным краем и одним концом (часто с противолежащей ретушью) и орудия с двумя ретушированными краями и затупленным концом. Ножи, изготавливавшиеся на пластинах и отщепах, делятся на две основные разновидности: с заостренным концом и с двумя ретушированными на спинке выпуклыми краями и с одним выпукло ретушированным краем.

Орудия на гальках не очень разнообразны. Среди них четыре чопперовидных инструмента, подпрямоугольные тесла с оббитыми краями и лезвием (иногда с полуперехватом), иногда с подшлифованным лезвием (как у упомянутого тесла из нефрита из ямы 3). Следует отметить группу долотовидных или тесловидных орудий с подтеской, среди которых нужно выделить одно орудие с намеченным желобком.

Разнообразны по характеру обработки и скребла. Есть орудия, имеющие выпуклое рабочее лезвие, напоминающее ножи типа «улу», есть скребла конвергентные с одним прямым, другим вогнутым лезвием, или с двумя прямыми лезвиями. Изготавливались они на отщепах или кусках камня. Сверла, как правило, симметричные, тоже довольно разнохарактерные. Среди них есть миниатюрные без выделенных рабочих частей на пластинах, предназначенные, видимо, для изготовления бус из раковин. Есть и более массивные экземпляры на пластинах и плитках аргиллита. Одно из последних четырехугольное в сечении, имеет обработку по всем четырем граням плитки. Другие ретушированные или по рабочей части (по двум краям), или по всему периметру, причем ретушь порой двусторонняя.

Наконечники стрел представлены тремя экземплярами. Для двух из них заготовками послужили отщепы. Наконечники имеют овальную форму с усеченным основанием. Острие обработано с двух сторон плоской ретушью, края на спинке и частично на брюшке подправлены полукрутой, более мелкофасеточной ретушью. Третий наконечник, по-видимому, тоже на отщепе, имеет треугольную форму, обработан тщательной ретушью с двух сторон. В комплексах каменных орудий следует отметить еще ретушеры и комбинированные орудия — резцы-ножи, скребки-скобели.

В этой пачке культурных горизонтов найдено значительное количество орудий из кости и рога. Среди них два зуба острог. Один из них найден в III горизонте, около кострища. Он изготовлен из отростка рога благородного оленя, имеет серповидную форму с плоским насадом для бокового крепления. Второй найден в XII горизонте. Это небольшое, слегка изогнутое острие, круглое в сечении, с косо срезанным на конце, плоско-выпуклым в сечении насадом, на котором нанесены насечки для крепления. Оно, вероятно, тоже было боковым зубом остроги.

Найдено два целых и шесть обломков наконечников гарпунов. Один из целых имел два зубца с одной стороны и цапфы для привязывания на линзовидном в сечении насаде, другой — по одному асимметрично расположенному зубцу с каждой стороны и выступы на плоском насаде. В обломках представлены обе разновидности с тем только отличием, что среди них есть гарпуны с двумя рядами близко посаженных зубцов.

Рыболовные крючки найдены в количестве 6 экземпляров (в XIII, III и объединенном горизонтах). Все они целые, одинакового типа, с головкой на верхнем конце, иногда сопровождающейся зарубками для привязывания. Найдена «колотушка» из рога благородного оленя (в объединенном горизонте).

Все перечисленные орудия относятся к рыболовческому способу добычи пищи. К охотничьему вооружению принадлежат обломки вкладышевых наконечников дротиков или копий. Сюда же следует отнести остатки вкладышевых ножей и кинжала. Особо следует отметить среди них вкладышевый кинжал с лопатковидным окончанием. Возможно, часть ножей служили разделочными. Были найдены и плоские острия из рога или трубчатых костей, служившие наконечниками рогатин. В комплексе указанных слоев найдены и другие орудия из кости и рога. Это, например, своеобразное орудие из рога лося с округлым отверстием, заостренным противоположным концом и плоским обушком. Найдено долото или клин. Есть обломки шильев с изогнутым острием и плоским насадом, снабженным насечками для крепления. Обнаружены лощила и иглы (из костей птиц). Следует отметить и копательный инструмент из лопатки оленя.

Большой серией представлены украшения. Это в первую очередь подвески из агальматолита (свыше 60 экз.). Изготовлены они или из целых галечек, или из кусков дробленого или пиленого камня. Все отверстия, расположенные чаще всего у одного из концов заготовки, получены с помощью бикопического сверления. Формы подвесок самые различные. Встречаются эллипсовидные, грушевидные, в форме зуба марала или клыка хищника, есть и круглые и плоские. Многочисленны бусы из обломков раковин Anadonta. Они, как правило, округлой формы. Размер их различен. Самая маленькая бусина в диаметре 2,5 мм, ее отверстие имеет диаметр 1 мм. Украшения из кости представлены круглой бляшкой с насечками по всей окружности и плоскими подвесками из тонких пластин. Из сланца изготовлена одна плоская подвеска, найденная в кострище VII горизонта. Очень интересен обломок, видимо, длинной бляшки, сделанной из тонкой плитки известняка с мелкими насечками по краю и серией отверстий различного диаметра (их сохранилось семь). Сверление на этом предмете одностороннее. Велось оно с двух плоскостей.

Финальный этап мезолита на стоянке Усть-Белая представлен первым мезолитическим горизонтом. Здесь найдены всего два кострища. Фауна представлена костями косули, лося, благородного оленя, рыб. В составе коллекции каменных изделий, состоящей из 2139 предметов, 69 нуклеусов. Среди них преобладают уже образцы, свидетельствующие о высоком развитии техники отделения пластин. Это клиновидные, призматические, «карандашевидные» одноплощадочные ядрища с односторонним или круговым скалыванием, двухплощадочные призматические нуклеусы с круговым скалыванием. У этих изделий площадки в большинстве прямые неподработанные. Встречены и грубые подпризматические нуклеусы с односторонним скалыванием. В комплексе найдены скребки концевые и подокруглые, резцы, среди которых заметно появление новых форм. Здесь преобладают уже срединные резцы, хотя встречаются и поперечные, и угловые. Появляются первые полиэдрические резцы-«дрили». Распространена только одна форма вкладышей — с одним ретушированным (чаще на брюшке) краем. Найдены обломки наконечников стрел. Один из них напоминает наконечники, найденные в погребениях падей Хиньской и Частой. Он изготовлен на пластине, имеет заостренное плоской ретушью с двух сторон перо. Мелкой ретушью обработан один край на брюшке целиком, другой частично. Черешок отломан. Второй наконечник представлен обломком черешка. Он покрыт двусторонней плоской ретушью. Наконечник был, по-видимому, листовидной формы.

В коллекции представлены ножи на пластинах, аналогичные ножам из более ранних слоев, проколки симметричные на пластинах, с выделенным или невыделенным «жальцем» с ретушью по двум краям, иногда двусторонней. Найдены тесла с перехватом и кайловидный инструмент вытянуто-овальной формы с ромбовидным сечением, грубо оббитый с двух сторон. Следует отметить обломки шлифованных орудий из сланца. Кроме того, в материале ретушер из сланца и подвески из агальматолита.

К тому же варианту относятся стоянки Уляха (в том же районе), давшая три мезолитических культурных горизонта (табл. 107), Бадай I (Усольский р-н Иркутской обл.), Перешеек (там же) (табл. 107), Черемушник I, Ленковка (табл. 107), Пономарево, Олонки, верхнее пятно находок в Мальте, Мальтинка, Камень (Шамотный завод), Каменоломня, Каменка I—III (табл. 106) (карта 13).

Ко второму комплексу памятников мезолита Приангарья — «верхоленскому» — относится в первую очередь стоянка Верхоленская Гора I. Находится в Иркутске, располагается на 70-метровой террасе правого берега Ангары, но на высоте 23—28 м над уровнем реки. Первые находки каменных орудий стали известны здесь в начале XIX в. В 1883 г. стоянку посетили М. П. Овчинников и А. С. Еленев и произвели сбор подъемного материала. В 1919—1928 гг. раскопки стоянки производил Б. Э. Петри. В 1959 г. исследование возобновил Г. И. Медведев. В 1963—1968 гг. работы были продолжены под руководством М. П. Аксенова и Г. И. Медведева, а в

1977 г. небольшое исследование памятника произвел В. А. Лынша. Общая величина раскопанной площади 225 кв. м. III (нижний) горизонт памятника датирован геологически и по радиокарбону (12570± ±180 лет назад; Мо-441) XI тысячелетием до н. э.; II культурный горизонт — IX тысячелетием до н. э. I культурный горизонт — VII тысячелетие до н. э. (две последние даты чисто геологические). В фауне III горизонта определены: благородный олень, дикая лошадь, бизон, косуля, грызуны, сиг, осетр, щука, окунь, птицы. В фауне II горизонта — благородный олень, косуля, лось, кабарга, медведь, зубр, сиг, осетр, таймень, птицы.

В III горизонте обнаружены два очага в виде ям, обложенных по дну и стенкам плитками песчаника и заполненных золой и угольками. Вокруг очагов расчищены скопления орудий, отходов их производства, остатков фауны. Были найдены и кострища.

Коллекция каменных изделий (табл. 111) из III горизонта по раскопкам 60-х годов не очень велика (379 предметов). Нуклеусы (3 экз.) найдены только клиновидные от пластин, со слегка скошенными неподработанными площадками. Один из них автор раскопок М. П. Аксенов относит к разновидности гобийских. Все девять скребков на отщепах и относятся к типу концевых (в том числе скошенных). Найдено семь скребел. Они изготовлялись из плиток аргиллита и отщепов аргиллита и кварца. Большинство имеет выпуклые рабочие лезвия. Одно из этих орудий имеет два выпуклых лезвия, сформированных противолежащей ретушью. Все найденные резцы, изготовленные на пластинах и отщепах, относятся к типу поперечных. Как правило, боковые края заготовок покрыты ретушью. Ножи — наиболее многочисленная серия орудий III горизонта. Их найдено 24. Характерна группа ножей с двусторонней обработкой, которые М. П. Аксенов называет ножами типа «улу» (Аксенов, 1980). Их поверхности обработаны грубыми сколами, лезвия выпуклые. Они изготовлялись из плиток аргиллита или отщепов из этого же минерала. Другие типы ножей делались из плиток, пластин или отщепов, имеют прямое или слегка выпуклое лезвие, сформованное плоской ретушью. Порой спинка орудия затупливалась. Значительную серию составляют чопперовидные орудия (7 экз.). Найдено долотовидное орудие типа pièce écaillée из крупного отщепа. Кроме того, есть заготовки различных орудий.

Интересен инвентарь из кости и рога. Найденные гарпуны (табл. 112) относятся к нескольким типам или подтипам. Один из них представлен гарпуном с двумя рядами асимметрично расположенных зубцов, плоским насадом с двумя выступами для привязывания и нарезками для лучшего закрепления линя. Разновидности такого же типа гарпуна имеют один выступ на насаде. Второй тип своеобразен. Один ряд зубцов у него направлен вниз, к насаду, а другой — в противоположном направлении. Характер насада неясен (обломан). Найден обломок наконечника стрелы или дротика с двумя пазами для вкладышей. Интересна находка обломка острия с мелкой неровной прорезью по краю, которая вряд ли могла служить пазом для вкладышей. Характерна группа изделий из расчлененных надвое лопаток оленя, которые, возможно, служили землекопательными орудиями. Найдена «колотушка» из рога благородного оленя. Рядом с ней лежал, по-видимому, отжимник из рога благородного оленя. Он представлял собой длинный изогнутый стержень с обрезанными концами, на которых сохранились следы работы. Другой отжимник изготовлен тоже из рога благородного оленя. Из рога благородного оленя сделано еще одно острие. Оно изогнутое, плоско-овальное, в сечении насад покрыт насечками. По ребру на насаде и середине тоже идут насечки: по-видимому, это орнамент. На обломке вкладышевого наконечника с двумя пазами тоже есть орнамент в виде нарезок. Обнаружен обломок шила из бивня мамонта, который, по мнению М. П. Аксенова, был найден обитателями Верхоленской Горы в ископаемом состоянии.

Интересна находка скорлупы страусового яйца. Кроме того, в коллекции из этого горизонта есть два отбойника из галек и кусочков графита.

В горизонте II часть предметов (табл. 108, 109) залегает in situ, а часть смешана, видимо, со слоем I и выделена М. П. Аксеновым в слой IIа. В этих слоях (II и IIа) вместе найдена 5331 находка.

Нуклеусы II горизонта делятся на клиновидные с торцевым скалыванием пластин, в значительной степени аналогичные нуклеусам из III горизонта (в качестве сырья служили аргиллит и лидит), одноплощадочные подпризматические от пластин, с круговым скалыванием, с прямыми неподработанными площадками, и подконические одноплощадочные от пластин, с круговым скалыванием, со слегка скошенными неподработанными площадками. Скребки этого горизонта изготовлялись из отщепов кремня и аргиллита. По типам подразделяются на концевые (в том числе скошенные), подокруглые и боковые. Рабочие лезвия сформованы крутой среднефасеточной ретушью. Скребла (3 экз.) изготовлены из аргиллитовой плитки и отщепов аргиллита и кварцита. Два из них имеют выпуклые рабочие лезвия, обработанные крупнофасеточной и подправленные мелкой крутой ретушью, третье имеет два лезвия: одно из них выпуклое, обработано так же, другое обработано противолежащей ретушью. Резцов найдено 15 на отщепах. Преобладают поперечные. Характерно, что у некоторых орудий этой группы только один боковой край подправлен ретушью. Кроме поперечных, найдены и другие формы: это резцы, у которых лезвие образовано поперечным и угловым сколами, и простые угловые. Как правило, сколы короткие и неширокие. Значительной серией представлены ножи. Это и орудия типа «улу», аналогичные находкам из III горизонта, ножи сегментовидной формы на отщепах с полностью обработанной спинкой, ножи-острия на плитках с ретушированными краями (выпуклый заострен, вогнутый затуплен), ножи на плитках и отщепах с двусторонней или односторонней плоской ретушью на выпуклом крае. Одно такое орудие скомбинировано со скобелем. Встречены чопперы, ничем не отличающиеся от аналогичных орудий III горизонта. Найдено тесловидное орудие из плитки аргиллита с овальным лезвием, сформованным крупнофасеточной ретушью. Встречены обломки двусторонне обработанных наконечников (?). Есть гальки-отбойники.

В коллекции — серия орудий из рога благородного оленя. Это гарпуны с двумя рядами асимметрич-

но расположенных зубцов и лопатообразным плоским насадом. Кроме них, есть обломки наконечников стрел или дротиков с пазами для вкладышей. Найдены и обломки копательных орудий из лопаток крупных млекопитающих. Обнаружены еще обломки рогов со следами обработки и распиленные трубчатые кости птиц.

Украшения, найденные в этом слое,— подвески из агальматолита. Все они имеют просверленные у одного из торцов отверстия. По форме подвески делятся на подпирамидальные и округлые.

М. П. Аксенов выделяет на памятнике горизонты IIIа и IIа. Находки из горизонта IIIа рассмотрены вместе с горизонтом III. Горизонт IIа представляет собой участок, где перемешаны находки из горизонтов III и II (табл. 110). Они мало отличаются от описанных выше. Найдены те же формы нуклеусов: клиновидные, подпризматические и подконические. Скребки концевые, подокруглые и боковые на отщепах и плитках. Ножи изготавливались из отщепов, пластин, плиток. По типам они делятся на «улу», ножи с прямым ретушированным краем. Встречены двусторонние формы в виде лавролистных наконечников. Их функциональное назначение неясно. Есть обломки тесел и долотовидные орудия типа pièce écaillée. В каменном инвентаре следует отметить гальки — отбойники, отжимники и ретушеры.

Из кости и рога изготавливались гарпуны уже указанного типа — двусторонние с ассиметрично расположенными зубцами, «колотушка», стержень (отжимник?), обрезанная лопатка крупного млекопитающего, обломок вкладышевого орудия с пазом. Обнаружен «игольник» из птичьей кости с нарезками.

Из украшений следует отметить подвески из агальматолита, аналогичные найденным во II горизонте.

Горизонт I сильно разрушен вспашкой и эрозионными процессами. Инвентарь здесь изготавливался из аргиллита, кремня, лидита, халцедона, мергеля и окремнелых пород. Нуклеусы весьма разнообразны. Самая многочисленная форма — клиновидные. Встречены подконические, в том числе «карандашевидные», с круговым или односторонним скалыванием. Все эти ядрища, как правило, одноплощадочные, от пластин в большинстве с прямыми неподработанными площадками. Встречены, однако, и двухплощадочные подпризматические нуклеусы того же характера. Есть и аморфные от отщепов. Характерно наличие так называемых «нуклеусов-дрилей».

Скребки изготавливались на пластинах и отщепах. По типам они делятся на концевые (в том числе скошенные и двойные) и подокруглые. Следует отметить комбинации скребков с ножами. Найдены скребла на отщепах и плитках с волнистым рабочим лезвием. Резцы — на отщепах, пластинах, плитках. Преобладают поперечные, в том числе без краевой ретуши, и двойные; угловые и срединные представлены в меньшем количестве. Ножи мало отличаются от ножей нижних горизонтов, появляются только новые формы — ножи на правильных пластинах с прямым или слегка выпуклым лезвием. Есть вкладыши на пластинах, ретушированные по краю на спинке. Найдены обломки наконечников стрел на пластинах со сплошной ретушью на спинке. Встречены наконечники стрел с двусторонней обработкой подтреугольной формы. Обнаружены острия со сходящимися ретушированными краями на пластинках, которые, вероятно, могли быть проколками. Есть в коллекции и чопперовидные орудия.

По-видимому, из сланца изготовлен стерженек составного рыболовного крючка. Есть плитки того же материала с пришлифованными краями.

Украшения, найденные в этом горизонте, частично похожи на украшения II горизонта. Однако есть и новые формы. Это прежде всего подвеска из плитки сланца. Отверстие здесь тоже расположено у одного из концов, но просверлено оно с одной стороны в отличие от биконического сверления в предыдущем горизонте. Интересной находкой является плитка аргиллита с прочерченным на ней узором в виде сетки.

Верхоленской Горе аналогичны стоянки Верхоленская Гора II (Лежненко, 1980), Лисиха в Иркутске (Свинин, 1980), Царь-Девица недалеко от Иркутска (Георгиевский, Медведев, 1980).

В последнее время иркутскими археологами выделяется еще один мезолитический комплекс — канский. Одной из наиболее его ярких стоянок является Стрижова Гора. Она расположена на правом берегу р. Кан, в 5 км выше г. Канска, на третьей надпойме. Открыта в 1959 г. Г. А. Максименковым, в 1972—1976 гг. исследовалась под руководством Г. И. Медведева. Памятник многослойный. К мезолиту относятся 3—17 культурные горизонты. Горизонт 3 лежит в погребенной почве, горизонт 4 — под ним в слое серо-желтого плотного песка, горизонты 5—7 — в пачке прослоек погребенного гумуса, разделенных прослойкой серого песка. Горизонты 8—13 — в слое серовато-желтой плотной оглеенной супеси. Эта последняя формировалась на рубеже плейстоцена — голоцена, все расположенные выше слои — в голоцене. Исследователи памятника объединяют горизонты 4—7 в один культурный слой, горизонты 8—13 — в другой, 14—17 — в третий.

В горизонтах 14—17 были обнаружены следующие фаунистические остатки: благородный олень, дикая лошадь, северный олень (только в горизонте 16), бобр, лисица (?), птицы, рыба. Пыльцевой анализ дал остатки кустарниковых берез, осоки, полыни. Находки в этих горизонтах залегали так: в горизонте 17 — в виде одного скопления, в горизонте 16 — в виде 10 скоплений, в горизонте 15 были рассеяны по всему раскопу, в горизонте 14 — в виде трех скоплений. В этом же горизонте расчищены два небольших кострища.

В коллекции из этих горизонтов свыше 27 600 находок. Количество нуклеусов 149. Резко преобладают подпризматические одно- и двухплощадочные от пластин и отщепов с прямыми или слегка скошенными неподработанными площадками, с одной плоскостью скалывания. Кроме того, встречены клиновидные нуклеусы от пластин, с такими же площадками. Скребки (65 экз.) изготавливались на отщепах и пластинах, делятся на концевые (в том числе двойные и скошенные) и подокруглые. Скребла (13 экз.)— на отщепах и осколке. Последнее имеет два выпуклых рабочих лезвия, обработанных крутой противолежащей ретушью. Остальные с одним выпуклым лезвием. Резцов шесть: боковые (преобладают), угловые и поперечные. Изготовлялись на отщепах и

пластинах, сколы относительно короткие и широкие. Встречены ножи на пластинах и отщепах с одним ретушированным краем. Есть проколка на отщепе, ее «жальце» выделено противолежащей ретушью в боковой части отщепа. Следует упомянуть отщеп с обработкой конца в стиле pièce écaillée. Своеобразны орудия с бифасиальным характером обработки. Одно из них, вероятно, было наконечником копья, другие — массивные ножи. Одна из этих форм — заготовка небольшого тесла или долота. Среди комбинированных орудий — скребки-ножи, резцы-скребки, ножи-скобели.

Коллекция орудий из кости и рога включает крупный целый рыболовный крючок, двухрядный гарпун с асимметрично расположенными зубцами (по три с каждой стороны) и выступами у насада для прикрепления линя (насад покрыт нарезками), плоский наконечник с пазами для вкладышей с двух сторон и выделенным черешком, обломок такого же наконечника, иглу, шило из пластины рога с асимметрично расположенным жалом, шило из грифельной кости оленя, украшенное орнаментом из косых нарезок и косых крестов, кирку (?) из оленьего рога.

К украшениям следует отнести четыре оленьих резца с кольцевыми надрезками для привязывания и сломанную костяную подвеску с отверстием.

Второй мезолитический слой представлен горизонтами 8—13. В горизонте 13 обнаружены два скопления находок, в горизонте 11 — четыре, в горизонте 9—17 скоплений. В горизонтах 8 и 12 скоплений нет.

Во всех указанных горизонтах суммарно найдено 14 617 каменных изделий. Среди нуклеусов преобладают клиновидные от пластин с прямыми подработанными площадками. Боковые поверхности этих ядрищ часто обработаны сколами по всей поверхности. Встречены подпризматические нуклеусы одноплощадочные от пластин со скошенными неподработанными площадками, с одной плоскостью скалывания. Найден поддисковидный нуклеус от пластин и отщепов. 38 скребков делятся на концевые (в том числе скошенные, двойные), боковые, округлые. Есть скребки-ножи. Рабочие лезвия этих орудий обработаны, как правило, крутой среднефасеточной ретушью. Единственное скребло на отщепе, конвергентное, с одним выпуклым, другим прямым лезвиями, образующими острый угол. Обнаружены два резца на отщепах: один поперечный, другой угловой. Оба имеют ретушированные боковые края. Два ножа, похожие на остроконечники, изготовлены на отщепах, с двумя ретушированными краями. У одного ретушь крупнофасеточная, у другого среднефасеточная. Встречены топоры и тесла овальной формы с двусторонней обработкой, а также их заготовки.

Из кости изготовлены обломок насада вкладышевого наконечника и подвеска из резца оленя с отверстием в корневой части.

Комплекс горизонтов 4—7 тоже относится к фазе развитого мезолита. Скопление находок обнаружено только в горизонте 4. Всего в этом комплексе найдено 8166 каменных предметов. Среди нуклеусов (43 экз.) доминируют одноплощадочные призматические от пластин с односторонним скалыванием, с прямыми или слегка скошенными, практически неподработанными площадками. Кроме того, встречены клиновидные нуклеусы от пластин с прямыми неподработанными площадками и уплощенно призматический двухплощадочный нуклеус от пластин с односторонним скалыванием, со скошенными слегка подработанными площадками. Все 11 скребков изготовлены на отщепах. Они концевые, в том числе скошенные и двойные. Резцов найдено два на отщепах: один поперечный (скомбинирован с ножом). Есть три заготовки тесел на гальках, одна из которых имеет перехват. Кроме того, в коллекции 12 отбойников.

Финальномезолитический комплекс представлен слоем 3. Скоплений инвентаря в нем нет.

Каменных предметов найдено 1550. Из 77 нуклеусов девять относятся к типу призматических односторонних одноплощадочных от пластин с прямыми или скошенными неподработанными площадками, один подконический одноплощадочный от пластин с прямой неподработанной площадкой с полукруговым скалыванием, три подпризматических от пластин с полукруговым скалыванием, с прямой подправленной площадкой, семь нуклеусов одноплощадочных от пластин с прямыми подработанными или без обработки площадками. Остальные — заготовки нуклеусов с одним или двумя негативами сколов. 24 скребка на отщепах, концевые (в том числе скошенные или с ретушированными боковыми краями). Оба найденных резца на пластинах, срединные, один из них скомбинирован с ножом. Оба тесла с перехватом, с расширяющимся лезвием, сформованным сколами или крупнофасеточной ретушью. Также оформлены и боковые края. В комплексе четыре отбойника.

В значительной мере аналогичный инвентарь дала стоянка Казачка в своих мезолитических горизонтах, находящаяся в Канско-Рыбинской котловине, и Усть-Кова I на левом притоке Ангары р. Кове.

Целый ряд мезолитических памятников встречен на берегах оз. Байкал. Среди них интересна стоянка Берлога. Она находится в бухте Берлога, на юго-восточном побережье Киркутского залива Байкала, в 4 км к северо-западу от пос. Сахюртэ (Ольховский р-н Иркутской обл.). Располагается на склоновых отложениях. Открыта П. П. Хороших в начале 20-х годов. Раскапывалась в 1977 г. под руководством О. И. Горюновой (Горюнова, 1982). Общая величина вскрытой площади 80 кв. м.

К мезолиту относятся VI—VIII культурные горизонты. Они разделены стерильными прослойками. Нижний, VIII горизонт залегает в темном, сильно обызвесткованном гумусированном слое мощностью 0,13—0,14 м. Зафиксировано пять размытых кострищ. В коллекции шесть нуклеусов клиновидных от пластин с прямыми, в основном неподправленными площадками. Скребки (8 экз.) изготавливались на отщепах и пластинах, главным образом концевые (в том числе скошенные и с «ушками»), один скребок можно назвать ладьевидным. Два из них скомбинированы с ножами, один со скобелем. Скребловидное (?) орудие на отщепе, выпуклое лезвие сформовано крупнофасеточной ретушью на спинке. Резцы (10 экз.) на отщепах и пластинах, поперечные и угловые. У восьми из них боковые края заготовок покрыты ретушью. Найдены два вкладыша: у одного ретушь по одному краю на спинке, у другого — по

двум краям. Три ножа с прямыми лезвиями изготовлены на пластинах и отщепе. Есть и скобель на отщепе. Проколки (3 экз.) — на пластинах и отщепе, две из них асимметричные без выделенного «жальца», ретушью затронута рабочая часть и конец заготовки, одна симметричная с выделенным «жальцем», ретушь покрывает оба края. Найдены два тесла с перехватом и полуперехватом из галек. У одного из них с перехватом обушок обработан сколами, у обоих лезвие сформовано крупными сколами с двух сторон. Найдено малохарактерное рубящее орудие. Кроме того, в коллекции четыре отбойника.

Костяная индустрия представлена обломком одностороннего гарпуна с косым обратным шипом и широким насадом с закругленным основанием, обломком цельновырезанного рыболовного крючка, обломком острия, двумя обломками неопределимых орудий и девятью фрагментами рога и кости со следами обработки.

VII культурный горизонт дал два очага с обкладкой из камней размерами 0,8×0,7 и 0,6×0,55 м. Кроме того, обнаружено размытое кострище размерами 0,45×0,4 м. Коллекция каменных изделий состоит из 678 экземпляров. Нуклеусов найдено восемь. По типам они делятся на клиновидные с прямыми неподработанными площадками, от пластин и подпризматические одноплощадочные от пластин, двух- и трехсторонние, с неподработанными прямыми площадками. Скребков найдено четыре: три на отщепах, один на пластине, концевые и подокруглый. Один из скребков скомбинирован со скобелем на противоположном скребковому лезвию конце. Резцов 15: 10 угловых на пластинах (три скомбинированы со скобелями, один — с ножом), четыре срединных на пластинах и кусках (два скомбинированы с ножами, два других — полиэдрические), один поперечный на отщепе с краевой ретушью. Большой серией представлены вкладыши — пластинки с ретушью (30 экз.). Характер их обработки очень разнообразен. 11 из них ретушированы по одному краю на брюшке, три — по одному краю на спинке, два — по двум краям на брюшке, пять — с противолежащей ретушью, четыре — по одному краю с двух сторон, три — по двум краям с двух сторон, один — по одному краю с двух сторон, а по другому — на спинке. Встречен вкладыш с затупленным ретушью концом на брюшке. Две проколки различны: одна на отщепе, имеет выделенное противолежащей мелкой ретушью асимметричное «жальце», другая симметричная, без выделенного «жальца», рабочая часть оформлена тонкой ретушью на конце микропластинки. Из сланца изготовлен стерженек составного рыболовного крючка. Верх его заострен, тело покрыто 11 полукольцевыми нарезками поперек и одной продольной.

Из кости изготовлен обломок двухрядного гарпуна с заостренным насадом и овальной выемкой для крепления линя и расположенными ниже нее 14 зарубками (для орнаментации или облегчения привязывания?), обломок орудия с острым концом и обломки рогов и костей со следами обработки.

Находки VI культурного горизонта равномерно распределялись по всей площади раскопа. Среди 302 кремневых изделий пять нуклеусов. Все они подпризматические, односторонние, от пластин с прямыми, порой частично подработанными площадками. Все четыре скребка на отщепах. Два из них концевые, один подокруглый, один концевой, скомбинированный с асимметричной проколкой с выделенным «жальцем» (ретушь на спинке). Резцов два: угловой на пластине (скомбинирован с ножом) и поперечный на отщепе. Девять вкладышей имеют следующий характер обработки: с ретушью на спинке по обоим краям, с ретушью на брюшке по одному краю, с двусторонней ретушью по одному краю, с двусторонней ретушью по двум краям, с ретушью на спинке по одному краю. Есть острие со скошенным концом, обработанным двусторонней ретушью, на пластине, проколка на пластине с невыделенным асимметричным «жальцем», обработанная по двум краям на спинке. Кроме того, в коллекции костяное орудие с одним пазом для вкладышей.

Стоянка Итырхей открыта П. П. Хороших в начале 20-х годов. В 1975 г. ее исследование проведено под руководством О. И. Горюновой (Горюнова, 1978). Величина раскопанной площади 50 кв. м. Памятник находится в бухте Итырхей, на юго-восточном побережье залива Куркут оз. Байкал (западный берег пролива Ольхонские Ворота), в 3 км к северо-западу от пос. Сатюрн. Располагается на склоновой части бухты. К мезолиту относятся VII—IX культурные горизонты.

IX горизонт залегает в нижней части плотного гумусированного слоя темно-бурого цвета (глубина до 2 м). Находки располагались скоплениями вокруг очагов. Очаг I был выложен из плит известняка и кусков гнейса. Он овальный, размерами 1×0,8 м. В 0,1—0,15 м к югу от него скопление кремневых изделий. Очаг 2 выложен из плит гнейса, он округлый, диаметром 0,4 м. Очаг 3 в виде полукольца, размерами 1×0,58 м. Кроме того, обнаружены два открытых кострища: округлое, диаметром 0,4 м, и овальное, размерами 0,9×0,52 м.

В коллекции каменных изделий пять нуклеусов: псевдоклиновидный, конический с полузамкнутым фронтом скалывания, два призматических одноплощадочных с полузамкнутым фронтом скалывания и призматический одноплощадочный с односторонним скалыванием. Все нуклеусы — от пластин. Найдено пять скребков (один из них скомбинирован со скобелем), концевых (в том числе скошенных) на отщепах. Четыре угловых резца на пластинах (в том числе один двойной). Есть три вкладыша: у двух ретушь идет по одному краю на брюшке, у одного — по двум краям тоже на брюшке. В коллекции семь пластин с ретушью (ножей?): у трех на спинке по одному краю, у трех такая же на брюшке, у одной — противолежащая. Кроме того, найдено два обломка рога с надрезами вдоль.

VIII культурный горизонт находился в темной гумусированной супеси. В нем обнаружены два очага размерами 0,5×0,45 м. Находки распределялись равномерно по площади раскопа.

Среди каменных изделий три подпризматических одноплощадочных нуклеуса от пластин, со скошенными неподработанными площадками, с полузамкнутым фронтом скалывания. Оба найденных резца на пластинах, один угловой, другой полиэдрический с боковой ретушью. Оба скребка — концевые на отщепах. Три из пяти найденных вкладышей имеют

ретушь по одному краю на брюшке, один — по двум краям, один — противолежащую. Есть два тесла из галек и заготовка такого же орудия, два отбойника. Из пяти ножей на пластинах три имеют ретушь по одному краю на спинке, один на брюшке, один по двум краям на брюшке.

Кроме того, в коллекции четыре обломка костяных обойм для вкладышей, четыре обломка рога со следами обработки и пять костей с надрезами.

VII культурный горизонт залегал в гумусированной супеси темного цвета. Между VIII и VII горизонтами была стерильная прослойка песка. Находки в слое распределялись равномерно по всей площади раскопа. Найден очаг из камней в виде полукольца размерами 0,7×0,5 м.

В коллекции четыре нуклеуса подпризматических одноплощадочных от пластин с прямыми неподработанными площадками, двусторонние и такой же двухплощадочный с круговым скалыванием, а также два обломка нуклеусов. Есть скребло (?) из куска кварцита с выпуклым лезвием, восемь вкладышей (у трех ретушь по двум краям на спинке, у трех — по двум краям на брюшке, у двух — по одному краю на спинке), проколка на отщепе асимметричная, с выделенным краевой ретушью «жальцем».

Из кости изготовлены две обоймы для вкладышей с двумя пазами и одна с одним пазом, лощило. Кроме того, обнаружена фаланга млекопитающего со срезанной поверхностью, девять фрагментов трубчатых костей со следами обработки.

Кроме того, на Байкале известны стоянки Курла I—V (Шмыгун, Ендрихинский, 1978), Кодовой, Лударская I (Хлобыстин, 1965), Улан-Хада (XI горизонт) (Хлобыстин, 1965), Сарма.

Мезолитические материалы дал ряд памятников в бассейне Верхней Лены. Стоянка Шишкино II расположена на второй надпойме правого берега Лены. Открыта в 1971 г. М. П. Аксеновым (Аксенов, Шмыгун, 1974). Раскопано в 1973 г. 67 кв. м. Мезолитические остатки найдены в слоях II и III (соответственно в современной подпочве и в редуцированной погребенной почве).

В слое III (нижнем) обнаружены остатки наземного округлого в плане жилища. В нем был маломощный очаг с каменной обкладкой. Инвентарь слоя очень беден — боковой скребок на отщепе и нож на пластине с ретушью по краю на спинке. В слое найдены кости рыб и неопределимые кости млекопитающих.

В слое II обнаружен очаг округлой формы в виде ямы диаметром 1,3 м и глубиной до 0,4 м. Очаг был обложен плитками песчаника. В слое найдены два одноплощадочных подпризматических нуклеуса от пластин, с прямыми подработанными площадками, с односторонним скалыванием. Встречено 10 скребков: концевые (в том числе скошенные и с «ушками») и боковые. Изготавливались на пластинах и отщепах. Найден поперечный резец на пластине с ретушированными краями. В составе коллекции четыре ножа на отщепах. Один из них обработан плоской ретушью с двух сторон и напоминает ножи типа «улу». Остальные имеют разный характер обработки. Кроме того, есть отбойник из гальки. Найдено костяное шило. Фауна слоя: косуля, суслик, птицы.

Стоянка Макарово II открыта в 1967 г. С. М. Цейтлиным, в 1968, 1969 и 1971 гг. исследовалась М. П. Аксеновым (Аксенов, 1974). Стоянка расположена на останце 14—15-метровой террасы р. Лены. II мезолитический слой памятника залегает в погребенной раннеголоценовой почве, заключенной в лессовидной супеси. При раскопках найдены остатки костей дикой лошади, первобытного быка, благородного оленя, бизона или быка, речного окуня. В слое обнаружены два кострища, расположенные в 6 м друг от друга, округлой формы, диаметром 2,5—3 м. Основное количество находок — в них и вокруг них, в пределах круга диаметром 5,5 м. Это, вероятно, остатки округлого жилища типа чума.

В коллекции каменных изделий выделяются три типа нуклеусов: клиновидные одноплощадочные с торцевым скалыванием пластин, с прямыми неподработанными площадками, подпризматические односторонние одноплощадочные от пластин и отщепов, со скошенными неподправленными площадками и призматические одноплощадочные от пластин с двусторонним скалыванием, со скошенными неподработанными площадками. Скребки (12 экз.) изготавливались на пластинах и отщепах, концевые, в том числе скошенные. Резцов найдено 10, они на отщепах и пластинах. Все они поперечные. Только у одного из них края не обработаны, у остальных ретушированы на спинке. Найдены два обломка одного листовидного наконечника с двусторонней обработкой плоской ретушью. Есть обломок острия со сходящимися ретушированными краями. Ножи — на отщепах и пластинах, имеют прямые или слегка выпуклые ретушированные края. Кроме того, в коллекции четыре чопперовидных орудия, а также галька с выколотыми концами, возможно служившая грузилом для сетей.

Найдены два фрагмента костяных изделий: обломок иглы и плоский фрагмент кости с косыми насечками.

Мезолитические материалы найдены на стоянках Кистенево I—V.

К мезолиту, по мнению Г. И. Медведева, относятся несколько одиночных погребений, найденных в Приангарье. Одним из них является погребение в пади Частые. Оно оказалось разрушенным. Могильная яма и костяк были ориентированы на северо-северо-запад и сверху прикрыты каменной кладкой. Остатки могильной ямы позволяют сказать, что она была овальных очертаний, была заполнена гумусом с включением древесных угольков. В составе могильного инвентаря — два длинных шлифованных стержневидных острия из шиферного сланца, шестигранных в сечении. Три наконечника стрел (?) на пластинках, есть ножевидные пластины. Все кремневые наконечники имели разный характер обработки: один из них имел плоскую ретушь на острие пера (на брюшке) и боковую выемку у основания, сформованную полукрутой ретушью на брюшке, другой имел аналогичную обработку острия пера и частичную ретушь по одному из краев на брюшке, третий, кроме аналогичной обработки острия пера, имел еще скошенный ретушью на спинке конец.

Погребение в пади Хиньская (правый берег Ангары) сохранилось несколько хуже. Могила тоже была перекрыта каменной кладкой. Костяк лежал на спине, головой на северо-северо-восток, в вытянутом

положении, левая рука была вытянута вдоль тела, а кисть правой руки, слегка согнутой в локте, покоилась на тазовой кости (Окладников, 1950). В составе инвентаря могилы были два наконечника стрел или дротиков с двусторонней обработкой, слегка намеченным черешком, которые А. П. Окладников сравнивает с аналогичными вещами из Верхоленской Горы, три наконечника стрел, аналогичные по характеру обработки наконечникам из предыдущего погребения, восемь ножевидных пластин, плоское острие из шиферного сланца, по форме напоминающее кремневые наконечники стрел на пластинах, костяной наконечник стрелы (?) с обломанным черешком и резец бобра.

Погребение в пади Усть-Грязная (правый берег Ангары) открыто в 1963 г. Могильная яма имела длину 1 м, овальную форму, гумусное заполнение с древесными угольками, была перекрыта плитами известняка. Костяк не сохранился, найдено только несколько фрагментов черепа и мелких костей. Ориентирована яма с севера на юг. В составе инвентаря костяная обойма ножа с пазом для вкладышей, вкладыш из пластинки (прямоугольник), пластина с мелкой ретушью (нож?), пластинка, заготовка орудия из плитки шиферного сланца, отщепы кварцита, кремня и окаменелой породы, фрагменты челюстей тайменя.

Еще одно мезолитическое погребение — Рытвинка I — находится на правом берегу р. Лены, в 6 км к западу от Качуга Иркутской обл., у пос. Нефтебаза. Открыто М. П. Аксеновым в 1979 г. (Аксенов, 1982). Располагается на высоте более 25 м над уровнем Лены. Могильная яма сверху покрыта кладкой из плиток песчаника. Глубина ее 0,35 м. Форма неправильная. Размеры 2,3×0,95 м. Заполнение ямы сверху состоит из бурой гумусированной супеси, ниже — из многоцветной супеси с дресвой.

Погребение парное — женщины с ребенком. Череп женщины не обнаружен в могиле. Вероятный возраст погребенного ребенка — 10—12 месяцев. Женский костяк лежит на левом боку, детский — на правом. Взрослое погребение скорченное. При захоронении женщина, по-видимому, обнимала ребенка руками. Дно ямы под детским костяком засыпано мелкими кусочками красной охры вперемежку с кусочками красного песчаника. Под женским костяком — только кусочки песчаника. Ориентировка погребений — головой на север.

Инвентарь погребения: в области крестцовых позвонков взрослого скелета лежали пластинка с частичной двусторонней ретушью и два фрагмента пластинок с ретушью (вкладыши?). В левой половине грудной клетки ребенка найден наконечник стрелы на пластине с боковой выемкой, аналогичный найденным в погребениях в падях Хиньская и Частые, и костяной плоский наконечник, тоже похожий на находки в указанных погребениях.

Кроме описанных стоянок, в регионе есть еще группа памятников, материал которых в значительной степени повторяет комплекс находок указанных стоянок. В Северном Приангарье это стоянки Чадобец, Симахинский, Порог, Игирма, Бубновский Порог, Гремячий Ручей, в Канском р-не — поселение Овражное, в Южно-Ангарском р-не — стоянки Кулаково I, Суховская, Ашун, Горелый Лес, Нижний Булай.

При анализе материалов мезолитических памятников разных районов этого огромного региона наблюдаются некоторые различия, которые могут рассматриваться в настоящее время различиями на уровне локальных вариантов культуры. Во всяком случае, пока не определено никаких различий в материальной культуре, позволивших бы говорить о существовании нескольких мезолитических культур в регионе. Упомянутые различия в основном сводятся к следующему. В Канском р-не преобладают подпризматические нуклеусы с параллельным расщеплением, в комплексах типа Верхоленская Гора они отсутствуют. Зато в последних хорошо развиты различные формы клиновидных нуклеусов. Здесь же очень разнообразны поперечные резцы, малохарактерные для Канского р-на. В бадайских памятниках поперечные резцы появляются не с самого начала их развития. Бадайским памятникам не присуща форма клиновидного нуклеуса, известная под названием «гобийской», в то время как в большинстве других стоянок (кроме байкальских) она достаточно распространена. Есть различия в формах гарпунов: в частности, выделяется форма верхоленских гарпунов с асимметрично расположенными в два ряда зубцами и плоским насадом с пазом, тогда как у бадайских гарпунов насад имеет выступающие «плечики». Этим главным образом и исчерпываются различия между памятниками отдельных районов. Совершенно ясно, что этот вопрос требует дальнейшей разработки.

В происхождении мезолитических культурных вариантов Приангарья и Прибайкалья еще много неясного. Думается, что их генезис следует связывать с местными сибирскими позднепалеолитическими культурами. Однако прямых связей в этом направлении пока проследить не удается.

В комплексах раннего мезолита, к которым, по мнению Г. И. Медведева, Г. Н. Михнюк, П. Е. Шмыгуна (Медведев, Михнюк, Шмыгун, 1975), относятся нижние слои Верхоленской Горы, XIV—XVI культурные горизонты Усть-Белой, III культурный горизонт Усть-Ковы в Приангарье, XIV—XVII культурные горизонты Стрижовой Горы в Канском р-не и аналогичные им памятники, выделяются следующие общие черты в инвентаре. Среди нуклеусов отмечается несколько основных форм: одно- и двухплощадочные подпризматические, одно и двусторонние (в последнем случае фронт скалывания иногда может находиться в разных плоскостях), грубопризматические с односторонним скалыванием, клиновидные, с прямыми или скошенными площадками с торцевым скалыванием. Скребки представлены разными вариантами концевых форм, а также боковыми и подокруглыми. Резцы преобладают поперечные, как на пластинах, так и на отщепах. Характерны ножи и скребла с двусторонней обработкой выпуклого лезвия, а также скребла на отщепах с односторонней ретушью. Встречаются чопперы. Костяной инвентарь включает гарпуны с плоским насадом, с разным расположением зубцов, зубья острог, вкладышевые ножи и наконечники.

Ко второму периоду развития мезолита относятся II—XIII горизонты Усть-Белой, IIIа—IIIг горизонты Соснового Бора, II горизонт Верхоленской Горы в Приангарье, вторые горизонты стоянок Курла II и III в Прибайкалье, нижний горизонт Макарово I

II, II горизонт Кистенево II, стоянки Кистенево I и V на Верхней Лене, IV—XIII горизонты Стрижовой Горы в Канском р-не и похожие на них комплексы. Этот хронологический пласт датируется VIII—VII тысячелетиями до н. э. (по датам Усть-Белой). Среди нуклеусов в этот период заметно повышение роли клиновидных форм и сокращение других. Появляются многофасеточные срединные резцы. Возникают вкладыши с ретушью по краю. Есть топоры и тесла, в том числе с пришлифовкой лезвия. Остальные типы каменных орудий остаются без изменения. В составе костяного инвентаря следует отметить появление рыболовных крючков. Характерно расширение числа форм вкладышевых орудий.

К концу мезолита в Приангарье относятся I культурный горизонт Усть-Белой, II горизонт Соснового Бора, I горизонт Верхоленской Горы, Горелый Лес и другие стоянки. В Прибайкалье это памятники типа первых горизонтов Курлы II и III, а также XI горизонта Улан-Хады. В бассейне Лены к финальному мезолиту относятся стоянки Кистенево I, II (I горизонт) и Шишкино II (II горизонт). В каменном инвентаре почти исчезают скребла и чопперы. Сокращается число поперечных резцов. Нуклеусы уменьшаются в размерах. Наиболее характерными формами являются полиэдрические резцы и сверла на подтреугольных в сечении заготовках или нуклеусах, срединные резцы на пластинах, шлифованные наконечники из шифера, острия с ретушью по краю на пластинах, тесла с перехватом или с «ушками», двусторонне оббитые топоры небольшого размера, различные формы наконечников стрел, обработанные плоской ретушью, не образующие устойчивых морфологических серий, стерженьки составных рыболовных крючков, вкладыши на пластинах с двусторонней ретушью. Изделий из кости и рога этого времени здесь не найдено.

Основные категории орудий из камня времени позднего мезолита переходят и в неолитические памятники региона, что позволяет говорить о сложении местного неолита на базе туземных мезолитических памятников. Костяной инвентарь средних этапов мезолита тоже находит отголоски в неолитических памятниках.

Несколько стоянок, материал которых аналогичен материалам Верхоленской Горы в Приангарье, исследовались в Забайкалье.

Стоянка Студеное I находится около с. Нижний Нарым Красночикойского р-на Читинской обл., у впадения ручья Студеного в р. Чикой (высота террасы 5—6 м над уровнем реки). Открыта в 1970 г. И. И. Кирилловым, раскапывалась в 1974—1978 гг. М. В. Константиновым. Мезолитические слои (10—13/2) раскопаны на площади 550 кв. м. Они залегают в пойменном аллювии (Базаров, Константинов, Иметхенов, Базарова, Савинова, 1982).

В горизонте 13/2 (самом нижнем мезолитическом) вскрыто кострище (раскопано не полностью), видимые размеры его 1,2×0,7 м. Находки состоят из фаунистических остатков и одного отщепа.

В горизонте 13/1 обнаружено овальное углистое пятно размерами 2×1,5 м. Это остатки кострища. В горизонте найдены клиновидные нуклеусы от пластин с неподработанными прямыми площадками, с торцевым скалыванием, вкладыш на микропластине с ретушью по краю на спинке, ножи на длинных пластинах с ретушью по краям, долотовидное орудие типа pièce écaillée. Горизонт имеет дату по С-14: 10755±140, т. е. первая половина IX тысячелетия до н. э.

В горизонте 12 найдены клиновидные нуклеусы от пластин с подработанными площадками с торцевым скалыванием, остроконечный нож с двумя ретушированными краями, скобель на отщепе (табл. 113). Здесь же были кости благородного оленя.

В горизонте 11 обнаружено углистое пятно овальной формы, размерами 3,75×3,1 м. По мнению М. В. Константинова, это остатки жилища. Около него было много находок. Вообще в горизонте найдены клиновидные нуклеусы от пластин с подработанными площадками, с торцевым скалыванием, концевые скребки на отщепах и пластине (в том числе скошенные), поперечные резцы (в том числе двойные) на пластинах с ретушированными краями, вкладыши на пластинах с ретушью по одному краю на брюшке или на спинке, ножи на пластинах (в том числе с частичной ретушью), чоппер. Интересен костяной инвентарь этого горизонта: обломок наконечника (?) с двумя пазами для вкладышей, шило (?), стержни составных рыболовных крючков из рога косули, в составе фауны — благородный олень, косуля, дзерен (?), лось (?), рыбы.

В горизонте 10 расчищена выкладка из галек округлой формы диаметром до 2,5 м. Возможно, что это остатки жилища. Выявлено углистое пятно почти округлой формы размерами 3,2×3 м. Этот, по всей вероятности, тоже остатки жилища. Оно насыщено находками. Второе углистое пятно округлой формы, расположенное в 5,5 м от первого, имеет диаметр 0,8 м. Около него тоже были находки. В составе коллекции каменных изделий горизонта 10 клиновидные нуклеусы от пластин с торцевым скалыванием, подпризматический одноплощадочный нуклеус от отщепов со скошенной площадкой, с одной плоскостью скалывания. Скребки изготовлялись на отщепах, по типам делятся на концевые и округлые. Резцы же делались на пластинах, они поперечные (с краевой подретушевкой) и один угловой. Широко представлены вкладыши с разным характером обработки. Есть ножи на пластинах с невыдержанным характером отделки. Найден скобель на нуклевидном куске. Встречены чоппер и долотовидное орудие. Два костяных стерженька от рыболовных крючков — единственные изделия из кости. Фауна: благородный олень, дзерен (?), рыбы (сибирский елец, сибирская плотва, налим, щука).

Стоянка Куналей находится у с. Малый Куналей в Бурятии, располагается на второй террасе правого берега р. Хилок. Открыта в 1971 г. М. В. Константиновым, раскапывалась им же в 1971, 1973, 1977 гг. Раскопано 250 кв. м (Базаров и др., 1982). Мезолитический культурный горизонт (2) залегал в светло-серой лессовидной супеси. Находки сосредоточивались на площади 30 кв. м. Для изготовления каменных орудий употреблялись фельзит-порфирит, липарит-порфир, щелочной липарит, фельзит, кремень, глинистый туф и др.

Всего найдено 257 каменных изделий. Среди них девять клиновидных нуклеусов от пластин с торцевым скалыванием. Есть концевой скребок на отщепе

и скребок-нож на отщепе. В коллекции два сломанных скребла (на пластинах?). Ретушь по двум краям на спинке. Один вкладыш имеет противолежащую ретушь по краям. Большой серией представлены проколки (17 экз.). Все они асимметричные, с выделенными «жальцами», на отщепах. Кроме того, в коллекции четыре долотовидных орудия типа pièce écaillée.

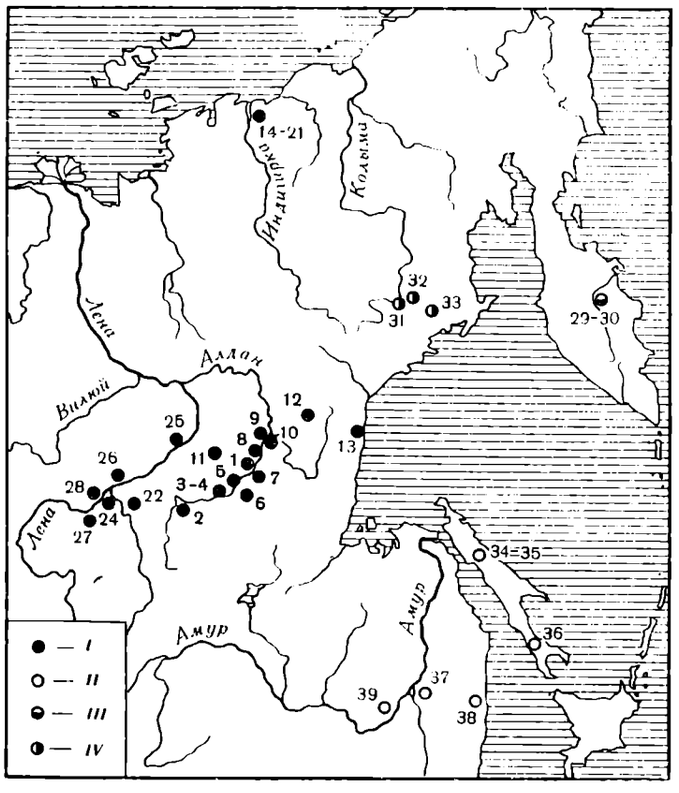
Аналогичные орудия были найдены А. П. Окладниковым при раскопках стоянки Ошурково в Забайкалье. Однако ее материалы опубликованы лишь частично, что не дает полного представления о характере памятника.

Мезолитические памятники южной части Дальнего Востока. В южной части Дальнего Востока мезолитические стоянки известны в отдельных местах (карта 14). Стоянка у с. Устиновка открыта геологом В. Ф. Петрунем в 1954 г. В 1963—1964 гг. исследовалась А. П. Окладниковым (Окладников, 1966б; Окладников, Деревянко, 1973). Она располагалась на 10—12-метровой террасе над поймой. Находки залегали в темном гумусированном суглинке и желто-буром суглинке под ним. Этот последний и был основным слоем поселения. Но они, по мнению А. П. Деревянко (Деревянко, 1983. С. 90), составляли единый культурный комплекс. Поэтому мы рассматриваем их здесь вместе.

Основным материалом для изготовления орудий (табл. 119) служил вулканический туф разных цветов. Кроме того, использовались обсидиан, кремень и базальт. Нуклеусы разных типов. Есть поддисковидно уплощенные от пластин. Характерны подпризматические односторонние одно- или двухплощадочные ядрища от пластин со скошенными площадками. Третий тип — подконические одноплощадочные нуклеусы от пластин со скошенными подработанными площадками. Четвертый — клиновидные ядрища «гобийского типа» или их заготовки, одноплощадочные от пластин, с торцевым скалыванием. Скребки изготовлялись на пластинах и отщепах. По типам делятся на концевые и подокруглые. Иногда они комбинировались с ножами. Резцы на пластинах, срединные и боковые. Встречены пластины и отщепы с нерегулярной ретушью. Есть ножи на пластинах.

Стоянка Осиповка находится около г. Хабаровска. Исследовалась А. П. Окладниковым в 1960 и 1963 гг. (Деревянко, 1983). Располагается на четвертой надпойменной террасе р. Амура. Культурный слой залегал в желтом суглинке в верхней части террасы. При раскопках обнаружено более 10 очагов из камней и скопления каменного инвентаря. Нуклеусы стоянки клиновидные, двух разновидностей: обычные и с бифасообразной обработкой боковых сторон. С их прямых неподработанных площадок скалывались пластины в торцевой части. В коллекции концевые скребки на отщепах (иногда со сплошной ретушью на спинке), большая серия лавролистных, иволистных, подтреугольных (в том числе с усеченным основанием) наконечников копий, дротиков и стрел с двусторонней обработкой, ножи и скребла на отщепах с выпуклым лезвием, топоры и тесла с одно- или двусторонней оббивкой подтреугольной и подтрапециевидной формы, срединные резцы, небольшие острия (табл. 118).

Стоянки Устиновка и Осиповка имеют много общего с Верхоленской Горой и, вероятно, совпадают по времени с ее слоем II.

Карта 14. Мезолитические памятники Севера Сибири и Дальнего Востока

1 — Белькачи I; *2* — Усть-Тимптон; *3—4* — Сумнагин I, II; *5* — Тимулур; *6* — Алысардах; *7* — Дюктайская пещера; *8* — Билир; *9* — Усть-Миль; *10* — Верхне-Троицкая; *11* — Буяга; *12* — Якимджа II; *13* — Амка; *14—21* — Пантелеиха I—VIII; *22* — Большая Северная; *23* — Усть-Чиркуо; *24* — Тёрют I; *25* — Куллаты; *26* — Ат-Дабан; *27* — Точильная; *26* — Нюя; *29—30* — Ушковские стоянки; *31* — Сибердиковская; *32* — Конго; *33* — Малтан; *34, 35* — Имчин I — II; *36* — Такое II; *37* — Осиповка; *38* — Устиновка; *39* — Олений I; *I* — сумнагинская культура; *II* — памятники верхоленской традиции; *III* — Ушковские стоянки; *IV* — памятники верховьев Колымы

Стоянка Олений I (Артемовка I) находится у г. Артема Приморского края и располагается на участке коренного берега р. Артемовки, у ее слияния с р. Батальянзой. Открыта, по-видимому, в 20-х годах А. И. Разиным, исследовалась в 60-х годах А. П. Окладниковым и Д. Л. Бродянским. Мезолитические материалы залегали в основном в виде довольно компактного скопления в светлом суглинке.

В составе коллекции только каменные изделия — из обсидиана, кремнистой породы, вулканического туфа, кварца. Нуклеусы от пластин, призматические одноплощадочные односторонние и клиновидные. Площадки прямые или скошенные, не подправленные. Скребки по преимуществу концевые, на отщепах и пластинах, хотя встречаются и подокруглые на отщепах; иногда концевые скребки имеют красивую ретушь, использовались они, по-видимому, в качестве ножей или скобелей. Серия резцов, изготовленных тоже на пластинах и отщепах, включает несколько типов: срединные, угловые, боковые косоретушированные, поперечные (последние на пластинах с ретушированным краем). Найдены пластины с

пологой или полукрутой ретушью по краю, пластинка с ретушью по краю и подтеской на конце, ножи на отщепах с двумя ретушированными краями, скобели на отщепах, макролитическое орудие с двусторонней оббивкой и ретушью по одному краю.

Мезолитические памятники Сахалина (карта 14). Стоянка Имчин I находится в 1,5 км к северо-западу от ст. Ноглинки в Ноглинском р-не Сахалинской обл. Располагается на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Имчи. Открыта в 1965 г. В. В. Вязовской, в 1972 г. исследовалась Р. С. Васильевским (Васильевский, 1971, 1973. С. 156—159). Раскопано 36 кв. м. В раскопе обнаружены два круглых кострища диаметром 0,25 и 0,28 м. Мезолитические находки залегали в слое песка, под современной почвой.

Каменный инвентарь (табл. 121) изготовлен из красной яшмовидной породы, кремня, фельзита, алевролита. Нуклеусы конические, одноплощадочные, от пластин со скошенными неподработанными площадками, с круговым скалыванием, клиновидные от пластин с торцевым скалыванием, подпризматические одноплощадочные, от пластин, с неподработанными прямыми площадками, с односторонним скалыванием. Скребки (38 экз.) концевые (в том числе скошенные), на отщепах, у большинства спинка покрыта плоской ретушью. Встречены и округлые формы на отщепах. Резцы (11 экз.) изготавливались на отщепах, осколках и пластинах. По типам делятся на полиэдрические резцы-«дрили», срединные, поперечные, угловые. У многих из них ретушированы боковые края. Представлены вкладыши из сечений и целых пластин, с ретушью по одному или двум краям на спинке. Есть специфические вкладыши с двусторонней обработкой. Наконечники стрел в основном изготавливались из пластин. Почти все они черешковой формы, некоторые имеют двустороннюю плоскую ретушь, часть ретуширована плоско на спинке, а на брюшке имеет обработку по краям или на черешке. Встречены наконечники, напоминающие аренсбургский тип, у которых крутой ретушью обработаны только края черешка на спинке. Найдены острия со сходящимися ретушированными краями (ретушь противолежащая). Представлены ножи с двусторонней обработкой на отщепах и пластинах (?), ножи на пластинах с краевой ретушью по двум краям. Возможно, что часть из них была наконечниками копий (заостренные формы). Проколки изготовлены на пластинах, симметричные, имеют обработку или только на выделенном «жальце», или по всему периметру (в этом случае «жальце» может быть не выделено). Встречены обломки рубящих орудий.

Стоянка Имчин II находится в 700 м вверх по течению от предыдущей. Она располагается на правом берегу р. Имчин, на террасе высотой 6—7 м. Нижний слой стоянки залегал в верхней части серо-желтой супеси. В нем найдены клиновидные нуклеусы в зачаточной стадии обработки, концевые скребки, ножи, орудия с двусторонней обработкой.

Аналогичные изделия зафиксированы в местности Головное, на правом берегу р. Имчин, в 2 км от стоянки Имчин I.

Стоянка Такое II находится на Южном Сахалине, на правом берегу р. Большой Такой, в 2 км к югу от г. Долинска. Открыта в 1973 г. В. О. Шубиным (Васильевский, Голубев, 1976. С. 12—15). На памятнике проведены сборы с поверхности.

Коллекция (табл. 122) изготовлена из обсидиана, кремнистого сланца, аргиллита, яшмовидной породы. Нуклеусы клиновидные, одноплощадочные, от пластин, со скошенными неподработанными площадками, с торцевым скалыванием. Скребки концевые (в том числе скошенные), на отщепах, с плоской ретушью по боковым краям. Встречены вкладыши с ретушью по краю на пластинках, острия со скошенным концом на пластинах, ножи на пластинах и отщепах с разной формой ретушированных краев (прямые, вогнутые, иногда оба края), серия симметричных проколок с выделенным «жальцем» на отщепах. Особенно интересны наконечники стрел усеченно-листовидной формы с двусторонней плоской ретушью и острия с плоской ретушью на кончике на брюшке на пластинах. Есть заготовки рубящих орудий (тесел?) (табл. 122).

Стоянка Сокол находится на юге Сахалина в районе пос. Сокол. Здесь тоже собраны кремневые изделия раннего облика (Васильевский, Голубев, 1976. С. 191).

Таким образом, ясно, что мезолитические материалы Дальнего Востока имеют много общего со стоянками Прибайкалья и Забайкалья. Здесь те же самые характеристики способов раскалывания кремня, в значительной степени повторяется и набор орудий. Только в памятниках Сахалина наблюдается увеличение количества орудий (скребков, наконечников и ножей) с плоской двусторонней ретушью. Однако это может объясняться их более поздним хронологическим положением по сравнению с остальными. Думается, что более дробное хронологическое членение этих материалов сейчас в сильной степени затруднено из-за их фрагментарности.

Экономика и уровень социально-экономического развития на Дальнем Востоке в мезолитическое время существенно не отличались от других регионов СССР. Во всяком случае, имеющиеся материалы не дают оснований для пересмотра высказанных ранее положений.

Глава восемнадцатая
Мезолит Севера Сибири и Дальнего Востока

Сумнагинская культура. По мнению выделившего ее Ю. А. Мочанова, она распространена на огромной территории севера Восточной Сибири: ее памятники открыты на Алдане, Вилюе, Амге, Мае, Лене, Витиме, Олекме, Индигирке, Колыме и Улье (Мочанов, 1977) (карта 14).

Одним из самых ярких памятников сумнагинской культуры является стоянка Белькачи I (табл. 114—115). Она находится на левом берегу Алдана, недалеко от устья р. Улахан-Эльге, в Алданском р-не Якутской АССР. Открыта в 1964 г. Располагается на прирусловом валу высокой поймы. Культурные слои заключены в отложениях пойменного аллювия. Высота вала от уровня Алдана 11—14,5 м.

Автор раскопок Ю. А. Мочанов выделяет в отложениях вала 29 культурных слоев, из которых 16 нижних относятся к сумнагинской культуре. В самом нижнем, XXIII слое мощностью 0,06—0,38 м, раскопанном на площади 269 кв. м, было очень немного находок: кремневая ножевидная пластинка, кусочки охры, угольки, кости лося, косули. Для слоя получены две радиоуглеродные даты: 9190±80 (ЛЕ-763) и 9045±210 (ИМ-243) лет тому назад, иначе говоря, он датируется концом VIII тысячелетия до н. э.

Слои XXII и XXI находок не дали, кроме нескольких расколотых костей.

Слой XX мощностью 0,2—0,45 м, раскопанный на площади 340 кв. м, залегал на глубине 6,3—6,5 м от современной поверхности. Культурные остатки концентрировались в зольно-угольной прослойке, в уплотненном песке, в виде пятна овальной формы диаметром 5,5×3 м (с увеличением в сторону реки ширины пятна до 4 м). Ориентировка пятна — северо-восток — юго-запад. В южной половине его был очаг овальной формы, по-видимому сложенный из камней. По мнению Ю. А. Мочанова, это пятно представляет собой грунтовой пол наземного каркасного жилища типа чума. Радиокарбоновая дата по углю из очага — 8370±80 лет назад (ЛЕ-761), т. е. вторая половина VII тысячелетия до н. э. В этом слое обнаружены остатки костей полевок, косули, рыб и утки.

В составе коллекции 87 изделий со вторичной обработкой (всего в комплексе 575 каменных предметов). Самая многочисленная группа орудий — резцы (47 экз.). Все они на пластинах, угловые, в том числе три двойных. «Резчики» (пластины с ретушированным углом, 11 экз.) обработаны мелкой крутой ретушью на спинке или брюшке. В коллекции три острия со скошенным ретушью концом. Очень мелкая ретушь помещается как на спинке, так и на брюшке. Все семь скребков концевые (в том числе скошенные). Все они изготовлены на пластинах, рабочие лезвия сформованы крутой ретушью. Скобели (2 экз.) — на пластинах. Выемки обработаны крутой мелкой ретушью. Найдено скребло из диабазовой гальки, с двумя противолежащими лезвиями. Одно из них плоское, выпуклое, другое — крутое, с выступом. Комбинированное орудие только одно: концевой скребок — боковой резец-«резчик». Кроме перечисленного, в слое найдены костяные шило, обломок овального в сечении стержня с пазом глубиной 3,5 мм (обломок наконечника?) и пять других обломков костяных орудий.

Слой XIX мощностью 0,03—0,2 м раскопан на площади 336 кв. м. В нем найдены кости косули, лося, зайца-беляка, полевки. Обнаружено 11 каменных орудий. Все скребки (4 экз.) концевые, на пластинах. Все они несут и краевую ретушь (частичную). Оба найденных резца — на углу сломанной пластины. Три ретушированных вкладыша несут ретушь по одному краю (на спинке или брюшке). Оба «резчика» имеют ретушь на спинке. Кроме того, в коллекции из слоя — два фрагмента костяных орудий.

Этот слой получил дату по C_{14}: 8290±80 лет тому назад (ЛЕ-760), т. е. вторая половина VII тысячелетия до н. э.

Слой XVIII мощностью 0,08—0,4 м раскопан на площади 318 кв. м. В нем найдены кости лося и косули. Единственный нуклеус — от пластин, торцевый, с подработанной прямой площадкой. Орудий из камня только два: «резчик» на пластине с крутой ретушью на углу на спинке и долото (?) на пластине с обработанным крутой ретушью поперек концом. Кроме того, обнаружен диабазовый отжимник. Дата слоя по C_{14}: 8360±80 лет назад (ЛЕ-747), иначе говоря, вторая половина VII тысячелетия до н. э.

Слой XVII мощностью 0,35—0,65 м раскопан на площади 284,5 кв. м. Фауна: лось, полевка, рыба. Среди каменных орудий концевой скошенный скребок на пластине, три резца на углу сломанной пластины и нож на пластине с частичной ретушью на брюшке. Найдена расколотая вдоль трубчатая кость лося. Даты слоя по C_{14}: 8260±80 (ЛЕ-745) и 8060±±70 (ЛЕ-746) лет тому назад (вторая половина VII тысячелетия до н. э.).

Слой XVI мощностью 0,01—0,1 м раскопан на площади 269 кв. м. Фауна представлена только остатками лося. Среди каменных орудий — резец на углу сломанной пластинки и три ретушированных на брюшке по одному краю вкладыша. Найден костяной стержень с расщепом на одном конце, с заостренными концами и округлым сечением. Это, вероятно, наконечник (?) дротика или стрелы. Кроме того, в коллекции фрагмент костяной иглы или шила.

Слой XV мощностью 0,03—0,3 м раскопан на площади 326 кв. м. В составе фауны — лось и косуля. Единственный найденный нуклеус сломан. С него скалывались ножевидные пластины. Форма была, по-видимому, коническая, а скалывание — по всему периметру. Все три резца — на углу сло-

манной пластины, с короткими резцовыми сколами. Три вкладыша ретушированы мелко и круто по одному краю на брюшке. Найдено острие со скошенным концом. Оно обработано крутой ретушью на спинке, изготовлено на пластинке. Дата слоя по радиокарбону — 8110±80 лет назад (ЛЕ-744), т. е. вторая половина VII тысячелетия до н. э.

Слой XIV мощностью 0,55—0,95 м раскопан на площади 278 кв. м. В составе фауны — лось, марал, косуля. Среди каменных изделий — призматический нуклеус от пластин с круговым скалыванием, с прямой подработанной площадкой. В числе орудий восемь концевых скребков (в том числе скошенных) на пластинах и отщепах, четыре резца на углу сломанной пластины, два «резчика» на пластинах (у одного ретушь на брюшке, у другого на спинке), два вкладыша с ретушью по одному краю на брюшке, два острия со скошенным концом (у одного ретушь на брюшке, у другого на спинке), два комбинированных орудия — скребки-ножи. Очень интересен костяной кинжал из трубчатой кости лося, с пазом для вкладышей по одному краю. Сечение лезвия уплощенно-овальное, сечение рукоятки — линзовидное. Дата слоя по C_{14} : 7920±60 лет назад (ЛЕ-743), т. е. начало VI тысячелетия до н. э.

Слой XIII мощностью 0,15—0,4 м раскопан на площади 608 кв. м. Фауна — лось. Найден один микрорезец на пластине. Среди орудий два концевых скребка на пластинах, «резчик» на пластине с ретушью на спинке, симметричная проколка на пластине без выделенного «жальца» с ретушью по двум краям на спинке, отбойник из гальки, фрагмент костяного орудия. Дата слоя по радиокарбону: 7830± ±150 лет назад (ЛЕ-742), иначе говоря, первая половина VI тысячелетия до н. э.

Слой XII мощностью 0,1—0,35 м раскопан на площади 495 кв. м. В составе фауны — остатки лося, благородного оленя, северного оленя, косули, птиц (в том числе утки). Единственный найденный нуклеус — «карандашевидный», от пластин, с прямой подготовленной площадкой, с круговым скалыванием. Все три скребка концевые, на пластинах. Обнаружены четыре резца на углу сломанной пластины. Из шести вкладышей у трех ретушь на брюшке и у трех на спинке по одному краю. Из трех «резчиков» у одного ретушь на брюшке, у остальных на спинке. Один из ножей на пластине с двумя (одним частично) ретушированными краями на спинке. Другой изготовлен на отщепе, имеет выпуклое ретушированное лезвие. Скобель на пластине, выемка ретуширована на спинке. Найдена пластина с ретушированной выемкой на конце, которая, по мнению Ю. А. Мочанова, была долотовидным орудием. Тесловидное (?) орудие сделано путем оббивки по краю. Найден отбойник. Обнаружено несколько фрагментов обработанных костей. Дата по C_{14}: 7430±60 лет назад (ЛЕ-741), т. е. середина или вторая половина VI тысячелетия до н. э.

Слой XI мощностью 0,2—0,3 м раскопан на площади 502 кв. м. В составе фауны — лось, косуля, северный олень, бурый медведь, птицы (в том числе утки), рыбы. Среди каменного инвентаря шесть нуклеусов. Один из них подпризматический, от пластин, с круговым скалыванием, с прямой подработанной площадкой. Остальные подконические (в том числе «карандашевидные»), от пластин с прямыми или слегка скошенными подработанными площадками, с круговым скалыванием. Скребки (23 экз.) изготавливались на пластинах и отщепах. Они представлены только концевыми формами. Кроме того, в слое найдены три скребла на отщепах, обработанные крутой ретушью на спинке. По форме лезвий они концевые и боковые. Резцы только на пластинах (64 экз.). Преобладают формы на углу сломанной пластины. Кроме того, найдены боковые косоретушированные резцы. Микролитическая группа состоит из трех «резчиков» с ретушью на спинке и 17 вкладышей на пластинках. У большинства последних обработан только один край (на спинке или на брюшке), у двух — оба края на спинке, у двух — оба края противолежащей ретушью. Обнаружены 22 острия со скошенным концом. Преобладает ретушь на спинке, хотя встречается и на брюшке. Интересны два орудия, у которых оба конца скошены ретушью в одном направлении, что придает им вид параллелограммов. Единственный нож изготовлен на отщепе. Обработанное двусторонней ретушью лезвие прямое. Скобели (5 экз.) изготавливались на пластинах и отщепах. Здесь следует отметить формы, у которых выемка лежит на конце пластины. Проколки (две) симметричные на пластинах, «жальце», оформленное по двум краям на спинке, почти не выделено. Единственное долотовидное (?) орудие на пластине имеет выемчатое лезвие. Кроме того, найдены шесть абразивов в виде подпрямоугольных плиток мелкозернистого песчаника с желобками. Среди комбинированных орудий — скребки-ножи, скребок-нож-скобель, резцы-вкладыши, резцы-острия. В слое обнаружены костяные шилья и фрагменты обработанных костей.

Слой X мощностью 0,15—0,3 м раскопан на площади 477 кв. м. В составе фауны — кости лося, северного оленя, полевки, птиц (в том числе утки и тетеревиных), рыб. В числе каменных изделий 12 призматических и подконических нуклеусов, одно- или двухплощадочных, с прямыми или слегка скошенными подработанными площадками, с круговым скалыванием, от пластин. Среди 14 скребков преобладают концевые (в том числе скошенные), на пластинах и отщепах. Один скребок на отщепе двойной, причем лезвия у него обработаны противолежащей ретушью. Найдены два скребла. Одно из них на отщепе с выемчатым лезвием на спинке, другое на гальке (из подъемного материала), лезвие выпуклое. Из 32 резцов только четыре боковых косоретушных, остальные на углу сломанной пластины (в том числе двойные). У одного из двух «резчиков» ретушь на спинке, у другого на брюшке. Найдены 30 вкладышей, причем 28 из них несут ретушь по одному краю (на брюшке или на спинке), один — по двум краям на спинке, один обработан противолежащей ретушью. Острия (10 экз.) представлены только формой со скошенным концом, ретушь у большинства на спинке, только у одного на брюшке. Единственный нож на ребристой пластине с частичной ретушью по одному краю на спинке. Скобели (4 экз.) изготавливались на пластинах и отщепе. Выемки обрабатывались или на спинке, или на брюшке. Проколка на пластине симметричная, с невыделенным, ретушированным на двух краях по спинке «жальцем». Сверло

такое же на отщепе. Найдена заготовка тесла. Края обработаны сколами и плоской крупной ретушью. В коллекции есть два отбойника. Комбинированные орудия представлены скребками-ножами, резцами-вкладышами, долотами(?)-ножами. Слой имеет две даты по C_{14}: 6270±50 (ЛЕ-650) и 6750±70 (ЛЕ-698) лет тому назад, т. е. V тысячелетие до н. э.

Слой IX мощностью 0,37—0,62 м раскопан на площади 342 кв. м. Фауна — лось, косуля, северный олень, утки. В составе каменного инвентаря шесть нуклеусов. Они делятся на несколько типов: двухплощадочные призматические, с круговым скалыванием, одноплощадочный призматический с таким же скалыванием, подконический с таким же скалыванием и одноплощадочный торцевый. Все ядрища от пластин с прямыми подработанными площадками. Скребки (19 экз.) изготавливались на пластинах и отщепах. Все они концевые, в том числе скошенные и с частичной краевой ретушью. Найдены три скребловидных орудия на отщепах. Среди девяти резцов восемь на углу сломанной пластины, один — на отщепе, комбинированный — боковой косоретушный, срединный. Кроме того, два резца скомбинированы с другими типами орудий — с ножом и скобелем. Все три «резчика» на пластинках с углом, оформленным ретушью на спинке. Найдено шесть вкладышей. Ретушь лежит по одному краю или на спинке, или на брюшке, или по двум краям на брюшке. Нож изготовлен на пластине с ретушью на брюшке по одному краю. Скобели на пластинах, одновыемчатые. Проколка тоже на пластине, симметричная, «жальце» обработано по двум краям на брюшке. Долотовидное (?) орудие на отщепе, с выемчатым ретушированным концом и частичной ретушью по краю. Топор из диабазовой гальки, подовальный, края оббиты и обработаны плоской ретушью. Найдены абразивы и ретушеры. Этот слой имеет радиокарбоновую дату 6250±68 лет назад (ЛЕ-697), т. е. вторая половина V тысячелетия до н. э.

Слой VIII мощностью 0,04—0,08 м раскопан на площади 222 кв. м. В нем найдены кости косули и волка или собаки, скребок-нож, пластины и отщепы. Радиокарбоновая дата: 5900±70 лет тому назад (ЛЕ-676), иначе говоря, начало IV тысячелетия до н. э.

Таким образом, эта многослойная стоянка не дает оснований говорить о развитии культуры за 2000 лет. Инвентарь всех слоев более или менее однороден.

Вторая многослойная стоянка этой культуры — Усть-Тимптон, расположена на правом берегу Алдана при впадении его правого притока — р. Тимптон, лежит на мысу высокой поймы. Площадь раскопа 468 кв. м. Проводились работы под руководством Ю. А. Мочанова. Мезолитические находки (табл. 116) залегали в слоях V, IV (снизу вверх). Слой V приурочен к гумусированным прослойкам и суглинкам между ними, вероятно, к русловому аллювию, а слой IV, по-видимому,— к аллювию пойменному.

Слой V мощностью 0,06—0,6 м залегал в желтом суглинке, ограниченном сверху и снизу гумусированными прослойками. Где было возможно, эти прослойки выделялись в слои Va (верхняя) и Vб (нижняя). Однако на большей части раскопанной площади такое разделение было невозможно из-за солифлюкции, морозобойных трещин и размыва. Дата горизонта по C_{14}: 9400±90 лет назад (ЛЕ-896), т. е. вторая половина VIII тысячелетия до н. э.

В горизонте Va обнаружены остатки очага неправильно овальной формы размерами 2,5×1,95 м.

В составе коллекции два подпризматических двухплощадочных нуклеуса от пластин, один с круговым, другой с почти круговым скалыванием, с прямыми подправленными площадками. Скребки изготавливались на пластинах и отщепах (7 экз.). Преобладают концевые, в том числе скошенные, встречены и боковые. Кроме того, два скребка скомбинированы с ножами. Резцы на углу сломанной заготовки (3 экз.), на пластинах и отщепе. Единственное скребло на отщепе, прямолезвийное. Найдены 16 вкладышей. У 10 из них ретушь по одному краю на брюшке, у трех — тоже по одному краю с двух сторон, у двух — по обоим краям на брюшке и у одного — противолежащая. Найдено одно острие со скошенным концом на пластине. Ножи (2 экз.) на пластинках с частичной ретушью. Скобель на пластине. Второй скобель скомбинирован с ножом.

Мощность горизонта Vб 0,01—0,03 м. Нуклеусы двух типов: призматические одноплощадочные односторонние и торцевые одноплощадочные от пластин, со слегка скошенными площадками. Скребки концевые, на пластинах и отщепах, в том числе один двойной. Два из них скомбинированы с ножами. Резец срединного типа со смещением рабочего лезвия от центральной оси заготовки, на отщепе. Кроме того, найдена симметричная проколка, без выделенного «жальца», с ретушью по двум краям, скомбинированная со скобелем. Дата горизонта по C_{14}: 10740±100 лет от наших дней (ЛЕ-681), иначе говоря, первая половина IX тысячелетия до н. э.

В объединенном слое V найдены три очага овальной формы размерами 1,8×1,2; 0,5×0,3 и 1,4×0,8 м. Очаги были обложены камнями.

В составе коллекции нуклеусы от пластин подпризматические двухплощадочные с круговым скалыванием, одноплощадочные «карандашевидные» и одноплощадочные торцевые. Скребки (126 экз.) изготавливались на пластинах и отщепах. По типам делятся на концевые, в том числе скошенные, округлые и боковые. Три скребка скомбинированы с ножами, один со скобелем. Скребла (2) на отщепе и гальке, с выпуклыми лезвиями. Резцы (13 экз.) угловые на пластинах. 14 вкладышей на пластинах. Только у трех ретушью обработаны оба края, у остальных по одному. Ножи (4) на пластинах и отщепах. Ножи на пластинах, с частичной краевой ретушью, один из ножей на отщепе — с выпуклым лезвием. Скобели (2 экз.) на пластинках, одинарные, ретушь на брюшке. Проколка (?) на пластине, кончик обломан, края на брюшке полностью ретушированы. Есть три долотовидных орудия — на отщепах и пластине. Долото на пластине имеет только подправку на лезвии. Долота на отщепах оббиты сколами по всей поверхности и подправлены ретушью по краям. Найдены два тесла из галек. Они подпрямоугольной формы. Продольные края обработаны плоской крупнофасеточной ретушью, лезвие у одного подправлено, у другого оставлено без обработки (табл. 114, 115).

Культурный слой IV в части раскопа, расположенной выше по Алдану, делился на два горизонта

(IVа — верхний, IVб — нижний). В остальной части автором раскопок Ю. А. Мочановым он был объединен в один слой.

Мощность горизонта IVб 0,2—0,3 м. Найдены три очага, обложенных камнями овальной формы. Размеры их: 1,5×0,9×0,02 м; 1,2×0,5×0,01 м и 2×1 м (толщина последнего 0,015 м). Нуклеусы подпризматические, одноплощадочные, от пластин с круговым или почти круговым скалыванием. Скребки (20 экз.) на пластинах и отщепах. Преобладают концевые, в том числе скошенные, есть округлые. Два скребка скомбинированы: один со скобелем, другой с ножом. Четыре скребла на отщепах с выпуклыми рабочими лезвиями. Резцы (44) на пластинах, отщепе и обломке нуклеуса (один резец изготовлен на сработанном вкладыше). Преобладают угловые, однако есть боковые и один многофасеточный срединный. Микролиты представлены тремя пластинками с ретушью на углу («резчиками») и 23 вкладышами — пластинками с ретушью по краям (одному или двум). Острия со скошенным концом (12 экз.) изготавливались на пластинках, ножи (7 экз.) на пластинах и отщепах. Лезвия выпуклые. Скобели (10) на пластинах и отщепах, одинарные, выемки или узкие, или широкие, мелкие. Ретушь наносилась или со спинки, или с брюшка. Единственная проколка на пластине, симметричная, без выделенного «жальца». Ретушь по краям на брюшке. Долота на пластинах и отщепе. Ретушь у пластинчатых на конце орудия, долото на отщепе оббито по обеим поверхностям, имеет поддисковидную форму, края частично подправлены ретушью. Найдены три топора с «ушками» на отщепе и расколотых гальках. Обработаны по краям двусторонней ретушью. Два тесла овальной формы, оббиты по обеим поверхностям. Встречены заготовки макролитов. Найдены два фрагмента абразивов. Дата горизонта по C_{14}: 9000±±100 лет назад (ЛЕ-832), т. е. рубеж VIII—VII тысячелетий до н. э.

Мощность горизонта IVа такая же. В нем тоже был обнаружен очаг овальной формы размерами 1,5×0,8 м. В нем, кроме каменных изделий, обнаружены зубы лося. Интересна находка скопления диабазовых галек с выемками, которые, возможно, были грузилами сети. Дата горизонта по радиокарбону: 7000±90 лет назад (ЛЕ-895), т. е. рубеж VI и V тысячелетий до н. э.

В составе коллекции подпризматические двухплощадочные нуклеусы от пластин со слегка скошенными площадками, с круговым или односторонним скалыванием. Все 11 скребков концевые, в том числе скошенные, изготавливались на пластинах и отщепах. Три из них скомбинированы с орудиями других типов — с ножом, скобелем или резцом. Резцы (12 экз.) на пластинах, преобладают угловые, но есть и боковые косоретушные. Один из резцов скомбинирован с ножом. Микролиты представлены 13 вкладышами (один из них скомбинирован с «резчиком»). Все они ретушированы по одному краю на брюшке. Острия на пластинках, со скошенным концом. Одно из них скомбинировано со скобелем. Найдено двулезвийное скребло на массивном отщепе. Разнообразна группа рубящих орудий. Найдены два обломка топоров из галек. Поверхности их оббиты крупными сколами, а выпуклые лезвия несут разный характер обработки: у одного оно оформлено мелкой ретушью, а у другого частично пришлифовано. Тесло с «ушками» из гальки, поверхности оббиты сколами, края подправлены ретушью. Выемчатое долото изготовлено на пластине. Обнаружена проколка, скомбинированная со скобелем на пластине. Интересно, что в отличие от других сумнагинских комплексов проколка здесь асимметричная, с выделенным ретушью по одному краю на спинке «жальцем».

Общая часть слоя IV мощностью 0,2—0,35 м дала девять очагов. Все они овальные, размерами от 1,5×0,85 до 1×0,6 м, мощностью от 0,01 до 0,12 м. Находки залегали в основном вокруг них.

Коллекция очень велика — 17 542 каменных изделия. Среди законченных нуклеусов можно выделить несколько вариантов. Одноплощадочные призматические с прямыми подработанными площадками и круговым скалыванием представлены 6 экземплярами, такие же, но двухплощадочные — 4 экземплярами, одноплощадочные уплощенные с прямыми подработанными площадками с круговым скалыванием — 2 экземплярами, «карандашевидные» — 5 экземплярами, одноплощадочные торцевые с прямыми подработанными площадками — 4 экземплярами. Все нуклеусы — от пластин. Скребки (66 экз.) изготавливались на пластинах и отщепах. Преобладающая форма — концевые, в том числе скошенные, с выступом и двойные. Три скребла скомбинированы с ножами, два — с резцами, три — со скобелями. Скребел найдено три, они на отщепах, с двумя лезвиями. Резцы (125 экз.) в основном на пластинах, только один на отщепе. Преобладают угловые формы. Встречены боковые, срединные (в том числе со смещением режущего лезвия от центральной оси заготовки) и комбинированные — угловые — боковые. Четыре резца скомбинированы с остриями со скошенным ретушью концом, один — со скобелем, один — с ножом, один изготовлен на сработанном вкладыше. Микролитическая группа представлена пластинами с ретушированным углом («резчиками», 17 экз.) и вкладышами (68 экз.). Острия (20 экз.) со скошенным ретушью концом. Еще два острия имеют и ретушированные боковые края. Ножи (5 экз.) на пластинках с частичной ретушью и на отщепе с выпуклым ретушированным краем. Один из ножей скомбинирован со скобелем. Скобели (2 экз.) на пластинках, одинарные, с узкими выемками. Два сверла изготовлены на острых концах «карандашевидных» нуклеусов. Их рабочие части подправлены резцовыми сколами. Проколки (11 экз.) на пластинках, симметричные или асимметричные, как правило, с невыделенным «жальцем». Долота (2 экз.) на пластине и отщепе. Их выемчатые лезвия сформованы ретушью. Топор овальной формы, оббит по обеим поверхностям сколами, на лезвии и боковых краях плоская ретушь. Тесла (4 экз.) разных типов. Одно из них относится к типу с «ушками». Спинка оббита сколами, ретушь идет только по одному краю на спинке. Два тесла подпрямоугольных, края и лезвие обработаны крупной ретушью. Последнее тесло с расширяющимся лезвием. Оно изготовлено на отщепе, спинка которого в значительной части оббита сколами, а лезвие приострено ретушью. Кроме того, в коллекции есть отбойник.

Аналогичные материалы обнаружены на стоянках

Сумнагин I и II, Тимулур, Алысардах, в Дюктайской пещере, Билир, Усть-Миль, Верхне-Троицкая, Эльдикан на Алдане, Буяга на р. Амга, Якимджа II на р. Мае, Амка на р. Улья, Пантелеиха I—VIII и Пирс в низовьях Колымы, на стоянках Большая Северная на р. Витим, Усть-Чиркуо на р. Вилюй, Тёрют I, Ытылах V и Курунг I на р. Олекма, Тебюлях (Урюнг-Хая) в низовьях р. Анабар. На р. Лене, по мнению Ю. А. Мочанова, к сумнагинской культуре относятся поселения Нюя, Татамайская, Точильская, Ат-Дабан, Куллаты в пределах Якутии.

Таким образом, каменный инвентарь сумнагинской культуры базируется в основном на технике отделения ножевидной пластины, хотя для изготовления отдельных категорий орудий использовались отщепы, гальки, куски и осколки камня. В связи с этим основная техника раскалывания камня иллюстрируется наличием подконических и подпризматических нуклеусов от ножевидных пластин. Эти нуклеусы чаще всего имеют круговой фронт скалывания, хотя встречены и односторонние и торцевые экземпляры. Скалывание проводилось с одной или двух подправленных или неподправленных прямых или слегка скошенных площадок.

Среди скребков, изготовлявшихся на пластинах и отщепах, преобладают разные варианты концевых форм. Их рабочие лезвия главным образом выпуклые, сформованные крутой разнофасеточной ретушью. Другие формы скребков встречаются значительно реже. Из других орудий со скребущей функцией следует упомянуть скребла. Изготавливались они по преимуществу из расколотых галек, хотя есть скребла и на отщепах. Их лезвия обработаны крутой крупнофасеточной ретушью. Резцы представлены несколькими формами: угловой, срединной, боковой. Преобладают резцы на углу сломанной пластинки. Встречены резцы и на отщепах. Резцовые сколы в основном узкие и не очень длинные.

Среди микролитов прежде всего следует отметить параллелограммы — удлиненные пластины со скошенными параллельно в одном направлении концами. Они обработаны тонкой крутой мелкой ретушью. Кроме того, в эту же группу следует включить многочисленные и разнообразные по характеру обработки вкладыши — пластины с ретушированными краями. Характерны «резчики» — микролиты на пластинах с круто и мелко ретушированным в виде выемки углом. Острия представлены одной основной формой — пластинами со скошенным мелкой крутой ретушью концом. Типичные наконечники стрел отсутствуют. Однако Ю. А. Мочанов (Мочанов, 1977. С. 246—248) считает, что, возможно, к сумнагинской культуре относятся отдельные, слабо документированные находки наконечников стрел на пластинах иволистной и черешковой формы, обнаруженные в разных местах Северо-Восточной Азии.

Ножи в сумнагинской культуре менее характерны. Их форма не выработана, изготавливались они по большей части на отщепах. Для изготовления употреблялась плоская или полукрутая крупно- и среднефасеточная ретушь. Скобели чаще всего одновыемчатые на пластинах, реже на отщепах. Выемки мелкие и неширокие, сформованные крутой мелкой ретушью. Проколки в основном симметричные, на пластинах. Их рабочее «жальце» почти не выделялось ретушью, мелкой и крутой, употреблявшейся для их производства. Рубящие орудия главным образом из расколотых галек. К ним относятся топоры и тесла разных форм. Характер обработки тоже различен. Особо следует отметить форму топоров и тесел с «ушками», которые в данном случае являются самым ранним фактом появления этого типа рубящих орудий в культурах каменного века Сибири.

Ю. А. Мочанов выделяет еще долота — ножевидные пластинки с выемками на конце, сформованными крутой ретушью или сколами. Однако трасологический анализ этих орудий не производился, поэтому трудно считать окончательно решенным вопрос об их функции. Довольно часты находки комбинированных орудий — совмещение функционально разных типов орудий на одной заготовке.

Хронология сумнагинской культуры определяется большой серией дат по C_{14}, полученных в процессе исследования памятников. Эти датировки помещают ее в VIII—IV тысячелетия до н. э.

Внутреннее развитие культуры проследить по материалам даже ряда многослойных памятников чрезвычайно трудно. Каменная индустрия сумнагинцев, являющаяся основным источником, полученным при раскопках, удивительно однообразна на всем протяжении существования культуры. Тем не менее Ю. А. Мочанов даже в самом начале изучения сумнагинской культуры счел возможным выделить два этапа в ее развитии (Мочанов, 1966). И в последующих своих работах он (Мочанов, 1977. С. 218) делит сумнагинские материалы на хронологические этапы, пользуясь при этом стратиграфическими данными и радиокарбоновыми датами. По этим данным, древнейшими памятниками сумнагинской культуры являются слои Va и IVб стоянки Усть-Тимптон, второй этап представлен слоем IVa стоянки Усть-Тимптон и слоями XX—XI стоянки Белькачи I, последний этап — слоями X—VIII поселения Белькачи I и слоями 38—17 стоянки Сумнагин I.

Происхождение культуры остается, по мнению Ю. А. Мочанова (Мочанов, 1977. С. 290), пока неясным. Наиболее тесные связи в материальной культуре прослеживаются с позднепалеолитической кокоревской культурой на Енисее. Судьба сумнагинской культуры тоже не вполне ясна, но, вероятно, ее элементы входят в состав неолитической сыалахской культуры (Мочанов, 1977. С. 253).

Экономика населения сумнагинской культуры была основана главным образом на охоте на крупных млекопитающих. Основой питания, по мнению палеозоолога О. В. Егорова (Егоров, 1969), был лось. Употреблялись в пищу северный олень, косуля, бурый медведь, гораздо реже боровая и водоплавающая птица. Рыболовство, по-видимому, применялось только спорадически. Разумеется, существовали и различные домашние производства, связанные в первую очередь с обработкой продуктов охоты (разделка добычи, выделка шкур, обработка кожи и кости и т. д.). Развивалась деревообработка. О домостроительстве населения нам известно очень мало. Скорее всего, люди, оставившие сумнагинскую культуру, жили в наземных жилищах типа чумов, что, по-видимому, было связано с достаточно подвижным образом жизни.

Мезолит Таймыра. На Таймырском п-ове Л. П. Хлобыстиным (Хлобыстин, 1970, 1973) исследовано несколько памятников, относящихся, по-видимому, к мезолиту (табл. 117). В нижнем течении р. Анабар, в 18 км выше пос. Урюнг-Хай, найдена стоянка, находящаяся на правом берегу реки. В собранном геологом Ф. Ф. Ильиным материале нуклеусы конические и призматические одноплощадочные от пластин, с подправленными прямыми площадками, с круговым скалыванием, вкладыши, резцы угловые на пластинах, долото на куске сланца с краями, обработанными ретушью, и с пришлифованным лезвием.

Стоянка Тимир-Бибир находится на одноименной реке, относящейся к бассейну р. Анабар. На поверхности третьей террасы найдены изделия из кремнистого сланца. Это наконечники стрел на пластинах с ретушью на брюшке, на черешке и на острие пера или по краям пера, вкладыши, резцы на углу сломанной пластины, концевые скребки на отщепах, скребки-ножи на пластинах.

Стоянка Тагенар VI исследовалась Л. П. Хлобыстиным в 1967 г. Располагается на первой надпойме левого берега р. Тагенар, в 5 км от впадения ее в Волочанку (Хета-Хатанга), в 5—7 м над уровнем реки. Раскопано 39 кв. м. Слой с находками залегал на глубине 1,20—1,32 м. Это была прослойка гумуса с углем. Находки располагались вокруг кострища, в котором встречались угли, камни, кости животных и птиц. Определены зубы северного оленя.

Нуклеусы, найденные на памятнике, подконические и подпризматические, одноплощадочные, с круговым или односторонним скалыванием, с прямыми подправленными площадками, от пластин. Скребки на пластинах концевые (в том числе скошенные). Резцы угловые на пластинах, вкладыши с затупленным краем на пластинах, ножи на пластинах, в том числе с противолежащей ретушью, долото на расколотом нуклеусе. Среди комбинированных орудий скребки-ножи. Найдены отщепы кремнистого сланца со следами шлифовки.

Даты по С14 : 5160±60 (ЛЕ-789) и 6020±100 (ЛЕ-884) лет тому назад. Палинологический анализ, проведенный Г. М. Левковской, показал наличие лесов северотаежного типа вокруг места стоянки во время ее существования, что говорит об атлантическом периоде.

Стоянка Пясина I расположена на левом берегу р. Пясины, в 5 км ниже устья р. Большой Коренной, на террасе высотой около 9 м над уровнем реки. Находки встречались в слое темно-коричневого гумуса мощностью 0,03—0,06 м. В составе инвентаря концевые скребки на пластинах и отщепе, боковые скребки на пластинах, угловые резцы на пластинах, пилки на пластинах, проколки, резцы-ножи, скребки-ножи, скребки-вкладыши и т. д.

Ниже по течению р. Пясины на 1,5—2 км, на правом берегу у оз. Чаячьего, на 8-метровой террасе, на мысу у ручья найдены стоянки Пясина III и IV. Первая из них в одном скоплении дала находку концевого скребка на пластине и пластин. В другом скоплении были найдены подпризматический двухплощадочный нуклеус от пластин, с трехсторонним скалыванием, с прямыми неподработанными площадками, подокруглый скребок на отщепе, сломанный концевой скребок на пластине, угловые резцы на пластинах, наконечники стрел на пластинах иволистной (?) формы, с черешками, обработанными по двум краям полукрутой ретушью на брюшке и частично на спинке. На стоянке Пясина IV найдены угловой резец на пластине, «резчик», скребки концевые, боковые, подокруглые и неправильной формы, скобель.

Стоянка Лантошка II находится на правом берегу Пясины, недалеко от устья р. Лантошки, на 8—10-метровой террасе. Среди инвентаря, собранного на памятнике,— вкладыши, скребок, наконечник стрелы, аналогичный найденным на стоянке Пясина III.

Мезолит Камчатки (карта 14). Вопрос о мезолите здесь очень сложен, во-первых, потому, что изучено еще незначительное число памятников, во-вторых, потому, что плохо известна палеогеография региона.

История исследования мезолита Камчатки очень коротка. В 1962 г., при раскопках неолитических поселений на Ушковском озере, Н. Н. Диков открыл здесь более ранние слои, лежащие под неолитическими (Диков, 1977). Он датировал их поздним палеолитом, однако радиокарбоновые даты помещают их в начало голоцена.

Стоянка Ушки I (Первая Ушковская) находится на южном берегу Ушковского озера, в 18 км от пос. Козыревск. Раскопана Н. Н. Диковым (Диков, 1977, 1979). Поселение располагается на Каменном мысе, на высоте 3,5—4 м над уровнем озера. Два нижних культурных слоя памятника (VII и VI) имеют еще плейстоценовые радиоуглеродные датировки, рассматривались в томе «Палеолит» и поэтому остаются за пределами нашего разбора.

Однако слой V, по-видимому, уже имеет раннеголоценовый возраст, хотя, как наверное справедливо считает Н. Н. Диков, он представляет собой продолжение развития нижележащих слоев. Этот культурный слой прослеживался в нижней части буровато-желтой супеси (литологический слой 23 по разрезу поселения), раскопан на площади 344 кв. м.

В нем обнаружены следы нескольких конструкций, представлявших, по мнению Н. Н. Дикова, остатки шалашевидных наземных жилищ. Первая такая постройка в юго-западной части раскопа обнаруживалась в виде углистого пятна овальной формы размерами 7×4 м. В его центре обнаружены два камня (остатки конструкции очага?). Далее к северо-востоку сохранилась еще одна углистая площадка неправильно округлой формы диаметром 6 м. В ней тоже от очага сохранились только два камня. Еще одна неправильно округлая углистая площадка располагалась рядом с предыдущей, имела диаметр 4 м. Рядом с ней была овальная яма размерами 2× ×1,5 м, глубиной 0,6 м от дна культурного слоя, в ней были кости животных. В этом жилище тоже был, вероятно, очаг из камней, так как несколько их прослежены лежащими вокруг округлого кострища в центре жилища. Следы четвертой постройки обнаружены в восточной части раскопа. Она тоже была неправильно округлых очертаний диаметром около 3 м. В центре, по-видимому, был очаг, не сохранившийся в первоначальном виде.

В этом слое найдены клиновидные нуклеусы, наконечники стрел с двусторонней обработкой, ножи на массивных отщепах, «выпрямители древков

стрел» — абразивы с желобком, резцы, скребки. Там же были кусочки красной краски — гематита (табл. 120).

Ранненеолитический, по мнению Н. Н. Дикова, слой IV залегал в темной погребенной почве (литологический слой 20) под V слоем вулканического пепла. Раскопан на той же площади. В нем обнаружены две хозяйственные ямы и большое пятно охры овальной формы размерами 1,3×0,7 м, где были остатки костей. Н. Н. Диков считает, что это пятно можно считать погребением. По мнению Л. В. Кольцова, этот слой можно отнести к мезолиту.

В составе инвентаря его, изготовленного из обсидиана и кремня, призматические одноплощадочные нуклеусы от пластин с односторонним скалыванием, вкладыши, отщепы с ретушью, абразивы из песчаника.

Стоянка Ушки II (вторая Ушковская) расположена в 500 м к востоку от предыдущей. На стоянке в 1962—1964 гг. раскопана Н. Н. Диковым площадь 260 кв. м. В слое V, лежавшем в сером плотном суглинке, обнаружены четыре небольших ямки и следы костра. Каменный инвентарь изготавливался из кремня, кремнистого и глинистого сланца. В его составе клиновидные или торцевые нуклеусы от пластин, одноплощадочные, с прямыми неподработанными площадками, аморфные ядрища от отщепов, скребки концевые (иногда в сочетании с ножами), на отщепах, ножи на пластинах и отщепах, скребло на плоской гальке с выпуклым лезвием, наконечники стрел листовидной формы с двусторонней обработкой.

Слой IV (ранненеолитический по терминологии Н. Н. Дикова) залегал в черной гумусированной супеси. Обнаружены остатки очага в виде углистого пятна округлой формы диаметром 0,6 м.

Каменные изделия включали серию подпризматических и подконических нуклеусов от пластин с прямыми или скошенными, иногда подработанными площадками, с круговым скалыванием. Скребки в основном концевые на пластинах и отщепах, иногда со сплошной плоской ретушью на спинке или ретушью на боковом краю. Резцы срединные на пластинах. Серия наконечников стрел представлена главным образом хорошо ретушированными с двух сторон черешковыми формами. Есть один наконечник на отщепе, ретушированный круто по периметру. Встречены ножи на пластинах, а также нож на отщепе с двусторонней обработкой. Найдено тесло с зауженным обухом, оббитое с двух сторон.

Стоянка Ушки IV (четвертая Ушковская) расположена к западу от Ушков I. Слой V здесь находился в гумусированной черно-бурой супеси. В нем найдены кремневые и обсидиановые отщепы. Вскрыт на площади 8 кв. м. Слой IV — тоже в гумусированной супеси, но выше, вскрыт на площади 6 кв. м. Обнаружены два очажных пятна. Найдены обломки двух наконечников, аналогичных имеющимся на стоянках Ушки I и II, и срединный резец.

Таким образом, основные раннеголоценовые комплексы на Камчатке представлены материалами I и II Ушковских стоянок (V и IV слои). Вероятно, Н. Н. Диков прав, когда считает, что слои V обоих памятников являются продолжением развития еще плейстоценовых нижележащих слоев. Техника раскалывания кремня в указанных слоях характеризуется наличием клиновидных или торцевых нуклеусов от ножевидных пластин, а также аморфных ядрищ от отщепов; при обработке орудий заметно преобладание крутой ретуши. Скребки в большинстве случаев концевые, на отщепах, имеют выпуклые рабочие лезвия, сформованные крутой среднефасеточной ретушью. Резцы довольно аморфные, их трудно отнести к определенному типу. Единичны скребла на гальках с выпуклым лезвием, обработанным очень крутой ретушью. Встречены ножи на массивных отщепах с двумя сходящимися под острым углом прямыми краями, а также ножи на пластинах с прямым ретушированным краем. Есть наконечники стрел листовидной формы с двусторонней обработкой довольно тщательной отжимной ретушью. Найдены абразивы — песчаниковые «выпрямители древков стрел».

Этот комплекс находок, как справедливо считает Н. Н. Диков, трудно связывать с дюктайской позднепалеолитической культурой. Вероятнее всего, он представляет собой несколько иное, хотя еще и малоизученное, культурное явление. О направлении его культурных связей говорить пока с полной определенностью трудно.

Хронология его определяется тоже недостаточно точно. Можно только сказать, что эти комплексы находок относятся к началу голоцена.

Занятия населения, оставившего этот культурный вариант, устанавливаются, судя по комплексу находок, с большой определенностью. По-видимому, основой его была охота, хотя пока трудно согласиться с Н. Н. Диковым, считающим, что охотились тогда на морских животных (Диков, 1979, С. 77, 78). Данных, иллюстрирующих эту мысль, пока недостаточно. Видимо, практиковалось и собирательство, хотя прямых указаний на это в материале нет.

Вряд ли следует здесь останавливаться на попытках отнесения этих находок к какому-либо этносу. Их так мало, что выносить категоричное решение по этому вопросу было бы рискованным и преждевременным.

Второй культурный комплекс первой половины голоцена представлен слоями IV стоянок Ушки I и II. Н. Н. Диков называет его ранненеолитическим. Возможно, что это так и есть. Однако обращает на себя внимание некоторая технологическая особенность комплекса.

Прежде всего раскалывание кремня здесь определяется по наличию четко выраженных подпризматических и подконических нуклеусов от пластин с круговым скалыванием. Нет клиновидных или торцевых ядрищ. При обработке орудий значительная доля отводится плоской или полукрутой ретуши. Скребки, как и в предыдущем культурном варианте, в основном концевые, но в отличие от более раннего комплекса здесь есть орудия, покрытые на спинке сплошной ретушью. Отсутствуют типичные скребла. Резцы становятся более четко выраженными, изготавливаются на пластинах, имеют узкие короткие резцовые сколы. По оформлению режущего лезвия их можно отнести к типу срединных. Ножи изготавливались на пластинах и ретушировались по одному краю на спинке или на брюшке, реже по двум краям. Встречены массивные ножи с бифасиальным характе-

ром обработки. Рубящие орудия представлены редкими теслами подтрапециевидной формы с зауженным обухом, оббитыми с двух сторон.

Этот ансамбль орудий по целому ряду параметров отличается от предыдущего, не имел, видимо, с ним никакой генетической связи. Вместе с тем он отличается и от комплексов сумнагинской культуры, если хотя бы иметь в виду почти полное отсутствие вкладышей на пластинах, столь характерных для сумнагинских памятников. Происхождение второго камчатского раннеголоценового культурного комплекса тоже остается неясным, как и его хронология. Вполне вероятно, что именно он дает начало собственно неолиту Камчатки, хотя и эта проблема требует дополнительного исследования.

Ряд памятников мезолитического возраста обнаружен Н. Н. Диковым в 1971—1975 гг. в бассейне Верхней Колымы. Сибердиковская стоянка находится в устье р. Малый Сибердик, на правом берегу р. Детрин, располагается на мысу 14-метровой террасы. Раскопано свыше 800 кв. м. III культурный горизонт памятника, интересующий нас, залегал в оторфованном горизонте в супесчаных отложениях. Обнаружены очаги, вероятно обложенные камнями. Возможно, что в этом слое было погребение (кости сохранились очень плохо). Найдены остатки мастерских по обработке камня. Встречены кости дикой лошади. Слой имеет радиокарбоновые даты 8020±±80 (Крил-50) и 8480±200 (Крил-249) до наших дней, т. е. он датируется второй половиной VII тысячелетия до н. э.

В составе инвентаря клиновидные нуклеусы от пластин с прямыми неподправленными площадками, с торцевым скалыванием, концевые скребки на отщепах, срединные резцы на сработанных нуклеусах, вкладыши с ретушью по краю на брюшке. Найден обломок листовидного наконечника дротика (?) с двусторонней плоской ретушью.

Стоянка Конго находится в устье р. Конго, правого притока Колымы, на его правом берегу. Располагается на 14-метровой террасе. Раскопано около 300 кв. м. На стоянке два культурных слоя. Верхний залегал в прослойках песка и имеет дату по C_{14} 8655±220 лет назад (МАГ-196). Нижний слой лежал в гумусированном коричневом суглинке с радиокарбоновой датой 9470±930 лет назад (Крил-314). При раскопках встречены очаги.

В составе инвентаря концевые скребки на отщепах, срединные и угловые резцы на отщепах, острия со скошенным концом на пластинах, ножи на пластинах с двумя ретушированными краями, вкладыши на сечениях пластин. Пластины отжимались с подконических одноплощадочных нуклеусов с круговым скалыванием. Найдены чопперовидные орудия. Здесь же обнаружены листовидные наконечники стрел с плоской двусторонней ретушью (табл. 120).

Эти памятники Н. Н. Диков объединяет под названием сибердиковской культуры. Однако, на наш взгляд, для выделения особой культуры еще недостаточно материала.

Малтанская стоянка располагается на 8-метровой террасе левого берега р. Малтан, правого притока р. Бахапчу, правого притока Колымы. Раскопано Н. Н. Диковым свыше 100 кв. м. Нижний слой залегал в желтой и серо-желтой супеси с примесью гальки. При раскопках выявлены три хозяйственные ямы и восемь очагов. Слой имеет радиокарбоновый возраст 7490±70 лет назад (МАГ-183).

Орудия изготовлены из вулканического туфа. Нуклеусы от пластин конические с круговым скалыванием, с прямыми неподправленными площадками, а также призматические одноплощадочные от пластин и отщепов с двусторонним скалыванием и аморфные от отщепов. В составе коллекции серия скребловидных орудий на плитках, ножи на отщепах и осколках с плоской ретушью по одному или двум краям, тесловидные орудия (табл. 120).

Заключение

Познакомившись с основными разделами выпуска, можно получить некоторое представление об историческом процессе, проходившем в IX—VI тысячелетиях до н. э. в разных регионах нашей страны. Однако это впечатление, как нам кажется, нуждается в хотя бы минимальном обобщении. Поэтому попытаемся привести фрагментированные данные в определенную систему, пусть еще далеко не полную из-за обрывочности фактов о заселении человеком в мезолитическое время разных районов нашей страны. В самом деле, как мог понять читатель, мезолит отдельных регионов СССР, причем часто очень обширных, далеко не полно изучен. В Сибири, например, и на Дальнем Востоке мезолитическое заселение выявлено в отдельных пунктах, а бóльшая часть этих необозримых пространств остается белым пятном на мезолитической карте. Почти то же самое можно сказать об огромной части территории Средней Азии, где многое остается не вполне ясным. Мезолитические памятники Кавказа открыты не на всей его территории. Да и Европейская часть СССР, давно обжитая археологами, изучена неравномерно: очень слабое представление мы имеем о мезолите Нижнего Поволжья, далеко не все известно о мезолите Европейского Севера, требуют дополнительного исследования некоторые районы Украины и т. д. Все это не позволяет с исчерпывающей полнотой изложить историю нашей страны в указанный выше временной отрезок.

Вопрос о расселении человека по территории нашей страны в мезолите осложняется еще и тем, что пока у нас слабо изучен финальный палеолит, с памятниками которого следовало бы связывать происхождение мезолитических культур. Действительно, даже в ряде районов Европейской части СССР памятники финального палеолита или остаются неизвестными совсем, или представлены бедными стоянками, плохо характеризующими материальную культуру периода. В некоторых местах (Кавказ, Средняя Азия, Южная Сибирь) развитие позднепалеолитической индустрии продолжается, по-видимому, и в мезолите, что затрудняет проведение хронологической границы между палеолитом и мезолитом. Острота этого вопроса ясна, если вспомнить, как разные исследователи по-разному датируют начало мезолита, что нашло отражение и в настоящем выпуске (см., например, датировки раннемезолитических памятников на Украине, в Средней Азии, Южной Сибири).

Итак, обратимся к картине, которую мы имеем в финале позднего плейстоцена на территории нашей страны, к совершенно определенным данным, полученным с помощью естественных наук. Концом плейстоцена, несомненно, по радиокарбону, геологическим и пыльцевым анализам датируются в рамках Европейской части СССР памятники свидерской и аренсбургской культур, расположенные на территории Литвы, Белоруссии и Украины, финальные памятники молодовской культуры в Поднестровье, ряд памятников Кавказа и Средней Азии (последние по аналогии с памятниками Южного Прикаспия) и, вероятно, нижние слои южносибирских стоянок (например, Верхоленской Горы и Усть-Белой). Не совсем ясно положение с дальневосточными стоянками типа Устиновка. Все перечисленные культуры или памятники уже долгое время остаются предметом живейших дискуссий на тему: куда их относить — к палеолиту или мезолиту?

В начале голоцена складывается ряд мезолитических культур, которые появляются в разных районах нашей страны. В Европейской части СССР можно считать заселенными в это время Прибалтику, Белоруссию, возможно, западную часть Волго-Окского междуречья, бóльшую часть Украины.

Еще в конце плейстоцена начинается сближение свидерской и аренсбургской культур, особенно заметное в бассейне р. Немана. Это сближение привело в конце концов к сложению на их основе нескольких мезолитических культур в начале голоцена. Одной из таких культур была неманская, расположенная в бассейне р. Немана, в современных Литве и Северо-Западной Белоруссии. Эта культура была в значительной мере прямым наследником свидерской. Ее население (потомки части населения свидерской культуры) сумело довольно быстро адаптироваться к изменившимся в голоцене в этом районе природным условиям.

Второй постсвидерской культурой была кундская. Она заняла площадь современной Эстонии, части Латвии и, вероятно, часть Ленинградской обл. Здесь очень рано начала проявляться специфика местного развития материальной культуры, вызванная в первую очередь низким качеством местного каменного сырья. Тем не менее намечается группа связей со свидерской культурой, что дает основание учитывать свидерский компонент в сложении кундской культуры.

Третьей, несомненно, постсвидерской культурой была бутовская, в начале своего существования занявшая западную часть Волго-Окского междуречья. Расселение наследников свидерской культуры на север и северо-восток от ее исконного ядра обитания было одной из важных раннеголоценовых миграций.

Причины распада свидерской культуры мы уже рассматривали. Отдельные группы позднесвидерского населения в конце существования культуры проникают и в другие районы СССР. Этим объясняется, по-видимому, нахождение группы свидерских памятников на севере Украины, в Полесье, на Карпатах и в Крыму, что в последнем случае иллюстрируется таким ярким памятником, как Сюрень 2, выбивающимся из культурного контекста конца плей-

стоцена — начала голоцена на Крымском п-ове. Однако, думается, что эти группы свидерского населения не привнесли существенного влияния на судьбы коренного населения Карпат или Крыма.

Другое дело на Севере Европейской части СССР, где свидерские традиции существовали относительно долго, вероятно до начала неолита включительно. Причины такой устойчивости, кажется, следует искать в том, что, несмотря на изменение природной обстановки в голоцене в целом, часть экономических (и культурных) традиций населения находила себе пищу для существования. Вместе с тем диалектика развития этих новых культурных постсвидерских объединений заключалась и в медленной, постепенной, но неуклонной и успешной адаптации их населения к изменяющимся природным условиям, что выразилось в стабилизации технических и типологических черт их каменной индустрии. Конечно, археологам еще предстоит выявить детали сложения этих новых культур и адаптации их населения к новым природным условиям.

Вторая крупная миграция в Европе на рубеже плейстоцена — голоцена связана с продвижением на север населения аренсбургской культуры. Она привела, вероятно, к сложению новых мезолитических культур: фосна, располагающейся в Норвегии и Швеции, комса, захватившей самую северную часть Европейского материка, включая Кольский п-ов, аскола-суомусярви в современной Финляндии и Карелии. (Гипотеза Г. А. Панкрушева о заселении с востока, с Урала, как нам кажется, не подтверждается пока материалом. В самом деле, пластинчатая индустрия Медвежьей пещеры не находит аналогов в ранних памятниках Карелии. И наоборот, многие типологические черты карельского мезолита имеют отголоски в аренсбургских памятниках. Однако путь, которым попало в Карелию ее первое население, предстоит еще выяснить: было ли это движение с юга или с запада, остается пока неясным.)

У этих новых северных культур, предок которых базировал свою экономику на охоте на северного оленя, тоже видны существенные признаки адаптации к новым районам и новой экологии. По-видимому, они теперь в значительной мере основывали свое хозяйство на охоте на водоплавающих животных (тюлень, нерпа, морж), что подтверждается рядом фактов. Исключение представляет собой мезолит Карелии, население которого сохраняло в общих чертах традиционную экономику.

Объединенная свидерско-аренсбургская миграция имела и еще одно направление. Как представляется, группа памятников Восточной Белоруссии (в бассейне Днепра и Сожа) сложилась тоже на основе сближения этих культур. Однако в отличие от культур Прибалтики и Верхнего Поволжья в Поднепровье превалировали аренсбургские, а не свидерские элементы. Причины такого различия культур, сложившихся практически на одной основе, еще предстоит выяснить.

Не совсем ясно происхождение памятников типа Веретье на Севере Европейской части СССР. Радиокарбоновые даты не уточняют хронологию этих памятников. Поэтому их существование на рубеже плейстоцена — голоцена и в начале голоцена остается проблематичным. Вместе с тем по некоторым признакам их происхождение можно связывать с расселением племен постсвидерской культурной традиции.

Гораздо сложнее обстоит дело с украинскими мезолитическими культурами. Стоянка Сюрень 2, о которой уже упоминалось и которая имеет несомненное свидерское генетическое родство, относится, по-видимому, к концу плейстоцена или к самому началу голоцена. Однако население, оставившее ее, не внесло сколько-нибудь серьезного вклада в дальнейшее развитие культуры Крыма. Вероятно, в Крыму основная линия развития связана с памятниками типа нижних слоев Шан-Кобы, которые могут датироваться переходом от плейстоцена к голоцену.

Не совсем ясно хронологическое положение стоянок типа Осокоровка слоя IIIB. Украинские исследователи рассматривают их возраст по-разному. Д. Я. Телегин считает эти памятники, как и стоянку Рогалик, раннемезолитическими (Телегін, 1982). Однако В. Н. Станко (Станко, 1982) относит их к финальному палеолиту. Эта точка зрения кажется более убедительной. Параллельно с ними существуют финальные памятники молодовской культуры. Они представлены верхними слоями стоянки Молодова V, датирующимися по радиокарбону первой половиной IX тысячелетия до н. э. По-видимому, все перечисленные поселения являются непосредственными предшественниками раннего мезолита на территории юго-запада нашей страны.

Таким образом, несомненно раннемезолитическими следует считать памятники горного Крыма, представленные пещерными стоянками типа нижних слоев стоянки Шан-Коба, происхождение которых недостаточно ясно. Можно, однако, полагать, что эти стоянки принадлежат к обширному кругу культур с геометрическими микролитами Средиземноморского бассейна. Вторым раннемезолитическим регионом следует считать юго-запад нашей страны, где распространяются памятники типа Белолесье. Их происхождение исследователями увязывается с финальными поселениями юго-восточного граветта или эпиграветта, распространенного в нижней части бассейна Дуная. Вероятно, к раннему мезолиту надо отнести и часть памятников осокоровско-рогаликского типа, сложившихся на местной основе. Вот как вырисовывается раннемезолитическое заселение Юго-Запада СССР. Как можно понять из вышеизложенного, такая пятнистость объясняется не только или, вернее, не столько редким заселением территории, сколько ее недостаточной изученностью.

Мезолитические памятники Кавказа не имеют пока датировок по методам естественных наук. Не очень уверенные аналогии с находками в горах Загроса позволяют говорить об очень ранних датах мезолита Кавказа. Следовательно, можно считать, что, во всяком случае, в Закавказье те культуры, которые сложились еще в позднем плейстоцене, продолжали свое развитие и в раннем голоцене. Совершенно определенно можно сказать, что заселение Кавказа связано с переднеазиатскими позднепалеолитическими культурами, что памятники кавказских и переднеазиатских культур принадлежали к одному культурному кругу. Тем не менее микроэкологические условия Кавказского региона диктовали

особенности развития мезолитических культур кавказского ареала как в позднем палеолите, так и в мезолите, что привело к культурной мозаике, культурному обособлению в мезолите Кавказа.

Средняя Азия тоже, по-видимому, в раннем мезолите была заселена не повсеместно. Вероятно, в Закаспии появилась какая-то группа населения, отмеченная в нижних слоях пещер Дам-Дам-Чешме 1 и 2, своим происхождением связанная с Южным Прикаспием. Развитие этой культуры тоже началось в плейстоцене и продолжалось в голоцене.

Весьма вероятно, что часть населения Южного Прикаспия, характеризующаяся асимметричными формами геометрических микролитов, совершила далекий путь по восточному берегу Каспийского моря в Южное Зауралье, где складывается в начале голоцена (а может быть, и в позднем плейстоцене) янгельская мезолитическая культура с такими же формами микролитов. В Южном Приуралье в это время развивается романовско-ильмурзинская культура, начало которой следует искать в местном позднем палеолите, представленном, видимо, нижними слоями стоянки Ильмурзино. Судя по характеру инвентаря, обе стороны Уральского хребта были заселены в раннем мезолите населением с разными культурными традициями и, вероятно, разным происхождением.

Вполне возможно, что часть самых южных районов нашей страны была заселена уже в позднем плейстоцене, о чем, в частности, свидетельствуют нижние слои стоянки Туткаул. Эта же культура продолжает развиваться и в раннем голоцене. В позднем же плейстоцене начинает складываться и культура северо-восточного Казахстана, судя по материалам стоянок Виноградовско-Тельманского р-на. На всей остальной территории Средней Азии и Казахстана мезолитическое население, вероятно, появляется позднее, может быть, за исключением некоторых районов горного Памира.

Совершенно неизвестны раннеголоценовые памятники Западной Сибири. В Средней и Восточной Сибири на юге продолжает развиваться население, оставившее культуру типа Верхоленская Гора и Усть-Белая. Оно не только осваивает Приангарье, но и распространяется, по-видимому, в Забайкалье, частично в Приамурье и в долину Верхнего Енисея. С начала голоцена в бассейне Алдана существует сумнагинская культура, происхождение которой, возможно, следует искать в палеолите Енисея. На Камчатке продолжает существовать население, оставившее нижние слои Ушковских стоянок. Вот и все, что мы пока можем сказать о раннем мезолите Сибири и Дальнего Востока.

Посмотрим, как меняется положение в мезолитической истории на уровне позднего мезолита. Продолжают свое развитие культуры Севера Европейской части СССР. Мы видим здесь только отдельные частные изменения в их материальной культуре, не меняющей общей картины. Наблюдается дальнейшее освоение новых территорий, что выразилось в заселении бассейнов Северной Двины, Печоры и Мезени, вероятно, какими-то потомками уже известных постсвидерских культур.

В Прибалтике и Белоруссии тоже мало изменений. Продолжают существовать уже известные в раннем мезолите человеческие сообщества. Появляется только одна новая культурная единица: с запада приходит население, оставившее яниславицкую культуру. Не совсем ясны отношения вновь пришедших с туземным, как можно выразиться, населением: с одной стороны, есть памятники, где соседствуют элементы, скажем, неманской и яниславицкой культур, с другой стороны, довольно быстрое продвижение яниславицкого населения на юго-восток и юг, о чем говорят факты, свидетельствует о невозможности его дальнейшего пребывания в бассейне Немана и в Поднепровье.

Изменяется положение в Волго-Окском бассейне. Здесь наряду с бутовским населением, уже достаточно прочно освоившим западную часть региона, появляется другая группа, родственная населению Восточной Белоруссии и Северной Украины, оставившая иеневскую культуру, которая вытеснила «бутовцев» в восточную часть Волго-Окского междуречья, а некоторые их группы вынудила уйти из региона совсем в бассейн Сухоны и в Среднее Поволжье. В свою очередь, враждебность к окружающему миру и вследствие этого замкнутость привели к внутренней деградации и исчезновению иеневского населения.

Появляются новые группы на Востоке Европейской части СССР: это усть-камская и камская культуры. Первая из них тоже, как и иеневская, вероятно, связана с кругом культур Восточной Белоруссии и Северной Украины, их ареалы почти не перекрываются, они сосуществуют на значительном отрезке времени.

Меняется культурная картина на Украине. Продолжается развитие горнокрымской культуры. Исчезают, по-видимому, памятники типа Белолесья. Однако на мезолитической карте проявляется несколько новых культурных явлений. Прежде всего это кукрек, возникший на местной позднепалеолитической культурной основе (мало проявлявшийся на стадии раннего мезолита) и распространившийся очень быстро по территории значительной части Украины. Появляется в Северо-Западном Причерноморье гребениковская культура, которая, возможно, отпочковалась от горнокрымской. Отдельные группы ее населения проникают даже в Приазовье. В Поднестровье распространяется еще одна группа с трапециями в каменном инвентаре (речь идет о памятниках типа Фрумушика); ее происхождение остается спорным. В бассейне Северского Донца с участием пришлого яниславицкого населения формируется донецкая культура. Продолжается развитие родственной коморницкой таценки-кудлаевской культуры и т. д. Все это создает мозаичность в культурной карте Украины, приводя к крльтурным скрещиваниям, что осложняет распознавание культурной принадлежности отдельных памятников.

Мало изменяется культурная карта на Кавказе, только, может быть, в сторону некоторой дифференциации культур. Зато в Средней Азии в позднемезолитическое время несомненно освоение пустынь, поскольку целый ряд памятников открыт в Кызылкумах и на Устюрте. Все они носят специфический характер, являясь в то же время как бы ступенями развития предыдущих культур. Появляется мезолитическое население в Ферганской долине. Осваива-

ется Восточный Прикаспий, некоторые части Западного Казахстана, расширяется заселение Памира.

В позднем мезолите мы видим новую группу населения и в Среднем Зауралье (кокшаровско-юрьинская культура). По-видимому, она теснейшим образом генетически или родственно связана с камской культурой Приуралья. Отдельные стоянки этого времени встречены на севере Сибири — на Ямальском и Таймырском п-овах, куда человек, очевидно, проникает в поисках охотничьей добычи. Продолжается развитие мезолита Южной Сибири. Расширяется ареал сумнагинской культуры, которая распространяется до Охотского моря. Выявлены позднемезолитические стоянки в верховьях Колымы. Наконец, именно к позднему мезолиту относится заселение Сахалина и, возможно, Курильских островов.

Такова в общих чертах история людей мезолитического времени на территории СССР. Конечно, в нашем изображении она представлена как канва для будущих более детальных исследований по отдельным регионам и по всей территории нашей страны в целом. К сказанному необходимо добавить, что подавляющее большинство мезолитических культур СССР дало начало новым неолитическим культурам; характер этого процесса будет рассмотрен в томе «Неолит».

* * *

Интересно теперь обратиться к образу жизни и быту людей, живших на территории СССР в мезолитическую эпоху. Все факты, полученные из многочисленных стоянок, найденных в нашей стране, показывают, что основой хозяйства во всех регионах была охота. Разумеется, охотничья добыча, т. е. виды животных, на которых охотился человек, была разной в зависимости от экологической ниши. Различными были приемы и средства охоты. Так, в лесной зоне в основном практиковалась охота с луком (как с ручным, так, возможно, судя по находкам в Висском торфянике, и с луком-самострелом). Вероятно, только этот вид охоты в условиях лесной зоны был эффективным. Очевидно, применялись здесь и способы охоты другого порядка, в частности поколюги на переправах через реки, ямы-ловушки, западни и т. д., но они носили эпизодический характер. Охота с луком, конечно, не была каким-то застывшим и не изменявшимся видом хозяйства. С течением времени она видоизменялась, усложнялась и дифференцировалась, о чем свидетельствует расширение ассортимента форм наконечников стрел в позднемезолитическое время. Появление в серии памятников лесной зоны на ступени позднего мезолита коротких симметричных трапеций, использовавшихся, как показал трасологический анализ, в качестве самостоятельных наконечников стрел с поперечным лезвием, свидетельствует о возможном появлении новых видов охоты именно на ступени позднего мезолита лесной зоны.

В условиях открытых степных ландшафтов лук, конечно, тоже использовался, и достаточно широко. Однако состав охотничьей добычи предполагает здесь сохранение некоторых старых, возникших еще в палеолите способов охоты, в частности загонной охоты. Думается, что она сохраняет только эпизодическое значение. В горных районах преобладающее значение получает лук. Но и здесь, по-видимому, загонная охота еще применялась.

Преобладание охоты с луком заставило изменить состав охотничьих экспедиций. Теперь уже не было необходимости в участии в охоте больших групп населения. Стала возможной охота небольшими коллективами охотников, что делало ее не менее эффективной и давало возможность посылать такие небольшие группы в разных направлениях от места обитания, полнее осваивать охотничью территорию данного социального коллектива. Вместе с тем это способствовало интенсификации охоты и более быстрому уничтожению животных на каждой данной охотничьей территории. Все это вызвало к жизни два обстоятельства, приведших к изменению в образе жизни людей. Одно из них выразилось в необходимости более частого передвижения как в пределах данной охотничьей территории, так и вне ее. Отсюда мы встречаемся часто в рамках мезолитической эпохи с небольшими по площади, кратковременными стоянками, порой не имеющими следов каких-либо жилых конструкций. Второе обстоятельство — сокращение количественного состава социально-производственных коллективов, что также видно по характеру поселений и жилищ.

Интенсификация охоты, порой сокращение охотничьей добычи привели к развитию еще двух видов хозяйства — собирательства и рыболовства. Собирательство, разумеется, появилось в палеолите. Однако, вероятно, только в мезолите оно приобрело характер выборочного. Об этом говорят находки моллюсков на ряде стоянок, скорлупы лесных и водяных орехов. Думается, что в южных районах могли широко использоваться для этого и дикорастущие злаки. Во всяком случае знакомство с их пищевыми достоинствами, несомненно, осуществилось задолго до появления земледелия.

Рыболовство в мезолите становится не случайным видом хозяйства в виде охоты на рыбу или ловли ее проходных видов во время нереста, как это, может быть, было в палеолите, хотя эти виды рыбной ловли, конечно, в мезолите могли сохраниться. В ряде районов именно в мезолите появляются рыболовные крючки, что говорит о ловле рыбы с леской из сухожилий, а в конце мезолита мы встречаемся уже с находками остатков сетей, что, несомненно, свидетельствует в пользу появления целенаправленного рыболовства как особой формы хозяйства с возможным использованием при этом лодок. Трудно сейчас сказать об эффективности мезолитических способов ловли рыбы, но то, что этот вид деятельности получил самостоятельное выражение, сомнений нет.

Все перечисленные виды хозяйства были направлены на добывание пищи. Однако, разумеется, они не были единственными. Обработка охотничьей добычи требовала еще нескольких видов хозяйства. Прежде всего это разделка добычи. Ни один материал не выбрасывался, не терялся. Мясо шло в пищу. Шкуры употреблялись на одежду, обувь, головные уборы, для перекрытия жилищ. Кожа шла на изготовление мешков, ремней и т. д. Рог и кости употреблялись для изготовления орудий. Сухожилия шли на тетиву для луков, на лески, для связывания различных предметов. Из перечисленного видна важ-

ность правильной и тщательной разделки добычи.

Далее вступала в силу обработка других продуктов: выделка шкур, кожи, сухожилий, обработка кости и рога. Пища готовилась на кострах, причем иногда сооружались специальные очаги из камней.

Много времени уделялось изготовлению орудий труда. В качестве материалов использовались различные породы камня, кость, рог, дерево. Орудия были весьма разнообразными, поскольку они должны были полностью обеспечить все трудовые потребности людей.

Важное место в трудовой деятельности занимала постройка жилищ. Большинство найденных при раскопках остатков жилых конструкций принадлежит шалашевидным постройкам. Однако на ряде памятников обнаружены полуземлянки и землянки, сооружение которых требовало согласованности и значительного труда.

Характер самих поселений очень различен. Мы можем выделить среди них базовые лагеря иногда с площадью до гектара, где, видимо, поселялся большой коллектив, собравшийся для каких-то нужд, более или менее постоянные (может быть, сезонные) поселения, принадлежавшие коллективу в несколько десятков человек и, наконец, остановки групп охотников для организации охоты и первичной разделки добычи. Эта разнохарактерность поселений — очень важная черта жизни мезолитического человека. К приведенному выше перечню следует добавить наличие специализированных поселений-мастерских в местах выхода каменного сырья.

Как уже было сказано, мы немного можем сказать по археологическим данным о социальном устройстве в мезолите, во всяком случае не можем его детализировать. Не подвергается сомнению существование в это время первобытнообщинного строя. Но более точное определение характера коллективов, как нам кажется, следует оставить за рамками этой работы.

Несколько слов следует сказать о верованиях мезолитического человека. Они, разумеется, были своеобразны у представителей разных археологических культур. Вместе с тем можно сказать, что у ряда племен существовала вера в загробный мир, поскольку мы находим погребения с богатым инвентарем, предназначенным для продолжения жизни за могилой. Встреченные при исследованиях отдельных памятников фигурки животных могут говорить о зачатках тотемизма. Какой-то семантикой, к сожалению пока не разгаданной, обладала орнаментация костяных и роговых орудий. Узоры на них очень разнообразны и не образуют никаких закономерных серий. Все эти данные не дают возможности более полно восстановить представления мезолитического человека об окружающем мире, его религиозные воззрения.

* * *

При всех значительных успехах изучения мезолита СССР перед его исследователями стоит еще много проблем, которые настоятельно требуют разрешения. Одна из первых в этом ряду — проблема неравномерности изученности мезолита на территории нашей огромной страны. Есть ряд районов, где мезолит или не изучался совсем, или изучен недостаточно. Такая изученность отдельных регионов затрудняет восстановление конкретной истории СССР в эпоху мезолита, делает невозможным сопоставление материалов разных районов.

Недостаточное количество датировок по методам естественных наук затрудняет восстановление хронологии отдельных культур и мезолита в целом. Это явление может, правда, отчасти объясняться тем, что в ряде районов нашей страны мезолитические культурные слои приурочены к песчаным почвам, которые не содействуют сохранности органических материалов и поэтому не дают возможности сбора образцов для радиокарбонового и палинологического анализа. Недостаточно используются и геологические и геоморфологические датировки. Отсюда перед специалистами по мезолиту встает задача поиска болотных местонахождений и старичных шлейфов памятников, расположенных в привычных условиях.

Требует своего уточнения и картина культурного деления мезолитических памятников. В этой связи приобретают огромное значение «культурные определители». В самом деле, как различить и разделить на культуры имеющиеся мезолитические материалы? Для неолита при наличии керамики выделение культур является относительно простой задачей, поскольку сочетание определенных элементов орнамента и форм посуды может служить для определения культурной принадлежности того или иного памятника. Для мезолита определение культурной принадлежности затруднено, так как керамика отсутствует. Роль «культурного определителя», по нашему мнению, могут сыграть предметы охотничьего вооружения и рубящие орудия, которые в определенных сочетаниях встречаются в определенных культурах. Выделение таких «культурных определителей» будет способствовать точному разграничению мезолитических культур.

Важна проблема поисков могильников для целого ряда культур. На огромной территории СССР встречено лишь несколько мезолитических могильников. Для подавляющего большинства мезолитических культур неизвестен погребальный обряд. В связи с этой проблемой стоит и проблема антропологических типов населения, оставившего мезолитические памятники. Мы очень мало знаем о составе этого населения.

Требует своего разрешения и этнокультурная проблема. Она пока только в значительной мере поставлена, но далеко не решена. Безусловно, она стоит в прямой зависимости с целым рядом других задач.

Очень важна проблема миграций населения в мезолитическую эпоху и связанная с ней проблема контактных зон между мезолитическими культурами. При передвижном образе жизни и специфике хозяйства были неизбежны передвижения населения из одной природной зоны в другую. Одной из самых больших миграций в истории человечества было, по-видимому, заселение северных территорий, своего рода заполнение «территориального вакуума», продвижение на участки Европы и Азии, освободившиеся в начале голоцена от ледников. Более мелкие миграции вызывали наложение ареалов одних культур на другие, что приводило к образованию контактных зон. Археологам еще предстоит много работы для

выяснения характера взаимоотношений разных групп населения в этих контактных зонах. Оно, безусловно, не могло быть однозначным.

Не решен ряд проблем, связанных с экономикой мезолитического человека. Многие детали и аспекты ее в целом ряде случаев мы можем только предполагать. Пока она нам рисуется только в самых общих чертах. Детализация экономического развития — дело будущего. Она должна идти по путям выявления преимущественных объектов охоты и ее способов у отдельных групп населения, восстановления сезонов существования отдельных памятников, построения годовых экономических циклов и т. д. Предложенное в 50-х годах С. Н. Бибиковым понятие «кризис охоты» для мезолитического человека тоже, вероятно, требует уточнения, поскольку, очевидно, он не был всеобщим и всеобъемлющим, т. е. он не объясняет многих исторических явлений в конце мезолитического времени. Необходимо более доскональное знакомство и с другими отраслями хозяйства мезолитических людей.

Проблемы социального устройства в мезолите тоже имеют первостепенное значение. Выше мы уже много говорили об этом. Здесь могут помочь данные этнографии, хотя в их интерполяции на археологические материалы археологу необходимо быть крайне осмотрительным, учитывая общность экологических условий и уровня развития экономики.

Мы перечислили далеко не все проблемы, стоящие перед специалистами по мезолиту. Однако даже этот список показывает, как еще велико поле деятельности для археологов этой специальности. Привлечение к этим вопросам большого количества специалистов разных поколений поможет пролить свет на решение многих проблем.

Подписи к таблицам

Табл. 1. Мезолит Кольского п-ова. Каменные скребки и долотовидные скобели
1, 2, 10, 11, 15, 25, 31, 35, 43, 45, 47, 48, 50, 55, 63, 67 — различные стоянки; *3, 8, 13, 17, 34, 49, 57—59, 72* — Голые Горы III; *4* — Печенга II: *5, 6, 12, 14, 16, 22, 24, 27, 28, 38, 39, 41, 51, 53, 64, 71* — Золотая VI; *7, 9, 18—20, 23, 26, 36, 40, 54, 66, 68, 70, 73, 77, 79* — стоянки южного побережья; *21, 32* — Цып-Наволок X; *29, 61* — Харловка IX; *30* — Лумбовка I; *33, 37, 42, 46, 65* — Черная Речка I; *52* — Каменное Озеро II; *56* — Патсойоки; *62, 75* — Шуонийоки I; *69* — Колосйоки I: *76* — Шуонийоки VI: *78* — Нивка; *1—37, 39—41, 43—61, 63—65, 67—72, 74, 76—78* — скребки; *38, 42, 62, 66, 73, 75, 79* — долотовидные скобели

Табл. 2. Мезолит Кольского п-ова. Каменные наконечники стрел и резцы
1—23, 25—30, 40 — наконечники стрел; *24, 31—39, 41—58* — резцы; *1—23, 25—30, 33, 40, 42, 52, 53* — Черная Речка I; *24, 41, 43, 46, 54, 55* — различные стоянки; *31* — Лумбовка; *32* — Шуонийоки I; *34, 44, 56, 57* — Шуонийоки V; *35, 37, 47, 49, 50* — Золотая VI; *36* — Цып-Наволок X; *38* — Харловка IX; *39* — Амбарная I; *45* — Западная Липа V; *48* — Колосйоки I; *51, 58* — Колосйоки I

Табл. 3. Мезолит Кольского п-ова. Каменные трапеции, вкладыши, ножи, комбинированные орудия
1 — Печенга; *2—16, 18, 20, 28* — Черная Речка I: *17—23* — Голые Горы III; *19* — Амбарная II: *21, 35* — Шуонийоки II; *22* — Цып-Наволок VI; *24, 26* — Лумбовка I; *27* — Золотая VI; *29, 30, 36—38* — Цып-Наволок IV; *31* — Шуонийоки VI; *32* — Морская I; *33* — Цып-Наволок XIII; *34* — Цып-Наволок X: *39* — Цып-Наволок XIV; *1—4, 8* — трапеции; *5—7, 9—18, 21, 24—26* — вкладыши; *19, 20* — поперечнолезвийные наконечники; *22, 23, 27* — проколки и сверла; *28—31* — ножи; *32—39* — комбинированные орудия

Табл. 4. Мезолит Кольского п-ова. Каменные нуклеусы и рубящие орудия
1 — Харловка IX; *2* — Морская I; *3* — Лумбовка I; *4, 11, 15* — Красная I: *5* — Шуонийоки V; *6* — Шуонийоки I; *7, 8* — Колосйоки I; *9* — Большая Мотка I; *10* — Большая Мотка XXIIa; *12, 16, 19* — Шуонийоки VI; *13* — Шуонийоки II; *14* — Черная Речка I: *17* — Цып-Наволок XIV; *18* — Шуонийоки III; *1—3, 6—8, 10—13, 15, 16, 19* — нуклеусы; *4, 5, 9, 14, 17, 18* — рубящие орудия

Табл. 5. Мезолит Карелии. Каменные орудия из кварца и сланца с местными традициями
1—3, 9, 11, 18, 22, 23 — Повенецкая II; *4—6, 8, 10, 12—17, 19, 24—29* — Подужемская II; *7, 20, 21* — Повенецкая III; *30—32* — различные стоянки; *1—6, 8—26, 28, 29* — скребки; *7* — нуклеус; *27* — обломок наконечника копья; *30, 31* — грузила от рыболовных сетей; *32* — листовидный наконечник копья с отверстием

Табл. 6. Мезолит Карелии. Каменные рубящие орудия с местными традициями
1, 3—7, 9—12, 15, 16 — различные стоянки: *2, 8* — Путкинская V; *14* — Повенецкая II; *1, 2, 4* — долота; *3, 7—16* — тесла и топоры; *5, 6* — стамески

Табл. 7. Мезолит Карелии. Орудия с верхневолжскими традициями
1—11, 13, 14, 16—18, 21—27, 29, 36, 45 — Илекса III; *12, 15, 19, 20, 28, 30—35, 37—44* — Уя II; *1* — наконечник стрелы; *2—11, 15, 21, 21a, 41* — вкладыши; *12, 13, 16—21, 26—32, 39, 40, 43, 44* — скребки; *14* — скобель; *22—25, 33* — ножевидные пластины; *42* — топор; *1—18, 20—31, 33—36, 39—42, 44* — кремень; *19, 32, 37* — роговик; *38* — кварц; *42* — сланец

Табл. 8. Мезолит Карелии. Жилища
1 — Муромское VII, жилище 1; *2* — Повенецкая II: *3* — Пегрема III; *4* — Повенецкая III. Условные обозначения: *I* — кремни без обработки: *II* — орудия; *III* — кости; *IV* — охра; *V* — камни; *VI* — ямы; *VII* — кострище; *VIII* — дерн; *IX* — серый песок (подзол); *X* — оранжево-розовый песок; *XI* — коричневый песок; *XII* — темный углистый песок; *XIII* — сероватый песок; *XIV* — спекшийся песок; *XV* — желтый подстилающий песок; *XVI* — каменная вымостка

Табл. 9. Мезолит Карелии. Оленеостровский могильник. Кремневое и костяное оружие
1, 2, 4—7, 9, 10, 12 — наконечники стрел; *3, 8, 11, 13* — гарпуны; *1, 2, 4—6* — кремень; *3, 7—13* — кость

Табл. 10. Оленеостровский могильник. Украшения и предметы искусства из кости и рога
1 — погребение 18; *2, 4* — погребение 23; *3* — погребение 130; *4* — погребение 81; *6* — подъемный материал; *7* — погребение 116; *8* — погребение 64; *9* — погребение 69; *10* — погребение 127; *11* — погребение 56; *12* — погребение 9; *13* — погребение 119; *14* — погребение 100; *15* — погребение 57; *16* — погребение 114; *17* — погребение 44; *18* — погребение 102; *19* — погребение 61

Табл. 11. Нижнее Веретье I. Каменные орудия
1—3, 6 — рубящие орудия; *4* — сверло; *5* — нож (?)

Табл. 12. Нижнее Веретье I. Кремневые орудия
5, 6, 15 — нож; *8* — кинжал; *9* — «резчик»; *1—3* — наконечники стрел; *4, 7, 10, 11* — резцы; *12* — сверло; *13, 16—19* — скребки; *14* — проколка

Табл. 13. Нижнее Веретье I. Наконечники стрел из кости (*1—23*)

Табл. 14. Нижнее Веретье I. Орудия из кости
1—5, 12—14 — гарпуны; *6* — костяная подвеска; *7, 8* — обломки костяных орудий с орнаментом; *9, 10* — иглы; *11* — кинжал; *15, 16* — пешни с орнаментом; *17, 18* — кинжалы с пазами для вкладышей

Табл. 15. Нижнее Веретье I. Изделия из дерева
1, 9, 10, 14 — муфты; *2—5, 7, 11, 12* — наконечники стрел и их обломки; *6* — гарпун: *8* — поплавок; *13* — грузило

Табл. 16. Могильник Попово. Погребение VII и вещи из него
1 — план погребения VII (*а* — тесло, *б* — костяное орудие); *2—4, 6* — обломки костяных изделий; *5, 8* — подвески из резцов лося; *7* — обломок рыболовного крючка; *9* — тесло; *10, 12* — подвески из зубов животных: *11* — обломок костяного орудия; *2—8, 10—12* — кость; *9* — сланец

Табл. 17. Могильник Попово. Вещи из погребений I—IV
1, 2, 35 — обломки костяных орудий; *3—24* — подвески из зубов и обломков костей: *25* — проколка; *26* — костяной штамп; *27* — наконечник; *28—30* — скребки; *31—33* — рубящие орудия из рога; *34* — рубящее орудие из сланца

Табл. 18. Стоянки Колупаевская и Яснополянская. Каменный инвентарь
1—6, 9, 10, 15—17, 20 — Колупаевская стоянка (верхний слой); *12, 21* — Колупаевская стоянка (нижний слой); *7, 8, 11, 13, 14, 18, 19* — Яснополянская стоянка; *1—6* — наконечники стрел; *7, 9, 10* — скребки; *8* — скребок-резец; *11, 12* — резцы; *13, 14, 18, 19* — вкладыши; *15—17* — нуклеусы; *20—21* — рубящие орудия

Табл. 19. Торфяник Вис I. Деревянные луки (*1—11*)

Табл. 20. Культура Кунда. Стоянка Пулли. Каменный инвентарь.
1—9, 16 — вкладыши; *10, 23—25, 27, 29, 31, 34, 35* — скребки; *11—13, 15, 22, 32* — наконечники стрел; *14, 28* — пластинки со скошенным ретушью концом и затупленными краями; *17, 18, 26, 30* — резцы; *19* — ножевидная пластина с краевой ретушью; *20, 33* — нуклеусы; *21* — скребок-резец; *36* — тесло

Табл. 21. Культура Кунда, стоянка Кунда. План, стратиграфия стоянки, каменный (*1—7*) и костяной (*8—13, 15—24*) инвентарь
1 — наконечник стрелы кремневый; *2* — вкладыш; *3, 5* — скребки; *4, 6, 7* — пластины с ретушью; *8—11, 18, 20, 21* — костяные наконечники стрел; *12, 13, 15—17, 19, 22, 23* — гарпуны; *14* — план стоянки Кунда; *24* — обломок костяного орудия; *25* — стратиграфия стоянки Кунда; *I* — темно-коричневая земля с известняковым щебнем; *II* — болотная почва; *III* — глина; *IV* — озерный мел; *V* — черная углистая земля; *VI* — грунтовая морена

Табл. 22. Культура Кунда. Стоянка Кунда. Костяной, роговой (*1—4, 11, 14, 15—21*) и кремневый (*5—10, 12, 13*) инвентарь
1—4 — подвески из зубов животных; *5, 6, 12* — скребки; *7—10* — скобели (?); *13* — нуклеус; *11, 14, 16, 19* — рубящие орудия; *15* — пробитая фаланга лося; *18, 20* — кинжалы (?); *17, 21* — пешни

Табл. 23. Культура Кунда. Стоянка Звейниеки II. Костяной и роговой инвентарь
1, 2, 4 — подвески из зубов животных; *3* — шило; *5, 12* — обломки гарпунов; *6* — обломок подвески; *7* — кость с орнаментом; *8, 14, 17, 18* — рубящие орудия; *9, 11* — обломки наконечников стрел; *10* — обломок наконечника с пазом и кремневыми вкладышами; *13* — рукоятка; *15* — пешня; *16* — муфта

Табл. 24. Культура Кунда. Стоянка Умбузи. Кремневый (*1—6, 8—16, 18—20, 2—24*) и костяной (*7, 17, 21, 25*) инвентарь
1 — обломок наконечника; *2, 9, 15* — пластины с ретушью; *3—6, 8, 10, 11, 13, 14, 16, 18, 22* — скребки; *12, 20* — резцы; *7, 17* — обломки гарпунов; *21* — острие (?); *25* — острие с пазом; *23, 24* — рубящие орудия; *19* — нуклеус

Табл. 25. Культура Кунда. Стоянка Нарва (город). План, стратиграфия и инвентарь стоянки
1 — план стоянки Нарва (город); *2* — стратиграфия стоянки (*I* — раскоп; *II* — набросанный речной гравий; *III* — черный гумус; *IV* — серовато-коричневая земля; *V* — светлый песок; *VI* — углистая земля; *VII* — темно-серая земля; *VIII* — известняк); *3, 9* — рыболовные крючки; *4* — фрагмент составного рыболовного крючка; *5, 10, 11, 13* — рубящие орудия; *6—8, 12, 14* — гарпуны; *15, 16* — наконечники стрел; *3—9, 12, 16* — кость, рог; *10, 11* — камень

Табл. 26. Культура Кунда. Стоянка Нарва и Лепакозе. Каменный инвентарь
1—42 — Лепакозе; *43—61* — Нарва: *1, 2, 20, 49, 53* — вкладыши; *3—8, 14—17, 19, 21—29, 32—37, 39—42* — скребки; *9—13, 43, 44* — пластины с ретушью; *18* — обломок наконечника стрелы: *30, 31, 38* — нуклеусы; *45, 46, 58, 59, 61* — резцы; *47, 50—52, 54, 60* — долотовидные орудия; *48, 55, 56* — ножи; *57* — проколка

Табл. 27. Культура Кунда. Стоянка Оса. Костяной инвентарь
1, 3, 4, 10, 11 — орудия: *2* — гарпун; *5* — обломок наконечника; *6—8* — пешни; *9* — наконечник стрелы

Табл. 28. Культура Кунда. Могильник Звейниеки. Костяной инвентарь
1—4 — подвески из зубов животных; *5—7*; *9, 11—14* — наконечники стрел; *8* — шило; *10* — изделие с рукояткой в виде стилизованной головки лося

Табл. 29. Каменный инвентарь янославицкой (*1—27*) и неманской (*28—49*) культур
1—27 — Максимонис IV; *28, 29, 32—34, 40, 42* — оз. Глинас; *30* — Дубичай 2; *31, 35, 41, 44* — Драсейкяй; *36, 37, 39, 43, 45, 47—49* — Памяркине; *38* — Салянинкай; *46* — Якштонис; *1* — скобель; *2, 11* — острия янославицкого типа; *3, 4* — наконечники (?); *5—7, 39* — треугольник янославицкого типа; *8, 9* — вкладыш с затупленным основанием; *10, 14, 18, 20, 27, 33, 44, 49* — скребки; *12, 26, 35, 46* — нуклеусы; *13, 17, 21* — микрорезцы: *15, 22* — пластины с ретушью; *16, 19, 23—25, 32, 34, 43, 48* — резцы, *28—30, 36—38, 40—42* — наконечники стрел; *31* — острие со скошенным концом; *45, 47* — рубящие орудия

Табл. 30. Неманская культура. Каменный инвентарь
1—44 — Шитсай I, средний культурный слой; *45—52, 55—57, 59, 61—63, 66, 69, 70, 72, 74—76* — Паштува; *53, 58, 60, 64, 65, 71, 73* — Бруже; *54, 67, 77* — Дярежнича; *68* — Памяркине; *1—3, 11, 23—25, 30, 31, 34, 35, 45, 65, 70* — наконечники стрел; *4—10* — трапеции; *12—14, 48, 52, 66, 67* — острия со скошенным концом; *15* — сегмент; *16* — треугольник янославицкого типа; *17* — проколка; *18, 20—22, 27, 46, 47, 49—51, 53, 61, 62* — вкладыши; *19, 56* — ножи; *26, 29, 41, 43, 55, 64, 72* — резцы; *32* — острие янославицкого типа; *28, 33, 36—39, 42, 54, 57, 58, 63, 69, 71, 73* — скребки; *40, 60, 77* — комбинированные орудия; *44, 76* — рубящие орудия; *59* — пластина с ретушью; *68, 74, 75* — нуклеусы

Табл. 31. Неманская культура. Стоянка Лампеджяй. Каменный инвентарь
1—7, 12, 17, 32, 33 — наконечники стрел; *8, 28, 29* — вкладыши; *9, 11* — треугольники янославицкого типа; *10* — острие со скошенным концом; *13* — прямоугольник; *14, 18, 19* — трапеции; *15, 16* — пластины с ретушью; *20, 21* — микрорезцы; *22, 23, 25—27, 30, 31, 34—37* — скребки; *24, 38, 40, 42, 47, 49* — нуклеусы; *39, 46* — рубящие орудия; *41, 43—45, 48* — резцы

Табл. 32. Костяные орудия мезолита Литвы
1 — Чарялукай; *2* — Вайкантонис; *3, 20, 24, 26* — Шарняле; *4, 14* — Балсуляй; *5* — Ужнямуне; *6, 7* — Камшай; *7* — Рудninкай; *8, 15* — Гульбинишкяй; *10* — Сведосай (оз. Яра); *11* — Будвечяй; *12* — Каравишкес; *13* — Маргяй; *16* — Бябрининкай; *17* — Чарялунай; *18* — Кашетос; *21* — Альседжяй; *22* — Рокай (Раджишкяй); *23* — Утяляй; *25* — Бакаучишкес; *1, 4—7, 10, 12—14, 16* — гарпуны; *2, 8, 11, 15* — наконечники стрел с кремневыми вкладышами; *3* — наконечник стрелы с орнаментом; *9* — шило; *17, 18* — топоры типа Лингби; *19* — муфта; *20* — обломок жезла (?); *21—26* — пешни

Табл. 33. Неманская культура в Калининградской обл. Орудия из кремня (*1—27, 29—34, 37—41, 43—51*), кости и рога (*1—3, 28, 34, 35, 42, 52—56*)
1 — Романово; *2, 28* — Корнево; *3, 35* — Сеченово; *4, 32* — Ливенское III; *5, 10, 23, 26, 27, 32, 37, 39—41, 47—49* — Никольское IV; *6, 7, 14, 18, 19, 33, 34, 43, 44, 46* — Тальники; *8, 45* — Ливенское I; *9, 20* — пункт *39*; *11* — Знаменск; *12* — Тушино IV; *13* — Никольское III; *15, 30* — Синявино; *16, 17, 33, 50* — Тушино III; *21, 24, 25, 31* — Никольское I; *29* — Ливенское IV; *42* — в районе пос. Добровольск, близ пункта 52; *53* — близ пос. Подгоровка; *54* — Зеленоградск; *55* — Работкино; *56* — Подгорное; *1—3, 52, 54* — костяные наконечники стрел; *4, 6, 7, 45* — острия со скошенным концом; *5, 9—13* — наконечники стрел из камня; *8* — скобель; *14, 15* — вкладыши; *16, 17, 21, 25, 26, 29—31, 33, 37—41, 43, 44, 47—48* — скребки; *18, 22—24, 27, 34, 39, 49* — резцы: *19* — острие янославицкого типа; *20* — пластина с краевой ретушью; *26, 35* — костяные наконечники стрел с кремневыми вкладышами; *32, 46, 50, 51* — нуклеусы; *36* — пешня; *42* — топор типа Лингби; *53, 55, 56* — гарпуны

Табл. 34. Янославицкая культура. Стоянка Несиловичи I. Каменный инвентарь
1—5, 21, 24, 26, 29—31, 33—35 — острия янославицкого типа; *6, 16—20* — вкладыши; *7, 22, 23, 36, 40* — пластины со скошенным ретушью концом; *8—15* — трапеции; *25* — острие со сходящимися ретушированными краями; *27, 28, 37, 55* — пластины с краевой ретушью; *32* — треугольник янославицкого типа; *38, 45—48, 50, 51, 53, 56* — скребки; *37, 54, 59* — резцы; *41—44, 58* — пластины; *49* — проколка; *52* — наконечник (?); *57* — обломок нуклеуса; *60* — рубящее орудие

Табл. 35. Днепро-сожская культура. Каменный инвентарь
1, 2, 7, 11, 18, 21—26, 28, 29, 31, 32, 35 — Коромка; *3, 6, 8, 34, 36* — Лудчица; *4, 5, 13, 14, 20, 30* — Яново; *10, 12, 19* — Дальнее Лядо; *15, 16, 37—39* — Боровка; *1, 9, 22* — проколки; *2—8, 10—13, 15—17* — наконечники стрел; *14* — резец-скребок; *18, 23, 28—30* — вкладыши; *19, 26* — треугольники; *20* — трапеция; *21, 27* — резцы; *24, 25, 32, 35, 36* — скребки; *31* — нуклеус; *33* — резец-нож; *34, 37—39* — рубящие орудия

Табл. 36. Днепро-сожская культура. Каменный инвентарь
1—7, 10—13, 15—17, 20, 33—35, 37 — Горки; *8, 9, 25, 32, 36, 38, 39* — Печенеж; *14, 18, 19, 21—24, 26—31* — различные стоянки; *1—10* — наконечники стрел; *11, 12, 19* — пластины с краевой ретушью; *13—18, 22—28, 35, 36, 38* — скребки; *20, 29, 31—34, 37* — резцы; *21* — проколка; *30* — скребок-скобель

Табл. 37. Мезолит Верхней Волги. Стоянка Ланино. Раскоп IV—V. Каменный инвентарь

1—8, 25 — наконечники стрел и их обломки; *9—15, 22, 23* — вкладыши; *16—21, 26, 27, 30* — пластины с краевой ретушью; *24, 28, 29, 31, 33, 34* — резцы; *32* — острие (?)

Табл. 38. Мезолит Верхней Волги. Стоянка Ланино. Раскоп IV—V. Каменный инвентарь
1—5, 7—19, 22—24 — скребки; *6* — пластина с ретушью; *20, 21, 26—29* — нуклеусы; *25* — ребристая пластина

Табл. 39. Мезолит Верхней Волги. Стоянка Ланино. Раскоп IV—V. Каменный инвертарь
1, 2, 4, 5, 8, 10 — рубящие орудия; *3, 6, 9, 11, 12* — нуклеусы; *7* — скребок

Табл. 40. Поздний палеолит. Стоянка Алтыново, нижний слой (*1—11*); стоянка Елин Бор, нижний слой (*12—21*). Каменный инвентарь
1, 2, 4, 8, 15, 20, 21 — скребки; *5—7, 10, 12, 14, 16—19* — резцы; *3, 8* — комбинированные орудия; *9* — острие типа клинка перочинного ножа; *11* — долотовидное орудие типа pièce écaillée; *13* — наконечник стрелы

Табл. 41. Бутовская культура. Стоянка Тихоново. Каменный инвентарь
1, 4 — пластины со скошенным ретушью концом; *2, 11, 12, 14, 16* — наконечники стрел; *3, 5—8* — вкладыши; *9* — проколка; *10, 15, 27, 33* — пластины с краевой ретушью; *13* — ланцет (?); *17* — пластинка с вогнутым концом; *18* — скобель; *19—21, 24—26, 30, 31, 35* — резцы; *22, 23, 28* — скребки; *27, 32, 34, 36, 37* — нуклеусы

Табл. 42. Бутовская культура. Стоянка Бутово. Каменный инвентарь
1—4, 7 — наконечники стрел; *5, 6* — вкладыши; *8* — острие со скошенным концом; *9* — сверло; *10—12* — скобели; *13—16* — скребки; *17—19* — пластины с краевой ретушью; *20—35, 41* — резцы; *36* — комбинированное орудие; *37—40* — нуклеусы

Табл. 43. Бутовская культура. Стоянка Микулино. Каменный инвентарь
1—4 — вкладыши; *5—9, 18, 19, 21, 40* — пластины с затупленными ретушью концами; *10, 11, 20, 21, 33, 39* — пластины со скошенными ретушью концами; *12, 16, 24, 30, 29*— прямоугольники; *13* — трапеция; *14, 15, 17* — вкладыши; *22* — резец на пластине с затупленным краем; *23—28, 31, 32* — вкладыши; *34* — «резчик»; *35, 36* — проколки; *37, 38* — наконечники стрел; *41—43, 50, 56, 65—67* — пластины с краевой ретушью; *44, 45, 51, 57—59, 61, 63* — скребки; *46, 47, 52, 53* — резцы; *48, 49, 55, 62* — комбинированные орудия; *60, 64* — нуклеусы; *54* — сверло

Табл. 44. Бутовская культура. Стоянка Соболево V. Каменный инвентарь
1, 2, 9, 16, 17 — наконечники стрел; *3, 4, 40* — пластины со скошенным ретушью концом; *5, 8, 10, 12, 13, 15* — вкладыши; *6, 7, 25, 26, 37, 38, 44, 45, 48, 49, 51, 52* — скребки; *11—15, 18* — острия со сходящимися ретушированными краями; *19* — проколка; *20, 21, 28, 29, 31, 33—35, 39, 41—43, 50* — резцы; *29* — долотовидное орудие; *23, 24, 30* — комбинированные орудия; *32* — пластинка с вогнутым ретушью концом; *36, 47* — скобели; *46* — нож

Табл. 45. Бутовская культура. Стоянки Берендеево III (*1—20*), Угольново I (*21—46*), Новошино (*47—67*). Каменный инвентарь
1, 2, 4, 21—32, 47, 51, 55, 63 — вкладыши; *3, 5—7, 9, 10, 13, 16—19, 45, 52—54, 64—67* — скребки; *8, 14, 33, 40, 46, 59, 61, 62* — пластины с краевой ретушью; *11, 42* — сверла; *12, 15, 20, 34—36, 38, 39, 41, 43, 44, 48—50, 57, 58, 60* — резцы; *37* — пластина со скошенным концом; *56* — обломок наконечника стрелы

Табл. 46. Иеневская культура. Стоянка Дмитровское I. Каменный инвентарь
1, 2 — трапеции; *3, 8* — острия со сходящимися ретушированными краями; *4, 5, 7* — наконечники стрел и их обломки; *6* — пластина с затупленным концом; *10, 11, 15, 16, 23, 25, 29* — скребки; *12, 32* — рубящие орудия; *13, 17, 19, 20, 22, 24, 26, 28, 30* — резцы; *14* — пластина с краевой ретушью; *18, 27, 31* — комбинированные орудия; *21* — сверло-резец; *9* — ланцет

Табл. 47. Иеневская культура. Стоянки Ладыжино (*1—20*) и Дальний остров (*21—36*). Каменный инвентарь
1, 2, 4, 5, 9, 11, 21—23 — наконечники стрел; *3* — острие со скошенным концом; *6* — сегмент; *7, 10, 12, 13, 15, 18, 20, 25, 31, 34* — резцы; *8, 14, 17, 19, 30, 33, 35* — скребки; *16, 26, 29* — ножи; *24, 27, 31* — комбинированные орудия; *28* — сверло; *32* — пластина с вогнутым ретушью концом; *36* — рубящее орудие

Табл. 48. Иеневская культура. Стоянка Иенево II. Каменный инвентарь
1—3 — треугольники; *4—11* — трапеции; *12—13* — наконечники стрел с поперечным лезвием; *14, 18, 19, 29* — вкладыши; *15—17, 27, 28* — пластины с затупленным ретушью концом; *20* — острие со сходящимися ретушированными краями; *21* — пластина со скошенным ретушью концом; *22* — наконечник стрелы; *23, 35, 42* — ножи; *24—26* — сверла; *30—34, 37, 40, 41* — скребки; *36, 38, 39, 42—47* — резцы; *48, 49* — рубящие орудия

Табл. 49. Иеневская культура. Стоянка Староконстантиновская IV. Каменный инвентарь
1 — пластина со скошенным ретушью концом; *2—7, 9—11, 16* — наконечники стрел; *8* — сегмент; *12* — вкладыш; *13, 15* — проколки; *14* — сверло; *17—24, 27, 28* — скребки; *25, 26, 30—33, 39, 41* — резцы; *34, 35, 37, 38, 40* — комбинированные орудия; *36* — скобель; *37* — рубящее орудие; *41* — пластина с ретушью

Табл. 50. Иеневская культура. Стоянка Пеньково. Кремневый инвентарь
1 — наконечник стрелы с поперечным лезвием; *2—10, 14* — трапеции; *11, 12* — вкладыши; *13* — треугольник; *15, 21, 29* — наконечники стрел; *16, 18, 19* — пластины со скошенным ретушью концом; *17* — острие со сходящимися ретушированными краями; *20, 23, 26, 32, 34, 35, 38, 42, 46* — скребки; *22* — пластина с притупленным ретушью концом; *24* — пластина с вогнутым ретушью концом; *25, 28* — проколка; *27* — ланцет; *30, 31, 33, 36, 37, 41, 43, 47* — резцы; *39, 40, 45* — комбинированные орудия; *44* — нож; *48* — рубящее орудие

Табл. 51. Иеневская культура. Стоянки Сельцо III (*1—19*) и Коприно (*20—40*). Каменный инвентарь
1, 2, 4, 9, 21, 28, 31, 32 — трапеции; *3, 14, 16, 17, 27, 30, 36, 37, 39* — скребки; *5—7, 11, 31* — наконечники стрел; *8, 10, 12, 13, 15, 18, 24, 29, 33, 35, 38* — резцы; *19, 26, 40* — рубящие орудия; *22* — вкладыш; *23* — пластина с вогнутым ретушью концом; *25* — ланцет; *26* — скобель; *34* — пластина со скошенным ретушью концом

Табл. 52. Жилища мезолитических стоянок бутовской и иеневской культур: Тихоново (*1*), Соболево V (*3*), Дмитровское I (*4*), Иенево II (*2*)
I — очаги; *II* — камни; *III* — край жилища; *IV* — столбовые ямы; *V* — угли

Табл. 53. Рессетинская культура. Стоянки Рессета 3 (*1, 3, 4, 6, 8, 10, 12, 14—16, 20—24, 28, 29, 33*) и Суконцево 8 (*2, 5, 7, 9, 11, 13, 17—19, 25—27, 30, 32, 34, 35*). Кремневый инвентарь
1, 2 — острия на микропластинах со сходящимися ретушированными краями; *3, 15* — косые острия; *4, 12* — микрорезцы; *5, 9, 21, 23, 32* — скребки; *6, 8* — скобели; *7* — вкладыш; *10, 11, 14, 18* — наконечники рессетинского типа; *13* — микролит с затупленным ретушью концом; *16, 17, 19* — микролиты с затупленным ретушью краем; *20, 25, 26* — резцы; *22* — скребок-сверло; *24, 27, 30* — сверла; *28, 29, 33* — рубящие орудия; *31* — скребло; *34* — бифас; *35* — нуклеус

Табл. 54. Усть-камская культура. Каменный инвентарь
1—11, 15 — Тетюшская III; *12, 14, 17* — Косяковская; *16, 18, 21* — Атабаевская VIII; *1, 8, 17, 18* — трапеции; *2, 5* — ланцет; *6* — проколка; *7, 20* — скребки; *3, 4, 10, 13, 14, 16* — резцы; *9, 12* — скобели; *11* — нуклеус; *15* — рубящее орудие; *19* — вкладыш; *21* — пластина с затупленным и скошенным ретушью концом

Табл. 55. Яндашевская стоянка. Каменный инвентарь
1, 21—24 — пластины с ретушью; *2, 12, 21, 22, 24* — вкладыши; *3* — проколка; *4—10, 17—20* — наконечники стрел и их обломки; *11* — пластина с затупленным ретушью концом и краевой ретушью; *13, 14, 25, 41—50, 52—54, 56—59, 70, 71* — скребки; *15, 28* — острия со сходящимися ретушированными краями; *16, 23* — скобели; *26, 29* — пластина; *27, 31—38, 51* — резцы; *30, 39, 40, 60, 61* — острия со скошенным концом; *41—43* — проколки; *55* — сверло; *62, 63, 72* —

нуклеусы; *64*, *67* — рубящие орудия; *66* — скобель, *65*, *68*, *69* — обломки рубящих орудий

Табл. 56. Стоянка Татаро-Азибейская IV. Каменный инвентарь
1—6 — вкладыши; *7—9*, *40—42*, *47—49*, *56* — пластины с краевой ретушью; *10—13*, *16—19*, *24—26*, *32*, *43—45*, *50*, *57* — резцы; *14*, *15*, *20—23*, *29—31*, *39*, *46*, *58* — скребки; *27*, *28*, *33*, *34* — скобели; *35* — пластина со сходящимися ретушированными краями; *36—38* — сверла; *51* — пластина со скошенным ретушью концом; *52—55* — нуклеусы; *59* — рубящее орудие; *60* — отбойник

Табл. 57. Стоянка Деуково IV. Каменный (*1—27*, *29—32*) и костяной (*26—28*, *33—35*) инвентарь
1—4 — вкладыши; *5* — пластина с выемкой; *6*, *13*, *14*, *19*, *22* — резцы; *7*, *8*, *23* — наконечники стрел; *9*, *10* — пластины с краевой ретушью; *11*, *12*, *22* — нуклеусы; *15* — пластина с затупленным ретушью концом; *16—17*, *21*, *24*, *29—31* — скребки; *18* — скребок-резец; *20* — сверло; *28*, *35* — острия; *25* — рубящее орудие; *26* — пуговица; *27* — костяное острие с кремневыми вкладышами; *32* — нож; *33*, *34* — костяные орудия

Табл. 58. Сероглазовская культура. Стоянка Тюкай I. Каменный инвентарь
1, *21*, *37* — сегменты; *2* — треугольник; *3*, *4*, *6*, *9*, *12*, *19*, *27—31* — вкладыши; *5*, *14*, *18* — наконечники стрел; *7*, *11*, *16*, *17*, *25*, *38*, *40*, *42* — скребки; *8*, *13*, *20* — острия со сходящимися ретушированными краями; *10* — острие со скошенным концом; *15*, *26*, *31*, *35* — трапеции; *22*, *23*, *26* — микролиты со скошенным концом и ретушированными краями; *24*, *36*, *43*, *44* — нуклеусы; *32—34*, *39*, *41* — резцы

Табл. 59. Пещера Апианча. Палинологическая колонка и геологический разрез
I — перекоп на месте шурфа Л. Н. Соловьева, *II* — стерильные горизонты, *III* — супесь с известняковыми глыбами, *IV* — супесь, *V* — очаговые линзы, *VI* — номер слоя, *VII* — неолит, *VIII* — поздний мезолит, *IX* — финальный верхний палеолит, *X* — стерильные горизонты, *XI* — развитой верхний палеолит, *XII* — мустье

Табл. 60. Характерные формы кремневой индустрии поселений Джампала (*1—8*), Холодный Грот (*9—14*), Квачара (*15—25*), Энцери (*26*)
1—4, *11*, *12*, *25* — резцы; *5—10*, *19—22* — скребки; *13*, *14*, *24*, *26* — нуклеусы; *15—18*, *23* — острия

Табл. 61. Характерные формы кремневой индустрии поселений Квачара (*1—26*), Энцери (*27—37*), Яштхва (*38—47*)
1—12 — геометрические вкладыши; *13—15* — наконечники с боковой выемкой; *16*, *20—37*, *40—46* — острия; *17—19*, *38*, *39* — пластинки с притупленной спинкой; *47* — скребок

Табл. 62. Характерные формы костяного инвентаря из памятников Дарквети (*1*, *4*), Холодный Грот (*2*, *3*, *5*, *11*, *12*), Апианча (*6—10*, *14*), Гварджилас-Клде (*15*), Квачара (*16—22*)
1, *17* — обломки обработанной кости; *2*, *3*, *11*, *12*, *15* — гарпуны; *4*, *16* — кочедыки; *5*, *6*, *18* — шилья; *7*, *8*, *13*, *14* — веретенообразные острия; *9*, *10* — крючки; *19—22* — костяные основы вкладышевых орудий

Табл. 63. Характерные формы кремневой индустрии поселений Апианча (*1—11*, *14—18*), Холодный Грот (*12*, *13*, *19—42*) и Джампала (*43—51*)
1—13, *19—30*, *32—35*, *39*, *47—51* — геометрические вкладыши; *14—18*, *43* — острия; *31*, *36*, *37*, *40—42*, *44—46* — ретушированные пластины; *38* — провертка

Табл. 64. Характерные формы кремневой индустрии поселений Дарквети (*1—6*), Чахати (*7*, *8*, *14*, *15*), Сагварджиле (*9—13*), Эдзани (*16—20*, *23*, *24*), Зуртакети (*21*, *22*, *25—27*)
1, *20*, *22*, *23*, *25*, *27* — нуклеусы; *2*, *3*, *9—16*, *19*, *26* — скребки; *4—8*, *18*, *21*, *24* — резцы; *17* — ретушированная пластина

Табл. 65. Характерные формы кремневой индустрии поселений Дарквети (*1—13*), Сагварджиле (*14—22*), Кведи (*24—26*), Чахати (*23*, *27—30*), Цона (*31—41*)
1, *2* — пластины с притупленной спинкой; *3—5*, *15—22*, *29*, *36—41* — геометрические вкладыши; *6—14*, *23—28* — пластины с краевой ретушью; *30* — наконечник; *31—35* — острия

Табл. 66. Характерные формы кремневой индустрии поселений Эдзани (*1—43*) и Зуртакети (*44—53*)
1—5, *8—34* — геометрические вкладыши; *6*, *7*, *35—40* — острия; *41*, *42*, *50—53* — пластины с краевой ретушью; *43* — наконечник; *44—49* — пластины с притупленной спинкой

Табл. 67. Характерные формы кремневой индустрии поселений Сатанай (*1—3*, *5*, *11*), Сосруко (*4*, *6—10*, *12—16* — слой 1, *17—21* — слой 3), Чох (*22—27*)
1—5, *9—14* — геометрические вкладыши; *6—8* — пластины; *15*, *16*, *21*, *27* — нуклеусы; *17*, *22*, *23* — скребки; *18*, *24—26* — резцы; *19* — пластина с боковыми выемками; *20* — острие

Табл. 68. Характерные формы кремневой индустрии поселения Чох
1—28, *35*, *36* — геометрические вкладыши; *29—31*, *34* — ретушированные пластины; *32*, *37*, *44—48* — острия; *33* — пластина с поперечной ретушью; *38—43* — наконечники чохского типа

Табл. 69. Стоянка Игрень VIII. План жилища 5, костяной и каменный инвентарь
1 — план памятника; *2* — муфта; *3*, *13* — рубящие орудия; *4*, *11* — обломки костяных орудий с пазами; *5*, *8* — шилья; *6*, *7* — план и разрез жилища 5; *9*, *10* — наконечники стрел; *12* — «утюжок»; *I* — скопления угля; *II* — золистый слой; *III* — кремневые предметы; *IV* — другие находки; *V* — верхний гумусный горизонт; *VI* — серый песок; *VII* — разрушенные наслоения; *VIII* — нижний гумусный горизонт; *IX* — заполнение жилища, далее идет белый материковый песок; *2—5*, *8—11*, *13* — кость и рог; *12* — тальк

Табл. 70. Кремневые и костяные изделия раннемезолитического времени Юго-Запада СССР
а — Азово-Черноморская обл., *б* — лесостепь, Полесье, Прикарпатье
1, *6* — Сюрень 2; *2*, *8*, *20—24* — Шан-Коба, нижние слои; *3*, *19* — Грот Водопадный; *4*, *5*, *14* — Осокоровка 3в; *7*, *13* — Сурский; *9* — Замиль-Коба I; *10* — Белолесье; *11*, *15*, *17*, *25* — Рогалик 2; *12*, *16* — Буран-Кая; *16* — Фатьма-Коба, нижние горизонты; *26*, *38*, *43*, *45*, *46* — Нобель I; *27*, *31*, *34*, *42*, *44* — Корост; *28*, *29* — Атаки VI; *30*, *37* — Смячка 14; *32*, *33*, *35*, *36*, *41* — Молодова V; *39*, *40* — Гаи Левитянские; *47* — Котера
1, *26*, *27*, *38*, *39* — наконечники на пластинах; *2* — симметричный низкий «сегментовидный» треугольник; *3*, *9* — сегменты; *4*, *5*, *7*, *8*, *11*, *30*, *32* — трапеции; *6*, *34* — косые острия; *10*, *12*, *14*, *17*, *18*, *31*, *42*, *44* — скребки концевые; *13*, *20*, *36* — граветтовидные острия; *15*, *16*, *19*, *21*, *33*, *35*, *37*, *41* — резцы; *22* — наконечник с пазом; *23* — шило-проколка; *24* — наконечник стрелы; *25*, *45* — нуклеусы; *28*, *29* — треугольники асимметричные; *40* — пик; *43*, *47* — топоры; *46* — топор с перехватом; *1—21*, *25—47* — кремень; *22—24* — кость

Табл. 71. Кремневые и костяные изделия позднемезолитического времени Юго-Запада СССР
а — Азово-Черноморская обл.; *б* — лесостепь, Полесье; *1* — Теплое; *2*, *3* — Фатьма-Коба, верхние горизонты; *4*, *14*, *29* — Кремневая гора; *5* — Моспино; *6*, *11* — Сороки I; *7*, *30*, *31* — Мурзак-Коба, *8* — Ала-Чук; *9*, *36* — Ненасытец; *10*, *26*, *28* — Зимовники; *12*, *24*, *32*, *34* — Кукрек; *13* — Ат-Баш; *15*, *16*, *35* — Ласпи; *17* — Конецполь; *18*, *19* — Игрень; *20*, *22*, *23*, *27* — Кизлевый; *21* — Фрумушика; *25* — Алабач; *33*, *37* — Гиржево; *38*, *46*, *62*, *63* — Дробышево; *39*, *40*, *47*, *51—53* — ДВС; *41* — Гаи Левитянские, пункт 5; *42*, *61* — Таценки; *43—45* — Загай I; *48* — Кудлаевка; *47*, *56*, *66* — Перетиčек; *50* — Рябцы; *54*, *55*, *65* — Народичи; *57*, *59*, *60*, *67* — Корма Iб; *58* — Песочный Ров; *64* — Кухари; *1*, *5—11*, *14—16*, *38—40*, *43*, *45*, *46* — трапеции; *2*, *3* — асимметричные трапеции фатьма-кобинского типа; *4*, *52*, *53* — косые острия, в том числе два донецкого типа; *12*, *17*, *24*, *25* — вкладыши курекского типа; *13* — тупоскошенная пластина; *18*, *19*, *28*, *29*, *33*, *35*, *36*, *51*, *56*, *57*, *66* — скребки округлые и концевые; *20—22*, *26*, *27*, *34*, *59*, *61* — резцы; *23* — пластина с ретушью — нож; *30* — острие; *31* — пластина анкош; нуклеусы: *32* — «карандашевидный»; *37* — плоский; *64*, *67* — конические одноплощадочные; *41*, *50* — острия песочноровского типа; острия с затупленным краем; *42*, *60* — типа Кудлаевки; *44* — ланцет; *47* — микрорезец; *48* — пластина-вкладыш; *49* — острие на пластине постсвидерского типа; *54*, *55* — острия народичского типа; топоры: *58* — клиновидный; *62* — топор; *63* — скол от него; *65* — топор траншевидный; *1—29*, *31—67* — кремень; *30* — кость

Табл. 72. Кремневые и костяные изделия мезолитических памятников Крыма
1, 5, 7, 8, 10, 11, 13—17, 22, 25 — Мурзак-Коба; *2, 6, 18, 23, 26, 27* — Ласпи 7; *3, 4, 9, 12, 19—21, 24, 28, 29* — Фатьма-Коба, верхний слой; *30—49* — Шан-Коба, нижний слой; *50—62* — Сюрень 2: *1, 2, 10, 12, 14, 15, 33, 36* — трапеции; *3—7, 41, 43, 44, 56, 59* — скребки; *8, 9, 16, 18, 23, 35, 58* — острия со скошенным концом; *11, 13, 17, 19, 20, 32, 34, 38, 39, 51, 52* — сегменты; *21—22, 40, 42, 48, 53, 55, 57* — резцы; *24, 54* — пластины с краевой ретушью; *25—28* — пластины с выемками; *29, 49, 60* — нуклеусы; *31* — острие типа шателльперрон; *30, 37* — треугольники; *45* — костяное изделие; *46* — шило; *47* — костяной наконечник; *50, 61* — наконечники стрел; *62* — острие со сходящимися ретушированными краями; *1—44, 48—62* — кремень; *45—47* — кость

Табл. 73. Кремневые изделия Северного Причерноморья раннего периода мезолита типа Белолесье и позднемезолитической гребениковской культуры
1—20 — Гиржево; *21—37* — Белолесье (Михайловка); *1—4, 8—11* — трапеции; *5, 7, 14—16, 22—25, 29, 33* — скребки; *6, 12, 21, 27, 28* — сегменты; *13* — пластина с выемками; *17, 26* — пластины с краевой ретушью; *18—20, 36* — нуклеусы; *30, 37* — острия типа шателльперрон; *31* — пластина со скошенным концом; *32, 34, 35* — резцы

Табл. 74. Кремневые изделия эпохи мезолита Надпорожья и Донбасса
1—11 — Ненасытец; *12, 14, 20, 29, 35* — Зимовники; *13, 17, 23, 26, 33, 38* — Теплое; *15, 19, 21, 27, 28, 30—32, 36* — Мосцино; *16, 18, 34* — Мурзина Балка; *22, 37* — Кремневая Гора; *24, 25* — Петровское; *39, 40, 42, 46, 49—52* — Рогалик; *41, 43—45, 47, 48* — Осокоровка 3в; *1, 3, 6, 14, 17, 19—21, 39, 48* — трапеции; *2, 8, 25, 43, 45, 46* — пластины с краевой ретушью; *4* — треугольник; *5, 11, 34, 38, 40—42* — скребки; *31, 47* — пластины со скошенным ретушью концом; *9, 16, 23, 24, 27, 30, 35, 44, 50, 51* — резцы; *10, 33* — вкладыши кукрекского типа; *12, 13* — сегменты; *15, 32* — острия ямниславицкого типа; *18* — пластина с затупленным краем; *22* — наконечник; *26* — острие со сходящимися ретушированными краями; *28, 29* — вкладыши; *7, 36, 52* — нуклеусы; *37* — «утюжок»; *49* — нож

Табл. 75. Кремневые изделия культуры кукрек в Крыму, на Нижнем Днепре и в Северном Причерноморье
1—18 — Верхняя Андрусовка; *19—29* — Конецполь; *30—41* — Фрумушика; *42—59* — Кукрек, нижний слой; *1—3, 24, 30, 42* — трапеции; *4, 5, 43* — вкладыши; *6, 44, 46* — острия со скошенным концом; *7* — наконечник стрелы; *8, 12* — пластины; *9, 34* — пластины с краевой ретушью; *10, 16, 25, 27, 51, 52, 54* — вкладыши кукрекского типа; *11, 17, 18, 22, 23, 26, 32, 35, 40, 41, 48, 49, 58* — скребки; *13, 20, 21, 29, 31* — острия со скошенным ретушью краем; *14, 15, 28, 33, 36, 39, 45, 50, 56, 57* — резцы; *19, 37, 47, 53, 59* — нуклеусы; *38* — острие типа шателльперрон; *55* — пластина с выемками

Табл. 76. Кремневые материалы нобельского типа на Волыни (*1—14*), типа Смячки на Средней Десне (*15—27*) и Миньевского Яра на Северском Донце (*28—34*)
1—14 — Нобель I; *15, 19* — Смячка 17а; *16* — Боровка; *17, 21, 22* — Смячка 13в; *18* — Бырино; *20, 23, 24* — Смячка 17; *25* — Мезинский о-в; *26* — Смячка 8; *27* — о. Смячка; *28—34* — Миньевский Яр; *1, 3—6, 15, 16, 18, 23—25* — наконечники стрел; *2, 17* — трапеции; *7, 8, 19—22, 29, 31* — скребки; *9—11, 30* — резцы; *12, 14, 26, 27, 32, 33, 34* — рубящие орудия; *13* — нуклеус; *28* — острие со скошенным ретушью концом

Табл. 77. Кремневые изделия рудоостровского (*5, 7, 8, 14—17, 19, 22, 23*) и загайского (*1—4, 6, 9—13, 18, 20, 21*) вариантов днепро-припятской культуры и типа Народичи (*24—32*) на Волыни и в Киевском Поднепровье
1—4, 6, 9—13, 18, 20, 21 — Козинцы-Загай; *5, 7, 8, 14—17, 19, 22, 23* — Вышгород-ДВС; *24—32* — Народичи, уроч. Песчаное, нижний горизонт; *1—6, 25, 27, 28* — трапеции; *7, 8* — острия ямниславицкого типа; *9—11* — отщепы с краевой ретушью; *12, 13* — сегменты; *14, 19* — микрорезцы; *15, 16, 20, 21, 23, 24* — скребки; *17, 18, 29, 30* — резцы; *22* — нуклеус; *26* — острие; *31* — рубящие орудия

Табл. 78. Кремневые изделия кудлаевского типа и типа Песочного Рва на Десне
1—12 — Кудлаевка; *13, 14, 18, 20, 23, 24, 26, 28, 32* — Кухари; *15—17, 19, 21, 22, 25, 27* — Таценки; *33—45* — Песочный Ров; *1, 2, 5, 13, 33, 37* — трапеции; *3, 12, 30, 39, 41* — скребки; *4, 8, 10, 11, 14—17, 21, 24—26* — острия типа ставинога; *6, 7, 9, 34, 36, 38* — наконечники; *18—20, 23, 27* — вкладыши; *22* — ланцет; *28, 35, 40* — треугольники; *29* — острие со скошенным краем; *31, 42* — резцы; *32, 43, 44* — нуклеусы; *45* — рубящее орудие

Табл. 79. Микро-макролитические кремневые изделия донецкой культуры райгородского и дробышевского этапов
1, 3—5, 7, 11—13 — Дробышево; *2, 6* — Пришиб; *8—10* — Петровская 4; *15, 20, 23, 24* — Райгородок; *16, 18, 19, 21, 25* — Рубцы; *17* — Грушеваха; *1, 3, 5, 6* — трапеции; *2* — сегмент; *4* — острие со сходящимися ретушированными краями; *7, 8, 15* — скребки; *9, 10* — острия ямниславицкого типа; *11, 18, 19, 21, 23, 25* — резцы; *12* — нуклеус; *13* — пластина с выемками; *14, 24* — рубящие орудия; *16—17* — наконечники; *20* — пластина; *22* — отщеп с ретушью

Табл. 80. Кремневые изделия эпохи мезолита Поднестровья оселивского и сорокского типов
1—9 — Сороки I, слой 2; *10, 11, 13, 17, 18, 21—23* — Оселивка; *12, 14, 19* — Молодова V, слой 1; *15, 16, 25* — Атаки VI; *20, 24* — Кормань IV; *1—4, 17* — трапеции; *5, 22, 23* — скребки; *6* — вкладыш; *7* — скобель; *8* — пластина; *9* — нуклеус; *10* — острие со сходящимися ретушированными краями; *11, 18* — наконечники; *12, 19* — пластины со скошенным ретушью концом; *13, 14* — сегменты; *15* — треугольник; *16* — пластина с краевой ретушью; *20, 24* — рубящие орудия; *21* — резец; *25* — нуклеус

Табл. 81. План расположения погребений могильника Васильевский III (*1*) и сопровождающий инвентарь (*2—6*)
I — план могильника; *II, VI* — обломки микролитов; *III* — острие ямниславицкого типа (?); *IV* — обломок костяного наконечника с кремневыми вкладышами; *V* — треугольник ямниславицкого типа; *II, III, V, VI* — кремень; *IV* — кость и кремень

Табл. 82. Среднее Приуралье. Памятники I группы. Кремневые изделия на ножевидных пластинах
1—8, 12, 16, 19—40, 42—45, 47—48, 50—56 — Баринка II; *9—11, 13—15, 17, 41, 46, 49* — Нижнеадищевская; *1—11, 15* — пластины; *12, 28, 41, 43, 51, 52, 56* — нуклеусы; *13, 14, 22* — пластины с краевой ретушью; *16, 19—21, 23—27, 29—40, 42, 44—50, 53—55* — резцы; *17, 18* — скребки

Табл. 83. Среднее Приуралье. Памятники II группы. Кремневые изделия на ножевидных пластинах
1, 2, 14—16, 18, 19, 21, 34, 40—42, 54 — Степницы II; *3, 7, 10, 12, 26—29, 32, 39, 43, 46* — Городище; *4, 8, 24, 51—53* — Бродовская; *6, 9, 13, 17, 22, 23, 25, 30, 31, 33, 37, 38, 44, 45, 47—50, 55* — Баринка I; *11, 35, 36* — Огурдино; *20* — Черняницкая; *1, 8, 32, 36* — вкладыши; *2—4, 10, 22, 26, 34, 54* — острия со скошенным концом; *5, 6, 17, 41* — пластина с затупленным концом; *7, 11* — трапеции; *9, 13* — острия со сходящимися ретушированными краями; *12, 27—29, 31, 35, 38, 43, 44, 46, 49, 51—53* — резцы; *14, 16* — скребки; *15, 20, 24, 30, 39* — «резчики»; *18, 40* — скобели; *19* — наконечник стрелы; *21* — проколка; *23, 25, 33, 37, 42, 45, 47, 48, 50, 55* — пластины с краевой ретушью

Табл. 84. Среднее Приуралье. Памятники II группы. Кремневые изделия на ножевидных пластинках и отщепах
1, 2, 6, 11—13, 16, 18 — Баринка I; *3* — Нижнекороновская; *4, 5, 7* — Огурдино; *8—10, 14, 17* — Городище; *15* — Большая Сатнурская; *1* — проколка; *2, 3, 7, 12, 13* — скребки; *4* — «резчик»; *5* — скобель; *6* — острие со сходящимися ретушированными краями; *8, 10, 15* — нуклеусы; *9* — отщеп с ретушью; *11* — пластина; *14, 16, 17* — пластины с краевой ретушью; *18* — «утюжок»

Табл. 85. Стоянка Ильмурзино. Стратиграфическое распределение каменного инвентаря
1, 14—17, 20, 35, 37 — острия; *2, 8, 23* — пластины с краевой ретушью; *3, 6, 26, 29* — скребок; *4, 5, 12, 13, 18, 19, 24, 27, 28, 31, 33* — резцы; *7* — наконечник; *9—11* — вкладыши; *21* — галька с орнаментом; *22* — «резчик»; *25* — острие со скошенным концом; *30, 34, 38* — нуклеусы; *32, 39* — скобели; *36* — комбинированные орудия

Табл. 86. Стоянка Романовка II. Кремневый инвентарь
1 — острие; *2* — вкладыш; *3, 5, 8, 9, 12, 14, 16, 18, 21* — резцы; *4, 6* — пластины с краевой ретушью; *7* — пластина с выемкой; *10, 11, 17, 19* — скребки; *13* — пластина со скошенным

ретушью концом; *15* — сверло; *20*, *22*, *24*, *25* — нуклеусы; *23* — рубящее орудие

Табл. 87. Среднее Зауралье. Кремневые орудия на ножевидных пластинах
1—9, *16—20*, *23*, *33*, *38*, *40*, *43—45*, *51—53* — Сухрино I; *10*, *27*, *28*, *35*, *36*, *46*, *59* — Исток II; *11*, *21*, *25*, *26*, *39*, *48*, *50*, *54—55*, *57*, *58*, *61—63*, *67* — Крутики I; *12*, *13*, *15*, *30—32*, *34*, *37*, *41*, *60* — Выйка II; *14*, *22*, *66* — Исток II; *24*, *29*, *42*, *56*, *64*, *65* — Серый Камень; *47* — Кокшаровско-Юрьинская; *60* — Береговая III; *1—7*, *16—19*, *21*, *28*, *62*, *65* — острия; *8*, *20*, *23*, *27*, *35*, *39*, *45*, *46*, *52—55* — пластины с краевой ретушью; *9*, *38*, *40*, *43*, *44*, *50*, *51* — скобели; *10*, *31—33*, *37*, *66* — пластины с вогнутым ретушью концом; *11* — «резчик»; *12—15*, *22*, *25*, *26*, *34*, *36*, *42*, *47*, *48*, *56*, *61* — пластины со скошенным ретушью концом; *24* — ланцет; *29*, *64* — сверла; *30*, *41*, *59* — пластины с затупленным ретушью концом; *49*, *57*, *58*, *63* — наконечники; *60*, *67* — резцы

Табл. 88. Среднее Зауралье. Кремневые орудия на ножевидных пластинах
1—3, *7*, *10*, *37—39*, *47*, *54*, *55*, *58* — Крутики I; *4*, *8*, *53*, *66* — Кокшаровско-Юрьинская; *5*, *9*, *25*, *31*, *36*, *63*, *64* — Выйка II; *6*, *14*, *19—23*, *26*, *28—30*, *32*, *34*, *35*, *40*, *56*, *59* — Сухрино I; *11*, *15*, *18*, *33*, *67* — Исток II; *12*, *13*, *27*, *42—46*, *48—52*, *57*, *62*, *65*, *68*, *69* — Серый Камень; *16*, *17*, *41*, *61* — Кокшарово II; *60* — Береговая III; *1—4*, *7—10*, *16*, *17*, *24*, *25*, *60*, *65* — трапеции; *5*, *6*, *11*, *18*, *26*, *33*, *34*, *36*, *37*, *55*, *63*, *64* — «резчики»; *12—15*, *19—23*, *27—32*, *35*, *38—54*, *56*, *58*, *62*, *67—69* — резцы; *56* — микрорезец; *59*, *61*, *66* — нуклеусы

Табл. 89. Среднее Зауралье. Стоянка Кокшаровско-Юрьинская. Изделия из кости
1—10, *12* — обломки наконечников стрел; *11* — обломок орнаментированного костяного изделия; *13* — гарпун; *14* — шило

Табл. 90. Стоянка Янгелька. Кремневый инвентарь
1—6, *8—20*, *24*, *25*, *27*, *29—31*, *33—35*, *40*, *49* — трапеции; *7*, *48* — острия со скошенным краем; *21* — сегмент; *22*, *23*, *41*, *43* — пластины со скошенным ретушью концом; *26*, *36* — вкладыши; *28*, *37*, *46* — острия со сходящимися ретушированными краями; *32*, *39* — обломки наконечников стрел; *38*, *42*, *52*, *54—56*, *58—60*, *63*, *65*, *66*, *69—71* — пластины с краевой ретушью; *44* — пластина с вогнутым ретушью концом; *45*, *51*, *53*, *57*, *61*, *62*, *64*, *67* — резцы; *47*, *50* — острия со скошенным ретушью концом и вогнутым основанием; *68* — скобель

Табл. 91. Стоянка Янгелька. Кремневый инвентарь
1—20 — резцы; *21* — пластина с краевой ретушью; *22—45*, *48*, *49* — скребки; *46*, *47*, *50—55* — нуклеусы

Табл. 92. Стоянка Долгий Ельник II. Кремневый инвентарь
1, *4*, *6*, *7*, *17*, *20*, *28* — пластины со скошенным ретушью концом; *2* — вкладыш; *3*, *5*, *8—16*, *25* — трапеции; *18* — пластина с краевой ретушью; *19* — сверло; *21*, *23*, *24*, *27* — резцы; *22* — скобель; *26*, *29*, *33* — скребки; *31*, *32* — нуклеусы; *30* — пластина

Табл. 93. Мезолит Восточного Прикаспия. Пещера Дам-Дам-Чешме 2. План пещеры и схема раскопа, каменная индустрия
1 — план пещеры и схема раскопа; *2—19* — изделия 4 слоя «верх»; *20*, *21*, *25*, *26*, *28—32* — изделия 4 слоя «низ»; *22—24*, *27*, *33*, *34*, *41*, *42* — изделия 5 слоя; *38—40* — изделия 6 слоя; *35—37* — изделия 7 слоя; *2*, *41* — проколки; *3*, *4*, *30* — ланцетовидные острия; *5*, *28*, *34* — пластины с выемками; *6*, *11*, *13*, *29*, *32*, *35*, *38*, *42* — скребки; *7*, *16*, *18*, *19*, *33*, *36* — сегменты; *8*, *20*, *21*, *23*, *24*, *26*, *27* — трапеции; *9*, *10*, *17*, *22*, *25*, *40* — треугольники; *12*, *15* — подвески; *14* — нуклеус; *31*, *37*, *41* — сверла; *39* — острие со сходящимися ретушированными краями

Табл. 94. Мезолит Восточного Прикаспия. Пещеры Джебел и Дам-Дам-Чешме 1. Каменная индустрия
1 — план пещеры Дам-Дам-Чешме 1 и схема раскопа; *2* — стратиграфия пещеры Дам-Дам-Чешме 1; *3—10* — изделия 8 слоя Джебела; *11—21* — изделия 7 слоя Джебела; *24—33* — изделия 4 слоя Дам-Дам-Чешме 1; *3*, *21*, *25* — пластины с ретушью; *4—11* — вкладыши; *7*, *9*, *10*, *12—15*, *17*, *18*, *27*, *28*, *32* — скребки; *4—6*, *23* — пластины с выемками; *8*, *20*, *26* — проколки; *11* — раковина; *19* — сегмент; *23* — острие со сходящимися ретушированными краями; *29* — обломок наконечника с двусторонней обработкой; *30* — трапеция; *I* — водоемы; *II* — водоотводная канава; *III* — культурные слои; *IV* — скальный навес; *V* — щель в задней стене грота; *VI* — скала; *VII* — квадраты раскопов; *VIII* — 1 слой; *IX* — 2 слой; *X* — 3 слой; *XI* — 4 слой; *XII* — 5 слой; *XIII* — стерильная голубая глина; *XIV* — скальное основание скалы

Табл. 95. Мезолит Устюрта и Прикарабугазья. Каменная индустрия
1—12 — индустрия Айдабола 10; *13—26* — индустрия Дефе-Чаганак (северный холм); *27—36* — индустрия Айдабола 9; *37—56* — индустрия Айдабола 20; *57—65* — изделия Айдабола 16; *66*, *67* — изделия Айдабола 14; *68—72* — изделия Айдабола 15; *73—79* — изделия Айдабола 25; *1*, *4*, *35*, *43—45*, *94* — наконечники стрел; *2* — острие со скошенным краем; *3*, *6*, *7*, *17*, *20*, *21*, *30*, *32*, *46*, *48*, *51*, *54*, *55*, *59*, *62*, *72*, *78*, *90*, *91*, *93*, *98*, *99* — скребки; *5*, *84—86* — острия со сходящимися ретушированными краями; *8*, *33*, *36*, *50*, *69* — пластины с краевой ретушью; *9—11*, *13—15*, *28*, *31*, *47*, *52*, *53*, *57*, *58*, *60*, *66*, *68*, *70*, *71*, *73—77*, *79—80*, *89* — трапеции; *12* — прямоугольник; *16*, *82* — пластины с затупленным краем; *18*, *65* — резцы; *19* — пластина с выемками; *22*, *23*, *97* — нуклеусы; *24*, *63* — вкладыши; *25—27*, *81* — пластины со скошенным концом; *29* — ланцетовидное острие; *34* — пластина; *37—39*, *61*, *81*, *83*, *87—88* — пластины со скошенным концом и затупленным краем; *40—42*, *92* — подвески; *49*, *67* — прямоугольники; *56*, *64* — сверла; *95*, *96* — проколки

Табл. 96. Каменная индустрия восточных областей Средней Азии
1—17 — индустрия Мачая; *18—25* — изделия стоянки Кушилиш; *26*, *32—34* — изделия стоянки Тайпак 1; *27* — орудие стоянки Тайпак XII; *28—31* — изделия стоянки Янги-Кадама 21; *35* — орудие стоянки Замбара II; *36* — изделие из стоянки Тайпак 7; *1*, *18*, *20*, *23—25*, *32*, *34* — скребки; *2—4*, *9—11*, *19*, *27* — пластины с выемками; *5—7* — острия со сходящимися ретушированными краями; *8*, *12*, *29*, *30*, *33* — нуклеусы и нуклевидные обломки; *13*, *36* — скребла; *14* — украшение; *15* — проколка; *16* — кинжал; *17* — муфта; *21*, *22* — треугольники; *26* — нож; *28* — проколка; *31*, *35* — трапеции; *14—17* — кость; остальное — кремень

Табл. 97. Каменная индустрия обиширской культуры и близких ей памятников
1—29 — изделия Обишира 1 и 5; *30*, *48*, *55—57* — изделия Туткаула, слоя 2а; *49—54* — изделия Ташкумыра; *1*, *2*, *4*, *27*, *43* — пластины с выемками; *3* — пластина с затупленным ретушью концом; *5*, *48* — проколки; *6—8*, *10*, *17*, *18*, *28—32*, *41*, *44*, *46*, *52*, *53* — скребки; *9*, *33*, *35—40*, *54* — сегменты; *11—12*, *14* — подвески; *13*, *25* — острия со сходящимися ретушированными краями; *15*, *26*, *45*, *47*, *48* — нуклеусы; *16*, *34*, *42*, *49*, *50* — пластины с краевой ретушью; *19*, *55*, *56* — сверла; *20* — абразив; *21* — лощило; *22*, *23* — шилья; *24* — игла; *51* — ланцетовидное острие; *57* — скребло (?)

Табл. 98. Фрески грота Шахты (*1*) и галечные орудия Обишира 1, 5 и Туткаула, слоя 2а
2, *5*, *8*, *9* — чопперы; *3*, *6*, *7* — скребла; *4* — остроконечник

Табл. 99. Мезолит Таджикистана. Стоянки Оби-Киик, Чиль-Чор-Чашма и Туткаул, 3 слой. Каменная индустрия
1—28 — индустрия Оби-Киика; *29—61* — индустрия Чиль-Чор-Чашмы; *62—84* — индустрия Туткаула, слоя 3; *1*, *4—8*, *32*, *36* — сегменты; *2*, *43*, *44*, *48* — трапеции; *3* — треугольник; *9—12*, *23*, *33*, *34* — проколки; *13* — пластина; *14*, *15*, *17—19*, *29*, *38*, *45*, *51*, *57*, *61*, *62*, *81*, *83* — пластины с краевой ретушью; *16*, *24*, *28*, *35*, *41*, *42*, *47*, *50*, *52*, *53*, *55*, *63*, *64*, *71—74*, *78*, *82* — скребки; *20*, *25*, *54*, *60*, *79* — нуклеусы; *21*, *39*, *46*, *49*, *59*, *80*, *84* — сверла; *22* — отщеп с ретушью; *26*, *27* — скребловидные орудия; *30* — геометрический микролит; *31*, *40*, *65—70*, *75—77* — прямоугольники; *37* — острие со сходящимися ретушированными краями; *56* — острие со скошенным ретушью краем; *58* — острие со скошенным ретушью концом и затупленным краем

Табл. 100. Мезолит Памира. Маркансуйская культура. Каменная индустрия
1 — план стоянки Ошхона, горизонт 2; *2—15*, *17—20* — индустрия Ошхоны; *16*, *21—29* — индустрия Истыкской пещеры; *2*, *3* — скребки; *4*, *5*, *12—14* — проколки; *6*, *26*, *27*, *29* — нуклеусы; *7* — сверло; *8*, *10*, *11*, *17*, *25*, *28* — пластины с краевой ретушью; *9*, *20* — наконечники (?); *15* — пластина *16*, *21—24* — ланцетовидные острия; *18* — проникза; *19* — обломок рубящего орудия

Табл. 101. Мезолит Казахстана. Каменная индустрия
1—17 — изделия стоянки Евгеньевка; *18, 27—30* — орудия стоянки Убаган 5; *19—26, 31* — орудия из стоянки Убаган 3; *32—43* — индустрия стоянки Тельмана 8а; *44—51* — орудия стоянки Тельмана 7; *52—53* — орудия из стоянки Виноградовка 12; *54—57* — орудия из стоянки Тельмана 9а; *1, 8, 16, 27, 28, 38, 39, 41—44, 46, 49, 52, 54* — скребки; *2, 11, 20, 33, 51* — пластины с краевой ретушью; *3, 36, 40* — пластины со скошенным концом и затупленным краем; *4, 12* — проколки; *5* — резчик; *6, 22* — вкладыши; *7, 30* — пластины со скошенным концом; *9, 10, 13, 14, 19, 21, 34, 37, 45, 47, 50, 55, 56* — резцы; *15, 17, 29* — трапеции; *18, 57* — параллелограммы; *23* — пластина с затупленным концом; *24, 25* — острия; *26* — микролит с затупленными ретушью краями и концом; *31* — нуклеус; *32, 35* — пластины с выемками; *48* — сверло; *53* — рубящее орудие

Табл. 102. Фрески Зараут-Сая

Табл. 103. Стоянка Усть-Белая. Каменный инвентарь
1, 16 — наконечники стрел; *2—5* — проколки; *6* — вкладыш; *7, 18* — пластины; *8, 9, 12, 19—23* — скребки; *10* — острие; *11, 24* — резцы; *13* — пластина с ретушью по краю и затупленным концом; *14* — пластина с краевой ретушью; *15, 17, 25* — нуклеусы; *26* — нож; *27—29* — рубящие орудия

Табл. 104. Стоянка Усть-Белая. Костяной инвентарь
1, 6, 7, 10, 17, 21 — гарпуны и их обломки; *2* — иголка; *3, 4, 9, 11* — подвески; *5, 14, 18* — рыболовные крючки; *8* — острие; *12* — острие с пазом; *13* — украшение; *15* — игольник; *16* — кость с орнаментом; *19, 22* — зубцы остроги; *20* — роговая колотушка; *23* — основа ножа

Табл. 105. Стоянка Усть-Белая. Костяной и роговой инвентарь, украшения
1—9 — украшения; *10, 15* — острия; *11* — мотыга; *12, 13* — кинжалы; *14* — лопаточка

Табл. 106. Стоянки Каменка I—III. Стратиграфия и каменный инвентарь
1, 11, 14 — Каменка III; *2—6, 8, 10* — Каменка I; *7, 9, 12, 13* — Каменка II; *1* — стратиграфия стоянки; *2, 5* — резцы; *3, 4* — скребки; *6, 7* — наконечники стрел; *8, 11* — нуклеусы; *9, 10, 12, 13* — рубящие орудия; *14* — обломок ножа (?)

Табл. 107. Стоянки Перешеек (*1, 2, 14, 17*), Уляха (*3—5, 7, 11—13, 15, 16, 18*) и Ленковка (*6, 8—10*). Каменный инвентарь
1 — стратиграфия стоянки; *2, 11, 13, 16, 18* — нуклеусы; *3, 5—10* — гарпуны и их обломки; *4, 12, 14, 15* — скребки; *17* — рубящее орудие

Табл. 108. Стоянка Верхоленская Гора. Горизонт II. Каменный инвентарь
1, 6 — подвески; *2, 3* — пластины; *4, 7, 9, 13* — резцы; *5, 14* — нуклеусы; *8, 10—12, 15* — скребки; *16—18* — ножи; *19* — скребло; *20* — чопперовидное орудие; *21* — рубящее орудие

Табл. 109. Стоянка Верхоленская Гора. Горизонт II. Каменный инвентарь
1, 4, 11 — скребки; *2, 3, 5, 9, 14* — резцы; *6, 7, 13* — нуклеусы; *8, 17* — ножи; *10, 15, 16, 18, 19* — рубящие орудия; *12* — нуклевидный кусок

Табл. 110. Стоянка Верхоленская Гора. Горизонт IIа. Каменный инвентарь
1, 2 — вкладыши; *3, 5, 12* — пластины с краевой ретушью; *4* — обломок наконечника стрелы; *6, 7, 10, 17, 27, 36* — скребки; *8, 9, 13—16, 19* — резцы; *11* — острие; *18, 22—25, 31* — нуклеусы; *20, 21* — сверла; *26, 28, 33* — ножи; *29, 32, 34, 35* — рубящие орудия; *30* — галька с орнаментом

Табл. 111. Стоянка Верхоленская Гора. Горизонт III. Каменный инвентарь
1 — проколка; *2* — отщеп с ретушью; *3, 4, 7, 9* — скребки; *5, 6* — резцы; *8* — пластина; *10—12, 14* — нуклеусы; *13, 15* — рубящие орудия; *16* — нож; *17* — скребло; *18, 19* — чопперы

Табл. 112. Стоянка Верхоленская Гора. Костяной и роговой инвентарь, украшения
1, 9, 10 — горизонт IIа; *2, 6* — горизонт II; *3—5, 7, 8, 11—15* — горизонт III; *1* — подвеска; *2, 7* — острие с пазом; *3, 4, 6, 9* — гарпуны и обломок гарпуна; *5* — орудие с пазом; *8* — острие; *10* — топорик; *11, 12, 14* — обломки костяных орудий; *13* — лощило; *15* — «колотушка»

Табл. 113. Стоянка Студеное. Каменный инвентарь
1—3, 6 — пластины; *4, 5, 16, 17, 21, 27* — скребки; *7—9, 18—20* — резцы; *10—15* — костяные изделия; *22, 23, 29* — нуклеусы; *24, 25, 30* — ножи; *26* — пластина с краевой ретушью; *28* — рубящее орудие

Табл. 114. Сумнагинская культура. Стоянка Белькачи I. Стратиграфия и каменный инвентарь
1, 2 — пластины со скошенным ретушью концом; *3—5, 11, 14, 17, 20* — скребки; *6, 10, 13, 15* — резцы; *7, 9* — вкладыши; *8* — острие; *12, 16* — нуклеусы; *18* — абразив; *19* — стратиграфия стоянки Белькачи I; *21—24* — рубящие орудия; *I* — дерн; *II* — перепаханная супесь; *III* — алевриты с гумусом и древесиной; *IV* — суглинок; *V* — песок; *VI* — гальки и гравий; *VII* — пойменный аллювий; *VIII* — русловый аллювий; *IX* — номер и граница культурного слоя

Табл. 115. Сумнагинская культура. Стоянка Белькачи I. План жилища, каменный и костяной инвентарь
1 — план жилища на стоянке Белькачи I; *2, 9* — вкладыши; *3, 4, 10, 11* — резцы; *5* — пластина с затупленным ретушью концом; *6, 8* — пластины; *7, 13, 15—18, 21, 22* — скребки; *12* — «резчик»; *14* — нуклеус; *19* — острие; *20* — острие с пазом; *23* — шило; *24* — кинжал; *1—18, 21, 22* — кремень; *19, 20, 23, 24* — кость; *I* — золисто-углистое заполнение жилища; *II* — контуры очага внутри жилища; *III* — очаговые камни; *IV* — орудия; *V* — пластины; *VI* — кости животных

Табл. 116. Сумнагинская культура. Стоянка Усть-Тимптон. Каменный инвентарь
1, 3, 7 — пластина со скошенным ретушью концом; *2, 4, 5, 9, 15* — скребки; *6* — пластина; *8* — пластина с краевой ретушью; *10, 14, 17—19* — рубящие орудия; *11, 13* — нуклеусы; *12, 16* — резцы

Табл. 117. Стоянки Таймыра. Каменный инвентарь
1—5, 12, 15, 16, 18, 23—29, 33, 36, 37, 42—44 — Пясина I; *6, 8, 11, 13, 17, 20, 21, 31, 34, 38* — Пясина IV; *7, 9, 30, 35, 40, 41* — Лантошка II; *10, 14, 19, 22, 39, 45, 46* — Пясина III; *32* — Малая Коренная III; *1* — проколка; *2* — пластина со скошенным концом; *3—7, 23—25, 28—31, 37, 40, 42, 43* — пластины с краевой ретушью; *8, 12—18, 20, 21, 38, 39* — скребки; *9* — сверло; *10* — пластина; *11* — ребристая пластина; *19, 26, 27, 32—34, 36, 44* — резцы; *22, 35, 41* — наконечники стрел; *45* — обломок наконечника; *46* — нуклеус

Табл. 118. Стоянка Осиновка. Каменный инвентарь
1, 2, 4, 6, 7, 13 — наконечники стрел и копий; *3, 11, 14, 15* — рубящие орудия; *5, 8—10* — нуклеусы; *12* — скребок

Табл. 119. Стоянка Устиновка. Каменный инвентарь
1, 8, 16 — пластины; *2, 3, 9, 15, 18* — скребки; *4, 5, 11, 17* — резцы; *6, 10, 13, 14, 19, 20* — нуклеусы; *7* — пластина с краевой ретушью; *12* — нож; *21* — обломок орудия; *22* — рубящее орудие

Табл. 120. Стоянки Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Каменный инвентарь
1—3, 9, 14, 16, 17, 19—21, 26, 28 — Ушки I; *4—8, 10—12, 18, 24, 25, 30* — Конго; *13* — Сибердиковская стоянка; *15, 22, 23, 27, 29, 31* — Малтан; *1—3* — наконечники стрел; *4* — проколка; *5, 10, 17* — пластины; *6* — пластина со скошенным ретушью концом; *7* — отщеп; *8, 9* — пластины с краевой ретушью; *11* — наконечник дротика; *12, 18* — резцы; *13* — острие; *14* — сверло; *15, 26—29* — нуклеусы; *16, 23* — обломки орудий; *19* — отщеп с ретушью; *20* — нож; *21* — абразив; *22* — скребло; *24, 25* — скребки; *30, 31* — рубящие орудия

Табл. 121. Стоянка Имчин I. Каменный инвентарь
1—3 — острия; *4, 6, 25* — пластины; *5, 7, 8, 10, 29* — пластины с краевой ретушью; *9* — сверло; *11—13* — наконечники стрел и их обломки; *14—16, 23* — резцы; *17, 27, 28, 31, 32* — нуклеусы; *18, 30* — заготовки наконечников; *19—22* — скребки; *24, 34, 35* — рубящие орудия; *26, 33* — ножи

Табл. 122. Стоянка Такое II. Каменный инвентарь
1, 2 — острия; *3* — пластина с затупленным ретушью концом; *4, 16, 22, 25* — пластины с краевой ретушью; *5, 26* — обломки орудий; *6, 10, 20, 24* — скребки; *7, 19* — ножи; *8* — наконечник дротика; *9, 17, 21* — обломки наконечников; *11, 12, 18* — сверла; *14, 15* — проколки; *13, 23* — пластины; *27* — нуклеус; *28* — рубящее орудие

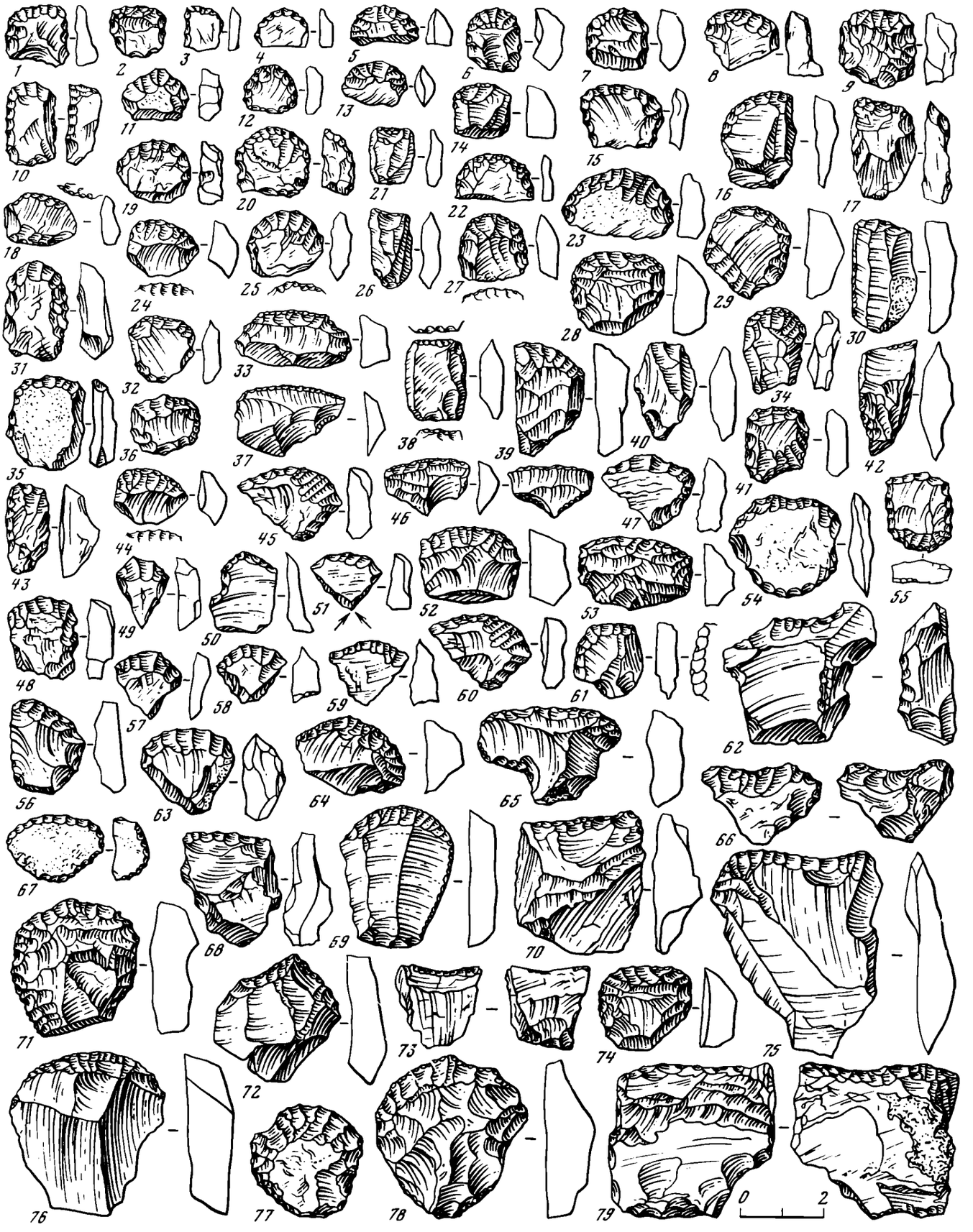

Табл. 1. Мезолит Кольского п-ова. Каменные скребки и долотовидные скобели

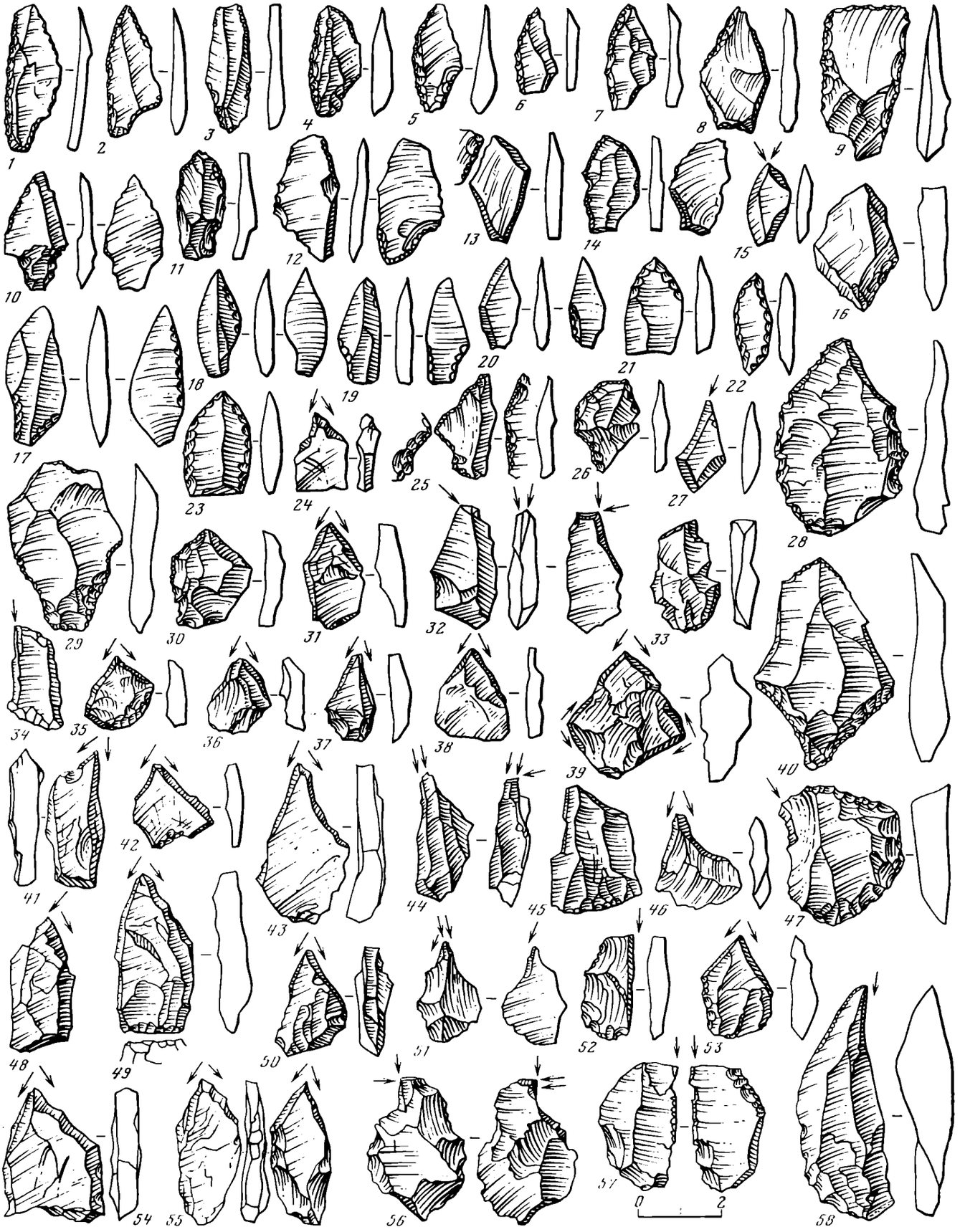

Табл. 2. Мезолит Кольского п-ова. Каменные наконечники стрел и резцы

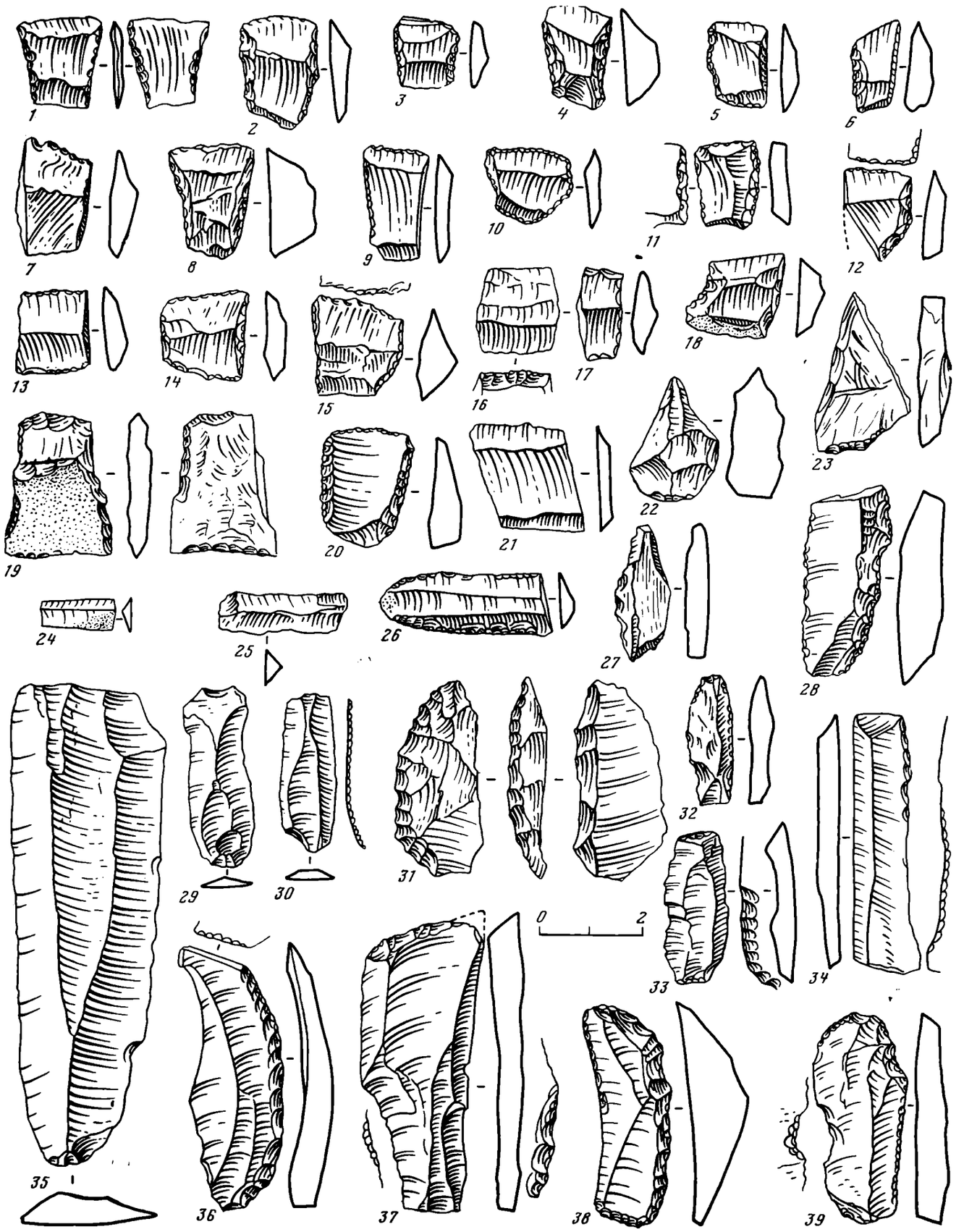

Табл. 3. Мезолит Кольского п-ова. Каменные трапеции, вкладыши, ножи, комбинированные орудия

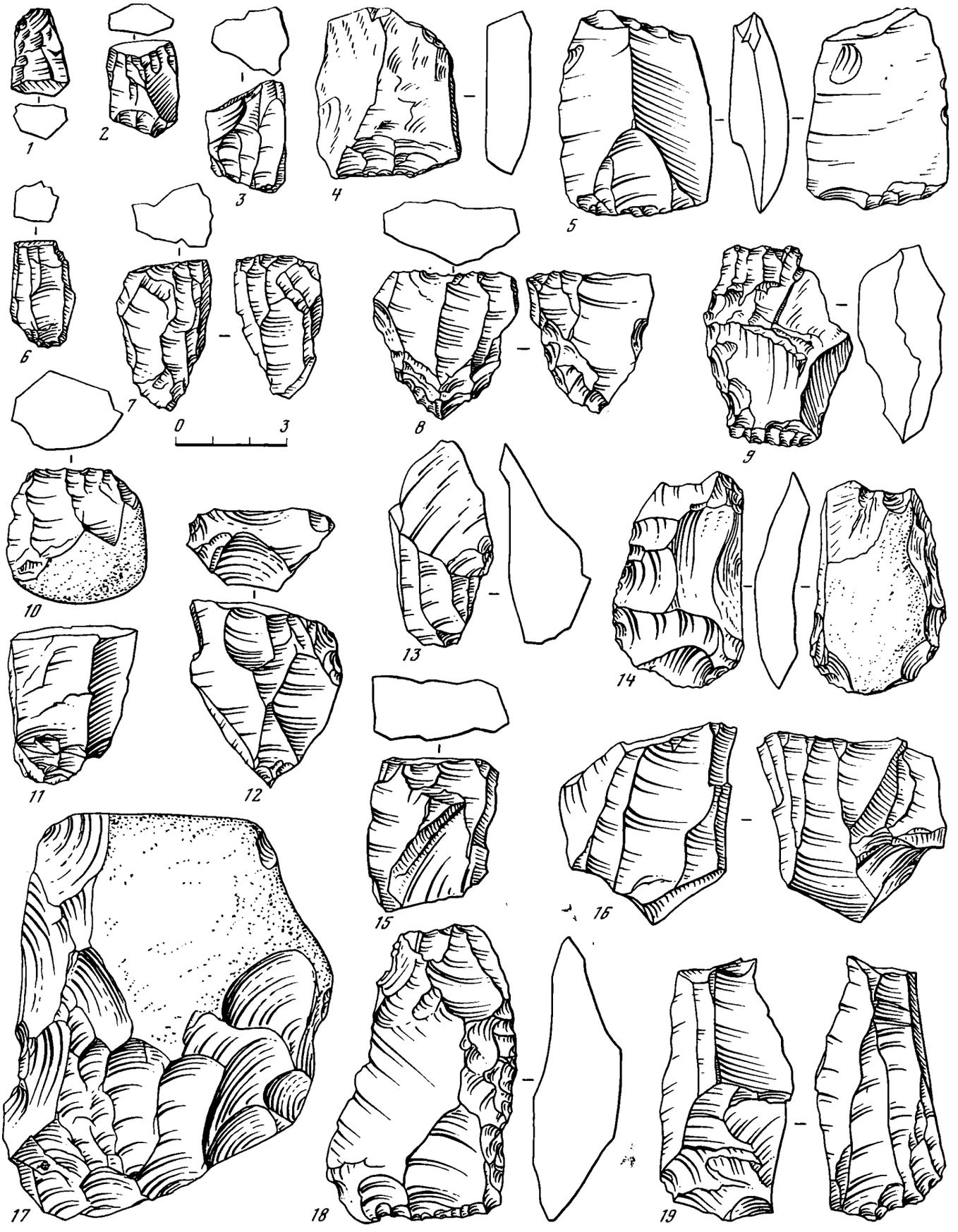

Табл. 4. Мезолит Кольского п-ова. Каменные нуклеусы и рубящие орудия

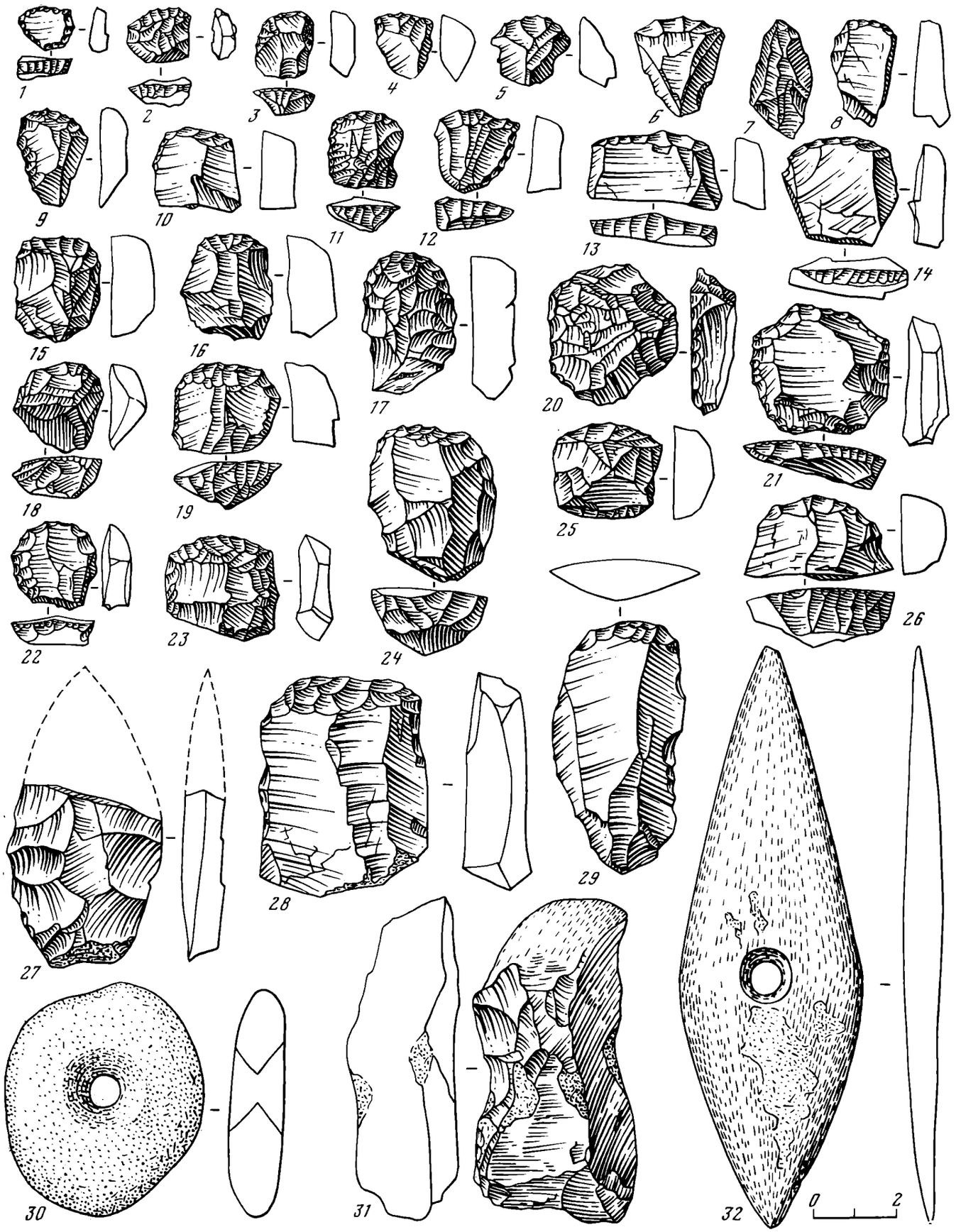

Табл. 5. Мезолит Карелии. Каменные орудия из кварца и сланца с местными традициями

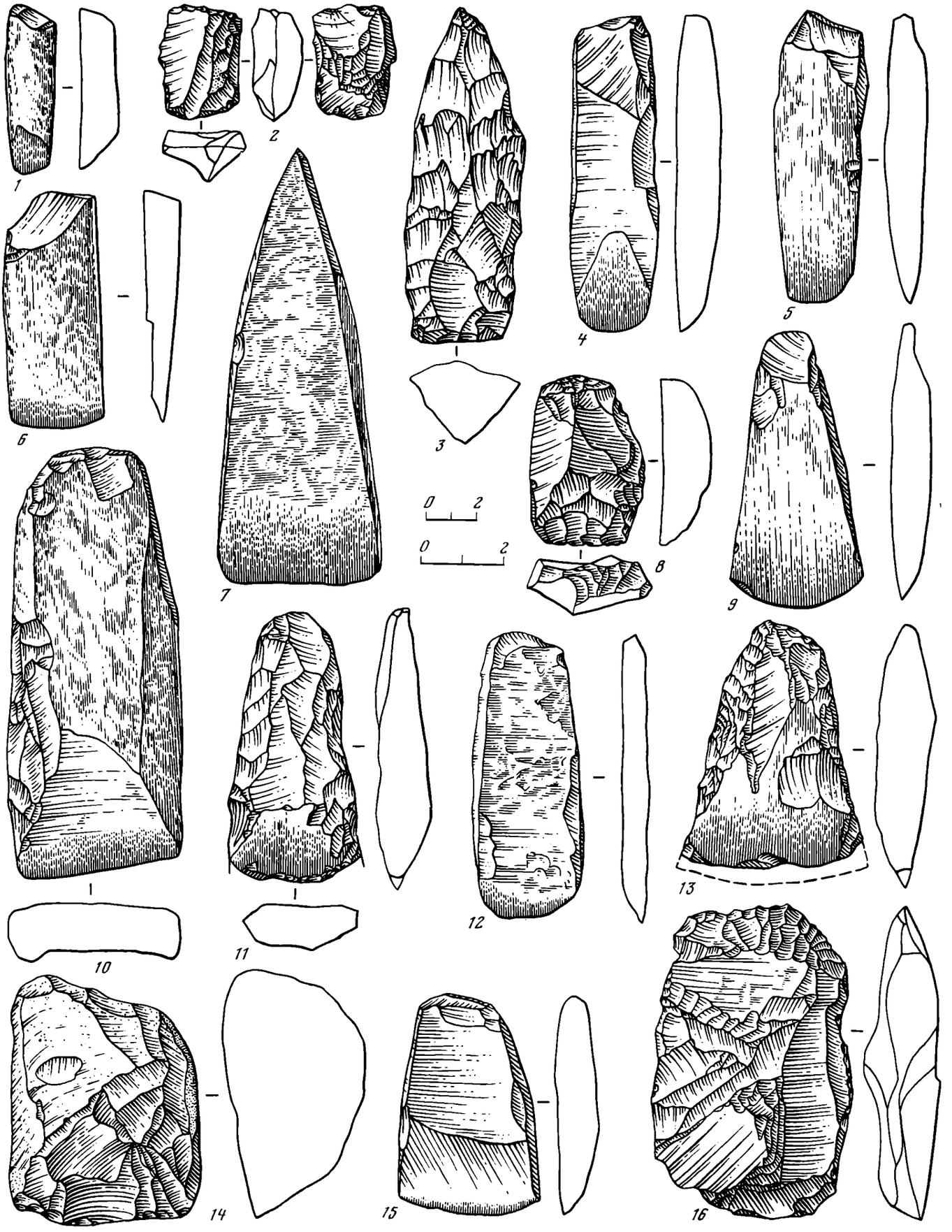

Табл. 6. Мезолит Карелии. Каменные рубящие орудия с местными традициями

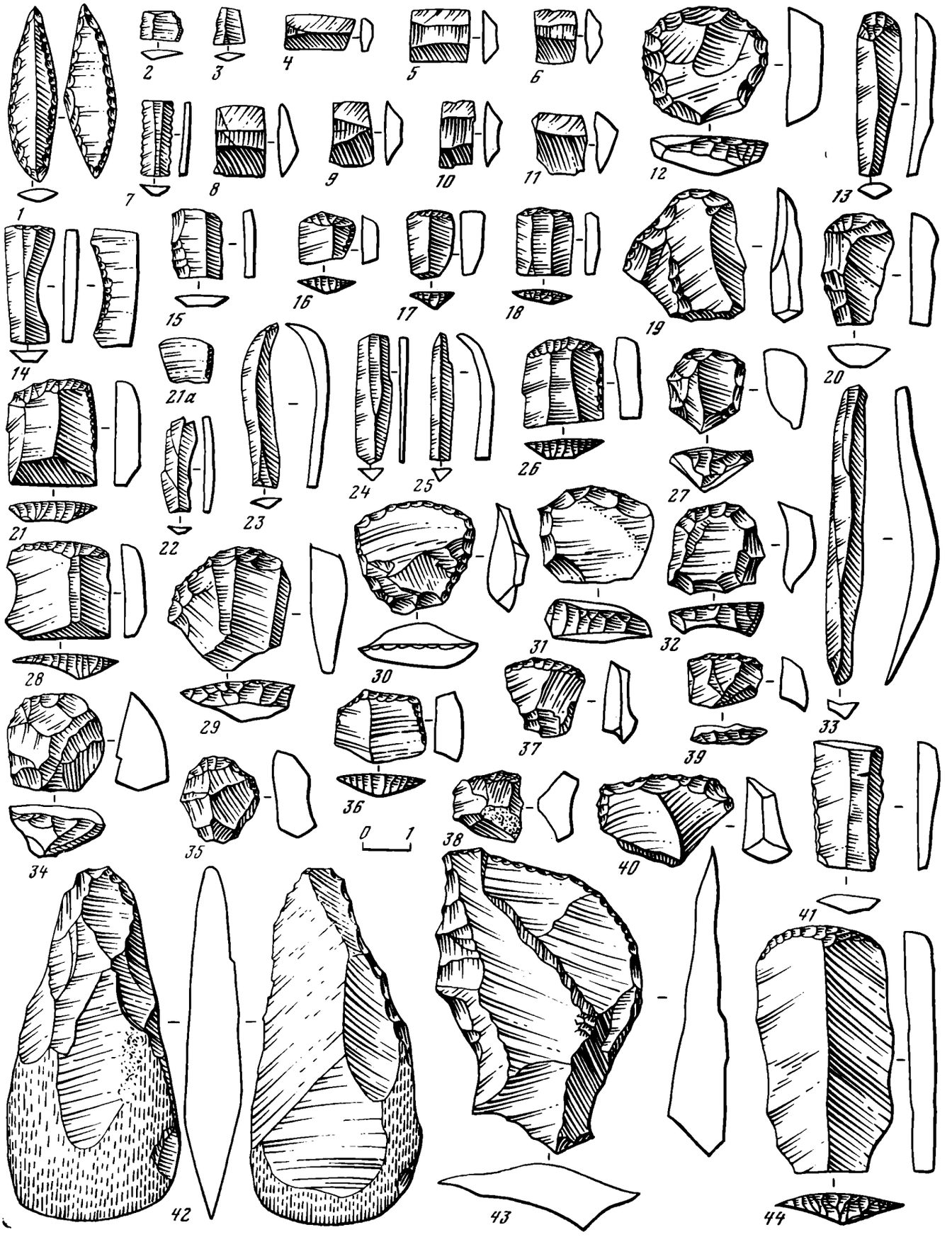

Табл. 7. Мезолит Карелии. Орудия с верхневолжскими традициями

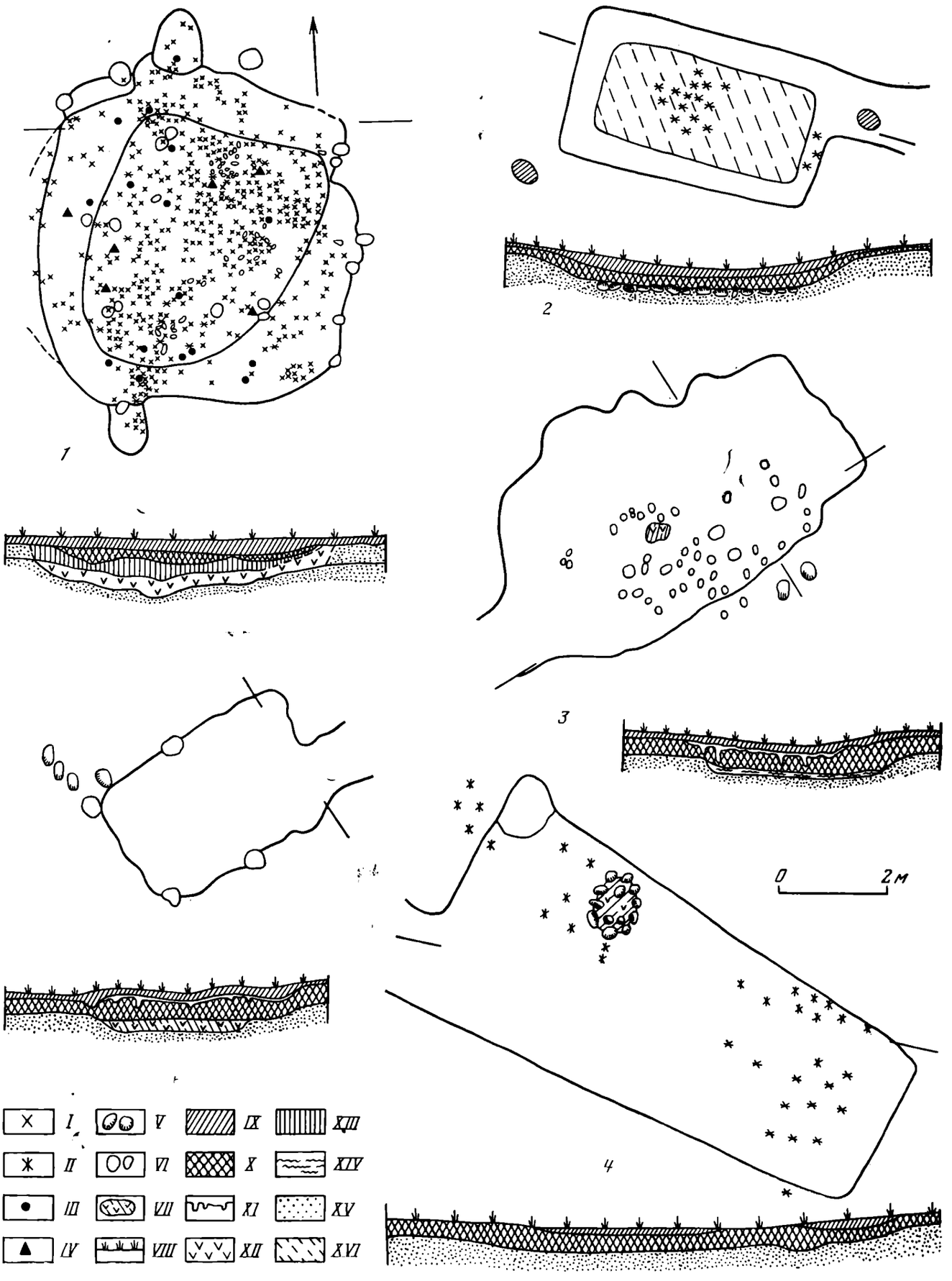

Табл. 8. Мезолит Карелии. Жилища

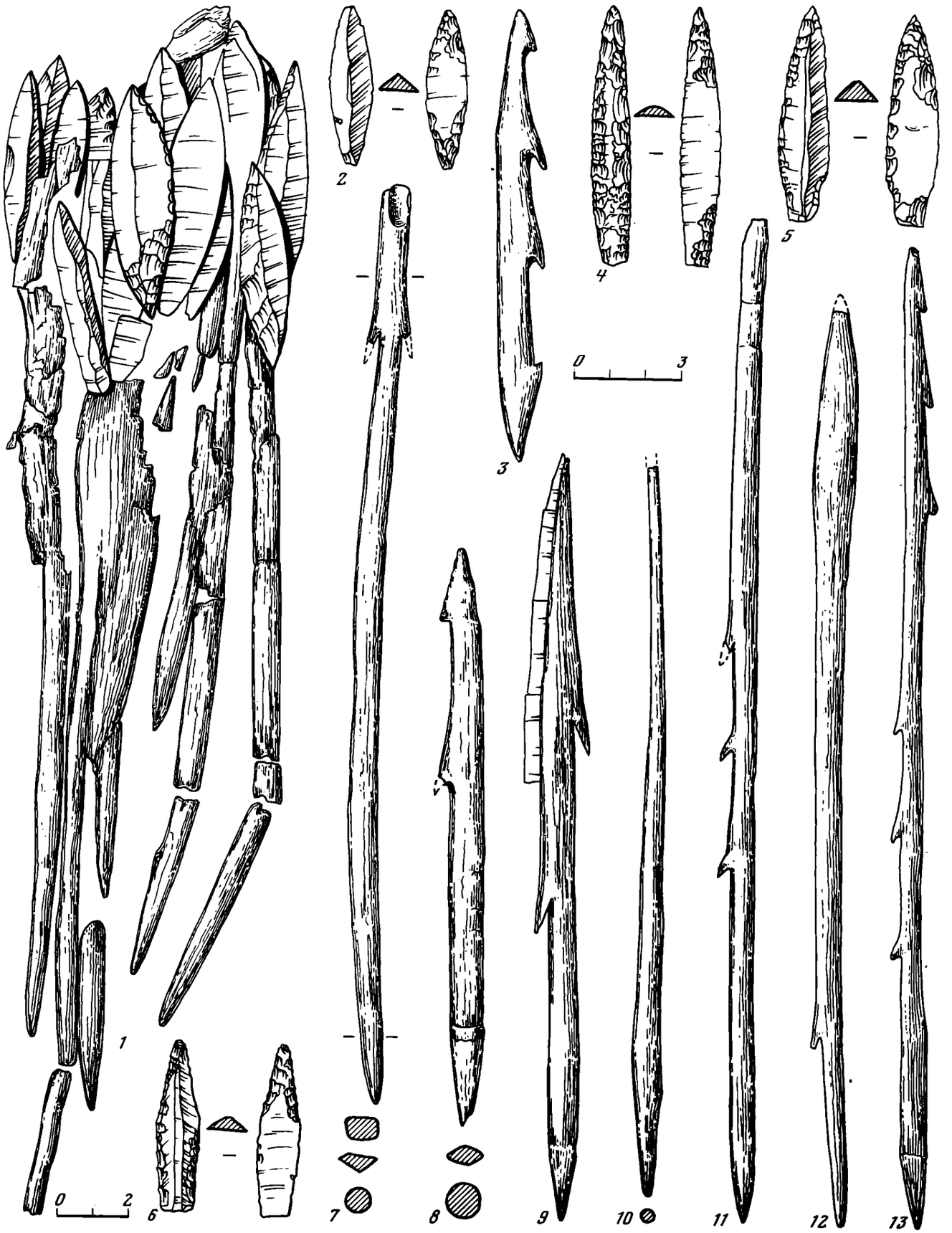

Табл. 9. Мезолит Карелии. Оленеостровский могильник. Кремневое и костяное оружие

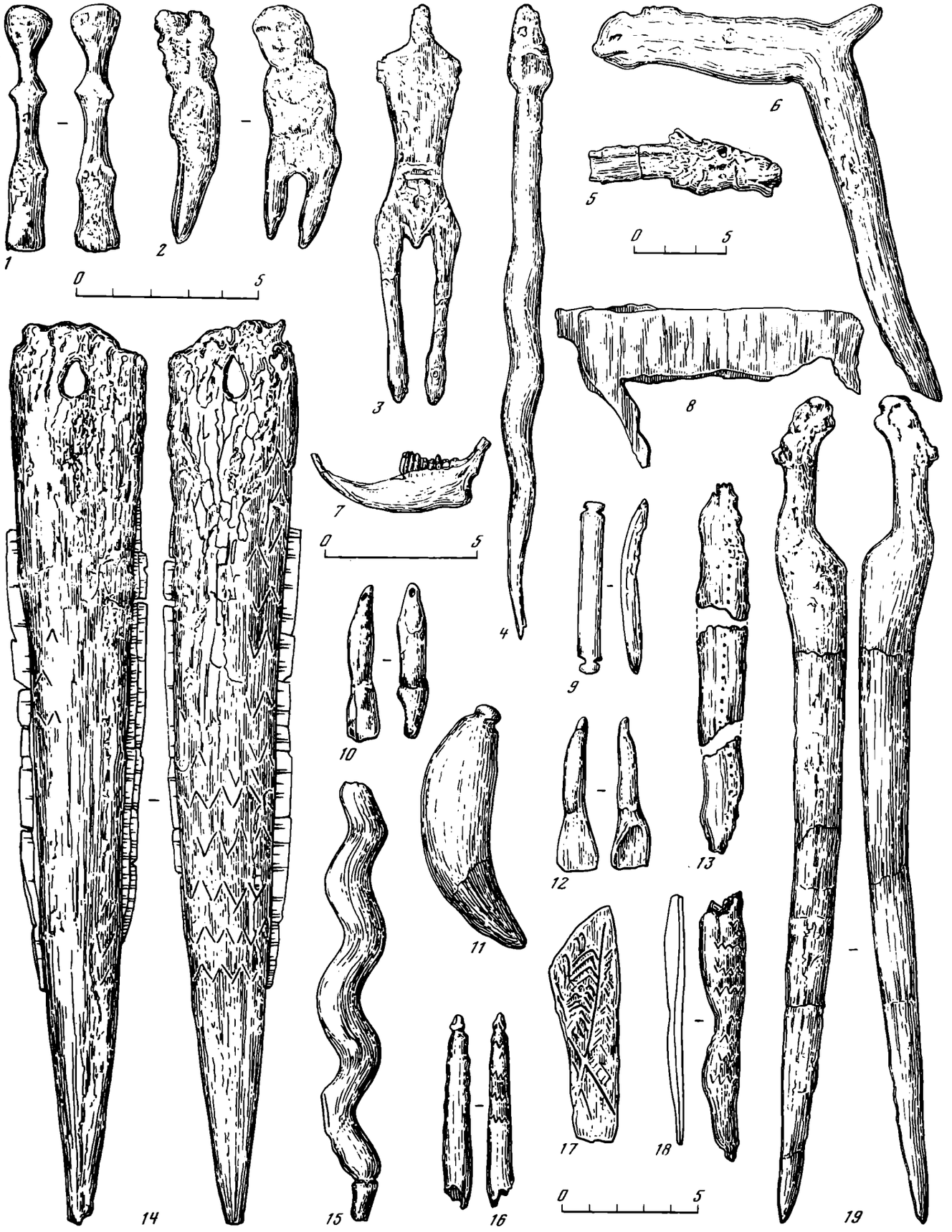

Табл. 10. Оленеостровский могильник. Украшения и предметы искусства из кости и рога

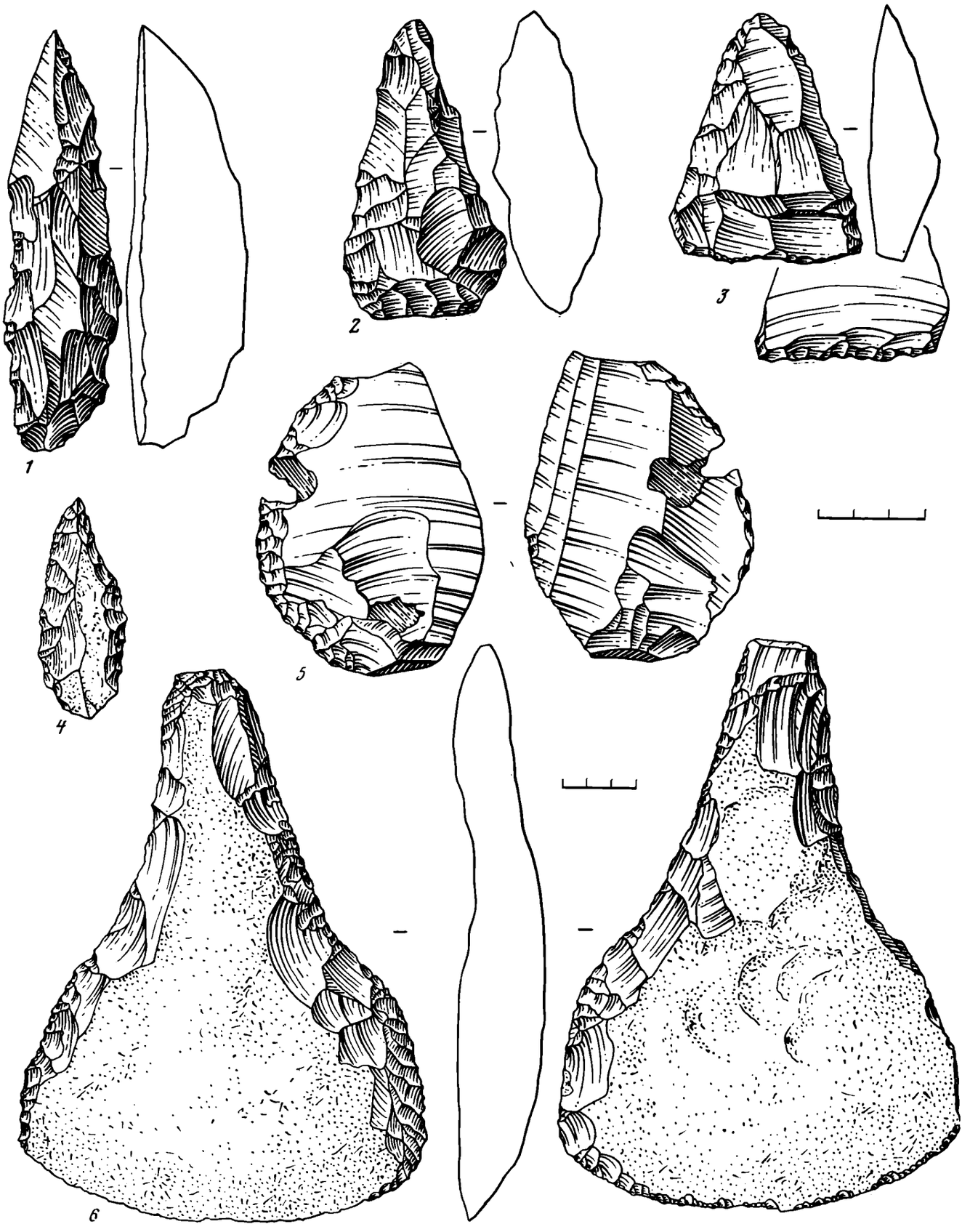

Табл. 11. Нижнее Веретье I. Каменные орудия

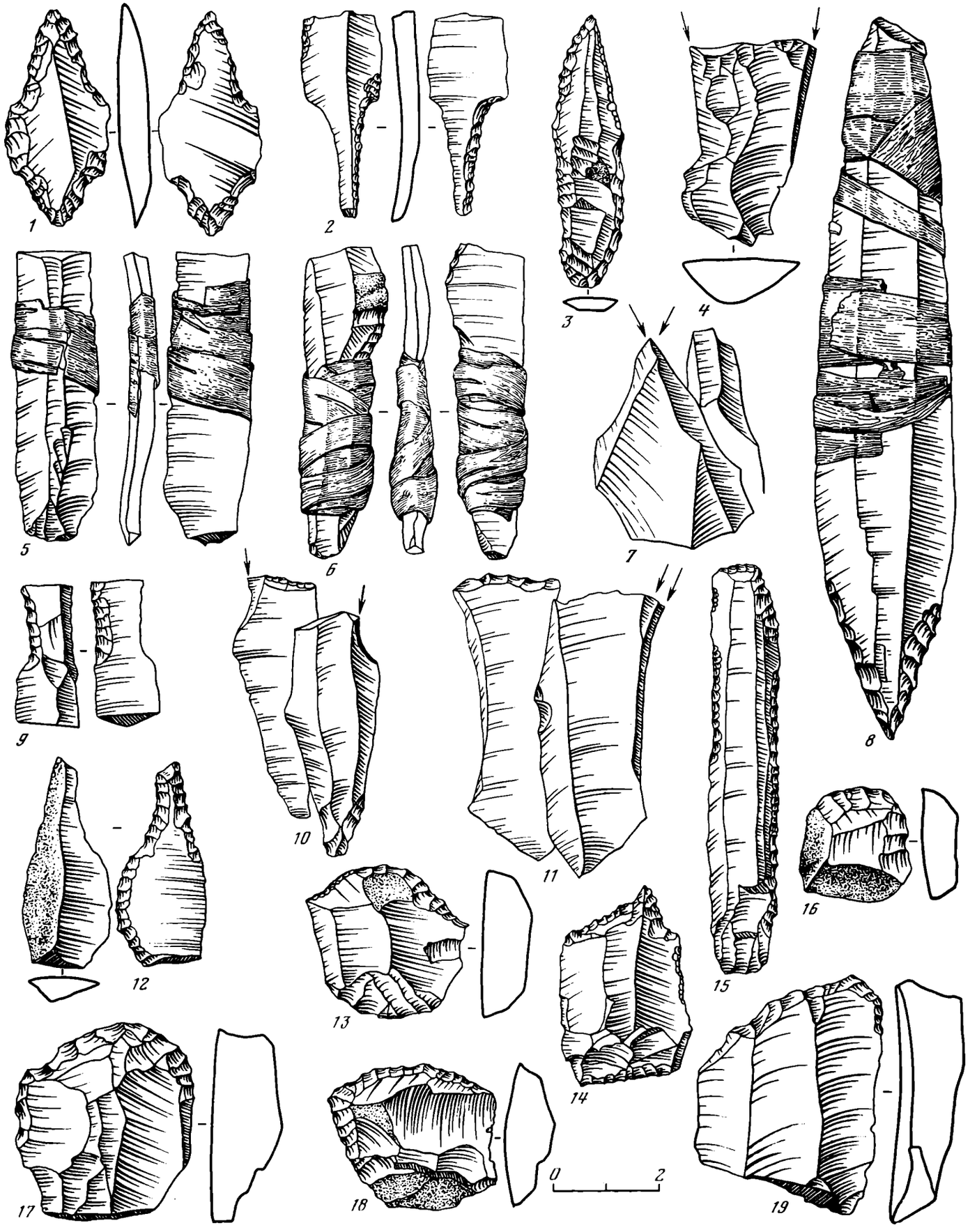

Табл. 12. Нижнее Веретье I. Каменные орудия

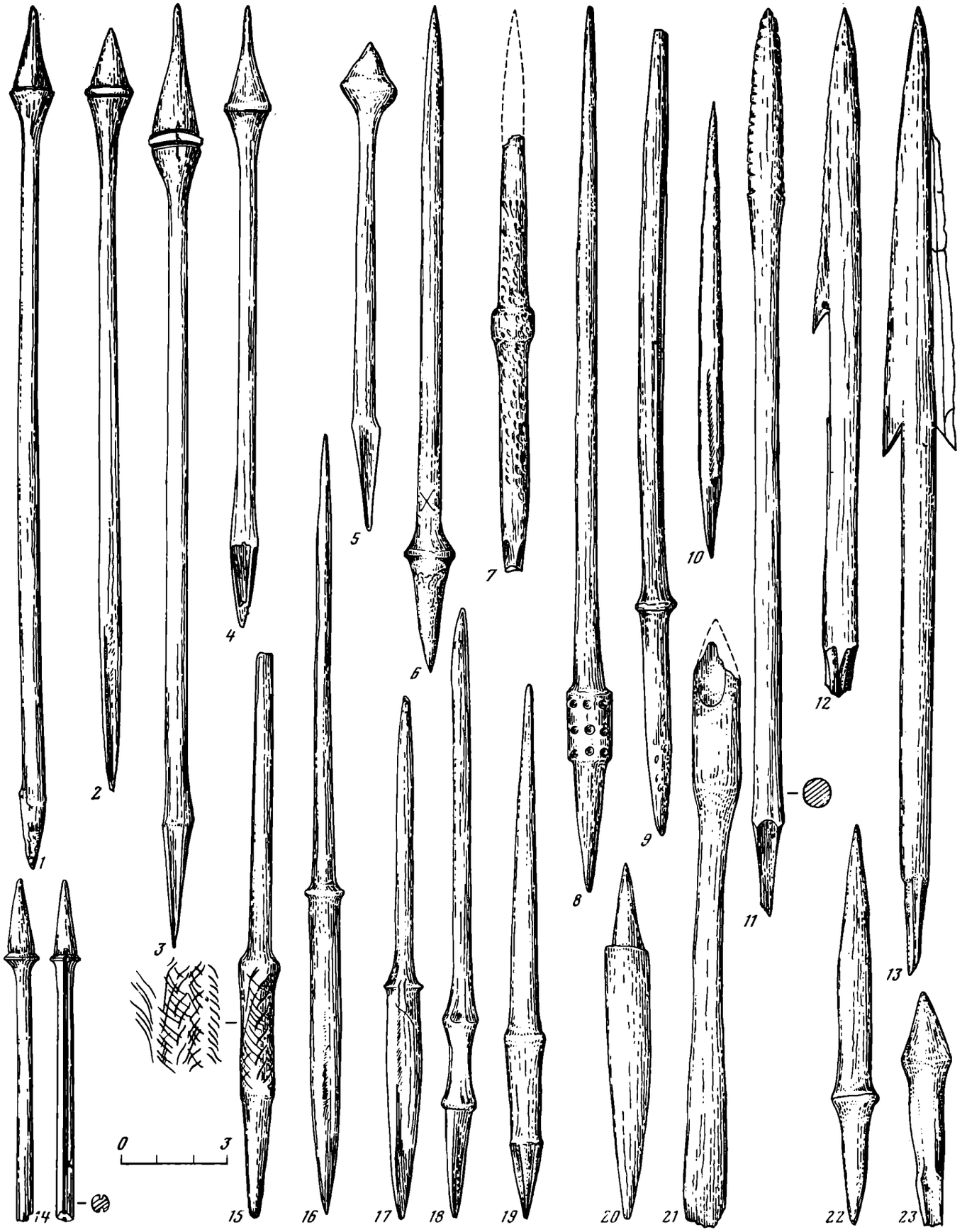

Табл. 13. Нижнее Веретье I. Наконечники стрел из кости (*1—23*)

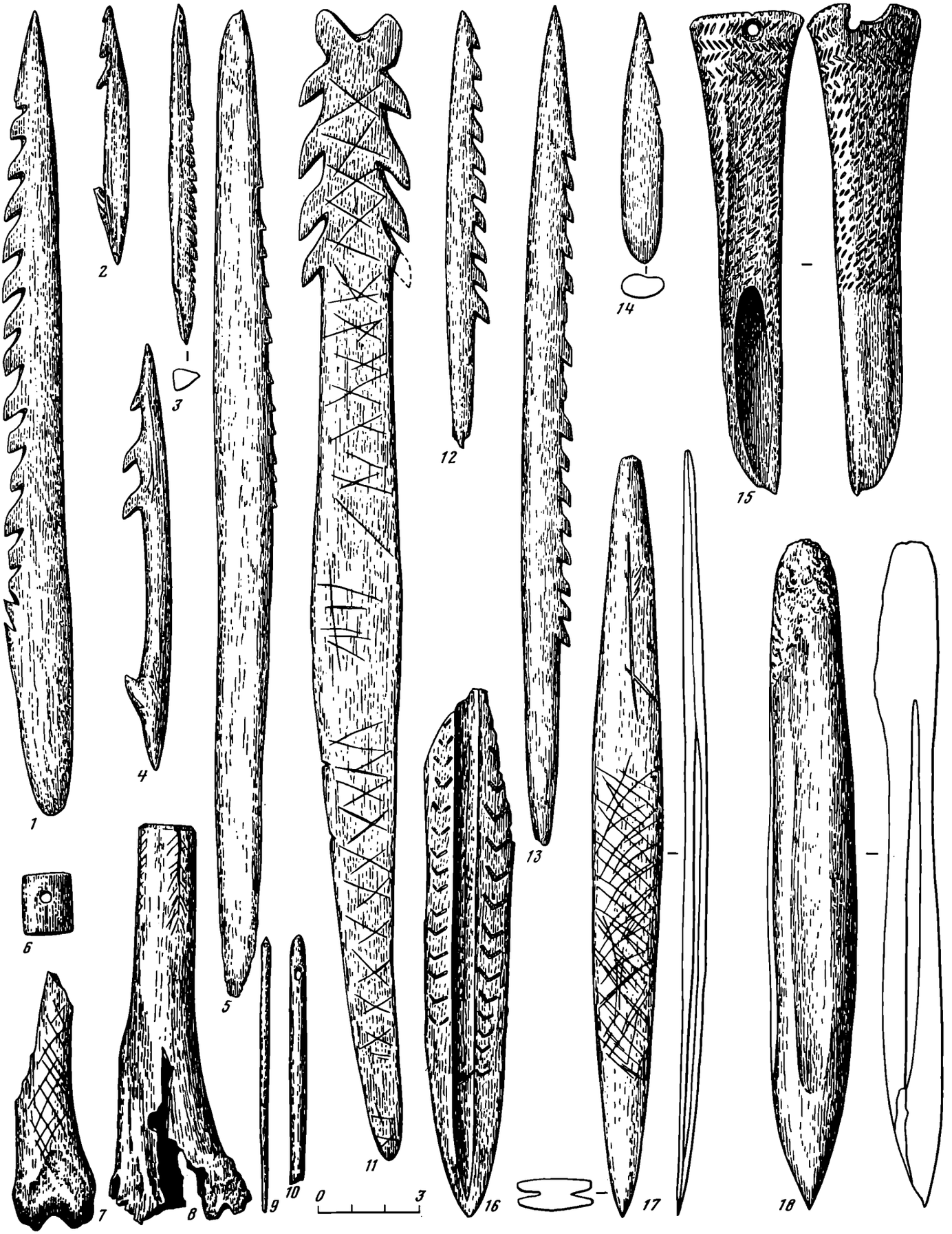

Табл. 14. Нижнее Веретье I. Орудия из кости

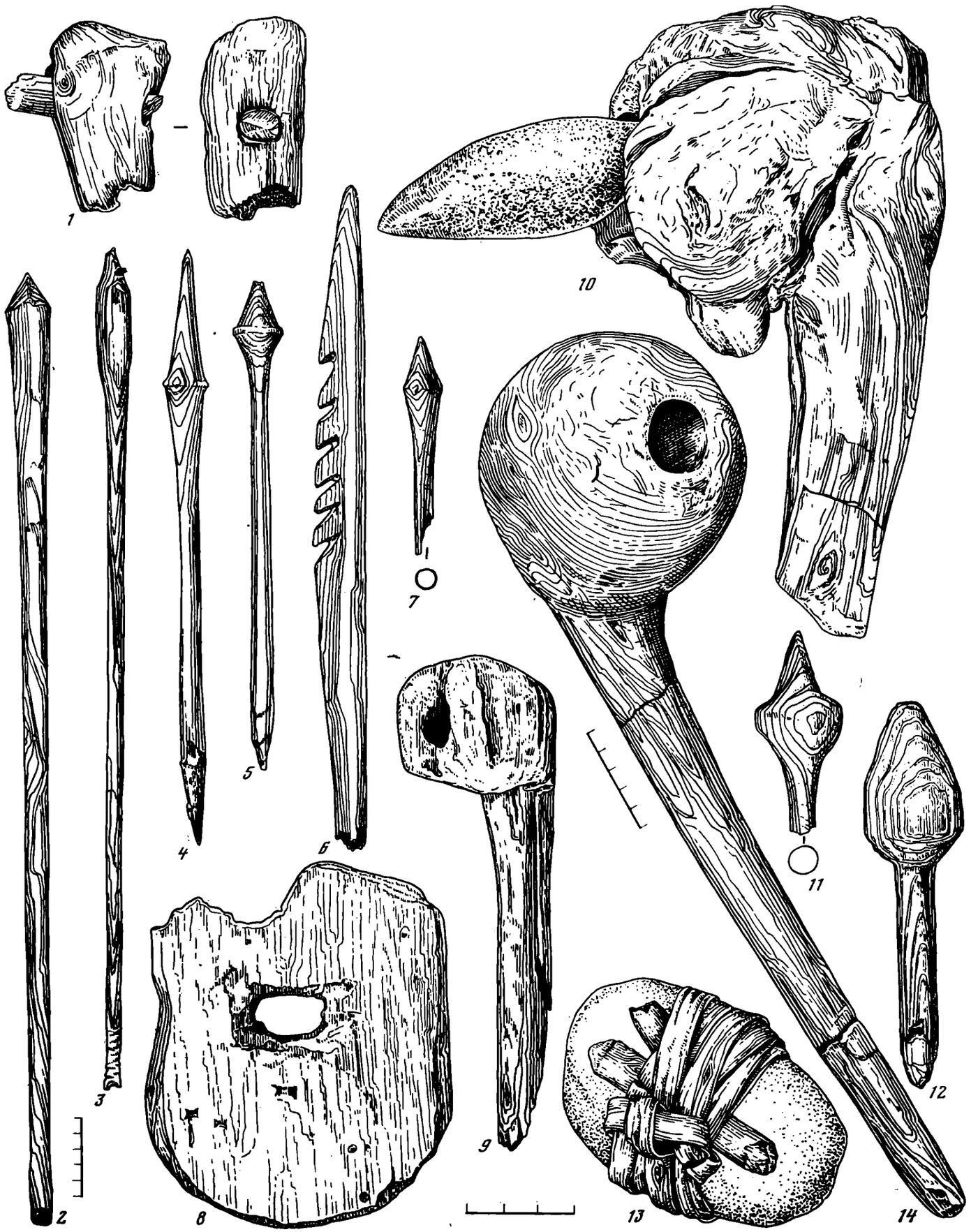

Табл. 15. Нижнее Веретье I. Изделия из дерева

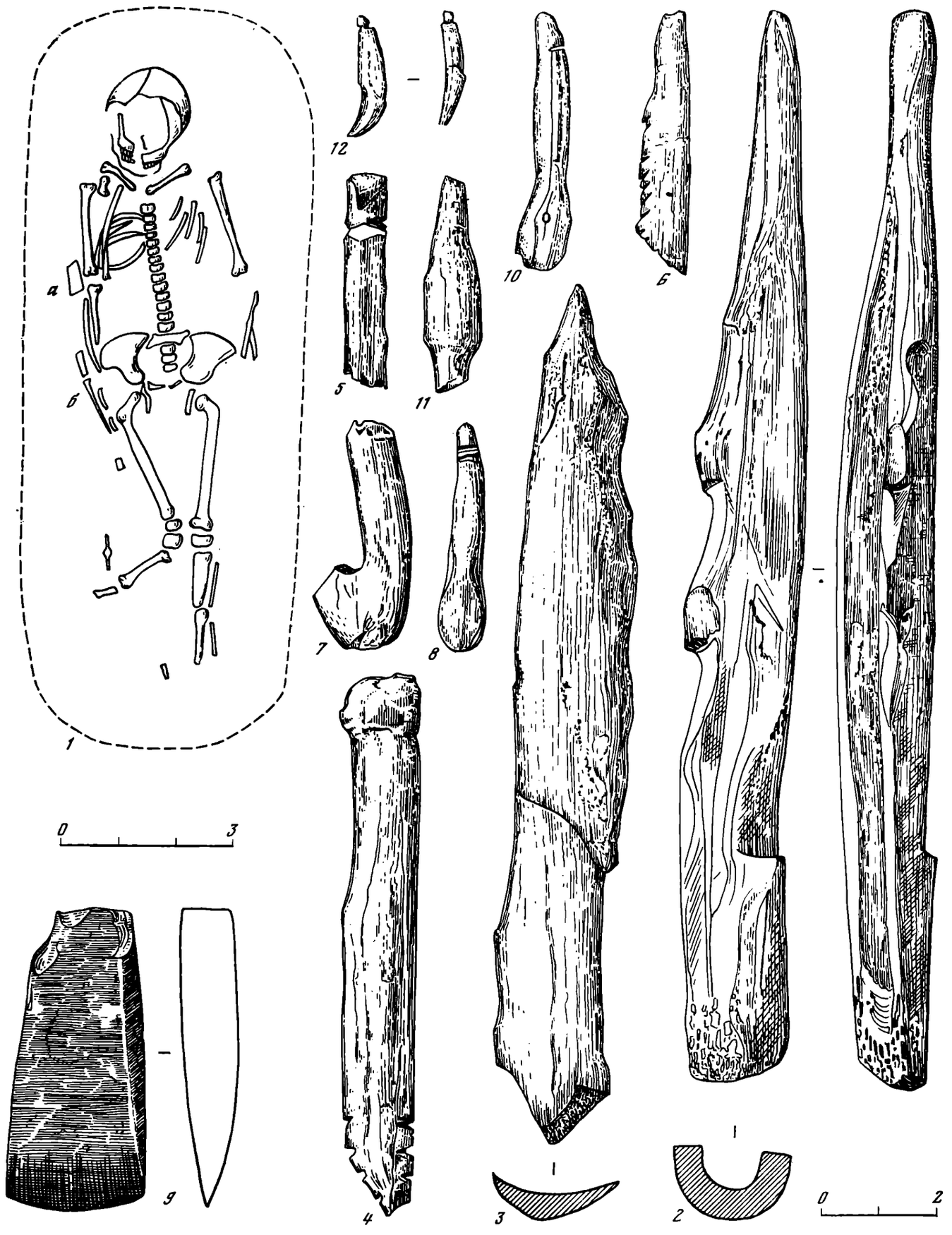

Табл. 16. Могильник Попово. Погребение VII и вещи из него

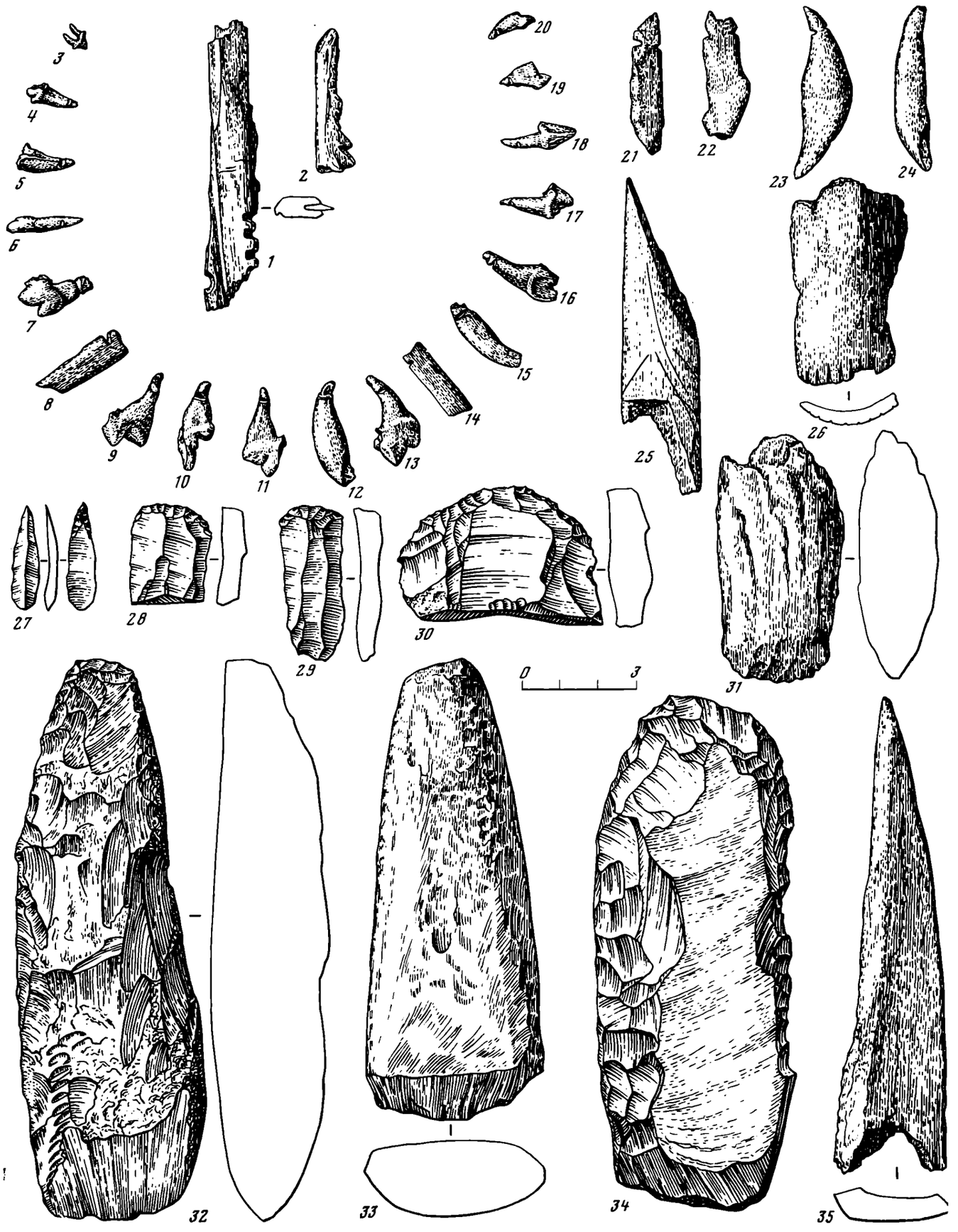

Табл. 17. Могильник Попово. Вещи из погребений I—IV

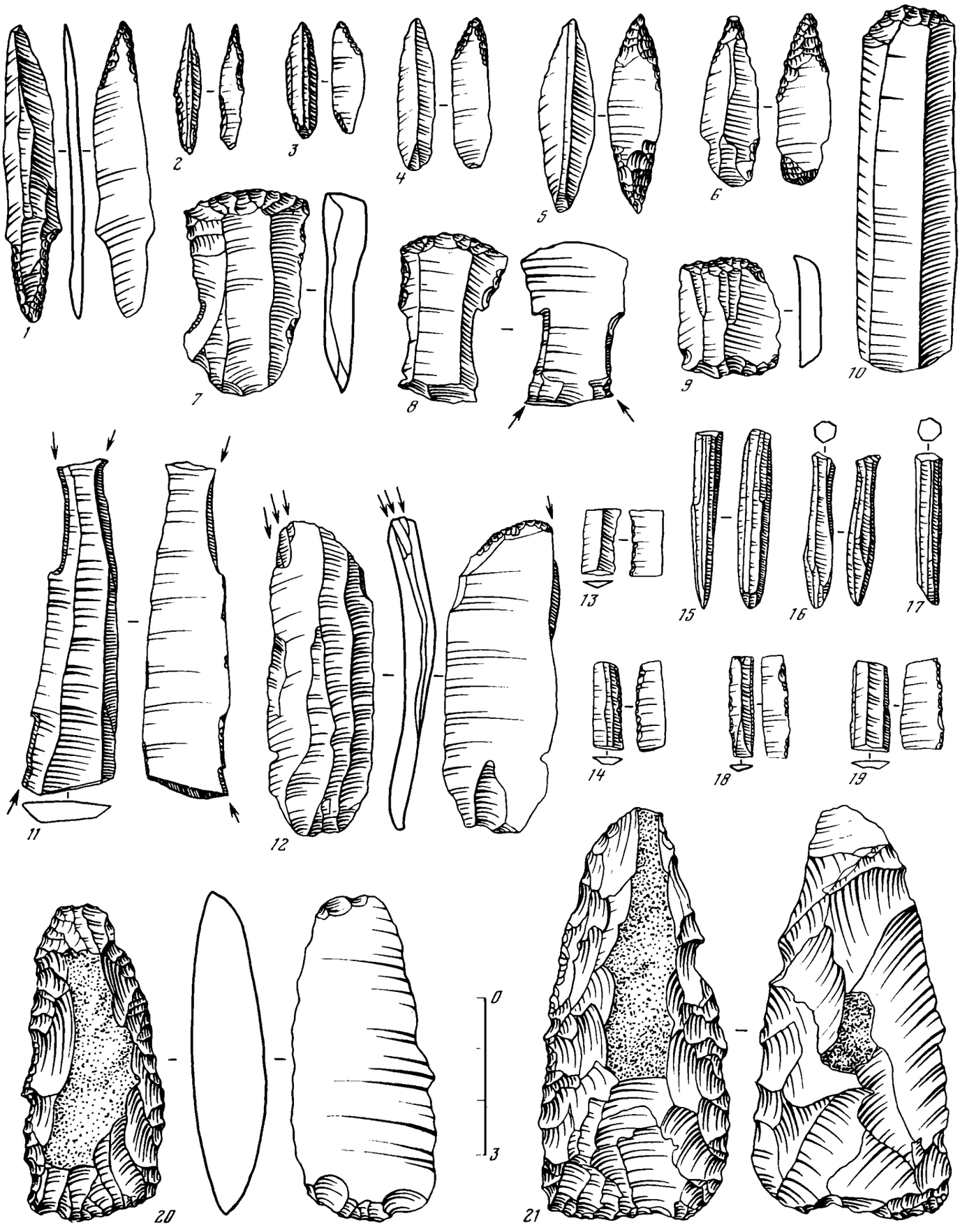

Табл. 18. Стоянки Колупаевская и Яснополянская. Каменный инвентарь

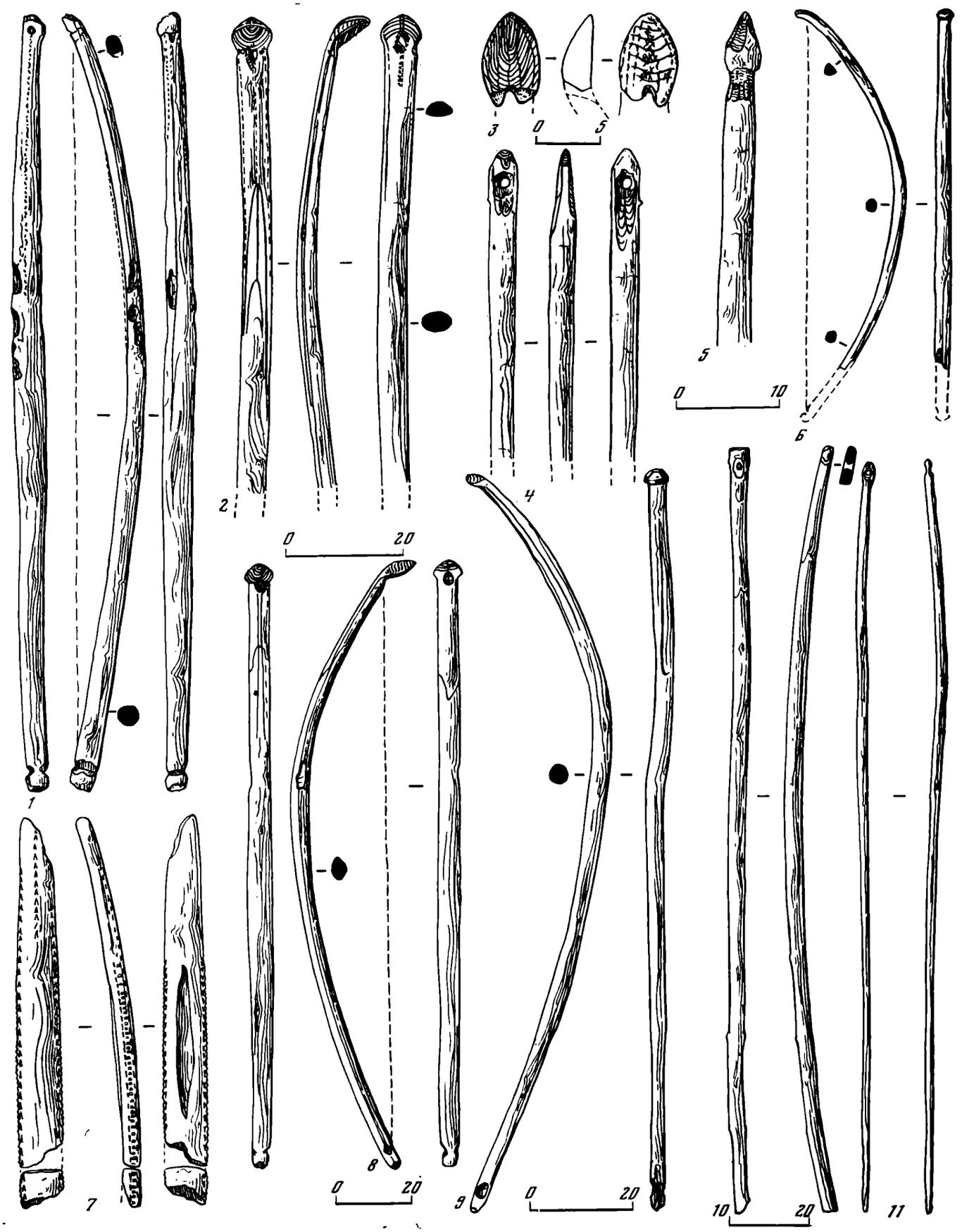

Табл. 19. Торфяник Вис I. Деревянные луки (*1—11*)

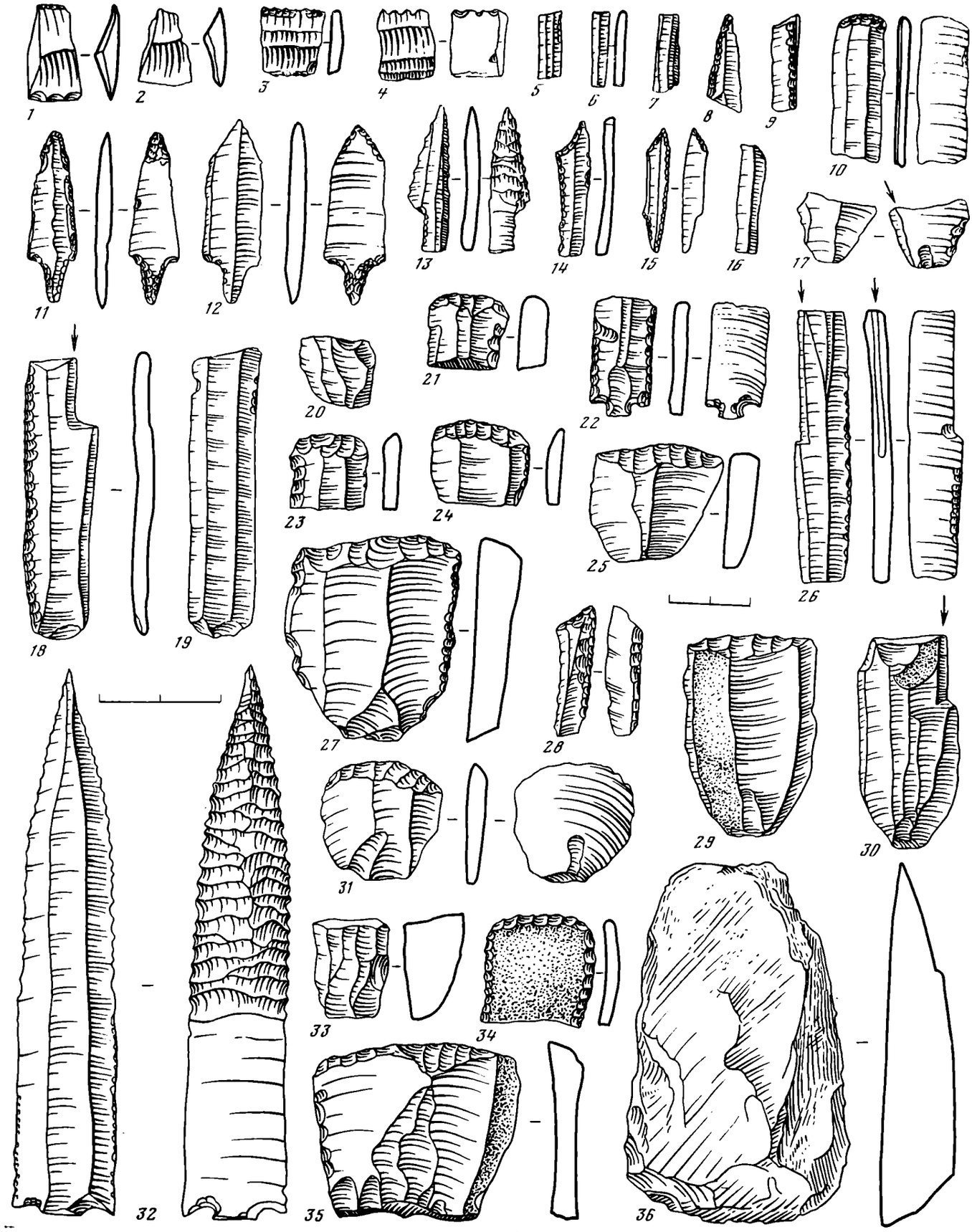

Табл. 20. Культура Кунда. Стоянка Пулли. Каменный инвентарь

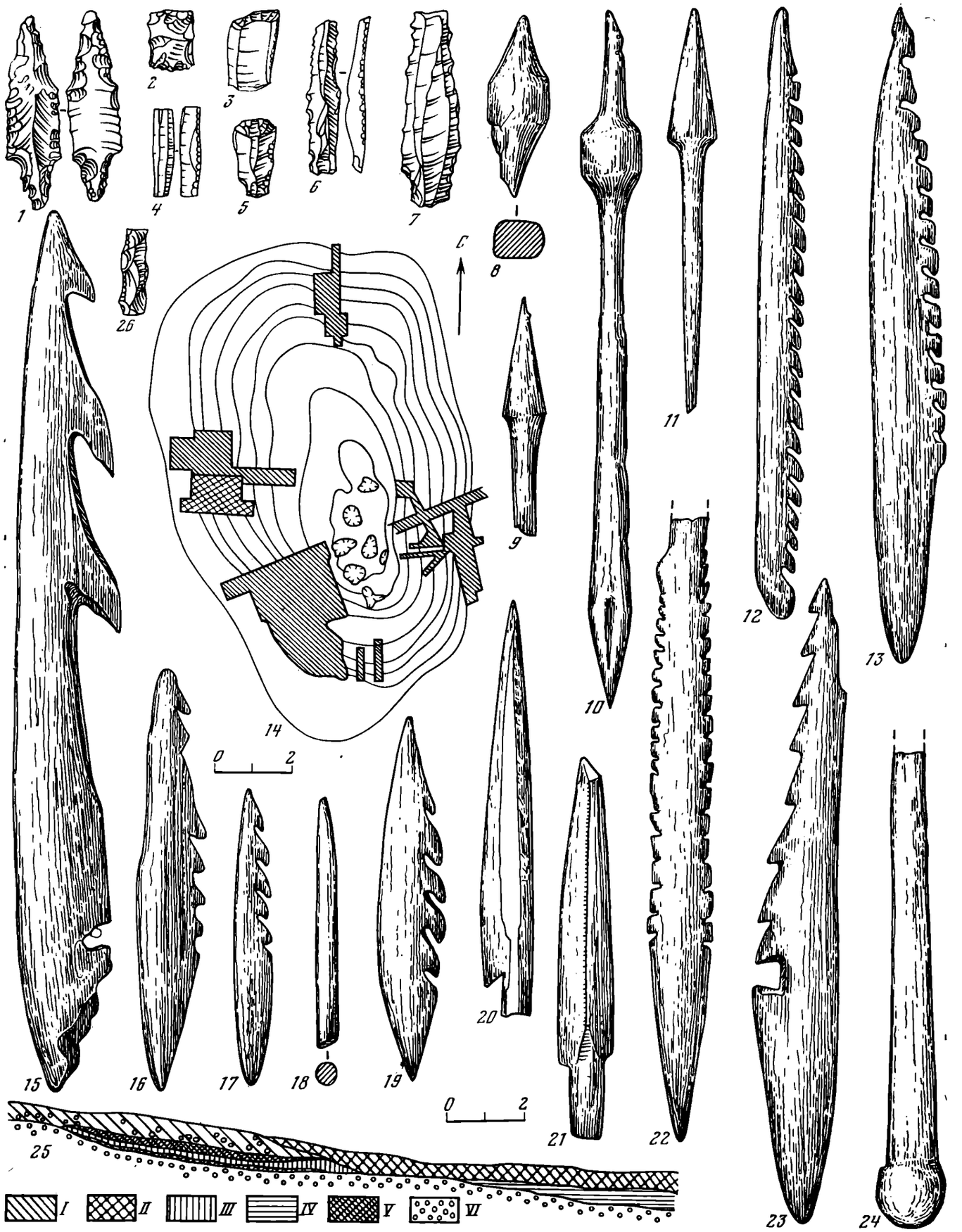

Табл. 21. Культура Кунда, стоянка Кунда. План, стратиграфия стоянки, каменный (*1—7*) и костяной (*8—13*, *15—24*) инвентарь

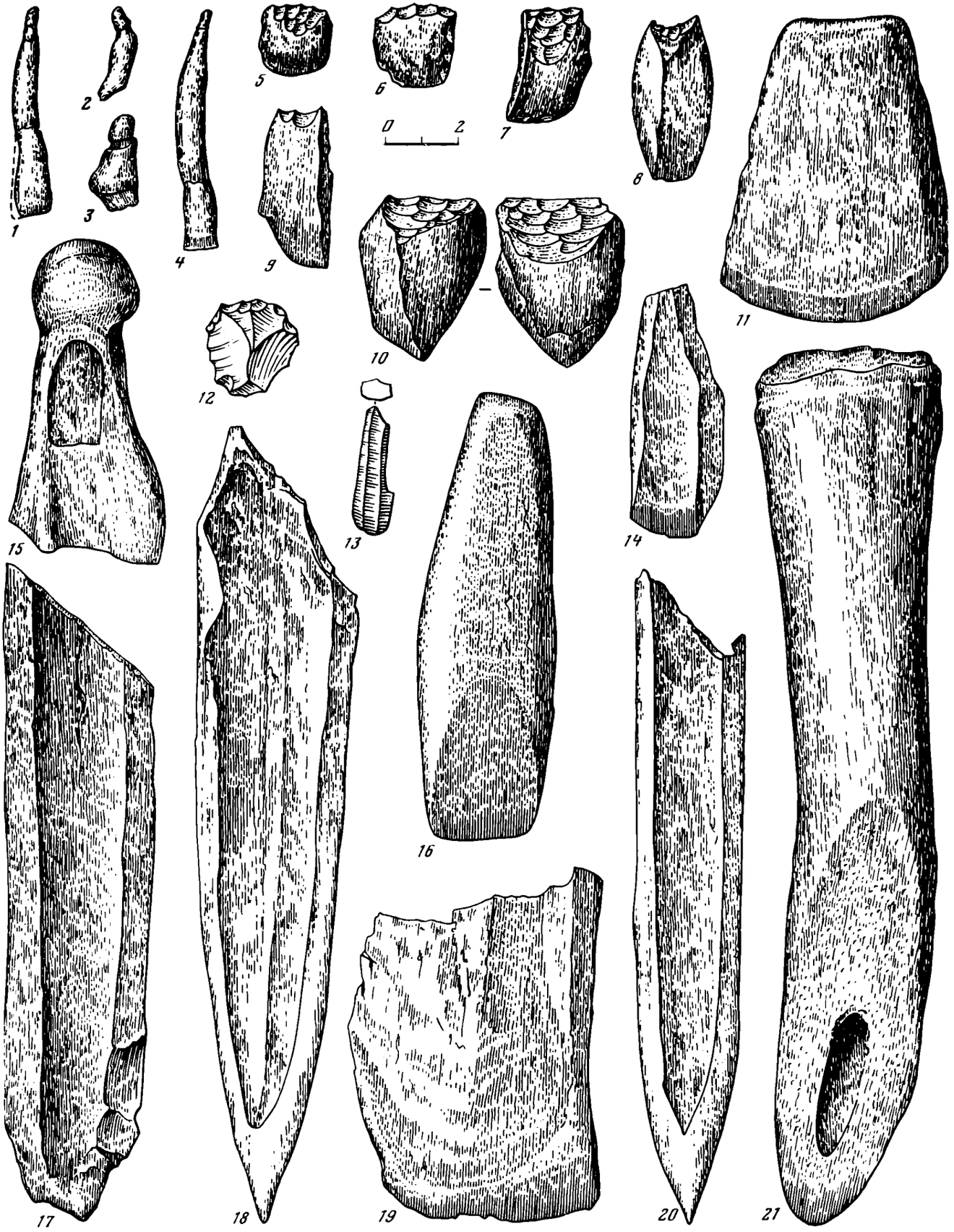

Табл. 22. Культура Кунда. Стоянка Кунда. Костяной, роговой (*1—4, 11, 14, 15—21*) и кремневый (*5—10, 12, 13*) инвентарь

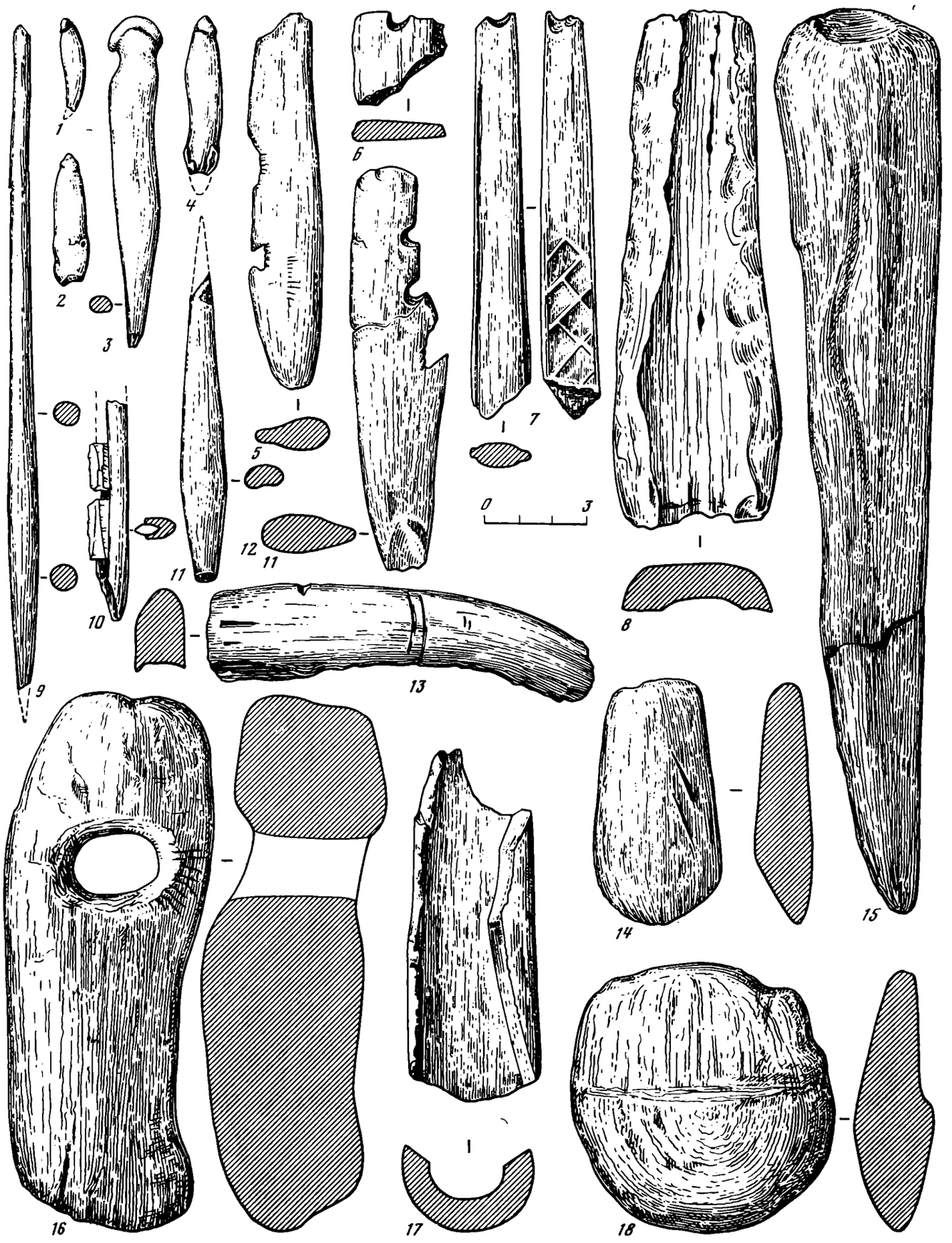

Табл. 23. Культура Кунда. Стоянка Звейниеки II. Костяной и роговой инвентарь

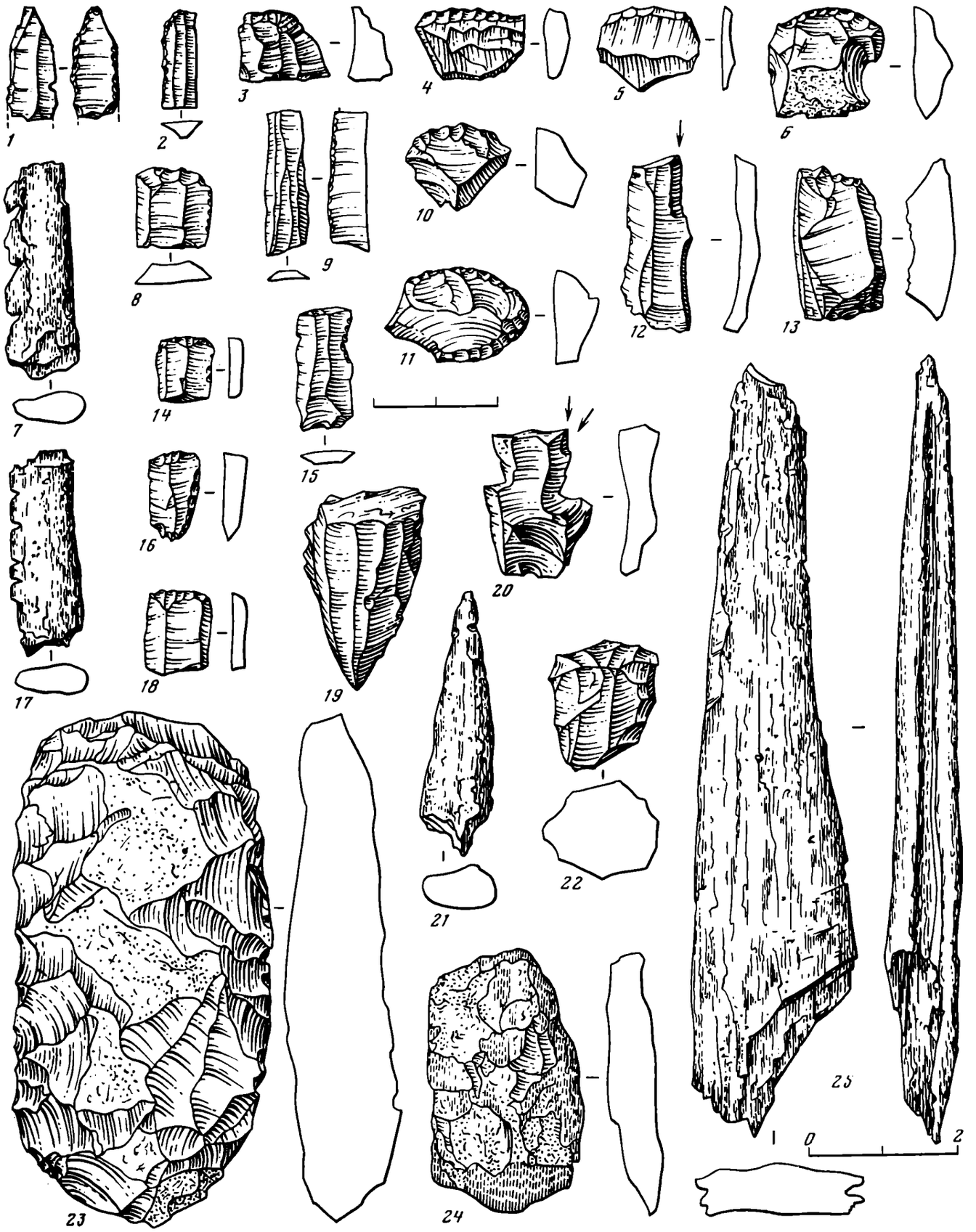

Табл. 24. Культура Кунда. Стоянка Умбузи. Кремневый (*1—6*, *8—16*, *18—20*, *22*) и костяной (*7*, *17*, *21*, *25*) инвентарь

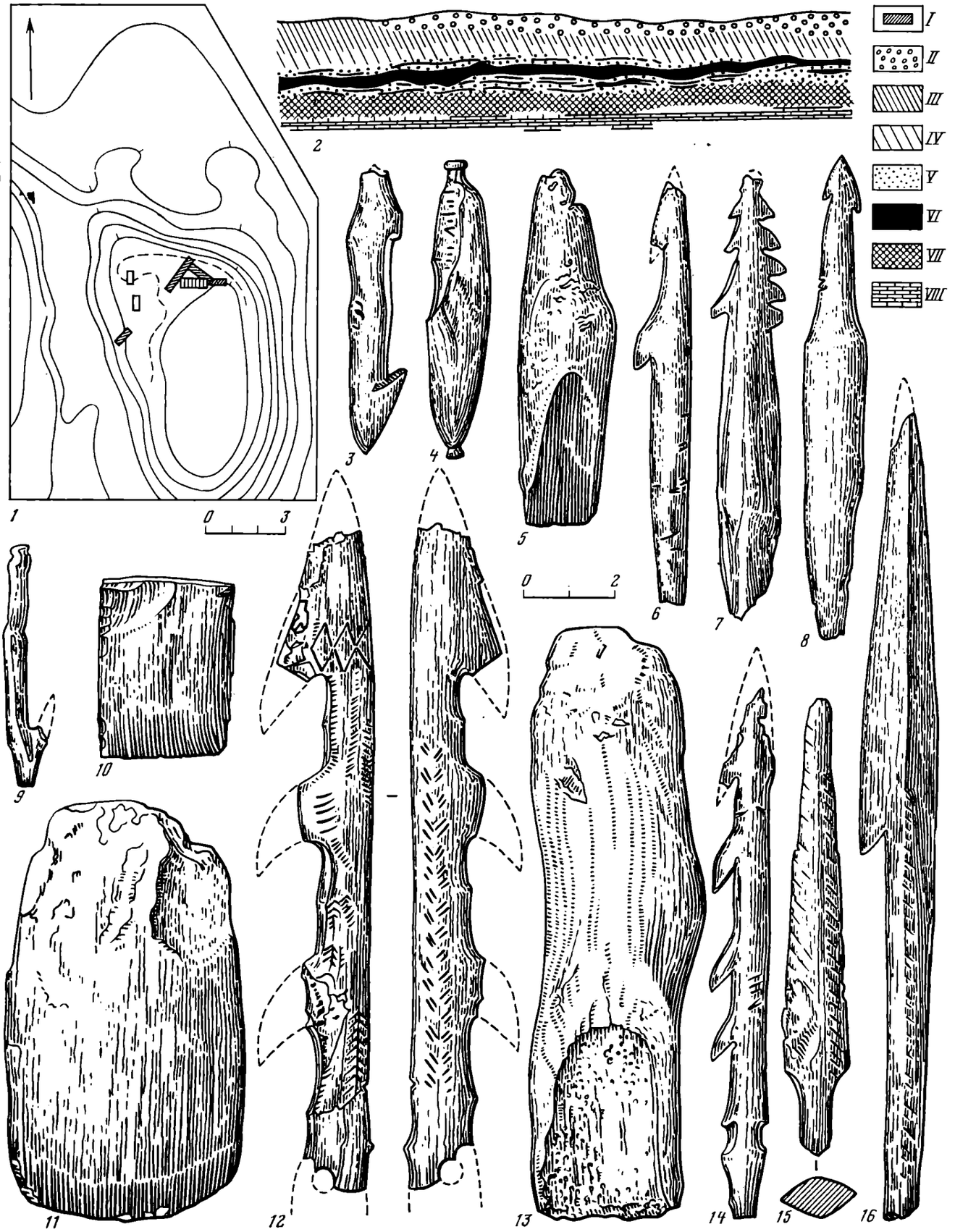

Табл. 25. Культура Кунда. Стоянка Нарва (город). План, стратиграфия и инвентарь стоянки

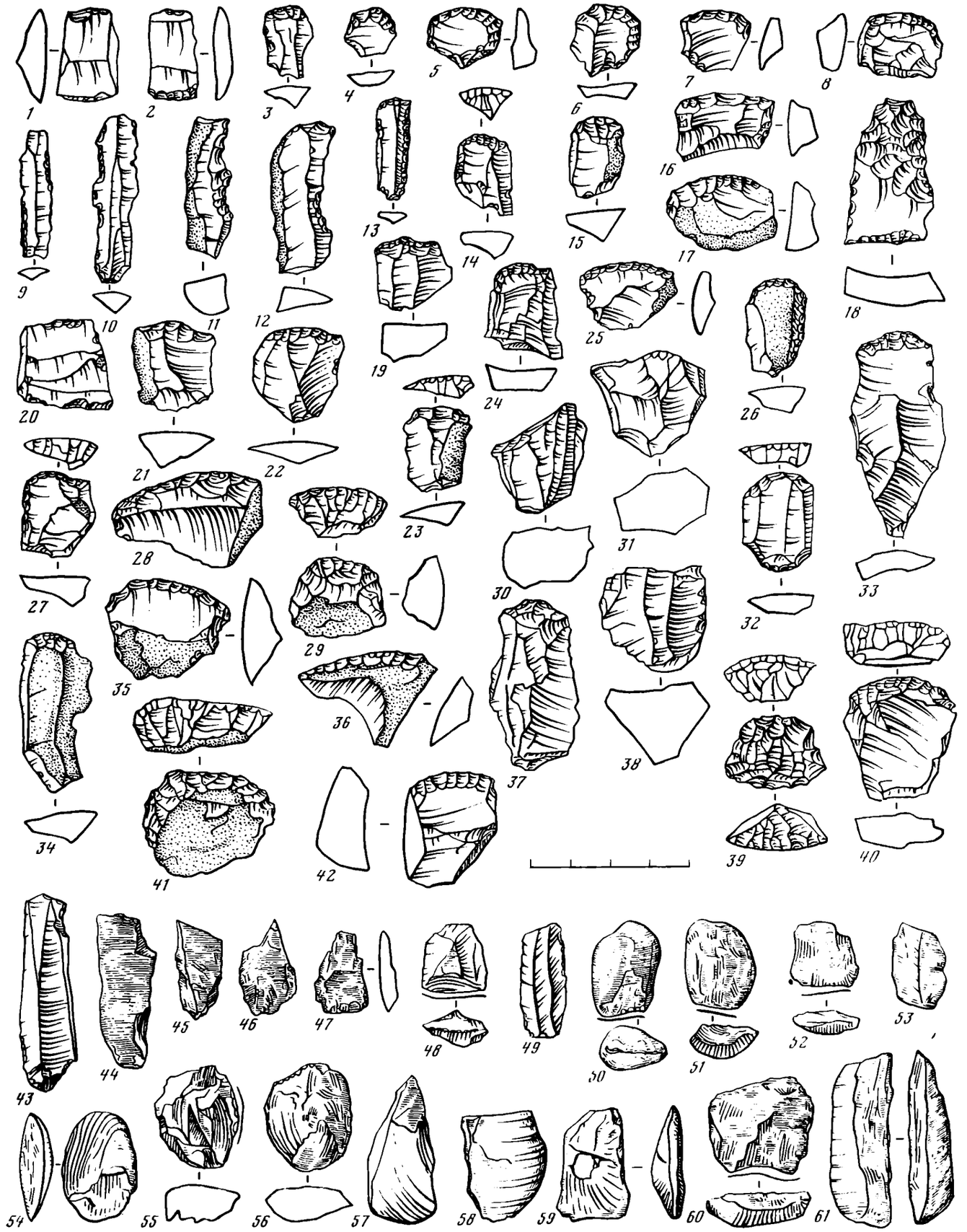

Табл. 26. Культура Кунда. Стоянка Нарва и Лепакозе. Каменный инвентарь

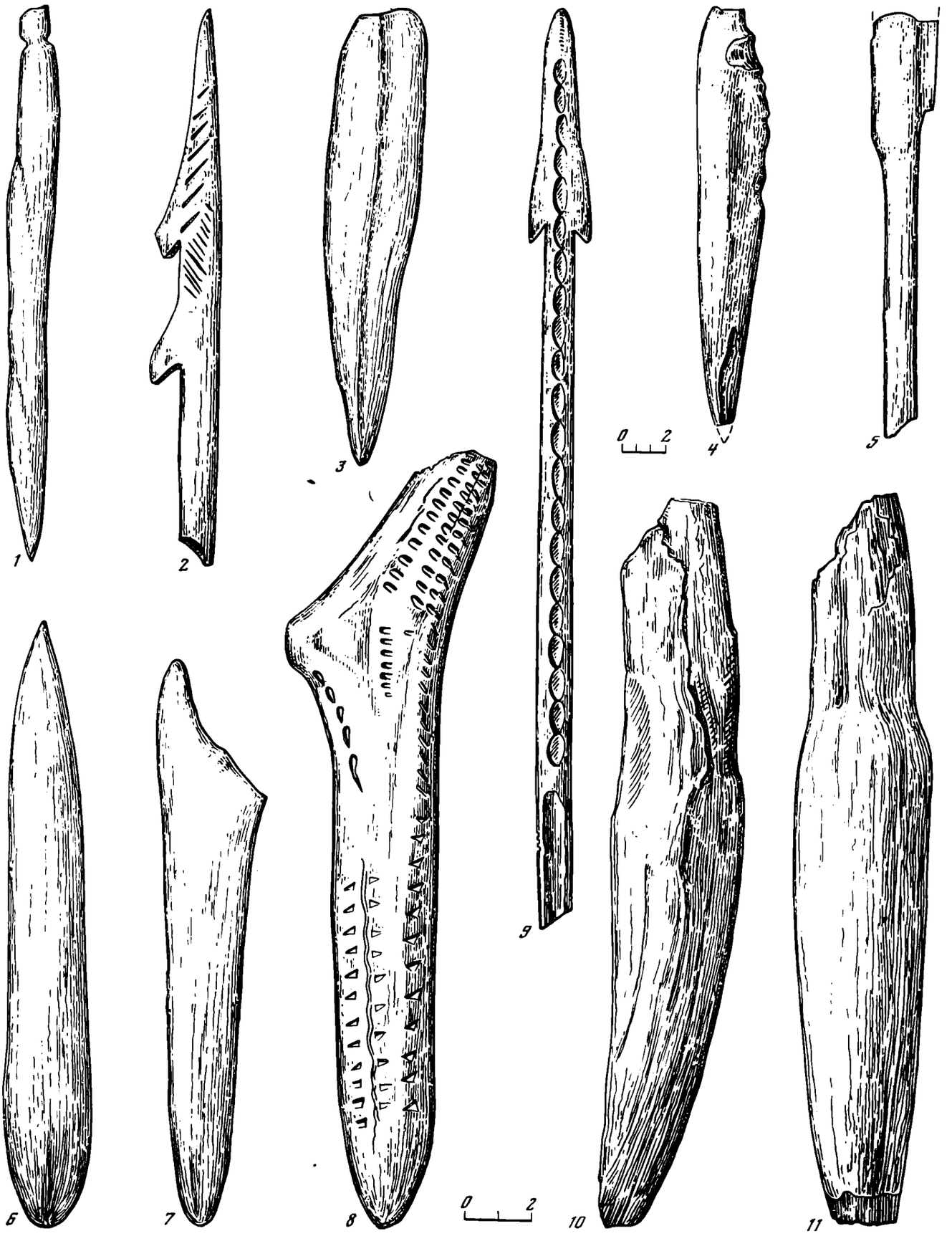

Табл. 27. Культура Кунда. Стоянка Оса. Костяной инвентарь

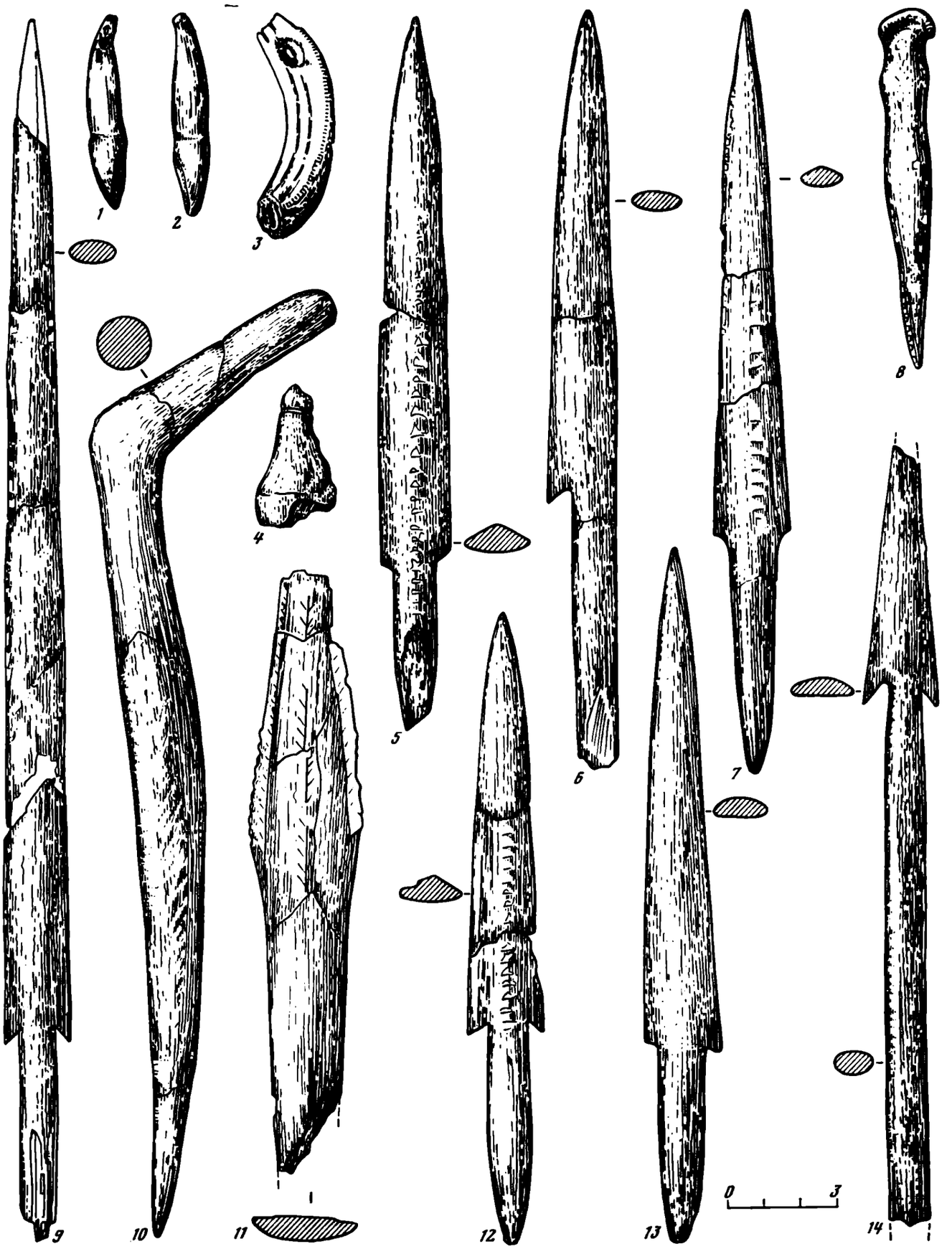

Табл. 28. Культура Кунда. Могильник Звейниеки. Костяной инвентарь

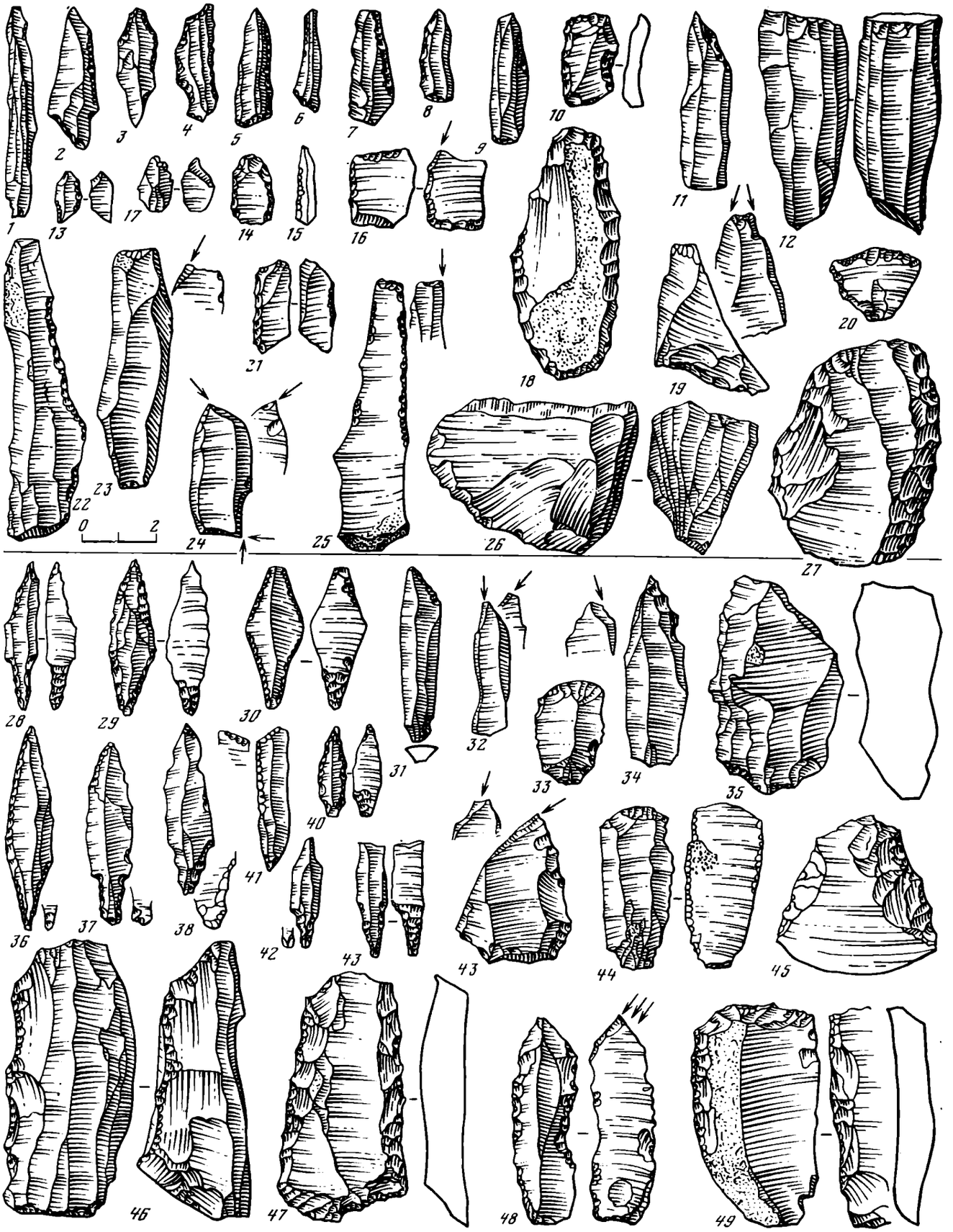

Табл. 29. Каменный инвентарь янославицкой (*1—27*) и неманской (*28—49*) культур

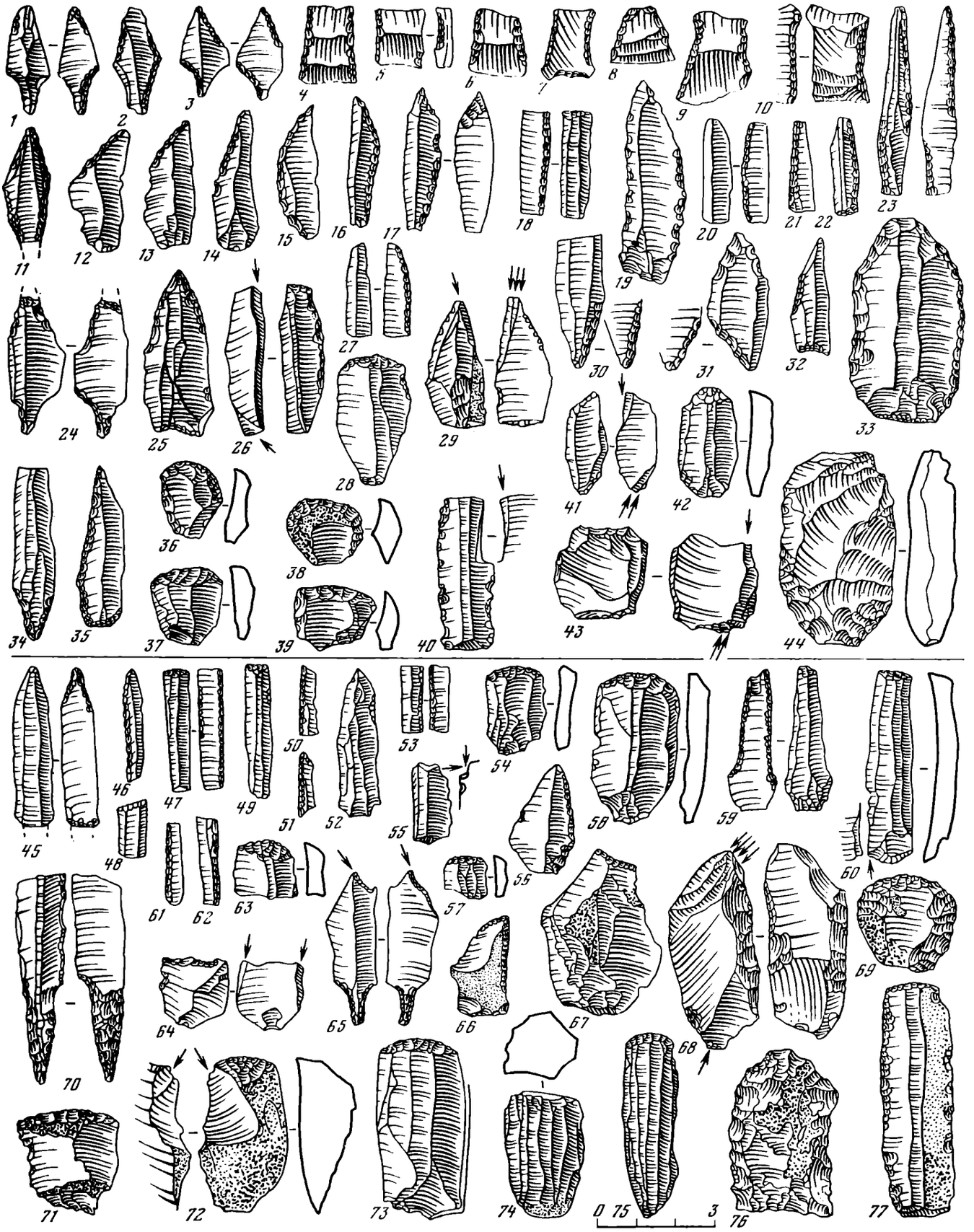

Табл. 30. Неманская культура. Каменный инвентарь

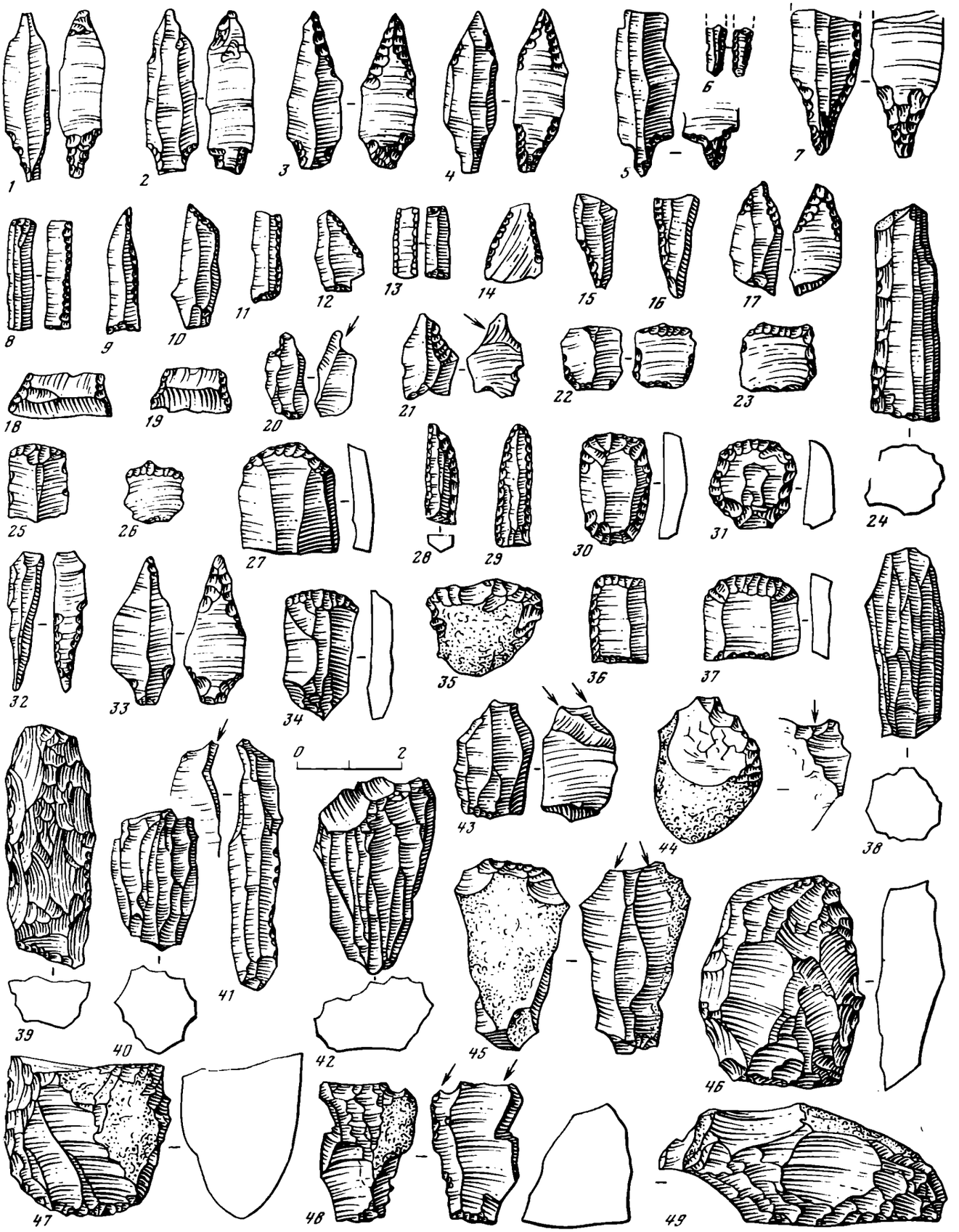

Табл. 31. Неманская культура. Стоянка Лампеджяй. Каменный инвентарь

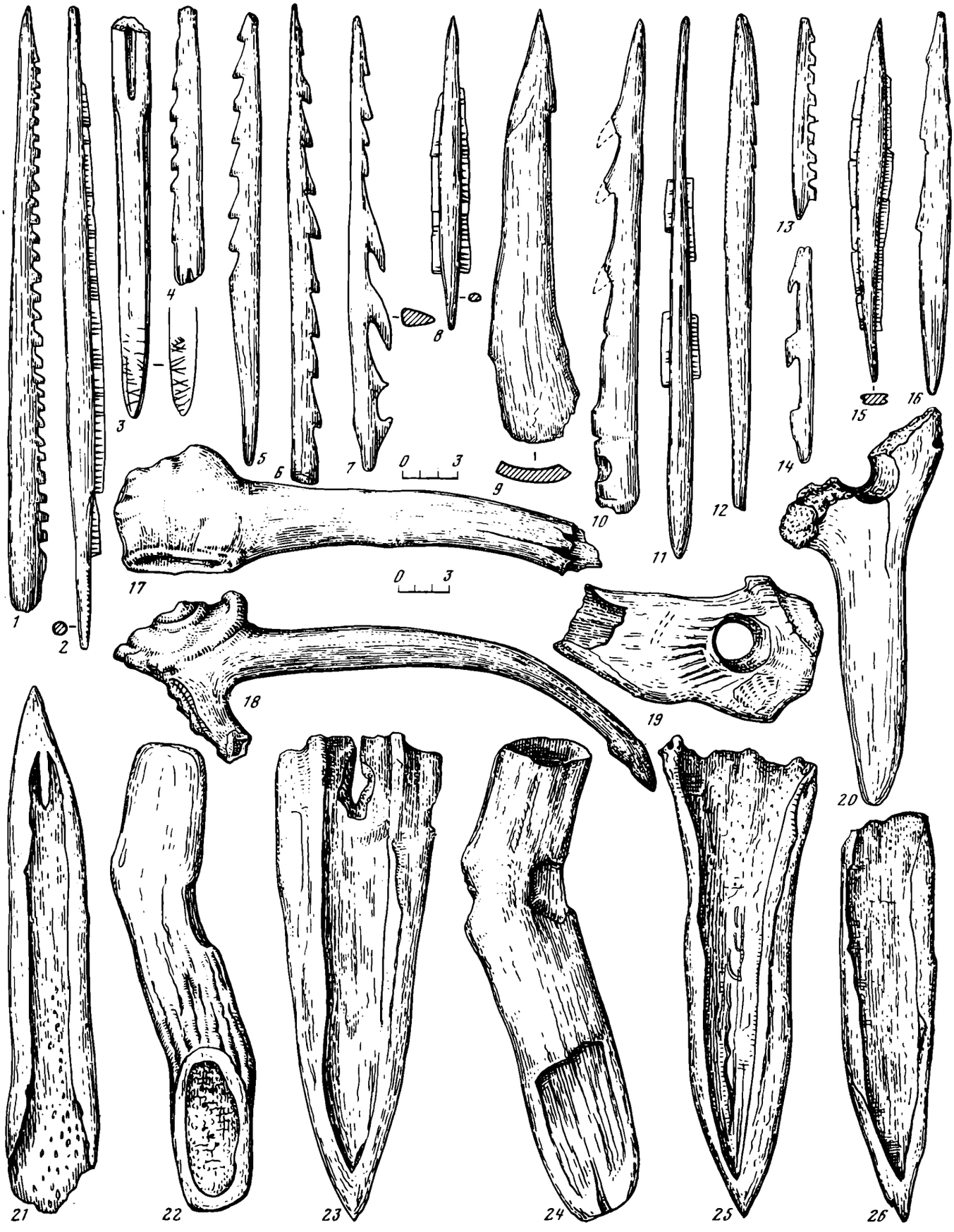

Табл. 32. Костяные орудия мезолита Литвы

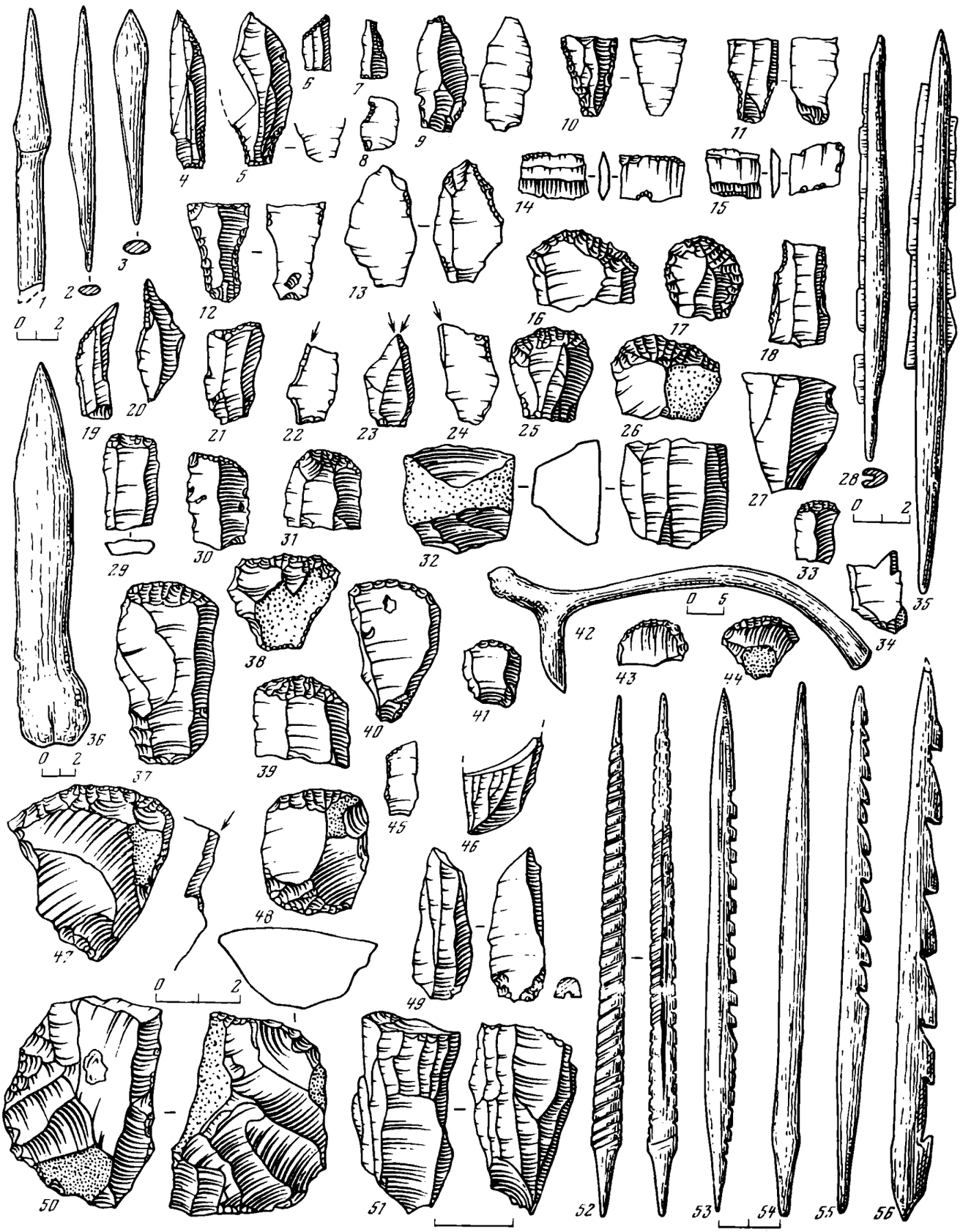

Табл. 33. Неманская культура в Калининградской обл. Орудия из кремня (*1—27*, *29—34*, *37—41*, *43—51*), кости и рога (*1—3*, *28*, *35*, *36*, *42*, *52—56*)

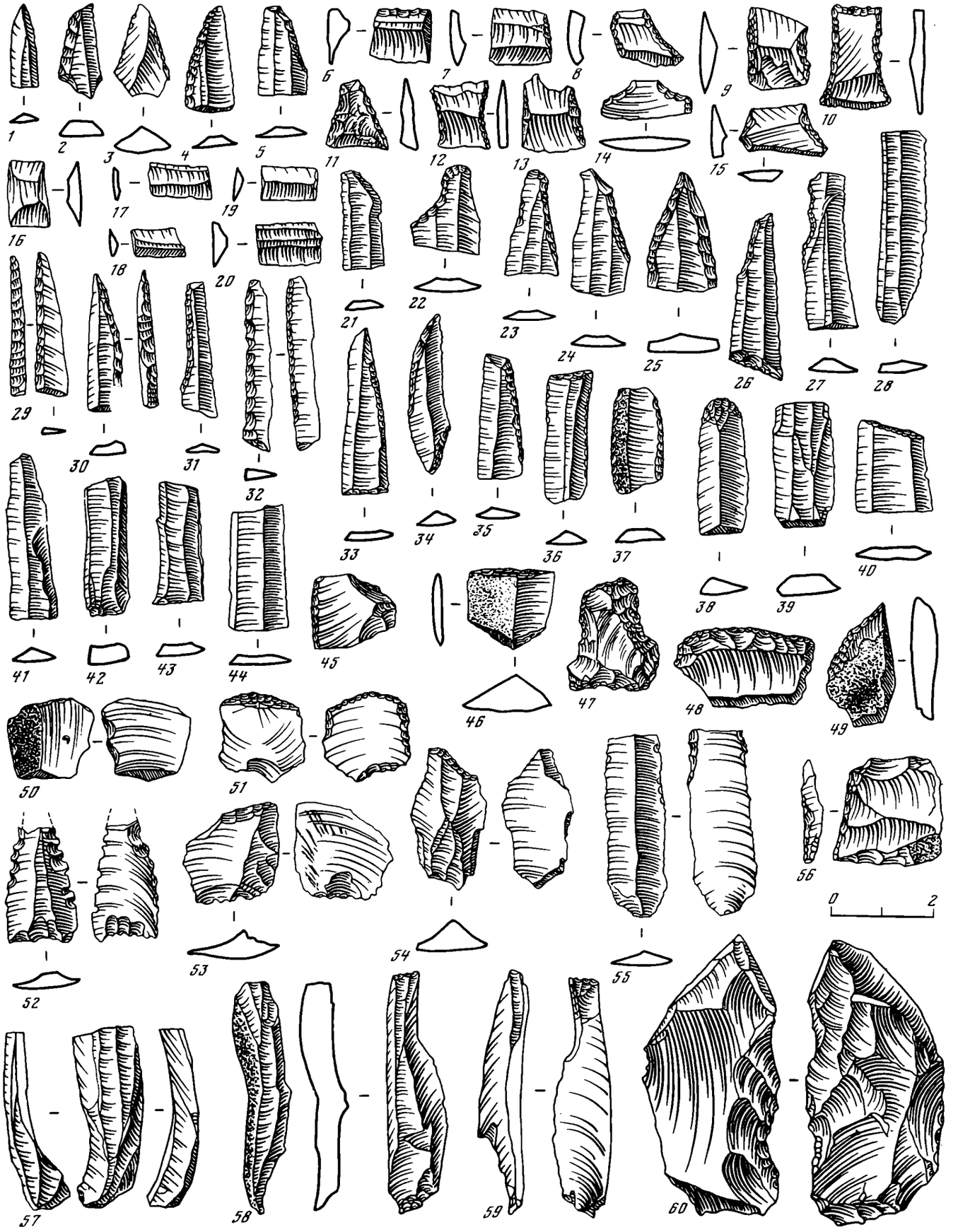

Табл. 34. Яниславицкая культура. Стоянка Несиловичи I. Каменный инвентарь

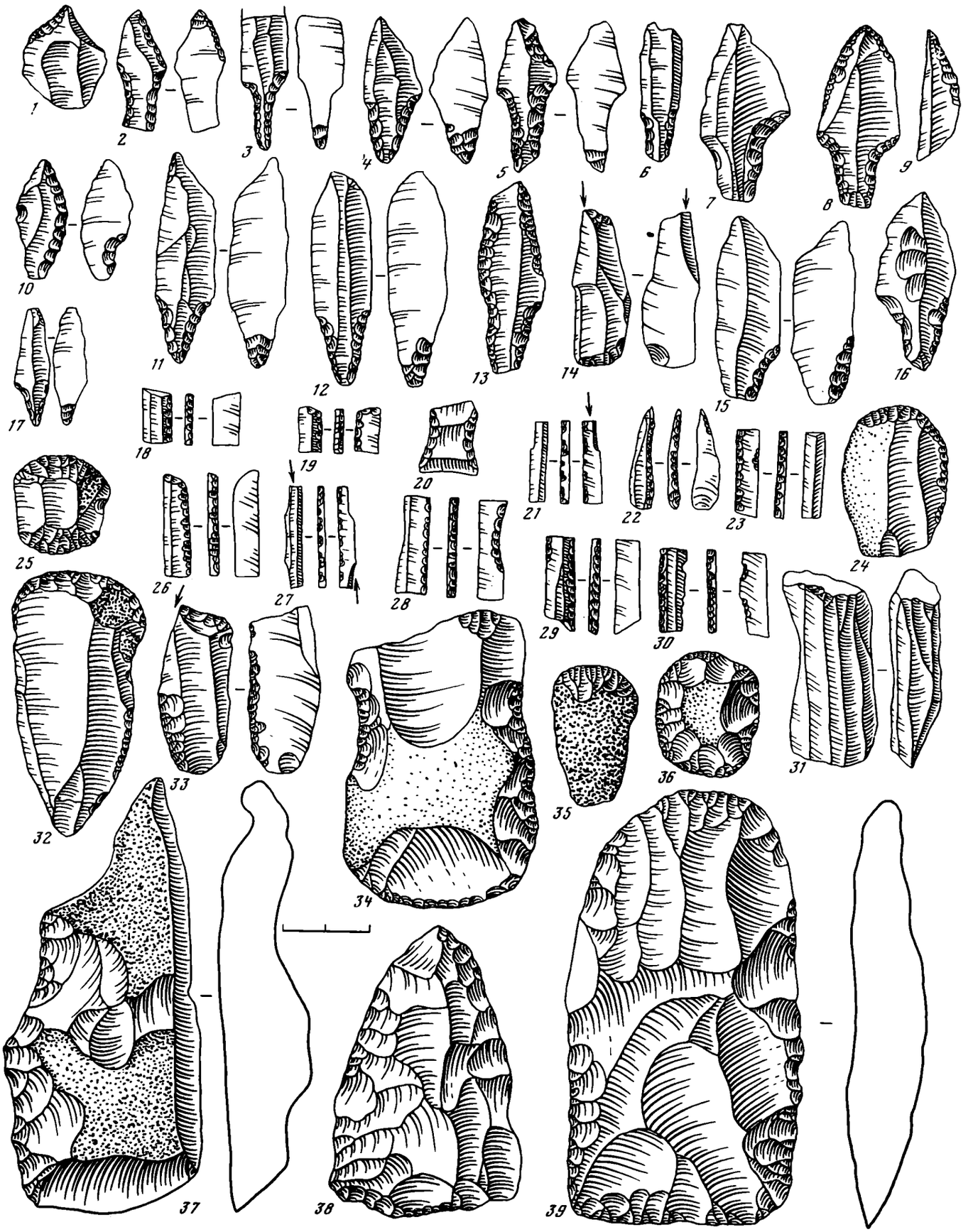

Табл. 35. Днепро-сожская культура. Каменный инвентарь

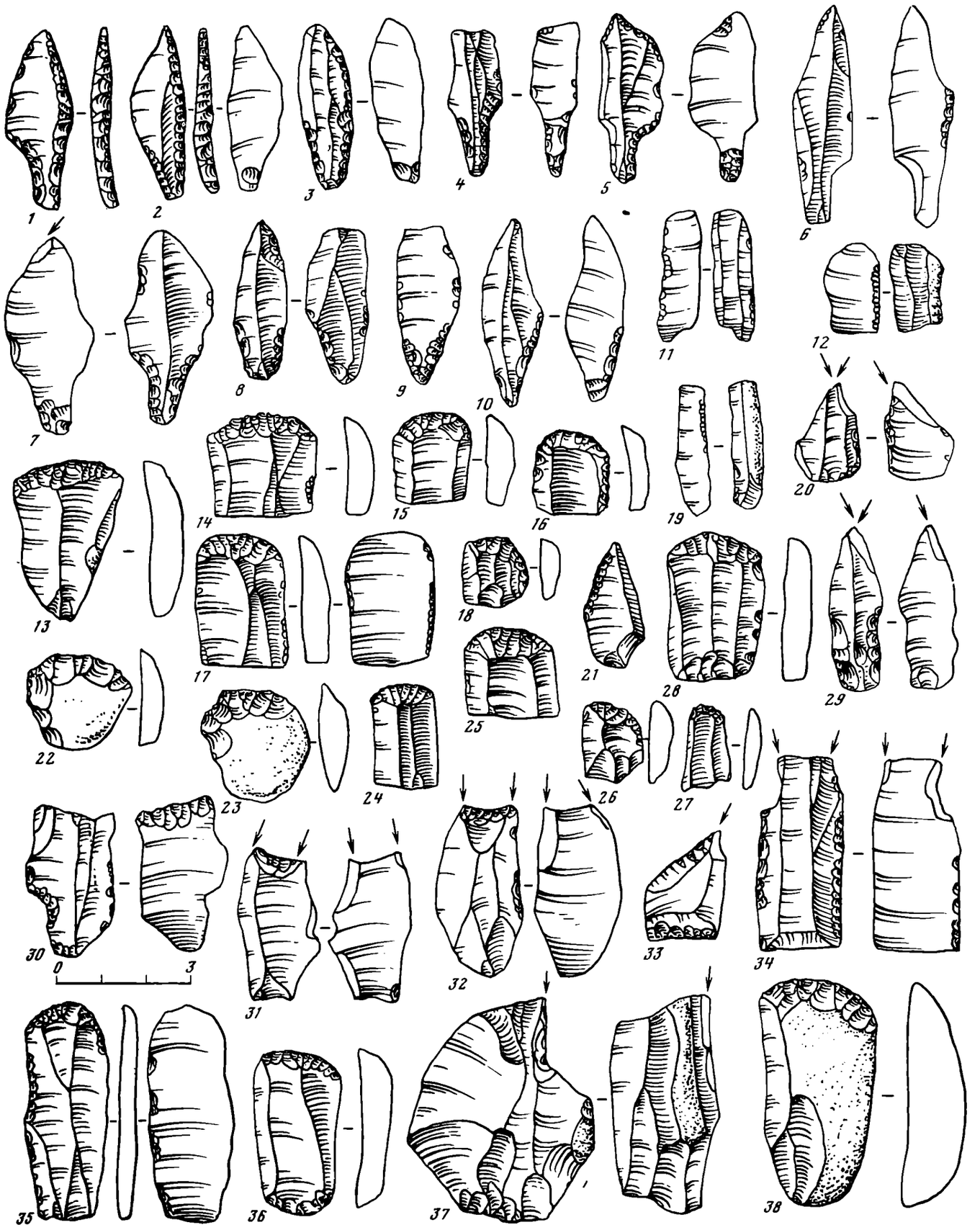

Табл. 36. Днепро-сожская культура. Каменный инвентарь

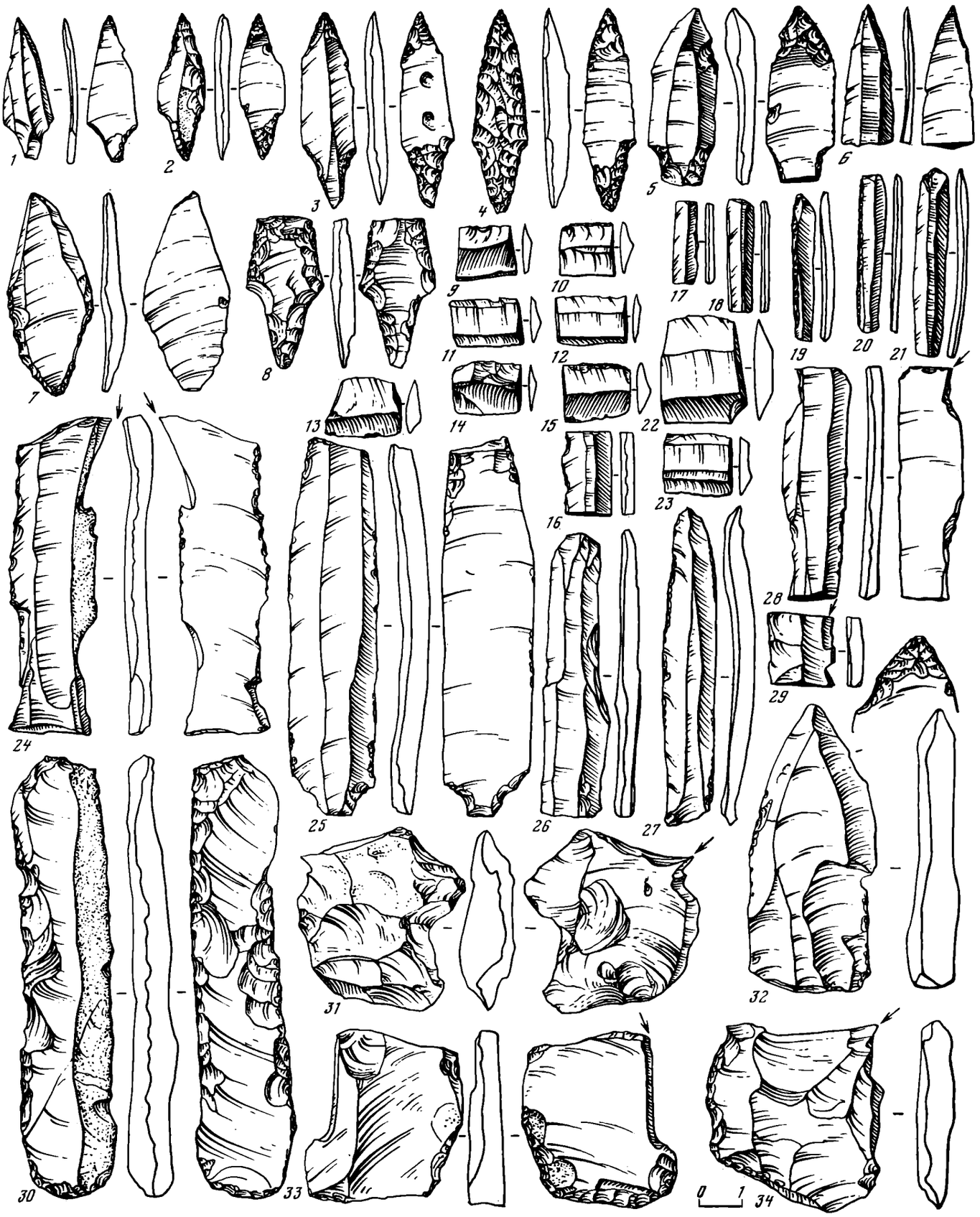

Табл. 37. Мезолит Верхней Волги. Стоянка Ланино. Раскоп IV—V. Каменный инвентарь

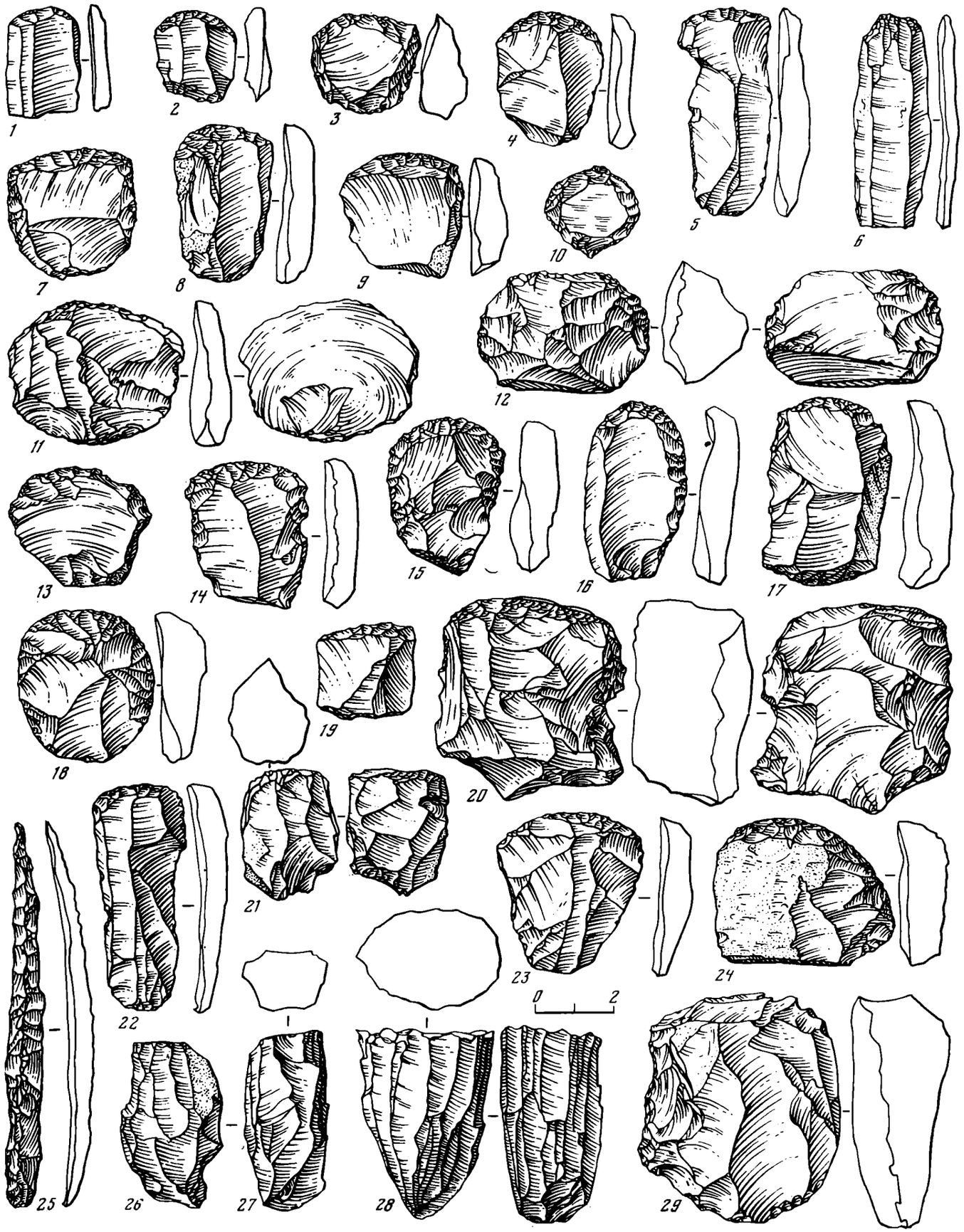

Табл. 38. Мезолит Верхней Волги. Стоянка Ланино. Раскоп IV—V. Каменный инвентарь

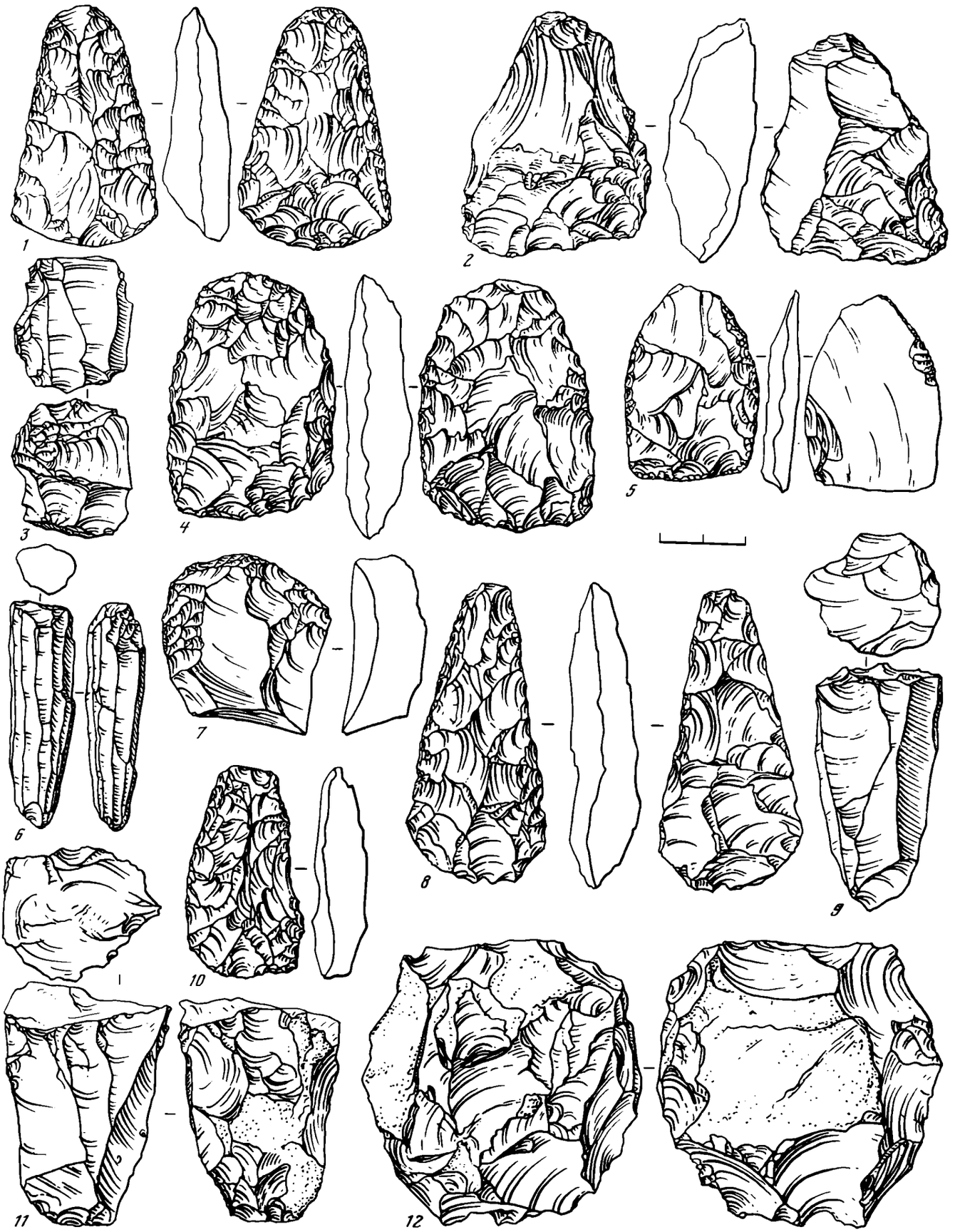

Табл. 39. Мезолит Верхней Волги. Стоянка Ланино. Раскоп IV—V. Каменный инвентарь

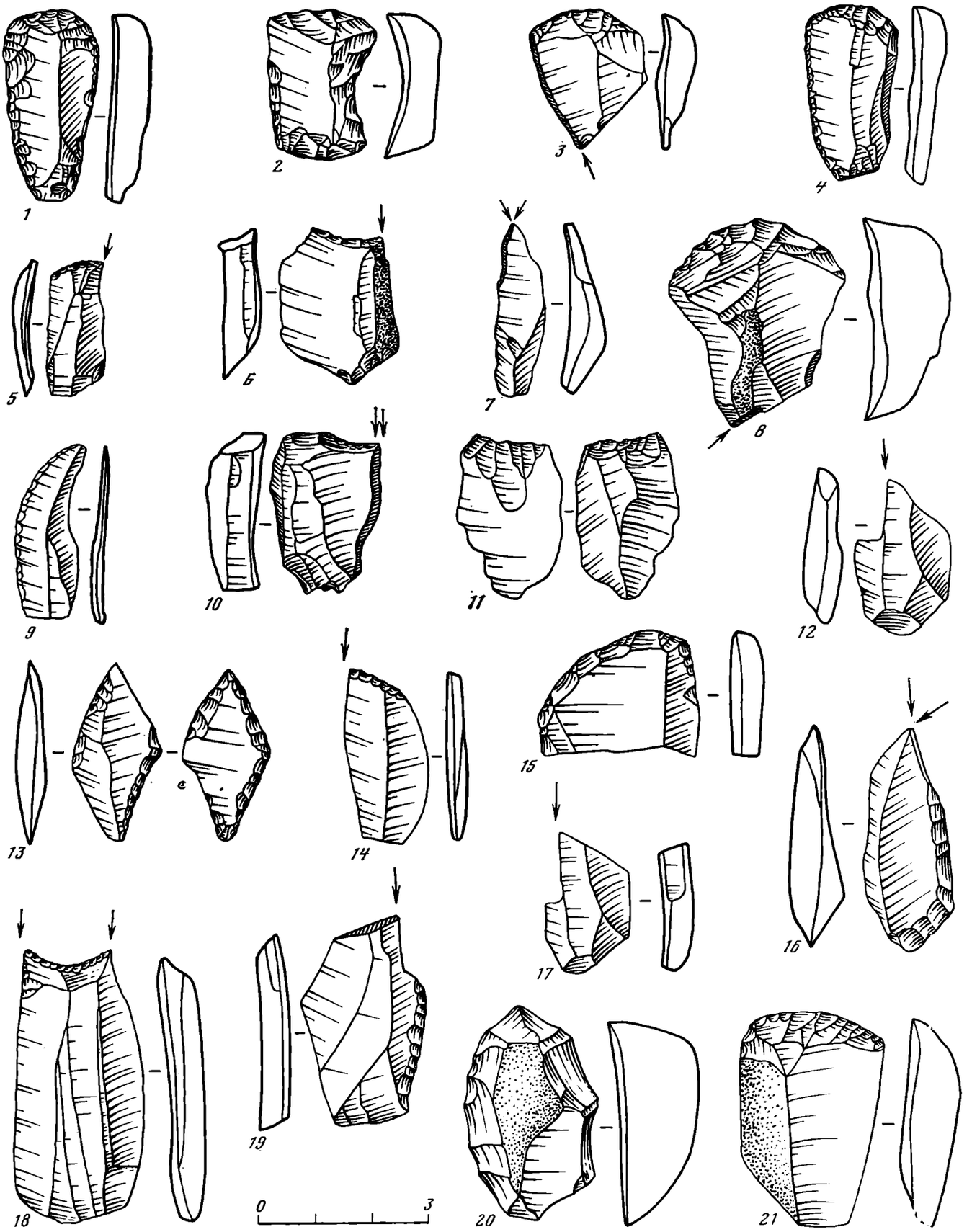

Табл. 40. Поздний палеолит. Стоянка Алтыново, нижний слой (*1–11*); стоянка Елин Бор, нижний слой (*12–21*). Каменный инвентарь

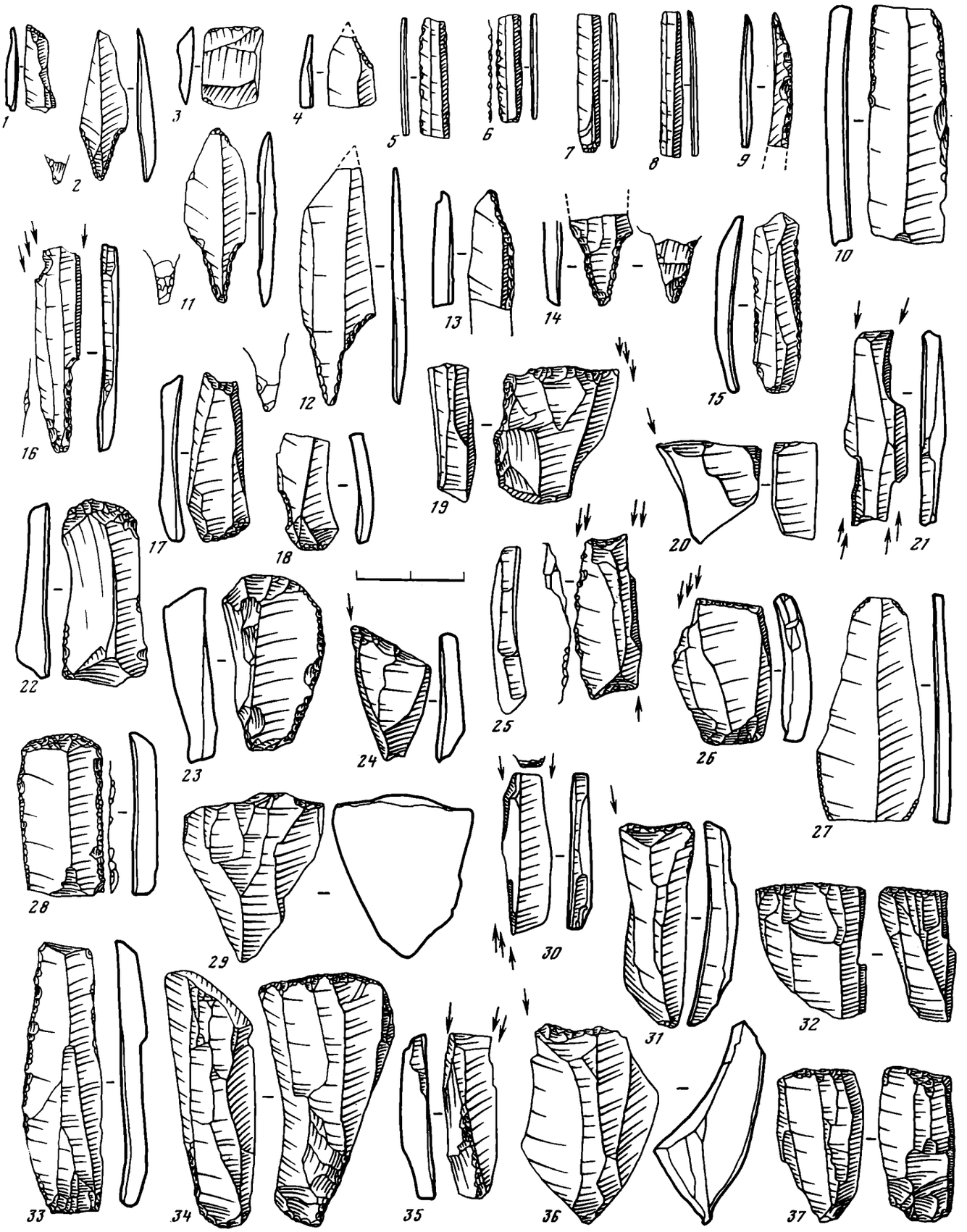

Табл. 41. Бутовская культура. Стоянка Тихоново. Каменный инвентарь

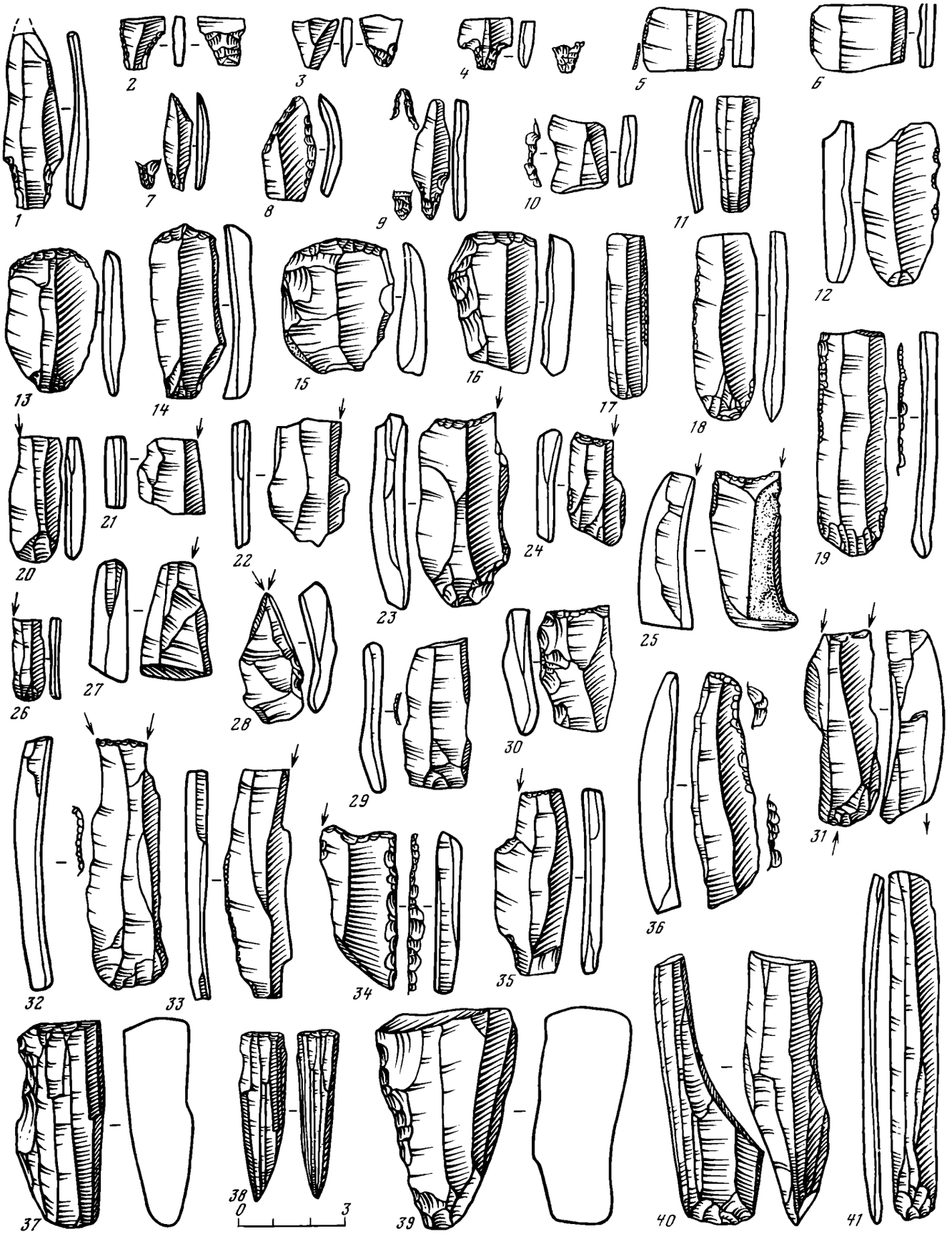

Табл. 42. Бутовская культура. Стоянка Бутово. Каменный инвентарь

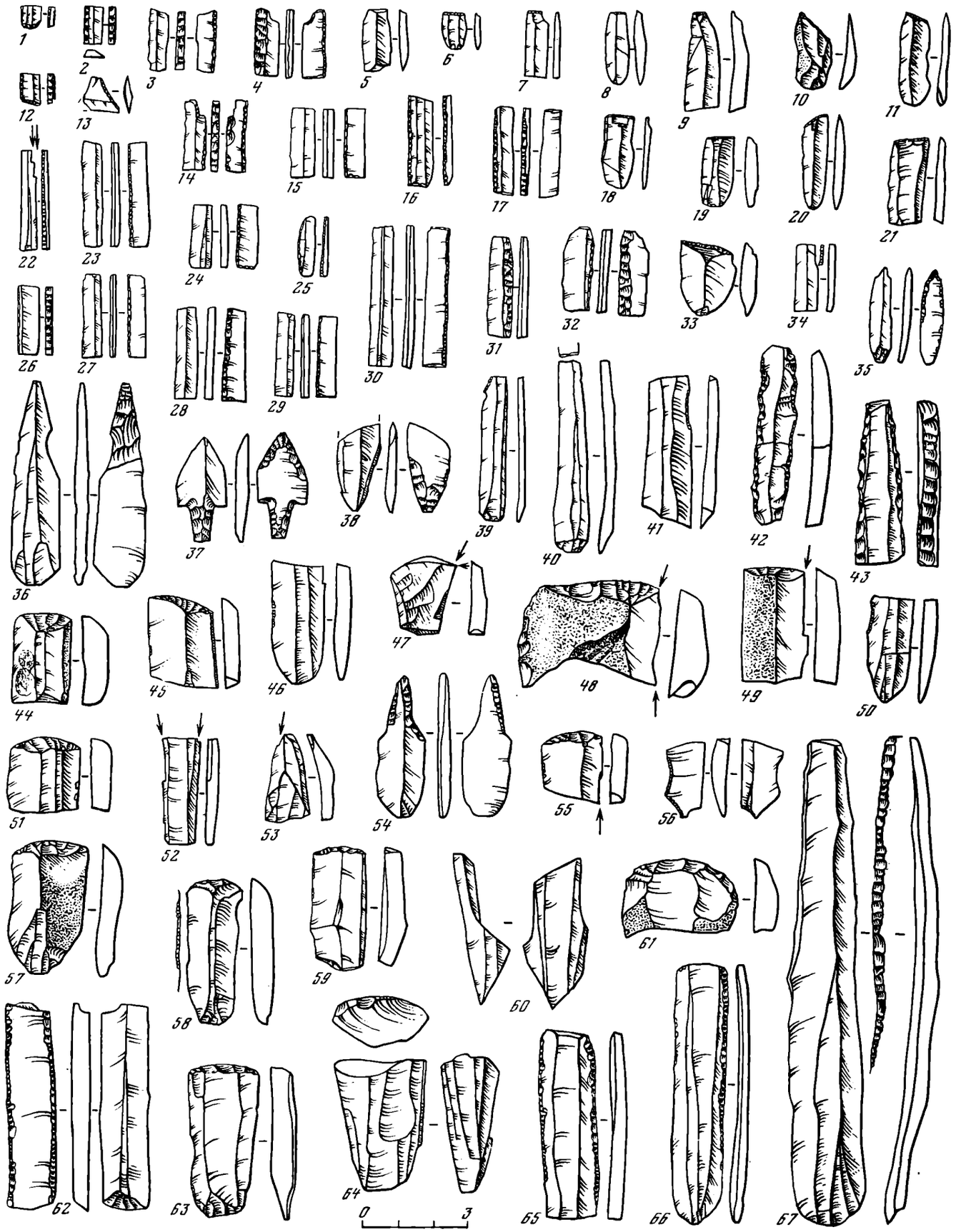

Табл. 43. Бутовская культура. Стоянка Микулино. Каменный инвентарь

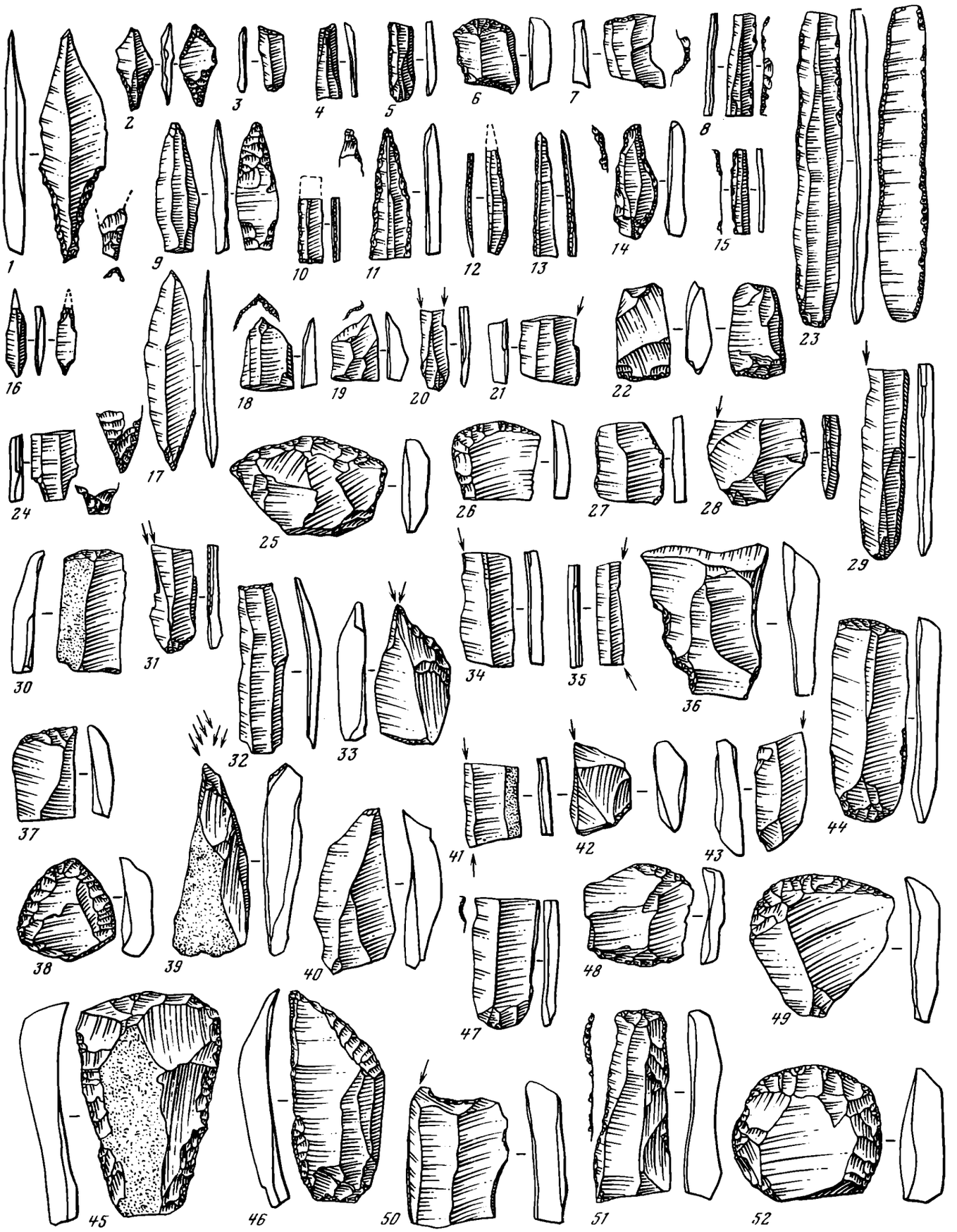

Табл. 44. Бутовская культура. Стоянка Соболево V. Каменный инвентарь

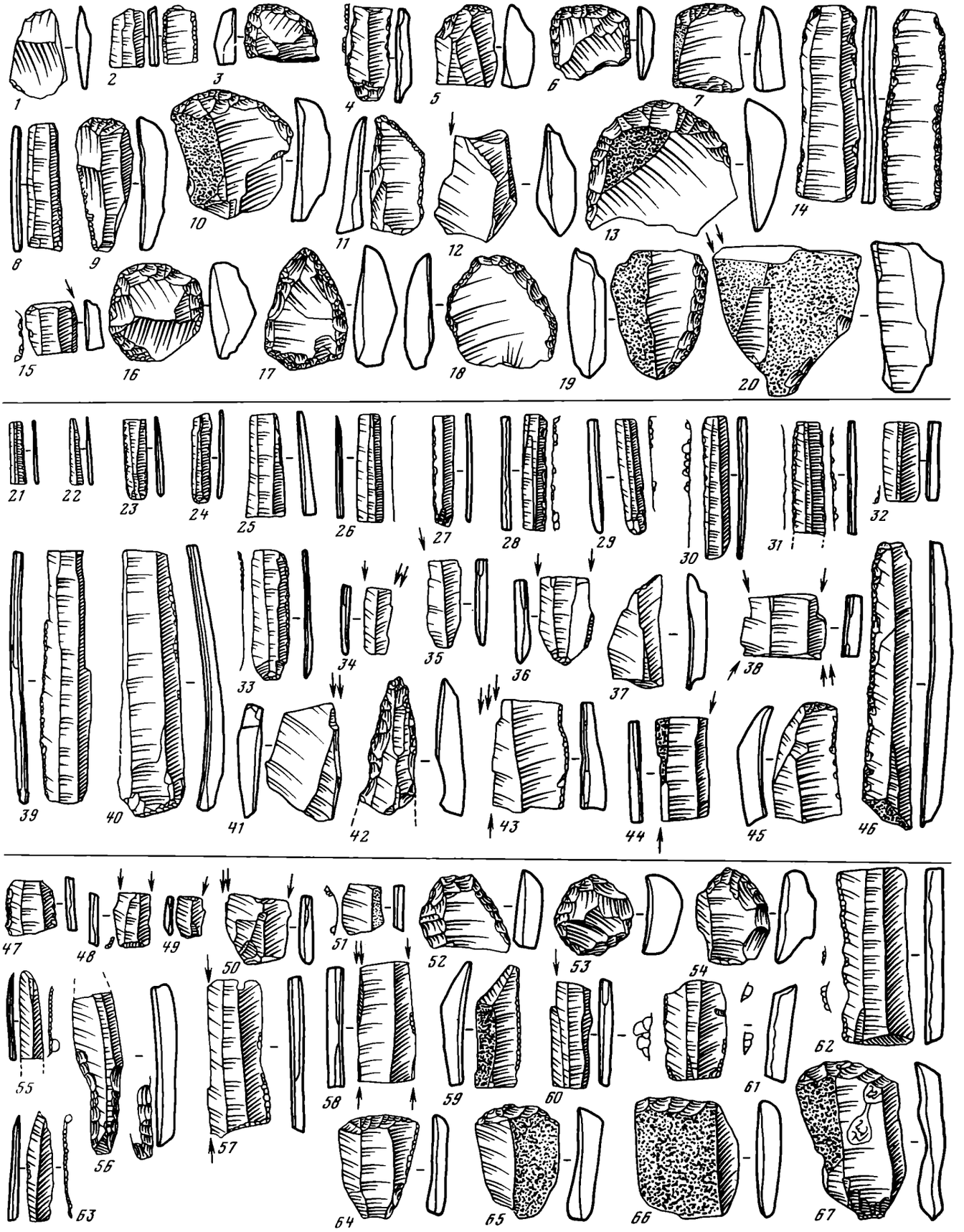

Табл. 45. Бутовская культура. Стоянки Берендеево III (*1—20*), Угольново I (*21—46*), Новошино (*47—67*). Каменный инвентарь

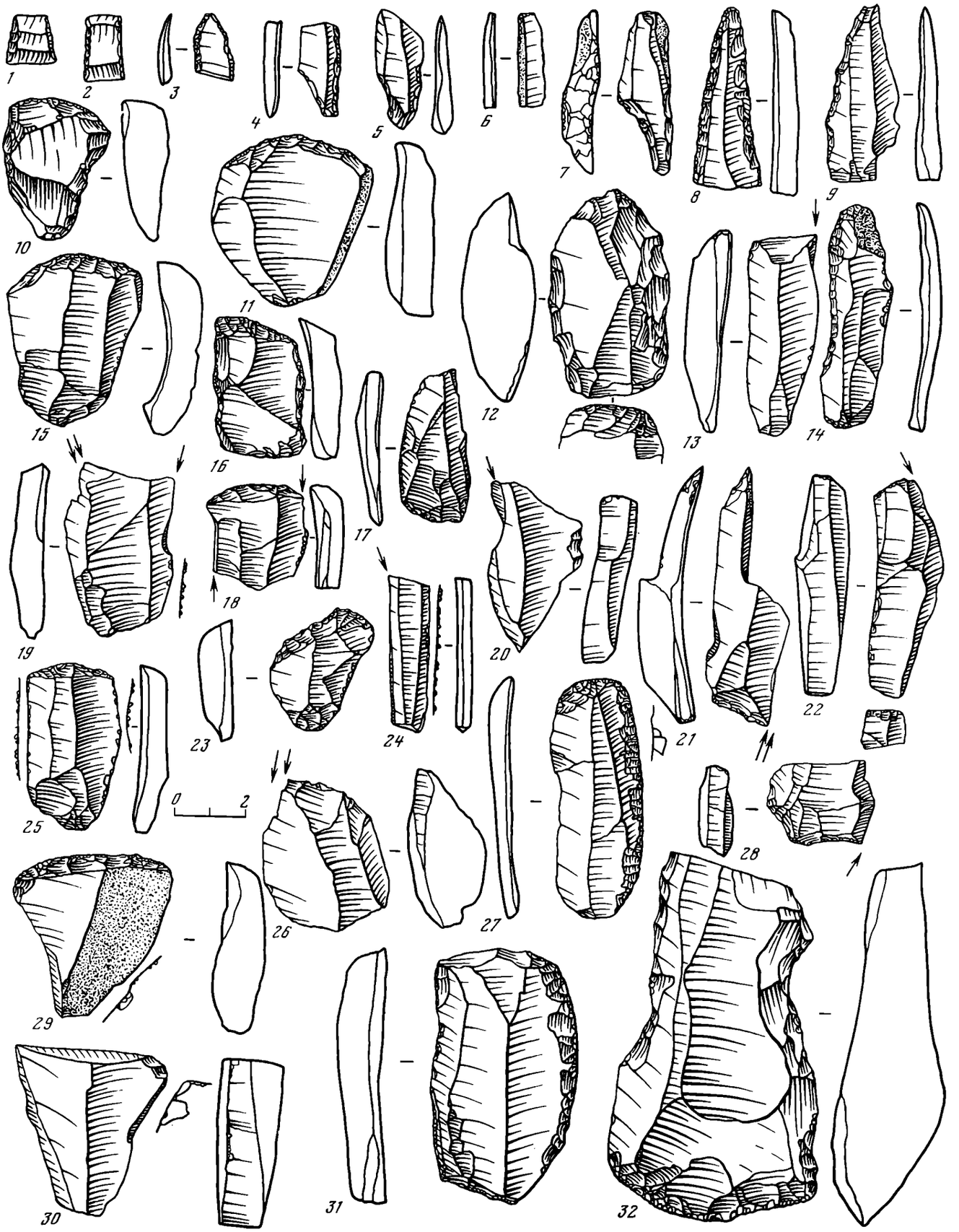

Табл. 46. Иеневская культура. Стоянка Дмитровское I. Каменный инвентарь

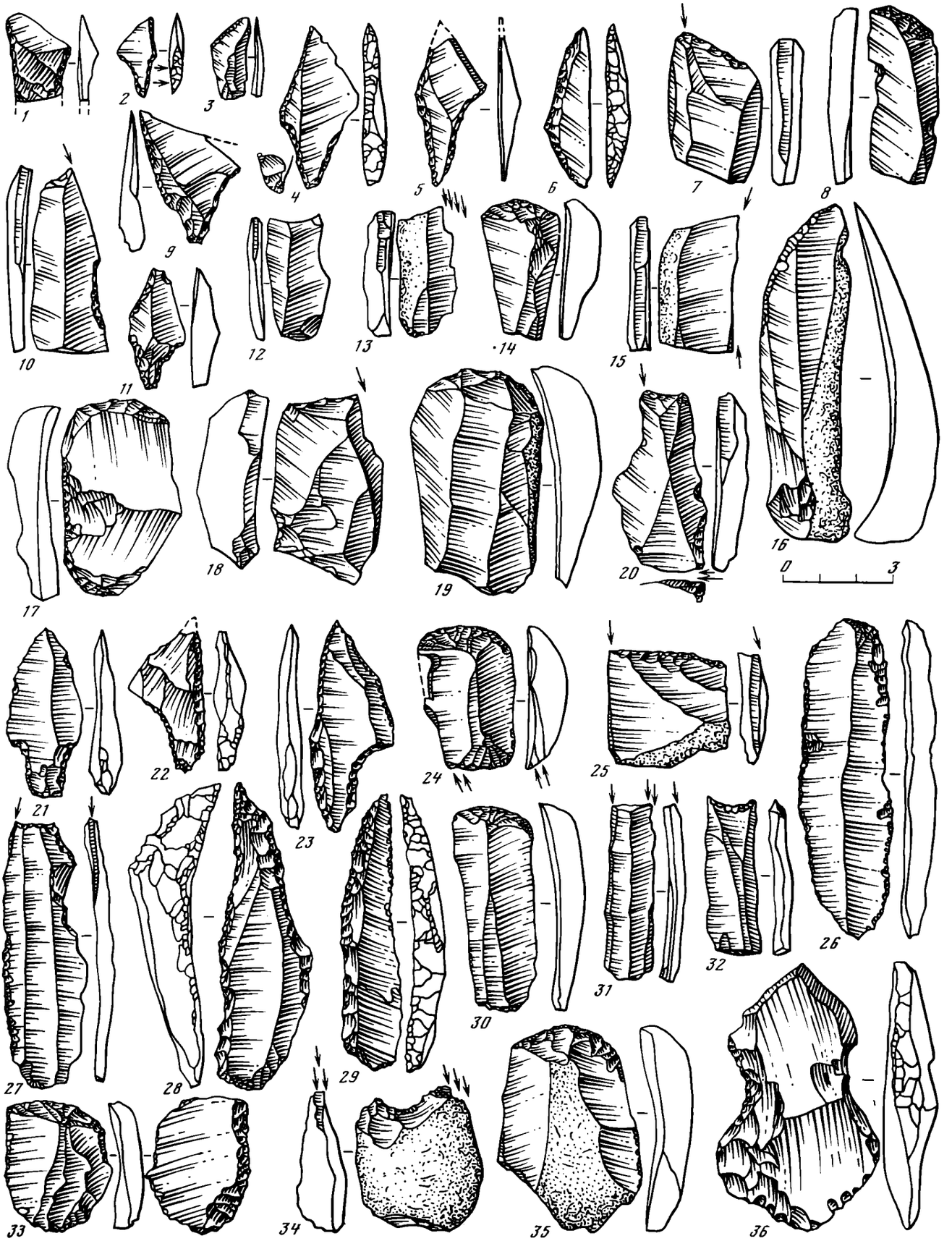

Табл 47 Иеневская культура. Стоянки Ладыжино (*1—20*) и Дальний остров (*21—36*). Каменный инвентарь

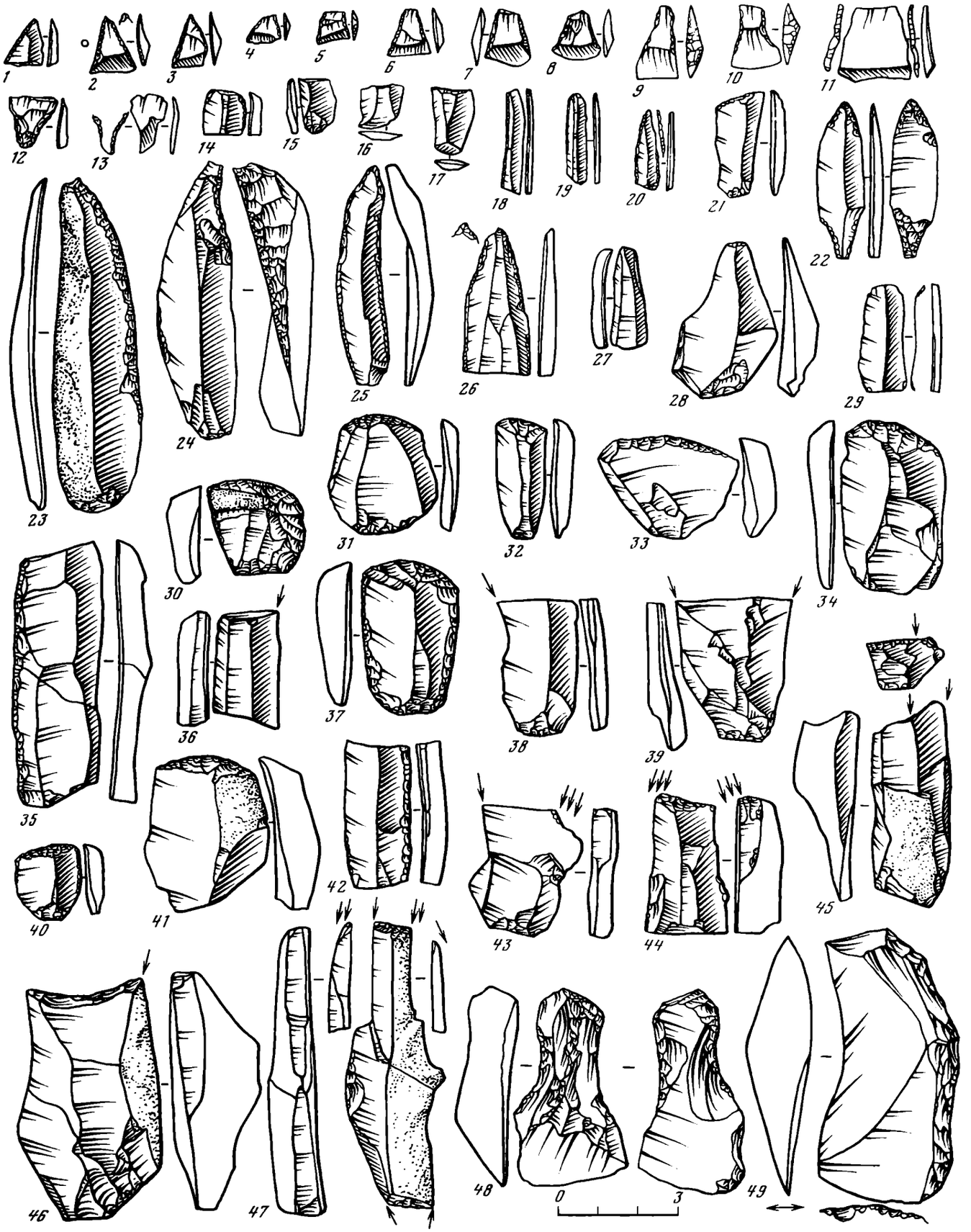

Табл. 48. Иеневская культура. Стоянка Иенево II. Каменный инвентарь

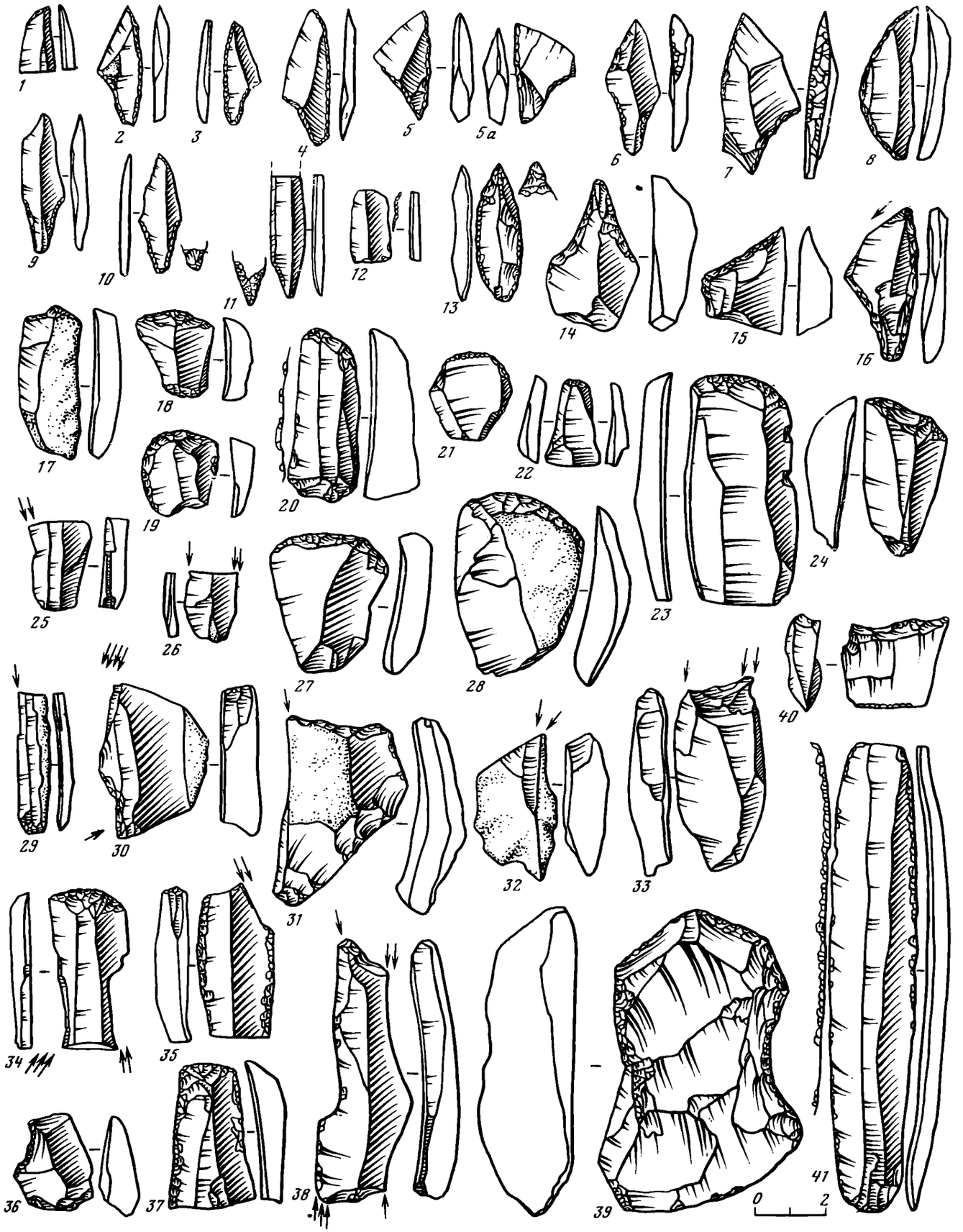

Табл. 49. Иеневская культура. Стоянка Староконстантиновская IV. Каменный инвентарь

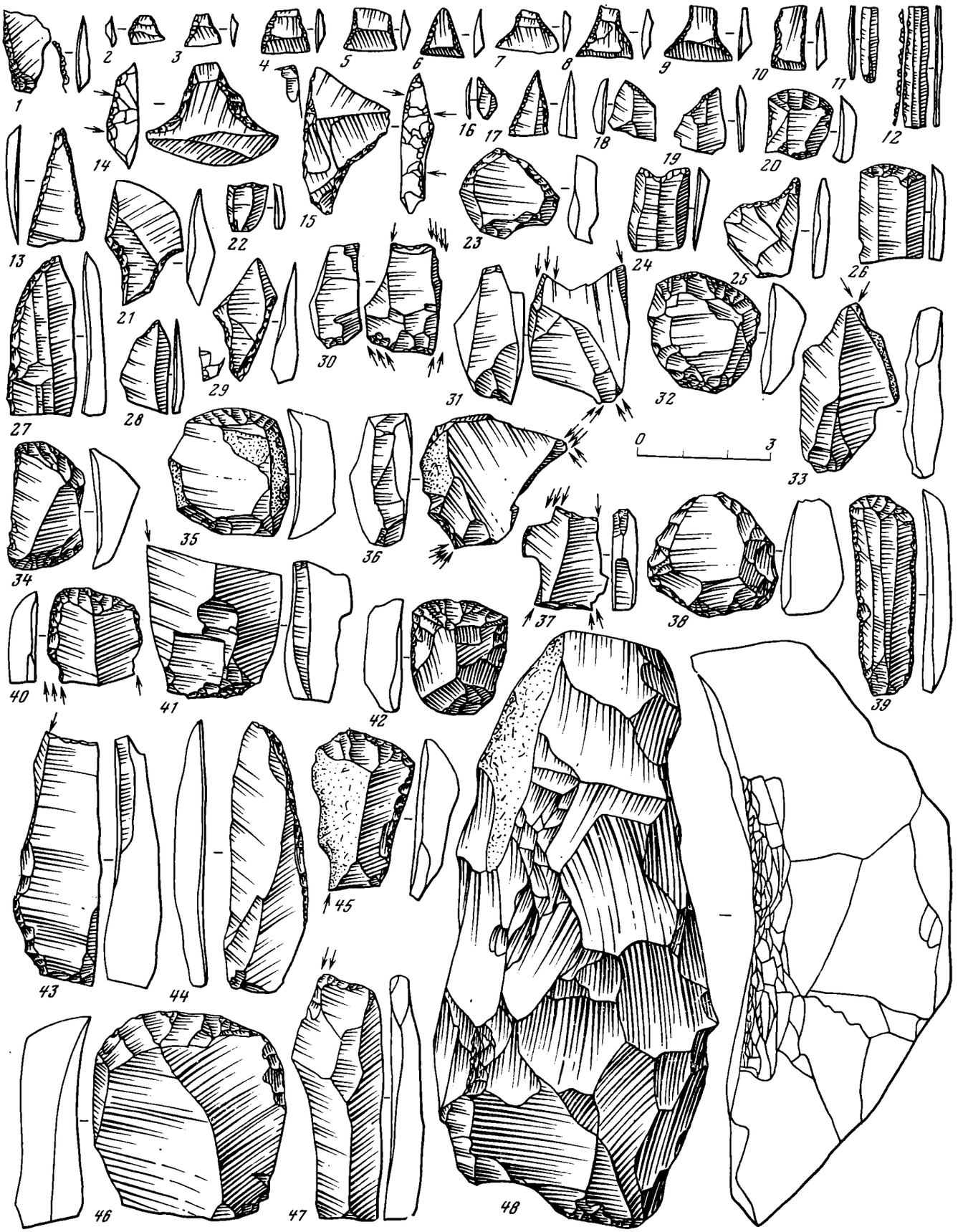

Табл. 50. Иеневская культура. Стоянка Пеньково. Кремневый инвентарь

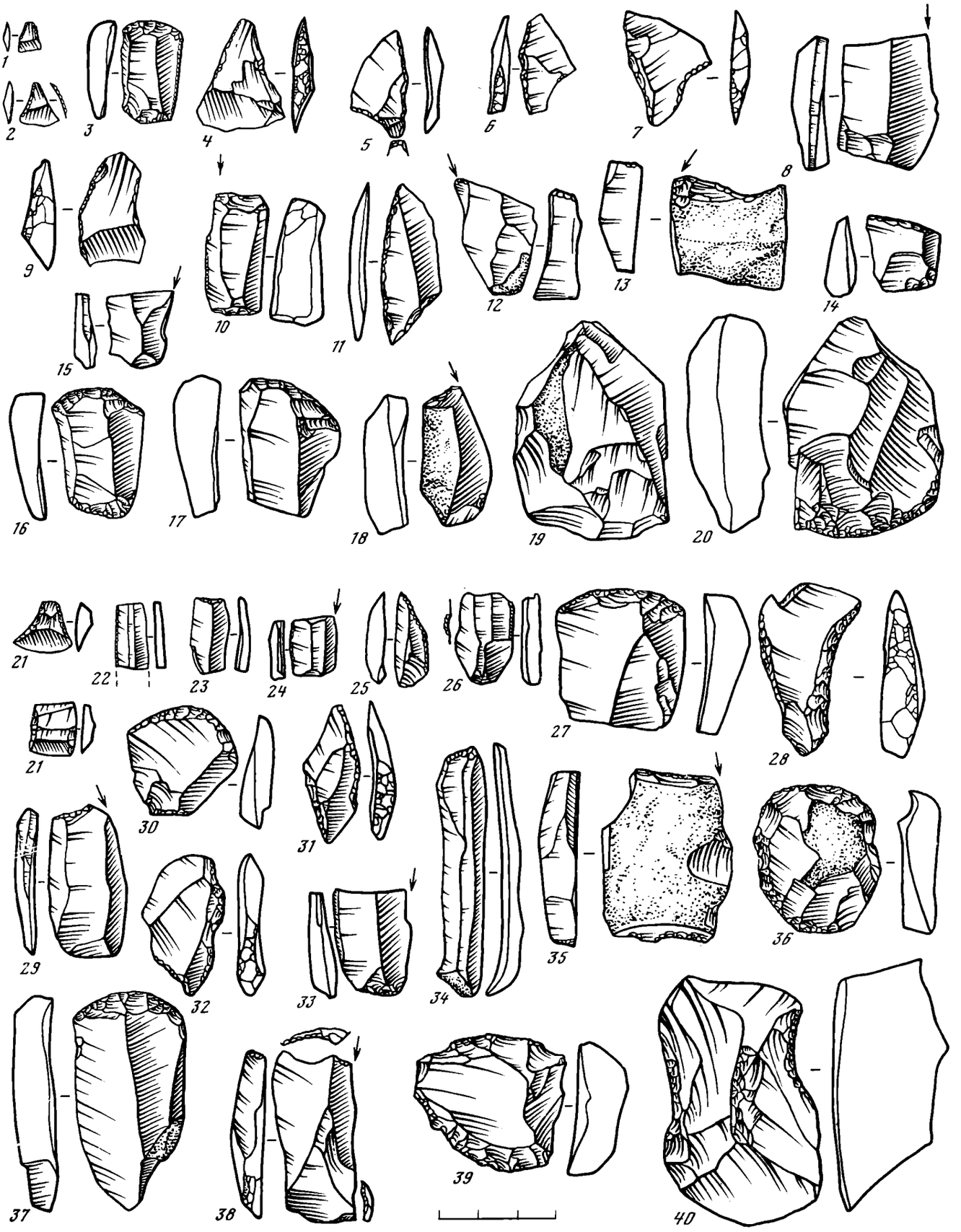

Табл. 51. Иеневская культура. Стоянки Сельцо III (*1—19*) и Коприно (*20—40*). Каменный инвентарь

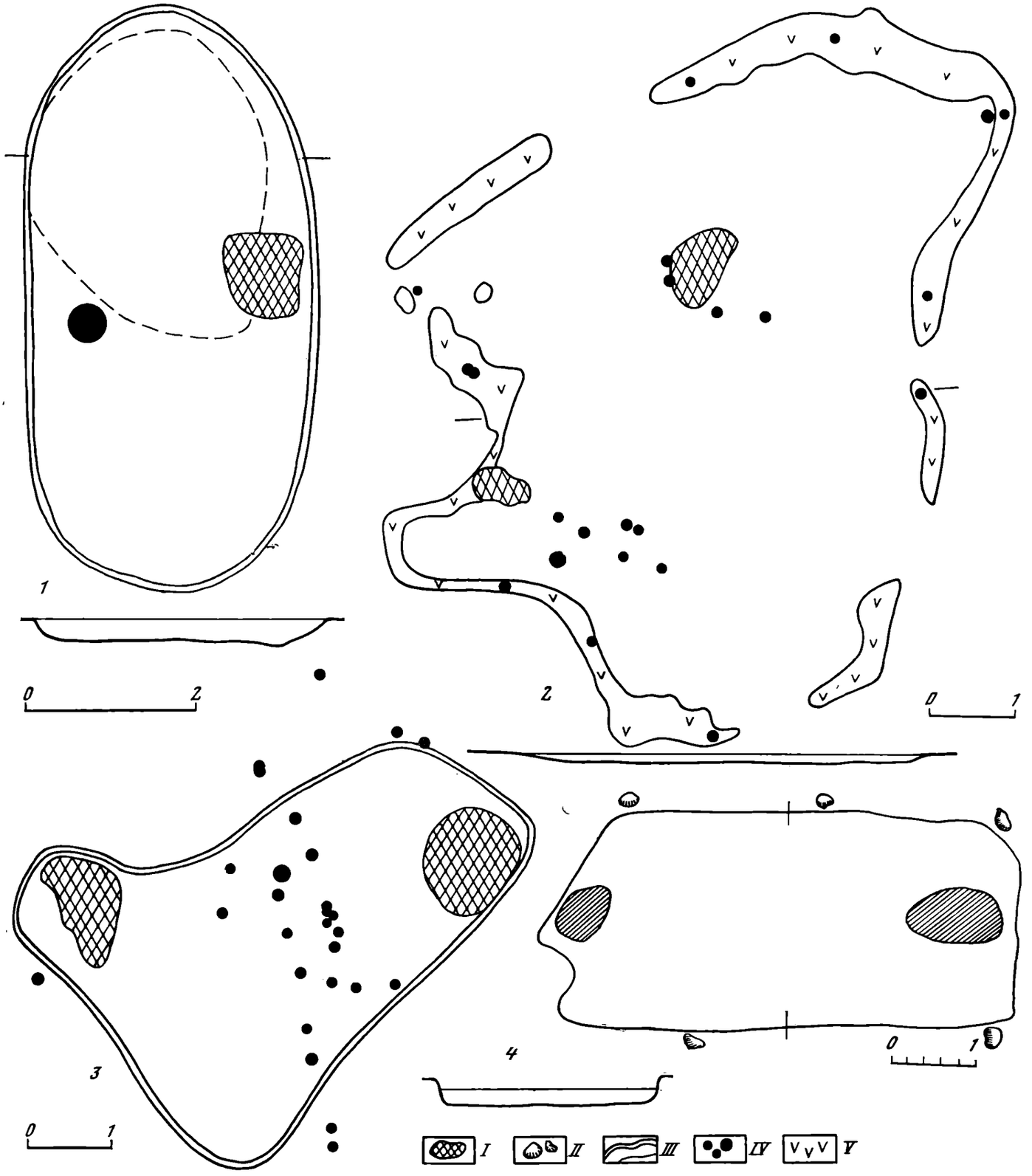

Табл. 52. Жилища мезолитических стоянок бутовской и иеневской культур: Тихоново (*1*), Соболево V (*3*), Дмитровское I (*4*), Иенево II (*2*)

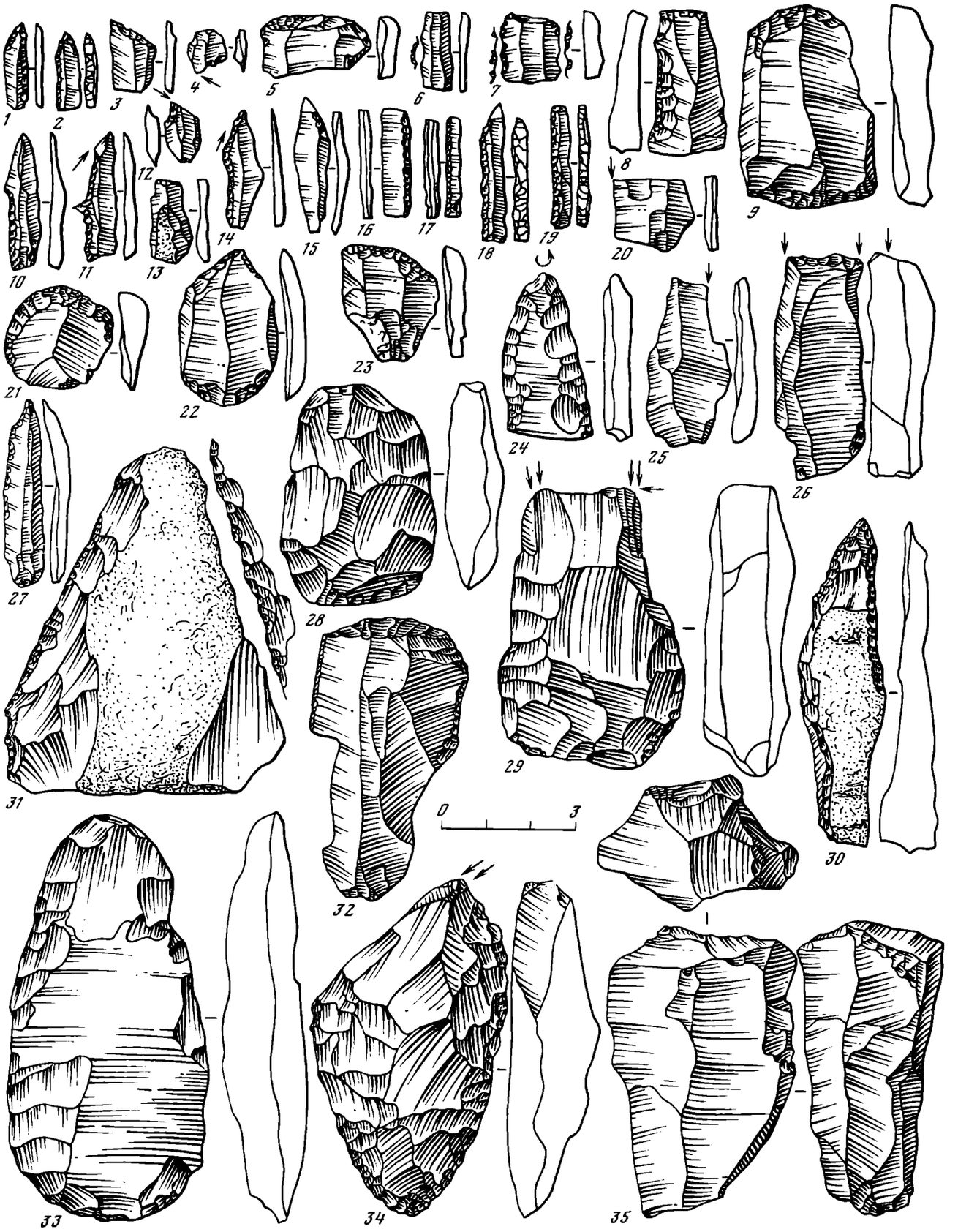

Табл. 53. Рессетинская культура. Стоянки Рессета 3 (*1*, *3*, *4*, *6*, *8*, *10*, *12*, *14—16*, *20—24*, *28*, *29*, *33*) и Суконцево 8 (*2*, *5*, *7*, *9*, *11*, *13*, *17—19*, *25—27*, *30*, *32*, *34*, *35*). Кремневый инвентарь

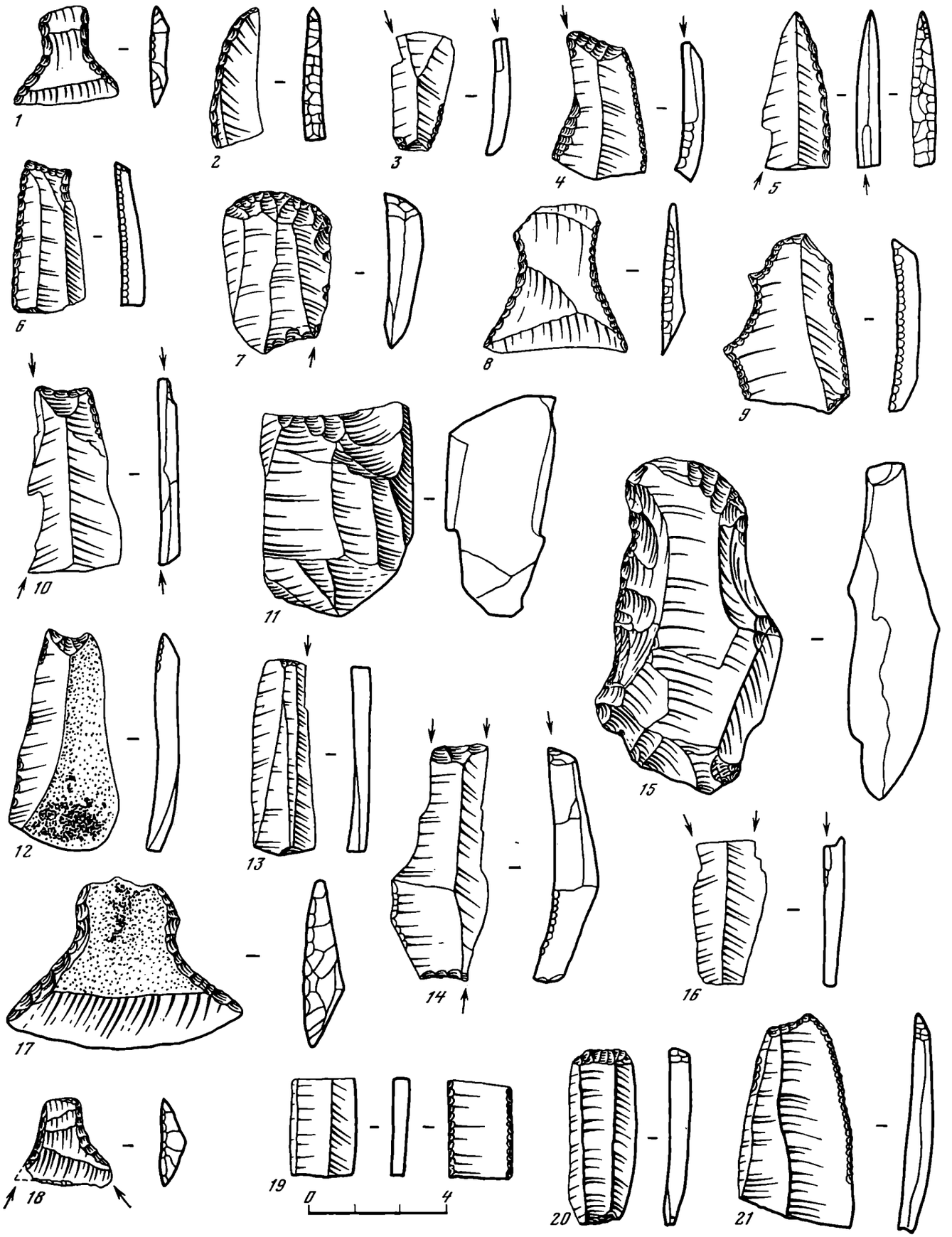

Табл. 54. Усть-камская культура. Каменный инвентарь

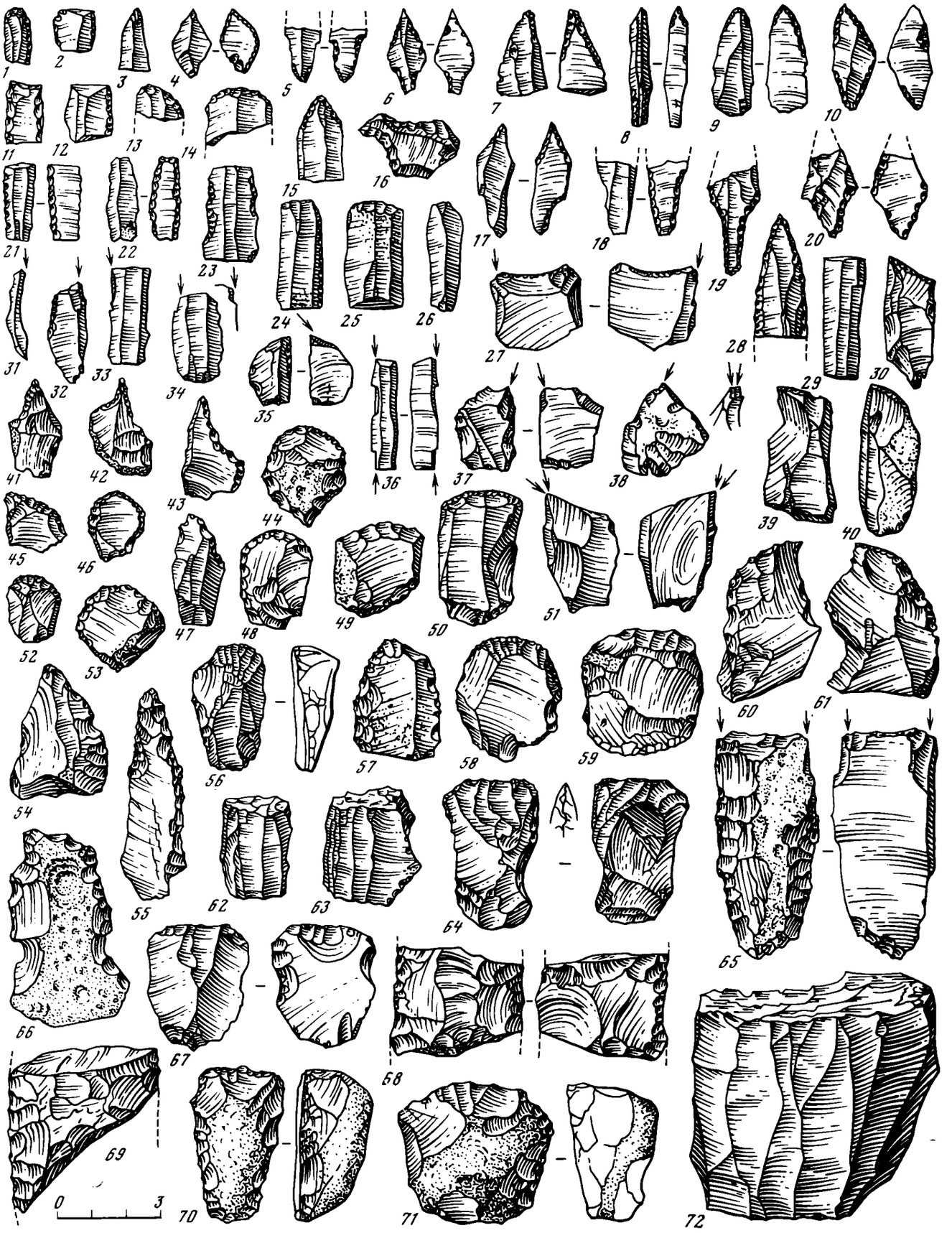

Табл. 55. Яндашевская стоянка. Каменный инвентарь

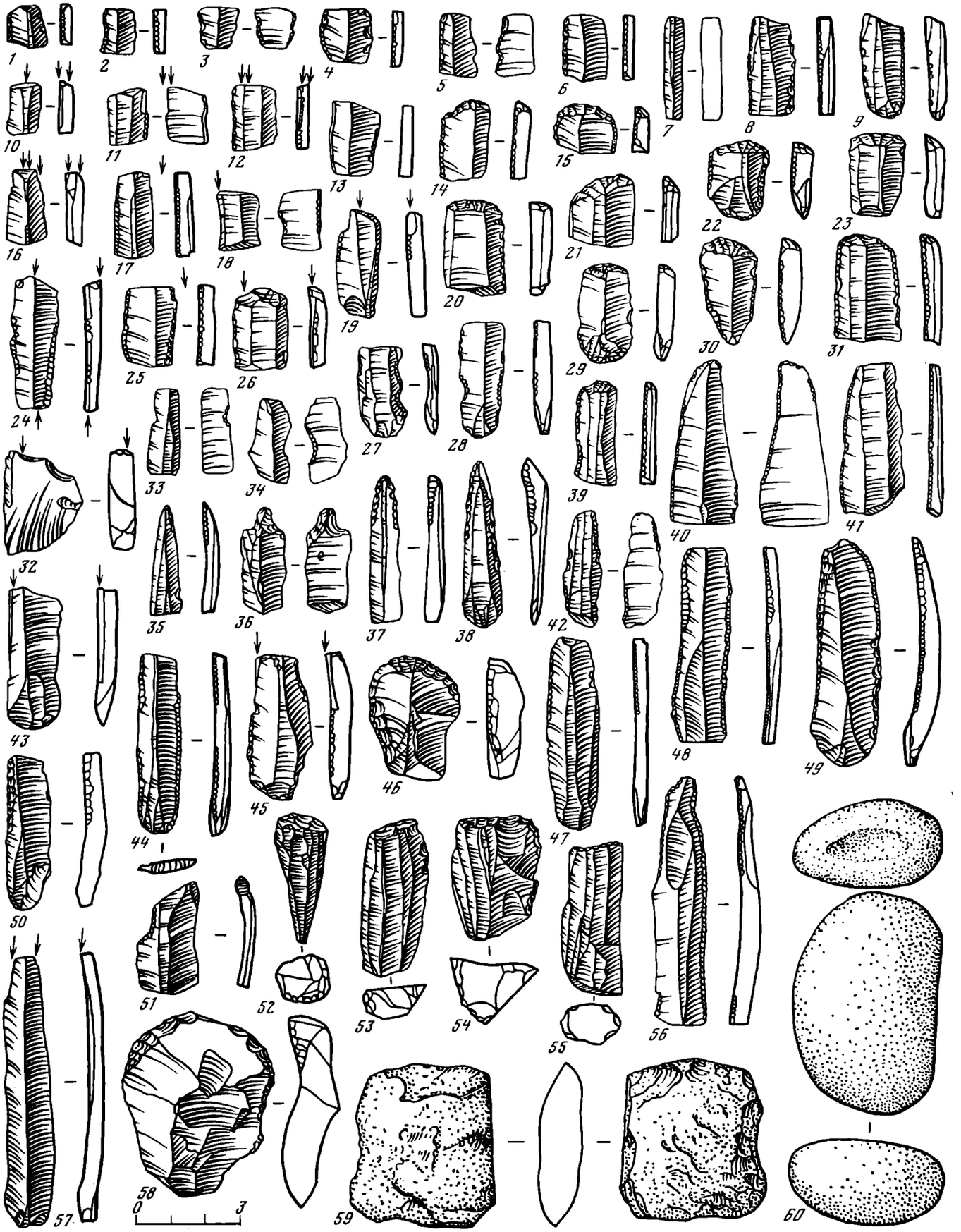

Табл. 56. Стоянка Татаро-Азибейская IV. Каменный инвентарь

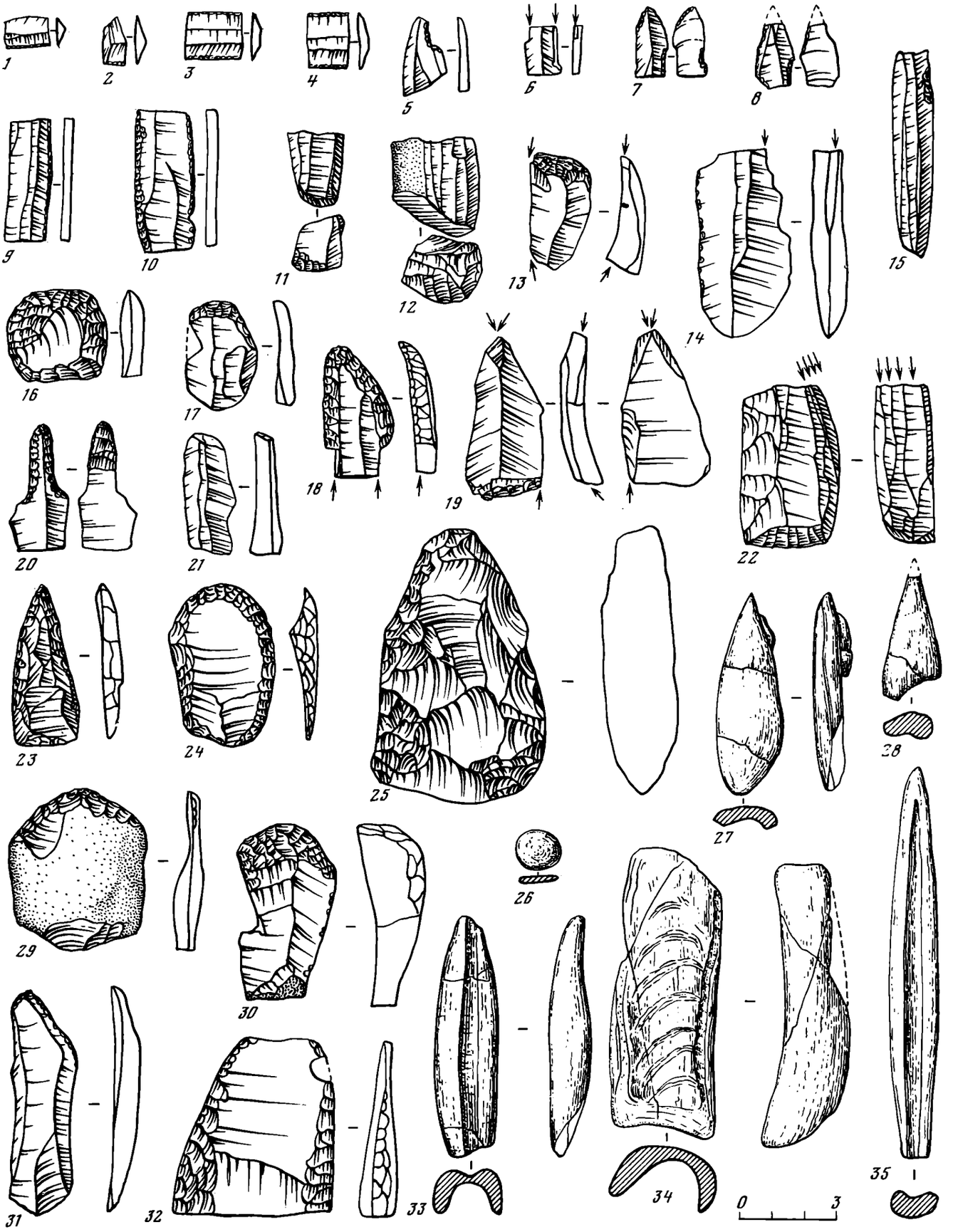

Табл. 57. Стоянка Деуково II. Каменный (*1—25, 29—32*) и костяной (*26—28, 33, 35*) инвентарь

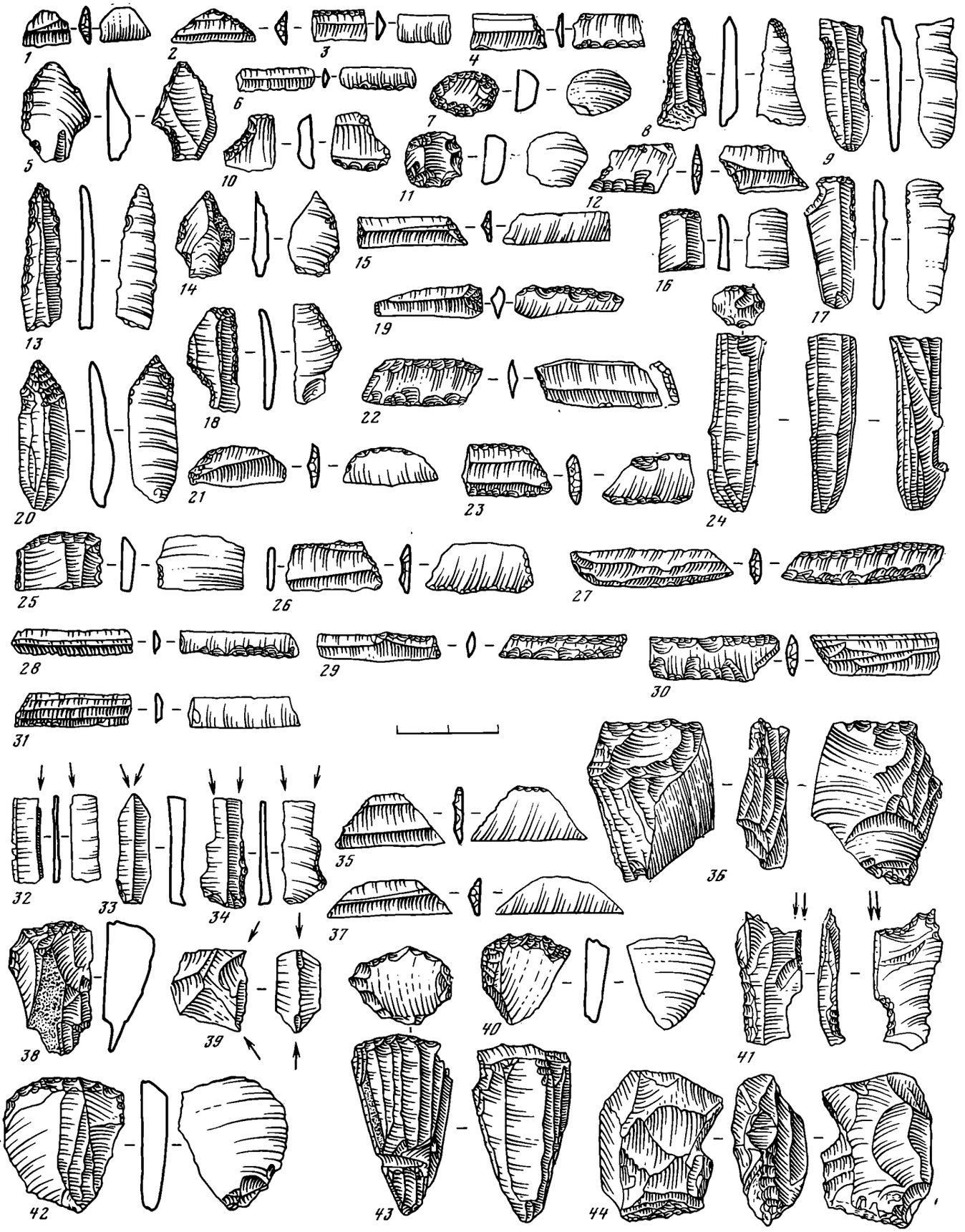

Табл. 58. Сероглазовская культура. Стоянка Тюкай I. Каменный инвентарь

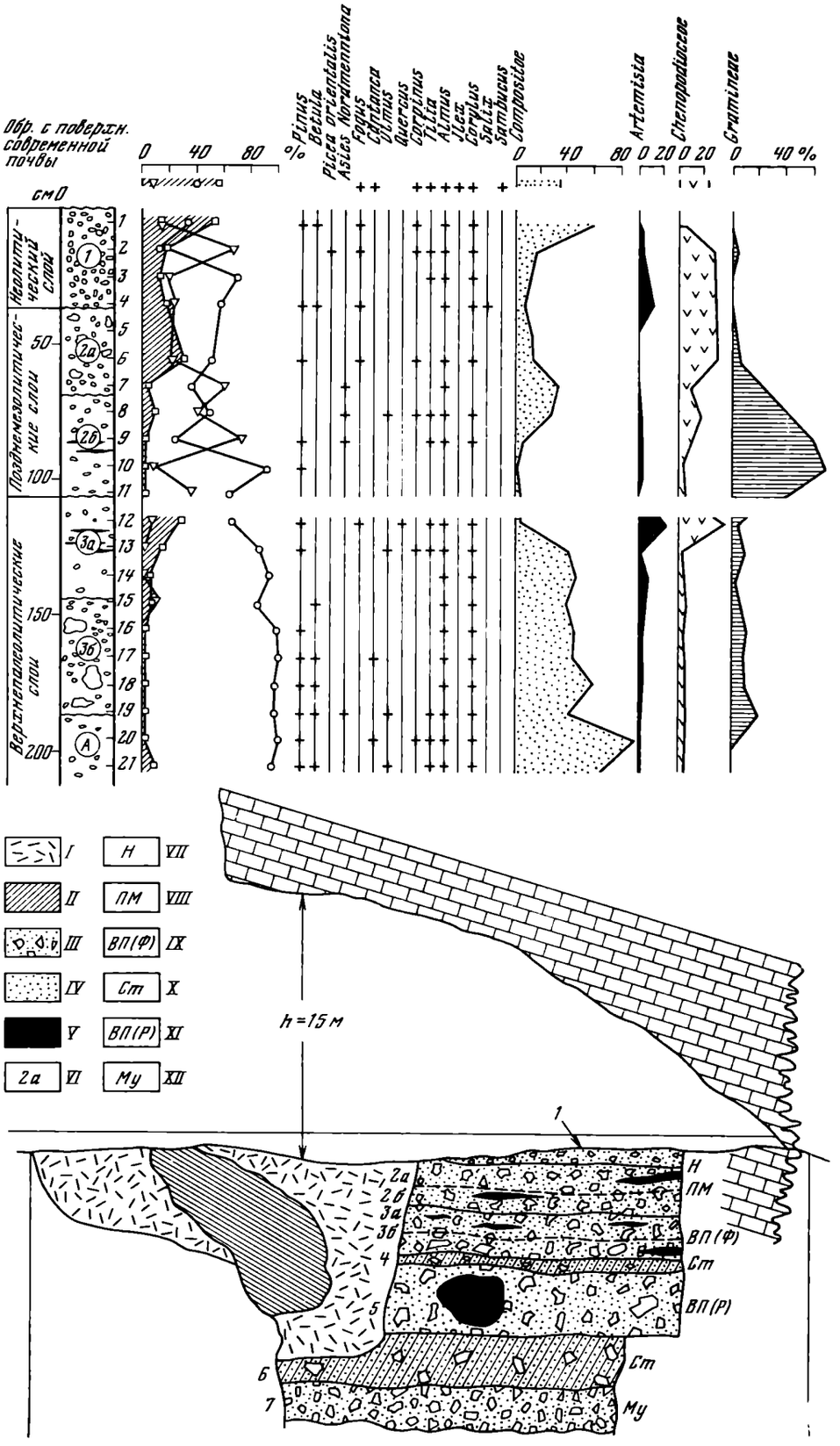

Табл. 59. Пещера Апианча. Палинологическая колонка и геологический разрез

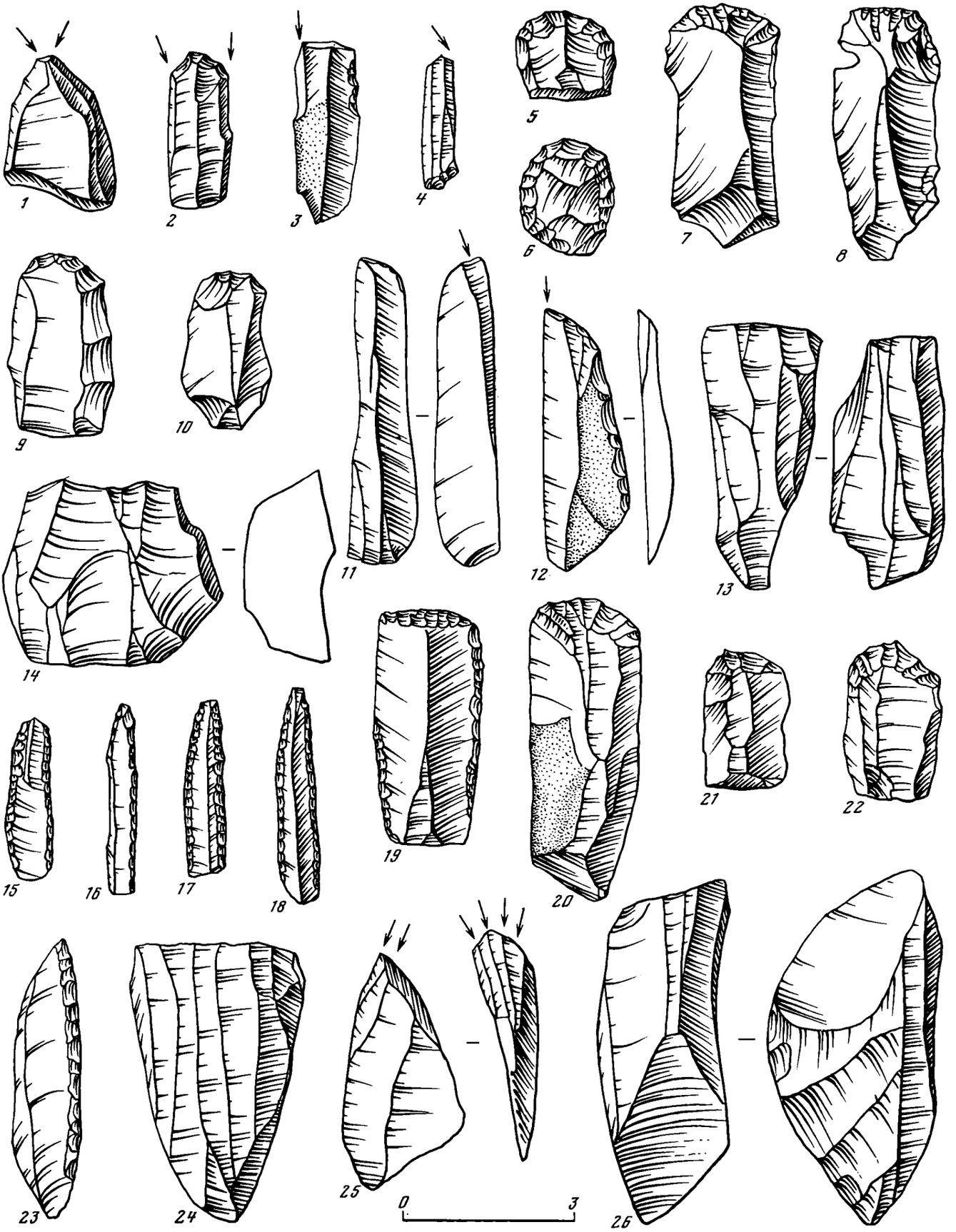

Табл. 60. Характерные формы кремневой индустрии поселений Джампала (*1—8*), Холодный Грот (*9—14*), Квачара (*15—25*), Энцери (*26*)

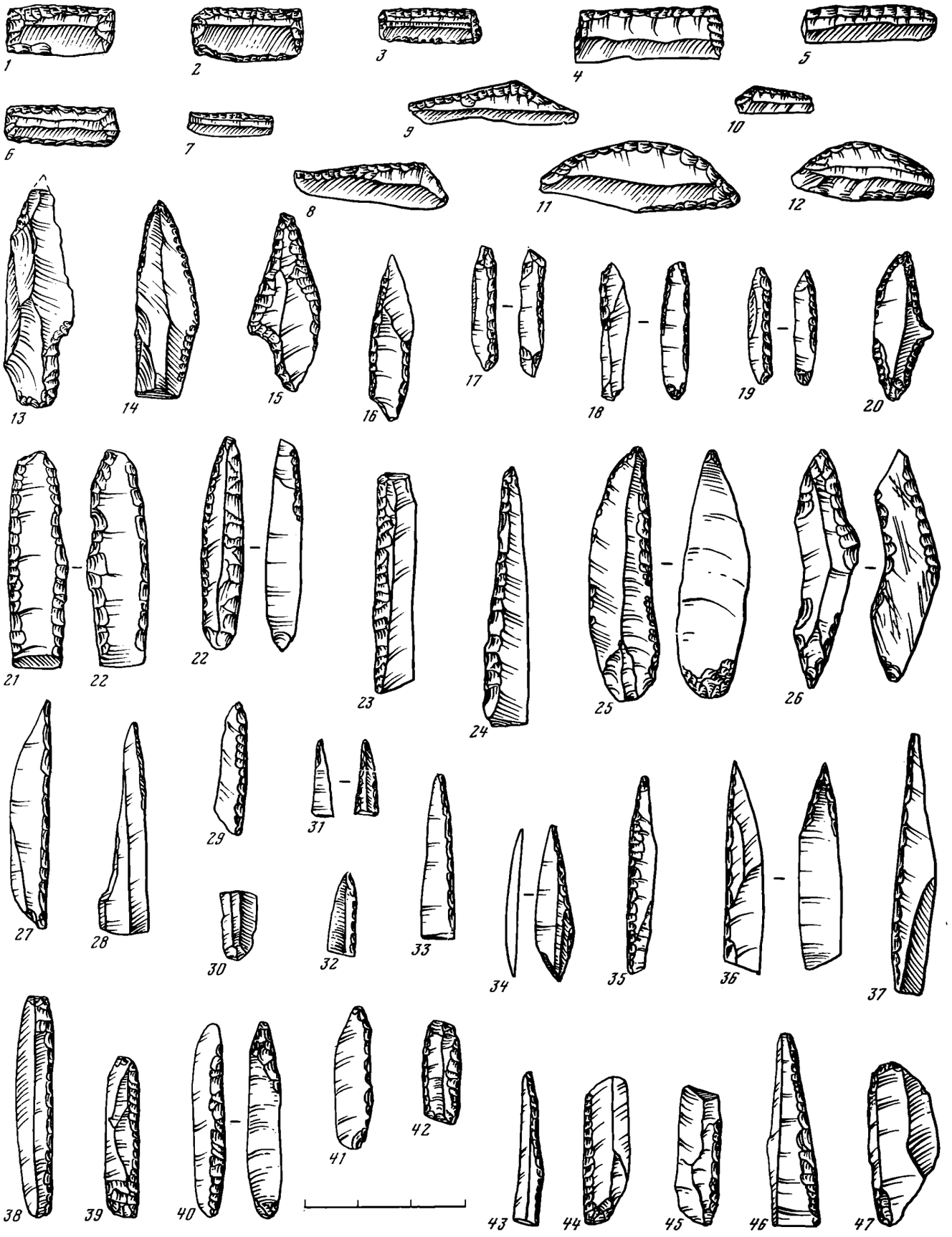

Табл. 61. Характерные формы кремневой индустрии поселений Квачара (*1—26*), Энцери (*27—37*), Яштхва (*38—47*)

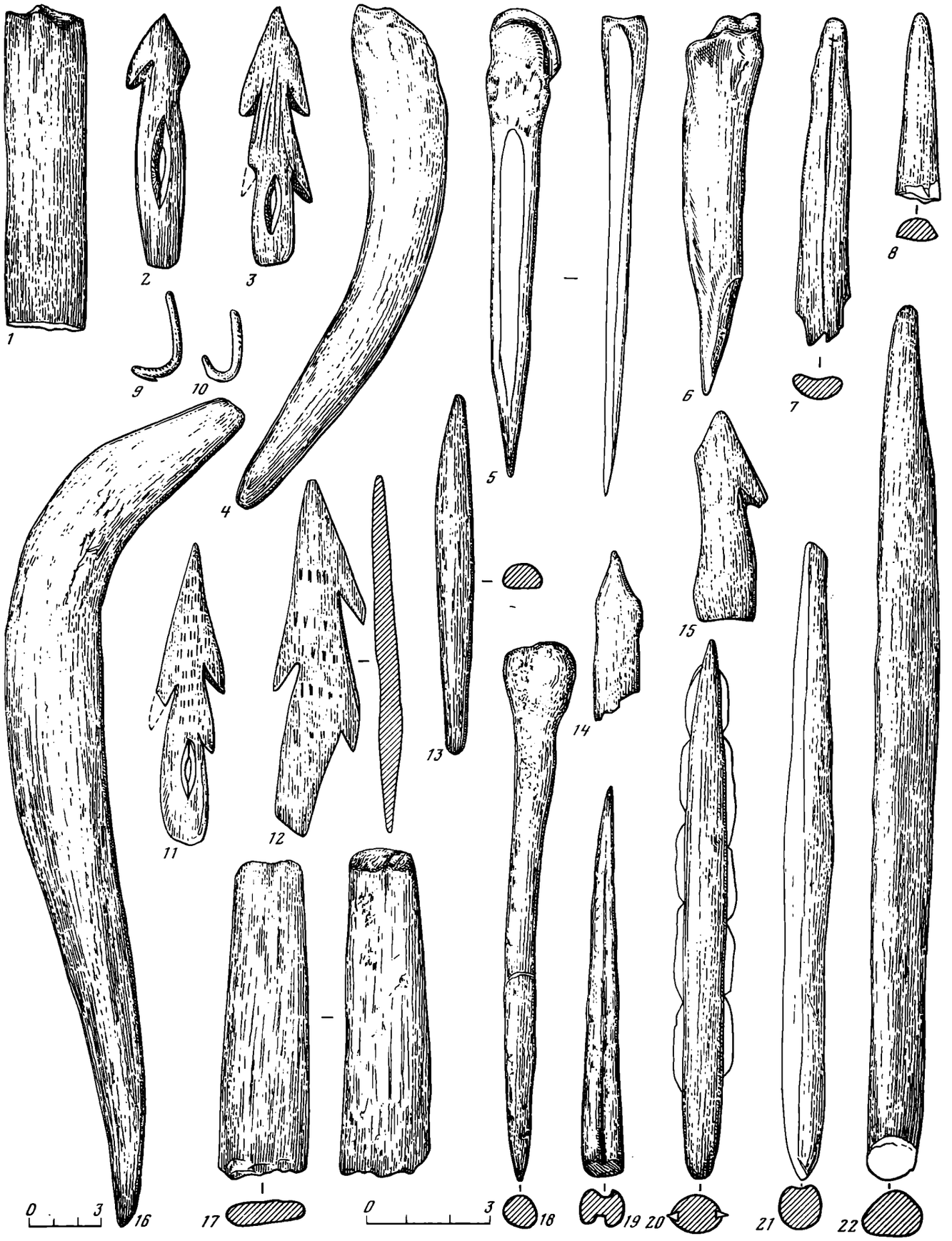

Табл. 62. Характерные формы костяного инвентаря из памятников Даркветн (*1—4*), Холодный Грот (*2*, *3*, *5*, *11*, *12*), Апианча (*6—10*, *14*), Гварджилас-Клде (*15*), Квачара (*16—22*)

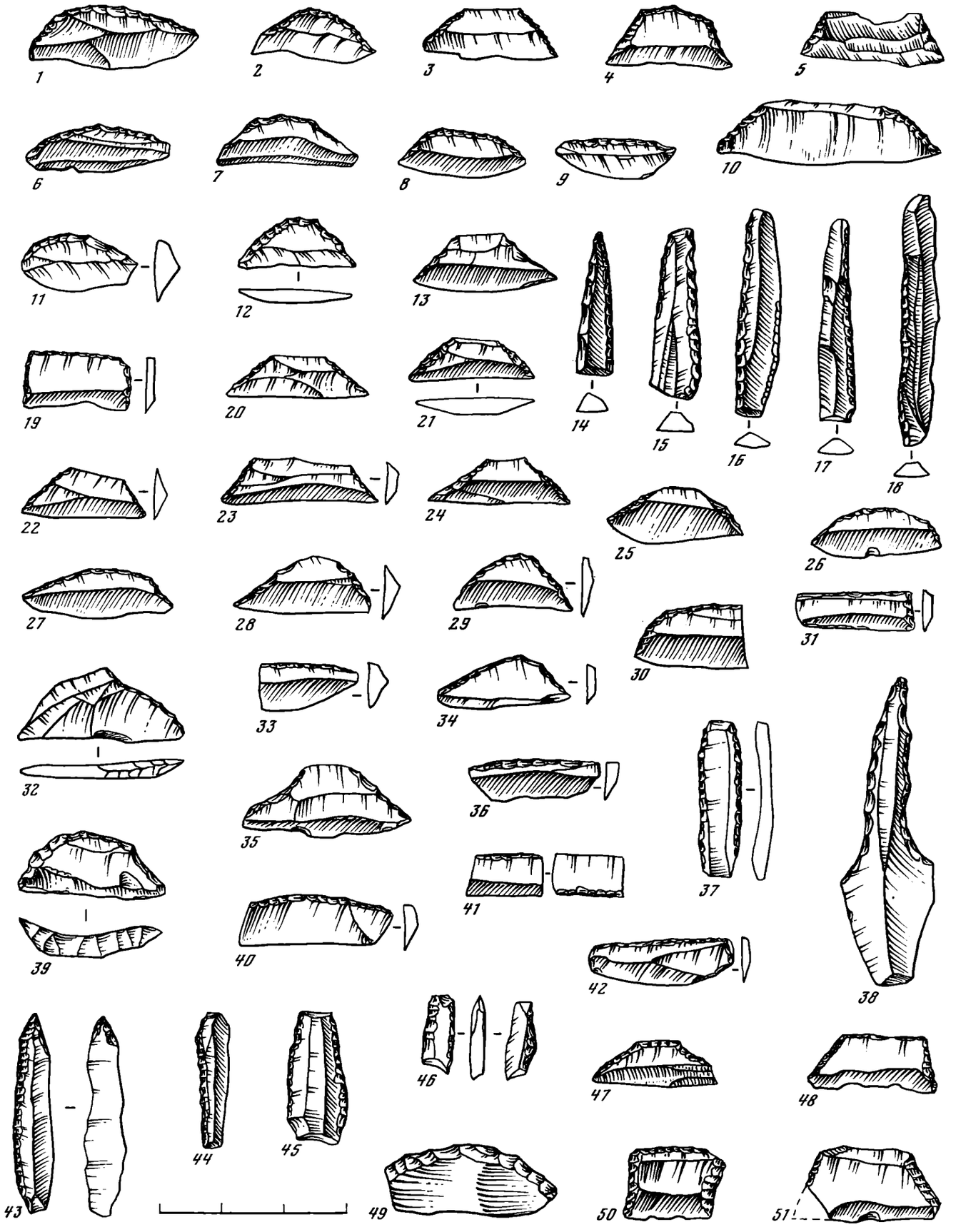

Табл. 63. Характерные формы кремневой индустрии поселений Апианча (*1—11*, *14—18*), Холодный Грот (*12*, *13*, *19—42*) и Джампала (*43—51*)

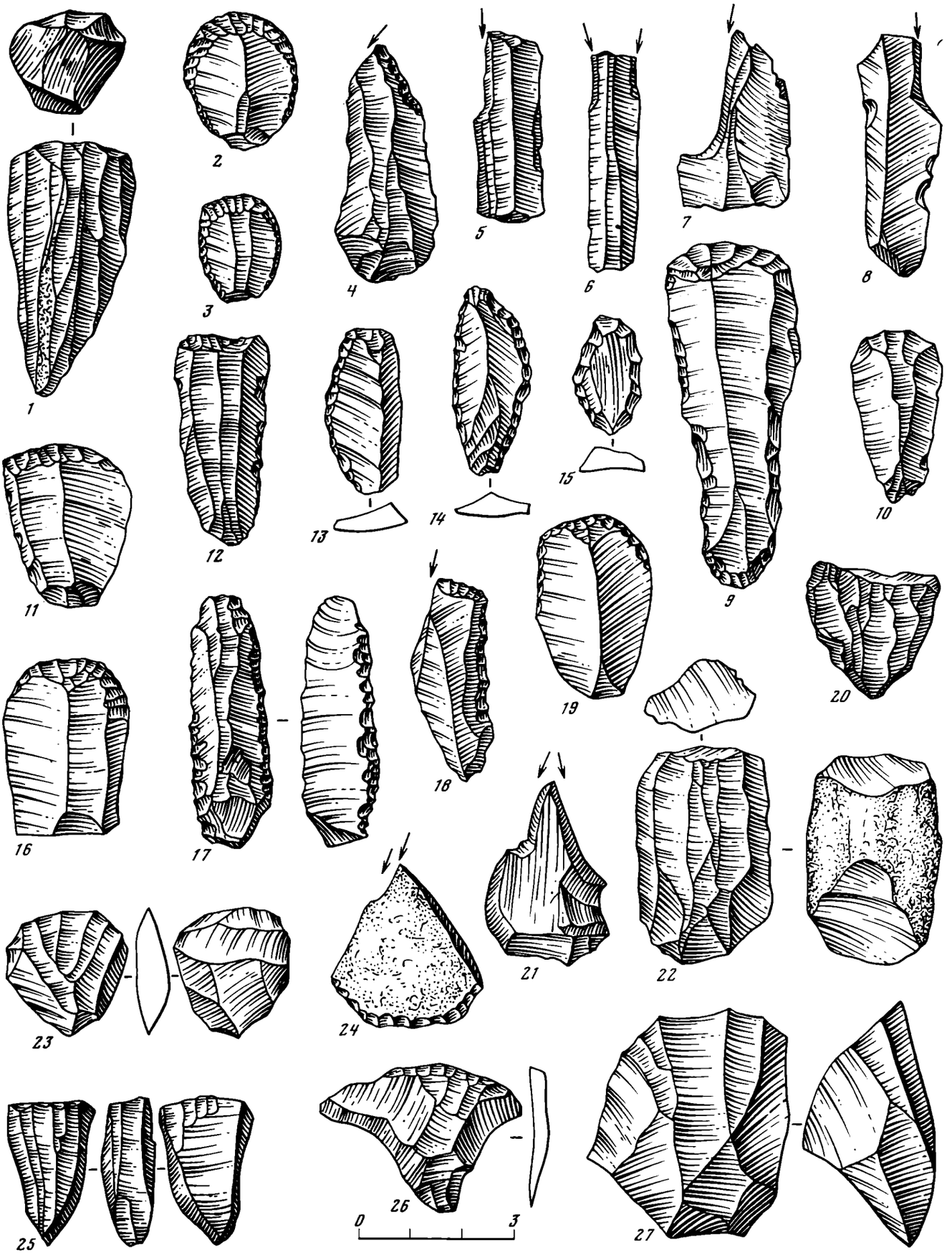

Табл. 64. Характерные формы кремневой индустрии поселений Даркветн (*1—6*), Чахати (*7*, *8*, *14*, *15*), Сагварджиле (*9—13*), Эдзани (*16—20*, *23*, *24*), Зуртакети (*21*, *22*, *25—27*)

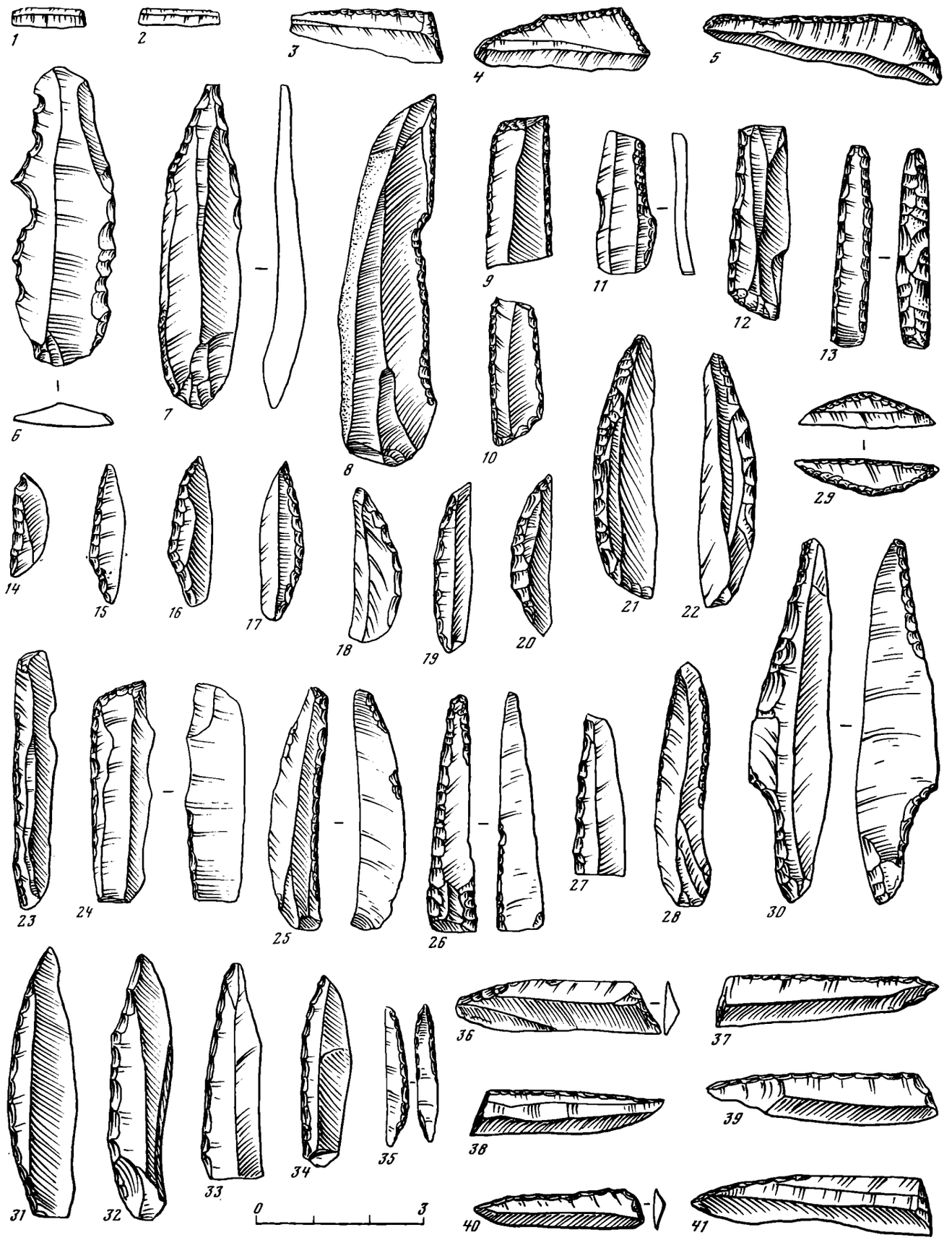

Табл. 65. Характерные формы кремневой индустрии поселений Дарквети (*1—13*), Сагварджиле (*14—22*), Кведи (*24—26*), Чахати (*23, 27—30*), Цона (*31—41*)

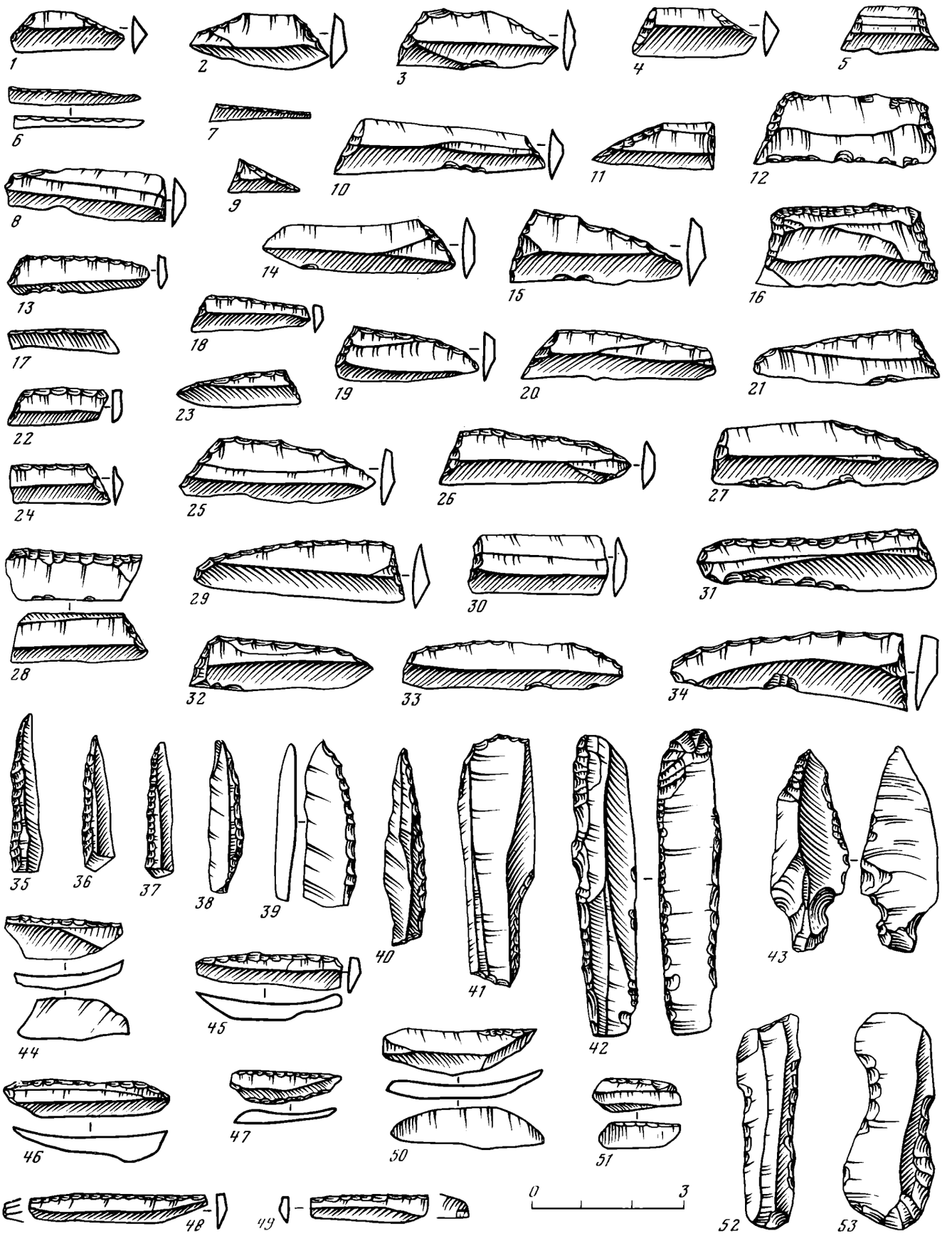

Табл. 66. Характерные формы кремневой индустрии поселений Эдзани (*1—43*) и Зуртакети (*44—53*)

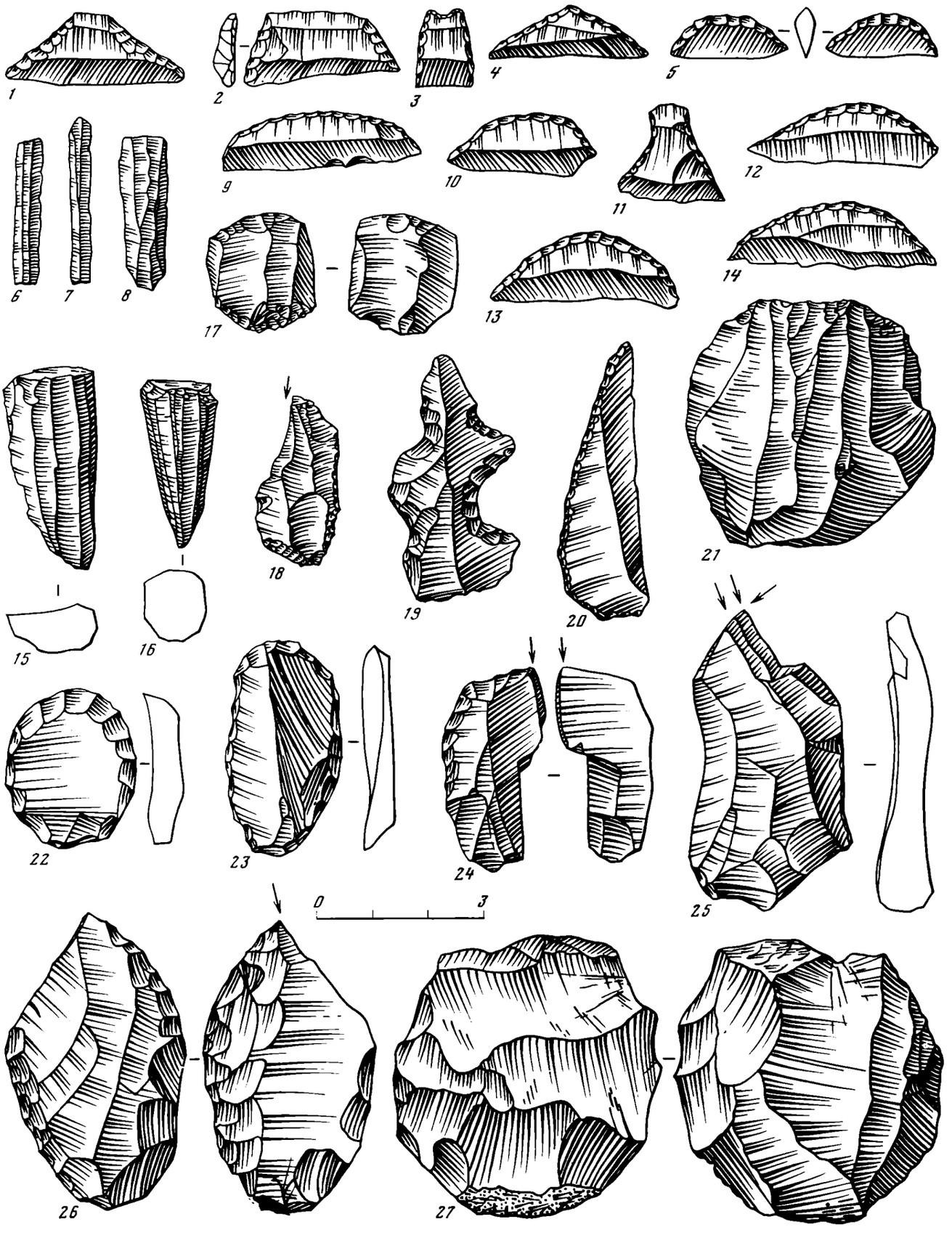

Табл. 67. Характерные формы кремневой индустрии поселений Сатанай (*1—3, 5, 11*), Сосруко (*4, 6—10, 12—16* — слой 1, *17—21* — слой 3), Чох (*22—27*)

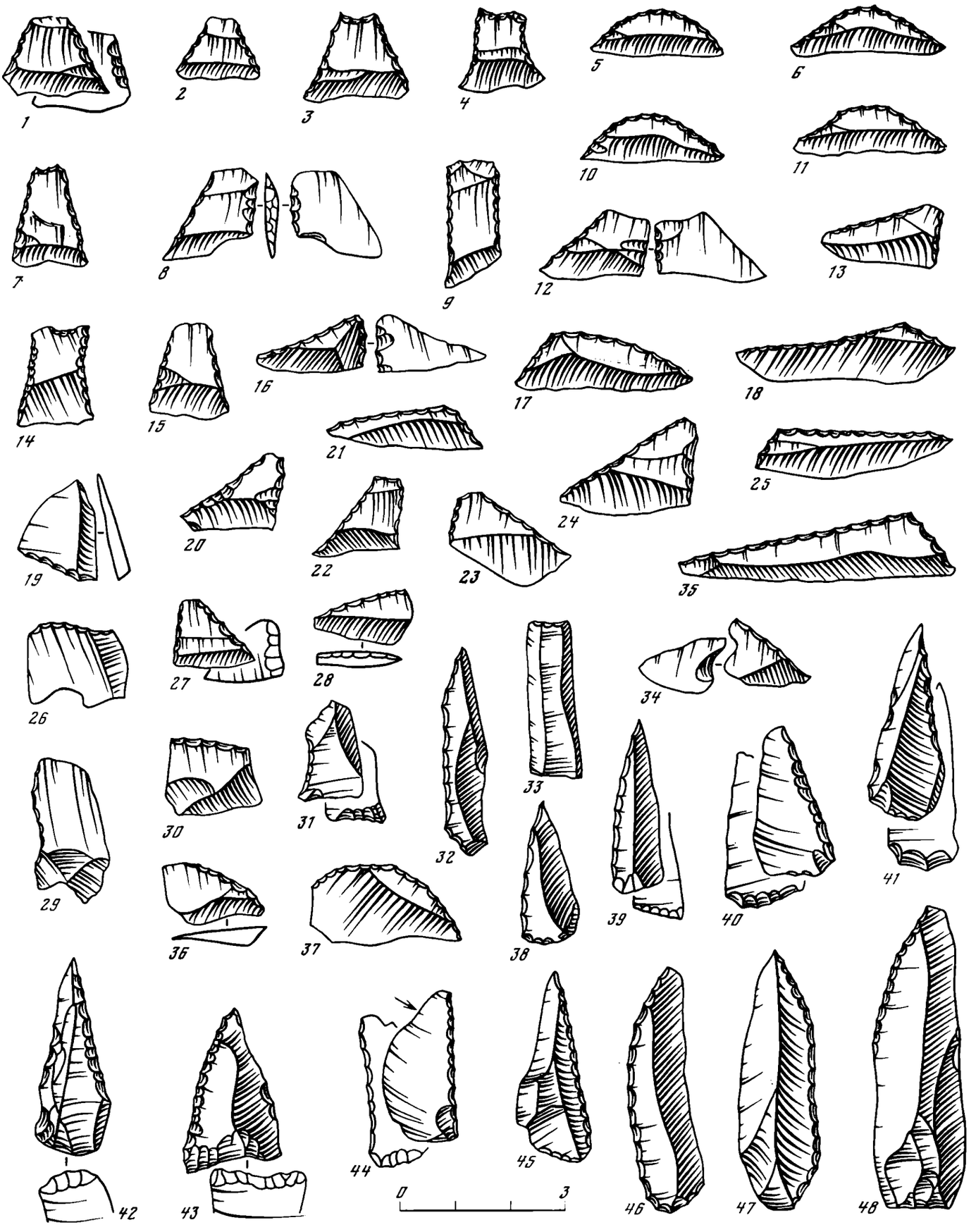

Табл. 68. Характерные формы кремневой индустрии поселения Чох

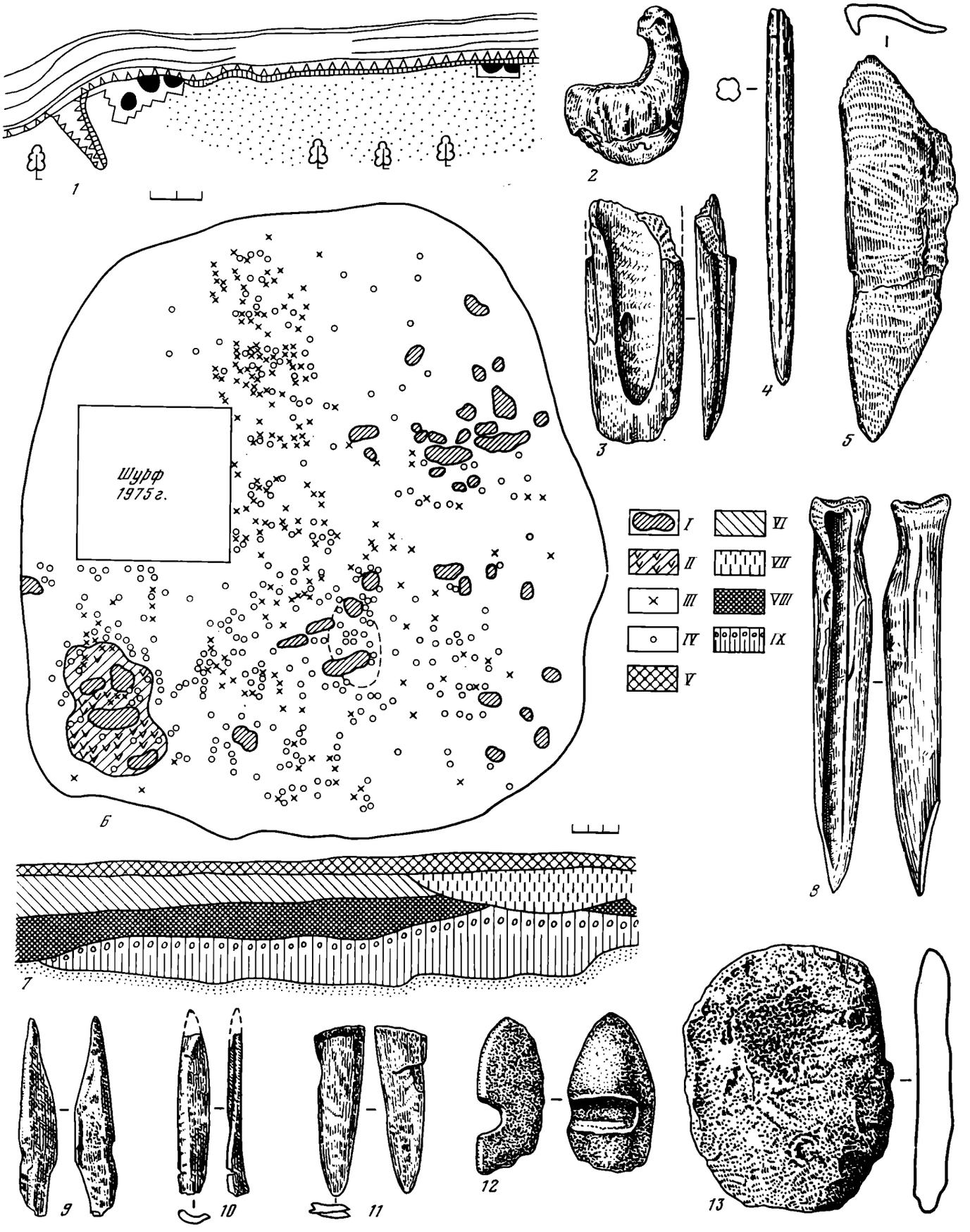

Табл. 69. Стоянка Игрень VIII. План жилища 5, костяной и каменный инвентарь

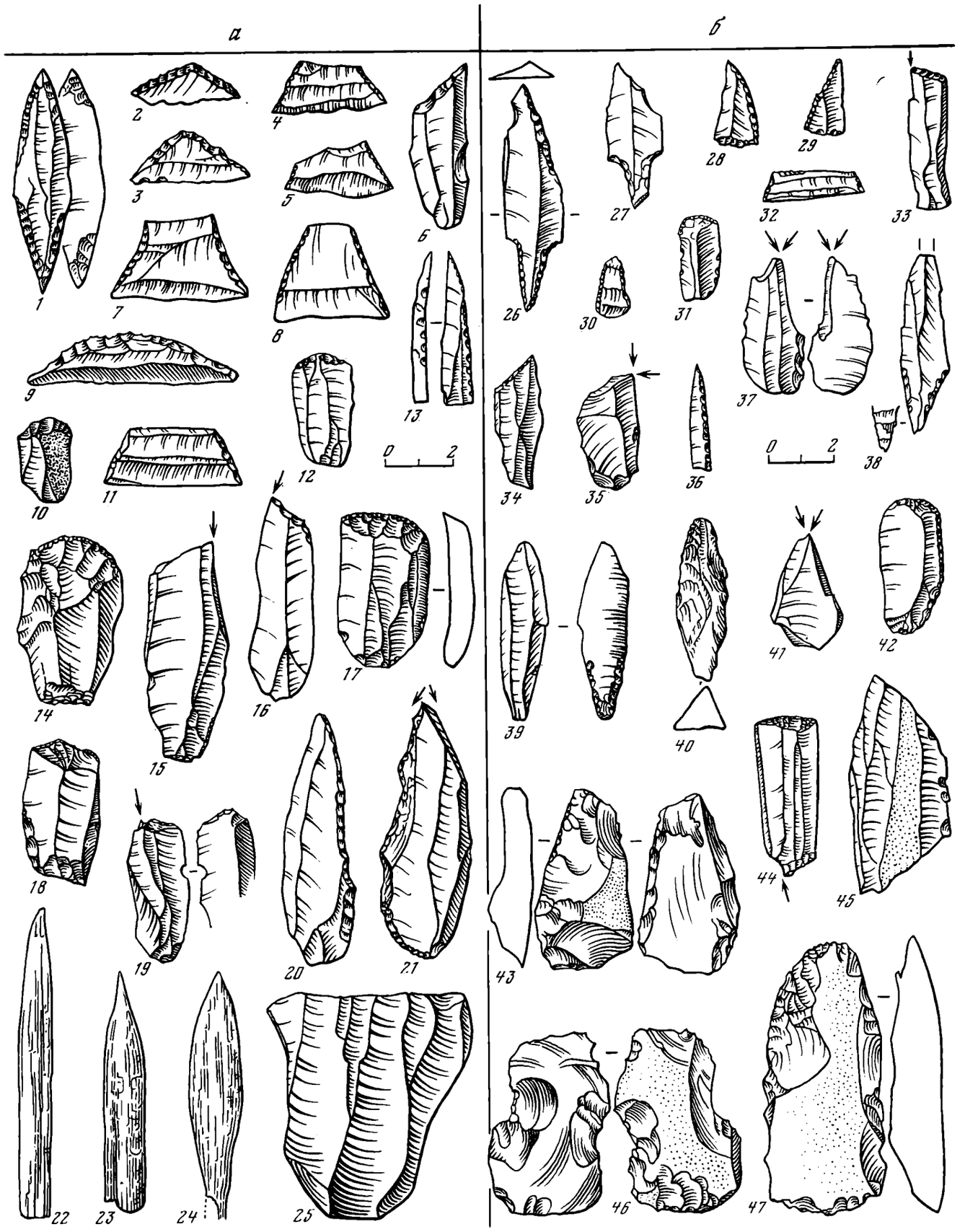

Табл. 70. Кремневые и костяные изделия раннемезолитического времени Юго-Запада СССР

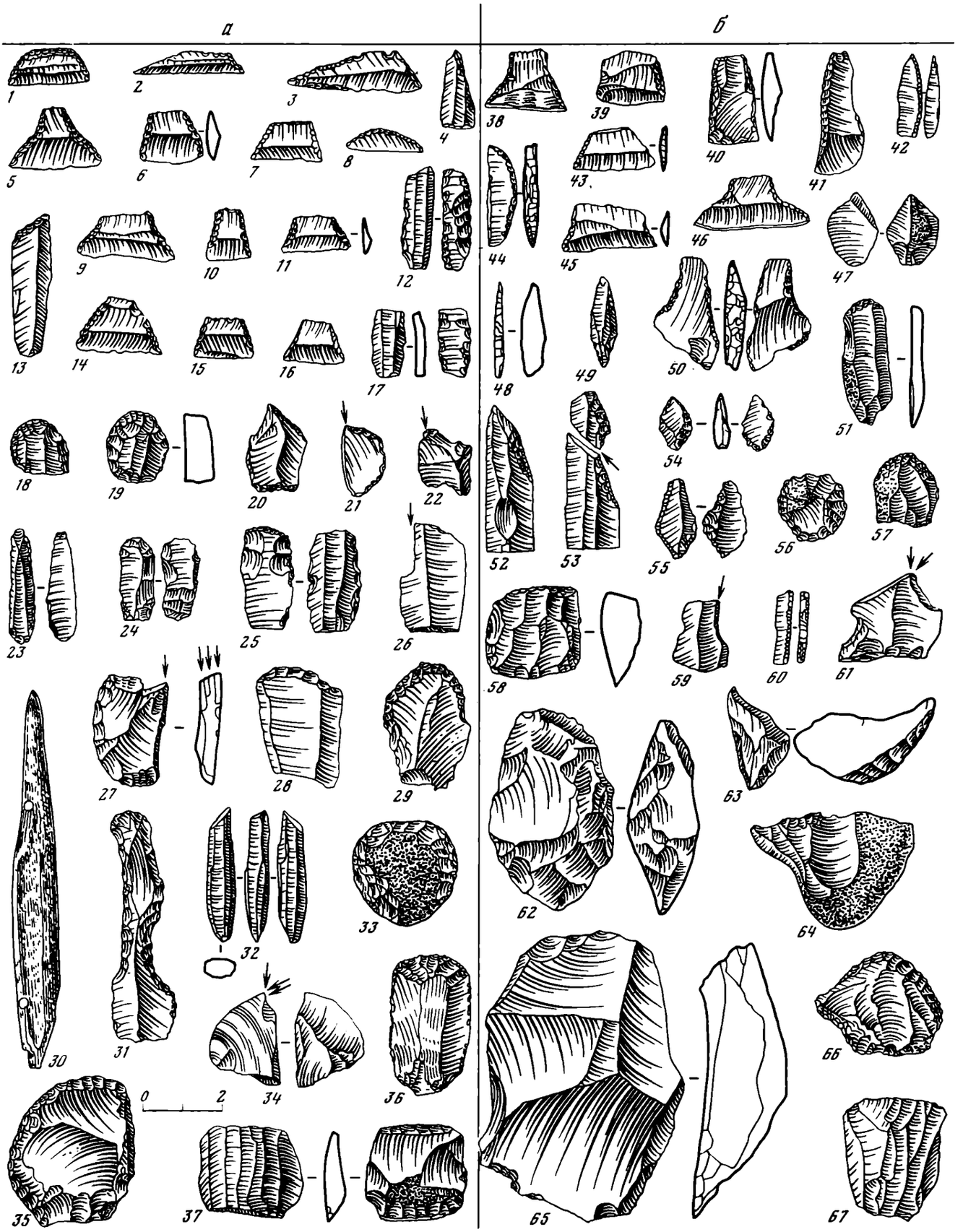

Табл. 71. Кремневые и костяные изделия позднемезолитического времени Юго-Запада СССР

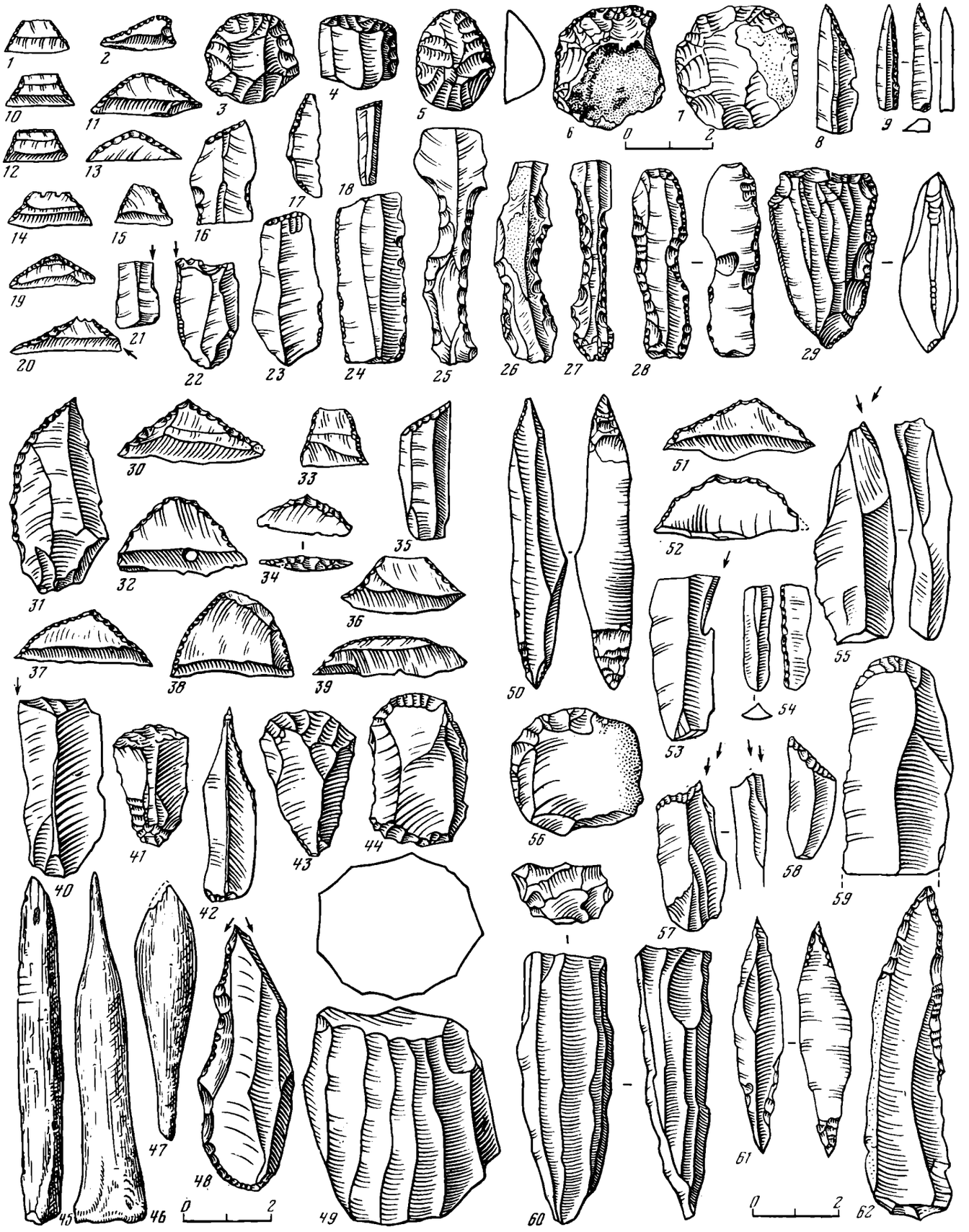

Табл. 72. Кремневые и костяные изделия мезолитических памятников Крыма

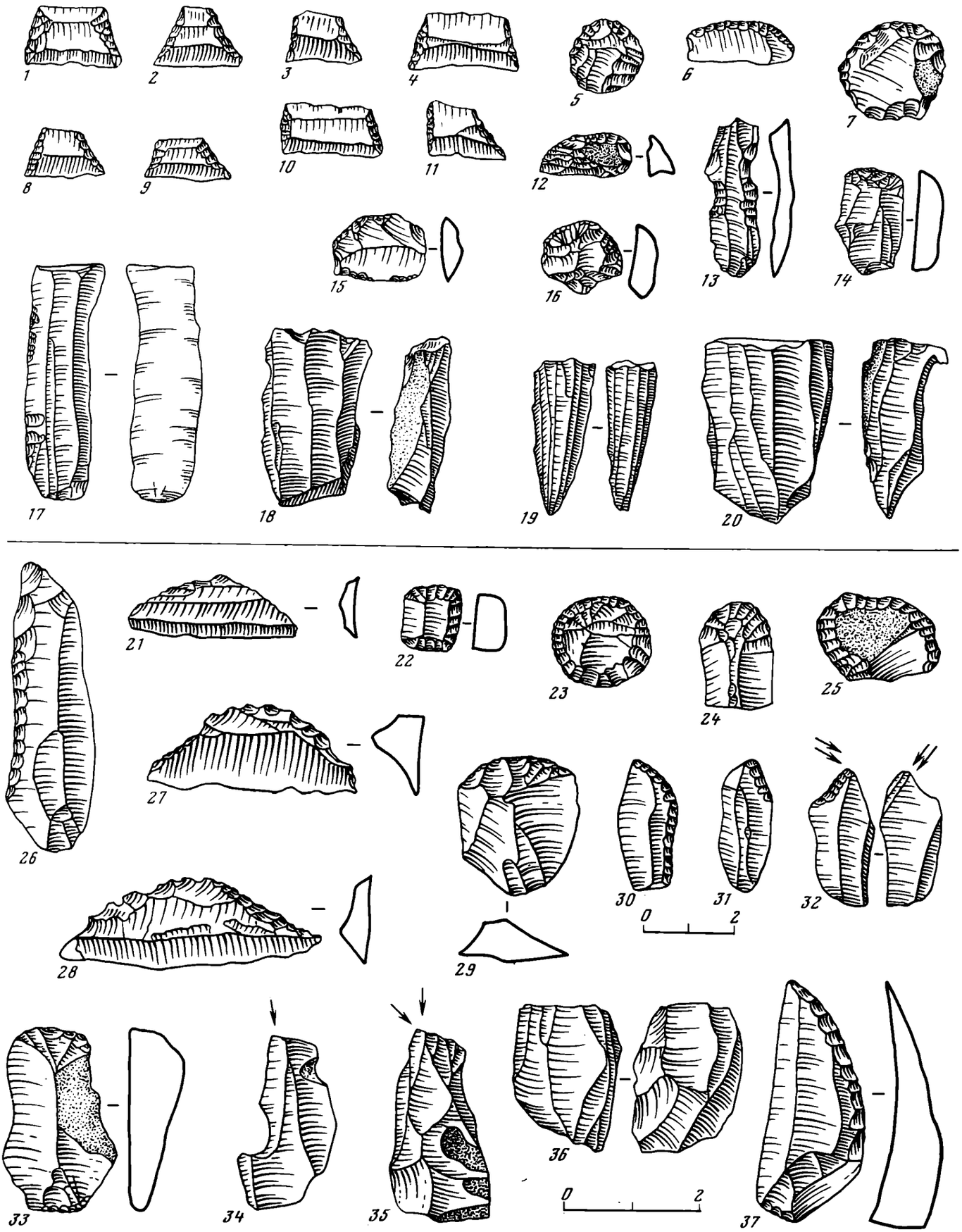

Табл. 73. Кремневые изделия Северного Причерноморья раннего периода мезолита типа Белолесье и позднемезолитической гребениковской культуры

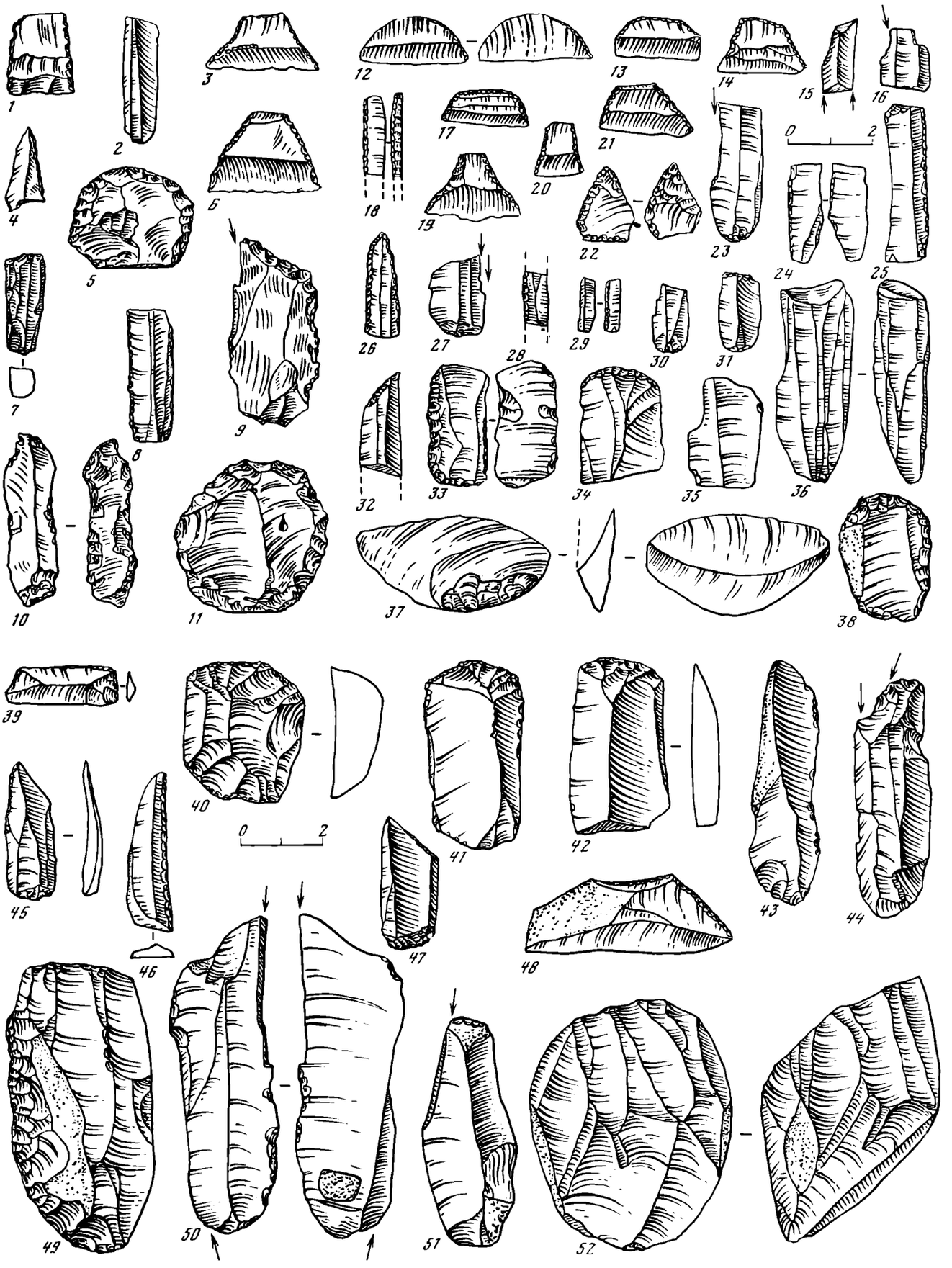

Табл. 74. Кремневые изделия эпохи мезолита Надпорожья и Донбасса

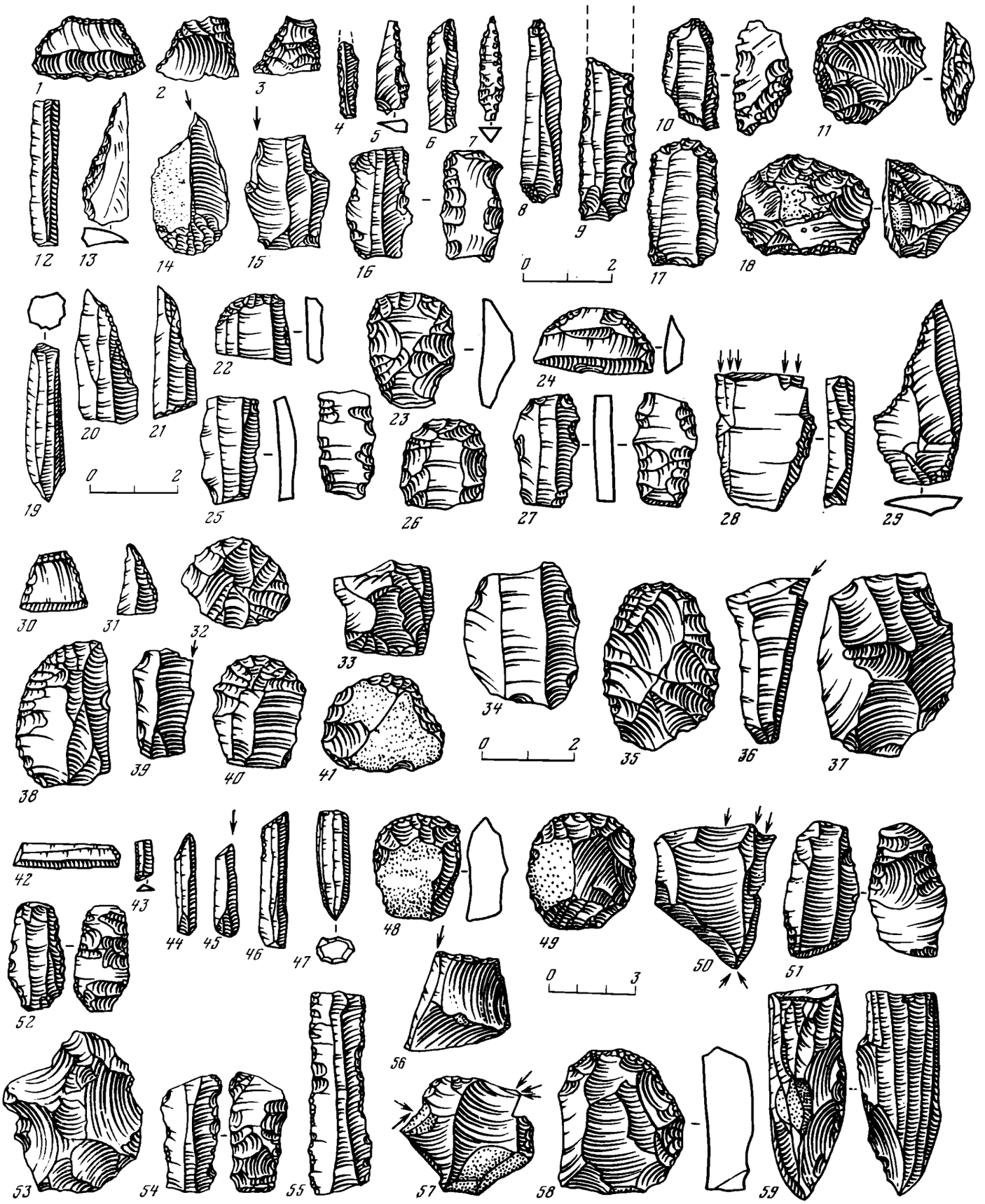

Табл. 75. Кремневые изделия культуры кукрек в Крыму, на Нижнем Днепре и в Северном Причерноморье

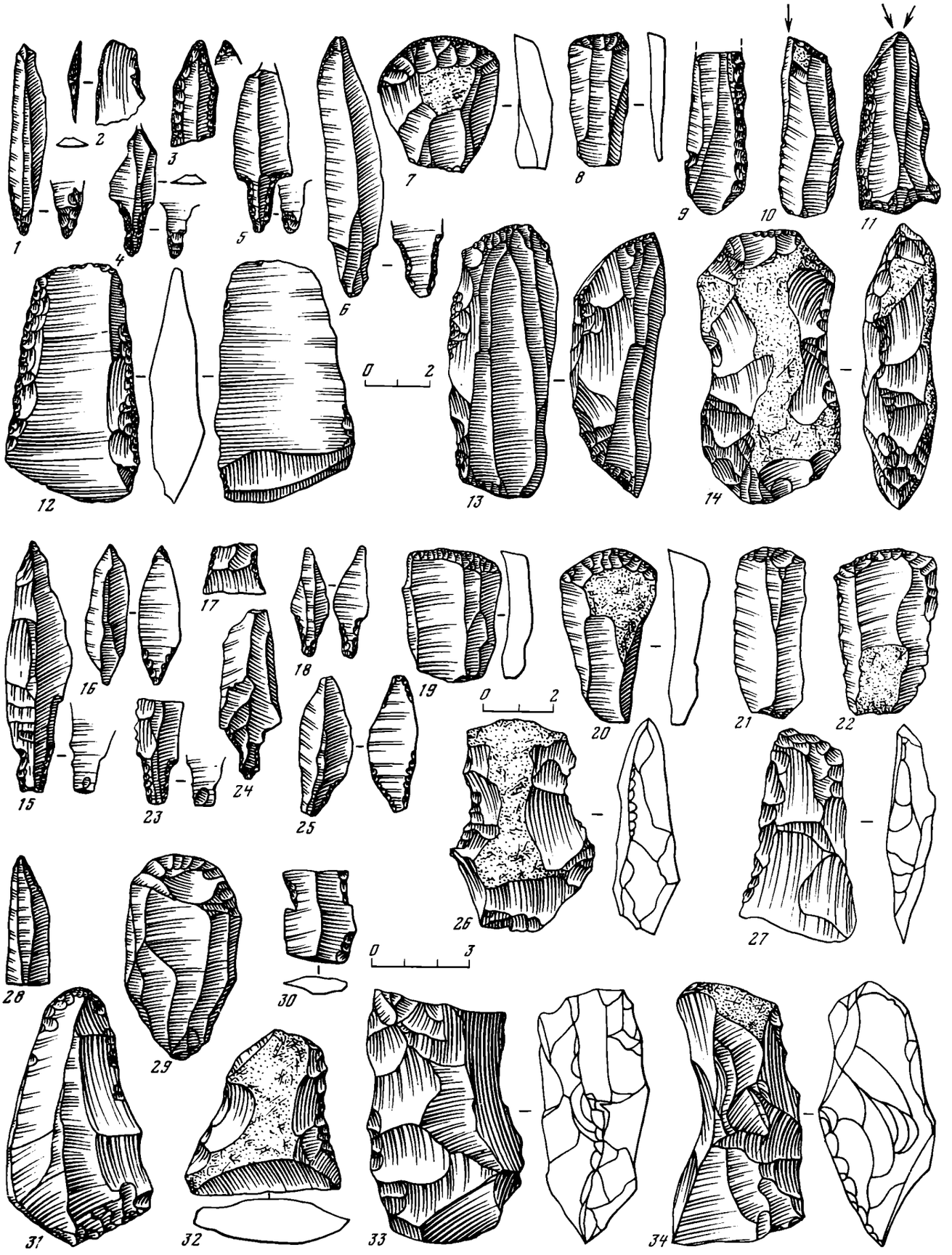

Табл. 76. Кремневые материалы нобельского типа на Волыни (*1—14*), типа Смячки на Средней Десне (*15—27*) и Миньевского Яра на Северском Донце (*28—32*)

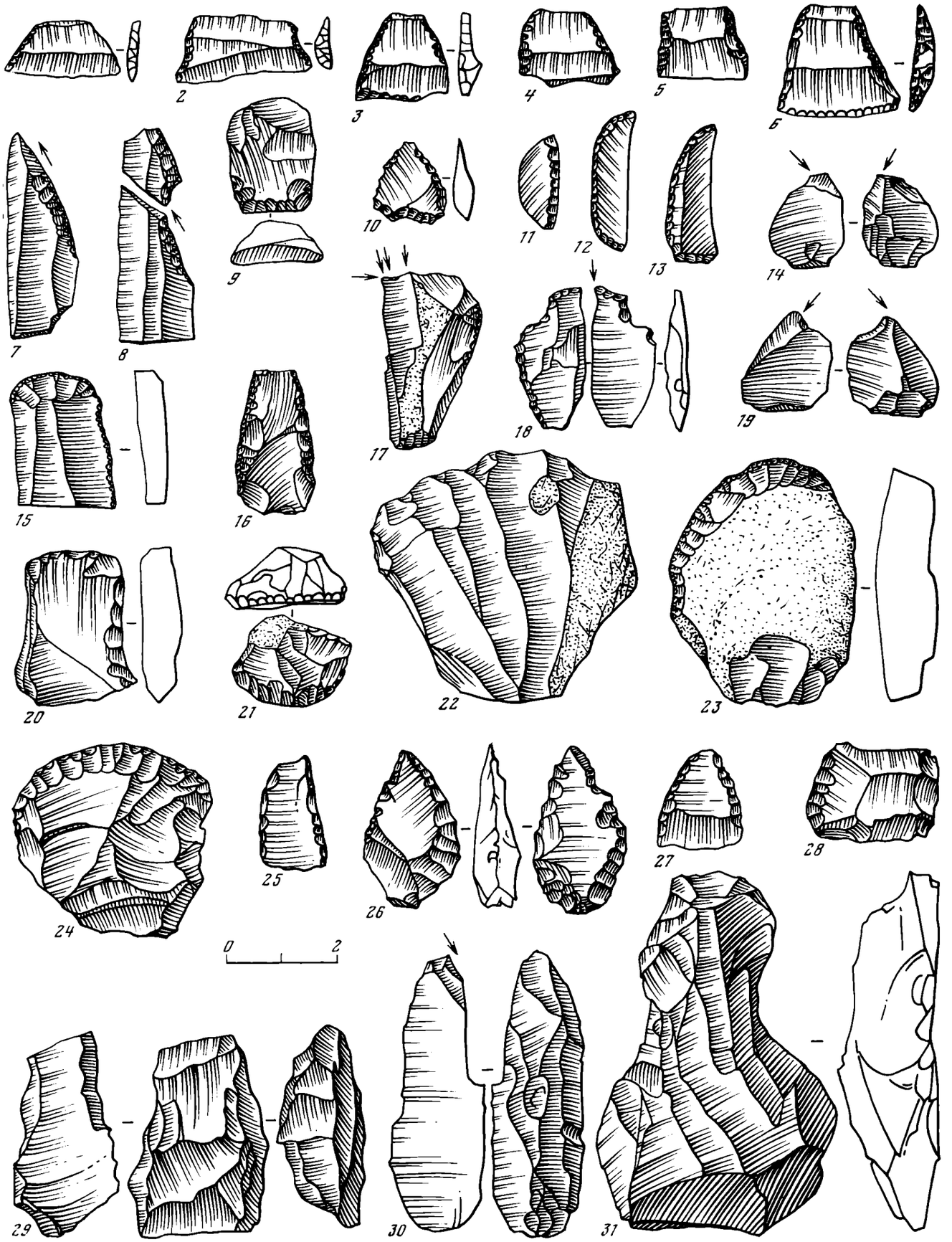

Табл. 77. Кремневые изделия рудоостровского (*5*, *7*, *8*, *14—17*, *19*, *22*, *23*) и загайского (*1—4*, *6*, *9—13*, *18*, *20*, *21*) вариантов днепро-припятской культуры и типа Народичи (*24—32*) на Волыни и в Киевском Поднепровье

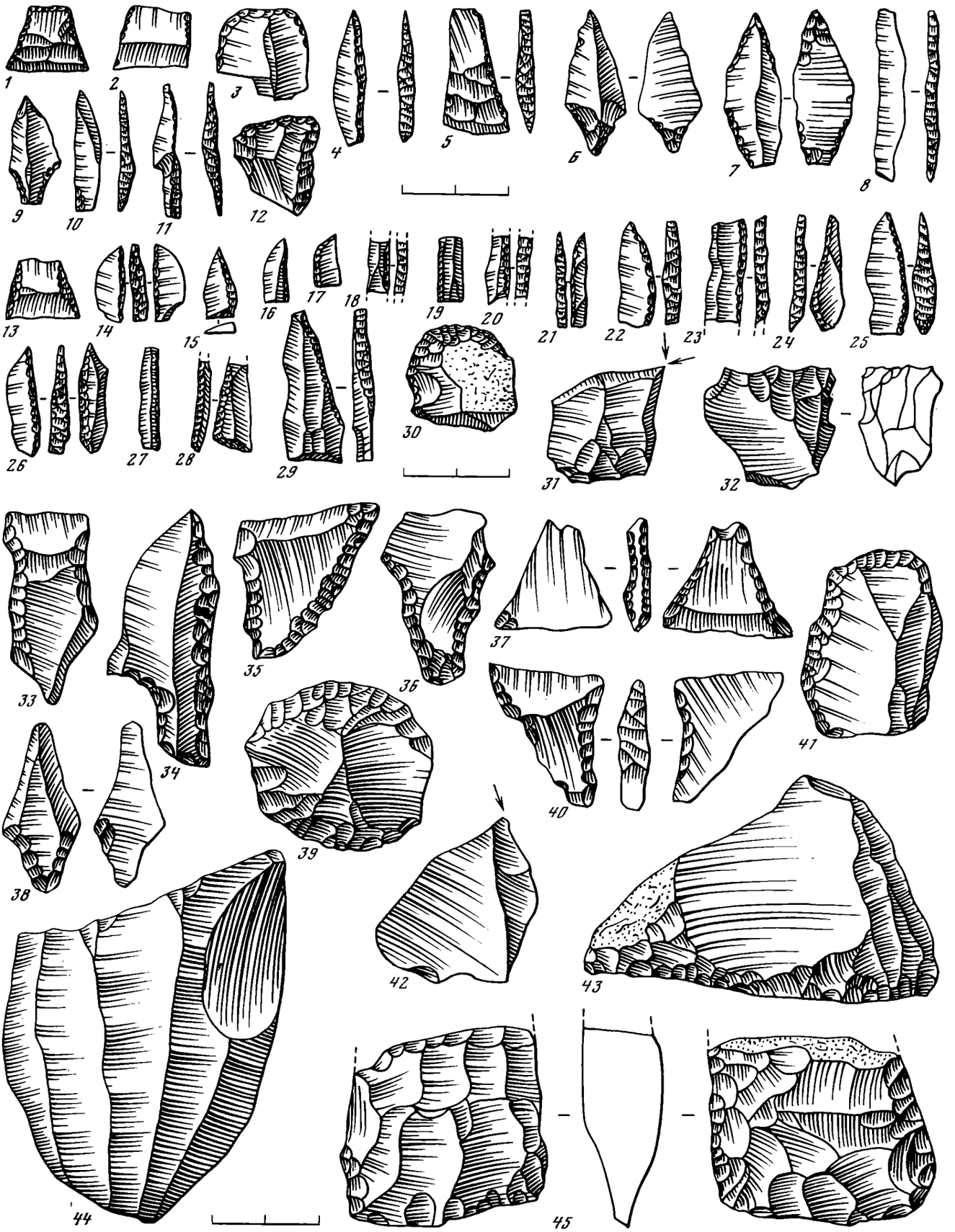

Табл. 78. Кремневые изделия кудлаевского типа и типа Песочного Рва на Десне

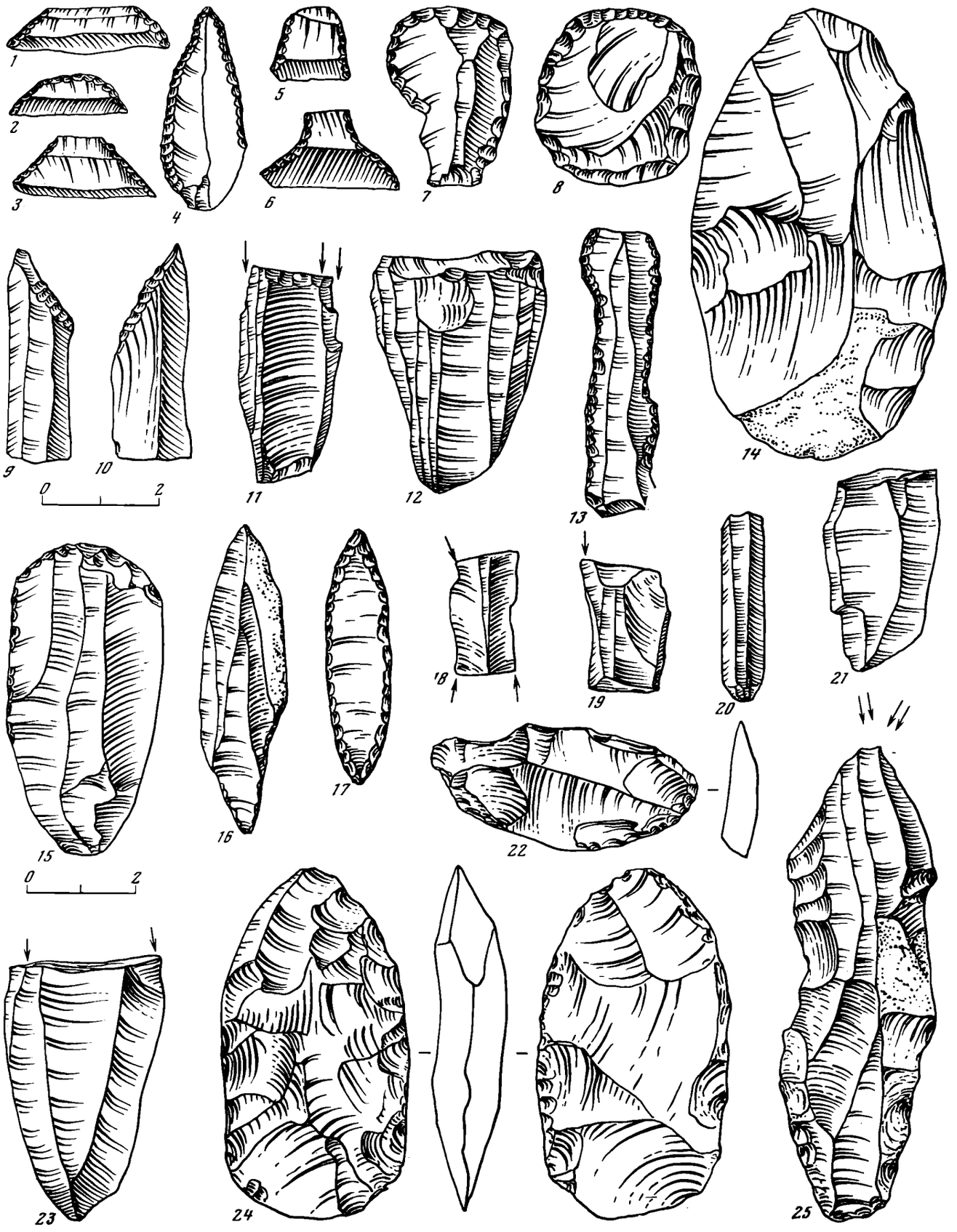

Табл. 79. Микро-макролитические кремневые изделия донецкой культуры райгородского и дробышевского этапов

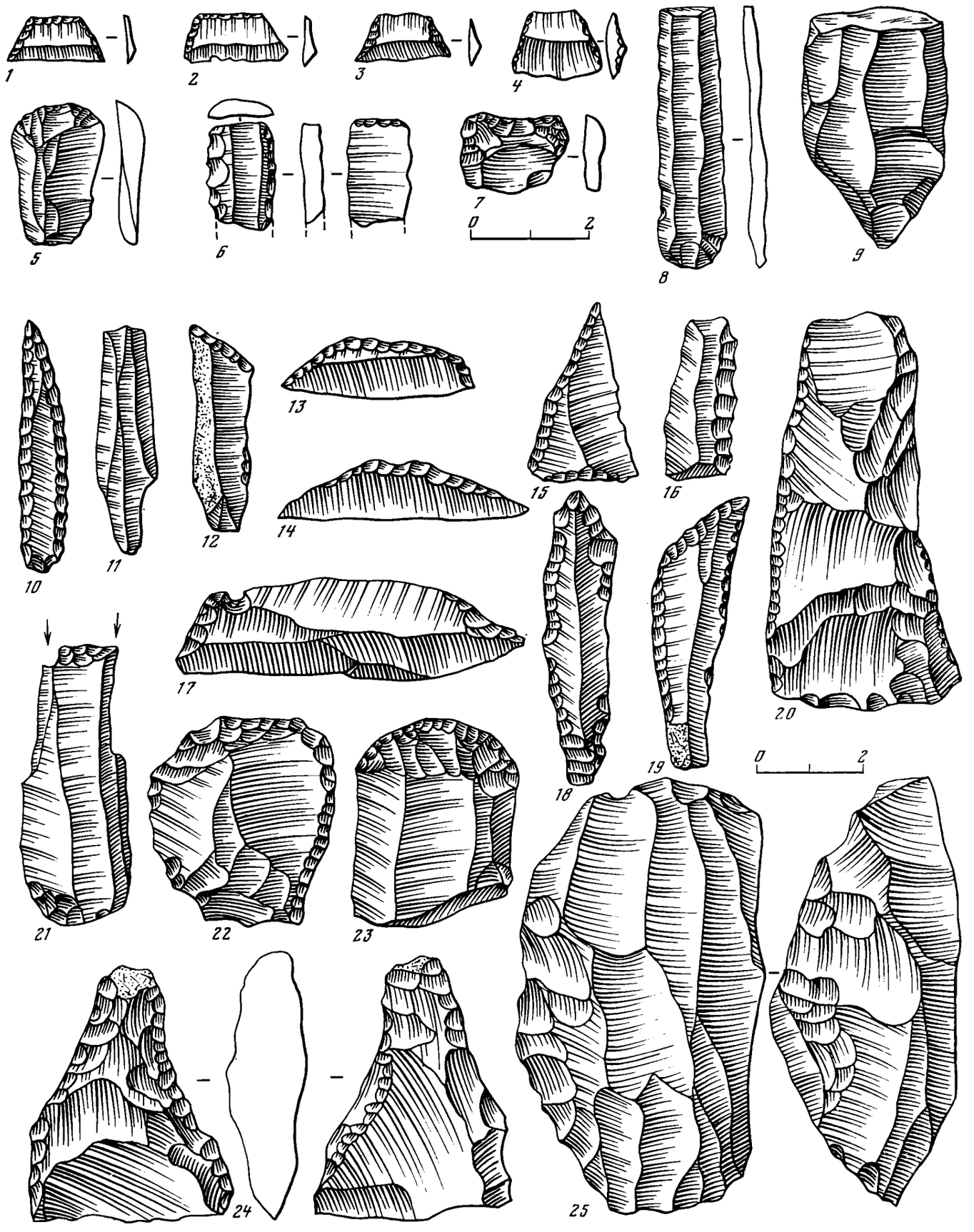

Табл. 80. Кремневые изделия эпохи мезолита Поднестровья оселивского и сорокского типов

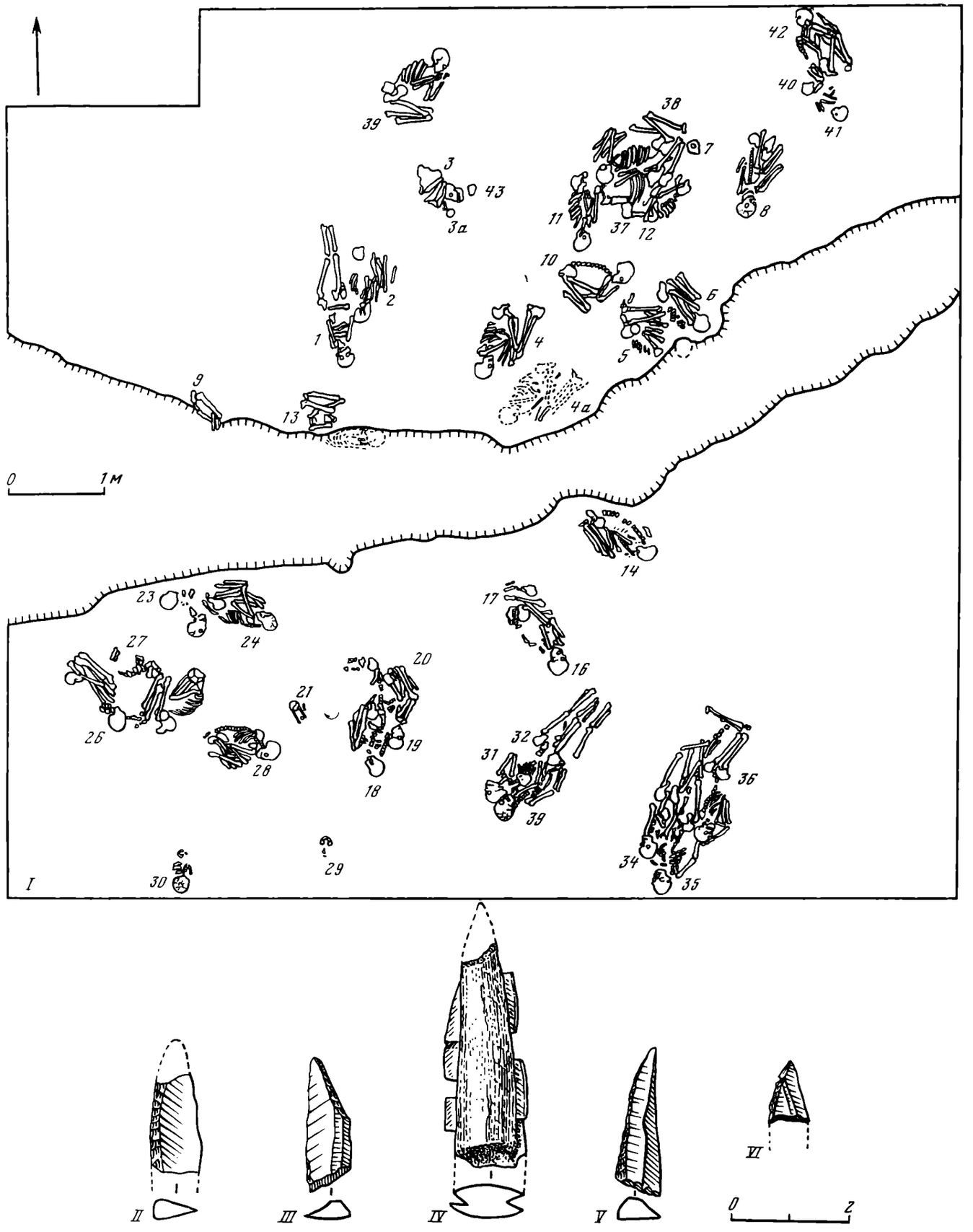

Табл. 81. План расположения погребений могильника Васильевский III (*1*) и сопровождающий инвентарь (*2—6*)

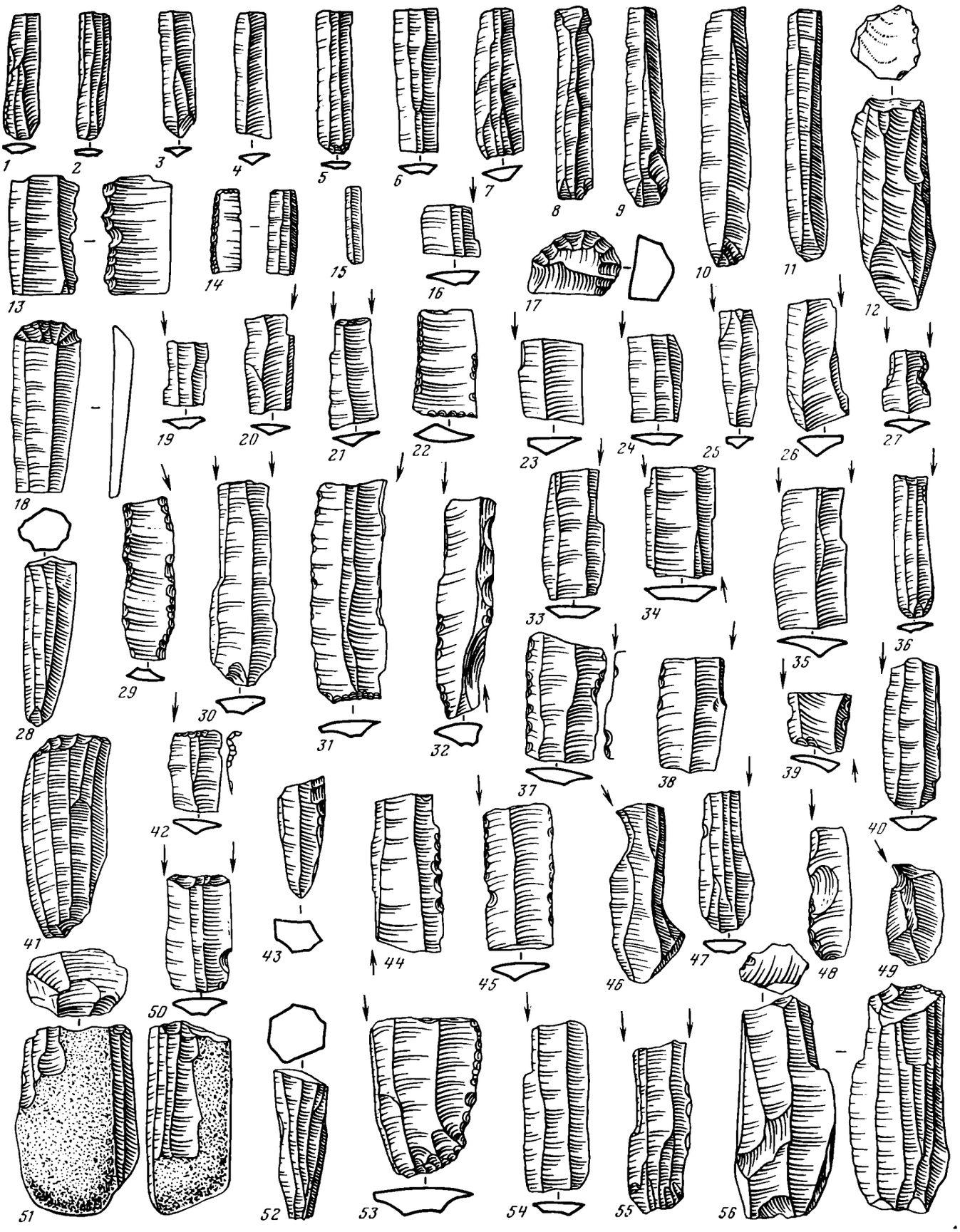

Табл. 82. Среднее Приуралье. Памятники I группы. Кремневые изделия на ножевидных пластинах

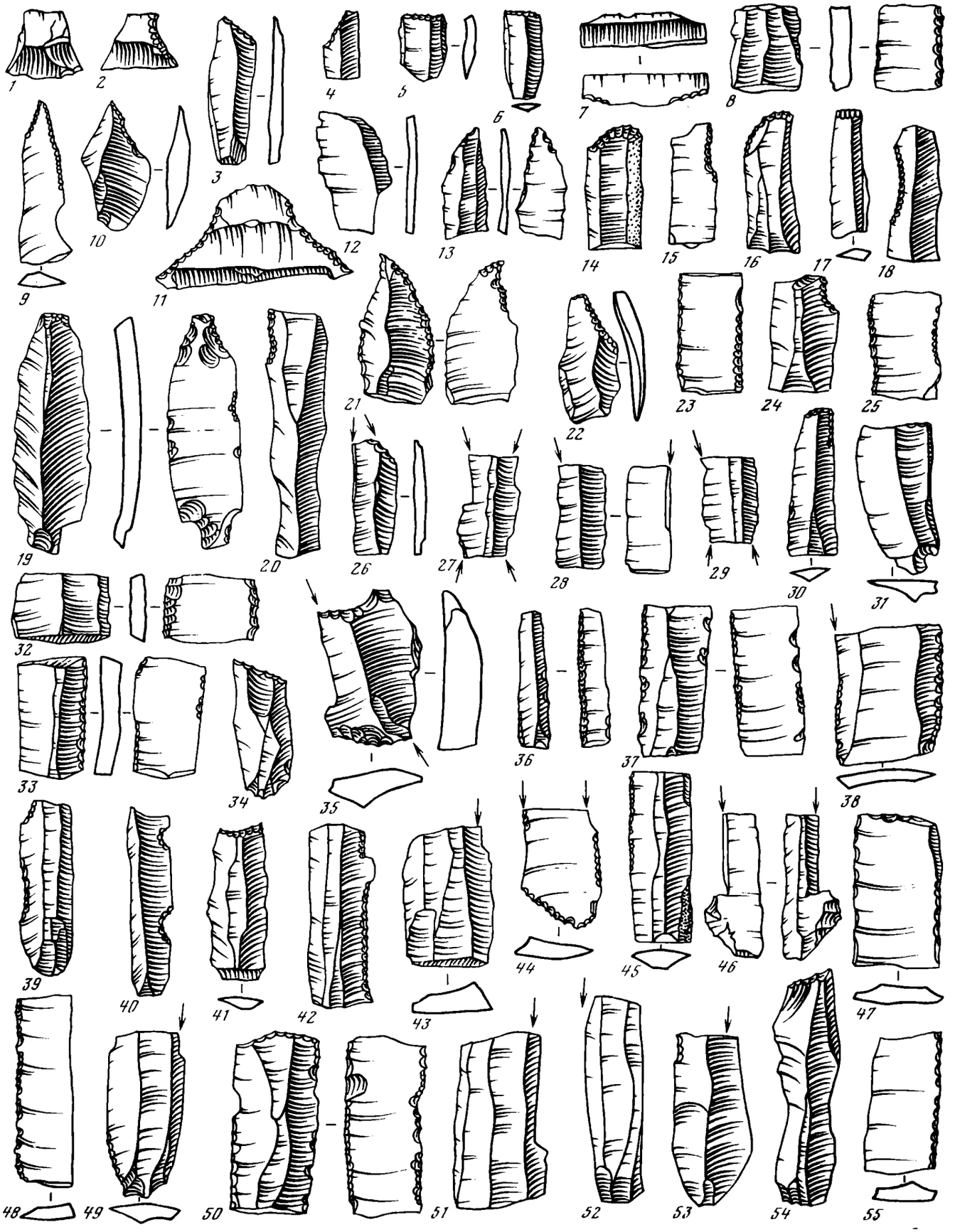

Табл. 83. Среднее Приуралье. Памятники II группы. Кремневые изделия на ножевидных пластинах

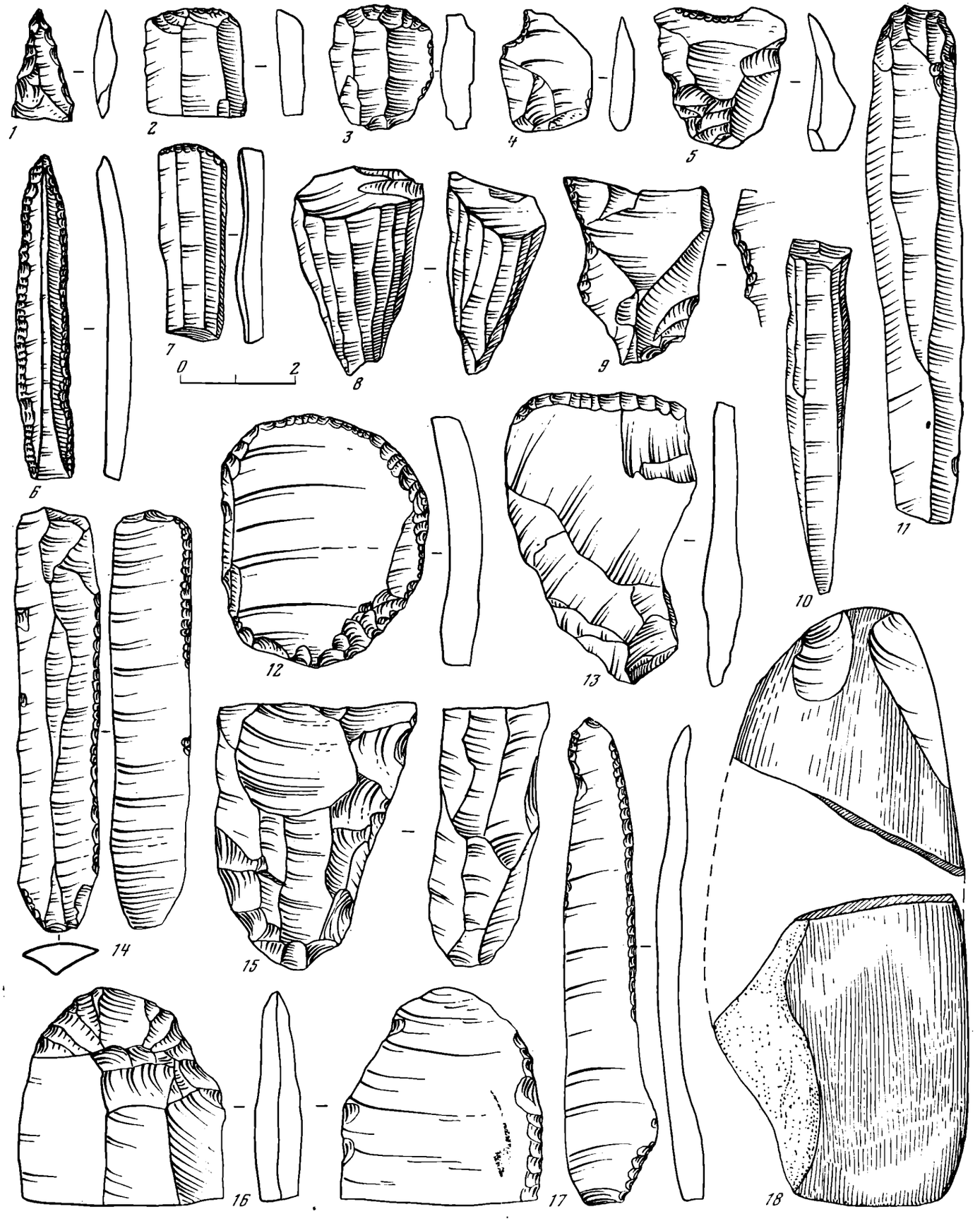

Табл. 84. Среднее Приуралье. Памятники II группы. Кремневые изделия на пожевидных пластинках и отщепах

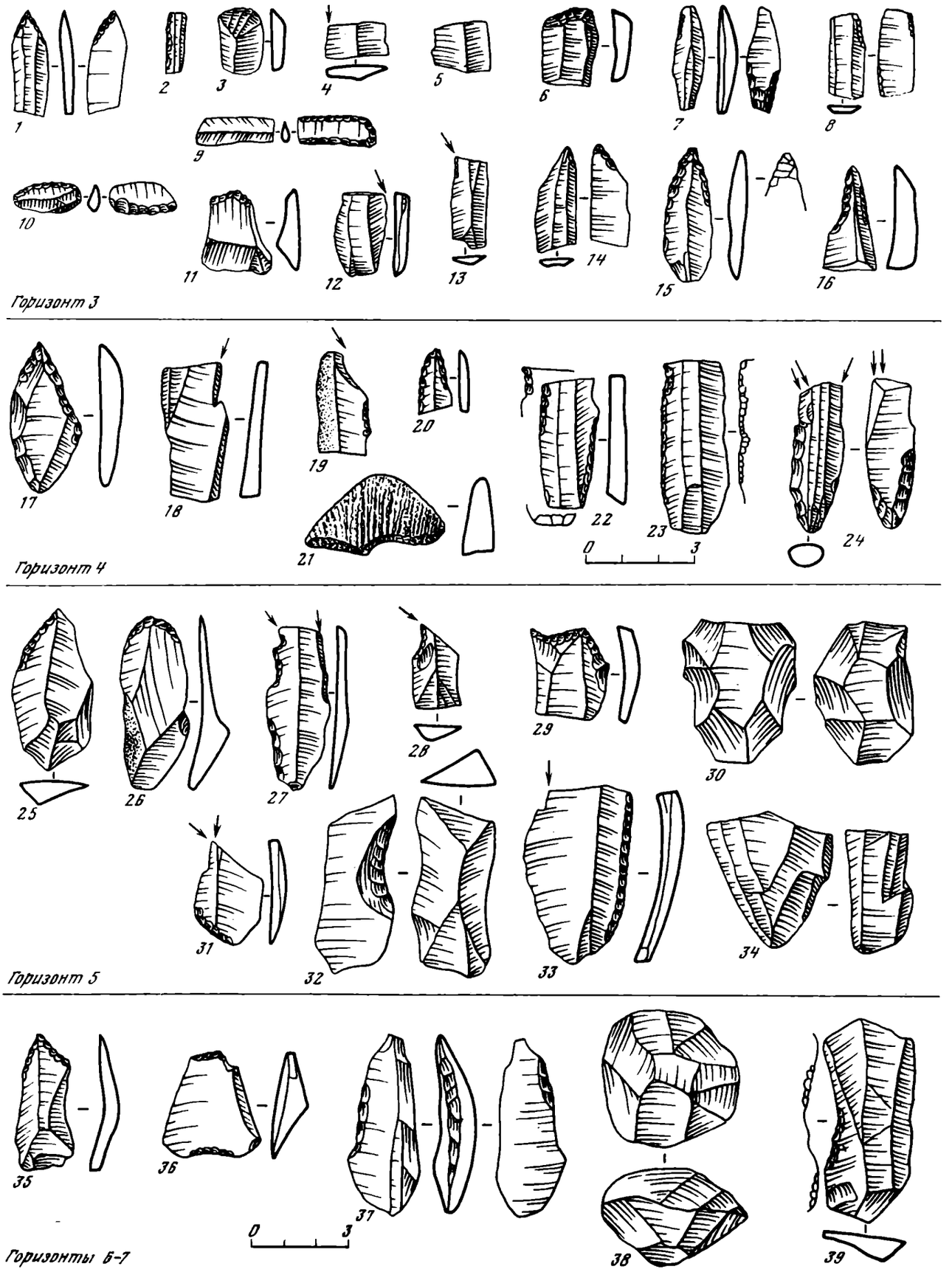

Табл. 85. Стоянка Ильмурзино. Стратиграфическое распредление каменного инвентаря

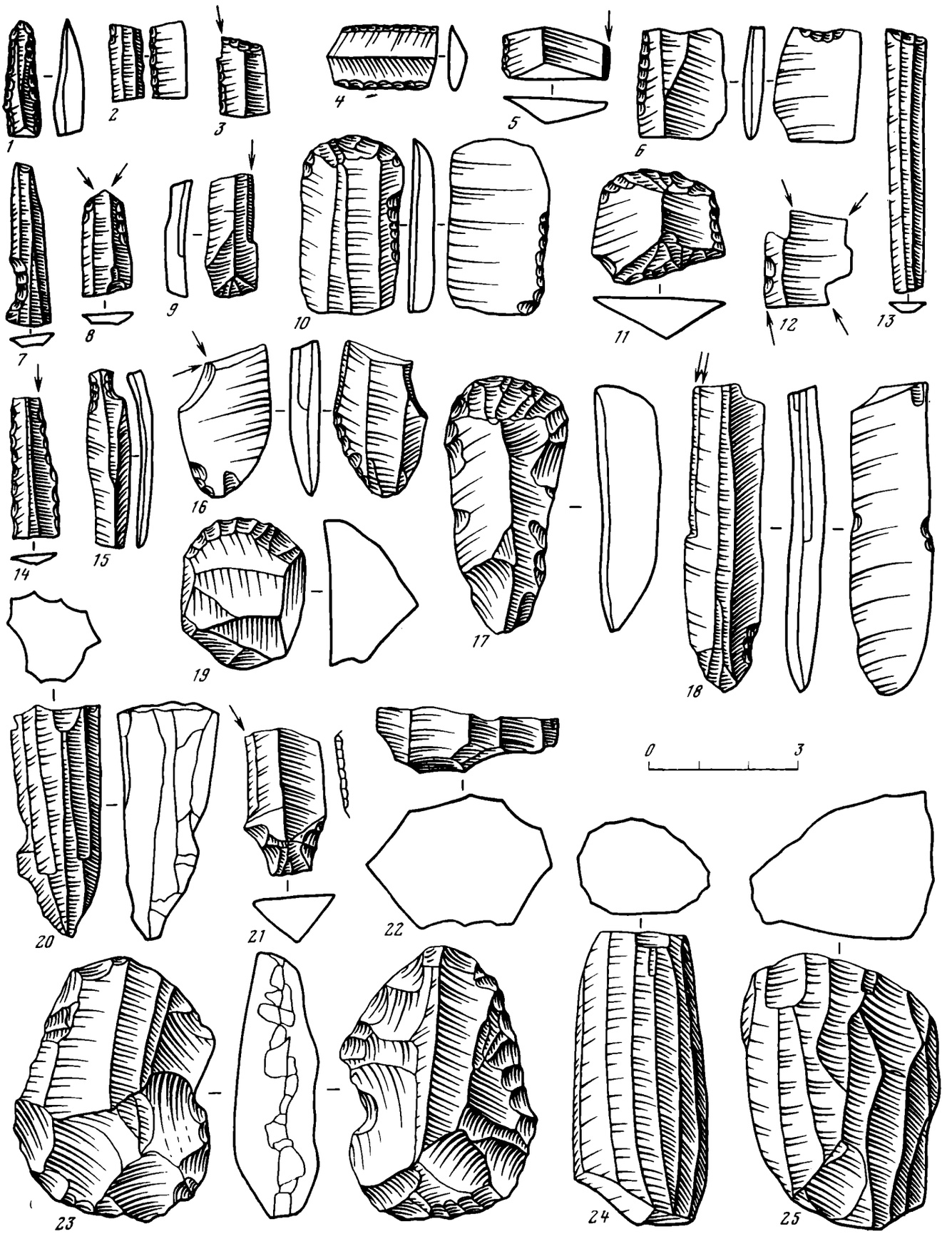

Табл. 86. Стоянка Романовка II. Кремневый инвентарь

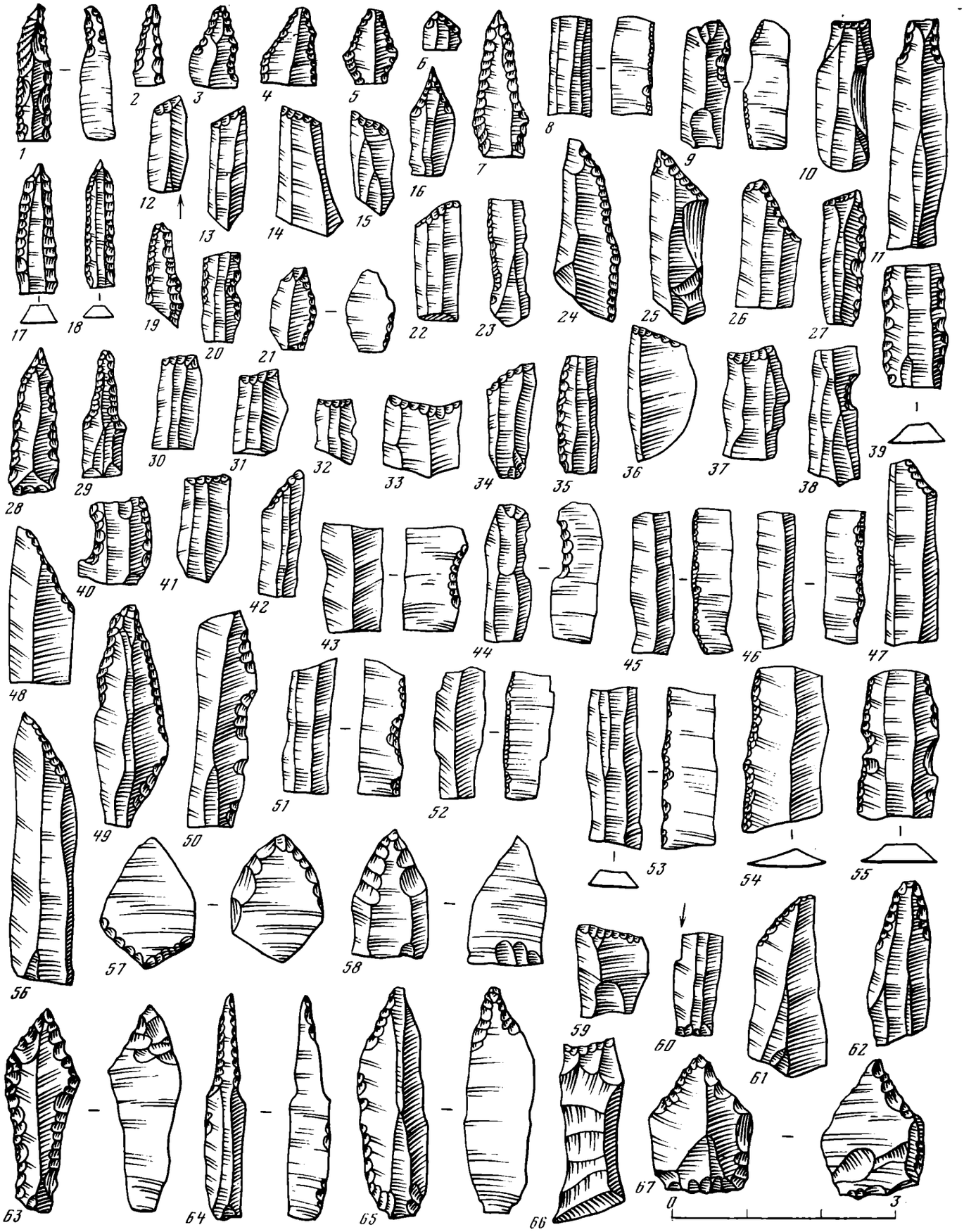

Табл. 87. Среднее Зауралье. Кремневые орудия на ножевидных пластинах

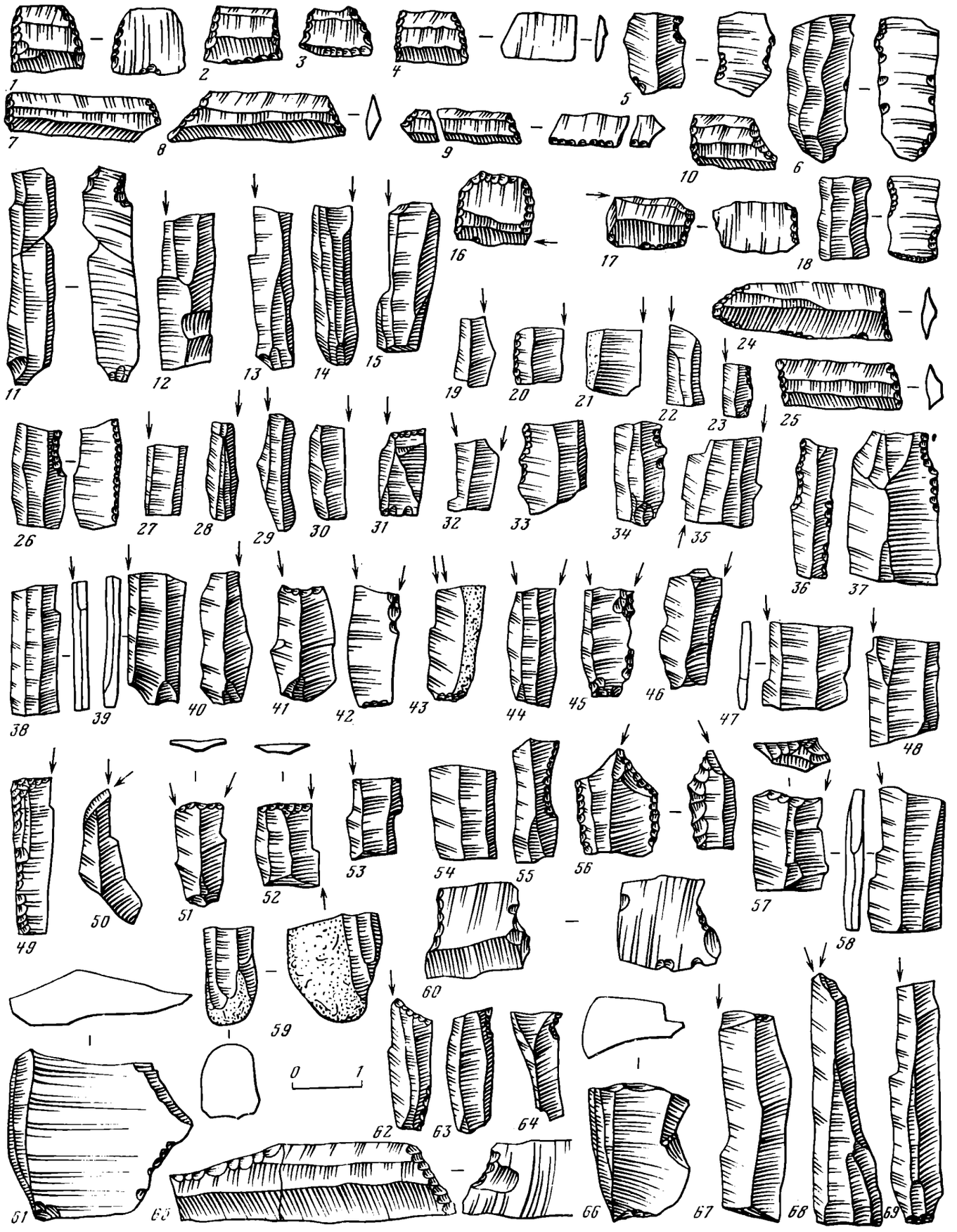

Табл. 88. Среднее Зауралье. Кремневые орудия на ножевидных пластинах

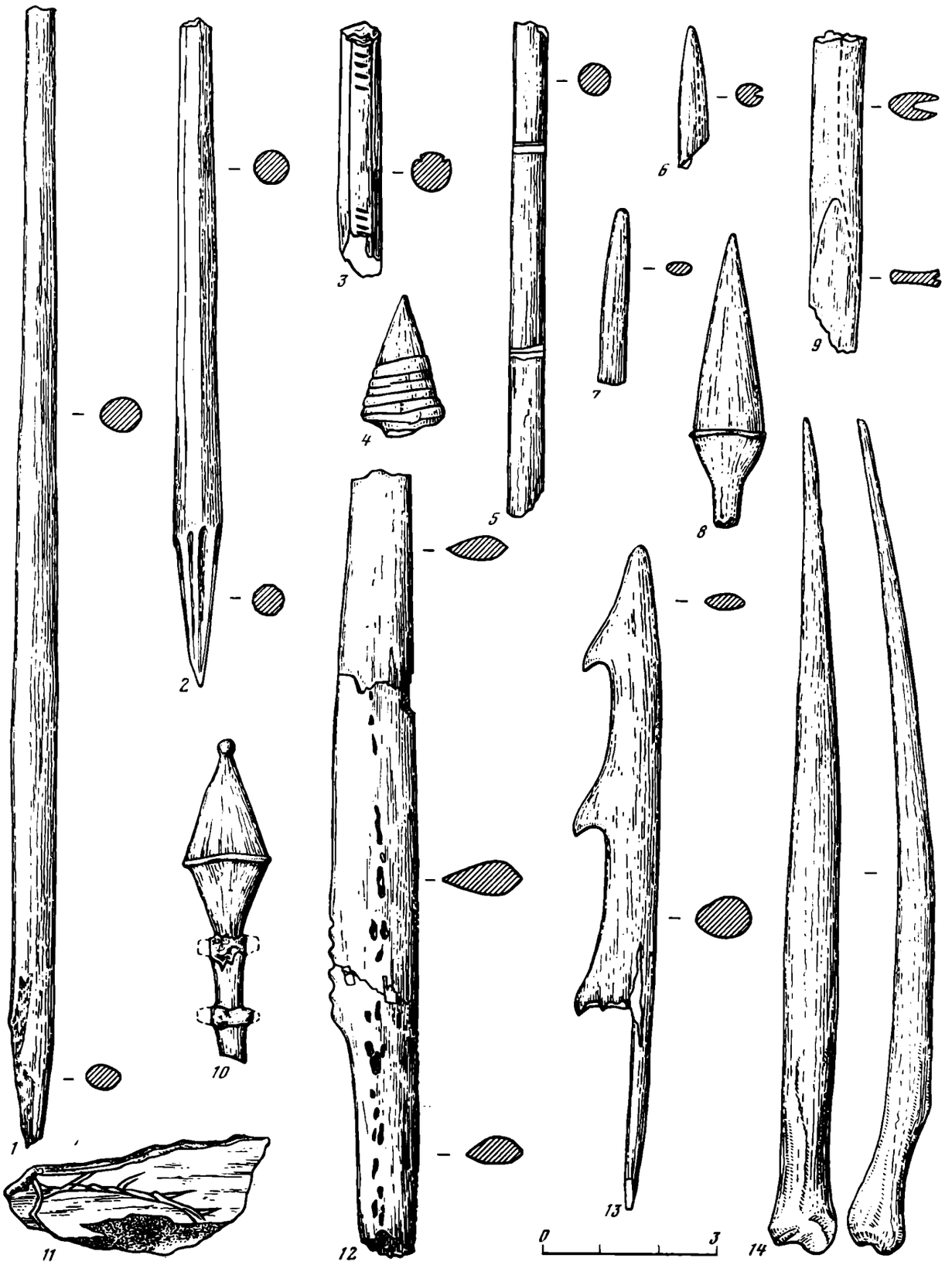

Табл. 89. Среднее Зауралье. Стоянка Кокшаровско-Юрьинская. Изделия из кости

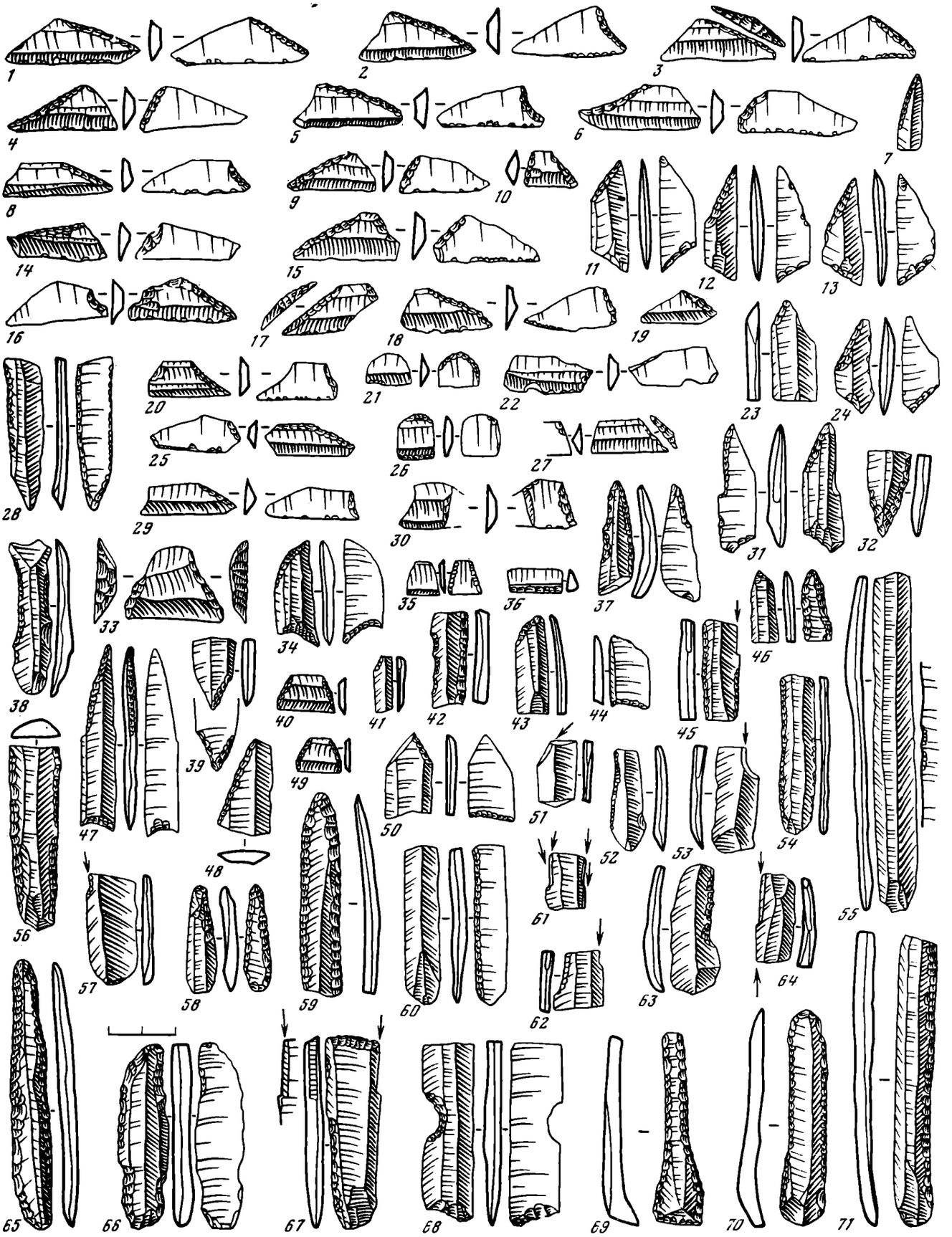

Табл. 90. Стоянка Янгелька. Кремневый инвентарь

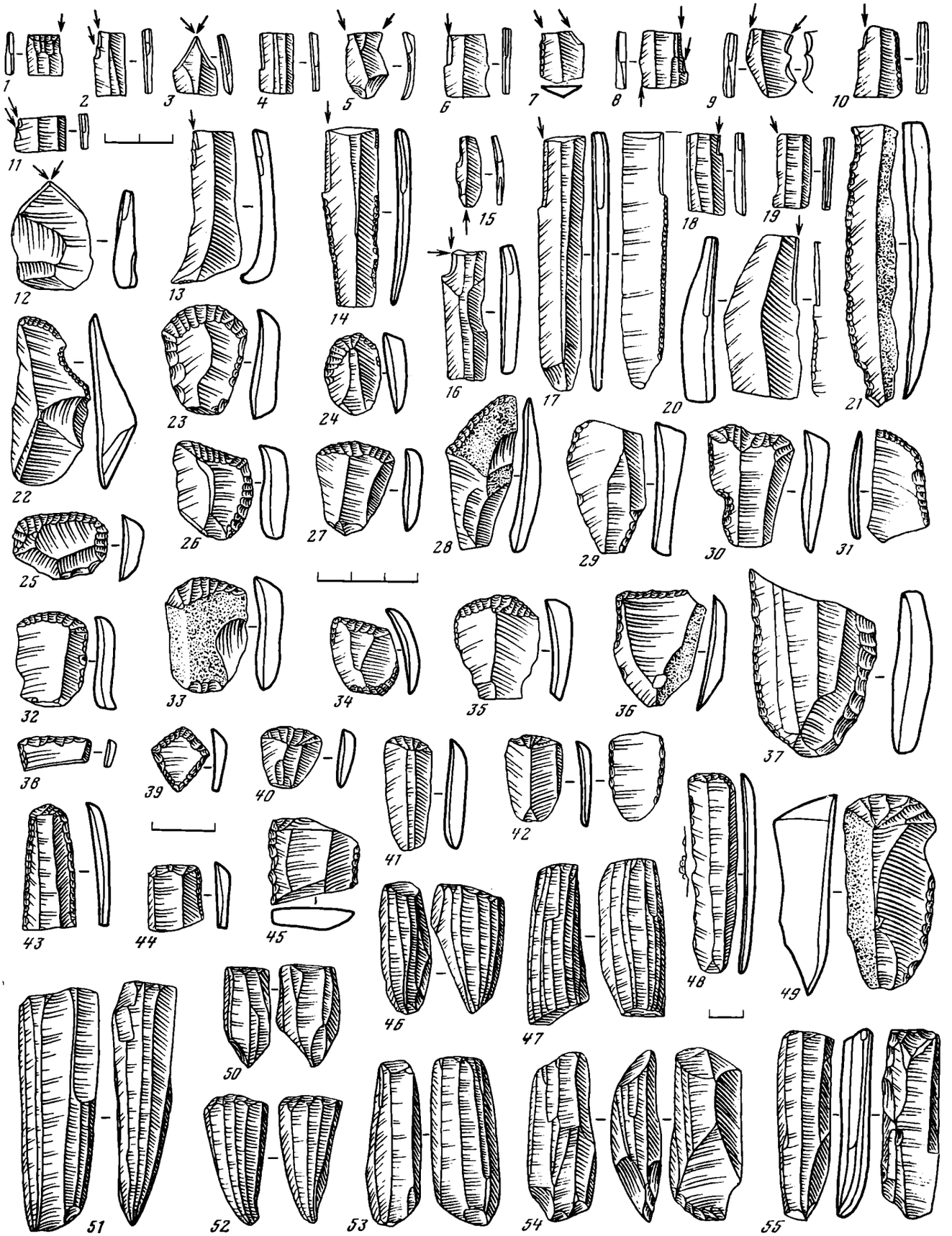

Табл. 91. Стоянка Янгелька. Кремневый инвентарь

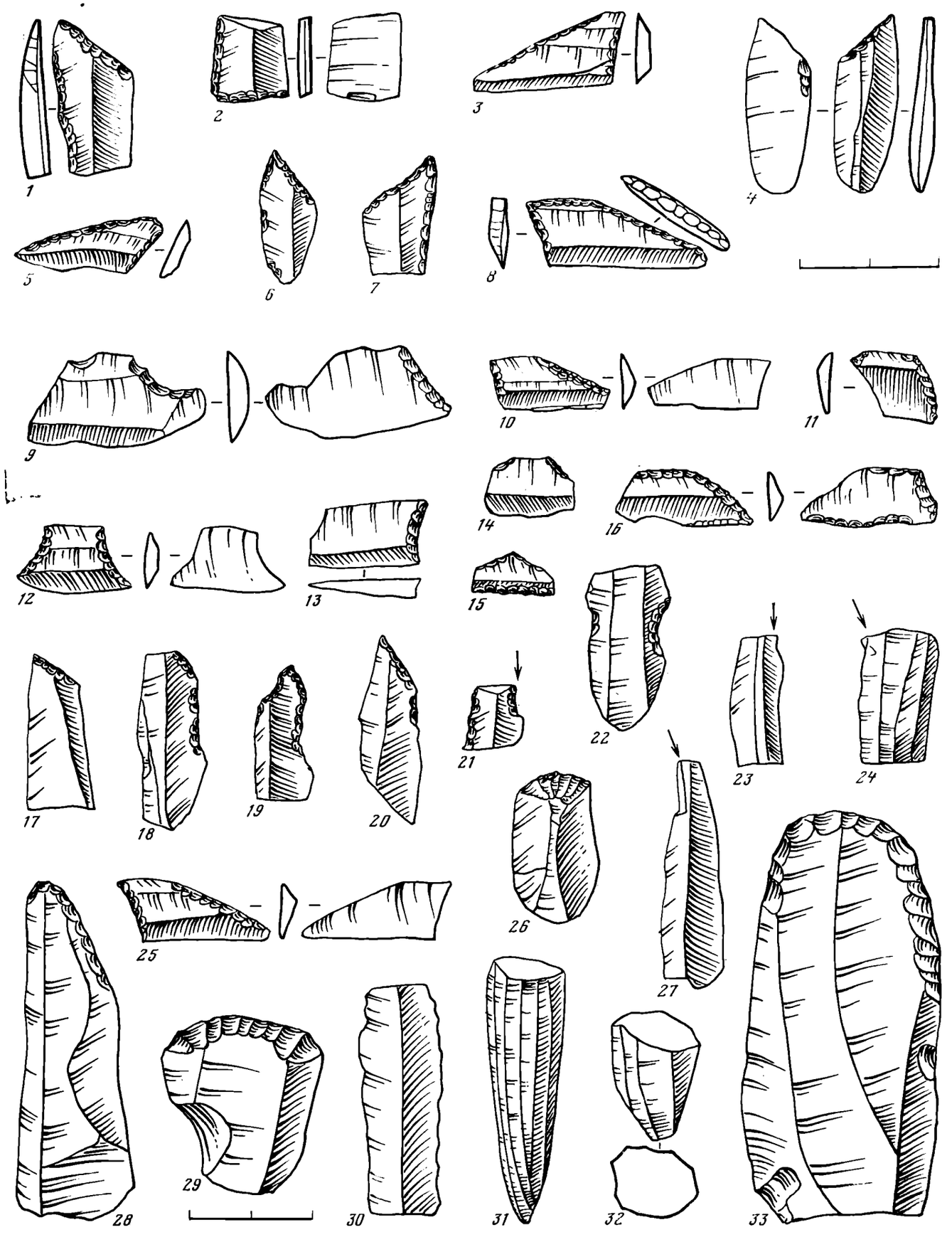

Табл. 92. Стоянка Долгий Ельник II. Кремневый инвентарь

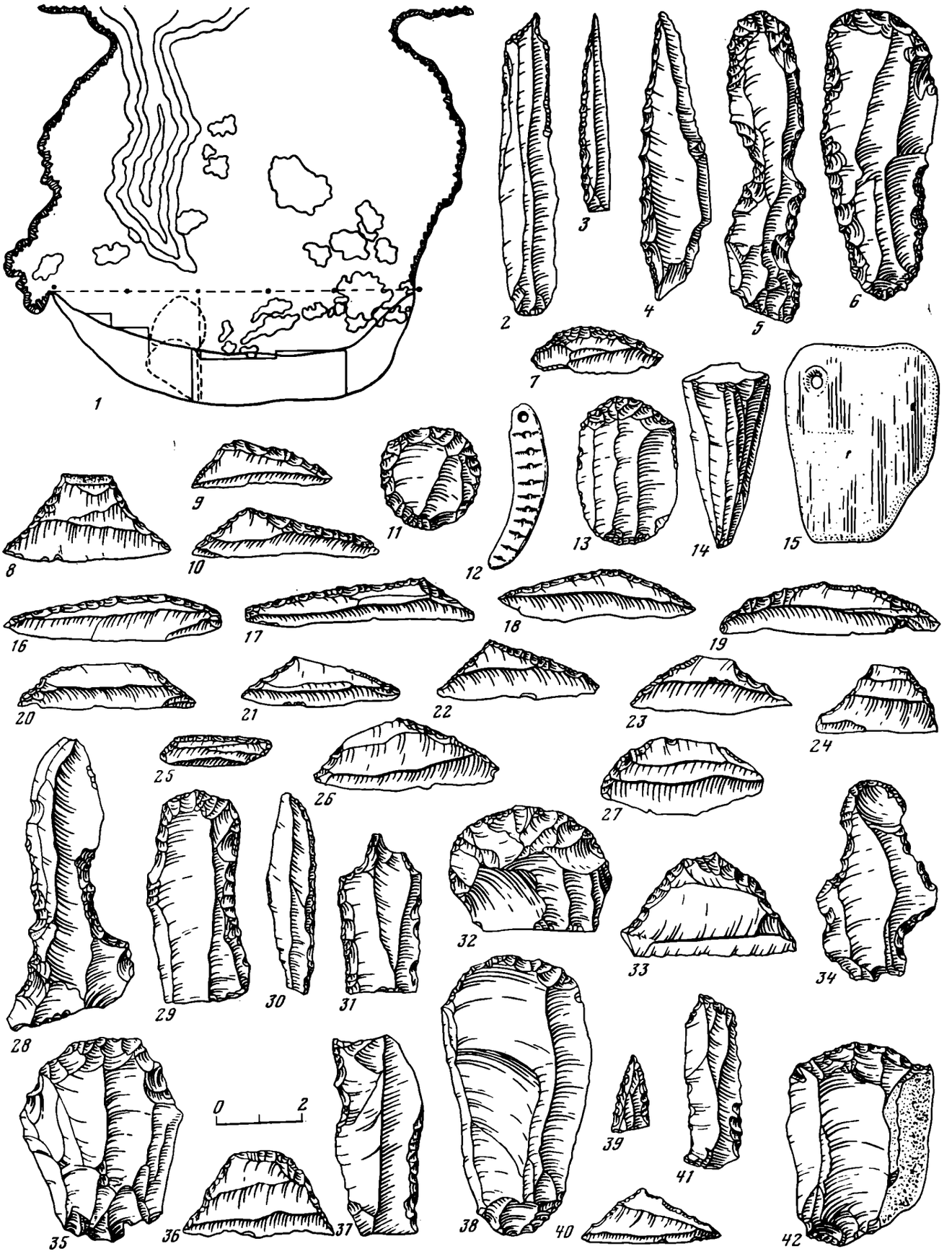

Табл. 93. Мезолит Восточного Прикаспия. Пещера Дам-Дам-Чешме 2. План пещеры и схема раскопа, каменная индустрия

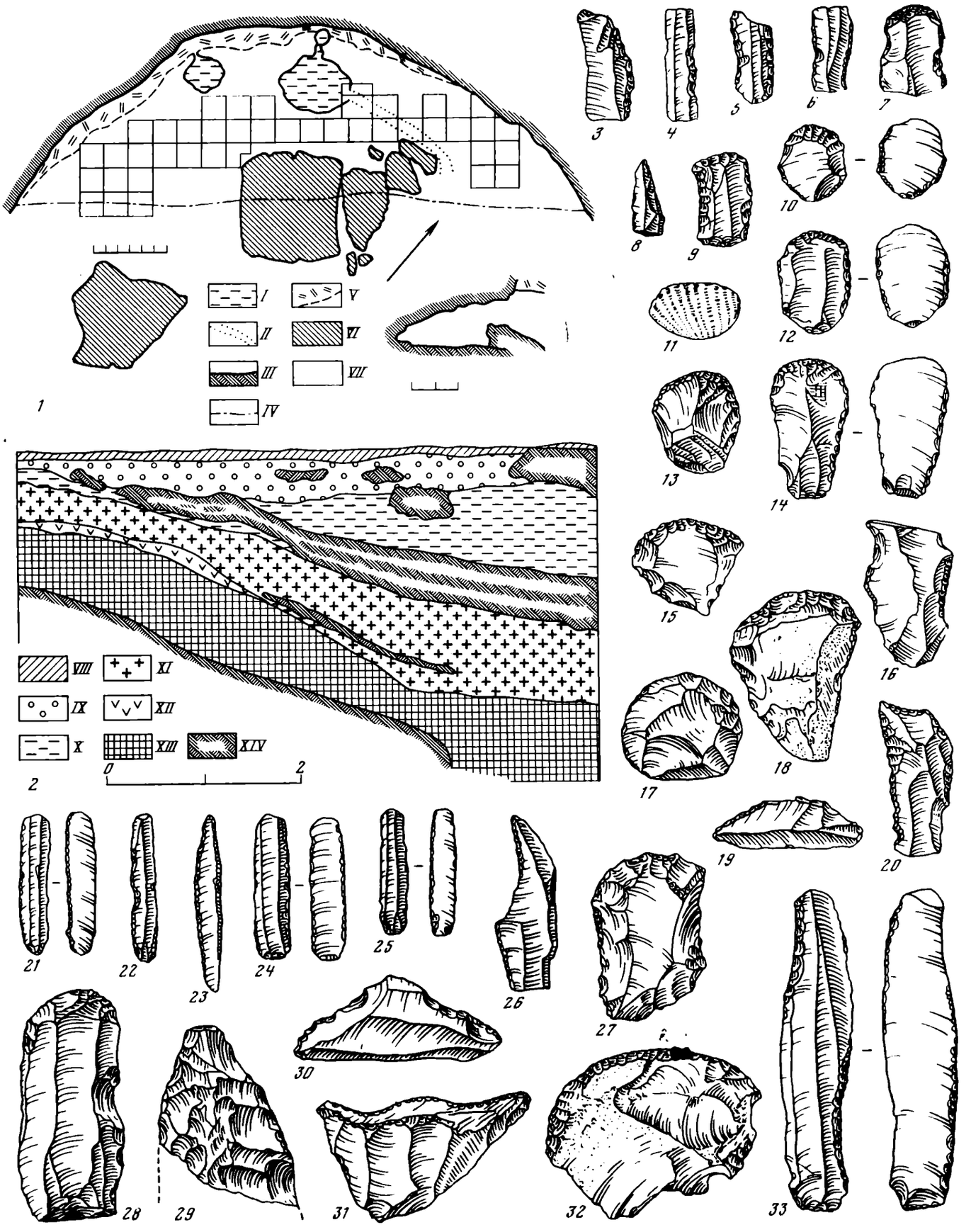

Табл. 94. Мезолит Восточного Прикаспия. Пещеры Джебел и Дам-Дам-Чешме 1. Каменная индустрия

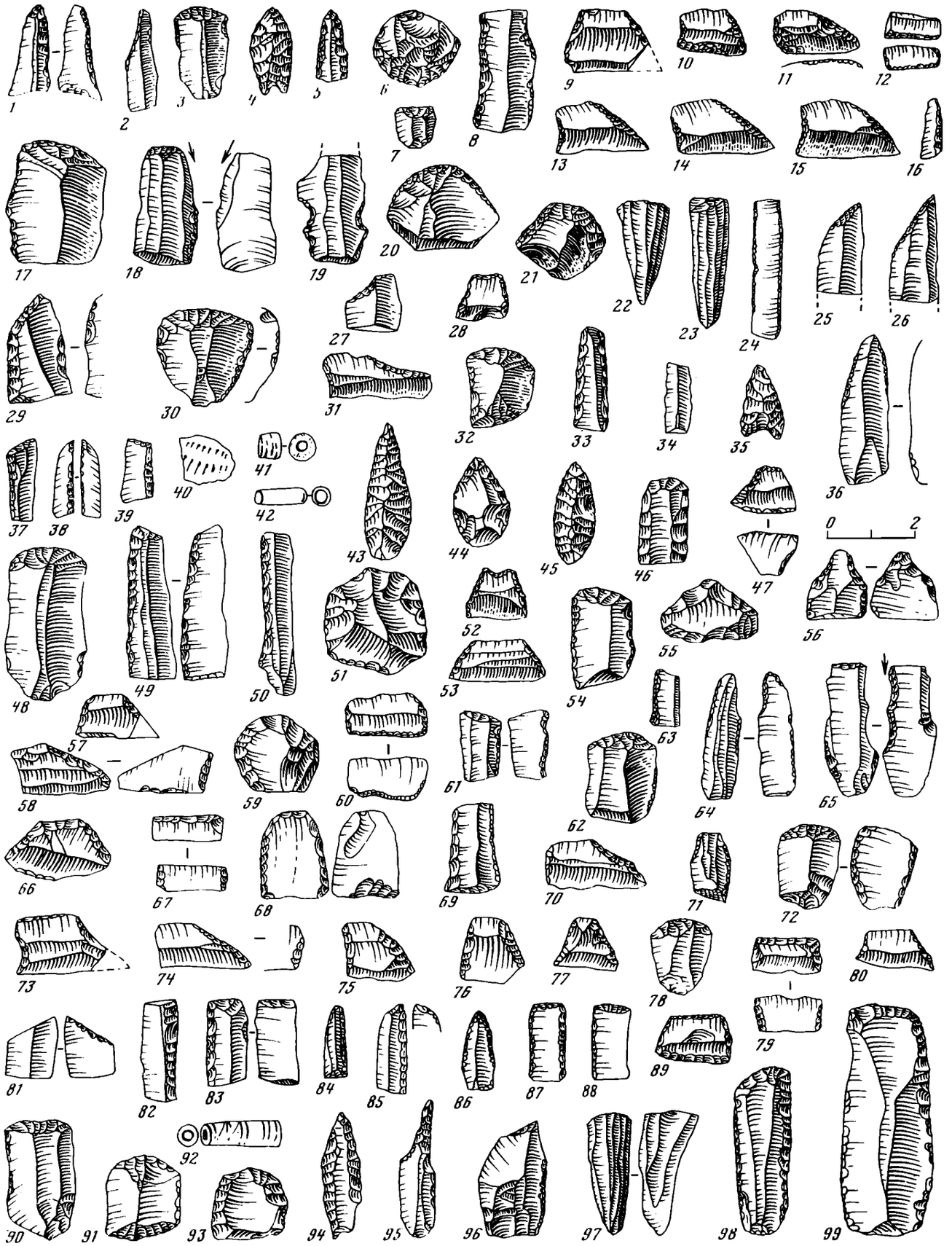

Табл. 95. Мезолит Устюрта и Прикарабугазья. Каменная индустрия

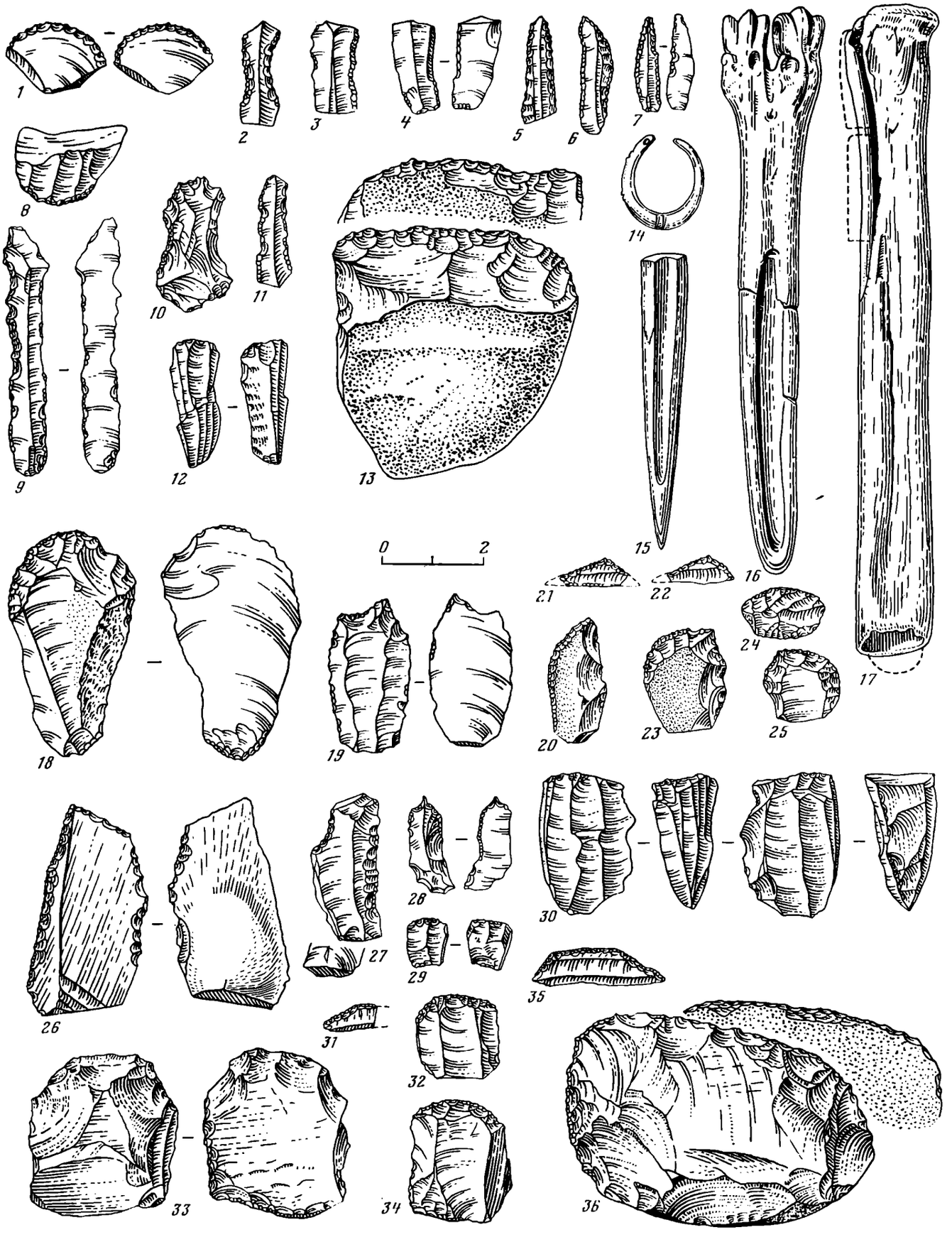

Табл. 96. Каменная индустрия восточных областей Средней Азии

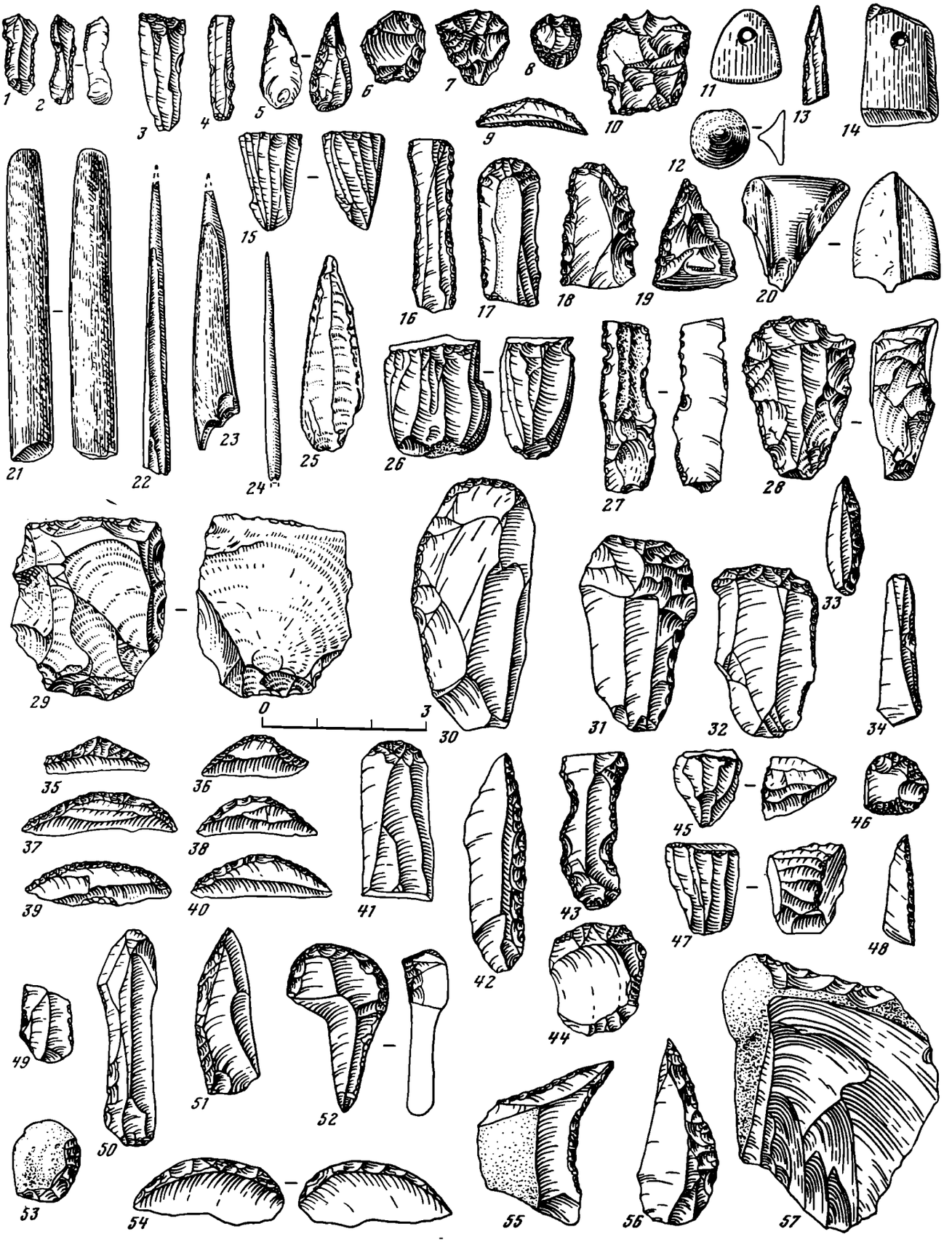

Табл. 97. Каменная индустрия обиширской культуры и близких ей памятников

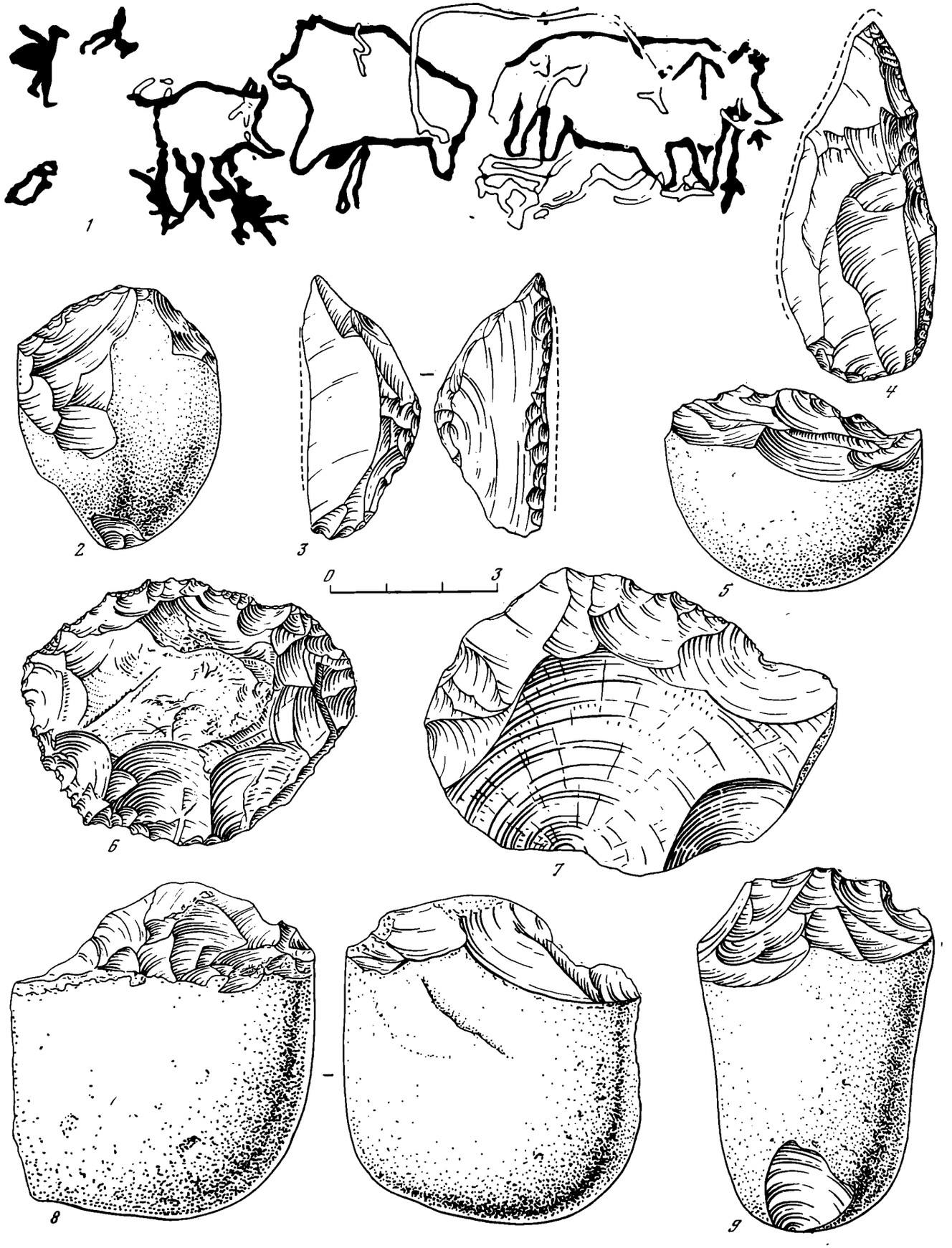

Табл. 98. Фрески грота Шахты (*1*) и галечные орудия Обишира 1, 5 и Туткаула, слоя 2а

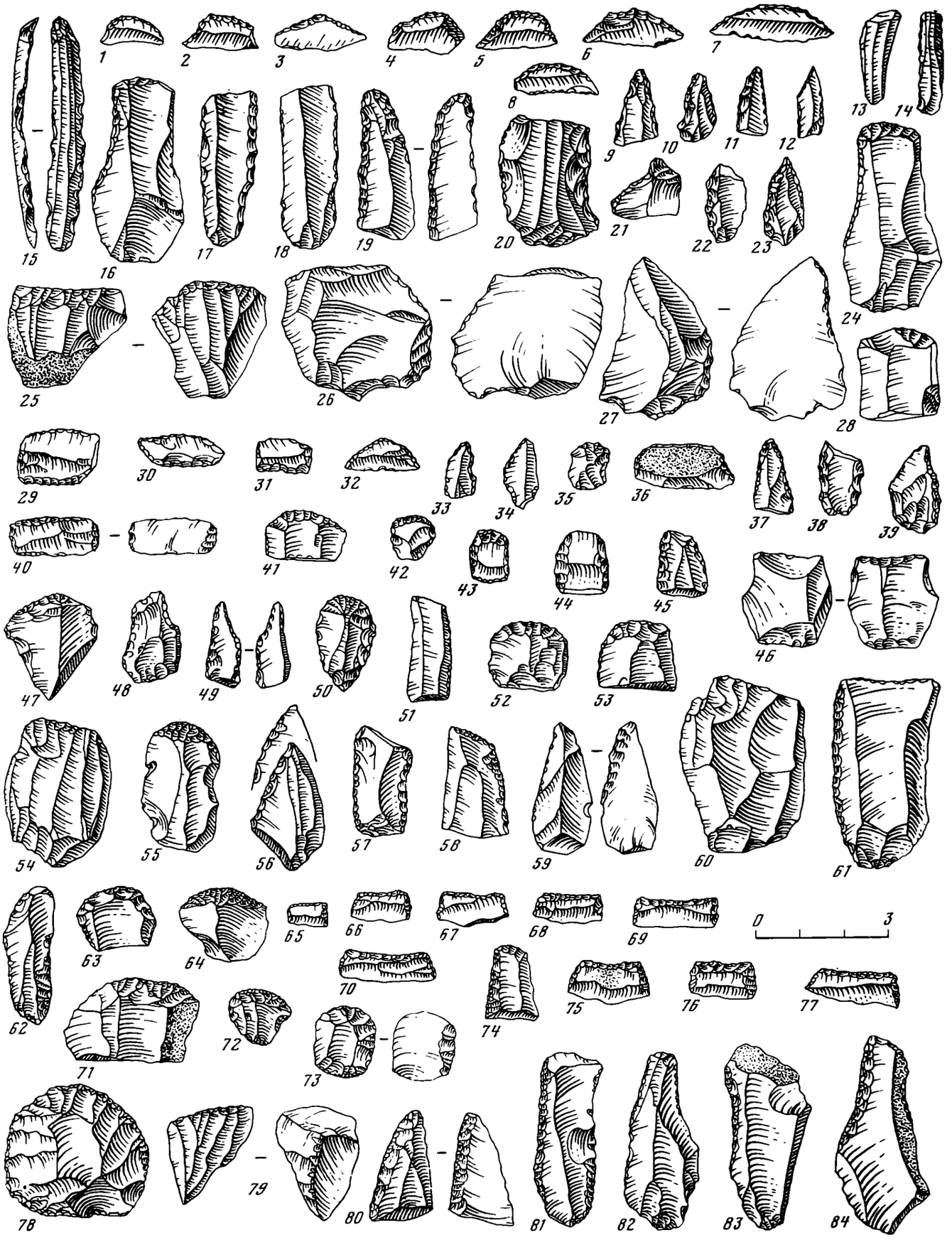

Табл. 99. Мезолит Таджикистана. Стоянки Оби-Киик, Чиль-Чор-Чашма и Туткаул, 3 слой. Каменная индустрия

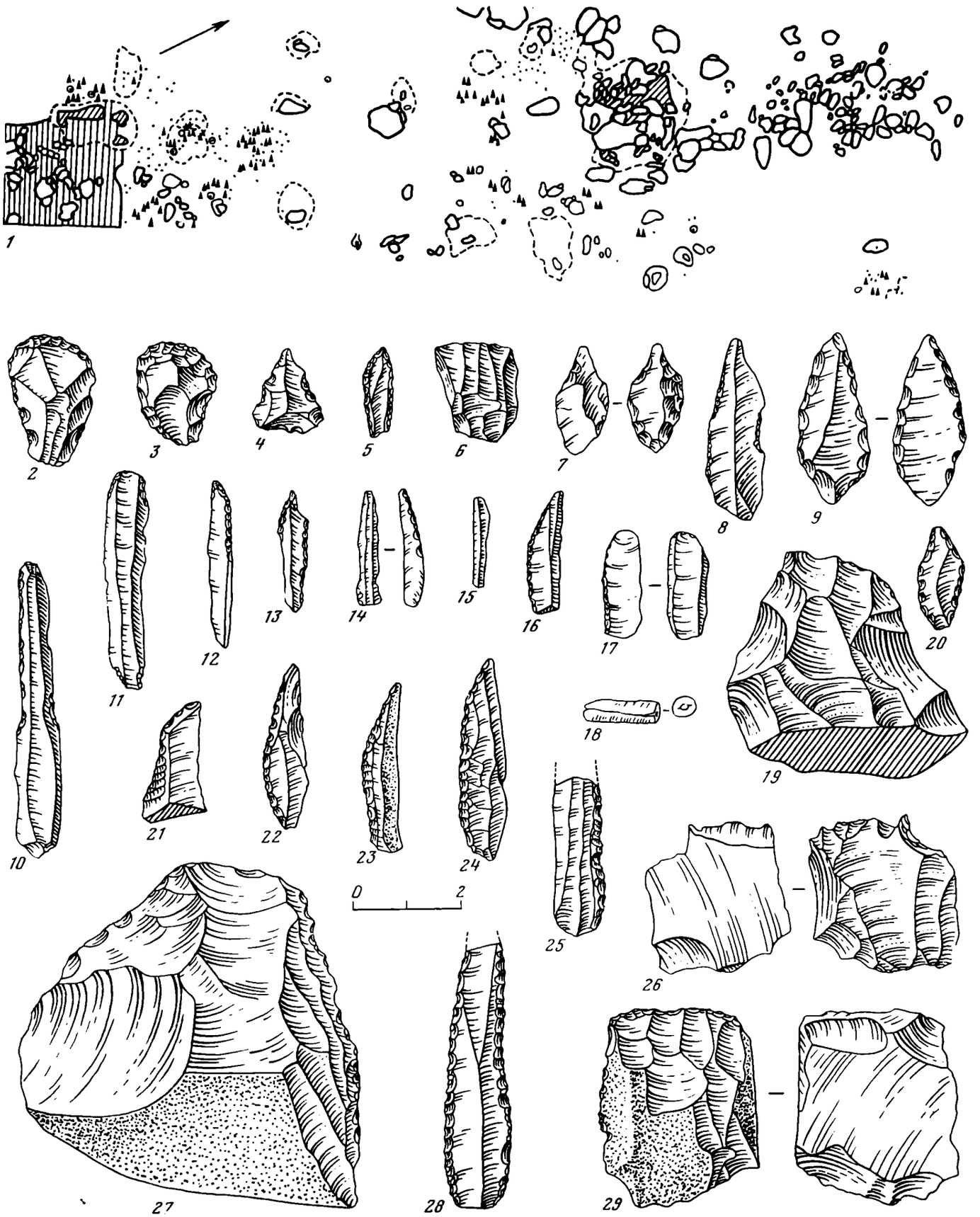

Табл. 100. Мезолит Памира. Маʼкансуйская культура. Каменная индустрия

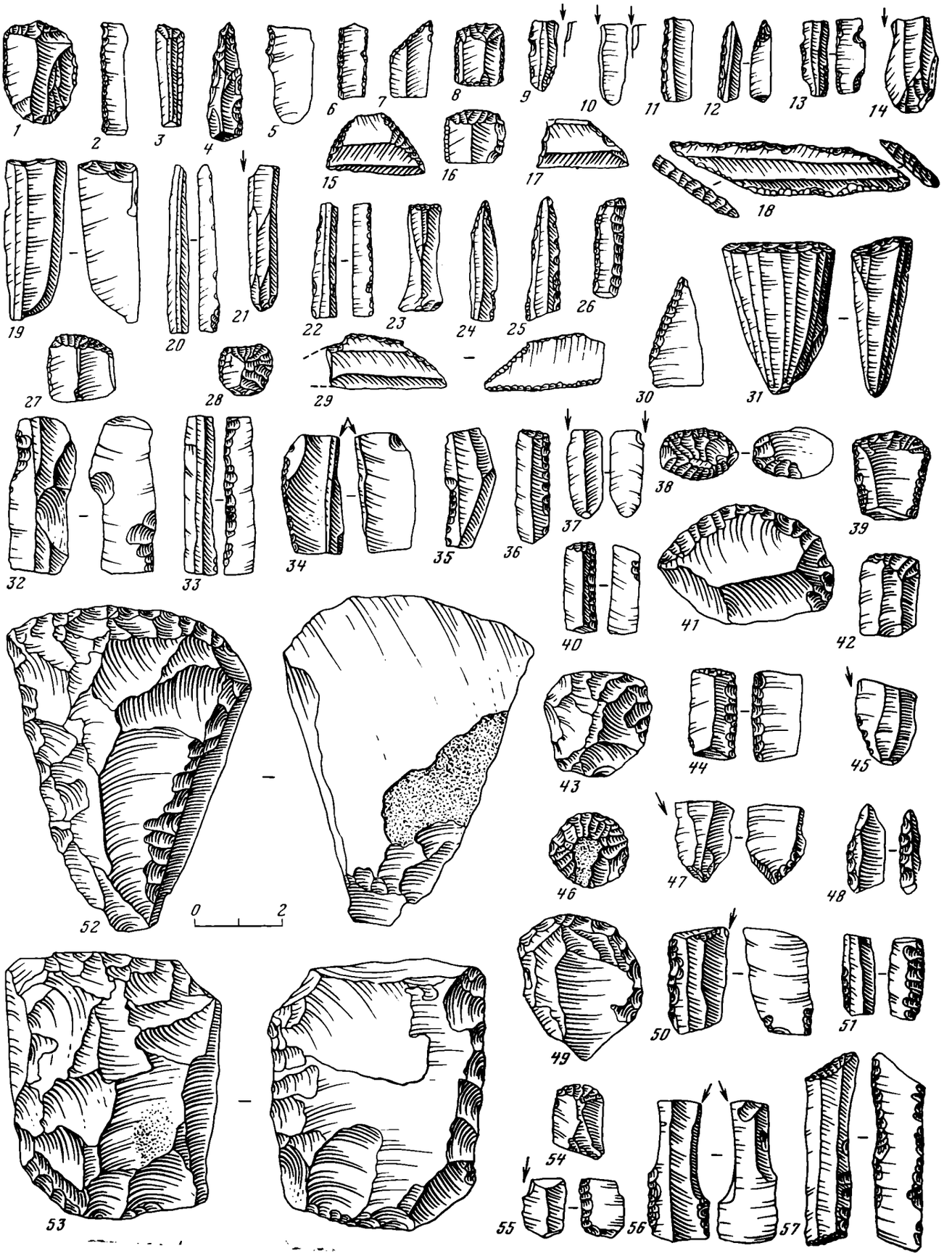

Табл. 101. Мезолит Казахстана. Каменная индустрия

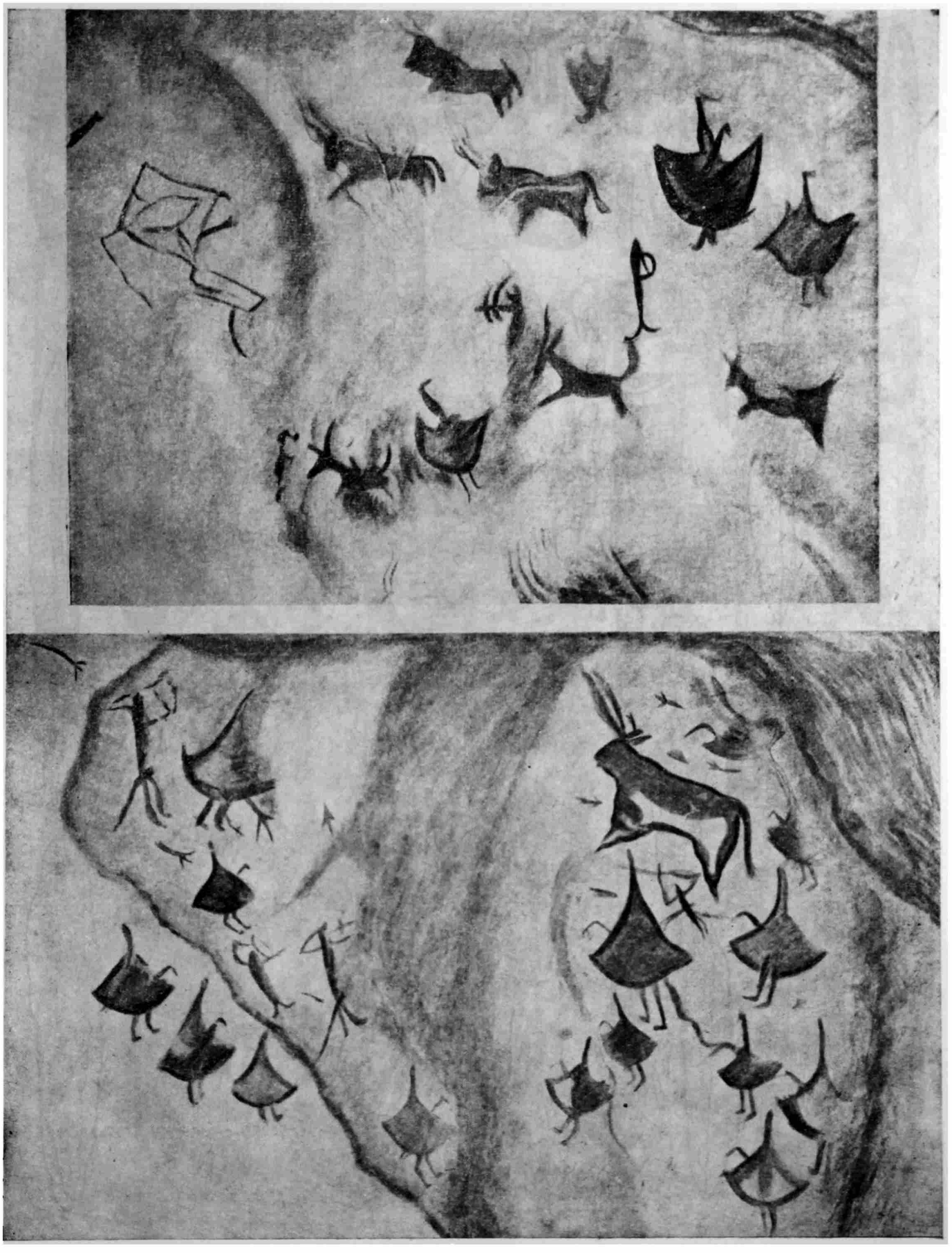

Табл. 102. Фрески Зараут-Сая

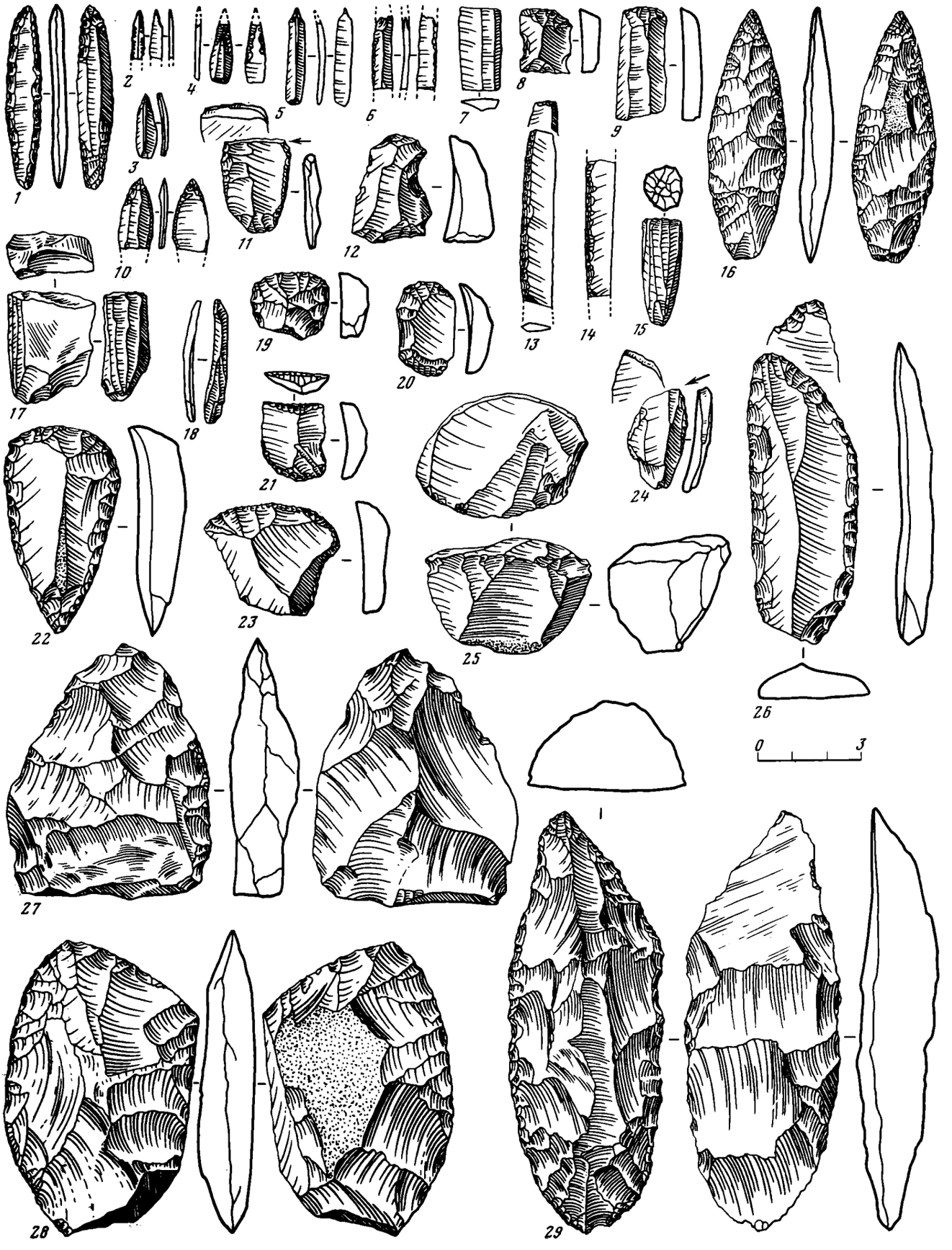

Табл. 103. Стоянка Усть-Белая. Каменный инвентарь

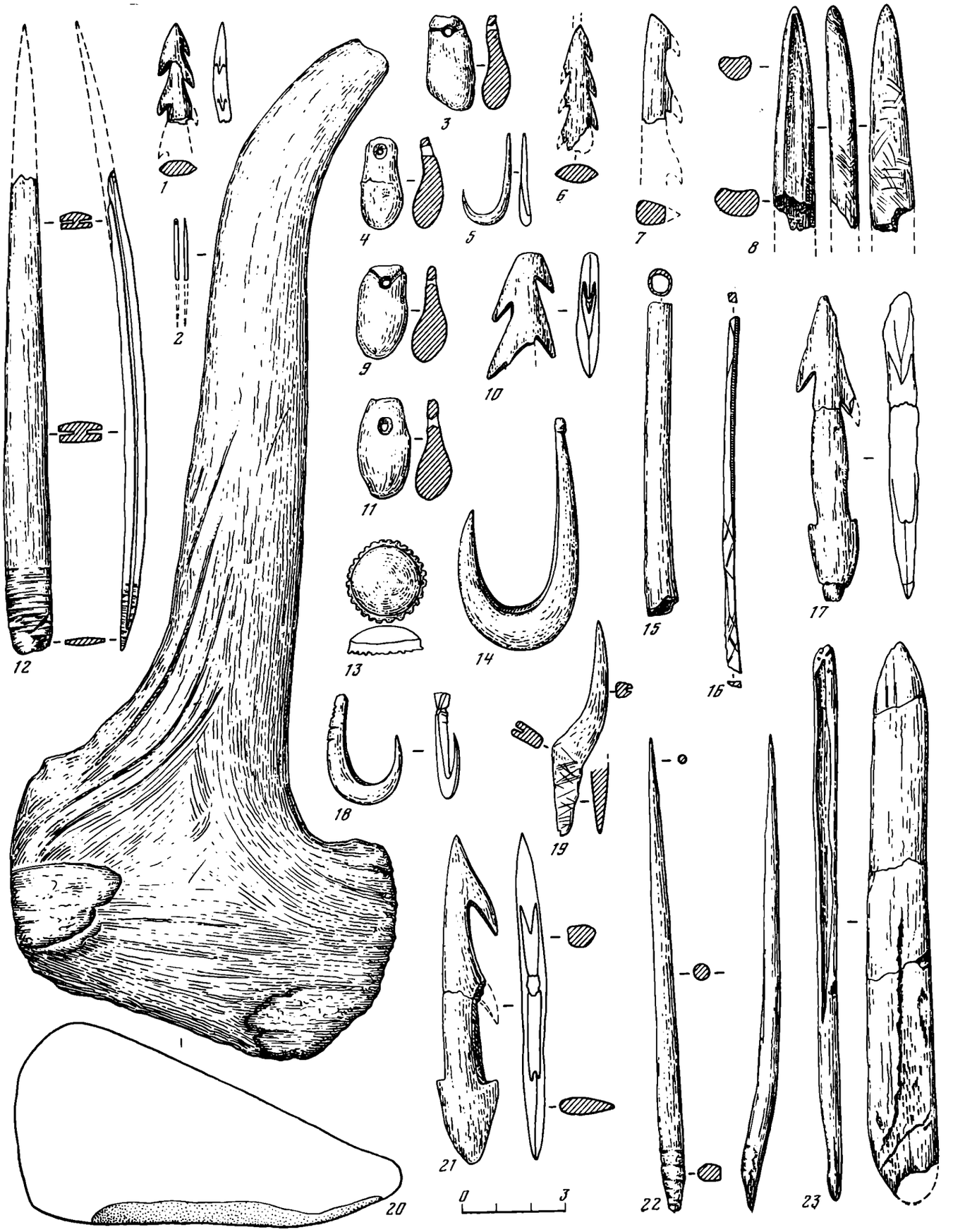

Табл. 104. Стоянка Усть-Белая. Костяной инвентарь

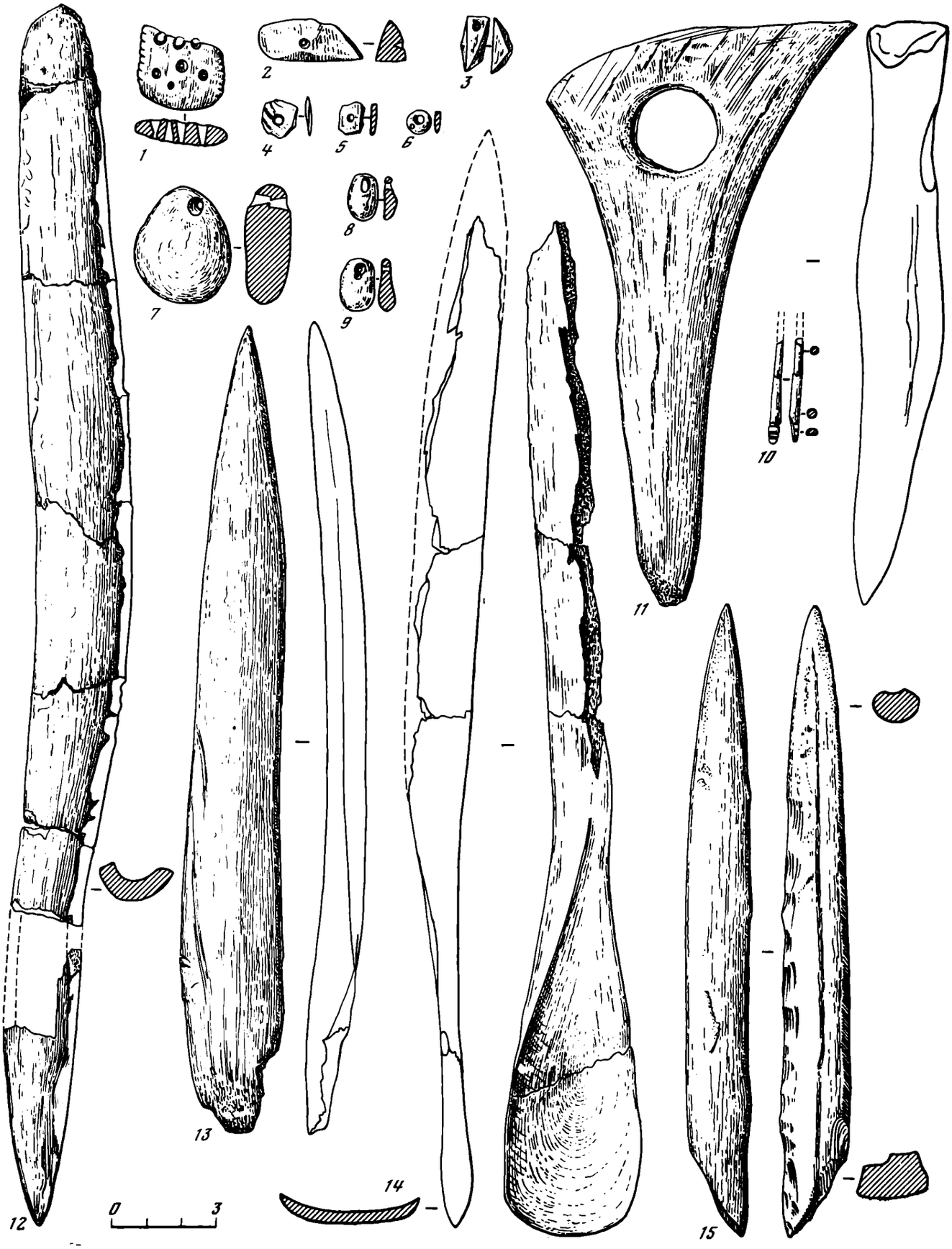

Табл. 105. Стоянка Усть-Белая. Костяной и роговой инвентарь, украшения

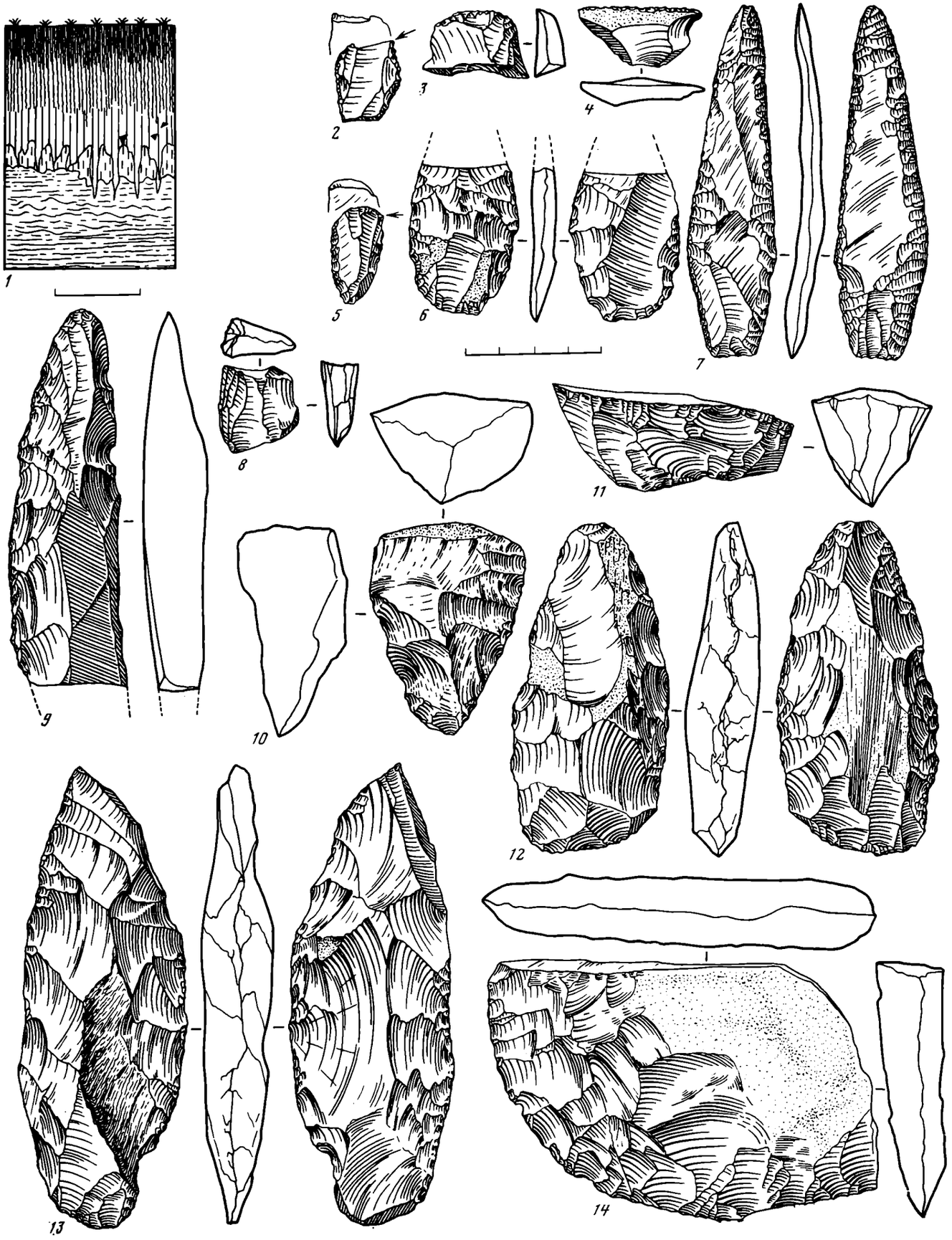

Табл. 106. Стоянки Каменка I—III. Стратиграфия и каменный инвентарь

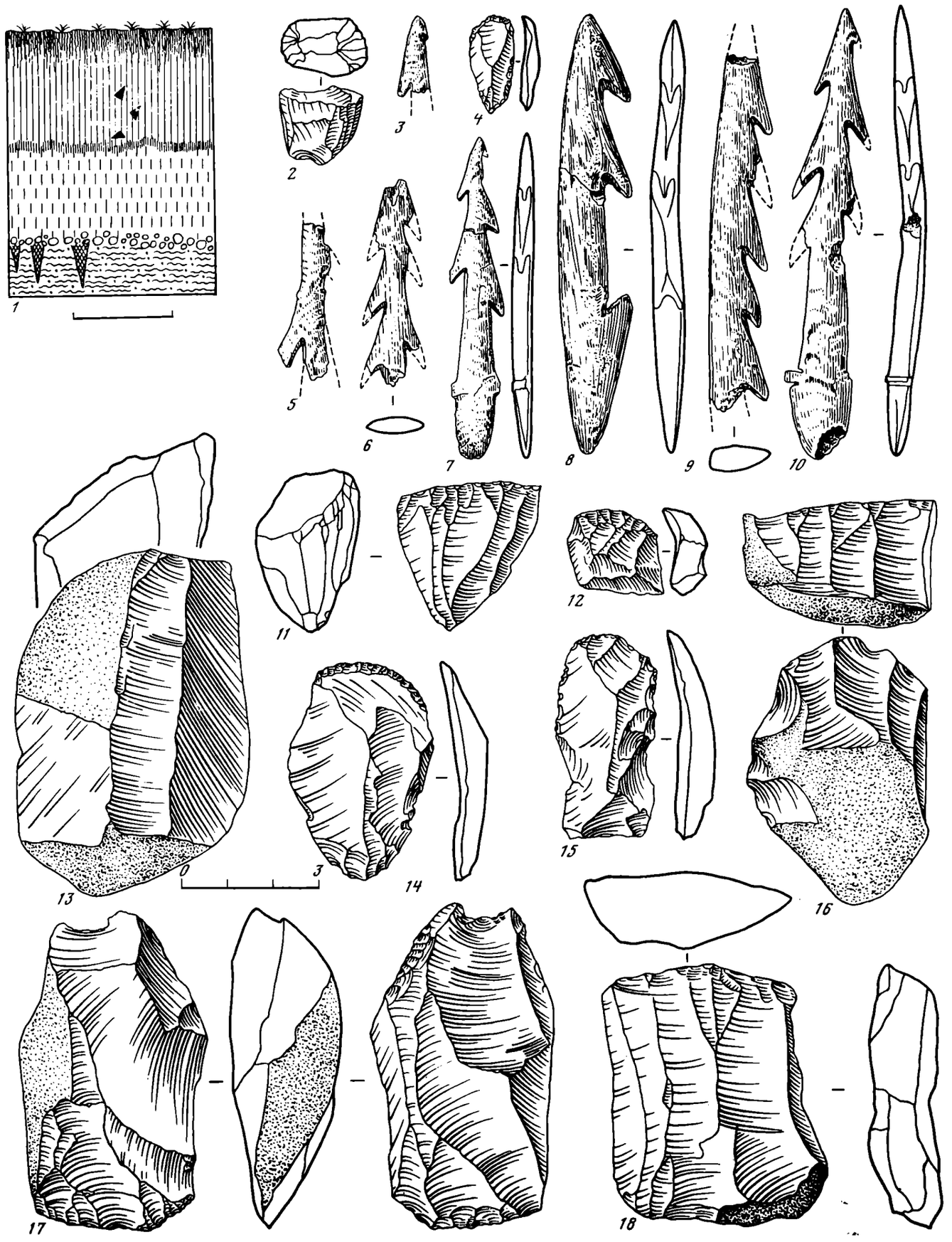

Табл. 107. Стоянки Перешеек (*1*, *2*, *14*, *17*), Уляха (*3—5*, *7*, *11—13*, *15*, *16*, *18*) и Ленковка (*6*, *8—10*). Каменный инвентарь

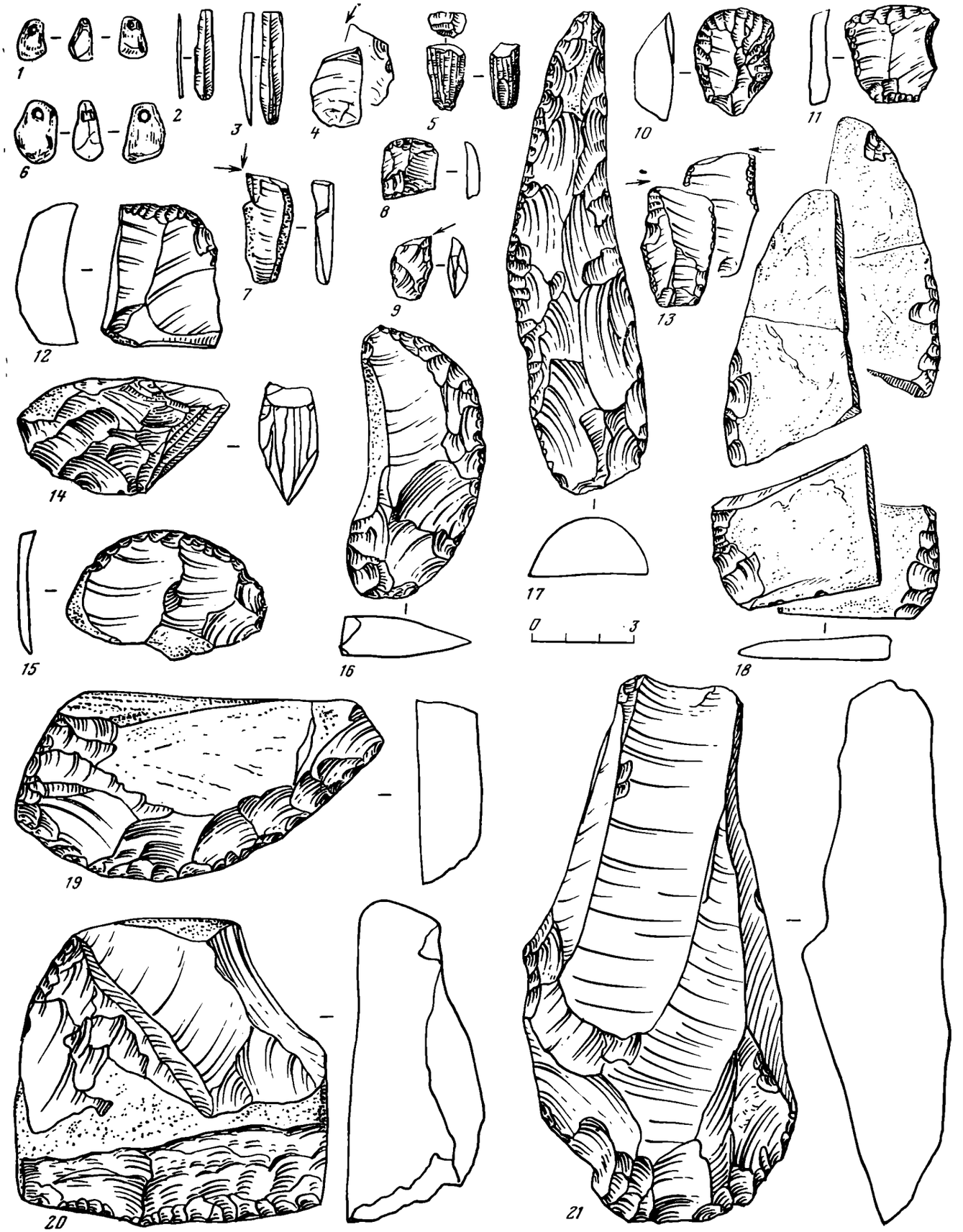

Табл. 108. Стоянка Верхоленская Гора. Горизонт II. Каменный инвентарь

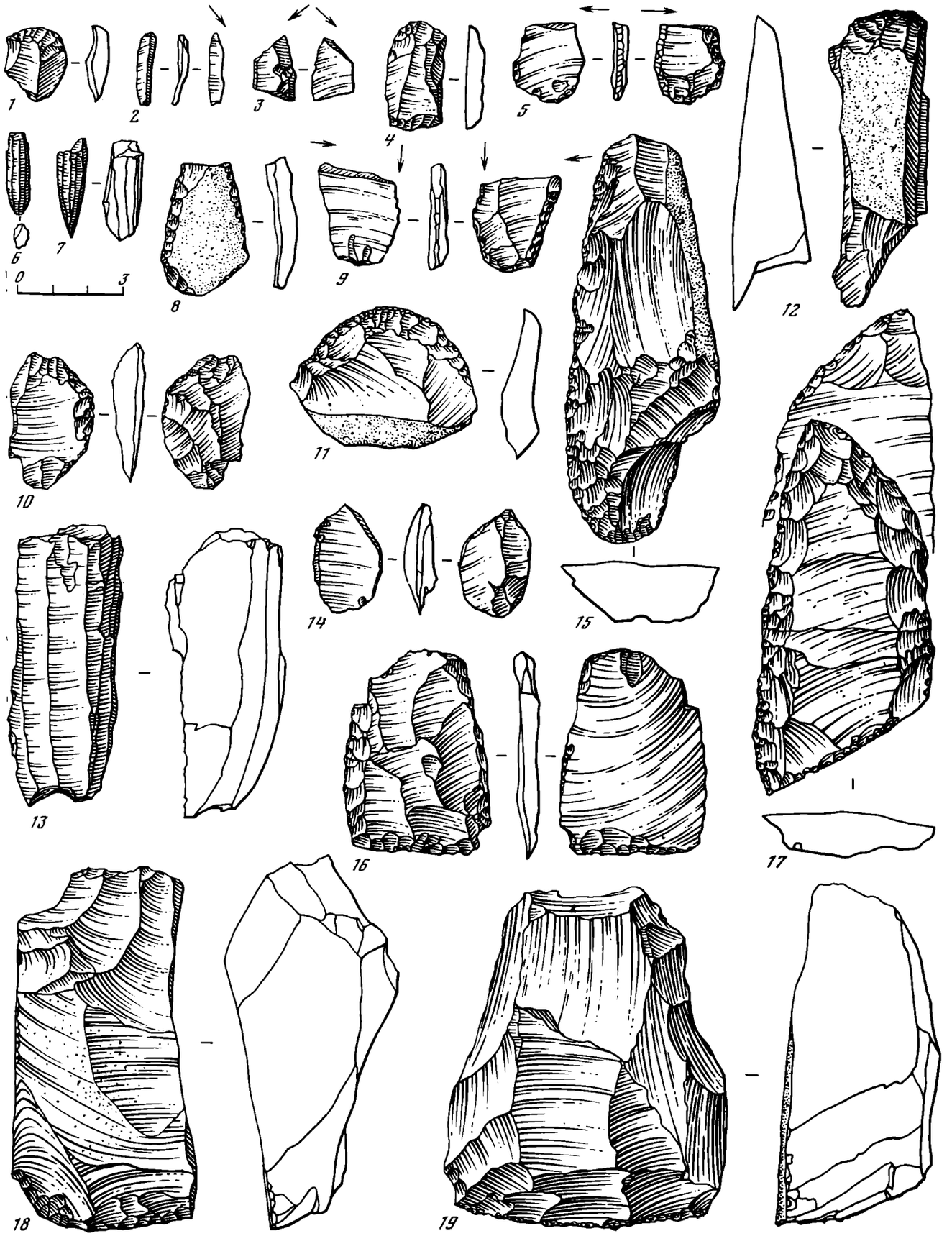

Табл. 109. Стоянка Верхоленская Гора. Горизонт II. Каменный инвентарь

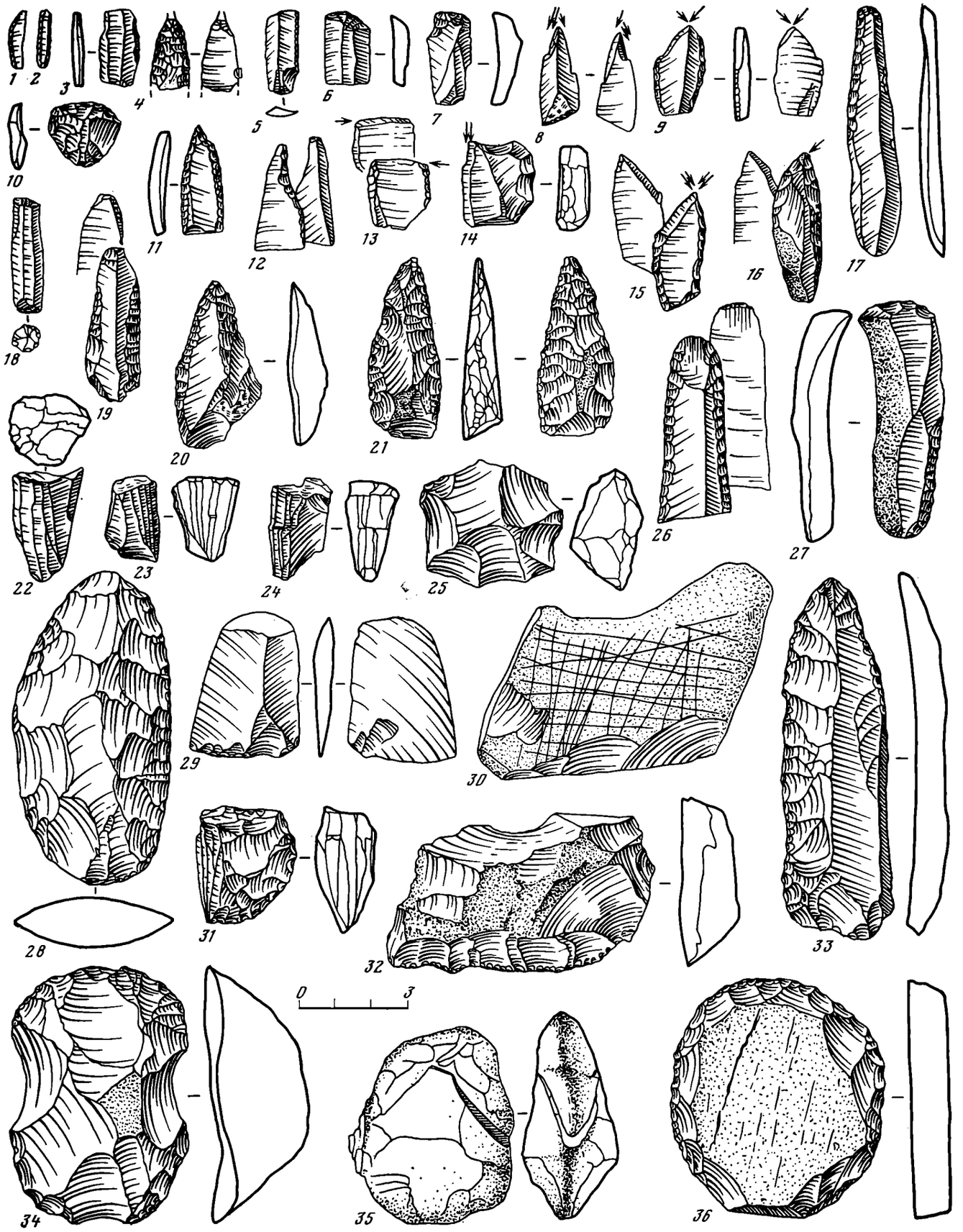

Табл. 110. Стоянка Верхоленская Гора. Горизонт IIа. Каменный инвентарь

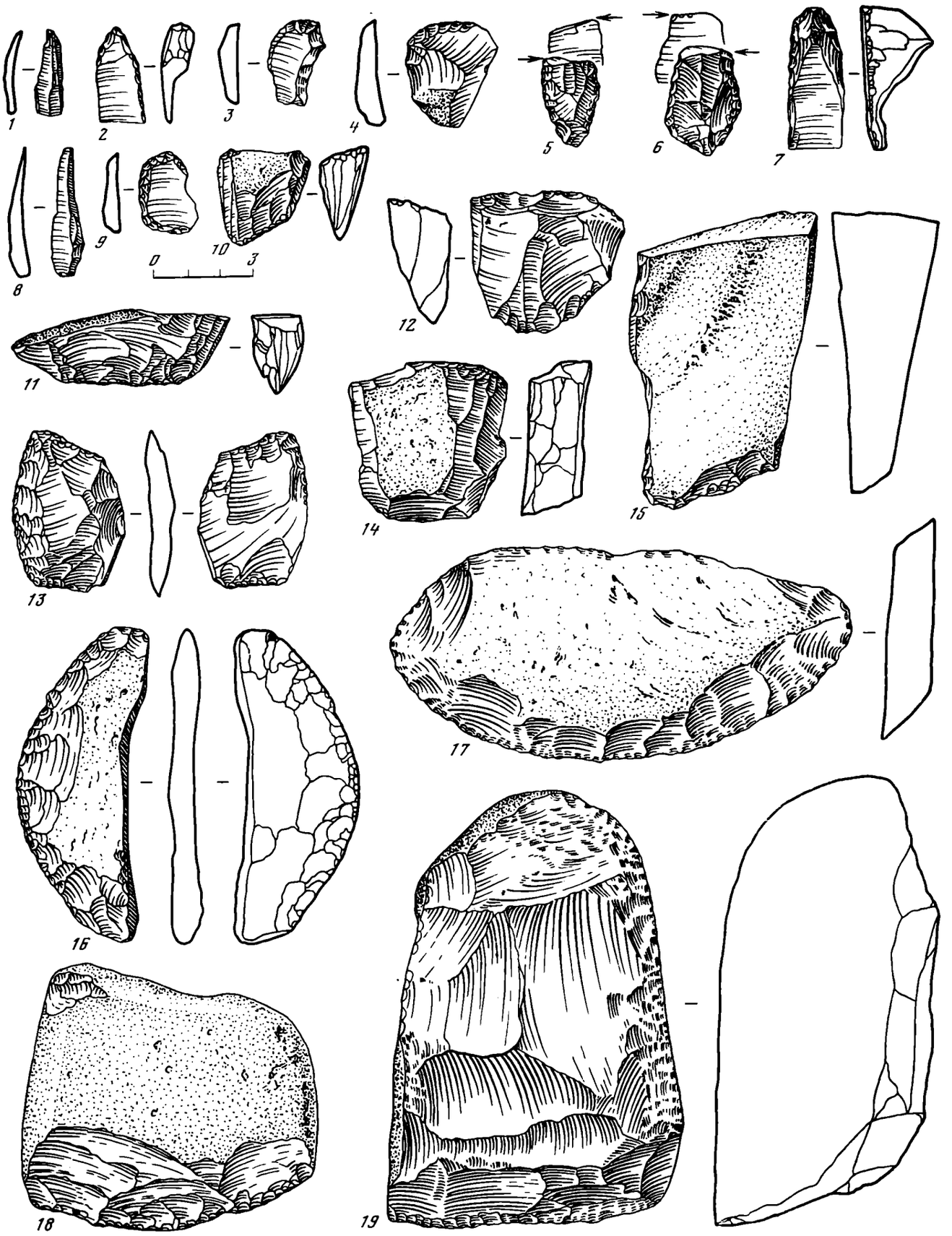

Табл. 111. Стоянка Верхоленская Гора. Горизонт III. Каменный инвентарь

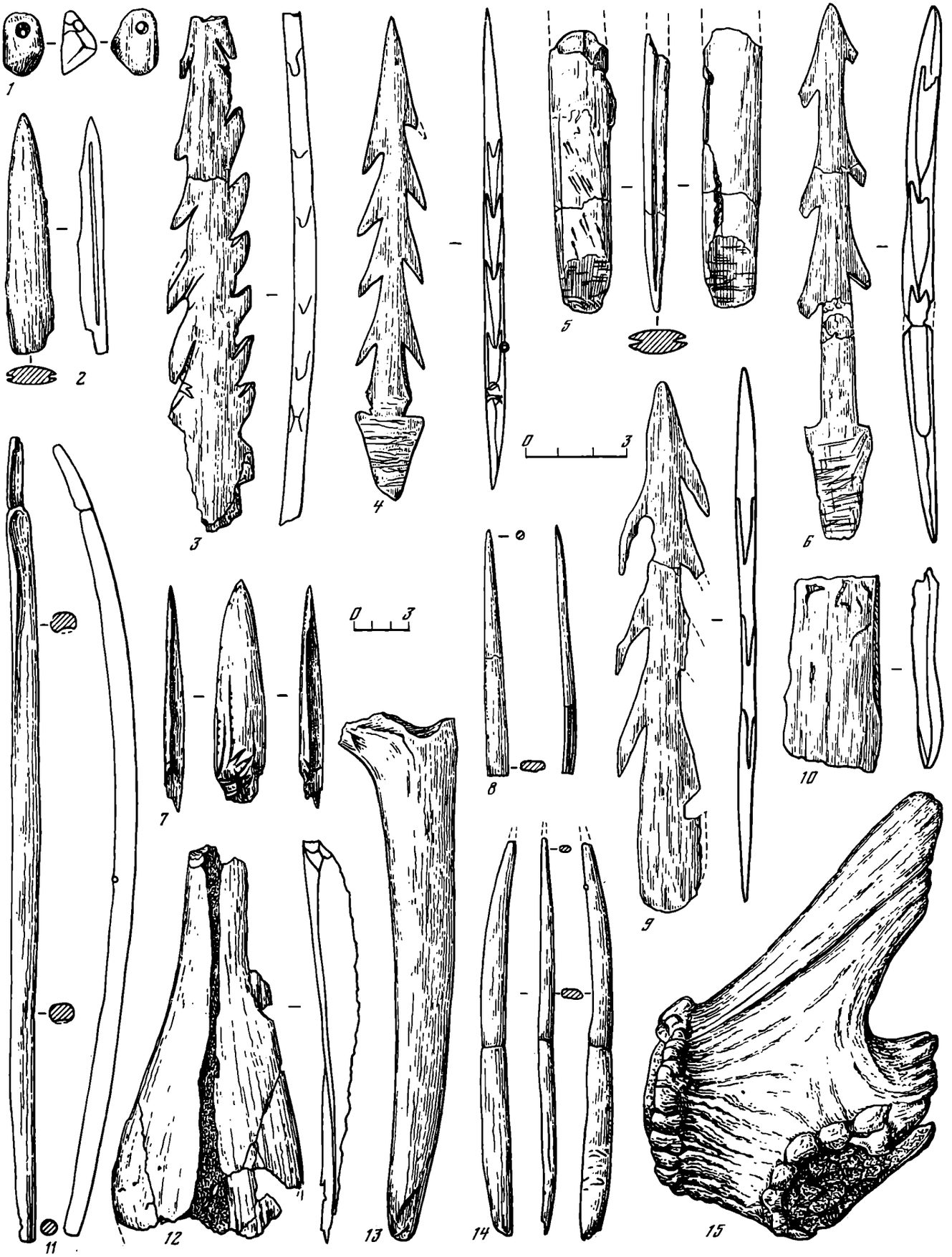

Табл. 112. Стоянка Верхоленская Гора. Костяной и роговой инвентарь, украшения

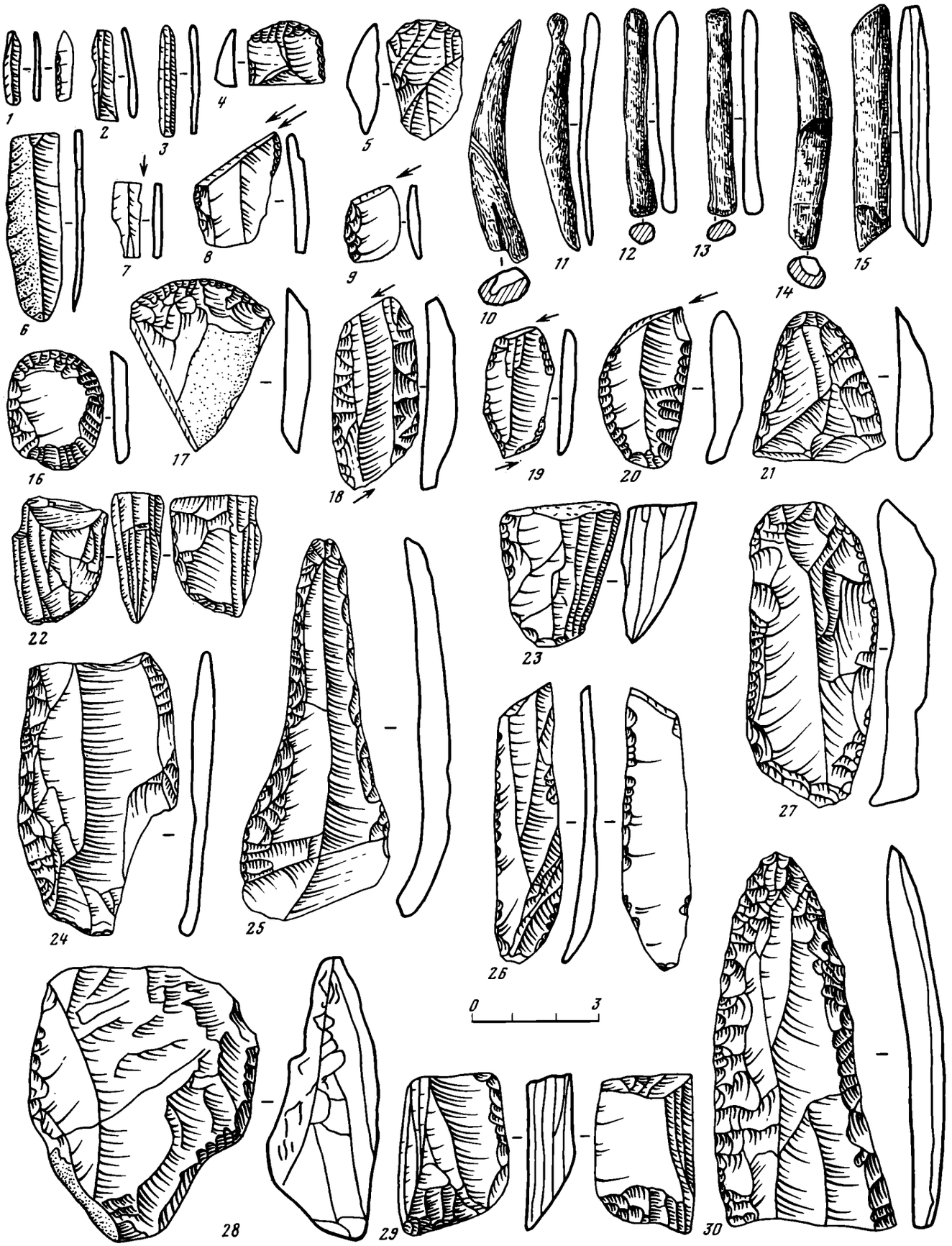

Табл. 113. Стоянка Студеное. Каменный инвентарь

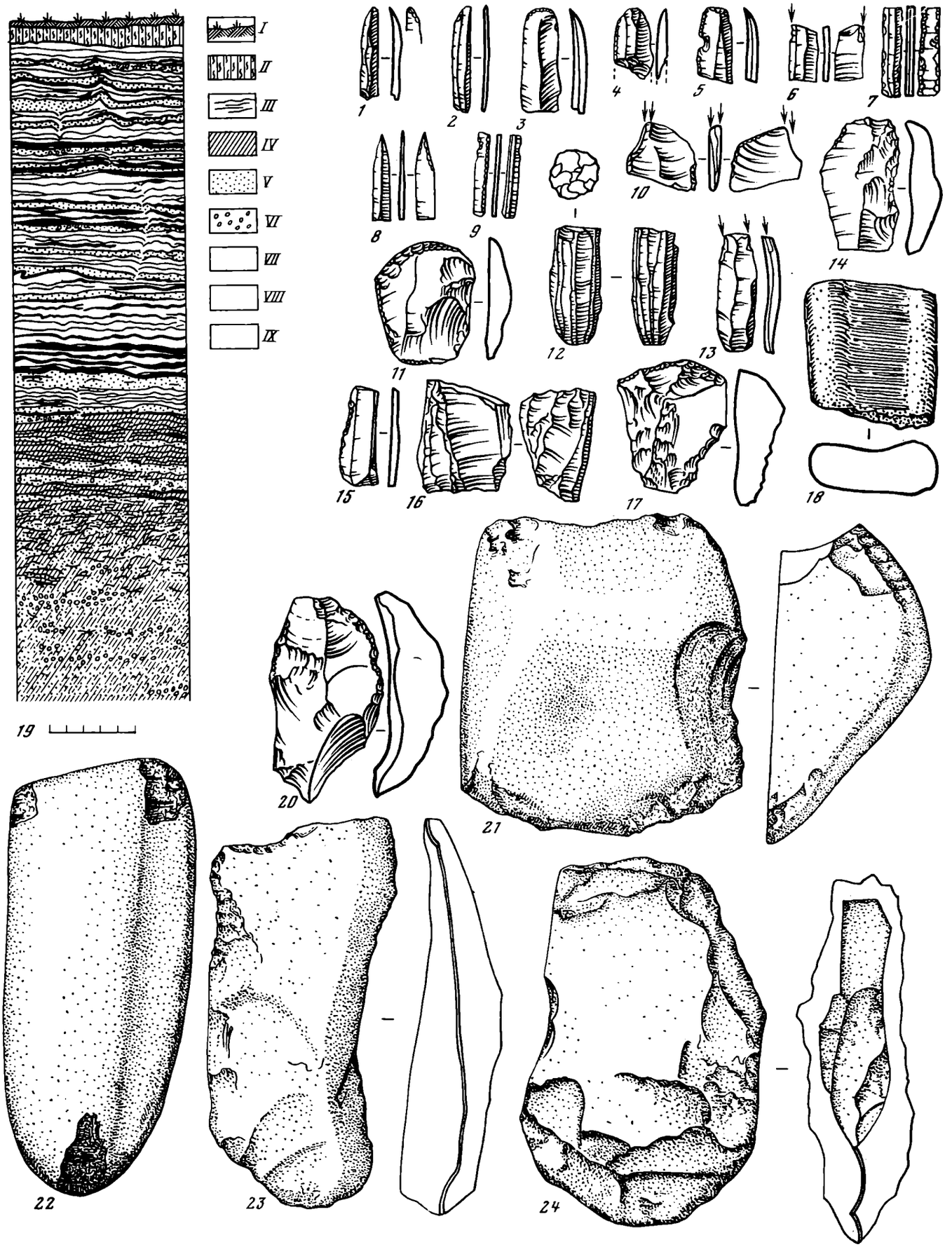

Табл. 114. Сумнагинская культура. Стоянка Белькачи I. Стратиграфия и каменный инвентарь

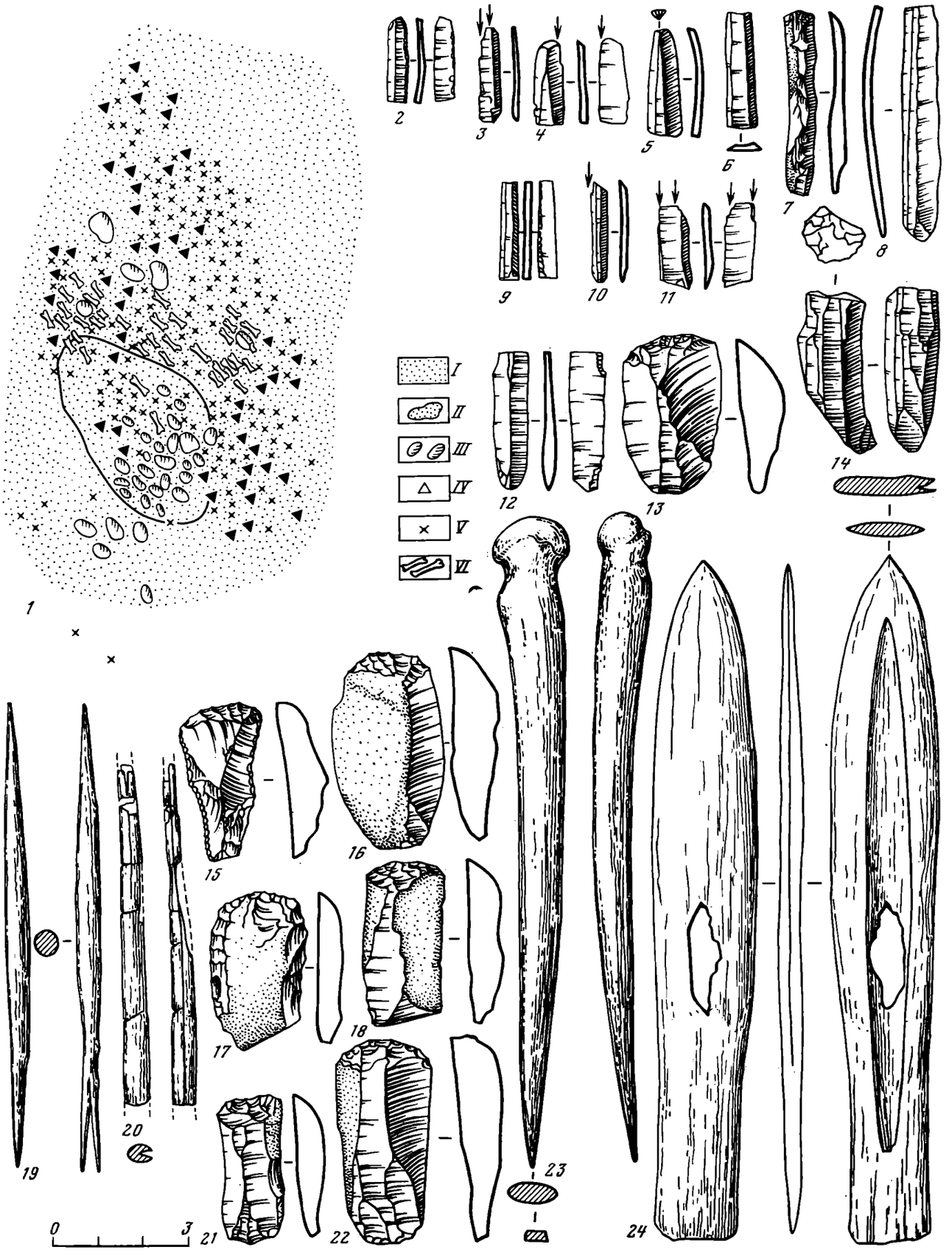

Табл. 115. Сумнагинская культура. Стоянка Белькачи I. План жилища, каменный и костяной инвентарь

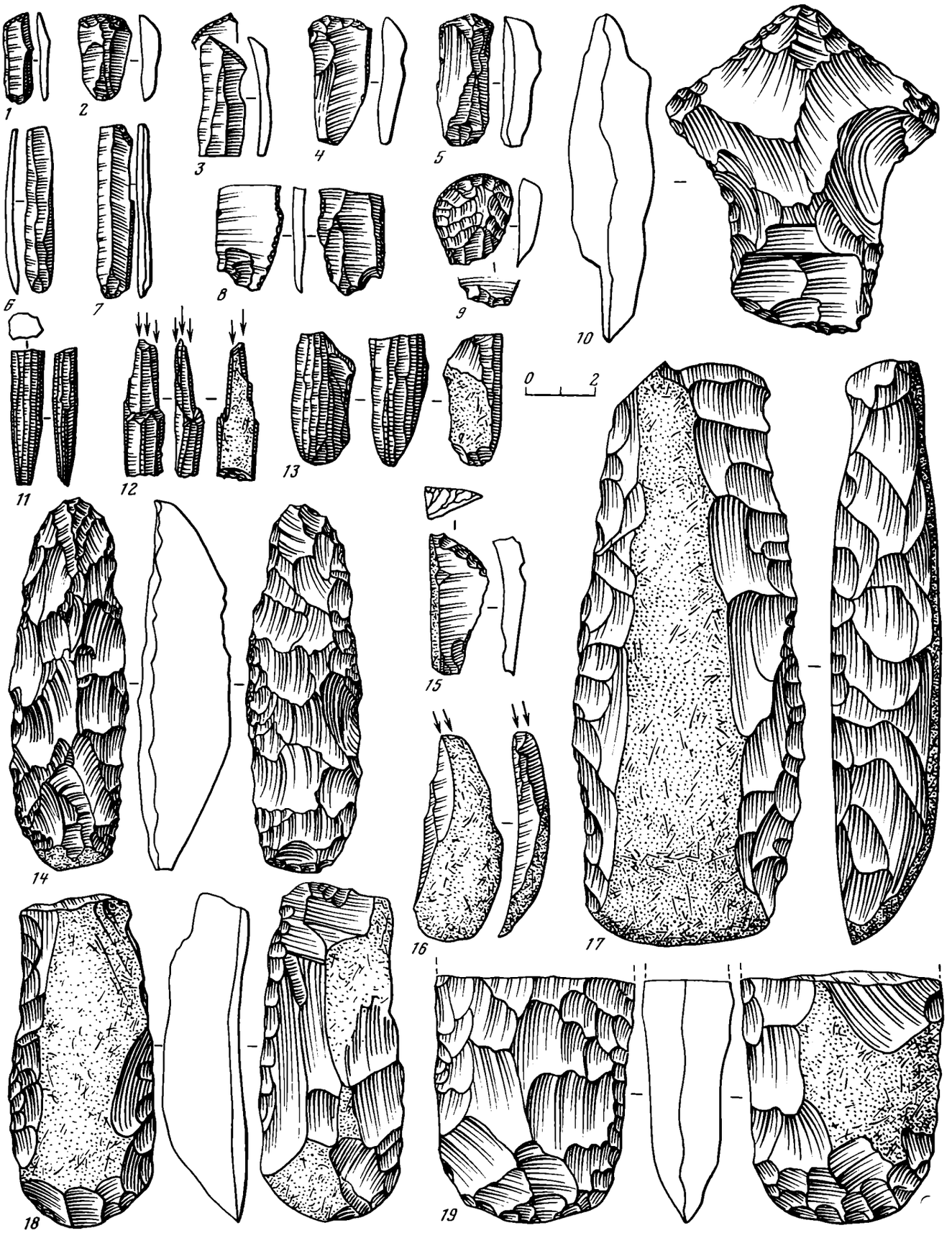

Табл. 116. Сумнагинская культура. Стоянка Усть-Тимптон. Каменный инвентарь

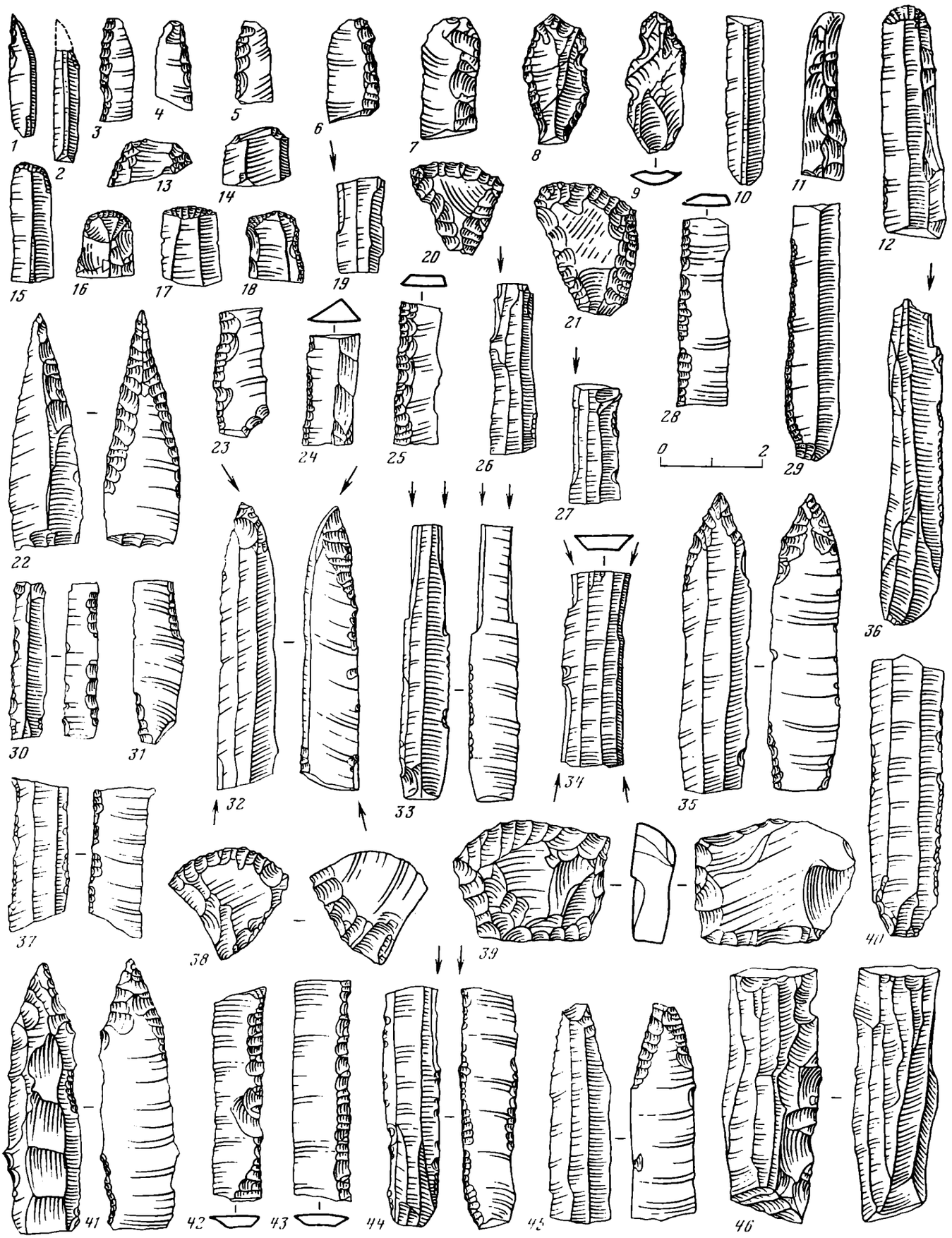

Табл. 117. Стоянки Таймыра. Каменный инвентарь

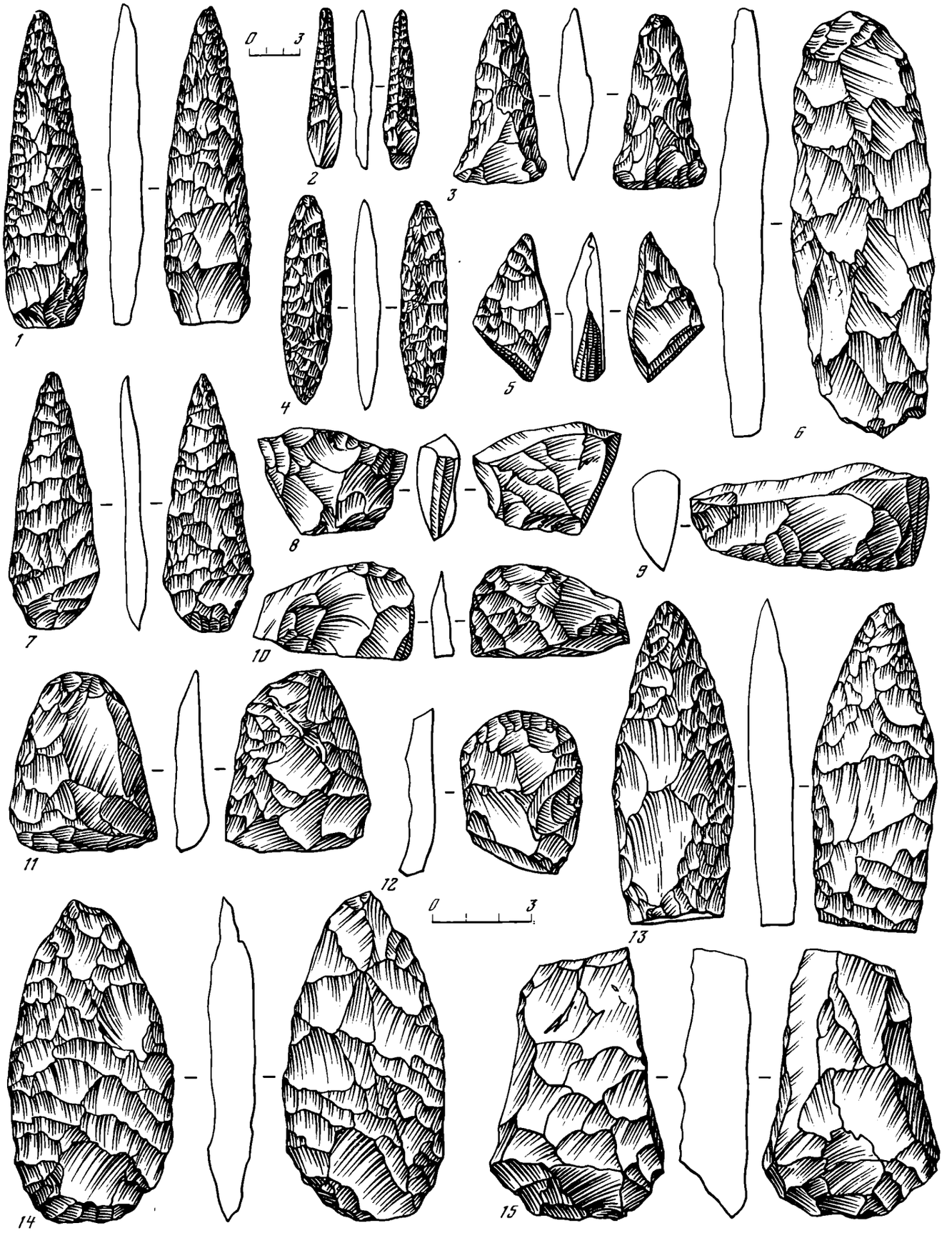

Табл. 118. Стоянка Осиповка. Каменный инвентарь

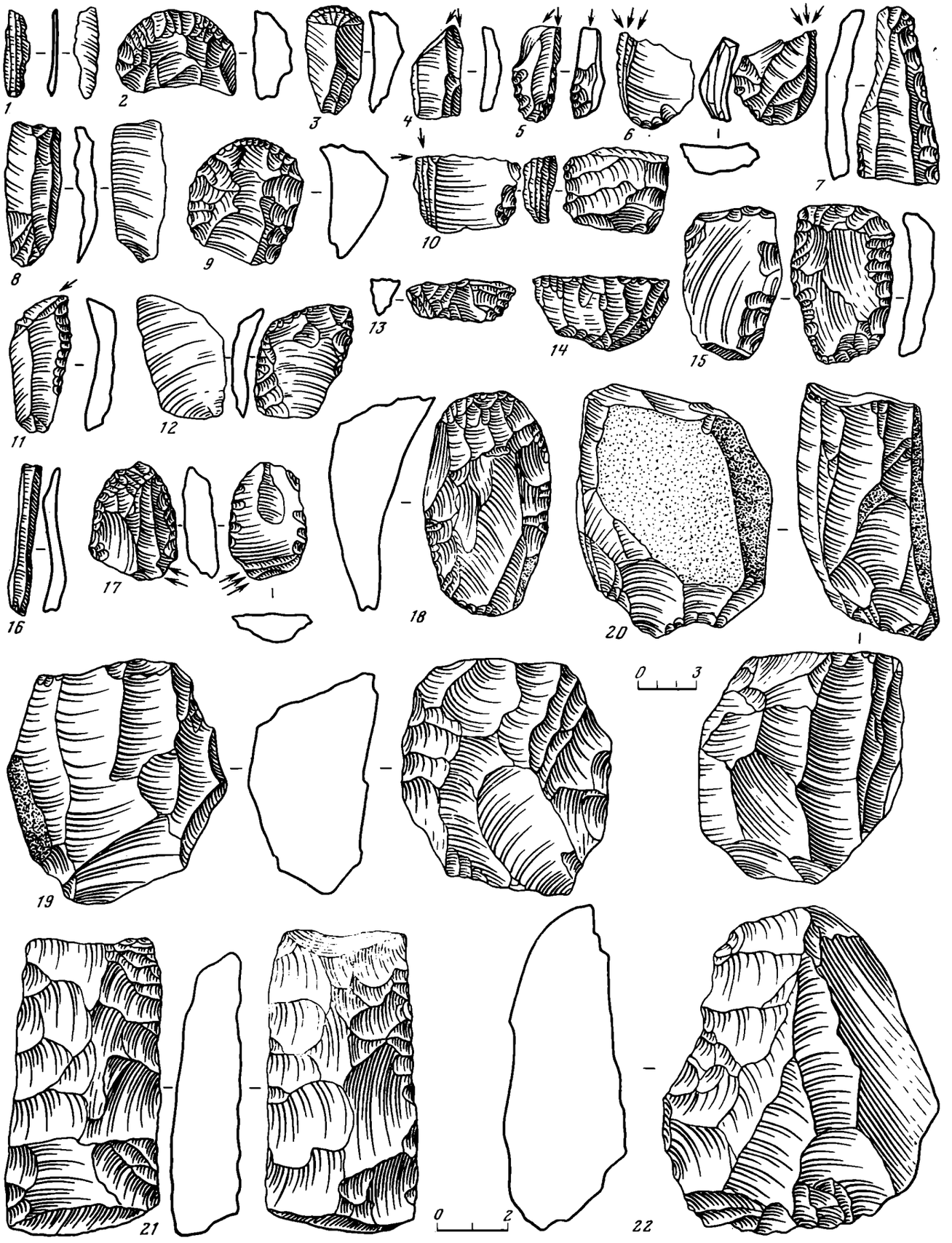

Табл. 119. Стоянка Устиновка. Каменный инвентарь

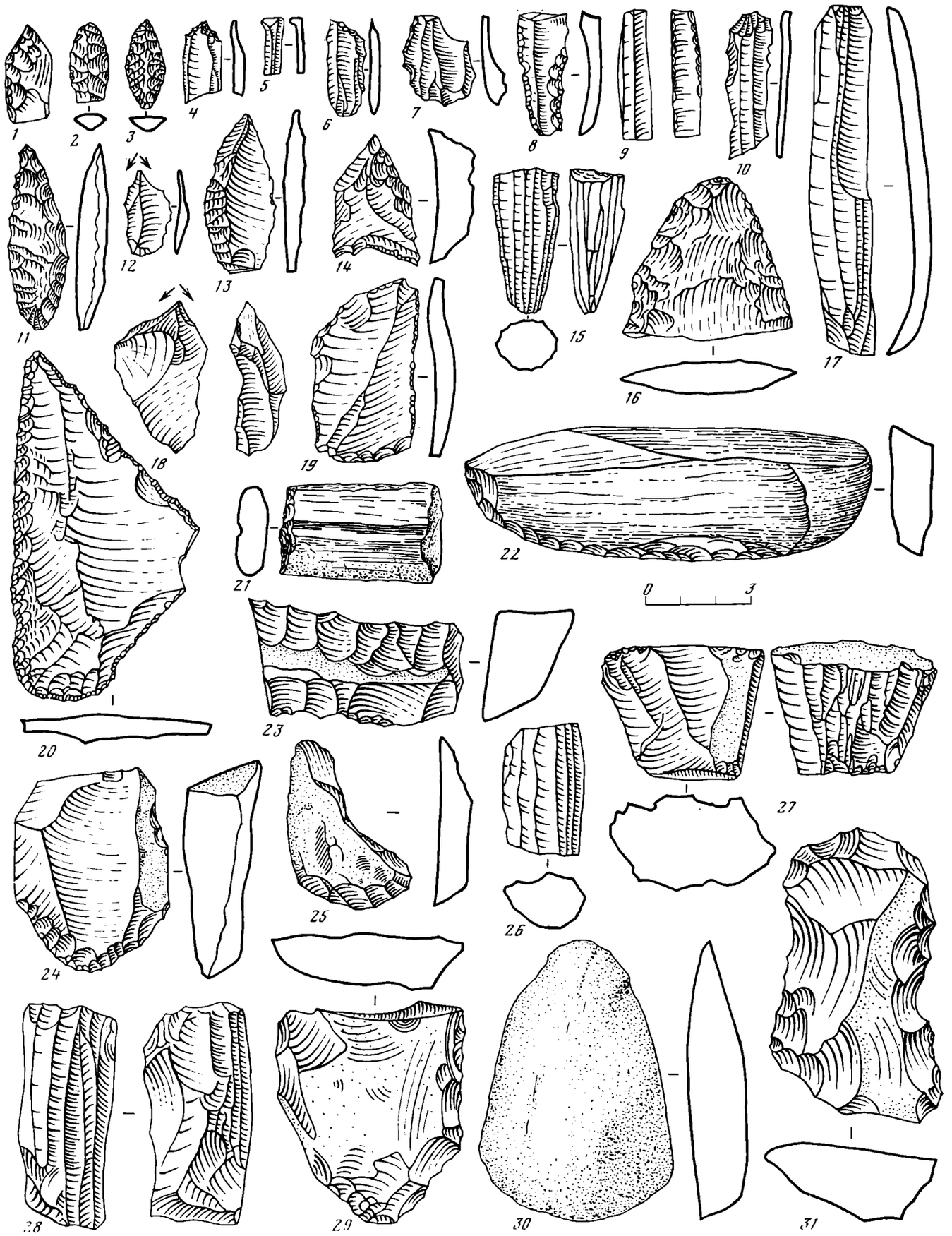

Табл. 120. Стоянки Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Каменный инвентарь

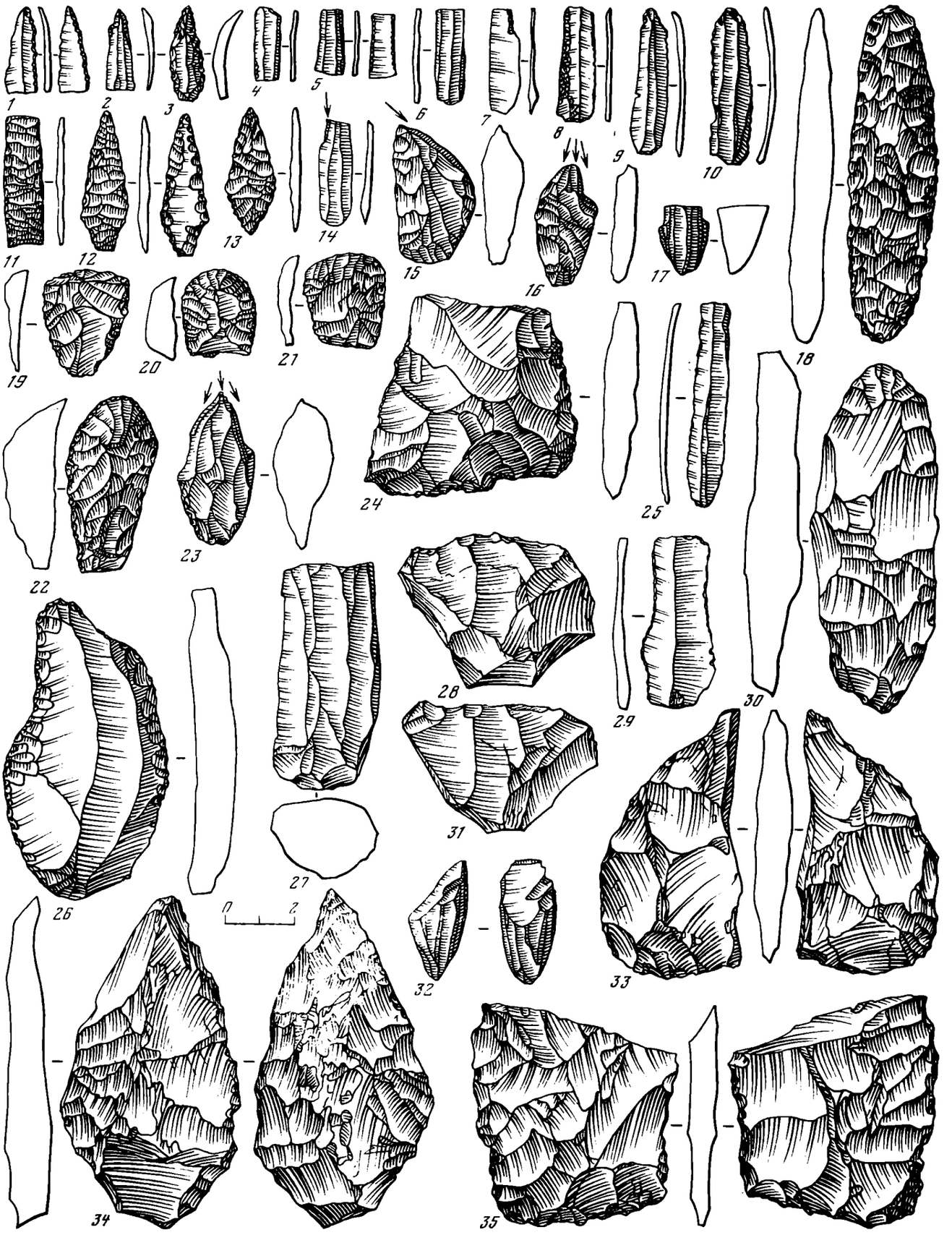

Табл. 121. Стоянка Имчин I. Каменный инвентарь

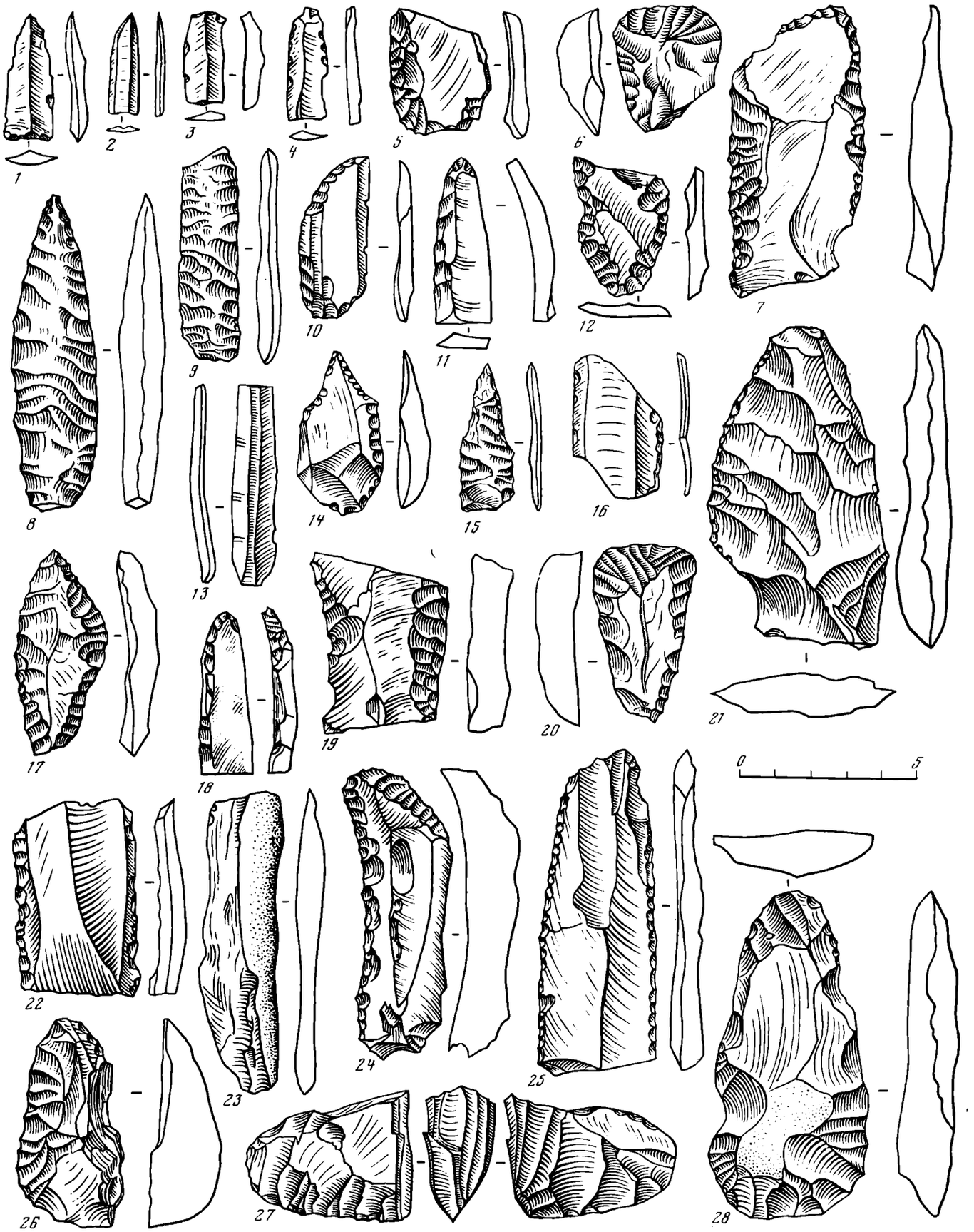

Табл. 122. Стоянка Такое II. Каменный инвентарь

Литература

Абрамова З. А., 1957. Неолитическая «мастерская» кремневых орудий на Волге близ Костромы // КСИИМК. 67.

Абрамова Т. А., 1980. Изменение увлажненности Каспийского региона по палинологическим данным // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.

Авенариус И. Г., Муратова М. В., Спасская И. И., 1978. Палеогеография Северной Евразии в позднем плейстоцене — голоцене и географический прогноз. М.

Аксенов М. П., 1974. Многослойный археологический памятник Макарово II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск. 1.

Аксенов М. П., 1980. Археологическая стратиграфия и послойное описание инвентаря Верхоленской Горы I // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск. 2.

Аксенов М. П., 1982. Погребение «хиньского» типа на Верхней Лене (Рытвинка I) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. Иркутск.

Аксенов М. П., Лынша В. А., Шуньков М. В., 1975. Комплекс донеолитических местонахождений у д. Кистенево на Верхней Лене: (Предварительные итоги) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск. 3.

Аксенов М. П., Шмыгун П. Е., 1974. Шишкино II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск. 2.

Алпысбаев Х. А., 1962. Находки каменного века в хребте Каратау // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата. 14.

Алпысбаев Х. А., 1975. Разведка в Кызылкумском районе Казахстана // АО 1974 г.

Алпысбаев Х. А., 1977а. Мезолитические и неолитические стоянки Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата.

Алпысбаев Х. А., 1977б. Памятники хребта Каратау // История Казахской ССР. Алма-Ата. 1.

Амирханов Х. А., 1975. Новые исследования Чохской стоянки // АО 1974 г.

Амирханов Х. А., 1977. Верхний палеолит Северного Кавказа и его соотношение с палеолитом смежных территорий: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М.

Амирханов Х. А., 1980. Отчет о работе северокавказского палеолитического отряда Института археологии АН СССР в 1980 г. // Архив ИА АН СССР. Р-I. № 7798.

Амосова А. Г., Соловьев В. С., 1976. Стоянка каменного века в Бешкентской долине // АРТ. XII.

Амосова А. Г., Филимонова Т. Г., Юсупов А. Х., 1983. Мезолит и неолит Южного Таджикистана // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. М.

Анпилогов А. В., 1972. Мезолитические стоянки на р. Кемп // Археологические исследования в Карелии. Л.

Артюшенко А. Т., 1970. Растительность степи и лесостепи Украины в четвертичном периоде (По данным спорово-пыльцевого анализа). Киев.

Артюшенко А. Т., Тесленко Ю. В., Уткин В. С., 1980. Фитоценозы и климат равнинной части Украины в голоцене // Тектоника и стратиграфия. Киев. 18.

Асеев А. А., 1959. Палеогеография долины Средней и Нижней Оки в четвертичный период. М.

Бадер Н. О., 1961. О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа // СА. 4.

Бадер Н. О., 1964. О соотношении верхнепалеолитических и мезолитических культур Крыма, Кавказа и Ближнего Востока // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве. М.

Бадер Н. О., 1965а. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита // СА. 4.

Бадер Н. О., 1965б. Историко-культурные области верхнепалеолитического и мезолитического времени в Восточном Средиземноморье: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М.

Бадер Н. О., 1966а. О мезолите Восточного Средиземноморья в связи с проблемой «Капсийской провинции» // МИА. М.; Л. 126.

Бадер Н. О., 1966б. Различия в верхнепалеолитической культуре Закавказья и Ближнего Востока // Археология Старого и Нового Света. М.

Бадер Н. О. Мезолит // Каменный век на территории СССР. М.

Бадер Н. О., 1975. Поздний палеолит Загра и Имеретии // Памятники древнейшей истории Евразии. М.

Бадер О. Н., 1948. Каменный век на Урале // ДНК Молотовского ун-та. 1—4.

Бадер О. Н., 1949. Работа Чусовского отряда Камской археологической экспедиции // КСИИМК. 26.

Бадер О. Н., 1951. Стоянки Нижнеадищевская и Боровое Озеро I на р. Чусовой // МИА. М. 22.

Бадер О. Н., 1953. Камская археологическая экспедиция // КСИИМК. 51.

Бадер О. Н., 1957. Камская археологическая экспедиция (Работы 1953—1954 гг.) // КСИИМК. 70.

Бадер О. Н., 1961. Основные итоги и задачи изучения истории Урала в эпоху камня и бронзы // ВАУ. 1.

Бадер О. Н., 1966. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. М.; Л. 126.

Бадер О. Н., Воеводский М. В., 1935. Участок Скнятино—Молога. Стоянки родового общества // ИГАИМК. М.: Л. 109.

Бадер О. Н., Кольцов Л. В., 1974. Мезолитические стоянки близ г. Калинина // СА. 1.

Базаров Д.-Д. Б., Константинов М. В., Имэтхенов А. Б., Базарова Л. Д., Савинова В. В., 1982. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск.

Бахта В., Марков Г., 1959. Археологическая разведка 1957 г. в Западной Туркмении // ТИИАЭ АН ТаджССР. Ашхабад. 5.

Бекаревич Н. М., 1906. Материалы для археологической карты Костромской губернии // Тр. II областного Тверского археологического съезда.

Беляшевский Н. Ф., 1897. Следы пребывания первобытного человека на берегах р. Днепр вблизи г. Киева // Тр. VII археологического съезда. М. 3.

Бердзенишвили Н. З., 1960а. Новые данные о палеолите Абхазии // Тр. Абхазского ИЯЛИ. Сухуми. 30.

Бердзенишвили Н. З., 1960б. Палеолитические памятники Черноморского побережья Грузии // Науч. сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1959 г. Тбилиси.

Бердзенишвили Н. З., 1964. Новый памятник каменного века в ущелье Цхалцителa. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.

Бердзенишвили Н. З., 1971. Изучение памятников каменного века в прибрежной полосе Грузии: (Итоги полевых работ 1969 г.) // Археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.

Бердзенишвили Н. З., 1973. Основные итоги полевых работ Причерноморской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН ГрузССР // Полевые археологические исследования в 1972 г. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.

Бердзенишвили Н. З., Габуния М. К., Церетели Л. Д., Хубутия Г. П., 1976. Итоги полевых работ Причерноморской археологической экспедиции АН ГрузССР. Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГрузССР // Полевые археологические исследования в 1974 г. Тбилиси.

Бердзенишвили Н. З., Григолия Г. К., 1967. Итоги работ 1966 г., проведенных палеолитической археологической экспедицией Причерноморья Грузии // Науч. сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1966 г. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.

Береговая Н. А., 1960. Палеолитические местонахождения СССР // МИА. М. 81.

Бибиков С. Н., 1940. Грот Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму // СА. 5.

Бибиков С. Н., 1946. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и гроте Мурзак-Коба в Крыму // КСИА. 13.

Бибиков С. Н., 1959. Раскопки в навесе Фатьма-Коба в 1956 г. // КСИА АН УССР. Киев. 8.
Бибиков С. Н., 1966. Раскопки в навесе Фатьма-Коба и некоторые вопросы изучения мезолита Крыма // МИА. М.; Л. 126.
Бибикова В. И., 1982. Териофауна поселения Мирное // В. Н. Станко. Мирное: Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. Киев.
Бижанов Е. Б., 1978. Неолитические памятники Юго-Восточного Устюрта // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент.
Бижанов Е. Б., 1979а. Находки памятников палеолита в Юго-Восточном Устюрте // ВККФАН УзССР. 3.
Бижанов Е. Б., 1979б. Работы Есенского отряда на Устюрте // АО 1978 г.
Бижанов Е. Б., 1980. Верхнепалеолитические местонахождения с Юго-Восточного Устюрта // ВККФАН УзССР. 4.
Бижанов Е. Б., 1982. Мезолитические и неолитические памятники Северо-Западного Устюрта // Археология Приаралья. Ташкент. Вып. 1.
Бодунов Е. В., Воробьев В. М., Жилин М. Г., 1983. Мезолитическая стоянка Красново I // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин.
Болиховская Н. С., Воскресенская Т. Н., Муратова М. В., 1980. К стратиграфии и палеогеографии позднеплейстоценовых и голоценовых отложений Приморья // Геохронология четвертичного периода. М.
Бонч-Осмоловский Г. А., 1934. Итоги изучения Крымского палеолита // Тр. II международной конференции АИЧП. М.; Л.; Новосибирск. 5.
Борзияк И. А., 1974. Мезолитическая стоянка Болбочи в бассейне Реута // АИМ.
Борисковский П. И., 1937. Палеолитические и эпипалеолитические местонахождения бассейна Оки // Тр. Сов. секции АИЧПЕ. Л. 1.
Борисковский П. И., 1947а. К вопросу о древнейшем заселении Туркменистана // Тр. Ашхабадского ун-та. 1.
Борисковский П. И., 1947б. Палеолитические местонахождения в Туркмении // КСИИМК. 18.
Борисковский П. И., 1953. Палеолит Украины // МИА. М. 40.
Борисковский П. И., 1964. Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 г. // КСОГАМ.
Борисковский П. И., 1967. Разработка вопросов мезолита северо-западного Причерноморья // АО 1966 г.
Брюсов А. Я., 1941. Отчет о раскопках 1938—1939 гг.// Тр. ГИМ. 12.
Брюсов А. Я., 1947. Заселение Севера Европейской части СССР по археологическим данным // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. Л. 2.
Брюсов А. Я., 1951. Свайное поселение Модлона и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. М. 20.
Брюсов А. Я., 1952. Очерки по истории Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
Брюсов А. Я., 1961. Караваевская стоянка // Сб. по археологии Вологодской области. Вологда.
Булычев Н. И., 1899. Журнал раскопок 1899 г. по берегам Оки. М.
Буров Г. М., 1965. Вычегодский край: Очерки древней истории. М.
Буров Г. М., 1966. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. 1.
Буров Г. М., 1967а. Древний Синдор. М.
Буров Г. М., 1967б. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар.
Буров Г. М., 1967в. Археологическое изучение торфяников в Северодвинском бассейне // АО 1966 г.
Буров Г. М., 1969. Первые исследования в бассейне Пинеги // АО 1968 г.
Буров Г. М., 1981. Древние сани Северной Европы // Скандинавский сборник. Таллин. 26.
Буров Г. М., Романова Е. Н., Семенцов А. А., 1972. Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.
Бурчак-Абрамович Н. И., 1951. Материалы к изучению фауны палеолита Закавказья: (Зуртакетская стоянка) // Изв. АН АзССР. Баку. 9.
Бурчак-Абрамович Н. И., 1955. Материалы к изучению фауны палеолита Закавказья: (Зуртакетская стоянка) // Изв. АН ГрузССР. Тбилиси. 5.
Бурчак-Абрамович Н. И., 1965. Фауна пещерных стоянок Южной Абхазии // Пещеры Грузии. Тбилиси. Т. 3.
Бурчак-Абрамович Н. И., Бендукидзе О. Г., 1969. Фауна эпипалеолитической стоянки Зуртакети // Сообщ. АН ГрузССР. Тбилиси. Т. 55, № 3.
Бурчак-Абрамович Н. И., Бендукидзе О. Г., 1978. Ископаемые птицы карстовой пещеры Хупшипшахва в Южной Абхазии // Пещеры Грузии. Тбилиси. 7.
Бурчак-Абрамович Н. И., Бурчак Д. Н., 1982. Плейстоценовые и раннеголоценовые позвоночные карстовых пещер Кавказа // Четвертичная система: К XI международному конгрессу по изучению четвертичного периода (ИНКВА). Тбилиси.
Бурчак-Абрамович Н. И., Церетели Д. В., 1977. Ископаемые медведи Кавказа // Геология четвертичного периода. Институт геологии АН Армянской ССР. Ереван.
Валпетер А. П., 1982. Древние береговые линии на шельфе и побережье северо-восточных и дальневосточных окраинных морей // Тез. докл. XI конгресса ИНКВА. М. 3.
Варущенко А. Н., Варущенко С. И., Клите Р. К., 1980. Изменения уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене—голоцене // Колебания увлажненности Урало-Каспийского региона в голоцене. М.
Васильевский Р. С., 1971. Имчин // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск.
Васильевский Р. С., 1973. Докерамические комплексы Сахалина и их корреляция с памятниками сопредельных областей // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск.
Васильевский Р. С., 1982. Становление и развитие приморского хозяйства северной части Тихого океана // Тез. докл. XI конгресса ИНКВА. М. 3.
Васильевский Р. С., Голубев В. А., 1976. Древние поселения на Сахалине (Сосуйская стоянка). Новосибирск.
Векилова Е. А., 1951. Эпипалеолитическая стоянка Кукрек в Крыму // КСИИМК. 36.
Векилова Е. А., 1957. Мезолитическая стоянка Сюрень II // КСИА АН УССР. Киев. 7.
Векилова Е. А., 1961. К вопросу о свидерской культуре в Крыму (Стоянка Сюрень II) // КСИА. 82.
Векилова Е. А., 1966. К вопросу о связях населения на территории Крыма в эпоху мезолита // МИА. М.; Л. 126.
Векилова Е. А., 1974. Природные условия и человек в палеолите Крыма // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.
Веклич М. Ф., 1968. Стратиграфия лёссовой формации Украины и соседних стран. Киев.
Верещагин Н. К., 1959. Млекопитающие Кавказа (История формирования фауны). М.; Л.
Верещагин Н. К., 1971. Охота первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР: Материалы по фаунам антропогена СССР // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Л. 19. С. 200—232.
Верещагина И. В., 1973. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры // МАЕСВ. 5.
Верещагина И. В., 1974. Новые памятники на Северной Двине // АО 1973 г.
Верещагина И. В., 1977. Мезолитические памятники на Северной Двине // КСИА. 149.
Виноградов А. В., 1979. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия. М. 2.
Виноградов А. В., 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХЭ. 13.
Виноградов А. В., Итина М. А., Кесь А. С., Мамедов Э. Д., 1974. Палеогеографическая обусловленность расселения древнего человека в пустынях Средней Азии // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.
Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., 1974. Ландшафтно-климатические условия среднеазиатских пустынь в голоцене // ИМКУ. 11.
Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., 1975. Первобытный Лявлякан: Этапы древнейшего заселения и освоения внутренних Кызылкумов. М.
Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., 1979. Комплексные археолого-геоморфологические работы в юго-западных Кызылкумах // АО 1979 г.
Воеводский М. В., 1934. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы // Тр. II международной конференции АИЧПЕ. М.; Л.; Новосибирск. 5.

Воеводский М. В., 1940. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе // СА. 5.
Воеводский М. В., 1941. Стоянка Гремячее // МИА. М.; Л. 2.
Воеводский М. В., 1950. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. 31.
Воеводский М. В., Борисковский П. И., 1937. Стоянка Елин Бор // СА. 3.
Воеводский М. В., Формозов А. А., 1950. Стоянка Песочный Ров на Десне // КСИИМК. 35.
Габуния М. К., 1976. Триалетская мезолитическая культура. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Габуния М. К., Церетели Л. Д., 1977. Мезолит Грузии // КСИА. 149.
Гаврилова И. В., 1973. Археологические разведки на р. Унже // АО 1972 г.
Гаврилова И. В., 1975. Разведка на Нижней Мезени // АО 1974 г.
Гаврилова И. В., 1979. Исследования Костромского отряда // АО 1978 г.
Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1969. Поселение Косуй I // ВАУ. 8.
Генинг В. Ф., Петрин В. Т., Косинская Л. Л., 1973. Первые поселения эпохи позднего палеолита и мезолита в Западной Сибири // Из истории Сибири. Томск. 5.
Георгиевский А. М., Медведев Г. И., 1980. Мезолитическая стоянка Царь-Девица // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск. Вып. 2.
Гзелишвили И. А., 1953. К стратиграфии Сагварджиле // Сообщ. АН ГрузССР. Тбилиси. Т. 14, № 9.
Гладилин В. Н., Станко В. Н., 1968. Мезолитическое местонахождение на Киевщине у с. Таценки // АИУ. 2.
Гладилин В. Н., Станко В. Н., 1971. Дополнительные данные о мезолитическом местонахождении у с. Таценки // АИУ в 1968 г. Київ. 3.
Голдина Р. Д., 1978. Исследование памятников в бассейне Вятки и Сылвы // АО 1977 г.
Гольмстен В. В., 1928. Археологические памятники Самарской губернии // Труды РАНИОН (Секция археологии). М. 4.
Горелик А. Ф., 1975. Некоторые итоги изучения мезолита бассейна Среднего и Нижнего Донца // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. Киев. 1.
Горелик А. Ф., Кротова А. А., 1977. Раскопки поселения в уроч. Миневский Яр // АО 1976 г.
Городцов В. А., 1905. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // Тр. XII археологического съезда в Харькове 1902 г. М. 1.
Горюнова О. И., 1978. Ранние комплексы многослойного поселения Итырхей // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск. 4.
Горюнова О. И., 1982. Бескерамические комплексы многослойного поселения Берлога // Палеолит и мезолит юга Сибири. Иркутск.
Гофман И. И., 1966. Население Украины в эпоху мезолита и неолита: (Антропологический очерк). М.
Грибович Р. Т., 1977. Некоторые данные о мезолите и природной среде мезолитического времени Западной Волыни // Палеоэкология древнего человека. М.
Григолия Г. К., 1974. Открытые стоянки эпохи камня в Колхиде // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси. 6. На груз. яз. с рус. резюме.
Григолия Г. К., Церетели Л. Д., 1967. Мезолитическая стоянка у с. Энцери // Изв. АН ГССР. Тбилиси. 3. На груз. яз. с рус. резюме.
Григорьева Г. В., 1964. Новые памятники каменного века в Нижнем Подпестровье // КСОГАМ. 1962.
Григорьева Г. В., 1983а. Многослойная позднепалеолитическая стоянка Корпач в Молдавии // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.
Григорьева Г. В., 1983б. Позднепалеолитические памятники с геометрическими микролитами на русской равнине // КСИА. 173.
Гурина Н. Н., 1956. Оленеостровский могильник // МИА. Л. 47.
Гурина Н. Н., 1958. Валдайская неолитическая культура // СА. 3.
Гурина Н. Н., 1960. Новые мезолитические памятники лесной полосы Европейской части СССР // СА. 1.
Гурина Н. Н., 1961. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. М. 87.
Гурина Н. Н., 1965. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии // МИА. М.; Л. 131.
Гурина Н. Н., 1966. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии // МИА. М.; Л. 126.
Гурина Н. Н., 1967. Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. М. 144.
Гурина Н. Н., 1971. Новые исследования в северо-западной части Кольского полуострова // КСИА. 126.
Гурина Н. Н., 1973а. Некоторые данные новых исследований в Европейском Заполярье // КСИА. 137.
Гурина Н. Н., 1973б. Неолитические племена Валдайской возвышенности. Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны СССР в эпоху неолита // МИА. Л. 172.
Гурина Н. Н., 1977а. Некоторые итоги и ближайшие задачи изучения мезолита СССР // КСИА. 149.
Гурина Н. Н., 1977б. Основные особенности мезолитических памятников в верховьях Волги // КСИА. 149.
Гурина Н. Н., Кошечкин Б. И., Стрелков С. А., 1974. Первобытная культура и эволюция экологической обстановки в верхнем плейстоцене и голоцене на побережье Европейской Арктики // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.
Гусейнов М. М., 1959. Пещера каменного века на Авейдаге // Докл. АН АзССР. Баку. Т. 15, № 11. На азерб. яз. с рус. резюме.
Гусенцова Т. М., 1976. Исследования в Богородском р-не Кировской обл. // АО 1975 г.
Гусенцова Т. М., 1980. Исследование памятников эпохи камня и бронзы в бассейне р. Вятки // АО 1979 г.
Гусенцова Т. М., 1981. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки // СА. 3.
Гусенцова Т. М., Голдина Р. Д., 1977. Поселение Степницы II — памятник мезолитического времени в бассейне р. Лобань // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск.
Даниленко В. Н., 1955. Волошский эпипалеолитический могильник // СЭ. 3.
Денисов В. П., Мельничук А. Ф., 1979. Разведки в окрестностях г. Березники Пермской области // АО 1978 г.
Деревянко А. П., 1983. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск.
Джанелидзе Ч. П., 1980. Палеогеография Грузии в голоцене. Тбилиси.
Джафарзаде И. М., 1958. Наскальные изображения Кобустана // Тр. Ин-та истории АН АзССР. Баку. 13.
Диков Н. Н., 1977а. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М.
Диков Н. Н., 1977б. К проблеме «мезолита» на Камчатке // КСИА. 149.
Диков Н. Н., 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.
Диков Н. Н., Титов Э. Э., 1982. Проблемы стратификации и периодизации Ушковских стоянок // Тез. докл. XI конгресса ИНКВА. М. 3.
Добровольський А. В., 1949. Восьма ігренська неолітична стоянка // Археологічні пам'ятки УРСР. 2.
Добровольський А. В., 1954. Могильник в с. Чаплі // Археологія. Київ. 9.
Долуханов П. М., 1980. Развитие экосоциальных систем на территории Юго-Западной Азии в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
Долуханов П. М., 1985. Аридная зона Старого Света в позднем плейстоцене и голоцене // Изв. ВГО. Т. 115, № 1.
Долуханов П. М., Левковская Г. М., 1971. История развития природной среды и первобытных культур на востоке Латвии в голоцене // Палинология голоцена. М.
Долуханов П. М., Пашкевич Г. О., 1978. Палеогеография верхнего палеолита, мезолита и неолита Украины // Науковий архів Інституту ботаники АН УССР. Київ.
Егоров О. В., 1969. Остатки фауны из многослойной стоянки Белькачи I // Ю. А. Мочанов. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.
Ермолова Н. М., 1978. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск.
Ефименко П. П., 1924. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранненеолитического возраста // Русский антропологический журнал. 13.
Ефименко П. П., 1953. Первобытное общество. Киев.
Ефименко П. П., Третьяков П. Н., 1968. Яндашевская стоянка // СА. 2.

Жилин М. Г., 1986. Технолого-функциональное исследование мезолитических каменных изделий Волго-Окского бассейна: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М.
Жилин М. Г., Фролов А. С., 1981. Мезолитическая стоянка Ладыжино III: (По материалам раскопок 1976 и 1977 гг.) // СА. 2.
Жуков В. А., 1980. Работы Маркансуйского археологического отряда в 1975 г. // АРТ. 15.
Жуков В. А., 1982. Работы Маркансуйского археологического отряда в 1976 г. // АРТ. 16.
Журавлев А. П., 1983. Мезолитическое поселение Пегрема VIII в Карелии // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л
Загорска И., Загорскис Ф., 1977. Мезолит Латвии // КСИА. 149.
Загорскис Ф. А., 1967. Ранний и развитой неолит восточной части Латвии: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Рига.
Заднепровский Ю. А., 1966. Неолит Центральной Ферганы // КСИА. 132.
Зайберт В. Ф., 1977. Раскопки у с. Тельмана Целиноградской области // АО 1976 г.
Зайберт В. Ф., 1979а. Неолит Северного Казахстана: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М.
Зайберт В. Ф., 1979б. Памятники каменного века Петропавловского Приишимья // СА. 1.
Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М., 1981. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. 3.
Зайберт В. Ф., Татаринцева Н. С., Заитов В. И., 1979. Исследования в Кокчетавской области // АО 1978 г.
Залізняк Л. Л., 1976. Мезолітичні пам'ятки типу Таценки-Кудлаївка // Археологія. Київ. 20.
Зализняк Л. Л., 1977. Мезолит Восточной Волыни и Киевского Поднепровья в свете новых исследований // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев.
Залізняк Л. Л., 1978. Рудоострівська мезолітична культура // Археологія. Київ. 25.
Зализняк Л. Л., 1984. Мезолит Юго-Восточного Полесья. Киев.
Замятнин С. Н., 1958. Разведки по каменному веку в Азербайджане осенью 1953 г. // Тр. Ин-та истории АН АзССР. Баку. 13.
Замятнин С. Н., Акритас П. Г., 1957. Раскопки грота Соссруко в 1955 г. // Учен. зап. Кабард.-Балкар. НИИ. Нальчик. 13.
Зданович Г. Б., Зданович С. Я., Зайберт В. Ф., 1972. Работы в Северном Казахстане // АО 1971 г.
Земляков Б. Ф., 1935. Работы на строительстве Балтийско-Беломорского канала // Археологические работы Академии на новостройках. Л. 1.
Земляков Б. Ф., 1936а. Четвертичная геология Карелии // Тр. КНИИ. Петрозаводск. 1.
Земляков Б. Ф., 1936б. Ответ о работах Кольской экспедиции // Тр. секции археологии. Л. 2.
Земляков Б. Ф., 1937а. О следах арктического палеолита на Севере СССР // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода при АН СССР. 5.
Земляков Б. Ф., 1937б. Археологические исследования на побережье Арктического океана // Тр. секции археологии. Л. 3.
Земляков Б. Ф., 1940. Арктический палеолит на севере СССР // СА. 5.
Зимина М. П., 1975. Боровичская мезолитическая стоянка // Памятники древнейшей истории Евразии. М.
Зубаков В. А., Борзенкова И. И., 1983. Палеоклиматы позднего кайнозоя. Л.
Зубков В. И., 1950. Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке // КСИИМК. 32.
Исаенко В. Ф., 1966. Мезолит и неолит Припятского Полесья // Древности Белоруссии. Минск.
Исаенко В. Ф., 1978. Археологическая карта Белоруссии. Минск. 1.
Исламов У. И., 1970. Мезолитическая стоянка Кушилиш под Ташкентом // ОНУз. 7.
Исламов У. И., 1972а. К вопросу о локальных вариантах эпохи мезолита и неолита в Узбекистане // Каменный век Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Ташкент.
Исламов У. И., 1972б. Мезолитические памятники Ферганской долины // ИМКУ. 9.
Исламов У. И., 1972в. Результаты раскопок пещерных стоянок мезолитического времени в Узбекистане // УСА. 1.
Исламов У. И., 1972 г. Результаты раскопок 1971 г. в пещерных стоянках Мачай и Обишир // УСА. 2.
Исламов У. И., 1974а. К вопросу о локальных вариантах эпохи мезолита и неолита в Узбекистане // ИМКУ. 11.
Исламов У. И., 1974б. Новые материалы по каменному веку Южного Узбекистана // Древняя Бактрия. Л.
Исламов У. И., 1975а. Пещера Мачай. Ташкент.
Исламов У. И., 1975б. К выделению локальных вариантов мезолита Узбекистана // ИМКУ. 12.
Исламов У. И., 1977. Мезолит Средней Азии: Автореф. дис. . . . д-ра ист. наук. Новосибирск.
Исламов У. И., 1980. Обиширская культура. Ташкент.
Исламов У. И., 1982. Стоянка Кушилиш // У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент.
Исламов У. И., Матюхин А. Е., 1974. Галечные орудия из пещеры Мачай // ИМКУ. 11.
Исламов У. И., Матюхин А. Е., 1975. О специфической группе орудий из пещерной стоянки Мачай // СА. 3.
Исламов У. И., Тимофеев В. И., 1977. Стоянки каменного века южной части Центральной Ферганы // ИМКУ. 13.
История Казахской ССР, 1977. Алма-Ата. 1.
История Таджикского народа, 1963. М. 1.
История Узбекской ССР, 1955. Ташкент. 1.
Кавтарадзе Г. Л., 1981. Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Каландадзе А. Н., 1953. Археологическая экспедиция Юго-Осетии 1952 г. // Науч. сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси. 1. На груз. яз. с рус. резюме.
Каландадзе А. Н., Ниорадзе М. Г., Церетели Л. Д., 1975. Работы Кутаисской экспедиции // АО 1974 г.
Каландадзе А. Н., Церетели Л. Д., 1976. Некоторые мезолитические памятники среднегорья Грузии // Сборник, посвященный 100-летию И. А. Джавахишвили. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Канивец В. И., 1973. Мезолитические стоянки на Средней Печоре и Усе // МАЕСВ. 4.
Канивец В. И., Верещагина И. В., 1973. Новые памятники на Северной Двине // АО 1972 г.
Канивец В. И., Лузгин В. Е., 1963. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине // МАЕСВ. 2.
Касымов М. Р., 1972. Результаты археологических работ в долине р. Сох в 1966—1967 гг. // ИМКУ. 9.
Квасов Д. Д., 1980. Палеолимнология Арала // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
Кессел Х., Пуннинг Я. М., 1969а. О распространении и стратиграфии Иольдиевого моря на территории Эстонии // Изв. АН ЭССР. Таллин. 18.
Кессел Х., Пуннинг Я. М., 1969б. Об абсолютном возрасте голоценовых трансгрессий на территории Эстонии // Изв. АН ЭССР. Таллин. 18.
Кесь А. С., Андрианов В. А., Итина М. А., 1980. Динамика гидрографической сети и изменения уровня Аральского моря // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
Кетрару Н. А., 1973. Памятники эпох неолита и мезолита // Археологическая карта. Кишинев. 1.
Кибальчич Т. В., 1880. О находках предметов каменного периода на левом берегу Днепра. СПб.
Кигурадзе Т. В., 1976. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Киладзе Н. З., 1953. Многослойный археологический памятник Сагварджиле // Сообщ. АН ГССР. Тбилиси. 14, № 9.
Клапчук М. М., 1980. Палеолітичні та мезолітичні місцезнаходження поблизу Делятина // Археологія. Київ. 34.
Климанов В. А., 1978. Палеоклиматические условия Русской равнины в климатический оптимум голоцена // ДАН СССР. 4.
Колосов Ю. Г., 1957. Новые неолитические стоянки Крыма // КСИА АН УССР. Киев. 7.
Колосов Ю. Г., 1960. Раскопки пещеры Кара-Коба в Крыму // КСИА АН УССР. Киев. 10.
Колосов Ю. Г., 1964. Некоторые позднепалеолитические стоянки Порожистой части Днепра (Осокоровка, Дубовая Балка, Ямбург) // САИ. А 1-5.
Колосов Ю. Г., 1971. Мезоліт // Археологія. Київ. 1.
Кольцов Л. В., 1963. Стоянка Коприно на Верхней Волге // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.
Кольцов Л. В., 1965а. Мезолит Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М.
Кольцов Л. В., 1965б. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. 4.
Кольцов Л. В., 1966. Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА. 126.

Кольцов Л. В., 1974. Среда и материальная культура финального палеолита и мезолита в Волго-Окском междуречье // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.

Кольцов Л. В., 1975. Памятники с янославицкими элементами на территории СССР // Памятники древнейшей истории Евразии. М.

Кольцов Л. В., 1976. Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского междуречья // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.

Кольцов Л. В., 1977. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.

Кондукторова Т. С., 1957. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I // Советская антропология. 2.

Копытин В. Ф., 1977. Мезолит юго-восточной Белоруссии // КСИА. 149.

Коробкова Г. Ф., 1966. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии (По данным функционального анализа): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук.

Коробкова Г. Ф., 1968. Культуры Средней Азии эпохи мезолита и неолита. Проблемы археологии Средней Азии // Тез. докл. и сообщ. к совещанию по археологии Средней Азии (1—7 апреля 1968 г.). Л.

Коробкова Г. Ф., 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА. М. 158.

Коробкова Г. Ф., 1970. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии // КСИА. 122.

Коробкова Г. Ф., 1972а. Изучение каменной индустрии и проблема выделения культур и локальных вариантов: (По материалам мезолита и неолита Средней Азии) // Каменный век Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. Ташкент.

Коробкова Г. Ф., 1972б. Трасологическое исследование каменного инвентаря Самаркандской стоянки (По материалам 1958—1960 гг.) // КСИА. М. 185.

Коробкова Г. Ф., 1975. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии: (По материалам каменной индустрии) // СА. 3.

Коробкова Г. Ф., 1977. Мезолит Средней Азии и его особенности // КСИА. 149.

Коробкова Г. Ф., 1982. Традиции и инновации в культурах мезолита—неолита Бактрии // Древнейшие культуры Бактрии: Тез. сов.-франц. симпозиума. Душанбе.

Коробкова Г. Ф., Крижевская Л. Я., Мандельштам А. М., 1968. К вопросу о неолите Прикаспия // История, археология и этнография Средней Азии. М.

Косарев М. Ф., 1973. Древние памятники в низовьях Кети // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

Косарев М. Ф., Куйбышев А. В., 1974. Древние памятники Кулундинской степи // Из истории Сибири. Томск. 15.

Косменко М. Г., 1971. Вторая Деуковская мезолитическая стоянка на р. Ик // КСИА. 126.

Косменко М. Г., 1972а. Новая мезолитическая стоянка в устье р. Белой // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М. 1.

Косменко М. Г., 1972б. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 3.

Косменко М. Г., 1977. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. 149.

Косменко М. Г., 1978а. Работы Сямозерского отряда // АО 1977 г.

Косменко М. Г., 1978б. Итоги раскопок Татаро-Азибейской IV стоянки // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань.

Косменко М. Г., 1978в. Стоянки мезолитической эпохи на Кенто-Костомукшской озерной системе // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск.

Косменко М. Г., 1982. Комплексы эпохи железа и раннего средневековья на многослойном поселении Муромское VII // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск.

Косменко М. Г., Витенкова И. Ф., 1980. Мезолитический слой поселения Муромское VII // СА. 4.

Котович В. Г., 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала.

Котович В. М., 1976. Древнейшие изображения горного Дагестана. М.

Котович В. Г., 1982. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.

Крайнов Д. А., 1938. Пещерная стоянка Замиль-Коба I // Тр. ГИМ. М. 8.

Крайнов Д. А., 1947. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа // БКИЧП. М.; Л. 9.

Крайнов Д. А., 1960. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // МИА. М. 91.

Крайнов Д. А., 1964. Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. 97.

Крайнов Д. А., 1972. Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I // КСИА. 131.

Крайнов Д. А., Кольцов Л. В., 1983. Стоянка Староконстантиновская IV // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин.

Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., 1984. Хронология, периодизация и палеогеография первобытных племен центра Русской равнины в голоцене // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М.

Красковский В. И., 1965. Тарденуазская стоянка Доброжаны // Кр. сооб. Одес. гос. археолог. музея.

Красковский В. И., 1967. Эпипалеолитические местонахождения Васильевка и Барабой IV // Зап. Одес. археолог. о-ва. 2.

Красковский В. И., 1978. Памятники палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Краснов Ю. А., 1962. Следы мезолита в долине Москвы-реки // СА. 1.

Куфтин Б. А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси.

Левенок В. П., 1966. Мезолит среднерусского Днепро-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры // МИА. 126.

Левицький І. Ф., 1931. Станція в урочищі Піщане біля Народич // Антропологія. 4.

Левицкий И. Ф., 1947. Итоги исследования палеолитической стоянки на Осокоровской балке // Науч архив ИА АН УССР.

Левицький І. Ф., 1949. Розкопки палеолітичної стоянки на балці Осокорівської в 1946 році // АП. 2.

Левицький І. Ф., Телегін Д. Я., 1956. Дослідження стоянки в урочищі Минівський Яр на Сіверському Донці // АП. 6.

Лежненко И. А., 1971. Стоянки Ангаро-Идинского района («Идинский» комплекс) // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск. 1.

Лежненко И. А., 1980. Итоги изучения мезолитического памятника Верхоленская Гора II // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск. 2.

Лежненко И. А., Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., 1982. Исследования палеолитических и мезолитических горизонтов стоянки Сосновый Бор на реке Белой в 1966—1971 гг. // Палеолит и мезолит юга Сибири. Иркутск.

Леонтьев О. К., Рычагов Г. И., 1982. Характер и причины колебания уровня Каспия в послеледниковое время // Тез. докл. XI конгресса ИНКВА. М. 3.

Лийва А. А., Ильвес Э. О., Пуннинг Я. М., 1974. Радиоуглеродный метод и его применение в четвертичной геологии и археологии Эстонии. Таллин.

Лисицына Г. Н., 1958. К вопросу об аллереде Прибалтики и о возрасте стоянки Кунда // СА. 3.

Лисицына Г. Н. 1961. Природные условия среднего и позднего голоцена в бассейне озера Воже // Сб. по археологии Вологод. области. Вологда.

Лисицына Г. Н., Массон В. М., 1980. Изменения природной среды и хозяйства древних племен Юго-Восточного Прикаспия в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.

Литвинский Б. А., Ранов В. А., 1964. Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. // Тр. Ин-та истории АН ТаджССР. Душанбе. Т. 42.

Логвин В. Н., 1977. Новые памятники каменного века Кустанайской области // СА. 4.

Лозе И. А., 1966. Некоторые мезолитические находки на территории Латвии // МИА. М.; Л. 126.

Лузгин В. Е., 1972. Древние культуры Ижмы. М.

Лузгин В. Е., 1973. Мезолит и ранний неолит в долине р. Ижмы (Бассейн Средней Печоры) // МИА. М. 172.

Любин В. П., 1959. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия) // Изв. ВГО. М. 91.

Любин В. П., 1961. Мезолитическая стоянка Явора // КСИА. 84.

Любин В. П., 1966. Первые сведения о мезолите горного Кавказа (Осетия): У истоков древних культур // МИА. М.; Л. 126.

Любин В. П., Соловьев Л. Н., 1971. Исследования Малой

Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа // МИА. М. 173.
Любин В. П., Аутлев П. У., Александрова М. В., Амирханов Х. А., Борзияк И. А., 1976. Исследования палеолита Прикубанья // АО 1975 г.
Любин В. П., Аутлев П. У., Амирханов Х. А., 1977. Раскопки палеолитических стоянок в каньоне р. Губс в Прикубанье // АО 1976 г.
Малаховский Д. Б., Спиридонова Е. А., Арсланов Х. А., Квасов Д. Д., Знаменская О. М., 1976. Новые данные о позднеледниковых отложениях Северо-Запада Русской равнины // Северо-Запад Европейской части СССР. Л.
Мамедов Э. Д., Батулин С. Г., 1977. Палеогидрогеологическая обстановка и древнее расселение человека в пустынях Средней Азии // Палеоэкология древнего человека. М.
Маркевич В. И., 1974. Буго-Днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев.
Марков Г. Е., 1961. Раскопки первобытной стоянки Оюклы // ВМГУ. Сер. истории. 3.
Марков Г. Е., 1966а. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии // СА. 2.
Марков Г. Е., 1966б. Раскопки памятника первобытной культуры в Западном Туркменистане — грота Дам-Дам-Чешме 2 // ИАН ТССР. 2.
Марков Г. Е.. 1966в. Раскопки памятника первобытной культуры в Западном Туркменистане — Грота Дам-Дам-Чешме 2 // ИАН ТССР. 5.
Марков Г. Е. 1971. Материалы по каменному веку Прибалханья // Материальная культура Туркменистана. Ашхабад.
Марков Г. Е., 1975. Памятники каменного века Западной Туркмении и проблема типологии археологических культур в мезолите и неолите // ИМКУ. 12.
Марков Г. Е., 1979. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. М.
Марков Г. Е., 1981. Памятники первобытности в Восточном Прикаспии — Грот Дам-Дам-Чешме 1 // ВМГУ. Сер. 8, История. 3.
Марков Г. Е., Дурдыев М. Б., 1977. Новые исследования первобытных памятников в Прикаспии // Каракумские древности. Ашхабад. 5.
Марков Ю. Н., Образцов В. А., 1981. Датирование древних памятников Туркмении и соседних областей методом радиокарбонового анализа // ИАН ТССР. Сер. общ. наук. 6.
Маруашвили Л. И., 1946. Зуртагетская палеолитическая стоянка в Южной Грузии и ее геологическое значение // Природа. 12.
Массон М. Е., 1936. Термезская археологическая комплексная экспедиция // Тр. УзФАН. Сер. 1, История, археология. 2.
Массон В. М., 1964. Средняя Азия и Ближний Восток. М.
Массон В. М., 1966. К вопросу о мезолите Передней Азии // У истоков древних культур: (Эпоха мезолита) // МИА. М.; Л. 126.
Массон В. М., 1971. Поселение Джейтун // МИА. М. 180.
Массон В. М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
Массон В. М., Окладников А. П., Юнусалиев М. Е., 1984. Киргизия в эпоху палеолита: Сложение и расцвет первобытного строя // История Киргизской ССР. Фрунзе.
Матюшин Г. Н., 1961. Отчет о работе Зауральского отряда археологической экспедиции Башкирского государственного университета в 1961 г. // Архив ИА АН СССР. М. Р-1, № 2301.
Матюшин Г. Н., 1963. Отчет о работе Башкирского (Учалинского) отряда ИА АН СССР в 1963 г. // Архив ИА АН СССР. М.
Матюшин Г. Н., 1964. Стоянки с мезолитическим инвентарем в горной Башкирии // КСИА. 97.
Матюшин Г. Н., 1965. Стоянка Мурат на оз. Узун-Куль // СА. 1.
Матюшин Г. Н., 1966. Новые данные по мезолиту, неолиту и энеолиту Южного Урала // АО 1965 г.
Матюшин Г. Н., 1969. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита // СА. 4.
Матюшин Г. Н., 1973. Мезолитические памятники высокогорных районов Южного Урала // Пробл. археологии Урала и Сибири. М.
Матюшин Г. Н., 1976. Мезолит Южного Урала. М.
Матюшин Г. Н., 1982. Энеолит Южного Урала. М.
Мацкевой Л. Г., 1976. Раскопки на поселении Вороцин II // АО 1975 г.
Мацкевой Л. Г., 1977. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев.
Мацкевой Л. Г., Пашкевич Г. А., 1973. К палеогеографии Керченского п-ва времени мезолита и неолита // СА. 2.
Медведев Г. И., Георгиевский А. М., Михнюк Г. Н., Савельев Н. А., 1971. Стоянки Ангаро-Бельского района // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск. 1.
Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Шмыгун П. Е., 1975. Мезолит юга Восточной Сибири // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск. 3.
Медоев А. Г., 1964. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // ИАН КазССР. Вып. 6.
Медоев А. Г., 1979. Гравюры на скалах: Сары-Арка, Мангышлак. Алма-Ата. 1.
Мелентьев А. Н., 1977. Мезолит Северного Прикаспия (Памятники сероглазовской культуры) // КСИА. 149.
Мелларт Дж., 1982. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.
Мельничук А. Ф., 1978. Разведки в Соликамском р-не Пермской обл. // АО 1977 г.
Мельничук А. Ф., 1979. Новые памятники в Осинском р-не Пермской обл. // АО 1978 г.
Мережковский К. С., 1880. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // Изв. РГО. Т. 17, вып. 2.
Микляев А. М., 1971. Памятники каменного века и эпохи бронзы в бассейне верхнего течения Западной Двины: (По материалам Невельской экспедиции): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Моргунова Н. Л., 1980. Разведки и раскопки в Оренбургской области // АО 1979 г.
Мочанов Ю. А., 1966. Древнейшие культуры Америки // СЭ. 4.
Мочанов Ю. А., 1969. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века в Якутии. М.
Мочанов Ю. А., 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск.
Наговицын Л. А., 1979. Городищенская стоянка на р. Чепце // Материалы археолог. памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
Небиеридзе Л. Д., 1978. Даркветский многослойный навес. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Нейштадт М. И., 1955. Из истории лесов северного склона Большого Кавказа в голоцене // ДАН СССР. Т. 102, № 3.
Нейштадт М. И., 1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.
Нейштадт М. И., Завельский Ф. С., Микляев А. М., Хотинский Н. А., 1969. Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области // Голоцен. М.
Несмеянов С. А., Ранов В. А., 1975. Археологические данные о возрасте наиболее молодых террас Средней Азии // БКИЧП. 43.
Никонов А. А., Ранов В. А., 1973. Новые данные об археологии каменного века и возрасте речных террас Афгано-Таджикской депрессии (Северный Афганистан, Южный Таджикистан) // БКИЧП. 40.
Никонов А. А., Пахомов М. М., Ранов В. А., Ренгартен Н. В., 1974. Природная обстановка времени обитания верхнепалеолитической стоянки Шугноу и вопросы первобытного заселения Памира // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М.
Окладников А. П., 1945. Следы каменного века в районе Термеза // Термезская археологическая экспедиция. Ташкент.
Окладников А. П., 1949. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении // КСИИМК. 28.
Окладников А. П., 1950. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. 1—2 // МИА. М. 18.
Окладников А. П., 1951 (1953). Древнейшие археологические памятники Красноводского п-ва // ТЮТАКЭ. 2.
Окладников А. П., 1953а. Изучение памятников каменного века в Туркмении (По данным работ IX отряда ЮТАКЭ в 1952 г.) // ИАН ТССР. Ашхабад. 2.
Окладников А. П., 1955. История Якутской АССР. М.; Л. Т. 1.
Окладников А. П., 1956а. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен // ТЮТАКЭ. 7.
Окладников А. П., 1956б. Древнейшее прошлое Туркменистана (Древние охотники и собиратели в степях и пустынях Туркменистана) // ТИИАЭ АН ТССР. Ашхабад. 1.
Окладников А. П., 1958. Исследования памятников каменного

века Таджикистана: Предварительное сообщение о работах 1948, 1952—1954 гг. // МИА. М. 66.
Окладников А. П., 1959. Каменный век Таджикистана: Итоги и проблемы // Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии (29 октября — 4 ноября 1956 г.). М.; Л.
Окладников А. П., 1966а. Верхнепалеолитическое и мезолитическое время // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.
Окладников А. П., 1966б. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР // МИА. М.; Л. 126.
Окладников А. П., 1977. Мезолит Дальнего Востока // КСИА. 149.
Окладников А. П., Деревянко А. П., 1973. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток.
Окладников А. П., Кляшторный С. Г., 1961. Археологические работы в центральных Каракумах // Тр. Всесоюз. науч. геол. ин-та. Т. 46: Проблема нефтегазоносности Средней Азии. 2.
Окладников А. П., Ранов В. А., 1963. Каменный век // История таджикского народа. М. 1.
Ошибкина С. В., 1975. Мезолитические стоянки бассейна Сухоны // Памятники древнейшей истории Евразии. М.
Ошибкина С. В., 1979. Мезолитическая стоянка Андозеро // КСИА. 149.
Ошибкина С. В., 1981. Памятники эпохи мезолита в Восточном Прионежье // КСИА. 165.
Ошибкина С. В., 1982. Мезолитический могильник Попово на р. Кинеме // СА. 3.
Ошибкина С. В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и восточного Прионежья. М.
Ошибкина С. В., Макаров Н. А., 1979. О работе в зоне переброски северных рек // АО 1978 г.
Паавер К. Л., 1965. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Таллинн.
Паничкина М. З., 1941. Мезолитическая стоянка Борки // МИА. М.; Л. 2.
Панкрушев Г. А., 1978а. Мезолит и неолит Карелии. Л. 1.
Панкрушев Г. А., 1978б. Мезолитические стоянки с жилищами на северном побережье Онежского озера // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск.
Панкрушев Г. А., 1982. Раннемезолитические поселения долины р. Повенчанки // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск.
Парфенов Г. В., 1961. Следы древнейших культур на городище Айртам // ИМКУ. 2.
Пахомов М. М., Никонов А. А., Ранов В. А., 1977. О палеогеографических условиях северного Памира в раннем голоцене по результатам изучения мезолитической стоянки Ошхона // ДАН ТаджССР. Душанбе. 20(5).
Пашкевич Г. А., 1982. Палеоботаническая характеристика поселения Мирное // В. Н. Станко. Мирное. Киев.
Песонен П. Э., 1978. Мезолитические памятники Кандалакшского берега // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск.
Песонен П. Э., 1982. Мезолитическое поселение Суна XIII // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск.
Петрин В. Т., Смирнов Н. Г., 1975. Палеолитический памятник в Шикаевке на правобережье Тобола // ВАУ. Вып. 13.
Петров А. И., 1974. Разведки в Омской области // АО 1973 г.
Попова А. И., 1969. Спорово-пыльцевые спектры отложений левого берега р. Алдан у поселка Белькачи // Ю. А. Мочанов. Многослойная стоянка Белькачи. М.
Потемкина Т. М., 1978. Работы Тоболо-Иртышского отряда // АО 1977 г.
Потемкина Т. М., 1979. Работы Тобольского отряда // АО 1978 г.
Ранов В. А., 1959а. Первые памятники каменного века на Памире // Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л.
Ранов В. А., 1959б. Результаты разведок каменного века в 1955 г. // ТАН ТаджССР. 13.
Ранов В. А., 1961а. Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г. // ТИИ АН ТаджССР. 27.
Ранов В. А., 1961б. Рисунки каменного века в гроте Шахты // СЭ. 6.
Ранов В. А., 1962. Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире в 1960 г. // АРТ. 8.
Ранов В. А., 1964. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958 гг.) // МИА. М.; Л. 124.
Ранов В. А., 1968. Изучение каменного века в Средней Азии за 20 лет (1945—1965 гг.) // МКТ. 1.
Ранов В. А., 1973. Шугноу — многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яхсу (Раскопки 1969—1970 гг.) // АРТ. 10.
Ранов В. А., 1975. Памир и проблема заселения высокогорной Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. 16.
Ранов В. А., 1980. Стоянка Оби-Киик и некоторые вопросы изучения мезолита юга Средней Азии // Первобытная археология: Поиски и находки. Киев.
Ранов В. А., Коробкова Г. Ф., 1971. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры // СА. 2.
Ранов В. А., Юркевич Э. А., 1973. Стоянка с кремневым инвентарем в долине Пянджа // КСИА. 136.
Ранов В. А., Юсупов А. Х., Филимонова Т. Г., 1982. Каменный инвентарь стоянки Даран Шур и его культурные связи // Культура первобытной эпохи Таджикистана (От мезолита до бронзы). Душанбе.
Раушенбах В. М., 1956. Среднее Зауралье в эпоху камня и бронзы. М.
Раушенбах В. М., 1961. Мастерская каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагилом // СА. 2.
Римантене Р. К., 1971. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс.
Рогачев А. Н., 1966. Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы // МИА. М.; Л. 126.
Рогачев А. Н., 1969. Значение и роль социальной среды в развитии первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.
Рогинская А. Ю., 1950. Зараут-Сай: Записки художника. М.; Л.
Романова Е. Н., Семенцов А. А., Тимофеев В. И., 1972. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатории ЛОИА АН СССР // УСА. М. 2.
Россадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф., 1976. Древнейшая скульптура лесного Зауралья // СА. 4.
Рудинський М. Я., 1928. До питання про культури мезолітичної доби на Вкраїні // Антропологія. Київ.
Рудинський М. Я., 1931. Деякі підсумки та ближчі завдання палеонтлогічних вивчень у межах УРСР // Антропологія. Київ. 4.
Рудинський М. Я., 1952. Дубно-Кременецька палеолітична экспедиція // АП. 4.
Рустамов Д. Н., Мурадов Ф. М., 1975. Полевые работы в Гобустане // Археолог. и этнограф. изыскания в Азербайджане (1974). Баку.
Савчук А. П., 1974. Нові мезолітичні стоянки в київському Подніпров'ї // Археологія. Київ. 13.
Савчук А. П., 1975. Новые мезолитические памятники в Среднем Поднепровье // СА. 4.
Свинин В. В., 1980. Позднемезолитическая стоянка Лисиха // Мезолит Верхнего Приангарья. Иркутск. 2.
Семенцов А. А., Романова Е. Н., Долуханов П. М., 1975. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Афганистана, определенные лабораторией ЛОИА АН СССР в 1972—1973 гг. // УСА. 3.
Сериков Ю. Б., 1977. Трасологический анализ каменных орудий с мезолитической стоянки Сухрино I // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск.
Сигнадзе И. И., 1958. Погребенная пещера // Природа. 9.
Сібільов М. В., 1926—1930. Старовинності Ізюмщини. Ізюм. Вып. 1—4.
Сидоров В. В., Жилин М. Г., 1975. Мезолитическая стоянка Дальний Остров в Подмосковье // СА. 2.
Соловьев Л. Н., 1956. Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа // Вопр. карста на Юге Европейской части СССР. Киев.
Соловьев Л. Н., 1961. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. // ТИЯЛИ, Сухуми. 32.
Соловьев Л. Н., 1973. Гарпуны грота Хупынипшахва // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
Соловьев Л. Н., Орелкин В. С., 1961. Находки костей человека в гроте Хупынипшахва в Абхазии // Вопр. антропологии. М. 6.
Сорокин А. Н., 1981а. Позднемезолитическая стоянка Микулино (Мещера) // СА. 1.
Сорокин А. Н., 1981б. Мезолитическая стоянка Петрушино во Владимирской области (Мещера) // СА. 4.
Сорокин А. Н., 1984. Мезолит Великих мещерских озер // СА. 1.

Станко В. Н., 1965. Мезолитическая стоянка Мирное // КСОГАМ за 1963 г.
Станко В. Н., 1966. Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области // СА. 2.
Станко В. Н., 1967. Мезолит Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Киев.
Станко В. Н., 1972. Типы памятников и локальные культуры в мезолите Северного Причерноморья // МИА. М. 185.
Станко В. Н., 1976. Периодизация памятников мезолита Северного Причерноморья // МАСП. 8.
Станко В. Н., 1982. Мирное: Проблема мезолита степей Причерноморья. Киев.
Старков В. Ф., 1979. Новые данные о среднеиртышской культуре // История, археология и этнография Сибири. Томск.
Старков В. Ф., 1980. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.
Стефанова И. И., 1966. Черняницкая мезолитическая стоянка // СА. 4.
Стефанова И. И., 1967. Первые мезолитические памятники в бассейне р. Вятки // V уральское археологическое совещание: (Тез. докл. и сообщ.). Сыктывкар.
Стоколос В. С., 1975. Археологические исследования на Европейском северо-востоке СССР. Сыктывкар.
Столяр А. Д., 1959. Первый Васильевский мезолитический могильник // Археологический сборник Эрмитажа. Л. 1.
Столяр А. Д., 1961. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму // КСИА. 84.
Стоянов В. Е., Крижевская Л. Я., Старков В. Ф., 1977. Мезолитическая стоянка Сухрино I на р. Исети // Археолог. исслед. на Урале и в Западной Сибири. Свердловск. 1976.
Телегин Д. Я., 1956. Мезолитические стоянки в окрестностях Киева // КСИИМК. 65.
Телегин Д. Я., 1957. Третий Васильевский могильник // КСИА АН УССР. 7.
Телегін Д. Я., 1972. Васильівський третій некрополь в Надпоріжжі // Археологія. Київ. 13.
Телегин Д. Я., 1966. Мезолит Украины и его место в сложении днепро-донецкой неолитической культуры // МИА. М.; Л. 126.
Телегин Д. Я., 1973. Поздний мезолит Украины: Опыт культурно-территориального членения памятников // The Mesolithic in Europe. Warsaw.
Телегін Д. Я., 1976. Про номенклатурний список крем'яних виробів доби мезоліту—неоліту // Археологія. Київ. 19.
Телегін Д. Я., 1982. Мезолітичні пам'ятки України, Київ.
Телегин Д. Я., 1985. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской СССР. Киев.
Тимофеев В. И., 1972. Выделение территориальных групп среди неолитических стоянок Ферганы // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент.
Третьяков П. Н., 1950. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн // МИА. М. 13.
Третьяков П. Н., 1963. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья // МИА. М. 110.
Тушабрамишвили Д. М., 1981. Палеолит в Грузии // Пещеры Грузии. Тбилиси. 9.
Тушабрамишвили Д. М., Векуа А. К. 1982. Палеолит в Грузии // Четвертичная система: К XI международному конгрессу по изучению четвертичного периода (ИНКВА). М.; Тбилиси.
Уваров А. С., 1881. Археология России. М. Т. 1: Каменный период.
Урбан Ю. Н., 1975. Открытие мезолита в бассейне Средней Мологи // Памятники древнейшей истории Евразии. М.
Федоров П. В., 1978. Плейстоцен Понто-Каспия. М.
Федоров П. В., 1980. О некоторых вопросах голоценовой истории Каспия и Арала // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
Федосеева С. А., 1975. Древние культуры долины Маи // Якутия и ее соседи в древности. Якутск.
Филатова В. Ф., 1972. К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики сперрингс и позднемезолитических // Археолог. исслед. в Карелии. Л.
Филатова В. Ф., 1978. Мезолитические стоянки Сямозера // Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск.
Филатова В. Ф., 1982. Древнейшие памятники юго-западного побережья Онежского озера // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск.
Формозов А. А., 1949. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. XXV.
Формозов А. А., 1951. Книга о древней наскальной живописи в Узбекистане // СЭ. 3.
Формозов А. А., 1954. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. 21.
Формозов А. А., 1959. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.
Формозов А. А., 1963. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // СА. 4.
Формозов А. А., 1964. Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья // КСИА. 98.
Формозов А. А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.
Формозов А. А., 1966. О наскальных изображениях Зараут-Камара в ущелье Зараут-Сай // СА. 4.
Формозов А. А., 1968. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.
Формозов А. А., 1969. Очерки по первобытному искусству. М.
Формозов А. А., 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.
Формозов А. А., 1978. Новые книги о наскальных изображениях Кавказа и Средней Азии: (Обзор публикаций 1973—1976 гг.) // СА. 3.
Формозов А. А., 1980. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.
Фосс М. Е., 1941. Стоянка Веретье // Тр. ГИМ. 12.
Фосс М. Е., 1941. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье // МИА. 2.
Фосс М. Е., 1952. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. 29.
Фролов А. С., Жилин М. Г., 1978. Новый памятник мезолита на Верхней Оке // СА. 1.
Фролов А. С., Сорокин А. Н., Жилин М. Г., 1977. Первые памятники мезолита в Мещере // СА. 2.
Фролов А. С., Трусов А. В., Сорокин А. Н., 1976. Разведки в Мещере // АО 1975 г.
Халиков А. Х., 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // Тр. Марийской археолог. экспедиции. Йошкар-Ола. 1.
Халиков А. Х., 1966. Мезолит Среднего Поволжья // МИА. М.; Л., 126.
Халиков А. Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.
Хамракулыев С., 1979. Новые исследования в гроте Дам-Дам-Чешме 2 // ИАН ТССР. Сер. обществ. 6.
Хамракулыев С., 1981. Каменный век Прибалханья: (Восточный Прикаспий): Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М.
Хлобыстин Л. П., 1965. Древнейшие памятники Байкала // МИА. М. 131.
Хлобыстин Л. П., 1970. Новые памятники бассейна рек Анабара и Оленека // Древняя Сибирь. Новосибирск. 3.
Хлобыстин Л. П., 1973. Древнейшие памятники западного Таймыра // КСИА. 137.
Хлобыстин Л. П., 1982. Первоначальное заселение Евразийского Заполярья / Тез. докл. XI конгресса ИНКВА. М. 2.
Хотинский Н. А., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.
Хотинский Н. А., 1980. Три типа изменения климата Северной Евразии в голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
Хотинский Н. А., 1981. Результаты пыльцевого анализа отложений в районе стоянки Виноградовка II (раскоп 1, уч. В-7) Красноармейского р-на Кокчетавской обл. // СА. 3.
Хошберг Л. Б., Рязанцев А. А., Мечетин А. В., 1982. Древние береговые линии последней трансгрессии и их картирование на шельфе Японского и Охотского морей // Тез. докл. XI конгресса ИНКВА. М. 3.
Цалкин В. И., 1956. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А. П. Окладниковым // ТЮТАКЭ. 7.
Цалкин В. И., 1970. Новейшие домашние животные Средней Азии // Сообщ. II. БМОИП. Отд-ние биологии. М. 45.
Цвейбель Д. С., 1962. Новые данные о памятниках каменного века в Донецкой области // МАСП. 4.
Церетели Д. В., 1965. Геологические условия местонахождения палеолитических орудий в окрестностях сел Лир и Речхи: (Бассейны Ингури и Эрисциали) // Архив Д. В. Церетели. На груз. яз.
Церетели Д. В., 1970. О геологической датировке культурных остатков палеолитического человека Цонской пещеры и ее палеогеографических условиях // Тр. геолог. о-ва ГССР. Тбилиси. 11. На груз. яз. с рус. резюме.

Церетели Л. Д., 1966. Об одной временной палеолитической пещерной стоянке // Изв. АН ГССР. Тбилиси. 4. На груз. яз. с рус. резюме.
Церетели Л. Д., 1970. По поводу некоторых остеологических остатков Причерноморья Грузии (Квачара, Яштхва) // Изв. АН ГССР. Тбилиси. 6. На груз. яз. с рус. резюме.
Церетели Л. Д., 1971. Остатки пещерного медведя в Квачара и Яштхва // Археолог. исслед. в Грузии в 1969 г. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Церетели Л. Д., 1973а. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
Церетели Л. Д., 1973б. Палеолитическая стоянка Квачара // Тр. ИИ АН ГССР. 7. На груз. яз. с рус. резюме.
Церетели Л. Д., 1974. Еще одна мезолитическая стоянка Причерноморья Грузии // Материалы археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси. 6. На груз. яз. с рус. резюме.
Церетели Л. Д., 1982. К вопросу о древнейшем рыболовстве в Грузии // Тез. докл. XI конгресса ИНКВА. М. 3.
Церетели Л. Д., Клопотовская Н. Б., Майсурадзе Г. М., 1978. Пещерная стоянка Апианча (Кей-Богаз) // Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. М.
Церетели Л. Д., Клопотовская Н. Б., Куренкова Е. И., 1982. Многослойный памятник Апианча (Абхазия) // Четвертичная система: К XI международному конгрессу по изучению четвертичного периода (ИНКВА). М.: Тбилиси.
Церетели Л. Д., Клопотовская Н. Б., 1982. Палеогеография древнего человека по материалам пещеры Апианча (Кавказское Причерноморье) // Тез. докл. XI конгресса ИНКВА. М. 2.
Челидзе Л. М., 1976. Новые находки каменного века в Ширакартли // Полевые археолог. исслед. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР в 1974 г. Тбилиси.
Черепнин А. И., 1894. Местная старина // Тр. Рязан. учен. архивной комиссии. Рязань. Т. 9, вып. 1.
Чернецов В. Н., 1968. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.
Черницын Н. А., 1951. Археологическая карта Тотемского района Вологодской области // КСИИМК. XXXV.
Чернов Г. А., 1941. Стоянки древнего человека на р. Колве, Колвевис и Сандибей-Ю в Большеземельской тундре // КСИИМК. 9.
Чернов Г. А., 1951. Петрушинская стоянка на Средней Печоре // КСИИМК. 39.
Чернов Г. А., 1954. Новые археологические находки в Большеземельской тундре // КСИИМК. 54.
Чернов Г. А., 1959. Стоянки на Средней Печоре // СА. 2.
Чернов Г. А., 1978. Мезолитическая стоянка Сандибейю I // СА. 2.
Черныш А. П., 1950. Новые данные о палеолите и мезолите на Днестре // КСИИМК. 32.
Черныш А. П., 1970. Хронология мезолитических памятников Поднестровья // СА. 1.
Черныш А. П., 1971. Исследование стоянки Оселивка I в 1966—1967 гг. // КСИА. 126.
Черниш О. П., 1973. Стоянка Атаки VI і деякі питання мезоліту Подністров'я // Археологія. Київ. 13.
Черниш О. П., 1975. Стародавне населення Подністров'я в добу мезоліту. Київ.
Шарапов Ш. 1972. Остатки млекопитающих из неолитической стоянки Сай-Сайед (Южный Таджикистан) // Вопр. зоологии Таджикистана. Душанбе.
Шмыгун П. Е., Ендрихинский А. С., 1978. Курлинский бескерамический комплекс на северном Байкале: (Предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск. 4.
Шнирельман В. А., 1974. Некоторые проблемы происхождения скотоводства // СЭ. 3.
Юнусалиев М. Б., 1967. Изучение каменного века в Киргизии // ИАН КиргССР. 4.
Юнусалиев М. Б., 1970а. В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. Фрунзе.
Юнусалиев М. Б., 1970б. Памятники каменного века на территории Киргизии. Фрунзе.
Юсупов А. Х., 1975. Неолитическое поселение Сайед на юго-западе Таджикистана // СА. 2.
Юсупов А. Х., 1976. Отчет Нурекской группы (1972 г.) // АРТ. 12.
Юсупов А. Х., Филимонова Т. Г., 1982. Разведывательные работы Вахшского отряда в 1976 г. // АРТ. Вып. 16.
Яхимович В. Л. и др., 1958. Кайнозой Башкирского Предуралья. Уфа.
Alessio M., Bachechi F., Cortesi C., 1967. University of Rome carbon-14 dates // Radoicarbon. 9.
Bar-Yosef O., 1970. The Epi-Paleolithic cultures of Palestine. Ierusalem.
Bar-Yosef O., 1975a. The Epi-Paliolithic in Palestine and Sinai // PP.
Bar-Yosef O., 1975b. Les gisements «Kebarien géometrique» a d'Haon, vallée du Jordain // BSPF, T. 72, N 1.
Braidwood R., Howe B., 1960. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan // SAOS. 3.
Burow G. M., 1973. Die mesolithischen Kulturen im europaischen Nordesten // The Mesolithic in Europe. Warsaw.
Burow G. M., 1981. Der Bogen bei den mesolithischen Stameen Nordosteneuropas // Mesolithikum in Europa. B.
Chmielewska M., 1951. Grob kultury tardenuaskiej w Janislawicach, pow. Skierniewice /, WA. 20. 1.
Clark J. G. D., 1980. Mesolithic Prelude. Edinburgh.
Coon C. S., 1951. Cave explorations in Iran, 1949. Philadelphia.
Coon C. S., 1952. Excavation in Hotu cave // PAPS. Vol. 96, N 3.
Coon C. S., Ralph E. K., 1955. Radiocarbon dates for Kara Kamar, Afganistan // Science. Wash. 122.
Davis R. S., 1978. The paleolithic // The archaeology of Afganistan. L.
Dupree L., Hole B., 1963. Results of an archaeological survey for stone age site in North Afganistan // Afganistan. 8 (2).
Dupree L., 1967. The prehistoric period of Afganistan // Afganistan. Vol. 20, N 3.
Dupree L., 1972. Tentative conclusions and tentative chronological chart // Prehistoric research in Afganistan (1959—1966): Transactions of the American Philosophical Society. 62.
Dupree L., Davis R., 1972. The lithic and stone specimens from Aq Kupruk and Darra-i-Kur // Prehistoric research in Afganistan (1959—1966). Transactions of the American Philosophical Society. 62(4).
Garrod D. A., 1930. The paleolithic of Southern Kurdistan excavations in the caves of Zarzi and Hazar Merd // BASOR. New Haven. 6.
Garrod D. A. E., Clark J. G. D., 1965. Primitive man in Egypt, Western Asia and Europe. Cambridge. 1.
Ginter B., 1973. Remarks of the origin of some mesolithic cultures in Poland // The mesolithic in Europe. Warsaw.
Goin Ph., 1973. Prospection archeologique in Tash Qurghan // Afganistan. Vol. 25, N 4.
Grewingk K. C., 1882. Geologie und Archeologie des Mergellagers von Kunda in Estland // Archiv für die Naturkunde Liv-, Est- und Kurlands. 1. ser. Dorpat. Bd. 9, H. 1.
Gudelis V., 1979. Lithrania // The quaternary history of the Baltic. Uppsala.
Häusler A., 1962. Die Grabsihen der mesolithischen und neolithischen Jäger- und Fishergruppen auf dem Gebiet der UdSSR // Wissenschaft Leitschrift Univ. Halle, 11, 10.
Hole F., Flannery K. V., 1967. The prehistory of Southwestern Iran // RRS. 33.
Howell F. C., 1959. Upper pleistocene stratigraphy and early man in Levant // PAPS. Vol. 103, N 1.
Indreko R., 1948. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm.
Jaanits L., 1965. Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetestland // Finkst Museum. Helsingfors. 72.
Jaanits L., Jaanits K., 1975. Frühmesolithische Siedlung Pulli // Eesti NSV Teaduste Akademie Toimetised, Köide tihiskonnateadusted. T. 24, N 1.
Jablonskytė-Rimantiene R., 1966. Maglemozine ankstyvojo mesolito stovykla Maksimonyse IV // Тр. АН Лит. ССР. Сер. А. 3 (22).
Kenyon K., 1959. Earliest Jeriho // Antiquity. N 129.
Kirkbride D., 1960. A brief report on the pre-pottery flint cultures of Jeriho // PEQ. July—dec.
Kozlowski S. K., 1965. Z problematyki polskiego mezolity // AP. T. 10, z. 1.
Kozlowski S. K., 1972. Pradzieje ziem polskich od IX do V tysiąclecia p. n. e. W-wa.
Mc. Burney C. B. M., 1968. The cave Ali Tappen and epi-palaeolithic in northeastern Iran // PRS. 34.
Mellart J., 1975. The neolithic of the Near East. L.
Moora H., 1967. Eine Steinzeitliche Schlangen figur aus der Gegend von Narva // SMYA. 58.

ЛИТЕРАТУРА

Mörner N. A., 1980. A 10000 years paleotemperature record from Gotland and pleistocene—holocene boundary events in Sweden // Boreas. 9 (4).

Paunescu A., 1970. Evolutia Uneltelor si armelor de piantra cioplita descoperite pe teritoriue Romaniei. Bucuresti.

Perkins D. Jr., 1972. The fauna of the Aq Kupruk caves: a brief note // Prehistoric research in Afganistan (1959—1966): Transactions of the American philosophical society. Philadelphia. Vol. 62, pt. 4.

Ranov V. A., 1976. The paleolithic industries of the Central Asia: A revolution // Le paleolitique intérieur. Nice.

Ronen A., 1968. Excavations at the cave of Sefuhim (Irag el-Baroud) Mount Carmel // Quartär. 19.

Rust A., 1958. Die Funde von Pinnberg // Offa-Bucher. Neumünster. 14.

Rustamow D. N., 1976. Okuzlur // News letter in the Comission for the paleoecology early man International association quaternary research. Tubingen.

Schild R., 1966. Pózny paleolit Krymu y cykl Mazowszański // Archeologia Polski. W-wa.

Smith Ph. E. L., 1971. The paleolithic of Iran // Mèlanges de Prèhistoire d'Archecivilisation et d'Ethnologie offerts à André Varagnac. P.

Stekelis M., 1958. Le gisement mésolithique du Kefar Vitkin // L'Anthropologie. T. 72, N 3—4.

Sturms E., 1939. Mesolita atradumi Latvija // Senatne un Maksla. 1.

Turville-Petre F, 1932. Excavations in the Mugharet-el-Kebora // JRAI. 62.

Więckowska H., 1973. Outline of the division of culture of the Polish mesolithic // The mesolithic in Europe. Warsaw.

Yasuda Y., 1978. Prehistoric environment in Japan: Palinological approach // Sendal. Tohoku University.

Zagorska J., 1972. Akmens laikmeta harpūnas Latvijā // Изв. АН Латв ССР. 8.

Zagorskis F., 1973. Das Spätmesolithikum in Lettland // The mesolithic in Europe. Warsaw.

Список сокращений

АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев.
АО — Археологические открытия. М.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
АС — Археологический съезд.
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР.
БМОИП — Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ВККФАН — Вестник Кара-Калпакского филиала АН УзССР.
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета. М.
ДАН — Доклады Академии наук.
ДНК — Доклады научной конференции.
ИА — Институт археологии.
ИАН КазССР — Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ИАН КиргССР — Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
ИАН ТССР — Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. АН ЭССР — Известия Академии наук Эстонской ССР. Таллин.
Изв. ВГО — Известия Всесоюзного географического общества.
Изв. РГО — Известия Русского географического общества. М.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИНКВА см. INQVA.
ИЯЛИ — Институт языка и литературы.
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного музея. Одесса.
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МКТ — Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
ОНУз — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.
СЭ — Советская этнография. М.
ТАН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР. Душанбе.
ТИИАЭ АН Каз ССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ТИИАЭ АН ТаджССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР.
Тр. Абхазского ИЯЛИ — Труды Абхазского Института языка, литературы и истории.
Тр. АИЧПЕ — Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. М.
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея. М.
Тр. ИИ АН ГССР — Труды Института истории Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси.
Тр. КНИИ — Труды Карельского научно-исследовательского института. Петрозаводск.
Тр. РАНИОН — Труды Российской ассоциации научно-исследовательских общественных наук. М.
Тр. УзФАН — Труды Узбекского филиала Академии наук. Ташкент.
ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции. М.
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
УСА — Успехи среднеазиатской археологии.
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AP — Archeologia Polski. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk.
BSPF — Bulletin de la Société Prehistorique Française.
JRAI — Journal of the Royal Antropological Institute.
INQVA — International Quaternaire Association.
PAPS — Proceedings of the American Philosophical Society. Philadelphia.
PEQ — Palestine Explotation Quarterly. L.
PP — Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. (South. Methodist Univ. Press Contribution in Antropology. N 13). Dallas.
PPS — Proceeding of the Prehistoric society. Cambridge.
SAOS — School of American Oriental Studies. Chicago.
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksem Aikakauskirja. Helsinki.
WA — Wiadomości Archeologiczne. Warszawa.

Указатель имен

Абрамова З. А. 75
Абрамова Т. А. 151
Авенариус И. Г. 11
Акритас П. Г. 93, 100, 101
Аксенов М. П. 9, 177—179, 182, 183
Алпысбаев Х. А. 9, 169, 170
Амирханов Х. А. 93, 100, 102
Амосова А. Г. 151, 163
Андреева Е. Г. 37
Андрусов В. Н. 149
Анпилогов А. В. 27, 28
Асеев А. А. 75
Аутлев П. У. 93

Бадер Н. О. 8, 93, 100, 103, 104, 108
Бадер О. Н. 7, 8, 43, 45, 68, 71, 79, 89, 106, 125, 127—129, 132, 136, 142
Базаров Д.-Д. Б. 184
Базарова Л. Д. 184
Бакаев А. С. 73
Батулин С. Г. 155
Бахта В. 151
Бекаревич Н. М. 68
Беляшевский Н. Ф. 106
Бендукидзе О. Г. 95, 98
Бердзенишвили Н. З. 8, 93, 95, 96, 98
Береговая Н. А. 93
Беспрозванный Е. М. 9
Бжания В. В. 93
Бибиков С. Н. 7, 106, 108, 109, 200
Бибикова В. И. 14, 110, 112, 114
Бижанов Е. Б. 9, 149, 151, 155—158, 171
Бобров В. В. 141
Бодунов Е. В. 68, 78
Бодянский А. В. 106, 113, 123
Болиховская Н. С. 12
Бонч-Осмоловский Г. А. 7, 106, 108, 110, 114
Борзенкова И. И. 11
Борзияк И. А. 106
Борисковский П. И. 8, 68, 106, 149, 152
Браун А. 5
Брейдвуд Р. 154
Бродянский Д. Л. 185
Брюсов А. Я. 32, 37, 130
Булычев Н. И. 68, 69
Буров Г. М. 17, 41—43, 129
Бурчак Д. Н. 95
Бурчак-Абрамович Н. И. 95—98

Валпетер А. П. 13
Ванкина Л. В. 46
Варущенко А. Н. 132
Васильевский Р. С. 9, 17, 186
Векилова Е. А. 15, 106, 110, 114
Веклич М. Ф. 106
Векуа А. К. 95, 98
Венцковска Х. 61
Верещагин Н. К. 11, 95, 100
Верещагина И. В. 17, 43, 45
Виноградов А. В. 9, 12, 15, 149, 151, 155, 156, 158—160, 164, 166, 173
Витенкова И. Ф. 29
Витковский Н. И. 9
Воеводский М. В. 5, 7, 68, 69, 81, 106, 120
Воробьев В. М. 68, 84
Воронец М. Э. 158
Вязовская В. В. 186

Габуния Л. К. 95
Габуния М. К. 8, 93, 95, 98, 99, 104
Гаврилова И. В. 44, 68
Гамбург Б. З. 149, 160
Гаэль А. Г. 69
Гвоздовер М. Д. 85
Генинг В. Ф. 89, 141, 143
Георгиевский А. М. 174, 179
Герасимов М. М. 9, 174, 175
Гзелишвили И. А. 97
Гинтер Б. 61
Гладилин В. Н. 106
Голдина Р. Д. 127, 128, 143
Голубев В. А. 186
Гольмстен В. В. 89
Горбунова Н. Г. 149, 160
Горелик А. Ф. 106, 113, 121
Городцов В. А. 68
Горюнова О. И. 9, 180, 181
Гохман И. И. 38
Гревингк К. 46
Грибович Р. Т. 106, 116
Григолия Г. К. 93, 95, 96
Григорьев Г. П. 85
Григорьева Г. В. 106, 157
Гурина Н. Н. 7, 17, 20, 21, 27, 28, 30, 45—47, 55, 56, 60, 61, 63, 67, 175
Гусейнов М. М. 93, 99
Гусенцова Т. М. 125, 127, 128
Гэрте В. 56

Даниленко В. Н. 106, 114
Дворянинов С. Л. 122
Дебец Г. Ф. 174
Денисов В. П. 126
Денисова Р. Я. 51
Деревянко А. П. 9, 185
Джанелидзе Ч. П. 94
Джафарзаде И. М. 93, 99, 100
Диков Н. Н. 9, 17, 192—194
Добровольский А. В. 15, 114, 115, 123
Докучаев В. В. 7, 68
Долуханов П. М. 12, 14, 106
Дурдыев М. Б. 152
Дэвис Р. 166

Егоров О. В. 191
Еленев А. Е. 9, 174, 177
Ендриховский А. С. 182
Ермолова Н. М. 17
Ефименко П. П. 7, 8, 90, 120

Жилин М. Г. 68, 69, 76—78, 80
Жуков В. А. 149, 151, 167, 168
Журавлев А. П. 28

Завельский Ф. С. 73
Загорская И. А. 46, 50, 51, 54
Загорскис Ф. А. 7, 14, 46, 51, 53, 54
Заднепровский Ю. А. 9, 149, 160
Заитов В. И. 169, 170
Зайберт В. Ф. 9, 142, 149, 169—173
Зализняк Л. Л. 8, 106, 117
Замятнин С. Н. 8, 93, 99—101
Зданович Г. Б. 169, 170
Зданович С. Я. 169, 170
Земляков Б. Ф. 20, 21, 27, 28
Зимина М. П. 68, 75
Зубаков В. А. 11
Зубов А. А. 38, 95

Иванов И. В. 171
Иванов Ф. И. 79
Иванченко И. Ф. 119
Ильвес Э. О. 14
Ильин Ф. Ф. 192
Индреко Р. 46, 49
Исаенко В. Ф. 7, 13, 57, 107, 115, 117

Исламов У. И. 9, 15, 149—151, 154, 158—163
Итина М. А. 151

Кавтарадзе Г. Л. 93
Кадиков Б. Х. 141
Каландадзе А. Н. 8, 93, 98
Камбаритдинов Р. К. 159
Канивец В. И. 43—45
Касымов М. Р. 160
Квасов Д. Д. 13, 151
Кессел Х. 13
Кесь А. С. 13, 151
Кетрару Н. А. 106
Кибальчич Т. В. 106
Кигурадзе Т. В. 93
Киладзе Н. З. 93, 97
Кириллов И. И. 184
Клапчук М. М. 106
Клопотовская Н. Б. 93, 95, 97
Кляшторный С. Г. 149
Кожин П. М. 74
Козловский С. К. 60, 61, 117
Колосов Ю. Г. 106, 112, 114, 123
Кольцов Л. В. 8, 14, 60—62, 68, 69, 71, 73—76, 78—80, 84, 193
Комаров К. И. 68, 79, 80
Кондукторова Т. С. 123
Константинов М. В. 9, 184
Копытин В. Ф. 7, 58—60, 81
Коробкова Г. Ф. 9, 15, 149—165, 167, 171, 173
Косарев М. Ф. 143
Косинская Л. Л. 141
Косменко М. Г. 8, 14, 28, 29, 38, 87—91, 128, 129, 133
Котович В. Г. 8, 93, 95, 102, 103
Кошечкин Б. И. 20, 21
Крайнов Д. А. 7, 8, 68, 74, 79, 80, 93, 106
Красковский В. И. 106, 110
Краснов Ю. А. 68
Кремер А. М. 110
Крижевская Л. Я. 8, 125, 139, 152, 156, 175
Кротова А. А. 106, 121
Круковский С. 115
Ксензов В. П. 60
Кудрявцев П. П. 68
Куйбышев А. В. 143
Куренкова Е. И. 93, 95, 97
Куриленко В. А. 120
Куфгин Б. А. 8, 93

Левенок В. П. 120
Левицкий И. Ф. 7, 106, 112, 116, 121
Левковская Г. М. 14, 192
Лежненко И. Л. 9, 174, 179
Леонтьев О. К. 13
Лийва А. А. 14
Лисицына Г. Н. 49, 151
Литвинский Б. А. 163
Логвин В. Н. 156, 169, 171
Лозе И. А. 46, 53, 54
Лузгин В. Е. 44
Луппов Н. П. 149
Лынша В. А. 178
Любин В. П. 8, 93, 98, 100—102

Макаров Н. А. 39
Максименков Г. А. 179
Малаховский Д. Б. 11
Мамедов Э. Д. 12, 151, 155, 159
Мандельштам А. М. 8, 149, 152, 156
Маркевич В. И. 15, 106, 122
Марков Г. Е. 8, 104, 149, 151—155, 166
Марков Ю. Н. 149, 162, 164, 165, 167
Мартынов А. Я. 44
Маруашвили Л. И. 8, 93
Массон В. М. 147, 151, 153, 157, 158, 173
Массон М. Е. 149
Матюхин А. Е. 158
Матюшин Г. Н. 8, 9, 91, 130—132, 144—147, 156—158, 172
Мацкевой Л. Г. 15, 106
Медведев Г. И. 9, 174, 175, 177, 179, 182, 183
Медоев А. Г. 151, 169, 173
Мелентьев А. Н. 104, 105
Мелларт Д. 167
Мельничук А. Ф. 125, 126
Мережковский К. С. 7, 106, 110
Мёрнер Н. А. 11
Микляев А. М. 13, 73
Мирецкий А. В. 68
Михнюк Г. И. 9, 174, 183
Молодцова Е. М. 68
Моргунова Н. Л. 132
Морозов К. К. 32
Мочанов Ю. А. 9, 16, 187—191
Мурадов Ф. М. 93, 100

Наговицын Л. А. 127
Небиеридзе Л. Д. 93, 98
Нейштадт М. И. 73, 94, 173
Немкова В. К. 130
Несмеянов С. А. 164, 165
Никитин А. Л. 73
Никонов А. А. 151, 164
Ниорадзе М. Г. 98
Нуммедаль А. 20

Образцов В. А. 149, 162, 164, 165, 167
Овчинников М. П. 9, 174, 177
Окладников А. П. 8, 9, 15, 17, 104, 149, 151, 152, 155, 158, 159, 163, 165, 167—169, 183, 185
Оленич С. А. 160
Орелкин В. С. 93, 95
Ошибкина С. В. 8, 34—41, 75

Паавер К. Л. 14
Паничкина М. З. 68
Панкрушев Г. А. 7, 8, 27—29, 196
Парфенов Г. В. 149, 158, 159, 168
Пахомов М. М. 15, 151
Пашкевич Г. А. 14, 15, 106
Песонен П. Э. 28
Петренко А. Г. 91
Петри Б. Э. 9, 174, 177
Петрин В. Т. 141, 146, 156, 157
Петров А. И. 141, 143
Петрунь В. Ф. 174
Подгорбунский В. И. 174
Поликарпович К. М. 7
Попова А. И. 16
Потемкина Т. М. 142, 169—173
Пуннинг Я. М. 12, 14

Равдоникас В. И. 30
Разин А. И. 185
Ранов В. А. 9, 149—151, 158, 162—169
Раушенбах В. М. 136
Ренгартен Н. В. 151
Рикерт П. Э. 138
Римантене Р. К. 7, 8, 13, 55, 56, 60, 61, 71
Рогачев А. Н. 5, 157
Рогинская А. Ю. 168
Романова Е. Н. 41, 149
Россадович А. И. 136, 143
Рудинский М. Я. 5, 7, 106, 115, 118, 121
Рустамов Д. Н. 93, 99, 100
Рыжов Ю. Ф. 147
Рычагов Г. И. 13

Савельев Н. А. 9, 174
Савинова В. В. 184
Савчук А. П. 106, 118, 120
Сагинадзе И. Н. 93
Самойленко Л. Г. 120
Свинин В. В. 9, 179
Семенцов А. А. 41, 149
Сериков Ю. Б. 9, 136—139, 143
Сибилев Н. В. 7, 106, 120
Сидоров В. В. 68, 78, 84
Смирнов А. С. 84
Смирнов Н. Г. 146, 156, 157
Смит Ф. 154
Смолин В. Ф. 90
Соловьев В. С. 163
Соловьев Л. Н. 8, 93, 95
Сорокин А. Н. 68, 72, 75, 80, 84
Сосновский Г. П. 174
Спиридонова Е. А. 14
Станко В. Н. 8, 14, 106, 110—112, 114, 122, 196

Старков В. Ф. 14, 125, 136, 139, 140, 142, 143
Старостин П. Н. 87, 89
Стенслицка-Мыдлярска В. 62
Степанов В. П. 80
Стефанова И. И. 125, 127
Стрелков С. А. 20
Стоколос В. С. 45
Столяр А. Д. 106, 123
Стоянов В. Е. 125, 139

Таннер Т. 20
Татаринцева Н. С. 169, 170
Телегин Д. Я. 8, 13, 15, 106, 108, 111, 113, 114, 116, 117, 121—123, 196
Тесля Т. Т. 112
Тимофеев В. И. 9, 56, 149, 158, 160—163
Титов Э. Э. 17
Третьяков П. Н. 7, 68, 90
Трусов А. В. 68, 84
Трусова С. А. 108
Тушабрамишвили Д. М. 98
Тюремнов С. Н. 42

Уваров А. С. 7, 68
Урбан Ю. Н. 68, 80

Файнвейц Ф. А. 113
Федоров П. В. 13, 151
Филатова В. Ф. 27, 28
Филимонова Т. Г. 150, 151, 158, 163, 165
Фланнери К. 156
Формозов А. А. 8, 81, 93, 95, 99—102, 106, 120, 142, 147, 149, 168, 169
Фосс М. Е. 32, 37
Фролов А. С. 68, 77, 84
Фролов И. К. 80, 84

Халиков А. Х. 8, 87, 90
Хамракулыев С. 151, 154, 155
Хауэл К. 147
Хлобыстин Л. П. 9, 17, 141, 182, 192
Хойснер А. 123
Ходукин Я. Н. 174
Хороших П. П. 9, 174, 180, 181

Хотинский Н. А. 11, 12, 16, 68, 73, 74, 151, 173
Хоув Б. 154
Хоул Ф. 156
Хошберг Л. Б. 13

Цалкин В. И. 83, 155
Цвейбель Д. С. 106
Цейтлин С. М. 182
Церетели Л. Д. 8, 93, 95—99, 101, 104

Челидзе Л. М. 93, 98
Черепнин А. И. 68
Чернецов В. Н. 136
Черницын Н. А. 32
Чернов Г. А. 44, 45
Черныш А. П. 8, 106, 122
Чернявский М. М. 55

Шарапов Ш. 167
Шатилова И. И. 95
Шильд Р. 110
Шмыгун П. Е. 9, 182, 183
Штурмс Э. 46
Шубин В. О. 186
Шумов В. В. 149

Щербаков Д. Н. 149

Энгель К. 56
Энгельс Ф. 8

Юнусалиев М. Ю. 149, 151, 160
Юркевич Э. А. 163
Юсупов А. Х. 149—151, 158, 163, 165
Юсупов Х. Ю. 149

Янитс К. Л. 47, 51
Янитс Л. Ю. 7, 47, 49, 50
Яхимович В. Л. 130, 132, 145

Alessio M. 166

Bachechi F. 166
Bar Yosef O. 164, 166
Braidwood R. 147, 153, 154
Burow G. M. 41, 42, 45

Chmielewska M. 62
Clark J. G. G. 5, 153

Coon C. S. 152, 165
Cortesi C. 166

Davis R. 165, 166
Dupree L. 165, 166

Flanneri K. V. 156

Garrod D. A. E. 153
Ginter B. 61
Gouin P. 166
Grewingk K. 46
Gudelis V. 13

Hausler A. 123
Hole F. 156
Howe B. 147, 153, 154, 165
Howell F. C. 147

Indreko R. 14, 46, 47

Jaanits K. 14, 35
Jaanits L. 14, 35, 47, 49
Jablonskyte-Rimantiene R. 61

Kenyon K. 165
Kirkbridge D. 165
Kozlowski S. K. 60, 61, 106

Mc. Burney C. B. M. 165, 166
Mellart J. 93, 165
Morner N. A. 11

Paunesku A. 110, 111
Perkins D. J. 167

Ralph E. K. 165
Ranov V. A. 149
Ronen A. 164
Rust A. 55
Rustamow D. N. 100
Schild R. 110
Smith F. 154
Stekelis M. 164
Sturms E. 46

Turville-Petre F. 164

Wieckowska H. 61

Yasuda Y. 12

Zagorskis F. 53

Указатель археологических памятников

Абузова Балка 107, 114
Авнепорог I—XI 23, 28
Авсерьгово II 70, 80, 82, 88
Адакская 44
Адзьва 13, 14, 19, 42, 43, 45
Ажеп-Наволок 23
Азопкино 131, 132
Айдабол 149, 150, 155—157
Айдос 131
Айртам 149, 158
Акбута 131—133
Ак-Купрук III 165—167
Акмуо 48
Актайлак 155, 157
Актам 149, 151
Ак-Танга 149, 163, 164
Акулинка 107
Алебастровый навес 93, 94, 100, 101
Александровка 107
Алексеевское 70
Алимовский навес 107, 108
Али Таппех 165, 166
Алтыново 68, 70, 80, 82—84
Алысардах 185, 191
Альба I, III 84
Алькснякемис 49
Амбарка 126
Амбарная I, II 23, 24
Амка 185, 191
Андозеро М 33, 38
Аникиева Гора 24
Аникшчяй 48
Антавилис 48
Аныб I, II 33
Апианча 93—97, 99, 104
Архангельская III 126, 127
Асанбай I 104
Атабаевская VIII 87—89
Атаки VI 107, 122
Ат-Дабан 185, 191
Ахтырка 114
Ацинская 93—95, 97, 99
Ачинская 142
Ашка II 126, 136, 140
Ашун 183
Ащи-Куль 160—163
Ащи-Куль Большой I, II 126, 141, 143
Аякагитма 150, 158—160

Бабришкес 49
Баврские пещера и навес 93, 99
Бадай I 174, 175, 177
Байрык I 126
Баранча II 126, 136
Баринка I и II 125—127, 129, 139
Барколабово 48, 58
Балташишке 49
Баратал 143
Барская Пристань 126, 128
Бартоняй 48
Бартяляй 49
Басандайка II 143
Бахрабад 161, 162
Башкериз 153—155
Безводное 70
Бейле-Геркуланус 111
Белица I 55
Белолесье 14, 107, 110, 111, 196
Белосорока I 49, 107, 119
Белт-Хоту 147, 152, 154
Белькачи I 9, 185, 187, 191
Беляково III 70, 75
Береговая I—IV 126, 136, 138
Береговая Слобода 49, 60
Бережно 107
Березовогривское II 88, 90
Березовская 126
Берендеево III 70, 73, 75
Берлога 175, 180
Бес-Оба I 104
Бесов Нос VI 23
Бешкентская 163
Билир 185, 191
Биржулё Сасмаука 49
Бирино 118
Бишкуль II 170, 173
Боборыкино II 131
Бобровичи I 48, 57, 115
Боголюбово I 170
Богоявление 70, 80, 82
Бойцовская I 125—127, 140
Большая Мотка I, II, V, VII, XVII, XIX, XXIa, XXII 23
Большая Сатнурская I и III 126
Большая Северная 185, 191
Большежди новская 126
Большой Берчикуль I 126, 141, 142
Большой Бугодок IV 156, 157
Бор (Белоруссия) 48
Бор (Вологодская обл.) 33, 39
Борисово I 70
Борки (Белоруссия) 59
Борки (Рязань) 68, 70, 75, 76
Боровичская 75
Боровка 58, 59
Брагино 70, 80
Бродовская 126, 127
Бруже 48
Буран-Кая 107, 108, 111
Бурная 23
Бутово 8, 69—72
Буяга 185, 191
Бяржупис 49

Вайда I и II 23
Валуйка II 70
Ванагай 49
Варваровка 107
Варена 49
Варзуга 23
Васильевские I и III могильники 107, 123, 124
Велетьминская IX 70, 74, 76
Великолукское 56
Верхи 48
Верхнераздорная 126
Верхне-Троицкая 185, 191
Верхняя Алабуга 126, 142
Верхняя Андрусовка 114
Верхоленская Гора I 9, 174, 175, 177—179, 183—185, 197
Верхоленская Гора II 175, 179
Викнино 107, 120
Вильнюс 48
Виноградовка II, VII, XII 149, 169—173
Вирбалюнай 48
Вис I 32, 33, 41—44
Водопадный Грот 107, 108
Вой-Наволок XVI—XIX 23, 28
Волго I и II 63
Вологда 32
Волошиновка 117
Волошский могильник 107, 123, 124
Волчья Грива 142
Воль I 33
Вондонга I 33, 43
Вочаж I—IV 23
Выйка II 126, 131, 136, 137, 140, 142, 144
Высокино II и VI 70, 76, 81, 82, 86
Вышгород — ДВС 107, 117, 118

Гаверонис 48
Гаврилово 56
Гагарино 86
Гадючая Балка 113
Гаи Левитинские 107
Гайлюнай 49
Галич 107

Гальянский торфяник 136
Галяляй 48
Гари-Камарбанд 104, 152, 154, 159
Гаринская 142
Гварджилас — Клде 96—99, 101
Геркуланум 110
Гижицко-Перкуново 61, 62
Гиржево 8, 14, 107, 111, 112
Гиряжяряс 49
Глинас 48, 55
Головное 186
Голые Горы III 23
Голый Камень 126, 136
Гольшино I, II, IV, V 70
Гомониха 70, 75, 76
Горелый Лес 183, 184
Горки 48, 59
Горново 131
Городище I и II 70
Городищенская 126, 127, 142
Горшиха 70
Гребеники 107, 117, 121
Гремяч 107, 118
Гремячее 68—70, 72
Гремячий Ручей 183
Гренск (Новые Лядцы) 48, 59, 61
Гринино 63, 67
Грушеваха I 107, 122
Грязьки 107, 119
Гудалети 93, 94, 98, 104
Гусев 56

Давлеканово 130—133
Дальнее Лядо 48, 58, 59
Дальний Остров 70, 78, 81, 82
Дам-Дам-Чешме 1 15, 104, 105, 149—156, 161, 197
Дам-Дам-Чешме 2 8, 15, 104, 105, 149—155, 161, 166, 197
Данилиха 33, 39
Дарай Калон 166
Даран-Шур 149, 151, 163, 165
Дарбазакыр I 173
Дарра-Калон 162
Дарквети 93, 94, 97—99, 104
Дарьясай 158—160
Двиете 48
Девичье 63
Дедовка 107
Делятин 107
Деуково II 8, 88, 91, 133
Дефе-Чаганак 149—151, 156, 157, 171
Джамбул II 104
Джамбул-Сор I 104
Джамдели 93, 94, 99
Джампала 93—97, 99
Джармо 147
Джарыпкудук 1 157
Джебел 8, 15, 104, 149—152, 154, 155, 171
Джейтун 147,158
Джермух 93, 94, 98, 104
Джиджойти 93
Дмитровское I 8, 70, 79, 81—84
Дмитровское II 70
Добраничевка 59
Добровольск 56
Доброжана 107
Довайнионис 48
Довжанка 107
Долгая Щель I, IA, II, IIa 23, 24
Долгий Ельник II 131, 146—148, 156
Дорки III 70
Дорошевичи I 49
Драсейкяй 48, 55
Драчевская 126, 140
Дробышево 107, 121, 122
Дроновка 107, 121
Дряняй 49
Дубичай 2 48, 61
Дунино I 70, 75
Дюктайская пещера 185, 191
Дярежничя 49

Евгеньевка 131, 149, 156, 169, 171—173
Евстюниха 143
Евстюниха III 126, 136, 137
Еденга 33
Еденга I 33, 40
Екатеринославское 143
Елин Бор 68, 70, 75, 76
Елмозеро 23
Есен 2 156

Жабынь 70
Жаначилик 1, 2, 3 169, 170
Жарки 48
Желено I—III 70
Желенская протока 70
Жемяй-Канюкай 48, 55
Жихарево 70
Журавель 48, 59
Журавец 70, 80, 82
Журавка 106
Жюрай 49

Заболотье II 63, 64, 67
Заборовье II 70, 74, 76
Зависишке 48
Задиан 2, 3, 6 164, 166
Задне-Пилево I, II, IV, VIII 70, 75
Заладье 70
Залесье I 63, 65—67
Замбар 2 160—162
Замиль-Коба 1 и 2 106—109, 111
Заозерская 126, 128
Заостровье 56
Западная Липа II, III, V 23
Запсе 49
Зараут-Камар 149, 150, 168, 169
Заречная 33, 44
Зарзи 153, 154, 168
Захар-Калма I 88, 89, 92
Збляны II 56
Звейниеки I 52
Звейниеки II 8, 47, 52
Звейниеки могильник 48, 51—54
Звериноголовская 126, 142
Звидзиенаскрогс 53, 54
Зеленоградск 56
Зервинос 49
Зехново 63
Зехново I—III 63, 65, 67
Зимовники 107, 113
Знаменск 56
Золотая VI 23, 25
Золотилово I 84
Золоторучье I 68
Золоторучье III 70, 86
Зуртакети 93—95, 98, 99

Иваниши III 70
Ивановское III и VII 8, 70, 74, 75
Игирма 183
Игрень 8 8, 15, 107, 114, 117
Иенево II 8, 70, 78, 79, 82—84
Изюм 121
Илекса III и IV 23, 29
Ильмурзино 8, 130—133, 197
Имчин I и II 185, 186
Ип-Куль XIII 143
Ирпень 107
Истай I—IV 104
Исток I 70
Исток II и III 14, 126, 136, 137, 140, 142
Истыкская 149, 167, 168
Иттак-Кала I 160, 163
Итырхей 181

Кабы-Копрынская 88, 90
Кагильник 110
Кадыевская 33, 44
Кадыр-Гали I 104
Казачка 175, 180
Казырбаково 131, 132
Каиры 107, 112
Кайбучай 49
Кайлю 15, 149—152, 154, 155
Кайстровая Балка 106
Калинин I—III 70
Кама-Жулановская 125, 126, 140
Каменка I—III 9, 175, 177
Каменная Могила 107, 114
Каменное 107
Каменное озеро II 23
Каменоломня 175, 177
Камень 175, 177
Камень-Наволок I 23
Кампишкес I 48, 55
Камышное I 126, 142, 172
Канев 115

Канифольный 32
Кантемир 107, 110
Капова пещера 131
Карабалыкты I, II, VII 145, 146
Караилем 151
Кара Камар I 165, 166
Каракудук 150
Кара-Коба 109
Каракыр I 160
Каралемата-Сай 153, 155
Карпово 107
Картпайкум 155
Караузек I 104
Карьер 33, 40, 43
Каскыр-Булак 151, 152, 154
Каттакурган 159
Каховка 107
Качяргине 48
Кашетос 49
Квачара 93—97, 99, 101, 104, 105
Кведи 93, 94, 97—99
Келькор 151
Кельчиюр I 33, 44
Кенто I—III 28
Кизлевой 107, 114, 117
Килпола 23
Кимовская III 87
Кипеневщинская 126
Кистенево I—V 175, 182, 184
Кичаны 125, 126
Книзлаукис 48
Княжевка 107
Кобустан 93, 94, 99
Кодовой 182
Кожангородок 107
Козинцы-Загай 107, 117, 118
Козьма-Нохо 93, 94
Кокджар 166
Кок-Мурун 104
Коктапассай I 150, 160
Кокуй I 143
Кокшарово I, III, VII 126, 136, 138
Кокшаровско-Юрьинская 126, 136—138, 140
Колва I 45
Колва-Вис 33
Колва-Вис 14 и 16 33
Колвица I и II 23, 28, 29
Колосйоки I и III 23
Колупаевская 33, 39, 40
Комаровская I 88
Коморница 119
Комягино 2А, 2Б, 2В, 3, 4 70
Конго 185, 194
Конецполь 114
Коньшино 70
Коприно 7, 70, 80—82, 88
Коргуба V и VI 23
Коржи 107, 117
Корма 107, 117
Кормань IV 107, 122
Корнево 56
Коромка 48, 59
Корост 107, 115
Коростово I—V 70
Корчаки I 126, 141, 142
Костешты 107
Костище 23
Костомукша I—IX 28, 29
Кострома 70, 75
Костюковка 48
Косхатын 2 156
Косяковская 87—89, 128
Котера 107, 118
Коченьга 33
Кош-Аба 149
Кошево I и II 70—72
Кошелак I 104
Красная I, III, VIII, X (Калужская обл.) 70, 85, 86
Красная I (Мурманская обл.) 23
Красная Горка IV 60
Красная Гута 120
Красновка 49
Красново I 70, 75, 76
Красное 33
Красный Бор 120
Крейда 107, 119
Кремневая Гора 113
Кремянка 48
Кривопорожская I и II 23
Криничная 59
Крумплево 8, 48, 56
Крутики I—VI 126, 131, 136—138, 142, 144
Кударо I 93, 94, 97—99
Кудлаевка 107, 117, 119
Кудома I 23
Кудомгуба VII 23
Кудомозеро VII 23
Кузомень XXII 23
Кузьвомын 33, 42, 43
Кузькинская XVIII 88, 90, 91
Куина-Туркулуй 110, 111
Куй-Бульон 149, 163, 165
Кукрек 7, 14, 106, 107, 114
Кулаково I 183
Куллаты 185, 191
Култино I 70, 75, 76
Куналей 175, 184
Кунда 14, 27, 46—50, 52, 54
Купс 48
Курла I—IV 175, 182—184
Курманаевская 88, 90
Куропаткино I 169—173
Курунг I 191
Курьядор 33, 43
Кусимовская 131, 145, 147, 148
Кутузово 56
Кухари 107, 119
Кушилиш 9, 149, 150, 158, 159
Куэтсявр I—III 23
Куяхтанар 143
Кшекульское 143
Кыйлуд IV 126, 127
Кыйсыкшинграу 156, 157
Кяпа 47, 52
Лавилас 49
Ладыжино III 70, 77, 81, 82
Ланино 63, 67
Ланино II и V 63
Лантошка 192
Ласпи 7 15, 107, 109
Латки (Рудня Споницкая) 48
Лаубай 104
Левшинская 125, 126
Лек-Леса I и II 33, 44
Ленковка 175, 177
Леонтьевка 112, 120
Лепакозе 48
Лешуконское 33, 44
Ливенское I, III—IIIа, IV 56
Лиминская 32
Линевое 145, 146, 148
Лиспха 175, 179
Листвиновичи 48
Лопатино III 70
Лубана 48
Лударь 175, 182
Лудчица 48, 58, 59
Лужки 56
Лукино I 70—72
Лумбовка I—III 23
Лысая Гора 33, 39
Любавская 87
Любавчихская 33
Любиковичи 57
Любязь II 49, 57
Лявлякан 149, 150, 158—160, 173
Лянтайняй 48
Ляпустин Мыс I 126, 141
Ляпшишкяй 48
Мадьяр 160—163
Майдан Горишний 122
Макарово I и II 175, 182, 183
Макони-Мор 163
Максимовка II 126, 141
Максимонис IV 48, 60—62
Малая Волоковая 23, 24
Малая Воронцовская 93
Малиновское 87
Малиновское Северное 87
Малосунская V и XVI 23, 28
Малтан 185, 194
Малый Ащикуль 126, 141
Малый Колокол 33, 39
Мальта 174, 175, 177
Мальтинка 175, 177
Мамекино 107
Манчягире 49
Маргяй 49
Мари-Кугалки II 126, 127
Марцинконис 49
Марьяновка 57, 107
Маскаука 49
Матяляй 48
Мачай 9, 15, 149, 150, 158
Маятас 169

Мгвимеви 96
Медвежьегорская I—III 23, 28
Медвежьегорская 8 и 11 28
Медвежья Гора V, VIII, X 23
Медвежья пещера 196
Межирич 59
Межог 33
Мезин 59
Мезинский остров 107
Мейери 23
Мекеги 93, 94
Меленки 107
Мелкое I 143
Меловое 107, 113
Мельхитуй 175
Микалишкис 48
Микулино 70, 72, 75, 76
Миловка I и III 131, 132
Миньевский Яр 107, 120
Мирное 8, 14, 107, 111
Митришкес 5с 48
Михайловка (Башкирия) 132
Михайловка (Белоруссия) 49, 60
Мичуринская I 169, 170, 173
Мокси 48
Молодова V 107, 112, 122, 196
Монастырский Хутор 88, 89
Монинская 125, 126
Мордовское I—VI 70, 75
Морская I и II 23
Моспино 107, 112, 113, 121
Моства 116
Моторки II и VIII 126, 127
Муки-Какси I и II 125, 126
Муллино 130—133
Мурат I 131, 146, 147, 157
Мурзак-Коба 7, 106, 107, 110, 117, 121, 123
Мурзина Балка 107
Муромское VII 29, 38
Мыс Безымянный 131, 146—148, 156, 157, 172
Мыс Вязовый 32
Мысовая 131, 145, 147, 156, 172
Мяльдиняй 48, 49
Мяльничеле а, с 48
Мянь-Гора I и II 23, 28
Мяргяжярис 2 48
Мяркине 3а 48, 55

Пагутни 94, 98
Нарва 14, 47, 48, 50, 54
Народичи 107, 116, 117
Настасьино 70, 86
Неклюдовская 33, 39
Некрасово 70, 75
Ненасытец 107, 112, 113, 117
Несиловичи I 8, 48, 60
Несиловичи VI 56
Нестерово I и II (Калининская обл.) 70
Нестерово (Ярославская обл.) 68
Нива XIII, XIV, XVIII, XIX 23, 28
Нивка 23
Нидз I 33
Нижнеадищевская 125, 126, 131, 142
Нижнее Веретье 32, 34, 37
Нижнее Веретье I 32, 34—38, 196
Нижнекороповская 126
Нижне-Марьянская VII 87
Нижние Котицы 63—66
Нижние Котицы V 63—67
Нижний Булай 183
Нижняя Колонжа II 23, 29
Николаевское 120
Никольская I 70
Никольское I—IV 56
Ничка 5 166
Нобель I и II 57, 107, 110, 115, 116, 119
Новенькая II 70
Новожиловская 125, 126, 131
Новосельская I 70
Новошино 70, 74, 75
Норкунай 49
Нынек 127
Нюя 185, 191
Нялявр 23
Няманянай 49
Нямунайтис 49
Няндринай 48
Няравай 49
Нятесай 49

Оби-Киик 149, 163, 165
Обишир I—V 9, 15, 149, 150, 159—163, 165
Овражное 183
Оганино 70, 75
Огурдино 8, 43, 125—128, 131
Озерна II 75
Оленеостровская стоянка 23, 28, 29
Оленеостровский могильник 23, 30, 31
Олений I (Артемовка I) 9, 185
Олонки 177
Ольхово-Первомайская 125, 126
Омыт I 49
Ондозеро 23
Онисов 107
Ополь I 49, 115
Ополье II 57
Орехово 57
Орловка 107
Оров-Наволок I, IX, XI, XII, XIV 23
Оса 14, 48, 53, 54
Оселивка 107, 122
Осиповка 185
Осокоровка 15, 107, 112, 196
Остапово 70
Островки I 70, 75
Ошурково 9, 175, 185
Ошхона 15, 149, 150, 158, 162, 166—168

Павейснинкай 49
Палегавра 93, 147, 154, 159
Палукснис 48
Памяркине 48, 55
Пантелеиха I—VIII 185, 191
Па-Сангар 153
Патсойоки 23
Пауосуне 49
Пахотино 33, 39
Паштува 61
Пдакская 33
Пегрема VIII 23, 28, 29
Пезмог I 33, 43
Пекуново I и II 70
Пеньки 131
Пеньки I 173
Пеньково 70, 79, 82—84, 88
Переволока 107, 115
Перешеек 174, 175, 177
Песочный Ров 70, 107, 117, 119—121
Песьеденга 33
Петрово 107, 121, 122
Петровское 107, 122
Петропавловка 113
Петрушино 70, 75, 76
Петрушинская 33, 44
Печенга II 23
Печенеж 59
Пиндуши IV—VIII, XIV, XIVa, XV, XVII, XVIII, XXIII 23, 28, 29
Пиннберг 55
Пирс 191
Пчиджин 93, 94, 98
Пищалкино 70, 76
Площадка 33, 39
Повенецкая I—IV 23, 28
Повенчанка I—III, V, IX, XI, XV 23, 28, 29
Погостище I и V 32—34, 37, 39
Подгорное 56
Подол II 70
Подужемская I, Ia, II, IIa, III 23, 28
Пожег 33
Покровское 75
Полевица II 33
Полковниково 126
Полуденка 126, 131, 136—138, 140
Пономарево 175
Поповка 68
Попово 32, 37, 38
Поцюнай 49
Прилуки 32
Приозерная 4 33, 43
Прислон III—V 70
Присно 48
Пришиб 107, 121, 122
Прусяляй 48

Псковское 56
Птичье 107
Пулли 8, 14, 35, 47, 48, 54
Пульмо I 57
Пурвинай 49
Пургасово III, V, VII 70
Пустынь 70, 74
Путкинская V, Va, VI 23
Пялица I, VIII, XIII, XIV 23
Пярну 46, 48, 54
Пясина I, III, IV 192

Райгородок 107, 121, 122
Растиниеми 23,24
Рекорд 49
Репки 120
Рессета 2 и 3 70, 84, 85
Риквасиха 33, 44
Риогляшкяй 48
Рогалик I и II 107, 112, 196
Рогатка 175
Рожава 48
Романовка II и III 8, 130—132
Романово 56
Рубцы 107, 121, 122
Рудня 49, 116
Рудой остров 117
Русаново I 70, 75
Русско-Луговская II 8, 88, 90
Рында XII 23
Рытвинка I 175, 183
Рябцы 120

Сабактинские стоянки 131, 132
Савелово I 70
Савиновская 90
Сагварджиле 93, 94, 97—99, 104
Сайма III 147
Сай-Сайед 149—151, 163—165, 167
Сакмарские стоянки 131
Саласпилс Лаукскола 46, 52
Салостров III 23
Салянинкай 1 и 2а 48, 55
Самантонис 48
Самаркандская 163—165
Сандермоха III, XVI, XVII 23
Саметь 70, 75
Сандибейю 33, 45
Сапанов 107, 116
Сар-Айдин 170
Сарма 175, 182
Сарык-Су 160—163
Сатанай 93, 100, 101, 104
Саурово 70, 75
Свитязь 48, 56
Северское 56
Селецкое IV—VI 23
Селище 119
Село 93, 94, 98
Сельцо III 70, 80, 82, 83, 88
Семеновская IV и V 87
Семенов Хутор 56
Сеньчицы I 49, 57, 107, 115
Серебрянская I и III 23
Серый Камень 126, 136—138, 140, 142
Сеченово 56
Сибердиковская 185, 194
Сийвертси 46, 48, 54
Симахинский Порог 183
Синташтинские стоянки 131
Синявино 56
Сипонис 49
Скиток 48
Скнятино I—III 7, 68, 70, 75
Слуда 126
Смеловские пещеры 131
Смячка XI, XIII, XIIIa, XIV, XVI, XVII 85, 107, 118, 119
Снежовка 107, 120
Соболево I, III, V, VII 7, 69, 70, 72, 73, 76
Совка III 70, 75, 76
Сокол 186
Сосна 67
Сороки 1 и 2 15, 122, 123
Сосруко 93, 94, 100, 101, 104, 105
Сосновый Бор 9, 174, 175, 183, 184
Софпорог 23
Софьянга II 23
Спигинас 49
Ставинога 119
Старокаинлыково 131—133
Староконстантиновская I—VI 70, 79, 80, 82—84
Старо-Мазиковская 88, 90
Старо-Мушта 131—133
Старотокская 131, 132
Стасовка 60
Стахановка 117
Степницы II 126—129, 142
Стрижовая Гора 175, 179, 183, 184
Студеное I 175, 184
Студенцы I и II 126
Судимирка II 70
Сузангли 149
Суконцево 3, 7—9 70, 84
Сулама 156, 157
Сулгу IV и IX 23, 28, 29
Сумбетимер I 156, 157
Сумнагин I и II 9, 185, 191
Суна XIII 28, 29
Сурской 107, 112
Суртанды VI 146, 156, 157, 172
Сухово 70
Сухое 32, 37
Суховское 183
Сухрино I 125, 126, 136—138, 140, 142
Сюкеевский взвоз 87
Сюнь II 131, 132
Сюрень II 7, 106—108, 110, 115, 195, 196
Сямозерский II могильник 23, 30
Та-Арват 155
Таватуй 136
Тагана 5 166
Тайманово 60
Тайпак 149, 160, 161, 163
Тайсуган-Сор I 104
Такое II 185, 186
Такыр-Оглы 149
Талицкого стоянка 142
Талканские стоянки 131
Тальники 56
Таруса I 84
Тархан I и II 126—128
Татамайская 191
Татаро-Азибейские III и IV 88, 89, 126
Таценки 8, 107, 115
Таш-Аир 106, 107
Таш-Арват 153, 155
Ташбулатово II 131, 145, 146
Так-Кумыр 149, 150, 160—163
Ташкурган 40 164, 166
Тебюлях 191
Тельмана VII, VIIIa, IXa, XIVa 142, 149, 169—173
Теплое 107, 113
Терраса-Нахал-Орена 164
Тёрют I 185, 191
Тетерев 3 107, 115. 116
Тетюшская III 87—89, 128
Тимир-Бибир 192
Тимулур 191
Титово I 70, 80, 82—84
Тихменево II 70, 80
Тихоново 8, 69, 70, 72, 80, 82
Тихоновская 33, 39
Тоголок-депе 149
Томская 142
Топыд-Нюр V 45
Торг 63, 65, 67
Точильная 185, 191
Траповка 107
Тростенские 70, 82
Турунпюр I 33, 44
Туткаул 149—151, 158, 161—168, 197
Тушино III и IV 56
Тылыс 126
Тырвала 46, 48, 54
Тюкей I—III 104, 105

Убаган III, VII, VIII 126, 142, 169, 172, 173
Угольново I и III 70, 74—76
Уйма 23
Украинка 107
Улан-Хада 9, 174, 175, 182, 184
Уляха 9, 175, 177
Ульяновская 33, 42, 43
Умбузи 51, 54
Урта-Тюбе 145, 146, 148
Урюнг-Хай 192
Устиновка 9, 185, 195
Усть-Белая 9, 174, 175, 177, 183, 184, 195, 197

Усть-Бирюса 174
Усть-Грязная 175, 183
Устье (Вологодская обл.) 33, 39
Устье (Московская обл.) 70, 75
Устье (Ярославская обл.) 70, 75
Усть-Еденга 40
Усть-Кеза I и II 70, 80
Усть-Кова I 180, 183
Усть-Кяхта 175
Усть-Миль 185, 191
Усть-Обокша 33, 44
Усть-Охтома 23
Усть-Ревна 70
Усть-Тимптон 9, 185, 189, 191
Усть-Тудовка I, IV, IX 70
Усть-Чиркуо 185, 191
Устьюрюзанская 131
Утрех 70
Учащи 131, 149, 150, 158, 159
Ушковские стоянки 9, 17, 185, 192, 193, 197
Ушканка 174
Уя II 23, 29

Фалалеево I и II 70
Фатьма-Коба 7, 107—109, 123
Федоровский Край 107
Федюково I 68, 80
Филатово V и VI 70
Филичаевская I—IV 33, 43
Фоминское 70
Фронтовое 107
Фрумушика 8, 107, 122, 197
Фураево 70

Хазар Мерд 153
Харловка IX 23
Хвойная 49
Хильчицы I и II 48, 107
Хиньская 175, 182
Ходжа-Гор 163
Ходжа-Су I 150—152, 154, 155
Холодный Грот 93—95, 97, 99, 104
Холодный Ключ (Сюнь I) 131, 132
Хорошевка 126
Хотылево II 86
Хрипилево I и II 70
Хухра-Зайцы 114

Царева 33
Царичанка 107
Царь-Девица 174, 175, 179
Цона 93, 94, 97—99
Цып-Наволок IV, VI, VII, Ха XII—XIV 23, 24

Чагиллы-Депе 149
Чагодоща 33
Чагыл 1 и 2 157
Чадобец 183
Чалкар-Тениз 149
Чаплинский могильник 123
Чарбакты I 150, 160
Чарленка 48, 61
Частые 175, 182
Чахати 93, 94, 97, 98
Чебаркуль I 131, 147
Черемушник I 174, 175, 177
Черепанька-Ди 45
Черешля VI и VII 48, 61
Черистово I и II 70
Черкасово 131
Черная I (Архангельская обл.) 33, 45
Черная I (Мурманская обл.) 23
Черная Грязь I 70, 80, 82
Черная Губа II, XI, XIII, XV, XVIII—XX 23
Черная Зуба I могильник 23, 30
Черная Речка 63, 65, 67
Черная Речка I 25
Чернокурья 143
Черноозерье II и VIa 125, 126, 141, 142
Черный Грот 94, 100, 101, 104
Чернышево 33, 39
Черняницкая 125—127
Чиль-Чор-Чашма 149, 150, 163—165
Чирковская 125—127
Чоповичи 107, 116
Чох 93—95, 102, 103, 105
Чудозеро XII 23
Чупруново I и II 70
Чурук 150, 155
Чясукай 49

Шайтанка II и IV 143
Шанидар B 93, 105, 147, 153, 154, 159, 165, 167
Шан-Коба 7, 106—109, 111, 112, 196
Шахты 149, 168, 169
Шачино 33, 39
Швяндубре 49
Шелтозеро III, VI, X, XIV—XVI, XXII, XXIV—XXVI 23, 28, 29
Шепетин 107
Шепитьков Яр 107
Шестаково I и III 126
Шигирский торфяник 126, 136, 140
Шикаевка II 131, 146, 147, 156, 157
Шиленай 48
Шитов 60
Шишкино II 175, 182, 184
Шлюз 33, 39
Шутноу 149, 151, 163, 165, 166, 168
Шуйонийоки I—VI 23, 25
Шуйское 32
Шукишкяй 48
Шумашь II 70, 75, 76
Шумковская 131
Шуран 126

Щербакульское 143
Щербетьское островное 87

Ытылах V 191

Эдзани (Бармаксыз) 93—95, 98, 99
Эйгуляй 1С 48
Эйн-Гуева 2 и 3 164
Эльдикан 191
Энцери 93—95, 97, 99
Эчкиликсай 150, 158—160

Юревичи 107
Юртовская IV 88, 89, 126
Юрьино VI и VIII 126, 136, 137

Явленка II 149, 169—171, 173
Явора 93, 94, 100, 101, 104
Явроньга I 33, 42—44
Ягкодж III 33
Ягорбская 32, 33
Яйчякяй 48
Якимджа II 185, 191
Якты-Куль I 131, 145—148
Якшино I и II 70
Якштонис A 48, 55
Ялгуба V 23, 29
Ялевере 48, 51
Ямбург 107, 112
Янаполе 48
Янгелька 131, 144, 146—148, 156, 172
Янги-Кадам 21 149, 161, 126
Яндашевская 88, 90—92
Ярославицкое погребение 62
Яново 8, 48, 58, 59
Япрык 132
Ясенский Бор 63, 67
Яснополянская 33, 40, 43
Яштхва 93—95, 97, 99

Оглавление

Введение 5
(Л. К. Кольцов)

Глава первая
Природные условия эпохи мезолита на территории СССР 11
(П. М. Долуханов)

Часть I
Мезолит Европейской части СССР 19

Глава вторая
Мезолит Кольского полуострова 20
(Н. Н. Гурина)

Глава третья
Мезолит Карелии 27
(Н. Н. Гурина)

Глава четвертая
Мезолит центральных и северо-восточных районов Севера Европейской части СССР 32
(С. В. Ошибкина)

Глава пятая
Мезолит Латвии и Эстонии 46
(Н. Н. Гурина)

Глава шестая
Мезолит Литвы и Белоруссии 55
(Н. Н. Гурина; раздел «Ниславицкая культура» написан *Л. В. Кольцовым*, раздел, посвященный мезолиту Калининградской области, написан *В. И. Тимофеевым)*

Глава седьмая
Мезолит верховьев р. Волги 63
(Н. Н. Гурина)

Глава восьмая
Мезолит Волго-Окского междуречья 68
(Л. В. Кольцов; раздел «Рессетинская культура» написан *А. Н. Сорокиным)*

Глава девятая
Мезолит Среднего Поволжья 87
(Л. В. Кольцов)

Глава десятая
Мезолит Кавказа 93
(Н. О. Бадер, Л. Д. Церетели; раздел «Мезолит Северного Прикаспия» написан *А. Н. Мелентьевым)*

Глава одиннадцатая
Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия) 106
(Д. Л. Телегин)

Глава двенадцатая
Мезолит Среднего Приуралья 125
(В. Ф. Старков)

Глава тринадцатая
Мезолит Южного Приуралья 130
(Г. Н. Матюшин)

Часть II
Мезолит Азиатской части СССР 135

Глава четырнадцатая
Мезолит Среднего Зауралья и Западной Сибири 136
(Ю. Б. Сериков, В. Ф. Старков)

Глава пятнадцатая
Мезолит Южного Зауралья 144
(Г. Н. Матюшин)

Глава шестнадцатая
Мезолит Средней Азии и Казахстана 149
(Г. Ф. Коробков)

Глава семнадцатая
Мезолит Юга Сибири и Дальнего Востока 174
(Л. В. Кольцов, Г. И. Медведев)

Глава восемнадцатая
Мезолит Севера Сибири и Дальнего Востока 187
(Л. В. Кольцов)

Заключение 195
(Л. В. Кольцов)

Подписи к таблицам 201

Литература 330

Список сокращений 340

Указатель имен 342

Указатель археологических памятников 345

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Мезолит СССР

*

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства
Л. И. Тормозова

Художник
Б. И. Астафьев

Художественный редактор
И. С. Богачев

Технический редактор
М. Ю. Соловьева

Корректоры
А. Б. Васильев, Р. В. Молоканова

ИБ № 39155

Сдано в набор 23.09.88.
Подписано к печати 4.01.89.
Формат $60\times90^1/_8$. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 45. Усл. кр.-отт. 50. Уч.-изд. л. 50,7.
Тираж 22 800 экз. Заказ № 3918. Цена 4 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6 Заказ 3012